



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

БИБЛИОТЕКА
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ.....
Полка.....
№.....

*QCA

Handwritten marks at the top of the page, possibly initials or a signature.

*QCA

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ X

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВАУАРА ПРАНА

1862

252953

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узакоенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 6 мая 1862 года

Ценсоръ *Ф. Весселя*

ГОЛАЯ ПРАВДА

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

- ЛУКА ЛУКИЧЪ ПУГАЛОВЪ**, провинціалъ, первой гильдіи купецъ, лѣтъ подь шестьдесятъ.
СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА, жена его.
НАСТАСЬЯ ЛУКНИШНА, старшая дочь Пугаловыхъ, зрѣлая дѣва, лѣтъ тридцати-двухъ.
ГРИПОЧКА, ея сестра, лѣтъ девятнадцати.
АНДРЮША, сынъ Пугаловыхъ, двадцати-пяти лѣтъ.
МИТРОША, пятнадцати лѣтъ } меньшіе сыновья Пугаловыхъ.
СТѢША, десяти лѣтъ }
КНЯЗЬ ГРОМОВЪ, лѣтъ тридцати-двухъ, промотавшійся баричъ-игрокъ.
САША АПОЛЛОНОВЪ, изъ военныхъ въ отставкѣ, мужичина лѣтъ сорока, громаднаго размѣра, съ длинными черными усами.
ПОЛКОВНИКЪ ЖИДРОВЪ, въ отставкѣ, изъ себя тучный.
КУПЕЦЪ ШИРАМЫЖНИКОВЪ, игрокъ, молчаливый человекъ. Темная личность.
ФАДЕЙ САМСОНОВЪ, факторъ, плѣшивый, небольшого роста, съ изрытой физиономіей, шулеръ.
ЖОЗЕФИНА, изъ русскихъ «камель», игривая женщина.
СИДОРЕНКО, унтеръ, смуга Аполлонова.
УСТИНЬЯ, женщина Пугаловой, русская баба, лѣтъ сорока.
ПРОШКА, мальчикъ Пугалова, неуклюжий малый.
ЗАДИРАЛКИНЪ, квартальный.
ЦЫПЛЯТНИКОВЪ, полицейскій писецъ.
ПИКО, иностранецъ.
ИЗВОЗЧИКЪ.
ПРИСЛУГА.

Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ.

(Между первымъ, вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходитъ по мѣсяцу.)

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ

Вечеръ. Роскошно-убранный номеръ гостиницы. Бронза, бархатъ, зеркала, карсели, нѣсколько картинъ — преимущественно изъ женскихъ головокъ — по стѣнамъ въ вызолоченныхъ рамахъ, легкая мебель въ живописномъ безпорядкѣ, столъ съ лампой подъ абажуромъ; на полу ковры, въ углахъ софетки. Прямо противъ зрителя большая дверь ореховаго дерева съ зеркаломъ, направо двѣ такія же двери съ опущенными внизъ малиновыми портьерами, нагъво каминъ съ великолѣпнымъ экраномъ, и снова дверь съ опущенной портьерой. При поднятіи занавѣса на сценѣ темно.

ЯВЛЕНІЕ I

ПИКО, ПУГАЛОВЪ, и АНДРЮША (входятъ черезъ среднюю дверь. Пугаловъ и Андрюша одѣты по-дорожному: въ рыжихъ лисьихъ шубахъ на распашку, въ огромныхъ сапогахъ и въ длинныхъ на мѣху кафтанахъ — порусски. Пико со свѣчей въ рукѣ; за нимъ слуга, весь въ черномъ, тоже со свѣчей).

Пико (*вертляво освѣщаетъ комнату, потомъ идетъ нагъво къ двери*). Пошалуста сюда немножко, господинь. (*Быстро раздвигаетъ портьеру и уходитъ. Пугаловъ и Андрюша, сильно стуча ногами, идутъ слѣдомъ. Слуга зажигаетъ карсели.*)

Пико (*выходя изъ-за портьеры*). Пошалуста еще сюда, господинь. (*Проходитъ сцену направо къ двери.*)

Пугаловъ (*идя слѣдомъ*). Фатера, братъ, славная! (*Уходитъ.*)

Андрюша (*указывая на карсели*). Татенька-еъ, фигуры-то какія-сѣ! (*Уходитъ тоже.*)

Пугаловъ (*выходя*). Чтѣ, Андрей, какво?

Андрюша. Единственно, татенька-сѣ!

Пугаловъ. Дурень! Дай сроку, то ли еще увидишь.

Андрюша. Ужь очинно чудно-еъ, татенька, ейбогу-сѣ.

Пугаловъ. Хе-хе-хе... поди дуракъ, полюбуйся. (*Андрюша въ мубль лезетъ на стулья и жадно разсматриваетъ картины.*)

Пугаловъ (къ Пико). Ну, мусьё, примѣрно цѣна?

Пико. Двѣсти пятьдесятъ, господинъ, въ мѣсяцъ.

Пугаловъ. Чего? Ну нѣтъ братъ, шалишь! Мы цѣну-то знаемъ. Опускай ниже.

Пико. Нельзя, господинъ: содершанья дорого...

Пугаловъ. Знаю, братъ, что дорого. А ты примѣрно двѣ сотни скинь.

Пико. О, господинъ, какъ возможно!

Пугаловъ. Ну чего ломаться-то? Полсотенки такъ и быть накинута. По рукавъ чтоли?

Пико. Какъ возможно, господинъ! никакъ невозможно!

Пугаловъ. Эка сила!.. Андрей, нешто еще полсотни накинуть, а?

Андрюша. Накиньте, тятенька-съ. Ужь очинно прекрасно-съ.

Пугаловъ. Вижу, братецъ, что первый сортъ, да цѣна-то здороваа...

Андрюша. Эхъ, тятенька-съ! ужь куда ни шло — махните!

Пугаловъ. Нешто и взаправду дернуть? Денегъ чтоли нѣтъ у васъ? — такъ въ ээтимъ продадимъ ихъ всёхъ да выкупимъ. Такъ ли, Андрюшка, а?

Андрюша. Досподинню такъ-съ, тятенька. Гдѣ-жъ имъ съ нами тягаться!

Пугаловъ. Ха-ха-ха... Ты это ужно говоришь. (*Къ Пико.*) Ну мусьё, ладъ за двѣ сотни — сейчасъ и покончимъ. А?

Пико. Пошалуета, господинъ, не торгуйтесь; вы самъ видите — кароши обстановка.

Пугаловъ. Экой же ты супротивный!.. Ну да ладно, наживай деньги-то... Чортъ съ тобой! (*Протягиваетъ ему руку.*)

Пико (*пожимая руку*). Очень карошо, господинъ, очень карошо... (*Хочетъ уйти.*)

Пугаловъ. Да ты простей, достой... Двѣсти-то пятьдесятъ съ харчами чтоли? Какъ у васъ?

Пико. Какъ, господинъ?

Пугаловъ. Хе-хе-хе... что ротъ-те разинулъ! Съ харчами чтоли?

Пико. Исчинте, господинъ...

Пугаловъ. Не понимаешь? эхъ ты, жидъ авлищій!... (Къ сыну.) Андрей, а парень-то ловкій?

Андрюша. Ловкій, тятенька-съ.

Пугаловъ. Себѣ на умѣ... чортова перешница! (Къ Нико.) Ну мусьѣ, такъ какъ же, а? Не понимаешь?

Нико. Исфините, господинъ.

Пугаловъ. Ну ладно, мы скажемъ иначе: ѣда-то чья будетъ?

Нико. А! столъ, господинъ? table d'hôte?

Пугаловъ (къ сыну). Слышь, Андрей, какъ извертывается? (Къ Нико.) Ну кешъ ябелдоть по-вашему — чей будетъ-то?

Нико. Фашъ, фашъ, господинъ!

Пугаловъ. Ну нѣтъ братъ, дудки! За двѣсти пятьдесятъ подавай все... Шалишь!

Нико. Какъ фазможно, господинъ, какъ фазможно! (Горлчитсл.)

Пугаловъ. Да ты постой, постой... голова ты съ мозгомъ! авось на этимъ-то поладимъ.

Нико. Неугодно, господинъ, — можетъ ухъать... (Идетъ къ двери.)

Пугаловъ. Дá ладно, ладно... за рублемъ не постолитъ. За мной фатера. Чортъ съ тобой!

Нико. Очень карошо.

Пугаловъ. Андрей, поиди къ матери; скажи что, поладили.

Андрюша (у каминна). Тятенька-съ, эво что за штука-съ?

Пугаловъ. Каминъ. Чего незнаешь — голова!

Андрюша. Тятенька-съ, эво что же-съ?

Пугаловъ. Ну полно чесаться-то... Ступай къ матери!

(Андрюша уходитъ)

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ.

Пугаловъ (сбрасывая шубу). Мусьѣ, ребятамъ-то своимъ вели комманду-то здѣсь свалить.

Нико. Очень карошо.

Пугаловъ. Да дровецъ бы въ пидивъ-то...

Нико. Карошо. *(Уходитъ.)*

Пугаловъ *(ему вслѣдъ)*. Да! тебѣ, жиду, хорошо: ограбилъ, да и концы въ воду... Народецъ! *(Омладываетъ комнату.)* Да и дать не жалъ: одно слово царская фатера... хошь бы и не намъ та-кую. А отчего же такоёчи и не намъ бы? Хуже мы модой чтели? Вещто только, къ примѣру, изъ себя маленько неказисты вывели? *(Подходитъ къ зеркалу и гладитъ бороду.)* Такъ въ этимъ дѣлѣ богъ тятенька съ маменькой виноваты... А теперича до чего протчаго-другого любому князю не уступимъ; ейбогу. Да что князь! одна только кличка — пустое!.. У другого-то сердечнаго въ карманѣ, какъ на чердакѣ, вѣтеръ свищеть... Ну, а у насъ, благодареніе-господу, не засвищеть! *(Бьетъ себя по карману. За стеной слышны шумъ, голоса и хохотъ.)* Значить теперича и выходить, къ примѣру, что князь, аль тамъ графъ какой, супротивъ моей персоны — щелкоперъ... Оно конечно, если взять въ разсужденіе, прозвище оно пріятное, ну и тамъ... эдакіе... всякіе чины отхватовать — утѣшно... А по-моему: водилась бы поболѣ вотъ ээта матерія *(удаляетъ себя по карману)*, да вотъ заѣсъ *(показываетъ на лобъ)* мало-мальски какое-нибудь соображеніе... Въ янералы не въ янералы, а ужъ въ первостатейные навѣрняка выйдемъ... Хе-хе хе! *(Потыраетъ руки.)*

ЯВЛЕНІЕ III

ПУГАЛОВЪ, СТЕПАНИДА ПАНБРАТЬЕВНА, АНДРЮША, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА, ГРИПОЧКА, МИТРОША, СТЕША, УСТИНЬЯ и ПРОШКА *(входятъ всѣ съ мѣшками и узлами Настасья Лукинишна, Грипочка, Митроша и Стеша съ шумомъ и хохотомъ первые врываются въ среднюю дверь, и пораженныя останавливаются въ различныхъ во-захъ. Картина. Степанида Панкратьевна, поддерживаемая Андрюшей, съ трудомъ и охая, входитъ медленно и садится на первый стулъ. Одѣты всѣ по-дорожному: въ шубахъ, въ ситцевыхъ платьяхъ, въ капотахъ, въ уродливыхъ напорахъ — всѣ въ пуху.)*

Пугаловъ. Что, ребята, какова фатера-то, а?

Настасья Лукинишна *(бросаясь къ отцу)*. Тятенька-съ, очарование съ!

Грипочка *(таже)*. Восхитительно-съ!

Настасья Лукинишна. Упоительно-съ!

Грипочка. Тятенька-съ, позвольте ручку поцѣловать. (*Цѣлуетъ у отца руку.*)

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, позвольте ручку поцѣловать. (*Цѣлуетъ у отца руку.*)

Пугаловъ. Хе-хе-хе... дуры!

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, голубчикъ, я съуми сойду-съ!.. (*Прымаеть.*)

Андрюша. Тятенька-съ, голубчикъ, а я пропаду-съ!.. (*Машетъ руками.*)

Грипочка (*забѣгаетъ съ другой стороны*). Папѣчка, золотой вы нашъ! (*Цѣлуетъ его въ щеку*)

Настасья Лукинишна (*забѣгая съ другой стороны*). Пашурочка, золотой вы нашъ! (*Цѣлуетъ его въ щеку.*)

Пугаловъ. Ха-ха-ха... хе-хе-хе... дурни! то ли еще увидите! Пождите маленько.

Настасья Лукинишна. Ахъ, пашурочка, да и это рай небесный!..

Пугаловъ. Ну еще далеко, Настя, до рая... только ягодки!

Настасья Лукинишна. Что вы говорите! Да неужто лучше этой фатеры бываетъ?

Пугаловъ. Во-та!.. Поѣзжай-ка въ Питеръ, не то еще увидишь.

Настасья Лукинишна. Нешто тамъ еще восхитительнѣе?

Пугаловъ. Просто, мать, языкъ проглотить.

Настасья Лукинишна. Ахъ какія ужаси!

Андрюша (*у картины*). Настя, гляди — фигурія-то какія... Ухъ ты маточка! красоточка! чортъ тебя побори!..

Настасья Лукинишна. Гдѣ, гдѣ? (*Взглядываетъ на картину.*) Ахъ, страмоты какія... ахъ! (*Закрываетъ лицо руками. Вся слотряеть.*)

Андрюша. Ты чего? гляди-ка сюда. (*Лѣзетъ на стулъ и пальцемъ указываетъ на картину.*)

Пугаловъ. Андрей, полно тебѣ зариться-то... Голова!

Андрюша. Я, тятенька-съ, ничего-съ...

Пугаловъ. То-то ничего! Вижу я. Поди-ко вели намъ, братъ, чайку собрать. Съ дороги-то немѣшаетъ позабавиться.

Степанида Панкратьевна (*раскутывая свою голову*). Пустой, погоди!.. Дай сначала оглядеться-то... духъ-то пере...вести... Охъ! (*Качаетъ головой.*)

Пугаловъ (глядитъ на дедъ съ минуту). Что, мать? ахъ опять понесла? Все не по-твоему... Ишь тебя лукавый-то мутить!

Степанида Панкратъевна. Врешь, безпутный! тебя лукавый-то обошолъ, а не меня. Куда ты насъ завезъ? Намъ ли такіа хоромы?

Пугаловъ. Ворона! тебѣ все въ диковинку...

(Сдержанный хохотъ Грипочки и Насти.)

Степанида Панкратъевна (встава). Вы чему это, хадды, смѣтесъ? А?

Пугаловъ. Не трошь ихъ: онѣ по дѣлу смѣются.

Степанида Панкратъевна (подстулан). Надъ матерью-то?

Пугаловъ. Надъ матерью.

Степанида Панкратъевна. Тьфу! (Плюетъ и садится.)

Пугаловъ. Эхъ ты.. дура-баба! Говорить-то съ тобой — даромъ слова терять. (Начинаетъ ходить.) Андрей, что я сказалъ?

Андрюша. Сейчасъ, тятенька-съ (Уходитъ.)

Пугаловъ. Ты у меня смотри — тятенька!.. (Ходитъ.) Что за дьявольскій карактеръ! Завсегды-то она меня на сердце наведеть. Слово не скажи — такъ и накинется... Чортъ!

Степанида Панкратъевна. Чтѣ ты, безобразникъ, лаешься-то? Здѣсь вѣдь не харчевня.. не постоялый дворъ. Добрые люди ходять.

Пугаловъ. А я очинно боюсь кого!.. Плевать!

Степанида Панкратъевна. Ты хошь стѣнѣ-то постыдишь, безсудная голова!

Пугаловъ. Мнѣ нечего стыдиться. (Ходитъ.)

ДВЛЕНІЕ IV

ТѢЖЕ БЕЗЪ АНДРЮШИ. (Люди вносятъ чемоданы, перьяны, подушки и сумочки; затопляютъ каминъ. Устинья, ворча и загнувъ подошъ за поясъ, вся въ пуху — суетится возлѣ подлажи. Прошка безсмысленно ходитъ. Настасья Лукинишна, Грипочка, Митроша и Стеша, скинувъ съ себя шубы, съ шумомъ бѣгаютъ по комнатамъ и разсматриваютъ каждую вещь съ жаднымъ любопытствомъ.)

Настасья Лукинишна (у зеркала). Батюшки-свѣты, какой я уродъ-то!.. (Смазываетъ кепоръ и гладитъ волосы.)

Грипочка (*у другого зеркала*). А я такъ сегодня очень интересна... просто душка! (*Треплетъ себя по щекамъ.*) Резанчикъ!

Настасья Лукинишна. Грипочка! взгляни, мо-нажь, на кого я похожа!

Грипочка. Я сама, Настинька, вся измята... съ дороги. Вотъ погоди, нашьемъ себѣ новыхъ платьевъ — заживемъ-то какъ, Настя!

Настасья Лукинишна. Ахъ, Грипочка, и не говори ты мнѣ лучше, и не говори! Я просто задыхаюсь отъ радости... Пойдемъ плясать.

Грипочка. Маменька разсердится.

Настасья Лукинишна. Во-та, есть на кого смотрѣть! Пойдемъ.

Степанида Панкратьевна. Куда пойдемъ? Халда! Чѣмъ бы съ дороги мать успокоить...

Пугаловъ (*пролаживаясь*). Чортъ тебя успокоить!

Степанида Панкратьевна. Озорникъ ты, озорникъ Лука Лукичъ, боля ничего! Только бы тебѣ ругаться да издѣваться. Чѣмъ бы дочь остановить, да путное слово ей сказать...

Пугаловъ. Ты вотъ путныя слова то говоришь.

Степанида Панкратьевна. А то нешто непутныя? Безобразію чтоли учу? супротивничать? матерью помыкать?

Пугаловъ. Небывальщину, мать, порешь...

Степанида Панкратьевна. Охъ ты голова, голова!.. Что ужъ больно о себѣ то много возомнилъ? Куичишка, дрянъ, сволочь... Тьфу!

Пугаловъ. Утушись, куриное сердце.

Степанида Панкратьевна. Изъ грязи да посаженъ въ князи...

Пугаловъ. Фу ты, фря какая!

(*Хохотъ между дѣтьми.*)

Степанида Панкратьевна. Дома панъ, а въ людяхъ болванъ...

Пугаловъ. Стой, жена! Бить дурака, жаль кулака!.. Знаешь?

Степанида Панкратьевна. Знаю! что ты мнѣ кулачище-то тычешь? Видали это! (*Встаетъ.*) И то сказать, Лука Лукичъ: богъ не выдастъ, свинья не съестъ... Прощенья просимъ! (*Идетъ нальто къ двери.*)

Пугаловъ. Кто изъ насъ свинья-то, Степанида Панкратьевна?

Степанида Панкратьевна. Умники Лука Лукичъ, умники... Гдѣ намъ дурамъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ безъ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЪЕВНЫ, ПРОШКА и ПОГОМЪ УСТИНЬЯ.

Пугаловъ. Змѣиная порода! (*Начинаетъ ходить въ волненіи.*) Это чортъ, а не баба!.. Митрошка! пошолъ за Андреемъ... да постой! куда тебя, вражяго сына, посылать — самъ сгинешь...
Прощка!

Прощка (*входитъ бокомъ*). Чаво изволите? (*Говоритъ сонно.*)

Пугаловъ. Эка рожато, скоть!

Прощка. Вы чаво?

Пугаловъ. Вы чаво!.. Жидоморъ!.. Пошолъ, скоть, приведи Андрея.

Прощка. Гдѣ мнѣ искать его!

Устинья (*показываясь въ дверяхъ съ подушками*). Чего искать? куда? здѣсь дѣло есть... Тащи перину-то.

Пугаловъ. Я велѣлъ!

Устинья. Вы чаво пристали? я Прощкѣ говорю.

Пугаловъ. Ты не ори, горло!

Устинья (*еще громче*). Я и не ору... Чтѣ вы на меня накинулись? Не хрѣпостная: возьму фачвортъ, да и со двора. Вотъ и сказъ!

Пугаловъ. Да чтѣ вы, черти, сбѣсились чтоли?

Устинья. Сбѣсились! (*Бросаетъ подушки.*) На-те, ѣшьте!.. (*Уходитъ.*)

Пугаловъ. А, дьяволъ!.. (*Блѣжитъ за ней и натывается на Андрюшу.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ безъ УСТИНЬИ, ПРОШКИ, АНДРЮША и СЛУГА.

Пугаловъ. Чтѣ Андрей, не успѣлъ, братъ, лба перекрестить, какъ ужъ и за шашни? Смотри ты у меня, голова!

Андрюша. Какія шашни? Вы сами чай послали. Что вы!

Пугаловъ. Молчи. Я знаю что говорю.

Андрюша. Чтожъ вы знаете-то? Злобитесь на маменьку, а я виновать сталъ.

Пугаловъ. Изобидѣлся !..

Андрюша. Извѣстно больно.

Пугаловъ. Какъ не больно! великатнаго роду вѣдь!..

Андрюша. Что вы меня родомъ-то попрекаете? вашъ же сынъ-то!

Пугаловъ. Молчать! Ты опять мнѣ перечить сталъ. Смотри Андрюшка, чтобъ я тебѣ мурлы-то не подправилъ... скоть эдакой!

Андрюша. Ужъ и мурлы подправлю!.. Было бы за что-съ...

(Пугаловъ дѣлаетъ движеніе.)

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, оставьте... (*Дергаетъ ея за руку.*)

Пугаловъ. Смерть не люблю супротивныхъ... Ножъ они мнѣ! Ты тамъ какъ хошь за глаза меня ругай, да въ глаза не пырай ты мнѣ словами Невластенъ я тогда — убью до смерти... (*Ходитъ.*)

Слуга. Вы чаю спрашивали, сударь?

Пугаловъ. Ну да. Что вы, нерусскіе чтоли?

Слуга. Сколько же порцій прикажете?

Пугаловъ. Какого чорта! Давай больше.

Слуга. Слушаю-съ. (*Поспѣшно уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII

ТѢЖЕ и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (въ дверяхъ).

Степанида Панкратъевна. Прежде цѣну-то спроси, горячка!

Пугаловъ. Не твоя забота. Проваливай!

Степанида Панкратъевна. Наказалъ меня господь, наказалъ! (*Уходитъ.*)

Пугаловъ. Ишь какъ тебя лукавый-то мучить... Не сидится и тамъ. Гнида!

(Хохотъ между дѣтьми.)

ДВЕНАДЦАТЫЙ

ТѢЖЕ безъ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЬЕВНЫ. (Люди приносятъ чай и ставятъ карсели на столъ.)

Пугаловъ (смотря на все съ любопытствомъ). А самоваръ, любезный?

Слуга. Въ чайникахъ вода, сударь.

Пугаловъ. На кой чортъ мнѣ твои чайники!.. Подавай самоваръ.

Слуга. У насъ нѣтъ самоваровъ, сударь.

Пугаловъ. Какъ нѣтъ?

Слуга. Здѣсь, сударь, гостиница, а не подворье...

(Въ дверяхъ показывается снова Степанида Панкратъевна и вслушивается.)

Митроша (подскакивая). Тятенька-съ, маменька опять пришли-съ.

Пугаловъ (давая сыну подзатыльникъ). Пошомъ прочь, дьяволенокъ! (Къ слугѣ.) Да что ты, любезный, мнѣ зубы-то заговариваешь?.. Не впервой я въ Москвѣ то. Порядки знаю.

Слуга. Ахъ сударь; да вы вѣрно не изволили останавливаться въ гостиницахъ?

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, не спорьте... здѣсь видно такъ-съ.

Пугаловъ. Какого чорта! я знаю что говорю.

(Слуга хохочетъ всторону.)

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, бога-ради оставьте. Люди смѣются.

Пугаловъ (къ слугѣ). Гдѣ вода-то, кажи? (Подходитъ къ столу.)

Слуга (указывая). Вотъ, сударь; а здѣсь чай, здѣсь сухари..

Пугаловъ. Ладно. Сухари-то возьми назадъ—чортъ ли въ нихъ! Отъ нихъ, братъ, въ животѣ засвищеть... А намъ ты калачиковъ съ дюжину принеси... Дѣло-то будетъ вѣрнѣе.

Слуга. Слушаю-съ. (Хочетъ уйти.)

Пугаловъ (сидя за столъ). Постой, погоди. Тутъ примѣрно сколько порцій будетъ? (Подымаетъ сахарницу.)

Слуга. Четыре, сударь.

Пугаловъ. Цѣна?

Слуга. Восемь гривенъ за порцію.

Пугаловъ (*вскикивая*). Сколькo?

Слуга (*пятысь назадъ*). Восемь гривенъ, сударь.

Пугаловъ. Разбойники! грабители! рады съ нашего брата шкуру содрать!

Слуга. Со всѣхъ такъ, сударь... хошь извольте справиться.

Пугаловъ. А вотъ увидимъ... Позови хозяина.

Настасья Лукинишна. Тятенька-съ, оставьте... Страмъ вѣдь. Чтo вы дѣлаете! (*Дергаетъ его за руку*.)

Пугаловъ (*съ сильнымъ движеніемъ*). Ни-черта! Позвать хозяина.

Андрюша. Тятенька-съ, оставьте... (*Дергаетъ его за руку*.)
Ей-ей совѣстно.

Пугаловъ. Ты чего? (*Смотритъ на него съ минутой*.) Не сдѣлаку ли тамъ смастерилъ, а? Съ тебя вѣдь станется... на это ума хватить!

Андрюша. Чего-съ?

Пугаловъ. То-то чего-съ!.. Парень-то ты ловкій. Того гляди...

Андрюша. Стыдно вамъ обижать-то! Воромъ еще не былъ-съ...

Пугаловъ. Да я такъ... къ слову пришлось... всего бываетъ...

Андрюша. Бываетъ, бываетъ!.. Не мнѣ бы такія слова-то говорить. Вотъ что-съ!

Пугаловъ. Ну-ну-ну, заговорилъ!.. дворянская кровь!

Андрюша. Вы не ругайтесь... (*Плаксиво*). Чтo это въ самомъ дѣлѣ такое!

Настасья Лукинишна (*бросаясь между ними*). Тятенька! Андрюша! Не страмите насъ-то... вѣдь здѣсь люди, страмъ, смѣются всѣ... Оставьте!

Пугаловъ (*къ слугѣ*). Ступай, любезный; хозяина ненадѣть.

(Слуга уходитъ.)

Настасья Лукинишна (*къ отцу*). Послушайте, какъ вамъ не стыдно... чтo вы дѣлаете? Здѣсь вѣдь не постоянный дворъ — безобразничать не позволять...

Степанида Панкратьевна (*въ дверяхъ*). Впервой путное слово слышу.

Пугаловъ (*къ дочери*). Дура ты, вотъ что.

Настасья Лукинишна. У васъ всѣ дуры... вы одни только умники!

Пугаловъ. Наська, не серчай ты меня! и безъ тебя тошно. (*Чешетъ затылокъ и садится за столъ.*)

Степанида Панкратьевна (*уходя отъ двери*). Зачесался сердечный! Пожди маленько, не такъ еще зачешешься!..

Пугаловъ (*задумчиво*). Ну, садитесь чай-то пить, чай издрогли. (*Молчаніе.*) Андрей, полно дуться-то, садись. Митрофанъ, Степанъ! ступайте.

(Митроша, Стеша и Грипочка садятся. Андрюша стоитъ въ раздумьи, Настасья Лукинишна у зеркала.)

Пугаловъ. Андрей, сходи за матерью-то, да приходите.

(Андрюша молча уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ и УСТИНЬЯ.

Пугаловъ (*стуча чайникомъ*). Прошка! (*Входитъ Прошка.*) Вели кипятку налить. (*Ему всльдъ, припужденно.*) Хе-хе-хе — скотъ! и ходить-то не умѣть.

Устинья (*сердито входитъ*). Чтоже намъ-то чаю?

Пугаловъ. Стоишь ли ты чаю-то, грубиянка, а?

Устинья (*криливо*). Нежрамши такъ и быть?

Пугаловъ. Такъ и быть. Авось не треснешь.

Устинья. Пожалуйте фачвортъ!

Пугаловъ. Да ты не ори... эво хайло-то!

Устинья (*еще громче*). Мнѣ нечего орать... Пожалуйте фачвортъ.

Пугаловъ. Пошла же вонъ, дура.

Устинья. Я жить не стану... лопни мои глаза, коли стану!

Пугаловъ. Да не живи, дуй тебя горой! Прислуги чтоли вѣтъ? Вездѣ этой швали-то много, какъ собакъ невѣшанныхъ.

Устинья. Ну... будь же я анафема, коль завтра-жъ не уйду! (*Уходитъ.*)

Т. X. — Стл. I.

Пугаловъ. Да уходи, чортъ! Плакать чтои станемъ!

ЯВЛЕНИЕ X

ТЪЖЕ безъ УСТИНЬИ, АНДРЮША и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА.

Пугаловъ. Садитесь чай-то пить.

(Андрюша и Степанида Панкратьевна садятся молча. Прощка приноситъ чайникъ и калачи. Несколько минутъ молчанія. Всѣ пьютъ и не глядятъ другъ на друга.)

Пугаловъ (*принужденно-ласково*). Ну дѣтки, завтра первымъ долгомъ въ баню, а потомъ и за обновы...

Степанида Панкратьевна (*смотря всторону*). А въ храмъ-то божій?

Пугаловъ. Правда твоя, Степанида Панкратьевна, правда. Спервуначало это слѣдь... Умную рѣчь сказала. (*Улыбается.*)

Степанида Панкратьевна. Авось хошь этимъ угодила... Полно зубы-то скалить, зубоскала! Дай сюды чайникъ-то.

Пугаловъ. Изволь матушка, изволь. Кушай на здоровье! Настя, что не идешь?

Настасья Лукинишна. Ненужно-съ!

Пугаловъ. Что, мать, больно заспѣсивилась? Поди присядь, авось сердце-то спадеть маленько... А?

Настасья Лукинишна. Отвяжитесь! я васъ не трогаю. (*Идетъ всторону.*)

Пугаловъ. Полно, полно, коза! что серчать-то? Ну что за важность? покричали да и будетъ. Никого не обидѣли.

Настасья Лукинишна. Вы-то не обидѣли? Да кому изъ насъ не досталось-то? Ха-а! (*Ходитъ.*)

Пугаловъ. Ну полно, полно, садись.

Настасья Лукинишна (*оставаляющаяся*). Я впередъ этого не буду выносить. Было бы вамъ извѣстно. (*Ходитъ широко.*)

Пугаловъ. Чтожъ ты сдѣлаешь?

Настасья Лукинишна. Удеру... Ну васъ!...

Пугаловъ. Небывальщину, мать, порешь... Подлинно что бабы: волосъ дологъ, а умъ коротокъ.

Настасья Лукинишна (*крестясь во всю грудь*). Вотъ вамъ Христось, что сигну куда-нибудь!

Пугаловъ. Ладно! Тоскуй! Придешь опять!

Настасья Луккинишна. Нѣтъ ужъ извините! (*Ходить.*)

Пугаловъ. Утушимсь, куриное сердце,...

Степанида Панкратьевна. Подно, Лука Луккичъ! что ты съ какой-то связался! Поговоримъ о дѣлѣ.

Пугаловъ. Ладно, мать, говори.

Степанида Панкратьевна. Андрею-то чай сертучишко какой надить сдѣлать, а?

Пугаловъ. Не въ зипунѣ же ходить. Знаю.

Степанида Панкратьевна. Митрошѣ бы тоже что-нибудь курточку чтоли, аль казакинѣ какой.

Пугаловъ. И ему сошьемъ. Загуляетъ нашъ Митроха! (*Ударяетъ по плечу сына. Митроша улыбается.*)

Степа. Тятенька, а мнѣ-то-съ?

Пугаловъ. И тебѣ сошьемъ.

Степанида Панкратьевна. Настасья бы...

Настасья Луккинишна. Обо мнѣ не безпокойтесь. Ничего не нужно-съ.

Пугаловъ. Ой ли, такъ ли?

Настасья Луккинишна (*останавливаясь*). Вы думаете я очино интересуюсь платьями? Ха-а! Плевать я на нихъ хотѣла. Вотъ что-съ! (*Плюетъ.*) Мнѣ не платья нужны... Не въ нихъ сила-съ... (*Ходить.*)

Степанида Панкратьевна. Чего жъ тебѣ, мать моя? Не звѣзды же съ неба хватать... Господи-помилуй!

Настасья Луккинишна. А хошь бы и звѣзды! Вы что кричали? Не съ вами говорю.

Пугаловъ. Да ну, говори коза, чего жъ тебѣ?

Настасья Луккинишна. Ума я хочу, образованія... а не ваши тряпки... Мнѣ тряпки — тьфу! (*Плюетъ.*)

Пугаловъ. Чтожъ, и ума добудемъ. Дай сроку, всему научимъ. Догоди.

Настасья Луккинишна. Да ужъ я это давно отъ васъ слышала. Вы только общаете-то много, а на посулъ какъ на ступль... Знаю я ваше общаніе-то!

Пугаловъ. Вотъ увидишь...

Настасья Луккинишна. Нечего видѣть-то... все ужъ видѣла!

Пугаловъ. А вотъ увидишь!

Степанида Панкратьевна. Полно, Лука Лукичъ, что ты съ ней связался! Какого ей ума? Что она брешить-то?

Настасья Лукинишна. У васъ всё брешутъ... Известно какого ума: пофранцузски говорить, понѣмецки... 'мало ли что еще! Не вѣкъ же мнѣ съ вами — то тренаться. Надѣть чай на людей взглянуть, себя показать, свѣту нахвататься... Не все-жъ душой быть.

Пугаловъ. Настоящее дѣло. Чтожъ, я отъ этого непрочь: француза добудемъ.

Степанида Панкратьевна. Полно врать, Лука Лукичъ! какого француза!

Пугаловъ. Я хочу — и баста! Нонѣ всё говорятъ... чертеняты махонькіе — и тѣ, жидаы, афранцузились... а намъ-то и подавно.

Степанида Панкратьевна. Да съ ея ли рыломъ французской-то языкъ! Къ кому что идетъ... Пойми ты это.

Настасья Лукинишна. Маменька-съ, послѣ этого... вы сами уродъ-съ. *(Быстро уходитъ нальво.)*

Степанида Панкратьевна. Мерзавка ты, дѣвка... богъ ничего! *(Хохотъ между Пугаловымъ и дѣтьми. Къ мужу.)* Ты что это ротъ-то разинулъ! чѣмъ бы дѣвку сукротить... Дурачье вы! *(Встаетъ и идетъ къ поклажѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI

ТѢЖЕ безъ НАСТАСЬИ ЛУКИНИШНОЙ, ПРОШКА и ИЗВОЗЧИКЪ.

Прощка *(въ дверяхъ)*. Извозчикъ пришолъ. *(Уходитъ.)*

Пугаловъ. Что надѣть?

Извозчикъ *(входя, чешетъ затылокъ)*. На чаекъ бы съ вашей милости... *(Переминяется.)*

Пугаловъ. Ладно. Все ли свалили-то? *(Даетъ деньги.)*

Извозчикъ. Кажись все-съ... Благодаримъ покорно. *(Смотритъ на монету.)*

Пугаловъ. Завтра приходи за расчетомъ.

Извозчикъ. Рубликовъ бы съ пяточекъ теперича пожаловали. Смерть нужно. *(Чешется.)*

Пугаловъ. Дурачье вы! Авось бы перебился какъ-нибудь...

Извозчикъ. Дѣло неминуемое...

Пугаловъ (*доставая деньги*). У васъ все неминуемое! На-
вотъ.

Извозчикъ. Благодаримъ покорно. Счастливо оставаться!

Пугаловъ. Ладно. Ступай.

(Извозчикъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XII

ТѢЖЕ безъ ИЗВОЗЧИКА и **НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА** (*входитъ
на луга*).

Настасья Лукинишна. Андрей, дай чаю! (*Садится къ
столу и смотритъ всторону.*)

Андрюша. Что за барыня! Сама нальешь.

Настасья Лукинишна. А у тебя руки то отсохли?

Андрюша. Отсохли.

Настасья Лукинишна (*вполголоса*). Мужикъ, деревня!..
(*Наливаетъ чай сама.*)

Андрюша. Ты не ругайся.

Настасья Лукинишна (*громче*). Свинопасъ!

Андрюша. Маменька, что она все ругается?

Степанида Панкратьевна. Говори отцу. Я на нее и гля-
дѣть-то не хочу.

Настасья Лукинишна. Скажите, какія новости!

Степанида Панкратьевна. Отвяжись, безпутная!

Настасья Лукинишна. Какія ужаси... Ха-а!

Степанида Панкратьевна. Отойдешь ли отъ грѣха?..
Лука Лукичъ! да уйми ты ее, грубиянку.

Пугаловъ. Что, Настасья, знать голодь-то не тетка, широжка
не подеуцеть?

Настасья Лукинишна. Что вы меня вдой-то попрекаете?
Не объѣла васъ! (*Встаетъ и съ громомъ ставитъ чашку на
столъ.*)

Степанида Панкратьевна. Эка безпутная!.. Вотъ безпут-
ная-то, а?

Пугаловъ (*къ дочери*). Полно, полно, коза! что златься-то?

Настасья Лукинишна (*всторону*). Свиныя! Необразованные
черти!..

(Минута молчанія. За сценой внезапно слышны шумъ и хохотъ. Всѣ вздрагиваютъ и прислушиваются.)

Пугаловъ. Что за исторія?

Степанида Панкратьевна. Батюшки-свѣты, что такое?

Первый голосъ (*направо, за дверью*). Князь, князь, души его!..

(Снова шумъ и хохотъ. Всѣ вскакиваютъ разомъ.)

Второй голосъ (*удушливо*). Голубчики... отцы родные... Ухъ! Никогда не буду... Ухъ!

Третій голосъ. Врешь, подлецъ! знаю я тебя, какъ ты не будешь!

Второй голосъ. Ейбогу же не буду!.. Голубчики, не буду!.. Карауль!

(Снова шумъ и хохотъ.)

Пугаловъ. Господи царь небесный, что такое? (*Блжннть къ двери, раздвигаетъ портьеру и присядая смотритъ въ замокъ.*)

Степанида Панкратьевна! а Степанида Панкратьевна! поди-ка сюда!

Степанида Панкратьевна. Что случилось, Лука Луничъ? что, родимый? Охъ, сердце мое чуяло: не бывать здѣсь добру, не бывать!..

Пугаловъ. Ничего! что ужъ больно испужалась-то? Господа гуляютъ... Гляди въ дыру-то.

Степанида Панкратьевна. Ну-съ-ка (*смотритъ*). И то потѣшаются! Ахъ дуй ихъ горой! А у меня серденько такъ и ёкнуло отъ страху. Тьфу! испужали до смерти, ейбогу.

Андрюша (*дергая мать за платье*). Маменька-съ, позволите...

Степанида Панкратьевна. На, гляди.

Андрюша. Батюшки-свѣты, вотъ чудно-то!

Настасья Лукинишна. Дай, Андрей, взглянуть. (*За дверью хохотъ.*)

Андрюша. Постой!

Настасья Лукинишна. Пусти, голубчикъ! (*Жметъ его.*)

Андрюша. Да погоди, лошадь!

Настасья Лукинишна. Пусти, говорятъ тебѣ! (*Отталкиваетъ его отъ двери.*)

Андрюша. Эка жидь здоровая!.. такъ и ложить! (*Ударяетъ ее по спинѣ.*)

Настасья Лукинишна. Андрюшка, скоть эдакой! (*Отъезжаетъ ему тѣмъ же.*)

Андрюша. Право лошадь! (*Отходитъ всторону.*)

Грипочка. Настя, дай глазкомъ взглянуть...

Настасья Лукинишна. Тебѣ нельзя.

Грипочка. Это что еще за новости?

Настасья Лукинишна. Да не кричите!.. дайте послушать-то. Господи!

Митроша и Стеша. Сестрица, позвольте намъ взглянуть.

Настасья Лукинишна (*оборачиваясь*). Отойдете ли вы, черти!

Пугаловъ. Дай имъ взглянуть-то.

Настасья Лукинишна. Уснѣютъ!

Пугаловъ. Андрей! поди-ка, братъ, позови официанта. Мы это дѣло разузнаемъ. (*Андрюша уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII

ТѢЖЕ и СЛУГА, потомъ АНДРЮША.

Пугаловъ. Любезный, кто у васъ здѣсь останоился? (*Указываетъ на дверь.*)

Слуга. Князь Громовъ.

Пугаловъ. Давненько?

Слуга. Съ годъ будетъ.

Пугаловъ. Богатый человекъ?

Слуга. Мы не знаемъ-съ. Должно-быть богатый...

Пугаловъ. Такъ-съ... а это пріатели чтоли? (*Указываетъ ему снова на дверь.*)

Слуга. У нихъ много бываетъ... всѣхъ не знаемъ.

Пугаловъ. Такъ-съ... Ты, я вижу, любезный, человекъ-то смысленный: зшь пирогъ съ грибами, а держишь языкъ за зубами.

Слуга. Наше, сударь, дѣло не господское... съ ними компанію не водимъ.

Пугаловъ. Хе-хе-хе... доподлинно, гдѣжъ вамъ знать всего!.. (*Слуга дѣлаетъ движеніе.*) Пстой-ка, любезный, погоди. Ну а при-мерно кто съ нимъ болъ компанію-то водить, а? чай это знаешь?

Слуга. Жидровъ полковникъ, Аполлоновъ, Ширамыжниковъ купецъ... много ихъ всѣхъ, не припомнишь.

Пугаловъ. Извѣстно не припомнишь. Не одинъ чай служишь-то имъ?

Слуга. Мнѣ некогда, сударь.

Пугаловъ. Ступай, любезный, ступай. Въ другой разъ до-скажешь. *(Слуга уходитъ. Пугаловъ провожаетъ его глазами.)* Народъ московскій, а? По гривнѣ словечко, по рублю ступня...

Степанида Панкратъевна. Москва, Лука Лукичъ, бьетъ съ носка.

Пугаловъ. Знаю, мать, знаю: что въ ней деньгу беречь, такъ себя не стеречь. *(Входитъ Андрюша.)* Что Андрей, не выдержалъ: въ щелку заглянулъ, а?

Андрюша. Заглянулъ, тятенька-съ.

Пугаловъ. Въ шею не наклали?

Андрюша. За чтоже-съ? Я вѣдь однимъ глазкомъ...

Пугаловъ. Все равно брать, и за это чешутъ. Ну чтожь они? Рассказывай.

Андрюша. Уѣхадши.

Пугаловъ. Куда?

Андрюша. Незнаю-съ.

Пугаловъ. Чтожь дура-то смотреть? *(Указываетъ на дочь.)* Настасья, полно тебѣ въ дверь-то зариться! Спать пора. *(Злваетъ.)* Андрей! туши, братъ, свѣчи-то.

Степанида Панкратъевна *(идя калво)*. И то дѣло. *(Злваетъ.)* Пойдемте... Настасья, Грипочка! ступайте. *(Уходитъ громко злвая; за нею бокомъ, смотря на сестру, уходитъ и Грипочка. Андрюша, Митроша и Стеша гасятъ свѣчи.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV

ТѢЖЕ безъ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЪЕВНЫ и ГРИПОЧКИ.

Пугаловъ. Настасья! что я сказалъ?

Настасья Лукинишна *(бросаясь отъ двери къ отцу)*. Тятенька-съ, я все забыла!.. Голубчикъ тятенька, вы меня любите? *(Обнимаетъ его.)*

Пугаловъ. Дура!.. Извѣстно люблю. А что?

Настасья Лукинишна *(цлнулъ его)*. Голубчикъ! я вамъ въ ножки поклонюсь... познакомьтесь съ ними! *(Указываетъ ему на дверь.)*

Пугаловъ. Что, коза, теперь голубчикъ сталъ, а?

Настасья Лукинишна. Тятемька-съ, ради-созателя!..

Пугаловъ. Да ладно, ладно... завтра потолкуемъ. Ступай къ матери-то.

Настасья Лукинишна. Тятеьнка, позвольте ручку...

Пугаловъ. Ишь ты, лукавая, вся въ мать!.. *(Цѣлуетъ ее въ голову и уходитъ направо. Вся расходится. На сценѣ темно.)*

ЯВЛЕНИЕ XV

Устинья *(входитъ со сѣчей и что-то ищетъ)*. Собачья жизнь... право собачья! Ни тепла, ни покоя... Уйду, ей-ей уйду... ну ихъ къ чорту! Диви бы интересъ какой былъ — ничуть не было. Сама что стянешь, то и ладно. *(Беретъ со стола калачъ, сахаръ и прячетъ все торопливо.)* И куда вѣдь лѣшій занесть, куда! Жили бы у себя на фабрикъ, а то экаго чорта... Тьфу! Съ невытымъ-то рыломъ да въ такія царскія хоромы!.. И что толку? Что денегъ-то много?.. А самъ съ бани до бани рубахи не сыметъ... Протушился весь, какъ свинья невытая.. отъ сапожищей-то однихъ не дохнешь, окромя тамъ протчаго другого... все нутро твое повыворотить... Тьфу, окайнные! *(Голосъ Степаниды Панкратьевны за сценой: «Устинья!»)* Сейчасъ иду-съ!.. Не ори! *(Беретъ капоть и уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ XVI

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА *(входитъ разбитая, въ кофѣ и чепцѣ, и ошупью ищетъ къ двери направо).*

Степанида Панкратьевна *(изъ комнаты)*. Ты куда?

Настасья Лукинишна. Сейчасъ приду-съ. *(Подходитъ къ двери и жадно смотритъ въ щелку)*

ЯВЛЕНИЕ XVII

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и АНДРЮША *(входятъ въ старомъ дворяномъ халатѣ и натывается на сестру. Общій испугъ.)*

Настасья Лукинишна. Что ты здѣсь шляешься! Испужалъ до смерти

Андрюша. А ты что здѣсь шныришь?.. полуночица!

Настасья Лукинишна. Ну, полно Андрюша, кричать-то... Дай, голубчикъ, посмотрѣть... Смерть хочется.

Андрюша. Да смотри. Я не затѣмъ... *(Молчаніе. Андрюша закуриваетъ трубку.)*

Настасья Лукинишна. Андрюша, знаешь что я придумала?

Андрюша. Что?

Настасья Лукинишна. Голубчикъ, милочка! подбери ты ключъ...

Андрюша. Какой ключъ? кула?

Настасья Лукинишна. Вотъ сюда... *(Указываетъ ему на дверь)* Рая-христа. Я сама тебѣ услужу, Андрюша.

Андрюша. На какого чорта? *(Сильно затягивается, выпуская дымъ въ трубу камина.)*

Настасья Лукинишна. Ахъ ты какой!.. Ты нешто думаешь, тятенька скоро съ ними познакомится?..

Андрюша. Ну?

Настасья Лукинишна. А ты бы вотъ подобралъ ключъ, да сталъ бы къ нимъ ходить...

Андрюша. Ну?

Настасья Лукинишна. И меня познакомилъ... Понимаешь?

Андрюша. Ни-черта не понимаю!

Настасья Лукинишна. Да, пожалуй, не понимай... Ты мнѣ ключъ-то подбери только.

Андрюша. Ну ладно, подберу; а нешто тятенька не узнаетъ?

Настасья Лукинишна. Полно тебѣ бабой-то быть!.. Ну что мнѣ тятенька? Наладилъ одно: тятенька да тятенька!.. Смѣшно даже слушать. Не впервой мнѣ обманывать его.

Андрюша. Какже, держи карманъ-то шире!.. такъ и провела его. Онъ все пронюхаетъ!

Настасья Лукинишна. Ну если и пронюхаетъ, чтожъ за беда такая? Не убьетъ за это... *(Веретъ у него трубку & затмѣвается.)*

Андрюша. Нешто не взвошуть?

Настасья Лукинишна. А ты не подавайся: иди насу-противъ — вотъ какъ я...

Андрюша. Дѣло неподходящее .. Нечего и говорить.

Настасья Лукинишна. Какъ хочешь. Тебѣ же добра желаю. А ты мнѣ, Андрюша, ключь—то подбери, голубчикъ...

Андрюша. Да ладно, подберу. А по моему вотъ что, Настя: примѣрно, ты что хошь дѣлай, да всторонѣ чтобъ это было — слышь? А здѣсь нечего намъ и затѣвать. Начнемъ гладью, а кончимъ гадью. Безпремѣнно такъ будетъ.

ЯВЛЕНИЕ XVIII

ТЯЖЕ и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (раздѣтая, показывается въ дверяхъ).

Степанида Панкратъевна. Настасья, долго ли мнѣ ходить—то за тобой, а?

Настасья Лукинишна (встопону). Заорала! (Матери) Что вамъ? Сейчасъ иду.

Степанида Панкратъевна. Ты съ кѣмъ? Кто тутъ?

Андрюша. Я, маменька—съ.

Степанида Панкратъевна. Ты зачѣмъ?

Андрюша. Покурить пришло.

Степанида Панкратъевна. А отецъ спить?

Андрюша. Нѣтъ еще: потягивается...

Степанида Панкратъевна. Смотри, Андрюша, не возшолъ бы.

Андрюша. Я, маменька, сейчасъ иду—съ.

Степанида Панкратъевна. Ступай голубчикъ, нето хватится... Настасья, идешь ли?

Настасья Лукинишна. Да иду—съ, ступайте! (Вся расходится.)

Зававѣсь падаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Утро. Большая зала съ колоннами въ наемномъ барскомъ домѣ. Плафонъ лѣсной и мѣстами позолоченный. Надъво отъ зрителя мраморный каминъ съ зеркаломъ и небольшая арка съ волнистой толковой портьерой въ гостиную; направо такая же арка въ кабинетъ, и роль. Въ углахъ, между колоннами, вызолоченныя канделябры на тумбахъ. Мебель тяжелая съ позолотой. На залвѣшъ паркетъ, за колоннами, видна приемная, съ зеркалами и малиновой драпировкой. Настасья Лукинишна разодѣтая сидитъ за ролью; играетъ очень дурно, поетъ еще хуже. Грипочка передъ зеркаломъ у каминна заучаетъ позы. Въ приемной бѣгаютъ Митроша и Степа.

ЯВЛЕНІЕ I

НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и ГРИПОЧКА.

Настасья Лукинишна (*поетъ отчаянно*):

• Я все еще его, безумная, люблю!
 При имени его душа моя трепещеть,
 Тоска попрежнему сжимаетъ грудь мою
 И взоръ горячею слезой невольво блещеть!
 Безумная, какъ я его люблю!... (*Опрокидываетъ
 на кресло голову.*)

Грипочка. Ахъ Настя, очарованіе!.. Ты спой намъ это непремѣнно. Слышишь, мо-нажь?

Настасья Лукинишна. Непремѣнно. Для чего же я учусь!.. Но слушай дальше. (*Продолжаетъ* :)

• Я все еще его, безумная, люблю!
 Отрада тихая мнѣ душу проникаетъ
 И радость ясная на сердце взлетаетъ,
 Когда я за него Создателя молю...
 Безумная, какъ я его люблю!..

ЯВЛЕНИЕ II

ТЪЖЕ и **СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА** (выходитъ изъ гостиной еще неодѣтая.)

Степанида Панкратъевна. Безумная!.. Хада! что ты орешь—то на весь дворъ, а? (*Настасья Лукинишна заглушаетъ слова ея пѣніемъ.*) Безпутная, тебѣ я говорю! (*Настасья Лукинишна продолжаетъ еще громче.*) Наська! Наська! (*Топаетъ ногами и затыкаетъ руками уши.*)

Настасья Лукинишна (*нараспѣвъ*). Уйдите, говорю я вамъ... уйдите! (*Гремитъ по клавишамъ.*)

Степанида Панкратъевна. Остановись безпутная, остановись!.. (*Подбѣгаетъ къ дочери и хватаетъ ее за руки.*) Стой! говорить тебѣ — стой!.. Ты кому эфто говоришь: уйдите, а?

Настасья Лукинишна (*сильно срываясь со стула*). Вамъ!

Степанида Панкратъевна. А я тебѣ кто?

Настасья Лукинишна. Кто вы—то?.. вы—то кто?! Сказала бы я вамъ кто вы—то, да... не... скажу. (*Бѣжитъ изъ залы; Степанида Панкратъевна догоняетъ ее. Митроша, Степа и Григорья съ любопытствомъ смотрятъ на эту сцену.*)

Степанида Панкратъевна (*тяжело дыша*). Нѣтъ, стой безпутная, стой! Говори кто я?

Настасья Лукинишна (*смотритъ на нее съ минуту и потомъ крикливо*). Страмота!.. безобразіе нашего дома!.. Вотъ кто вы! (*Вырываетъ руку.*)

Степанида Панкратъевна (*отступая*). Какъ?!

Настасья Лукинишна (*наступаая*). Да такъ!.. Что вы на меня глаза то вынули? Злость—то въ васъ велика, да ухдитесь! Не въ васъ сила. Я вѣдь васъ не боюсь. На угрозы ваши я плевать хотѣла. А выйду замужъ — я вамъ за все отблагодарствую, за все... слышите ли? Бѣлаго дня не взвидите... поперегъ горла костью стану!.. Вспомните меня, вспомните! (*Бьетъ пальцемъ по ладони.*)

Степанида Панкратъевна. Да въ умѣ ли ты, мерзавка?

Настасья Лукинишна. Я въ умѣ—съ, вы—то въ умѣ ли?

Степанида Панкратъевна. Чтожъ я по—твоему сумашедшая?

Настасья Лукинишна. Да пожалуй—что и такъ, коль правду говорить.

Степанида Панкратьевна. Батюшки!.. *(Замирающимъ голосомъ, ударяя себя въ грудь:)* Да вѣдь я мать тебѣ, безпутная! вѣдь я мать!..

Настасья Лукинишна. Какая вы мнѣ мать!.. Нешто такіа матери-то бываютъ?

Степанида Панкратьевна. Господи, что она говорить-то!.. *(Въ сильномъ волненіи не знаетъ что дѣлать, что говорить.)*

Настасья Лукинишна *(всторону)*. Что, видно правда-то глаза колетъ? Задохлась сердечная... Ничего, тебѣ это здорово!

Грипочка, Маменька, что съ вами? *(Сажаетъ ее на стулъ. Сестрѣ:)* Ахъ Настя, что ты только дѣлаешь!..

Степанида Панкратьевна. Охъ Грипочка, охъ! уморила она меня злодѣйка!.. *(Тяжело дышетъ.)*

Грипочка. Вы, маменька, успокойтесь...

Степанида Панкратьевна. Охъ!.. ужъ теперича ничего не поможетъ, ничего!.. Уморила она меня, уморила!

Настасья Лукинишна. Вольно же было вамъ приставать! Я васъ не трогала. Сами виноваты.

Степанида Панкратьевна *(оскакивая одружъ)*. Цыцъ, грубияна, цыцъ! *(Идетъ на дочь съ сжатými кулаками.)*

Грипочка *(удерживая ее)*. Маменька, голубушка, оставьте!.. Бога-ради оставьте.

Степанида Панкратьевна *(удушенная)*. Нѣтъ, пусть!.. Я ее шельму изувѣчу... Я ее мерзавку изгрозю... Пусть!

Настасья Лукинишна *(всторону)*. Какъ есть сумасшедшая!.. *(Къ матери.)* Кто еще вамъ это позволить!

Степанида Панкратьевна. Что, что?.. А хочешь докажу на дѣлѣ? хочешь? *(Шорывается къ ней. Грипочка удерживаетъ ее.)*

Настасья Лукинишна. Сдѣлайте одоженіе! Очинно лубоцнчно будеть вилтъ.

Степанида Панкратьевна. Вотъ и увидишь!

Настасья Лукинишна. Сдѣлайте одоженіе!

Степанида Панкратьевна. И сдѣлаю! Лопни мои глаза, коль я этого не сдѣлаю!

Настасья Лукинишна. Сдѣлайте одоженіе!

Грипочка. Настя, да уйди ты бога-ради.

Настасья Лукинична. Это что еще за нравоченія? Ступай сама, коли хочешь, а я не пойду.

Степанида Панкратьевна. Оставь ее, Грипочка... Кто ее мерзавку переговорить! *(Идет къ двери.)* А я тебя это припомню. Я тебя выучу какъ съ матерью обращаться... Я тебя выучу!

Настасья Лукинична *(проводя ея)*. Ужь и я вамъ припомню!.. ужь и я васъ выучу какъ съ дочерью обращаться!.. Походите!

Степанида Панкратьевна. Цыцъ, грубиянка! еще рыломъ не вышла мать—то учить!.. *(Уходитъ.)*

ДВЛЕНІЕ III

ТЪЖЕ БЕЗЪ СТЕПАНИДЫ ПАНКРАТЪЕВНЫ.

Настасья Лукинична. Старая дура!.. право! Еще туда-жь съ глупымъ своимъ рыломъ да лѣзетъ въ нравоченія... Ужь погоди, голубушка моя! погоди, золотая! Задамъ я тебя трезвону... адамъ, моя милая! *(Къ Грипочкѣ.)* Ужь и ты хороша: одного знать воля ягода!.. Чѣмъ бы со мной отдѣлать ее хорошенько, благо такой часъ вышелъ, а ты слурю—то на меня еще накинулась... Эхъ ты, фюфавъ петровичъ! право фюфанъ.

Грипочка. Вотъ это мило! Чтожь, по-твоему и мѣъ кричать съ тобою? Благодарю покорно! И безъ того крику—то въ домъ не оберешься.

Настасья Лукинична. А то спускать ей по-твоему чтоли? Будеть! Натерпѣлась я отъ нея въ жизнь—то...

Грипочка. Ахъ Настя, какія слова ты говоришь — ужаси!

Настасья Лукинична. Я правду говорю.

Грипочка. Ну положимъ хоть и правду; чтожь изъ этого? Ты нешто исправишь ее? Тятенька-то не намъ чета, и то ничего не предъааетъ.

Настасья Лукинична. А то нешто уважать ее прикажешь? Много чести! Я вѣдь ужь не дѣвчонка. Сама бы давво матерью была, коли бы замужъ вышла.

Грипочка. Смѣшная ты, Настя, ейбогу. Ну пожалуй не уважай, чтожь изъ этого выйдетъ? Она озлобится, не такъ тебя еще отплатитъ...

Настасья Лукинишна. Чѣмъ она мнѣ отплатить?

Грипочка. Чѣмъ хочешь. Да вотъ хошь сегодня за обѣдомъ: смотри какъ-разъ при князѣ брякнетъ что-нибудь, тогда ротъ и разинешь... Да! я сегодня спрячусь, ейбогу... Боюсь до смерти. Отрамитъ она насъ ни за грошъ.

Настасья Лукинишна. Во-та! Да скажи она мнѣ слово — я ей десять отвѣчу. Нешто я сробѣю?

Грипочка. А страмъ-то, Настя, страмъ-то! Вѣдь тутъ соришь... не будешь знать куда лѣться.

Настасья Лукинишна. Вотъ и видно, Грипочка, что ты еще никакого обращенія не знаешь. Да нонѣ въ свѣтѣ всѣ грызутся: эфто въ модѣ стало.

Грипочка. Что ты, Настя!

Настасья Лукинишна. Сейчасъ умереть... Нешто ты не слышала что Александръ Петровичъ вчера говорилъ?

Грипочка. Слышала. Но что онъ говорилъ? Онъ говорилъ, что нонѣ дамы точно любятъ спорить. Спорить, а вѣдь не ругаться.

Настасья Лукинишна. Ну да, про что-жъ я тебѣ и говорю-то! Ты ругайся, а показывай видъ на-сторону, что споришь. Въ эфтимъ-то вся и штука, Грипочка!

Грипочка. Ну ужъ съ маленькой не заспоришь!.. Она какъ почнетъ тебя хлестать, — отскочишь... Сама нерада будешь.

Настасья Лукинишна. А видѣла какъ я ее сегодня отканиволила? видѣла? Небось въ другой разъ не наскочить.

Грипочка. Да вѣдь пожалуй...

Настасья Лукинишна. Ну да ладно. Очинно намъ нужно про нее говорить-то. Пушай ее бѣсится.. хошь на головѣ ходить, что намъ-то? Отбрилъ ее хорошенько, да и въ сторону. Слушай Грипочка, что я тебѣ скажу-то... да боюсь говорить-то: ты пожалуй скажешь.

Грипочка. Ну вотъ, не понимаю я чтоли!

Настасья Лукинишна (оглядываясь). Ну слушай. Я ужъ покончила съ Александромъ Петровичемъ...

Грипочка. Что покончила?

Настасья Лукинишна. Онъ на мнѣ женится...

Грипочка. Какъ? когда? Неушто взаправду, Настя?

Настасья Лукинишна (припрыгивая). Ейбогу.

Грипочка. Что ты говоришь! Да когда же эфто ты?

Настасья Лукинишна. Во-та! Нешто это долго: разъ, два, три — и готово!.. ха-ха-ха! Была бы голова на плечахъ, Грипочка, а это что за важность... Не такія дѣла еще обдѣлаемъ! ха-ха-ха! (*Потираетъ руки.*)

Грипочка. А маменька знаетъ?

Настасья Лукинишна. Экъ куда хватила! Да что я за дура, чтобъ сказала ей?

Грипочка. А тятенька?

Настасья Лукинишна. Нѣтъ еще. Я все вотъ собираюсь сказать ему, да боюсь что-то говорить-то.

Грипочка. Ахъ Настя, какія дѣла ты дѣлаешь — ужаси!

Настасья Лукинишна. Учись у меня, голова, всегда человѣкомъ будешь...

Грипочка. Ты нешто любишь Александра Петровича?

Настасья Лукинишна. Его-та!.. да я за него душу отдамъ, а нето-что... (*Сильный ударъ звонка.*)

Грипочка. Не онъ ли?

(Настасья Лукинишна бѣжитъ къ роялю и начинаетъ пѣть: «Безумная, какъ я его люблю!». Входитъ Андрюша.)

ЯВЛЕНІЕ IV

ТѢЖЕ и АНДРЮША (одѣтый по модѣ, завитой).

Настасья Лукинишна. Э, да чтобъ тебѣ растянуться!.. Я и взаправду думала, что Александръ Петровичъ.

Андрюша. А что?

Настасья Лукинишна. Ничего. Повернись-ка. (*Андрюша поворачивается.*) Вотъ теперича какъ слѣдъ надо быть, а то былъ какъ цырульникъ.

Андрюша. Это, Настя, на Кузнецкомъ чесали. А штаны-то какіе, смотри — французскіе, двадцать рублей стоятъ, ейбогу! (*Показываетъ на пестрыя брюки.*) А жилетъ-то какой! (*Показываетъ на пунцовую жилетку.*) Восемнадцать заплатилъ, ейбогу, хоть сейчасъ умереть.

Настасья Лукинишна (*поворачивая его*). Да вижу, вижу... А все, Андрей, форсу нѣтъ... эдакого, значить, чтобы въ носъ бросало.

Т. X. — Отд. I.

Андрюша (*распахивая сертукъ*). На, нюхай. Слышь чѣмъ всееть?

Настасья Лукинишна (*нюхал*). Да это такъ, я не протого говорю...

Андрюша. Про чтоже? Ходить чтоли не умѣемъ? Вотъ смотри какъ пройдемъ. (*Надъвваетъ на бокъ шляпу и ходитъ съ форсомъ.*)

Грипочка. Постой, Андрюша, дай понюхать. (*Нюхаетъ.*) Фу, какъ разить! Резедой чтоли?

Андрюша. Чертополохомъ.

Настасья Лукинишна. Экъ дуракъ врешь... какимъ чертополохомъ? Жасминомъ слышно.

Андрюша. Да это дѣло плевое! Не въ томъ сила, Настя.

Настасья Лукинишна. Въ чемъ же?

Андрюша. Были бы деньги, а это послѣднее дѣло.

Настасья Лукинишна. Анъ врешь! Наперво образованіе нужно, а потомъ ужъ деньги.

Андрюша. Что ты мнѣ толкуешь! На какого чорта мнѣ твое образованіе?

Настасья Лукинишна. Какъ на какое? чтожъ ты безъ образованія—то за человекъ будешь? мужикъ, деревня, пастухъ?.. а болѣ ничего.

Андрюша. Съ деньгами-то?.. Ахъ ты дура, дура! Да дай мнѣ денегъ — такія колабна выкину, что вы всѣ рты равните.

Настасья Лукинишна. Дуракъ ты, Андрей, вотъ что! Ничего-то ты не понимаешь.

Андрюша. Ты вотъ умная, скажешь

Настасья Лукинишна. А то нешто дура? О, далеко тебѣ до меня, голубчикъ, далеко!.. Что-бъ я безъ образованія-то, куда бы годилась? Кто бы меня замужъ-то взялъ, а? Ну, говори? Что, прикусилъ языкъ-то?

Грипочка. Что за характеръ: все то она высказетъ!.. И нашла кому говорить!

Андрюша. А то нешто возьмутъ чтоли? Эхъ ты, образованная!.. Тятенька не дастъ денегъ — вѣкъ въ дѣвкахъ и просидишь.

Настасья Лукинишна. А хочешь докажу на дѣлѣ? хочешь?

Андрюша. Докажи. Очинно пріятно будетъ видѣть.

Грипочка. Настя! кому ты говоришь?.. Онъ все расказетъ.

Настасья Лукинишна. Нечего мнѣ съ тобой дуракомъ говорить!.. Отвяжись пожалуйста.

Андрюша. То-то! Поумиѣ васъ всѣхъ будемъ и съ тятенькой-то .. да! Вотъ хошь намеднись, въ трактирѣ съ княземъ пострѣчались. «А! говорить, Андрей Лукикъ, здорово, пойдѣмъ-ка, говорить, съ нами за компанію выпьемъ, говорить...»

Настасья Лукинишна. Да на это ума у тебя хватить.

Андрюша. Чего хватить! Значить мной не гнушается. Ты вотъ что скажи.

Настасья Лукинишна. Да онъ болѣ для тятеньки, а ты взаправду думалъ, что для тебя? Атанде-съ! много чести! Что ты ему за товарищъ!

Андрюша. Товарищъ! товарищъ... Чтожъ мы въ самомъ дѣлѣ хуже людей чтоли? Небось тоже себя лицомъ въ грязь не ударили: три сулеечки выставили... А были бы деньги — я-бъ себя имъ показалъ, канальство!

Настасья Лукинишна. Напился бы сдуру-то пьянъ: умнѣ бы ужъ конечно ничего-бъ не выдумалъ.

Андрюша. Ну, про это мы сами знаемъ... Не тебѣ меня учить. Да! онъ вотъ еще что говорить: я тебя, братъ, познакомлю съ Жозефиной какой-то...

Настасья Лукинишна. Съ кѣмъ?

Андрюша. Съ Жозефиной.

Настасья Лукинишна. Какая это Жозефина?

Андрюша. Я незнаю. Нонѣ, говорить, всѣ молодые люди съ полюбовницами живутъ...

Настасья Лукинишна. А ты, дуракъ, чай и ротъ раздвугь?

Андрюша. Признаться сказать, съ радости ажно всего въ потъ бросило... ейбогу! *(Дѣлаетъ глумую рожу.)*

Грипочка *(быстро).* А у него нешто есть, Андрюша?

Андрюша. Что?

Грипочка. Полюбовница-то?

Андрюша. Да надѣть полагать, что не безъ этого... А что?

Грипочка. Какъ? да развѣ это можно!.. Настя, чтожъ онъ дѣлаетъ-то со мною!..

Настасья Лукинишна. Да тебѣ-то что? Пущай его!

Грипочка. Какъ что? Да вѣдь я его помоби... Ахъ нѣтъ, нѣтъ... что я говорю-то — Господи! *(Въ волненіи быстро уходитъ.)*

Порывистый удар звонка. Входит Пугаловъ въ короткомъ сертукъ и съ медалью наружу, во всю грудь; за нимъ два официанта въ большихъ галстукахъ и перчаткахъ.)

ЯВЛЕНИЕ V

ПУГАЛОВЪ, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и АНДРЮША.

Пугаловъ (къ людямъ). Ужь вы, любезные, того... чтобы это все въ акуратъ было... понимаете? (*Двѣлаетъ жесты руками.*)

Слуга. Будьте покойны, сударь.

Пугаловъ. Что понадобится — у хозяйки спросите.

Слуга. Слушаю-съ.

Пугаловъ. Я полагаю объѣдъ-то часа въ четыре...

Слуга. Слушаю-съ. Будетъ готово.

Пугаловъ. Въ столовой-то каминъ затопите, да сулейки заморозьте.

Слуга. Слушаю-съ.

Пугаловъ (къ друтому). А ты, любезный, того... (*береть слугу за пуговицу*) какъ это часы пробьютъ примѣрно (*отъодитъ его къ колонъ*), выдъ эдакъ въ залу, да погромче и скажи, что молъ кушанье, сударь, подано — пожалуйста...

Слуга. Слушаю-съ. Будетъ все исправно. (*Съ трудомъ сдерживаетъ улыбку.*)

Пугаловъ. Ну теперича ступайте, готовьте тамъ... (*Слуги уходятъ. Къ дѣтямъ* :) Ну дѣтки, чувствуете ли вы это, а?

Андрюша. Завсегда чувствуемъ-съ, тятенька... какъ же не чувствовать-то.

Пугаловъ. То то! Дома почитай свиньями жили, а здѣсь вишь ты благодать какая... душа радуется.

Андрюша. Безсумнительно такъ, тятенька съ. Что дома-то за житье было-съ?.. одно слово — марались только...

Пугаловъ. Хе-хе-хе! доподлинно что марались... Ты это умно говоришь: Я самъ, братецъ, тоже чувствую.

Андрюша. Какъ же и не чувствовать то, Господи! Теперича окромя фатеры — жизнь-то, тятенька-съ, какая !..

Пугаловъ. Еще бы! По люлямъ и жизнь.

Андрюша. А народъ, тятенька-съ, понатѣртый... ловкій-съ!

Пугаловъ. Еще бы! Мошенникъ на мошенникъ, на томъ ужь стоять.

Андрюша. Это точно-съ.

Пугаловъ. Смотри, не клади пальца въ ротъ — откусать!.. Слышишь?

Андрюша. Зачѣмъ же-съ!

Пугаловъ. А съ знатью водись... втирайся... это можно. Въ люди выведутъ. Народъ, братъ, все благородный, ученый — не нашъ братъ купецъ-широмыга... пропащій человекъ!..

Андрюша. Да какъ же, тятенька-съ, безъ денегъ-то?

Пугаловъ. Деньги будутъ... Не о томъ рѣчь.

Андрюша. Ейбогу-съ?

Настасья Лукинишна. Ну полно Андрюша... Тятенька-съ, а князь будетъ?

Пугаловъ. Надѣть быть: самъ ѣздилъ.

Настасья Лукинишна. А Александръ Петровичъ?

Пугаловъ. Далъ слово. Прилюбезный человекъ; и главное съ гозовой человекъ... Я это сейчасъ подмѣтилъ.

Настасья Лукинишна. Ахъ тятенька съ, да я въ мирѣ людей не встрѣчала лучше!

Пугаловъ. Одно слово, мать, дворянинъ! Что говорить!

Настасья Лукинишна (*оборачиваясь и робко*). Тятенька-съ, знаете что я вамъ скажу... да боюсь я говорить-то.

Пугаловъ. Ничего, говори.

Настасья Лукинишна. Вы не разсердитесь... вы не станете смѣяться?

Пугаловъ. Да ну, ладно! говори, что тамъ еще...

Настасья Лукинишна (*оборачиваясь снова*). Тятенька, ради-создателя, не губите вы меня!..

Пугаловъ. Да говори въ чемъ дѣло-то? Что за безтолковая!

Настасья Лукинишна (*обнимая отца*). Голубчикъ! вы знаете, что я васъ люблю, что я за васъ хошъ въ огонь и въ воду по-лѣзу...

Пугаловъ. Да въ чемъ дѣло-то? голова ты съ мозгомъ!

Настасья Лукинишна (*закрывая лицо руками*). Ахъ, милочка! я уже покончила... все покончила!..

Пугаловъ. Фу ты чортъ! Да говори ты толкомъ.

Настасья Лукинишна. Тятенька... я люблю Александра Петровича! (*Бросается къ нему на грудь.*) Ради-господа не губите вы

меня... Не вѣкъ же мнѣ въ дѣвкахъ—то быть, голубчикъ! Я: не выдержу... хошь зарѣжьте, а я убѣгу къ Александру Петровичу. (*Молитъ отца.*)

Пугаловъ. Андрей, какова Настасья—то Лукинишна, а? Вотъ и смотри, братецъ, какія пули отливаегъ, а? Ну дѣвка!..

Настасья Лукинишна. Тятенька... я не выдержу! Мочи моей нѣтъ...

Пугаловъ. Хе-хе-хе... да ладно, ладно... авось стерпится... Я непrouch. Человѣкъ—то больно онъ хорошій, ну и дворянинъ... Худое ли дѣло!

Настасья Лукинишна (*бросаясь снова на грудь отца*). Голубчикъ вы мой! радость вы моя! такъ вы не сердитесь, не сердитесь? (*Душитъ его.*)

Пугаловъ. Постой! медаль оборвешь... Ну что пристага—то? сказано тебѣ...

Настасья Лукинишна. Да когда же, милочка, когда же?

Пугаловъ. Фу ты батюшки, экъ тебя разбираегъ!.. Погоди маленько. Вотъ справимся: какое состояніе, кто родня, чѣмъ занимается? Не такъ же...

Настасья Лукинишна. Да онъ богатъ, тятенька, онъ богатъ.

Пугаловъ. Ты это говоришь?

Настасья Лукинишна. Да это всѣ знаютъ...

Пугаловъ. А вотъ увидимъ.

ЯВЛЕНИЕ VI

ТѢЖЕ и УСТИНЬЯ (*входятъ быстро*).

Устинья. Поваръ сахару спрашиваетъ.

Пугаловъ. Экой чортъ вломилась... Вонъ пошла! Я тебѣ сказывалъ, чтобы ты сюды не смѣла входить.

Устинья. Вы не ругайтесь... что вы ругаетесь—то! Я по дѣлу...

Пугаловъ. Вонъ! (*Порывистый ударъ зонна.*) Андрей, спровадь ее въ шею, мерзавку! (*Андрюша бросается на Устинью.*)

Устинья. Только тронь, только тронь... Вотъ те Христось, сама сдачи дамъ! (*Показываетъ ему кулакъ.*)

Пугаловъ. Андрей, да дай ей въ зубы! (*Устиця быстро исчезаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VII

ТѢЖЕ **БЕЪ** **УСТИЦЫ** и **АПОЛЛОНОВЪ** (входитъ шумно; одѣтый франтомъ, завитой.)

Пугаловъ. А, любезнѣйшій Александръ Петровичъ! милости просимъ. (*Пожимаетъ ему руку.*) Очень радъ, очень радъ... Пропну покорно. (*Садятся.*)

Аполлоновъ (*говоритъ басомъ, помогая своей рѣчи движениемъ рукъ и всего тѣла*). А я, Лука Лукичъ, сейчасъ съ бѣга. Что это за жеребцы у князя Лугина! Какой масти, какія груди... а зады, я вамъ скажу, ноги, головы — я и не видываль... Гиганты одно слово! (*Мигаетъ глазомъ Настась Лукинишнѣ.*)

Пугаловъ. Много было-съ?

Аполлоновъ. Всѣ наши... Я удивляюсь вамъ, Лука Лукичъ, что это вы до сихъ поръ не заведете себѣ лошадокъ. Купецъ вы — а неохотникъ.

Пугаловъ. Да думаю, любезнѣйшій Александръ Петровичъ, думаю...

Аполлоновъ. Помилуйте, что тутъ думать! Человѣкъ вы семейный, капиталистъ... вамъ это стыдно, ейбогу стыдно.

Пугаловъ. Да вотъ все еще не устроился...

Аполлоновъ. Э, полноте! пустая отговорка... Хотите я вамъ подберу парочку — да ужъ такую подберу, что мое почтение!.. Мнѣ всѣ эти охотники друзья-пріятели. Хоть и мошеники они, но знаете, страсть моя къ охотѣ... Такъ вотъ я и говорю: только слово мнѣ сказать имъ — и завтра лихая пара будетъ на дворѣ у васъ. Хотите?

Пугаловъ. Благодаримъ покорно-съ. Маненько погодить надать...

Аполлоновъ. Какой же вы несговорчивый! Ну скажите, что вамъ это стоитъ? съ вашими средствами... Помилуйте!

Пугаловъ. Да деньги что-съ! плевое дѣло!.. Я не про то говорю.

Аполлоновъ. Нѣтъ, вы просто скупы, мой любезнѣйшій Лука Лукичъ, просто скупы. А такъ жить нельзя... Тѣмъ болѣе вы те-

перь живете въ свѣтѣ, у васъ отличный домъ, дочери невесты (*взглядываетъ выразительно на Настасью Лукинишну*), сынъ отличный (*мигаетъ глазомъ Андрюшъ*); все у васъ на богатую, широкую руку, — а вы въ мелочахъ скупитесь! Воля ваша, а это непростительно, непростительно... какъ хотите.

Пугаловъ. Да я непрочъ, Александръ Петровичъ, я непрочъ... Вотъ маненько поустроюсь... и карету куплю, всего накупимъ...

Аполлоновъ. Ну, батюшка! ужъ если карету покупать, — вы меня спросите. Я этихъ всѣхъ каретниковъ какъ свои пять пальцевъ знаю. Мошенники всѣ они; но у меня есть одинъ пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человекъ...

Пугаловъ. Мошенники приестественные!

Аполлоновъ. Ну да. Да вамъ не одну карету нужно, Лука Лукичъ! Купите для сына эгоистку (*мигаетъ Андрюшъ*), для Настасьи Лукинишны коляску (*мигаетъ Настасья Лукинишнъ*). Я вамъ четверку соберу ухарскихъ... чортъ возьми съ градомъ закатите! Ха, ха, ха!

Пугаловъ. Шутникъ вы, Александръ Петровичъ, ейбогу. Хе-хе-хе...

Аполлоновъ. Такъ-то, мой любезнѣйшій Лука Лукичъ! и проживемъ мы съ вами припѣваючи... (*Всторону.*) Ну ужъ чортъ!..

Пугаловъ. Хе-хе-хе...

(Сильный уларъ звонка. Входитъ Громовъ, весь въ черномъ; всѣ встаютъ. Аполлоновъ подходитъ къ Настасьѣ Лукинишнѣ, Андрюша и Пугаловъ идутъ навстрѣчу къ клязю.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

ТЪЖЕ и ГРОМОВЪ.

Пугаловъ (*пожимая ему руку*). Много обязали, ваше сіятельство, много обязали... Милости просимъ, прошу покорно. (*Садятся у камня. Андрюша уходитъ.*)

Громовъ (*развалился*). Какъ поживаете? (*Смотритъ въ лорнетъ на плафонъ.*)

Пугаловъ. Помаленьку, ваше сіятельство. Все вотъ веселился: вчера въ кіятрѣ были.

Громовъ. Вчера кажется шла Травиата?

Пугаловъ. Она самая.

Громовъ. И вы любите музыку?

Пугаловъ. Люблю-съ.

Громовъ. Какую же вы больше любите?

Пугаловъ. Какъ какую-съ? всякую люблю.

Громовъ. И шарманки?

Пугаловъ. И шарманки-съ... А что-съ?

Громовъ. А классическую напримѣръ?

Пугаловъ. И эвту-съ.

Громовъ (*всторону*). Дуракъ! ничего не понимаетъ...

Аполлоновъ (*у рояли*). Знаете что, Анастаси? Я вамъ напи-
сать стихи.

Настасья Лукинишна. Ахъ-съ, это очинно любопытно бу-
детъ послушать! Чтожъ такое? (*Кокетничаетъ*.)

Аполлоновъ. Я ихъ еще не кончилъ, да все равно я вамъ ска-
жу начало. Слушайте. (*Декламируетъ*.)

Когда на тайное свиданье
Придешь въ объятія мои...

А дальше подобралъ я рифму: «лобзанье», да это мнѣ не нравится.

Настасья Лукинишна. Отчего-же-съ? это такъ приятно
слышать... Хи-хи...

Аполлоновъ (*наклоняясь къ ней*). Ха-ха-ха... да вы бѣдо-
выя!.. А я вотъ что придумалъ, Анастаси: не лучше ли сказать...
(*Говоритъ ей что-то на ухо и потомъ громко*.) Больше мысли,
ближе къ цѣли... Ха-ха-ха!

Настасья Лукинишна (*закрывая лицо руками*). Ахъ, какія
ужасти!

Аполлоновъ. Отчего же, душа моя? ради шутки...

Настасья Лукинишна. Что вы говорите! мнѣ совѣстно...
(*Говорятъ шопотомъ и уходятъ въ пріемную*.)

Пугаловъ. Да думаю, ваше сіятельство, всю зиму здѣсь про-
жить. Дѣлишки кой-какія есть... Куда торопиться?

Громовъ. Да вамъ бы совѣмъ въ Москву переселиться: что за
жизнь на фабрикѣ!

Пугаловъ. Какая жизнь, помилуйте! Сказать совѣстно...
Думаю, ваше сіятельство, думаю здѣсь вотъ дѣтей пристроить: сына
женить, дочерей замужъ повыдать, мальчишекъ-то тоже своихъ въ
пансіонъ какой отдать... Нельзя же-съ: въ свѣтѣ живемъ-съ...

Громовъ. Прекрасно. Это дѣлаетъ вамъ честь, Лука Лукичъ!

Пугаловъ. Помилуйте, не извольте беззаботиться.— на этомъ стоимъ-съ... Благодаримъ покорно.

Громовъ (*всторону*). Экой чортъ! Какъ глупъ-то... (*Къ Пугалову*.) Домъ бы себѣ купили.

Пугаловъ. Настоящее дѣло извольте говорить.

Громовъ. Квартира ваша стара. Что вы плотите?

Пугаловъ. Пустое-съ! семьсотъ рублей, что за фатера! (*Молчаніе*.)

Громовъ (*подумавши*). Какая богатая мысль! Знаете ли что, Лука Лукичъ? Я бы вамъ посоветовалъ одно выгодное, чрезвычайно выгодное дѣло.. Это, скажу вамъ по совѣсти, такая смѣлая, честная афера, что вся ваша комерція, всѣ ваши заводы, фабрики — ничего нестоятъ... Я вамъ нешѹтя это говорю.

Пугаловъ. Любопытно-съ послушать.

Громовъ (*оборачиваясь*). Вотъ видите ли въ чемъ дѣло: я, графъ Сиверсть, Пронскій, еще два лица изъ нашихъ, — думаемъ устроить желѣзную дорогу на акціяхъ.. Вотъ бы вамъ съ нами!

Пугаловъ. Дѣло мудренное, ваше сіятельство.

Громовъ. Совсе нѣтъ... были бы деньги. Въдъ вы имѣете свободныхъ сто, двѣсти тысячъ?

Пугаловъ. Помилуйте, что за деньги!

Громовъ. Ну вотъ видите ли, чего же лучше. Вы намъ будете славный товарищъ. Давайте же вашу руку, мы съ вами устроимъ это скоро.

Пугаловъ (*пожимая руку*). Очинно будетъ пріятно-съ. (*Всторону*.) Дѣло неподходящее!.. (*Звонокъ*.)

ЯВЛЕНІЕ IX

ТВЖЕ и ЖИДРОВЪ (въ бѣломъ жилетѣ, входятъ раззадисто).

Пугаловъ (*идя къ нему*). Антонъ Антонычъ!.. Пріятный гость! милости просимъ.

Жидровъ (*говоритъ съ удумьемъ*). Добраго здоровья... Я слышалъ, что у васъ обѣдъ сегодня, и пріѣхалъ. Вы не обижаетесь, Лука Лукичъ?

Пугаловъ. Помилуйте-съ! очинно пріятно. Прошу покорно.

Жидровъ. Вырастуй, Громовъ. Откуда?

Громовъ (*льняно пожимая руку*). Съ бѣга.

Жидровъ. Ну что, вашибъ?

Громовъ. Бездѣлицу: сто рублей.

Жидровъ. Молодецъ! съ кого?

Громовъ. Съ Мошкина... горячка!

Жидровъ. И то хорошо. (*Къ Пугалову*.) А я вамъ, Лука Лукичъ, скажу откровенно: я люблю хорошо поѣсть, — у меня къ этому страсть... Держу у себя повара изъ клуба; но знаете всѣ онѣ мошенники.

Пугаловъ. Мошенники приестественные!

Жидровъ. Хочу вотъ француза выписать. У васъ тоже поваръ!

Пугаловъ. Какже-съ? изъ англійскаго клуба.

Жидровъ. Bravo! Такъ вы насъ сегодня славно покормите?

Пугаловъ. На эфтимъ стоимъ-съ... Съ трюфелями будемъ...

Жидровъ. Брависсимо! А я, признаться, и не завтракалъ.

Пугаловъ. Не угодно ли чего перекусить?

Жидровъ. Я непрочь, пожалуй. Въѣ у васъ обѣдъ не скоро?

Пугаловъ. Побарскому-съ, часа въ четыре.

Жидровъ. О! да вы, Лука Лукичъ, посвѣтски живете!

Пугаловъ. Хе-хе-хе... нельзя же-съ: дочери невѣсты.

Громовъ. У васъ Грипочка славная дѣвочка.

Пугаловъ. Ребенокъ еще, ваше сіятельство.

Громовъ. Но милый ребенокъ.

Пугаловъ. Очинно пріятно слышать.

Громовъ. Но вы ихъ странно держите... Отчего она у васъ такая пугливая? Дѣвушекъ нельзя такъ воспитывать.

Пугаловъ. Непривычна еще, ваше сіятельство.

Громовъ. Mais, mon Dieu! возьмите гувернантку. дайте ей манеры, свѣтскаго шикю... этого *ricnant*, какъ говорится. Посмотрите что изъ нея выйдетъ. Кромѣ шутокъ. Я отъ души вамъ это говорю.

Пугаловъ. Благодаримъ покорно-съ. За эфтимъ не постоянъ-съ, ваше сіятельство. Были бы деньги, а это послѣднее дѣло.

Жидровъ. Правду вы говорите, Лука Лукичъ: были бы деньги... Безъ денегъ плохо жить на свѣтѣ. Окъ какъ плохо!..

Пугаловъ. Мнѣ, благодареніе—господа, Антонъ Антоновичъ, жаловаться нечего: имѣю малую толику...

Жидровъ. Да вы, Лука Лукичъ, мильонеръ... кто это не знаетъ!

Пугаловъ. Хе-хе-хе... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X

ТѢЖЕ БЕЗЪ ПУГАЛОВА.

Громовъ (*ему вослѣдъ*). Достаются же осламъ такія деньги!

Жидровъ. Я сейчасъ тоже думалъ: счастье дуракамъ!

Громовъ. Ты думаешь, онъ ихъ нажилъ? Чорта съ два!

Жидровъ. Я думаю... Кто же?

Громовъ. Отецъ его, дѣлъ, прадѣлъ... Вѣками грабили. Коммерція, братъ, выгодная: постукивай да постукивай...

Жидровъ. Ну нѣтъ братъ, за это въ Динабургъ сошлютъ.

Громовъ. Въ глуши-то? чортъ ихъ накроетъ!..

Жидровъ. А начальство?

Громовъ. Какое тамъ начальство!

Жидровъ. Можетъ—быть... (*Оглядывается. Въ пріемной Аполоновъ и Настасья Лукинишна ходитъ подъ руку.*) Послушай, ты бралъ у него денегъ?

Громовъ. Нѣтъ еще... (*Оглядывается.*) Но думаю.

Жидровъ. Надо сорвать непременно... но какъ? Чортъ возьми! что бы такое придумать? (*Глажитъ свою плешь.*)

Громовъ. Я самъ, братецъ, тоже объ этомъ думалъ. Но съ нимъ мнѣ кажется легко справиться... Надо только умѣючи повести дѣло.

Жидровъ. Шельма вѣдь... кулакъ!

Громовъ. Да это ничего. Онъ страшно самолюбивъ, ты это вѣрно замѣтилъ? Надо къ нему въ довѣріе взойти, понимаешь? Больше льстить ему, поллецу, — тогда онъ тебя хоть въ пятку поцѣлуетъ... Помнишь покойника Шмыгина? такой же былъ подлецъ, какъ и этотъ.

Жидровъ. Да это такъ. Нѣтъ, что бы такое придумать?... (*Ударяетъ себя по плещи.*) Спекуляцію какую бы нибудь... запутать бы его, чорта, хорошенько, какъ муху въ паутину; обойти бы

со всѣхъ концовъ, чтобы и писку небыло .. а тамъ... а тамъ... ну качнуть бы куда-нибудь... Чортъ съ нимъ совѣмъ!

Громовъ. Я сегодня пробовалъ...

Жидровъ. Насчетъ чего? Не въ дисконтъ-ли векселя?

Громовъ. Догадается.

Жидровъ. Мы сами не будемъ. Пошлемъ Фадея.

Громовъ. Его, подлеца, съ собаками не сыщешь: пропагъ куда-то съ недѣлю, мерзавецъ, и глазъ не кажетъ.

Жидровъ. Пьянствуетъ гдѣ-нибудь, по обыкновенію.

Громовъ. А я вотъ что придумалъ... (*Оборачивается.*) Слушай. Я сегодня говорилъ старику, что у насъ будтобы составляется компанія на акціяхъ для устройства желѣзной дороги — понимаешь? Сразу бы сто тысячъ хватить, — пополамъ бы и раздѣлили.

Жидровъ. Это глупость! Ста тысячъ ты съ него никогда не получишь. Смѣшно и думать. А лучше вотъ что... (*оборачивается*) завлечь бы эту Грипочку, Липочку чтоли, какъ ее? Жениться бы на ней, да и дать тягу... Сто тысячъ старикъ дастъ; навѣрняка дастъ сто тысячъ.

Громовъ. Да чортъ ее знаетъ! я ужъ пробовалъ... Кисель какой-то, всего боится. Подойдешь — прячется, скажешь слово — бѣжить къ матери подъ юбку... Ничего не подѣлаешь.

Жидровъ. Развѣ увезти? Вѣдь эти дуры любятъ романическое ..

Громовъ. Тогда ничего не получишь.

Жидровъ. Что-нибудь надо же придумать... Чортъ возьми! жаль будетъ, если такъ сорвется. Ну да вотъ что... (*Оборачивается.*) Если женитьба не повезетъ, надо непременно обыграть этого Андрея: дуракъ вѣдь набитый!..

Громовъ. Сначала денегъ дать взаймы, приохотить осла, а потомъ и сорвать... Да что! какихъ-нибудь тысячъ двадцать-тридцать выручишь — изъ нихъ навѣрняка половины не получишь.

Жидровъ. Подъ векселя!..

Громовъ. Ну такъ чтожь-что подъ векселя? Отецъ платить то будетъ. Больше полтины за рубль не дастъ, да и то сомнительно.

Жидровъ. И десять тысячъ, братъ, взять хорошо... На улицѣ не подынешь.

Громовъ (*пожимаясь*). Разумѣется.

ЯВЛЕНИЕ XI

ТЪНЬЕ и ПУГАЛОВЪ (выходить изъ кабинета).

Пугаловъ. Милости просимъ закусить ко мнѣ въ кабинетъ.
Прощу пошорно.

Жидровъ. Бинзъ, пойдѣмъ.

Громовъ. Пожалуй. (*Уходятъ оба направо.*)

ЯВЛЕНИЕ XII

ПУГАЛОВЪ, АПОЛЛОНОВЪ и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входятъ въ залу).

Пугаловъ. Александръ Петровичъ, неудобно ли чего перекусить? Милости просимъ.

Аполлоновъ. Нѣтъ ужъ позвольте мнѣ полюбезничать съ малой Настасьей Лукинишной. Она мнѣ слаще мирра и вина... Ха-ха-ха!

Пугаловъ. Хе-хе-хе... какъ угодно. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XIII

АПОЛЛОНОВЪ и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА.

Аполлоновъ (*оглядываясь*). Анастаси, другъ мой! я къ тебѣ съ просьбой...

Настасья Лукинишна. Говори, мо-нажь!

Аполлоновъ. Настя! вѣдь ты меня любишь? и Лука Лукичъ ужъ это знаетъ. Докажи же мнѣ твою любовь на дѣлѣ.

Настасья Лукинишна. Саша! душу отдамъ, а чего-что... Говори, проси чего хочешь — для тебя, жизнь моя, ничего не пожалѣю... Золотой ты мой! (*Глядитъ ему въ глаза.*)

Аполлоновъ (*оглядываясь*). Вѣрю, душа моя, вѣрю. Вотъ видишь ли въ чемъ дѣло... Только бога-ради это между нами... Понимаешь?

Настасья Лукинишна (*энергически показывая на сердце*). Здѣсь умереть!

Аполлоновъ. Я, Настя, человекъ небогатый... то-есть пять-десять-шестьдесятъ тысячъ у меня есть; но что это за деньги!

Настасья Лукинишна. Какія деньги!

Аполлоновъ. Такъ вотъ, душа моя, въ чемъ самая-то суть (*хочутъ оба*): вся эта сумма теперь у меня въ разбродъ... знаешь, то за товарищами, то въ банкъ, то въ деревню ушли на постройку дома...

Настасья Лукинишна. А ты нешто строишь домъ, Саша?

Аполлоновъ. Да еще какой, Настя! съ бельведерами, съ паркомъ, съ оранжереями...

Настасья Лукинишна. Ахъ ужаси! Я съума сойду просто.

Аполлоновъ. Такъ я вотъ про деньги-то говорю. Не дашь ли ты мнѣ займы на время?

Настасья Лукинишна. Ахъ, Саша! у меня нѣтъ денегъ... душой бы рада. Да постой, нешто у тятеньки попросить: онъ дастъ.

Аполлоновъ. Ни-ни ни!.. ни подъ какимъ видомъ. Боже тебя сохрани! Ты меня погубишь... (*Омладывается.*)

Настасья Лукинишна. Да чѣмъ же, Саша?

Аполлоновъ. А вотъ чѣмъ. Ты знаешь его... А! скажешь, онъ бѣднякъ, бѣднякъ: какой же онъ мужъ тебѣ?.. И невидать мнѣ тебя больше, какъ ушей своихъ!

Настасья Лукинишна. Да-это пожалуй такъ будетъ: отъ него станется... Ахъ, Господи!

Аполлоновъ. Ничего не будетъ. Молчи только.

Настасья Лукинишна. Здѣсь умереть! (*Показываетъ слова на сердце.*)

Аполлоновъ (*цѣлуя руку*). Вѣрю, душа моя, вѣрю... (*Оборачивается.*) А ты вотъ что, нѣтъ ли у тебя изъ вещей чего-нибудь: браслетки, серегъ ли какихъ?..

Настасья Лукинишна. Есть, Саша, серьги.

Аполлоновъ. Брильянтовые?

Настасья Лукинишна. Брильянтовые, съ изумрудомъ: пять-сотъ рублей стоятъ.

Аполлоновъ. Отлично! Еще что?

Настасья Лукинишна. Браслетъ еще есть: тотъ почтиай рублей двѣсти стоитъ, коль не больше.

Аполлоновъ. Великолѣпно! Давай ихъ сюда.

Настасья Лукинишна. Я къ тебѣ, Саша, сама ихъ принесу.

Аполлоновъ. Да ты когда еще сберешься... а мнѣ до зарѣзу нужно.

Настасья Лукинишна. Ейбогу же принесу. Какъ тятенька съ маменькой въ баню уѣдутъ, такъ и приду.

Аполлоновъ. Когда еще они пойдутъ!.. Долго ждать.

Настасья Лукинишна. Вотъ въ эту субботу непременно. Они всегда по субботамъ ѣздятъ...

Аполлоновъ. Да ты бы лучше на дняхъ. Соври что-нибудь...

Настасья Лукинишна. Я совру. А то нешто такъ насъ пустать!

Аполлоновъ. Ну, смотри же не обмани.

Настасья Лукинишна. Ейбогу же приду.

Аполлоновъ (*оглядываясь*). Ну Настя, я теперь пойду водки выпью, а ты меня поцѣлуй... ужъ я не отстану, какъ хочешь. (*Обнимаетъ ее.*)

Настасья Лукинишна (*вырываясь*). Ахъ, здѣсь нельзя! ейбогу нельзя... увидать, Саша!

Аполлоновъ (*прижимая ее къ себѣ*). Не увидать. (*Целуетъ ее звонко.*)

Настасья Лукинишна (*обнимая его*). Золотой ты мой! (*Целуются.*)

Аполлоновъ. Ступай оправься... а я пойду. (*Уходитъ направо.*)

Настасья Лукинишна (*закидывая руки на голову*). Саша! завтра же приду... Ангелъ мой! жизнь ты моя! очаровательный!.. Злодѣй! губитель мой! У-у милочка!.. (*Дѣлаетъ антраша и убѣгаетъ за колоны.*)

ЯВЛЕНИЕ XIV

ГРИПОЧКА и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА (входитъ налутая, въ шелковомъ платьѣ, въ модномъ чепцѣ и въ шали. Изъ приемной показываются Митроша и Стеша.)

Грипочка. Гдѣжь они?

Степанида Панкратъевна (*садясь*). Съ дуракомъ чай водку пьютъ: закуски спрашивали.

Грипочка. Маменька, зачѣ вы ихъ не любите?

Степанида Панкратъевна. Зато что всѣ они жулики! Ни одного путнаго нѣтъ...

Грипочка. И князь, маменька?

Степанида Панкратъевна. И князь! Что ты мнѣ княземъ-то тычешь?.. Плевать я на него хотѣла! (*Плуетъ.*)

Грипочка. И Александръ Петровичъ?

Степанида Панкратъевна. И эфотъ жуликъ.

Грипочка. А Антонъ Антонычъ, маменька?

Степанида Панкратъевна. А эфотъ изъ мошенниковъ-то мошенникъ будетъ!

Грипочка. Что вы, маменька! Какъ же тятенька-то...

Степанида Панкратъевна. Тятенька твой свиночасъ! Умомъ все хвастается, а самъ дуракъ набитый... Дальше своего трупаго носа видчего и не видить.

Грипочка. Маменька, да чтожъ ему видѣть-то?.. Нешто вы что замѣтили?

Степанида Панкратъевна (*горячася*). Что Наська дѣлаетъ? кто волю даъ Андрею? кто домъ верхъ дномъ поставилъ, а? Дуракъ твой отецъ. Вотъ кто!

Грипочка (*охладиваясь*). Маменька, да вы не кричите... тятенька услышитъ.

Степанида Панкратъевна (*еще громче*). Никого я не боюсь! и молчать не стану! Мнѣ отъ Наськи да отъ отца твоего житья нѣтъ. Они, черти, рады душу мою живьемъ изъ тѣла вырвать... Наська и то вчера говорить: «умирали бы вы скорѣ!..» Подлячка эдакая! сама съ жиру-то бѣсится, рада всѣхъ уморить. Ни дна бы ей, ни покрышки!.. А тотъ, скотъ, еще ей же потакаетъ! (*Передразниваетъ.*) «Что, говорить, Настинька, мать-то обижаешь? не трошь ее, говорить, — она у насъ изъ благородныхъ взята: двѣ души заложеныхъ, ободраныхъ, да сама третья...» (*Взвизгиваетъ, смотря на кабинетъ.*) Безсудная голова! далеко тебѣ до меня... Шестой десятокъ живу, а изъ ума не выжила; изъ себя янараловъ не разыгрывала. Куда ужъ намъ съ немѣтымъ рыломъ да въ калашный рядъ соваться!

Грипочка. Маменька-съ, бога-ради не кричите... тятенька сейчасъ нагрянетъ.

ЯВЛЕНІЕ XV

ТѢЖЕ, ГРОМОВЪ, ЖИДРОВЪ, АПОЛЛОНОВЪ и ПУГАЛОВЪ (выходятъ изъ кабинета).

Громовъ. Здравствуйте. (*Степанида Панкратьевна молча киваетъ головой.*)

Грипочка. Здравствуйте.

Громовъ. Какъ ваше здоровье?

Грипочка. Благодарю васъ. Слава-богу.

Жидровъ. Мое почтеніе, сударыня. (*Степанида Панкратьевна молча киваетъ головой.*)

Пугаловъ. Жена! тебѣ кланяются.

Степанида Панкратьевна. Вижу, не спяла! (*Всторону.*)
Ишь медаль-то развѣсила, по самое брюхо... Дуракъ!

Аполлоновъ. Доброго здоровья, Степанида Панкратьевна:
Позвольте ручку.

Степанида Панкратьевна. Цѣлуйте у молоденькихъ! что у старухи взять...

Аполлоновъ. Нѣтъ ужъ позвольте... (*Цѣлуетъ. Степанида Панкратьевна почти толкаетъ рукой ему въ зубы.*)

Пугаловъ (*къ Митрошѣ*). Гдѣ Андрей?

Митроша. Въ столовой былъ-съ.

Пугаловъ. Позови сюда.

(Митроша уходитъ. Пугаловъ говоритъ съ княземъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVI

ТѢЖЕ, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИЦНА и АНДРЮЩА (немного выпивши).

Андрюща. Настя, я маленько подгулялъ.

Настасья Лукинишна. Ахъ, ты дуракъ адакой! чтожь ты теперича надълазь!..

Андрюща. Да я ничего... для куражу больные.

Настасья Лукинишна. Какое ничего? Слупай скорѣй на дворъ, стой на морозѣ — авось провѣтришься...

Андрюща. Я къ тятенькѣ...

Настасья Лукинична. Не смѣй и думать! Страну чтоли замещать? Ступай, говорить тебѣ.

Андрюша. Нешто больно замѣтно?

Настасья Лукинична. Чегожь еще!.. Уйди ты богарани! Не страми ты насъ-то. *(Голкаетъ его за плечомы.)* Ахъ, осаль ты эдакой!

Андрюша *(оборачиваясь)*. Ты чего?

Настасья Лукинична. Ничего, ничего... Ступай сдѣлай милость.

(Андрюша уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XVІ

ТѢЖЕ безъ АНДРЮШИ и СЛУГА.

Слуга *(громко)*. Кушанье подано-съ!

Пугаловъ. Милости просимъ, пожалуйста. *(Дѣлаетъ жесты руками съ пріемную. Вся идутъ кромь Степаниды Панкратьевны.)* Жена ступай.

Степанида Панкратьевна. Я не пойду.

Пугаловъ *(глядитъ на нее съ минуту)*. Ты чаво?

Степанида Панкратьевна *(также)*. Ничего. Проваливай!

Пугаловъ. Анафема!

Степанида Панкратьевна. Ёрникъ!

Пугаловъ. Змѣиная порода!

Митроша *(вбѣгая)*. Тятенька-съ, пожалуйста... дожидаются.

Пугаловъ. Да чортъ съ тобой, и то сказать! *(Уходитъ.)*

Степанида Панкратьевна *(срывается со стула)*. Скотъ! *(Блѣжнѣе дѣ колоны и кричитъ во весь голосъ.)* Бохвалъ безмозглый!.. *(Блѣжавши роняетъ съ плечъ шаль.)*

ЯВЛЕНІЕ XVІІ

СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА и УСТИНЬЯ *(вбѣгаетъ быстро, растрепаная)*.

Устинья. Матушка, Степанида Панкратьевна! а у насъ грѣхъ такой случился: Андрей-то Лукичъ нализался... Въ безчувствіи всякомъ...

Степанида Панкратьевна. Какъ назывался? гдѣ, когда?

Устинья. Да все около бубента этого, когда далауищи эти столъ накрывали... тамъ и наклеотался.

Степанида Панкратьевна. Уморотъ они меня злодѣи!.. Чужо ты-то, дура, смотрѣла? гдѣ у тебя глаза-то были?

Устинья. Матушка-сударыня, да развѣ онъ мнѣ дастъ слово выговорить? Весь, озорникъ, въ тятеньку потрафилъ: такъ и на-решилъ въ зубы дать... Нешто вы не знаете!

Степанида Панкратьевна. Гдѣжь онъ теперь, безпутный?

Устинья. На кухнѣ пребываетъ.

Степанида Панкратьевна. А «самъ» знаетъ?

Устинья. Знать нѣтути... а то бы нагрнулъ.

Пугаловъ (за сценой). Гдѣ Андрей?

Устинья. Матушка барыня, никакъ самъ провѣдалъ! Пойдемте отселева: чѣмъ бы не жигнулъ онъ васъ... (Подымаетъ съ полу шаль.)

Степанида Панкратьевна. Охъ, царь ты мой небесный! Пойдемъ. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIX

ПУГАЛОВЪ, НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА и МИТРОША (входятъ всѣ по одиначкѣ).

Пугаловъ. Андрей!

Настасья Лукинишна (догоняя отца). Тятенька, не страмите насъ-то!

Пугаловъ (идя въ гостиную). Андрюшка! (Уходитъ.)

Настасья Лукинишна. Тятенька, голубчикъ, не страмите насъ-то! (Уходитъ.)

Митроша (вбѣгая). Тятенька-съ! трюфели подають-съ. Пожалуйста. (Блѣжитъ за ними.)

Занавѣсъ падаетъ.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена разделена на двѣ половины. На правой сторонѣ гостиная въ домѣ Жидрова, на лѣвой кабинетъ въ домѣ Аполлонова. Беспорядокъ общий: вездѣ трубки, мебель вся разбросана, на полу карты, на столахъ бутылки, свѣчи, закуска. Вечерь.

(На лѣвой сторонѣ къ зрителямъ, на диванѣ развадившись сидитъ Аполлоновъ въ халатѣ, съ трубкой и гитарой).

ЯВЛЕНИЕ I

Аполлоновъ (*запѣваетъ*).

• Городъ спитъ въ дали туманной,
Освѣщенъ лишь бельведеръ,
И играетъ иностранный
На гитарѣ офицеръ. (*)

• Звучно стройная гитара
Наливаетъ вѣжнѣй стонъ:
• Сага міа, міа сага!
Выйди, выйди на балконъ! •

Полны слезъ слова живыя,
Но безмолвенъ бельведеръ —
И опять «о сага міа!»
Продолжаетъ офицеръ.

• Голосъ плакалъ музыканта;
Вотъ услышали его...
Изъ окна — Maria Santa! —
Чѣмъ-то облила всего!..

• Жаль мнѣ новаго мундира, —
Maladetto бельведеръ!..
И въ волнахъ Гвадалкивира
Сталъ кучаться офицеръ... •

Сидоренко!

(*) На слова эти музыка написана г. Фришманомъ.

ЯВЛЕНИЕ V

АПОЛЛОНОВЪ и СИДОРЕНКО (*идутъ быстро*).

Сидоренко. Чего изволите? (*Говорить — ржеть.*)

Аполлоновъ. Чтѣ, нѣтъ еще?

Сидоренко. Никакъ нѣтъ-съ.

Аполлоновъ. Ты выйдь-ка за ворота.

Сидоренко. Слушаю съ. (*Молодецки поворачивается и уходитъ. Аполлоновъ курить.*)

Аполлоновъ (*запѣваетъ*).

• Въ крови горитъ огонь желанья,
 Душа тобой уязвлена;
 Лобзай меня: твои лобзанья
 Мнѣ слаще мивра и вина. •

Какже, чорта съ два!.. Сидоренко! (*Входитъ Сидоренко*). Дай водки.

Сидоренко. Слушаю-съ. (*Уходитъ и приноситъ водку*).

Аполлоновъ (*пѣетъ и продолжаетъ*).

• Склонись ко мнѣ главою нѣжной,
 И да почию безмятежной... •

Ни-черта не понимаю! Чтѣ это за «почию безмятежной»? Чортъ въ ступицу, сапоги въ смятку... А еще Пушкинъ! Ну да все равно. (*Продолжаетъ*.)

• Пока дохнетъ веселый день
 И двинется ночная тѣнь. •

Дерну-ка я ей это... Вѣдь дура набитая! (*Пѣетъ*). Жениться! ну это не съ вашимъ рыломъ... Мы себя получше сыщемъ. Да-съ! (*Пѣетъ*.) А вотъ чтѣ-съ: мы прежде сережки да браслетку стянемъ, а потомъ и за колечки примемся... Нѣтъ ли тамъ, моя милѣйшая, у матери чего еще?.. Вѣдь у насъ, у чертой, всего этого непочатый уголь, въ сундукахъ, скареды, лежитъ подъ семью замками... ана-семь! Да и къ отцу лапу запустить немѣшаетъ... Богатъ, чортъ — выдержать!.. И запоемъ мы ужъ тогда:

Прекрасна; сейчас я выхожу.
 Душа поедается моя.
 Да здравствует дура Петровна
 И ручки, и штучки ее!... (Поет.)

Видно не придет... Сидоренко! (Сидоренко входит.) Ну что?
 Буде рожко. Невидать еще.

Аполлоновъ. Что за исторія? Ты ступай. (Сидоренко уходит.) Не рассказывала ли она одурь-то — вотъ увязить-то! Да нѣтъ... А можетъ-быть: отъ нея вѣдь станется... Дурака и афракъ набитый! Что тутъ было еще откладывать, когда явилась ружьей блан? Вотъ теперь и сережки, — охъ! въ трубу вылетѣли... Портъ знаетъ! (Начинаетъ водить по полкату.)

ДѢЙСТВІЕ VI

АПОЛЛОНОВЪ и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входитъ быстро).

Настасья Лукинишна (оглядываясь). Здравствуй! (Цѣлуетъ его.) Ты ждалъ меня, Саша?

Аполлоновъ. Измучился дождавшись.

Настасья Лукинишна (тяжело дыша). Прости, золотой ты мой! я и такъ, вѣришь ли Богу, едва вырвалась: сказала, что къ всенощной, и то маменька накинулась: «что это, говорить, за богомолье вдругъ напало? что это за выдумки такія одной ходить?» И пошла, и пошла она меня хлестать... насилу выкатилась, ейбогу! Я къ тебѣ, Саша, на минуточку. Нельзя никакъ: тятенька дома.

Аполлоновъ. А въ баню? Сегодня вѣдь субота.

Настасья Лукинишна. Не похваля. Сердитый такой, что ужаси! Андрея за что-то все ругаетъ. Куда-то вѣхать собирается... не знаю право. Я просто измучилась сегодня. Маменька съ Устиньей подралась: всю рожу ей исцарапала... а тятенька Митрошу прибилъ; Грипочка тоже плачетъ. И не приведи-господи что у насъ творится!

Аполлоновъ. Серьги принесла?

Настасья Лукинишна. Принесла.

Аполлоновъ. Ейбогу?

Настасья Лукинишна. Ейбогу. На вотъ (подаетъ ему).

Аполлоновъ (притрываетъ). Прелесть моя! Душка ты моя! за это расцѣлю. (Цѣлуетъ ее.)

Настасья Лукинишна. Вот и бравоги (подаетъ ему).

Аполлоновъ (припрыгивая). Золото твое! (Целуетъ ее.) Спасибо, выручила! какъ гора съ плечъ свалилась. Спасибо. (Целуетъ ее). Ну теперь съ радости и выпить можно. Сидоренко! (Делаетъ приглашеніе въ залъ).

Настасья Лукинишна. Нельзя, Саша, я на фидучточку. (Смываетъ слезы, дома хватается.)

Аполлоновъ. Видь ты сказала, что во возможности.

Настасья Лукинишна. Сказала. Да теперь чай отойди. (Въ сторону.)

Аполлоновъ. Не хватаетъ, выпьемъ! Сидоренко! (Сидоренко выходитъ). Вот деньги, жива двѣ бутылки фидучеру. Маршъ! Сидоренко. Слушаю-сь. (Быстро уходитъ.)

(Аполлоновъ обидѣваетъ Настасью Лукинишну, садятся и шепчутся.)

Настасья Лукинишна. Саша, когда же ты на мнѣ женишься? (Гладитъ рукой его волосы.)

Аполлоновъ. Вотъ только домъ отстрою.

Настасья Лукинишна. Чай нескоро?

Аполлоновъ. Нѣтъ, скоро: ужъ крышу кроютъ.

Настасья Лукинишна. А паркъ готовъ?

Аполлоновъ. Нѣтъ еще, укатываютъ.

Настасья Лукинишна. Да ты врешь, Саша!

Аполлоновъ. Ну вотъ. Не вѣришь, спроси хоть Сидоренку. Онъ знаетъ.

Настасья Лукинишна. Нѣтъ, я такъ... я вѣрю. А оранжерея, Саша?

Аполлоновъ (всторону). Вотъ пристала! (Къ ней) Стекла вставляютъ.

Настасья Лукинишна. А домъ-то великъ?

Аполлоновъ. Сорокъ двѣ комнаты.

Настасья Лукинишна. Ахъ ужаси машина какая! Мы нешто жить-то тамъ будемъ, Саша?

Аполлоновъ. Лѣтомъ тамъ, а на зиму за границу хватимъ... Чортъ ли намъ здѣсь дѣлать!

Настасья Лукинишна. Во Францію?

Аполлоновъ. И даьше хватимъ... хоть въ Итацію и такъ даге.

Настасья Лукинишна. Ахъ, Саша! да я просто пошу съ радости, ейбогу. (*Прижимается къ нему.*)

Аполлоновъ. Зачѣмъ умирать!

Настасья Лукинишна. Ненаглядный ты мой! Сокровище ты мое! Саша, жизнь ты моя!.. (*Треплетъ его по щекамъ и цѣлуетъ поцѣлутно.*)

Аполлоновъ. Ну полно. Что это Сидоренко не идетъ? (*Освобождается изъ объятий Настасьи Лукинишны, Влечетъ Сидоренку съ силою. Пьютъ и цѣлуются.*)

Настасья Лукинишна (*вставая*). Ну прощай, Саша, я пойду.

Аполлоновъ. погоди немножко. Вѣдь завтра не придешь?

Настасья Лукинишна. Приду, ейбогу! пусть, голубчикъ. Смерть боюеъ, дома хватятся.

Аполлоновъ. Пойдемъ вмѣстѣ. Я тебя провожу.

Настасья Лукинишна. Пойдемъ, золотой ты мой! (*Уходятъ оба.*)

(На правой сторонѣ сцены у стола сидитъ Жидровъ, съ картами въ рукахъ. Онъ мечетъ банкъ: набиваетъ руку.)

ЯВЛЕНІЕ I

Жидровъ. Такъ подобралъ, что самъ чортъ не узнаетъ. (*Прячетъ карты въ карманъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II

ЖИДРОВЪ и ШИРАМЫЖНИКОВЪ (*входитъ задумчивый; взгляды исполдობья*).

Жидровъ. А, мой милѣйшій! Здравствуй.

Ширамыжниковъ. Здравствуй. Что, нѣтъ еще?

Жидровъ. Съ княземъ уѣхалъ къ Жозефинѣ.

Ширамыжниковъ. Зачѣмъ?

Жидровъ. Разогрѣть молодую-то кровь... Понимаешь? Придутъ вмѣстѣ.

Ширамыжниковъ. Гм!

Жидровъ. Не хочешь ли, душа моя, выпить? Всю ночь пожалуй прорыжмелся.

Ширамыжниковъ. Выпить? Непьшаеть. *(Пьетъ и оба закусываютъ.)*

ЯВЛЕНІЕ III

ТЯНЬКА, ГРОМОВЪ, АНДРЮША и ЖОЗЕФИНА *(входятъ въ шумно. Жозефина шпѣваетъ.)*

Жидровъ. Наконецъ-то!

Жозефина. Здравствуйте, здравствуйте! *(Пожимаетъ руки Жидрову и Ширамыжникову.)*

Громовъ. Ну, полковникъ, мы ваши гооти, извольте угощать насъ на славу.

Андрюша *(выпивши)*. Вотъ люблю-сь! ейбогу-сь. Гулять такъ гулять! *(Машетъ руками.)*

Жидровъ. Молодецъ Андрюша! Поцалуй меня. *(Целуются.)*

Андрюша *(съ жестами)*. Я, Антонъ Антонычъ, не въ тятеньку-сь; у меня все наружу... ейбогу-сь. Мнѣ вотъ Жозефина Ивановна полюбилась... я и говорю прямо, что за нихъ душу отдамъ, а нето-что тамъ политично какъ, аль теперича околичностью какой идти. У меня сказано-сдѣлано. Вотъ что-сь!

Громовъ. Да ты молодецъ, Андрей, молодецъ!

Андрюша. Я, ваше сіятельство, вамъ по чувствуію прямо скажу-сь: вы мнѣ пуще тятеньки-сь... Тятинька мнѣ что-сь! — правое дѣло!.. ейбогу-сь. Опречь того что ругается, наровить все въ зубы дать: значить сердце мое и не лежитъ къ нему. Вотъ что-сь! Теперича къ примѣру и маменька-сь такого же калибру будетъ: все заобсѣдуетъ... Почитай однѣ только неприятности и слышнись. А здѣсь мнѣ воля, я и гуляю.

(Ширамыжниковъ глядитъ на него исподлобья.)

Жидровъ. Гуляй, душа моя, гуляй!.. Поцалуй же меня. *(Целуются.)*

Андрюша. Я васъ, Антонъ Антонычъ, какъ отца родного полюбилъ-сь, ейбогу-сь. Человѣкъ-то больно вы хорошій. Вотъ что-сь! Теперича и дядя выпивки примѣрно вездѣ дома почитай однѣ задирки; а здѣсь мнѣ воля, — душа гуляетъ!..

Жозефина. Андрей Лункач! подождо-ка ко-шачо! (Андрюша подсакивается.) Послушайте, вы здѣсь долго прощиваете?

Андрюша. Ничего-съ, какъ читотка-съ...

Жозефина. Если вы уйдете, я безъ васъ умру.

Андрюша. Нешто-ли жена любите?

Жозефина (отходо съ сторону.) Подите сюда. (Андрюша подходить.) Я васъ люблю, чедко не говорите это князю. Слышите?

Андрюша. Самъ огну, а васъ не выдамъ! напишите тогда мнѣ въ рожу, коль я это сдѣлаю.

Жозефина. Ха-ха-ха... какой же ты милый, милый! (Прижимается къ нему.) Андрюша, а серьги купишь?

Андрюша. Ейбогу жъ куплю.

Жозефина. Да ты дрянъ какую-нибудь купишь: въ сто цѣлковыхъ!

Андрюша. Чего-съ? Въ тысячу цѣлковыхъ дернець! Цирните тогда мнѣ въ рожу.

Жозефина. Милый! душка ты мой! поцалуй же меня. (Целуются.) Да ты покрѣпче, Андрюша. (Целуются.) Вотъ такъ.

Громовъ. Андрей! да ты обними ее.

Андрюша. Я несмѣю-съ.

Громовъ. Полно, братецъ, чтѣ за ребенокъ!

Андрюша. Жозефина Ивановна, позвольте-съ... (Ловить ее, Жозефина бѣжитъ.) Нѣтъ ужъ позвольте-съ. (Прижимается ее въ уголь и целуетъ.)

Громовъ. Вотъ такъ ее! хорошенько, братецъ, хорошенько!

Жозефина (вырывается.) Ахъ, да отстаньте!.. Андрей Лункач, вы меня замучили.

Андрюша. Нѣтъ ужъ позвольте-съ, благо я въ озартъ захошъ. (Гискаетъ ее. Жозефина вскрикиваетъ и громко хохочетъ.)

Громовъ. Bravo! молодець, Андрюша! Ды эъ ущипни ее хорошенько, чтобъ не кричала. Чтѣ на нее смотреть-то!

Андрюша. Я ущипну-съ, ваше сіятельство, я ущипну-съ. Теперича я въ самый разъ. (Щиплетъ.)

Жозефина (измѣлась). Ай! я закричу, ейбогу. Ха-ха-ха, пострѣль! ха-ха-ха... кара-уль! разбойники! (Вскрикиваетъ.) Да чтѣ вы, черти!.. ха-ха-ха!

(Всѣ хохочутъ, Андрюша громче всѣхъ);

Жидровъ. Ну, будетъ вамъ, господа. Андрей Лукичъ, не състь ли намъ на карточка?

Громовъ. Да вы, пожалуйста, прежде бы намъ шампанскаго дали.

Жидровъ. Сейчасъ, сейчасъ. *(Благословляетъ Феду.)* Фу, Фидой!

ДѢЙСТВІЕ IV

ТАЖЕ и САМСОНОВЪ. *(Входитъ съ подносомъ и бутылками.)*

Громовъ. Ба! Фадей Смычъ! какими судьбами?

Самсоновъ. Добраго здоровья, ваше сіятельство. Андрею Лукичу мое нижайшее... Фокъ Фокичу-сь... Жозефинъ Ивановъ-сь — сударынь-сь. *(Ставитъ подносъ на столъ.)*

(Андрюша, Ширамыжниковъ и Жозефина кланяются.)

Громовъ *(всторону.)* Ишь чортъ, такъ въ душу и лѣзетъ!.. *(Къ нему.)* Гдѣ соколъ ясный пропадалъ?

Самсоновъ. По дѣлу былъ-сь, въ деревнѣ.

Громовъ. Ну что, зашибъ?

Самсоновъ *(указывая глазами на Андрюшу).* Пустое-сь! одна только проволочка.

Громовъ. Чорта съ два! даромъ ты и поѣдешь!.. Откупоривай-ка.

(Самсоновъ откупориваетъ съ гримасами, безъ шу-му, и подаетъ вино въ стаканахъ.)

Жидровъ. Андрей Лукичъ, не хотите ли?

Андрюша. Ахъ, очинно пріятно-сь! *(Пьетъ однимъ разомъ.)*

Жидровъ. Фадей! подливай-ка.

(Самсоновъ подливаетъ.)

Громовъ. Ну теперь можно и за карты. *(Садится за столъ и съ нимъ Ширамыжниковъ.)*

Жидровъ. Позвольте господа, уговоръ прежде: безъ денегъ не играть.

Андрюша. У меня не много. *(Вынимаетъ бумажникъ. Вся заждавшаяся съ нимъ съ любопытствомъ; Самсоновъ тоже смотритъ изъ-за спины Андрюши.)*

Жидровъ. Такъ у насъ много. Есть о чемъ тужить! Хотите я вамъ дамъ займы?

Андрюша. Да какъ же это-съ?

Жидровъ. Очень просто: вы мнѣ дадите вексель...

Андрюша. Да я незнаю-съ... право... какъ же это такъ безъ тятеньки-съ?.. *(Чешетъ затылокъ.)*

Громовъ. Полно, Андрюша, какъ тебѣ не стыдно!

Андрюша. Да я-съ непрочь, ваше сіятельство, да все было таково... чего бы не вышло, ейбогу-съ.

Громовъ. Чудаки! Ребенокъ! чего же ты боишься? Когда будутъ, тогда и отдашь; а можеть-быть и выиграешь — расплатишься... Да что я говорю! — навѣрняка выиграешь. Новичкамъ всегда везетъ счастье... Вотъ увидишь.

Андрюша. Ейбогу-съ?

Громовъ. Фу ты чортъ! смѣшно даже слушать. У отца миллионы, сундуки ломятся, а онъ какъ жидъ какой надъ тысячью трясется. Я не понимаю, что это за люди!

(Ширамыжниковъ толкаетъ его въ бокъ, Самсоновъ дѣлаетъ ему жесты за спиной Андрюши.)

Андрюша. Э, была не была — давайте! Авось кривая вывезетъ.

Жидровъ *(поспѣшно вынимая деньги.)* Ну вотъ молодецъ! Считай же.

(Андрюша считаетъ.)

Ширамыжниковъ *(на ухо Громову.)* Однакожъ онъ того.

Громовъ. Весь въ отца, дьяволенокъ! Ну да я ему бова-то протру.

Андрюша. Тутъ тысяча. Вѣрно.

Жидровъ. Да тысяча! Фадей, готово?

Самсоновъ *(быстро подавая вексель.)* Готово съ.

Жидровъ. Ну вотъ, Андрюша, подиши.

Андрюша. Позвольте-ко-съ. *(Беретъ вексель.)* Да тутъ двѣ тысячи сказано. Какъ же это-съ?

Жидровъ. Какъ двѣ тысячи? *(Смотритъ.)* Ахъ боже-мой! и то двѣ тысячи! Фадей, что ты за мерзавецъ! Вѣдь тебѣ сказано было въ тысячу. Что ты оглохъ, чтоли!

Самсоновъ. Виновать-съ, Антоу Антонычъ, ошибся. *(Подаетъ другой вексель.)*

Громовъ *(всторону)* Сорвался!.. досадно.

Ширамыжниковъ. Какое?

Жидровъ (*милля сексель*). Ну вотъ. Вы меня дразните, Андрей Лукичъ. Вы же подумайте, чѣмъ я хотѣлъ воспользоваться... это была ошибка. Право мнѣ такъ совѣстно...

Андрюша. Ничего-съ. Пожалуйста. (*Подмисливаетъ.*)

Жидровъ (*милля сексель*). Ну теперь начнете. Желая вамъ счастья, отъ души желаю. (*Пожимаетъ руку Андрюши.*)

(Всѣ садятся. Жозефина рядомъ съ Андрюшей. Самсоновъ поднимается.)

Андрюша. Жозефина Ивановна-съ, ручку-съ!

Жозефина. Объ-съ.

Андрюша. Значить съ нашимъ удовольствіемъ?

Жозефина. Значить съ нашимъ... съ величайшимъ! Ха-ха-ха!

Андрюша. Ха-ха-ха!.. эго жите-то мнѣ здѣсь, ейбогу! Умирать ненадѣть. (*Съ жестами.*) Теперича по ту сторону вино стоять, по эту — здѣки прелестнѣ сидѣть, что такъ тебя канальство и подмываетъ выкинуть почуднѣ какое колѣнцо... Ха-ха-ха! (*Всѣ хохочутъ, Андрюша фромче всѣхъ.*) Эхъ, Жозефина Ивановна-съ! удрагъ бы я съ вами, ейбогу-съ; да тятенька не позволить. А ужъ закатали бы мы съ градомъ, чортъ возми! чертямъ бы стало тошно-съ! то-есть всѣмъ бы аллюромъ хватили, канальство! Ха-ха-ха! Невадно-съ, ваше сіятельство, выкинуть колѣнцо? Смерть душа разгулялась!.. (*Встаетъ.*)

Громовъ. Нѣтъ, Андрюша, ненадо; пожагуста ненадо. Ты лучше вышей.

Андрюша. Выпить-то я выпью-съ, а это своимъ чередомъ. (*Пьетъ.*)

Жидровъ. Въ другой разъ, Андрюша, въ другой разъ; а теперь берите вашу карту. Чтѣ вы хотите: даму, семерку, короля?

Андрюша. Нѣтъ ужъ мы лучше на дамѣ проблемъ-съ... Жозефина Ивановна-съ, вы примѣрно какія-съ?

Жозефина. Я-то? я право незнаю какая я... ха-ха-ха! Князь, бубновая чтоли? Ха-ха-ха!..

Громовъ. Червонная.

Жозефина. Ха-ха-ха!.. и въ самомъ дѣлѣ червонная!

Андрюша. Такъ ужъ эту пожагуйте-съ.

(Играютъ. Жидровъ мечетъ.)

Громовъ. Убита! Браво, Андрюша, бравоissimo!

Жидровъ. Чортъ возьми, я моя убила! Ну, Андрей Лукичъ, поздравляю. Да вы насъ стариковъ за носъ затянете... Bravo! Андрейша. Это намъ съ нипочемъ...

(Продолжаютъ играть.)

Ширамыжниковъ. Ва-банкъ?

Андрюша. Качайте!

Громовъ. Взялъ. Фу ты чортъ возьми, что за счастье!

Андрюша. Это намъ на серьги-съ.

Жозефина (*обнимая его*). Милый, милый, какъ я рада!..

Андрюша. Душу заложимъ-съ, а ужъ серьги добудемъ-съ! Вы въ безсумлвннн будыте насчетъ этого-съ. У насъ сказано — съдлано. Вотъ что-съ! (*Пьетъ.*)

Жозефина (*цѣлуя его*). Вѣрю, мой милый, вѣрю... Ну играй же, Андрейша.

(Играютъ.)

Жидровъ. Идетъ на пятьсотъ?

Андрюша. Жарьте!

Громовъ. Убита!

Андрюша. Плевое дѣло! Качайте еще.

Жидровъ. Позвольте, расплатитесь прежде.

Андрюша (*расплачиваясь*). Еще на пятьсотъ. Угодно?

Громовъ. Идетъ со мной. (*Мечетъ.*)

Жидровъ. Убита!

Андрюша. Еще... качайте!

Громовъ. Позвольте, расплатитесь прежде.

Андрюша (*расплачиваясь*). На тысячу! Угодно?

Ширамыжниковъ. Идетъ со мной. (*Мечетъ.*)

Громовъ. Убита!

Андрюша. Ва-банкъ!

Ширамыжниковъ. Позвольте, расплатитесь прежде.

Андрюша. У меня нѣтъ денегъ. Я все проигралъ, все до копѣйки.

Ширамыжниковъ. Ничего-съ, полождемъ. Подпишите. (*Подаетъ вексель. Андрюша несмотря подписываетъ. Самсоновъ подливаетъ.*) Угодно-съ?

Андрюша. На сколько?

Ширамыжниковъ. На тысячу-съ.

Андрюша. Качайте!

Жидровъ. Убита!

Андрюша. Чортъ знаетъ что за несчастье! Вина! (*Ударяетъ по столу рукой.*) Жозефина Ивановна! да пощелайте вы меня, ашевъ вывезетъ. (*Жозефина цѣлуетъ его и садится къ нему на колѣни.*
Игра продолжается. Самсоновъ подливаетъ.)

Андрюша. Ва-банкъ, чортъ возьми!..

Громовъ. Андрюша, не много ли будетъ?

Андрюша. Качайте!

Жидровъ. Убита. Что за несчастье!

Андрюша (*вскакивая и роняя стулъ*). Ва-банкъ, чортъ васъ побери!..

Громовъ. Стой! такъ играть нельзя. Дай вексель.

Андрюша (*качаясь*). Давайте.

Жидровъ. Фадей, давай...

(Самсоновъ подаетъ вексель. Андрюша подписываетъ и бросаетъ перо въ Самсонова.)

Громовъ. Ну теперь давай. (*Мечетъ.*) Взялъ. Ай да Андрюша!

(Жозефина хлопаетъ въ ладоши.)

Андрюша. Стойте! Давайте вина, смерть въ горлѣ пересохло.

Жидровъ. Фадей, давай! живо!

(Самсоновъ уходитъ быстро и тотчасъ же возвращается, дѣлая сильные жесты руками.)

Самсоновъ. Тсъ, тсъ! Лука Лукичъ прѣхалъ... ейбогу прѣхалъ.

(Всѣ вскакиваютъ въ одно мгновенье.)

Громовъ. Стой! не пускать! Запирайте двери скорѣй! (*Блѣзнуть къ двери.*)

Жидровъ. Нельзя, что ты... опомнись!

Громовъ. Фадей! бѣги скорѣй, удержи его какъ-нибудь. Вырuchi, Федя!

(Самсоновъ быстро уходитъ. Князь становится у двери.)

Жидровъ. Бутылки-то уберите, бутылки-то!.. Ахъ чортъ возьми! Подъ столъ ихъ!

(Всѣ бросаются убирать бутылки. Андрюша, растерявшись, стоитъ какъ ошѣмѣлый.)

Громовъ. Живо! садитесь за карты. Полковникъ, сдавай въ

короли. (*Отходятъ отъ двери. Всп садятся какъ попало. Жозефина сажаетъ Андрюшу и сама отходитъ въ сторону.*)

ДВЛЕНІЕ V

ТЪЖЕ, ПУГАЛОВЪ въ шубѣ и САМСОНОВЪ свади, дѣлая жесты руками.

Громовъ и Жидровъ (*вскакивая оба*). А, почтеннѣйшій Лука Лукичъ! Вотъ неожиданно-то! Очень рады, очень рады.

Пугаловъ (*стоя въ дверяхъ*). Я за Андреемъ. (*Смотритъ на есъхъ зорко, заглядываетъ и подь столъ.*)

Громовъ. Да вы посидите, Лука Лукичъ; чаю бы выпили.

Жидровъ. Я сейчасъ велю подать. Фадей! чаю Лукъ Лукичу.

Пугаловъ. Благодаримъ покорно-сь. Дома пили-сь. (*Смотритъ зорко на Жозефину.*)

Жидровъ. Виновать! это моя кузина, Лука Лукичъ, — рекомендую.

(*Жозефина дѣлаетъ реверансъ.*)

Пугаловъ. Какъ-сь?

Жидровъ. Кузина моя, баронѣса Мозенъ.

Пугаловъ. Такъ-сь. Въ дѣвицахъ пребывать изволятъ, аль въ замужествѣ?

Жидровъ. Нѣтъ, она еще дѣвушка.

Пугаловъ. Хорошее дѣло-сь... (*Къ сыну.*) Андрей, собирайся! (*Андрюша совсѣмъ убитый сидитъ молча.*) Что я сказалъ? аль оглохъ?

Андрюша. Тятенька... (*Подымается и опять садится.*) Я сейчасъ.

Пугаловъ (*подходя*). Экъ тебя нахлестали дурака! (*Береть его за руку.*) Ступай, мерзавецъ! (*Толкаетъ его въ спину.*)

Андрюша (*падая въ ноги*). Тятенька-сь! виноватъ-сь, простите! (*Плачетъ.*)

Пугаловъ (*толкая въ него ногой*). Ступай, подлецъ! Объ этимъ дома потолкуемъ.

Громовъ. Вы не подумайте, Лука Лукичъ, что это мы... это онъ самъ.

Жидровъ. Это онъ самъ, Лука Лукичъ, самъ... Намъ право такъ совѣстно...

Пугаловъ (съ сильнымъ сдержаномъ волненіемъ). Ничего-съ... Прощенья просимъ! (Беретъ за шиворотъ сына и быстро уходитъ.)

ДВЛЕНІЕ VI

ТѢЖЕ БЕЗЪ ПУГАЛОВА и АНДРЮШИ.

(Всѣ стоятъ въ вопросительномъ положеніи другъ передъ другомъ. Нѣсколько минутъ молчанія.)

Громовъ. Чортъ меня дернулъ связаться съ этимъ Андрюшкой! Говорилъ я не пускать старика, такъ нѣтъ, заорали!.. ну вотъ теперь и считайте барыши. Все къ дьяволу! (Ходитъ.) Черти! анафемы!..

Жидровъ. Сорвалось! досадно. Да ничего, дѣло еще можно поправить: завтра же ко взысканію подадимъ.

Громовъ. Подавай... Чорта съ два-получишь!

Жидровъ. А по-твоему какъ же?

Громовъ. По-моему... (Остонавливается противъ Жидрова.) Дуракъ ты, вотъ что! (Ходитъ.)

Жидровъ. Да ты говори толкомъ... Что ты ругаешься-то, скотъ эдакой!

Громовъ. Да ну васъ всѣхъ къ чорту!.. Говорилъ я вамъ, чертямъ, такъ не слушались. Ну и дѣлайте теперь какъ знаете. (Ходитъ.)

Жидровъ. По-моему, я бы завтра же ко взысканію подалъ. Почему бы ни пришлось, то и сорвать.

Громовъ. Сорвать, сорвать... да что сорвать-то?

Жидровъ. Какъ что? разумѣется деньги.

Громовъ. За какое дѣло?

Жидровъ. За какое дѣло!.. За... за...

Громовъ. За игру?.. Молодецъ! а въ полицію не хочешь?

Жидровъ. Ну пошолъ свое...

Громовъ. Нѣтъ, полковникъ, у васъ еще мало тутъ... Понимаете? (Показываетъ ему на голову.)

Жидровъ. Ну придумай, умникъ, что-нибудь! ну-ка, удружи.

Громовъ. Я бы вотъ какъ поступилъ...

Ширамыжниковъ. Позвольте, господа. Вы не такъ все говорите. Ко взысканію подавать завтра не слѣдуетъ, а мой совѣтъ —

лучше съ недѣлку, съ мѣсяцъ подождать... Право будетъ лучше. Повѣрьте мнѣ, старику.

Громовъ. Вотъ еще дуракъ-то! Мы станемъ ждать, а старикъ качнетъ изъ Москвы завтра же, тогда и лови его-за хвостъ. Ни черта неопонимаетъ! Скотъ какой-то!

Жидровъ. Въ самомъ дѣлѣ качнетъ. Вѣдь шельма какая: про-
мохалъ же гдѣ я живу!

Ширамыжниковъ. Позвольте, господа: когда такъ, такъ мой совѣтъ — въ складчину пять процентовъ съ рубля дать Фадею. Онъ его не выпустить.

Громовъ. Вотъ это дѣло. Спасибо, Ширамыжка! Ты умно это придумалъ.

Ширамыжниковъ. А между тѣмъ временемъ мы кой-что разузнаемъ отъ Андрея Лукича, что и какъ у нихъ тамъ.

Громовъ. Дѣльно, дѣльно. Ну Фадей, выручай. Пять процентовъ деньги, братъ, хорошия, а ты на эти дѣла мастеръ. Квартиру вѣдь знаешь?

Самсоновъ (*быстро*). Знаю-съ: на Арбатѣ.

Громовъ. Ну да. Сейчасъ же и ступай, караулъ. Чуть старикъ тамъ зашевелится — лети сюда. Понимаешь?

Самсоновъ. Понимаю-съ. Будьте покойны.

Громовъ. Да ты съ радости-то пьянъ не напейся. Возьми съ собой сына Федюшку: вѣдь такъ же, я думаю, дома болтается. Вдвоемъ-то все лучше.

Самсоновъ. Слушаю-съ. Не сорвется!

Громовъ. Ну съ-богомъ; ступай.

(Самсоновъ уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ VII

ТѢЖЕ безъ САМСОНОВА.

Жозефина. Послушай, князь: давай обѣщаное.

Громовъ. Ну тебя къ чорту!

Жозефина. Какъ, обманывать!.. Хорошо же. Я вотъ сейчасъ же все старику и раскажу. Давай обѣщаное!

Громовъ. Что, что?

Жозефина. Давай обѣщаное. Вотъ что!

Громовъ. Шкура ободраная! или часть забыла?.. давно въ ней ни сидѣла?

Жозефина (плача). Давай обѣщанное-то, разбойникъ злодей!

Громовъ. Да нѣ, голодная собака! (Бросаетъ ей деньги.)

Жозефина (хватая ихъ на лету). Ха-ха-ка!.. дуракъ!

Громовъ. Убирайся пока жива.

Жозефина. Прощайте, скоты! (Надъвываетъ шляпку и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VIII

ТѢЖЕ безъ ЖОЗЕФИНЫ.

Жидровъ. Князь, ты сколько взялъ?

Громовъ. Пустое: восемь тысячъ. На вѣрняка считай, половины не получишь.

Жидровъ. Богъ милостивъ. А ты, Ширамыжка?

Ширамыжниковъ. Я того... сочту вотъ. (Считаетъ молча, Жидровъ тоже. Громовъ ходитъ)

Занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Грязный номеръ постоялаго двора близъ заставы. Вездѣ лубочныя картины; по стѣнамъ уродливыя диваны, обитые красной полосатой выбойкой. На заднемъ планѣ перегородка во всю длину, съ дверью посерединѣ, со стихами и рѣшеткой наверху. На лѣвой сторонѣ два окна и дверь. На одномъ окнѣ виситъ клетка съ канарейкой. Утро.

ЯВЛЕНІЕ I

Андрюша (одишь сидитъ у стола съ подавзаною щечкою). Въ солдаты такъ въ солдаты!.. чтожь за бѣда такая? Знать такая доля моя безчастная! (Подпираетъ рукой голову. Канарейка залмывается пльнѣмъ.) А ты не дерись, вотъ что больно. (Вздыхаетъ.) Ну ударилъ разъ, ударилъ два, и въ рожу отчего не създить... а ужъ это просто до безчувствія всякаго... (Плачетъ.) Нешто у насъ сердца

нѣтъ? завсегда чувствіе имѣемъ, значить и больно. Ну проигралъ, ну засталъ, ну пьянъ былъ: за чтожъ теперича такъ бить-то? Авось двадцать-то тысячъ не разорилъ, въ яму не посадютъ... Эхма! лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться! *(Плачетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II

АНДРЮША и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА *(входитъ убитая; одѣта по дорожному).*

Настасья Лукинишна. Андрюша, раскажи ты мнѣ какъ это у васъ было?

Андрюша. Что ужъ рассказывать!.. Сама видѣла.

Настасья Лукинишна. А Александръ Петровичъ былъ съ вами, Андрюша?

Андрюша. Нѣтъ, небылъ.

Настасья Лукинишна. Ну слава-богу. Ну какъ же вы—играли чтоли, а тятенька и нагрянулъ? Андрюша, раскажи голубчикъ.

Андрюша. Дома расскажу... безъ того тошно. *(Плачетъ.)*

Настасья Лукинишна. Ты не плачь, Андрюша: авось смиляется.

Андрюша. Не такой онъ, Настя, человекъ, чтобы смиловался: онъ всю жизнь пропомнить...

Настасья Лукинишна. Господи, чтоже мнѣ-то теперича дѣлать!.. *(Закрываетъ лицо руками. Про себя.)* Послала я ему записку; пишу, что пріѣзжай скорѣй — дѣло вышло скверное... Незнаю пріѣдетъ ли. *(Ходитъ.)* А я такъ не поѣду, низачто не поѣду. Что мнѣ дѣлать на фабрикѣ? Ни за какіе миллионы не поѣду! Я убѣгу... я ейбогу убѣгу. Царь небесный! да я безъ него тамъ сгину, заглохну, въ чухоткѣ помру... *(Подходитъ къ окну.)* Фу-ты мерзость какая! Грязь, навозъ, свиньи ходять... Господи, куда это мы попали!.. Андрюша, а куда тятенька уѣхалъ?

Андрюша. За лошадьми.

Настасья Лукинишна. Батюшки, чтожъ мнѣ-то теперича дѣлать!.. *(Входитъ Грипочка.)* Грипочка, научи ты меня что мнѣ дѣлать.

ЯВЛЕНИЕ III

ТВЪЖЕ и ГРИПОЧКА.

Грипочка. Ахъ отстань, Настя, пожалуста! и безъ тебя тошно. (*Ходить задумавшись.*)

Настасья Лукинишна. Тебѣ-то что? О комъ жалѣешь, что потеряла?

Грипочка. Отстань! что тебѣ за дѣло? Мое горе — не твое.

Настасья Лукинишна. Какое у тебя горе... что ты врешь! Вотъ мое — такъ горе...

Грипочка. Я тебя не спрашиваю.

Настасья Лукинишна. Да я такъ... Ну скажите, зачѣмъ прѣзжали? зачѣмъ? Себя страмить, людей смѣшить, насъ мучить? Да еслибы я знала это прежде, я бы мильона не взяла за одну мораль эту... Пакость, одно слово пакость! Теперича мнѣ стыдно на бѣлый свѣтъ взглянуть, ейбогу. Такъ тебѣ и кажется, что всякъ на тебя пальцемъ указываетъ, прямо въ глаза тебѣ тычетъ, мораль твою поносить... Свиньи эдакія! меня-то оканфузили только... Гдѣ ужъ намъ лѣзть въ люди! Жили бы лучше свиньями, какъ жили... (*Передразнивая.*) А то еще туда жъ: я, я... Голова съ мозгомъ! Мужикъ... мужикомъ и останется.

Грипочка. Ты про кого это?

Настасья Лукинишна. Извѣстно про тятеньку, про кого жъ еще? (*Подходитъ къ окну.*) Грипочка, поди-ка сюда поскорѣй.

Грипочка. Не пойду.

Настасья Лукинишна. Поди скорѣй, говорятъ тебѣ. (*Грипочка подходитъ.*) Посмотри-ка на свиней...

Грипочка. Гдѣ? (*Взглядываетъ.*) Ахъ какія мерзости... Тьфу!

Настасья Лукинишна. Да ты смотри... что ахать-то. (*Смотрятъ обѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ IV

ТЪЖЕ и **СТЕПАНИДА ПАНКРАТЬЕВНА** (входитъ съ полушками и останавливается въ дверяхъ).

Степанида Панкратъевна. Халды, халды!.. на окнѣ виснуть!.. Чѣмъ бы матери что подсобить, а они эво гдѣ. *(Подходитъ на цыпочкахъ, чтобы ударить, и останавливается на мѣсть съ поднятою рукою. Нѣсколько минутъ молчанія. Всѣ три глядятъ въ окно.)*

Андрюша. Маменька, что тамъ такое?

Степанида Панкратъевна *(ударяя по спинѣ Настасью Лукинишну)*. Наська! долго ли ты будешь повѣсничать—то, а?

(Грипочка вскрикиваетъ и убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНИЕ V

ТЪЖЕ безъ Грипочки.

Настасья Лукинишна. Вы что деретесь?

Степанида Панкратъевна. Повѣса ты дѣвка, богу ничего.

Настасья Лукинишна. У васъ всѣ повѣсы!.. Вы одни только хороши.

Степанида Панкратъевна. Ты не смѣй мнѣ этого говорить — невѣжа!

Настасья Лукинишна. Скажите какія новости!

Степанида Панкратъевна. Цыцъ, грубиянка! тебѣ я говорю али нѣтъ? Вотъ возьму да и тресну чѣмъ попало...

Настасья Лукинишна. Ахъ какія ужаси!

Степанида Панкратъевна. Дура ты, Наська, вотъ что!

Настасья Лукинишна. Неужто взаправду дура? А я и не знала этого прежде. Скажите!

Степанида Панкратъевна. Ты зубы—то не скаль! Тебѣ дѣло говорить.

Настасья Лукинишна. Скажите! А я и не знала.

Степанида Панкратъевна. Такъ ты знай. А то нешто умная, скажешь?

Настасья Лукинишна. Гдѣ намъ-съ, помигуйте! Не всѣмъ же быть такими умниками, какъ вы съ тятенькой.

Степанида Панкратьевна. Я про отца не говорю. Отецъ дуракъ.

Настасья Лукинишна. Ха-ха-ха... А вы-то нешто умныя?

Степанида Панкратьевна. Смотри, Наська, коса-то близко: схвачу да пойду волосить...

Настасья Лукинишна. Батюшки свѣты, страсти какія!

Степанида Панкратьевна. А хошь докажу на дѣлѣ, хошь? *(Порывается къ ней.)*

Настасья Лукинишна *(отводя ея руки)*. Коротки руки-съ.

Степанида Панкратьевна. Врешь, мерзавка, не коротки! *(Старается схватить ее за косу.)*

Настасья Лукинишна. Коротки руки-съ! *(Бьетъ ее по рукамъ.)* Я вамъ уже сказала.

Степанида Панкратьевна. Ахъ ты подлая! ахъ ты мерзавка эдакая! На мать руки подымать... да въ умѣ ли ты, подлячка! *(Бросается на дочь съ сжатыми кулаками.)*

Настасья Лукинишна *(въ сторону)*. Сама-то въ умѣ ли!.. *(Быстро уходитъ, толкая ногами по дорожку подушки.)*

Степанида Панкратьевна. Батюшки, что она творить-то, а? Ахъ ты подлая! ахъ ты распутница!.. *(Бѣжитъ за дочерью, та затворяетъ за собою дверь.)* Погоди-жъ безпутная, погоди!.. *(Порывается въ дверь)*. Я тебѣ это припомню, я тебя какъ шельму изувѣчу... Слышишь ли, грубиянка? *(Стучитъ рукою.)*

Настасья Лукинишна *(показываясь изъ-за двери)*. Коротки руки-съ! *(Исчезаетъ.)*

Степанида Панкратьевна. Анъ врешь!.. Живую не оставлю... врешь! *(Ложится.)*

Настасья Лукинишна *(показываясь снова)*. Коротки руки-съ! *(Исчезаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI

АНДРЮША и СТЕПАНИДА ПАНКРАТЪЕВНА.

Андрюша. Маменька, да оставьте-съ!

Степанида Панкратьевна. Ну, прахъ ее во всемъ совѣмъ, и то сказать! *(Подымаетъ съ полу подушку.)* Вотъ и смотри, Ан-

дрей, какую волю взяла, вотъ и смотри! Вотъ бы кого бить-то, такъ ужь слѣдъ!.. всегда скажу.

Андрюша. Эхъ маменька! все бить да бить... Ктожь пожа-
льеть-то?

Степанида Панкратъевна. А то спускать ей по-твоему
чтоли?

Андрюша. Не спускать, я не про то говорю... (*Опускаетъ
на колыни голову.*)

Степанида Панкратъевна. Ну что ужь больно приуныл-
то? Авось уходится. (*Андрюша молчитъ.*) Андрюша, а? что ужь
такъ больно горевать-то? Вотъ уѣдемъ, голубчикъ, къ себѣ на фа-
брики, заживемъ по-старому — то-то будетъ любо, ейбогу. Какъ
вспомню я, Андрюша, про свое-то здѣсь житье и... и царь ты мой
небесный! такъ индо вся моя внутренность поворотится! Сейчасъ
помереть. А все отецъ... все онъ губитель. Ну, да впередъ дура-
камъ наука. Я бы радешенька была, коли бы онъ за тебя всѣ сполна
деньги заплатилъ: авось бы поуменьлъ маленько. Вѣдь ему, Андрю-
ша, деньги пуще отца родного... Да что отецъ! онъ хошь Бога за-
будеть... Вотъ и до старости дожилъ, а ума не нажилъ. (*Андрюша
молчитъ. Степанида Панкратъевна начинаетъ ходить по комна-
тѣ, прибирая все что попадетъ подъ руки.*) Говорила я ему:
«опомнись, Лука Лукичъ, опомнись! что творишь?» — такъ вишь
дура я. Ну поѣхали въ Москву... Почему не съѣздить! не изъ
бѣдности, слава-богу достатокъ есть во всемъ... Пожили бы и на
подворьѣ, — невелики птицы! искупили бы себѣ что надѣть, да и съ-
богомъ. Такъ нѣтъ вишь: я, говорить, жить останусь, домъ куплю,
по кятрамъ ѣздить буду, дѣтей образую, самъ въ люди выйду... и
заживу тогда паномъ. Вотъ и зажилъ болваномъ... Эхъ грѣхи, грѣ-
хи!.. Съ кѣмъ не бываетъ. А дуракъ твой отецъ, Андрюша; всегда
скажу — дуракъ набитый.

Андрюша. Эхъ маменька-съ! значить ужь такая намъ линія
вышла...

Степанида Панкратъевна. Что ты, отецъ мой, какая ли-
нія! Все болѣ по глупости. Жили бы мы да жили у себя на фа-
брикѣ, никакого бы горя не чаяли... Такъ нѣтъ вишь, нойметъ намъ
на сиженомъ-то гнѣздѣ, подавай новаго. Вотъ и подали!..

Андрюша. Маменька, да нонѣ въ свѣтѣ всѣ живутъ; всякъ
наровитъ себя показать, на людей взглянуть... А у насъ что за

житье, маменька! Почитай всѣ какъ свиньи живутъ — свиньями и помрутъ... Начто хуже!

Степанида Панкратъевна. Эхъ, голубчикъ! да съ свиньями-то и жить!.. Ты только не трошь ихъ, и онъ тебя не обидать... Да-ромъ что свинья, а скотинка добрая. А здѣсь вотъ и люди... а почитай хуже всякихъ скотовъ будутъ...

Андрюша. Вы все не про то говорите, маменька!

Степанида Панкратъевна. Про то, голубчикъ. Ты только вникни въ дѣло-то. Ну вотъ хошь князь вашъ: что за человекъ? Жуликъ!.. во всѣхъ статьяхъ жуликъ.

Андрюша. Какой же маменька, онъ жуликъ!..

Степанида Панкратъевна. Извѣстно жуликъ, всегда скажу. Нешто благородные люди такъ дѣлаютъ: видягъ, что парень подходитъ на руку — и давай его ошелашивать?..

Андрюша. Маменька, нешто онъ одинъ! а Антонъ-то Антонычъ!..

Степанида Панкратъевна. А э тотъ изъ подлецовъ то подлець будетъ! И рожата-то у него разбойничья, такъ и смотритъ ерникомъ... Душегубецъ проклятый! Вотъ еще дался Наскъ Александръ Петровичъ э тотъ... Смѣкается мнѣ, не завела ли она съ нимъ шашни?.. Что-то ужъ больно увертлива дѣвка стала. А?

Андрюша. Да онъ, маменька, обѣщалъ на ней жениться. Нешто вы не знаете? Она ужъ про это и тятенькѣ говорила.

Степанида Панкратъевна. Что ты говоришь! Когда говорила?

Андрюша. Намеднись говорила, въ ту пору какъ обѣдъ-то у насъ былъ.

Степанида Панкратъевна. Ахъ она безпутная!.. Да кого жъ она спросилась?

Андрюша. Онъ, маменька, слышно, сами промежъ себя покончили...

Степанида Панкратъевна. По-кон-чили?! Какъ покончили?

Андрюша. Полюбовно значить, маменька, у нихъ было...

Степанида Панкратъевна. Ахъ мои батюшки, да чтожъ это творится!.. Да что отецъ-то, очумѣлъ чтоли? За кого онъ отдаетъ? Что онъ, безпутный, творить-то, а?

Андрюша. Я ужъ, маменька, не знаю-съ... Значить такъ тятенькѣ было угодно-съ. Воля ихняя.

Степанида Панкратьевна. Какъ воля ихняя? Чтоже я-то, вамъ кухарка чтоли досталась, а? Что вы въ самомъ дѣлѣ распутничать-то вздумали... Да я васъ всѣхъ и съ отцомъ-то въ шею вытурю! Дебоширники эдакіе!.. Каково, а? Тятенькина воля!.. Врете! Мой капиталъ — моя и воля будетъ. За кого хочу, за того и отдамъ. Вотъ и скажъ. Ахъ она безпутная! Да я ее теперича нарочно всю жизнь въ дѣвкахъ промору, ейбогу промору... высушу въ косточки... лопни мои глаза, коль я ее не высушу! Недаромъ ее съ жиру-то подаетъ во всѣ стороны... Ишь что выдумали, а?

Андрюша. Ну, что вы, маменька, накинулись... Я-то тутъ чѣмъ виновать?

Степанида Панкратьевна. Да я про тебя и не говорю. Ну скажи на милость на что это похоже? Виданое ли, слыханое ли дѣло, что сама дѣвка на парня лѣзетъ, а? Господи помилуй, да я шестой десятокъ живу, а такого страму не слыхивала! (*Вдали слышенъ звонъ бубенчиковъ. Степанида Панкратьевна мгновенно утихаетъ.*) Тсъ! никакъ самъ катить. (*Прислушивается.*) Онъ и есть. Ишь ты какъ заливаешься!

Андрюша (*вскакивая*). Я уйду, маменька.

Степанида Панкратьевна. Небось, теперича бить не станеть.

Андрюша. Боязно, маменька, какъ бы не жиганулъ онъ опять...

Степанида Панкратьевна. Не трошь, авось укротилась... Не звѣрь же онъ въ самомъ дѣлѣ какой... Свое чай дѣтище-то.

ЯВЛЕНИЕ VII

ТѢЖЕ и ПУГАЛОВЪ. (*входитъ въ шубѣ на распашку*).

Пугаловъ. Эй, вы! укладываться... живо! (*Подходитъ къ Андрюшѣ.*) Ты чего это, подлець, рыло-то подвязалъ? Долой! (*Срываетъ съ него повязку.*) Пусть всякій видитъ, что сынъ у меня безпутный... (*Бьетъ его по щекѣ.*)

Степанида Панкратьевна. Ну полно, Лука Лукичъ, смилуйся... Потѣшился да и будетъ. Полно!

Пугаловъ. Пошла прочь! Не твое дѣло. Сынъ мой — моя и расправа. (*Андрюша стоитъ въ углу, Пугаловъ сбрасываетъ шубу.*)

ЯВЛЕНІЕ VІІІ

ТЪЖЕ, УСТИНЬЯ, ПРОШКА и НАСТАСЬЯ ЛУКИНИШНА (входятъ въ разныя двери.)

Пугаловъ. Эй, вы, галманы! тащите поклажу-то въ повозки. Живо! (*Устинья и Прошка уносятъ чемоданы и подушки. За сценой вздрагиваютъ бубны.*)

Степанида Панкратьевна. Лука Лукичъ, хошь бы намъ чаю напитокся...

Пугаловъ. Некогда, мать, прохладяться... Въ дорогъ напьемся.

Степанида Панкратьевна. Охъ грѣхи, грѣхи!.. (*Подходитъ къ Андрюшъ и подвязываетъ ему щеку — тотъ сопротивляется.*)

Настасья Лукинишна (*подходитъ и робко.*) Тятенька-съ... я не поѣду.

Пугаловъ. Чтѣ-о?

Настасья Лукинишна. Я не поѣду-съ.

Пугаловъ. Какого чорта! чтѣ ты брешешь?..

Настасья Лукинишна (*въ отчаяніи*). Тятенька-съ, я ей-богу-съ не поѣду... Я къ Александру Петровичу уйду-съ.

Пугаловъ. Вонъ... дура!

(Степанида Панкратьевна подходитъ и вслушивается.)

Настасья Лукинишна (*плача*). Тятенька, ради-создателя не губите вы меня... Вѣдь онъ на мнѣ женится, ейбогу женится... Голубчикъ! (*Хватаетъ его за руки.*)

Пугаловъ. Ни-черта не будетъ! Я за подлеца не отдамъ.

Настасья Лукинишна. Какой же онъ подлець?.. Господи, что вы говорите!

Пугаловъ. Еще разговаривать! Сказано тебѣ не отдамъ — ни шабашъ!

Настасья Лукинишна. Тятенька, зачѣмъ же вы меня острамили-то... что вы теперь надѣлали-то!...

Пугаловъ. Кой чортъ! Кто тебя страмилъ?

Настасья Лукинишна (*рыдала*). Да какже, господи — не вы ли говорили...

Пугаловъ. Ничего я не говорилъ. Все ты врешь.

Степанида Панкратьевна. Хорошенько ее, Лука Лукичъ, хорошенько! Что это она въ самомъ дѣлѣ за волю взяла!.. Сладу нѣтъ совѣсть, изъ рукъ выбилась.

Настасья Лукинишна (*яростно, бросаясь на мать*). Вы что пристаи? Вездѣ ради напакостить... Подите прочь! (*Толкает ее отъ себя.*)

Степанида Панкратьевна. Ахъ ты мерзавка эдакая! Слышишь, Лука Лукичъ, какъ она матери-то отвѣчаетъ? Ну не безпутная ли она послѣ этого, а? Да я тебя...

Пугаловъ. Да убирайтесь вы, черти! Уморить вы меня что-ли захотѣли?

Настасья Лукинишна (*бросаясь на колѣни*). Тятенька, голубчикъ, пожалѣйте вы меня... Я люблю его... Тятенька! (*Рыдая хватается его за руки.*)

Пугаловъ. Чортъ тебя пожалѣетъ!.. Вонъ пошла, и слушать не хочу... Вонъ! (*Толкает ее отъ себя. За сценой слышны шумъ и голоса.*) Господи, Господи! не они ли!..

(Всѣ бросаются къ окнамъ).

Степанида Панкратьевна. Батюшка, Лука Лукичъ, прѣхали!.. Что намъ дѣлать-то?.. батюшки! (*Мечется.*)

Пугаловъ. Стой! Запирайте двери! Не пускать никого! Андрей, вѣручай!

(Всѣ бросаются къ дверямъ. Пугаловъ бѣжитъ къ окну и заноситъ ногу. За перегородкой шумъ.)

Степанида Панкратьевна. Отецъ мой, что ты дѣлаешь!.. Лука Лукичъ, опомнись, родной ты мой!

(Бѣжитъ къ нему и хватается его за руку. Пугаловъ бьетъ ее по рукъ. Андрюша и Настасья Лукинишна съ трудомъ удерживаютъ среднюю дверь. Шумъ, крики. Дверь подается; врываются Громовъ, Жидровъ, Ширамыжниковъ, Самсоновъ, Задиракинъ и Цыплатниковъ. Картина.)

Пугаловъ. Пронюхали! (*Глядитъ на всѣхъ въ какомъ-то ошальствѣ.*)

(На шумъ вбѣгаютъ Грипочка, Митроша, Стеша,

Устинья и Прошка. У всѣхъ испуганныя лица; смѣшныя положенья).

явленіе IX

ТѢЖЕ, ГРОМОВЪ, ЖИДРОВЪ, ШИРАМЫЖНИКОВЪ и другіе.

Громовъ. Лука Лукичъ, куда это вы ѣдете?

Пугаловъ (*блѣднѣя*). На богомолье-сь.

Громовъ. А намъ сказали, что вы къ себѣ на фабрику.

Пугаловъ. И не думалъ-сь.

Жидровъ. Да что это вамъ вздумалось помѣститься-то здѣсь? Въдъ мерзость-то какая... а даль-то, помилуйте!

Пугаловъ. Здѣсь подешевле-сь.

Жидровъ. Странно ейбогу: въ одну ночь перебрались!.. какъ-будто бѣжать куда собираетесь...

(Пугаловъ молчитъ. Ширамыжниковъ шепчется съ квартальнымъ. Самсоновъ стоитъ въ дверяхъ.)

Громовъ. Мы къ вамъ, Лука Лукичъ, по дѣлу...

Пугаловъ. Какія у насъ дѣла съ вами, ваше сіятельство? Никакихъ небывало... (*Не спускаетъ глазъ съ Ширамыжникова и Задирашкина.*)

Жидровъ. Вы насъ извините, Лука Лукичъ... вы тутъ конечно невиноваты. Но...

Пугаловъ (*слегка дрожа вслѣдъ тѣломъ*). Въ чемъ дѣло-то-сь?

Громовъ. Вотъ видите ли въ чемъ дѣло-то, любезнѣйшій Лука Лукичъ: сынъ вашъ остался намъ долженъ... Бездѣлица...

Пугаловъ. Чтоже мнѣ-то-сь?

Громовъ. Но мы вполне увѣрены, что вы заплатите...

Пугаловъ. Ничуть небывало! Сынъ долженъ — съ него и спрашивайте.

Жидровъ. Какъ! вы развѣ за него не платите?

Пугаловъ (*злбно*). Не плачу-сь.

Громовъ. Такъ вы прежде публикуйте; ктожъ это знаетъ!

Пугаловъ. Я не здѣшній-сь... Приѣду домой — тамъ и отпечтаемъ.

Жидровъ. Да это незаконно-сь... помилуйте! Эдакъ бы всякій сдѣлалъ...

Пугаловъ (*возвышая голосъ*). А вы по какому-съ закону съ него требуете?

Громовъ (*къ Задиралкину*). Фроль Ивановичъ, объясните ему...

Задиралкинъ (*подскакивая*). Сейчасъ, ваше сіятельство. (*Къ Пугалову*) По законнымъ документамъ-съ. Не угодно ли взглянуть... (*Показываетъ ему векселя*.) Безсрочные... немедленные къ удовлетворенію-съ...

Пугаловъ. А коль законно-съ, — съ сына и спрашивайте. Мое дѣло сторона... Я знать незнаю-съ и вѣдать-невѣдаю...

Задиралкинъ. А вотъ вы, почтеннѣйшій, тогда иначе заговорите, когда мы его въ яму посадимъ.

Пугаловъ. Дѣло ваше-съ: въ яму такъ въ яму.

Задиралкинъ. Хорошо-съ. Мы сдѣлаемъ постановленіе...

Пугаловъ. Какое угодно-съ.

Громовъ. Позвольте, Лука Лукичъ, это ужъ безчестно съ вашей стороны будетъ — за какихъ-нибудь двадцать тысячъ сына въ яму сажать... Это безчестно!

Пугаловъ. А это нешто честно, ваше сіятельство, грабить-то честныхъ людей среди бѣлаго дня?.. Нешто честно?

Громовъ. Какъ ты смѣешь мнѣ это говорить, мерзавецъ! (*Подступаетъ къ нему*.) Мужикъ эдакой... свинья!

Пугаловъ (*трясаясь асьмъ тьломъ*). А... вы нешто не... по... длецъ!... (*Отводитъ его руки*.)

Громовъ. Какъ? Стойте! Вязите ему руки! Я его, чорта, въ кандалы закую... сгнѣть онъ у меня въ острогъ... Вязите!

(*Всѣ поражены мгновенно. Въ движеняхъ Громова видна рѣшимость. Пугаловъ и Андриуша скрытно трепещутъ. Степавида Панкратьевна въ ошѣмлой позѣ. Словомъ обѣ стороны недовольны другъ другомъ; досада и горе, испугъ и ошѣмніе отразились въ каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ.*)

Жидровъ (*шопотомъ князю*). Оставь, дуракъ, что ты дѣлаешь!.. Опомнись... все испортишь дѣло... (*Дергаетъ его за руку*.)

Громовъ (*неслушая его*). Господинъ квартальный, дѣлайте постановленіе! Онъ меня подлецомъ при всѣхъ назвалъ — извольте формальнымъ образомъ вести дѣло... Я его, подлеца, проучу какъ съ честными людьми обращаться! Самъ же сегодня къ губернатору

поѣду, а ужь его доканаю... Въ кандалы его, мерзавца, въ кандалы!

Степанида Панкратьевна (*бросаясь съ плечемъ къ Громову*). Батюшка, ваше сіятельство, не погуби!.. смилуйся, батюшка!

Громовъ. Подите прочь! Не ваше дѣло. (*Къ Задиралкину*) Я вамъ приказываю... слышите? Извольте исполнять вашу обязанность.

Задиралкинъ. Слушаю-съ, ваше сіятельство. (*Къ Цыплатникову*) Пишите.

(Цыплатниковъ садится за столъ).

Громовъ. Фадей, запри двери! (*Оглядывается. Митроша, Стеша, Устинья и Прошка мгновенно бросаются по угламъ.*) Всѣ тутъ на-лицо... не вырвется!..

(Самсоновъ запираетъ двери).

Жидровъ (*ему на ухо*). Оставь, сумашедшій, что ты дѣлаешь! Опомнись... чортъ тебя подери... скотина!

Громовъ. Да дѣлай самъ какъ знаешь! Что ты ко мнѣ пристаешь... Пошолъ къ чорту!

(Андрюша и Степанида Панкратьевна плачутъ.)

Ширамыжниковъ. Князь, пожалуйста-ка сюда. (*Отходитъ всторону. Громовъ подходитъ.*) Послушайте, что вы затѣваете? Горячкой тутъ ничего не сдѣлаешь... мой совѣтъ: оставить вамъ это постановленіе. Вѣдь вы жаловаться не будете; къ чему-жъ вся эта проволочка? Эхъ, ваше сіятельство, не дѣло вы затѣяли! Давайте-ка лучше деньги требовать, а подъ конецъ можно и жалобой спугнуть... Ей-ей такъ будетъ лучше; послушайтесь вы меня старика. (*Шепчется*).

Пугаловъ (*блѣдный, смотритъ на нихъ, потомъ на Цыплатникова. Послѣдній пишетъ*). Ваше благородіе... господинъ квартальный!.. (*Говоритъ тихо*.) Пожалуйста-ка сюда на пару словъ. (*Дѣлаетъ жесты*).

Задиралкинъ (*грубо*). Что вамъ угодно?

Пугаловъ. Да вы пожалуйста... (*Отходитъ всторону*).

Задиралкинъ (*подходя*). Ну-съ?

Пугаловъ (*шепотомъ, выразительно*). Ваше благородіе, не губите старика... возьмите триста цѣлковыхъ.

... Задиралкинъ (вспомогательно). Послушайте, милостивый государь, вы забываетесь! Какъ вы смѣете предлагать мнѣ это, а?

Пугаловъ (хочетъ взять руку, съ ублаженіемъ). Не погубите, ради христа! Еще его рубашковъ машинку, единаго божескую милость!.. (Жметъ крѣпко ему руки).

Задиралкинъ. Позовите... однако... да какъ это?... Него же вы хотите? Я все не понимаю... (Мимо коротышкинаго приличія юридическаго вырывается.)

Пугаловъ. Да не кричите, господа! (Охлаждается.) Скажите мнѣ, что я дамъ по двадцати штукъ копѣекъ за рубль — дайте.

Задиралкинъ. Что вы, почтеннѣйшій, какъ это возможно! Ктоже согласится? Дѣло вѣдь законное-съ... вы сами знаете.

Пугаловъ. Ну дайте за полтину... пусть грабятъ! А вамъ сейчасъ четыре сотни выложу... Наплюйте тогда мнѣ въ ротъ, коль а не выложу.

Задиралкинъ (сбодрился). Что это вы, Лука Лукинъ! (Грохочетъ отъ него кину съ улыбкой). Хорошо-съ... посмотримъ, что постараюсь.

Пугаловъ. Сдѣлайте божескую милость!.. не гробъ забуду! (Жметъ унизленно ему руки. Задиралкинъ отходитъ.) Господа, выручи!.. полюбите отелужу — выручи только... Господа! (Тяжело дышитъ.)

Степанида Шавиратьевна (съ слезою подходитъ къ мужу). Лука Лукинъ, радиой ты мой, не ударь ли намъ?..

Пугаловъ. Поэдно, мать, вздумала... Говорилъ я вамъ, чертямъ, такъ не слушались!

Степанида Шавиратьевна. Ктожь зналъ-то, отецъ ты мой, ктожь зналъ-то!.. Ахъ господа, грѣхи каіе... ахъ господа! в ума не придему... спутались все... (Подходитъ къ Андрею.)

Задиралкинъ (къ Грохову). Ваше сіятельство, онъ соглашается на полтину... (Жидровъ и Самсоновъ быстро подходятъ и еслушиваются). Мой совѣтъ. — взять вамъ полтину, чѣмъ еще дѣло тянуть... встанете наставивать — время больше потеряемъ, да и денегъ пожалуй не получимъ. Право такъ лучше. Кончайте-ка, господа, а?

Гроховъ. Чортъ знаетъ какъ досадно!.. Но послушайте, онъ вѣрно обѣщалъ вамъ? Говорите прямо.

Задиралкинъ. Что вы, ваше сіятельство, какъ это можно! За кого-жъ вы меня считаете!.. Это обидно наконецъ.

ДЪЛЖИЕ Х.

ТЪЖЕ безъ ПУГАЛОВА.

Громовъ. А и въ самомъ дѣлѣ чтобы не удрагъ... Фадей! ты выдь-ка, братецъ, на улицу.

Самсоновъ. Слушаю-сь. (*Быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

ТЪЖЕ безъ САМСОНОВА.

Задиралкинъ. Полноте, князь, какъ вамъ не стыдно!..

Громовъ. Да, толкуйте! Знаю я этихъ мощенниковъ-то купцовъ!

Грипочка (*всторонь*). Господи, какой же онъ полецъ-то!

Андрюша. Что ты орешь-то, дура? вѣдь онъ услышитъ.

Грипочка. Пуцай его слышитъ; я бы желала это.

(Ширмыжниковъ и Жидровъ прохаживаются и какъ-бы невольно заглядываютъ въ дверь нагъво.)

Настасья Лукинишна (*подходя къ Громову*). Здравствуй-

Громовъ (*заводев*). Ахъ, здравствуйте! Я васъ и не заметилъ.

Настасья Лукинишна. Александръ Петровичъ здоровъ ли?

Громовъ. Что ему дѣлается!..

Настасья Лукинишна. Вы его когда увидите?

Громовъ. Познаю право. А на что вамъ?

(Степанида Панкратьевна подходитъ и вслушивается.)

Настасья Лукинишна. Наклонитесь (ему отъ меня покажу-ся).

Громовъ. Хорошо-съ.

Настасья Лукинишна. Скажите ему, что мы у васъ...

Громовъ. Чтожъ ему-то?

Настасья Лукинишна. Ахъ боляшій, да вы скажите только...

ко... онъ ужъ знаетъ.

Громовъ (всторону). Не воображаетъ ли эта рожа, что онъ влюбленъ въ нее?.. Ха-а! (Еѣ.) Хорошо-съ, я скажу ему.

Настасья Лукинишна. Ды вы же позабудьте, слышите милость.

Степанида Панкратьевна. Не слушайте ее, ваше сіятельство! Что она брешетъ... сама не знаетъ что.

Настасья Лукинишна. Не слушайте ее, ваше сіятельство: она сама говоритъ чего не знаетъ.

Громовъ. Да хорошо-съ, хорошо-съ... (Отходитъ всторону.)

Степанида Панкратьевна (къ дочери). Ты помни это, мерзавка.

Настасья Лукинишна. Подите прочь, ненавистницы эдакія! Злячки! Разлучницы! Варвары!!

Степанида Панкратьевна. Ты не дери горло-то, безпутная! Что ты орешь-то? Халда!

Настасья Лукинишна (толкая мать). Убирайтесь!

Степанида Панкратьевна. Ты помни это, Насья! слышишь?

Настасья Лукинишна. Да убирайтесь къ чор... говорю я вамъ! (Расходятся.)

ЯВЛЕНІЕ XII

ТѢЖЕ и ПУГАЛОВЪ (входитъ блѣдный съ деньгами. Широкими шагами и Жандаръ отказывается отъ дара; входятъ и Савельевъ.)

Пугаловъ (дрожавшимъ голосомъ). Вотъ деньги-съ, пожадуйте получить. (Подходитъ къ столу.)

Громовъ (къ Задиравкину). Дайте мой вестель. (Тотъ подаетъ.) Вотъ онъ. Здѣсь восемь тысячъ; половина — четыре тысячи.

Пугаловъ (глядитъ на него злобно). Очень хорошо-съ... (Разсвѣтриваетъ вестель.) Андрей! (Андрюша приходитъ за Устилью.) Андрей, поди сюда! (Андрюша, вымалкиваемый Устильей, робко подходитъ.) Это? (Показываетъ ему вестель.)

Андрюша (дрожая, всматриваясь). Это... съ, ты... тень... ка-съ.

Пугаловъ. Рука твоя?

Андрюша. Мо... а... съ, ты... тень... ка.

Пугаловъ. На-кашнннннн, а салту. (Подаетъ ему бумагу. Ан-дрейка поднимается.) Ладно, отушай.

Гроновъ. Чтото; будетъ же концы-то? Видь это черты знать что такое!

Пугаловъ. Нельзя же-сть, ны люди торговые. Извольте полу-чить. (Даетъ протянутой рукой ему деньги.)

Гроновъ (быстро считал). Нить ли тутъ салынныкъ?

Пугаловъ (злбно улыбался). Вамъ лучше знать... Мамъ кэ-зому поправыны.

Гроновъ. Чтэ? Ты снятъ мнѣ дерзости говоришь!.. Скотъ! Саниа адман! (Быстро уходитъ.)

Пугаловъ (слу овалде). Отрабилъ, да еще обругалъ... По-длецъ аданой!

ЯВЛЕНИЕ XIII

ТѢЖЕ БЕЗЪ ГРОМОВА.

Жидровъ и Ширамыжниковъ. Теперь намъ... (Протри-скаютъ руки.)

Пугаловъ (глядитъ на нихъ злбно). Друзья видно, пріате-ли... Сколько вамъ?

Жидровъ. Три тысячи (Подаетъ вексель.)

Пугаловъ. Извольте получить. А вамъ?

Ширамыжниковъ. Три тысячи (Подаетъ вексель.)

Пугаловъ. Окуратно вѣдь какъ!.. Извольте получить. (Глубоко садывается.)

(Жидровъ и Ширамыжниковъ быстро уходятъ, считая на ходу деньги; за ними уходитъ и Самсо-новъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

ТѢЖЕ БЕЗЪ ЖИДРОВА, ШИРАМЫЖНИКОВА и САМСОНОВА.

Пугаловъ (осматриваетъ). Отрабилъ!.. Дьяволы! Душегубы! Антихресты!.. (Къ Задиралкину) Ну, теперь вамъ... Расплачи-вайся; Душа Душеть, расплачивайся!.. Мнѣ знать на роду ужъ такъ канцанно... Охъ, талосо нить, петтенныйшій... видить-богъ какъ талосо! (Варавил, оскластятъ на осматриваетъ руки.) Видь это

ЛЮДОВИКЪ-ФИЛИПЪ

В ТРЕДНИ СЕНТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Идеально свѣтъ тому царю Людовикъ-Филиппъ казался самымъ могущественнымъ королемъ въ свѣтѣ. Промышленная Франція видѣла въ немъ предъизбраннаго своего представителя. Буржуазія любила въ немъ самое себя. Семнадцать лѣтъ царствованія, нѣсколько разъ угрожаемаго, но всегда напрасну, успѣла навести на него очарованіе, котораго у него не доставало при вступленіи на престолъ. Республиканцы пролили самую чистую свою кровь въ безплодныхъ возстаніяхъ. Легитимистская партія распалась. Преступная рука вооружалась нѣсколько разъ противъ коронованнаго героя 1830 г., но его окружало какое-то таинственное покровительство: все обращалось въ его пользу, начиная отъ адской машины Фиески (Fieschi) до ружья Алибо (Alibaud). Опирался на значительную массу материальныхъ интересовъ, которые требовали отъ него и обѣщали ему прочность, выбирая ловкихъ министровъ, владея большинствомъ голосовъ въ обѣихъ палатахъ, счастливымъ въ своей многочисленномъ и блестящемъ семействѣ, которое увеличилось еще рожденіемъ внука, чего могъ опасаться Людовикъ-Филиппъ? Удача его во всемъ была такая, что самые материальнѣе его враги откладывали свои надежды до дня его смерти, рассчитывая на затрудненія регентства и соперничества герцога немурского и герцога орлеанской. Но в этотъ расчетъ былъ учтенъ и вѣрный здоровьемъ Людовика-Филиппа и бодрое старостью. «Вы увидите, говоривалъ онъ своимъ приближеннымъ, — что я порешаю черезъ регентство.» Многіе считали его камишъ-то необходимымъ условіемъ

время грозного обвиненія распутницы Пале-Рояль, на славу думный доль въ ратушѣ, послѣ того въ разнахъ обстоятельствахъ, гдѣ смерть упрекла его кинимъ, — онъ покосалъ себя палеомъ леваго ступа. И это должно быть тѣмъ болѣе замѣчемо, что въ Людовикъ-Филиппъ небыло ни восторженности славы, ни религиознаго вѣрованія, ни сильныхъ страстей, которыя преисполняютъ ослѣпленности смерти. Однажды разъ въ жизни можно было подумать, что нѣтъ ослѣдствъ малодушія: это въ минуту его паденія. Было ли это разслабленіемъ старости? Было ли это преувеличеніемъ возмущенія, порожденнаго неправдальностью престолатія и неожиданностью ослѣпленности? Было ли это отвращеніе къ пролитію крови? — предположеніе, которое, если его допустить, дѣлало бы честь его несчастію! «Приказаніе не стрѣлать носилось въ воздухѣ», сказалъ впоследствии король. — Вѣрно только то, что поспѣшность, съ которою бѣжалъ Людовикъ-Филиппъ, поразила всѣхъ. Одно это удивленіе доказывается, какое имѣли мнѣніе о его храбрости.

Людовикъ-Филиппъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣченъ — изъ теоретическаго уваженія къ неприкосновенности человѣческой жизни, изъ натуральной благосклонности и изъ философскаго убѣжденія. Воспитанный въ школѣ XVIII вѣка, почитатель Вольтера и рационализмъ, онъ любилъ терпимость отчасти какъ вольнодумецъ, отчасти какъ человѣкъ съ просвѣщеннымъ умомъ. Еслибъ чувство самосохраненія ему позволило, онъ непремѣнно уничтожилъ бы эшафотъ, какъ Вольтеръ клеймилъ пытку.

Разматривая домашнюю жизнь Людовика-Филиппа, мы не можемъ не сказать, что онъ былъ образцомъ отцовъ семейства. Правы его были въ высшей степени чисты, чему въ его домѣ мы находимъ мало примѣровъ. Совершенно свободный отъ ига религиозной строгости, онъ оказывалъ къ набожности жены своей трогательное снисхожденіе, которое никогда не измѣнило себя. Безъ всякой другой домашней поддержки, кромѣ совѣтовъ сестры Аделанды, принцессы одаренной глубокимъ умомъ, онъ управлялъ своими дѣтьми кротко и имѣлъ въ тоже время надъ ними сильное вліяніе, ловко предупреждая ихъ несогласія, за исключеніемъ развѣ послѣднихъ годовъ царствованія. Дѣти его, даже женатыя, продолжали жить въ отцовскомъ дворцѣ и собирались такъ-сказать у одного очага.

Портретъ этотъ былъ бы неоконченъ, еслибъ мы къ характеристикѣ Людовика-Филиппа не прибавили еще терпѣнія и спокойствія. Онъ называлъ время своихъ первымъ министромъ, и особенно свидѣльству одного замѣчательнаго писателя, который служилъ ему вѣрно и зашиплеть нѣмъ его шажетъ, Людовикъ-Филиппъ

двѣ говоривалъ охотно: «Я видывалъ и не то!» Не изъ сентиментальствъ того же инстинкта, г. Кювилье-Флери (Cuvillier-Fleury), видне, что Людовикъ-Филипъ хлопоталъ слѣшкомъ много о своихъ свойствахъ, воздерживаясь отъ чтенія газетъ, стараясь добровольно не знать объ обычныхъ взводныхъ проткахъ шего и устранивъ лонучивымъ картины. Кто чувствуетъ себя выше обаяней, тотъ не старается не знать о нихъ и не лишаетъ себя удовольствія показать презрѣнне. Для челоѣка, котораго цѣнятъ честные и умные люди, могутъ ли имѣть какоо-либо значеніе припадкѣ бѣшенства зависти, ярость посредственности, смѣхъ еяды въ фелотѣ! Есть враги, которые могутъ быть также полезны.

Людовикъ-Филипъ, герцога орлеанскій, родился въ Парижѣ 6 октября 1773 г., отъ отца-философа, впоследствии якобинца и царубійды. Когда онъ достигъ патилѣтнаго возраста, его отдалъ изъ руки кавалера де Боннаръ (de Bonnard), эротическаго моря; по собственному воспитанію его было поручено г-жѣ де Жанлисъ (de Genlis). «Анна» Жанъ-Жака Руссо была въ то время у всѣхъ въ рукахъ: г-жа Жанлисъ приказала учить молодого принца, кромѣ всего того, что составляетъ либеральное воспитаніе, ремеслу плотника и хирургіи. Такимъ образомъ она вооружила его противъ невѣжества судьбы. Все возмѣчалъ въ Европѣ близкій переломъ, и со времени предсказаній Руссо предзнаменованія умножились... Въ запискахъ своихъ г-жа де Жанлисъ не скрываетъ симпатій своихъ къ революціи, покрайней-мѣрѣ такой, какою ее воображала собѣ въ то время. Гусерляшка называетъ въ числѣ друзей своихъ революціонеровъ: Талейрана (Talleyrand), Барера (Barère), Вуделя (Voidel), Петьюна (Pétion). Поэтому-то въ журналѣ Людовика-Филипа, когда онъ былъ еще герцогомъ шартрокимъ, видны слѣды идей, вызываемыхъ этими именами и которыми объясняются отношенія его къ клубу якобинцевъ. «Я обѣдалъ въ Муссо. На слѣдующій день отецъ мой согласился съ желаніемъ моимъ быть привѣтчимъ въ клубѣ якобинцевъ; г. де-Силлеръ (de Sillery) представлялъ меня... Миѣ много хлопотъ.» (1)

Въ 1791 г., будучи полковникомъ собственникомъ четырнадцатаго драгунскаго полка, Людовикъ-Филипъ отправился въ Вандею. Начало его было счастливо. Онъ вырвалъ одного священника изъ рукъ разъяренной черни, спасъ утопавшаго челоѣка и ногъ записать въ своемъ журналѣ: «Что за день! Я ложусь доволенъ собой.»

Говорили много и различно о военномъ поприщѣ Людовика-Филипа. Битвы подъ Вальми и Жеммапъ дали обширное поле дѣсти и

(1) Journal du duc de Chartres.

или протавъ Шампиона; престола, котораго онъ жаждалъ съ вѣснѣе
 истребить и бѣги и добычу въ три дня, наконецъ семидесять вѣтъ
 престола — съгъ чинныя черты Одибомъ, котораго подобно ш
 вѣду въ находитъ; въ особенности если дополнить ее престола
 слово въ Иларема

И

Царствование Людовика-Филиппа долго обращало на себя вниманіе
 и занимало Европу; оно имѣло значеніе на одну изъ первыхъ
 націй въ свѣтъ, иліяніе, которое и теперь еще продолжается; Лю-
 довикъ-Филиппъ произвелъ глубокую перемѣну какъ въ развитіи
 матеріальнаго благосостоянія Франціи, такъ и въ укладкѣ ея
 нравственной жизни. А потому хвалить ли его, или хвалить, прора-
 славить или проклинаютъ — значеніе его выше всякаго спора и онъ
 должишь неотвѣтно занять мѣсто въ памяти людей.

Людовика-Филиппа упрекаютъ:

что онъ слишкомъ много заботился все грубой религіей матеріальныхъ интересъ;

что онъ не былъ разборчивъ въ выборѣ средствъ управленія;

что онъ слишкомъ много думалъ объ обезпеченіи своего семей-
 ства.

Но во первыхъ нѣтъ возможности опровергнуть, что Людовика-
 Филиппъ давно помоялся деньгамъ. Когда онъ получилъ корону,
 кака была его первая мысль? Отдѣлать въ себя богатаго человека
 отъ короля. Какое было его первое желаніе? Перевести на дѣте
 своихъ помѣствъ, которыя, по незапамятному обычаю французской
 монархіи, должны были быть присоединены къ имуществоу короны.
 Нѣтъ воля европейскихъ государей Людовика-Филиппа былъ, какъ
 известно, едва ли не самый богатый. 86,000 гектаровъ, дающихъ до-
 хода около 4,000,000, великолѣпныя вѣжки, какъ наприимѣръ замокъ
 Недамъ, обширныя парки, какъ наприимѣръ Монсо (Monceau), 825000
 франковъ ежегоднаго дохода съ акцій каналовъ, болѣе 100,000 фран-
 ковъ дохода съ государственныхъ облигацій и огромное количество
 вѣнной движимости — вотъ состояніе которае, по самой строгой
 оцѣнкѣ, оставилъ послѣ себя Людовика-Филиппъ. Онъ могъ бы
 сѣдовѣательно воздержаться немногъ отъ жажды копить. Но нѣтъ
 сомнѣнія было въ его тѣлѣ королевское добродѣтелье. Пробитые
 его частныя счеты, добытыя нѣтъ секретнаго архива послѣдняго
 правительства, н. въ увидатѣ, что онъ обращалъ на покупку и на
 возмущенъ, отнюдь не въ его распоряженіе.

... Людовикъ много думаетъ, что лучше бы послать по крайней мере Луизанку Филиппу дѣлать расходы, которые относятся къ необходимымъ въ политическомъ отношеніи. Въ замѣну, думаетъ дворянинъ, не могли бы послать въ сп. гасконскаго оръ уиъль давать истинно царскіе праздники и прѣдметы для Версальской музей. Случайная щедрость не препятствуетъ ежедневному скупничеству.

Такимъ образомъ Людовикъ-Филиппъ обожалъ деньги не какъ человѣкъ помѣшанный на скупости, а какъ холодный математикъ любитъ цифры, какъ человѣкъ, которому охота доказать превосходство богатства и силу, поворуху ему даютъ въ управленіи людьми. Нечастію возвышаетъ только великія души; Людовикъ же Филиппъ извлекаетъ изъ своего опыта одно систематическое презрѣніе къ человѣческому роду. Онъ далъ своему правительству тѣ же правила, которыми самъ руководилъ въ домашней жизни; онъ дѣлъ во всѣхъ странахъ, которую ощущалъ въ самомъ себѣ, а потому достигъ въ поощреніи ея и употребленіи въ свою пользу. Это были сѣти, которыя Людовикъ-Филиппъ разставилъ на чужія селѣны. Прелестная часть интереса была громко проповѣдуема, почти официально; материализмъ сѣлъ на престолѣ.

Вотъ что изъ этого вышло:

1. Желаніе благосостоянія, странно возбуждаемое, дѣлало чудеса. Со всѣхъ сторонъ начали строить машины, прорѣзывать дороги, заводить магазины, разрабатывать желѣзо, рыть землю. Нетерпѣніе составило состояніе поредка полевыхъ открытій, указало на неразработанные источники. Промышленность развилась. Торговля расширилась.

Но съ другой стороны: какое нравственное растлѣніе!

Все свѣдѣлось предметомъ торговли: и репутація, и слава, и честь, и добродѣтель. Слова: *каждый для себя, каждый у себя* (*chacun pour soi, chacun chez soi*), выражали и заключали всюкую мудрость, всюкую науку. *Общественность* *оном дѣломъ* было единственною обязанностію. Религія — дѣло; политика — дѣло; философія, литература, искусство — дѣла. Сколько писателей открыли лавочки и продавали замъ своимъ мыслямъ и убѣжденіямъ! Была минута (что ея не помнить?) когда во Франціи говорили только о покупкѣ акцій безъ денегъ, о полученіи дивиденда, премій, о регулярной покрайшъ милліонно. Вербовать акціонеровъ для разработки несуществующей мины, обмануть при помощи сальшиваго открытій — называлось *милымъ деломъ*. Поставили на сцену, вѣроятно какъ страшную арсію, Роберта Масюра (Robert Masière), отаратитольное олицетворенію гонимого духа: весь Парижъ обязалъ смотреть на пьесу, въ по-

терой считавалась родительская шѣдность, священная привязанность, дружба, самоотверженіе, любовь, и весь Парижъ озабоченъ дозволенъ. Продажные избиратели предлагались цѣлыми толпами: знаменитый процессъ доказалъ, что были избираемые, которые этимъ пользовались. Каждый старался быть депутатомъ только потому, чтобы получить мѣсто или какое-нибудь пожалованіе. Моль повецъ царствованія, какбы для объясненія его и представленія его перечня, одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ бѣжигъ, обвиненный въ кражѣ; одного князя судать публично за поддѣлку; министре осуждаютъ за подкупъ, пера Франціи — за убійство.

Тогда-то вышла на поверхность, во всей своей наготѣ, гниющая пошарпанная вышнѣ слов общества; все что требовало уваженія, было унижено съ позоромъ; почести и блескъ положенія украсили ложнымъ своимъ свѣтомъ подкупъ, обманъ и каждое нравственное бѣдствіе. Народная совѣсть возмущалась. Произошла сильная реакція народной честиности противъ развратителей и развращенныхъ. За нерасположеніемъ послѣдовало презрѣніе.

Мы далеки отъ того, чтобы утверждать, что все это было исключительнымъ дѣломъ Людовика-Филиппа; онъ не создалъ всего этого, но былъ представителемъ окончательнаго вывода...

Какое-то грустное безпокойство овладѣло всѣми; хотя еще не предвидѣли, но уже предчувствовали страшную развязку. Консерваторы говорили тихо, что Людовикъ-Филиппъ старѣется, что взглядъ его уже не такъ вѣренъ, что онъ упорствуетъ все болѣе и болѣе въ своихъ заблужденіяхъ. Молчаніе министра Гизо подтверждало это мнѣніе, облегчавшее иногда его отвѣтственность. Многие разсуждали, непринуждая себя, о послѣдствіяхъ смерти короля; другіе опасались неурядицы, которую могло породить оспариваемое регентство. Внезапная смерть принцессы Аделаиды казалась предзнаменованіемъ несчастныхъ дней для династіи. Всѣмъ извѣстно какое участіе она принимала въ совѣщаніяхъ, происходившихъ вѣкругъ престола; зная она тайныя мысли Людовика-Филиппа, принцесса Аделаида съ самой іюльской революціи играла важную роль въ тульерійскомъ дворцѣ. Женщина ловкая и рѣзительная, она во время революціи сдѣлала первый смѣлый шагъ, на который Людовикъ-Филиппъ былъ неспособенъ, и такъ-скавать втокнула его на престолъ. Кромя того она была для короля тайнымъ посредникомъ въ сложныхъ и щекотливыхъ сношеніяхъ его съ политическими людьми. Смерть ея оставила пустынь мѣсто, котораго никто не могъ занять. Такъ какъ принцесса Аделаида была только четьрехъ годами моложе Людовика-Филиппа, то смерть ея казалась предостереженіемъ.

— За последние времена до этого многие граждане говорили о необходимости жить королевскими семействами. Умаление, которое оно возбуждало в буржуазии в 1830 г., уступило место фанатическому энтузиазму. Повторяли, что король присматривает за своими детьми с бесцельною подозрительностью: онъ снискался нѣмъ популярности и держалъ въ строгой зависимости. Помня о вѣдѣннѣ, какое имѣлъ кругъ его въ царствованіе Карла X, Людовикъ-Филиппъ опасался, чтобы гостиница молодыхъ принцевъ не сдѣлалась средоточіемъ оппозиціи. Чрезвычайная педантичность королевы служила, нѣтъ ли во многомъ другомъ, политикѣ мужа, которая она почитала безгранично. Вокругъ рабочаго стола Марии-Анжели строгій этикетъ собиралъ каждый вечеръ молодыхъ принцевъ; смертная скука моровила эти собранія, нѣтъ которыхъ, веселье было нѣгнано какъ вещь неприличная. Одна герцогиня орлеанская по праву своего положенія усаживала себя иногда отъ этихъ собраній. Нелюбимая королевѣмъ, который находилъ, что она слишкомъ умна, нелюбимая королевою за ея протестантизмъ, мало любима другими: принцессами величественнаго серьезнаго ея характера и непримиримаго ей честолюбія, мать наследника престола держала себя въ сторонѣ. Воспитаніе двоихъ сыновей занимало почти все ея время. Несмотря на то, что за герцогиней наблюдали и подозривали ее; она умѣла поддерживать нѣкоторыя политическія сношенія и лически старалась, чтобы народъ узналъ ее.

Емели Людовикъ-Филиппъ слишкомъ уважалъ герцогиню орлеанскую, чтобы ее полюбить, за то съ другой стороны онъ уважалъ слишкомъ мало герцога немурскаго, чтобы посвятить его въ тайны ея политики. Будущій регентъ былъ чуждъ тому, что совершалось вокругъ него и не пользовался никакой популярностью; напротивъ антипатія однихъ, равнодушіе другихъ составляли вокругъ принца какую-то пустоту.

Герцогъ Монпансье, младшій изъ сыновей короля, гнался именито за тѣмъ, что презиралъ братъ его, герцогъ немурскій; онъ любилъ шумъ, покровительствовалъ — немного безъ разбору — артистамъ, писателямъ, въ особенности же журналистамъ.

Болѣе прилежный, болѣе привязанный къ своимъ обязанностямъ, герцогъ омалястій, женатый на неаполитанской принцессѣ, совѣтничъ обширнаго ума, имѣлъ серьезныхъ партизановъ. Что касается принца жоазильскаго, то онъ пользовался въ странѣ, въ особенности между моряками, дѣйствительною популярностью. Всѣ знали, что принцъ; болѣе чѣмъ который-нибудь изъ его братьевъ, ненавидитъ деспотизмъ отца, хулитъ его недобро и встрѣчаетъ часто гнѣвъ короля словами голой истины. Когда онъ отправился

вѣдѣльщикъ герцогу смальскому, назначенному губернаторомъ намѣсто маршала Бюжо (Bugeaud), всѣ говорили, что онъ посланъ въ изгнаніе, чтобы искупить слишкомъ смѣлымъ словомъ ; нѣкоторые подторяли даже о соперничествѣ между нимъ и герцогомъ немурскимъ, соперничествѣ, которое несмотря на вѣшательство принцессы Аделаиды и Клементины (1), заставляло принца жоанвильскаго пристать къ партіи герцогини орлеанской и потребовало его удаленія.

Какія же были послѣдствія всего вышесказаннаго ? Когда настала роковой часъ, почти ни одинъ голосъ не поднялся съ энергіей въ защиту Людовика-Филипа ; онъ встрѣтилъ едва одну дружественную руку ; придворные льстецы разбѣжались ; капиталисты стали въ сторонѣ ; солдаты или отказались драться, или дрались противъ убѣжденія ; національная гвардія склонилась открыто на сторону возмущенія. Старикъ-король взглянулъ вокругъ себя : онъ былъ совершенно одинъ, потерялъ смѣлость, а за нею и власть. Паденіе его было отчасти собственнымъ его дѣломъ.

Впрочемъ паденіе это предвѣщалось ясными симптомами, въ особенности на банкетѣ въ Дижонѣ, слухъ о которомъ разнесся по Франціи съ быстротою молніи. Тамъ въ присутствіи 1300 приглашенныхъ работниковъ, фабрикантовъ, купцовъ, чиновниковъ, раздались слова, которыя Ламартинъ въ близорукомъ своемъ безпокойствѣ называлъ «набатовъ общественнаго мнѣнія».

Въ Лиллѣ за нѣсколько времени до этого Ледрю-Ролленъ сказалъ :

«Иногда высыхающія лужи водъ Нила, разлагающіяся по его берегу растенія портятъ воздухъ и приносятъ заразу ; но пусть прилетѣть наводненіе — и рѣка въ своемъ могущественномъ теченіи смоесть всѣ эти нечистоты и оставитъ по берегамъ задатки плодородія и новой жизни.»

На банкетѣ въ Дижонѣ Ледрю-Ролленъ и Флоконъ повторили подобныя же слова и никто не удивился, услышавъ слѣдующую рѣчь Луи-Блана :

«...Невидимая сила съѣтъ въ вышнихъ словыхъ унизительныя проишествія. Неожиданные случаи безумія, постыдныя издѣлія, преступленія, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, шепотныя самоубійства — поражаютъ изумленіемъ общественное мнѣніе. Общество, столь благолепствующее повидимому, начинаетъ безпокоиться и спрашиваетъ, что за сирыйтъ ядъ пробѣгаетъ по его жиламъ. *Растленіе* — вотъ слово, ржеющее нашу эпоху.»

(1) Принцесса Клементина — третья дочь короля, супруга принца кобургскаго.

Это происходило въ концѣ декабря; въ концѣ февраля, едва спустя два мѣсяца, ураганъ разразился...

Реформистскіе, радикальные и даже коммунистическіе банкеты повторялись безпрерывно въ департаментахъ. Министерство смотрѣло сквозь пальцы на это отдаленное волненіе и по привычкѣ Парижа, не обращало вниманія на мнѣнія провинціи. Но объявленіе обимѣющемъ быть банкетъ въ двѣнадцатомъ округѣ столицы показало серьезной угрозой и префектъ полиціи запретилъ его.

Комиссія банкета отвѣчала, что распоряженіе префекта полиціи незаконно и самопроизвольно, и объявила, что банкетъ долженъ состояться. Комитетъ *Реформы* потребовалъ, чтобы онъ имѣлъ мѣсто именно въ двѣнадцатомъ округѣ, въ предмѣстіи Сентъ-Марсо, посреди волнующагося уже населенія, которое повлекло бы манифестацію за предѣлы законности. Намѣреніе это было явное. Собраніе депутатовъ устранило тотчасъ подобное намѣреніе и комиссія банкета, находившаяся подъ вліяніемъ Одилона-Барро, какъ представителя партіи оппозиціи, не знала на что рѣшиться. Между тѣмъ время уходило. Парижане, любители зрѣлищъ и волненья, теряли терпѣніе; республиканцы разсѣвали въ народѣ подозрительные слухи и представляли перѣшительность Одилона-Барро какъ измѣну. Всякій вечеръ на улицахъ собирались шумныя толпы. Каждый часъ, потерянный реформистской оппозиціей, былъ выигрышемъ для революціи.

Наконецъ 19 февраля появилось въ газетахъ объявленіе, что банкетъ будетъ во вторникъ, 22 числа. Вслѣдъ за объявленіемъ напечатанъ манифестъ комиссіи банкета, составленный безъ вѣдома Одилона-Барро, подъ вліяніемъ волненія вѣшняго, гораздо болѣе революціоннаго чѣмъ полагали сначала; комиссія приглашала національную гвардію и училища участвовать въ манифестаціи.

При чтеніи этого манифеста изумленіе консервативной партіи и конституціонной оппозиціи не имѣло границъ. Министерство тотчасъ отвѣтило:

- 1) прокламаціей къ жителямъ Парижа, пригласая ихъ воздержаться отъ всякой манифестаціи;
- 2) постановленіемъ, приноминающимъ законъ 1790 г. и воспрещающимъ банкетъ;
- 3) распоряженіемъ противъ сборищъ;
- 4) прокламаціей генерала Жакино (*Jacquino*), воспрещающей національной гвардіи собираться безъ законнаго созванія.

Въ виду подобныхъ распоряженій правительства умѣренная оппозиція порѣшила не участвовать въ манифестаціи. Противнаго мнѣнія

были: Ламуртианъ, Альтонъ-Ше (Alton-Shée), Гаркуръ (d'Harcourt), Лербетъ (Lherbette) и нѣкоторые другіе.

21 числа вечеромъ комиссія банкета приказала уничтожить сдѣланные приготовленія.

Въ тоже время избирательный комитетъ второго округа составилъ записку, напечатанную на слѣдующій день въ газетахъ, въ которой охуждалось принятое рѣшеніе и требовалось увольненіе депутатовъ; — единственной мѣры, могущей удовлетворить общественное мнѣніе. Республиканская партія совѣщалась въ конторѣ *Реформы*. Одни, къ числу которыхъ принадлежали Дедрю-Ролленъ, Араго, Коссидьеръ (Caussidière), Лагранжъ (Lagrange), совѣтовали воспользоваться обстоятельствами и ваяться за оружіе; другіе, какъ-то Луи-Блазъ и Флоковъ, опасались стычки, находя силы слишкомъ неравными. Совѣщатели разошлись непорѣшивъ ничего. Самые смѣлые отправились въ предмѣстія, чтобы лично удостовѣриться въ какой степени возмущаецъ народъ.

Между тѣмъ во дворцѣ господствовало веселье. На настоячивыя предостереженія Людовикъ-Филипъ отвѣчалъ одними сарказмами. Докладъ префекта Рамбюто (Rambuteau), сообщавшаго весьма тревожныя свѣдѣнія, былъ отложенъ на цѣлую недѣлю, чтобы, какъ говорилъ король, онъ могъ покаяться въ своемъ ребяческомъ страхѣ. Маршала Жерара (Gérard) ⁽¹⁾ встрѣтилъ подобный же приемъ.

Какъ-будто въ оправданіе безнечности короля, ему сообщили вскорѣ, что Одилонъ-Барро и друзья его, опасаясь подвергнуть правительству стыду, отказались отъ банкета. Невозможно описать впечатлѣнія, какое извѣстіе это произвело въ Тюльери. Придворные хохотали. Королева была въ восторгѣ. Король пожималъ руки всѣмъ министрамъ; давно онъ небылъ столь веселъ, въ такомъ ударѣ. Нѣкоторые пробовали заговорить съ нимъ о волненіи на улицъ; «но это было ничто, пустяки — говорили придворные: — человекъ двадцать мальчишекъ читають распоряженіе противъ сборищъ. Проходящіе останавливаются, не зная что это значитъ, но расходятся тотчасъ по прочтеніи. Впрочемъ и военныя мѣры приняты, самыя строгія.»

III

Погода пасмурная, небо покрыто сѣрыми тучами, дуетъ холод-

(1) Во вторникъ поутру, 22 февраля, король написалъ маршалу записочку, для успокоенія его, увѣдомляя, что происшествія принимаютъ самый счастливый оборотъ.

ный и сырой вѣтеръ. Парижъ просыпается безпокойный, волнуемый неясными надеждами и опасеніями.

Нераздѣлая безпечности короля, министры далеко однако отъ пониманія важности совершающихся происшествій. Революція 1830 года приходитъ имъ правда на память, но въ видѣ науки, а не угрозы. Они надѣются избѣжать ошибокъ, въ какія попалъ Полиньякъ; предусмотрительность Гизо спасетъ и восстановитъ все.

Префектъ полиціи Делессеръ, человекъ дѣлительный, преданный, умный, будучи уведомляемъ ежеливно чрезъ тайныхъ агентовъ о заговорахъ противъ Людовика-Филипа, держитъ въ рукахъ своихъ много нитей и знаетъ не одну тайну; онъ располагаетъ муниципальною гвардіей и городскими сержантами, двумя отрядами отличо организованными (1). Возможность возстанія и послѣдствія борьбы рассчитаны съ точностью. Планъ защиты, который находятъ совершенствомъ стратегическаго искусства, окружаетъ Парижъ стѣною штыковъ, могущихъ по первому сигналу задушить возстаніе.

Ловкій планъ этотъ составленъ маршаломъ Жераромъ и извѣстенъ въ арміи подъ именемъ дневнаго приказа 25 декабря. При помощи весьма простого и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма ученаго расчета, свободное движеніе и сосредоточеніе почти мгновенное огромныхъ силъ въ самыхъ населенныхъ кварталахъ Париза производится такъ же легко какъ и въ открытомъ полѣ.

Два сына короля будутъ воодушевлять своими присутствіемъ войско, котораго духъ очень хорошъ, говорятъ. Герцогъ немурскій назначенъ главнымъ начальникомъ арміи. Генералъ Себастьянн командуетъ дивизіей и снесется въ случаѣ надобности съ генераломъ Жакмино, командующимъ національною гвардіей. Впрочемъ предпочитаютъ не прибѣгать къ помощи полиціи: ей не доверяютъ.

Съ семи часовъ утра многочисленныя толпы народа показываются на улицахъ. Онѣ состоятъ изъ ремесленниковъ, которые не идутъ на работу, изъ женщинъ, дѣтей и любопытныхъ, вызванныхъ слухами о банкетѣ. Дѣйствительно ли онъ отмененъ? состоится ли онъ? приметъ ли въ немъ участіе національная гвардія? прибѣгнетъ ли правительство къ силѣ? будутъ ли защищаться? Пойдемъ, посмотримъ! Вотъ фразы, которыя слышатся въ толпѣ, в поемногу бульвары, площадь Согласія (Concorde) и въ особенности площадь Магдалины (de la Madeleine), гдѣ назначено было первоначально мѣсто собранія подписчиковъ на банкетъ, напол-

(1) Муниципальная гвардія состояла изъ 3200 человекъ, въ томъ числѣ 600 кавалеріи.

возвратъ народа. Неблизко вышло наверхъ мурлы. Вечеръ продолжительное ожиданіе, при холодномъ туманѣ, дѣлается весьма неприятнымъ. Изъ мурлыковъ узнають объ отступленіи оппозиціи. Высокъ праздникъ. Солдаты караула при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ безъ ружей смотрятъ спокойно на всю собирающуюся толпу. Никто не знаетъ что думать объ этомъ молчаливомъ движеніи, которое казалось, какъ и было въ дѣйствительности, немнѣю на дѣлѣ, ни члана. Быть одиннадцать часовъ. Два взвода муниципальной гвардіи проходятъ рысью черезъ площадь Согласія и направляются къ Елизейскимъ полямъ. Они посланы убрать приготовления къ бенкету. Въ тоже время сильные отряды двѣдцать перваго армейскаго полка движутся съ лѣвой стороны площади Магдалины и становятся по направлению шоссе. Ихъ встрѣчаютъ непріязненный народъ.

Но тише! что это за голоса слышатся въ отдаленіи? что это за шорохъ, хорошо знакомая, приближается къ намъ? Это маршалова, вечернюю зашнурованную семью студентовъ, появившихся вдругъ на площади. Они обходятъ два раза церковь; народъ движется за ними черезъ площадь Согласія къ Пале-Бурбону. Изъ сборища добрыхъ и праздныхъ людей присутствіе студентовъ дѣлаетъ политическую манифестацію.

Недвѣля еще себя отчета въ своемъ намереніи, толпа поднимается впередъ. Она проходитъ безпрепятственно черезъ площадь Согласія; у входа на мостъ ее встрѣчаетъ отрядъ муниципальной гвардіи и заграждаетъ путь штыками. Изъ толпы выбѣгаетъ молодой человекъ, растегиваетъ жилетку и съ голой грудью бросается впередъ: «Стрѣляйте!» говоритъ онъ. Изумленные солдаты колеблются. Народъ напираетъ и проходитъ черезъ мостъ: первый убитъ, воодушевившій всю массу. Толпа разсыпается по набережной, перелѣзаетъ черезъ рѣшотки, выбѣгаетъ на лѣстницу подъѣзда дворца Бурбонъ. Самые смѣлые или самые предприимчивые проламываютъ въ коридоры. Караулъ національной гвардіи, поставленный для охраненія депутатовъ, отталкиваетъ смѣльчаковъ скорѣе убѣжденіемъ, чѣмъ силой. Кремьё (Crémieux) и Мари (Marie) встрѣчаютъ студентовъ, просятъ ихъ быть умѣренными и объщаютъ, что министерство дастъ отчетъ въ своемъ образѣ дѣйствій; но толпа, не слушая этихъ примирительныхъ словъ, стучится вокругъ дворца. Начинаютъ онашаться, что она завладѣетъ палатой. Вдругъ изъ казармъ набережной Орсе (d'Orsay) выѣзжаетъ эскадронъ драгунъ и съ обнаженными нагаками бросается на народъ; встрѣчая одного безоружнаго человека, видя лица болѣе испуганные чѣмъ грозные, офицеръ приказываетъ остановиться. «Vive les dragons!» восклицаетъ

идеть народъ, и солдаты очень внимательно осматриваютъ толпу, которая снова собирается на площади.

Что дѣлаетъ въ это время законодательная палата? Въ люксембургскомъ дворцѣ веры отвергаютъ съ презрѣніемъ предложеніе Боасса (Boissu) — потребовать отъ министерства объясненій о настоящихъ политическихъ сношеніяхъ столицы. Во дворцѣ Бурбонъ, когда возмущеніе находится уже у его дверей, депутаты разсматриваютъ проектъ закона о банктъ въ Бордо. Немного горечи, нѣсколько авторитетныхъ выраженій принимается въ этихъ преніяхъ, но никто не предвѣщаетъ болѣе важныхъ заботъ; и когда въ вечеръ заключенія Одилонъ-Барро проситъ президента прочесть палатѣ представленное имъ предложеніе, на устахъ Гизо появляется саркастическая улыбка. Министръ встаетъ, пробѣгаетъ бумагу, заключающую въ себѣ актъ обвиненія его и садится на прежнее мѣсто. Каждой можетъ читать на лицѣ его остраданіе, возбужденное столь торжественной глумостью. Президентъ объявляетъ совершенно равнодушно, что предложеніе будетъ представлено въ слѣдующій четвергъ на разсмотрѣніе отдѣленной палаты. Пренія кончились. Было около четырехъ часовъ.

Съ двухъ часовъ пополудни войско охраняло палату. Батальонъ пѣхоты расположился на площади дворца Бурбонъ. Въ улицѣ Бургонъ поставили двѣ пушки. Со всѣхъ сторонъ видны отряды пѣхоты, вскадроны стрѣлковъ, драгуновъ и муниципальной гвардіи. Генералъ Перро наблюдаетъ за этими распоряженіями.

Толпа, отброшенная на площадь Согласія, остается въ нерѣшительности, въ какомъ-то ожиданіи. Даютъ приказаніе муниципальной гвардіи разогнать ее. Этотъ избранный отрядъ состоялъ изъ людей испытанныхъ и получающихъ огромное содержаніе; армія завидовала его преимуществамъ, народъ не могъ его терпѣть за лежащія на немъ полицейскія обязанности. Дисциплина въ немъ была чрезвычайно строгая, приказанія исполнялись съ величайшею точностью. Изъ частыхъ столкновеній съ парижскимъ населеніемъ произстала взаимная вражда, которая при настоящихъ обстоятельствахъ могла только ускорить непріязненные дѣйствія, тогда какъ внимательство національной гвардіи польствовало бы на народъ гораздо примирительнѣе. Муниципальная гвардія прорѣзала себѣ дорогу съ палашомъ въ рукахъ, опрокидывая и нанося даже раны старикамъ и женщинамъ, которые не могли бѣжать. Достаточно было нѣсколькихъ подобныхъ атакъ, чтобы очистить площадь; во теченіе трехъ послѣдовавшихъ дней муниципальная гвардія дорого заплатила за приключившуюся здѣсь смерть старухи и пролитую кровь смертельно раненаго работника.

.. На Елизейскихъ поляхъ сборища не уступали, несмотря на повторившіяся атаки. Уличные мальчишки свистали и подсмѣивались надъ муниципальною гвардіею; многие бросали въ нее камнями. Другицы продавали медной рысью, но не останавливали никого, тогда какъ муниципальная гвардія была безъ пощады и проматовидила частые аресты. Что касается армейской пѣхоты, то она присутствовала при этихъ сценахъ пока еще въ качествѣ зрителя. Около трехъ часовъ толпа работниковъ появилась со знаменемъ въ Ассизо-Маршаллѣ, вблизи самаго караула, солдаты котораго не успѣли закрыть во время рѣшотки. Нежелая прибѣгать къ оружію, они отступили. Одинъ изъ рабочихъ воткнулъ здѣсь свое знамя. При видѣ этого знамя побѣды сбѣжались мальчишки и подождян деревенскихъ домовъ караула; вѣкорѣ воротилось войско и толпа разбѣжалась безъ особеннаго сопротивленія. На лѣвомъ берегу рѣки броженіе было немощно важное: толпа, въ которой находились воспитанники медицинскаго и юридическаго училищъ, направилась къ политехнической школѣ; чтобы уговорить воспитанниковъ ея присоединиться къ нимъ. Надѣялись, что политехническая школа отличится канъ и въ 1830 г.; но на сей разъ наклонности ея оказались гораздо менѣ революціонными.

Сцены болѣе оживленныя происходили почти одновременно передъ домомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, передъ биржей, у Пале-Рояля и на площади Бастильи. Замѣтивъ наконецъ, что безъ вооруженія ничего нельзя сдѣлать, народъ разломалъ рѣшотки у церкви св. Роха, Успенія и у морскаго министерства; ограбилъ магазинъ Лепажя и нѣсколькихъ другихъ оружейниковъ. Кто-то изречь слово: *барикада*. Самые смѣлые тотчасъ принимаютъ за дѣло. Первый опытъ производится въ улицѣ Сент-Онора (St. Honoré), гдѣ опрокинувъ омнибусъ, начинаютъ ломать мостовую. Атака кавалеріи разгоняетъ работающихъ. Солдаты весьма спокойно, безъ гнѣву, поднимаютъ карету и чинятъ мостовую; видно, что ни съ одной, ни съ другой стороны нѣтъ дѣйствительной злобы. Подобные же опыты, но такъ же безуспѣшно, производятся и въ нѣсколькихъ другихъ нуктахъ.

Народъ безъ предводителя, безъ предназначеннаго плана, желаетъ какъ-будто утопить войско. Но дождь охлаждаетъ понемногу его восторгъ. Нечувствуя себя въ силахъ начать настоящей борьбы, возмущеніе оставляетъ открытыя мѣста и примыкается къ предвѣстиямъ.

Воротившись въ гнѣздо всѣхъ народныхъ возстаній, въ этотъ лабиринтъ улицъ и переулковъ, знакомыхъ почти исключительно только рабочему населенію, работники почувствовали свою силу.

Начинают строить крѣпкія баррикады, нападать на уединенныя караулы. Одни солдаты успѣваютъ вовремя скрыться въ казармы, другіе, пойманые врасплохъ, отдаютъ оружіе. Въ Ватиньоль работники зажигаютъ карауль у заставы, обесоруживаютъ національную гвардію и засѣдаютъ на лѣсномъ дворѣ; никто не приближается къ мѣстамъ укрощенія этихъ безпорядковъ.

Между тѣмъ жители столицы не могли понять, почему не собираютъ національную гвардію (1). Люди взявъ партій удивлялись, какъ правительство пренебрегало подобными средствами; когда бывшія до сихъ поръ стычки угрожали перейти въ открытое возмущеніе. Около пяти часовъ три депутата: Вавенъ (Wavin), Тальяндье (Taillandier) и Карно (Carnot) отправились къ префекту, для сообщенія ему о неудовольствіи народа. Но Рамбюто не имѣлъ никакой власти; притомъ онъ слишкомъ хорошо понималъ настишка Людовика-Филипа, чтобы пойти предостерегать его во второй разъ. Депутаты получили уклончивый отвѣтъ.

Почти въ тоже время меръ второго округа, Берингъ, принявъ на себя отвѣтственность, приказалъ бить сборъ; примѣру его послѣдовали и въ нѣкоторыхъ другихъ округахъ, но безуспѣшно. Республиканцы, находившіеся въ легіонахъ, укрѣпили въ нихъ этотеченіи послѣдняго времени духъ неповиновенія. Они напоминали старыя обиды, раздражали самолюбіе, доказывали необходимость принять болѣе независимое положеніе, чтобы возвратить себѣ прежнее политическое значеніе, котораго ихъ лишили король и министерство. Доводы эти находили вѣрующіхъ. На восемь тысячъ человекъ, составлявшихъ второй легіонъ, явилось неболеѣ шести сотъ. На площади Пантеона, гдѣ стоялъ пятый армейскій полкъ, собралась незначительная часть двѣнадцатаго легіона. Въ народѣ послышались свистки и ропоть; національная гвардія начала кричать: *да здравствуетъ реформа!* Толпа ей отвѣчала крикомъ: *да здравствуетъ національная гвардія!* Могло ли подобное поведеніе воодушевить солдатъ? Офицеры пятого полка дали примѣръ нравственнаго отступленія, отправившись здороваться съ начальниками національной гвардіи. Демонстрація эта была принята продолжительными криками одобренія.

Опытъ взяться за оружіе, совершенно неудавшійся, не имѣлъ много послѣдствія кромѣ развращенія арміи и дальѣ возстававшихъ болѣшую увѣренность и болѣшія надежды. Около шести часовъ вечера обстоятельства показали генералу Себастьяни столь значитель-

(1) Приказаніе бить сборъ, данное 21 числа въ девять часовъ вечера, было отложено ночью.

на, что онъ приказалъ войску соборозоваться съ приказомъ 25 декабря. Восприсцена ѣзда въ экипажахъ. Многочисленные патрули пробѣгаютъ улицы. Тюльери и всѣ важнѣйшіе пункты заняты значительными силами. Войска стоятъ на бивакѣ вокругъ большихъ оградъ, на дождѣ.

Постепенно городъ стихаетъ, работники расходятся по домамъ, огни гаснутъ. Кое-гдѣ впадѣнъ вѣшеходъ въ совершенно пустой улицѣ. Можно было бы подумать, что возстаніе утихло; но никто этому не довѣряетъ. Послѣ такого волненія такая страшная тишина несколько поражаетъ. Въ домахъ, гдѣ собираются обыкновенно лица привязанныя къ правительству, мужчины задумчивы, женщины взволнованы. Несмотря на то, ни дворъ, ни власти не ощущаютъ никакого опасенія. «Это просто была вспышка», сказалъ Демессеръ въ своей гостиной въ девять часовъ вечера. — «Дѣла идутъ самими хорошо», говоритъ Дюшатель австрійскому посланнику. Въ полночь генералъ Себастьянъ отмѣняетъ приказъ, данный въ шесть часовъ, а въ «Монитерѣ» появляется фраза: *правительство принимаетъ надлежащія мѣры для возстановленія порядка.*

IV

Ночь прошла спокойно. На всякій случай правительство дѣйствительно принимало свои мѣры. Войска пріѣзжали со всѣхъ сторонъ по желѣзнымъ дорогамъ. Пушки, привезенныя изъ Венсенъ, были поставлены на площади Каруселя, на площади Согласія, вокругъ воротъ Сень-Дени и Сень-Мартенъ, на набережныхъ и у ратуши.

Между тѣмъ войско, стоявшее на бивакѣ, подъ дождемъ, съ ногами въ грязи, съ безпокойствомъ въ сердцахъ и съ продрогшимъ тѣломъ; отвѣчаетъ на разсвѣтѣ веселую и многочисленную толпу, выходящую изъ улицъ св. Мартена, Рамбюто, Сень-Мерри, Тампль, св. Діонисія, гдѣ во многихъ мѣстахъ воздвигнуты были барикады. Некоторое время одни наблюдаютъ за другими, потому работники завязываютъ перестрѣлку; имъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Народъ, разбросанный на большомъ пространствѣ, то разсѣивается, то собирается въ кучу, утомляетъ войско, захватываетъ отдѣльные посты. Страшное дѣло: едва гдѣ-нибудь прекращается огонь, между солдатами и работниками завязывается тотчасъ веселый разговоръ. Торговки на базарѣ (les femmes de la halle) предлагаютъ солдатамъ съѣстное, цѣлуютъ ихъ, просятъ беречь ихъ братьевъ, не стрѣлять въ мужей, въ дѣтей. Народъ продолжалъ весело строить барикады

въ двадцати шагахъ отъ солдатъ. «Вы же будете стрѣлять, не предупредите насъ?» спрашиваютъ мальчишки. «Будьте покойны, мы не получали приказаній», отвѣчаютъ солдаты. Пошутливо веселое слово, острота, заставляютъ смѣяться самыхъ офицеровъ, шлепающихъ отъ всего сердца, чтобы миролюбивая развязка освободила ихъ отъ междоусобной войны.

Вдругъ они вздыхаютъ свободнѣе; сердца ихъ освобождаются отъ тяжелаго гнета. Имъ нравятся хорошее извѣстiе. Вездѣ бьются сборъ. Национальная гвардія собирается; она развяжетъ узелъ этого непонятнаго положенія. Дѣйствительно послѣ долгихъ колебаній, многихъ лишнихъ слобъ, приказаній и отказовъ, герцогъ немурскій, генералъ Себастиани и Жакинно, собравные въ главному штабѣ въ величавомъ бездѣйствіи и совершенномъ незнаніи настоящаго положенія дѣла, дѣлаютъ позднее распоряженіе бить сборъ. На этотъ разъ легіоны слушаются, но двигаются при крикѣ: *Да здравствуетъ реформа!* Принимая на себя роль посредника, національная гвардія будетъ препятствовать стрѣлять въ народъ, принудитъ правительство къ уступкамъ, опрокинетъ консервативное министерство, потребуетъ кабинета подъ предсѣдательствомъ Тьера или Моле и заставитъ народъ возвратиться къ ежедневнымъ занятіямъ. Вотъ программа, которую начертала себѣ національная гвардія въ среду 23 февраля, въ семь часовъ утра.

Это расположеніе ея проявилось немедленно. Полковникъ десятаго легіона Демерсье, произнося рѣчь передъ четвертымъ батальономъ, стоявшимъ въ улицѣ Таранъ, просилъ его употребить всѣ усилія для возстановленія порядка. «Дѣло идетъ не объ одномъ порядкѣ, восклицаетъ Биксіо, выступая впередъ: — нужно выгнать неспособное министерство.» Крикъ: *долой Гизо!* слѣдуетъ за этими словами. Разсерженный полковникъ сходитъ съ лошади и обращаясь къ некоторымъ людямъ, которыхъ умѣренность ему извѣстна, предлагаетъ кричать: *Да здравствуетъ король!* — *Да здравствуетъ реформа!* отвѣчаютъ ему. Демерсье слагаетъ съ себя командованіе батальономъ и уходитъ домой.

На площади Пти-Перъ (des Petits-Pères) третій легіонъ смѣшивается съ народомъ и кричитъ: *да здравствуетъ реформа!* Слыша эти крики, отрядъ драгуновъ, стоявшій на площади Побѣды (des Victoires), спѣшитъ разсѣять сборище; но офицеры легіона бросаются на встрѣчу лошадей и вступаются за толпу; драгуны удаляются. Пѣшая муниципальная гвардія хочетъ поправить этотъ уронъ и подвигается скорымъ шагомъ по улицѣ Пти-Перъ, но когда она неваляется на углу площади, национальная гвардія скрещиваетъ штыжи. При этомъ неожиданномъ видѣ солдаты останавли-

завоюетъ. Офицеръ муниципальной гвардіи, вѣдая что дѣлать, отказывается командѣ возвратиться въ казармы. Въ тоже время восьмой легіонъ, собранный на королевской площади, отказывается идти, если на знамени его не будутъ написаны слова: «да здравствуетъ реформа». На бульварѣ св. Мартена пятый легіонъ останавливаетъ атаки кавалеріи и объясняетъ войску, что народъ хочетъ одной вещи: переименованія министерства. Второй легіонъ выражается столь категорически, что полнокровникъ находитъ нужнымъ предупредить объ этомъ герцога немуркаго. Полковникъ третьяго легіона Бессонъ, перъ Франціи, обратился почти съ тѣмъ же къ генералу Жаккино и представляя ему важность обстоятельствъ, просилъ увѣдомить короля.

На эти единогласныя и почти одновременныя донесенія герцогъ немурскій, безстрастный, окруженный блестящей свитой, едва отвѣчалъ и не показывалъ ни безпокойства, ни рѣшительности. Довольный почестами, воздаваемыми ему какъ главному начальнику, обращая строгое вниманіе на соблюденіе этикета, онъ посылалъ всѣхъ то къ королю, то къ генералу Себастьянъ, то къ генералу Жаккино, которые или улыбались, или морщили брови и отвѣчали самовадѣбно: «Мы это знаемъ». И ни одно приказаніе, ни одно рѣшеніе не выходило изъ этой тройственной амагини. А между тѣмъ остревѣлыя стычки между народомъ и муниципальной гвардіей продолжались въ Марѣ и въ кварталахъ св. Діонисія и св. Мартена. Армія принимала въ нихъ весьма мало участія, а національная гвардія, гдѣ только могла, старалась прекратить огонь. Народъ въ неописанной радости встрѣчалъ вездѣ своихъ покровителей криками: *Да здравствуетъ національная гвардія! да здравствуетъ армія!*

Пока виѣшательство національной гвардіи останавливало пролитіе крови на предмѣстьяхъ, депутація четвертаго легіона, состоящая изъ 500 или 600 человекъ, безъ ружей, направлялась къ Пале-Бурбону. Она несла просьбу объ избирательной реформѣ и объ увольненіи министерства. Окрестности палаты были обставлены войскомъ. Едва на площади показывались группы народа, ихъ тотчасъ разгоняла кавалерія. Резервы пѣхоты и кавалеріи занимали Елсейскія поля; сильный отрядъ перваго легіона охранялъ мостъ Согласія. Начались переговоры между этимъ отрядомъ, составленнымъ изъ самыхъ усердныхъ консерваторовъ и депутаціей. Въ это время въ палатѣ разнесся слухъ, что реформистскіе легіоны идутъ для занятія Пале-Бурбона; всѣ перетрусили. Крэмьё, Бомонъ де-ла-Сомъ (Beaumont de la Somme) и Мари командированы на встрѣчу національной гвардіи. Прочитавъ просьбу, господа эти поздравили депутацію: съ са патристическимъ жестукомъ и объявили въ об-

пикетъ «разежъ», что *министратво* покосило на-смерть, что *нацио-
нальная гвардія* произвела надъ кимъ арестованъ, что *авелакія народа*
будутъ удовлетворены. Рѣчь эта была принята продолжительными
рукоплесканіями. Депутаты воспользовались обстоятельствомъ и
убѣждали національную гвардію препятствовать отъѣзду и ста-
раться возстановить порядокъ. Депутація и не просила больше; она
разсыпалась по всѣмъ направленіямъ, повторяя стои радостными
слова. Каждый думалъ, что продолженіе борьбы будетъ безъ цѣли,
возмущеніе безъ предлога: все должно возвратиться въ порядокъ и
законности.

Палата депутатовъ, мѣнѣ ослѣпленная чѣмъ палата черевъ, хотѣла
принять на себя что-то вроде инициативы. Вотъ что въ ней
происходило:

Засѣданіе открылось въ половинѣ второго; депутаты едва могли
успѣть на своихъ мѣстахъ, чтобы выслушать протоколъ. Волненіе
было таково, что пришлось прервать засѣданіе. Тюдочи слушаютъ,
одни тревожатъ другихъ, доходятъ со всѣхъ сторонъ. Гдѣ иници-
атива? На что рѣшился король? Какой будетъ исходъ настоящаго
переворота? Никто не знаетъ. Знаи только, что и подтверждалось
мгновенно, что національная гвардія отказалась идти противъ на-
рода, что армія не пойдетъ безъ національной гвардіи; этого было
достаточно, чтобы опасаться самыхъ страшныхъ послѣдствій. Ожи-
дали съ нетерпѣніемъ Гизо, который еще не явился. Ронтали, об-
виняли его. Многіе надѣялись, приписывая продолжительное его
отсутствіе какой-нибудь энергической мѣрѣ, принятой въ совѣтѣ.
Наконецъ въ два съ половиною часа, теряя всякое терпѣніе, Ва-
вентъ, депутатъ сенскаго департамента, входитъ на трибуну. Всѣ
знаютъ, что онъ намѣренъ потребовать объясненій отъ министер-
ства. «Подождите, подождите!» кричатъ ему со всѣхъ сторонъ. Ге-
беръ (Hébert), находившійся одинъ на скамьѣ министровъ, объя-
вляетъ палатѣ, что президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ,
задержанные обстоятельствами, которыя достаточно объясняютъ
настоящимъ положеніемъ дѣлъ, незамедлительно явятся въ скоромъ
времени. Слова эти приняты были съ возгласами нетерпѣнія; но
вдругъ всѣ замолкли, всѣ взоры обратились на дверь. На порогѣ
показался Гизо. Но онъ ли это? Черты лица матово-блѣднаго суде-
рожно сматы, ясный взоръ его затемненъ; выраженіе глубоко
страданія, съ трудомъ сдержаннаго, отпечаталось на его лбу. Ни-
кто не смѣетъ нарушить молчанія этой смертельно раненой гар-
дисти.

Вавентъ входитъ на трибуну и начинаетъ слѣдующими словами:
«Господа, отъ имени всего и товарищей моихъ депутатовъ депар-

таинства. Серьд я дамъ рѣшь сдѣлать нѣскольکو вопросовъ министерствахъ. Втеченіи послѣднихъ двадцати четырехъ часовъ важныи безпорядки обезпокоиваютъ столицу; вчера все народонаселеніе видѣло съ сожалѣніемъ отсутствіе національной гвардіи, и увѣреніе было тѣмъ болѣе, что всѣ знали, что въ понедѣльникъ вечеромъ дано было приказаніе собрать ее. Слѣдовательно правда, что ночью съ понедѣльника на вторникъ приказаніе это было отмѣнено. Вчера только въ пять часовъ вечера въ нѣкоторыхъ кварталахъ были сборы. Втеченіи цѣлаго дня жители Парижа находились въ опасности, неимѣя защиты своей милиціи. Происходили плачевныи стычки, которыи могли бы быть предупреждены, еслибъ съ самаго начала безпорядковъ мы видѣли на нашихъ площадяхъ, нашихъ улицахъ, національную гвардію, девизомъ которой служатъ слова: общественный порядокъ и свобода. Прошу гг. министровъ лать намъ объясненія о столь важныхъ обстоятельствахъ.»

Гизо встаетъ и направляется медленно къ трибунѣ. Дыханіе его какъ-будто придавлено внутренней тяжестью; но усиленъ воли онъ возвышаетъ свой голосъ, окидываетъ собраніе гордымъ взглядомъ и среди глубокаго молчанія произноситъ слѣдующія слова: «Мнѣ кажется, что не можетъ быть ни согласна съ интересомъ общества, ни приличнымъ для палаты — приступать въ настоящее время къ рѣшеніямъ по возбужденному вопросу.» Его прерываетъ взрывъ недовольствія. Оппозиція думаетъ, что онъ прибѣгаетъ еще разъ къ гордому отказу дать какое-либо объясненіе, что могло быть терпимо прежде, но не въ настоящую минуту. Гизо ждетъ пока стихнетъ говоръ, повторяетъ слово въ слово что сказалъ уже и продолжаетъ: «Король пригласилъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему...» Невѣждивыи рукоплесканія съ обонхъ концовъ полукружія покрываютъ его голосъ. «Палата должна сохранить свое достоинство!» восклицаетъ Одиловъ-Барро. «Шумъ этотъ — продолжаетъ Гизо — не заставитъ меня ни прибавить, ни отнять ни одного слова изъ того что я сказалъ. Король пригласилъ къ себѣ графа Моле, чтобы поручить ему составить новое министерство. Пока теперешнее будетъ оставаться на своемъ мѣстѣ, оно удержитъ или возстановитъ порядокъ и заставитъ уважать законъ, какъ и дѣлало это до настоящаго времени.»

При этихъ словахъ депутаты центра приходятъ въ неголованіе; скамьи очищаются; составляются оживленныи группы. Посреди дума слышны слова: «это недостойно, это подло! намъ измѣннютъ; пойдемъ къ королю!» Консерваторы полагаютъ, что министерство ихъ, попираетъ и раздражаются упреками. Гизо, небудучи въ состояніи заставить слушать себя, показываетъ знаками, что не онъ

уходить, но король его смѣняетъ. Президентъ старается возстановить спокойствіе. «Прежде закрытія засѣданія — говоритъ онъ — я хочу сказать слово о порядкѣ преній.» — «Какое намъ до него дѣло!» восклицаетъ Плюгульмъ (Plougoultm). Сальванди требуетъ, чтобы дневной порядокъ былъ сохраненъ. Въ это время Кремь приноситъ просьбу національной гвардіи и многихъ обывателей четвертаго округа. «Одни — говоритъ онъ — протестуютъ противъ поведенія министерства; другіе требуютъ назначенія надъ нимъ суда...» Голосъ Кремь теряется въ общемъ говорѣ. Спокойствіе возстанавливается только при видѣ Дюпена на трибунѣ. Всѣ знаютъ дружественныя отношенія Дюпена къ королю; всѣмъ извѣстенъ его ясный умъ; всѣ ожидаютъ отъ него предложенія согласнаго съ достоинствомъ палаты и важною обстоятельствомъ. «Господа, говоритъ ораторъ: — первая надобность столицы — возстановленіе порядка, прекращеніе смутъ. Анархія — самая страшная вещь: это — разрушеніе общества; она угрожаетъ всему общественному благоустройству. Слѣдовательно единственнымъ дневнымъ порядкомъ въ нашихъ преніяхъ, должно быть стараніе возстановить спокойствіе.» Послѣ того Дюпенъ припомнилъ іюльскую революцію, порядокъ и свободу, основанныя на согласіи палаты депутатовъ съ желаніемъ народа и при содѣйствіи національной гвардіи, кончаетъ слѣдующими словами: «Массы должны знать, что онѣ не имѣютъ права разсуждать, рѣшать; тѣ, которые прибѣгаютъ къ оружію, должны знать, что они не имѣютъ права давать приказанія, что они должны подчиняться закону, слушать голоса власти, ожидать отъ совѣщаній палатъ мѣръ, которыя признаны будутъ необходимыми. При настоящемъ положеніи должны ли мы допускать въ нашу среду раздражающія или обвинительныя пренія? Я думаю напротивъ, что намъ нужно согласиться съ отсрочкой, которой отъ насъ требуютъ и которую я поддерживаю всѣми моими силами.»

Рѣчь эта возвращаетъ Гизо снова на трибуну. Съ наружнымъ хладнокровіемъ онъ опровергаетъ приведенныя Дюпеномъ причины для отсрочки преній и произноситъ твердымъ голосомъ слѣдующія слова, послѣднія во время его министерской карьеры: «Кабинетъ не видитъ съ своей стороны никакихъ причинъ, по которымъ труды палаты могли бы быть прерваны или который-либо изъ вопросовъ, возбужденныхъ въ палатѣ, не могъ получить своего разрѣшенія. Престолъ находится въ отпращеніи своихъ правъ. Права престола должны быть вполнѣ уважены. Пока министерство находится у дѣлъ, пока оно сидитъ на этой скамьѣ, занятія и совѣщанія великихъ властей государства не должны быть оставлены. Кабинетъ готовъ отвѣчать на всѣ вопросы, принять участіе въ каждомъ пре-

нѣмъ ; пусть палата рѣшитъ какъ ей угодно.» Приступаютъ къ собранію голосовъ : палата сохраняетъ для слѣдующаго дня заранѣе опредѣленный порядокъ преній ⁽¹⁾. Депутаты, жаждущіе новостей, расходятся поспѣшно...

Король не безъ труда согласился на первую уступку общественному мнѣнію, — на перемѣну министерства. Не потому, чтобы было въ натурѣ Людовика-Филиппа платить благодарностью за вѣрность службы или класть на вѣсы своихъ соображеній чью-либо личность, безпокойство совѣсти покинуть испытаннаго слугу въ трудную минуту, опасеніе обидѣть въ лицо министра, проникнутаго его царскими идеями, собственную честь. Подобныя соображенія были чужды для души съ такимъ закаломъ. Но положеніе дѣлъ не казалось ему достаточно важнымъ, и онъ не думалъ чтобы оно могло требовать отъ него консервативнаго кабинета.

Въ среду все утро Людовикъ-Филиппъ былъ въ прекрасномъ расположеніи духа и подтрунивалъ надъ возмущеніемъ. «Вы называете *баррикадой* кабріолетъ, опрокинутый двумя мальчишками», повторялъ онъ тѣмъ, кто провозносилъ въ его присутствіи это неблагозвучное слово. Слѣдя его примѣру, придворные льстецы Тюльери не переставали смѣяться надъ вышиной и широтой барикадъ. Однако около половины второго неожиданное извѣстіе вдругъ совершенно преобразовало короля. Онъ узналъ отъ генерала Фриана (Friant), что національная гвардія, собранная на площади Пти-Перъ, скрестила штыки для защиты народа противъ войска и что депутація четвертаго легіона отправилась въ палату просить назначенія суда надъ министерствомъ. Съ этого часу Людовикъ-Филиппъ былъ озабоченъ. Измѣна національной гвардіи нанесла страшный ударъ его безопасности. Вѣра въ самого себя потерпѣла первый, но страшный уронъ. Его рассудокъ и умъ были какъ-будто оглушены. Донесенія, которыя онъ получалъ со всѣхъ сторонъ, доказывали ему, что возмущеніе принимало какъ-будто законный характеръ. Тогда онъ началъ сомнѣваться въ исходѣ борьбы.

Дюшатель былъ въ кабинетѣ Людовика-Филиппа, когда пришли первыя извѣстія объ измѣнѣ легіоновъ. Онъ старался уменьшить важность этихъ донесеній—«вѣроятно преувеличенныхъ», говорилъ онъ. Вошла королева. Возволнованная, встревоженная, она выражалась съ несвойственною ей живостью о непопулярности Гизо. Угадывая ея мысль и полагая, что это отголосокъ тайной мысли короля, Дюшатель поспѣшилъ увѣрить, что еслибы президентъ совѣта, равно какъ и онъ самъ, могли предположить на минуту присутствіе

(1) Продолженіе преній о банкѣ въ Бордо.

ихъ вреднымъ для дѣлъ, то колеблясь представили бы тотчасъ королю свои отставки, считая себя счастливыми, что могутъ доказать этимъ свою приверженность къ династии (1). Людовикъ-Филиппъ, по обыкновенію хитраго своего ума, ни отказалъ, ни принялъ отставки; но онъ пригласилъ къ себѣ Гизо и послѣ свиданія, непродолжительнаго, тяжелаго, полнаго завинаній съ одной стороны и скрытой злобы съ другой, рѣшено было призвать въ Тюльери Моле, который находился тогда въ палатѣ перовъ. Падшій министръ отправился въ палату депутатовъ и отвѣчалъ, какъ мы видѣли, на вопросы Вавена.

Говорятъ, что скрытность короля и наклонность его къ косвеннымъ путямъ дали совѣщанію съ Моле двусмысленный характеръ; что онъ въ какомъ-то притворномъ изліяніи представилъ себя покинутымъ Гизо и Дюшателемъ, горько жаловался на ихъ неблагодарность и кончилъ прося составить поскорѣ примирительный кабинетъ. Моле долго слушалъ въ молчаніи. Онъ не скрывалъ передъ собой и не скрылъ передъ Людовикомъ-Филипомъ затрудненій, которыя долженъ былъ встрѣтить. Онъ не полагалъ, чтобы при его назначеніи движеніе могло остановиться. Присутствіе Тьера можетъ быть было уже необходимымъ; во всякомъ случаѣ придется рѣшиться на много уступокъ. Король притворялся, что не понимаетъ. Моле, скорѣе изъ снисхожденія къ своему слушателю чѣмъ по убѣжденію, общалъ переговоры съ Ремюза (Rémusat), Бильо (Billault), Пасси (Passy), Дюфоромъ; но положилъ условіемъ всего, — назначеніе маршала Бюжо (Bugeaud) военнымъ министромъ. При этомъ имени король сдѣлалъ восклицаніе, доказывающее отвращеніе его отъ подобнаго выбора. Онъ противопоставилъ неуживчивый характеръ маршала, его солдатскія манеры, его деспотическія привычки: «Если герцогъ Исля будетъ военнымъ министромъ, сказалъ Людовикъ-Филиппъ, — ни я, ни мои сыновья, не будемъ имѣть права опредѣлить послѣдняго прапорщика въ армію». Совѣщатели разстались, непорѣшивъ ничего, какъ-будто еще оставалось много времени для переговоровъ. Людовикъ-Филиппъ назначилъ Моле новое свиданіе въ семь часовъ вечера.

Втеченіи этого времени борьба между муниципальною гвардіей и народомъ продолжалась и гвардія, оставленная самой себѣ, славлен-

(1) Съ этой минуты до четверга утра, 24 числа, король былъ безъ министерства законно составленнаго. Комбинаціи, начиная отъ Моле до Одилона-Барро, назначеннаго президентомъ совѣта, слѣдовали одна за другою, но не осуществлялись. Никто не давалъ приказаній, небудучи отвѣтственнымъ. Сильному развитію революціонныхъ силъ противопоставляли только совѣты, проекты, замѣчанія.

ная народной массой, почти вездѣ была побита. На углу улицы св. Дюписія два отряда, состоящіе человекъ изъ двадцати, завязавъ неосторожно схватку, чтобы отнять у бунтовщиковъ носилки, на которыхъ они съ криками ярости и мести несли трупъ одного изъ своихъ, — были окружены со всѣхъ сторонъ и принуждены сдать-ся. Народъ ихъ обезоружилъ, но не причинялъ никакого зла. У казармъ св. Мартинз атака возставшихъ была дотога быстра, что пришлось сдать-ся и выдать имъ пѣнниковъ, которыхъ они требовали. Муниципальная гвардія избѣгла смерти только при содѣйствіи національной гвардіи. Немного подалше караулъ у академіи художествъ и ремеслъ былъ занятъ и разрушенъ. Но ненависть народа не проявилась нигдѣ съ такимъ остервенѣніемъ, какъ при взятіи склада ружей братьевъ Лепажъ, въ улицѣ Буръ-Лябе (Bourg-l'Abbé). Тридцать человекъ муниципальной гвардіи скрылись въ старомъ домѣ, гдѣ продолжительная защита была невозможна. Они тамъ укрѣпились и держались съ осьми часовъ противъ постоянно увеличивающейся массы народа, хотя имъ дали знать изъ префектуры полиціи, чтобы онъ не ожидал ни малѣйшей помощи. Народъ, разъяренный столь продолжительной защитой, невнимая мольбамъ національной гвардіи, старавшейся его успокоить, бросался съ остервенѣніемъ на трещащія двери дома. Онѣ должны были уступить; участь несчастныхъ солдатъ была почти рѣшена, когда случай привелъ въ эту сторону человекъ, извѣстнаго своимъ знаменитымъ именемъ и демократическими сочиненіями — Степана Араго, одного изъ редакторовъ *Реформы*. Онъ вступилъ въ переговоры съ толпой, уговаривая ее быть великодушною. При содѣйствіи мера шестого округа и Гюссона, полковника седьмого легіона, онъ получалъ общаніе толпы — не проливать крови обезоруженныхъ враговъ и вошелъ въ домъ. Тамъ ему пришлось устранять новыя препятствія. Муниципалы не могли рѣшиться купить жизнь капитуляціей, которую они считали унизительною. Потребовались долгіе переговоры, горячія просьбы, чтобы уговорить ихъ сложить оружіе и такъ выдти на улицу. Нѣсколько человекъ солдатъ седьмого полка составили вокругъ нихъ неполный рядъ. Взводъ кирасировъ сталъ во главѣ этого грустнаго шествія. Путь до ратуши былъ продолжителенъ и полонъ страданій.

При выходѣ на набережную пришлось бороться съ новой опасностью: «Въ воду подлецовъ!» кричали нѣкоторые изъ толпы. При блескѣ факеловъ, при шумѣ ругательствъ и угрозъ пѣнные, безъ оружія, съ открытыми головами, съ блѣдными лицами и угрюмымъ взглядомъ, походили на приговоренныхъ къ смерти, идущихъ на мѣсто страданія. Лейтенантъ Бувье (Bouvier), шедшій подъ руку съ

Степаном Араго, сказалъ ему тихо: «Что за униженіе умереть обезчещеннымъ, разорваннымъ этой разъяренной чернью!» — «Прежде чѣмъ до васъ дотронутся, они меня убьютъ», отвѣтилъ Араго, сжимая его руку. Въ это время шествіе вышло на площадь ратуши, занятой войскомъ. Ловкое движеніе кавалеріи остановило народъ. Муниципальные гвардейцы были спасены. «Кто вы такой?» спросилъ лейтенантъ Бувье у своего покровителя. — «Республиканецъ», отвѣтилъ Араго.

Тотчасъ послѣ ухода муниципальной гвардіи магазины братьевъ Лепажъ были заняты и народъ, невашедъ оружія, опустошилъ домъ. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, поручикъ Дюпуи (Dupuy), отказался выйти вмѣстѣ съ солдатами; онъ заперся въ верхнемъ этажѣ, надѣясь, что какой-нибудь случай спасетъ его если не отъ смерти, то отъ безчестія. Онъ тамъ оставался долго и не было возможности уговорить его снятъ мундиръ и бѣжать. Наконецъ одинъ офицеръ національной гвардіи успѣлъ утащить его и скрыть отъ толпы, занятой только отыскиваніемъ оружія. Въ восемь часовъ храбрый поручикъ прибылъ въ префектуру полиціи, съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ стыдомъ на лицѣ. Делессеръ, тронутый его горестью, посадилъ Дюпуи возлѣ себя и осыпалъ ласками. И въ префектурѣ полиціи начинали уже беспокоиться. Делессеръ, получая втеченіи дня донесенія о критическомъ положеніи муниципальной гвардіи, усиленной въ самомъ центрѣ возмущенія, просилъ помощи у генерала Себастьяни для освобожденія ея. Тотъ отвѣчалъ, что не можетъ располагать ни однимъ батальономъ. Чтобы не привести въ уныніе офицеровъ, собранныхъ за его столомъ, или же обманывая еще самого себя, Делессеръ говорилъ въ восемь часовъ вечера: «Это возмущеніе должно потухнуть само собою.»

Въ тотъ же самый часъ въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ происходило собраніе, немного неумѣстное при настоящихъ обстоятельствахъ. Г-жа Дюшатель, въ праздничномъ нарядѣ, принимала за своимъ столомъ Гизо, де Брольи (de Broglie), Ганвье (Ganvier) и нѣсколькихъ человекъ, оставшихся вѣрными консервативному кабинету. Гизо, затронутый за живое поведеніемъ короля, считая себя обманутымъ своими соперниками, обяженнымъ своими партизанами, притворялся равнодушнымъ. Онъ условился съ Дюшателемъ не давать болѣе никакихъ приказаній и предоставить новый кабинетъ, который ему предпочли, самому себѣ, въ полной увѣренности, что обстоятельства отомстятъ скоро за него.

Гости, воодушевленные отличными винами, занимались однимъ только по ихъ мнѣнію важнымъ событіемъ дня: переменю министерства. Каждый острилъ языкъ насчетъ Моле, каждый под-

смѣивался надъ затрудненіями, въ которыя онъ впутался. Но вдругъ въ серединѣ обѣда, когда передъ пирующими стояли еще полные стаканы, когда остроуміе ихъ разыгралось въ волю, Гизо подають запечатанный пакетъ; онъ читаетъ его, передаетъ Дюшателю; оба встають поспѣшно. Г-жа Дюшатель, видя взволнованное лицо мужа, сама блѣднѣетъ, дрожитъ. Воцаряется молчаніе. Извѣстіе, упавшее такъ неожиданно посреди веселой компаніи, состояло въ томъ, что значительный отрядъ муниципальной гвардіи положилъ оружіе; что народъ, одержавъ верхъ во многихъ пунктахъ, воспламеняется все болѣе и болѣе, и что должно опасаться, чтобы онъ не бросился на министерство внутреннихъ или иностранныхъ дѣлъ. Совѣщаются. Рѣшаются дать кой-какія приказанія. Г-жа Дюшатель уходитъ въ другую комнату, снимаетъ брильянты и цвѣты и надѣваетъ платье болѣе приличное на случай бѣгства. Гости расходятся. Дѣлаютъ приготовленія бѣжать изъ дому скрытно.

Между тѣмъ извѣстіе о переизбѣ министерства, сообщенное во всѣ концы столицы дежурными офицерами, національной гвардіей и депутатами, которыхъ рѣчи и веселыя лица обѣщали болѣе чѣмъ могло быть въ дѣйствительности, — извѣстіе это производило вездѣ самое благопріятное впечатлѣніе. Народъ толпился вокругъ предвѣстниковъ мира. Частью изъ любопытства, частью по увлеченію, народъ, который впрочемъ былъ скорѣе успокоенъ чѣмъ возбужденъ поведеніемъ арміи и открытымъ вмѣшательствомъ національной гвардіи, видя безграничную радость на всѣхъ лицахъ, оставлялъ постепенно баррикады. Войска незамѣтно направлялись къ казармамъ; сообщеніе по городу возстановлялось; въ нѣсколько часовъ видъ Парижа совершенно измѣнился. Съ наступленіемъ ночи, неожиданная иллюминація, безчисленныя толпы гуляющихъ, разсыпавшихъ по бульварамъ и на площадяхъ сообщили городу праздничный видъ, который обманулъ почти всѣхъ.

Національная гвардія и оппозиція, требовавшая только реформы, согласились не требовать болѣе ничего и громко довольствоваться тѣмъ что получили, несмотря на то, что уступки были весьма ограничены и что имя Моле не представляло большого ручательства. Но народъ, увлекшись на минуту всеобщей радостью, невольно остановился. Члены тайныхъ обществъ, нѣкоторые радикальные журналисты поощряли это расположеніе народа, уговаривали не довѣрять притворной уступчивости Людовика-Филипа. Чѣмъ былъ въ дѣйствительности Моле, чтобы давать народу основаніе радоваться его вступленію въ министерство? Придворный льстець, древній дворянинъ. Какимъ образомъ народъ могъ довольствоваться столь малымъ, когда онъ остался побѣдителемъ, когда національ-

ная гвардія перешла на его сторону, когда армія отказалась почти драться? Какъ могъ онъ согласиться, чтобы во дворцѣ посмѣялись еще разъ надъ его легковѣріемъ, когда трупы убитыхъ лежали еще на мостовой, когда его жены и дѣти требовали мести за мужей и отцовъ, убитыхъ по приказанію короля? Къ этимъ возбуждающимъ словамъ присоединяли слухи объ измѣнѣ, о разставленныхъ ловушкахъ; говорили, что отставка Гизо неофициальная, что она скрываетъ страшную засаду. Какъ только народъ оставитъ оружіе, правительство сброситъ маску и отомститъ кровью за минутное униженіе (1).

Республиканскій духъ, едва имѣвшій своихъ представителей въ палатѣ, вездѣ сдвѣянный, сосредоточился въ рабочемъ населеніи Парижа. Несмотря на безчисленныя пораженія, на обманутыя надежды и неудавшіяся попытки, республиканскій фанатизмъ не переставалъ скрываться въ неукротимыхъ сердцахъ. Республиканцы, которые со времени послѣдней вооруженной попытки 1839 г. не надѣялись овладѣть властью силой, увидѣли съ радостью реформистское движеніе буржуазіи и стали надѣяться въ данный моментъ, увлечь ее дальше ее цѣли. Но, наученные опытомъ, они воздержались отъ преждевременныхъ демонстрацій, и маскируясь законной опозиціей, довольствовались только подстреканіемъ ея. Когда же побѣда осталась на сторонѣ опозиціи, и эта послѣдняя казалось довольствовалась полученными уступками, республиканцы, опасаясь потерять плоды своей хитрой тактики, рѣшились попробовать еще разъ счастья и съ опасностью жизни начать отчаянную борьбу...

Видъ бульваровъ былъ восхитительный. Гирлянды разноцвѣтныхъ огней, развѣшанныя по всѣмъ этажамъ, соединяли какъ-будто всѣ дома въ одно цѣлос. Мужчины, женщины, дѣти ходили свободно, безъ опасенія, по великолѣпной аллеѣ, обыкновенному мѣсту забавъ и увеселеній парижскаго населенія. Веселье носилось въ воздухѣ, удовольствіе написано было на всѣхъ лицахъ. Отъ времени до времени по шоссе проходили толпы съ знаменами, аллегорическими транспарантами, распѣвая во все горло марсельезу. Они остававлялись у неосвѣщенныхъ оконъ и громко требовали шкапковъ, которые обыкновенно незамедляли появляться. Импрови-

(1) Пока люди слова возбуждали такимъ образомъ гнѣвъ народа, люди дѣла устроивали матерьяльное сопротивленіе, въ настоящемъ его центрѣ, въ пространствѣ заключающемся между улицей Вьель-дю-Тамплъ (Vieille du Temple) и предмѣстіемъ св. Діонисія. Тамъ цѣлая стѣна барикадъ была охраняема рѣшительными, смѣлыми республиканцами, которые приготавлились къ борьбѣ на слѣдующій день.

зарованныя пародіи, шуточные сцены забавляли гуляющихъ. Но черезъ нѣсколько минутъ страшное происшествіе должно было обратить въ слезы веселіе народа и обогреть кровью обманчивый миръ.

Около половины десятаго толпа болѣе многочисленная и въ особенности болѣе правильная въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ всѣ предыдущія, съ факелами и краснымъ знаменемъ (1), появилась на бульварахъ, вблизи улицы Монмартръ. Она вышла изъ глубины предмѣстья св. Антонія и направилась, какъ и предыдущія шествія, къ церкви св. Магдалины, расцѣвая патриотическія пѣсни. Простой человекъ изъ народа, по имени Генрихъ, былъ заповѣдой, отличаясь мужественнымъ и звучнымъ голосомъ. Привлеченные прелестью пѣнья, любопытные присоединились къ этому шествію, казавшемуся совершенно невиннымъ. Нѣсколько дѣтей, несущихъ трехцвѣтные фонари, нѣсколько человекъ рабочихъ, размахивающихъ саблями и ружьями, не возбуждали никакого подозрѣнія.

Такимъ образомъ шествіе приблизилось къ улицѣ Лепелетьеръ (Lepelletier); большая часть участвовавшихъ въ немъ не знала куда и зачѣмъ идти. Тамъ одинъ изъ предводителей толпы, шедшій впереди съ обнаженнымъ налешомъ, повернулъ направо и остановился передъ домомъ, гдѣ помещалась контора *Насьонала*. Арманъ Марра (Marra) показывается у окна и встрѣченный шумными рукоплесканіями, говоритъ: «Граждане, мы пережили великолѣпный день. Не портите его. Народъ имѣетъ право требовать обезпеченія и вознагражденія. Пусть же онъ требуетъ: назначенія суда надъ министрами, распущенія муниципальной гвардіи, парламентской и избирательной реформы. Не забывайте, что сегодняшняя побѣда не касается одной Франціи: она столь же важна для Швейцаріи, какъ и для Италіи.» Такъ говорилъ въ среду, 23 февраля, въ десять часовъ вечера, главный редакторъ *Насьонала* и выражалъ вѣроятно желанія большей части своихъ согражданъ. Онъ не могъ предвидѣть, что та же самая толпа черезъ десять минутъ будетъ зачинщицей или жертвой, пережвигнетъ положеніе дѣлъ, увлечетъ революцію и проложитъ кровавый путь той республикѣ, которую онъ считалъ уже невозможною, или если и возможною, то для будущихъ поколѣній.

Отвѣтивъ рукоплесканіями на привѣтствіе Марра, толпа двинулась въ самомъ лучшемъ порядкѣ по направленію къ церкви св. Магдалины. Въ улицѣ Мира (de la Paix) она увеличилась новой

(1) Это было первое красное знамя, появившееся во время возмущенія. Контора *Реформы* и другіе центры, управлявшіе республиканскимъ революціоннымъ движеніемъ, приказали употреблять только трехцвѣтное знамя, при исключительномъ крикѣ: *Да здравствуетъ реформа!*

голкой, которая только-что заставила силой освѣтить домъ министерства юстиціи, и приблизилась, но уже молча, къ караулу, который охранялъ министерство иностранныхъ дѣлъ. Караулъ этотъ состоялъ изъ двухсотъ человѣкъ четырнадцатаго полка, подъ начальствомъ батальоннаго командира де Бротонъ (de Brotonne). При нихъ находился еще подполковникъ Куранъ (Courant). Замѣти сквозь густой дымъ, при мерцающемъ блескѣ факеловъ, приближеніе этой волнующейся темной массы, надъ которой блистала сталь палашей и ружей, начальникъ приказалъ войску построиться въ каре. Дружественные разговоры, завязавшіеся съ начала вечера между солдатами и гуляющими, вдругъ прекратились. Толпа смотритъ съ удивленіемъ на этотъ маневръ, но не ощущаетъ еще ни малѣйшаго опасенія.

Шествіе, остановленное въ своемъ движеніи, начинаетъ собираться въ сплошную массу. Завязываются переговоры между предводителями толпы, подполковникомъ и начальникомъ отряда. Народъ кричитъ: *Да здравствуетъ армія!* и хочетъ брататься съ солдатами. Бротонъ, помня, какъ втеченіи дня войска бывали обезоружены подобнымъ же образомъ и сомнѣваясь въ намѣреніяхъ этого сборища, препятствуетъ его проходу и требуетъ, чтобы шествіе направилось въ улицу Басъ-дю-Рампаръ (Basse-du-Rampart). Толпа отказывается. Во время этого спора народъ напираетъ до того на солдатъ, что первая шеренга разрывается. Начальникъ приказываетъ усиленно скрестить штыки. При исполненіи этого приказанія раздается выстрѣлъ; одинъ изъ солдатъ падаетъ убитый. Мгновенно, безъ предварительнаго объявленія, безъ барабаннаго боя, безъ всякаго приказанія, по крайней-мѣрѣ никто его не слышалъ, — залпъ въ лицо, убійственный бѣглый огонь поражаетъ народную массу. Страшный крикъ раздраетъ ночную тьму, и когда облако дыму разсѣялось, открылась страшная картина. Человѣкъ сто лежитъ на мостовой; одни убиты наповалъ, другіе ранены смертельно; многіе были опрокинуты однимъ сотрясеніемъ; многіе бросились сами на землю, движимые врожденнымъ чувствомъ самосохраненія. Кровь течетъ рѣкой. Стоны раненыхъ, крики тѣхъ, которые стараются выбраться изъ этой смѣси умершихъ и умирающихъ, раздраютъ сердце солдата, невиннаго виновника совершившихся убійствъ. Вскорѣ самые смѣлые прихлѣвть въ себя и смѣшать помочь раненымъ. При солдѣствіи солдатъ и подоспѣвшей національной гвардіи они переносятъ въ ближайшіе дома и аптеки тѣхъ изъ нихъ, которые еще дышатъ. Ихъ всего тридцать два человѣка. Двадцать три, въ томъ числѣ одинъ солдатъ, уже испустили послѣднее дыханіе.

Подполковникъ, въ отчаяніи, чувствуя какая страшная лежитъ на немъ отвѣтственность и предвидя послѣдствія подобнаго происшествія, послалъ одного изъ своихъ офицеровъ, Балье (Baillet) въ кафе-Тортови, чтобы тамъ объяснить, какъ недоразумѣніе, залпъ, призывающій уже месть народа. Но объясненія неумѣстны, когда кровь дымится еще. Одинъ работникъ, вооруженный двустольнымъ ружьемъ; слѣдовалъ за офицеромъ; онъ бросается вслѣдъ за нимъ въ кофейную и прицѣливается въ него; къ счастью его окружаютъ офицеры національной гвардіи и заслоняютъ собственной грудью. Работникъ исчезаетъ, но бѣднаго Балье не безъ труда, среди волнующагося народа, отводятъ къ его батальону (1).

Узнавъ о приключившемся отъ національной гвардіи, которая вмѣстѣ съ народомъ приписала все измѣнѣ, меръ второго округа приказалъ бить сборъ; бьютъ въ набатъ; вскорѣ слышно паденіе деревьевъ бульвара и рытье земли на мостовой: народъ возстановляетъ свои баррикады. Гнѣвъ его, на минуту утихшій, просыпается съ страшной яростью.

Полночь. Бульвары слабо освѣщены догорающей иллюминаціей. Двери, окна, магазины все — закрыто. Молчаніе улицъ кажется скрываетъ въ себѣ засады. Жители не знаютъ чего должны опасаться или желать, но чувствуютъ приближенія большого несчастья. Никто почти не ложится спать.

Вдругъ на улицѣ раздается глухой шумъ; нѣкоторыя окна открываются съ предосторожностями. Что же видѣли тѣ, которые такъ скоро прячутся? Какое отталкивающее зрѣлище притягиваетъ ихъ снова, морозитъ холодомъ? Что это за звуки, непонятныя слова? Что значитъ это похоронное шествіе, ведомое какъ-будто народными фуріями?

Въ телѣгѣ, заложеной бѣлою лошадейю, которую ведетъ работникъ съ голыми руками, уложены съ страшной симетріей пять труповъ. Возлѣ нихъ стоитъ ребенокъ, блѣдный, съ огненнымъ и неподвижнымъ взглядомъ, протянутой рукой, какимъ бы можно было изобразить генія мести, и красноватымъ свѣтомъ факела, освѣщаетъ тѣло молодой женщины, которой шея и грудь покрыты кровавыми пятнами. Другой работникъ отъ времени до времени приподнимаетъ это безжизненное тѣло, водитъ дикимъ взглядомъ по окружающей толпѣ и восклицаетъ потряхивая факеломъ: «Ме-

(1) О темномъ происшествіи этомъ каждый рассказываетъ по-своему, но ни одинъ рассказъ не имѣетъ достаточно достовѣрнаго характера. Положительно только то, что солдатъ по имени Гейнрихъ былъ убитъ выстрѣломъ неизвѣстно чьимъ и что тотчасъ за выстрѣломъ послѣдовалъ залпъ со стороны солдатъ.

сти! мести! рѣжутъ народъ!» И трупъ опускается снова на дво телѣги и все возвращается къ прежнему молчанію.

Телѣга подвигается къ дому въ улицѣ Лепеллетье, гдѣ два часа тому назадъ толпа народа останавливалась для выслушанія и прѣствствованія одного изъ предводителей демократовъ. И теперь толпа здѣсь останавливается. Ее встрѣчаетъ Гарнье — Пажэ (Garnier-Pagès).

«Несчастіе, которое насъ поразило — говоритъ онъ дрожащимъ голосомъ — можетъ быть приписано только недоразумѣнію. Ради-бога воротитесь домой. Не нарушайте порядка. Безъ сомнѣнія есть виновный; онъ будетъ наказанъ. Мы похлопочемъ, чтобы правительство приняло на свое попеченіе семейства убитыхъ. Но откажитесь отъ этой демонстраціи, которая можетъ вызвать еще большія несчастія.» Народъ остается глухъ къ этимъ мольбамъ. Онъ требуетъ, чтобы его поддерживали, чтобы раздували возстаніе. Онъ хочетъ начальниковъ для дѣйствія, а не ораторовъ. Онъ удаляется, собираетъ еще по дорогѣ приверженцевъ, которые хотятъ умереть за его дѣло и направляется къ конторѣ *Реформы*, этому гнѣзду республиканской партіи. Тамъ народъ находитъ людей, готовыхъ жертвовать своею жизнью и обещающихъ ему, что слѣдующій день не пройдетъ безъ наказанія виновныхъ. Послѣ краткой остановки похоронное шествіе двигается въ путь и входитъ въ предмѣстья. По прибытіи на площадь Бастильи, трупы складываютъ у подножья іюльской колонны, тушатъ факелы, народъ расходится. Одни бѣгутъ къ церкви и бьютъ въ набатъ; другіе ходятъ по домамъ и требуютъ оружія. Баррикады воздвигаются вездѣ.

V

Пока звонъ набата наполняетъ воздухъ грустью и страхомъ, пока стрѣльба слышится вдали, король, погруженный въ свои мысли, которыхъ не сообщаетъ никому, ожидаетъ въ Тюльери развязки министерскаго кризиса.

Около одинадцати часовъ онъ узнаетъ отъ нѣсколькихъ адъютантовъ о злополучномъ происшествіи на бульварѣ Каиюсинъ (des Capucines); но рассказъ, смягченный вѣроятно услужливыми устами, мало производитъ впечатлѣнія на Людовика-Филиппа. Несмотря на опасенія, которыя явно показываютъ герцоги Немурскій и Монпансье, несмотря на волненіе и нерѣшительность генераловъ Жакмино и Себастиани, король остается въ бездѣйствіи.

Делесеръ, прибывшій посаженно изъ префектуры полиціи, едва

можетъ вывести короля изъ апатій, тѣмъ болѣе поразительной, что она страшно несогласна съ обыкновенной дѣятельностью Людовика-Филипа. Король показался столь противорѣчащимъ самому себѣ, что во дворцѣ разнесся слухъ, будто въ предшествовавшій день, при полученіи извѣстія объ измѣнѣ національной гвардіи, съ нимъ приключился апоплексическій ударъ. Но слухъ этотъ былъ безъ всякаго основанія: физическое здоровье короля находилось въ самомъ лучшемъ состояніи.

Время уходило, а Моле не являлся. Переговоры его съ Ремюза, Дюфоромъ, Пасси были вдругъ прерваны страшнымъ извѣстіемъ, на которое Людовикъ-Филиппъ обращалъ такъ мало вниманія. Понявъ тотчасъ, что роль его кончилась, Моле, нежелая показываться въ Тюльери, далъ знать королю, что онъ не могъ составить министерства. Людовикъ-Филиппъ, совѣщавшійся въ это время съ Гизо, изъявлялъ удивленіе и неудовольствіе по случаю этого отказа, необходимости котораго онъ не хотѣлъ понять; онъ видѣлъ только, что положеніе его было весьма непріятное. Нечего было колебаться; пришла очередь Тьера; пришлось спуститься еще на одну ступень и приблизиться къ реформистской оппозиціи. Самъ Гизо не могъ посоветовать ничего другаго. А только, чтобы уравновѣсить выборъ подобнаго предсѣдателя кабинета, онъ предложилъ назначить маршала Бюжо ⁽¹⁾ главнокомандующимъ арміею; по его мнѣнію узелъ теперешняго положенія долженъ былъ, раньше или позже, развязаться при содѣйствіи меча. Людовикъ-Филиппъ согласился съ этимъ мнѣніемъ и назначеніе маршала Бюжо было тотчасъ подписано, тогда какъ одна изъ придворныхъ каретъ была отправлена за Тьеромъ. Было около часу ночи. Маршалъ Бюжо принялъ опасную должность, которую ему вручали уже въ крайности. Онъ не сдѣлалъ никакихъ условій, изъ устъ его не вышло ни одного упрека. Солдатъ, онъ думалъ и дѣйствовалъ какъ солдатъ. Вѣра его въ самого себя и въ армію была безграничная; неудачи дѣя онъ приписывалъ неспособностямъ начальниковъ и занялся тотчасъ приватіемъ мѣръ способныхъ вознаграждать потерянное время и возратить войску нравственную его силу.

Тьеръ видѣлъ строящіяся вокругъ его дома барикады. [Стран-

(*) Парижское народонаселеніе ненавидѣло маршала Бюжо со времени вѣстанія 5 и 6 іюня, называя его -massacreur de la rue Transponain-. Это клевета партій, которая однако застряла глубоко въ народной памяти. Было тысячу разъ доказано, что маршалъ Бюжо не принималъ участія въ кровавомъ происшествіи, которое ему приписываютъ. Военныя силы, назначенныя для усмиренія возмущенія, были раздѣлены на три бригады; генералъ Бюжо командовалъ одной изъ нихъ, но улица Транспоненъ находилась не въ его округѣ.

вымъ стеченіемъ обстоятельствъ, онъ приказалъ подать закусить одной толпѣ барикадистовъ, которые, не зная его, просили позволенія отдохнуть на дворѣ его дома; разговоръ съ этими людьми, не скрывавшими ни ненависти къ династіи, ни вѣры въ успѣхъ борьбы, доказалъ ему необходимость обширныхъ и немедленныхъ уступокъ. Поэтому, одобряя назначеніе маршала Бюжо и несмотря на болѣе чѣмъ холодный пріемъ Людовика-Филипа, Тьеръ потребовалъ назначенія Одилона-Барро въ совѣтъ парламентской реформы и распушенія палаты.

Возбужденный присутствіемъ человѣка, котораго онъ считалъ неблагодарнымъ, едва ли не бунтовщикомъ, Людовикъ-Филиппъ, соглашаясь съ назначеніемъ Одилона Барро, показалъ явное отвращеніе къ двумъ другимъ уступкамъ, казавшимся ему преждевременными (1). Тьеръ, удивленный столь слѣпымъ упорствомъ и опасаясь потерять дорогое время, не настаивалъ. Окончательное рѣшеніе по этому вопросу онъ отложилъ до сформированія министерства, и министръ въ глазахъ короля составилъ записку для «Монитера», возвѣщавшую Франціи, что Тьеру и Одилону-Барро поручено составленіе новаго кабинета (2). Назначеніе маршала Бюжо слѣдовало тотчасъ за этой запиской, какъ-будто для уничтоженія хорошаго ея впечатлѣнія. Король между тѣмъ, поговоривъ немного съ Гизо, который ожидалъ въ сосѣдней комнатѣ отъѣзда Тьера, пошолъ отдохнуть, не допуская и тѣни сомнѣнія, что Парижъ приметъ отлично сдѣланныя имъ уступки. Было около четырехъ часовъ; онъ спалъ спокойно до семи часовъ утра.

А между тѣмъ въ настоящую критическую минуту нельзя было кажется прибѣгнуть къ мѣрѣ болѣе непослѣдовательной, болѣе способной возбудить революціонный духъ. Бросить вооруженной толпѣ имя Одилона-Барро значило показать ей, что королевская власть находится въ крайности, что она унижена. Отдать начальство надъ національной гвардіей маршалу Бюжо, человѣку противному парижанамъ, заклеявшему въ ихъ памяти однимъ изъ неизгладимыхъ воспоминаній ихъ междоусобныхъ войнъ, человѣку наконецъ, котораго имя устраняло всякую надежду соглашенія, значило лишиться себя нравственной силы, которая, поддерживая новое министерство, могла бы благопріятно подѣйствовать на народъ и дать цѣну поздней уступкѣ.

Въ двухъ этихъ мѣрахъ, столь противоположныхъ одна другой,

(1) «Я знаю что имѣю, но не знаю что буду имѣть», отвѣчалъ Людовикъ на предложеніе распушенія палаты.

(2) Записка эта или прокламація была отправлена въ префектуру полиціи, но оттуда ее забыли послать въ контору *Монитера*.

была слабость и вызовъ, недостатокъ ловкости и недостатокъ откровенности. Самый опытный и самый благоразумный изъ государей казался съ чувствомъ своей законности потерялъ и политическое чутье.

Около часу по полуночи маршалъ Бюжо, въ сопровожденіи генераловъ Рюльера (Rulhières), Бедо, Ламорьясьера (Lamorigièrre), Салля (Salles) и другихъ, отправился въ главный штабъ въ Тюльери для принятія начальства надъ войскомъ. Принявъ его отъ герцога немурскаго, Бюжо съ свойственною ему быстротою сдѣлалъ тотчасъ нѣкоторыя распоряженія. Онъ напомнилъ офицерамъ, что тотъ, который поведетъ ихъ въ огонь, никогда не былъ побѣждаемъ ни на полѣ брани, ни въ возмущеніяхъ, и общалъ имъ, что и на этотъ разъ скорая побѣда незамедлитъ образумить толпу бунтовщиковъ.

— Ежели національная гвардія будетъ съ нами, сказалъ въ заключеніе маршалъ: — тѣмъ лучше; ежели же нѣтъ, тогда, господа, мы обойдемся и безъ нея.

Когда онъ кончалъ эту краткую рѣчь, которая въ устахъ каждаго другого показалась бы только смѣшнымъ хвастовствомъ, вошелъ Тьеръ съ задумчивымъ видомъ; онъ грустно принялъ поздравленія окружающихъ, и когда маршалъ сказалъ ему о необходимости составленія прокламація о перемѣнѣ кабинета, министръ отвѣтилъ съ видимымъ уныніемъ: «Да успѣю ли я составить министерство?» Въ дѣйствительности програма новаго кабинета была составлена Тьеромъ, Одилономъ-Барро, Дювержье де-Гаранномъ (Duviergier de Hauganne) и Ремюза только послѣ продолжительнаго и щекотливаго пренія. Неизвѣстно еще было, согласятся ли Пасси и Дюфоръ принять портфели; равнымъ образомъ съ Ламорьясьеромъ, Кузеномъ (Cousin) и Леономъ де-Мальвиллемъ (de Maleville) завязались только переговоры. Далекое было отъ этой нерѣшительности до энергическихъ и быстрыхъ мѣръ, которыхъ заставляло надѣяться одво имя маршала Бюжо, такъ безразсудно брошенное народу. Донесенія, получаемыя маршаломъ о состояніи войскъ въ Парижѣ, не были удовлетворительны. Десять тысячъ человекъ, собранныхъ на площади Каруселя, десять тысячъ человекъ измученныхъ, дурно снабженныхъ амуницией, — вотъ все что генералъ Себастьяни могъ отдать въ распоряженіе маршала. Остальная часть гарнизона разбросана по всему городу; многіе караулы захвачены и обезоружены; многія казармы окружены возставшими; транспортъ пороху, шедшій изъ Венсена, захваченъ народомъ въ предмѣстьи св. Антонія. На всѣ эти донесенія маршалъ отвѣчалъ составленіемъ плана атаки.

Онъ приказалъ вопервыхъ дать отдыхъ солдатамъ, дозволивъ

спать каждой ротѣ по очереди всякіе два часа. Потомъ раздѣлилъ армію на нѣскольکو главныхъ отрядовъ, почти одинаковой силы. Первый отрядъ, подъ начальствомъ генерала Себастьяни, долженъ былъ съ разсвѣтомъ соединиться у ратуши со второй дивизіей, находившейся тамъ подъ командою генерала Тальяндые. Третій, вѣреннѣйшій генералу Бедо, получилъ приказаніе направиться на бульвары по улицамъ Монмартръ и Поассоньеръ и достигнуть площади Бастильи, занятой четвертой дивизіей подъ начальствомъ генерала Дюго (Dubof). Пятый отрядъ, находившійся подъ командою генерала Рено (Renaut), стоялъ на площади Пантеона. Шестой, составлявшій резерву Каруселя, порученъ былъ генералу Рюльеру. Кавалерія, вѣренная генералу Рено де Сентъ-Жанъ д'Анжели (de Saint-Jean d'Angely), занимала площадь Согласія. Въ инструкціи приказано было атаковать на всѣхъ пунктахъ, ежели извѣстіе о назначеніи Тьера и Барро не возстановитъ порядка.

Пока маршалъ дѣлалъ эти распоряженія, успѣхъ которыхъ въ стратегическомъ отношеніи былъ несомнѣнный, политическіе люди, отъ которыхъ онъ ожидалъ содѣйствія, оспаривали уже давнюю ему власть и заранѣе уничтожали ожидаемый успѣхъ.

Ново-формирующееся министерство, собранное у Одилона-Барро, объявило себя противъ возобновленія военныхъ дѣйствій. Барро, имѣя поддержку въ Дювержье де Гораниѣ, согласился принять портфель съ условіемъ немедленнаго прекращенія огня. Ремюза совѣтовалъ вручить начальство надъ національной гвардіей генералу Ламорисьеру. Олимпъ Тьеръ, соглашаясь, что предварительно должно было прибѣгнуть къ путямъ примиренія, не вѣрилъ ихъ дѣйствительности и поддерживалъ назначеніе маршала Бюжо какъ послѣднее средство спасенія, въ случаѣ ежели народъ не захочетъ довольствоваться возможными уступками и между монархіей и республикой завяжется смертный бой.

Еще не порѣшили этого важнаго вопроса, какъ уже занялся день, освѣщая холоднымъ своимъ свѣтомъ самую странную смѣсь, самый непонятный хаосъ желаній, яростей, надеждъ и опасеній, которыя когданико потрясали общество, слѣвавшееся добычей анархіи.

Парижъ покрылся барикадами (1), охраняемыми большею частью республиканскими предводителями и воздвигнутыми отъ самыхъ отдаленныхъ предмѣстій почти до самаго тюльерійскаго дворца. Деревья бульваровъ были срублены; улицы со взломанной мостовой, покрытыя осколками посуды и стекла, были почти непроход-

(1) Ихъ насчитывали до 1600.

мы для артилеріи и кавалеріи. Гауптвахты, будки, скамьи опрокинуты, сожжены, изломаны; всѣ магазины заперты. Груды пеплу, остатки бивачныхъ огней, придавала улицамъ видъ еще болѣе мрачный. Работники, національная гвардія, воспитанники школъ выходили толпами на площади и улицы, съ негодованіемъ сообщая другъ другу новость ночи: назначеніе маршала Бюжо. Имя это, презираемое парижскимъ народонаселеніемъ, оставляло въ тѣни всѣ остальные; въ сборищахъ едва слушали благонамѣренныхъ людей, говорившихъ о примирительномъ министерствѣ и надѣявшихся успокоить раздраженіе народа именемъ Одилона-Барро. Прокламаціи, никѣмъ неподписанныя и наклеенныя на стѣнахъ, народъ срывалъ и растаптывалъ ногами. Вездѣ, гдѣ ни собиралась національная гвардія, принимая назначеніе маршала Бюжо за новую для себя обиду, она кричала: «Долой Бюжо! долой человѣка улицы Трансноневъ!» и единогласно отказывалась повиноваться ему.

Демократическіе журналы «Реформа» и «Насьональ» печатали съ своей стороны протестацію, составленную Луи-Вланомъ; призывъ къ возстанію, вышедшій изъ конторы журнала «Courrier Français», раздавался также на всѣхъ барикадахъ.

Такимъ образомъ революціонное движеніе не умиралось, а напротивъ того распространялось, и пришло уже время не только уступокъ, но и сопротивленія.

Генераль Бедо, не зная что дѣлалось во дворцѣ, гдѣ король, проснувшись, былъ оглушонъ тысячами разногласныхъ совѣтовъ, генераль Бедо, къ которому присоединился генераль Салль, исполнялъ приказанія главнокомандующаго.

Привѣтствовавъ на площади Каруселя вѣрныя ему войска краткой рѣчью, онъ пошелъ по дорогѣ назначенной маршаломъ и въ улицахъ Нёвъ-де-Пти-Шанъ (Neuve-des-Petits-Champs), Вивьенъ (Vivienne) и Фейло (Feudau) сломалъ нѣсколько барикадъ. Въ половинѣ осьмого, поровнявшись съ театромъ Жимназъ, Бедо увидѣлъ огромную барикаду, выстроенную по правиламъ и хорошо укрѣпленную. Вокругъ волновалась толпа народа. При видѣ войска поднялся грозный говоръ. Тогда изъ середины перепуганныхъ зрителей многіе обратились къ генералу съ просьбою не начинать атаки. Желая, какъ и тѣ, которые съ нимъ говорили, избѣжать кровавой схватки, генераль обратился къ ближайшей группѣ и объявилъ о перемѣнѣ министерства. Но подозрительность народа была очень велика и шумъ не стихалъ (1). «Именемъ населенія, которое насъ

(1) Народъ и даже большая часть офицеровъ національной гвардіи были убѣждены, что катастрофа бульвара Капюсинъ была преднамѣренная; что народъ

окружаетъ, — воскликнулъ одинъ изъ жителей квартала, Фовель-Дельбаръ (Fauvelle-Dellebagge) — позвольте мнѣ, генералъ, сдѣлать вамъ нѣсколько вопросовъ. Мы были обмануты вчера, насъ можетъ быть обманываютъ и сегодня. Мы вѣримъ вашей чести; общаете ли вы отвѣчать намъ чистосердечно?»

Генералъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

Толпа замолкла.

— Генералъ, сказалъ Фовель-Дельбаръ: — правда ли, достоверно ли извѣстно, что Гизо уволенъ?

— Да, отвѣтилъ Бедо.

— Кто же у насъ министръ въ настоящее время?

— Тьеру и Одиону-Барро поручено составить новое министерство.

— Если еще нѣтъ министерства, то кто же васъ присылаетъ сюда?

— Маршалъ Бюжо.

При этомъ имени поднялись страшные крики.

Толпа не хотѣла ничего слушать.

— Вы видите, генералъ, продолжалъ Фовель, — какъ одно имя маршала Бюжо раздражаетъ народъ; умоляю васъ, не начинайте борьбы, которая будетъ ужасна.

— Я получилъ приказаніе, отвѣчаетъ генералъ: — я солдатъ, долженъ повиноваться.

— Покрайней-мѣрѣ подождите новыхъ приказаній; кто знаетъ какія произошли перемѣны въ тюльерійскомъ дворцѣ съ тѣхъ поръ какъ вы его оставили? Дайте мнѣ часть времени; пошлите со мной офицера, который проводилъ бы меня до маршала Бюжо; я ему представлю положеніе, въ которомъ вы находитесь, и я увѣренъ, вы получите приказаніе не стрѣлать.

Бедо видѣлъ вблизи колебаніе и подвижность идей въ Тюльери, а потому возможность перемѣны въ рѣшеніяхъ короля поразила его. Притомъ, какъ и всѣ офицеры арміи, онъ былъ убѣжденъ, что войско безъ національной гвардіи не можетъ ничего сдѣлать противъ возмущенія, а проходя черезъ бульвары онъ убѣдился, что легіоны не будутъ ему помогать. Генералъ рѣшился слѣдовательно ожидать новыхъ инструкцій; онъ считалъ минуты этого часа, который казался ему вѣчностью.

Фовель между тѣмъ преодолѣлъ всѣ препятствія и въ соупствіи

обманули ложнымъ слухомъ о перемѣнѣ министерства; что правительство хотѣло устроить новую варфоломеевскую ночь и вырѣзать всѣхъ демократовъ и т. д. Национальная гвардія объявляла, что она будетъ защищать народъ противъ столь наглой и безстыдной измѣны.

Корбона (Corbon), офицера главнаго штаба національной гвардіи, прибылъ въ Тюльери и просилъ дозволенія видѣться съ маршаломъ Бюжо.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, его ввели. Маршалъ слушалъ Фовеля съ видимою подозрительностью и нѣсколько разъ дѣлалъ движенія недоумія, которыя смущали бы Фовеля, еслибы герцогъ Немурскій и Тьеръ, присутствовавшіе при разговорѣ, одобрительнымъ молчаніемъ не поощряли его продолжать. Проникнутый, вмѣстѣ со всей парижской буржуазіей, единственнымъ желаніемъ остановить пролитіе крови, Фовель представилъ маршалу оживленную картину плачевнаго положенія войска въ схваткѣ съ огромной массой раздраженнаго народа; онъ изобразилъ ему весь ужасъ рѣзни, въ случаѣ если войско завяжетъ сраженіе, и старался доказать, что соглашеніе еще возможно, если позволить дѣйствовать одной національной гвардіи. Потомъ обращаясь къ герцогу Немурскому, который казался соглашался съ этимъ мнѣніемъ, онъ сказалъ съ силой: «Ваше высочество, поддержите просьбу объ отозваніи войскъ. Не потерпите, чтобы хотя одна капля крови пала на имя вашего отца и ваше... Еще ничто не потеряно; но если кровь будетъ пролита, не будетъ предѣла народной мести.» Удивленный такой настойчивостью и впечатлѣніемъ, которое она произвела на герцога и предсѣдателя кабинета, маршалъ сказалъ сухо Фовель-Дельбару, что онъ вскорѣ сообщитъ отвѣтъ, и вышелъ съ герцогомъ Немурскимъ и Тьеромъ.

Совѣщаніе было непродолжительно. Бюжо, въ присутствіи Людовика-Филиппа, поддерживалъ одинъ необходимость и неминуемый успѣхъ сраженія на-смерть, но не скрывалъ, что побѣда будетъ куплена многочисленными жертвами. «Я не хочу царствовать надъ трупами», отвѣтилъ наконецъ король, котораго члены новаго кабинета успѣли уже поколебать въ отношеніи къ маршалу. Подобный отвѣтъ не допускалъ никакого разсужденія. Бюжо⁽¹⁾, возвратившись въ главный штабъ, продиктовалъ и подписалъ наскоро приказъ генералу Бедо не завязывать непріязненныхъ дѣйствій и возвратиться

(1) Годъ спустя послѣ объявленія республики маршалъ Бюжо, замѣтивъ въ одномъ домѣ Фовель-Дельбара, подошелъ къ нему и взявъ за руку, сказалъ: «Я васъ узнаю; вы намъ много сдѣлали вреда. Мнѣ бы слѣдовало, неслухая, выгнать васъ, и повинная стомамъ вашихъ парижскихъ буржуа и вашей національной гвардіи, круглыхъ дураковъ, защищать моего короля въ Тюльери, а васъ засыпать картечью безъ милосердія. Людовикъ-Филиппъ оставался бы до сихъ поръ на престолѣ, и вы бы меня превозносили теперь до небесъ. Но, что вы хотите! Я былъ окруженъ толпой трусовъ, они сдѣлали изъ меня такого же безумнаго какъ были сами.»

на набережныя, для сохраненія сообщенія между тюльерійскимъ дворцомъ и ратушей.

Выѣстъ съ этимъ приказомъ маршалъ вручилъ Фовелю доскутъ, исписаной бумаги, помѣченный въ восемь часовъ утра, въ которой подъ заглавіемъ: «увѣдомленіе» объявлялось народу о сформированіи министерства Тьеръ-Барро и о назначеніи маршала главнокомандующимъ арміей и національной гвардіей. Черезъ два часа увѣдомленіе это должно было быть наклеено на стѣнахъ Парижа. Бюжо поручилъ Фовелю читать его всѣмъ сборищамъ, на всѣхъ баррикадахъ.

Могъ ли еще въ настоящую минуту маршалъ обманывать себя дѣйствительностью подобной прокламаціи, или же, въ ожиданіи лучшаго, онъ сообразовался съ наставленіями начальника кабинета? Можно предполагать, что несмотря на обыкновенную ясность своего сужденія, Бюжо не понималъ еще несомнѣнности своего шенія съ системой примиренія. Нѣсколько минутъ спустя послѣ описанной нами сцены онъ сѣлъ на лошадь, чтобы произвести рекогносцировку. Въ соупствіи генераловъ де-ла Рю (de la Rue) и д'Арбувиля (d'Arbouville), онъ направился къ улицѣ Риволи, гдѣ стоялъ батальонъ 10 легіона, и приказалъ ему слѣдовать за собой. Батальонъ не двинулся съ мѣста. Маршалъ, озабоченный, продолжалъ ѣхать впередъ, незамѣчая этого, и подвигался черезъ площадь Пирамидъ, къ улицѣ Ст. Гоноре. Тогда капитанъ главнаго штаба національной гвардіи Лампньяръ (Lamignard), полошолъ къ генералу де-ла Рю, объявилъ ему, что національная гвардія отказывается повиноваться маршалу и что съ его стороны безразсудно отправляться одному навстрѣчу возмущенію. Маршалъ, услышавъ этотъ разговоръ, спросилъ въ чемъ дѣло; ему не рѣшались отвѣтить; тогда онъ обратился къ капитану Лампньяру. «Маршалъ, сказалъ тотъ: — я объявлялъ этимъ господамъ, что вы не можете ничего сдѣлать, потому что національная гвардія васъ не хочетъ.» Маршалъ плюнулъ и хотѣлъ продолжать путь. Но генералъ де-ла Рю уговорилъ его возвратиться къ площади Каруселя, чтобы взять съ собой батальонъ арміи; Бюжо уступилъ и возвратившись къ тюльерійскому дворцу, не выходилъ изъ него болѣе.

Съ другой стороны Олионъ-Барро все еще лаская себя пустой вѣрой въ свою популярность, хотѣлъ тоже показаться на баррикадахъ. Во главѣ шествія, въ которомъ участвовали Орасъ Верне (Vernet), Кинетъ (Quinette), Оскаръ Лафайетъ (de Lafayette) и генералъ Ламорьясьеръ, онъ хотѣлъ пройти по бульварамъ до ратуши, надѣясь чистосердечными объясненіями разсѣять пелоразуміе, ко-

торое со времени принятія имъ портфеля одно только могло быть настоящей причиною продолжающихся стычекъ.

Грустное разочарованіе гордаго тщеславія! При появленіи на бульварахъ, окруженный любопытной, но не сочувствующей толпой, которая казалась отдавала ему честь, а въ дѣйствительности мѣшала подвигаться впередъ, Барро, сидя верхомъ на лошади, слышалъ со всѣхъ сторонъ только восклицанія: «*Долой льстецы! Намъ неужно подлестоу! долой Моле! долой Тьеръ! долой Барро! Народъ повелѣваетъ!*» Наконецъ страшно разочарованный, подвигаясь впередъ посреди толпы все болѣе и болѣе враждебной, Барро, измученный усиліями и уныніемъ, которое имъ овладѣло, остановился у барикады на бульварѣ Бонъ-Нувель (Bonaparte-Nouvelle), только-что оставленномъ генераломъ Бедо. Тамъ, несмотря на шумъ, несмотря на изступленіе, въ которомъ находился народъ, Барро прибѣгнулъ къ послѣдней попыткѣ. «Друзья мои, сказалъ онъ возвышая голосъ: — наши общія усилія одержали верхъ. Мы завоевали свободу, а что лучше — честь.» Страшные возгласы прерываютъ его; какой-то человекъ бросается впередъ и грознымъ движеніемъ руки заставляетъ его молчать. Другіе толкаютъ его, опрокидываютъ. Увлеченный своими друзьями, Барро возвращается назадъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, убѣдившись наконецъ, но слишкомъ поздно, что онъ способствовалъ раздраженію бури, которой ни онъ, ни никто не въ состояніи усмирить, и принимая передъ лицомъ своей совѣсти обязанность все сдѣлать для спасенія короля или, если это уже невозможно, для спасенія династіи.

Приказъ, подписанный маршаломъ Бюжо и принесенный Фовель-Дельбаромъ, уничтожилъ дѣйствительно послѣднюю надежду къ спасенію правительства Людовика-Филиппа. Когда генералъ Бедо, рѣшаясь возвратиться на площадь Согласія, приказалъ войску начать отступательное движеніе, народъ внѣ себя отъ радости наполнилъ воздухъ восклицаніями. *Да здравствуетъ армія!* кричали со всѣхъ сторонъ съ неописаннымъ восторгомъ; и толпа, напирая на фланги колонны, завязывая разговоры, стараясь брататься, затрудняла шествіе и безъ того весьма утомительное по причинѣ многочисленныхъ барикадъ, разломанныхъ поутру и построенныхъ снова въ послѣдствіи. Солдаты, проходя черезъ нихъ, обмѣнивались съ народомъ пожатіями рукъ и поздравленіями по случаю счастливаго окончанія междоусобной войны. Кавалерія и артилерія едва могла двигаться по разломаной мостовой.

Всѣ эти демонстраціи, всѣ эти препятствія растягивали страшно отрядъ. Генералъ Бедо, шедшій впередъ, задумчивый, безпокойный, видѣлъ братанье съ народомъ, столь несогласное съ дисципли-

ной, но не могъ ему препятствовать. Онъ приближался къ улицѣ Мира, когда арьергардъ, состоящій подъ начальствомъ генерала Салля, былъ оставленъ на углу улицы Шоазель многочисленнымъ сборищемъ. Народъ не хотѣлъ пропустить пушекъ и началъ откладывать лошадей. Солдаты едва противились. Нетерпѣливая толпа бросилась на ящики и начала ихъ грабить. «Именемъ мира, сказалъ генералу Саллю командиръ батальона второго легіона, выходявшаго изъ улицы Шоссе д'Антенъ : — отдайте мнѣ ваши пушки. Вы видите, что онѣ не могутъ подвигаться впередъ. Народъ раздражается; солдаты ваши находятся въ опасности. Именемъ мира, который заключенъ между правительствомъ и народомъ, прикажите подвать приклады вверхъ.»

Слова эти, слышанныя національной гвардіей, окружавшей командира, были немедленно повторены всѣми. «Приклады вверхъ! приклады вверхъ! миръ! миръ!» Вотъ единогласныя восклицанія, раздававшіяся вокругъ солдатъ. Растерянные, упавшіе духомъ вслѣдствіе непонятнаго для нихъ отступленія, они машинально повинуются; пушки остаются въ рукахъ національной гвардіи.

Между тѣмъ генералъ Бедо, видя безпорядокъ въ своемъ отрядѣ и народную массу все болѣе бурную, по мѣрѣ того какъ приближались къ площадь Согласія, послалъ одного изъ своихъ адъютантовъ, Эспивана (Espivant), предупредить войско, что онъ приходитъ въ сопровожденіи національной гвардіи и что народъ не имѣетъ дурныхъ намѣреній. Пѣхота, разбросанная по площади, не показывала никакого опасенія; но отрядъ муниципальной гвардіи, состоявшій изъ двадцати шести человекъ и занимавшій, подъ начальствомъ сержанта Фуке (Fouquet), караулъ у турецкаго посольства, при входѣ въ аллею Габріель, замѣтивъ хлынувшій потокъ народа и зная, что самъ онъ долженъ опасаться всего, выстроился впереди рѣшотки гауптвахты и приготовилъ ружья. При этомъ видѣ въ народѣ подвигались крики ярости.

Исцуганный мыслью о несчастіяхъ, какія могли послѣдовать въ случаѣ стычки, генералъ Бедо послалъ сказать караулу, что дано приказаніе прекратить вездѣ огонь и что отрядъ долженъ сложить оружіе. Сержантъ проситъ, чтобы войска были выдвинуты впередъ для защиты его солдатъ, которые безъ того будутъ неминуемо перебиты. Во время этихъ переговоровъ кто-то выстрѣлилъ въ муниципальную гвардію изъ пистолета; та отвѣчаетъ. Эспиванъ приказываетъ ей войти въ гауптвахту. Генералъ Бедо, съ фуражкой въ рукѣ, бросается въ середину сражающихся, дѣлаетъ знакъ муниципальной гвардіи не стрѣлять и въ тоже время умоляетъ народъ отступить; но напрасно: жребій брошенъ. Въ этомъ волнующемся

морѣ никакой голосъ не можетъ быть слышенъ, никакое приказаніе не можетъ быть исполнено. Раздается новый залпъ. «Измѣна! измѣна!» кричитъ народъ. Національная гвардія бьется бой. Венсенскіе стрѣлки, думая что они атакованы, стрѣляютъ въ свою очередь. Суматоха дѣлается страшная; на муниципальную гвардію нападаютъ съ яростью. Несмотря на старанія генерала Бедо и его адъютантовъ, народъ бросается на гауптвахту и ломаетъ ее въ одно мгновеніе; онъ убиваетъ, наноситъ раны штыками, саблями, прикладами, этимъ стойкимъ, но несчастнымъ защитникамъ проигравшаго дѣла. Сержантъ Фуке, пораженный нѣсколькими ударами топоромъ, успѣлъ добѣжать до моста Турнанъ (Tourgnant). Чтобы остановить бѣгущихъ за нимъ, начальникъ караула приказываетъ сдѣлать залпъ. Эти выстрѣлы наносятъ раны Калььеру (de Calvières), убиваютъ Жоливе (Jollivet), депутата, и нѣсколькихъ другихъ лицъ, искавшихъ убѣжища въ тюльерійскомъ саду.

Между тѣмъ пятьсотъ или шестьсотъ человекъ національной гвардіи, разбросанные по площади, стараются успокоить народъ. Но малѣйшее обстоятельство можетъ возбудить снова его гнѣвъ, а время уходитъ. Генералъ Бедо, находясь въ столь опасномъ положеніи, не получалъ никакихъ приказаній. Когда наконецъ, утомившись ждать и посылать своихъ адъютантовъ въ Тюльери, онъ приказалъ въ послѣдній разъ настоять у герцога Немурскаго о необходимости принять какое-либо рѣшеніе, принцъ отвѣчалъ. «Я больше не командую». «Пусть генералъ дѣлаетъ что хочетъ», сказалъ въ свою очередь маршалъ Бюжо. Не было уже ни начальника, ни воли: все было замѣшательство, безпорядокъ, всѣ пали духомъ, всѣ отступали.

Со времени пробужденія короля кабинетъ тюльерійскаго дворца и главный штабъ сдѣлался добычей прилива и отлива разныхъ извѣстій, предостереженій и противорѣчивыхъ распоряженій.

Въ семь часовъ утра Гизо въ сопутствіи Брольи и Госсопвиля (d'Haussonville) хотѣлъ видѣть Людовика-Филипа, но не былъ принятъ. Въ настоящую минуту брали верхъ противоположные софты; вліяніе Одилона-Барро и его друзей увлекало короля на путь уступокъ. Мы видѣли, что кружокъ политическихъ людей, которые должны были составить или поддерживать новый кабинетъ, требовалъ распущенія палаты, увольненія маршала Бюжо и прекращенія непріязненныхъ дѣйствій. Король ни уступалъ, ни противился; все было неопредѣленно, тогда какъ народъ, торжествуя на всѣхъ пунктахъ, подвигался все болѣе и болѣе къ тюльерійскому дворцу.

Около девяти часовъ Жирарденъ (Girardin), который пробѣ-

жалъ большую часть города и убѣдился въ деморализаціи арміи, съ-помъ упорствѣ національной гвардіи и силѣ возмущенія, явился во дворецъ и просилъ позволенія говорить съ королемъ, чтобы открыть ему глаза. Генераль Рюиньи (de Rumigny), дежурный адъютантъ, посоветовалъ редактору «Прессы» переговорить сперва съ Тьеромъ, находившимся тогда въ главномъ штабѣ съ герцогомъ Немурскимъ, Барро, Ремюза, Дювержье де-Гораномъ и Ламорисьеромъ. Несмотря на живость, съ которою Жирарденъ изобразилъ этимъ государственнымъ людямъ опасность угрожавшую королевской власти, несмотря на замѣчаніе болѣе откровенное, чѣмъ почтительное, сдѣланное герцогу Немурскому, которому онъ предложилъ выйти на улицу для воодушевленія войска, несмотря на все это Жирарденъ не могъ вдохнуть въ умы ихъ спасительнаго страха, который въ крайней опасности учить прибѣгать къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Колеблясь между страхомъ и несбыточными надеждами, люди эти сумѣли прибѣгнуть только къ прокламаціи, прокламаціи весьма поздней, составленной наскоро Ремюза въ слѣдующихъ словахъ :

«Граждане города Парижа !

«Дано приказаніе прекратить огонь. Король поручилъ намъ составить министерство. Палата будетъ распушена. Будетъ сдѣлано «воззваніе къ странѣ. Генераль Ламорисьеръ назначенъ главнокомандующимъ національной гвардіей. Одилонъ-Барро, Тьеръ, Ламорисьеръ, Дювержье де-Горанъ — министрами.

«Свобода, порядокъ, реформа.

«Подписали : Одилонъ-Барро, Тьеръ.»

Коніи съ этой прокламаціи были тотчасъ отнесены въ типографіи журналовъ «Прессы», «Конститусьоннеля» и «Насьоналя» господами Жирарденомъ, Мерриу (Merguau) и Рейсомъ (de Reims). Часъ спустя се начали наклеивать на стѣнахъ ; но ничто уже не могло остановить народа въ его чувствѣ всемогущества. Кромѣ того республиканцы сторожили и обращали въ ничто всѣ уступки правительства. Прокламація министерства Барро была вездѣ сорвана и замѣнена немедленно слѣдующимъ лаконическимъ объявленіемъ, составленнымъ Флокономъ и набраннымъ въ типографіи *Реформы* Прудономъ (Proudhon), бывшимъ наборщикомъ :

«Людовикъ-Филипп хочетъ перебить васъ какъ Карлъ X; пусть «и онъ отправится по слѣдамъ Карла X !»

Нельзя было ошибаться. Ресубликанская партія подымала голову и овладѣвала движеніемъ. Контора *Реформы* давала единственное направленіе, сообщаемое предприимчивыми людьми съ барикады на барикаду цѣлой арміи возставшихъ. Флоконъ, Бонъ

(Baune), Коссидьеръ (Caussidière), Лагранжъ, Араго, Собрье (Sobrier), Рибейроль (Ribeyrolles) и т. д., возбуждали сражающихся, сообщали приказанія, раздавали амуницію, раздражали толпу распуская страшныя слухи, проклятія, анафему противъ короля, и рѣшались произносить, хотя еще съ предосторожностями, слово *республика*.

Говоря правду, народъ не встрѣчалъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Почти вездѣ національная гвардія, выѣшиваясь въ среду сражающихся, заставляла колебаться армію. Нѣсколько залповъ на бульварѣ Тампля и въ особенности въ предмѣстіи св. Антонія, на площади Бастильи, убили и ранили съ одной и съ другой стороны незначительное число человѣкъ. Но стычки эти кончались обезоруженіемъ солдатъ и братаніемъ при крикахъ: *Да здравствуетъ армія!*..

Въ десять часовъ Людовикъ-Филиппъ завтракалъ съ своимъ семействомъ въ галереѣ Діаны, когда пришли доложить, что Ремюза и Дювержье де-Горанъ желаютъ видѣть герцога Монпансье. «Пусть взойдутъ», сказалъ король, и съ большою предупредительностью предложилъ новымъ своимъ министрамъ занять мѣста за столомъ.

Тѣ отказались; они были взволнованы; хотѣли и не смѣли говорить. Послѣ нѣсколькихъ минутъ смущенія, которое все, исключая короля, читали на ихъ лицахъ, замѣчая наконецъ, что вѣроятно идетъ дѣло о какомъ-либо важномъ извѣстіи, Людовикъ-Филиппъ отвелъ Ремюза къ окну и спросилъ: «Что случилось?»

Королева, герцогъ Монпансье и принцессы остались неподвижны на своихъ мѣстахъ, устремивъ глаза на разговаривающихъ.

— Государь, сказалъ Ремюза, понижая голосъ: — нельзя терять ни одной минуты; возмущеніе торжествуетъ на всѣхъ пунктахъ; оно подвигается впередъ гигантскими шагами. Караулъ при Шато-До (Château-d'Eau), который держится съ геройской храбростью, не можетъ устоять долго; черезъ часъ можетъ-быть дворецъ Тюльери будетъ атакованъ. Жизнь короля въ опасности.

Королева, услышавъ послѣднія слова, вскочила и бросилась къ Людовику-Филиппу, какъ-будто для защиты его. Всѣ остальные встали изъ-за стола.

«Г. Ремюза полагаетъ, что тюльерійскій дворецъ будетъ атакованъ», сказалъ король съ притворнымъ спокойствіемъ. Между тѣмъ, безъ всякаго доклада, вошло въ залу нѣсколько человѣкъ. Тьеръ, Брольи, Пискатори, Кинетъ, Барошъ, Лакроссъ, подтвердили слова Ремюза.

Лобеспенъ (de Laubespin), капитанъ генеральнаго штаба, принесъ извѣстіе еще болѣе печальное: отрядъ генерала Бедо полнялъ при-

клады вверхъ ; бунтовщики ограбили ящики и завладѣли двумя пушками ; тюльерійскій дворецъ совершенно открытъ со стороны площади Согласія.

Герцогъ Эслингенъ , невѣря своимъ ушамъ и подозрѣвая какой-нибудь обманъ , выбѣжалъ поспѣшно. Черезъ пять минутъ онъ возвратился. « Не вѣрете, ваше величество, воскликнулъ онъ : — я только-что говорилъ съ генераломъ Реньо де Сень-Жанъ д'Анжели. Бригада его остается вѣрною, готовою пролить кровь за ваше величество. Тюльерійскій дворецъ не можетъ быть взятъ. Садитесь на лошадь, государь : ваше присутствіе воодушевитъ войска и можетъ еще все спасти. »

Порѣшили, что король произведетъ смотръ войскамъ.

Пока онъ надѣваетъ генеральскій мундиръ національной гвардіи и ленту ордена почетнаго легіона скорѣе съ хладнокровіемъ чловѣка, который, соглашаясь съ мнѣніемъ большинства, готовъ исполнить пустую церемонію, чѣмъ какъ государь, рѣшившійся дорого продать свою жизнь и свой престолъ, — даютъ знать ближайшимъ отрядамъ, что король произведетъ смотръ войскамъ и желаетъ показать имъ національную гвардію. Сильные отряды легіоновъ начинаютъ двигаться. Какъ только они появляются у луврскихъ воротъ, король выходитъ изъ дворца ; онъ садится на лошадь, богато убранную золотыми галунами и кистями. Герцоги Немурскій и Монпансье, маршалъ Бюжо находятся по правой его рукѣ ; по лѣвой генералъ Ламорисьеръ ; онъ вступаетъ въ свою должность.

Тьеръ и Ремюза слѣдуютъ за нимъ пѣшкомъ. Многочисленная свита, состоящая изъ офицеровъ конной національной гвардіи, адъютантовъ, между которыми видны генералъ Рюминьи въ штатскомъ платьѣ, генералъ Трезель, Монталиве и проч., замыкаетъ шествіе.

При проѣздѣ передъ фронтомъ внутреннихъ карауловъ, Людовика-Филипа привѣтствуютъ многочисленными криками ; королева Марія-Амалия показывается у окна перваго этажа ; ее окружаютъ герцогиня орлеанская, принцессы и маленькіе принцы. Съ гордой осапкой, съ глазами блестящими надеждой, она благодаритъ жестомъ всѣхъ тѣхъ, кто проходя передъ нею, привѣтствуетъ ее крикомъ : *да здравствуетъ королева !*

Между тѣмъ Людовикъ-Филиппъ, проѣхавъ вдоль рѣшотки, приблизился къ триумфальной аркѣ и начинаетъ смотръ съ лѣвой стороны площади, гдѣ стоитъ первый легіонъ. Здѣсь крики : *да здравствуетъ король !* заглушаются тотчасъ криками : *да здравствуетъ реформа !* Группа національныхъ гвардейцевъ выходитъ изъ линіи, живо подходитъ къ Людовику-Филиппу и почти требуетъ у него со-

гласія на реформу. Король, видимо взволнованный, прибавляетъ шагу, повторяя съ сердцемъ: «Согласіе дано, согласіе дано!» Но объявленіе о такой уступкѣ, сдѣланное безъ восторга, принятое также безъ восторга, было только лишнимъ знакомъ окончательнаго бѣдствія. Людовикъ-Филиппъ, вида угрюмыя лица своихъ защитниковъ, совершенно упалъ духомъ. Онъ возвратился во дворецъ, возложивъ на маршала Бюжо обязанность привѣтствовать войско.

Маршалъ выходилъ изъ себя отъ гнѣва. Облеченный насмѣшливой властью, онъ видѣлъ, непонимая, что всѣ распоряженія его остались безъ успѣха, что предложенные имъ планы защиты права принимались, но разбирались въ его отсутствіе и потомъ отвергались; вокругъ него всѣ смотрѣли грустно, слышались только слова недоверія и трусости. Несмотря на то онъ не терялъ еще надежды отплатить разомъ за все толпѣ бездѣльныхъ бунтовщиковъ. Приказавъ построить войско въ каре, Бюжо сказалъ:

«Офицеры и солдаты. Политическій вопросъ разрѣшонъ назначеніемъ новаго министерства. Тѣ, которые за симъ не поддадутся, будутъ почитаемы какъ мятежники и тогда мы будемъ звать, господа, что намъ остается дѣлать.» Слова эти были приняты громкими рукоплесканіями.

Тотчасъ послѣ того національную гвардію направили на префектуру полиціи, которой угрожало возстаніе; а войска заняли прежнія свои мѣста на дворѣ и въ саду Тюльери.

Возвратившись въ кабинетъ послѣ смотра, Людовикъ-Филиппъ бросился въ кресла стоявшія у окна. Измученную голову онъ облокотилъ на руку и сохранялъ глубокое молчаніе. Его друзья и слуги, которыхъ ожиданіе неминуемой опасности держало въ страшномъ безпокойствѣ, обмѣнивались шопотомъ нѣсколькими словами.

А время уходило. Приближалось двѣнадцать часовъ, когда Кремье вошелъ въ залу, смежную съ кабинетомъ короля. Герцогъ Монпансье, окруженный принцами вюртембергскимъ и кобургскимъ, депутатами, перами Франціи, генералами и толпой дежурныхъ офицеровъ, подошелъ къ нему и спросилъ живо: что слышно?

«Еще ничто не потеряно, сказалъ Кремье. — Я пробѣжалъ часть Парижа. Національная гвардія можетъ къ намъ возвратиться; назначеніе Барро президентомъ совѣта, людей лѣвой стороны министерства, увольненіе Тьера и маршала Бюжо, самыя широкія уступки сдѣланныя безотлагательно, могутъ успокоить возмущеніе; но нельзя терять ни одной минуты.» Пока онъ такъ говорилъ, герцогъ Монпансье открылъ дверь въ кабинетъ и доложилъ о приходѣ Кремье.

«Что скажете?» проговорилъ Людовикъ-Филиппъ подымая голову.

Кремьё повторилъ свои слова.

Тогда Тьеръ, стоявшій въ сторонѣ, подошелъ къ королю и подалъ ему свою отставку. Недѣлая ему никакихъ замѣчаній, незымая ни сожалѣній, ни удовольствій, ни опасеній, Людовикъ-Филиппъ потребовалъ Фена (Fain), своего секретаря, для написанія назначенія Барро президентомъ совѣта. Генералъ Трезель контрастировалъ это назначеніе и Кремьё, унося его поспѣшно, совѣтовалъ королю призвать маршала Жерара (Gérard) и вручить ему начальство надъ войскомъ.

Послѣ ухода Кремьё блеснулъ лучъ надежды. Король и окружающіе его полагали, что депутатъ самой крайней оппозиціи долженъ хорошо знать расположеніе умовъ и дѣйствительность предлагаемыхъ имъ мѣръ. Но въ настоящую минуту никто не могъ оцѣнить уже въ цѣлости народное движеніе. Оно дѣйствовало въ столь обширныхъ размѣрахъ, что общій характеръ его не могъ быть подмѣченъ. Здѣсь господствовала національная гвардія и довольствовалась министерствомъ Барро; далѣе говорили уже объ отреченіи короля отъ престола; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наконецъ республиканцы сбрасывали маску и возбуждали вопросъ объ изгнаніи династіи.

Между тѣмъ Реймсъ, который послѣ въ редакцію *Насьоналя* прокламацію министерства Тьеръ-Барро, сообщилъ возвратившись, что народъ не будетъ довольствоваться болѣе ничѣмъ, исключая развѣ отреченіемъ отъ престола. Уже за нѣсколько времени до того Дювержье де-Горанъ, произнося этого слова, слегка напомнилъ о самомъ фактѣ. Но кто осмѣлится объявить о подобномъ рѣшеніи государю, дорожившему въ такой степени своей властью, пропитанному убѣжденіемъ о своемъ политическомъ превосходствѣ, смотрѣвшему съ такимъ презрѣніемъ на мнимыя достоинства членовъ своего семейства, которые должны были ему наследовать? Каждый отклонялъ отъ себя подобное порученіе.

Однако рѣшаются произнести это злополучное слово у самыхъ ушей Людовика-Филиппа, но такъ тихо, что онъ можетъ его и не слышать; приходятъ какъ-будто въ негодованіе; Тьеръ, съ тѣхъ поръ какъ пересталъ быть министромъ, не имѣетъ своего мнѣнія. Въ эту минуту дверь кабинета отворилась; вошелъ человекъ очень блѣдный, очень взволнованный и приблизился къ королю.

«Что такое, г. Жирарденъ?» сказалъ Людовикъ-Филиппъ, обращая на редактора «Прессы» свой потухшій взоръ. — «Васъ заставляютъ, государь, терять дорогое время; и ежели самыя рѣшитель-

ныя мѣры не будутъ приняты тотчасъ, то черезъ часъ во Франціи не ставеть ни короля, ни королевской власти.» Молчаніе изумленія отвѣчало на эту выходку.

Жиранденъ замѣтивъ, въ сторонѣ главнаго редактора «Конститусьонеля», воскликнулъ съ вѣтерпѣніемъ :

«Спросите г. Мерриуо, какъ прокламація о перемѣнѣ министерства была принята народомъ.» Молчаніе продолжалось. Наконецъ послышался голосъ короля : «Чтоже дѣлать?»

— Отречься отъ престола, государь, сказалъ Жиранденъ со смѣлостью, которая всѣхъ поразила.

— Отречься отъ престола!

— Да, государь, и поручить регентство герцогинѣ орлеанской, потомучто герцогъ немурскій не будетъ принимать.

— Лучше здѣсь умереть! воскликнула королева.

Король, какъ-будто просыпаясь при этихъ словахъ, сказанныхъ съ страшною энергіей, всталъ и обращаясь къ окружающимъ произнесъ : «Господа, нельзя ли защищать тюльерійскій дворецъ?.. Мы говорили, что Тюльери можно защитить», повторилъ онъ, вида что никто ему не отвѣчаетъ.

— Откажитесь отъ престола, государь! воскликнулъ герцогъ Монпансье.

Людвигъ-Филипъ призадумался, казалось соображалъ что-то. «Если хотятъ, я отрекаюсь», сказалъ онъ наконецъ.

Слыша эти слова, Жиранденъ бросается къ дверямъ, а Людвигъ-Филипъ переходитъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ находилась герцогиня орлеанская и принцессы. «Я отрекаюсь отъ престола», сказалъ онъ твердымъ голосомъ, останавливаясь въ дверяхъ. Герцогиня орлеанская бросается къ его ногамъ и умоляетъ со слезами не дѣлать этого. Король не показываетъ никакого волненія и вырывается изъ объятій принцессы, возвращается въ кабинетъ, гдѣ толпится множество народу, журналисты, національная гвардія, офицеры всѣхъ степеней, каждый сообщая ложныя или истинныя извѣстія, каждый разсуждая и совѣтуя.

Король сѣлъ за свой письменный столъ и взялъ перо, но не писалъ. Тогда герцогъ Монпансье съ живостью пододвинулъ къ нему листъ бумаги.

«Именемъ отечества, государь, послышался вдругъ звонкій голосъ, — именемъ вашего семейства и всѣхъ семействъ Франціи, не отрекайтесь отъ престола. Лучше намъ сражаться сегодня чѣмъ завтра, потомучто завтра у насъ будетъ республика!» Взоры всѣхъ обратились на Пискатори.

Королева, восторженная, какъ-будто видя себя, схватила за руку

этого вѣрнаго друга и сказала въ замѣшательствѣ: «Берегитесь, здѣсь есть измѣнники.»

И подозрительный взглядъ Маріи-Амеліи переходилъ отъ Тьера къ герцогинѣ орлеанской, которая съ дрожавшими устами, съ глазами полными слезъ, стояла вдали отъ принцессъ державшихся за руки, и повторяла прерывающимся голосомъ: «Не отрекайтесь, государь, не отрекайтесь!»

Раздался залпъ, пальба приближалась.

— Скорѣе, государь, воскликнулъ герцогъ Монпансье, толкнувъ руку Людовика-Филиппа весьма непочтительно. «Пусть король спѣшитъ,» повторилъ Кремьё.

— Я никогда не писалъ скорѣе, отвѣтилъ король, который не снимая перчатокъ, писалъ крупными буквами столь нетерпѣливо ожидаемое отреченіе: — дайте мнѣ время.

— Вы будете раскаяваться, господа! воскликнула королева: — вы требуете отреченія лучшаго изъ королей.

— Пусть покрайней-мѣрѣ король попробуетъ отразить возмущеніе, продолжалъ Пискатори. — Во дворѣ Тюльери есть еще триста человѣкъ⁽¹⁾; примите надъ ними начальство, принцъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ герцогу Монпансье. «Что вы посоветуете?» спросилъ герцогъ у Тьера съ видимымъ замѣшательствомъ. «Я не могу давать болѣе совѣтовъ, отвѣтилъ тотъ: — я теперь ничто.»

Одна Марія-Амелія продолжала поддерживать Пискатори. Гордая, благородная, смѣлая, она была какъ Марія-Антуанета въ подобную минуту; предпочитала умереть королевой, чѣмъ жить униженной.

Растроганный этимъ великимъ мужествомъ, ненашедшимъ никакой поддержки, Пискатори всталъ передъ ней на колѣни и сказалъ тихо, цѣлуя ея руку:

— Государыня, я благоговѣю передъ одними вами.

— Вы не знаете короля, продолжала она съ отчаяніемъ: — это самый честный человѣкъ въ государствѣ.

Между тѣмъ Людовикъ-Филиппъ кончилъ писать; отреченіе было составлено слѣдующимъ образомъ:

«Я отрекаюсь въ пользу моего внука графа парижскаго отъ короны, которую народный голосъ призвалъ меня носить.

«Да преуспѣетъ онъ въ великой обязанности, которая падаетъ на него сегодня.

(1) Въ Тюльери находилось: три тысячи пѣхоты, два эскадрона драгунъ, шесть пушекъ заряженныхъ картечью, несчитая вооруженной стражи и муниципальной гвардіи.

«Парижъ, 24 февраля 1848 г.

«Подписано: Людовикъ-Филиппъ».

— Да, походить онъ на своего дѣда! воскликнула королева.

Людовикъ-Филиппъ взглянулъ на нее съ состраданіемъ.

Бумага, еще сырая, схвачена была Кремье, стоявшимъ все время за стуломъ короля; онъ ее передалъ маршалу Жерару, входившему въ кабинетъ, незнавшему чего отъ него требуютъ и невадѣвшему даже мундира.

— Маршалъ, спасите что можно еще спасти! воскликнула королева, сжимая руки его съ отчаяніемъ.

И маршалъ, котораго вывели на лѣстницу и посадили на лошаадь, выѣхалъ черезъ большія ворота тюльерійскаго дворца и направился къ площади Каруселя, навстрѣчу возмущенію.

— Не правда ли, государь, воскликнулъ Кремье: — что герцогиня орлеанская назначена регентшей?

— Этого быть не можетъ, отвѣтилъ король: — на то есть законъ палаты.

Кремье не слышалъ или не хотѣлъ слышать. Онъ сошелъ съ генераломъ Гурго (Gourgau) на дворъ тюльерійскаго дворца; оба распространили слухъ объ отреченіи короля, которое находило много невѣрующихъ и опровергалось уже въ ближайшихъ къ кабинету залахъ.

Въ то же время Тьеръ пошелъ предупредить маршала Бюжо, чтобы тотъ принялъ мѣры къ прикрытію отступленія короля, несомнѣваясь, что тюльерійскій дворецъ будетъ вскорѣ атакованъ; Частая стрѣльба продолжалась со стороны площади Пале-Рояля. Площади Каруселя угрожали съ обѣихъ сторонъ. Пули республиканскаго авангарда свистали уже близъ ушей маршала, который съ яростью въ сердцѣ, приговоренный къ злополучной недѣтельности, раздражался бранью противъ трусовъ, которые съ такимъ войскомъ заставляли его отступать. Была минута, когда онъ намѣревался дѣйствовать, несмотря на дворцовыхъ трусовъ и спасти престолъ, принимая все на свою отвѣтственность. По герцогъ немурскій, угадывая его мысль, старался остановить его именемъ короля и своимъ собственнымъ; маршалъ покорился; онъ приказалъ поставить въ саду полкъ кавалеріи для прикрытія бѣгства короля.

Пока все это происходило во дворцѣ, стычки продолжались на площади Пале-Рояля. Въ десять часовъ утра муниципальная гвардія, занимавшая караулъ въ Шато-До, была смѣнена двумя ротами четырнадцатаго линейнаго полка, подъ командою поручиковъ Переса (Pères) и Одуи (Audouy).

Караулъ этотъ былъ весьма важенъ въ стратегическомъ отно-

шеніи, потомучто онъ прикрывалъ въ одно время Пале-Рояль и улицы Шартръ, св. Томаса луврскаго, Музея, которыя всѣ выходили на площадь Каруселя.

Въ постоянномъ ожиданіи народнаго возстанія, правительство сильно укрѣпило этотъ пунктъ; одни пушечные выстрѣлы могли бы разрушить толстыя стѣны и крѣпкія двери Шато-До.

Возстаніе, невстрѣчая нигдѣ серьезнаго сопротивленія, хлынуло толпой къ Пале-Роялю. Во всѣхъ близлежащихъ улицахъ они выстроили огромныя барикады и совершенно окружили Шато-До. Возбуждаемый республиканцами, которые боялись идти на Тюльери, оставляя за собой столь сильную позицію, народъ, знавшій впрочемъ, что въ караулѣ находятся солдаты четырнадцатаго линейнаго полка, жаждалъ отомстить за катастрофу бульвара Капюсинъ. Говорили также, что тамъ находится муниципальная гвардія и большое число арестованныхъ (!); тысячи разнородныхъ слуховъ вскружили головы, все готовилось къ страшному штурму. Офицеры національной гвардіи старались усмирить народное волненіе и вступали въ переговоры съ войскомъ, требуя очищенія поста, но безуспѣшно. Одинъ изъ поручиковъ, молодой человекъ геройской храбрости, стоялъ у открытой двери и выдерживалъ напоръ атакующихъ, неслушая просьбъ республиканскихъ предводителей Этьеня Араго и Шарля Лагранжа. Три раза вытащенный за дверь, онъ три раза возвращался на свое мѣсто.

— Вы мнѣ предлагаете безчестіе! восклицалъ онъ: — мы скорѣе всѣ погибнемъ, чѣмъ сдадимъ наше оружіе.

А народъ удвоивалъ усилія, чтобы вырвать ружья изъ судорожно-сжатыхъ рукъ солдатъ. Этотъ рукопашный бой продолжался около четверти часа, когда на площади показался офицеръ главнаго штаба и приказалъ солдатамъ очистить караулъ. Всеобщее рукоплесканіе толпы послѣдовало за этимъ приказаніемъ; но народъ хотеть еще больше: онъ требуетъ ружей.

— А наши ружья? говоритъ поручикъ, посматривая съ безпокойствомъ на офицера: — должны ли мы отдать наши ружья?

Не слышалъ ли офицеръ этого вопроса, или не смѣлъ дать храброму солдату такое приказаніе, по только онъ ничего не отвѣтилъ, повернулъ лошадь и скрылся.

Тогда Араго выступилъ снова съ своими предложеніями; но поручикъ былъ непоколебимъ.

(¹) Въ Шато До находилось: 10 человекъ муниципальной гвардіи и 100 человекъ армейской пѣхоты; 48 человекъ, взятыхъ ночью, были отосланы въ пять часовъ утра въ казармы улицы Риволи.

— Мы согласны оставить караулъ, говорилъ онъ : — но съ оружіемъ въ рукахъ.

Во время этого какъ-будто перемирія , солдаты построились плотно у стѣны, готовые дорого продать свою жизнь. Вдругъ раздалась стрѣльба по ту сторону площади. Работники сломали рѣшотку Пале-Рояля , и гарнизонъ бѣжалъ стрѣляя въ народъ. Этотъ неожиданный залпъ бросилъ смятеніе между осаждающими ; они поспѣшно отхлынули. Солдаты караула этимъ воспользовались, выдвинулись на очистившееся крыльцо и дали всеобщій залпъ , очистившій совершенно площадь.

Втеченіи нѣсколькихъ минутъ она представляла слѣдующую картину :

Впередѣ крыльца вода разрушеннаго фонтана течетъ во все стороны , смѣшиваясь съ кровью раненыхъ и образуетъ обширную красноватую лужу ; на ступеняхъ два трупа лежащіе крестъ-накрестъ ; тамъ и сямъ на площади ружья , лоскутки платья , пятна крови ; рѣшотка дворца сломана, дворъ пустой. Надъ баррикадою улицы Валуа нѣсколько грозныхъ головъ ; въ углу площади сжатая группа , которая уже стыдится за свое бѣгство, останавливается, возвращается, прицѣливается въ солдатъ. Раздается нѣсколько выстрѣловъ ; солдаты отвѣчаютъ. Народъ возвращается и наплываетъ вдругъ со всехъ улицъ ; баррикады улицъ Валуа , Роганъ , св. Гонорія покрываются возставшими ; ихъ воодушевляютъ смѣлые предводители : Гранмениль (Grandménil) , Жанти-Сарръ (Jeanty-Sarr) , Фарженъ-Фейоль (Fargin-Fayolle) , Тиссерандо (Tisserandot) и проч.

Тѣмъ временемъ придворные наполняютъ еще залы тѣльериискаго дворца. Герцогъ немурскій ходитъ взадъ и впередъ по лѣстницамъ , коридорамъ , спрашивая и слушая , ничего незная , ни на что не вѣщаясь. Герцогъ Монпансье совершенно растерялся. Людовикъ-Филиппъ кажется живетъ только машинально. Пока послано приказаніе въ конюшни Лувра доставить ко дворцу четыре кареты и войскамъ предписано держаться столько времени , чтобы прикрыть бѣгство короля , королева Марія-Амелія помогала ему снать мушкетръ и ордена и надѣть штатское платье. Невладѣя болѣе собой , она раздражалась упреками противъ тѣхъ , которыхъ подозрѣвала въ измѣнѣ.

— Какъ вы передѣ нами виноваты , какъ вы были намъ неблагодарны ! вы недостойны такого добраго короля ! говорила она , обращаясь къ Тьеру.

Кремьѣ, который настаивалъ, чтобы снѣшили, былъ также предметомъ подозрѣній королевы ; никто ей не отвѣчалъ ; все молчали изъ уваженія къ ея отчаянію.

Стрѣльба все была слышна. Королевскія кареты были остановлены. Рѣшились идти пѣшкомъ до площади Согласія. Въ сумятицѣ этого поспѣшнаго бѣгства все дѣлалось, все говорилось какъ-будто наугадъ.

Герцогиня орлеанская полагала, что она регентша. Такое возвышеніе въ такую минуту, когда она не чувствовала при себѣ ни сердца, ни руки, ни гевія, столь могущественнаго, столь преданнаго, чтобы броситься между ея сыномъ и революціей, было для души ея страшнымъ испытаніемъ. Король не далъ ей никакаго приказанія, никакаго объясненія, никакаго совѣта; онъ сказалъ только: «Елена, оставайтесь.» Людовикъ-Филиппъ не думалъ, что бѣгство его будетъ изгнаніемъ. Онъ не думалъ даже, что герцогиня орлеанская будетъ регентшей. Вслѣдствіе его отреченія герцогъ немурскій вступалъ въ права, дарованныя ему закономъ палатъ. Изъ Севъ-Клу, гдѣ король намѣренъ былъ остановиться, онъ надѣялся руководить совѣщаніями, царствовать на дѣлѣ подъ именемъ ребенка. Такова была его тайная мысль.

Между тѣмъ всѣ настаиваютъ на необходимости спѣшить. Король спрашиваетъ то свои часы, то свой портфель; онъ казалось былъ занятъ одними этими пустыми подробностями и совершенно чуждъ болѣзненнымъ слезамъ, проливавшимся вокругъ него. Герцогъ Монпансье поцѣловалъ свою молодую беременную жену и поручилъ ее попеченіямъ доктора Пакье и Ластери. Принцеса Клементина, герцогиня Немурская, держа за руки своихъ дѣтей, приготовились слѣдовать за королемъ. Руки сжимались; взглядами передавались мысли, которыхъ не смѣли сообщить громко.

Наконецъ Людовикъ-Филиппъ, облокотясь на руку королевы, имѣя за собой герцога Монпансье, Кремьё, Ари Шеффера, Ластера, Гурго, Монталиве, Ребеля и Лавалетта, вышелъ изъ дворца черезъ темный и узкій коридоръ, ведущій къ сѣнямъ часовъ (de l'Horloge) и направился черезъ садъ къ площади. Пѣшая и конная національная гвардія и отрядъ муниципальной гвардіи занимали аллеи; эскадронъ драгуновъ раздѣлился на два отряда. Грустное шествіе подвигалось въ молчаніи; ему отдавали послѣднія почести. Кое-гдѣ слышны были крики: *да здравствуетъ король!*

Когда подошли къ рѣшоткѣ подъемнаго моста, гдѣ должны были находиться кареты, ихъ не оказалось. Король, до сего времени невозмутимый, началъ обнаруживать признаки безпокойства. И дѣйствительно видъ площади не имѣлъ въ себѣ ничего успокоивающаго. Войска генерала Бедо были собраны вокругъ обелиска, но ихъ окружала страшная масса народу. Солдаты, провожавшихъ короля, отталкивали то въ одну, то въ другую сторону; они не

смѣли слишкомъ сопротивляться, опасаясь обнаружить присутствие короля. Кое-гдѣ слышались зловѣщія крики: *Смерть Гизо! Смерть Людовику-Филипу!*

— Кареты! да гдѣже кареты? повторялъ король.

Когда шествіе направилось къ обелиску, гдѣ вслѣдствіе недоразумѣнія ждали кареты, кто-то въ толпѣ толкнулъ королеву и отбѣлилъ ее отъ мужа. Она крикнула и пошатнулась; одинъ молодой человѣкъ хотѣлъ ее поддержать.

— Оставьте меня, сказала королева.

Хотя полуживая, она нашла еще силы обидѣться помощью, которой не просила. Король схватилъ ее за руку и почти поднявъ въ одну изъ каретъ, въ которую и самъ сѣлъ послѣшно. Дѣти герцогини Немурской были посажены въ другую карету; они скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ смотрѣли на картину, представлявшуюся ихъ глазамъ въ первый разъ въ жизни. Мать сѣла возлѣ нихъ. Тогда дали знакъ къ отъѣзду. Бросили еще послѣшно въ карету портфель, упавшій на землю, и мѣшокъ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте же! воскликнулъ Кремьѣ.

Кучера ударили по лошадямъ и обѣ кареты понеслись быстро по набережной Пасси, окруженный отрядомъ конной національной гвардіи и эскадрономъ драгунъ, подъ командою генерала Реньо де-Сень-Жанъ д'Анжели. Герцогъ Монпансье присоединился къ конвою.

Спротивленіе караула въ Шато-До способствовало постыдному бѣгству Людовика-Филипа.

Мы видѣли, что революціонеры разломали рѣшотку Пале-Рояля со стороны галереи Валуа. Въ одно мгновеніе залы наполнились народомъ, въ окнахъ толпились сражающіеся; дворець и караулъ обмѣнивались выстрѣлами, пули падали на площадь какъ градъ. Несмотря на то стѣны Шато-До оставались непроницаемыми. Отъ времени до времени солдаты дѣлали вылазки, но падали мертвые. Ожидали, что скорѣе не хватитъ боевыхъ снарядовъ, что умершихъ внутри зданія болѣе, чѣмъ живыхъ; храбрость однако не ослабѣвала; мысль о капитуляціи не приходила и въ голову этимъ храбрецамъ. А народъ бросался на ступени крыльца, противъ дверей, которыя потрясалъ ударами желѣзныхъ полосъ, старался взлѣзть на окна.

Вдругъ адская мысль пришла въ голову этой толпѣ.

Народъ разбилъ королевскія конюшни на площади Каруселя. Мальчишки подложили огонь подъ экипажи. «Огня! огня въ Шато-До!» воскликнули всѣ.

Охотники впрягаются тотчасъ въ пламенѣющіе экипажи, тащить ихъ подъ окна караула. Приносятъ пучки соломы, щепки;

притаскиваютъ бочку спирту. Вѣтеръ раздуваетъ пожаръ, пламя подымается, расширяется, вьется, окружаетъ какъ поясомъ старинное зданіе; наконецъ проникаетъ, врывается вовнутрь. Несчастливымъ мученикамъ остается только выборъ смерти; несмотря на то, сквозь красноватый дымъ, наполняющій площадь, слышатся еще выстрѣлы, но одинокіе, все рѣже и рѣже. Солдаты падаютъ удушонные дымомъ, придавленные бревнами, пробитые насквозь штыками, которые отбрасываютъ ихъ въ пожаръ.

Наконецъ выстрѣлы прекращаются; слышенъ только трескъ балокъ, свистъ пламени раздуваемого вѣтромъ.

Вдругъ огромный столбъ пламени показался наверху зданія, которое разомъ обрушилось. Толпа завывала отъ радости. Но тотчасъ же проявилось и чувство состраданія. Народъ, обезумѣвшій на время отъ ярости, бросается спасать своихъ враговъ. Онъ льетъ воду, стараясь потушить пожаръ, который самъ же зажогъ. Что за картина! и какъ ее описать! Когда народъ проникнулъ въ зданіе черезъ дымящіеся обломки, спотыкаясь о почернѣвшіе трупы, объ окровавленные платья, о перегорѣвшія человѣческія кости, онъ смотрѣлъ съ отвращеніемъ на свою побѣду. Онъ бросился спасать умирающихъ, переносилъ ихъ на своихъ рукахъ въ галерею Пале-Рояля. Тамъ солдаты монархіи, солдаты республики, побѣжденные и побѣдители лежатъ на кроватяхъ, тюфякахъ, диванахъ, разставленныхъ наскоро вдоль стѣнъ. Доктора, женщины перевязываютъ раны, останавливаютъ кровь, утоляютъ жажду засохшихъ устъ, услаждаютъ предсмертныя страданія.

Въ тоже время, подъ той же крышей, люди, которые ничего не уважаютъ, вандалы, уничтожали богатства дворца: картины, статуи, книги, дорогія вазы, произведенія искусства, сокровища науки, ничто не щадилось, ничто не избѣгало опустошенія. Слѣпая ненависть возстала противъ этихъ безжизненныхъ остатковъ, какъ будто противъ живыхъ враговъ. Вскорѣ опьяненіе отъ вина притупилось къ упоенію побѣдою; народъ проникъ въ погреба. Национальная гвардія дѣлала всевозможныя, но безуспѣшныя усилія, чтобы оставовить эту позорную оргію...

Между тѣмъ герцогиня орлеанская, оставленная въ Тюльери, направилась поспѣшно въ свои покои. Въ замѣшательствѣ послѣдняго прощанія она обмѣнялась нѣсколькими словами съ депутатами, окружавшими короля и думая, что они за ней слѣдуютъ, считывала на ихъ совѣтъ и содѣйствіе.

Можно себѣ вообразить ея ужасъ, когда пробѣжавъ залы и коридоры, куда доходили уже крики народной толпы, бушевавшей на площади Каруселя и перелѣзавшей черезъ рѣшотки дворца, она

оглянулась и увидѣла себя совершенно одной, одной съ нѣсколькими лицами ея снѣты. Бѣдныя щеки герцогини поблѣднѣли еще болѣе... (1)

Въ эту минуту во дворѣ дворца раздался пушечный выстрѣлъ. Герцогиня вообразила себѣ, что завязалась отчаянная борьба. Она знала, что войско не въ состояніи держаться и думала что ее убьютъ.

Тогда, движимая вдохновеніемъ сердца, столь частымъ въ исторіи женщинъ, она схватила дѣтей своихъ за руки и ожидая только помощи свыше, бросилась къ портрету отца ихъ, восклицая: «Мнѣ остается только умереть здѣсь!»

Вдругъ дверь въ кабинетъ отворилась; лучъ надежды блеснулъ въ глазахъ герцогини, она бросилась на встрѣчу входящаго. Это былъ Дюпенъ, который въ сопровожденіи адмирала Бодена, Грамона и нѣсколькихъ депутатовъ пришолъ пригласить *регентшу* въ палату. Герцогъ Немурскій далъ приказаніе очистить дворецъ и приготовилъя сопутствовать ей королевскому высочеству. Онъ хотѣлъ въ присутствіи страны сложить съ себя власть, полученную отъ закона. Одилонъ-Барро и Тьеръ были предупреждены и ожидали герцогиню орлеанскую у подъемнаго моста. Вотъ извѣстія, которыя привнесъ Дюпенъ. «Я слѣдую за вами, — воскликнула герцогиня, неразслышавъ и половины его словъ: — располагайте мною! моя жизнь принадлежитъ моему сыну.»

Схвативъ Дюпена за руку, она вышла на дворъ, гдѣ герцогъ Немурскій ожидалъ ее верхомъ. Регентшу окружили, чтобы предохранить отъ выстрѣловъ и двинулись въ путь черезъ садъ. Герцогиня держала за руку графа парижскаго. Маленькаго герцога Шартрскаго, больного, дрожавшаго въ лихорадкѣ, несъ дежурный офицеръ. Солдаты дѣлали на-караулъ, били походъ.

Когда подошли къ мосту, раздалось нѣсколько симпатическихъ голосовъ. Одилонъ-Барро не было на мѣстѣ свиданья. Герцогъ Немурскій отсталъ для прикрытія шествія. Была минута колебанія.

«Въ палату!» воскликнулъ какой-то голосъ. «Въ палату!» повторили всѣ окружавшіе герцогиню орлеанскую; и бѣдная принцеса снова двинулась въ путь. Колѣни подъ ней подгибались, но сила воли оставалась непреклонною. Она шла не для удовлетворенія давно сдержаннаго честолюбія, какъ говорили многіе, а просто для исполненія обязанности матери.

Еслибы въ герцогинѣ орлеанской было честолюбіе, которое ей

(1) Тьеръ, Дювержье де-Горанъ, Ремюза, Баррошъ, находя, что дѣло совершенно проиграно, оставили Тюльери тотчасъ послѣ бѣгства короля, нимало не заботясь о томъ, что сдѣлалось съ герцогиней.

приписывали нѣкоторые члены королевской фамиліи, попытка ея быть-можетъ была бы успѣшна. Умная, образованная, нѣжная тѣломъ и душой, она поддержала бы съ достоинствомъ высокое свое положеніе, но въ ней не было сильной энергіи, которая завладѣваетъ властью. Это была достойная принцесса, но не гениальная женщина и не героиня; чтобы остановить въ эту страшную минуту волны революціи, нужно было быть и гениемъ и героемъ.

VI

Начиная съ полудня толпа депутатовъ, журналистовъ, лицъ чуждыхъ совершенно палатѣ, сбѣжалась со всѣхъ сторонъ, озабоченная, испуганная; въ общемъ паническомъ страхѣ никто не старался скрывать своихъ личныхъ опасеній.

Открытіе засѣданія назначено было въ три часа. *Coze* (*Sauzet*), президентъ, еще не являлся. Ожидая его въ залѣ *Pas-Perdus*, въ залѣ совѣщаній, въ коридорахъ, въ отдѣленіяхъ, въ трибунѣ журналистовъ, ходили, выходили, сообщали другъ другу извѣстія и въ особенности предположенія; никто не зналъ съ достоверностью положенія дѣлъ; самые противоположные слухи находили въру. Спрашивали, король ли еще Людовикъ-Филиппъ, оставалъ ли онъ Тюльери, на чью сторону перешла національная гвардія, сражалось ли еще войско, кто имъ командовалъ; чувствовали, что все было дѣломъ случая.

Около часу явился *Coze* и сѣлъ въ свои кресла. Галерея зрителей пуста; на скамьѣ министровъ нѣтъ никого. Въ трибунѣ журналистовъ *Жерве де Канъ* (*Jervais de Caen*), *Дюпра* (*Duprat*) и нѣсколько другихъ редакторовъ *Реформы* говорятъ громко о республикѣ; *Марра* старается заставить ихъ молчать.

Лафиттъ предлагаетъ, чтобы палата объявила себя въ постоянномъ собраніи. Предложеніе это принято; но депутаты, все болѣе и болѣе встревоженные извѣстіями извнѣ, не принимаютъ никакого рѣшенія. Засѣданіе прервано.

Наконецъ въ половинѣ второго вводятъ офицера въ мундирѣ, который говоритъ тихо съ *Coze*. Тотъ объявляетъ тотчасъ палатѣ, съ видимымъ замѣшательствомъ, что герцогиня орлеанская будетъ присутствовать при засѣданіи. Внизу трибуны ставятъ три кресла. Нѣсколько минутъ спустя входитъ герцогиня орлеанская, держа за руку графа парижскаго; герцогъ Шатртрскій идетъ впереди ея; за ней слѣдуетъ герцогъ Немурскій; нѣсколько адъютантовъ, офицеры арміи и національной гвардіи составляютъ ея свиту. При видѣ этой

женщины, этой матери, какое-то чувство умилениа овладѣваетъ сердцами. «Да нравствуесть герцогиня орлеанская! да здравствуесть графъ парижскій! да здравствуесть регентша! да здравствуесть король!» раздаесть во всѣхъ трибунахъ и почти на всѣхъ скамьяхъ. Герцогиня кланяесть; полуопущенный вуаль не можетъ скрыть ея блѣдныхъ щекъ и красивыхъ отъ слезъ глазъ. Она водить безпокойнымъ взглядомъ по собранію, какъ-будто ища защитниковъ. Увы! при входѣ она слышала столько противоположныхъ словъ! При проходѣ черезъ залу Pas-Perdus, вокругъ нея толпились республиканцы, прибѣжавшіе, чтобы помѣшать ея усиліямъ, а когда герцогиня входила въ собраніе, за ней ворвалось нѣсколько рѣшительныхъ людей, чтобы протестовать именемъ народа вступленію на престолъ ея сына.

Эммануэль Араго, Сарранъ (Sarrans), Ше (Chais) и Дюмериль (Duméril) прибыли изъ конторы *Насціоналя*, гдѣ съ девяти часовъ утра собрался комитетъ, состоявшій изъ избранныхъ всѣхъ кварталовъ Парижа и республиканцевъ всѣхъ оттѣнковъ. Старались условиться съ комитетомъ *Реформы*. Всѣ понимали, что должно соединиться, чтобы на всякій случай приготовить временное правительство; но слияніе было весьма трудно вслѣдствіе соперничества лицъ и ядовитой полемики обоихъ журналовъ втеченіи послѣднихъ лѣтъ. Однако какъ время не ждало и многіе опасались, чтобы палата депутатовъ, защищаемая войскомъ, не рѣшилась на шагъ, равно вредный для *Насціоналя* какъ и для *Реформы*, то Мартенъ (изъ Стразбурга), холившій отъ одного комитета къ другому, сумѣлъ заставить оба лагеря подписать слѣдующій списокъ: Франдискъ Араго, Дюпонъ де Лёръ, (Dupont de l' Eure), Ледрю-Ролленъ, Флоконъ, Луи-Бланъ, Мари, Гарнье-Пажесъ, Ламартинъ. Порѣшено также было отправить въ палату депутатовъ делегацію, чтобы поддержать революціонное движеніе, и Араго, Ше, Дюмериль и Сарранъ двинулись немедленно въ путь къ Пале-Бурбону, совершено одни.

Когда Араго вошелъ въ залу Pas-Perdus, безпорядокъ и шумъ въ ней былъ страшный. Воодушевленные группы разбирали съ оживленіемъ разныя предположенія, которыя всѣ однако больше или меньше склонялись въ пользу регентства. Араго при помощи огромнаго своего роста и громкаго голоса сумѣлъ пробраться сквозь эту толпу, опровергалъ тутъ и тамъ непослѣдовательныя рѣчи сторонниковъ династіи и бросилъ имъ смѣло слово: республика. Вдругъ послышался барабанъ и въ залѣ появилась женщина, одѣтая въ черномъ, которая прошла поспѣшно впередъ. Это герцогиня орлеанская и герцогъ Немурскій. Она должна войти съ гра-

фомъ парижскимъ въ залу застѣланій. Нельзя терять ни минуты. Араго и друзья его бросаются вслѣдъ за ней; они входятъ въ полукружіе черезъ противоположную дверь въ одно время съ герцогиней. Араго уже на ступеняхъ трибуны; многіе депутаты его удерживаютъ. Созе хочетъ заставить его молчать. Завязывается женой разговоръ. Между тѣмъ Дюенъ, по приглашенію Лакросса, вочти противъ воли входитъ на трибуну; онъ понимаетъ, что вѣнчаельство постоянного гостя Тюльери можетъ испортить дѣло.

«Господа, — говоритъ онъ — вамъ извѣстно положеніе столицы, вамъ извѣстны сдѣланныя манифестаціи. Послѣдствіемъ ихъ было отреченіе его величества короля Людовика-Филиппа отъ престола, который объявилъ въ то же время, что онъ передаетъ власть свою графу парижскому съ назначеніемъ герцогини орлеанской регентшей.»

Многочисленные возгласы прерываютъ это торжественное объявленіе, подтверждающееся присутствіемъ герцога Немурскаго. Мы видѣли однако, что Людовикъ-Филиппъ, вѣрный закону до послѣдней минуты, не постановилъ ничего въ отношеніи регентства. Подставленіе имени герцогини орлеанской намѣсто герцога Немурскаго было незаконнымъ актомъ, который въ виду необходимости дозволили себѣ друзья династіи Дюенъ, Жирарденъ, Кремьё, Одилонъ-Барро. Герцогъ Немурскій, должно сказать въ его похвалу, не только не противился подобному нарушенію его правъ, но хотѣлъ присутствіемъ своимъ освятить рѣшеніе палаты и раздѣлать съ женой своего брата всѣ ожидавшіе ее опасности.

Возгласы, привѣтствовавшіе имя герцогини орлеанской, ободрили Дюена; онъ проситъ, чтобы они были внесены въ протоколъ. «Господа, — продолжаетъ ораторъ — ваши возгласы, столь дорогие для новаго короля и регентши, не первые, которыми они были привѣтствованы; они прошли иѣшкомъ отъ Тюльери, черезъ площадь Согласія, въ сопровожденіи народа, національной гвардіи, изъдрала памѣреніе, истекающее изъ глубины ихъ сердца, управлять страню согласно съ желаніемъ народа, славой и благоденствіемъ Франціи. Пока актъ отреченія будетъ намъ доставленъ Одилонемъ-Барро, я прошу палату приказатъ внести въ протоколъ восклицанія, привѣтствовавшія въ здѣшнемъ собраніи графа парижскаго какъ будущаго короля Франціи и герцогиню орлеанскую какъ регентшу.»

«Господа, — говоритъ президентъ — мнѣ кажется, что палата своими единодушными восклицаніями...»

При этихъ словахъ, на скамьяхъ лѣвой и правой сторонѣ и въ особенности въ толпѣ, стоявшей у подножья трибуны, раздастся громкій ропотъ. Герцогиню орлеанскую и дѣтей ея толкаютъ, окру-

жасть толпа, которая ихъ не видитъ или не хочетъ видѣть. Ламартинь съ своего мѣста проситъ прервать засѣданіе, изъ уваженія къ народному представительству и присутствію герцогини. Президентъ объявляетъ палатѣ, что засѣданіе прервано впредь до выхода герцогини орлеанской и молодого короля.

Герцогъ Немурскій и нѣсколько человѣкъ депутатовъ уговариваютъ принцессу выйти; но она отказывается. Материнскій инстинктъ ее предупреждаетъ. Сердце ея болѣе непреклонно, чѣмъ сердца всѣхъ окружающихъ. Она стоитъ, держа за руки дѣтей, противясь нестерпимому напору толпы. Она понимаетъ, что ежели оставить палату, дѣло ея сына проиграно. Генераль Удино говорить, чтобы поддержать права герцогини орлеанской: «Ежели принцеса желаетъ уйти, выходы будутъ свободны. Ежели она желаетъ остаться, пусть остается; она будетъ подъ покровительствомъ нашей преданности.»

Входить на трибуну Мари, но не можетъ добиться, чтобы его слушали. «Барро! гдѣ Барро?» восклицаютъ со всѣхъ сторонъ. Его ищутъ, ожидаютъ съ нетерпѣніемъ. Думаютъ, что онъ одинъ можетъ дать окончательное направленіе всему волненію. Наконецъ министръ регентства появляется въ залѣ. Взгляды всѣхъ обращаются на него; его окружаютъ; кричатъ ему, чтобы онъ вошелъ на трибуну. Наступаетъ торжественная минута.

Между тѣмъ Мари все еще находится на трибунѣ. Именемъ закона, который влагалъ регенство въ руки герцога Немурскаго, онъ возстаетъ противъ всякаго поспѣшнаго рѣшенія и требуетъ назначенія временнаго правительства. «Когда правительство это составится, — говорить Мари — оно придумаетъ что дѣлать; оно приметъ рѣшеніе при соучастіи палаты и будетъ имѣть силу въ странѣ. Все это слѣдуетъ сдѣлать тотчасъ и тотчасъ же объявить столпцѣ; это единственное средство возстановитъ спокойствіе. Не должно терять времени въ пустыхъ разговорахъ. Я требую составленія немедленно временнаго правительства.»

Внизу, въ полукружій давка дѣлалась столь страшною, жара такою удушливою, что герцогиня орлеанская, уступая просьбамъ окружающихъ ее, встаетъ съ своего мѣста, подымается вверхъ по средней лѣстницѣ и садится съ сыновьями на верхнихъ ступеняхъ. Герцогъ Немурскій находится при ней и занисываетъ что-то карандашомъ. Дюпенъ, Жирарденъ, нѣсколько офицеровъ двора графа парижскаго, нѣсколько человѣкъ національной гвардіи, составляя вокругъ герцогини полукружіе, скрываютъ ее отъ взоровъ.

Наконецъ Барро рѣшается вступить на трибуну. «Барро! Барро! дайте говорить Одилону-Барро!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ

страшнаго шума наступаетъ глубокая тишина. Барро, взволнованный, но подавляя въ себѣ волненіе, начинаеть говорить. Онъ описываетъ вкратцѣ настоящее положеніе, что публика выслушиваетъ довольно благосклонно. «Іюльская корона лежитъ на главѣ ребенка и женщины», говоритъ онъ торжественнымъ голосомъ.

Центръ хлопаетъ. Герцогиня орлеанская встаетъ и кланяется собранію. Она держитъ въ рукахъ бумагу, которую ей подаль Кремьё; старается знаками показать президенту, что она желаетъ говорить. «Войдите на трибуну, ваше высочество», говоритъ Жирарденъ. Герцогъ немурскій ее останавливаетъ. Оробѣвшая, колеблющаяся, герцогиня собираетъ всѣ свои силы и хочетъ попробовать говорить. «Господа, мы пришли сюда...» Слова эти едва слышать близъ стоящіе. Шумъ, продолжающійся вокругъ трибуны, и лица, стоящіа передъ герцогиней, не позволяютъ Одилову-Барро и Созе ни видѣть, ни слышать ничего. Герцогиня орлеанская приходитъ въ увнѣніе и садится. Подобная борьба свыше ея физическихъ силъ, слишкомъ неожиданна для ея вѣжнаго духа, который не имѣлъ ни возможности привыкнуть къ власти, ни времени приготовиться къ политической роли.

Одиловъ-Барро, все еще воображая, что онъ владѣеть событіями, остается на трибунѣ. Онъ говоритъ о политической свободѣ, о соединеніи, о порядкѣ, о затруднительныхъ обстоятельствахъ. Когда Ларошжакленъ (Rochejasquelein) прервалъ его, онъ повелъ злобно глазами по скамьямъ лѣвой и правой стороны. «Не захочетъ ли кто-нибудь — сказалъ онъ съ гордостью — возобновить вопросъ о томъ, что уже разрѣшено іюльской революціей?..» И онъ продолжаетъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ, говоритъ именемъ интересовъ страны, именемъ истинной свободы и объявляетъ себя въ пользу регентства.

Ларошжакленъ, который во все время рѣчи Одилона-Барро не переставалъ давать знаковъ нетерпѣнія, бросается на трибуну. «Никто болѣе меня — восклицаетъ онъ — не уважаетъ болѣе того, что можетъ быть прекраснаго въ нѣкоторыхъ положеніяхъ. Я отвѣчу Одилову-Барро, что я не имѣю намѣренія выступить здѣсь съ противоположными претензіями: нѣтъ; но я думаю, что г. Барро не служилъ такъ, какъ хотѣлъ бы служить интересамъ, которые теперь защищаетъ на этой трибунѣ. Господа, право говорить о странѣ, о народѣ, принадлежитъ теперь скорѣе тѣмъ, которые въ прошедшемъ постоянно служили королямъ. *Сегодня вы здѣсь ничто...*»

Въ то же мгновеніе, какъ-будто въ подтвержденіе этихъ словъ, страшный шумъ раздается въ коридорахъ; въ дверь налѣво отъ

трибуны начинаютъ стучать прикладами ружей; она растворяется съ трескомъ и въ залу вбѣгаетъ толпа вооруженныхъ людей, при крикахъ: «*Да здравствуетъ свобода! долой умпыренные! долой регенство!*» Во главѣ этой шайки находится капитанъ четвертаго батальона національной гвардіи Дюноие (Dunoier). Онъ бросается на трибуну и ударяя съ силой древкомъ знамени о мраморъ пола, восклицаетъ громовымъ голосомъ, подымая кверху обнаженную саблю: «Здѣсь нѣтъ другой власти, кромѣ власти національной гвардіи, которой представителемъ здѣсь — я, и власти народа, котораго 40,000 вооруженныхъ представителей окружаютъ это собраніе.»

При этомъ видѣ, при этой неслыханной рѣчи, депутаты пришедшіе въ ужасъ, отхлынули къ верхнимъ ступенямъ. Президентъ, блѣдный и встревоженный, держитъ въ дрожащей рукѣ колокольчикъ. У самой трибуны, неподвижный, съ руками сложенными на груди, съ спокойнымъ лицомъ, стоитъ Одилонъ-Барро, какъ-будто ожидая, что безуміе этой толпы испарится само собою.

«Г. президентъ, накройте! Это ужасно! это недостойно! восклицаетъ Морне (Morne): — нѣтъ болѣе свободы, мы въ рукахъ шайки разбойниковъ.» Выразительный жестъ одного работника заставляетъ его молчать. Президентъ накрывается.

Безпорядокъ увеличивался; это была борьба криковъ, жестовъ, угрозъ; на трибунѣ спорили при помощи кулаковъ. Наконецъ челоуѣкъ, чуждый палатѣ, Шевалье, бывший редакторъ исторической библіотеки, добившись минуты молчанія, произноситъ громкимъ голосомъ слѣдующія слова: «Единственная вещь, господа, которую вы должны сдѣлать, это дать намъ тотчасъ какое-нибудь правительство. Должно провозгласить графа парижскаго.» — «Онъ здѣсь!» сказалъ чей-то голосъ. Взоры всѣхъ обращаются вверхъ и ищутъ герцогиня орлеанской. «*Долой Бурбоны! да здравствуетъ республика!*» восклицаютъ ворвавшіеся. Трибуна илѣстницы, ведущія къ ней, наполнены нѣсколькими ораторами, говорящими вдругъ. Между ними видны Дюмуленъ, Кремьё, Ледрю-Ролленъ, Ламартинъ. Капитанъ Дюноие машетъ надъ ихъ головами своимъ знаменемъ.

Ламартинъ, непокидавшій трибуны, старается выдвинуться впередъ и машетъ, давая знать, что онъ хочетъ что-то сказать.

Лица, окружающія герцогиню орлеанскую, отодвигаются, чтобы она могла видѣть и слышать оратора. Въ сердцахъ друзей ея блеснулъ лучъ надежды. Должно было предполагать, что Ламартинъ объявитъ себя въ пользу регенства. Во время преній 1842 г. онъ поддерживалъ столь краснорѣчиво права герцогини орлеанской. Въ настоящемъ году онъ ниразу не участвовалъ въ банкетахъ ради-

каловъ. Народныя насилія должны были быть противны его аристократической натурѣ. Его честолюбіе, согласное съ идеями, которыя онъ защищалъ во время всей своей политической карьеры, не было ли заинтересовано въ отраженіи правительства, роливагося отъ возмущенія, республики якобинцевъ? Правда, въ «Исторіи жирондистовъ» Ламартинъ прославлялъ Робеспьера, но сколько слезъ въ томъ же сочиненіи для Маріи-Антуанеты! сколько сердца для благородныхъ жертвъ революціи! Поэтъ, человѣкъ чувства и воображенія, не долженъ ли онъ оцѣнить патетической картины, представляющей царственный и молящій образъ матери въ борьбѣ съ возмущеніемъ народа, вѣдомаго второстепенными предводителями?

Улучивъ минуту, Ламартинъ началъ: «Господа, отъ глубины души моея я раздѣляю то двойственное чувство, которое волновало наше собраніе при видѣ самой трогательной картины, какую представляли когда-либо человѣческія лѣтописи, при видѣ знаменитой принцессы, защищающей съ невиннымъ ея сыномъ и бѣгущей изъ опустѣлаго дворца къ представителямъ народа.»

Слова эти подняли бурю. «Васъ не слышали; повторите, повторите!» кричитъ толпа. Ближайшія народныя группы волнуются, полагая, что Ламартинъ заключить въ пользу регентства. Старикъ съ длинной бѣлой бородой, съ обнаженной саблей въ рукѣ, стоитъ у подножья трибуны и вливается въ него своимъ грознымъ и неподвижнымъ взглядомъ. На улицѣ слышенъ глухой шумъ.

— «Я хочу, продолжаетъ ораторъ, замѣтивъ впечатлѣніе которое произвели его двусмысленныя слова, — я хочу повторить мою фразу.» Потомъ онъ продолжаетъ слѣдующее, часто прерываемый рукоплесканіями: «Я хочу повторить мою фразу и прошу васъ выслушать ту, которая за ней послѣдуетъ. Я сказалъ, господа, что я раздѣляю отъ глубины души то двойственное чувство, которое только-что волновало наше собраніе. Я не дѣлаю никакого различія, потому что обстоятельства того не позволяютъ, между народнымъ представительствомъ и представительствомъ гражданъ всего народа; и кромѣ того теперь время равенства, а равенство это послужить, я не сомнѣваюсь, къ признаю полномочія, которое избранные люди получили отъ страны, не для униженія ся, а для возстановленія согласія и общественнаго спокойствія.

«Но, господа, если я раздѣляю душевное ваше смущеніе при видѣ великаго несчастія, если я раздѣляю чувство уваженія, которое одушевляетъ васъ всѣхъ, къ какой бы партіи вы ни принадлежали, то я не менѣе того раздѣляю живо уваженіе къ народу, дравшемуся втеченіи трехъ дней для ниспроверженія недостойнаго правитель-

ства и для восстановления на неизблемомъ основаніи владычества порядка и свободы.

«Но, господа, я не обманываю себя такъ, какъ это только-что сдѣлали на этой трибунѣ: я не допускаю, чтобы изъ мгновеннаго рѣшенія могъ выйти законъ твердый и ненарушимый, правительство для тридцати пяти миліоновъ людей. Я знаю, что каково бы ни было правительство, которое здравый смыслъ страны избереетъ себѣ въ настоящихъ обстоятельствахъ, для народа, для всѣхъ классовъ населенія, для каждого, кто пролилъ въ эти дни хотя каплю крови, необходимо чтобы правительство это было твердое, неизблемое, народное.

«Итакъ, господа, чтоже дѣлать? какъ отыскать среди столькихъ волнующихся элементовъ, среди бури, которая насъ уноситъ и гдѣ одна волна слѣдуетъ за другой, — какъ отыскать это неизблемое основаніе? Его надо отыскать исходя въ нѣдра самой страны. Поэтому-то, прибѣгая къ уверткамъ, печальностямъ, душевнымъ смущеніямъ; въ которыхъ страна, какъ вы видите, раскаивается рано или поздно, когда исчезаютъ всѣ вымыслы, неоставляя послѣ себя ничего твердаго, ничего дѣйствительно народнаго, ничего неизблемаго, поэтому-то я поддерживаю всѣми моими силами требованіе, которое я выразилъ бы давно на этой трибунѣ, еслибъ мнѣ позволили говорить, требованіе правительства — оно необходимо — правительства порядка, соответственнаго нашимъ обстоятельствамъ, правительства, которое бы остановило текущую кровь, которое бы прекратило междоусобную войну, которое бы уничтожило страшное недоразумѣніе, существующее нѣсколько лѣтъ уже между разными классами населенія в которое, препятствуя намъ быть единымъ народомъ, препятствуетъ намъ также любить другъ друга.

«Я требую слѣдовательно на основаніи необходимости общественнаго спокойствія, на основаніи крови, которая еще течетъ, я требую, чтобы было составлено немедленно временное правительство.»

— Это другое дѣло! воскликнулъ старикъ, котораго строгое лицо вдругъ прояснилось, и говоря это, онъ вложилъ саблю въ ножны.

— Еще слово, господа, продолжаетъ Ламартинъ. — Правительство, которыя втеченіи пятидесяти лѣтъ слѣдовали одно за другимъ...

Онъ не кончаетъ. Въ коридорахъ раздаются выстрѣлы. Шумъ на улицѣ все увеличивается. Теперь онъ гремитъ какъ разъяренное море. Двери одной изъ публичныхъ галерей въ верхнемъ этажѣ выламываются съ трескомъ. Вбѣгаетъ толпа, вооруженная пиками и ножами, пьяная, полумумная, при крикахъ: *долой палата! долой парламентъ!* Одна изъ нихъ кричитъ: *смерть Гизо!* и невѣрной ру-

кой: прицѣлывается въ Ламартина. Капитанъ Дюонъ заслоняетъ его своею грудью. «Въ васъ цѣлятся», говоритъ онъ. — «Огъ цѣлитъ неумѣрно, отвѣчаетъ Ламартинъ хладнокровно: — да если я убьюте меня, то я умру на своемъ мѣстѣ.»

Страшный испугъ овладѣлъ всѣми депутатами. Они бросаются къ дверямъ. Толпа эта уноситъ съ собою герцогиню орлеанскую и дѣтей ея. Работники, студенты, національная гвардія занимаютъ мѣста депутатовъ. Своды залы дрожатъ. «Президентъ подкупленныхъ долей!» восклицаетъ одинъ изъ толпы, срывая шляпу съ Сюзэ, который тотчасъ исчезаетъ. Человѣкъ двадцать депутатовъ лѣвой стороны остаются на своихъ мѣстахъ.

— Именемъ народа, молчите! восклицаетъ капитанъ Дюонъ: — дайте говорить Ламартину!

«Долой Бурбоны, долой подкупленные! Да здравствуетъ республика!» Крики эти покрываютъ совершенно звучный голосъ Ламартина. Послѣ неописанныхъ усилій онъ добивается наконецъ минуты молчанія. «Господа! предложеніе, которое я слѣбвалъ, которое я поддерживалъ на этой трибунѣ, которое вы освятили вашими восклицаніями, приведено въ исполненіе. Вамъ будетъ объявленъ составъ временнаго правительства.»

Пользуясь вѣдварившимся молчаніемъ, Дюонъ произноситъ слѣдующія имена, которыя громко повторяютъ стенографы: Араго, Ламартинъ, Дюонъ де Лёръ, Ледрю-Ролленъ, Мари, Кремьё. «Республика! республика! Пусть знаютъ, что мы хотимъ республики! Пойдемъ въ ратушу! Нужно проводить членовъ временнаго правительства въ ратушу!» Эти восклицанія прерываютъ чтеніе.

— Мы хотимъ правительства благоразумнаго, умѣреннаго, безъ пролитія крови, но непременно республики, говоритъ чей-то голосъ въ толпѣ.

— Въ ратушу, Ламартинъ во главѣ насъ всѣхъ! восклицаетъ Бокажъ (Bocage).

— Господа, говоритъ Ледрю-Ролленъ: — на временномъ правительствѣ лежитъ много великихъ обязанностей. Оно находится въ необходимости прервать настоящее засѣданіе, чтобы принять всѣ нужныя мѣры къ прекращенію пролитія крови, чтобы права народа были освящены.

«Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ! Не позволимъ обмануть себя какъ въ 1830 году! Въ ратушу!» восклицаютъ всѣ. И Ледрю-Ролленъ выходитъ изъ залы, окруженный шумной толпой. Дюонъ де Лёръ, Кремьё, Мари вышли прежде него.

Толпа, перазорая залы, расходится понемногу; вскорѣ палата

депутатовъ стала совершенно пуста. Было четыре часа. Съ тѣхъ вѣръ ратуша сдѣлалась единственныи центромъ, гдѣ стекались, чтобы сражаться съ ожесточеніемъ, чтобы возставать другъ противъ друга, всѣ принципы, всѣ интересы, всѣ страсти воскресшей революціи.

Этимъ мы кончаемъ краткій очеркъ нашъ паденія іюльской монархіи.

* * *

Подъ строй тучей городъ мой —
Шумливый, безпokoйный —
Въ послѣдній разъ передо мной
Стоитъ громадой стройной.

Какъ ненавидѣлъ я его,
Съ его тревогой праздною,
Какъ я рвался туда, въ поля,
Отъ этой жизни грязной —

Туда, гдѣ рѣки ужъ пошли,
Гдѣ, ярко зеленѣя,
Идетъ весна — свѣжа, ясна —
Вездѣ цвѣтами сѣя...

Какъ мнѣ хотѣлось позабыть
Его дворцы, туманы
И сердца бѣднаго едва
Запекшіяся равны!

Но тутъ же страстно такъ жилось,
Такъ много чувствъ губилось,
И столько любящихъ сердець
Въ отвѣтъ мнѣ жарко билось...

Какъ ихъ забыть? А тамъ иныхъ
Похороноу быть-можетъ...
И вотъ, незнаю отчего,
Тоска мнѣ сердце гложетъ.

Такъ изъ тюрьмы идешь — и вдругъ
Чего-то жалко станеть,
И сердце мрачный сводъ ея
Потомъ неразъ помянетъ.

О. ВЕРГЪ

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Придуманый Гутенбергомъ злокозненно-хитрый аппаратъ, состоящій изъ маленькихъ четырехугольныхъ столбиковъ, съ буквою наверху, перевернулъ свѣтъ вверхъ дномъ. вмѣстѣ съ его выдумкою явилась на свѣтѣ новая сила, новая власть, никогда не виданная на свѣтѣ, небывалая: явилась книга, печатная страница; мысль волютилась, стала видима и доступна для всѣхъ; до тѣхъ поръ она была закована въ слова и неподвижно приростала къ драгоценнымъ листамъ рукописи, а тутъ, размножаясь до безконечности, она возвратила себѣ почти прежнюю духовную быстроту свою. Какъ всякая новорожденная власть, и печатная страница имѣла множество хвалителей, куртизановъ, поклонниковъ, льстецовъ, корыстныхъ и безкорыстно преданныхъ служителей. Государи и вельможи принимали горячее участіе въ успѣхахъ книгопечатанія и служили новой силѣ со всею преданностью новообращенныхъ адептовъ. Даже король Францискъ I, знаменитый своею распутною жизнью, вѣроломствомъ, презрѣніемъ къ законности, неукротимымъ деспотизмомъ и звѣрскою жестокостію, и онъ приходилъ въ типографію и не хотѣлъ тамъ сѣсть, смотрѣлъ на работу стоя, изъ уваженія къ наукѣ, къ раждающейся книгѣ. И новая сила росла, мужала, крѣпла, стремилась впередъ, окружаемая безусловнымъ почетомъ, любопытствомъ и удивленіемъ.

Но мало-помалу начала она возбуждать опасенія, потому что стала развиваться совершенно непринужденно и своимъ развитіемъ стѣснять другія силы. Естественно, что другія силы, прежде и прочно установившіяся, допустить этого не могли, такъ какъ всякая сила по существу своему вступаетъ въ борьбу со всѣмъ что

препятствуетъ ея развитію, и уступаетъ только побѣжденная. Новая сила съ неслыханнымъ спокойствіемъ вызывала къ себѣ на судъ всевозможныя злоупотребленія, какъ бы прочно они ни укоренились; она не щадила самыхъ старинныхъ, повидимому неколебимо-твердыхъ предразсудковъ; она безо всякой деликатности побивала невѣжество, срывала маски съ лицемѣрія, исправляла всевозможныя заблужденія и — какъ все человѣческое — порою заблуждалась и сама. Незамѣчая и стараясь не замѣтить, что противъ собственныхъ заблужденій въ этой силѣ заключаются свои вѣрнѣйшія лекарства, всѣ злоупотребленія, предразсудки, суевѣрія, заблужденія вооружились противъ новой силы и противъ ея заблужденій. Во Франціи знаменитая сорбонна (тогдашняя академія наукъ) яростно преслѣдовала философскія сочиненія, и не одна сорбонна, а все, что чувствовало въ себѣ какую-нибудь силу, возстало противъ книгопечатанія. Послѣ сраженія при Павіи парламентъ постановилъ и университетъ подтвердилъ правило, которымъ строго запрещалось дѣлать какой бы то нибыло намекъ на тогдашнія затруднительныя обстоятельства Франціи. Королева наваррская написала книгу подъ заглавіемъ: «Зерцало грѣшной души.» Въ 1533 году на эту книгу сдѣланъ былъ доносъ, и самъ король долженъ былъ вступиться, чтобы избавить принцессу отъ обвиненія въ ереси. По требованію парижскаго университета изданъ былъ законъ, которымъ назначается *смертная казнь* тому, у кого найдется запрещенная книга. Университетъ составилъ списокъ этихъ книгъ и передалъ его генералъ-прокурору къ исполненію. Въ этомъ спискѣ особенно бросается въ глаза переводъ псалтыря Маро, сочиненія Рабеле и изданіе библіи Этьена. Наконецъ самъ Францискъ I, сначала показывавшій такое уваженіе къ книгѣ, въ одинъ пасмурный день просто запретилъ печатаніе какой бы то нибыло книги, подъ страхомъ наказанія позорнымъ столбомъ, и весьма хвалилъ усердіе университета.

Такимъ образомъ книгопечатаніе не только было поставлено въ затруднительное положеніе, но было положительно запрещено. Физическая сила одержала верхъ надъ мыслью. Но понятно само-собой, что такое ненормальное положеніе долго продолжаться не могло, и понятно также, которая изъ двухъ силъ наконецъ должна была восторжествовать. Борьба однакоже была не легкая и продолжительная. Все что напечатано было въ XVI вѣкѣ во Франціи, подвергалось тамъ жесточайшимъ преслѣдованіямъ, все было безжалостно истребляемо, и авторы наказывались совершенно произвольнымъ образомъ. Положено было даже не привозить никакой книги, напечатанной за границей. Всякій безъ исключенія сундукъ, приве-

земный изъ чужой земли, на границѣ вѣривался, и не иначе какъ въ присутствіи двухъ докторовъ богословія. Всякое новое ученіе, даже въ наукахъ точныхъ, преслѣдовалось съ ожесточеніемъ и строго запрещалось. Ученые открыли и указали нѣкоторые заблужденія въ ученіи Аристотеля. Казалось бы, что такого рода успѣхъ долженъ былъ радовать и быть поводомъ къ всевозможнымъ поощреніямъ; но въ 1624 году парижскій парламентъ, «для обузданія мысли, выбивающейся изъ всякаго порядка и изъ всякой дисциплины», провозгласилъ особеннымъ постановленіемъ безошибочность ученія Аристотеля, причемъ разумѣется упоминалось, что всякій усомнившійся въ непогрѣшимости греческаго философа — преступникъ, подлежащій наказанію позорнымъ столбомъ. Несмотря на такую строгость, трое ученыхъ не раздѣляли мнѣній Аристотеля касательно категорій и даже рѣшились поддерживать свои взгляды въ особенныхъ диссертаціяхъ. Сорбонна и университетъ подняли крикъ, обвинили авторовъ ни болѣе ни менѣе какъ въ ересь, и просили парламентъ надлежащимъ образомъ наказать еретиковъ. Даже приняты были еще болѣе рѣшительныя цензурныя мѣры: предложено было, подѣ страхомъ *смертной казни*, не преподавать, не придерживаться никакого мнѣнія, противнаго ученію древнихъ. Это постановленіе замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь дѣлается насиліе противъ того, что происходитъ въ головѣ человѣка, стало-быть что по существу своему совершенно свободно и было свободно еще во времена глубочайшаго рабства.

Книгопечатаніе открыло широкій путь для обмѣна мнѣній между людьми всѣхъ странъ и народовъ. Правительства между тѣмъ привидали мѣры, чтобы защититься отъ напора новыхъ ученій. Они забыли, что истина всесильна и вѣчна, что ежели есть возможность придавить ее, не давать ей ходу, приостановить, запретить, то это только на время, а потомъ она все-таки возьметъ свое. Въ наше время уже самыя неподвижныя, ретроградныя правительства далеко опередили то, что въ XVI вѣкѣ считалось новымъ ученіемъ, изъ чего и слѣдуетъ, что истина взяла верхъ надъ препятствіями, одолѣла всѣ запрещенія и безусловно покорила своихъ сильнѣйшихъ противниковъ. Почти всѣ книги, напечатанныя въ XVI вѣкѣ, относились къ свободѣ совѣсти, то-есть къ свободѣ всяческихъ мнѣній и убѣжденій. Ясно, что это принципъ въ одно и тоже время релігіозный и политическій, и цензура книгъ была предоставлена богословскому факультету, какъ самому охранительному изъ всѣхъ. Но книгопечатаніе скоро подвинуло впередъ потребности, расширило кругъ человеческихъ знаній, такъ что область цензуры увеличилась, а доктора богословія все-таки не выпускали изъ рукъ обуздывающей

власти и считала себя въ правѣ обсуживать сочиненія, относящіяся къ точнымъ наукамъ, къ искусствамъ и ремесламъ, къ обществу и праву. На ихъ дѣлу, невѣжество ихъ сдѣлалось слишкомъ очевиднымъ; ней почувствовали необходимость положить предѣлъ ихъ претензіямъ; общественное мнѣніе сдѣлало уже такіе успѣхи, что сами правительства обратили вниманіе на цензурныя права. Поэтому положено было, что подвергаются цензурѣ божественныя только сочиненія, исключительно посвященныя разсмотрѣнію релігіозныхъ вопросовъ. Всякое сочиненіе такого рода прочитывалось двумя докторами, которые потомъ докладывали факультету содержаніе книги и свои замѣренія касательно ея будущности. Приговоръ произносился дѣльми факультетомъ, и сверхъ того парижскій парламентъ на каждый случай особенно утверждалъ постановленія сорбонны. Такимъ образомъ въ началѣ XVII вѣка мысль писателя подвергалась тройному разсмотрѣнію, и какъ это теперь ни кажется многосложнымъ и затруднительнымъ, все же это показываетъ нѣкоторую степень уваженія къ дѣлу, къ мысли, которая составляетъ собственность автора, показываетъ, что лишеніе ея этой собственности не считалось дѣломъ ничтожнымъ, пустымъ, нестоящимъ серьезнаго вниманія. Но скорѣ книги стали выходить одна за другою такъ скоро, стало набираться ихъ въ разсмотрѣніи такъ много, что факультету уже не было ни малѣйшей возможности произносить приговоры въ полной своей собраніи. Доктора, которымъ поручалось разсмотрѣніе книгъ, перестали обращаться къ факультету и сами стали произносить приговоры касательно достоинствъ и недостатковъ прочитанныхъ сочиненій, такъ что ихъ сужденіе сдѣлалось окончательнымъ. Отъ этого произошло, что доктора давали свои мнѣнія на основаніи какихъ-нибудь особенныхъ, личныхъ соображеній, неотносящихся къ дѣлу, а иной разъ судили вовсе безъ знанія дѣла. Пошли жалобы. Факультетъ въ общемъ собраніи внушалъ имъ необходимость быть болѣе точными и осмотрительными, подъ угрозою на полгода потеряти привилегіи, соединенныя съ докторствомъ, и на четыре года лишиться права разсматривать книги. Такія факультетскія постановленія указывали на злоупотребленія, нисколько ихъ не уничтожая.

Но въ 1662 году произошелъ великій соблазвъ: по поводу одного вопроса, сами члены факультета раздѣлились. Дѣло шло о томъ, что выше — власть ли папы, или власть вселенскаго собора? Обѣ партіи обмѣнивались записками въ видѣ дѣльных меморіаловъ. Докторъ Дюваль, предводитель одной изъ этихъ партій, боясь захопнуться подъ массою записокъ своихъ противниковъ, проеялъ и получилъ въ 1664 году грамоту на исключительное право цензуры,

съ тѣмъ, что онъ возьметъ себѣ въ помощь еще троихъ товарищей и будетъ вынуждѣнъ съ ними получать 2400 ливровъ жалованья. Сорбонна всполошилась; она стала посылать королю прошение о прошеніи, утверждая, что право цензуры принадлежитъ всемъ ее членамъ и не можетъ быть сдѣлано привилегією нѣкоторыхъ. Король уступилъ: новыми грамотами постановлено было, что впредь будутъ шесть цензоровъ; четверо изъ нихъ будутъ избираемы сорбонной, а двое въ Наваррѣ. Это не помирило однако спорщиковъ, и канцлеръ Сегье отнялъ наконецъ у факультета право цензуры и самъ сталъ назначать цензоровъ съ вознагражденіемъ по 600 ливровъ каждому.

Книги, относящіяся до наукъ и искусства, всегда разсматривались лицами, назначенными канцлеромъ, который и былъ верховный цензоръ. Каждый цензоръ отдавалъ отчетъ только одному канцлеру; поэтому въ концѣ или въ началѣ каждой книги, изданной до революціи 1789 года, всегда была напечатана известная формула апробаціи отъ канцлера. Такъ какъ цензора обязывали запрещать все противное нравственности, религіи и интересамъ государства, то дѣятельность ихъ была усѣяна подводными камнями. Напримѣръ въ XVII вѣкѣ запрещено было печатать переводъ корана, какъ книгу противную нравственности, религіи и интересамъ государства, а въ XVIII вѣкѣ она была разрѣшена, какъ не противная этимъ тремъ вещамъ. Чтоже это показываетъ — монящее само-собою. Самые прочныя, крѣпко установившіяся цензурныя правила не могутъ устоять противъ духа времени и приходятъ наконецъ пора, когда они становятся неисполнимыми, потому что дѣлаются слабѣе самимъ исполнителемъ.

Людовикъ XIV приказалъ архіепископу парижскому собрать университетскіе факультеты для разсмотрѣнія системы Декарта, и мудрое собраніе единогласно подвергло норманцію предложенія философа. Сорбонна съ своей стороны тоже оказала немалое усердіе: она отвергла ученіе Декарта и тутъ же кстати подтвердила запрещеніе отступать въ чемъ бы то нибыло отъ ученія Аристотеля. «Духъ Законовъ» Монтескье былъ запрещенъ «за атеизмъ, деизмъ и бунтъ», а теперь эта книга спокойно дается дѣтямъ. Сорбонна и тутъ не отстала, и проработавъ два года, откопала восемнадцать положеній, достойныхъ порицанія. Ктому еще медленность цензуры приводила въ отчаяніе авторовъ и издателей, и потому очень многія книги печатались въ Авиньонѣ, въ Женевѣ, въ Гагѣ, въ Амстердамѣ, въ Лондонѣ, или иногда печатались и во Франціи, но только съ подписью иностранныхъ городовъ. Такія книги тоже разсматривались, и въ случаѣ нужды конфисковались. Такъ конфи-

скована была невнятная книга подъ заглавіемъ: «Мѣщанская кухарка», за то что тамъ, въ противность религіи, описанъ былъ способъ «готовить карасей сморомыми».

Касательно газетъ дѣла шли нѣсколько иначе. Въ Парижѣ давно издавалась «Gazette de France»; она имѣла привилегію печатать политическія новости, и тощія столбцы ея дополнялись извѣстіями о погодѣ, о высотѣ рѣки, о придворныхъ событіяхъ и т. д. Можно догадываться, что въ половинѣ прошлаго столѣтія были попытки издавать и частныя газеты: возлѣ казенной «Gazette de France», потому что въ 1761 году вышелъ указъ: «Запрещаемъ всякому лицу, какого бы то нибыло званія, составлять, продавать и сбывать какую бы то нибыло французскую газету и какіе-либо печатные листы съ реляціями и новостями, какъ обыкновенными, такъ и необычайными, письма, копіи или извлеченія изъ оныхъ, и нивы вообще какия бы то нибыло бумаги, съ отчетами о происходящемъ какъ внутри, такъ и внѣ нашего королевства». Эта газета была основана въ замѣну строго запрещенныхъ листовъ, которые ходили по рукамъ еще въ XVII вѣкѣ. Но эти листки продолжали издаваться, несмотря на строжайшія запрещенія, на заключеніе въ бастилію, на множество шпионовъ и на демовые обыски; усвѣхъ ихъ былъ неувѣрлтый, и хотя иногда въ нихъ нечего было читать, вслѣдствіе крайней пустоты содержанія, но какъ все запрещенное, они привлекали множество любопытныхъ.

Оказалось, что чтеніе періодическихъ листовъ сдѣлалось насущною потребностью общества, такъ что правительство рѣшилось наконецъ позволить новыя изданія, но подъ надзоромъ и подъ отвѣтственностью особыхъ цензоровъ, которые опредѣлялись канцлеромъ. Но помимо канцлера, каждый министръ считалъ себя начальникомъ цензуры. Такъ напримѣръ маршалъ Сегюръ требовалъ примѣрнаго наказанія цензора Сюара зато, что 22 декабря 1786 года онъ разрѣшилъ напечатать статью въ похвалу графа Гибера, губернатора нивалиднаго дома. Маршалъ требовалъ, «чтобы редактору запрещено было печатать въ своей газетѣ что-бы то нибыло о военныхъ, непредставивъ сначала статьи на его разсмотрѣніе, и въ особенности ни подѣ какимъ видомъ не печатать его имени, не упоминать о немъ ни въ хорошую, ни въ дурную сторону; если же запрещенія этого редакторъ не послушается, то онъ будетъ испрашивать королевскаго повелѣнія для его наказанія.» Министры, принцы, всевозможныя важныя лица нападали на журналистовъ и на цензоровъ, которые конечно чтобъ удержаться на своихъ мѣстахъ, брали сторону сильнѣйшихъ, въ томе время стараясь удовлетворить всѣ высокія щекотливости и выполнять приказанія, часто противо-

рѣшивши. Нечего и говорить, достигнута ли была цѣль всѣми этими строгостями, такъ какъ письмо маршала Сетюра, гдѣ онъ запрещалъ упоминать въ печати свое имя, пришлось всего только за три года до революціи.

Театральныя пьесы подвергались еще болѣе строгой цензурѣ, и еслибы много было комедій такихъ, какъ «Женитьба Фигаро», то всѣ цензоры сбились бы съ ногъ. У Вольтера явилось множество отъявленныхъ враговъ и преданнѣйшихъ друзей, такъ что разрѣшеніе его пьесъ получило важность государственнаго событія. Напечатаніе вольтеровскаго «Магомета» было предметомъ обширной переписки между министрами, начальникомъ полиціи и цензурой. Вольтеръ сѣлся всей этой суматохѣ и для довершенія замѣшательства писалъ изъ Брюсселя министру, будто пьеса была напечатана безъ его вѣдома, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ самъ заказалъ ее напечатать. Министръ написалъ на письмѣ Вольтера: «Отвѣчать ему не ближе, какъ черезъ недѣлю. Если издатель не объявитъ, откуда онъ получилъ «Магомета», то посадить его на восемь или на десять дней въ тюрьму». — Но всѣ они забыли въ ту пору, что лучшій, вѣрнѣйшій и ничего нестоющій казнь судья всѣхъ сочиненій есть сама публика и что никогда мнѣніе цензора не имѣло ни малѣйшаго вліянія на судьбу пьесы. Еще не было примѣра, чтобы цензура могла помѣшать распространенію истинно полезнаго и прекраснаго произведенія. Запрещенія и приговоры, произнесенные надъ лучшими произведеніями восемнадцатаго столѣтія, только обезпечивали имъ успѣхъ и дѣлали его несомнѣннымъ.

Общественное мнѣніе единогласно отвергало цензуру, и къ 1789 году она сдѣлалась только пустою формальностью, несмотря на то, что опиралась на королевскіе бланки и на государственныя тюрьмы. Генеральныя штаты, вслѣдъ затѣмъ какъ собрались, стали требовать ея уничтоженія. Съ начала революціи она дѣйствительно не существовала, но формально уничтожена была только особымъ закономъ 14 сентября 1791 года. Но директорія распорядилась уже совершенно произвольно и устроила болѣе нежели цензуру: она просто ишла издаванію газетъ, которыя подвергали своей цензурѣ дѣйствія правительства и указывали общественному мнѣнію на поступки, которые казались противными основному закону.

Консульство формально возстановило цензуру; послѣ, во время имперіи, цензура была учреждена на болѣе широкихъ основаніяхъ, подъ именемъ *свободы печати*, при особенномъ министерствѣ, которое называлось главнымъ управленіемъ книгопечатанія. Драматическія произведенія разсматривались тамъ же и сверхъ того въ министерствѣ полиціи. На вновь издаваемыхъ пьесахъ было напеча-

тано: «Разсмотрѣно и одобрено къ намечателію и къ промажѣ съ согласіемъ его превосходительства сенатора министра полиціи 9 сего преріала XIII года. По приказанію его превосходительства, подписанъ начальникъ отдѣленія *свободы печати* П. Лагарль. Десны, незначительны для представленія на сценѣ, представлялись въ рукописи министру полиціи на предварительное разсмотрѣніе. Старинныя, даже классическія сочиненія не могли перепечатываться безъ разрѣшенія, и рѣдко ножницы не дѣлали прорѣхъ въ самыхъ девичьихъ текстакъ. Такъ продолжалось во все время первой имперіи. Императоръ Наполеонъ I, надѣясь на свое могущество, рассчитывалъ, что онъ можетъ обойтись безъ нравственной поддержки общественнаго мнѣнія, которое выражается не въ одной какой-нибудь газетѣ или журналѣ, а въ цѣломъ итогѣ печати. Но онъ палъ.

Людовикъ XVIII, сдѣлавшись королемъ, объявилъ, что свобода печати принадлежитъ къ числу неотъемлемыхъ правъ каждаго француза. Но въ VIII главѣ хартии, подписанной 9 іюня 1814 года, является уже значительная переиѣна этого здраваго мнѣнія. Тамъ вѣтъ слова цензура, но неопредѣленныя выраженія открыли широкій путь къ ея возстановленію: «Французы имѣютъ право свободы издавать и печатать свои мнѣнія, соображаясь съ законами, которые должны *подавлять* злоупотребленія этой свободы». Потомъ королевское правительство нашло, что *подавлять* именно значитъ *предупредить*, и законъ 21 октября 1814 года снова учредилъ цензуру предупредительную. Но съ острова Эльбы явился опять Наполеонъ. Тамъ, въ своемъ заключеніи, онъ успѣлъ облудить, что лучшимъ для всего поддержкою будетъ общественное мнѣніе и 24 марта 1815 уничтожилъ цензуру. Однако онъ не откровенно обратился къ общественному мнѣнію, а напротивъ обманулъ его, и — не удержался. Онъ все увѣрялъ, что воевать больше не хочетъ и не будетъ, а между тѣмъ опять кинулся въ войну и палъ окончательно. Когда вернулся бѣжавшій король, онъ счелъ нужнымъ наконецъ учредить свободу печати, но только для книгъ, а не для газетъ и журналовъ. Въ 1824 году министерство Виллеля возстановило полную предупредительную цензуру для всего, что печаталось, но въ томъ же году вступившій на престолъ Карлъ X снова ее уничтожилъ и возобновилъ только въ 1827 году, устроивъ комитетъ изъ десяти цензоровъ и особенный цензурный совѣтъ, составленный изъ перовъ, депутатовъ и судей. Но это учрежденіе существовало недолго. Общественное мнѣніе выразилось по его поводу совершенно явственно; новыя цензуры, между которыми было нѣсколько писателей, пользовавшихся любовью дублика, были приняты такъ же душно, какъ и безвѣстная ихъ предшественница. Наконецъ значительная указаніе ей.

июль 1830-года возстановлена была во всей густотѣ прежняя императорская цензура. Она должна была сдѣлаться совершенно ироизвольною, безъ всякой защиты писателя и общественнаго мнѣнія отъ произвола министровъ. Но въ томъ же мѣсяцѣ и указы и трюкъ исчезли подъ варольтыми фарисаами июльской революціи:

Хартією 1830-года цензура была окончательно уничтожена, въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ: *Цензура никогда не будетъ возстановлена*. Несмотря на это, въ 1835-году она была опять формально возстановлена для театральнахъ пьесъ, гравюръ и медалей. Книжки и газеты по имѣли другихъ цензоровъ, кромѣ типографшиковъ (какъ увидимъ далѣе), до самой февральской революціи, когда печати возвращена полная свобода.

Это продолжалось однако недолго. Генералъ Кавеньякъ, своею диктаторскою властью, безъ церемоній запрещалъ ту или другую газету во имя общественной безопасности, а потомъ закономъ возвращены штемпеля, залого и все что съ ними связано. Затѣмъ опять возстановлена театральная цензура, а съ своей стороны присяжные, судившіе преступленія противъ печати, были свирѣпо-неумолимы, и несмотря на усиленіе наказаній, всякій судъ оканчивался обвиненіемъ; мѣщанство ревниво берегло свои карманы противъ газетныхъ статей.

Второго декабря 1851-го года, безъ особенно обнародованнаго распоряженія, постановленія или указа, цензура была возстановлена на дѣлѣ: всѣ типографіи были заняты солдатами; газеты потеряли право выходить безъ особеннаго разрѣшенія; типографшикамъ приказано не печатать ничего безъ особеннаго разрѣшенія. Такъ продолжалось во все время переходнаго состоянія, а потомъ и начались нынѣшніе порядки, залого, штемпеля, предостереженія, остановка газеты и совершенное запрещеніе. Мы далѣе сдѣлаемъ краткій обзоръ существующихъ порядковъ, но скажемъ заранѣе, что они оказываются не столь дѣйствительными, какъ того хотѣлъ бы императоръ Луи-Наполеонъ. Несмотря на тысячи глазъ и тысячи ушей полиціи и цензуры, все читается, все можно достать; разница только въ томъ, что народъ платитъ дороже, съ большою жадностью поглощаетъ запрещенный плодъ и лучше прежняго уверяется прочтаннымъ. Только мѣштерью разносчики, часто немѣшнущіе никакого мнѣнія, какъ настоящіе контрабандисты мыслей, попадаютъ и везутъ мѣшнущими мѣсяцами или годами заторовнаго заключенія или каторжной работы за любопытство единицъ и трудость другихъ.

Нынѣ дѣйствующіе законы о печати во Франціи состоятъ изъ постановленій, выданныхъ въ разное время, отъ 1819 до нынѣшняго года, такъ-что не существуетъ одного, стройнаго устава. Это не мѣшаетъ однако дѣламъ о печати идти самымъ правильнымъ и бесспорнымъ образомъ. Законъ 17 мая 1819 года до сихъ поръ остается основнымъ и въ случаѣ нужды прилагается.

Статья 1. Кто рѣчами, криками или угрозами, произнесенными въ мѣстахъ или собраніяхъ публичныхъ, или письменно, печатно, рисунками, гравюрами, живописью или эмблемами, проданными или розданными, продающимися или выставленными въ публичныхъ мѣстахъ или собраніяхъ, или объявленіями и афишами, выставленными на видъ публики, вызоветъ одного человѣка или нѣскольکو людей на совершеніе поступка, называемаго преступленіемъ или проступкомъ, тотъ признается соучастникомъ, и какъ соучастникъ наказывается.

2. Кто однимъ изъ названныхъ въ первой статьѣ средствъ будетъ вызывать одно или нѣскольکو *преступленій*, и вызовъ этотъ останется безо всякихъ послѣдствій, тотъ будетъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ неменѣе трехъ мѣсяцевъ и неболѣе пяти лѣтъ, и штрафомъ неменѣе 50 и неболѣе 6,000 франковъ.

3. Кто однимъ изъ тѣхъ же средствъ будетъ вызывать одинъ или нѣскольکو *проступковъ*, и вызовъ этотъ останется безъ послѣдствій, тотъ будетъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ отъ трехъ дней до двухъ лѣтъ и штрафомъ отъ 30 до 4,000 франковъ, или только однимъ изъ этихъ двухъ наказаній, смотря по обстоятельствамъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда законъ опредѣляетъ меньшее наказаніе виновному въ самомъ проступкѣ, и тогда это наказаніе опредѣляется и вызывавшему на проступокъ.

6. Подстрекательство тѣми же средствами къ неповиновенію законамъ наказывается по статьѣ 3.

8. Всякое оскорбленіе общественной и религіозной нравственности или добрыхъ нравовъ однимъ изъ средствъ, упомянутыхъ въ статьѣ 1, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 мѣсяца до 1 года и штрафомъ отъ 16 до 500 франковъ.

9. Кто однимъ изъ способовъ, упомянутыхъ въ 1 статьѣ, будетъ виновенъ въ оскорбленіи личности короля, тотъ будетъ наказанъ тюремнымъ заключеніемъ неменѣе 6 мѣсяцевъ и неболѣе 5 лѣтъ и штрафомъ отъ 500 до 10,000 франковъ.

10. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ членомъ королевской фамиліи наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до трехъ лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 5,000 франковъ.

11. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ налить или одѣнъ изъ нихъ наказывается по статьѣ 10.

12. Оскорбленіе однимъ изъ тѣхъ же средствъ личности государя или личности главы правительства иностраннаго наказывается по статьѣ 10.

Несходъ въ слишкомъ большія подробности касательно грамотности и степени точности этихъ законовъ, допустивъ похвально, что они очень хороши и посмотримъ на удобство ихъ примѣненія. Для этого слѣдуетъ обратиться къ примѣрамъ:

Подъ которую статью вѣдо подвести Гоголя за его «Ревизора», если при выходѣ изъ театра кто-нибудь назвалъ дежурнаго квертальнаго Держимордой и не исполнилъ его законныхъ и справедливыхъ требованій? По смыслу первой статьи, Гоголь — соучастникъ совершаемаго преступна. Ему приходится по третьей статьѣ отъ трехъ лѣтъ до двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія и отъ 30 до 4,000 франковъ штрафа. Но сколько же именно? Если судьей будетъ городничій Сивозяничъ-Дмухановскій или его другъ судья Ляпкинъ-Тяпкинъ, то они будутъ имѣть возможность назначить Гоголя на два года въ тюрьму и взять съ него 4,000 фр. штрафа, не считая того, что онъ до произнесенія приговора года два просидитъ въ тюрьмѣ. При другомъ устройствѣ суда Гоголь будетъ оправданъ, даже еслибы Держиморда рѣшилъ его преслѣдовать. Такимъ образомъ выходитъ, что вся сила не въ законѣ, а въ его примѣненіи и исполненіи, такъ-что дѣла книгопечатанія могутъ идти такъ или иначе, смотря по обстоятельствамъ. Если почтену-либо Сквозиникъ-Дмухановскій считаетъ свое положеніе упроченнымъ и общественное мнѣніе горожанъ на своей сторонѣ, то онъ скажетъ обиженному Держимордѣ, что Гоголя преслѣдовать нельзя и незачто; дѣло останется безъ послѣдствій. Но ежели городъ недоволенъ Сквозиникомъ-Дмухановскимъ, ежели онъ увѣренъ, что въ случаѣ спора всѣ туземцы будутъ противъ него, и даже пожалуй готовы безъ всякаго спора противъ его, то Гоголю тюрьмы не миновать.

На дѣлѣ это точно такъ и было во Франціи, и также исторія повторилась вѣсколько разъ. Втеченіи первыхъ мѣсяцевъ послѣ утвержденія какого-нибудь изъ правительствъ, которыхъ такъ много переменялось въ нынѣшнемъ столѣтіи, печать была свободна; народъ рдевался перемены, и очень былъ доволенъ, если на новымъ правительствомъ, то самой переменною. Потому, когда первый жаръ утихалъ, наступала пора болѣе спокойнаго взгляда. Оказывалось, что новое правительство несомнѣнно нѣсколько согласовалось съ желаніемъ народа, а кое-что хотеть дѣлать самовластно, по-своему, деспотически. Вопли противъ этого начинали понижаться въ печати,

Злоупотребленіе есть дурное, презрѣнное, вредное или несправедливое употребленіе чего-нибудь. Злоупотребленія, по природѣ человеческой, чрезвычайно легко принимають вслѣду, гдѣ только есть какое-нибудь употребленіе. Посещавши королевскія, чуть не во всемъ можно найти злоупотребленіе; оно часто бросается въ глаза и безъ помощей. Начиная съ религіи, все подвержено злоупотребленіямъ. Девъ X послылаъ августинскихъ монаховъ продавать индульгенціи, то-есть мѣста въ рай. Монахи другого ордена, Антверпъ, написали, что это злоупотребленіе и проповѣдалъ реформацию. Но Каппелль, точно также недовольный предлѣжами Рима, точно также совершилъ ужасное злоупотребленіе, похуже римскаго, когда заставилъ смѣть Милана Серво. Въ администраціи злоупотребленія составляютъ вѣчное и вѣстальное свойство во всѣхъ образованныхъ и необразованныхъ странахъ свѣта. Иначе и быть не можетъ, потому что когда хотятъ преобразовать какое-нибудь злоупотребленіе, преобразователь дѣлается виновникомъ своего предшественника, и злоупотребленіе только видоизмѣняется. И хорошо еще, если чело-вѣкъ имѣетъ злоупотребленіями, но не злоупотребляетъ своею властью.

Но вѣтъ возможности перечислить всѣхъ злоупотребленій. Посмотрите на этого знаменитаго врача, который съ важностью лечитъ почки, когда болѣзнь въ сердцахъ, и выписываетъ лекарства только изъ одной аптеки или дѣлаетъ вамъ десять визитовъ вмѣстѣ одного. Посмотрите кетети и на этого пациента, который во время болѣзни считаетъ своего врача полубогомъ, а по выздоровленіи едва узнаетъ его на улицѣ и едва кланяется ему, какъ неисправный должникъ. Взгляните на этого критика, который превозноситъ книгу или топчетъ ее въ грязь, даже непрочитавъ ее, или на официальнаго оратора, который всячески старается дѣлать видъ, что онъ свободенъ, но преданъ, или на депутата, который платитъ за сочиненіе своей рѣчи безвѣстному публицисту по столыку-то съ листа. Злоупотребленія кругомъ, вслѣдъ злоупотребленія! А этотъ учитель, который преподаетъ то, чего не знаетъ? А этотъ дармовщъ, который возмѣждаетъ, чтобы ничего не изучать, примыкаетъ къ вустынь, полагаясь на слово отрицателей вочто бы то ни стало и злоупотребляетъ словомъ, чувствуя себя чѣмъ-то вредъ пророка? А этотъ крикушъ не чести философіи, сильно смѣхивающій на террасѣ, только въ своемъ оправданіи? Много бывало ханжъ, въ чуждѣ время величавъ поговаривать, зато было и есть немало разглагольствующихъ съ проповѣданіи на философствованіи съ тѣмъ же предвѣтъ внутреннимъ свойствомъ. А этотъ судья, который вслѣдъ видявъ виновность и арестовываетъ суровость закона, тогда какъ въ обществѣ, въ

частной жизни — одной ешь, милый господи! и какъ незлобно играеть въ карты по маленькой! А этотъ повѣренный и адвокатъ, который такъ благородно, широко живетъ на счетъ своихъ довѣрителей? А этотъ другъ, который такъ дружески, такъ настойчиво добивается благосклонности жены своего друга?..

Но въ бочисловномъ множествѣ злоупотребленій самыми невинными, самыми безвредными суть злоупотребленія мысли, слова, рѣчи, печати, потому что противоудіе лежитъ въ нихъ самихъ; они такъ сказать нейтрализуются съ величайшимъ удобствомъ, если никому не завязать ротъ, ни у кого не отнято перо, тогда какъ всѣ остальные злоупотребленія не заключаютъ въ себѣ этой цѣлебной силы. Администраторъ, судья, врачъ, адвокатъ, ханжа, архитекторъ, красавица, злоупотребляющіе своимъ вліяніемъ, не встрѣчаютъ противоудіеіа въ другихъ администраторахъ, судьяхъ, врачахъ и т. д. Даже явротуизъ, выходитъ по пословицѣ: воронъ ворону глаза не выкалываетъ. Между тѣмъ правительства не очень ревностно заботятся объ исправленіи этихъ установившихся злоупотребленій, тогда какъ злоупотребленія слова составляютъ предметъ ихъ постоянной заботливости, хотя лекарство лежитъ въ нихъ самихъ. Противъ одного врага гоноруна найдете не одинъ, а нѣсколько антагонистовъ, если только онъ не встрѣтитъ сильнаго отпора въ самомъ обществѣ, такъ что правительство, при полной свободѣ печати, при отсутствіи великой цензуры, весьма удобно можетъ слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ и почерпнуть себѣ изъ него необходимыя указанія. А эти указанія потому между прочимъ необходимы, что прочно и надежно бываетъ только то правительство, которое согласно съ общественнымъ мнѣніемъ, тогда какъ несогласное съ мнѣніемъ и съ потребностями большинства держится только насиліемъ, и потому непрочно, шатко, подвержено опасности исчезнуть тоже отъ мыслиа.

Чрезвычайно важныя доказательства этого мы видимъ въ исторіи Франціи нынѣшняго столѣтія и въ исторіи Англіи. Всякій знаетъ, что тронъ королевы Викторіи несравненно прочнѣе трона Луи-Наполеона, а между тѣмъ въ Англіи цензуры не существуетъ, нѣтъ ни залоговъ при изданіи газетъ, ни пошлинныхъ штрафовъ, ни предостереженій, ни запрещеній, ни отвѣтственности типографіковъ, тогда какъ во Франціи все это есть. Повѣстно изъ этого само собою, что не цензура составляетъ прочность троновъ и правительствъ, а свободно, безцензурно выражаемое общественное мнѣніе. Известно, что въ пятидесятыхъ годахъ въ Англіи издавался еженедѣльный журналъ подъ названіемъ «Атеистъ». Всякій четвертъ выходилъ номеръ этого журнала съ доказатель-

ствами того, что Бога нѣтъ; это доказывалось разсудочными въ философской формѣ, анекдотами, повѣстями, романами, феллетонами, стихотвореніями, все на тему: нѣтъ Бога. Правительство не обращало на это изданіе никакого вниманія или лучше-скажетъ принимало его изъ свѣдѣнію наравнѣ съ остальными журналами. Религіозные журналы отвѣчали «Атенсту» въ своихъ столбцахъ, политика на эту избитую тему продолжалось довольно долго, и наконецъ безбожнѣйшій журналъ прекратился по недостатку подписчиковъ. Общественное мнѣніе его не поддержало, стало-быть онъ былъ неуловимъ, бесполезенъ. Но нетрудно расчитать, что могло бы выдти, еслибы его преслѣдовали и запрещали, чего однакоже въ Англіи быть не могло. Положимъ, что въ одну туманную ночь редакторъ и сотрудники исчезаютъ, и потомъ въ городѣ начинаютъ ходить слухъ, что всѣ эти господа сидятъ гдѣ-нибудь въ крѣпости, въ тюрьмѣ или въ монастырѣ. Тутъ возбуждается не простое, безцѣльное любопытство. Тутъ все общество, оскорбленное насмѣихъ, принимаетъ къ сердцу положеніе заключенныхъ; все что на сѣть благороднаго въ обществѣ, негодуетъ на деспотизмъ и мысленно становится на сторону угнетенныхъ: однимъ этимъ поступкомъ правительство возбуждаетъ оппозицію, создаетъ множество мотовольныхъ и распространяетъ произведенія, которыя безъ того не обращали бы на себя вниманія. Общество, оскорбленное насмѣихъ, бросается читать запрещенное и читаетъ уже съ особеннымъ откликомъ страстнаго сочувствія, и предупрежденное въ пользу заключенныхъ, смотритъ на ихъ произведенія пристрастно, усвоиваетъ многое, что прошло бы безъ слѣда, и оказывается, что правительство достигаетъ цѣли противоположной той, какой хотѣло достигнуть.

Послѣ июльской революціи положеніе Луи-Филиппа было чрезвычайно прочно; всевозможныя карикатуры на него и на его министровъ нисколько не колебала твердости основаній его престола, и большинство французовъ увѣрено было, что ихъ «монархія — лучшая изъ республикъ». Но трусливые совѣтники его испортили все дѣло, постепенно приведя февральскую революцію. Повидно само собою, что карикатура поколебать престолъ не можетъ. Что же значило наприимѣръ сдѣланное углемъ на заборѣ грубое изображеніе фигуры Луи-Филиппа съ какою-нибудь остроумною или вовсе не острою подписью? Ровно ничего; оно смывалось дождемъ, а дѣла государственныхъ шпай своимъ чередомъ. Но министры думали иначе. Какъ-то выдана была литографированная карикатура, очень плоскаго содержанія. Извѣстно, что Луи-Филиппъ былъ очень полонъ, щени его висѣли, лобъ былъ довольно высокъ и узокъ, носъ карик-

термическая; бурбовай. Форма лица его оканчивалась грушу, обращенную толстыми концами вниз. Нарисована была обаятельная груда, и на ней несколько ниток и тесьмы, тамъ гдѣ на челоушскомъ лицѣ глаза и ротъ; а тамъ, гдѣ носъ, нарисована была большой паукъ, довольно сходно изображенъ на рисункѣ рая васа. Издали этотъ рисунокъ совершенно напоминалъ эмблему Луи-Филиппа. Внизу рисунка, по поводу паука, была надпись: «*Сes araignes ont appris à vaincre*». Французскій языкъ такъ удобно поддается на каламбуры.

Королевскіе совѣтники исполнились такъ, какъ-будто отъ этой карикатуры зависѣлъ успѣхъ алжирской экспедиціи или исходъ переговоровъ объ отложеніи Магмета-Али отъ Турціи, и принялись обдумывать различные мѣры. Но какъ быть? Преслѣдовать издателя судомъ за оскорбленіе особы короля — было бы совершенно несправедливо, уронило бы королевское достоинство. И не догадались они, что преслѣдованіе, — все равно, административное или судебное, или цензурное, или какое бы то нибыло другое — уронитъ достоинство короля. Недогадавшись, они издали законъ 9 сентября 1835 года, который запрещалось (статья 20) издавать, выставлять или продавать рисунки, гравюры, литографіи, астампы, эмблемы, медали, какого бы рода и свойства нибыло безъ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ въ Парижѣ, или провоста въ департаментѣхъ. Разумѣется карикатура была глупая, и было бы лучше, еслибы ей небыло. Глава государства въ правленіи представителемъ ни въ какомъ случаѣ не отвѣчаетъ за ошибки своихъ министровъ и долженъ быть окруженъ всевозможнымъ уваженіемъ. Это вошло даже въ законъ 9 сентября 1835 года, статья 4: «Кто будетъ возводить до короля порицаніе или отвѣтственность за дѣйствія его правительства, тотъ наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ одного мѣсяца до одного года и штрафомъ отъ 500 до 5000 франковъ». Дѣйствительно, когда есть отвѣтственные министры, волякое порицаніе главы государства становится безцѣльнымъ, бесполезнымъ, потому что тогда глава государства становится прекраснѣйшимъ, верховнымъ представителемъ всей страны. Великая насмѣшка надъ нимъ становится насмѣшкою надъ отечествомъ. Но карикатуръ на Луи-Филиппа было множество. Отчего же это происходило? Отчего въ началѣ его правленія карикатуръ вовсе не было, отчего ихъ очень мало является въ Англіи на королеву Викторію? Само собою разумѣется, оттого, что Луи-Филиппъ началъ свое царствованіе, а королева Викторія и во все то время, какъ занимала англійскій престолъ, никогда не шли камергерскія общественному мнѣнію, не поступали противъ интересовъ страны.

А когда правительство согласно съ народомъ, когда оно идетъ впередъ народа, но въ противѣ съ ширь законоположеній, а не врозь, но разнѣе дорогамъ, — самыя точныя и опредѣленныя цензурныя законы и самыя рѣзкія шѣры, принятыя властью, никакъ не могутъ одолѣть другую, высшую, гораздо болѣе сильную власть, именно мысль, или ее воплощеніе — слово, или твердо установленное общественное мнѣніе. Но во всѣ времена, даже и раньше изобрѣтенія телеграфическаго печатанія, правительства никакъ претензію укрѣпить негодныя подданными, но и ихъ мыслями, ихъ убѣжденіями, ихъ общественными мнѣніями, при помощи разныхъ цензурныхъ шѣръ и при помощи разныхъ официальныхъ органовъ, вроде «Монитера», или гг. Вилье и Барена. Но на дѣлѣ всегда оказывалось, что это совершенно напрасно, и чѣмъ далѣе продолжается воспитаніе общественнаго мнѣнія, тѣмъ далѣе оно расходится съ правительствомъ, которое наконецъ остается одинокимъ и стоитъ какъ-будто лагеремъ въ неприкосновенной странѣ. По этому поводу можно возразить, что правительство стоитъ всегда впередъ народа, что оно должно дѣлать народъ, дѣйствуя на это общественное мнѣніе и подаявъ простора старымъ укоренившимся понятіямъ, или не стараясь, но дѣйствуя. На это въ отвѣтъ можно указать на восточную реформу въ Россіи, когда укоренившіяся старыя понятія были уничтожены пытками, кнутомъ, колодой, концомъ жизни. Дѣйствительно, небольшая часть Россіи воспиталась, подвинулась въ другую сторону отъ народа, ножелуй можно догадаться, что впередъ, болѣе созрѣла, но именно созрѣла выжгла, что полтораста лѣтъ она шла на ложному или направленіи и что те только направленіе желанно, которое не разделяетъ народъ на два лагеря, не враждебныя между собою, но не враждующія другъ другу по неопытности, до такой степени, что правая сторона считаетъ лѣвую глупенькою, немысливою, какъ младенецъ, а лѣвая сторона считаетъ правую необразованною, грубою, ничего непонимающею.

При этомъ попуно можетъ возникнуть предположеніе, что общественное мнѣніе можетъ быть истреблено, подавлено дѣйствительными запретительными шѣрами, если это признано будетъ удобнѣе съ административной отвѣщеніи. Но въ нашемъ вѣкѣ даже не мыслить подумать это — неблагопріятное, неоправданное, и если Дуна Никольсонъ это дѣлаетъ, то великій сколько-нибудь опытный человекъ пишетъ скажетъ, что это даже неблагоуразумно. Стѣны всякаго парового котла устроены такъ, что могутъ выдержать большое давленіе изнутри ватра; но всему есть шѣра, и если плотно запереть всѣ предохранительныя клапаны, то котелъ въ сколько-нибудь времени разорвется, а потомъ, неизвестно въ которую минуту, выйдетъ

лицо является и отнимается трупъ неосторожнаго машиниста на гуду уруновъ всѣхъ его дружокъ и испугливцовъ.

Къ числу средствъ, занимающихъ внимание общественнаго мнѣнія и остающихся въ развитіи страны, принадлежатъ налоги, гробуемыя съ издателями газетъ. Залогъ, по закону 9 іюня 1819 года, назначается на то, чтобы вычитать изъ него претори, убытки и штрафы, къ уплатѣ которыхъ хозяева или издатели газетъ могутъ быть приговорены. Въ случаѣ недостаточности залога, подборъ производится съ собственности хозяевъ или отвѣтственныхъ издателей газеты, съ авторовъ и редакторовъ осужденныхъ статей. Закономъ 18 іюля 1828 года освобождены отъ взноса залоговъ 1) журналы, выходящіе одинъ разъ въ мѣсяцъ, или рѣже; 2) журналы или періодическіе выпуски, исключительно посвященные или наукамъ математическимъ, физическимъ или естественнымъ, или работамъ и изслѣдованіямъ научнымъ, или искусствамъ механическимъ и художественнымъ, то-есть наукамъ и искусствамъ, которыми занимаются три академіи: наукъ, медіцины и художества; 3) журналы и періодическіе выпуски, чуждые содержания политическаго и исключительно посвященные литературѣ или другимъ отраслямъ знанія, непомощными выше, если только они не выходятъ болѣе двухъ разъ въ недѣлю; 4) всѣ періодическіе выпуски, чуждые политическаго содержания, издающіеся на другомъ, не французскомъ языкѣ; 5) періодическіе листы, исключительно посвященные объявленіямъ о дѣлахъ торговыхъ, судебныхъ, о приходѣ и отходѣ кораблей, о цѣнахъ товаровъ. Закономъ 9 сентября 1835 года, ст. 13, залогъ определено вносить въ назначенство, которое и платитъ за него проценты, по столбу, сколько положено для залоговъ. Если журналъ выходитъ въ опредѣленные дни или неопредѣленно выпускается, но болѣе двухъ разъ въ недѣлю, то залогъ будетъ 100,000 франковъ. Залогъ будетъ въ 75,000 фр., если газета или періодическіе выпуски выходятъ не болѣе двухъ разъ въ недѣлю. Онъ будетъ въ 50,000 фр., если журналъ выходитъ разъ въ недѣлю. Онъ будетъ въ 25,000 фр., если журналъ выходитъ болѣе одного раза въ мѣсяцъ. Въ департаментахъ, не прилегающихъ къ Парижу, залогъ въ четыре и въ шесть разъ меньше. По мѣрѣ уменьшенія залога отъ вычетовъ за претори, убытки и штрафы, залогъ немедленно возобновляется, безъ чего нельзя и продолжать изданія газеты. Слѣдуетъ замѣтить, что закономъ 16 іюля 1850 г. наибольшій залогъ уменьшился съ 100,000 до 24,000 франковъ.

При внимательномъ разсмотрѣніи этого закона и послѣдующихъ событій оказывается, что онъ былъ чрезвычайно вреденъ какъ правительству, такъ и народу. Сначала слѣдуетъ обратить вниманіе на

та, что залогъ въ провинціяхъ былъ несравненно меньше, чѣмъ въ столицѣ. Но почему это? Чѣмъ объяснили бы это почетные буржуазные депутаты, утвердившіе этотъ законъ въ 1835 году? Можетъ быть они сказали бы, что они утвердили залогъ только для газетъ капиталистическихъ, а всѣ остальные изданія освобождены отъ залоговъ, и при этомъ съ похвалою егославились бы объ успѣхахъ наукъ и искусства во Франціи, въ томъ, что французы первая нація въ мірѣ, гдѣ столица — Парижъ. Далѣе они сказали бы, что для снисхожденія стране всего внесли политическія мнѣнія, несогласныя съ правительственными дѣлами и мнѣніями, и что тѣ, которые высказались въ столицѣ, гораздо вреднѣ провинціальнымъ, потому что Парижъ всегда служилъ камертономъ, во второму плечу вся Франція. Вотъ и прекрасно; съ этимъ мнѣніемъ мало ли согласиться; она совершенно справедливо; Парижъ столько же администраціи, сколько и умственный центръ Франціи. Но если такъ, то въ провинціяхъ залогъ полагается меньше, то и вреднее и штрафъ за нечетные проступки берется тамъ во столько же разъ меньшій? Нѣтъ, по закону штрафы эти и тюремныя заключенія напечателъ на всей странѣ одинаковы. Такъ зачѣмъ же уменьшонъ залогъ? — Какъ зачѣмъ? объясняетъ буржуа-депутатъ: — мы, законодатели, очень хорошо знаемъ, что общественное мнѣніе страны должно быть разнородное, что странѣ необходимо политическое воспитаніе, безъ чего гражданство не можетъ быть гражданствомъ. Непринимая участія въ политической жизни отечества и не имѣя понятія о политическомъ бытѣ другихъ странъ, гражданинъ остается только глухонѣмымъ ириподданымъ, чего не можетъ и не должно допускать просвѣщенное правительство. Если мы не хотимъ, чтобъ наши сограждане были бессловеснымъ и бессмысленнымъ стадомъ, то должны поощрять развитіе журналистики въ провинціяхъ, гдѣ мало капиталовъ для вноса стотысячнаго залога. И это прекрасно; и съ этимъ мало ли согласиться; мало если не поощрять, то по крайней мѣрѣ не стѣснять политическое воспитаніе гражданъ; пусть они воспитываются. Но стало-быть стотысячный залогъ не поощряетъ, а стѣсняетъ это воспитаніе, и такъ какъ въ провинціяхъ по большей части читаются столичныя газеты, то столичный залогъ стѣсняетъ, затрудняетъ политическое воспитаніе. Какже можно помирить это противорѣчіе? Надо поощрять и въ тоже время стѣснять. Это сильно напоминаетъ виноградъ, который въ сѣверной Франціи часто разводится на шпалерахъ. Тамъ свободное развитіе его во все стороны стѣснено; и поощряется только развитіе по направленію шпалеры: видны бѣднаго растенія привязываются къ кольямъ и поперечнымъ брускамъ, и целуются съ распятого такимъ образомъ растенія пра-

красные, солнечные пламы; но дало ль тебе, что общественно справедливо, а животный организмъ, для котораго существованіе развитіе: однакъ частей насчетъ другихъ всегда гибельно, составляетъ право прямую смерть.

На дѣлѣ оказалось, что масса, утвержденная въ 1835 году и такія широкія размѣры, росли вначалу не особенно, съ вѣки зрѣнія буржуа-депутатовъ. Во Франціи политическія, политическія раздѣляются на партіи: есть тамъ орлеанскія, леволиберальныя, республиканскія, бонапартисты, съ лѣволиберальными и леволиберальными. Газета эдакая тамъ всегда органомъ какой-нибудь партіи и обыкновенно называлась на акціяхъ или на надахъ. Для основанія новыхъ газетъ или для приобретенія старой составляется обыкновенно довольно значительная сумма, чтобы получить отъ издателя бонуса. Но въ то же время духъ партій очень часто застываетъ и совершенно пренебрегаютъ барышара: они впадаютъ въ ошибку, выбираютъ себѣ редактора подобнаго съ своими стремленіями, и открытъ ему, что выкажетъ имъ не наде, что всё выгоды свои отдаютъ ему на своевременное исполненіе залоговъ, по и тѣмъ друге такъ онъ будетъ уменьшаться выгодами штрафовъ, но это главная ошибка — проводить въ пубliku свои воззрѣнія, свои убѣжденія, духъ своей партіи, и поэтому со стороны ответственного издателя требуютъ вса возможные усилія, чтобы штрафовъ было какъ можно больше; что же касается до торжественныхъ заключеній редактора, то это за каждый день будетъ получать столько-то. Съ 1835 года именно такъ и шла дѣла французской журналистики. Опециция не имѣла денегъ на залоговъ и штрафовъ, а бонапартовое правительство Луи-Филиппа воображало, что денежнымъ штрафомъ можно остановить распространеніе идей, тогда какъ оно не останавливается обыкновенно ни кострами, ни казнями, ни вытками. Императоръ Луи-Наполеонъ полагалъ это очень хорошо; онъ видѣлъ, что для какой-нибудь политической партіи равно ничего не значить какая-нибудь сумма — другая тысяча франковъ; одному человѣку это трудно, а цѣлая партія легко заплатить еще и не такую сумму, сложившись по гривеннику. Поэтому онъ не увеличилъ назначенный закономъ 16 іюля 1830 года залогъ въ 24,000 фр., даже внимательно наблюдаетъ, чтобы штрафомъ было не слишкомъ много, но установилъ предостереженія, противъ которыхъ уже совершенно безцѣльно всякое саморазрушеніе людей, держащихъ сторону той или другой партіи.

Нынешніе ораторы опециции часто называютъ восстановленіе о декурныхъ предостереженій мечемъ Дамокла, который постоянно виситъ надъ французской журналистикой. Сравненіе весьма живописное, но далеко не вѣрно. Скорѣе можно сказать, что это де-

редакцiи удовольвiенна, распушенная восталомъ, чтобы наидеть по-
дозрелся не сойтись на. Законъ о предостереженiяхъ есть цензура
карательная. Здѣсь невиданному существуетъ полная свобода журна-
листики. Всякій пишетъ и печатаетъ что ему угодно въ своей га-
зетѣ, съ тѣмъ только, что если статья не понравится администра-
ции, то газета получаетъ первое предостереженiе. Если на другой
день явится новая статья, которая не понравится начальству, то
получаетъ предостереженiе второе. Наконецъ, если на третiй день
явится чертъ нѣсколько дней явится въ той же газетѣ еще статья,
подобная двумъ первымъ не по содержанию своему, а по аффекта-
ци, какое произведетъ она на администрацию, то статья встаетъ
въ книгу, газета окончательно запрещается, закрывается, перестаетъ
выходить. Противъ такого порядка совершенно безразличенъ голосъ
любопытнаго и вѣжливаго парижана. Какъ ни смѣлы иногда бываютъ гово-
руны въ своихъ расчѣтахъ, но не бываетъ между ними такихъ
требованiй, которые волагали бы, что они могутъ доставить своей
вертiи торжество трюма газетными статьями. Смѣло-быть тутъ ни-
кая домашняя шорта ничего не значить, ничего не сдѣлаетъ, — и
вертiи пришло, по случаю совершенной нововозможности такъ
говорить съ верховною на дѣлѣ. Эту истину конечно подтвердилъ бы
всякій удовольвiенникъ, еслибы только онъ могъ что-нибудь утвер-
ждать.

Такого образомъ оппозицiя во Францiи не существуетъ явно,
опрятно. Но политическiе знаютъ тамъ очень хорошо, что въ тайнахъ
человѣческой мысли, но существу своему неподдающихся
ни юридическому, ни карательной цензурѣ, оппозицiя есть, хра-
нится вѣжливо, накапливается, сгущается; но что будетъ затѣмъ,
явно въ которую изъ слѣдующихъ минутъ котелъ дойдетъ, этого
они положительна не знаютъ. А послѣ насъ — хоть потопъ, гово-
рять они; а на насъ вѣкъ хватитъ. Но въ томъ-то и вопросъ,
хватитъ ли?

Само собою разумѣется, что если правительству Луи-Наполео-
на предстоятъ впередъ трудныя времена, то конечно главною при-
чиною ихъ будетъ принятая во Францiи система предостереженiй
или система литературнаго молчанiя. Давно доказано и тысячу разъ
было доказываемо, что никакой нѣтъ возможности разумно управ-
лять обществомъ разумныхъ существъ безъ помощи великой дви-
гательной и направляющей силы, называемой оппозицiею. Когда че-
ловѣкъ управляетъ стадомъ коровъ или овецъ, то оппозицiя ему не-
нужна; однакоже и здѣсь благоразумный пастухъ предоставляетъ
завода животному разбредиться въ разнымъ стороны, тула, куда вле-
четъ ихъ инстинктъ, потребности, которыя не могутъ быть всѣ

известны одному человеку. Тутъ нравъ человека, а также она и по н сущее, не выгоду ту ширинность, которая иногда даже необходима организацш, тутъ напичаться можно, и т. д. — невозможно же одному человеку за всѣмъ успогрѣть, одному взору и слуху угождать на каждой организацш. При управленш существа разумнаго — се любовь другое. Всякое на свѣтъ появившееся правительство, независимо отъ своей формы, малая блага, возвысы и процвѣтанш собш, да тоже время ждасть въскъ этическихъ и духовныхъ благъ и управленш мыхъ. Иначе и быть не можетъ. Кроме того, что этого требуютъ христіанское человеколюбше, это еще и полезно, и выгодно, и почетно. Но какъ же узнать, что для управленш благаго, или избрше сказать, что они сами для себя считаютъ благомъ? Управитель весьма легко можетъ ошибаться, и со всею честностью, съ всею добросовѣстностью и благонамѣренностью, онъ можетъ злоупотвлять управленш таша блага, отъ которыхъ они не будутъ знать какъ отдѣлаться и отклониться. Въдствше этого мало-помалу двѣрше вовсе должно исчезнуть, такъ что петлю и-петельное благае уже не будетъ принимаемо. Въ исторш можно указать немало примѣровъ такого развѣдненш правительства съ народомъ. Если шшш оппозицш, свободно выражаемой, то какъ же узнать истинныя потребности нацш? Ихъ никакъ не можетъ угадать ни г. Балбо, ни г. Барошъ, никто изъ подобныхъ имъ господъ, которые вопервахъ видать все въ розовомъ свѣтѣ, а вовторыхъ, все время свое употребляютъ на изученше выгодныхъ сторонъ существующаго порядка, чтобы расхваливать ихъ потомъ, когда понадобится; во дворцѣ, въ сенатѣ или въ такъ-называемомъ законодательномъ собранш. Луи-Наполеонъ, какъ человекъ весьма умный, угадываетъ шшшшш еще бояше узнаеть онъ изъ полицейскихъ донесенш; но далеко не знаетъ всей правды, какъ старшну директоры училищъ не знали истинныхъ потребностей своихъ учениковъ, въ тѣ темныя времена, когда приказывали только молчать, не разсуждать и не высказываться. Вообразите умнаго человека надзирателемъ большого заведенш, въ которомъ живетъ множество глухонѣмыхъ, получившихъ уже нѣкоторое развитше, и при этомъ представьте себѣ, что у надзирателя какимъ-нибудь образомъ отнята возможность изучить языкъ, пршемы мышленш и способъ выраженш мыслей въскъ надзираемыхъ. Усердный, ревностный и честный надзиратель почеш не спитъ, заботится о благосостоянш вѣреннаго ему общества, и кушанье пробуетъ, и сапоги отдаеть въ починку, и сертуки самъ пршемѣряеть, и во все входитъ самъ, строго провѣряя дѣйствш подчиненныхъ ему надзирателей. Выраженше лица глухонѣмыхъ обыкновенно бываетъ довольно безстрастно, однообразно, такъ что по

ничего ничего не узнаешь; к кому же еще надзиратель будетъ заходить на лихадъ выраженіе удовольствія, съ нами въ глухойншю: вслѣдствіе разе стануть его встрѣчать. Но между такимъ начальникомъ и такимъ подчиненнымъ будетъ существовать полная разрозненность, совершенный разладъ; онъ для нихъ будетъ чужой, онъ не въ отношеніи будетъ сдѣлать ихъ довольными, потому что между ними и ими существуетъ неодолима преграда, состоящая въ отсутствіи оппозиціи, въ повольной, но тѣмъ менѣе сильно дѣйствующей силѣ предостереженій. И тутъ уже никто не виноватъ, крѣпѣе самой снотены. Надзиратель честнѣйшимъ образомъ желаетъ и добивается добра, блага, но ровно ничего не можетъ сдѣлать до тѣхъ поръ; пока между ними и управляемыми не установится откровенный общій языкъ, то-есть пока онъ не научитъ ихъ языку и не дозволитъ высказывать ему всѣхъ потребностей. Это высказыванье и называется оппозиціей; потому что глухойншимъ вѣрнѣе придется сначала доказывать ему, что многое онъ дѣлалъ и продолжаетъ дѣлать вопреки ихъ истиннымъ потребностямъ.

Разумѣется само собою, что добросовѣстный надзиратель, для предупрежденія несчастнаго удаленія своего отъ управляемыхъ, для избѣжанія весьма возможныхъ, даже неизбежныхъ ошибокъ, постарается изучить ихъ языкъ и дозволитъ имъ свободно выражать свои потребности и желанія.

Остается еще многое сказать о французскихъ законахъ, касающихся печати. Существуютъ законы объ оскорбленіи частныхъ лицъ, о безчестьи печатию, о порядкѣ преслѣдованія преступленій противъ законовъ о печати, объ отвѣтственныхъ редакторахъ, о штемпеляхъ, о пересылкѣ по почтѣ, о театральнхъ пьесахъ, о литературной собственности и т. д. Но обо всемъ этомъ мы поговоримъ еще черезъ мѣсяць. Покажемъ изъ нынѣшняго бѣлаго очерка какой же можно сдѣлать выводъ?

Во Франціи существуетъ предупредительная цензура и карательная цензура. Первая — для театральнхъ пьесъ, гравюръ, литографій и рисунковъ, причеъ произведеніе не выпускается въ свѣтъ безъ предварительнаго дозволенія администраціи; вторая — для всѣхъ остальныхъ произведеній мысли человѣческой. Предупредительная цензура со временъ Галилея запрещала всякую новую мысль, все равно — истинна была она, или ложна. Цензоры, присутствовавшіе Галилея къ сожженію на кострѣ, были люди совершенно честные, благонамѣренные, образованные. Они дѣйствовали по убѣжденію; они увѣрены были, что новое ученіе Галилея о движеніи земли и о неподвижности солнца — ересь, вредная для религіи и для нравственности. Но они вовсе не обязаны были всѣ быть гениаль-

нати людьми, чтобы вѣрно судить новую мысль. Поэтому невозможно винить ихъ за приговоръ новому учению Галилея; но безъ всякаго сомнѣнія принципъ, въ силу котораго Галилей былъ осужденъ, принципъ связывающа, закнывающа мысль — принципъ вредный. Несмотря на запрещеніе новыхъ мыслей, цензура не успѣла помѣшать ихъ распространенію: со времени Галилея мысль сдѣлала огромные успѣхи. Для религіи цензура не могла оказать никакой услуги, начиная отъ Рабеля до Вольтера; для морали тоже ничего, начиная отъ Аретина до маркиза де-Сада. Для власти — тоже ничего, потому что передъ революціей «директоры печати» не смѣли, стыдясь запрещать печатать то, что уже у всѣхъ было на языкѣ. Стало-быть въ прошломъ столѣтіи предупредительная цензура не успѣла ничего предупредить. Съ тѣхъ поръ печать освободилась отъ оковъ во всей Америкѣ, въ Великобританіи, въ Италіи, въ Португаліи, въ Бельгіи, въ Италіи. Время сдѣлаетъ д. вездѣ свое дѣло.

Цензура карательная (неговоръ о нынѣшнемъ, безирриформномъ въ исторіи и безирравномъ состояніи печати во Франціи) явилась въ представительномъ правленіи, или вмѣстѣ съ нимъ. Вся правительства нынѣшняго столѣтія во Франціи по принципу признавали свободу печати, но спутывали эту свободу посредствомъ разныхъ побочныхъ постановленій касательно типографій, книжной торговли и т. д. Гдѣ же свобода печати безъ свободы печатанья и продажи книги? Такъ какъ типографщикъ отвѣчаетъ тамъ за цензурное достоинство книги наравнѣ съ авторомъ и издателемъ, то всякій авторъ подвергается тамъ часто невѣжественной цензурѣ типографщика и тоже не очень просвѣщенному разсмотрѣнію книгопродавца. Такимъ образомъ изданная книга поставлена подъ законы карательныя, а печатаніе этой книги осталось подъ гнетомъ предварительной и преувеличенно-осторожной невѣжественной цензуры типографщиковъ. Такая путаница принадлежитъ къ переходнымъ временамъ, когда еще хорошенько неизвѣстно, что умерло вмѣстѣ съ прошедшимъ и что будетъ жить съ будущимъ.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ БУРСѢ

ФЕБИЛОГИЧЕСКАЯ ОЦѢНКА

(Н. А. ЧУ ВЛ-МУ)

Классъ кончился. Дѣти играютъ.

Огромная комната, вмѣщающая въ себя второуѣздный классъ училища, носитъ характеръ казенщины, выражающей полное отсутствіе домашности и пріюта. Стѣны съ промерзшими насквозь углами глянны, — въ чернобурыхъ полосахъ и пятнахъ, въ пѣнахъ и ржавчинѣ; потолокъ подпертъ деревянными столбами, потому что онъ давно погнулся и безъ водпорокъ грохотъ паденіемъ; полъ въ зимнее время посыпался пескомъ либо опилками; иначе на немъ была бы постоянная грязь и слякоть отъ снѣгу, приносимаго учениками на сапогахъ съ улицы. Отъ задней стѣны идутъ парты (учебные столы); у передней стѣны, между окнами, столъ и стулъ для учителя; вправо отъ него — черная учебная доска; влѣво, въ углу у дверей на табуретѣ — ведро воды для жаждущихъ; въ противоположномъ углу — печка; между печкой и дверями вѣшалка, на спицахъ которой виситъ цѣлый рядъ трапичный: шинели, шубы, халаты, накидки разнаго рода, все перешитое изъ матерныхъ капотовъ и отцовскихъ подрясниковъ — нагольпое, крытое сукномъ, шерстяное и тшное; на всѣхъ этомъ виднѣются клочья, ваты и дыры и много въ томъ мѣстѣ значимъ и прокладнымъ парашотовъ, поглаживающихъ тѣло влохо-коряченнаго бурсака. Въ пять оконъ, съ пусырчатыми и зеленоватыми стеклами, пробивается мало свѣту. Вѣнь и копей въ классѣ; воздухъ мозгляшій, какой-то прогорѣлый, сырой и холодный.

Мы беремъ училище въ то время, когда кончался *периодъ насильственнойнаго образованія* и начиналъ дѣйствовать *законъ осмыквозрастїа*. Были года — давно они прошли — не только малолѣтнихъ, но и бородатыхъ дѣтей по приказанію начальства насильно гнали изъ деревень, часто съ дьяческихъ и пономарскихъ мѣстъ, для наученія ихъ въ бурсѣ письму, чтенію, счету и церковному уставу. Нѣкоторые были обручены *своимъ невѣстамъ* и сладостно мечтали о медовомъ мѣсяцѣ, какъ нагрянула гроза и повѣнчала съ Пожарскимъ, Меморскимъ, псалтыремъ и обиходомъ церковнаго пѣнія, познакомила съ *майскими* (розгами), проморила голодомъ и холодомъ. Въ тѣ времена и въ приходскомъ классѣ большинство было взрослыхъ, а о другихъ классахъ, особенно семинарскихъ, и говорить нечего. Достаточно пожилыхъ долго не держали, а поучивъ грамотѣ года *три-четыре*, отпускали *дьячить*; а ученики помоложе и поусерднѣе къ наукѣ, лѣтъ подѣ тридцать, часто слишкомъ, достигали *богословскаго* курса (старшаго класса семинаріи). Родные съ шачемъ, всемъ и причитаньями отправляли своихъ птенцовъ въ науку; птенцы съ глубокой ненавистью и отвращеніемъ къ мѣсту образованія возвращались домой. Но это было очень давно.

Время перешло. Въ общество мало-помалу проникло сознаніе — не пользы науки, а необходимости ея. Надо было *пробрѣсть* хоть приходское ученье, чтобы имѣть право даже на *пономарское* мѣсто въ деревнѣ. Отцы сами везли дѣтей въ школу, шарты замѣщались быстро, число учениковъ увеличивалось и наконецъ дошло до того, что не помѣщалось въ училищѣ. Тогда изобрѣли знаменитый *законъ великовозрастїа*. Отцы не все еще оставили привычку отдавать въ науку своихъ дѣтей взрослыми и нерѣдко привозили шестнадцатилѣтнихъ парней. Проучившись въ четырехъ классахъ училища по два года, такіе дѣлались *великовозрастными*; эту причину отмѣчали въ *титулкѣ* ученика (въ аттатѣ) и отправляли *за ворота* (исключали). Въ училищѣ было до пятисотъ учениковъ; изъ нихъ ежегодно получали титулку *человѣкъ* сто и болѣе; на смѣну являлась новая масса изъ деревень (большинство) и городовъ, а черезъ годъ отправлялась *за ворота* новая сотня. Получившіе титулку дѣлались *полицейскими*, дьячками, сторожами церковными и консисторскими *шпацинъ*; но наполовину шаталось безъ опредѣленныхъ *занятїй* въ *эпархіи*, не зная куда дѣться со своими титулками, и *впередъ*.

пронеслась грозная вѣсть, что всѣхъ безвѣстныхъ будутъ верстать въ солдаты. Теперь понятно каковы образцы поддержаннаго училищнаго комитета и понятно, отчего это въ темномъ и грязномъ классѣ нынѣ встрѣчаются наполовину сильные веро-
слыхъ.

На дворѣ свинотъ и рѣшій вѣторъ. Ученики и не думаютъ идти на дворъ; съ перваго взгляда замѣтно, что нѣтъ въ огромномъ классѣ болѣе ста человекъ. Какое разнохарактерное населеніе класса, какая смѣсь одеждъ и лицъ!.. Есть двадцати-четыре-хъ-годовалые, есть и двѣнадцати лѣтъ. Ученики раздѣбланы на множество кучекъ; идутъ штры — оригинальнѣя, какъ и все оригинально въ бурсѣ; нѣкоторые ходятъ въ одиначку, нѣкоторые спятъ, несмотря на шумъ не только по полу, но и по партѣ, подъ головами товарищей. Стенъ стоитъ въ классѣ цѣль голесеть.

Большая часть лицъ, которыхъ встрѣтятся въ нашемъ очеркѣ, будутъ носить въ клочки, которыми нарекли ихъ въ товарищество, наприимѣръ *Митаха, Элпача, Таала, Шестидуха, Чабра, Херъ, Шакоу, Олеса, Ерма-Кокета, Катъка* и т. п., но этого не можно сдѣлать съ Семеновымъ: бурсаки дали ему прозвище, какого не пропуститъ никакая цензура — крайне неурядливое.

Семеновъ былъ мальчикъ хорошенькій, лѣтъ шестнадцати. Онъ — городского священника, онъ держитъ себя прилично, одѣтъ чистенько; сразу видно, что училище не успѣло стереть съ него вкочнчательно слѣдовъ домашней жизни. Семеновъ чувствуетъ, что онъ *городской*, а на городскихъ товарищество смотрѣло прерительно, называло бабами; они любятъ маменокъ да кашешкины булочки и пряники, не умѣютъ драться, трусятъ роги, народъ бессильный и состоящій подъ покровительствомъ начальства. Для товарищества рѣдкой городской составлялъ исключеніе изъ этого правила. Странно было лицо у Семенова — никакъ не расгадать его: грустно и въ тоже время хитро; болѣзнь къ товарищамъ снѣжана съ затаенной неважностью. Ему теперь скучно, и онъ, шатаясь изъ угла въ уголъ, поспѣваетъ чѣмъ раз-
влекать. Онъ усиливается удерживать себя вдаль отъ товарищей, въ одиначку; но жѣ составили партіи, играютъ въ разныя игры, поютъ шены, разговариваютъ; и ему захотѣлось раздѣлить съ ними судьбу досугъ свой. Онъ подошелъ къ играющимъ въ ка-
куюсь рѣбно преговорить:

— Братцы, примите жемч. ...

— Гусь самый по товарищу, отвѣчала ему.

— Этого не хочешь ли? проговорила другой, подставива ногу самой пость его смѣтой своей кукишь съ большими гравирми ногтемъ на большомъ пальцѣ...

— Пома по шеѣ не понало, убрался | прибавилъ третій

Семеновъ отомоля уныло исторону; но на него не обратилъ особеннаго вниманія слова товарищей. Онъ точно давно привыкъ и отерѣлся съ грубыми обращеніями.

— Господа, съ нолу сорлячье!

— Кому, Таваля? отвѣчался голоса.

— Гороблагодатскому.

Семеновъ вмѣстѣ съ другими направился къ столу, около котораго тоже шла игра въ камушки между двумя великовозрастными и притомъ Гороблагодатскій былъ второй силой въ классѣ, а Таваля — четвертой. Лица, окружившія игромъ, пріятно осклаблялись, ожидая увеселительнаго зрѣлища.

— Ну! сказалъ Таваля.

Гороблагодатскій положилъ на столъ руку, растопыривъ на ней пальцы. Таваля развѣтилъ на рукѣ его пять небольшихъ камней самымъ неудобнымъ образомъ.

— Валий! сказалъ онъ.

Тотъ вскинулъ вверхъ камень и поймавъ изъ нихъ только три.

— За два! подхватили окружающіе.

— Пини, братъ, къ родителямъ письма, прибавилъ Таваля съ своей стороны.

Гороблагодатскій, ничего не отвѣчая, полезилъ лѣвую руку на столъ. Таваля кинулъ камень въ воздухъ, во время его полета успѣвъ съ страшной силой щипнуть руку Гороблагодатскаго и опять поймавъ камень.

Толпа захохотала.

Игра въ камушки вѣроятно весьма извѣстна, но въ училищѣ она имѣла оригинальнѣйшія дополненія: здѣсь она со щипочками и притомъ щипочками додедотемскими, темляцкими, германскими и съ нолу сорлячками, которые доставались програвившему. Безъ щипочковъ играда самая молодая, самая зеленая принадлежность; а при щипочкахъ съ нолу сорлячки присутствовать товарищамъ.

Между тѣмъ лажка (главный камень) легала въ воздухѣ, а Таваля своими здоровенными руками опирывалъ воду на другіе

партнера и дергала ее съ ожесточеніемъ. После двадцати минутъ шпозъ рука сильно покрасѣла; послѣ пятидесяти пошлакъ снова.

— Любо ли? спрашиваетъ Таваля, заглядывая ему въ глаза. Протвѣнникъ молчитъ.

— Любо ли?

— Опять отвѣта нѣтъ.

— Впередонь, впередонь его! говорить окружающіе.

— Заплачь, такъ прощю! говорить Таваля.

— Смотри, чтобы самому пламалъ не пришлось! отвѣтилъ Гороблагодатскій. Здоровый дѣтина вынесилъ сильную боль въ рукѣ, но только ирачный взглядъ обнаружилъ что онъ чувствуетъ.

— Что, дядя, больно?

Таваля далъ такого шипка, что Гороблагодатскій неловко стпанулъ зубы. Всѣ захохотали.

— Жизньота аль смерти?

Сильный идинокъ повторился при хохотѣ зрителей. Въ этомъ хохотѣ не слышалось злорадованья или непріязненной насмѣлки; товарищи видѣли во всемъ только комическую сторону. Одинъ лишь Семеновъ улыбался какъ-то особенно; его удовольствіе не походило на удовольствіе другихъ, и дѣйствительно онъ загадочно повтарялъ въ душѣ:

— Такъ и надо, такъ и надо!

Дошло до ста...

— Ну, чертъ съ тобой! заключилъ наконецъ Таваля.

Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Таваля и рѣшился на веру съ нимъ въ надеждѣ остаться побѣдителемъ и задать ему болѣе, чѣмъ съ пылу горячихъ. Оба они были створокуренны. Каждое учебное заведеніе имѣетъ свои преданія. Аборигены училища, насильно посаженные за книгу, образовали изъ себя створидителю, которое стало во враждебныя отношенія къ начальству и завѣщало своимъ потомкамъ ненависть къ нему. Начальство со своей стороны также стало во враждебныя отношенія къ товариществу и чтобы сдерживать его въ границахъ училищной дисциплины (кодексъ правилъ для поведенія и ученія), изобрѣло дѣлуду бюрократическую систему. Зналъ, что всѣмъ дарство, раздѣльшееся на ся, не усломта, что отдаю однокъ поддѣржаной докъ власть другимъ, ждая внести въ средю.

ихъ междуусобіи. Такими властями были : старшіе сматрители — изъ второ-уѣдныхъ; старшіе дежурные — изъ спальныхъ; сарматинцы на повеленіи въ классѣ; аудиторы — выслушивающіе по утрамъ уроки и отмѣчающіе балы въ *нотатахъ* (особой тетради для баловъ); наконецъ послѣдняя власть и едвали не самая страшная — *сквудаторъ*, ученикъ, который до приживанію учителя сѣлъ своихъ товарищей. Всѣ эти власти выбирались изъ *второкурсныхъ*. Ученикъ, просидѣвъ за партю два года, за лѣность и малоуспѣшность оставался въ томъ же классѣ еще на два : этотъ и назывался *второкурснымъ*. Очень естественно, что такой ученикъ что-нибудь да выносилъ изъ уроковъ учителей и потому больше зналъ, чѣмъ первокурсный ; это бралось начальствомъ во вниманіе и расчетъ былъ вѣронъ : *второкурсные*, желая удержать власть въ рукахъ, учились усердно и большинство изъ нихъ заняло первыя мѣста, потому что не бездарность, а лѣнь дѣлала ихъ *второкурсными*. Вотъ основы училищной бюрократіи, при помощи которой начальство хотѣло разрушить товарищества.

Изъ всего этого вышла одна гадость. Ко *второкурснымъ* было полное довѣріе начальства ; жалоба на нихъ была оскорбленіемъ для смотрителя и инспектора ; деспотизмъ ихъ развился въ высшей степени, и ничто такъ не оподляетъ духъ учебнаго заведенія, какъ власть товарища надъ товарищемъ ; цензора, аудитора, старшіе и *сквудаторы* получили полную возможность дѣлать что угодно. Цензоръ былъ чѣмъ-то вродѣ царька въ своемъ царствѣ, аудитора составляли придворный штатъ, а *второкурсные* — аристократію. Притомъ *второкурсные*, просидѣвъ лишнихъ два года, понятно, дѣлались взрослыми, а потому и физическая сила была на ихъ сторонѣ. Наконецъ по той же причинѣ они знали обряды и формы своего класса, характеръ учителей, умѣнье надувать ихъ. Новичекъ безъ помощи *второкурснаго* не умѣлъ ступить шагу. Начальство, вводя такой деспотизмъ, думало, что оно поселитъ въ товариществѣ ябеду и доносъ. Случилось совсѣмъ не то : при училищномъ *второкурснѣ* только народились въ товариществѣ такія гадины, отвратительныя гадины, какъ Таваля, и такіе дикіе характеры, какъ Гороблагодатскій. Они ненавидѣли другъ друга, потому что воспользовались дачною имъ властью для разныхъ цѣлей! Такого же

надѣянъ и другіе слыши — Малюсина и Бонифидова; она надѣялась и проспрала.

Тавла, изъ несчастій второкурснаго адватора, притомъ въ несчастій сибала, былъ нестерпимый взяточникъ, дралъ съ подчиненныхъ деньгами, бумагой, корціями сивалиты, бумагой, иппаномъ. Ко восту восту Тавла былъ расточникъ. Ростъ въ училищѣ при великомъ его педагогическомъ устройствѣ былъ бессовестенъ, наглъ и жестокъ. Въ такія разсѣрахъ она нигдѣ и никогда не была и не будетъ. Вовсе не рѣдкость, а напротивъ норма, когда дарить коммодъ, взятыя на недѣльскій срокъ, отдавать имъ младшею коммодомъ, т. е. на общеримскому званію на воде, это выйдетъ двадцать или пара или три на коммодомъ. Нравъ строгъ должно замѣтить, если должникъ не принесъ слезъ по условію долгу черезъ недѣлю, то черезъ слѣдующую недѣлю онъ обязанъ былъ принести вмѣстѣ пятнадцать двадцать коммодомъ. Такой ростъ неизвѣстно съ какихъ поръ вошелъ въ обычай Бурсы; не одинъ Тавла живодерничалъ; онъ былъ только виднѣе другихъ. Необходимость въ зимнѣ всегда существовала: Цезарь или аванторъ требовали вятки; но давай — бѣда, а денегъ нѣтъ, вѣтъ и вѣдетъ первокурсный къ своему же товарищу, не ростовщикъ, согласенъ на какой угодно процентъ, лишь бы избавиться отъ престонокъ грядущихъ расфатей. Кредитъ обыкновенно гарантируется кулакомъ либо всоглавною возможностью нагадать должику, потому что рисковали на ростъ только второкурсники. Надо замѣтить, что большая часть тягостей въ этомъ отношеніи падала на городскихъ, потому что они каждое воскресенье ходили домой и приносили съ собою деньжонки; поэтому на городскихъ налегали всѣ, хотя и нѣтъ ихъ считался уже богачемъ, кто получалъ на недѣлю какой-нибудь гривеникъ. Поэтому многіе были въ неоплатномъ долгу и шерѣдко состояли въ бѣгахъ. Пошлая, гнилая и развратная натура Тавла проявилась вся при деспотизмѣ второкурсія. Онъ жаль баринъ, никого знать не хотѣлъ; ему писались записки и вокабулы, по которымъ онъ учился; самъ не встаетъ для того, чтобы наняться воды, а кричать: «ай, Катина, шель!» Подъавиторные чесали ему пятки, а шель велить взять перочинный ножъ и скоблить ему между волосами въ головѣ, очищая эту поганую голову отъ перхоти, которая почему-то называлась цлотью; заставляла говорить ему сказки, да непримѣнно

страшнее; а не страшно; там отдусть; да и «бить тонко» при глубокомъ развратѣ Таала не служили для него подвѣдаторъ-внѣ! При всемъ этомъ онъ былъ нестерпимъ съ тѣми, кто служилъ ему. — «Холонокъ, говоритъ, Катала, *рабника съѣсть?*» и шепчетъ шивагъ подчиненнаго за волосы. — «Тебя нашеннаа хотъ тамъ гладкая по головокѣ; постей же, я покажу; какъ папешка садитъ»; послѣ этого, уставивъ палецъ протѣтъ ширени (ло-доѣ), онъ влотно проводилъ нмъ отъ начала лба и до конца затылка. — «Видала ли ты Москву?» спрашивающъ онъ ученика, и, прикладываясь своею широкію, потнымъ, свѣрымъ ладоню къ ушамъ подвѣдаторнаго, сжимаетъ между ними голову его и шепчетъ, приподнявъ къ воздуху, говоритъ: «шшера шшаше: ли Москву? хотъ онъ!» Онъ зашибалъ своихъ товарищамъ селамъ, т. е. подешить ученика на сидѣнье варгъ, лицомъ сверхъ, поджимая его ноги и гнетъ ихъ къ лицу. Шлюнуть въ лицо товарищу, ударить его и вслѣдствіи необходимости составлять потребности его души. Извѣстно было товарищамъ, что онъ однажды дѣббалъ нѣтъ губале неопырившихся воробьиныхъ щенцовъ, взявъ за тонкія ноги и разорвалъ воробья на части. Момшарѣтво его неавидѣло; большинство боллосъ и неавидѣло.

Гороблагодатскій былъ сильная, не дикая натура. Второнурсе страдало на немъ совершенное ничто, нежелалъ на Таалѣ. Онъ былъ положительнымъ доказательствомъ, что начальство ошиблосъ въ расчетъ, вводя деспотизмъ ученика надъ ученикомъ и черезъ то желая внести въ товарищество ябеду и доносъ. Товарищество въ самомъ деспотизмѣ нашло себѣ опору. Второнурсые сдѣлались хранителями преданій, и получивъ по наследству ненависть къ начальству, употребляли власть, имъ данную, на то, чтобы гадить тому же начальству. Цензоръ, авантюръ, сѣсундаторъ стали на сторонѣ товарищества, а во главѣ ихъ всѣхъ, въ тотъ курсъ, который описывается ны, стоялъ Гороблагодатскій. Наланство, нюканье табаку, самовластные отлучки изъ училища, драки и шумъ, разные негнѣныя игры — все это было запрещено начальствомъ и все это нарушалось товариществомъ. Подѣнная дробня и спартанскія наказанія ожесточали учениковъ, и ничего имъ такъ не ожесточило, какъ Гороблагодатскаго.

Онъ былъ *опьятмй*.

Отнѣтый характеристиченъ и на внутреннему, и по знѣмому складу. Онъ ходитъ заломивъ козырь на шапкѣ, руки ма-

краснѣ, превратъ пасека въ сарай, съ стовпными перегородками
поги на ногу; все его фигура гнѣ и говоритъ: «качель, треску
на реверт. душистый не веситъ. — рѣдко дася, кому, дорогу,
обойдетъ начальства, дадего, тѣбы, только любить: велико,
Гороблагодатскій поддерживаетъ самое несправедливое дѣло, если
судитъ: нехотятъ, кому, между, выспитъ, властей, — смилостивитъ, дѣла
изува. — Онь, ревизоръ старшын и преданій, стоить за свободу и
возможность бурсакъ, и если кому-то будетъ, не поладитъ для этого
судимого дѣла, ни репутации, ни титула. Онь, аспещной, свободе
успѣшности. — Бурсаки съ такими доблестями обывающе дѣла-
ють, судитъ. Не, стѣны, были разного рода: одна дѣлаетъ
кальканъ, блонна; все было дурачествомъ; пошла, на, дер-
жавное, тѣтъ же, армянской; другія, знавала, въ, чуждыми
отъ, была, поборе, излуны, по, дѣламъ, безпалавца; Горобла-
годатскій же былъ стѣпный — блонна; онь, шель, въ, прѣдѣле
въ, унѣтъ, и, съ, несла, вѣкъ, не, поладонію. Блонна, в, отчуждый, унѣ
въ, шиды, печалосту, а, блонна, главо: на, прѣдѣлѣ, вдритъ, ар-
верочетъ, учило, въ, лице, и, покажетъ, ему, кунишь; — вдритъ
благого, а, черезъ, тѣ, вѣкъ, времени, онь, оня, въ, вѣкъ, къ, кому-
кабула, главою, дѣраостъ. Не, никто, изъ, отѣтъ, такъ, въ, солда
калькану, какъ, Гороблагодатскій. Если, вымазали, окону,
дѣржаче, скорпимой, размазкой (жидкая, промывка, дѣла), — не, кому,
блонну, учило, вѣтъ, (1) — не, пустили, въ, нубу, сѣтъ, въ, вѣкъ, вѣтъ,
перемали, ноги, или, отѣрвали, хвостъ, обирали, по, вѣтъ, смотря-
гала, шибилы, мечью, дѣлѣ, рядъ, стаколь — все, это, были, дѣла
Гороблагодатскаго, который, смѣло, делъ, за, собою, на, пакость,
на, вѣтъ, блонна, и, отчуждый. Когда, требовалось, устроить,
стычку, вѣтъ, начальства, то, оня, конволомъ, былъ, Горобла-
годатскій: шель, его, вѣтъ, отѣтъ, на, вѣтъ, вѣтъ, недавно, сѣ-
чѣтъ, и, вообще, не, довольныхъ; эти, волну, весь, классъ, са-
мы, смиренны, и, кроткіе, начинаютъ, шумѣть, и, грозить, товарище-
ство, вѣтъ, вѣтъ, — и, вѣтъ, бурсацкій, скандалъ, который, на, вѣтъ,
номъ, вѣтъ, называется, бунтомъ. Протестанты, на, вѣтъ, знаютъ,

(1) Этихъ вѣтъ, было, огромное, количество, въ, бурсѣ. Не, повѣрять, что,
однѣ, учены, были, почти, съ, вѣтъ, ими; онь, олушилъ, вѣтъ, — вѣтъ, олушилъ,
вѣтъ, для, паразитовъ; дѣлѣ, стада, на, виду, ходилъ, въ, его, вѣтъ, и,
печалосту, головъ; когда, однажды, сняли, съ, него, рубашку, и, вынесли, ее, на,
сѣтъ, то, сѣтъ, зачернѣлъ, отъ, нихъ. Вообще, не, опрятность, бурсы, была, по-
рѣдѣтъ; вѣтъ, чѣтъ, и, гравъ, тѣтъ, вѣтъ, бурсака.

что она ничего не добьется отъ начальства: если наприцѣръ еще кормили убогой, недолгой напалдой, то они утѣрились, что и послѣ возмущенія будутъ дѣть ту же убогую; на они по крайней мѣрѣ главѣ сорвутъ, а тамъ поря собѣ достанетъ.

Гороблагодатскому, какъ отиѣтому, часто доставалось отъ начальства; продолженіи они дѣть онъ былъ отъ нихъ разъ триста и безконечное число разъ подвергался другимъ разнообразнымъ наказаніямъ бурсы; но во всякомъ случаѣ должно сказать, что его все-таки мало сбивли: за его разныя продѣлки ему сдѣдовало бы подвергнуться наказаніямъ по крайней мѣрѣ: пять разъ больше, на онъ былъ ловекъ а хитеръ. Въ бурѣ отпѣтыки было изобрѣтено много способовъ, чтобы надуть начальство. Особенно замѣчательны были пріемы подъ названіемъ мусинны съ кружкою. Наприцѣръ отиѣнуть табакерку: А.; А. говорить, что она по его, а В.; В. сымаются на Д., Д. на А.; А. сытъ на В. — вотъ и круговая: разишите, чѣмъ табакерка: Въ круговую заводился человекъ традцать, и тогда самъ Соломонъ не разбереть, кого сдѣдуетъ вывереть. При бунтахъ всегда прибѣгали къ круговой. — «Ты зачѣмъ кричалъ во время класса?» — «Моя научалъ тамой-те. — А ты зачѣмъ?» — Тотъ сымаются на другого, и пошла колдоворова, въ которой самъ чертъ погу слемить. Надуть товарищество считалось преступленіемъ, надуть начальство — подвигомъ и добродѣтелью. Случалось, что сбивли не того, кого сдѣдуетъ, но наказываемый рѣдко выдавалъ вѣщаваго. Добровольное сознаніе въ преступнѣи ученики признавали за немощь и трусость; напротивъ, кто больше и ваглѣе лгалъ передъ начальникомъ, безсовѣстно заирался, шуталъ дѣло мастерски, божился и клялся на чѣмъ свѣтъ стоитъ, тотъ высоко стоялъ въ глазахъ бурсацкой общины. Но и въ этомъ отношеніи Гороблагодатскій стоялъ выше всѣхъ; послѣ долгой врагнни въ скандалахъ разнаго рода онъ приобрѣлъ навыкъ въ самомъ изворотливомъ заирательствѣ. Другіе только не сознавались въ преступнѣи, а онъ съ самоувѣренной дерзостью, глядя прямо въ глаза начальнику, огрызался, и въ то время такая оскорбленная невинность была написана на его лицѣ, что опытный физиономистъ и психологъ сбился бы съ толку. Онъ входилъ дотого въ роль невиннаго, что самъ считалъ себя невиннымъ и подъ лозами никогда не сознавался. Все что исходило отъ начальства онъ презиралъ и ставилъ ни во что: поэтому рожи, ослеухи,

лишенія обѣда, стоянье на колѣняхъ, земные поклоны и т. п. для него положительно не имѣли никакого моральнаго значенія. Наказанія было до такой степени дѣло невозможное, лишонное смыслу и полное только боли и крику, что Гороблагодатскій, съѣхенный публично въ столовой, предъ лицомъ пятисотъ чело-вѣкъ, не только не стѣснялся сразу же послѣ порки явиться: передъ товарищами, но даже похвалялся передъ ними. Полное безстыдство предъ начальнической розгой создало мѣстную поговорку: *не рвутъ святыя, а сплутъ только*. Да чего лучше: съкундаторъ, товарищъ, съкушій своихъ товарищій, уважаемъ и любимъ былъ ими, потому что и онъ служилъ въ ихъ видахъ: искусный въ своемъ дѣлѣ, онъ сильно дралъ своихъ товарищій и свистѣли дозы по воздуху, когда подъ ними лежала добрая голова. Гороблагодатскаго много съкли; случалось ему вкушать даже доста ударовъ и потому онъ переносилъ розги легче нежели его товарищи, вслѣдствіе чего съ абсолютнымъ презрѣніемъ относился къ какому бы то нибыло наказанію. Ставили его колѣнами на поклатой доскѣ парты, на выдающееся ребро ея, заставляли въ двухъ шубахъ волчьихъ дѣлать до двухсотъ земныхъ поклоновъ, приговаривали держать въ поднятой рукѣ, неопуская ее, тяжелый камень по получасу и болѣе (нечего сказать, изобрѣтательно было начальство), жарили его ливейкой по ладони, били по щекамъ, посыпали съѣхеное тѣло солью (вѣрьте, что это факты) — все онъ переносилъ спартански: лицо его дѣлалось послѣ наказанья свирѣпо и дико, а на душѣ копилась ненависть къ начальству. Мы видѣли въ Гороблагодатскомъ переносчивость физической боли, когда Тавля задавалъ ему съ пылу горячихъ.

Но кража, сплетня, порча чужихъ вещей и всякая гадость не считались пороками только относительно начальства, а въ себѣ самомъ товарищество было честно, и съ этой стороны Гороблагодатскій является въ новомъ свѣтѣ. Онъ не взялъ ни одной взятки, безпристрастно и справедливо отмѣчалъ подъявительнымъ балы, не куражился надъ ними, часто защищалъ слабосильныхъ, любилъ вмѣшиваться въ ссоры, и хотя деспотически, но всегда справедливо рѣшалъ ихъ; онъ постоянно солилъ ростовщикамъ и зятючникамъ. Товарищество его любило и уважало.

Мы сказали, что Гороблагодатскій глубоко ненавидѣлъ Тавлю за его гнусную натуру; но онъ съ нимъ играетъ въ камушки: ему хочется выиграть и помучить Тавлю.

Кончивъ шашки, Тавля предложилъ лукаво:

— Не хочешь ли еще?

Тавля отлично игралъ въ камушки и надѣялся на себя.

— Давай! упорно отвѣчалъ Гороблагодатскій.

Камни опять зашлокали.

Семеновъ издали наблюдалъ за игроками. Семеновъ былъ третій типъ училищный, созданный тою же бураскою администраціею. Товарищество сегодня огласило его *фискаломъ*.

Начальство понимало, что черезъ свое педагогическое устройство бурсы оно не достигло цѣли, но вмѣсто того чтобы отнестись отъ училищныхъ порядковъ, оно пошло по пути неумолимости дагѣе. Явилось новое должностное лицо — фискаль, который тайно сообщалъ начальству все что дѣлалось въ товариществѣ. Нонятно, какую ненависть питали ученики къ наушнику; и дѣйствительно, требовался громадный запасъ подлости, чтобы рѣшиться на фискальство. Сноспособные и прилежные ученики не наушничали никогда, они и безъ того занимали видное мѣсто въ спискѣ; тайными домосчиками всегда были люди бездарные и подловатенькіе трусы; за низкую посылку начальство переводило ихъ изъ класса въ классъ, какъ дѣльныхъ учениковъ. Но мы сказали, что товарищество само въ себѣ было честно и потому не уважало тѣхъ учениковъ, которые за взятку начальнику, по родственнымъ связямъ, по протекціи, а тѣмъ болѣе за фискальство, занимали не свое мѣсто въ спискѣ. Кромѣ того ученики вполне справедливо были увѣрены, что наушникъ переносилъ не только то, что въ самомъ дѣлѣ было въ товариществѣ, но и клеветалъ на нихъ, потому что фискаль долженъ былъ всячески доказать свое усердіе къ начальству. Но когда онъ передавалъ инспектору или смотрителю даже правду, и тогда онъ возбуждалъ въ классѣ ненависть и злобу: на примѣръ дѣти собираются устроить попойку, оторвать хвостъ экономской свиньи, улизнуть къ знакомой прачкѣ или чѣмъ инымъ развлечься, и вдругъ инспекторъ, предувѣдомленный заранѣе, вмѣсто развлечения дралъ ихъ не на животъ, а на смерть. Правда, въ большинствѣ случаевъ, при нецѣлѣуемомъ упорствѣ бурсаковъ, доносы не вели къ наказанію, но начальство изъ доносовъ все-таки умѣло сдѣлать полезное для себя употребленіе. Какъ объяснить, отчего инспекторъ за одинаковое преступленіе двоихъ учениковъ наказывалъ неодинаково? Это болшею частью объяснялось

тѣмъ, что на ученика сильно наказаннаго были доносы черезъ фискаловъ. Начальство особенно не терпѣло тѣхъ лицъ, которые несправедливы и преслѣдовали наушниковъ. Вся ябедя, добытая черезъ наушниковъ, вносила въ черную книгу. Эта книга имѣла огромное значеніе при переводѣ изъ класса въ классъ; тогда многимъ неожиданно вручались *волчьи пачпортты*: это тѣже титулки, только съ отмѣткою въ нихъ о дурномъ поведеніи; такія титулки объяснялись единственно черною книгою.

Семеновъ чувствовалъ, но страшно вѣрить ему было, что товарищество догадалось, что онъ фискаль. Онъ ясно замѣтилъ, что съ нимъ никто не хочетъ слова сказать, а первой мѣрой противъ наушника было *молчаніе*: цѣлый классъ, а иногда все училище соглашалось не говорить ни слова, исключая брани, съ фискаломъ. Положеніе ужасное: жить цѣлыя недѣли среди живыхъ людей и не услышать ни одного привѣтливаго звука, видѣть на всѣхъ лицахъ отталкивающее презрѣніе и отвращеніе, вполне быть увѣрену, что никто ни въ чемъ не поможетъ, а напротивъ съ радостью сдѣлаетъ зло... И дѣйствительно фискаль становился въ товариществѣ внѣ покровительства всякихъ законовъ: на него клеветали, подводили подъ наказанія, крали и ломали его вещи, рвали одежду и книги, били его и мучили. Иное поведеніе относительно фискала считалось *безчестнымъ*.

Но начальство все-таки напрасно развратило навѣки нѣскольکو десятковъ человекъ, сдѣлавъ изъ нихъ наушниковъ: училищная жизнь развивалась въ своихъ негнѣпыхъ формахъ и товарищество дѣлало что хотѣло.

Семеновъ, смотря на играющихъ въ камушки, злорадно усмѣхнулся.

— Съ пылу горячіе! закричалъ Гороблагодатскій.

Въ его голосѣ было что-то зловѣщее. Тавля струсилъ и поблѣднѣлъ на минуту. Около стола опять толпа. Опять камень летѣдетъ въ воздухъ, но теперь Тавлина рука лежитъ на столѣ; напрасно онъ понадѣялся на себя: Гороблагодатскій въ однихъ приемъ взялъ всѣ восемь коновъ, а Тавля срѣзался на пятомъ...

— Конца не будетъ! сказалъ сурово Гороблагодатскій.

Тавля видимо трусилъ. Окружающіе не смѣялись: они видѣли, что дѣло идетъ ненашутку, что Гороблагодатскій мститъ.

Дошло до ста. Отъ здоровенныхъ щипчиковъ вснухала рука

Тавля. Онъ выносилъ страшную боль, наконецъ не вытерпѣлъ и проговорилъ просительно :

— Да ну, полно же!..

— Послѣ двухсотъ проси пощады, отвѣчалъ Гороблагодатскій.

— Вѣдь больно!..

— Еще больнѣе будетъ.

На сто-семидесятомъ щипкѣ у Тавля рука покрылась темнымъ цвѣтомъ. Онъ чувствовалъ ломъ до самаго плеча...

— Довольно же, Ваня... чтоже это будетъ?

Гороблагодатскій вмѣсто отвѣта съ ожесточеніемъ щипнулъ Тавлю.

Тавля зналъ, что слово Гороблагодатскаго ненарушимо, однако онъ ощущалъ дотога сильную боль во всей рукѣ, что не могъ не просить :

— Оставь... вѣдь натѣшился.

— Скажи только слово, еще двѣсти закачу!..

Гороблагодатскій далъ щипчикъ болѣе чѣмъ съ пылу горячій. Тавля не вынесъ : по щекамъ его потекли слезы.

Наконецъ двѣсти.

— Теперь прощенья проси!

Какъ ни больно Тавлѣ, а стыдно прощенья просить.

— Да ну, оставь же!

— Зачѣмъ насмѣхался давечъ?

— Такъ то вѣдь шутка!

— Такъ ты смѣешь, животнос, надо мной шутить!

Жестоко щипнулъ онъ Тавлю.

— Ну прости меня, Ваня...

Гороблагодатскому точно жаль было прекратить мученія ненавистнаго для него Тавля. Онъ собралъ всѣ силы, и отъ послѣдняго щипка рука Тавля почернѣла.

— Будетъ съ тебя. Сытъ ли?.. спросилъ Гороблагодатскій.

Лишь только освободился Тавля, страхъ въ душѣ его смѣнился бѣшенствомъ и злостью.

— Подлецъ! проговорилъ онъ.

— Слышь, не задѣвай! въ зубы съѣзжу!

— Ты?

— Я. А вотъ и харя, съѣзди, сказалъ Гороблагодатскій, подставляя свое лицо...

Тавля забылся въ бѣшенствѣ и залѣпилъ оглушительную плюху своему врагу, но въ отвѣтъ получилъ еще здоровѣйшую. Завязалась драка...

— Такъ и надо, такъ и надо!.. шевелилось въ душѣ Семенова...

Тавля такъ ошалѣлъ отъ злости, что несмотря на истерзанную свою руку, не уступалъ Гороблагодатскому, хотя тотъ былъ сильнѣе его. Злость дотого охмѣлила Тавлю и увеличила его силы, что трудно было рѣшить, на чьей сторонѣ осталась побѣда... Гороблагодатскій затаилъ и эту обиду въ душѣ.

Гороблагодатскій послѣ драки пошелъ къ ведру напиться; на дорогѣ ему попался Семеновъ. Онъ далъ Семенову затрещину и какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ свой путь. Семеновъ съ злостью посматрѣлъ на него, но не смѣлъ пикнуть слова.

Постоявъ немного посреди класса, Семеновъ сталъ безцѣльно шляться изъ угла въ уголъ и между партами, останавливаясь то здѣсь, то тамъ.

Посматрѣлъ онъ какъ играютъ въ *чезарду* — игра вѣроятно всѣмъ извѣстная, а потому и не будемъ ее описывать. Въ другомъ мѣстѣ два парня *ломали пряники*, то-есть вставъ спинами одинъ къ другому и сцѣпившись руками около локтей, поочередно вваливали себѣ на спину другъ друга; это дѣлалось быстро, отчего и составлялась изъ двухъ лицъ одна качающаяся фигура. У печки сѣкундаторъ, по прозванію Супина, учился своему мастерству: въ рукахъ его отличныя лозы; онъ помахивалъ ими и выстѣгивалъ въ воздухъ полосы, которыя должны будутъ лечь на тѣло его товарища. На третьей партѣ играли въ *швычки*: эта деликатная игра состоитъ въ томъ, что одному игроку закрываютъ глаза, наклоняютъ голову и сыплютъ въ голову щелчки, а онъ долженъ угадать, кто его ударилъ; не угадалъ — опять ложись; угадалъ — на смѣну его ляжетъ угаданный. Семеновъ увидѣлъ, какъ его товарищу пустили въ голову цѣлый зарядъ швычковъ и какъ тотъ вставая схватился руками за голову.

— Такъ и надо! повторилъ онъ въ душѣ и пошелъ къ пятой партѣ.

Тамъ одна партія дулась въ три листика, а другая въ воски: извѣстная игра въ карты, въ которой проигравшему бьютъ по носу колодой картъ.

Семеновъ перешелъ къ седьмой партѣ и полюбовался, какъ

шесть *напхивали*. Эти шестеро, взявши руками за нарту, качали *взадъ и впередъ*.

На слѣдующей партѣ Митаха выдѣлывалъ *богородичень на шайчкахъ*, т. е. онъ пѣлъ тихимъ гласомъ «Всемирную славу» и въ тактъ подщелкивалъ пальцами. Тутъ же Ерундія (прозвище) игралъ *на белендрасѣхъ*, перебирая свои жарныя губы, которыя, шлепаясь одна о другую, по мѣстному выраженію *белендрасили*. Третій артистъ старался возможно быстро выговаривать: «подъ *пешолкомъ* полкомъ полколпака гороху», «нашего *повемаря* не перепонмаривать *стать*», «сыворотка *изъ-подъ* простокваши.»

Наконецъ Семеновъ пробрался до стѣны. Здѣсь Омега и Шестнухая Чабря играли въ *плевки*. Оба старались какъ можно выше плюнуть на стѣну. Игра шла на *смазъ*. Шестнухая Чабря плюнула выше.

— Подставляй! сказалъ онъ, расправляя въ воздухѣ свою *втерню*.

Омега выпятилъ свою *лупетку* (лицо).

— Надувайся! сказалъ Чабря.

Омега надулъ щоки.

— Шире бери!

Омега дотого надулся, что покраснѣлъ.

— *Верховая*, началъ Чабря, прикладывая свою руку ко лбу Омеги: — *низовая*, — прикладывая къ подбородку, — *дѣвъ бекеевавъ*, — прикладывая къ одной и другой щекѣ. — Надувайся!

Омега надулся.

— *И всеобщая!* торжественно вскрикнулъ Шестнухая Чабря.

Послѣ этого онъ забралъ лицо Омеги въ пясть, такъ что оно между пальцами проступило жирными и лоснящимися складками, и трясъ его за упитанныя мордасы и кверху, и книзу.

Семенову было скучно. Онъ не зналъ что дѣлать...

— Леденковъ, пряниковъ! Пряниковъ, леденчиковъ!

Это былъ голосъ Элпахи, который обыкновенно торговалъ пряниками и леденцами, отъ чего получалъ немалую выгоду, потому что покупалъ фунтами, а продавалъ по мелочи.

Семеновъ очутился около него.

— На сколько? спросилъ его Элпаха, оглядываясь вокругъ и около, потому что товарищество запрещало говорить съ Семеновымъ, но купеческая корысть Элпахи взяла свое.

— На пять конфектъ.

— Деньги?

— Вотъ!

— Держись.

— Чтожъ ты обсосанныхъ даешь?

— Лучшій сортъ.

— Перемиш, Эдаха.

— Леденчиковъ, пряниковъ! закричалъ Эдаха, отворачиваясь асторону.

Семеновъ, держа на ладоли, разсматривалъ леденцы, нечая съѣсть ихъ или бросить, и уже рѣшился съѣсть, какъ кто-то издадъ подкрался, схватилъ съ руки лакомство и быстро скрылся. Семеновъ со злобой посмотрѣлъ на товарищей, но безсильна была его злоба и въ тоже время одурь брала его отъ скуки.

— Давай играть въ *костяжки*, сказалъ ему Хорь.

Семеновъ самъ удивился, что съ нимъ заговорилъ товарищъ. Отъ недоумѣнно смотрѣлъ на Хоря.

— Что *мядьлы*-то пучишь? не бойся!

— Надуешь...

— Ну вотъ дуракъ... что ты!

— Побожись.

— Ейбогу, вотъ-те Христось!

— Право не падуешь?

— Побожидся! чего-жъ тебѣ еще?

— Ну ладно, отвѣтилъ Семеновъ, отъ души обрадовавшись, что съ нимъ заговорило живое существо, хоть это живое существо и было Хорь.

Въ училищѣ была своя монета — *костяжки* отъ брюкъ, жилетовъ и сертуковъ. За единицу принималась *однодырочная костяжка*; двѣ однодырочныхъ равнялись *четыредырочной* или *парь*; пять парь *кучъ* или *грошу*, пять кучь *великой кучь*. *Костяжки* имѣли цѣну опредѣленную разъ навсегда, и во всякое время за пять парь можно было получить грошъ. Огромное количество костяной монеты обращалось въ бурсѣ. Ею платили при игрѣ *въ юлу* и *въ четъ-нечетъ*. Бывали владѣтели сотни великихъ кучь и болѣе; ихъ можно узнать по тому, что они всегда держатъ руку въ карманѣ и роются тамъ въ костяномъ богатствѣ. Употребленіе костяной монеты породило особаго рода промышленности, которые по ночамъ обрѣзывали *костяжки* на одеждѣ то-

варищей или дѣлали это во время классовъ , модъ партами , сна-
рывая бурсацкую монету сзади сертуковъ .

Хорь былъ одинъ изъ такихъ промышленниковъ . У Хоря ни-
чего не было своего — все казенное , и еслибы не казна , вы
увидѣли бы въ лицѣ его возможность на Руси совершенно голаго
человѣка . У него почти никогда не водилось денегъ . Въ продол-
женіи семи лѣтъ у него не перебивало и семи рублей , такъ что
настоящая монета для него была менѣе дѣйствительна , чѣмъ ко-
стяжки . Эта былъ нищій второуѣзднаго класса , и мастеръ же онъ
былъ *кальчить* . Узнавъ , что у товарища есть булка или какое-
нибудь лакомство , онъ приставалъ къ нему какъ съ ножомъ къ
горлу , конючилъ и выпрашивалъ до тѣхъ поръ , пока не удовле-
творять его желаніе . Будучи безъ роду и племени , круглый си-
рота , онъ безвыходно жилъ въ училищѣ , на канникулы никогда
не ѣздилъ и до того втянулся во всѣ формы бурсацкой жизни ,
что кромѣ ея другой не существовало для него . Только въ ка-
никулярное время посѣщалъ онъ базаръ сосѣдній , рѣку да лѣсъ :
здѣсь былъ конецъ его свѣта . Учиться Хорь терпѣть не могъ , но
учился , потому что не могъ терпѣть и розги : изъ двухъ золъ (а
бурсацкое ученье — зло) приходилось выбирать меньшее . Онъ
былъ страстный игрокъ въ костяжки ; но наживши кое-какъ ве-
ликую кучу , онъ либо вымѣнивалъ ее на деньги и проѣдалъ ихъ
съ жадностью нищаго , либо опять проигрывалъ , потому что
игралъ несовсѣмъ счастливо . Тогда съ перочиннымъ ножомъ
онъ промышлялъ подъ партами , либо по ночамъ подъ подушками
товарищей , куда ученики прятали свою одежду . У одного това-
рища такимъ образомъ онъ споролъ съ одежды всѣ костяжки ,
такъ что не-начто было застегнуться — все валилось долой ,
хоть умирай . Однажды Бенелявдовъ , первый силачъ класса , во
время урока , при учителѣ , поймалъ его за волоса подъ партой
и задалъ ему *волосянку* . Просить пощады нельзя было : замѣ-
тить учитель . Послѣ долго смѣялись надъ Хоремъ , говоря , что у
него волоса распухли . Теперь у Хоря только и было пол-пары , го-
есть однодырочная .

— Чегъ аль нечеть? спросилъ онъ загадывая .

— Пусть нечеть , отвѣчалъ Семеновъ .

— Твое . Теперь ты .

Семеновъ загадалъ , но лишь только открылъ онъ ладонь , что-

бы сосчитать, вѣрно ли Хорь сказалъ «нечетъ», какъ хищный Хорь схватилъ костяжки и спряталъ ихъ себѣ въ карманъ.

— Чтоже это, Хорь? говорилъ Семеновъ.

— Я тебѣ Хорь?.. а въ ухо хочешь?

— Оплетохома, сказалъ одинъ изъ товарищей.

— Беззаконнохома, прибавилъ другой.

— И неправдохома, заключилъ третій.

— Отдай, Хорь; право, отдай.

— Опять Хорь?.. Рожа растворю, зубы на зубы помножу!

Семеновъ не сталъ болѣе разговаривать. Несчастный отошелъ всторону. Нигдѣ не было для него пріюта. Онъ вспомнилъ, что у него въ партѣ есть горбушка съ кашей. Семеновъ хотѣлъ позавтракать, но горбушки не оказалось. Раздраженный постоянными столкновениями съ товарищами, онъ обратился къ нимъ со словами:

— Господа, это подло наконецъ!

— Что такое?

— Кто взялъ горбушку?

— Съ кашей? отвѣчали ему насмѣшливо.

— Сшибрили?

— Сбоддили?

— Сляпсили?

— Сперли?

— *Лифа*, братъ!

Всѣ эти слова въ переводѣ съ бурсацкаго на человѣческій языкъ означали: «украли», а *лифа* — лихо!

— Комедо! раздался голосъ Тавли.

— Иду! было отвѣтомъ.

Семеновъ еще послѣ обѣда подслушалъ, что у Комеды съ Тавлей состоялся странный споръ на пари, и потому посидѣвши на голосъ Тавли, забывъ о своей горбушкѣ.

— Готово? спросилъ Комедо.

— Есть! отвѣчалъ Тавля и развязалъ узелъ, въ которомъ оказалось шесть трехкопѣчныхъ булокъ.

— Сожрешь?

— Сказано.

Толпа любопытныхъ обступила ихъ. Комедо былъ парень

дѣтъ девятнадцати, высокаго роста, худощавый, съ старособразнымъ лицомъ, сгорбленный.

— Условія?

— Не стрескаешь — за булки дашьми заплати, а стрескаешь — съ меня двадцать копѣекъ.

— Давай.

— Смотри, ничего не пить, пона не съѣшь.

Вмѣсто отвѣта Комедо сталъ уплывать бѣлый хлѣбъ, который такъ рѣдко вѣдятъ бурсаки.

— Разъ! считали въ толпѣ: — два, три, четыре...

— Ну-ка пятаю...

Комедо улыбнулся и съѣлъ пятаю.

— Хоть на шестой-то подавись!

Комедо улыбнулся и съѣлъ шестую.

— Прорва! говорилъ Тавла, отдавая двадцать копѣекъ.

— Теперь и напиться можно, сказалъ Комедо.

Когда онъ напился, его спрашивали:

— А еще можешь съѣсть что-нибудь?

— Хлѣба съ масломъ съѣлъ бы.

Достали ломоть хлѣба и масла достали.

— Ну-ка попробуй!

Онъ съѣлъ.

— А еще?

— Горбушку съ кашей съѣлъ бы.

Добыли и горбушку. Его кормили изъ любопытства. Онъ съѣлъ и горбушку.

— Эка тварь!.. Куда это лѣзетъ въ тебя, животное ты эдакая! Скотъ! Какъ ты не лопнешь, подлецъ?

— А что брюхо? спросилъ кто-то.

— Тугое, отвѣчалъ Комедо, тупо глядя на всѣхъ...

— Очень?

— Пощупай.

Стали брюхо щупать у Комеды.

— Ишь ты, стерва!.. какъ барабанъ!..

— А что, два фунта ватона съѣшь?

— Съѣмъ.

— А четыре миски каши?

— Съѣмъ...

— А пять рѣдець?

— А четыре ковша воды выпьешь?

— Не знаю... не пробовалъ... Я спать хочу...

Комедо отправился въ Камчатку. Долго толпа ругала Комеду и стервой, и прорвой, и всячески...

Между тѣмъ Тавля, накормивъ на свой счетъ Комеду, по обыкновенію озлился. Одному изъ первокурсныхъ попала отъ него затрещина, другому онъ загнулъ салазки, третьему слѣлалъ смазь. Гороблагодатскій видѣлъ это и въ душѣ называлъ Тавлю скотиной. Потомъ Тавля посмотрѣлъ на игру въ скоромные. Васенда наводилъ: онъ выставляетъ руку на партѣ, а Гришкецъ со всего маху ладонью бьетъ его по рукѣ. Васенда старается отдернуть руку, чтобы Гришкецъ далъ промахъ: тогда уже будетъ подставлять руку Гришкецъ. Это Тавлю не развлекало.

— Не *садануть* ли въ постные? пробормоталъ онъ.

Онъ сталъ оглядываться, желая узнать, не играютъ ли гдѣ въ постные.

— А, вонъ гдѣ! сказалъ онъ отыскавъ то что требовалось.

Около заднихъ партѣ подлѣ Камчатки собралось человѣкъ восемь. Одинъ изъ нихъ, положивъ голову на руки, такъ что не могъ видѣть окружающихъ, наводилъ; спина его была открыта и выпячена впередъ. Поднялись надъ спиной руки и съ трескомъ опустились на нее. Къ ударамъ другихъ присоединился и ударъ Тавли. По силѣ удара наводившій догадался, чей онъ былъ...

— Тавля ударилъ, сказалъ онъ.

Тавля легъ подъ удары.

Гороблагодатскій между тѣмъ направлялся правымъ плечомъ впередъ, помедвѣкья, къ той же кучкѣ. Увидѣвъ, что Тавля наводитъ, онъ присоединился къ играющимъ.

Ударили Тавлю.

— Хлестко! говорили въ толпѣ.

— Ты восчувствуй, дорогая, я за что тебя люблю!

— Кто ударилъ?

— Ты.

— Вали его... вали снова!..

Тавля наклонился...

— Вабутетень его!

— Взъерепень его!

— Чтобъ насквозь прошло!

Трехпудовый удар упалъ на спину Тавля.

— Гороблагодатскій, сказалъ Тавля, едва переводя духъ...

— Растянуть его снова!

Опять повторился сильный ударъ...

— Бенелявдовъ, указалъ Тавля.

— Вали еще!..

— Чтожъ, братцы, эдакъ убить можно человѣка...

— Зачѣмъ мало каши ѣлъ?

— Жарь ему въ становой.

Опять сильный ударъ и опять не угадалъ Тавля.

— Чтожъ это, братцы?.. убить чтоли хотите?

— Значить любимъ тебя, почитаемъ, сказалъ Гороблагодатскій.

— Братцы, я не лягу.... чтоже такое!.. другихъ такъ не бьютъ ..

— А тебя вотъ бьютъ!

— Жилить?

— Вадуемъ!

— Морду расквашу! сказалъ Гороблагодатскій.

— Братцы...

— Ну! крикнулъ грозно Бенелявдовъ.

Тавля угадалъ наконецъ... Игроки захохотали, когда онъ сказалъ:

— Я не хочу больше играть...

— Отчего же, душа моя? спросилъ Гороблагодатскій.

Тавля взглянулъ на него съ ненавистью, но не сказавъ ни слова удалился потѣшаться надъ первокурсными... Кучка продолжала игру въ постные. Но вдругъ одинъ изъ играющихъ поднялъ носъ и понюхалъ воздухъ.

— Кто это? спросилъ онъ.

Поднялись носы и другихъ игроковъ. Потомъ всѣ подозрительно посмотрѣли на Хорька.

— Ейбогу, братцы, не я... вотъ те Христось, не я... хоть обыщите...

— Чичеръ!.. провозгласилъ Гороблагодатскій.

Человѣкъ десять вицпнулись Хорьку въ волоса, а одинъ изъ нихъ запѣлъ:

— Чичеръ, ячеръ, на-вечеръ; кто не былъ на пьру, тому

волосы деру; съ кровью, съ мясомъ, съ печенью, перепеченью, Кочена иль пирога?

— Пирога, пицалъ Хорь...

— Не проси пирога, мука дорога. Чичерь, ячеръ, на-вечерь; кто не былъ на пиру, тому волосы деру; съ кровью, съ мясомъ, печенью, перепеченью... Кочена иль пирога?

— Кочена.

Снова почали, и опять пропѣли «чичерь»...

— Кокъ или вилки въ бокъ?

— Кокъ! отвѣчалъ истасканный Хорь.

Послѣ этого, отпустивъ въ его голову нѣсколько щелчковъ, отпустили его съ миромъ, говоря:

— Не безчинствуй!..

— Черти эдакіе! отвѣчалъ Хорь: — я въ другой разъ еще не такъ!

Семеновъ, видя какъ таскали Хоря, шепталъ:

— Такъ и надо, такъ и надо!

Но Гороблагодатскій схватилъ Семенова сзади и положилъ на парту вмѣсто того, кто долженъ былъ наводить; съ другой стороны придерживали Семенова за голову. На спину его обрушились жесточайшіе удары. Онъ шатался, когда поднялся. Не его спивъ было переносить такую тяжесть здоровыхъ ладоней. Осмотрѣлся онъ безсмысленно кругомъ. Кто билъ? за что?.. Семеновъ упалъ на парту и зарыдалъ. Темнѣло въ классѣ; еще нѣсколько минутъ, и зги не увидишь.

— Братцы, заговорилъ Семеновъ опомнившись: — за что вы меня ненавидите?.. всѣ!.. всѣ!..

Голосъ его былъ заглушонъ хоровою пѣсней. Сумерки разивались быстро; едва можно разсмотрѣть лица; цвѣта и линіи пропадають въ воздухѣ, остаются одни звуки.

Семеновъ пробрался къ окну и съ гентушей тоской и злобой на сердца смотрѣлъ на непривѣтливый дворъ, въ непроглядную тьму зимняго сквернаго вечера. Припомнилась ему родная семья. Отецъ давно уже всталъ отъ послѣбѣдденнаго сна; добрая мать, которой онъ былъ любимцемъ, вноситъ теперь самоваръ въ гостиную; братъ и двѣ сестренки уже около стола, щебечуть и смѣются; звенять чайныя ложки и блюда, и легкій паръ идетъ отъ живительной влаги. «Домой бы теперь!..» Онъ закрылъ лицо руками, приклонился къ стеклу и опять зарыдалъ... Но вдругъ

плачь его пресѣлся... Ужась напалъ на него, и онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Страшна такая жизнь, какую онъ испыталъ сегодня. Онъ забылъ физическую боль тѣла, лишь только въ груди залегло что-то и мѣшало дышать. Оступѣлъ онъ отъ страха, и неотразимо-ясно представилось ему: «отверженецъ!.. тебя всѣ ненавидятъ! и даже предвидѣть нельзя, что съ тобой сдѣлаютъ! быть-можетъ сейчасъ ударятъ въ спину, вырвутъ клокъ волосъ изъ головы, плюнутъ въ лицо...» Въ классѣ совершенно темно, потому что начальство изъ экономическаго расчета зажигало лампу только въ часы занятій. Въ этой темнотѣ могутъ сдѣлать съ нами что угодно, и не узнаешь кто надъ тобой сорветъ гнѣвъ свой и отомститъ за товарищество. «Не буду больше», прошепталъ онъ, и не было тѣни злобы въ его душѣ. «Того и стою!» прокридывалось въ его сознаніе. Онъ желалъ примириться съ товариществомъ и душевно просилъ пощады. Онъ уже ненавидѣлъ начальство, сдѣлавшее его фискаломъ, и готовъ былъ самъ вырвать клокъ волосъ изъ головы того товарища, который займетъ его мѣсто. Семеновъ рѣшился просить у всего класса прошенія и публично отказаться отъ шпіонства. Но вдругъ онъ услышалъ, что будто кто-то крадется къ нему; онъ въ страхѣ поспѣшно оставилъ окно и неизвѣстно куда скрылся въ темнотѣ.

Въ классѣ такъ темно, что за два шага не распознать лица человѣческаго. Всікія игры прекращались въ эти часы и бурсакъ могъ развлекаться только звуками, странными и разнообразными. Общее впечатлѣніе было дико...

Звукъ мѣшajúтся и веревлетаются. Раздается крикъ какого-то несчастнаго, которому вѣроятно *възжали въ загорбокъ*; слышенъ *напѣвъ* на «*Господи воззвае, гласъ осьмый*»; вырывается изъ концерта патетическая нота въ *верхнее ге*; кого-то еще треснули по рожѣ; у печки ноютъ: «отроцы семинарстіи, посередъ кабака свояще, полаху: подавай, наливай; мы книги продадимъ, тебѣ денги отдадимъ»; слышенъ плачь; *греочеть* какая-то тварь, т. е. ржать по-лошадиному, выдѣлывая «и-и-го-го-го-го!» Ругань виситъ въ воздухѣ, крики и хохотъ, козлоглагольствуютъ, грегочуть и поютъ на гласы и вкушаютъ затрещины. Въ Камчаткѣ, подъ управленіемъ заматорѣлаго Митахи, хранителя училищныхъ преданій, поется стихъ, сложенный еще аборигенами бурсы:

Сколь блаженны тѣ народы,
 Конхъ крѣпкія природы
 Не знали нашихъ мукъ,
 Не вѣдали наукъ!

Тутъ въ столовую заглянешь,
 Щей негодныхъ похлебавшь,
 Опять въ свой классъ идешь,
 Идешь, хотъ и воешь...

А тутъ архангелы подемочать,
 Изъ-за шарты шевелочать,
 Давай раба терзать,
 Лозой его стегать...

Бѣдняги! недаромъ же такъ дико въ вашемъ классѣ. Васъ волочатъ, терзаютъ, стегаютъ!.. Сочувственно подстаютъ къ голосу Митахи голоса его товарищей. Къ сожалѣнію конецъ пѣсни, которая пѣлась какимъ-то замогильнымъ, грустнымъ напѣвомъ, забылся и не дошелъ до насъ...

Въ другомъ мѣстѣ слышно :

На поповой-то на дачѣ,
 Мужичокъ ѣдетъ на клачѣ,
 Хлибушку везе,
 Хлибушку везе...

Мужичье къ возѣмъ бѣжали,
 Кулачьѣмъ въ возѣ совали:
 — Щѣ, бра', продаешь?
 Щѣ, бра', продаешь?

Имъ сказани, щѣ овесь;
 Мужикъ вынулъ, да потрясъ
 На горсти своей,
 На горсти своей.

Еще слышно :

А какъ валил козла
 Поперегъ живота,

Какъ ударили козла
 О сырую мать землю

Его ноженьки
 При дороженьки,

Голода его, языкъ
Подъ колодою лежитъ...

Послѣ каждаго двустихія припѣвалосьъ :

Тя-ли-ли-ли-ли-ли-ли

и потомъ повтореніе второго стиха.

А вотъ и еще отрывокъ :

Любимцы. . . . Аполлона
Сидятъ безопасно иа сауроа ,
Вдять селедки, тегишо пьютъ
И Вакху дифирамбъ поютъ :
• О, какъ ты силенъ, добрый Вакхъ!
• Мы tuum regnum чтимъ въ мозгахъ.
• Dum caput nostrum пощщаешь;
• Оттуда сигас выгоняешь,
• Божество въ наши льешь сердца
• И dignus domini отца.
• Мы любимъ Феба, любимъ музъ:
• Они съ богами насъ равняютъ,
• Они путь къ счастью прокладаютъ,
• Они даютъ намъ лучшей вкусъ;
• Sed omnes hanc плоды ученья
• Coniunctae sunt всегда съ томленьемъ ..
• Давно-бъ нашъ юный цвѣтъ увялъ,
• Когда-бъ ты насъ не подкрѣплялъ!

Восьмипѣсенная «Семинариада» составлена давно и переходитъ по преданію отъ одного поколѣнія къ другому. Въ мѣстныхъ пѣсняхъ и стихахъ отразилось какъ товарищество смотрѣло на науку и на своихъ начальниковъ...

Изъ общаго же всѣмъ репертуара пѣвались здѣсь либо жестокіе романсы : «Стонетъ сизый голубчикъ», «Ночною темнотою», «Я, бѣдная пастушка», «Ужъ солнце зашло вверхъ, горя» и т. п., либо чисто-народныя пѣсни : «Ахъ вы сѣни», «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», «Какъ за рѣченькою, какъ за быстрою», «Полно, полно намъ, ребята, чужо выво пити» и т. п.

Но вотъ какой-то отпѣтый возглашаетъ еще стихъ домашняго издѣлія :

Въ восьмомъ часу по утрамъ,
Лишь лампы блеснутъ на стѣнахъ,
Мужикъ Суковатовъ несется,
Несется въ личныхъ саюгахъ...

Помисли въ воздухѣ ходить, востроты и крѣпкая ругань противъ начальства... Опять какая-то цыпля грегочеть... десятеро загреготали... двадцать челоѣкъ... счегу нѣтъ... Появились лай, мяуканье и кряканье, свистъ и визгъ... Ко всей этой ерундѣ присоединилась голосовъ въ сорокъ бурсацкая разноголосица: участвующие въ ней разбираютъ между собою всѣ ноты, употребляемыя въ пѣвнн и всѣ ноты берутъ сразу. Между тѣмъ сырость и холодъ проникаютъ приходчину до костей; благимъ матомъ затягивается: «холодно, холодно!» — это призывный къ согрѣванію звукъ, послѣ котораго ученики начинаютъ махать руками на подобіе тому, какъ грѣются извозчики, и стонуть — душу надрываютъ: «холодно, холодно!» — «Домового ли хоровагъ, вѣдѣму ль замужъ выдають?» — Пастей во сто выработывается брызгабашный гвалтъ, и все это совершается въ непроглядной тьмѣ. Еслибы привести въ кдасъ свѣжаго челоѣка, вселыхаднаго стenanій бурсака, онъ подумалъ бы, что это грѣшныи души воютъ въ аду. Грегочутъ, тивуть «холодно», дуютъ разноголосицу, во всѣ ноты, въ вопіющихъ и вызывающихъ звукахъ растутъ-разрастаются голоса и отдаются дрожью въ оконныхъ стеклахъ... Существуетъ ли на свѣтѣ еще какой-нибудь палѣный звукъ, который не отыскался бы въ атой массѣ крика, пѣнья и гудѣнья! Но вотъ что-то новое зарождается въ душномъ, промсагдомъ воздухѣ кромѣшнаго класса; что-то встало надъ всѣми головами. Заслышали товарищи знаменитый громадный басъ Великосвятскаго, гласящаго «благоденственное и мирное житіе»; съ неудержимою силою оглушаются товарищи послѣдними словами: «благополучно нынѣ почивающему на лаврахъ курсу многая лѣта!» — На необъятной нотыцѣ разрѣшается послѣдній звукъ... Въ одно мгновение, точно по одному темпу, смокли всѣ... Товарищество наслаждается; оно страстно любить крѣпкій звукъ... Но минута — и стоголосое «многая лѣта!» отвѣчае басу... Надо замѣтить, что товарищество уважало, кромѣ отпѣтыхъ, протомъ силачей, протомъ головъ, выносящихъ многоградудный крѣкъ, — уважало и обширныхъ басовъ. Бурса любить хорошіе голоса, бережотъ ихъ, лелѣетъ, выручаетъ изъ всякой бѣды. Ученики еще дома привыкли пѣть въ церкви, славить Христа, служить панихиды и молебны, читать часы и апостолы, отчего у нихъ развиваются голоса и любовь къ пѣнію.

Въ училищахъ часто бываютъ прескромныя пѣсенки хоры. Около Великосвятскаго слышно одобреніе.

— Господа, концертъ! предложилъ кто-то.

— На рѣкахъ вавилонскихъ.

— Да ночь пѣть!..

— На память!

— Зови маленькихъ пѣвчихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ поетъ концертъ. Ни одного диктато звука пѣть въ классѣ. Дисканты плачутъ дѣтскими голосами; басъ, какъ подавленная сила, гудитъ и сдержанно ропщетъ; слышенъ крикъ вавилонянина: «воспойте намъ отъ нѣсей египетскихъ!» чудится, какъ въ гнѣвѣ и нетерпѣніи тонаетъ негари грозный деспотъ... «Какое воспоетъ на землѣ чуждей нѣсы господню?» отвѣчаютъ плачущіе, робкіе голоса дѣтей; женскія слезы слышны въ грудныхъ дискантахъ. Высокими, тихими и страстными нотами восходитъ плачь и наконецъ переходитъ въ сильные, грозные голоса: «дщи вавилоя, окаянныя! блженъ, кто возьметъ твоихъ младенцевъ и расшибетъ ихъ головы о камень!»

Послѣ концерта все стихло. Ученики, укрепованные на время стройнымъ пѣніемъ, рассказываютъ другъ другу сказки, вспоминаютъ каникулы, толкуютъ о начальствѣ и товариществѣ. Марѣдка кого-нибудь треснуть по шеѣ. Митаха, хранитель преданій, поетъ заунывнымъ голосомъ:

А какъ взяли козла
Поперегъ живота...

Но ученики недолго сидѣли скромно и тихо.

— Приходчину дуть! раздастся чей-то голосъ.

— Идетъ! отвѣчаютъ на голосъ.

Собирается партія человекъ двадцать и ноябрьскимъ вечеромъ крадутся черезъ дворъ, въ классъ приходскихъ учениковъ. Приходчина, тоже сидящая въ сѣни смертиѣй, ничего не ожидала. Второуѣздные, сдѣлавши набѣгъ, разсыпались по классу, бьютъ приходчину въ лицо, загибаютъ ей салазки, дѣлаютъ смази, рассыпаютъ постные и скоромные, швычки и подзатыльники. Кто бьетъ? за что бьетъ? чортъ ихъ знаетъ и чортъ ихъ носить!.. Плачь, вопль, избіеніе младенцевъ! На партіяхъ и подъ партами уничтожается горе-счастливая приходчина. Больно

ей. Въ этихъ дичихъ побѣдахъ приходчины, совершаемыхъ испомощакъ, выражалась съ одной стороны какая-то нелѣпая уада: «разрудишь плечо, размахнись нудакъ!» а съ другой стороны — стрепаша, приходчина, и покорайся!» Впрочемъ въ такихъ случаяхъ большинство только удовлетворяло своей потребности набить кого-нибудь, дать вытряску, дупку, волосанку, отлуть, отвалать, взъерепенить, отмордасить, чтобы чувствовалось, что въ твоихъ рукахъ пищитъ что-то живое, страдаетъ и проситъ пощады, и все это дѣлается не изъ мести, не изъ вражды, а просто изъ любви къ искусству. Натѣщавшись вдоволь и всласть, рыцари съ торжественнымъ хохотомъ отправляются восвояси. Испрепанная приходчина охаетъ, плачетъ и шупаетъ бока свои.

Когда рыцари вернулись въ классъ, тамъ шла новая забава. — Мала куча! кричало нѣсколько человекъ.

Среди класса, въ темнотѣ, шла какая-то возня — нето игра, нето драка. Смѣхъ и брань раздавались оттуда.

Усиливается возня. Обыкновенно, когда кричали «мала куча», то это значило, что кого-нибудь повалили на полъ, на этого другого, потомъ третьяго и т. д. Упавшимъ не даютъ вставать. Человѣкъ грядицать роются въ кучѣ, сплетаясь руками и ногами и твская другъ другу животы. Успѣвшіе выбиться изъ кучи и летать на ноги стараются повалить другихъ, еще не упавшихъ на полъ, и постоянно раздается въ нѣсколько голосовъ:

— Мала куча!

Не окончилась еще эта возня, какъ затѣялась новая.

— Масло жать! кричали изъ угла у печки.

Слышно, какъ толпа пробирается въ уголъ, напираетъ и давить своею массою понавшихъ къ стѣнѣ, при крикахъ:

— Мехадка, вали!

— Васседа, при!

— Работай, Шестиухая Чабря...

— Тисни, Хоръ, тисни!

Попавшіе къ стѣнѣ еле дышать, силятся выбиться наружу, а выбившись, въ свою очередь жмутъ масло.

...Но обѣ игры неожиданно прекратились... Раздался пронзительный, умоляющій вопль, который однако слышался не отсюда, гдѣ, шло «мала куча», и не оттуда, гдѣ «жали масло».

... Братцы, что это? братцы, оставьте!.. караул!..

Товарищи не сразу узнали, чей это голос... Кому-то зажали ротъ... вотъ повалили на полъ... слышно только мычание... Что тамъ такое творится? Прошло минуты три мертвой тишины... потомъ ясно обозначился свистъ розогъ въ воздухѣ и удары ихъ по тѣлу человѣка. Очевидно, кого-то сбивутъ. Сначала была мертвая тишина въ классѣ, а потомъ едва слышный шепотъ.

— Десять... двадцать... тридцать...

Идетъ счетъ ударовъ.

— Сорокъ... пятьдесятъ...

— А-я-яй! вырвался крикъ...

Теперь всѣ узнали голосъ Семенова и поняли въ чемъ дѣло...

— Ты, сволочь, кусаться! — Это былъ голосъ Павла...

— Ай, братцы, простите!.. не буду!.. сабогу не бу...

Ему опять зажали ротъ...

— Такъ и слѣдуетъ, шептались въ товариществѣ...

— Не фискаль впередъ!..

Уже семьдесятъ...

Боже мой, наконецъ-то кончили!

Семеновъ рыдалъ сначала неговоря слова... Въ классѣ было тихо, потому что всячески совершилось дѣло изъ ряду вѣщъ... Облегчившись нѣсколько слезами, но все-таки непереставая рыдать, Семеновъ, потерявъ всякій страхъ отъ обиды и позора, кричалъ на весь классъ:

— Подлецы вы эдакіе!.. Чтобы вамъ всѣмъ... — И при этомъ онъ прибавилъ непечатную брань.

— Полайся!

— На зло же расскажу все инспектору... про всѣхъ...

Неизвестно отъ кого онъ получилъ затрещину и битье зарыдалъ на весь классъ благимъ воемъ. Нѣкоторые захотѣли, но многимъ было жутко... отчего? потому что при подобныхъ случаяхъ товарищество возбуждалось сильно, отыскивая въ потемкахъ своихъ нелюбимцевъ и крѣпко било ихъ.

Между тѣмъ рыдалъ Семеновъ. Невыразимая злость на обиду душила его; онъ въ клочья разорвалъ чью-то попавшуюся подъ руку книгу, кусалъ свои пальцы, дралъ себя за волосы и не находилъ словъ, какими бы слѣдовало изругаться на томъ свѣтъ стоитъ. Измученный, избитый, изсѣченный, нѣсколько разъ впродолженіи вечера оскорбленный и обиженный, онъ теперь со-

горшею слурьтъ отъ горя. Жаль и страшно было слышать, какъ онъ шепталъ :

— Сбѣгу... сбѣгу... зарѣжусь... жить нельзя!..

Надобно честь отдать товарищамъ : большая часть, особенно первокурсные, въ эту минуту сочувствовали горю Семенова. У нѣкоторыхъ были даже слезы на глазахъ — благо темно, не замѣчать. Второкурсные храбрились, но и на нихъ напала тоска, сѣшанная со страхомъ. Все понимали, что такое дѣло даромъ не пройдетъ и что великаго сѣченья должна ожидать бурса. Тиво было въ классѣ ; лишь Семеновъ рыдалъ... Что-то злое было въ его рыданіяхъ... но вотъ онъ вдругъ прекратидсь и, настала мертвая тишина.

— Что съ нимъ? спрашивали ученики.

— Не случилось ли бѣды?

— Да живъ ли онъ?

— Братцы, закричалъ Гороблагодатскій, освидѣтельствовавъ парту, на которой сидѣлъ Семеновъ : — онъ поноэль жаловаться!

— Опять ешекалить! раздалось нѣскольео голосовъ,

Расположеніе товарищей мгновенно переизмѣнилось ; посыпалась на Семенова алая брань.

— Смотрите не выдать, ребята!

— Э, не дѣшу сѣять!.. слышались отвѣтные голоса.

— А ты какже, Тавля?

— Я скажу, что хотѣлъ заступиться за него и въ то время, какъ отдергивалъ отъ его рта чью-то руку, онъ и укусилъ мою.

— Молодецъ Тавля.

Однако Тавля дрожалъ какъ осиновый листъ.

— А что цензоръ будетъ говорить? онъ долженъ довести, а то ему придется отиѣчать.

— А скажу, что меня не было въ классѣ — вотъ и все!

Въ это время раздался звонокъ, возвѣстившій часъ занятій. Отворилась дверь и въ комнату ввели даму о трехъ рожкахъ. Огъ-стѣлбовъ полесами легли тѣни по классу и освѣтили неуклюжіе здоровенныя парты, голыя и ржавыя стѣны, грязныя окна, освѣщались угрюмымъ и непривѣтливымъ свѣтомъ.

Второкурсные собрались на первыя парты и вели совѣщаніе относительно событія. Началась занятія ; но, странно, несмотря на прѣстостокіе розги учителей, покрайней-мѣрѣ чело-

вѣкъ сорокъ и не думали вѣзаться за книжку. Иные надѣялись получить въ нотатѣ хорошую отбивку, подкупили аудитора взяткой; иные думали безопасно: «авось-либо и такъ обойдетъ!» а человекѣкъ пятнадцать, на заднихъ партахъ въ Камчаткѣ, ничего не боялся, зная, что учителя не тронуть ихъ: учителя давно махнули на нихъ рукой, испытавъ на дѣлѣ, что такое сѣченье не заставитъ ихъ учиться; эти счастливицы готовились къ исключенію и знать ничего не хотѣли. Лѣнь была развиты въ высшей степени, а отсутствіе всякой дѣятельности во время занятыхъ часовъ заставило ученика выработать тотъ элементъ училищной жизни, который извѣстенъ подъ именемъ школьного чества, элементъ, общій всякому воспитательному заведенію, который здѣсь, какъ и все въ бурѣ, является въ отрицательныхъ формахъ.

Сидящіе въ Камчаткѣ пользовались нѣкоторыми привилегіями; на ихъ шалости цензоръ, наблюдающій тишину и порядокъ, смотрѣлъ сквозь пальцы, лишь бы не шумѣли камчадалы. Пользуясь такими льготами, камчадалы развлекались какъ умѣли. Гришкецъ толкаетъ Васенду и шепчетъ «слѣдующему»; Васенда толкаетъ Карася, Карась Шестиухую Чабрю, передавая то же слово; этотъ передаетъ дальнѣйшему, толкомъ переходить на другую парту, потомъ на третью и такъ перебѣгаетъ всехъ учениковъ. Вотъ Комедо, обѣвшисъ, спитъ, а Хорь, напевая бумаги сдѣлалъ комокъ, который называется *жескомъ*, и пустилъ его въ лицо спящаго товарища. Комедо проснулся и шепчетъ къ Хорю записку: «послѣ занятія тебѣ я сижу сломанъ, потому что не приставай, если къ тебѣ не пристають», и опять засыпаетъ. Записокъ много пересылается по комнать; изъ одной можно читать: «дай ножичка или карандаша», въ другой: «эй, Рабмина! (прозвище ученика) я уже съ тобой на маткахъ въ чепарду»; изъ третьей: «пришли, дружище, табачку попошну, послѣ Айбогу отдашь»; а вотъ Хитоновъ получилъ безыменную ругательную записку: «ты, Хитоновъ, рыжій, а рыжій; красный — чашебидъ опасный; рыжій, пламенный сожогъ домъ каменный». Офицеры и требуемыя вещи идутъ по той же почтѣ. Дѣти развлекаются по мѣрѣ возможности. Многие корчатъ гримасы, косятъ голову, косятъ ротъ пальцами, показываютъ красное лицо другимъ или разсматривая его въ трехугольное зеркальце. Планы умѣютъ корчить рожи на номера: они шипятъ

снудя двѣтъ въ лѣвую сторону, носъ подперъ пальцомъ къ правой щекѣ, глаза выдучилъ, щеки отдулъ — это номеръ пятый. Всѣхъ номеровъ двѣнадцать. Авдиторъ, по прозванью Богиня, жуесть резину, третій день невыпуская ее изъ рту; она скоро превратится въ мягкую массу; потомъ надо надуть ее воздухомъ, сжать пальцами, вслѣдствіе чего образуется пузырекъ; пузырькомъ великовозрастный ударить себя по лбу и услышитъ легкій трескъ; чтобы насладиться такимъ счастьемъ, онъ работаетъ усердно, щелкает своими челюстями, а когда устанетъ, то даетъ попереть подавдиторному. Мамля сдѣлалъ панораму изъ конфектичекъ картинокъ и лобуется ею цѣлый часъ и въ сотый разъ; у него же изъ билетиковъ отъ леденцовъ сдѣлать орacula по леденочнымъ билетикамъ красны дѣвицы гадаютъ о женихахъ, а онъ — вспорюетъ его завтра или цѣтъ. Сосѣдъ его сдѣлать куклу, т. е. деревянную куклу съ цаломъ, и отыскавъ разноцѣны, доставилъ ее на краю парты и заставляетъ ее качаться. Чеснокъ задухнулъ себя въ носъ нитку, потомъ сильнымъ выдыханіемъ воздуха проводитъ ее въ ротъ, и передергивая нитку, вадъ и впередъ, показываетъ эту штуку своему законсервику (другу) Мамлѣ. Одинъ великовозрастный камчадалъ оттачиваетъ пероциный ножъ и потомъ брѣдетъ верхнюю губу и щеки. Валбрушникъ онъ начинаетъ долбить въ партѣ дщицекъ. Другой великовозрастный дѣлаетъ цѣпочку изъ сутуги. Третій великовозрастный свернулъ бумагу въ тонкую трубочку и щекочетъ ею себя въ носъ; ротъ его сморщился, онъ чихнулъ громко и ему вадло. Двое камчадаловъ утуютъ иностраннымъ языкамъ; одинъ говоритъ : «херъ-я, херъ-ни, херъ-че, херъ-го, херъ-не, херъ-ма, херъ-ю», херъ-изъ авъ, херъ-тро, херъ-му»; слѣдуетъ лишь вставить послѣ каждаго слова «херъ» и выйдетъ не порусски, а покеранскъ. Другой отвѣчаетъ ему еще хитрѣе : «ши-чего не-цы, ши-дѣя не бо-цы», т. е. «ничего, не бойся». Это опять не порусски, а по ши-цы; адѣсь слово дѣлится на двѣ половины, напримеръ : ро-ага, къ послѣдней прибавляется ши и произносится она сначала, а изъ первой ши и произносится она послѣ; выхотитъ ши-че, ро-ши. Пептюкъ на послѣдней партѣ занимается тишесредничимъ искусствомъ; онъ сжимаетъ кость на суставѣ пальца, прикладываетъ суставъ на печатную букву въ учебникѣ и потомъ вырываетъ ее; знавши букву съ пальца, онъ переводитъ ее на букву; прикладывая образомъ печатается какое-нибудь слово. Подъ

последними партами улеглись на посланные на полубуды чело-
вѣкъ пять и рассказываютъ сказки и побывальщины. На мно-
гихъ скучное, монотонное, безъ всякаго содержанія занятное
время нагнало непобѣдимый сонъ; спать на пятой партѣ, спать
на седьмой, спать на двѣнадцатой, спать подъ партами. Такъ
камчатники и второкурские, приготовившіе уроки, проводятъ
занятые часы. Веселая жизнь!

Но только записные, безнадежные дѣтля, готовящіеся по-
лучить титулку, пользовались правомъ развлекаться въ занятные
часы. Краемъ ихъ было еще много дѣтлассъ, кандидатовъ въ
камчадалы; но еще не камчадаловъ. Пробоженіе времени этими
учениками было еще безцѣльнѣе. Они тоже развлекались по-
своему, но такъ какъ имъ необходимо было притвориться, будто
они дѣло дѣлаютъ, то и развлеченія ихъ были другія. Цѣпля
со всеусердіемъ пишетъ что-то; со стороны посмотреть; онъ
прилежнѣйшій ученикъ, а между тѣмъ онъ вотъ что дѣлаетъ:
напишетъ цифру; подъ ней другую, потомъ умножить ихъ; подъ
произведеніемъ опять подпишетъ первую цифру, опять умно-
житъ числа и т. д. работаетъ, желая узнать, что изъ этого вый-
детъ. Поросъ придавилъ глазъ пальцомъ и любуется, какъ
предъ нимъ двоятся и троятся предметы; потомъ затыкая и от-
тыкая уши, слушаетъ жужжанье и легкій говоръ въ классѣ,
какъ оно прерывающимися звуками отдается въ его ушахъ; а
это онъ приставитъ ухо къ партѣ и рассуждаетъ, отчего это
черезъ дерево усиливается звукъ. Одинъ первокурсный нащи-
пываетъ себѣ руку, желая приучить ее хоть къ толстымъ
щипчикамъ. Другой завязалъ конецъ пальца ниткой и любуется
на затекшіея кровью палець. Третій наосмысляетъ руку до крѣ-
ви... Изобрѣтаютъ самыя пустыя и кажетоя невосторосныя выш-
тля, напримѣръ прислушиваются какъ бьется пульсъ, заберутъ
въ легкія воздуху и усиливаются какъ можно дольше удерживать
его въ груди, задаютъ себѣ задачу — не мигнуть направо, когда
не сосчитаютъ тысячу, сбиваютъ слюну во рту и потомъ выжи-
ваютъ на полѣ, читаютъ страницу сзади напередъ и прыгаютъ
снизу вверхъ, положатъ натаежать въ головы сотни волосъ и
натаскаютъ; кто болтаетъ ногами, кто кевироты въ носу, по-
решиваются, передаютъ другъ другу разные звуки, руками
выдѣлываютъ разные акробатическія штуки... Иной садитъ се-
бя, ложивъ голову на ладони и смотритъ въ воздухъ беспредметно;

такой подвигъ быть предпринять единственно изъ любви къ искусству. Но не многіе были способны къ упорнѣйшимъ работамъ; большинство оныхъ даялось трудно и лишь рѣзко заставляли заниматься. Ваня Давидъ Шемковъ, мальчикъ умный и прилежный, не рѣшительно неспособный долбить слово въ слово, просидѣвъ надъ книгой два часа съ поломанной, поводитъ кончиками пальцевъ глазами.. и чтояс?.. оныхъ видѣть; многіе немучимые еще болѣе чѣмъ оны, многіе еще доканчиваютъ свою порцію изъ усѣбашности, ослабленно вычитывая урокъ и подливая голову: кверху; или шлюния кураз. Иные чуть не плачутъ, неспособны невысокій балъ будеть выставлять противъ ихъ фантій: или похлѣвъ; Шипитъ, шалая возбудить въ себѣ энергію, треплетъ самъ себя за волоса... Э, бѣдняга, хоть самъ-то пожалѣй себя!.. бросае ты книгу подъ парту, либо шалдай въ носъ — все равно; завтра твоѣ тѣло будеть страдать подъ лезвиемъ; стучай-ка, дружище, въ Камчатку — тамъ легче шивелся; а дѣлывать андій у камчатчановъ грѣбо не шельше, нежелеи у самого закалочара бачки. Ученики, взглядываясь въ немученныя долбисе лица, коварит оныхъ, пожелано спрашивають себя: какабы эти труды и страданія? ктому эта возня съ утра до вечера подъ юретиришадма учебникомъ? развѣ мы не люди? Среди таковы различилоній выскочить безъ спросу, самъ собою, кончикъ урока и простучать всѣми словами въ головѣ. Подъ конецъ занятія у раздражнаго учителя голова ломается; въ ней послышше ни одиной мысли, котичи являются оны, послушная епфильсому идея, какъ это бываетъ съ человѣкомъ въ сонѣ. Невесела картина класса... Лица у всѣхъ скучныя и апатическія, а послѣдніе полчаса идутъ тихо и кажутся: конца не будеть занятію... Счастливы, кто уснуть сумѣлъ, садятъ партой: оны и не замѣтитъ, какъ подейдетъ минута, шлобцающая умины.

Но вечеръ кончился очень занимательно. Минуть за тридцать до конца вышло въ классѣ Семеновъ. Бѣдный и дрожацій отъ холода, вошелъ оны въ комнату и потупись, ни да кого поглядѣлъ; отырашлся на свое мѣсто. Занятная оживилась: рабъ омотрѣлъ на него. Семеновъ чувствовалъ, что на него обращены оны: тобывильныи и шлобильныи глаза, холодно было у его въ душѣ; и завтра оны въ какомъ-то ошамельномъ состояніи. Оны шладеи чѣго-то. Минуты черезъ ченаре снова отворилась дверь; среди шлобднате пара, шервашигася отъ улицы въ комнату, не-

появились четыре солдатами фигуры — служителей при учителях: один из них был Захаренко, другой Кропченко — на них была обязанность быть учеников; двое других, Цыпка и Езевой, обыкновенно держали учеников за ноги и за голову во время сѣченія. Мертвая тишина настала въ классѣ. Тавля поблѣднѣлъ и тяжело дышалъ. Скоро явился инспекторъ, огромнаго роста и мрачнаго вида. Все встало. Онъ, не слова поговоря, прошелъ по классу, повременамъ останавливаясь у партъ и ученикъ, около котораго онъ останавливался, дралъ и трепеталъ всѣмъ тѣломъ... Наконецъ инспекторъ остановился около Тавли... Тавля готовъ былъ провалиться сквозь землю.

— Къ порогу! сказалъ ему инспекторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я... хотѣлъ было оправдываться Тавля.

— Къ порогу! крикнулъ инспекторъ.

— Я заступался за него... онъ не понялъ...

Инспекторъ былъ сильнѣе всякаго бурсака. Онъ схватилъ Тавлю за волосы и далъ ему трепку; потомъ выволокъ его изъ класса лбомъ къ партѣ, а другой рукой, нулацонъ, ударилъ ему въ спину, такъ что гулъ раздался отъ здороваго удара по крѣпкой спинѣ; потомъ, оттащавъ Тавлю назадъ, инспекторъ зарычалъ:

— Къ порогу!

Тавля послѣ этого не смѣлъ рта разинуть. Онъ ступилъ къ порогу, раздѣлая медленно, лезъ на гребеный полъ голыми босыми ногами; на плечи и ноги его сѣли Цыпка и Езевой...

— Хорошенько его! сказалъ инспекторъ.

Захаренко и Кропченко взялись съ двухъ сторонъ лозами; лозы впивались въ тѣло Тавли, и онъ, дико крича, сталъ оправдываться, говоря, что онъ хотѣлъ заступиться за Сивилова, а тотъ не понялъ въ чемъ дѣло и укусилъ ему руку. Инспекторъ не обращалъ вниманія на его слова. Долго сѣла Тавля и наконецъ инспекторъ съ сосредоточенной злобой ходилъ по классу; изъ слова поговоря, а это былъ дурной признакъ: когда онъ кричалъ и ругался, тогда крикомъ и руганьемъ потешался учитель. Ученики потопотомъ считали число ударовъ и насчитавъ уже тысячу сѣдесять. Тавля все проталъ «позиновать» болѣе; гласно дѣлъ «богомъ», кланяясь стеною и матерью подъ лозами. «Борбала» гласно «богомъ» смотрѣлъ те на инспектора; когда Сивилова;

Сенченко не понималъ самъ себя: вѣдн наслажденія мѣстью не было въ его сердцѣ, онъ почти трясся всѣмъ тѣломъ отъ предчувствія чего-то страшнаго, необъяснимаго. Богъ-знаетъ не что бы онъ согласился, чтобы только не сѣкли Тавлю въ эту минуту. Тавля вынесъ уже болѣе ста ударовъ, галось его отъ крику началъ хрипеть, но все онъ продолжалъ кричать: «не виновать, себѣгу не виновать... надрасно!» Не онъ долженъ былъ вынести полтораста.

— Довольно, сказалъ инспекторъ, и прекратилъ по командамъ. Все ожидали, что будетъ дальше.

— Цензоръ! сказалъ инспекторъ.

— Заѣлъ, оговаривался цензоръ.

— Кто еще сѣкъ Семенова?

— Я не знаю... меня...

— Что? крикнулъ грозно инспекторъ.

— Меня не было въ классѣ...

— А, тебѣ не было, съотъ эдакой, въ классѣ!.. Завтра буду сѣкъ десятаго, а начну съ тебѣ... — И тебѣ отперю, сказалъ онъ Гороблагодатскому, — и тебѣ, сказалъ онъ Хорю. Потомъ инспекторъ указалъ еще на нѣсколько лицъ. Гороблагодатскій грубовато отвѣтилъ:

— Я не виновать ни въ чемъ...

— Ты всегда виновать, подлець ты эдакой, и каждую минуту тебя драть слѣдуетъ...

— Я не виновать, отвѣтилъ рѣзко Гороблагодатскій.

— Ты грубить еще надумалъ, скотина? закричалъ инспекторъ съ яростью.

Гороблагодатскій замолчалъ, но все-таки, стиснувъ зубы, взглянулъ съ ненавистью на инспектора...

Выругавъ весь классъ, инспекторъ отправился домой. На товарищество напалъ паншескій страхъ. Въ училищѣ бывали случаи, что не только сѣкли десятаго, но сѣкли поголовно весь классъ. Никто не могъ сказать навѣрное, будутъ его завтра сѣкъ или нѣтъ. Лица вытянулись; нѣкоторые были блѣдны; двое городскихъ тихонько отъ товарищей плакали: что, если по счету придется въ спискѣ инспектора десятымъ?.. Только Гороблагодатскій шпроверчалъ: «не рѣпу сѣять!» и остервенился въ душѣ своей, и съ наслажденіемъ смотрѣлъ на Тавлю, который на могъ ни слова, ни слова поглядѣть эдакому. Гороблагодатскій надѣре-

залил идики къ Семшову и избить его онечужающе; онъ уже ощутилъ боль: «косы бьдъ — одинъ отвѣтъ»; но вдругъ языкъ его ошарпанъ новой маской, онъ моргнулъ и усмѣхнулся и проговорилъ:

— Пфффф!

Семшовъ совершенно замеръ... Онъ былъ въ томъ состояніи, когда человѣкъ чувствуетъ, что надъ нимъ поднять кулакъ, готовый упасть на его темя каждую минуту, а онъ какъ-то между ждети удара тамелаго. Онъ былъ точно стиснутъ и сдавленъ со всѣхъ сторонъ... дышать почти нельзя... Черти, черти! нѣтъ минуты приходилось переживать бурсаву...

— Пфффа! сказалъ Гороблагоданскій, подхоя къ цензору и стали они шептаться...

Ударилъ звонокъ къ ужину. Сердца нѣсколько повеселѣли...

— Становись въ пары! закричалъ цензоръ...

Минуты черезъ двѣ ученики отиравшисъ въ столовую, и прогнѣвши въ пятьсотъ волосовъ «отче нашъ», принялись да скудную вечерю... Когда темя обратнѣ валила изъ столовой, цензоръ подошолъ къ Бенелявдову и повторилъ загадочное слово:

— Пфффа!

— Слѣдуетъ! отвѣтилъ Бенелявдовъ.

.....

- Уже въ обители священной
- Привратникъ заперъ крѣпко входъ
- И скимникъ въ кельѣ едивенной
- На сонъ грядущій грѣшесъ читать...
- Морсѣй на городъ сышлетъ маки,
- Заснулъ народъ мастеровой;
- Однѣ не дремятъ лишь собаки,
- Да кой-гдѣ вскрикнетъ часовой...
- Вторично пѣтухи кричали...
- Былъ ночи часъ; всѣ крѣпко снали...

Такъ «Семинариада» описываетъ ночь...

Во второмъ этажѣ, по правую руку огромнаго училищнаго двора, помѣщаются 6, 7, 8, 9 и 10-й номера спаленъ. Эти спальни соединены между собою. Задній отдѣлъ трехъ номеровъ по-

спячъ наверху балама. Это были отапливыя спальни; поэтому утромъ и вечеромъ, особенно въ первые недѣли, большаго продажнаго, въ Сидогѣ и другія двухъ помѣтокъ отирывался чисто обжареный рѣдь. Сюда стекалось все ученицѣ; ученики тамъ же переходили отъ одной кровати къ другой; но въ подъ кровати, чинишь до двухсотъ въ этихъ номерахъ, выдвигались сундуки, наполненные; крошкѣ книгъ, разными съветными предметами. Съ дѣла, особенно съ деревень, привозились въ замятъ: старыя бѣлые дѣлбы, паша, толочко, грибы въ рѣсѣнѣ, мочевые аблаки. Отъ этихъ припасовъ отдѣлялись особаго рода запахи и наполняли собою воздухъ; съ этими запахами вѣшалась шцензурные шазмы; отъ стѣнъ, промерзавшихъ зимою въ сильныя морозы насквозь, несла сырость, сальные свѣчи въ шлодалахъ дѣлали атмосферу горькою и ѣдкою, и ко всему этому надо прибавить, что въ углу у дверей стоялъ огромный ушатъ, наполненный до половины какою-то жидкостью и зашнудившій вѣста неветоты. Къ такой жидкости атмосфера должна была приемыкать ученикъ, и повѣрить ли кто, что большинство, живя въ зараженномъ воздухѣ, утрачивало наконецъ способность чувствовать отращеніе къ нему? Другая бѣда — холодъ былъ для ученика болѣе невыносимъ. Начальство печей не топило по недѣлѣ; ученики воровали дрова, но это не всегда случалось, и товарищество, ложась подъ холодныя одѣла, должно было покрываться своими шубами и шинелями. Огромныя комнаты спальня, со столбами посреди какъ и въ классахъ, слабо освѣщались, и темныя тѣни ложились полосами по кроватямъ. Ученики храпѣли и бредили; нѣкоторые носѣ скрипѣли зубами.

Доскажемъ послѣднія событія зимняго вечера въ бурсѣ. Изъ комнатъ Сапога неожиданно появилась фигура и отправилась въ уголокъ девятого номера; тамъ поднялись еще двѣ фигуры... Между ними начались совѣщанія.

— У тебя фимфа? спрашивалъ одинъ.

— У меня.

— Давай сюда.

Всѣ три фигуры отправились въ уголокъ и тамъ остановились около кровати Семенова... Одинъ изъ участниковъ держалъ въ рукахъ свертокъ бумаги, въ видѣ конуса, набитый хлопчаткою. Это и была фимфа, одно изъ варварскихъ изобрѣтеній бурсы. Державшій фимфу босыми ногами подкрался къ Семено-

зу. Онъ зажогъ вату съ широкаго отверстія свертка, а узкимъ осторожно вставлялъ въ носъ Семенову. Семеновъ было сдѣлалъ во сѣ движеніе, но держащій вѣнцу сильно дунулъ въ горящую вату; густая струя сѣрнаго дыму охватила морги Семенова; онъ застоялъ въ безпамятствѣ. После втораго, еще сильнѣйшаго дуновения, онъ соскочилъ какъ сумасшедшій. Онъ успѣвался крикнуть, но вся внутренность его груди была обожжена и прожжена дымомъ. Задыхаясь онъ ушелъ на кровать. Участникъ этого инквизиторскаго дѣла тотчасъ же скрылся. Слышалось глубокое хрипанье Семенова, прерываемое тяжкими стопами. На другой день его замятво стащили въ больницу. Доктора понять не могли, что такое случилось въ Семеновымъ, а когда самъ Семеновъ почувствовался и получилъ способность говорить, то оказалось, что онъ самъ не помнитъ что съ нимъ было. Начальство подозревало, что враги Семенова что-нибудь да сдѣлали съ нимъ, но розыскать ничего не могло. На другой день были мнѣгіе перестѣлены въ училницѣ и многіе надрасно-

И. КОМАНДОВСКИЙ

ВРАЧИ И НАРОДЪ

(ПО ПЕВОДУ СТАТЬИ Г. ЛЬСКОВА)

Въ февральской книгѣ «Времени» г. Лѣсковъ помѣстилъ «Вопросъ о народномъ здоровьи», въ которомъ излагаетъ свое мнѣніе о будущемъ устройствѣ нашей сельской медицины. Мысль автора хотя не новая, тѣмъ неменше обнаруживаетъ въ немъ желаніе быть полезнымъ этому важному по общему мнѣнію дѣлу улучшенія быта сельскихъ обывателей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей статьи г. Лѣсковъ ссылается на меня, какъ на раздѣляющаго его убѣжденія, и даже въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ нѣкоторыя изъ моихъ наблюденій въ «Современной Медицинѣ», раскрывающихъ кое-что о томъ, въ какихъ отношеніяхъ другъ къ другу живутъ въ нашихъ провинціяхъ врачи и народъ. Изъ этихъ наблюденій г. Лѣсковъ частью выводитъ и свой взглядъ на образованіе сельскихъ врачей. Соглашаясь дѣйствительно съ нѣкоторыми мыслями его, я долженъ впрочемъ замѣтить, что мои наблюденія, помѣщенные въ «Современной Медицинѣ», относились не къ селамъ, а къ городамъ и вообще далеко еще не такъ полны, чтобы изъ нихъ можно было выводить какое-нибудь совершенное заключеніе. Это были ничто иное, какъ бѣглыя, краткія замѣтки, сказанныя мимоходомъ при очеркѣ жизни провинціального врача и вовсе не имѣвшія цѣлю выставить факты, на которыхъ можно основывать что-нибудь для сельской медицины, а потому намъ кажется, что взглядъ автора «Вопроса о народномъ здоровьи», основанный на нѣсколькихъ неполныхъ фактахъ или картинкахъ, въ нѣкоторомъ отношеніи довольно поверхностный и отвлеченный. Разумѣется мы нисколько не ставимъ ему этого въ вину, но сознаемъ, что чѣмъ болѣе въ литературѣ нашей станутъ раскрываться потребности и бытъ нашихъ врачей и народа въ разныхъ мѣстахъ необъятнаго нашего ричества, тѣмъ многочисленнѣе могутъ судить ближонамъ-

ренные люди о сближеніи ихъ между собою. Но до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сдѣлано очень мало и вопросы болѣе крупныя и болѣе солидныя, чѣмъ наша сельская медицина, составляютъ еще главный предметъ нашей литературы. Въ самомъ дѣлѣ мысль о примѣненіи научной медицины въ селахъ и деревняхъ и о водвореніи врачей въ предѣлахъ городовъ проявлялась до сихъ поръ только у немногихъ врачей и нѣкоторыхъ другихъ филантроповъ, а въ самыхъ сельскихъ оффицахъ ищетса до сихъ поръ объ этомъ еще не было и рѣчи. Покрайней-мѣрѣ мы нигдѣ не читали еще, чтобы вызовъ врачей сдѣлался бы въ наше время уже насущною потребностью самихъ сельскихъ общинъ. Въ газетахъ нашихъ до сихъ поръ попадались статьи о разныхъ способахъ водворенія у насъ сельской медицины, писанныя врачами и неврачами, но почти всѣ онѣ показываютъ слишкомъ односторонній, поверхностный взглядъ на предметъ; оттого эти статьи и остались безъ послѣдствій и смѣловъ. Впрочемъ мы должны быть благодарны и за это начало: односторонность и увлеченіе можно поправить, а лишнего — ничего бы и не вышло. Многие авторы — врачи, пробовавшіе говорить о провинціальной медицинѣ, смотрѣли на этотъ предметъ изъ своей многосторонне-ученой точки зрѣнія, и рисунъ въ своемъ воображеніи будущую сельскую лечебницу, не могли представить ее себѣ иначе, какъ со всеми учеными атрибутами: микроскопомъ, химической лабораторіей, анатомическими кабинетами, кучей ученыхъ диссертаций о спорныхъ предметахъ и т. и. принадлежностей высшаго ученаго медицинскаго міра. Нѣкоторые даже вносили сюда какъ необходимую принадлежность и элементъ медицинской бюрократіи, которая такъ глубоко въѣлась въ душу нашего русскаго «дохтура». Авторы-неврачи смотрѣли на предметъ только съ чисто-христіанской точки зрѣнія, воображая врачей какою-то олицетворенной филантропіей, какими-то существами, постоянно вздыхающими, еслибы нитъ подобно Титу не удалось сдѣлать въ такой-то день добра — прописать бѣдному горемычному крестьянину какой-нибудь слабенькой микстуры, отъ которой сейчасъ пройдетъ въ весь его недугъ; существами, одно слово которыхъ, даже прикосновеніе къ пульсу страждущаго собрата, проливаетъ уже цѣлительный бальзамъ во всѣ чустыя его большого тѣла. Къ такимъ бы существамъ, во мнѣніи авторовъ-неврачей, могъ приходить нашъ «стрѣльчатый медикъ и за двадцать конфекъ получалъ бы сегодня лекарство, а завтра уже опять принимался бы за свой привычный тяжелый трудъ — поить лица — и все было бы прекрасно! Все это впрочемъ отъ избытка ума: однимъ артадіей. Утопія, замаловщина кака-то, слазуги и т. п. Развѣ возможно это. у насъ, въ нашемъ «рубанѣ», пообразован-

нать народъ? Ничего этого у насъ быть не можетъ. Въдъ мы слышимъ одно, но выражаемъ въслоторыхъ, следовательно!

Дѣйствительно многіе взгляды этихъ почтенныхъ авторовъ обнаруживаютъ только ихъ глубокое непониманіе бытій народной жизни и современнаго значенія медицины, какъ науки, въ обществѣ. Удивляться этому впрочемъ нечего. Неголько врачей, не даме и многіе изъ такъ-называемыхъ передовыхъ нашихъ людей, посвятившихъ себя кричащо на всю православную Русь объ ея современныхъ интересахъ, обнаруживаютъ, намъ замѣтили уже многіе, почти тоже самое. Всюду мы слышимъ только общія фразы современнаго прогресса, общія мнѣнія о народной пользѣ, общія призывенія созвездій и преобразованій. О частностяхъ же или умалчиваютъ, или стараются неговорить какъ-то вскользь, представляете боги компетентнымъ людямъ, намъ же, вмѣстѣ того чтобы анализировать, просто начинаютъ кричать: «Впередъ, господа, впередъ! намъ теперь робѣть нечего: мы выжили уже изъ дѣтской одонды; мы ея сути прогресса!» Само время некажетъ какъ надо дѣйствовать! Мы знаемъ, съ чего начать, кому взяться прежде и какъ дѣйствовать, каки нужны для этого средства, понимаемъ ли мы наконецъ, что станемъ дѣлать и выйдеть ли изъ этого что-нибудь путное? Эти вопросы, говорятъ намъ, должны уже рѣшить тѣ, которые самими дѣйствовать. Намъ нужно только возбудить вопросъ, деть ему такъ-токазать общій взглядъ, показать идеалъ, къ которому должна стремиться масса, а ужъ средства пусть находятъ сами тѣ, кто пойдетъ къ нему. Это не наше дѣло. Мы прогрессисты! Намъ некогда останавливаться на мелочахъ, намъ нужно идти еще далѣе... Путь прогресса — путь безконечный!

Господинъ Лѣсковъ не принадлежитъ волиѣ къ числу этихъ прогрессистовъ съ общими фразами и его статья дышетъ неподдѣльнымъ чувствомъ любви къ меньшимъ братьямъ; мы видимъ что искреннее желаніе помочь народу мѣрами, идущими не свынне, а вредостваленными самими же народными обжнванъ, чувству ихъ собственнаго самосохраненія. Онъ боится только, что его не поймутъ, не почувствуютъ вмѣстѣ съ нимъ всей важности и необходимости сближенія народа съ врачами и еще болѣе врачей съ народомъ. Исключеніе онъ дѣлаетъ только для нѣсколькихъ молодыхъ врачей, понимающихъ неестественное положеніе русскаго врачбнаго сословія въ русскомъ обществѣ, въ число которыхъ онъ включаетъ и насъ. Смысломъ угѣшить автора «Вопроса о народномъ здоровьи», что мы нашли все его благородное стремленіе; но къ сожалѣнію и въ его статьѣ мы нашли нѣсколько общихъ фразъ нашего пошлаго прогресса, вытекшихъ собственно изъ несовершеннаго

понимали жизни нашего народа и состоянія вещей врачей. Это общія мѣста и могутъ составить пожалуй предлогъ къ тому, что бездѣятельность врачей можетъ не только не раздражать, но даже и не помешать миссу г. Дюкова, чего онъ такъ хлопочетъ добиться. Онъ еще вызываетъ мнѣше о своей статьѣ сотрудничать газеты профессора Вальтера, и мы съ охотою отъ ourselves помочь ему въ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что г. Дюковъ въ тѣхъ мѣстахъ своей статьи, гдѣ онъ говоритъ объ отношеніи народа къ врачамъ, основываетъ свой взглядъ именно на нашихъ же статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Современной Медицинѣ». Задача съ нашей стороны трудная и болѣе тяжелая, потому что намъ приходится сказать, будто мы сами уже вполнѣ изучили жизнь русскаго народа, что у насъ нѣтъ нѣтъ общаго фразъ, нѣтъ экзальтированныхъ мыслей, а все такъ прямо, непосредственно и выходитъ изъ многосторонняго знанія русской любви и ее обитателей съ ихъ сѣрыми свѣтами и грязными лавтами. Нѣтъ, слышимъ оговориться. Мы знаемъ эту жизнь настолько, насколько она сама усилѣла броситься намъ въ глаза и занять различны фазы своего существованія. Мы не старались изучать ее съ напередъ-расчитаннымъ и раздѣреннымъ взглядомъ, подведя подъ узлы рамки нашего собственнаго кругозора, и если мы захотимъ судить о предметѣ, который долженъ войти въ среду нашей народной жизни, то будемъ говорить о немъ только на основаніи того, что сами видѣли и испытали, различая тутъ, насколько можно, отвлеченныя теоріи отъ практики. Мы также можемъ быть нѣсколько односторонни или общи, ибо не весь же народъ русскій имѣлъ удовольствіе показать себя передъ нами и раскрыть свои извы, но зато по мѣрѣ силъ выйдемъ нѣсколько лучше въ ту жизнь нашего сѣраго люда и нашихъ врачей, которая протекла передъ нашими глазами. Начнемъ съ исторіи.

Костомаровъ (въ статьѣ о значеніи В. Новгорода, «Отч. Зап.» 1862) раздѣляетъ русскую народность на двѣ совершенно отличныя одна отъ другой: государственную, захватившую въ себя верхній слой народа; и народность массы, лишонную своего проявленія и всякихъ правъ самодѣтельности. Наше служащее врачебное сословіе входило до сихъ поръ въ составъ первой изъ этихъ народностей и долго вращалось только въ ее кругу, забывая, что на Руси существуетъ еще особый міръ съ его глубоко-затаенными вѣрованіями въ свое самобытность и въ право на собственную самостоятельность. Врачъ считался чиновникомъ. Его водили въ мундирѣ, давали чины и съ самаго момента полученія диплома налагали на него тяжелую обязанность лечитъ съ отвѣтственностью и штрафами за неисполненіе; мундиръ и чины впрочемъ не давали врачамъ ника-

никъ врачъ самостоятельности для народной пользы и только подчинили ихъ безирекословно различнымъ властямъ и контролямъ. Изъ разныхъ статей нашихъ современныхъ медицинскихъ газетъ видно, что въ городахъ даже самымъ мелкимъ гражданскія власти, какой-нибудь Держиморда или торожный надзиратель могли распорядиться ими по своему произволу; начальники инвентарныхъ командъ ежегодно *инспектировали* поведение врачей при городскихъ больницахъ. Ограничивъ гужанный кругъ дѣйствій врача формальною обрядностью, дали ему очень незначительное жалованье и предоставили въ тоже время заботу о бѣдной меньшей братіи его собственному человеколюбію. Врачамъ угоднымъ отказано было, чтобы они, если не имѣютъ служебныхъ обязанностей въ уездѣ, имѣли *постоянное пребываніе въ городахъ*. Впослѣдствіи учреждены врачи евривые, которымъ дано въ распоряженіе отъ трехъ до четырехъ уѣздовъ (часто болѣе тысячи верстъ въ окружности и съ нѣсколькими десятками тысячъ крестьянъ). На разъѣзды и для леченія этой массы назначали нѣсколько десятковъ рублей, объ расходѣ которыхъ требовалось самаго акуратнаго отчета до копѣйки. Въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ одному врачу поручали лечить крестьянъ чуть ли не цѣлой губерніи. Принявъ нѣмецкую систему раздѣленія медицинскаго труда, предоставили приготовленіе лекарствъ и *дробную продажу ихъ* особому классу — аптекарямъ, причемъ содержаніе вслѣднихъ основано единственно на барышахъ, которые можно было извлечь изъ этой пролажи: такимъ образомъ въ медицинскій міръ, кромѣ бюрократіи, внесенъ спекулятивный духъ торговли и барышничества насчетъ страждущаго человечества! Въ городскихъ больницахъ главными начальниками поставлены лица, вовсе незнакомыя съ медициною, стѣснившія до-немыя всякое свободное проявленіе гуманной дѣятельности врача и его личности, которая чрепъ то обратилась въ какое-то пассивное лицо, равное нулю. Изъ столичныхъ аптекъ на счетъ казны возили въ больницы такихъ городовъ черезъ сотни верстъ ящики лекарствъ, въ число которыхъ входили конопляное сѣмя, ячмень, медъ, бумага, холстъ и поношенныя тряпки, какъ-будто всего этого нельзя было нигдѣ достать кромѣ столичныхъ аптекъ!

Тяжелымъ гнетомъ легло на провинціальное врачебное сословіе наше такое неестественное устройство. Постоянная зависимость отъ бюрократическаго управленія, ежегодные поборы за право держаться на мѣстѣ дали мундирному врачебному сословію нашихъ городовъ направленіе совершенно отличное отъ его настоящаго назначенія. Волей-неволей врачи дѣлались взяточниками — *conditio sine qua* пов существованія. Еще недалеко улетѣло то счаст-

ной жизни. Впрочемъ потокъ медицинской журналистики о нашихъ сословныхъ интересахъ научилъ и до сихъ поръ еще слытся съ общимъ литературнымъ русскимъ потокомъ. Наши интересы до сихъ поръ мало вхомятъ въ кругъ литературы или оставались ею почти чуждыми. Авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи» въ началѣ своей статьи говоритъ, что причиною этого была односторонность взглядовъ: одни писали о страданіи большого народа, другіе о тяжести положеніи врачей. Мы замѣтили при этомъ, что несомнѣнною вѣщью сдѣлалъ врачи дала имъ право заговорить сперва о себѣ самихъ и о способѣ выдти изъ этого положенія, чтобы имѣть возможность быть вполне полезными народу. Въ самомъ дѣлѣ, пока сами врачи будутъ лишь пассивными орудіями медицинской и немедицинской бюрократіи, законными правъ на человѣческое законодательство, до тѣхъ поръ не могутъ быть и рѣчи о общеніи ихъ съ народомъ массамъ. Мы должны пока быть благодарны и зато, что врачи сами уже стали всарайней-и-вѣрнѣе разблачать свои собственные недуги, хотя и между ними до сихъ поръ существуютъ дѣйствительныя резервы, изъ которыхъ старая пожалуй стоитъ претить всякой резерву. Еще недавно, въ прошломъ году, нашу официальную медицину называли «большимъ организмомъ». Дайте же время этому организму самому избавиться отъ своихъ недуговъ, окрѣпнуть въ своемъ силѣ и тогда уже требуйте отъ него, чтобы онъ началъ дѣйствовать и для народа! Мы сомнѣваемся, чтобы наши официальные врачи при теперешнемъ ихъ положеніи могли сдѣлать что-нибудь совершенное для сельской медицины. Въ наше время молодое поколѣніе врачей, только-что выходящее изъ стѣнъ университетовъ, кажется со страхомъ смотритъ на своихъ собратій, облаченныхъ уже въ гражданскій мундиръ. Правда, военная медицина наша успѣла уже уйти несколько впередъ и вздохнуть свободнѣе, но въ ней уже нѣтъ мѣсты: такъ два года назадъ въ военно-медицинскомъ департаментѣ на двѣ вакансіи было 124 прошенія (Совр. Мед. 1861 № 36). На это-то молодое, еще неиспорченное, но по вѣнчимо мучимымъ мѣсты вольнопрактикующее поколѣніе врачей, которыхъ г. Лѣсковъ называетъ *праздношатающими*, и должно обратить все вниманіе тѣмъ, кто такъ ратуетъ о пользѣ сельской медицины. Странно, что мы, почти ежедневно слыша вопли о ненормальномъ положеніи официальныхъ врачей и устарѣломъ, безобразномъ устройствѣ нашихъ госпиталей и больницъ, въ тоже время жадно заводимъ врачей и лечебницы въ селахъ по примѣру существовавшихъ въ городахъ. Не значитъ ли это только расширять прежній ригоризмъ, вносить въ неочатыи еще міръ рутину, разрушающую остатки гвалого влданія? Медицинская молодежь какъ тоя

хорошо стала понимать это и предпочитает лучше шатающаяся чужая, чѣмъ вступать въ область мертвого застоя. Зато какое широкое поле пришло для дѣятельности ея могъ бы стирать собою этотъ немощный еще quasi-необразованный миръ, зашнурованный въ отношеніи себя, съ своими грубыми, но дѣтски-простодушными вѣрованіями и тысячекратнымъ опытомъ тяжелой исторической жизни!

Оставивъ нашей официальной медицинѣ думать о своей резервѣ, хлопотать о новыхъ правахъ на свою самостоятельность и труднымъ, медленнымъ путемъ совершать свое возрожденіе, мы взглянемъ лучше теперь на то новое дѣло, которое только-что начало занимать наши мысли. Нашему времени предстоитъ разъяснить тѣ возможные пути, которыми слѣдуетъ идти нискошеромъ-врачамъ на столь трудное дѣло — устройство сельской медицины. Это важнѣе своего рода новый крестьянскій вопросъ. Народъ нашъ до сихъ поръ былъ напуганъ нашими чиновными врачами, долго смотрѣвшими на него презрительными взглядами съ высоты своей государственной народности. Онъ до сихъ поръ не понималъ настоящаго значенія врачей, потому что видѣлъ по большей части ихъ ложную сторону, ненормальное проявленіе ихъ мнимой чиновной власти, выходящей изъ той народности, къ которой они до сихъ поръ принадлежали. Вмѣсто чловѣческаго достоинства онъ видѣлъ въ нихъ чиновную спѣсь, частицу той общей силы, предъ которою онъ вообще привыкъ преклоняться. Намъ приходится на умъ одинъ фактъ, который можетъ нѣсколько охарактеризовать это отношеніе нашего престололюбива къ официальному врачу. Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ изъ нашихъ хирурговъ дѣлалъ кровавую операцію на лицѣ—крестьянину или солдату, ужъ не помню. Долго терпѣлъ этотъ послѣдній, молча своя необходимые разрѣзы; наконецъ стало невыносимо. «Ваше вскородіе, *позвольте* крикнуть! сказалъ онъ: — не могу... не-всутерпѣ!» Хирургъ засмѣялся и позволилъ. «А-а-а-ай!» заревѣлъ во все горло оперируемый и чуть не залякалъ отъ неслыханной доброты сердца хирурга! А пусть полюбуются защитники стараго порядка хоть тѣми сценами, которыя представляемы записаны въ статьѣ «Неспособный», помѣщенной въ «Современникѣ» 1860 г., гдѣ главный докторъ госпиталя тыкаетъ пальцемъ въ животъ больного солдата, а концомъ своей перчатки пробуетъ пульсъ его, и этими приемами глубокомысленнымъ тономъ рѣшаетъ его участь! А вѣдь все это снято съ натуры! Недай-богъ, если нашему народу навяжутъ этихъ чопорныхъ, надутыхъ quasi-врачей, требующихъ чтобы больной стоялъ передъ ними на вытяжку. Вообще вопросъ о сближеніи врачей съ народомъ важнѣе сущности почти тотъ же, какъ и вопросъ о сближеніи съ нами нашего образованнаго са-

своимъ вообще, который теперь занимаетъ нашу литературу. Какъ тутъ, такъ и тамъ въ настоящее время видно только пока одно желаніе благомыслящихъ людей, — чтобы наше образованное сословіе освободило съ себя лишнюю гордость и сбросило обветшалыя формы своей барской ереси, — желаніе, которое нелегко перевести въ дѣйствительность. И тутъ затрогивается вопросъ о вѣковыхъ различіяхъ между сословіемъ и ихъ преимуществахъ, о самопожертвованіи, покаяніи и о самоуничтоженіи, объ которомъ недавно возбуждалъ столько толковъ органъ славянофиловъ «День». Вотъ почему, говоря о сельской медицинѣ, мы полагаемъ болѣе надежды на врачей, которыхъ г. Лѣсковъ придаетъ названіе «праздношатающихся», но у которыхъ наша служебная привилегированная ересь можетъ быть еще не вполне вошла въ плоть и кровь, а естественное устройство нашей больной медицинѣ еще не лишило обычной энергии и не привело въ апатію. Врачебная помощь въ селеніяхъ до сихъ поръ возлагалась на врачей уѣздныхъ, но и то только тогда, когда въ нихъ открывались болѣзни эпидемическія, вроде тифа, оспы и проч. Главными распорядителями тутъ были «уѣздныя комитеты народнаго здравія», въ которыхъ впрочемъ уѣздные врачи играютъ пассивную, совершенно подчиненную роль. Тутъ все зависитъ отъ исправниковъ, предводителей дворянства и прочихъ полюбившихъ же блюстителей народнаго здравія вовсе съ нимъ незнакомыхъ.

Чтобы дать читателямъ понять, какъ обезпечивается въ нашихъ селеніяхъ народное здоровье даже и теперь, мы приводимъ слѣдующій отрывокъ изъ жизни уѣзднаго врача.

Если въ какой-нибудь деревенькѣ откроется людской моръ или скотскій падежъ, то вотъ какой затѣвается длинный процессъ для его прекращенія. Десятскій этой деревни, видя что людъ или скотъ мереть уже ненапуганно и что уже многія Акулины, Ховри, Степаниды возмутъ во весь голосъ по своимъ мужьямъ и отцамъ или по порожамъ и бычкамъ, отправляется, почесавъ затылокъ, къ сотскому. Сотскій долженъ пріѣхать въ эту деревню и освидѣтельствоваться въ дѣйствительности факта; потомъ въ свою очередь обязанъ отправиться къ становому съ приличными педлонами для донесенія имъ вѣдости, что вотъ такъ и такъ. Становой, поругавъ сотскаго, зачѣмъ онъ допустилъ въ свой участокъ чортъ-знаетъ какія болѣзни, о донесеніи сотскаго доноситъ земскому суду, а сей въ лицѣ испрашенна, какъ главы комитета народнаго здравія, извѣщаетъ уѣзднаго врача и проситъ его отправиться въ такую-то деревню для прекращенія злощаснаго опустошенія «чернаго населенія или рога-таго скота». Процедура эта тянется обыкновенно недѣли двѣ. Уѣзд-

ный врачъ отъѣзжаетъ суду, чтобы тотъ сдѣлать распоряженіе о выдачѣ ему изъ казначейства на свой прѣздъ прошенныхъ денегъ. Судъ убѣждается, что денегъ этихъ не будетъ вполнѣ, ибо о селѣ не было разрѣшенія высшаго начальства. Врачъ снова проситъ суду объ отысканіи какой-нибудь возможности доставить его на мѣсто прошестья (а люди-то или скотъ между тѣмъ все отираются да отираются въ елисейскія). Наконецъ судъ присылаетъ врачу обязательство лошадей. И вотъ наконецъ-то увидѣны медицинскія вытѣки на паре деревенскихъ клѣтъ!

Прѣзжаютъ на переѣзномъ пукать.

— Лошадей! кричитъ врачъ на какую-то бородастую фигуру.

— Немалуюго выше выскочес... благо... билетъ? выѣсто отавля спрашиваетъ въ свое очередь фигура.

— Какой билетъ?

— Билетъ... изъ суда билетъ... на получение стало-быть лошадей билетъ. Нонѣ боѣз билета лошадей давать не позвоно. Имя-тепереча, нужно-нужно, разную... то-есть... стали на нашихъ лошадей вѣтеръ гонять: окромя значить отавевого и...

— Да какъ ты смѣешь еще рассказывать? Давай лошадей — вотъ и все! Я по казенной надобности! Мнѣ часъ дорога! кричитъ со зѣрывомъ гнѣва увидѣвшій медикъ.

— Не можемъ знать! отвѣчаетъ мужикъ. — Сами можете пострадать за это... отъ начальства значить приказъ, чтобы боѣз билета...

Часовой споръ впрочемъ оканчивается мировою. Въ городъ обратно посылается гонецъ, что дескать прѣхалъ какой-то баринъ и кричитъ значить что-ниаестъ мочи — подавай лошадей! вотъ-де и записку прислалъ къ исправнику. Исправникъ, прочитавъ записку, валывается смѣхомъ. — «Ха-ха-ха! восклицаетъ онъ. — Нашему доктору мужики не даютъ лошадей! Вотъ умора! Да ктожь это сдѣлалъ? Эй! позвать, кто тамъ привезъ эту записку? Скажи ты братецъ своимъ, — обращается онъ къ гонцу — что я вамъ, мерзавцамъ, всѣмъ бороды крикаосу выщипать, передеру васъ всѣхъ до единого! Какъ вы смѣли распориматься тамъ по-своему? Сейчасъ чтобы была трюкка, слышите? И билетъ отдай въ руки самому барину. Вотъ петѣха! скажите праву!» продолжаетъ исправникъ, радуясь въ душѣ, что успѣлъ показать свое служебное превосходство шеремъ своимъ вричемъ.

Разсерженный врачъ, проспавъ часовъ пять въ ожиданіи отѣты, прѣзжаетъ кой-какъ въ деревню препрадать моръ. Мужики обыкновенно стараются не мустить его къ себѣ на квартиру, по той простой причинѣ, что нашествіе иноплеменинаговъ въ деревнѣ по-

общее шоконье на похищеніе старшинъ въ полѣ; на разбойничій десятскій, если онъ только еще случится на-лицо, *отведати* ему шиколовца квартиру въ лучшей избѣ, выгоняя изъ нея все живущее и выбрасывая все лишнее, могущее оскорбить взоръ уѣздной власти. Разбойнй десятскій! ему и въ умъ не приходитъ, что уѣздному врачу не дѣлать его службы квартиры въ селеніи по званію не чинягастся.

— Ну что, ребята, сколько васъ перемерло? обращается поколемя усмекнувшись врачъ-чиновникъ къ севанскому деревенскому міру.

— Теперь слава-богу не такъ стало, отъѣхавъ міръ: — а вотъ *отъ переломъ-то жельца*, неча-сказать, валяло! У Прохора Дыкодера два бабы да пару ребятшекъ въ одну недѣлю на ноготокъ свечал, у Дениса...

— Всего-то сколько, всего? что ты мнѣ Дениса приуготовить! перебиваетъ врачъ, которому для своего годового отчета нужна болѣе всего цифра.

— Хтожъ ихъ считать-то будетъ? Известное дѣло, помреть, — ну и похоронять, а считать ихъ кому дѣло? Мертвыхъ душъ, кормилецъ, вѣчего считать! Это уже по ревизіи будетъ видно.

— Чѣмъ же вы лечитесь?

— Да что, ваше благородіе! всѣмъ, *кто что* раетъ: острую водку съ легтемъ давали, рѣдкой терян; да вѣтъ, не беретъ: брехня это все!

— Покажите-жъ мнѣ хоть одного. Гдѣ ваши больные?

— Извольте, ваше благородіе, вотъ хоть сюда, а въ первую хату! отъывается все тотъ же десятскій. — Тутъ у Пантелея Сидорова жельстка шестой день на ноги не встаетъ.

Входитъ. Дворовыя собаки первая привѣтствуютъ почтенную компанію, заливаясь своимъ выглаженнымъ лаемъ. Закопченная курная изба полна дыму, выходящаго изъ затопленной соломою печи и вѣлжающаго во всевозможныя отверстія избы. На полу возлѣ стола лежитъ больная крестьянка на соломѣ, уткнувшись головою въ подушку, покрытая какою-то грязною поддежкой. Рядомъ съ нею теленокъ, привязанный къ лавкѣ и лежащій на матеріяхъ собственнаго приготовленія. Самъ дядя Пантелей, чинившій во дворѣ конуть, оставилъ свою работу, снялъ шапку и впресмыкнувшись смотритъ, что будетъ дальше?

— Куда-жъ тутъ идти-то? спрашиваетъ пологий къ двери докторъ, которому пахнувшій въ носъ и глаза дымъ затормозилъ доктору.

— Вотъ больная-то, ваше высокоородіе, на полу лежитъ, указываетъ десятскій.

— Ахъ вы наверхи! Развѣ жъ можно большую держать въ дыму-то? вѣдь она задохнется.

— Ничего, ничего, баринъ, вышнвается дядя Пантелей:— вамъ не привыкать—стать; дымъ не доходить до полу, нето еще бываетъ, а сносивъ...

— Тещи же ее сюда!

Дядя Пантелей первый входитъ въ избу и кое-какъ выводитъ больную невѣстку предъ свѣтлыя очи доктора.

— Ну скажи, чѣмъ ты, матушка, больна? спрашиваетъ этотъ.

— А? отвѣчаетъ ошеломленная баба, сама не зная о чемъ ее спрашиваютъ и чего имъ отъ нея нужно.

— Что акаешь-то? Что ты чувствуешь теперь, спрашиваю я? Ёсть хочешь?

— Дѣтъ, баринъ, не ёсть она уже день пять, перебивается вздыхая дядя Пантелей.

— Что ты, что ты, Сидорычъ! не грѣши, батюшка! вдругъ отзывается старуха, жена пантелеева.— Вчера ввечеру она два огурочка соленыхъ съѣла, сердешная, и то не всѣ, отъ другого половинка осталась; а что пить, такъ вотъ, баринушка, все гущу квасную да гущу; кажется она бы ее ведро въ день выпила.

— Вотъ и лечи васъ! начинаеть опять докторъ, которому послѣ богатыхъ городскихъ будуаровъ становится какъ-то оскорбительно-неловко глядѣть на этотъ будуаръ русскаго мужика:— вы живете, прости-господи, какъ свиньи; больная ничего не ёсть, а вы ей на пустой желудокъ суете огурцы да квасъ и хотите, чтобъ выздоравливать. Такъ вамъ и надо. Всѣ перемрете, коли будете кормить ее всякою дрянью.

— Ахъ, батюшка! вновь заговариваетъ, скрещивая руки, жена пантелеева:— сама она просить, сама; нѣшто-жъ ей помирать—стать не ѣвши? Стало-быть нутро ея требуетъ, коли и просить. Какая-жъ я мать-то ей, что отказывать стану? Вѣдь всякая скотина, кормилецъ ты мой, и та... Но Пантелей, толкнувъ ее въ бокъ, шепчетъ ей:— Молчи, дура баба; види себѣ, ишь языкъ-то у тебя длинный!

А докторъ прибавляетъ, указывая на больную:— Ну, убирай ее опять къ телатамъ. А гдѣже другіе больные?

Мущина переглядываются кому стало-быть опять идти на очередь? потому видятъ, что дѣло идетъ уже съ начала несовсѣмъ ладно.

Обойдя дворовъ пять, докторъ опять обращается къ міру со слѣдующими словами:

— Нуте, ребята, вижу что дѣло-то у васъ плохо; больныхъ ва-

нить надо лечить. Вотъ вы выберите-ка кого-нибудь, да пусть онъ складникъ съ городъ за лекарствами, а я прележу, да расскажу вамъ, что съ вами надо дѣлать; слышите?

— А съ кого же, ваше высокогородіе, деньги будутъ брать за эти лекарства? спрашиваетъ десятскій.

— Съ кого деньги? это, братецъ, ужь не мое дѣло. Послѣ будете вѣдаться: тамъ ваше начальство само разберетъ, съ кого деньги Васъ лечить, съ васъ и деньги.

— Нѣтъ, баринъ, ужь помилосердствуйте вы надъ нами, начесть хоромъ все собраніе: — окажите уже намъ эдакую, что-вѣнаость милость! Неизвольте вы лечить насъ бѣдныхъ-то, горемычныхъ: и такъ мы уже помстратились! мы за васъ вѣчно будемъ Бога молить! Неутруждайте вы насъ лекарствами; обдерутъ они съ насъ за нихъ нѣшу-то *испомавную*! Нерады мы будемъ и жистя своей черезъ нихъ, да и болѣсть-то наша проходить уже сама стала! *Ассось*, Богъ милостивъ, скоро и совсѣмъ перестанетъ! Ваше благородіе! мы намъ ужь и лошадокъ-то изготовили. Гдѣ вамъ жить тутъ у насъ, въ хатахъ-то нашихъ зачопченныхъ, мареть свои бѣлыя руки! *Недостойны* мы значить, чтобы ваше благородіе пребывали тутъ. Извольте вотъ откушать у насъ винца да хлѣба-соли, что Богъ послалъ, да и не безпокойтесь тутъ!..

Умилостивленный чѣмъ Богъ послалъ, докторъ не возражаетъ.

— Хорошо, хорошо! Я сейчасъ ѣду; только ты, десятскій, води осенитай, сколько умерло и сколько всѣхъ больныхъ — для статистики государственной вѣдъ нужно, понимаешь? Да живѣе!

— Слушаю-съ.

— А вы, ребята, ступайте по домамъ: дѣла больше дѣту! Да огурцовъ не давать! а то я къ вамъ *опять* прѣду.

— Не будемъ, не будемъ! отвѣчаетъ расходящійся съ поклономъ миръ, радуясь, что баринъ-то человекъ *еще добрый*, много зла не сдѣлалъ.

— Во, черти его принесли! Ливизоръ! мертвыхъ ему подавай! слышится потомъ между расходящеюся толпою. — Не горюй, Ерема; скоро принесли, скоро и вынесутъ!

И докторъ, выѣзжая за околицу деревни, также радуется, что исполнѣлъ съ точностью свой служебный долгъ, возложенный на него судомъ *по замяю* уѣзднаго врача, и можетъ теперь донести, что имъ приняты *есть* возможныя и зависѣвшія отъ него мѣры къ прекращенію болѣзни.

— Ударю же и я тебѣ когда-нибудь, думаетъ онъ только, прилепная исправника. — Постой, будешь и ты пыхтѣть!

Мы нарочно привели этотъ небольшой эпизодъ изъ жизни уѣзд-

нито врача, чтобы хотя несколько приблизить тех, которые не отяжелели еще смотреть на все сквозь радужные цветные призмы. Это одна из картин нашей современной официальной медицины с некоторыми провинциальными городками, обнаруживающая то отношение, в каком доселѣ стояли между собою наши сельские врачи и народъ. Показано, что эти врачи неприхвѣтны для сельской медицины. Хорошо еще, что они по закону обязаны жить постоянно въ городахъ и выѣзжать въ уѣзды только по дѣламъ службы (для смотренія и уничтоженія надоемой) и не по своей волѣ. Если г. Лисковъ возмущается за избирательный, или что то же, за насильный способъ введенія врачей въ селахъ, то очевидно, что этого приключенія порада въобщей массѣ прихвѣтны къ нашимъ уѣзднымъ врачамъ, не очень любимымъ народомъ. Почти подобныя же образцы практикуются у насъ и обязанности врачей окружающихъ и казенныхъ уѣздныхъ. Недостаточность средствъ на содержаніе и на развѣздку, обширность пространства въѣзденнаго района, ограниченный кругъ въ дѣйствіяхъ, скудный каталогъ медикаментовъ, наконецъ требованіе строгой отчетности въ численныхъ данныхъ относительно заболѣвшихъ, умершихъ, выздоровѣвшихъ, прибывшихъ и пр., заставляющее врачей выдумывать и писать наобумъ ни къ чему неведущія числа, наконецъ суевѣріе, невоздержность, безнечность, подозрѣніе и бѣзность самихъ крестьянъ — оуть причины, по которымъ и тутъ стоитъ на первомъ планѣ одна формальность. Оттого этимъ врачамъ выводитѣ снасть у себя дома, чѣмъ развѣжать безъ всякой воли. Да это кажется и справедливо. Впрочемъ видѣсь обстановка все-таки лучше и потому исключеній найдется гораздо больше, чѣмъ между уѣздными врачами. Вѣрнѣе наши сельскія общины при свободѣ найма вовсе не будутъ нять желанія набирать себя врачей изъ того класса, который входитъ въ разрядъ его на чальства. Мысль нанять себя начальника покажется всякому странною, а официальныхъ врачей простонародіе до сихъ поръ считало дѣйствительно начальниками. Всѣ же попытки сближенія, которыя были до сихъ поръ сдѣланы врачами, поселившимися въ селахъ, но большей части принадлежатъ врачамъ вольнопрактикующимъ. Итакъ вольнопрактикующими врачами въ селахъ могутъ быть только не-официальные, т. е. сложившіе или еще не возложившіе на себя бюрократической одежды современнаго покроя. Эти только врачи могутъ еще принести себя въ жертву народной помѣлѣ и выдѣтъ съ собою ввести свѣжіе плоды науки въ невоздѣланное поле народной жизни, поросшее до сихъ поръ бурьяномъ. Они могутъ положить собою сѣмена для дальнѣйшаго развитія научной сельской медицины. Отъ этихъ только врачей и помощи помѣлѣ принять въ себя народъ. Необходимо

шесть только, чтобы обстоятельства для этого равнѣя были болѣе благопріятны, пожелае тѣ, при которыхъ, какъ показываетъ наша исторія, равнялась у насъ бюрократическая медицина. Въ особеннѣости надобно желать этого потому, что первый шагъ всегда бываетъ труденъ и что все зависитъ отъ начала: тутъ что добьются, то и получимъ. Прежде всего нужно возможности опредѣлять и уничтожить разные препятствія, которые могутъ встрѣтаться намъ на пути нововведенія. Со стороны молодыхъ врачей кромѣ самоотверженія потребуются прежде всего изысканнаго рода практичность и знаніе условій народной жизни: безъ этого они не могутъ скоро обмануться. Народъ нельзя перемѣнить сразу; но для того, чтобы похвалить его къ лучшему, необходимо, по словамъ г. Лискова, жить на жизнью т. е. его интересами, обычаями, преданіями, покудай даже его суевѣрїемъ и предрассудками: тутъ нужно покудай дѣйствовать сперва съ *подходцемъ*, нужна нѣкотораго рода двуличность, но выскѣ съ тѣмъ и искусство не казаться двуличнымъ, и выводить народъ изъ суевѣрія. Врача, который выросъ не на почвѣ народной, народъ своимъ и не признаетъ и будетъ смотрѣть на него какъ на *барина*, котораго не грѣшно и надуть, потому что онъ хотя и живетъ съ нами, да все же не свой братъ. Однимъ словомъ, чтобы быть врачомъ престѣяннымъ нужно самому преодолѣть самого себя въ престѣянина, сохранивъ только превосходство своего образованія. Таковы требованія отъ будущаго сельскаго врача, выведенныя г. Лисковымъ. Задача и трудъ несомнѣнъ-то легкія и не всякимъ выполняемыя.

Разберемъ дальнѣйшія примѣненія наемной системы.

Всякій наемъ требуетъ знанія взаимныхъ условій, а главное — взаимное пониманіе требованій другъ друга. Такъ, если вы хотите нанять себѣ домъ, то прежде всего узнаете всѣ его подробности и цѣну, а въ свою очередь узнаете и о васъ, о вашей честности на речаму, умѣнья пользоваться домомъ безъ вреда хозяину и пр. Это составляетъ и насъ вникать нѣсколько глубже въ тѣ условія введенія сельской медицины, знаніе которыхъ необходимо для взаимной помощи обѣихъ сторонъ. Посмотримъ сперва съ медицинскою точкою зрѣнія, какова та масса народонаселенія, которая готовится для нашихъ будущихъ сельскихъ врачей, каковы въ настоящее время привычки ихъ жизни, какой взглядъ она на самое сословіе врачующихъ?

Масса эта, составляющая собой сѣрое населеніе, представляеть, какъ извѣстно, и до сихъ поръ еще загадку для образованныхъ людей. Взаимно-только позволяющему разгадывать свой внутренний міръ *лижельца*, которое держится исключительно на *дѣлѣ*. Масса эта,

прожившая тысячу лѣтъ, выработала своей собственнѣйшій взглядъ на вселенскій предметъ, взглядъ пожелуй странный и непонятный для насъ, но глубоко запавшій въ ея духовное созерцаніе жизни, вошедшій въ ея кровь, волютившійся въ ея правахъ, обычаехъ и составляющій ту загадочную особенность русскаго крестьянина, которую мы вои такъ интересуемся. Эта же масса имѣетъ своей особеннѣйшій взглядъ и на медицину и на врачей. Взглядъ этотъ выработывался не теоріею науки, а постепенно самъ собою выходилъ изъ натуры русскаго человѣка, изъ его исторической жизни, точно также какъ выработывался у народа его взглядъ на своего батюшку царя, на духовенство, барина-помѣщика, чиновника, молодого купчину, на добраго молодца, на свѣтъ красную дѣвицу. И у него образовалась своя народная медицина, точно также какъ народная поэзія, свои колдуны—знахари, дѣды—варчешки, старухи—заговорщицы и шенетухи, свои чары и зелья, свой особеннѣйшій гербарій приворотныхъ сладобѣй и горькоствъ. Не на нѣмецкой наукѣ было все это основано, а на преданіяхъ старшины, на наслѣдственной передачѣ, на боязни непосвященныхъ въ силу меностижимаго и необъяснимаго обыденною жизнью; на глубокомъ знаніи семейной жизни и умственныхъ недостаткахъ народа со стороны его знахарей. О медицинскомъ анализѣ почти не было никакого понятія. Вѣра въ чудесное, разукрашенная дымкою, живою народною фантазіею, была одною изъ тѣхъ обыкновенныхъ оружіевъ, за которыя крѣпко держались народные врачѣи. Обычай, суевѣріе вѣра, отчасти таинственный страхъ и особенно вѣра во всемогущество знахарства поддерживали этихъ врачей въ мнѣніи народа и въ свою очередь были ими поддерживаемы. Контроль во всѣхъ дѣйствіяхъ отдался одному Богу и суду собственной совѣсти, неосвѣщаемой высшимъ, духовно-образованнымъ чувствомъ. Все, что все знаніе этихъ врачей основывалось отчасти на трубой знахарѣи, отчасти на бессознательномъ приобрѣтеніи разныхъ секретовъ врачеванія. Дѣйствія ихъ сосредоточивали въ себѣ и добро и зло, и пользу и вредъ; но не всѣ знахари могли привести себѣ въ сознаніе свои дѣйствія и дать себѣ полный отчетъ: чего они достигали больше — пользы или вреда? Никакія побужденія страстей не заставляли ихъ иногда злоупотреблять своимъ деморощеннымъ знаніемъ съ умысломъ. Народъ могъ ихъ любить и наказывать по своему; некоторые пользовались у него авторитетомъ, зато знахари были часто жестоки и колдуновъ иногда топили въ рѣкахъ и жгли на кострахъ. Иные занимали въ одно и тоже время мѣсто и врачей и жутковъ; но главная особенность ихъ состояла въ томъ, что, все они не составляли собою никакой отдѣльной, правоконтролирующей власти въ особомъ явленіи, а принадлежали самому же народу. Не-

лицина составляла для нихъ тоже что умѣнье играть; у иныхъ была даже искусство для искусства, хотя у насъ она не достигла такого значенія, какъ напрямѣръ у египтянъ и грековъ, гдѣ она попала въ руки жрецовъ и пріотилась въ языческихъ храмахъ, исходныхъ точкахъ будущей науки.

Болезнь народъ почиталъ чѣмъ-то единичнымъ (епс), олицетворяя ее въ видѣ какой-то неясной силы, загадочныхъ существъ, которымъ безграничная фантазія его придавала видъ то страшныхъ чудовищъ, гнѣздящихся въ извѣстныхъ мѣстахъ тѣла, то какой-то неведомой *порчи*, напущенной злымъ колдуномъ-недругомъ, то просто недоброму *глазу*. Весьма многія болѣзни различнаго рода сводились въ одно неопредѣленное слово — *кровь* или *простуда*. Вообще болѣе заботились о словахъ, чѣмъ о сущности болѣзни, которыя считали чѣмъ-то враждебнымъ, находящимся *онѣ* природы человѣка. Объяснять зависимость происхожденія болѣзни отъ ненормальнаго образа жизни, воздуха, пищи, жилища имъ и въ умъ не приходило. Было ли хорошо, худо, а всё жили такъ же какъ жили и предки, и те-же ѣли и пили что дѣды и отцы: а предки наши, какъ извѣстно, любили, невѣдая никакой гигиены, ноѣсть и поить въ вилы, пачная отъ столицы до послѣдней деревеньки.

Точно также какъ болѣзни олицетворяли въ злую, нечистую, разрушающую силу, истинникъ или опытъ выставлялъ какъ антагонизмъ ея — добрую, цѣлительную силу, олицетворивъ ее во всемогущемъ словѣ знахаря или его снадобьяхъ. Сила выгоняетъ силу — вотъ девизъ нашей народной медицины, и какъ первая вѣдряется въ тѣло почти мгновенно, такъ требовалось, чтобы и противоположная ей лекарственная сила дѣйствовала какъ можно скорѣе. Тотъ изъ колдуновъ почитался болѣе всемогущимъ, кто однимъ уже наговоромъ ушѣвалъ ех *абгарто*, сразу, какъ рукой снять всё козми, напущенныя злымъ человѣкомъ. Какъ во время вечерней или утренней зари знахарь можетъ силою неведомой власти распускать болѣзни во всѣ четыре стороны, также точно можетъ онъ и снимать ихъ единымъ словомъ своего могущества, но уже болѣе сильнымъ, чѣмъ то, которымъ болѣзни напущена. Потому допускались знахари съ различною степенью могущества и силы. Они могли накладывать ихъ и снимать ихъ по произволу. Народъ отчасти уважалъ ихъ, отчасти боялся, но не тѣмъ дрожащимъ страхомъ, какъ предъ лицомъ воеводы или капитанъ-исправника, а внутреннимъ инстинктивнымъ страхомъ собственной фантазіи. Очевидно, что въ кругу знахарей былъ произволъ дѣйствій, которому не было границъ. Замѣчательно, что знахари были у насъ всегда враждебны другъ другу, отчего у насъ никогда не успѣла образоваться народная вра-

чебная *корпорация*, и всѣ ихъ званія и чины, будучи скрытыиъ до-стоинствомъ только немногихъ, представляли собою какой-то хаосъ, изъ котораго иногда не могла выработаться никакая наука. Сколько они доставляли народу пользы или вреда, мы не знаемъ, но видимъ по крайней-мѣрѣ, что дѣйствія ихъ были безсознательны и основывались на одномъ произволѣ. Въ ихъ рукахъ шло и вредъ были безразличны, потому что знахари не объясняли собѣ ни сущности, ни законовъ болѣзненныхъ разстройствъ, ни дѣйствій своихъ чаръ и зелий иначе, какъ одними невѣдомыми силами и вѣрою въ то, чего сами не понимали. Всѣ они своимъ вліяніемъ на народъ поддерживали въ немъ суевѣріе и были настоящею помѣхою для проведенія въ народѣ истинъ, выработанныхъ враческою наукою. Народъ не имѣлъ никакого понятія о важности гигиены и о простѣйшемъ взглядѣ на здоровье и болѣзнь, основанномъ на законахъ разума. Не разумность, а вѣра руководила имъ, когда ему нужно было обратиться къ врачу. Знахари превращали эту вѣру въ суевѣріе. На знахаря народъ смотрѣлъ какъ на особеннаго человека, знаніе котораго дано отсюда-то свыше и состояло во всевѣдѣніи и всемогуществѣ. Такой же взглядъ народъ имѣетъ и на врачей.

Все это въ нашихъ городахъ, селахъ и деревняхъ сохранилось въ основныхъ своихъ чертахъ и донынѣ, съ разными отгѣнками, зависящими отъ времени, мѣстностей, понятій, обычаевъ и усилковъ цивилизаціи, съ тою только разницею, что нѣкоторые колдуны ходятъ теперь даже въ кришналахъ и что знахарей уже не чонятъ и не жгутъ, а сбкуютъ и сажаютъ въ тюрьмы, а самое званіе ихъ получило названіе «шарлатанскаго леченія».

Нынѣшняя научная медицина и ея современныя послѣдователи имѣютъ взглядъ совершенно противоположный вышесказанному нами вѣрованію народа. Не безотчетное слѣдованіе преданію, не суевѣріе и мистицизмъ составляютъ нынѣ ея принципы, а вѣрный анализъ, законы разума, даже отрицаніе человѣческаго могущества, которыми такъ гордятся послѣдователи знахарства. Болѣзнь не считаютъ за силу, напущенную невѣдомымъ лихodemъ и находящуюся внѣ природы человека, а нарушеніемъ гармоническаго устройства его тѣла и его отправленій, подлежащимъ общимъ законамъ природы. Болѣзнь не признаютъ за что-либо единичное, особое существо, котораго удалить мы можемъ словомъ или невѣдомыми чарами. И лекарство (въ тѣсномъ смыслѣ) также не есть сила, противоположная разрушительной силѣ, а такое же вещество, какъ и всѣ тѣла природы съ физическими и химическими свойствами. Въ нихъ вѣтъ ничего сверхъестественнаго, и назначая ихъ, мы дѣйствуемъ не на болѣзнь, какъ силу или существо, а только на сѣ-

мую матерію или на процессы, которые совершаются въ ней, намъ надѣяться качественно или количественно, чѣмъ собственно, и обуславливается выздоровленіе. Такъ мы никакъ не можемъ дѣйствовать на самое посланіе, не можемъ преставить больного въ тѣ условія, при которыхъ этотъ процессъ могъ бы окончиться безъ вреда для тѣла, но и то не абсолютно. Тутъ дѣло имеетъ не въ обладаніи всемогущею тайною силою, сосредоточивающеюся въ лекарствѣ и направляющею другую, также вѣдомою силу, а только въ условіяхъ, при которыхъ возможно выздоровленіе. Мы доставляемъ помощь собственно не лекарствами, а известными дѣйствіями (*methodus medendi*), которые производятъ лекарства. Такъ лекарства могутъ дѣлать сонъ, усноивать, увеличать или уменьшать какое-нибудь отдѣленіе или выдѣленіе организма, производятъ жаръ или холодъ въ немъ и тѣмъ только могутъ дѣйствовать на ходъ и причины болѣзни, но не на самую болѣзнь, напримеръ воспаленіе. Вся разница между врачами не въ большей или меньшей силѣ ихъ вѣдомаго всемогущества, а въ умѣнн примѣнять эти методы. Не сила должна выгонять силу» служить девизомъ вышней медицины, а возможность оставить больного въ хорошія условія, при которыхъ болѣзнь могла бы окончиться выздоровленіемъ силами самой природы человѣка, причѣмъ лекарства могутъ только помогать природѣ, а не измѣнять ее, и дѣйствуютъ не на болѣзненную силу, а на организмъ человѣка. Врачъ поэтому есть не мгновенный дѣлатель, а руководитель для исцѣленія. Понятно, что не отъ назначенія одного только лекарства зависитъ излеченіе.

Мы привели эти два противоположные взгляда — народа и врачей — для того, чтобы показать, какъ разнятся ихъ пониманія одного и того же предмета и какъ различны между собою должны быть ихъ требованія, а въ виду предстоящаго введенія научной медицины въ селахъ и основаннаго еще на наймѣ, т. е. на взаимномъ согласіи взаимныхъ сторонъ, знаніе этихъ противоположныхъ мнѣній казалось необходимымъ. Тутъ дѣло не въ одномъ только назначеніи лекарствъ за 20 коп. сер.: это будетъ лишь одна вышняя сторона, которая можетъ нравиться развѣ людямъ, глядящимъ на предметъ весьма поверхностно. Условія выздоровленія состоятъ главнымъ образомъ не въ алкисирахъ долгоденствія, но въ устраненіи всего что можетъ *препятствовать* этимъ условіямъ; а препятствій для выздоровленія (или что тоже, для успѣшныхъ дѣйствій врача) въ нашемъ простонародьи очень много: одна бѣдность да суевѣріе стоятъ всѣхъ другихъ. Мы желали поэтому показать, что будущимъ нашимъ сельскимъ врачамъ предстоитъ много труда при самыхъ вѣгодныхъ условіяхъ для свободнаго сближенія съ на-

релемъ, и что прежде нежели броситься въ село, нужно многое пообсудить и поразмыслить, какъ еще примѣнить свои познанія въ новой обстановкѣ и въ тоже время не ударить себя лицомъ въ грязь. Съ другой стороны мы хотѣли показать, чего должно и можно требовать и отъ самихъ врачей.

Поэтому, не касаясь еще экономическихъ расчетовъ, мы теперь уже спросимъ: возможно ли при такихъ условіяхъ въполнѣ примѣнить въ селеніяхъ избирательный способъ введенія врачей, какъ предлагаетъ авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи», т. е. способъ избирать и удалять врача по произволу? На чемъ будетъ основываться это избраніе и удаленіе? Народъ пожалуй скажетъ: если хорошъ — будемъ держать, если негоденъ — удалимъ; но на чемъ будетъ основываться это сужденіе: хорошъ или худъ? Это не наемъ работника или учителя, и не избраніе сельскаго старосты, и не приобрѣтеніе пожарной трубы! Дѣло какъ-видно не такъ легко, какъ бы думалось съ перваго раза. Тутъ нужно вочто бы вистало угодить какому-нибудь дядѣ Пантелею и угодить какъ можно скорѣе, несмотря на то, что его невѣстка будетъ лежать въ дыму вмѣстѣ съ телятами и ѣсть огурцы да квасную гущу! Иначе дядя Пантелей пожалуй закричитъ: «вехорошъ, долой его! делься беретъ, а пользы съ него вѣтутн!» Докторскій дипломъ, для полученія котораго нужно убить половину жизни, обратится при этихъ словахъ дяди Пантелея въ совершенный нуль. Самый послѣдній деревенскій знахарь станетъ поддерживать мнѣніе дяди Пантелея и всѣми силами стараться о томъ, какъ бы скорѣе сбыли съ рукъ нанятаго врача, а г. Лѣсковъ между тѣмъ будетъ вотировать за освобожденіе врачей отъ обязанности противодѣйствовать какимъ бы то нибыло образомъ доморощеннымъ врагамъ научной медицины. И вотъ изъ-за двухгривеннаго да десятка яицъ и куска масла начинается страшная конкуренція между образованнымъ студентомъ, невѣрующимъ въ могущество своей науки, и сѣденькимъ старичкомъ, наввно нащоптывающимъ заговорную водицу и въ простотѣ сердца прибавляющимъ въ нее «мелкаго сахарцу» съ порошкомъ бѣлены и смѣло увѣряющимъ, что лихо пройдетъ черезъ три зори. Старичку знаніе не стоило ни гроша, студенту медицинское образованіе обошлось тысячи. На чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, мы рѣшать не беремся; мы знаемъ только, что въ медицинѣ нѣтъ ничего абсолютнаго и что въ жизни врача, какъ говоритъ почтенный ветеранъ нашей науки, Н. И. Пироговъ, бываетъ время разочарованія.

Если ввести избирательный способъ, то примѣненіе его возможно только тогда, если опредѣлится въ точности требованія народа; а удовлетворить имъ при наймѣ могутъ и не одни врачи образован-

ные : на эти условія могутъ явиться и знахари, и фельдшера, и даже люди, ищущіе разныхъ приключеній ; а по теоріи г. Лѣскова никто не вправѣ запретить народу избирать кого ему угодно. Народъ прежде всего станетъ смотрѣть на цѣну ; чѣмъ дешевле, тѣмъ оно и лучше. Пожалуй онъ припомнитъ и свою пословицу : дорого да мило, дешево да гнило ; но кто же его узнаетъ, которое тутъ мило, которое гнило ? въ голову къ нему не влѣзешь ! А народъ нашъ и до сихъ поръ не знаетъ никакого различія между своимъ простякомъ-знахаремъ или фельдшеромъ и заморскими лекарями и докторами. Для него это рѣшительно все равно. Ему нуженъ только тотъ, кто скоро лечитъ да дешево беретъ, а не ученые теоретики съ докторскимъ дипломомъ, проповѣдывающіе отрицаніе могущества науки, которыхъ число на земномъ шарѣ размножается съ каждымъ годомъ. Народъ пожалуй рассуждаетъ о какомъ-нибудь врачѣ и такъ : «овъ, когда тверѣзъ, ничего не понимаетъ, а коли порядкомъ выпьетъ, то насквозь вилитъ все въ человѣкъ : тутъ-то у него и самый умъ !» Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь изъ образованныхъ врачей, въ виду сближенія съ народомъ, сталъ бы исполнять это требованіе его. Кромѣ того избирательный способъ предполагаетъ уже понятіе о *нѣсколькихъ* врачахъ, явившихся къ народу на конкурсъ, а не объ одномъ лицѣ. Совмѣстить это въ одно время очень трудно ; но если община, избравъ одного врача, дастъ ему извѣстный участокъ земли, который онъ успѣетъ обработать и станетъ уже оживать жатвы, и въ то же самое время вдругъ изберетъ другого, то этимъ рушится всякое довѣріе врачей къ обезпеченію своего труда со стороны общины, тѣмъ болѣе что право избранія и удаленія будетъ основываться на одномъ произволѣ. Вотъ почему намъ и казалось, что сказать : «врача должна избирать сама община», не пояснивъ разныхъ частности, какія при этомъ могутъ встрѣтиться, какъ сдѣлалъ авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи», будетъ только общее мѣсто. Г. Лѣсковъ сравниваетъ введеніе врачей въ селеніяхъ съ общественнымъ устройствомъ пожарной части ; но намъ кажется, что ни одинъ изъ врачей не согласился бы поставить себя въ одну паралель съ инструментомъ, изъ котораго можно только выкачивать воду ! Время сравненій кажется у насъ уже далеко вмѣстѣ съ своимъ представителемъ Марлинскимъ. Мы требуемъ уже не сравненій, а анализа. Пожарный снарядъ есть вещь, которою дѣйствуетъ народъ для охраненія собственности, а врачъ есть лицо, которое дѣйствуетъ на народъ для сохраненія его здоровья. Разница тутъ весьма велика какъ въ сущности, такъ и въ способѣ содержанія.

Первообразомъ нашей сельской научной медицины, несостоявшейся въ вѣдѣніи общихъ правительственныхъ медицинскихъ учреждений, были у насъ до уничтоженія крѣпостного права врачи въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, которые почти всюду теперь отживаютъ уже свое время. Тутъ также существовалъ наемный или избирательный способъ. Цензомъ этого избранія были качество диплома и ученію степень, отчасти личный взглядъ помѣщика и болѣе или менѣе хорошая плата деньгами и натурою. Врачъ тутъ зависѣлъ единственно отъ воли помѣщика; единица зависѣла отъ единицы. Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ были свои и больницы, и аптеки, и прислуга, и лошади для разѣздовъ врача. Въ наше время воля одного лица уже переходитъ въ цѣлую общину: воля прежней единицы дробится на части. Прежде эти части *должны* были принимать участіе въ дѣлѣ цѣлой единицы, такъ какъ содержаніе больницы и врача *невольно* падало на долю каждаго крестьянина. Прежде плата врачу шла огуломъ; теперь она должна дробиться на части. Прежде каждая часть неминуемо должна была *платить*; теперь это можно дѣлать или вовсе отказаться: никто не принудитъ извѣстныхъ членовъ общины нанимать врача, потому что наемъ желаютъ сдѣлать свободнымъ, необязательнымъ отъ правительства. Г. Лѣсковъ, предлагая свой избирательный способъ, именно упустилъ изъ виду это обстоятельство: если общинамъ дать право избирать врачей, обязавъ имѣть ихъ, то можно быть увѣреннымъ, что явкагого избранія не послѣдуетъ.

Взглянемъ теперь на экономическія условія найма, которые разумѣется составляютъ его главную основу.

Всего болѣе надобно бы было желать, чтобы въ нашихъ селеніяхъ поселялись врачи, одушевленные истиннымъ человеколюбіемъ къ своимъ меньшимъ братьямъ и посвятившіе всю жизнь свою и средства на уходъ и утѣшеніе страждущихъ за самую ничтожную плату или, если можно, даже вовсе безвозмездно. Это былъ бы съ ихъ стороны высокое христіанское самоотверженіе. Такимъ обыкновенно и представляютъ идеалъ врача. Но къ сожалѣнію такіе идеалы въ свѣтѣ попадаются рѣдко, точно также какъ очень рѣдко въ жизни можно встрѣтить такого богача, который бы раздалъ все свое имѣніе нищимъ и взялъ на себя тяжелый крестъ жизни. Въ нашемъ обществѣ, какъ извѣстно, обыкновенно смотрять на науку не какъ на цѣль, а какъ на средство жизни. Справедливы ли или нѣтъ такой взглядъ, но обыкновенно изученію медицины посвящаютъ себя небогатые люди, предполагая, что примѣненіе ея къ практикѣ можетъ доставить болѣе выгодъ, чѣмъ изученіе другихъ наукъ. На изученіе медицины тратится капиталъ, который,

предполагается, впоследствии долженъ приносить огромные проценты. Довольство, выпавшее на долю въкоторыхъ счастливыхъ практикантъ, обыкновенно служитъ примѣромъ, подстрекающимъ молодежь безотчетно изучать эту трудную, но довольно вѣтривую науку. О сельской медицианѣ нѣтъ у ней тогда еще и помину. Большая часть молодыхъ людей прежде всего стараются по большей части отыскать — золотую арену практики! Люди же, посвятившіе себя одной наукѣ, часто избѣгаютъ практики вовсе. Это отчасти опровергаетъ тотъ взглядъ, что медицина есть наука чисто-практическая. Золотая арена практики основывается такимъ образомъ на маломъ прибрѣтенныхъ куплею знаній на матерьяльныя выгоды.

Такой взглядъ на жизнь впрочемъ присущъ нашему времени во всемъ и во всѣхъ и потому не ставемъ слишкомъ строго осуждать, если и послѣдователи медицины также слѣдуютъ этому направленію своего вѣка. Самоотверженіе очень похвально, но ни для кого не обязательно, а человеколюбіе и состраданіе къ ближнему составляютъ вообще принадлежность всякаго человѣка, а не одного врача, и составляютъ проявленіе одного сердца, не прибрѣтаются никакимъ знаніемъ и образованіемъ ума. Правда, рассматривая предметъ съ такой точки зрѣнія, мы отступаемъ отъ представленія идеала врача, но мы рассматриваемъ не идеалы, а живыхъ людей съ ихъ слабостями и недостатками, а потому и смотримъ на жизнь неупуская изъ виду и темной стороны ея.

Итакъ чѣмъ болѣе прибрѣтенныя знанія доставляютъ врачу матерьяльныя выгоды, тѣмъ и стараніе его бываетъ усерднѣе, даже самое человеколюбіе его можетъ тогда обнаружить себя въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Вообще и здѣсь вполнѣ примѣнимо то правило политической экономіи, по которому чѣмъ больше вознагражденіе, тѣмъ трудъ производительнѣе, хотя наоборотъ (чѣмъ трудъ производительнѣе, тѣмъ болѣе вознагражденіе) случается вообще гораздо рѣже. Изъ этого слѣдуетъ, что привлечь въ селенія врачей можно только ничѣмъ другимъ, какъ выгодными условіями жизни и хорошимъ вознагражденіемъ за трудъ. Если же въ настоящее время, по словамъ г. Лѣскова, въ университетскихъ городахъ молодые врачи сидятъ сотнями безъ дѣла и не идутъ въ села, подобно г. Тулушеву, то это показываетъ только, что или они къ этому не приготовлены своимъ образованіемъ, или что для нихъ такая служба невыгодна, что вознагражденіе за трудъ въ селахъ вѣрно не можетъ соотвѣтствовать цѣнности предполагаемаго труда и времени и не скоро можетъ вознаградить потерянный капиталъ на изученіе медицины. Разумѣется имъ можно сдѣлать упрекъ, что у нихъ мало человеколюбія къ своимъ нижнимъ братьямъ, которые, какъ говорить г. Лѣсковъ,

гибнуть безъ врачебной помощи; но замѣтимъ, что заставить кого бы то нибыло приносить себя въ жертву другому никто не имѣеть права. Заставить любить другого наружно еще можно, но внутренне никогда: это житейская истина. И кажется, что лучше основать устройство сельской медицины на прочныхъ экономическихъ началахъ, чѣмъ на какомъ-то неопредѣленномъ чувствѣ, которое въ приложеніи къ медицинѣ — въ сущности общая фраза. Человѣколюбіе въ медицинѣ есть что-то неопредѣленное и существуетъ только въ идеѣ: кто не знаетъ какіе нечеловѣколюбивые аріемы употребляетъ она изъ челоѣколюбія! Этимъ мы впрочемъ нисколько не отрицаемъ у врачей ихъ челоѣколюбія и милосердія, но желаемъ только замѣтить, что неслѣдуетъ также требовать со стороны врачей и совершеннаго отрицанія самихъ себя въ пользу народа. Вообще ревнители народной пользы въ порывѣ увлеченія *требуютъ* для народа жертвъ, между тѣмъ какъ это должно быть предоставлено на *волю* каждаго. Два года назадъ, когда составлялось общество вспомошествованія нуждающимся литераторамъ, наши первые журналы пожертвовали только *по одной копѣйкѣ съ подписчика*, а когда дошло дѣло до врачей, то уже и кричатъ, чтобы они жертвовали *всѣмъ*, чѣмъ можно; между тѣмъ какъ въ тоже самое время университетское образованіе, а слѣдовательно и *изученіе медицины*, становится съ каждымъ годомъ все *дороже и дороже*, и на это не обращается уже никакого вниманія. Врачи поэтому требуютъ для себя большаго вознагражденія, а для пользы народа желаютъ, чтобы оно было сколь возможно малое, даже если можно равное нулю: требованія, противоположныя совершенно одно другому! Но должно замѣтить, что дѣятельность практическаго врача приноситъ пользу только при извѣстномъ количествѣ платы, потребномъ на покрытіе его издержекъ, необходимыхъ при подобнаго рода службѣ, втеченіи всей жизни. Всякое вознагражденіе ниже этого уровня будетъ производить ущербъ и для его дѣятельности: уменьшите вознагражденіе, уменьшится и трудъ и польза. Можно пожалуй и за ничтожную плату найти охотника, но въ сущности это будетъ лишь удовлетвореніе одной вѣшной сторонѣ, другими словами, — *только замѣщеніе ваканціи*; а будетъ ли изъ этого польза — это вопросъ уже другой. Г. Лѣсковъ предлагаетъ обезпечить сельскаго врача какъ обезпеченъ сельскій священникъ; мы замѣтимъ, что наше сельское духовенство очень бѣдно: кто не знаетъ, какъ часто наши сельскіе священники пашутъ сами землю и молотятъ вмѣстѣ съ своими прихожанами? Наконецъ обязанность священника большею частью ограничивается однимъ отправленіемъ требъ; искусства, особаго знанія и опытности отъ него никто не требуетъ. Дѣло

врача охватить другое: отъ него требуется постоянное занятіе наукою, усовершенствованіе въ ней, что сопряжено всегда съ издержками, тѣмъ болѣе что сельскій врачъ долженъ уже повеломъ быть спеціалитомъ по всѣмъ частямъ своей науки; а ежели онъ будетъ такъ же бѣденъ, какъ сельскій священникъ, то пользы для народа ожидать отъ него нельзя.

Плата врачамъ можетъ быть денежная, и что гораздо выгоднѣе для народа, — натурою: землею, сѣнокосами и другими произведеніями; но это не такъ важно. Важнѣе рѣшить, что выгоднѣе — плата ли огуломъ или дробная, подобно тому, какъ ее получаетъ сельскіе духовенство? И та и другая имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Плата огуломъ при круговой порукѣ выгоднѣе для врача, потому что вполне можетъ гарантировать его существованіе и заставить его имѣть условіе съ одною общиною, а не съ каждымъ членомъ ея въ отаѣльности; для народа она невыгодна потому, что тогда врачъ будетъ дѣйствовать въ пользу отвлеченной идеи общины, часто минуя интересы отаѣльныхъ личностей, хотя эти послѣднія будутъ въ отношеніи его имѣть всѣ и всегда одинаковое, равное значеніе. Плата дробная невыгодна для врача потому, что слишкомъ хлопотлива и не можетъ его вполне обезпечить, ибо многія личности найдутъ выгоднымъ для себя и не возносить ее; а не внесетъ одинъ, тоже сдѣлаетъ и другой, и третій; прибѣгать же всякій разъ къ судебному разбирательству общины тутъ вовсе нейдетъ. Невыгодна она и для народа, потому что врачи будутъ тогда оказывать предпочтеніе людямъ богатымъ и равенство отаѣльныхъ членовъ общины предъ врачомъ исчезнетъ: на первомъ планѣ будетъ тогда уже интересъ врача, а не интересъ цѣлой общины.

Но однимъ условіемъ найма врачей въ селенія еще не кончается все дѣло устройства сельской медицины. Мы обращаемся теперь къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ врачеванія. На первомъ планѣ тутъ стоитъ устройство аптекъ и лечебницъ. Какъ завести въ селеніяхъ аптеки? Принять ли тутъ за основаніе нынѣшнее учрежденіе официальныхъ аптекъ въ городахъ, или искать другихъ средствъ? Если учредить въ селеніяхъ аптеки подобно существующимъ въ городахъ, то для народа не будутъ уничтожены тѣ препятствія, какія существуютъ теперь; разница будетъ только въ уменьшеніи разстоянія въ полученіи лекарствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ неминуемо рухнетъ вся теперешняя система содержанія аптекъ въ городахъ, основанная на монополіи, признанной правительствомъ. Въ статьѣ своей «о провинціальныхъ аптекахъ» (Совр. Мед. 1862, № 7) мы показали, что нарушеніе монополіи аптекъ, т. е. увеличеніе количества ихъ ведетъ къ ухудшенію качества ихъ, т. е. къ не-

достаткамъ, которые не могутъ быть терпимы безъ вреда для общественнаго здоровья, хотя плата за худой материалъ остается все-таки тою же самою, какъ и за хорошиѣй. По нашему мнѣнію вовсе не слѣдуетъ отнимать отъ врача права отпускать лекарства, въ чемъ мы совершенно согласны съ г. Лѣсковымъ; но прибавивъ къ этому, что слѣдуетъ предоставить врачу полное право и *ключи* одному аптеку. Общины должны нанять врача со всѣми его принадлежностями, а раздѣленіе труда будетъ зависѣть уже отъ него самого; не нанять же общинѣ отдѣльно аптекаря, хирурга, химика и пр.; объ этомъ она не имѣетъ и понятія. Но предоставивъ врачу самому готовить и отпускать, община должна платить ему уже огуломъ; дробная же плата въ такомъ случаѣ поведетъ къ самымъ мелкимъ беспорядкамъ и системѣ мелкаго барышничества. Г. Лѣсковъ предлагаетъ увеличить количество аптекъ, но онъ не предвидитъ, что это имѣетъ то вредное послѣдствіе, что при конкуренціи аптекари вмѣсто приготовленія и отпуска лекарствъ займутся сами *леченіемъ*. Впрочемъ авторъ и не желаетъ предоставлять монополію научному врачебному сословію: изъ его статьи видно, что онъ защищаетъ свободу всѣхъ возможныхъ людей, претендующихъ на професію врача. Не говоритъ онъ также, кому долженъ принадлежать и надзоръ за аптеками, безъ котораго вредныя послѣдствія неминуемы. По нашему мнѣнію, если аптеки сосредоточатся въ рукахъ самихъ врачей, то выгоды будутъ очень велики для всѣхъ: 1) для народа уничтожится такса, которая въ наше время представляетъ самую крайнюю несоразмѣрности; 2) при платѣ врачу огуломъ, поселянинъ не будетъ платить вовсе за лекарство; 3) лекарства будутъ идти отъ самого врача, а не изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ они могутъ имѣть разное качество, часто вовсе несогласное съ мѣрѣніемъ врача; 4) лекарства не будутъ назначаться попусту, для пользы одной аптеки, и по возможности будутъ употребляться въ простомъ видѣ, недорогія, слѣдовательно по большей части *назаграничными*. Этимъ самымъ установится *простота леченія*, о которой такъ много хлопочетъ современная наука, и въ тоже время сберегутся въ рукахъ общины аптекарскіе барыши и уничтожится привозъ изъ заграницы веществъ дорогихъ и часто лишннихъ. 5) Уничтожатся многія мелкія аптеки, неудовлетворяющія самымъ необходимымъ потребностямъ и только обманывающія врачей и народъ; зато возвысятся хорошія; уничтожится конкуренція мелкихъ аптекъ, зато сохранится монополія лучшихъ и богатыхъ столичныхъ или губернскихъ аптекъ, а конкурсъ между ними долженъ возвысить ихъ еще болѣе. Врачи могутъ получать все нужное для себя уже изъ этихъ послѣднихъ, а не изъ провинціальнхъ, гдѣ часто бы-

васть только гниль да негодный бракъ. Даже желательно бы было вовсе изгнать изъ нашихъ рецептовъ латинскія названія лекарствъ, а писать ихъ порусски; французы уже давно пишутъ ихъ на своемъ отечественномъ языкѣ. Зачѣмъ скрывать отъ народа то, что должно быть извѣстно всакому? Если же не дать врачу никакой самостоятельности, то безъ лекарствъ и другихъ необходимыхъ принадлежностей леченія онъ дѣйствительно будетъ похожъ на пустую пожарную трубу: какъ эта послѣдняя сама по себѣ нисколько не можетъ обезпечить зданіе отъ пожара, такъ наемъ и персоны врача самой по себѣ нисколько не будетъ полезенъ для народнаго здорovia.

Устройство лечебницъ въ селеніяхъ составляетъ также дѣло не легкое, хотя необходимое. Уже одно то, что лечебница, правильно устроенная, можетъ представить многія удобства для выздоровленія въ отношеніи воздуха, чистоты, пищи, правильного ухода и пр., чего не найдется во всякой крестьянской избѣ, доказываетъ ея необходимость. Сколько крестьянъ совершенно терять зрѣніе единственно оттого, что во время болѣзни глазъ живутъ въ дышной хатѣ, а разныя заразительныя болѣзни кожи, поддерживаемыя постоянною нечистотою, распространяются въ деревняхъ часто на всю семью только оттого, что въ первое время некуда отдѣлить зараженнаго! Тутъ назначеніе лекарствъ не только бесполезно, но и составляетъ лишнія издержки. Народъ нашъ не любитъ больницъ; но это оттого, что у насъ онѣ представляли до сихъ поръ уродливое устройство, что сами врачи лишены въ нихъ всякаго значенія, а больные подчинены фрунтовику порядку. Въ нынѣшнемъ уставѣ о больницахъ изложены даже правила, въ какомъ положеніи долженъ находиться больной въ постелѣ; рассчитано кажется даже разстояніе отъ ножекъ кровати, гдѣ должны стоять его туфли и даже сказано, въ какую сторону они должны быть обращены носами! Вообще вездѣ проведена военная субординація. Поэтому устройство сельскихъ лечебницъ съ такимъ же уставомъ для народа разумѣется есть дѣло совершенно лишнее. Народъ такъ же будетъ чуждаться какъ и прежде. Наконецъ въ нашихъ больницахъ нестерпимая скука; въ нихъ не существуетъ никакого различія между больными и выздоравливающими, которымъ приходится часто сидѣть сложа руки по недѣлѣ и по двѣ, даже запрещается прогуляться внѣ больницы. Я самъ однажды не могъ въ одной изъ лучшихъ казенныхъ больницъ быть болѣе недѣли, между тѣмъ какъ болѣзнь моя, хотя требовала мѣсяца для излеченія, но позволяла мнѣ ходить и работать. Въ этомъ отношеніи наши больницы похожи на тюрьмы; между тѣмъ, еслибы не сознавали пользы существованія больницъ, то

ихъ бы не заводилъ. Чтобы онѣ приносили дѣйствительную пользу, нужно только устроить ихъ попрактичнѣе, не руководствуясь одними кабинетными и отвлеченными идеями. Впрочемъ нашъ officialный уставъ относится собственно для больницъ губернскихъ городовъ; для уѣздныхъ даже нѣтъ собственно никакого устава: вѣдно только руководствоваться тѣмъ, который написанъ для губернскихъ, хотя между тѣми и другими больницами огромная разница. Впрочемъ въ настоящее время кажется еще рано думать объ устройствѣ сельскихъ лечебницъ; онѣ могутъ быть основаны только при обстоятельствахъ лучшихъ, нежели теперь, когда процвѣтутъ и возьмутъ настоящую силу сельскія общины, когда образуются сельскіе банки и свободные капиталы. Вообще медицинское устройство можетъ процвѣтать только при изобиліи и привольіи извѣстнаго края. Бѣдность же не создаетъ ничего, а особливо бѣдность, соединенная съ невѣжествомъ и стѣсненіемъ свободы.

Изъ всего этого мы видимъ, что процессъ введенія врачей въ селенія довольно сложенъ и не можетъ обойтись кажется дешево для народонаселенія, если только хотять, чтобы это введеніе было не одною формальностью, а приносило существенную пользу.

На многихъ дворянскихъ выборахъ былъ уже предложенъ вопросъ о сельской медицинѣ, но намъ къ сожалѣнію нигдѣ не приходилось читать, какъ онъ рѣшился. Мы напрасно перелистывали разные періодическія изданія и не нашли ровно ничего.

Такъ мало занимаютъ нашу литературу медицинскіе вопросы! А дѣло требуетъ участія не однихъ врачей. Оно касается собою многихъ сторонъ нашего быта и не можетъ быть рѣшено односторонними выводами. Здѣсь нужны будутъ *посредники*, безъ которыхъ дѣло не обойдется, ибо интересы врачей и народа не кажутся совершенно одинаковыми, какъ утверждаютъ судя по теоріи, и жертвы должны быть обоюдныя. Такъ по крайней-мѣрѣ кажется намъ, смотрящимъ на предметъ безъ всякаго пристрастія къ какой-либо одной сторонѣ.

Кто же возьметъ на себя инициативу введенія сельской медицины? Само ли правительство, или врачи, или наконецъ общины и особые посредники? Г. авторъ «Вопроса» говоритъ, что вся работа не можетъ быть возложена на правительство, ибо дѣло не таково, чтобы его можно было устроить одними какими-нибудь мѣрами или распоряженіями: Онъ желаетъ, чтобы врачи первые сами сдѣлались *миссіонерами* къ народу. Нельзя не сочувствовать этому желанію почтеннаго автора, но въ то же время нельзя и не замѣтить непрактичность такого желанія въ отношеніи *всей массы* врачей. Чтобы быть миссіонеромъ, нужно сперва быть къ этому достаточно приго-

товляемымъ и имѣть всѣ средства для выполненія трудной обязанности, нерасчитывая на известное вознагражденіе; а достаточно ли мы приготовили себя для этого дѣла? Вѣдь одной теоріи науки еще кажется слишкомъ мало. Неслѣдуетъ также утѣшать себя мыслью, что народъ (въ общемъ смыслѣ) не можетъ оставить безъ награды того, кто посвятилъ себя для него самого. Кто знаетъ духъ нашего народа, тотъ легко повѣритъ хотя на примѣръ тому анекдоту, помѣщенному во «Времени», гдѣ русскій мужичекъ, увидѣвъ своего забавителя, который вытащилъ его утопающаго изъ воды, вмѣсто выраженія благодарности равнодушно говорить ему: «Ишь, собачій сынъ, вытащилъ!» Отчего наконецъ въ самой же средѣ нашего народа выработалась поговорка: «не кормя, не поля, врага не наживешь?» По крайней-мѣрѣ по теоріи вѣроятностей мы не думаемъ, чтобы одни миссіонеры имѣли много шансовъ создать собою сельскую медицину на такомъ огромномъ пространствѣ, какъ Россія. Исключеніе, и то для немногихъ мѣстъ, могутъ развѣ сдѣлать тѣ врачи, которые приложеніе медицины не считаютъ средствомъ къ жизни; но этого нельзя отнести къ большинству врачей, которымъ образованіе обходится не дешево, а на однихъ исключеніяхъ далеко не уѣдешь. Виною этого разумѣется тѣ ненормальные принципы, на которыхъ основана отчасти жизнь нашего общества; но если этого не принять въ расчетъ, говоря о предметѣ чисто-практическомъ, то можно впасть только въ одну отвлеченности, которая легче сказать, чѣмъ примѣнить къ дѣлу. Если возстановленіе здоровья съ одной стороны, а изученіе медицины съ другой никому не обходится безъ издержекъ, то нельзя избѣгнуть и финансовыхъ воззрѣній. Г. Лѣсковъ говоритъ, что не общество создано для врачей, а врачи для общества. Мы не смѣемъ оспаривать эту великую истину, но прибавимъ, что врачи могутъ быть созданы для общества только *на счетъ* этого же самаго общества. Иначе не можетъ быть никакой справедливости; а гдѣ нѣтъ справедливости, тамъ и невозможны никакія прочныя основанія жизни. Изъ этого очевидно вытекаетъ, что инициативы со стороны однихъ только врачей еще недостаточно для устройства сельской медицины. Нужно желаніе и содѣйствіе и со стороны самаго народа или его общинъ, и еще больше чѣмъ со стороны врачей. Г. Лѣсковъ дѣлаетъ выводъ, что народъ *гибнетъ* безъ врачебной помощи. Мы несомнѣнно раздѣляемъ этотъ выводъ. По нашему мнѣнію народъ живетъ только безъ врачей, имѣющихъ университетскіе дипломы, но гибнетъ ли онъ потому только, что у него нѣтъ этихъ врачей, а не по другимъ причинамъ — это еще вопросъ. Изъ того же, что къ народу пойдутъ миссіонеры-врачи, еще не слѣдуетъ, что онъ пере-

оставить уже и гибнуть. Необходимо еще, чтобы враги принесли пользу: а для этого, кромѣ ихъ присутствія, нужно много и другихъ условій, которыя отъ нихъ не зависятъ. Великій согласится, что сами по себѣ врачи не могутъ еще гарантировать народное здоровье. Въ наше время помощь народу, кромѣ размыхъ дилетантовъ на врачебную науку, оказываютъ ему и фельдшера, число которыхъ въ селеніяхъ сравнительно велико. Они обладаютъ *большими правами*, нежели сами врачи, хотя эти права въ смыслѣ закона составляютъ контрабанду. Фельдшерамъ законъ далъ право *ходить за больными*, заиретивъ въ то же время писать рецепты. Въ практикѣ вышло то, что фельдшера не пишутъ рецептовъ, но просто *продаютъ лекарства и лечатъ*. Они владѣютъ давно уже тѣмъ, чѣмъ врачи пока еще *домогаются владѣть*. Во многихъ селеніяхъ фельдшера распоряжаются полною властью и почти безконтрольно; власть же врачей стѣснена и подлежитъ постоянному контролю. Во многихъ селеніяхъ фельдшера давно уже живутъ почти на тѣхъ же условіяхъ со стороны народа, которыя теперь только-что стали предлагать врачамъ, хотя правительство объ этомъ ничего не знаетъ. Законъ, въ виду охраненія принятой имъ монополіи врачей и аптекъ, запрещаетъ фельдшерамъ заниматься леченіемъ, но нисколько не наказываетъ за преступленіе себя, и этиамъ самымъ гарантируетъ ихъ вынѣмъ. Фельдшера говорятъ: «законъ запрещаетъ намъ лечить и продавать лекарства; но если мы не исполняемъ этого закона, то онъ не ставитъ намъ этого въ вину, ergo — мы можемъ лечить, т. е. вынѣмъ тавія же права, какъ врачи и аптекари *смысль* и вынѣмъ отъ нихъ не отличаемся.» О томъ, каковы ихъ дѣйствія въ отношеніи народнаго здоровья, мы распространяться не будемъ, но скажемъ, что народъ безъ врачебной помощи гибнетъ далеко не вездѣ и не весь, какъ думаетъ г. Лѣсковъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ гибнетъ и при помощи фельдшеровъ! Результатъ слѣдовательно сводится къ тому, что общины могутъ развѣ замѣнить врачами фельдшеровъ на тѣхъ же условіяхъ жизни, на какихъ существовали эти послѣдніе, т. е. врачи должны замѣнить или лучше-сказать войти въ конкуренцію съ фельдшерпэмомъ, который въ настоящее время *de facto* вынѣмъ за собою гораздо болѣе хорошихъ условій, нежели какія встрѣтятъ нововводимые врачи. Такъ покрайней-мѣрѣ выйдеть по теоріи доктора Лѣскова, отрицающаго монополію научнаго врачебнаго сословія. Но тѣ условія, какія выгодны для фельдшеровъ, могутъ быть невыгодными для врачей и для самыхъ общинъ. Последнимъ естественно придется возвысить бюджетъ на содержаніе медицинскон части, отчего общины могутъ и отказаться и оставить дѣло *in stato quo*.

Такимъ образомъ кажется трудно обойтись безъ аліанса посредниковъ. Только посредники не должны быть крайними сторонниками и увлекаться отвлеченностями дѣла. Надобно судить безпристрастно, принимая во вниманіе требованія, интересы и экономическій бытъ обѣихъ сторонъ, чтобы было такъ-сказать для каждаго «безобидно». Врачи разумѣется охотно пойдутъ въ селенія, но въ особенности тогда, если устранятся многія препятствія для свободы въ дѣйствіи, въ особенности конкуренція съ фельдшерствомъ и шарлатанствомъ.

Авторъ «Вопроса о народномъ здоровьи», допуская неприкосновенность послѣдняго, основывался на одной статьѣ «Русской Рѣчи» за прошлый годъ. И «Русская Рѣчь», и г. Лѣсковъ, позаимствовавъ у насъ выраженіе, что «знахари умѣютъ успокоить и капризную жену, и дерзлаго мужа», вывели заключеніе, будто знахари горячо принимаютъ къ сердцу страданія народа и составляютъ для него чуть ли не ангеловъ-хранителей. Но въ нашей статьѣ это выраженіе имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, который незнаю почему «Русской Рѣчи» угодно было переименовать. Мы приводимъ это мѣсто цѣлкомъ въ № 22 «Совр. Мед.» 1861 г.:

«Къ числу причинъ, поддерживающихъ знахарей во мнѣніи народа, надобно отнести ихъ умѣнье жить, извѣстный тактъ accommodація къ народнымъ правамъ и обычаямъ: разумѣется, что этого никто не исполнитъ лучше бабушекъ, покрытыхъ морщинами, съ лукавою улыбкою, съ прибаутками, поговорками и обаятельными рѣчами, успокоивающими и плаксивое дитя, и капризную жену, и дерзлаго мужа.»

И далѣе:

«Врачи-самоучки въ свою очередь всѣми силами стараются удержать (къ врачамъ) антипатію въ народѣ. Но еслибы они ограничились только вышоптываніемъ и невинными травмами съ непремѣннымъ атрибутомъ ихъ — наставваніемъ на водкѣ, а главное, еслибы они имѣли необходимое качество врача — добросовѣстность, то бѣда была бы не очень велика. Тогда бы ихъ надобно было еще поддерживать въ народѣ и оставалось бы только дать имъ хорошее направленіе. Но для исполненія этого непреодолимымъ препятствіемъ служатъ: 1) вражда этихъ людей противъ врачей, порожденная корыстолюбіемъ; 2) желаніе совершенной свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, безконтрольность дѣйствій, между тѣмъ какъ въ этихъ дѣйствіяхъ лежитъ часто ужасный источникъ зла...» Затѣмъ въ нашей статьѣ слѣзуютъ примѣры этого зла.

Ясно, что мы тутъ хотѣли выразить наше сожалѣніе о томъ, что невѣжество народа допускаетъ гнѣздиться въ себѣ вреду и об-

мощу, дѣйствующему на него во имя пользы и умѣющему наружною ласкою влѣзть ему въ душу. Мы хотѣли сказать, что бѣдный народъ нашъ не въ состояніи понять, какое пагубное дѣйствіе часто происходитъ отъ его безсознательнаго довѣрія лицамъ, берущимся за дѣло, котораго они не понимаютъ, но которое можетъ удовлетворять ихъ корыстолюбивымъ цѣлямъ. Очень часто намъ приходилось видѣть ужасные примѣры слѣдствій знахарскаго леченія: совершенную слѣпоту, обезображеніе лица, медленное отравленіе на всю жизнь ядовитыми лекарствами, самыя мучительныя приемы во время родовъ, всадушіе не къ пользѣ, а вреду и пр., предъ которыми успокоеніе пьянаго мужа или крика дитяти ровно ничего незначить. Мы сожалѣли о томъ, что врачи не могутъ замѣнить у народа его знахарей, находящихся въ самомъ бытѣ нашей общественной жизни: Ошибка автора «Вопроса о народномъ здоровьи» состоитъ именно въ томъ, что онъ не замѣтилъ этихъ грустныхъ для человѣчества фактовъ, которые мы приводили въ нашей статьѣ, и что говоря о народной пользѣ, онъ самъ старается поддержать тѣхъ, которые приносятъ народу одинъ вредъ. «Русская Рѣчь» пошла еще далѣе: въ послѣдній день своей земной жизни (31 дек. 1861) она извергла на насъ за тоже самое такую ожесточенную брань, что сама даже не перевесила ее и въ тотъ же самый день и умерла. Мы хотѣли возражать ей, но вспомнили, что *de mortuis aut bene, aut nihil*, и намъ осталось только утѣшать себя развѣ тѣмъ, что умерла «Русская Рѣчь», но никогда не умретъ «русская рѣчь»! Есть еще одинъ способъ, могущій по нашему мнѣнію мирнымъ путемъ сблизить народъ съ научными врачами и въ тоже время скорѣе и глубоко подѣйствовать на народную жизнь самымъ живительнымъ образомъ. Этотъ способъ состоитъ въ *соединеніи сельскаго священника и сельскаго врача въ одну личность*. Намъ покрайней-мѣрѣ рассказывали объ одномъ подобномъ примѣрѣ, который сдѣлалъ бывшій орловскій архіепископомъ Смарагдонъ, дозволившій одному врачу выслушать двухлѣтній богословскій курсъ въ семинаріи и сдѣлаться потомъ священникомъ. Матерьяльное вознагражденіе такого лица въ селеніи тогда бы дѣйствительно удвоилось и могло вполне обезпечить его существованіе. Такой священникъ-врачъ соединялъ бы въ себѣ врачеваніе души и тѣла, былъ бы образованъ многостороннѣе выѣшнихъ воспитанниковъ семинарій и многостороннѣе могъ бы дѣйствовать на народную нравственность, проводя въ народѣ религіозно-гигіеническія правила жизни. Тогда бы быть-можетъ и при самыхъ храмахъ образовались бы у насъ и дома для призрѣнія разныхъ несчастныхъ и лечебницы; тогда бы можетъ-быть уничтожилось само-собою и знахарство, и разныя суе-

вѣрія, которыхъ въ настоящее время не совершенно чуждо и само-сельское духовенство. Припомнимъ, что медицина родилась въ языческихъ храмахъ подъ вліяніемъ мистицизма жрецовъ: отчего же и христіанскимъ храмамъ не дать у себя мѣста этому благодѣтельному гевію челоувѣколюбія подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ священниковъ-врачей?

Разсмотрѣвъ разбираемый нами предметъ насколько было возможно по мѣрѣ нашихъ наблюдений народной жизни, мы въ свою очередь заявляемъ, что далеко не исчерпали всего, что предстоитъ сдѣлать для сельской медицины. Это дѣло анализа не одного, а многихъ и компетентныхъ людей. Можетъ-быть мы и сами многое упустили изъ виду, поговоривъ только общими мѣстами, но всякое дѣло вначалѣ бываетъ не легко. Мы желаемъ только одного: чтобы вопросъ о сельской медицинѣ возбудилъ участіе людей, желающихъ добра нашему народу и чтобы наша литература не чуждалась оказать ему свое многостороннее содѣйствіе. Тогда сами собою устранятся всѣ недоразумѣнія и недостатки, въ которыя могутъ впадать односторонніе взгляды.

П. ДОВЫЧИНЪ

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1688—1734

(ОЧЕРКЪ ЛИБЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ)

V

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЪЕВНА

ГЕОГРАФЪ, Д.

(1717—1723)

Отношенія Петра къ Екатериинѣ оставались прежнія: вѣжная заботливость, ласка, любовь со стороны Петра, и шутовское выраженіе любви со стороны Екатерины — вотъ общій тонъ переписки ихъ съ 1717 по 1723 годъ ⁽¹⁾. Государь съ самаго начала этого времени, еще въ январѣ 1717 года, жаловался на свою недужность, на обыкновенное безсилье да чечкой; Петръ чувствовалъ, что старѣеть, что нравиться женщинѣ, почти на-половину его моложе — дѣло трудное, и вотъ въ виду этого обстоятельства, едвали для него пріятнаго, онъ чаще и чаще сталъ трунить и надъ своей фигурой, и надъ своими годами: «Благодарствую за присылку: партреты, а не хари; только жаль, что стара; присланной — кто говорилъ — племянникъ, а то-бъ мочно за сіе слово наказанье учинить; также (благодарю) и за лекарство»... «Сіе письмо посылаю (27 іюня 1719 г.), чтобъ послѣло позавтрее къ вамъ къ именинамъ вашего старика.» Или: «Сожалѣю, что розна праздноемъ (головщину полтавской битвы), также и позавтешній день святыхъ апостолъ, — старика твоего именины и шипечки» (Петра Петровича) и т. д. Скука по-

⁽¹⁾ Переписка имп. Петра I съ государынею Екатериною Алексѣевною, изд. Комиссіею печат. госуд. грамотъ и договоровъ. М. 1861, стр. 60—141 и 157—166.

прежнему неминуемо сопровождала у него разлуку съ женой: «...а что ты пишешь ко мнѣ, чтобъ я скорѣе приѣхать, что вамъ зѣло скучно, тому я вѣрю; только шлюсь на доносителя, каково жъ мнѣ безъ васъ (въ Спа, 1717 г.)... когда огонью воды, того же дня побѣду... дай-богъ въ радости видѣть васъ, что отъ сердца желаю...» Также тою же разлукою томилъ государя нять лѣтъ спустя: «дай-боже васъ видѣть въ радости, а безъ васъ скучно очень.» «Я бы желалъ, чтобы и вы... были», — приглашаетъ Петръ Екатерину въ Петербургъ, — ежели вамъ нетрудно (государь уже не приказываетъ, какъ прежде, а проситъ); и лучше бы позавтрее туда прямо проѣхали, понеже лучше дорога, нежели отъ Питергофа, которая зѣло трудна; а пустить воду (изъ фонтановъ) безъ васъ нехочется...» «Хотя славы-бегу все хорощо здѣсь (близъ Равеля, июль 1723 г.), только безъ васъ скучно, и для того на берегу не живу» и проч.

Съ обычнымъ лаковизмомъ въ писмахъ извѣщаетъ Петръ «сердешнишкаго друга» о впечатлѣніяхъ, выносимыхъ имъ во время непрерывныхъ переѣздовъ своихъ съ мѣста на мѣсто, въ особенностяхъ въ бытность свою заграницей. Такъ онъ дѣлится замѣчаніями насчетъ вѣдѣнныхъ садовъ, крѣпостей и гаваней; великой бѣдственности «людей подлыхъ» (во Франціи), сообщаетъ разные реляціи о битвѣ австрійцевъ съ испанцами, о побѣдѣ своего адмирала надъ нѣдѣскимъ флотомъ, высказываетъ желанія по поводу воспоминаемаго вѣтой или другой побѣдѣ, того или другого событія, словомъ — важное и неважное, дѣло и думы, все сообщаетъ супругѣ. Какъ хозяинъ свой, онъ дѣлаетъ порученія прислать то ту, то другую вещь; — портретъ свой, чертежъ корабля, фрукты, разные запасы; въ особенности часто проситъ «ирвинша», т. е. водки, «армитажа» (рыба); поручаетъ озаботиться о починкѣ корабля или сдѣлать поstelle на новое морское судно (предъ дворянъ свиданьемъ, июль 1717 г.); съ англійскими матрасами, «и чтобъ не богаты были пѣтелы, да чистеньки»; напоминаетъ объ устройствѣ пирушки, радѣ семейнаго правленія или годовицныя висторіи. Недужный «старикъ», Петръ продолжаетъ осипать свою Катеринушку подарками; не столько цѣнными, сколько выражавшими его любовь къ ней и вниманіе. То онъ шлетъ полукави, кабароску, шартышку, рваный деревья; то посылаетъ изъ Брюсселя кружева, съ просьбой прислать образецъ, какіе имена или гербы въ нихъ дѣлать, — а тамъ, какъ женщина исполненная большого такта, проситъ его въ свидѣніи показать на кружевахъ ихъ общій вѣнзель; вслѣдъ за кружевами посланъ изъ Каме другой подарокъ — «карло-французскими» и «спозвольте ево въ призорѣніи имѣть, чтобъ нужды не имѣть»; изъ ревельскаго дворцоваго сада отряплены Петромъ цвѣты да

мата; что сама садила Катериனுшка. «Слава-богу — замѣчаетъ при этомъ нѣжный старикъ (1719 г.) — все весело здѣсь; только когда на загородный дворъ прѣдешь, а тебя нѣтъ, то очень скучно... «И у насъ (въ Спб.) гулянья есть дождьвр — поэтизируетъ въ отвѣтъ Катериனுшка устами своего секретаря: — огородъ (т. е. садъ) раскинулся изрядно и лучше прошлогодного; дорога, что отъ мотать, кленомъ и дубомъ едва не вся закрылась, и когда на выду, части сожалѣю, что не выѣсть съ вами гуляю. Благодарствую, другъ мой, за презентъ (за цѣты и мятъ). Мнѣ это не дорого, что сама садила; то мнѣ прѣятно, что изъ твоихъ ручекъ... Посылаю къ вашей милости здѣшняго огорода фрукты... дай-боже во здоронье кушать!»

Неменѣе нѣжными голубями являлись державные супруги при свиданіи. Вотъ зайдше наиримѣръ въ палату къ государынѣ. Докторъ Арескинъ показываетъ ей опыты: онъ вытягиваетъ изъ-подъ хрустальнаго колокола воздухъ; подъ колоколомъ трещится ласточка. — «Полно, не отнимай жизни у твари безвредной! говорить государь: она на разбойникъ.» — «Я думаю дѣти по ней въ гнѣздѣ плачутъ», добавляетъ «Катериனுшка», беретъ ласточку и выпускаетъ ее въ окно... «Не въявляетъ ли сіе мягкосердія монаршаго даже до животной птицы? восклицаетъ одинъ изъ панегиристовъ: — хольми жъ паче имѣлъ Петръ сожалѣніе о челоувѣкахъ!..» А между тѣмъ подыворкованье голубковъ и одновременно съ подвигами мягкосердія державныхъ супруговъ идетъ дѣло царевича Алексѣя, а ватфы производятся московскіе и суздальскіе разяси... Воркованье со стороны «сердешнаго друга» сопровождалось гостинцами и пересылалось обычными шутками; между гостинцами были апельсинны, цитроны (имя, какъ мы видѣли, любилъ угощать Петра и первый другъ его сердца), «керишь съ племянникомъ» (водка), причемъ предписывалось пить помалости, ради недужности любезнаго батюшки. «И то правда, — отвѣчалъ Петръ, — всего больше пяти въ день не пью, а крѣпниша по одной или по двѣ, только не всегда: иное для того, что сіе вино крѣико, а иное для того, что его рѣдко. Окончиваю, что дѣло скучно, что... не ждима (Смъ, 1717 г.). Дай-боже скорѣ! При окончаніи сего (письма) пьемъ по одной про ваше здоронье...» «И мы — отвѣчаетъ Екатерина — «Ивашку Хмѣльницкаго не оставимъ», т. е. вышесъ про ваше здравіе. Хозяюшка посыдала не всегда одно вино да водку; она посыдала клубнику и разные запасы, какъ-то сельди; дарила рубашки, каштунны, плафоны, карзоль; общала — ежелибъ былъ при ней хозяйка, «то бы новаго шивеньку вдѣлала бы». — «Дай-боже, — восклицалъ въ отвѣтъ тотъ, — чтобъ пророчество твое сбылось!». «Одна-

кожъ и чаю, — пишетъ Екатерина (апрѣль 1717 г., изъ Амстердама), — что вашей милости не такъ случно, какъ намъ; ибо вы всегда можете Фоминъ помещальникъ тамъ (во Франціи) сѣловать, а намъ здѣсь трудно сыскивать, понеже изводите сами драгъ какіе здѣсь люди упрямые...» Достойно вниманія, что *подобнаго рода* шутки со стороны Екатерины, какъ-то заявленія мнимой ревности и т. п., особенно часто стали повторяться съ 1717 года:

«Хотя и есть, чаю, у васъ новыя портошны, — пишетъ она въ маѣ сего года, — однакожъ и старая не забывается...» — «Другъ мой; ты, чаю, описалаś (о портошѣ), понеже у Шаширова то есть, а не у меня: сама знаешь, что я не таковской, да и старъ...» а «Понеже въ время питья воды — отшучивался между прочимъ государь — демашней забавы доктора употреблѣть запрещають, того ради я матросу свою отпустилъ къ вамъ...»

«...а я больше мню, что вы оную (матресишку) изволили отпустить за ея болѣзнию, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и для леченія изволила поѣхать въ Гагу; и не желала бы я, отъ чего боже-сохрани, чтобъ и галанъ (любовникъ) той матресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала.»

«Дай-богъ мнѣ, дождавшись, — ласкается Екатерина (въ 1719 г.), — вѣрно дорогимъ называть старикомъ, а нынѣ не признаваю, и напрасно затѣяю, что старикъ: ибо могу поставить свидѣтелей — старыхъ посестрей; а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старикъ съ охотою съйдутся» и проч., въ томъ же родѣ.

Въ какомъ отношеніи интересна дошедшая до насъ переписка Петра съ Екатериной относительно исторіи злополучнаго Алексѣя? Есть ли въ ней кинія-нибудь указанія на тѣ злые наговоры мачихи, къ которыхъ винилъ ее самъ страдалецъ-царевичъ? Въ извѣстныхъ до сихъ поръ цидулкахъ Екатерины вездѣ подобныя козни противъ расыпка, но зато о немъ почти и не упоминаетъ царица: а ужъ и это знакъ недобрый, являющій если не ненависть ея, то полное верасположеніе къ царевичу; зато своего «шишечку» Петра Петровича она постоянно называетъ «с. петербургскимъ хозяиномъ», забывая, что въ той же столицѣ есть первенецъ сынъ Петра, за которымъ и должно бы было быть это названье. Итакъ, если не содѣржаніе, то тощъ, характеръ переписки Петра съ женой немаловаженъ между прочимъ и для исторіи Алексѣя: въ общемъ тонѣ писемъ слышна необыкновенная любовь государя къ женѣ, болѣе и болѣе обхватывающая его мощную душу, любовь, которая вела его на всѣ жертвы ради любимой женщины.

И жертвы, чуждыя въ душѣ Петра, закладываются съ февраля 1718 года.

Одва изъ процесій осужденныхъ пѣходѣ вѣнчѣнныхъ лицъ петровскаго свиклита слѣдуетъ въ Петербургъ грема цѣльма и перажая встрѣчныхъ истерзаныи своими фигурами.. Впереди неведетъ монархъ и шлетъ цидулку :

«Катеринушка, другъ мой сердешныишмой, здравствуй! Обмываю тебѣ, чтобъ ты тою дорогою, которою я изъ Новагорода ѣхалъ, отнюдь не ѣзжая, повеже дель хуль, и мы гораздо съ нуждою прѣѣхали и одну ночь принуждены ночевать. Для чего я писалъ, двадцать вѣрсть отѣхавъ отъ Новагорода, къ коменданту, чтобъ тебѣ велѣлъ подводы ставить старою дорогою. Петръ. Въ 23 д. марта 1718 г.»

Съ одной стороны страшная жестокость, съ трудомъ оправдываемая духомъ времени, современнымъ законодательствомъ, и еще труднѣе — государственными цѣлями; съ другой — тотъ же характеръ являетъ черты вѣжности, необыкновенной предупредительности и любви, обратившейся въ глубокую и самую страсть. Въ виду этого нельзя не признать въ Петрѣ, вслѣдъ за его панегиристами, характеръ полного драматизма, характеръ цѣльный, мощный, заслуживающій вниманія и изученія. И съ какою галтомъ примѣняется къ нему «сердешный другъ». Петръ свазналъ сына, скасовалъ и скасовываетъ его сторонниковъ — и вотъ Екатерина отводитъ взоръ его, отуманенный кровью, на картинку семейнаго счастья: «прощу, батюшка мой, обороны отъ Шотрушка (в. кн. Петръ Петровичъ), повеже немалую имѣетъ онъ со мною завязь ссору, а явнано за то, что когда я про васъ помаяу ему, что лапа уѣхалъ, то не любить той рѣчи, что уѣхалъ; но болѣе любить то и радуется, — заключаетъ Екатерина (24 июля 1718 года). — какъ молвишь, что здѣсь папа.» (1)

Папа, бывшій въ это время въ Ревелѣ, послалъ мацѣ остриженые свои волосы, и съ этой «неприятной», какъ онъ выражался, посылкой писалъ, какъ кажется по поводу царевича Адакѣя: «что приказывала съ Макаровымъ, что покойникъ нѣчто открылъ, — когда Богъ извольтъ васъ смѣтъ: я здѣсь услышалъ такую дивовинку про него, что чуть не пуше всего что явно дивилось...» Екатерина однако помнить слова одного изъ прежнихъ своихъ патронновъ — Меньшикова: «слава-де бгу, что оный крыждейод оснѣ

(1) О здоровѣ Петра Петропича писались родителямъ доклады отъ доктора Ивана Бюментроста: «... государь-царевичъ слава-бгу въ добромъ обрѣтается здравіи и глазку его высочества есть волежитъ, такожде и зубомъ на другой стороне внизу оказался. Извольтъ иже пачагами иже...» (Июль 1718 г.) и т. п. См. М. т. III, л. 22.

(т. е. партія царовна съ ея мнѣніемъ замыслила) по Егго, Сотворшаго насъ, къ вашему величеству челоуколюбивою милостию, ясно отъидея, который уже нѣмѣ съ помощію Божіею весьма исторенить и оное зло задаленіе погашаемъ, истребить возможно.» (1). Екатерина видѣла, что возможность осуществлена да дѣла, огнь потушить, и ея дѣло «древисокому дурить своимъ разсужденіемъ уначтожить» въ Петръ всякое «сумѣнье». И вотъ она разсѣваетъ то шуткамъ, то мнѣной ревностію, то зѣвками заботливости и любви, то имулками ошущенкѣ... (2) На этомъ шипенкѣ съ люто болыю и надеждой оstarавдизаются взоры Петра...

«Одинъ дорогой нашъ шипенка часто своего дражайшаго царя, уроммаваетъ и, при прѣнци брѣей, во свое состояніе, прохсходитъ, и. не престанно, веселится мушкетеранымъ солдату и пудечною стрѣльбою...» Этихъ забавъ не любилъ зацѣтаннѣй братъ его Алексѣй: вотъ почему Екатерина рисуетъ картинку, какъ теперешній наследникъ престола гѣшится солдатыками, Это же она повторяетъ и въ послѣдующихъ письмахъ; подобныя извѣстія правятся «сердлочному дружкаку-старикку».

Между тѣмъ, несмотря на всѣ вѣдвости и предупредительность, Екатерины въ ея письмахъ къ государю, все-таки видно, что съ этого, именно съ этого времени, т. е. около 1718 года, она охладѣваетъ къ старикку, что-то такое дѣлаетъ ее, женщину съ такимъ жестомъ, даже неосторожною; она цѣпримѣръ не торопится свѣтъ чашу мужу, и Петръ вынужденъ удерживать ее за молчаніе. Впрочемъ, самый тонъ упрековъ долженъ былъ ее успокоить насчетъ чувствъ къ ней оузруга; упреки были въ такомъ родѣ: «платое... письмо пишу къ тебѣ, а отъ тебя только три получилъ, въ чемъ не безъ сумѣнья о тебѣ, для него де писемъ. Для-бога ниши чаша» (3).

«Уже восемь дней какъ я отъ тебя не получилъ письма, чего-для

(1) Орывокъ изъ письма Меньшикова къ Екатерине. См. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, во свидѣльствахъ вновь открытымъ, Изд. подъ ред. М. И. Цюдица. М. 1861, стр. 305.

(2) Въ Петровской галереѣ зимняго дворца виситъ портретъ его. Вел. кн. Петръ Петровичъ представленъ трехлѣтнимъ мальчикомъ, голый, обхваченный лисеей; онъ стоитъ на лѣвомъ колѣнкѣ и правой рукою натягиваетъ лукъ; его русая курчавая голова озарена бѣлшомъ; свѣтъ падаетъ и на корону: она виситъ съ голубой лентой ложить подлѣ него на подушкѣ.

(3) Для собирателей и издателей переписки Екатерины приводимъ счетъ полковницы Кампенаузенши, что она заплатила за письма государыни-царицы, которая присылалась съ почты. Письма эти были отъ слѣдующихъ чиселъ: 1717 г. октябрь: 10, 13, 17, 18, 20, 25, 28 (два); ноябрь: 1 (два), 4, 8, 13, 18, 21, 25; декабрь: 9 и 16 (два). 1718 г.: февраль: 3, 24; мартъ: 1, 10, 18 и 23. Сумма за эти письма — 24 руб. 76 коп. Подаль счетъ Генрихъ Готлибъ.

не безъ сумнѣнія, а наипаче что не отвѣтствуешь на письмо! (ше) и послѣду...» и т. д.

Но вотъ отправляется она къ нему «крейш», (кишки-то) колбасекъ, травячки, а те вотъ «аблокъ да орѣховъ свѣжихъ» или «венгерскаго крѣпкаго и сладкаго по полдюжины» и дюжину полпива, такожь нѣсколько фруктовъ; проситъ его, «батюшку» своего, чтобъ тотъ побережь себя изволяя, да почаще о здоровьи своемъ увѣдомляя, «паче же всего — такъ она заявляетъ — самихъ лѣтъ вскорѣ и въ добромъ здоровьи видѣть.» И «батюшка» доволенъ, счастливъ и шуточно отписывается съ корабля своего «Ингерманландъ», отъ Ламеланта: «радъ бы, проси у Бога милости, что-нибудь сдѣлать, да негдѣ и не надѣ кѣмъ (государь военный въ то время, въ 1719 г.; на Балтійскомъ морѣ со шведами); ты не ни хотя и жалѣешь, однакожь не такъ, понеже съ 800 верстъ отпустила, какъ жема господина Тоуба (начальникъ неприятельской эскадры), которая его со неъмъ «лѣтомъ такъ спрятала, что шего-кого его видѣть, но мало и слышимъ, ибо въ полторѣ вѣзи только отъ Стокгольма стоитъ за кастелемъ Вакъсгоймомъ и всеми башарями.» Государь прилагалъ реляцію адмирала Амраксина, пустошившаго въ это время берега Швеціи; изъ приложенія Екатерина могла узнать, какъ «адмиралъ нашъ едва не всю Швецію растлѣя своимъ великимъ спирономъ» (копьемъ).

«Всепокорно прошу вашу милость, — отвѣчала супруга — дабы... писаніями своими оставлять меня не изволяя, понеже въ смѣшнее съ вами разлученіе есть не безъ смуки, и только то и радости, что ваши писанія; ибо и въ помянутомъ своемъ (письмѣ) изволите жаловать, что я жалю васъ спустя уже 800 верстъ. Это можетъ быть правда! Таково-то мнѣ отъ васъ! Да и я имѣю — шутливо дѣла Екатерина — отъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, будто королева швецкая желаетъ съ вами въ любви быть; въ томъ та не безъ сумнѣнія. А этому-жъ! вѣдливо признаваемъ, какъ и сами изволяя написать о поступкахъ господина адмирала, что онъ надѣ всею Швеціею учинилъ. Этакъ-ста господинъ адмиралъ подѣ такіе уже толь немалые лѣта да какое счастье получилъ, чего изъ молодыхъ лѣтъ небыло! Для-бога прошу вашу милость — одного его сюда не отпустить, а извольте съ собою вмѣстѣ привести.»

Петръ счастливъ, онъ не сердится за молчанье, онъ шлетъ ей взаимно-любезные презенты: «редьку да бутылку венгерскаго», а иногда вина бургонскаго бутылокъ семь, или краснаго дюжину, и все это разумѣется съ обычнымъ желаньемъ: «дай-боже вамъ здорово пить»; вино смѣнялось десяткомъ боченковъ сельдей «гораздо хорошихъ и свѣжихъ»; изъ нихъ только одинъ боченокъ государь

оставилъ у себя, а девять послалъ женѣ... Въ персидской походѣ то же вниманіе! безпрестанно обгоняя ее на обратномъ пути въ Россію; государь то шлетъ «новины — зѣвно лососи», то просятъ свою государыню императрицу «не подосадовать», что замѣкалъ при сылкой ей конвою; окружаетъ ее заботами о спокойствіи совершеніи путешествія, указываетъ какою вѣать дорогою, и все это съ вниманіемъ и вѣжностью; повелительнаго тона неслышно уже ни въ одной строчкѣ: напротивъ, Петръ проситъ жену «не досадовать», «не гнѣватися» на него!

Любовь, дошедшая до послѣдней ступени, закрѣпляется со стороны государя весьма важными дѣйствіями: такъ въ началѣ 1722 года (1) обнародованъ имъ уставъ о наследіи престола. Въ этомъ любовитвомъ документѣ упоминаетъ Петръ о авесаломской злоств царевича Алексѣя; строго порицаетъ «старый недобрый обычай» — большому сыну наследство давать, удивлялся изъ-за чего этотъ обычай людьми былъ такъ затвержденъ, между тѣмъ какъ по разсужденію «умныхъ родителей» дѣлались ему частыя отиѣны, что-де видны и изъ священной, и изъ свѣтской исторіи. Государь приводитъ примѣры, утверждая, что въ такомъ же разсужденіи въ 1711 году было имъ приказано, чтобъ партикулярныя лица отдавали бы недвижимыя имѣнія одному своему сыну — достойнѣйшему, хотя бы и меншому; а слава это было для того, чтобъ «партикулярныя дома не приходили отъ недостойныхъ наследниковъ въ разореніе». «Кольми же паче — гласилъ составитель устава — должны мы имѣть попеченіе о цѣлости всего нашего государства!» Это попеченіе выразилось въ уставѣ: отъ воли-де государя зависитъ опредѣленіе наследства; кому онъ захочетъ, тому и завѣщаетъ престолъ. «Дѣти и потомки» такимъ образомъ, по мнѣнію преобразователя, «не впадутъ въ злоств авесаломскую: они будутъ имѣть на себѣ эту узду — уставъ.»

Вся Россія должна была учинить присягу, что не отступится отъ воли монарха; она признаетъ наследникомъ того, кого онъ похочетъ ей дать, кого онъ ей завѣщаетъ. Уставъ былъ ничто иное какъ переходная мѣра къ объявленію «Катерины» пресмицей державы: ея «Петрушеньки» небыло уже на свѣтѣ.

Въ церквахъ у присягъ стояли капитаны и разные чины воинскіе, по городамъ разосланы были солдаты. За «благополучнымъ и изряднымъ продолженіемъ присягъ» наблюдалъ ревностнѣйшій изъ птевцовъ Петра, Павелъ Ивановичъ Ягужинскій (2).

(1) П. С. З. т. VI, № 3893.

(2) Письмо его къ А. В. Макарову. Каб. II пол., т. LXI, л. 870 и 871.

Россія присягнула.

Но ни солдаты и капитаны, ни страхъ изгнанийъ и каторги не за-
жалъ рты многимъ изъ тѣхъ, которые не считали вслѣдъ за Цеза-
ромъ старыхъ обычаевъ недобрыми и вредными.

— Намъ императоръ живеть... повелѣно... говорилъ народъ: —
мы присягали о наследствіи престола всероссійскаго, а именно намъ
не объявлено, кого учинить (наслѣдникомъ); а прежніе цари все-
гда прямо наслѣдниками чинали и всенародно публиковали; а те-
кому присягаемъ — незнаемъ! Такая присяга по тѣхъ мѣстахъ, куда
императоръ самъ живеть, и присягаемъ-то мы ему лудаемъ серд-
цемъ. (1)

Нарушеніе стариннаго обычая, исполненіе котораго всегда слу-
жило къ спокойствію страны и хотъ въ выборѣ наслѣдника устра-
няло произволъ государя, вызвало въ народѣ рѣзкія сужденія; оно
усилило общій ропотъ и недовольство.

Народъ и солдатство видѣли, что государь рѣшительно хочетъ
упрочить за своей супругой мѣсто на россійскомъ престолѣ, и въ
полкахъ слышались такого рода укоризны: «Государь царицу вы-
нѣшнюю взялъ не изъ большого шляхетства, а прежнюю царицу
богъ-знаеть куда дѣвалъ!» (2)

Въ эти-то годы, когда царицѣ не изъ высокаго шляхетства рас-
точались государемъ знаки самой пылкой страсти, когда ради ея
онъ нарушалъ стариннѣйшіе обычаи, которыхъ не дерзнулъ даже
нарушить его прототипъ Иванъ Васильевичъ Грозный, — въ эти
годы «Катерина не изъ шляхетства», какъ мы видѣли, дала полную
мочь и силу красавцу камеръ-юнкеру. Виллмъ Ивановичъ не встрѣ-
чалъ уже себѣ ни въ чемъ отказу. И немудрено...

Здоровье державнаго супруга Екатерины Алексѣевны было пло-
хо. Какъ видно изъ его же цидулокъ за пять, за шесть лѣтъ до своей
смерти, Петръ рѣдко разставался съ лекарствами. Блюментросту,
Арескину и другимъ придворнымъ меликамъ была довольно трудная
работа съ больнымъ, такъ какъ пациентъ никакъ не могъ вы-
держивать строгой діеты. Больнымъ возвращался государь и изъ
персидскаго похода; пленцы въ заботахъ о его здоровьѣ высла-
ли навстрѣчу барона Бера. «Баронъ обнадѣживаетъ весьма, — пи-
салъ Ягужинскій — что его лекарство дѣйствительно будетъ, кото-
рое онъ истокмо на собственную похвалу полагаетъ, но передаетъ
сверхъ того на экзаминацію медиковъ. Дай всевышній-боже, чтобъ

(1) Д. Т. К., к. XXII, д. 46 (1722—1723 г.).

(2) В. Д. Р. Д. Т. К., карт. XI, д. 3 (1723 г.).

онѣй, его арнаумъ къ содержанію многолѣтню вашего вѣдѣства, заранѣе служить.» (1)

А подлѣ большого Петра. — еще блестяще, она эффектиѣ парижской попой, высокой, далеко еще не недужной Екатерины. Благородныя современиныя живописныя портреты съ 1716 по 1724 года; она какъ живая: подымается въ нашемъ воображеніи. Вотъ она — то въ дорогѣмъ сербренной матеріи платьѣ, въ аляскомъ, въ оранжевомъ, то въ красномъ великолѣпнѣйшемъ костюмѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ встрѣчала она день торжества надгалтована, игра; роскошная черная коса убрана со вкусомъ, на адыхъ полныхъ губахъ играетъ пріятная улыбка, черные глаза блестятъ огнемъ, пократь страстью; носъ слегка приподнятый, выдукая тонко-розоваго цвѣта ноздря, высоко подыатыя брови, полныя щеки, горящія румянцемъ, полный подбородокъ, нѣжная бѣлизна шеи, плечь, высоко поднятой груди, — все выстѣтъ, если это было такъ въ дѣйствительности, какъ изображено на портретахъ, дѣлало изъ Екатерины еще въ 1720-хъ годахъ женщину блестящей наружности (2).

Печалуясь въ цидулкахъ къ муму на постояную почти съ нимъ разлуку, Екатерина, какъ мы видѣли, выражала эту печаль въ формѣ шутки, среди разныхъ прибаутокъ и балагурствъ: дѣло въ томъ, что по характеру своему, она небыла способна всецѣло отдаться одному человѣку, токовать, терзаться, серьезно ревновать его; впритомъ и набѣгающая тоска разсѣивалась интимнымъ другомъ Виллемомъ Монсомъ Монсомъ съ его фамиліей.

Но неужели не нашлось ни одного голоса, который бы въ ту пору не шепнулъ суровому и ревнивому монарху, что-де одинъ изъ камеръ-юнкеровъ его супруги — необыкновенной властью, своимъ вѣдѣтельствомъ въ важнѣйшія дѣла по разнымъ судебнымъ и правительственнымъ учрежденіямъ, даетъ шипу неблагопріятнымъ толкамъ, бросаетъ тѣнь на его «сердешиннаго друга»? Такой голосъ казался всего скорѣе долженъ былъ раздаться со стороны птенцовъ государя; но птенцы не только молчали, но ползали предъ фаворитомъ: они нуждались въ немъ, нуждались для ходатайства предъ «премиосердой государыней», короче — имъ было невыгодно открывать глаза «старикю-батюшкѣ». Довольно сказать, что князь Меншиковъ, этотъ сильнѣйшій изъ птенцовъ Петра, держалъ

(1) Письма Ягужинскаго. Каб. II, к. LXI, л. 900, 869 и друг.

(2) Портреты Екатерины въ Петровской и Романовской галереяхъ, №№ 1358, 1352 и друг. А вотъ между ними портретъ Екатерины I въ прозиль: лицо обрюзглое, багрово-краснаго цвѣта, щеки какъ-то взборожены, подбородокъ отвисъ. Явно, что этотъ портретъ сдѣланъ незадолго до ея смерти.

си въ это время только заступничествомъ Екатерины, то-есть — Монса. И это онъ понималъ, лучше-сказать объ этомъ онъ радъ былъ безпреставно. Меньшиковъ въ 1722—1723 годахъ былъ обвиненъ въ разныхъ злоупотребленіяхъ, въ превышеніи своей власти, въ захватъ частной и казенной собственности и т. под. преступленіяхъ, которыя такъ были велики, что ихъ бы не покушали всѣ прежнія заслуги «Алексашки» предъ грознымъ императоромъ. Онъ уже въ немилости, о его неправдахъ негодать слѣдствие, ему грозитъ жестокая опала, — вѣтъ, даже казнь — и онъ спѣшитъ за помощью къ Мону и его сестрѣ. Скупой, гордый и тщеславный, князь не стыдился дѣлать имъ подарки: такъ наприимѣръ онъ подарилъ Мону лошадей съ полнымъ уборомъ, — подарки правда не цѣнные, но достаточно провоздѣи для того, чтобъ судить о его трусости. Въ 1723 году племянникъ Монса, Петръ Балкъ женился на Шолоховѣ; свадьба была играна въ Москвѣ и притомъ въ чертогахъ Меньшикова. Князь самъ предложилъ ихъ къ услугамъ Монсовъ, и мало того: забывавъ обычную свою скупость, на свой счетъ угощалъ многочисленныхъ гостей свѣнныя «патроновъ». — Трудъ и издержки не пропали. Видлицъ и сестра его похлопотали объ опальномъ вранѣ «милостивой матерью». Та неостетливо просила государя о прощеніи Меньшикова: «Если, Катерина, — сказалъ Петръ — онъ не исправится, то быть ему безъ головы. Я для тебя его на первый разъ прощаю.» — «Его императорское величество и ея императорское величество — послѣдила извѣстить Меньшикова знакомая намъ Матрона Ивановна — какъ къ намъ милостивы, о чемъ пакъ истинно всесердечною радостью радуюсь и желаю всегда вашей свѣтлости... получить милость отъ вѣдъ величествъ» (1).

Петръ ни въ чемъ не можетъ отказать «Катеринушкѣ»; та въ свою очередь не дѣветъ твердости устоять противъ просьбъ, своего камеръ-юнкера. Къ прежнимъ фактамъ приведемъ еще одинъ, впрочемъ не послѣдній.

При Екатеринѣ состоялъ камеръ-пажомъ Павловъ; молодой человекъ гудливый, дерзкій, онъ только и держался милостью Монса, милостью, какъ мы видѣли, закупленной золотыми часами и т. под. подарками. Однажды Павловъ жестоко избилъ, безъ сомнѣнія въ цѣльнрмъ видѣ, одного изъ придворныхъ чиновниковъ. Избѣсннй взмолился о удовлетвореніи за обиду (2); онъ былъ правъ; гулака и буяня

(1) Письмо отъ 3 іюня 1723 г. Бумаги кн. Меньшикова.

(2) Жаловался я оному Павлову — писалъ челобитчикъ — на человека его въ показанныхъ мнѣ обидахъ... и онъ Павловъ... учалъ меня бранить всякою неподобною бранью, и сталъ меня бить по щекамъ, и хватая шандалъ со стола со

крутомъ выговать; беззачетство пажа превзошло терпѣныя Екатерины и по ея просьбѣ, государь приказалъ выписать Буяна въ армию въ солдаты. Казалось дѣло на этомъ и кончилось, но Павловъ нащупалъ слесителя: то былъ могущественный Монсъ.

«Всеприжайше ваше величество прошу — писалъ камеръ-юнкеръ — о всемилостивѣйшемъ прощеніи камеръ-пажа Павлова, понеже утѣдшился я, что ваше величество высокоблагозволили назначить оного въ солдаты. И ежели оное вашего величества изволеніе не-превратно, покорнѣйше всемилостивѣйшую государыню прошу пожаловать оного сержантомъ отъ двора отпустить. Буде же той милости не изволите съ нимъ учинить, покорнѣйше прошу оное ваше величества изволеніе до благополучнаго прощенія его величества отънять. Вторично всемилостивѣйшую государыню прошу, чтобы для бѣднаго прошенія моего изволили учинить съ нимъ милость, въ чемъ на великодушіе вашего величества имѣю надежду.»

Содержаніе просьбы, лучше-сказать поводъ, ее вызвавшій, малознаменъ; но тонъ просьбы, та утѣренность, которая такъ и слышится въ каждомъ словѣ челобитья, весьма знаменательны. Говорить ли, что просьба была принята, Павловъ не только оставленъ при дворѣ, но даже получилъ награду въ годъ величайшаго торжества Екатерины Алексѣевны и одновременнаго съ нимъ воздвигненія Владимира Монса?

VI

КОРОНАЦІЯ И КАМЕРТЕРСТВО

1724

Въ концѣ 1723 года Петербургъ и Москва были очень заняты толками и приготовлениями двора къ предстоящей коронаціи Екатерины. Одинъ изъ усерднѣйшихъ ея сторонниковъ Петръ Андреевичъ Толстой, въ виду новыхъ наградъ и отличій, уже въ достаточномъ числѣ пожатыхъ имъ за изволеніе, допросы и изгнанія

свѣчью бросилъ въ меня и ушибъ меня въ затылокъ. Да въ другой разъ ухватила стулъ, бросила въ меня-жъ и ушибъ меня въ голову, и тѣми разами продомыла мнѣ голову до крови, отъ которыхъ его ударовъ едва не изощель кровью. Отчего ненадѣясь себѣ живота и отцемъ духовнымъ исповѣдыванъ; и нынѣ отъ его тазовъ лежу при смерти, и слухъ весь заложило, и великой обморокъ ошибаетъ.. и въ разумъ... едва прихожу... и жена моя отъ такого великаго страху нынѣ лежитъ при смерти... Того ради и проч.

даревича, — этого самый Толстой отправленъ въ Москву въ качествѣ главнаго руководителя всѣми приготовлениями. Онъ заказывалъ корону и разные уборы для императрицы, подъ его наблюдениемъ шли ей епанчу съ гербами, обшива дорожные лифры для придворныхъ чины, пажей, гайдуковъ, трубачей, волостеристовъ; обшивали въ Грановитой и въ столовой палатахъ стѣны, полы, лѣстницы; въ палатахъ шефеса государыни на всѣхъ уборахъ, воздвигались триумфальные ворота, производились закупки разныхъ запасовъ и т. п. Но всѣмъ возникавшимъ вопросамъ въ случаяхъ сомнительныхъ онъ обращался къ Монсу, и эта переписка знакомитъ насъ съ приготовлениями къ небывалому торжеству (1). Между дворовой перепиской о дѣланіи лифрей, о цвѣтѣхъ суконъ для нихъ, о величинѣ гербовъ, собиравшихъ обшививались любезностями. Монсъ передавалъ Толстому увѣренность государыни, что тотъ ничего не упустилъ изъ виду: «за такую ея величества высокую милость — отвѣчалъ старый придворный — вѣсподданнѣйше благодарствую; и вѣоиставро со вслкимъ пономъ прилежнмъ попеченіемъ, презрѣ мою болѣзнь, труждаюсь, чтобъ во всемъ изволеніе ея величества исполнить.»

Петръ Андреевичъ «труждался» съ необыкновеннымъ усердіемъ и основательностью; ничего-то онъ не упустилъ изъ виду; онъ не забылъ патривѣръ гербовъ на епанчу Екатерины, либо лифрей на ея музыкантовъ безъ того, чтобы не спросить какой ея нравствѣ фасонъ, цвѣтъ, «сколь богато устроить»; предъявлялъ свое «слабое мнѣніе» о необходимости прислать къ нему вмѣсто модели нѣсколькихъ изъ музыкантовъ для обшивки ихъ нарядами, и какъ соизволить гербы шить, и выбирать ли изъ столовой палаты рундуки противъ того, какъ это сдѣлано въ Грановитой? «А Грановитая палата безъ рундуковъ — замѣчалъ Толстой — зѣло лучше и веселѣе стала.» Надписи, и тѣ посылались къ Монсу на предварительное его разсмотрѣніе или докладъ государыни; къ нему шли рапорты о разныхъ помощникахъ Толстого, о свозѣ изъ городовъ въ Москву вслкихъ мастеровъ для ожидаемаго тамъ двора: «Для господъ-богачъ просилъ Толстой Монса — всему вышеписанному опредѣленіе учинить и мнѣя увѣдомить неумедлѣе о всемъ обстоятельно.»

Въ виду предстоящаго торжества Екатерины, счастливаго камеръ-юнкера ея засыпали просьбами, порученіями, письмами съ «шамамлованіями» по дѣламъ, наконецъ цѣлулками съ извѣщеніями о подаркахъ (2).

(1) Письма Петра Толстого. Москва, 1724 г., января 3, 17, 21, неизв. числа одно, и см. въ Прилож. Ж X: 1, 2, 3; Письма Толстого — неизв. числа письмо Чернышев — М. 1724 г., 31 января.

(2) Укажемъ на извѣстныя намъ лица, именова въ Монсъ или дарившіе его

Такъ Анна Ивановна чрезъ своего гофмаршала Бестужева просила Менса извѣстить ее о платьѣ, какимъ образомъ для своего выѣзда (въ день коронаванія Екатерины) изволила бы сдѣлать, поже ее высочество — писалъ гофмаршалъ — изволила слышать, что при коронаціи... при дворѣ платья будутъ особымъ манеромъ, и въ мой государь, о томъ увѣдомьте подалинно и съ первою почтою ко мнѣ отпашите.»

Вотъ аристократка и богачка Анна Шереметьева проситъ Менса «предстательствовать» предъ государыней объ освобожденіи изъ тайниковъ преображенскихъ — людей ея: «а тѣ мои люди сидятъ въ ясовыхъ дѣлахъ — пишетъ Шереметева — и лакеи, и возницы вобранны, и многое время уже держатся, въ чемъ я имѣю заключеніе въ домѣ своемъ, что выѣхать мнѣ изъ двора не съ кѣмъ; поже бадила я къ обѣднѣ до церкви божіей, и въ то время послѣд-

въ 1724 году любезностями, общаніями, а чаще всего всевозможными презентами: Леоній *Арцибузовъ*, Семенъ *Араповъ* — состоявшій при дворѣ персидскаго шаха, графъ *Болды*, *Вильгельмъ Берге* — шведъ, Петръ Михайловичъ *Васильевъ* Рюминъ, князь Михаилъ *Вилосельскій* — оеицеръ, Артемій Петровичъ *Волыскій*, Даріонъ *Головинъ*, Никита *Грузицковъ* — завѣд. нижегородскими воеводами Екатерины, фельдмаршалъ князь Мих. Мих. *Голицынъ*, Михаилъ Гавриловичъ *Головкинъ*, невоцантка *Гутманъ*, кн. Алексѣй Григорьевичъ *Долгоруковъ*, с. петербургскій оберъ-полиціеимейстеръ А. М. *Девіеръ*, Иванъ *Дмитріевъ*, двор. служ. Петръ *Евдокимъ*, Андрей *Евгерь* — агентъ въ Шемахѣ; Давидъ *Евразовъ* — старшина въ войскѣ донскомъ, *Юзефъ* изъ Рима, *Климовъ* — харьковск. полковой писарь, Ив. *Константиновъ* — ревизоръ по имѣніямъ Екатерины, Александръ *Кайсаровъ* — служ. при ея дворѣ, *Кузьминъ* — тоже, Тимофей *Кутузовъ* — сборщикъ оброковъ въ имѣн. государни, *Корникий*, Родионъ *Колычевъ* — служ. при дворѣ, *Сусанна Лопс* — негодантка, Степанъ *Васильевичъ Волыновъ*, *Мурмеръ* — управл. имѣн. Екатерины, Алексѣй *Васильевичъ Макаровъ*, *Молкоградскій* — служ. по имѣніямъ Екатерины, *Михайловъ* — помещицкъ, стряпчій Федоръ *Масловъ*, Василий и Петръ *Мешковы*; *Подолецкій*, *Провосевскій*, *Маллекій* и *Куломъ* — крестовые дяки; Захарій *Мишурковъ* — борщикъ, Борисъ *Нероковъ* — придворн., Александръ *Нарышкинъ*, Алексѣй *Носовъ* — придворн.; баронъ Андрей Ивановичъ *Остерманъ*, Иванъ *Патрикеевъ* — придворн.; *Петръ Павловъ* — дельщикъ Петра, Георгій *Возколомъ* — госуд. докторъ, камеръ-пажи Никита и Федоръ *Павловы*, главный управляющій имѣніями Екатерины Григорій *Полбинъ*, *Потемкинъ* — кораб. мастеръ, князь Борисъ Ивановичъ *Прозоровскій*, Яковъ *Рычковъ* — винный погребщикъ, Степанъ *Соболевъ* — придворн., *Салуца* — негодантъ, придворный факторъ; Ферапонтъ *Сурковъ* — сибирскій помещицкъ, Петръ Андреевичъ *Толстой*, Иванъ Петровичъ *Толстой*, Андрей Ивановичъ *Гуляковъ*, кн. Василий *Хованскій*, Дмитрий *Чернышевъ* — придворн., *Челищевъ*, Иванъ *Шуваловъ* — комендантъ Выборга, Анна *Шереметьева*, Федоръ *Шушаринъ* — заводчикъ, капитанъ Иванъ Ивановичъ *Шумицъ*, кн. Николай *Щербатовъ*, и нѣк. друг. — Всѣ письма этого года, подобно предыдущимъ, преимущественно на нѣмецкомъ и на русскомъ языкахъ.

ниго лакея отъ кареты моея вздн... о семъ прошу вашего милости-
ваго предстательства.»

О предстательствѣ же просилъ Арцыбушевъ, правитель восточ-
ной канцеляріи императрицы; рядомъ писемъ въ началѣ 1724 года
онъ вымаливалъ у Мопса исходатайствовать о дачѣ ему жалованья,
«такъ какъ въ сацкѣ-литербухѣ безъ денегъ, и безъ хлѣба жить
трудное»; а въ тоже время убогій правитель щедрою рукою выде-
валъ изъ дворцовыхъ амбаровъ въ домъ «милостивца» рожь, крупу,
горохъ, снитковъ, овесъ, сѣно — и выдавалось то въ избыткѣ, сверхъ
вкладу: это была своего рода взятка. А вотъ какъ приглашаетъ къ
себѣ Виллима Ивановича вѣкто Иванъ Воронинъ: «уповаю, или
могу хотя чрезъ многой трудъ я вашу милость къ себѣ получить,
того ради милости у тебя, моего государя, покорно прошу: помилуй,
помилуй, не оставь убогаго просьбы... Пріѣзжалъ (я) до вашей ми-
лости персонально просить... (но) въ домъ васъ не получилъ. Въ
надѣяніи вашего милосердія униженно кланяюся.»

Этотъ униженный поклон отдавался кажется однимъ изъ свой-
ственниковъ Ворониныхъ, сосланныхъ по сурдальскому розыску;
будущее празднество вообще давало надежду родственникамъ опален-
нымъ по дѣлу царевича на милостивое прощаніе; но для получения
его надобнѣе ходатая: его видѣли въ Мопсѣ (1). Такъ Черышевъ
особенно хлопоталъ, при его посредствѣ, о возвращеніи изъ ссылки
княгини Трекуровой, столь нещадно избитой батогами въ 1718
году; просилъ о чемъ-то таинственно кн. Николай Щербатовъ, безъ
сомнѣнія о своихъ родственникахъ, также пострадавшихъ въ то
страданное время; просилъ и Степанъ Лопухинъ... но вѣтъ, у того
были свои заботы: писалъ онъ Виллиму Ивановичу, что-де осма-
триваетъ онъ да ходитъ лошадей его, своего «дадюшки и отца»,
тѣхъ самыхъ лошадей, которыхъ «присовокуивтъ» дадюшка въ
бытность свою въ Астрахани въ 1722 году отъ г. Волынскаго. Хло-
почетъ Степанъ Васильевичъ о покупкѣ позументовъ и другихъ
гардеробныхъ принадлежностей опять-таки для дадюшки. Кажется
все заботы такіа дѣвичія, столь безкорыстныя, но тутъ же дѣтъ
смыслъ вложенъ цидулка другого почерка и безъ подписи; «въ москвѣ-
скомъ уѣздѣ село Суханово съ деревнями — 25 дворовъ, въ сурдаль-

(1) Впрочемъ по случаю коронаціи Мопсъ докладывалъ о прощаніи о саятѣ
ареста и о возвращеніи итѣнія многихъ нещадно и несправедливо преступникамъ. Такъ
онъ просилъ о бывшемъ комендантѣ Кришаревѣ, кн. Иванѣ Щербатовѣ, о оберъ-
командакѣ Карповѣ, о стольникѣ Зубовѣ, поручикѣ Ракитинѣ, стольникѣ Белье-
вичевѣ, комисарѣ Молчановѣ: всѣ эти лица, дѣтъ особенностію, послѣдніа двоа
виновны были и осуждены за взятки. Они прославились воровствомъ въ Сибирѣ
при князѣ Гагаринѣ и нашли себѣ заступника въ Мопсѣ.

онимъ уѣздѣ село Слупово съ деревнями — 300 дсеровъ. * Пядуши краснорѣчише свидѣтельствовала, что и зять камеръ-юнкера не хотѣлъ упустить благопріятнаго случая пожизниться отъ щедротъ государыни. Сблзнить вообще такъ было великъ, съ коронаціей соединилось отменно надеждъ на милости, что даже честный воинъ, фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ Голлицыиъ, и тотъ не хотѣлъ остережся вѣдла отъ нѣста торжества: «уѣдомился я — писалъ князь къ Владлау Моису изъ Ахтырки — уѣдомился, якобы ихъ величества въ Москву изволятъ прибыть вскорости: того ради вась, моего государя, прошу, дабы для такого великаго дѣла, которое немалу всей Варонію надъ ея величествомъ... прославитца, малуча часъ доложить, чтобъ хотя на малое время быть (я) уволовъ въ Москву... и какой на докладъ изволите нелучить указъ, прошу приказана мена уѣдочинить.»

Подарки между тѣмъ идутъ да идутъ Моису; у него правило — ничтъ не брезгать. Иванъ Толстой прислалъ собачу «для веселія»; сибирскій помѣщикъ Суровцовъ подарилъ нарочно привезенную изъ своей вотчины лошадъ и даритъ на томъ основаніи, что она «будетъ сходна» съ одной изъ лошадей Моиса; Михаилъ Головинъ, посолъ въ Берлинѣ, при посредствѣ канцлера, отца своего, презентовалъ Виллиму Ивановичу иноходца, такъ какъ «его милость до такихъ лошадей охотникъ». Князь Алексѣй Долгоруковъ, какъ мы видѣли, одолжилъ брата и сестру Моисовъ двумя шестериками лошадей и коляской (1). Причина столь щедраго одолженія состояла въ слѣдующемъ: нѣкто иноземецъ Стельсъ владѣлъ по указу государя, нѣсколькими дворцовыми деревнями, приписанными къ пороховымъ его заводамъ; но смерти Стельса не осталось прямыхъ наследниковъ, тѣмъ не менѣе шуринъ его Марля продалъ деревни къ Долгорукову; оберъ-фискалъ протестовалъ противъ незаконной продажи, и вотъ покушникъ сибѣшалъ сбѣлатъ ее законною щедрыми «посулами»; сенатъ позамѣшкался, рѣшенія не положилъ — и дѣло, стараніями Моиса, скоро очутилось въ вотчинной коллегіи. — Повиданному скромнѣе другихъ подарковъ была посылочка изъ Вологды иноземки-негоціантки Готманъ. Она хлопотала о жалованной грамотѣ на вольную покупку въ Вологдѣ и въ другихъ городахъ пеньки и другого товара, съ тѣмъ чтобы отпустить

(1) Ловкій придворный, Долгоруковъ какъ кажется не забылъ одарить и зятя Моиса, Степана Лопухина. Погранией-нѣрѣ послѣдній также хлопоталъ о его дѣлѣ: «вань самимъ извѣстна — писалъ Степанъ къ Виллиму, убѣждая его порадовать о дѣлѣ князя — ванъ самимъ извѣстна его любовь ко всѣмъ намъ, такожде и къ ванъ; а чтоже съ моей стороны, истинно никого не имѣю такого себѣ, какъ его».

мно привъ армателстѣй-портъ заграницу. Оттуда товаровъ загра-
днику, въ силу указовъ Петра, должны были производиться предъ
перерубочный портъ: вотъ почему просьбу Гетмана трудно было
удовлетворить; она для лучшего «старательства» послана
въ армянской милости. Монахъ рыжовскій маленькии отъ еулашки
«Соблаговолоче принять — заключила она свою просьбу — и хушать
на здоровье, а на сію мою малую посылку подданыи по изволете.»
Изъ него можно догадливости, чтобъ понять, что «и вѣльскіе ры-
жовки» были ничто другое какъ годяидекіе чернорцы.

Они подосили кстаи: среди приготовленій къ коронаціи Еза-
терины Владимъ Ивановичъ разведкался постройкой обширнаго,
богатаго; комфортабельнаго дома — на мѣстѣ дома, купленнаго имъ
у дѣлтора Поликола, фаходинашагося какъ кажется на Мойкѣ. Пра-
дворный стряпчій Масловъ принялъ на себя хлопоты о наймѣ в за-
ключеніи контракта съ рабочими, о покупкѣ матеріаловъ, наблюде-
ніи за работами и проч. (1); изъ вѣдомства кабинета ея величества
на постройку дома камеръ-юнкера отпустили даромъ платняку (12
руб. самимъ), ширинку (150 тью.), извести (650 боч.) и прочаго
матеріала; оберъ-полиціймейстеръ Довіеръ хлопоталъ: не мау
тѣмъ на дѣлу покучки Монсомъ другого двора, на Васильевскомъ
островѣ, у золотскаго поручика Арсеньева. Государыни уважи оца-
ва строю-настрою запрещаля — ничьихъ дворовъ на Васильев-
скомъ острову, кромѣ измѣннихъ противъ указаго числа, ни подъ
какимъ издомъ не предавать и не закладывать (2); домомъ тотъ
островъ «на удовольствуется строеніемъ». Дворъ поручика не былъ
въ числѣ измѣннихъ, покучка не состоялась, и извѣщая Мона о
исполченіи хлопотъ, Довіеръ тутъ же въ письмѣ осторожно вложилъ
бесъмянную, своей впрочемъ руки, цидулку: «объявляю вашей ми-
лости: имѣю у себя двѣ лошади — коня да рыскачаю лошадя, а емо-

(1) Не безынтересно указать во что обходились въ то время постройки де-
ревянныя въ Петербургѣ. Изъ контракта стряпчаго, повѣреннаго Мона, съ
плотниками (1724 г. мѣсяцъ эвраль) видно, что послѣдніе обязывались: «на
приморскаго онаго, господина де Мона, мѣстѣ сдѣлать плотничьяю, самую до-
брою и гладкою работою, безъ всякіе охулки, кромѣ токарной работы, а именно
балая, — сдѣлать: по обѣ стороны хороми галлерей на 20 саж., двое воротъ
рышетчатыхъ, погребъ и свѣтлицу на 10 саж.; между обрубамы погреба насы-
пать землею; отъ погреба провести въ прудъ трубу, на 23 саж.; выстроить ко-
нюшню, сарай, межъ или ворота; на пруду сдѣлать плотину въ 200 свай въ
три яруса, свай трехъ-саженныя; старую плотину разобрать и землю выбрать;
въ хороми сдѣлать двери, наличники, окна и наличники на окна, и выходъ, и
рундуки, и слуховые окна, и землю на потолки насыпать и проч. За всю рабо-
ту плотники должны были получить по контракту 410 рублей.

(2) Указы 30 іюня 1719 г., 4 іюля и 10 дек. 1720 г., 14 дек. 1721 г.

ди докторъ врачъ бужетъ уголомъ, цесаль не мѣтъ оставитѣ, а куда вы мѣтъ вашей милости арривать.» Какъ богаты была въ это время Монсъ отъ всевозможныхъ привозовъ, можно судить по тѣмъ вещамъ, кація наполняя его комнаты: тамъ у него была статушка изъ ртутной величины изъ чистаго золота, была часы, одна починка которыхъ стоила 400 рублей, и многіе другіе предметы роскоши (!). Изъ недвижимыхъ имѣній за нимъ были близприобретенные дворы съ строеніями въ Петербургѣ, домъ материнскій въ Москвѣ, другой домъ тамъ же, купленный для него государыней у Нарышкина, близъ двора Салтыкова (?); дворъ съ строеніемъ, съ садомъ и усадьбами близъ Стрѣльбы — подарокъ царицы Прасковьи; земля въ Ливоніи: какъ досталась ему, неизвѣстно; сада съ деревьями, выпрошенные въ разное время и въ разныхъ уѣздахъ чрезъ государыню; ему же подарилъ царевна Прасковья въ холатайство не ея домовымъ распоряжанъ, кромѣ другихъ «гостинцевъ», громадное имѣніе — село Оршу съ деревнями и 1500 жителей обоюга пола, въ пусторжевскомъ уѣздѣ; въ концѣ 1723 года туда уже посланъ отъ Монса одинъ изъ придворныхъ чиновниковъ, который именемъ императрицы долженъ собрать объ имѣніи самыя обстоятельныя свѣдѣнія. Царевна вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ сильно нуждалась въ такомъ могучемъ патронѣ, какимъ былъ для нея Монсъ: вотъ почему она такъ щедро его одаривала (?). Къ несчастію Виллима Ивановича встрѣтились какія-то формальности, вслѣдствіе которыхъ онъ не могъ сдѣлаться владѣльцемъ

(?) Письмо Мошкова къ Монсу 30 марта 1724 г. — Въ началѣ 1724 года за Монсомъ утверждёнъ былъ сенатомъ шведскій залогъ Смильтенскаго имѣнія въ Ливоніи, принадлежавшій Венгартскимъ наследникамъ. «Посѣтите дальнѣйшими распоряженіями по этому дѣлу, — писалъ Монсу нѣкто Вильгельмъ Бергъ 9 февр. 1724 г., — потомучто въ настоящее время — неудобнѣйшее для пріятія (имѣнія), такъ какъ прошлогодніе доходы съ имѣнія находятся еще налицо и не вошли въ раздѣлъ между прежними владѣтелями».

(?) «А тотъ дворъ — описывая одинъ изъ слугъ Монса — всемирно хорошъ и на красномъ мѣстѣ стоятъ, съ котораго какъ Москва, такъ и нѣмецкая слобода всё видны; лучше красотою двора Василья Федоровича Салтыкова, только что тотъ его дворъ противъ вашего (письмо къ Монсу) очень великъ. И содержится тотъ вашъ дворъ близъ самаго лѣтняго дворца во 120 саженьяхъ, и пришель огородомъ къ самой Нугѣ рѣкѣ, и зѣло тотъ дворъ сухъ...» и проч. Московскій подарокъ Монсу состоялъ изъ слѣдующихъ построекъ: горницъ, кузарни, сарая, лѣбныхъ амбаровъ, конюшни и двухъ людскихъ избъ. (Письмо Корницкаго 22 сент. 1724 г.)

(?) Быть-можетъ къ тому убѣдилъ ее кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ, задушевный другъ Монса. Съ 1723 года Макарову поручено былъ отъ государя главный надзоръ за хозяйствомъ царевны Екатерины и Прасковьи.

Орши; тогда Прасковья Ивановна вышла съ нимъ въ садъ: и въ саду осталась за ней, но оброчъ съ прѣстѣльнѣ предоставлялся въ распоряженіе ея «вилластава, заступника и ходатѣя» (1).

Въ то время какъ Филиппъ Ивановичъ часть своего досуга отдавалъ пріятельнѣ для него хлопотамъ, посмотримъ что дѣлала въ это время Петръ съ Екатериной, какъ проходила жизнь всего двора, какія событія разнообразили обычное пренровожденіе времени.

Обычное пренровожденіе времени Петра состояло въ его занятіяхъ государственными дѣлами; совѣщаніяхъ въ советѣ, разъѣздахъ въ Кронштатъ, въ Петергофъ, Ораніенбаумъ, Сарское село; иногда свободныя часы пролетали въ пирушкахъ, въ посѣщеніи вѣщаницъ «комедій», въ танцевальныхъ асамблеяхъ, въ маскарадахъ, въ изѣздахъ на дома вельможъ съ «безпощадной братьей», т. е. «воинственными и сумасброднѣйшими сборомъ»; наконецъ время проводило въ устройствѣ фейерверковъ и разныхъ шутовскихъ представлѣній, хотя бы и по поводу погребенія того или другого лица, состоявшаго при дворѣ. Петръ, какъ извѣстно, былъ необыкновенно изобрѣтателемъ на подобныя церемоніи.

Челобуеетесь на него и на его птенцовъ въ ихъ забавахъ 1724 года. Вотъ государь описываетъ худенькаго, невзрачнаго и больно одиознаго герцога голштинскаго; описываетъ-то онъ его не въ первый и не въ послѣдній разъ, но въ настоящую пирушку эта спойка производится съ особливою цѣлью: Петру почему-то хочется пристрастить герцога къ венгерскому и отучить отъ мозельвейна. Съ пирушекъ и пинштвенныхъ загуловъ дворъ ѣздилъ въ комедію; спектакли танулись вяло, скучно, такъ что государь рѣшительно приказалъ, чтобы комедіи имѣли не болѣе трехъ дѣйствій и не заключали бы въ себѣ никакихъ любовныхъ интригъ; но и въ этомъ видѣ онъ все-таки не развлекали государя, такъ что сидя въ ложѣ съ семействомъ, Петръ развлекался только шутками надъ своимъ поваромъ. Гораздо интереснѣе была комедія, сочиненная самимъ Петромъ для забавы себя и своего двора. Главнымъ сюжетомъ по-

(1) Чтoby дать понятіе о тогдашнихъ оброчкахъ, привожу вѣдомость оброчнику: «вотчины боярина Алексѣя Петровича Салтыкова въ рязанскомъ уѣздѣ. Въ жеребьи въ селѣ Ижевскомъ было у него 50 дворовъ съ 304 д. муж. пола и 310 душ. жен. пола. Всѣхъ обоого пола 614 чел., на каждый дворъ по 12 чел., остатокъ 14. Оброку платили: оброчникъ денегъ по 100 р. За окладной медь по 25 р. Свиного мяса по 200 пудъ, гусей по 200 шт.: утокъ по 22; порослятъ по 25; куръ по 50; яицъ по 700; вина по 100 вед.; пшеницы по 25 четвертей; крупъ гречневыхъ по 25 четв.; сукна по 50 арш.; холота по 50 арш.; сѣтжей рыбы: щукъ по 500, карасей по 500. А земли въ дачѣ — 330 четвертей, да три озера, да притомъ еще два озера общихъ. И ежели положить — сказано далѣе въ вѣдомости — всику душу по 10 ублей, и того будетъ 6140 руб., кромѣ земли и озеръ».

тѣхъ была труппъ государева карлика (1); похоронная процессія его была обставлена слѣдующимъ образомъ: впереди шли испарно тридцать ивѣчницъ, все маленькіе мальчики; за ними слѣдовали въ беломъ облаченіи крошечный попу; затѣмъ шло множество лошадей въ черныя попоны, ведомыя маленькими пожами, всею своею особаго устройства; на саняхъ лежалъ трупъ карлика въ гробу, покрывъ бархатнымъ покровомъ. Маршалъ съ маршалскими жезлами и множество толстыхъ, безобразныхъ, большоголовыхъ карловъ и герлицъ вытаскивались въ длинной процессіи въ траурныхъ жестыяхъ, причемъ карлицы, агресшія роли «первыя траурнакы дѣла», были подъ вуалами. Для контраста и большого зрѣніа въ процессіи шли громадѣйшого роста громадеры: в тайдуши съ сѣкелями. Какъ ни обычны были въ тогдашнее время потѣхи высшихъ берсонъ надъ личностью низшаго, но при видѣ этого упрямка зѣвакіе ивѣчки немолво говорили: «такой-де страшной процессіи едвали гдѣ-нибудь придется увидѣть крошѣ какъ въ Россіи!» Зато зѣкъ ихъ было множество. Такъ въ первыхъ числахъ февраля 1724 года в теченіи нѣсколькихъ дней по улицамъ Петербурга прогулавались и развѣзжали голандскіе матросы, нидѣльскіе франкины, италяны, арменкины, французскіе поселенцы и поселянны и т. п. лица: те были замаскированы государь, государыня, весь сенатъ, знатѣйшія дамы и дѣвицы, генеральскі-адъютанты, дѣшники и разные придворные чины. Члены разныхъ коллегій и сената въ эти дни официальной шутовства нигдѣ, ни даже на похоронкахъ не смѣли скидывать масокъ и шутовскихъ нарядовъ; въ нихъ они являлись на службу въ сенатъ и въ коллегіи. «Мнѣ кажется это невѣроятныиъ, — замѣчаетъ по этому случаю современникъ, — гдѣ богѣ что многія лица наряжены были такъ, какъ вовсе не подобаетъ старикамъ, судьямъ и совѣтникамъ. Не покорится-жъ воля государя было несовсѣмъ благоразумно; тому были ежелственные доказательства, и еще во время февральскихъ потѣхъ 1724 года одинъ поручикъ, состоявшій при дворѣ, былъ жестоко высѣченъ. Проступленіе его состояло въ нарушеніи какаго-то маскараднаго постановленія. Героями маскарадныхъ потѣхъ были «всепьяннѣйшіе и сумасброднѣйшіе члены конклавіи князь-пань»; снѣклитъ его доходило до восьмидесяти человекъ и состоялъ изъ князей, бояръ, вообще потомковъ знатнѣйшихъ фамилій; тутъ же были и простолюдины. Крикельами и забавными выходками они должны были развеселить императора, когда онъ бывалъ не въ духѣ.

(1) Того самаго карлика, шутовскую свадьбу котораго Петръ устроилъ въ 1710 году. См. статью: «Царица Прасковья».

Въ это же время въ дворѣ была очень великая толщина крупицъ персидской едвико при дворе брата бриллианта Рокотина. Мы получили его уже въ числѣ исключительной милости Монаха, видѣли еще его чашечку, какъ онъ метался, некая рука дѣлала его въ свѣдѣнныя его предостереженія. Защита Монаха видно не украсила его его чашечку и онъ наконецъ додумался до средства весьма рискованнаго. Князь Меншиковъ далъ ему, какъ лучшему бриллианту, многократно арестованнымъ немкой, цѣною тысячу на сто рублей; два сѣмлетилъ изъ нихъ заотчина для мейстера императрицы. Князь Александръ Даниловичъ хотѣлъ презентовать заветку Историкъ при его императрице. Вдругъ Рокотинъ объявляетъ, что какия-то изъ членовъ, называвшихся посланными князя Меншикова, обманомъ заветили его въ городъ, отняли драгоценный уборъ, раздѣли его, приказали удавить, если тотъ будетъ кричать, и наконецъ чашечку в сѣмлетное бросили въ яму. Все это оказалось измышломъ самого ювелира. Скоро заперши Рокотинъ была арестованъ, и въ дворѣ государя, въ высочайшемъ присутствіи цѣлый часъ болталъ онъ объ изобрѣтенныхъ язвахъ рукъ; государя, лично видѣвшего допросовъ, убѣждалъ его сознаться; давалъ слово, что въ случаѣ расказа съ нимъ ничего небудетъ дурного и даже, чтобъ лучше вырвать у него признанію, приказалъ при немъ быть кнутови другаго преступника. Но и это оригинальное средство привлечь къ расказу не достигло своей цѣли, такъ что государь приказалъ дать Рокотину двадцать-пять ударовъ. Но и въ этотъ разъ, ни на слѣдующій пытокъ, о которой государь весьма весело и счастливо рассказывалъ герцогу гоштинскому, ни на третьей пытке Рокотинъ ни въ чемъ не сознался. Наконецъ только убѣжденіемъ суперинтендента являлся вора на откровенность. Онъ сознался, что самъ укралъ бриллианты и варилъ ихъ на дворѣ своего дома въ кучѣ пещу. Тамъ какъ суперинтендентъ добился признанія только тѣмъ, что обѣщала вору прощенье, то Рокотинъ и была освобожденъ; но недѣлю для оныхъ опять взять въ полицію, допрашивая по тому же дѣлу и другими постановившимъ на него жалобамъ; наконецъ послѣ невольнаго признанія онъ былъ жестоко истязанъ кнутови, заключенъ в селанъ въ Сибирь. «Не будь онъ иностранецъ, его бы казнили смертью»: такъ говорили современники (1).

(1) О причинахъ вторичной ареста ювелира ходили тогда въ Петербургъ разные слухи; между прочимъ увѣрили, что его для того взяли въ полицію, чтобъ смотрѣть за нимъ, потомучто онъ будтобы въ нѣсколько дней страшно распухъ, и подозревали, что его кто-нибудь пытался отравить ядомъ — такъ какъ весьма многие имѣли съ нимъ разныя сдѣлки, и изъ боязни быть имъ оговоренными старались его извести. Любопытно, что 16 января 1724 года, въ

Впрочемъ казнь не казненъ былъ: въ этого рода армянца 1-го убитъ 24 января 1724 года совершены были казни оберъ-овскаля Попова и еще трети товарищей ошквалевъ, обвиненныхъ въ откровенномъ вѣточицкостѣ. Казни были совершены на Васильевскомъ остро-ву; противъ званія колесій. Подъ высочайшъ вѣдѣнцемъ, на который такъ вѣдѣно еще вѣдѣлъ князь Гагаринъ, устроили шашкетъ; по-зади его вѣдѣвались четыре высочайшъ шеста съ колесами, спицы которыхъ на поларшина были обиты желѣзомъ. Шеста: эти казни-чались для неотпущія головы преступникомъ, когда тѣла ихъ бу-дутъ приложены къ колесамъ. Когда докранянъ были готовы, ош-каль публика: большую часть ея составляли кайшларекіе и армян-ские чиновники; получившіе приказъ непременно быти при казни; государь съ министромъ великомъ смотрѣлъ изъ оконъ россійско-го дворца. Оберъ-три старца ошквала ошнѣ за другихъ мужествомъ ошквалъ головы на пашѣ. Мучительнѣе вошнѣ была казнь Шеста-рова. Что важно колесовали: раздробилъ ему сперва одну руку, потомъ шесту, потомъ другую руку и другую ногу. Царь вошнѣ шашкетъ подошнѣлъ одинъ изъ шашкетниковъ и сталъ его угловаривать, чтобъ ошъ сознался къ своей вѣнѣ; тоже самое, отъ имени шашке-тора, сдѣлалъ и майоръ Мамоновъ; государь обшчалъ въ тѣмъ случаѣ ошквалъ шашкетъ, т. е. немедленно отрубить голову. На оберъ-овскаль свободно отвѣчалъ, что все уже выскавалъ что звалъ, и звалъ, какъ и до колесованья, непроизвѣстъ болѣе ни слова. Нако-нецъ его, все еще живого, повлекли къ тому мѣсту, гдѣ отрублены были головы тремъ другимъ, положили лицомъ въ шашкетъ правъ и тамъ обезглавили. Девять человекъ получили каждый по пятидесяти ударовъ кнутомъ; четверымъ изъ нихъ шашкетомъ вырвали шашкетъ и т. д.

Весь этотъ кровавый спектакль былъ явлениемъ обычнымъ; ош-ники сажались и шашкетные мѣшцы, свылклись дотогу, что шашкетны Бердгольдъ, безстрастно занисывали подробности курьезныхъ армян-цевъ; ошквалъ же вносилъ въ дневникъ замѣтку о шашкетѣ: — Блаже-ли шашкетники вѣточицковъ шашкетъ вѣточицки-делетарти; Шашкет-цы. Извѣстнѣ? Едвали, тамъ какъ государя не извѣстна шашкет-цы; ошъ, ошнѣ о казни, толковалъ шашкетъ о шашкетѣ о шашкетѣ великаго шашкетаря и шашкетно не думалъ; что и ошнѣ не-

тотъ шашкетъ дѣла; когда Роженшикъ объявилъ свою шашкетку, ошъ два раза былъ у Монса; ошнѣ ошнѣ ошнѣ ошнѣ, невѣстнѣ. Денги помогли ошнѣ ошнѣ, шашкетъ всякаго шашкетни до шашкетнѣ въ дѣла съ шашкетникомъ шашкетнѣ, но едвали межъ ними не было какихъ-нибудь тайныхъ шашкетъ, если же по этому, то по другимъ дѣламъ. (Письмо Девьера къ Монсу 18 янв. 1724 г. о шашкетѣ къ шашкету, по указу государя, людей Монса.)

дальше отъ такой же катастрофы. Да и могъ ли, видя ли онъ время думать объ этомъ? Ему вса такъ радостно улыбаются, его съ такой любовью осмысливаютъ, любезничаютъ, предлагаютъ услуги и дорогие презенты; во всей аристократіи, среди всѣхъ наипочтительнѣйшихъ персонъ мужского и женскаго пола онъ не имѣетъ враговъ, да и не можетъ имъ имѣть: такъ всѣмъ онъ нуженъ, всѣ въ немъ ищутъ ходатая, заступника, челобитанца, милостивца по всѣмъ пресмыкн и неправымъ, честнымъ и нечестнымъ дѣламъ. Ему ли позволить, счастливому фавориту, въ виду полнѣйшаго торжества «срещеніи» императрицы задумываться надъ трагическою смертію рускиихъ восточанковъ?

Торжество близко: съ первыхъ же чиселъ февраля приверженцы чиноуказъ и служители отправлены въ Москву; въ послѣдній чиселъ сего мѣсяца «отправлены» дочери царицы Прасковья Катерины и Прасковья; пріѣхала изъ Митавы герцогиня курляндская съ небольшою свитой, среди которой былъ и камеръ юнкеръ Баронъ; послѣдовалъ отъѣздъ герцога голштинскій; напередъ выѣхала и государь съ государьней: они отправлены въ Оленокъ, съ тѣмъ чтобъ пробхать оттуда въ Москву. 27 февраля всѣ съѣзжали въ первопрестольную столицу.

Съ пріѣздомъ въ Москву весь дворъ сталъ нетерпѣливо ждать дня коронаціи. Въ кремлевскихъ палатахъ ежедневно толкались придворные, дивившіеся воронѣ императрицы: она была одѣлана съ большимъ изяществомъ, осыпана дорогими камнями; осматривали разные старинныя короны и драгоценности, какъ-то сосулы и тому подобныя дары иноземныхъ посольствъ московскихъ царей. Голштинскій герцогъ съ своимъ дворкомъ съ особеннаго любопытствомъ спрашивалъ то Монса, то сестру его: когда именно предначается коронація? Но ничего небыло извѣстно положительно, такъ какъ большія приготовленія разныхъ принадлежностей торжества отсрочивали вождѣвшій день. И тутъ, среди этихъ приготовленій, Петръ заявилъ свой своеобразный взглядъ на личныя права нажлаго человѣка: частная собственность, не имѣніе Петра, всецѣло принадлежала государю. На основаніи этого убѣжденія, отданъ былъ приказъ, чтобъ всѣ иностранныя и русскія купцы присылали къ князю Меншикову своихъ лошадей; князю поручено было выбрать изъ нихъ самыхъ лучшихъ шестьдесятъ лошадей для лейбъ-гвардіи (роты кавалергардовъ) на время коронаціи. Нѣкоторые купцы должны были дать отъ четырехъ до шести лошадей; а у другихъ собственно для себя не осталось ни одной.

Всѣ придворные съ необыкновенной озабоченностью толковали о уборахъ, о томъ, кто поведетъ государыню на тронъ и съ трона,

клетъ, расставлены: будутъ обѣданные столы и разсѣяны присутствующіе, будутъ ли приглашены иностранные министры, илия будутъ робы на дамахъ, привезутъ ли изъ Петербурга великаго князя, сына злополучнаго Алексѣя; словомъ — толковать, переосудить, известить небыло конца; пока часовецъ 5 мая все это перемѣсь трубными звуками герцога въ Москву узнала, что коронацію государыни Екатерины Алексѣевны будетъ въ четвергъ, 7 мая.

Мы не станемъ передавать подробности этого дня, быть-можетъ значительнѣйшаго и безъ сомнѣнія центръжестивнѣйшаго въ жизни Екатерины. Но станемъ рассказывать о церемонномъ шествіи лѣвъ самозванцевъ съ разными регалиями въ царствѣ, о кономандъ дѣйствующихъ лицъ, о убранствѣ кремлевскихъ комнатъ, о обществѣ вѣдѣ войска и народа; громадными толпами маршировавшихъ армявскихъ плащади и улицы, прилежавшія въ Кремлю; не введемъ азъ въ соборъ, не увидимся при видѣ иконольника, селѣшюкъ, ошатншихся по лицу калитвопреклоненной Екатерины, когда императоръ положилъ корону на ея голову; не оставимся и на обѣдѣ, на которомъ недурно было бы полюбоваться на лѣвшюсть, съ которой служивали императрицѣ ея камеръ-юнкеры Менсь и Балкъ, — а предложимъ охотникамъ до высокотожественныхъ преимуществъ развернуть «Дѣянія Петра» Голликова или дневникъ Берхгольца и усладиться чтеніемъ длиннѣйшихъ описаній этого дня (1).

«Ты, о Россія! възгладъ въ этотъ день Феоданъ Проколомичъ: — не засвидѣтельствуеши ли о богомвѣчанной императрицѣ твоей, что прочіи раздѣленные дары (т. е. добродѣтели и достоинства Семирамиды вавилонской, Тамирь скифской, Пенфесилей амазонской, Елены, Пульхерія, Евлокіи императрицы римской и другихъ знаменитыхъ жонъ) всѣ раздѣленные дары Екатерина въ себѣ имѣеть совокупленные? Не довольно ли видиши въ ней величественное благочестіе къ Богу, неизмѣнную любовь и вѣрность къ мужу и государю своему, неуспяное призрѣніе къ порфиророднымъ дочерямъ, великому внуку (т. е. сыну царевича Алексѣя!) и всей высокой фамиліи, щедроты къ нищимъ, милосердіе къ бѣднымъ и виноватымъ, материсе ко всѣмъ поданнымъ усердіе? И зри вещь весьма дивную: силы помянутыхъ добродѣтелей виновныя, которыя по

(1) Особенно обстоятеленъ расказъ Берхгольца IV, 44—58. Онъ съ особенною любовью и тщаніемъ, какъ чиновникъ нацеремоннѣйшаго дворина, описалъ всѣ мелочи празднества 7 мая и даже сдѣлалъ планъ Грановитой-палаты съ ея обѣданными столами и убранствомъ.

и тѣмъ какъ ставъ съ волюю совокупитися не могутъ, въ себѣ взаимной души во взаимную армонію согласуются: неволя и лѣтъ имъ умилеть взаимнодушна, выгода чести не отнимаетъ умѣренности правоты, умѣренность возмѣтнѣно не итѣмаетъ, всегдѣвое илюминим имъ вредитъ: и волюю красоты, утѣхъ, сладостей илюминим илюминим на труды готовности и аламентова въ подлиннѣхъ терпѣннѣ. по умачности. О необычная !.. возмѣтнѣ горѣнна... о частной ситуатіи.. И яко отецъ отечества, благоутробную сію мать російскую илюминим, всю илюминим Россію тѣмъ иначалъ семъ !.. Твое, о Россіи сіе благословіе, твоа армѣта, твоа верьхъ возмѣтнѣхъ салца волюю армѣта!» (1)

Лучше отъ этого иссало илюминим, несогрѣннѣ илюминим илюминим чинимимъ Россію, согрѣннѣ оданно и илюминим радоста въ сердцахъ ляднѣхъ приближонннѣхъ къ обѣтнѣ. Въ числѣ перемѣннѣхъ илюминим гражданнѣхъ былъ Виллиамъ Назмовичъ Моисъ. «Виллиамъ — чинимим въ официальной документѣ — былъ онъ.. при илюминим илюминим супругѣ ея величествѣ императрицѣ.. неотлучно, и илюминим ону илюминим дѣлѣхъ съ такимъ илюминим, радостнѣхъ и илюминим илюминим, что мы тѣмъ всеилюминим доволнѣхъ были, и илюминим для илюминим засаилюминим того, мы съ илюминим нашей императорской илюминим, онаго Виллиама Моиса въ илюминим всеилюминим пожаловали и илюминим илюминим.. и мы илюминим, что онъ въ семъ отъ насъ.. пожалованномъ илюминим чинѣхъ такъ вѣрно и илюминим поступать будетъ, какъ то вѣрному и илюминим илюминим надлежитъ.» (2)

VII

донесъ

1724

Между тѣмъ, въ то время когда Россія, по увѣренію льстеца-Феофана, въ его лицѣ умилалась предъ «неизмѣнной любовью, вѣрностью къ мужу» и предъ другими превысокими добродѣтелями

(1) См. Слово въ день коронаціи г. и. Екатерины Алексѣевны, говоренное въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, 7 мая 1724 г. Соч. Феофана Прокоповича, Сиб. 1761, ч. II, 103—111.

(2) Патентъ В. И. Моису. Одновременно съ нимъ награжденъ былъ камергеръ Петръ Федоровичъ Балкъ-Польвъ; отецъ его Федоръ Балкъ проишеденъ былъ въ генералъ-майоры.

Востерманъ; въ то время, когда фаворитъ ея получалъ «вицею за свидѣтельствованіе особенной милости», — надъ нимъ подымилась грѣха. Тучи скоплялись не со стороны какихъ-либо савошниковъ, не со стороны напришѣръ «великихъ инкашаторовъ» и тому подобныхъ людей, которые въ другихъ случаяхъ тщательно доносили о семъ Петру: нѣтъ, туча надъ Монсомъ исходила изъ самыхъ близкихъ слоевъ дворцоваго общества, — со стороны его слугинтолей и мастеровыхъ.

Главнѣйшимъ изъ слугинтолей, лучше-сказать изъ чиновниковъ, канцелярѣи Монса былъ Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ. Простой слугинтъ царницы Марфы Матвѣевны, потомъ писецъ адмирала Апраксина, малый весьма и весьма неглупый, проворливый, вероватный, бойкій на языкъ и писиво, онъ сумѣлъ втереться на службу къ Виллиму Ивановичу; и стояло то ему тогда швецъ недорого: онъ занялъ за него Монсу выдалью въ шесть червонныхъ, антелень венгерскаго вина, англійскими шолоховыми туллями, кускомъ краснаго сукна и лавсинаго шубомъ въ двадцать рублей. Всѣ эти издержки онъ успѣшилъ окупить сторичей. Дѣло въ томъ, что послѣдніе годы Монсъ былъ заваленъ всевозможными прошениями; невѣжа въ русской грамотѣ, весь погруженный въ хлопоты объ устройствѣ своихъ домовъ, скопленія гостиницъ, занятый поддержкой своего фавора, онъ естественно нуждался въ челоубѣхъ, который бы взялъ на себя трудъ принимать, прочитывать челобитныя, входить въ разныя соглашенія съ просителями (разумѣется болѣе мелкими) относительно презентовъ, составлять доклады, словомъ — быть его первымъ секретаремъ и чиновникомъ равныхъ особамъ порученій. Такимъ и сдѣлалъ онъ Егора Столѣтова, «канцеляриста корешноденціи ея величества». Канцеляристь скоро понялъ въ какой степени нуженъ онъ фавориту и незамедлительно закрѣпить за собой разныя права, точно обозначавшія степень его власти и значенія; для этого онъ самъ составилъ инструкцію, Монсъ ее утвердилъ: всѣ приходящія и отходящія шесва ея величества вѣдать ему одному, а другого къ нимъ не допускать; онъ одинъ являлся въ коллегіи для объявленія разныхъ указовъ государыни, указовъ, составлявшихся подъ руководствомъ его патрона — Монса; на немъ лежала обязанность составлять докладъ для государыни изъ разныхъ челобитень просителей и просительницъ, ит. д.

Подобная инструкція ясно очерчивала сферу дѣятельности и власти Столѣтова; скоро почувствовали это почти всѣ искатели милости Монса; всѣ они, отъ мелкихъ придворныхъ слугинтолей до свѣтлѣйшаго князя Меньшикова — въ 1723—1724 годахъ, отправляя подарки Монсу, не обходили и его дѣлопротоколителя.

Хлопоты Столѣтова состояли въ напоминаніяхъ Монсу о тѣхъ или другихъ просьбахъ, въ отводѣ имъ побольше мѣста во всенеподобнѣйшихъ дѣлахъ, въ ходатайствахъ у разныхъ представителей коллегій, эти въ свою очередь стали оказывать званіи дружелюбное расположеніе къ канцеляристу (1). Служба Столѣтова поучалась разнообразными подарками: тутъ были бѣлье, галстуки, канцолы; тулупы, серебряныя чайнаны, кофейники, сушка, шѣка, бакрача, панча, золотая парча, овесъ, дорожная коляска, лошади, наконецъ деньги отъ 50 до 200 рублей одновременно. Въ числѣ просителей и дарителей, кромѣ множества разныхъ слугъ дворцовыхъ, армяничковъ, постоянниковъ, управителей дворцовыми мѣшьями, чиновниковъ, мы встрѣчаемъ Льва Измайлова, Из. Шувалова, Степана Лопухова, князя Гагарина, кн. Василія Лукича Долгорукова, князя Алексѣя Долгорукова — столь неутомимаго, сальернишаго семейства Монса, князя Щербатова — глухого, князя Меньшикова и царевну Прасковью Ивановну. Подарки Столѣтову, какъ можно увидѣть изъслѣдствій, свѣдѣли не во всяки, но въ благодѣніе и въ шрифтны, за исключеніемъ впрочемъ царевны Прасковьи Ивановны, которая жаловала его за то, «чтобъ онъ привелъ Монса, а тотъ государыню императрицу, чтобъ та ее содержать въ мѣста своей зволала и домашнее бы имъ (царевнѣ и ея сестрѣ) опредѣленіе учинила».

Секретарь былъ малый хвастливый, тщеславный, болтливый на языкъ, какъ человѣкъ вышедшій изъ ничтожества — чрезвычайно зазнавался и вообще велъ себя крайне неосторожно. Какъ Монсъ дѣйствовалъ именемъ императрицы, такъ Столѣтовъ, бродя по разнымъ канцеляріямъ и коллегіямъ по дѣламъ своихъ «милостивѣ-

(1) Приведемъ перечень лицъ, оказывавшихъ пріязнь Столѣтову, т. е. обращавшихся къ нему съ письменными просьбами и нѣкоторые изъ нихъ съ поддержкой: Арцыбушевъ, иноземецъ Амандеръ, Воронинъ, Гладковъ, Грузинцовъ, кн. Юрій Гагаринъ, Брончиновъ, Грибодовъ, Геинигъ, Дмитріевъ, Федоръ Зеленой — другъ и родственникъ Столѣтова, Левъ Измайловъ, Калугинъ, Константиновъ, Кашкаровъ, Литвиновъ, Ст. Лопухинъ, Фед. Масловъ, Мишукъ, Мошковъ, Нестеровъ, Носовъ, Павловъ, Василій Поспѣловъ, Рукнинъ, Родионовъ, Розановъ, Селетренниковъ, Марфа Столѣтова, Суровцевъ, Стрельниковъ, иноземецъ Хитбицъ, Из. Шуваловъ, купецъ Гиковъ, протопопъ Ярмѣрковский и другія лица, фамиліи которыхъ неразборчивы. Всѣхъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Столѣтову 114; всѣ они на русскомъ языкѣ. Въ нихъ между прочимъ просили Столѣтова о передачѣ того или другого прошенія его высокогосударскому сіятельству Монсу, просили хлопотать у П. А. Толстого, А. И. Рѣпина, Д. И. Татищева, Ф. М. Апраксина, В. П. Поспѣлова и у другихъ лицъ о разныхъ дѣлахъ: о деревняхъ, о вершеніи тяжбы, о жалованьяхъ, объ оторочкѣ долговъ и проч.

дѣвъ и пріятелей, употреблялъ имя Монса въ видѣ понудительнаго средства. Все это сдѣлалось извѣстнымъ родственникамъ камергера; объ этомъ же говорили адмиралъ Анраксивъ и Павелъ Ивановичъ Ягужинскій.

— Столѣтовъ у меня жилъ, рассказывалъ адмиралъ Петру Баку, — и Столѣтова я знаю: онъ бездѣльникъ, а имъ былъ недоделъ и сбѣлъ его съ двора.

— Брось ты Егора, убѣждалъ Ягужинскій Монса: — онъ твоимъ именовъ много шалить, чего ты и не знаешь.

— Ради-бога брось его отъ себя! со слезами умоляла Вилдима Ивановича вся его фамилія: — буде не бросишь, то этотъ Столѣтовъ тебя укуситъ и ты отъ него пропадешь.

— Висѣлицъ-то много! самоувѣренно отвѣчалъ Вилдимъ Ивановичъ: — если Егоръ какую пакость сдѣлаеть, то... на мнѣ не имеешь ему висѣлицы.

Не одна увѣренность въ своей силѣ мѣшала Монсу «отбросить» болтавшаго, вороватаго и заносчиваго Столѣтова: этому мѣшало то обстоятельство, что онъ посвятилъ секретаря во всѣ тайны взяточничества; на его попеченіе возложены были многія дѣла, по которымъ Монсъ уже взялъ презенты и которыя събодательно надо было привести къ благополучному исходу; наконецъ Столѣтовъ вообще являлъ большія способности къ секретарской должности и былъ человѣкъ по своему времени довольно образованный: такъ онъ зналъ языки нѣмецкій, польскій, а на русскомъ пропалъ даже чувствительные романсы:

О, коль тягость голубю безъ перья летати,

Столь мнѣ безъ друга мила тошно пребывати. 2.

И теперь я младенька въ слезахъ унываю,

Что я друга сердечна давно не видаю. 2.

Никакой въ сердцѣ своемъ радости не маю,

Ниже моеи утѣхи въ себѣ обрѣтаю. 2.

Только всегда младенька горько болѣваю,

Что я безъ друга мила въ свѣтѣ сѣмъ горюю. 2.

Не могу въ сердцѣ своемъ радости имѣти,

Доколѣ друга мила не возмогу зрѣти. 2.

Языкъ бо мой не можетъ ни съ кѣмъ говорити

И очи мои не могутъ на инаго зрѣти. 2.

Точію звъ слезами себя утѣшаю,

Своего мила друга часто воспоминаю: 2.

• Чтѣ ты, любезный друже, меня покидаешь,

Никогда на горькую не воспоминаешь! 2.

Спомяни мя, сердечный другъ, вѣрвую дѣвицу,

Аки згибшую въ темномъ лѣсѣ голубицу, 2.

Ахъ также до всякаго часа тебя вспоминаю

И всегда непрестанно о тебѣ мысль маю! 2. (1)

Несмотря на чувствительность, высказываемую въ романахъ, Столѣтовъ не являлъ чувствительности въ обращеніи съ высшими; напротивъ, онъ велъ себя съ крайнею заносчивостью и «гордилъ» съ ними, такъ что его никто не любилъ.

Кромѣ Столѣтова, пособника во взяткахъ, Монсъ имѣлъ другого весьма полезнаго для себя помощника въ дѣлахъ чисто-дворцовыхъ: то былъ извѣстный Балакиревъ (2).

Стряпчій Хутынского монастыря Иванъ Балакиревъ вѣдалъ въ 1703 году сборомъ подушныхъ денегъ съ крестьянъ и монастырскими дѣлами по разнымъ приказаніямъ (3); вѣскольکو лѣтъ спустя онъ его выдѣлилъ гвардейскимъ солдатомъ. Солдатская лямка была тяжела Балакиреву; въ неисчерпаемой веселости своего характера, въ остроуміи, въ находчивости и способности ко всякаго рода шуткамъ и балагурству онъ нашолъ талантъ «принять на себя шутство» и этимъ самымъ, при посредствѣ Монсы, втереться ко двору его императорскаго величества. Вамъ извѣстны многочисленныя анекдоты о проицательности, умѣ, находчивости, смѣлости, правдолюбіи, добротѣ, честности и т. под. достоинствахъ придворнаго шута Балакирева. Все это рассказано въ нѣсколькихъ изданіяхъ «анекдотовъ» и все это болѣе нежели на-половину выдумка досужихъ владельцевъ площадныхъ книжонокъ. Вѣрно одно: что Балакиревъ умѣлъ пользоваться обстоятельствами, умѣлъ дѣлаться полезнымъ разнымъ придворнымъ, былъ дѣйствительно изъ шутовъ не

(1) Въ бумагахъ Столѣтова сохранилось много стихотвореній; всѣ они въ чувствительномъ родѣ: въ нихъ воспѣвается супружеская вѣрность, любовь, высказывается ревность дѣвицы-голубицы, тоска, или мольба къ Богу. Въ прилож. XI № 1 и 2 помѣщено два образчика имъ написанныхъ стихотвореній. Есть стихотворенія — буквальныя переводы чуть ли не съ нѣмецкаго, быть-можетъ съ тѣхъ виршей Монсы, которые не дошли до насъ; есть наконецъ пѣсни малорусскія: вѣроятно Столѣтовъ, какъ любитель поэзіи, записалъ ихъ со словъ какого-нибудь парня или дѣвицы. Въ его же и монсовыхъ бумагахъ сохранился длинный реестръ разныхъ книгъ богословскаго и преимущественно историческаго содержанія, на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ. Кому принадлежали означенныя въ реестрѣ книги — Монсу ли, его ли секретарю, или кому-нибудь другому — неизвѣстно.

(2) Замѣтимъ кстати, что даже дворецкій Монсы, Иванъ Кузьминъ, получалъ иногда подарки, доходившіе до 50 р. б. одновременно, зато что брался обдѣлывать кой-какія дѣлишки чрезъ своего могучаго господина.

(3) Роспись Хутынь монастыря стряпчаго Ивана Балакирева задержаннымъ имъ деньгамъ по монастырскому дѣлу на приказные расходы; роспись его же о сборѣ съ крестьянъ подушныхъ денегъ. 1703 г. № 491, 504.

можешь, на всѣмъ видѣ высока добродѣтели и великое значеніе его шутокъ — для расстраиванія черныхъ думъ Петра, для спасенія виновныхъ и проч., — все это разлетается дымомъ при первомъ знакомствѣ съ подлинными документами.

Какъ умный человекъ, Балакиревъ втерся подъ крылышко Монса; у него онъ былъ домашнимъ человекомъ, служилъ разсмысленнымъ между нимъ и Екатериной, высматривалъ и выслушивалъ для него о разныхъ дворцовыхъ дѣлахъ, словомъ былъ его клиентъ, расторопный, но къ несчастью Монса, подобно Столѣтову, невоздержанъ на языкъ.

Такими были главные изъ ближнихъ клиентовъ Монса. Познакомившись съ ними, заѣдемъ съ однимъ изъ нихъ, съ Балакиревымъ, къ его пріятелю — обоемаго дѣла ученику, къ Ивану Ивановичу Суворову.

Балакиревъ не въ духѣ.

— Письма я вожу въкоторыя изъ Преображенскаго къ Владимиру Монсу нужны, говорилъ шутъ, — а мнѣ такіа письма скучныя, и опасенъ отъ нихъ: мнѣ (вѣдь) первому пропадать будетъ.

— Отъ кого-жъ тѣ письма и какія?

— А вотъ Егоръ Столѣтовъ домогается ключи у Монса отъ кабинета его (взять), продолжалъ Балакиревъ послѣ некотораго молчанія и уклоняясь отъ прямого отвѣта: — а въ томъ кабинетѣ нужны письма лежать, и Монсъ еще Егору въ томъ не вѣрить. Я же вотъ — хвастаю шутъ — въ великомъ кредитѣ у Монса: что хочу у него, то и дѣлаю.

Разговоръ этотъ происходилъ 28 апрѣля 1724 года въ селѣ Покровскомъ, гдѣ проживалъ въ то время Монсъ и куда приносились записки изъ Преображенскаго, резиденціи Екатерины (1).

Суворовъ зналъ не отъ одного Балакирева о «опасномъ» романѣ. Былъ у него однажды «Мишка», слуга царскаго денщика Носпѣлова. Между прочю болтовнею Суворовъ замѣтилъ:

— Куда-де какія причины дѣлаются во дворѣ! Какъ это Монсъ очень (-то ужъ) смелъ сталъ!

— Я еще лучше причину знаю, отвѣтилъ Мишка: — Кобыляковой женѣ (служавицѣ государыни) табакерку дали. И она ту табакерку бросила, говоря: «мнѣ-де въ этомъ пропасть! я-де донесу, какъ хотите!»

Подобныхъ извѣстій Суворовъ, какъ надо думать, набрался и отъ другихъ служителей и служанокъ; свѣдѣніями своими онъ не-

(1) Кто писалъ эти записки? Не Матрена ли Ивановна Балъ, неотлучно бывшая при государынѣ?

заехали подъехать съ своимъ товарищемъ Михайломъ Ершовымъ. Михайль заочевалъ съ 26 на 27 апрѣля у Суворова; въ полной тишинѣ между пріятелями завязалась интимная бесѣда.

— Нѣкоторое письмо — говорилъ хозяинъ — перелетѣло нужное изъ Преображенскаго въ Покровское къ Монсу. Я самъ видѣлъ у него подмоченныхъ писемъ много; оныя не опасно лежали, такъ что люди, которымъ не надлежало видѣть тѣхъ писемъ, могутъ смотрѣть, чего секретарю, какъ Столѣтовъ, не надлежитъ дѣлать; а когда сушили тѣ письма, тогда унесъ Егоръ Михайловъ (Столѣтовъ) изъ тѣхъ писемъ одно письмо смальнянское, что и рта развуть боится. И говорили Монсу сестра его Балкша, Петръ Балкъ и Степанъ Лопухинъ, чтобъ онъ Егора отъ себя отбросилъ.

— А что те за письмо? спрашивалъ Ершовъ.

— Хорошенькое письмо! Отдалъ его Егоръ Алексѣю Макарову, а Алексѣй отдалъ Василю Поспѣлову.

Нѣсколько дней спустя, въ первыхъ числахъ мая 1724 года встрѣтился Суворовъ съ своимъ знакомымъ — Борисомъ Смирновымъ у сената, который былъ въ то время въ Покровскомъ.

— Гдѣ ты былъ? спросилъ Смирновъ.

— Въ сенатѣ, для подавння челобитной о себѣ просительной, о причтеніи въ добрыхъ людей.

— Ты бы челобитную-то подавъ Монсу.

— Окасаюсь, отвѣчалъ Смирновъ: — чаю его себѣ неблагодытелемъ, понеже и въ панинѣ дѣлѣ Монсъ его, паниной, сторони былъ.

— Виллимъ (-то Монсъ)? Хорошъ! говорилъ Суворовъ. — Хорошо его поддѣли на арканъ! Живеть (вишь) у него секретарь его, который все что онъ ни дѣлаеть — записываетъ.

— Что во многихъ искать! передавалъ потомъ эту новость Смирновъ Ершову: — что во многихъ искать! И лучшаго-то — Монса — Егорка поддѣнилъ на арканъ.

Странно было бы, еслибы въ тогдашнее время изъ всѣхъ этихъ собесѣдниковъ о вещахъ «вельми противныхъ» не нашлось бы ни одного извѣтчика. Такимъ объявился Михайль Ершовъ. Страхъ ли наказанія за то, что о слышанныхъ словахъ не донесъ, надежда ли на награду, желанье ли погубить ненавистнаго всѣмъ имъ Егору Столѣтова изъ чего-бы то нибыло, только Ершовъ рѣшился подѣть доносъ.

Рѣшеніе его однако не могло скоро осуществиться: этому помѣшала коронація. Начался рядъ празднествъ, всѣ были заняты и едвали кому охота была принимать, а тѣмъ болѣе розыскивать по доносу. Но вотъ шумъ и суетня великихъ торжествъ угоня-

лись; придворные заговорили о скоромъ отъѣздѣ царской фамиліи въ Петербургъ, начались сборы; государыня и ея дочери принимали уже прощальные визиты герцога голштинскаго и другихъ знатныхъ персонъ. Ершовъ побоялся далѣе мѣшкать, и во вторникъ 26 мая подалъ доносъ.

«Я, Михѣй Ершовъ, — писалъ извѣтчикъ, — объявляю: сего 1724 года апрѣля 26 числа ночевалъ я у Ивана Иванова-сына Суворова, и между прочими разговорами говорилъ Иванъ мнѣ, что когда сушили письма Виллима Монса, тогда де унесъ Егоръ Михайловъ изъ тѣхъ писемъ одно письмо сильненькое, что и рта разинуть боится...» Наконецъ добавилъ замѣчаніе Смирнова: Егорка-де подцѣпилъ Монса на арканъ.

Допросили Смирнова; тотъ подтвердилъ о своемъ разговорѣ съ Суворовымъ у сената. Дѣло первой важности. Тутъ не извѣтъ на какое-нибудь пьяное слово, будтобы вредительное къ чести его императорскаго величества: тутъ дѣло идетъ нешуточное, указывается на письменный документъ, называются лица, и лица все близкія, довѣренныя Петру. Чтожъ, въ тотъ же день ихъ призвали къ допросу, арестовали, застѣнокъ огласился воплями истязуемыхъ? — Ничего небывало. Кому поданъ доносъ, кто выслушивалъ объявленіе Ершова, гдѣ происходило съ нимъ объясненіе, наконецъ почему немедленно не допросили оговоренныхъ въ немъ, если не Макарова и Поспѣлова, то менѣе важное лицо — Ивана Суворова, — всѣ эти вопросы остаются неразрѣшенными. Довось точно кавулъ въ воду. Петръ не узналъ о немъ. Но человекъ, рѣшившійся скрыть извѣтъ и наложить молчаніе на Ершова и Смирнова, какъ кажется, немедленно далъ знать о всемъ случившемся Екатеринѣ.

Она въ это время наслаждалась полнѣйшимъ счастіемъ. Каждый день маленькій домикъ Преображенской слободы наполнялся именитыми гостями; угощеніе не прекращалось; самъ государь былъ какъ нельзя болѣе въ духѣ все время, щеголялъ — ради коронованной хозяйки — въ новыхъ французскихъ кафтанахъ, и ради веселья и собственнаго счастья радушно поимъ всѣхъ и каждого изъ собственныхъ рукъ. Словомъ Екатерина была весела, спокойна, довольна и пользовалась вождѣльнымъ здоровьемъ. Вдругъ 26 мая, во вторникъ, когда Петръ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, съ Екатериной дѣлается сильнѣйшій припадокъ, родъ удара. Большой немедленно пустила кровь; она очень ослабѣла, такъ что отдавъ былъ приказъ по церквамъ — въ продолженіи недѣли пѣть молебны за ея выздоровленіе. 31 мая ей опять стало хуже.

Государь, незная причины болѣзни, былъ довольно спокоенъ,

бѣжать на желѣзные заводы, и 16 июня, лишь только замѣтитъ, что женѣ лучше, оставилъ ее оправляться, а самъ посрѣдился въ дорогое для него петербургское болото.

Здѣсь-то, шесть мѣсяцевъ спустя, вновь вынырнулъ страшный доносъ Ершова.

ВРЕХАНЪ СЕМЕВСКІЙ

(Окончаніе слѣдуетъ)

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

VII

ПРЕТЕНЗІЯ

Начиная эту главу, издатель записокъ покойнаго Александра Петровича Горянчикова считаетъ своею обязанностью сдѣлать читателямъ слѣдующее сообщеніе.

Въ первой главѣ «Записокъ изъ Мертваго Дома» сказано нѣсколько словъ объ одномъ отцеубійцѣ, изъ дворянъ. Между прочимъ онъ поставленъ былъ въ примѣръ того, съ какой безчувственностью говорятъ иногда арестанты о совершенныхъ ими преступленіяхъ. Сказано было тоже, что убійца не сознался передъ судомъ въ своемъ преступленіи, но что, судя по рассказамъ людей, знавшихъ всѣ подробности его исторіи, факты были дотого ясны, что невозможно было не вѣрить преступленію. Эти же люди рассказывали автору «Записокъ», что преступникъ поведенія былъ совершенно безнужнаго, ввязался въ долги, и убилъ своего отца, жаждая послѣ него наслѣдства. Впрочемъ весь городъ, въ которомъ прежде служилъ этотъ отцеубійца, рассказывалъ эту исторію одинаково. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ издатель «Записокъ» имѣетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ въ «Запискахъ» сказано, что въ острогѣ убійца былъ востановно въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа; что это былъ избалованный, легкомысленный, неразсудительный въ высшей степени человѣкъ, хотя отнюдь не глупецъ, и что авторъ «Записокъ» никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. И тутъ же прибавлены слова: «Разумѣется я не вѣрилъ этому преступленію.»

На днях издатель «Записокъ изъ Мертваго Дома» получилъ увѣдомленіе изъ Сибири, что преступникъ былъ дѣйствительно правъ и десять лѣтъ страдалъ въ каторжной работѣ напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящіе преступники нашлись и сознались, и что несчастный уже освобожденъ изъ острога. Издатель никакъ не можетъ сомнѣваться въ достоверности этого извѣстія...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубинѣ трагическаго въ этомъ фактѣ, о загубленной еще смолоду жизни, подѣ такимъ ужаснымъ обвиненіемъ. Фактъ слишкомъ понятенъ, слишкомъ поразителенъ самъ по себѣ.

Мы думаемъ тоже, что если такой фактъ оказался возможнымъ, то уже самая эта возможность прибавляетъ еще новую и чрезвычайно яркую черту къ характеристикѣ и полнотѣ картины Мертваго Дома.

А теперь продолжаемъ.

Я уже говорилъ прежде, что я наконецъ освободился съ меншею положеніемъ въ острогѣ. Но это «наконецъ» совершалось очень туго и мучительно, слишкомъ мало-помалу. Въ оущности мнѣ надо было почти годъ времени для этого, и это былъ самый трудный годъ моей жизни. Оттого-то онъ такъ весь, нѣдвонъ и уложился въ моей памяти. Мнѣ кажется, а каждый часъ этого года помню въ последовательности. Говорилъ я тоже, что *привыкнуть* къ этой жизни не могли и другіе арестанты. Помните, какъ въ этотъ первый годъ я часто размышлялъ про себя: «кто она, какъ? неужели могли привыкнуть? неужели спокойны?» И вопросы эти очень меня занимали. Я уже упоминалъ, что всѣ арестанты жили здѣсь какъ бы не у себя дома, а какъ-будто на постояломъ дворѣ, на походѣ, на этапѣ какомъ-то. Люди, присланные на всю жизнь, и тѣ суетились или тосковали, и умъ не премѣнно каждый изъ нихъ про себя мечталъ о чемъ-нибудь почти невозможномъ. Это всегдашнее беспокойство, выказывавшееся хоть и молча, но видимо; эта странная горячность и истеричность иногда невольно высказанныхъ надеждъ, подчасъ до того неосновательныхъ, что онѣ какъ бы выходили за бредъ и, что болѣе всего поражало, уживавшихся вервѣко въ

самыхъ практическихъ повидимому умахъ, — все это придавало необьякновенный видъ и характеръ этому мѣсту, дотого, что можетъ-быть эти-то черты и оставляли самое характерное его свойство. Какъ-то чувствовалось, почти съ перваго взгляда, что этого нѣтъ за острогомъ. Тутъ всё были мечтатели и это бросалось въ глаза. Это чувствовалось болѣзненно, именно потому, что мечтательность сообщала большинству острога видъ угрюмый и мрачный, нездоровый какой-то видъ. Огромное большинство было молчаливо и злобно до ненависти, не любило выставлять своихъ надеждъ напоказъ. Простодушіе, откровенность были въ презрѣніи. Чѣмъ несбыточнѣе были надежды и чѣмъ больше чувствовалъ эту несбыточность самъ мечтатель, тѣмъ упорнѣе и цѣломудреннѣе онъ ихъ таилъ про себя, но отказать отъ нихъ онъ не могъ. Кто знаетъ, можетъ-быть иной стыдился какъ про себя. Въ русскомъ характерѣ столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмѣшки надъ перыиъ собою... Можетъ-быть отъ этого постоянного затерянаго недовольства собою и было столько нетерпѣливости у этихъ людей въ повседневныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, столько непримиримости и насмѣшки другъ надъ другомъ. И если напримѣръ высказывалъ вдругъ, изъ нихъ же, какой-нибудь повавиѣе и нетерпѣливѣе, и высказывалъ иной разъ вслухъ то, что у всѣхъ было про себя на умѣ, дускался въ мечты и надежды, то его тотчасъ же грубо осаживали, обрывали, осѣивали; но сдается мнѣ, что самые рьяные изъ преслѣдователей были именно тѣ, которые можетъ-быть сами-то еще дальше него пошли въ своихъ мечтахъ и надеждахъ. На наивныхъ и простоватыхъ, я сказалъ уже, смотрѣли у насъ всё вообще какъ на самыхъ пошлыхъ дураковъ и относились къ нимъ презрительно. Каждый былъ дотого угрюмъ и самолюбивъ, что начиналъ презирать человека добраго и безъ самолюбія. Кромѣ этихъ наивныхъ и простоватыхъ болтуновъ всё остальные, то-есть молчаливые, рѣдко раздѣляясь на добрыхъ и злыхъ, на угрюмыхъ и свѣтлыхъ. Угрюмыкъ и злыхъ было несравненно больше; если-же изъ нихъ и случались иные ужъ такъ по природѣ своей газеруны, то всё они непремѣнно были безокошые сидевники и трележные завистливыи. До всего чужого имъ было дѣло, хотя своей собственной души, своихъ собственныхъ тайныхъ дѣлъ и опи никому не выдавали напоказъ. Это было не въ

модѣ, непринято. Добрые — очень маленькая кучка — были тихи, молчаливо таили про себя свои упования и разумеется больше мрачных склонны были къ надеждѣ и вѣрѣ въ нихъ. Впрочемъ, сдается мнѣ, что въ острогѣ былъ еще отдѣлъ: вполне отчуждавшихся. Таковъ былъ наприимѣръ и старикъ изъ Стародубскихъ слободъ; во всякомъ случаѣ такихъ было очень мало. Старикъ былъ съ виду спокоенъ (я уже говорилъ о немъ), но по нѣкоторымъ признакамъ я полагаю, душевное состояніе его было ужасное. Впрочемъ у него было свое спасеніе, свой выходъ: молитва и идея о мученичествѣ. Сопедашій съ ума, зачитавшійся библіи арестантъ, о которомъ я уже упоминалъ и который бросился съ кирпичемъ на майора, вѣроятно тоже былъ изъ отчуждавшихся, изъ тѣхъ, кого покинула послѣдняя надежда; а такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ. Онъ объявлялъ, что онъ бросился на майора безъ злобы, а единственно желая принять мундиръ. И кто знаетъ какой психологическій процессъ совершился тогда въ душѣ его? Безъ какой-нибудь цѣли и стремленія къ ней не живетъ ни одинъ живъ человѣкъ. Потерявъ цѣль и надежду, человѣкъ съ тоской обращается нерѣдко въ чудовище... Цѣль у всѣхъ нашихъ была свобода и выходъ изъ каторги.

Впрочемъ вотъ я теперь сяду съ подвести шель нашу острогъ подъ разряды; но возможно ли это? Дѣйствительность безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми даже и самыми хитрѣйшими выводами отвлеченной мысли и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ разлеченій. Дѣйствительность стремится къ раздробленію. Жизнь своя особенная была и у насъ, хоть какъ-нибудь, да все-же была, и не одна официальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

Но какъ уже и упоминалъ я отчасти, я не могъ и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ впечатлѣнія прозябанія были для меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдалицей, какъ я. Я даже завидовалъ имъ и обвинялъ судьбу. Я завидовалъ имъ не тому, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, поминуютъ друга друга, хотя въ сущности имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надобно и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, отъ насиль-

на сартель и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону. Повторяю опять, эта зависть, посѣщавшая меня въ минуты злобы, имѣла свое законное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ положительно неправы тѣ, которые говорятъ, что дворянину, образованному и т. д. совершенно одинаково тяжело въ нашихъ каторгахъ и острогахъ, какъ и всякому мужику. Я знаю, я слышалъ объ этомъ предположеніи въ послѣднее время, я читалъ про это. Основаніе этой идеи вѣрное, гуманное. Всѣ люди, всѣ человѣки. Но идея-то слишкомъ отвлеченная. Упущено изъ виду очень много практическихъ условій, которыя иначе можно понять, какъ въ самой дѣйствительности. Я говорю это не потому, что дворянинъ и образованный будто-бы чувствуютъ утѣченіе, больше, что они болѣе развиты. Душу и развитіе ея трудно подводить подъ какой-нибудь данный уровень. Даже само образованіе въ этомъ случаѣ не мѣрка. Я первый готовъ свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчалъ черты самаго утонченнаго развитія душевнаго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какбы глаза отарываются и въ первую минуту даже не вѣрите тому, что вы сами увидѣли и услышали. Бываетъ и обратное: образованіе ужинается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзятъ и какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій.

Не говорю я тоже ничего о перебивѣ привычекъ, образа жизни, пище, и проч., что для человѣка изъ высшаго слоя общества конечно тяжелѣе, чѣмъ для мужика, который нѣдавно годдалъ на волю, а въ острогѣ по крайней-мѣрѣ сыто навдася. Не буду и объ этомъ спорить. Цѣлоложимъ, что человѣку хоть не много силаному, волей все это вздоръ сравнительно съ другими неудобствами, хотя въ сущности перебивъ привычекъ дѣло все не вздорное и не послѣднее. Но есть неудобства, передъ которыми все это блѣднѣетъ, потому что не обращаешь вниманія ни на грязь содержанія, ни на тиски, ни на тощую, неопрятную

пищу. Самый гладенькой бѣлоручка, самый нѣжисшій, иѣшонка, поработавъ день въ потѣ лица, такъ, какъ онъ никогда не работавъ на свободѣ, будетъ ѣсть и черный хлѣбъ, и щи съ тараконами. Къ этому еще можно привыкнуть, какъ и упомянуто въ юмористической арестантской нѣснѣ о прежнемъ бѣлоручкѣ, новашемъ въ каторгу:

Дадутъ капусту мнѣ съ водою —
И ѣмъ, такъ за ушми трещить.

Нѣтъ; важнѣе всего атого то, что всякій изъ новоприбывающихъ въ острогѣ, черезъ два часа по прибытіи становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится *у себя дома*; такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артеди, какъ и всякой другой. Онъ всѣмъ помятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, и всѣ считаютъ его за *своего*. Не то къ *благороднымъ*, съ дворянствомъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не воймутъ, и главное — не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хотъ и достигнетъ онъ наконецъ, съ годами того, что его обижать не будутъ, но все-таки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, безсознательно. Не своей человѣкъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Тагаурога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдеть тамъ таюго же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, и черезъ два часа они пожалуй заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ одной избѣ или въ одномъ шалашѣ. Не то для благородныхъ. Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею безидей, и это замѣчается *вполнѣ* только тогда, когда *благородный* видитъ самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишиться прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Дето, хотъ всю жизнь свою знайтеся съ народомъ, хотъ сорокъ лѣтъ средю каждый день сходитеся съ нимъ, по службѣ, напрямѣръ, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ: просто подружески, въ видѣ благодѣтеля и въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, — ни когда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптическій обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ.

читаю мое замѣчаніе скануть, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что оно вѣрно. Я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ действительности и имѣлъ очень довольно времени, чтобъ проверить мои убѣжденія. Можетъ-быть впоследствии всѣ узнаютъ до какой степени это справедливо...

Событія какъ нарочито съ перваго шагу подтверждали мои наблюденія и нервно и болѣзненно дѣйствовали на меня. Въ это первое лѣто я скитался по острогу почти одинокъ—однихонекъ. Я сказалъ уже, что былъ въ такомъ состояніи духа, что даже не могъ отличить и отличать тѣхъ изъ каторжныхъ, которые могли бы любить меня, которые и любили меня впоследствии, хоть и никогда не сходились со мною на ровную ногу. Были товарищи и мнѣ, изъ дворянъ, но не снимало съ души моей всего бремени это товарищество. Не смотрѣлъ бы ни на что кажется, а бѣжать куда. И вотъ напролѣтъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые съ перваго разу наиболѣе дали мнѣ понять мою отчужденность и особенность моего положенія въ острогѣ. Однажды, въ это же лѣто, уже къ августу мѣсяцу, въ будній ясный и жаркій день, въ первомъ часу пополудни, когда по обыкновенію всѣ отдыхали мораль послѣобѣденной работой, вдругъ вся каторга подвинулась какъ одинъ человѣкъ и начала строиться на острожномъ дворѣ. Я ни о чемъ не зналъ до самой этой минуты. Въ это время, подчасъ я до того бывалъ углубленъ въ самого себя, что почти не замѣчалъ, что вокругъ происходитъ. А между тѣмъ каторга уже давно три-четыре волновалась. Можетъ-быть и гораздо раньше началось это волненіе, какъ сообразилъ я уже потомъ, невольно припомнивъ кое-что изъ арестантскихъ разговоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленную сварливость арестантовъ, угрюмость и особенно—особенное состояніе, замѣчавшееся въ нихъ въ послѣднее время. Я приписывалъ это тяжелой работѣ, скучнымъ, длиннымъ лѣтнимъ днямъ, невольнымъ мечтамъ о лѣсахъ и о вольной волости, короткимъ ночамъ, въ которыя трудно было въ волю выпастыся. Можетъ-быть все это и соединилось теперь вмѣстѣ, въ одинъ взрывъ, но предлогъ этого взрыва былъ — нища. Уже нѣсколько дней въ послѣднее время громко жаловались, негодовали въ извергахъ и особенно сходясь къ кухнѣ за обѣдомъ и ужиномъ, были недовольны стряпками, даже попробовали смѣнить одного изъ нихъ, но тотчасъ прогнали новаго и во-

ротажи старого. Однимъ словомъ всё были въ какомъ-то безно-
койномъ настроеніи духа.

— Работа тяжолая, а насъ брюшной кормятъ, заворачивать
бывало кто-нибудь на култъ.

— А пенравится, такъ бламанже закажи, подхватить другой.

— Ши съ брюшной, братцы, я очинно люблю, подхваты-
ваетъ третій, — потому скусны.

— А какъ все время тебя одной брюшной кормить, будетъ
скусно?

— Оно конечно, теперь мясная нора, говорить четвертый:—
мы на заводѣ-то маемся-маемся, послѣ урка-то жрать хочется. А
брюшина какая ѣда!

— А не съ брюшной, такъ съ усердіемъ (!).

— Вотъ хоть-бы еще взять это усердіе. Брюшина да усердіе
только одно и наладили. Это какая ѣда! Есть тутъ правда, а
нѣтъ?

— Да, кормъ влохой.

— Карманъ-то набиваетъ небось.

— Не твоего ума это дѣло.

— А чьего же? Брюхо-то мое. А всё-бы міромъ сказать
претензію, и было бы дѣло.

— Претензію?

— Да.

— Мало тебя знать за еоту претензію прежде драли. Статуй!

— Оно правда, прибавляетъ ворчливо другой, до сихъ поръ
молчаливый, — хоть и скоро да не скоро. Что говорить-то на
претензіи будешь, ты вотъ что сперва скажи, голова съ замы-
комъ?

— Ну и скажу. Коли-бъ всё пошло, и я-бъ тогда со всіми
говоралъ. Бѣдность значить. У насъ кто свое ѣсть, а кто и на
одномъ казенномъ сидитъ.

— Ишь, завидокъ востроглазый! Разгорѣлись глаза на чужое
добро.

— На чужой кусокъ не разѣвай ротокъ, а рашине вставай
да свой затѣвай.

— Затѣвай!.. И съ тобой до съдыхъ волосъ въ еотемъ дѣлѣ

(!) То-есть съ осердіемъ. Арестанты въ насѣшку выговаривали: съ усер-
діемъ.

торговаться буду. Значить ты богатый, коли сложа руки сидѣть хочешь?

— Богатъ Ерощка, есть собака да кошка.

— А и вправду, братцы, чего сидѣть! Значить полно ихнимъ дурачествамъ подражать. Шкуру деруть. Чего нейти?

— Чего! Тебѣ небось разжуй, да въ ротъ положи; привыкъ жованое ѣсть. Значить каторга — вотъ отчего!

— Выходить что: поессоръ Божѣ народъ, накорми воеводи.

— Оно самое. Растолстѣлъ восьмиглазый. Пару сврыхъ кушлъ.

— Ну и не любить выпить.

— Намѣднись съ ветиринаромъ за картами подрались. Всю ночь козыряли. Нашъ-то два часа прожилъ на куланахъ. Федька ставывалъ.

— Оттого и щи съ усердіемъ.

— Эхъ вы дураки! Да не съ нашимъ мѣстомъ выходить-то:

— А вотъ выдти всѣмъ, такъ посмотримъ какое онъ оправданіе произнесетъ. На томъ и стоять.

— Оправданіе! Онъ тебя по идоламъ (1), да и былъ таковъ.

— Да еще подъ судъ отдадутъ...

Однимъ словомъ всѣ волновались. Въ это время дѣйствительно у насъ была плохая ѣда. Да ужъ и все одно къ одному прибавило. А главное — общій тоскливый настрой, всегдашняя затѣнная мука. Каторжный сварливъ и подымчивъ уже по природѣ своей; но поднимаются всѣ вмѣстѣ или большой кучей рѣдкѣ. Причиной тому всегдашнее разногласіе. Это всякой изъ нихъ самъ чувствовалъ: вотъ почему и было у насъ больше руготни, нежели дѣла. И однакожъ въ этотъ разъ волненіе не прѣшло даромъ. Начали собираться по кучкамъ, толковали по казармамъ, ругались, припоминали со злобой все управленіе нашего майора, выѣдывали всю подноготную. Особенно волновались нѣкоторые. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ всегда являются зачинщики, коноводы. Коноводы въ этихъ случаяхъ, то-есть въ случаяхъ претензій — вообще презамѣчательный народъ, и не въ одномъ острогѣ, а во всѣхъ артеляхъ, командахъ и проч. Это особенный типъ, повсемѣстно между собою схожій. Это народъ гбрычій, жаждущій справедливости и самымъ наивнымъ, са-

(1) По зубамъ.

нѣтъ честнымъ образомъ увѣренный въ ея непремѣнной, непре-
ложной, и главное немедленной возможности. Народъ этотъ не
глупѣ другихъ, даже бывають изъ шихъ и очень умные, но они
слишкомъ горячи, чтобъ быть хитрыми и расчетливыми. Во
всѣхъ этихъ случаяхъ, если и бывають люди, которые умѣють
ловко направить массу и выиграть дѣло, то ужъ эти составляютъ
другой типъ народныхъ вожаковъ и естественныхъ предводите-
лей его, типъ чрезвычайно у насъ рѣдкій. Но эти, про которыхъ
я теперь говорю, зачинщики и коноводы претензій, почти всегда
проигрываютъ дѣло и населяють за это потомъ остроги и катор-
ги. Черезъ горячку свою они проигрываютъ, но черезъ горячку
же, и вліяніе имѣють на массу. За ними наконецъ охотно идутъ.
Ихъ жаръ и честное негодование дѣйствуютъ на всѣхъ и водъ
конецъ самые нерѣшительные къ нимъ примыкають. Ихъ смѣ-
лая увѣренность въ успѣхъ соблазняетъ даже самыхъ закоренѣ-
лыхъ скептиковъ, несмотря на то, что иногда эта увѣренность
имѣетъ такіа шаткія, такіа младенческія основанія, что двинь-
ся вчужѣ какъ это за ними пошли. А главное то, что они идутъ
первые и идутъ ничего не боясь. Они какъ быки бросаются пра-
мо внизъ рогами, часто безъ знанія дѣла, безъ осторожности,
безъ того практическаго езутизма, съ которымъ нерѣдко даже
самый подлый и замаранный человѣкъ выигрываетъ дѣло, до-
стигаетъ цѣли и выходитъ сухъ изъ воды. Они же непремѣнно
ломають рога. Въ обыкновенной жизни это народъ жолчный,
брезгливый, раздражительный и нетерпимый. Чаше же всего
ужасно огравиченный, что впрочемъ отчасти и составляетъ ихъ
силу. Досаднѣе же всего въ нихъ-то, что вмѣсто прямой цѣли,
они часто бросаются вкось, вмѣсто главнаго дѣла на мелочи.
Это-то ихъ и губить. Но они понятны массамъ; въ этомъ ихъ
сила... Впрочемъ надо сказать еще два слова о томъ: что такое
значить *претензія*?

.. Въ нашемъ острогѣ было нѣсколько человѣкъ такихъ, кото-
рые пришли за претензію. Они-то и волновались наиболѣе. Осо-
бенно одинъ, Мартыновъ, служившій прежде въ гусарахъ, го-
рячій, безпокойный и подозрительный человѣкъ, впрочемъ че-
стный и правдивый. Другой былъ Василій Антоновъ, человѣкъ
какъ-то хладнокровно раздражавшійся, съ наглымъ взглядомъ,
съ высокоумною саркастическою улыбкой, чрезвычайно разви-
той, впрочемъ тоже честный и правдивый. Но всѣхъ не перебе-

рши; много ихъ было. Петровъ между прочимъ такъ и сновалъ назадъ и впередъ, прислушивался ко всѣмъ кучкамъ, мало говорилъ, но видимо былъ въ волненіи и первый выскочилъ изъ казармы, когда начали строгаться.

Нашъ осторожный унтеръ-офицеръ; исправлявшій у насъ должность фельдфебеля, тотчасъ же вышелъ испуганный. Построившись, люди вѣжливо попросили его сказать майору, что каторга желаетъ съ нимъ говорить и лично просить его насчетъ вѣкоторыхъ пунктовъ. Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ вышли и всѣ инвалиды и построились съ другой стороны, напротивъ каторги. Порученіе, данное унтеръ-офицеру, было чрезвычайное и повергло его въ ужасъ. Но не доложить немедленно майору онъ не смѣлъ. Впервыхъ ужь если поднялась каторга, то могло выйти и что-нибудь хуже. Все начальство наше насчетъ каторги было какъ-то усиленно-трусливо. Вовторыхъ, еслибъ даже и ничего небыло, такъ что всѣ бы тотчасъ же одумались и разошлись, то и тогда бы унтеръ-офицеръ немедленно долженъ былъ доложить о всемъ происходившемъ начальству. Блѣдный и дрожащій отъ страха отправился онъ поспѣшно къ майору, даже и не пробуя самъ спрашивать и увѣщевать арестантовъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ теперь и говорить—то не стануть.

Совершенно незная ничего, и я вышелъ строиться. Всѣ подробности дѣла я узналъ уже потомъ. Теперь же, я думалъ, происходитъ какая-нибудь повѣрка; но невидя караульныхъ, которые производятъ повѣрку, удивился и сталъ осматриваться кругомъ. Лица были взволнованныя и раздраженные. Иные были даже блѣдны. Всѣ вообще были озабочены и молчаливы въ ожиданіи того, какъ-то придется заговорить передъ майоромъ. Я замѣтилъ, что многіе посмотрѣли на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, но молча отворотились. Имъ было видимо странно, что и я съ ними построился. Они очевидно не вѣрили, чтобъ и я тоже показывалъ претензію. Вскорѣ однакожъ почти всѣ бывшіе кругомъ меня стали снова обращаться ко мнѣ. Всѣ глядѣли на меня вопросительно.

— Ты здѣсь зачѣмъ? грубо и громко спросилъ меня Василій Антоновъ, стоявшій отъ меня подальше другихъ и до сихъ поръ всегда говорившій мнѣ *вы* и обращавшійся со мной вѣжливо.

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи, все еще стараюсь по-

нять, что́ это значить и уже догадываюсь, что происходитъ что-то необыкновенное.

— Въ самомъ дѣлѣ, чего тебѣ здѣсь стоять? слушай: въ казарму, проговорилъ одинъ молодой паренъ, изъ военныхъ, съ которымъ я до сихъ поръ вовсе былъ незнакомъ, малый добрый и тихій. — Не твоего ума это дѣло.

— Да вѣдь строятся, отвѣчалъ я ему: — я думаю повѣрка.

— Ишь тоже выползъ, крикнулъ одинъ.

— Желѣзный носъ, проговорилъ другой.

— Муходавы! проговорилъ третій съ невыразимымъ презрѣніемъ. Это новое прозвище вызвало всеобщій хохоть.

— При милости на кухнѣ состоитъ, прибавилъ еще кто-то.

— Имъ вездѣ рай. Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ да поросать покупають. Ты вѣдь собственное ѣшь; чего жъ сюда лѣзешь?

— Здѣсь вамъ не мѣсто, проговорилъ Куликовъ, развязно подходя ко мнѣ; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ рядовъ.

Самъ онъ былъ блѣденъ, черные глаза его сверкали и нижняя губа была закусана. Онъ не хладнокровно ожидалъ майора. Кстати: я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя. Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ. Мнѣ кажется онъ и на казнь бы пошолъ съ нѣкоторымъ шикомъ, щеголеватостью. Теперь, когда всѣ говорили мнѣ ты и ругали меня, онъ видимо нарочно удвоилъ свою вѣжливость со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова его были какъ-то особенно, даже высокоумно настойчивы, нетерпѣвшія никакого возраженія.

— Мы здѣсь про свое, Александръ Петровичъ, а вамъ здѣсь нечего дѣлать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вонъ ваши всѣ на кухнѣ, идите туда.

— Подъ девятую сваю, гдѣ Антипка безпятый живетъ! подхватилъ кто-то.

Сквозь приподнятое окно въ кухнѣ я дѣйствительно разглядѣлъ нашихъ поляковъ; впрочемъ мнѣ показалось, что тамъ кромѣ нихъ много народу. Озадаченный я пошолъ на кухню. Смѣхъ, ругательства и тюканье (замѣнявшее у каторжныхъ свистокъ) раздались мнѣ вслѣдъ.

— Не понравились!.. тю-тю-тю! бери его!..

Никогда еще я не былъ до сихъ поръ такъ оскорбленъ въ

острогѣ, и въ этотъ разъ мнѣ было очень тяжело. Но я попалъ въ такую минуту. Въ сѣняхъ въ кухнѣ мнѣ встрѣтился Т—вскій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человекъ безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ разнчали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбръ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его.

— Что вы, Горянчиковъ, закричалъ онъ мнѣ: — идите сюда!

— Да что тамъ такое?

— Они претензію показываютъ, развѣ вы не знаете? Инъ разумѣется неудастся: кто повѣритъ каторжнымъ? Станутъ разыскивать зачинщиковъ, и если мы тамъ будемъ, разумѣется на насъ первыхъ свалятъ обвиненіе въ бунтѣ. Вспомните за что мы пришли сюда. Ихъ просто высѣнутъ, а насъ подѣ судѣ. Майоръ насъ всѣхъ ненавидитъ и радъ погубить. Онъ нами самъ оправдается.

— Да и каторжные выладутъ насъ головою, прибавилъ М—двій, когда мы вошли на кухню.

— Не беспокойтесь, не пожалѣютъ! подхватилъ Т—вскій.

Въ кухнѣ кромѣ дворянъ было еще много народу, всего человекъ тридцать. Всѣ они остались нежелая показывать претензію, — одни изъ трусости, другіе по рѣшительному убѣжденію въ полной бесполезности всякой претензіи. Былъ тутъ и Акимъ Акимычъ, закоренѣлый и естественный врагъ всѣхъ подобныахъ претензій, мѣшающихъ правильному теченію службы и благоправію. Онъ молча и чрезвычайно спокойно выжидалъ окончанія дѣла, нимале не тревожась его исходомъ, напротивъ совершенно увѣренный въ неминуемомъ торжествѣ порядка и воли начальства. Былъ тутъ и Исай Фомичъ, стоявшій въ чрезвычайномъ недоумѣніи, повѣсивъ носъ, жадно и трусливо прислушиваясь къ нашему говору. Онъ былъ въ большомъ безпокойствѣ. Были тутъ всѣ острожные полячки изъ простыхъ, прикнувшіе тоже къ дворянамъ. Было нѣсколько робкихъ личностей изъ русскихъ, народу всегда молчаливаго и забитаго. Выйти съ прочими они не осмѣлились и съ грустью ожидали чѣмъ кончится дѣло. Было наконецъ нѣсколько угрюмыхъ и всегда суровыхъ арестантовъ, народу неробкаго. Они остались по упрямому и брезгливому убѣжденію, что все это вздоръ и ничего кромѣ худого изъ этого дѣла не будетъ. Но мнѣ кажется, что

они все-таки чувствовали себя теперь какъ-то неловко, сморщили носомъ самоувѣренно. Они хотѣли и понимали, что совершенно правы насчетъ претензій, что и подтверждалось впоследствии, но все-таки сознавали себя какъ бы отщепенцами, оставившими артель, точно выдали товарищей плацъ-майору. Очутился тутъ и Елкинъ, тотъ самый хитрый мужичокъ-сибирякъ, пришедшій за фальшивую монету и отбившій ветеринарную практику у Куликова. Старичокъ изъ стародубовскихъ слободъ былъ тоже тутъ. Стряпки рѣшительно всѣ до единого остались на кухнѣ, вѣроятно по убѣжденію, что они тоже составляютъ часть администраціи, а слѣдственно и непримично имъ выходить противъ нея.

— Однако, началъ я нерѣшительно, обращаясь къ М-му, — кромѣ этихъ почти всѣ вышли.

— Да намъ-то что? проворчалъ Б.

— Мы во сто разъ больше ихъ рисковали бы, еслибъ вышли; а для чего? Je hais les brigands. И неужели вы думаете хоть одну минуту, что ихъ претензія состоится? Что за охота соваться въ шельпость?

— Ничего изъ этого не будетъ, подхватилъ одинъ изъ каторжныхъ, упрямый и озлобленный старичъ. Алмазовъ, бывший тутъ же, посиѣшилъ поддакнуть ему въ отвѣтъ.

— Окромѣ того, что пересѣкутъ съ полсотни, — ничего изъ этого не будетъ.

— Майоръ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то и всѣ жадно бросились къ окошкамъ.

Майоръ влетѣлъ злой, взбѣсившійся, красный, въ очкахъ. Молча, но рѣшительно подошелъ онъ къ фрунту. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствительно былъ смѣлъ и не терялъ присутствія духа. Впрочемъ онъ почти всегда былъ вполъбѣна. Даже его засаленная фуражка съ оранжевымъ околышкомъ и ирландскія серебряныя эпoletы имѣли въ эту минуту что-то зловѣщее. За нимъ шолъ писарь Дятловъ, чрезвычайно важная особа въ нашемъ острогѣ, въ сущности управлявшій всѣмъ въ острогѣ и даже имѣвшій вліяніе на майора, малый хитрый, очень собою умъ, но и не дурной человекъ. Арестанты были имъ довольны. Вслѣдъ за нимъ шолъ нашъ утеръ-офицеръ, очевидно уже успѣвшій получить страшнѣйшую распекацію и ожидавшій еще въдесятеро больше; за нимъ конвойные, три или четыре человекъ

не болѣе. Арестанты, которые стояли безъ фуражекъ кажется еще съ того самаго времени какъ послали за майоромъ, теперь всѣ выпрямились, подправились; каждый изъ нихъ преступилъ съ ноги на ногу, а затѣмъ всѣ такъ и замерли на мѣстѣ, ожидая перваго слова, или лучше сказать перваго крика вышшаго начальства.

Онъ немедленно послѣдовалъ: со втораго слова майоръ заоралъ во все горло, даже съ какимъ-то визгомъ на этотъ разъ: очень ужъ онъ былъ разбѣшонъ. Изъ оконъ намъ видно было какъ онъ бѣгалъ по фрунту, бросался, допрашивалъ. Впрочемъ вопросовъ его, равно какъ и арестантскихъ отвѣтовъ, намъ за дальностью мѣста не было слышно. Только и разслышали мы, какъ онъ внезапно кричалъ:

— Бунтовщики!.. сквозь строй... Зачинщики! Ты зачинщикъ! Ты зачинщикъ! накинулся онъ на кого-то.

Отвѣта не было слышно. Но черезъ минуту мы увидѣли какъ арестантъ отбѣгнулся и отправился въ кордегардію. Еще черезъ минуту отправился вслѣдъ за нимъ другой, потомъ третій.

— Всѣхъ подь судъ! я васъ! Это кто тамъ на кухнѣ? взвизгнувъ онъ, увидя насъ въ отворенныя окошки. — Всѣхъ сюда! гнать ихъ сейчасъ сюда!

Диссаръ Дятловъ отправился къ намъ на кухню. Въ кухнѣ скарала ему, что не имѣютъ претензій. Онъ немедленно воротился и положилъ майору.

— А, не имѣютъ! проговорилъ онъ двумя тонами ниже, видимо обрадованный. — Все равно, всѣхъ сюда!

Мы вышли. Я чувствовалъ, что какъ-то совѣстно намъ выходить. Да и всѣ шли точно понуривъ голову.

— А, Прокофьевъ! Елкинъ тоже, это ты Алмазовъ... Становитесь, становитесь сюда, въ кучку, говорилъ намъ майоръ какимъ-то утешительнымъ, но мягкимъ голосомъ, ласково на насъ поглядывая. — М——цкий, ты тоже здѣсь... вотъ и переписать. Дятловъ! Сейчасъ же переписать всѣхъ, довольныхъ особо и всѣхъ недовольныхъ особо, всѣхъ до единаго, и бумагу ко мнѣ. Я всѣхъ васъ представляю... подь судъ! Я васъ, мошенники!

Бумага подѣствовала.

— Мы довольны! угрюмо крикнулъ вдругъ одинъ голосъ изъ толпы недовольныхъ, но какъ-то не очень рѣшительно.

— А, довольны! Кто доволенъ? Кто доволенъ, тотъ выходи.

— Довольны, довольны! прибавилось нѣсколько голосовъ.

— Довольны! Значитъ васъ омущали? значить были зачинщики, бунтовщики? Тѣмъ хуже для нихъ!...

— Господи, чтожь это такое! раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Кто, кто это крикнулъ, кто? заревѣлъ майоръ, бросающъ въ ту сторону, откуда слышался голосъ. — Это ты, Расторгуевъ, ты крикнулъ? Въ кордегардію!

Расторгуевъ, одутловатый и высокій молодой парень, вышелъ и медленно отправился въ кордегардію. Крикнулъ вовсе не онъ, но такъ какъ на него указали, то онъ и не противорѣчилъ.

— Съ жиру бѣситесь! завопилъ ему вслѣдъ майоръ. — Ишь толстая рожа, въ три дня не ...! Вотъ я васъ всѣхъ разыщу! Выходите довольные!

— Довольны, ваше высокоблагородіе! мрачно раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ; остальные упорно молчали. Но майору только того и надо было. Ему очевидно самому было выгодно кончить скорѣе дѣло, и мажъ-нибудь кончить соглашеніемъ.

— А, теперь *всѣ* довольны! проговорилъ онъ торопясь. — Я это и видѣлъ... зналъ. Это зачинщики! Между ними очевидно есть зачинщики! продолжалъ онъ обращаясь къ Дятлову: — это надо подробнѣе разыскать. А теперь... Теперь на работу время. Бей въ барабанъ!

Онъ самъ присутствовалъ на разводкѣ. Арестанты молча и грустно расходились по работамъ, довольные покрайней-мѣрѣ тѣмъ, что поскорѣй съ глазъ долой уюдили. Но послѣ разводки майоръ немедленно навѣдался въ кордегардію и распорядился съ «зачинщиками», впрочемъ не очень жестоко. Даже спѣшилъ. Одинъ изъ нихъ, говорили потомъ, попросилъ прощенія и онъ тотчасъ простилъ его. Видно было, что майоръ отчасти не въ своей тарелкѣ и даже можетъ-быть струхнулъ. Претензія во всякомъ случаѣ вещь щекотливая, и хотя жалоба арестантовъ въ сущности и не могла назваться претензіей, потому что показывали ее не высшему начальству, а самому же майору, но все-таки было какъ-то неловко, нехорошо. Особенно смущало, что всѣ поголовно возстали. Слѣдовало затушить дѣло вочто бы ни стало. «Зачинщиковъ» скоро выпустили. Назавтра же пища улучши-

лась, хотя впротемь ненадолго. Майоръ въ первые дни сталъ чаще навѣщать острогъ и чаще находилъ безпорядки. Нашъ унтеръ-офицеръ ходилъ озабоченный и сбившійся съ толку, какъ-будто все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія. Что же касается арестантовъ, то долго еще послѣ этого, они не могли успокоиться, но уже не волновались попрежнему, а были молча растревожены, озадачены какъ-то. Иные даже повѣсили голову. Другіе ворчаливо, хоть и не словоохотно отзывались о всемъ этомъ дѣлѣ. Многіе какъ-то озлобленно и вслухъ подбивались сами надъ собою, точно казняя себя за претензію.

— Натко братъ, возьми, закуси! говорить бывало одинъ.

— Чему посмѣешься, тому и поработаешь! прибавляетъ другой.

— Гдѣ тамышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила? замѣчаетъ третій.

— Нашего брата безъ дубины не увѣришь, извѣстно. Хорошо еще, что не всѣхъ высѣкъ.

— А ты впередъ больше знай, да меньше болтай, крѣпче будетъ! озлобленно замѣчаетъ кто-нибудь.

— Да ты что учишь-то, учитель?

— Знамо дѣло учу.

— Да ты кто таковъ выскочилъ?

— Да я-то покамѣсть еще человѣкъ, а ты-то кто?

— Огрызокъ собачій, вотъ ты кто.

— Это ты самъ.

— Ну-ну, довольно вамъ! чего загадѣли! кричатъ со всѣхъ сторонъ на спорящихъ...

Въ тотъ же вечеръ, то-есть въ самый день претензій, возвратясь съ работы, я встрѣтился за каварнами съ Петровымъ. Онъ мнѣ ужъ искалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ что-то пробормоталъ, что-то вродѣ двухъ трехъ неопредѣленныхъ восклицаній, но скорѣ разсѣянно замолчалъ и машинально пошелъ со мной рядомъ. Все это дѣло еще больно лежало у меня на сердцѣ, и мнѣ показалось, что Петровъ мнѣ кое-что разъяснить.

— Скажите, Петровъ, спросилъ я его: — ваши на насъ не сердятся?

— Кто сердится? спросилъ онъ какбы очнувшись.

— Арестанты, на насъ... на дворянъ?

— А за что на васъ сердиться?

— Ну, да зато что мы не вышли на претензію.

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? спросилъ онъ, какъ бы стараясь поддѣть меня: — вѣдь вы свое кушаете.

— Ахъ боже-мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что спосѣдять, а вышли же. Ну и намъ надо было... изъ товарищества.

— Да... да какой же вы намъ товарищъ? спросилъ онъ съ недоумѣніемъ,

Я поскорѣй взглянулъ на него: онъ рѣшительно не понималъ меня, не понималъ чего я добиваюсь. Но зато я понялъ его въ это мгновеніе совершенно. Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно неясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я развѣрстантъ, хоть на вѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія. Но особенно остался мнѣ въ памяти видъ Петрова въ эту минуту. Въ его вопросѣ: «какой же вы намъ товарищъ?» слышалась такая неподдѣльная намерность, такое простодушное недоумѣніе. Я думалъ: имѣть ли въ этихъ словахъ какой-нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дѣла, а у насъ свои.

И дѣйствительно: я было думалъ, что послѣ претензій они просто загрызутъ насъ и намъ житья не будетъ. Начуть на бывало: ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго намека на упрекъ мы не слышали, никакой особенной злобы не прибавилось. Просто придли насъ повенногу при случаѣ, какъ и прежде цѣляли, и больше ничего. Впрочемъ не сердились тоже нисколько и на всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли показывать претензію и оставались на кухнѣ, равно какъ и на тѣхъ, которые изъ первыхъ крикнули, что всѣмъ довольны. Даже и не помануть объ этомъ никто. Особенно послѣдняго я не могъ понять.

VIII

IX

Н О В Ы Г Ъ

Вскорѣ послѣ смѣны нашего плацъ-майора случились коренныя измѣненія въ нашемъ острогѣ. Каторгу уничтожили и вмѣсто нея основали арестанскую роту военного вѣдомства на основаніи російскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльных каторжныхъ второго разряда въ нашъ острогъ больше не вводили. Началъ же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военного вѣдомства, стало-быть людьми не лишенными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои батальоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ впрочемъ и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военного разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другого мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишенные всѣхъ своихъ правъ, клейменые и обритые вдоль головы, остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ болѣе не приходило, а оставшіеся помаленьку отживали сроки и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжного. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военного вѣдомства, впродъ до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Такимъ образомъ для насъ жизнь продолжалась въ сущности попрежнему: тоже содержаніе, таже работа и почти тѣже порядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначень былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты, и сверхъ того четыре оберъ-офицера, дежурившихъ поочередно по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ учреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и каптенармусъ. Завелись раздѣлы по десят-

камъ, завелись ефрейтора изъ самихъ арестантовъ, номинально разумѣтся, и ужь само собою Акимъ Акимычъ тотчасъ же оказался ефрейторомъ. Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами попрежнему остались въ домствѣ коменданта, какъ высшаго начальника. Вотъ и все что произошло. Разумѣтся арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ, но когда увидѣли, что въ сущности все осталось попрежнему, тотчасъ же успокоились и жизнь наша пошла постарому. . . . Главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго майора: всѣ какбы отдохнули и ободрились. Исчезъ задуманный видѣть всякъ зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объясняться съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ, вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться, у насъ тогда такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большою частью людьми порядочными и смыслеными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ впрочемъ выказывали вначалѣ поподаривеніе покуражиться, и конечно по неопытности, думая обращаться съ арестантами какъ съ солдатами. Но скоро и эти поняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, слишкомъ долго непонимавшимъ, доказали ужь сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкія столкновенія: напримѣръ соблазнять, напоить унтеръ-офицера, да послѣ того и доложитъ ему, по своейски разумѣтся, что онъ пилъ вмѣстѣ съ нимъ, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли, видя, лучше старались не смотрѣть какъ проносятся пузыри и продаютъ водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ калачей, говядину и все прочее, то есть такое, за что могли взяться безъ большого зазору. Для чего это все такъ перемѣнилось, для чего завели арестантскую роту, этого ужь я не знаю. Случилось уже это въ послѣдніе годы моей каторги. Но два года еще суждено мнѣ было прожить при этихъ новыхъ порядкахъ...

Записывать ли всю эту жизнь, всѣ мои годы въ острогѣ? Не думаю. Если писать по порядку, краду все что случилось и что я видѣлъ и испыталъ въ эти годы, можно бы разумѣтся еще написать втрое, вчетверо больше главъ, чѣмъ до сихъ поръ написано.

Но такое описаніе позволѣтъ станеть слишкомъ однообразно. Всѣ приключенія выйдутъ слишкомъ въ одномъ и томъ же тонѣ, особенно если читатель уже усѣлъ, по тѣмъ главамъ, которыя написаны, составить себѣ хоть нѣсколько удовлетворительное понятіе о каторжной жизни второго разряда. Мнѣ хотѣлось представить весь нашъ острогъ и все что я прожилъ въ эти годы, въ одной наглядной и яркой картинѣ. Достигъ ли я этой цѣли, не знаю. Да отчасти и не мнѣ судить объ этомъ. Но я убѣжденъ, что на этомъ можно и кончить. Ктому же меня самого беретъ иногда тоска при этихъ воспоминаніяхъ. Да врядъ ли я и могу все пропомнить. Дальнѣйшіе годы какъ-то стерлись въ моей памяти. Многія обстоятельства, я убѣжденъ въ этомъ, совсемъ забыты мною. Я помню напримѣръ, что всѣ эти годы, въ сущности однакъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо. Помню, что эти долгіе, сиучные дни были такъ однообразны, точно вода послѣ дождя катала съ крыши по каплѣ. Помню, что одно только страстное желаніе воскресенія, обновленія, новой жизни укрѣпило меня ждать и надѣяться. И я наконецъ скрѣпился; я ждалъ, я отсчитывалъ каждый день и несмотря на то что оставалось ихъ тысячу, съ наслажденіемъ отсчитывалъ по одному, провожалъ, хоронилъ его и съ наступленіемъ другого дня радъ былъ, что остается уже не тысяча дней, а девятьсотъ-девяносто-десять. Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ наконецъ это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошлое, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ одной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшалъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо сдѣлать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить... Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе... Но мнѣ больно вспоминать теперь о тогдашнемъ настроеніи души моей. Конечно все

это одного только меня касается... Но я оттого и записал это, что мнѣ кажется всякой это пойметъ, потому что со-всѣмъ же самое должно случиться, если онъ попадетъ въ тюрьму, на срокъ, въ цѣлѣ лѣтъ и силъ.

Но что объ этомъ!.. Лучше раскажу еще что-нибудь, чтобъ ужъ не кончить слишкомъ рѣзкимъ отрубеньемъ.

Мнѣ пришло въ голову, что пожалуй кто-нибудь спроситъ: неужели изъ каторги нельзя было никому убѣжать и во все эти года никто у насъ не бѣжалъ? Я писалъ уже, что арестантъ, пробывшій два-три года въ острогѣ, начинаетъ уже цѣнить эти годы и невольно приходитъ къ расчету, что лучше дожить оставшее безъ хлопотъ, безъ опасностей и выйти наконецъ законнымъ образомъ на поселеніе. Но такой расчетъ поощряется только въ головѣ арестанта, присланнаго не на долгій срокъ. Долголѣтній пожалуй бы и готовъ рискнуть... Но у насъ какъ-то этого не дѣлалось. Не знаю, трусили ли очень, присмотръ ли былъ особенно строгій, военный, мѣстность ли нашего города во многомъ неблагопріятствовала (степная, открытая)? — трудно сказать. Я думаю все эти причины имѣли свое вліяніе. Дѣйствительно убѣжать отъ насъ было трудно. А между тѣмъ и при мнѣ случилось одно такое дѣло: двое рискнули, и даже изъ самыхъ важныхъ преступниковъ...

Послѣ смѣны майора А-въ (тотъ, который шпионилъ ему на острогѣ) остался совершенно одинъ, безъ протекціи. Онъ былъ еще очень молодой человекъ, но характеръ его упрямился и устанавливался съ лѣтами. Вообще это былъ человекъ дерзкій, рѣшительный и даже очень смѣшленный. Онъ хотъ бы и продолжалъ шпионить и промышлять разными подземными способами, еслибъ ему дали свободу, но ужъ не попался бы теперь такъ глупо и нерасчетливо какъ прежде поплатившись за свою глупость ссылкой. Онъ упражнялся у насъ отчасти и въ фальшивыхъ паспортахъ. Не говорю впрочемъ утвердительно. Такъ слышалъ я отъ нашихъ арестантовъ. Поворили, что онъ работалъ въ этомъ родѣ еще когда ходилъ къ плацъ-майору на кухню, и разумеется извлекалъ изъ этого considerable доходъ. Однимъ словомъ, онъ наметелъ негдѣ рѣшиться на все, чтобъ переимѣнить свою участь. Я имѣлъ случай отчасти узнать его душу: цинизмъ его доходилъ до возмутительной дерзости, до самой холодной насмѣшки и возбу-

ждалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ кажется, еслибъ ему очеть захотѣлось выпить шкаликъ вина, и еслибъ этотъ шкаликъ можно было получить не иначе какъ зарѣзавъ кого-нибудь, то онъ бы непременно зарѣзалъ, еслибъ только это можно было сдѣлать втихомолку, чтобъ никто не узналъ. Въ острогѣ онъ научился расчету. Вотъ на этого-то человѣка и обратилъ свое вниманіе особаго отдѣленія арестантъ Куликовъ.

Я уже говорилъ о Куликовѣ. Человѣкъ онъ былъ молодой, но страстный, живучій, сильный, съ чрезвычайными и разнообразными способностями. Въ немъ была сила; и ему еще хотѣлось пожить; такимъ людямъ до самой глубокой старости все еще хочется жить. И еслибъ я сталъ дѣваться, отчего у насъ не обруть, то разумѣется подивился бы на перваго Куликова. Но Куликовъ рѣшился. Кто на кого изъ нихъ имѣлъ большее вліяніе? А-въ ли на Куликова или Куликовъ на А-ва? не знаю; но оба другъ друга стояли и для этого дѣла были люди взаимно подходящіе. Они сдружились. Мнѣ кажется Куликовъ рассчитывалъ, что А-въ приготовить паспорта. А-въ былъ изъ дворянъ; былъ хорошаго общества — это судило въ некоторомъ разнообразіи въ будущихъ приключеніяхъ, только бы добраться до Россіи. Кто-знаетъ какъ они сговорились и какія у нихъ были надежды; но ужъ вѣрно надежды ихъ выходили изъ обыкновенной рутины сибирскаго бродяжничества. Куликовъ былъ отъ природы актеръ, могъ выбирать многія и разнообразныя роли въ жизни; могъ на многое надѣяться, по крайней-мѣрѣ на разнообразіе. Такихъ людей долженъ былъ давить острогъ. Они сговорились бѣжать.

Но безъ конвойнаго бѣжать было невозможно. Надо было подговорить съ собой вѣсть конвойнаго. Въ одномъ изъ батальоновъ, стоявшихъ въ крѣпости, служилъ одинъ полякъ, энергическій человѣкъ и можетъ-быть достойный лучшей участи, человѣкъ уже пожилой, молотцоватый, серьезный. Смолоду, только что придя на службу въ Сибирь, онъ бѣжалъ отъ глубокой тоски по родинѣ. Его поймали, наказали и года два продержали въ арестантскихъ ротахъ. Когда его поворотили опять въ солдаты, онъ одумался и сталъ служить ревностно, изо всѣхъ силъ. За отличіе его сдѣлали ефрейторомъ. Это былъ человѣкъ съ честолюбіемъ, самонадѣянный и знавшій себѣ цѣну. Онъ такъ и смотрѣлъ, такъ и говорилъ, какъ знающій себѣ цѣну. Я нѣсколь-

ко, разъ въ эти годы встрѣчалъ его между нашими конвойными. Миѣ кое-что говорили о немъ и поляки. Миѣ показалось, что прежняя тоска обратилась въ немъ въ ненависть, скрытную, глухую, всегдашнюю. Этотъ человѣкъ могъ рѣшиться на все, и Куликовъ не ошибся, выбравъ его товарищемъ. Фамилія его была Коллеръ. Они сговорились и назначили день. Это было въ іюні мѣсяцѣ, въ жаркіе дни. Климатъ въ этомъ городѣ довольно ровный; лѣтомъ погода стоитъ постоянная, горячая: а это и наружу бродягѣ. Разумѣется они никакъ не могли пуститься прямо съ мѣста, изъ крѣпости: весь городъ стоитъ на шру, открытый со всѣхъ сторонъ. Кругомъ на довольно далекое пространство идутъ дѣся. Надо было переодѣться въ обывательскій костюмъ, а для этого сначала обратиться въ форштадтъ, гдѣ у Куликова издавна былъ притонъ. Незнаю были ли форштатскіе благопріятели, ихъ въ полномъ секретѣ. Надо полагать, что были, хотя потомъ, при дѣлѣ, это не совсѣмъ объяснилось. Въ этотъ годъ въ одномъ углу форштата только-что явилась своею поприще одна молодая и весьма пригожая дѣвица, по прозвищу Ванька-Танька, подававшая большія надежды и отчасти осуществившая ихъ впоследствии. Звали ее тоже: огонь. Кажется и она тутъ принимала нѣкоторое участіе. Куликовъ разорился на нее уже цѣлый годъ. Наши молодцы вышли утромъ на разволку и ловко устроили такъ, что ихъ отправили съ арестантомъ Шилкинымъ, печникомъ и штукатурщикомъ, штукатурить батальонныя пустыя казармы, изъ которыхъ солдаты давно уже вышли въ лагери. А-въ и Куликовъ отправились съ нимъ въ качествѣ подносчиковъ, Коллеръ подвернулся въ конвойные, а такъ какъ за троими требовалось двухъ конвойныхъ, то Коллеру какъ старому служивому и ефрейтору охотно поручили молодого рекрутка, въ видахъ наставленія и обученія его конвойному дѣлу. Стало-быть имѣли же наши бѣглецы сильнѣйшее вліаніе на Коллера и повѣрилъ же онъ имъ, когда послѣ долголѣтней и удачной въ послѣдніе годы службы, онъ, человѣкъ умный, содвинувшій, расчетливый, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли въ казармы. Было часовъ шесть утра. Кромѣ ихъ никого не было. Поработавъ съ часъ, Куликовъ и А-въ сказали Шилкину, что пойдутъ въ мастерскую, впервыхъ чтобъ повидать кого-то, а затворыхъ кетати ужъ и захватятъ какой-то инструментъ, который оказался въ недостаткѣ. Съ

Шилкинъмъ надо было вести дѣло китра, то—есть какъ можно; натуральнѣе. Онъ былъ москвитинъ, печникъ по ремеслу, изъ московскихъ мѣщанъ, хитрый, пронырливый, умный, малорѣчивый. Наружностью онъ былъ щедушный и испитой. Ему было вѣкъ ходить въ жилеткѣ и халатѣ, по-московски, но судьба сдѣлала, и даже и посаѣ долгихъ странствій онъ засѣлъ у насъ навсегда въ особомъ отдѣленіи, т. е. въ рядѣ самыхъ страшныхъ военныхъ преступниковъ. Чѣмъ онъ заслужилъ такую карьеру, незнаю; но особеннаго недовольства въ немъ никогда не замѣчалось; велъ онъ себя смиренно и ровно; иногда только цапывался, какъ сапожникъ, но велъ себя и тутъ хорошо. Въ секретѣ разумѣется онъ не былъ, а глаза у него были зоркіе. Сама соборю что Куликовъ мигнулъ ему, что дни идутъ за вѣнкомъ, которое припасено въ мастерской еще со вчерашняго дня. Это тронуло Шилкина; онъ расстался съ ними безо всякихъ подозрѣній и остался съ однимъ рекруткомъ, а Куликовъ, А-въ и Колдеръ отправадились въ форштадтъ.

.. Прошло полчаса; отсутствующіе не возвращались, и вдругъ спохватившись, Шилкинъ началъ задумываться. Парень прочелъ сквозъ всѣ мѣлцыя трубы. Началъ онъ припоминать: Куликовъ былъ какъ-то особенно настроенъ, А-въ два раза какъ-то будто съ нимъ пошептался, покрайней-мѣрѣ Куликовъ мигнулъ ему два два, онъ это видѣлъ; теперь онъ это все помнить. Въ Колдерѣ тоже что-то замѣчалось: покрайней-мѣрѣ уходя съ ними, онъ началъ читать наставленія рекрутку, какъ вести себя въ его отсутствіе, а это было какъ-то несовсѣмъ естественно, покрайней-мѣрѣ отъ Колдера. Однимъ словомъ чѣмъ дальше припоминалъ Шилкинъ, тѣмъ подозрительнѣе онъ становился. Время между тѣмъ шло, они не возвращались и безпокойство его достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ очень хорошо понималъ сколько онъ рисковалъ въ этомъ дѣлѣ: на него могли обратиться подозрѣнія начальства. Могли подумать, что онъ отпустилъ варшавцевъ зазнамо, по взаимному соглашенію, и еслибъ онъ преждемъ объявить объ исчезновеніи Куликова и А-ва, подозрѣнія эти, получили бы еще болѣе вѣроятія. Времени терять было нечего. Тутъ онъ вспомнилъ, что въ послѣднее время Куликовъ и А-въ были какъ-то особенно близки между собою, часто шептались, часто ходили за казармами, вдали отъ всѣхъ глазъ. Вспомнилъ онъ, что иногда ужъ что-то подумалъ про нихъ... Пытливо

поглядывалъ онъ на своего копвойнаго; тотъ зѣвалъ, облокотясь на ружье, и невнятнымъ образомъ прочищалъ палецъ своей носъ, такъ что Шилкинъ и не удостоившись сообщить ему свои мысли, а просто-запросто сказалъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ инженерную мастерскую. Въ мастерской надо было спросить, не приходили-ль они туда? Но оказалось, что тамъ ихъ никто не видалъ. Всѣ сомнѣнія Шилкина разсѣлились: «Еслибы они просто пошли попить да погулять въ форштатъ, что иногда дѣлалъ Куликовъ — думалъ Шилкинъ — то даже и этого тутъ быть не могло. Они бы сказались ему, потому этого не стоило бы отъ него таить.» Шилкинъ бросилъ работу, и не выходя въ казарму, отправился прямо въ острогъ.

Было уже почти девять часовъ, когда онъ явился къ фельд-фебелю и объявилъ ему въ чемъ дѣло. Фельдфебель струхнулъ и даже вѣрить не хотѣлъ сначала. Разумѣется и Шилкинъ объявилъ ему все это только въ видѣ догадки, подозрѣнія. Фельдфебель прямо кинулся къ майору. Майоръ немедленно къ коменданту. Черезъ четверть часа уже взяты были всѣ необходимыя мѣры. Должности самому генералъ-губернатору. Преступники были важныя и за нихъ могъ быть сильный нагоняй изъ Петербурга. Правильно или нѣтъ, но А-въ причислялся къ преступникамъ политическимъ; Куликовъ былъ «особаго отдѣленія», то-есть архипреступникъ, да еще военный влобавокъ. Примеру еще не было до сихъ поръ, чтобъ бѣжалъ кто-нибудь изъ «особаго отдѣленія». Припомнили кстати, что по правиламъ на каждого арестанта изъ «особаго отдѣленія» полагалось на работѣ по два копвойныхъ, или покрайней-мѣрѣ одинъ за каждымъ. Правила этого не было соблюдено. Выходило стало-быть неприятное дѣло. Посланы были нарочные по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ окрестнымъ мѣстечкамъ, чтобъ заявить о бѣжавшихъ и оставить всѣдъ ихъ примѣты. Послала казаковъ въ догоню, на ловлю; написали и въ сосѣдніе уѣзды и губерніи... Однимъ словомъ струхнули очень.

Между тѣмъ у насъ въ острогѣ начиналось другого рода волненіе. Арестанты, по мѣрѣ того какъ подходили съ работъ, тотчасъ же узнавали въ чемъ дѣло. Вѣсть уже облетѣла всѣхъ: всѣ принимали извѣстіе съ какою-то необыкновенною, затаенною радостью: у всѣхъ какъ-то вздрогнуло сердце... Кроме того, что этотъ случай нарушилъ монотонную жизнь острога и расконалъ

муравейникъ, — побѣгъ, и такой побѣгъ, какъ-то родственно отодвинулся, до всѣхъ душкахъ и расшопелелъ въ нихъ давно забытыя струны; что-то вродѣ надежды, удали, возможности пережить свою участь зашевелилось во всѣхъ сердцахъ, «Бѣжали же вѣдь люди: почему?» И каждый при этой мысли приободрился и съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на другихъ. По крайней мѣрѣ всѣ вдругъ стали какіе-то гордые и свысока начали поглядывать на унтеръ-офицеродъ. Разумѣется въ острогѣ тотчасъ же налетѣло начальство. Приѣхавъ и самъ комендантъ Царинъ приободрился и смотрѣлъ смѣло, даже нѣсколько презрительно и съ какой-то молчаливой, строгой совадностью: «мы дескать удѣмъ дѣла обдѣлывать». Само собой, что о вѣроятномъ порицаніи начальства у насъ тотчасъ же предугадали. Придугавъ даже тоже, что непрямо будутъ обыски и заранѣе все припрятали. Знали, что начальство въ этихъ случаяхъ всегда крѣпко заданъ умомъ. Такъ и случилось: была большая суматоха; все перерыли, все переискали и — ничего не нашли разумѣется. На послѣ обѣденную работу отпразднели арестантовъ подъ киваемъ усиленнымъ. Вечеру караульные шавѣдывались въ острогѣ по минутно; пересчитали людей лицій разъ противъ обыкновеннаго; при этомъ обсчитались раза два противъ обыкновеннаго. Отъ этого вышла опять суетня: выгнали всѣхъ на дворъ и сосчитали сызнова. Потомъ просчитали еще разъ по казармамъ... Однимъ словомъ много было хлопотъ.

Но арестанты и въ усъ себѣ не дули. Всѣ они смотрѣли презрительно и равнодушно, и какъ это всегда водится въ такихъ случаяхъ, вели себя необыкновенно чинно во весь этотъ вечеръ. «Ни къ чему значить придраться нельзя». Само собою начальство думало: «не остались ли въ острогѣ соумышленники бѣжавшия?» и вѣжливо присматривать, прислушиваться къ арестантамъ. Но арестанты только смѣялись. «Таково ли это дѣло: чтобъ оставаться по себѣ соумышленниковъ!» «Дѣло это таими стопами дѣлается, а не какъ иначе». «Да и такой ли человекъ Куликковъ, такой ли человекъ А-въ, чтобъ въ эдакомъ дѣлѣ концовъ не схоронить? Сдѣлано мастерски, шито-крыто. Народъ сквозь мѣдныя трубы прошолъ; сквозь запертыя двери пролѣзть!» Однимъ словомъ Куликковъ и А-въ возросли въ своей славѣ; всѣ гордились ими. Чувствовали, что подвигъ ихъ дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства каторжныхъ, острогъ переживетъ.

— Народъ мастеръ! говорили одни.

— Вотъ думали, что у насъ не бытуть. Бѣжали же!.. прибавили другіе.

— Бѣжали! выскочился третій, съ нѣкоторою властью озираясь кругомъ. — Да кто бѣжалъ-то?.. Тебѣ чтоли пара?

Въ другое время арестантъ, къ которому относились эти слова, непремѣнно отвѣчалъ бы на вызовъ и защищалъ свою честь. Но теперь онъ скромно промолчалъ. «Въ самомъ дѣлѣ: не всѣ-жъ такіе какъ Куликовъ и А-въ; покажи себя сначала...»

— И чего это мы, братцы, взаправду живемъ здѣсь? прерываетъ молчаніе четвертый, скромно сидящій у кухоннаго окошка, говоря нѣсколько нараспѣвъ отъ какого-то разслабленнаго, но стаившаго самовольнаго чувства, и подпирая ладонью щеку. — Чѣмъ мы здѣсь? Жили — не люди, померли — не покойники. Эхъ!

— Дѣло не башмакъ. Съ ноги не сбросишь. Чего ээхъ?

— Да вотъ же Куликовъ... ввязался было одинъ изъ горничныхъ, молодой и желторотый паренекъ.

— Куликовъ! подхватываетъ тотчасъ же другой, презрительно скосивъ глаза на желторотаго парня: — Куликовъ!..

То-есть это значить: много ли Куликовыхъ-то?

— Ну и А-въ же, братцы! дошлый, ухъ дошлый!

— Куды! Этотъ и Куликова между пальцами обернетъ! Кольцо не вайтя концовъ!

— А далеко-ль они теперь ушли, братцы, желательно знать!..

И тотчасъ же пошли разговоры, далеко-ль они ушли? и въ какую сторону пошли? и гдѣ бы имъ лучше идти? и какая во-лесть бание? Нашлись люди, знающіе окрестности. Ихъ съ любопытствомъ слушали. Говорили о жителяхъ соседнихъ деревень и рѣшили, что это народъ неподходящій. Ближе къ городу, ватортый народъ; арестантамъ не дадутъ потачки, изловятъ и выдадутъ.

— Мужикъ-отъ тутъ, братцы, лихой живетъ. У-у-у му-жакъ!

— Несновательный мужикъ!

— Сибирякъ соленыя уши. Не попадайся, убьетъ.

— Ну да наши-то...

— Само-собой, тутъ ужъ чья возьметъ. И наши не такой народъ.

— А вотъ не помремъ, такъ услышимъ.

— А ты что думалъ? изловить?

— Я думаю ихъ ни въ жисть не изловить! подхватываетъ другой изъ горячихъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Гм. Ну, тутъ ужь какъ обернется.

— А я вотъ что, братцы, думаю, подхватываетъ Скуратовъ: — будь я бродяга, меня бы ни въ жисть не поймали!

— Тебя-то!

Начинается смѣхъ, другіе дѣлаютъ видъ, что и слушать-то не хотятъ. Но Скуратовъ уже расходился.

— Ни въ жисть не поймаютъ! подхватываетъ онъ съ энергіей: — я, братцы, часто про себя это думаю, и самъ на себя дивлюсь: вотъ кажись сквозь щелку бы пролѣзъ, а не поймали бы.

— Небось проголодаешься, къ мужику за хлѣбомъ придешь. Общій хохотъ.

— За хлѣбомъ? врешь!

— Да ты что языкомъ-то колотишь? Вы съ дядей Висей коровью смерть убили (¹), оттого и сюда пришли.

Хохотъ подымается сильнѣе. Серьезные смотрятъ еще съ большимъ негодованіемъ.

— Ань врешь! кричитъ Скуратовъ: — это Микитка про меня набухвостилъ, да и не про меня, а про Ваську, а меня ужь такъ заодно припекли. И москвичъ и сыздѣтства на бродяжествѣ испытанъ. Меня какъ дьячокъ еще грамотъ училъ, тыгерь бывало за ухо: тверди «помилуй мя Боже по величій милости твоей и такъ дальше»... А я и твержу за нимъ: «повели меня въ полицію по милости твоей и такъ дальше»... Такъ вотъ я какъ съ самаго сызмалѣтства поступать началъ.

Всѣ опять захотали. Но Скуратову того и надо было. Онъ не могъ не дурачиться. Скоро его бросили и принялись опять за серьезные разговоры. Судили больше старики и знатоки дѣла. Люди помоложе и посмирнѣе только радовались на нихъ, глядя и просовывали головы послушать; толпа собралась на мучивъ большая; разумѣтся унтеръ-офицеровъ тутъ не было. При нихъ бы всего не стали говорить. Изъ особенно радовавшихся я замѣтилъ одного татарина Маметку, невысокаго роста, скулиста-

(¹) То-есть убили мужика или бабу, подозревая, что они пустили по вѣтру порчу, отъ которой падаетъ скотъ. У насъ былъ одинъ такой убийца.

го, чрезвычайно комическую фигуру. Она протцъ ничего не говорила порусски и почти ничего не понимала, что другіе говорятъ, но туда же просовывала голову изъ-за толпы и слушала, съ наслажденіемъ слушала.

— Что, Маметка, якши? присталъ къ нему отъ нечего дѣлать отвергнутый всѣми Скуратовъ.

— Якши! ухъ якши! забормоталъ весь оживившая Маметка, кивая Скуратову своей смѣшной головою: — якши!

— Не понимаютъ ихъ? іокъ?

— Іокъ, іокъ! и Маметка заболтала опять, на этотъ разъ уже размахивая руками.

— Значить твоя врага, моя не разобрала, такъ чтоли?

— Такъ, такъ, якши! подхватилъ Маметка, кивая головою.

— Ну и якши!

И Скуратовъ, щелкнувъ его по шапкѣ и нахлобучивъ ее ему на глаза, вышелъ изъ кухни въ веселѣйшемъ расположеніи духа, оставивъ въ иѣкоторомъ изумленіи Маметку.

Цѣлую недѣлю продолжались строгости въ острогѣ и усиленныя погоня и поиски въ окрестностяхъ. Незнаю какимъ образомъ, но арестанты тотчасъ же и въ точности получали всѣ извѣстія о маневрахъ начальства внѣ острога. Въ первые дни всѣ извѣстія были въ пользу бѣжавшихъ: ни слуху ни духу, прощали да и только. Наши только посмѣивались. Всякое безпокойство о судьбѣ бѣжавшихъ исчезло. «Ничего не найдутъ, ничего не понимаютъ!» говорили у насъ съ самодовольствіемъ.

— Нѣтъ ничего; пули!

— Прощайте, не страдайте, скоро воротитесь!

Знали у насъ, что всѣхъ окрестныхъ крестьянъ сбили на цоги, сторожили всѣ подозрительныя мѣста, всѣ лѣса, всѣ овраги.

— Вздоръ! говорили наши, подсмѣиваясь: — у нихъ вѣрно есть такой чедовѣкъ, у котораго они теперь проживаютъ.

— Безвременъно есть! говорили другіе: — не такой народъ! все впередъ изготовили.

Цомли еще дальше въ предположеніяхъ: стали говорить, что бѣглецы до сихъ поръ можетъ еще въ форштатѣ сидятъ, гдѣ-нибудь въ погребѣ пережидаютъ, пока «трелога» пройдетъ да волоса обростутъ. Полгода, годъ проживутъ, а тамъ и пойдутъ...

Однимъ словомъ всѣ были даже въ какомъ-то романиче-

скомъ настроеніи духа. Какъ вдругъ, дной восемь спустя послѣ побѣга, пронесся первый слухъ, что напали на слѣдъ. Разу-мется мелкій слухъ былъ тотчасъ же отвергнутъ съ презрѣніемъ. Но въ тотъ же вечеръ слухъ подтвердился. Арестанты начали тревожиться. На другой день поутру стали по городу говорить, что уже изловили, везуть. Послѣ объѣда узнали еще больше подробностей: изловили въ семидесяти верстахъ, въ такой-то деревнѣ. Наконецъ получилось точное извѣстіе. Фельд-фебель, воротясь отъ майора, объявилъ неложительно, что къ ве-черу ихъ привезуть, прямо въ кордегардію при острогѣ. Сомнѣ-ваться уже было невозможно. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на арестантовъ. Сначала точно всѣ разсердились, потомъ приуныли. Потомъ проглянуло какое-то поположеніе къ насмѣшкѣ. Стали смѣяться, но ужъ не надъ ловившими, а надъ пойманными, сначала немногіе, потомъ почти всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ серьезныхъ и твердыхъ, думавшихъ са-мостоятельно и которыхъ не могли обить съ толку насмѣшками. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе массы и молчали про себя.

Однимъ словомъ, въ той же мѣрѣ какъ прежде возносили Ку-ликова и А—ва, такъ теперь унижали ихъ, даже съ наслажде-ніемъ унижали. Точно они всѣхъ чѣмъ-то обидѣли. Рассказывали съ презрительнымъ видомъ, что имъ вѣсть очень захотѣлось, что они не вынесли голоду и пошли въ деревню къ мужикамъ про-сить хлѣба. Это уже была послѣдняя степень униженія для бродяги. Впрочемъ эти рассказы были невѣрны. Бѣглецовъ выслѣ-дили; они скрылись въ лѣсу; окружили лѣсъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Тѣ, видя, что нѣтъ возможности спастись, сдались сами. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать.

Но когда ихъ повечеру дѣйствительно привезли, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ жандармами, вся каторга высыпала къ палатѣ смотрѣть что съ ними будутъ дѣлать. Разумѣется ничего не увидали кромѣ майорскаго и комендантскаго экипажа у кордегардіи. Бѣглецовъ посадили въ секретную, заковали и наавтра же отдали подъ судъ. Насмѣшки и презрѣніе арестан-товъ вскорѣ ували сами собою. Узнали дѣло подробнѣе, узнали, что нечего было больше и дѣлать какъ сдаться, и всѣ стали серд-ечно слѣдить за ходомъ дѣла въ судѣ.

— Пробуровать тысячу, говорили одни.
 + Куда тысячу! говорили другіе: — забыть. А—ву пожалуй тысячу, а того забудутъ, потому, братецъ ты мой, особаго отдѣленія.

Однакожь не угадали. А—ву вышло всего пятьсотъ: взяли во вниманіе его удовлетворительное прежнее поведеніе и первый проступокъ. Куликову дали кажется полторы тысячи. Наказывали довольно милосердно. Они, какъ люди толковые, много передъ судомъ не запутали, говорили все, точно, говорили, что прямо бѣжали изъ крѣпости, не заходя никуда. Всѣхъ больше мнѣ было жаль Коллера: онъ все потерялъ, послѣднія надежды свои, прошелъ больше всѣхъ, кажется дѣтъ тысячи и отправленъ былъ куда-то арестантомъ, вѣдько не въ нашу острогъ. А—ва наказали слабо, жалѣючи; помогали этому лекаря. Не онъ порадовался и громко говорилъ въ госпиталѣ, что ужъ теперь онъ на все пошелъ, на все готовъ и не то еще сдѣлать. Куликовъ велъ себя не-всегдашнему, то есть солидно, прилично, и воротясь послѣ наказанія въ острогъ, смотрѣлъ такъ, какъ-будто никогда изъ него не отлучался. Но не такъ смотрѣли на него арестанты: несмотря на то, что Куликовъ всегда и вездѣ умѣлъ поддержать себя, арестанты въ душѣ какъ-то перестали уважать его, какъ-то болѣе заранибрата стали съ нимъ обходиться. Однимъ словомъ съ этого побѣга слава Куликова сильно померкла. Успѣхъ такъ много значить между людьми..

Х

ВЫХОДЪ ИЗЪ КАТОРГИ

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе воскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Впервые между арестантами у меня было уже много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человекъ. Многие изъ нихъ были очень мнѣ преданы и искренно любили меня. Понерѣ

чуть не заплакавъ, проводжая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ, еще цѣлый мѣсяцъ жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казематѣ яванѣ, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ, такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были однако и личности суровымъ и несправѣливымъ до конца, которымъ кажется тяжело было сказать со мной слово — Богъ знаетъ отчего. Кажалось между нами стояла какая-то перегородка.

Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я не читалъ ни одной книги и трудно отдать отчетъ о томъ страшномъ и вѣстѣ волнуемомъ впечатлѣніи, которое произвело во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ; прежняя жизнь вся ярко и свѣтло возстала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много-ль я отсталъ отъ этой жизни? много-ль прожилъ тамъ они безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее; отыскивалъ слѣды того, что прежде въ мое время волновало людей, и какъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать до какой степени я былъ чужой въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена: явились новые дѣтели, и я съ жадностью сѣдшилъ съ ними знакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду, и что такъ трудно добираться до нихъ. Прежде же, при прежнемъ пѣтухъ-майорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу. Въ случаѣ обыска были бы непременно запросы: «откуда книга? гдѣ взялъ? стало-быть имѣешь сношенія?..» А что могъ я отвѣчать на такіе запросы? И потому, живя безъ книгъ, я поневола углублялся въ самого себя, задавалъ себѣ вопросы, старался

разрѣшить ихъ, мучился ими иногда... Но вѣдь всего этого такъ не перескажешь!..

Наступилъ я въ острогъ зимой и потому зимой же долженъ былъ выдти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какими нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какими наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листь на деревѣ и блекнетъ трава въ степи. Но вотъ уже и прошло лѣто, завылъ осенній вѣтеръ; вотъ уже началъ порхать первый снѣгъ... Настала наконецъ эта зима, давно ожидаемая! Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ ближе подходилъ срокъ, тѣмъ все терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ. Многіе встрѣчавшіеся мнѣ на дворѣ въ шабашное время арестанты заговаривали со мной, поздравляли меня:

— Вотъ выйдете, батюшка Александръ Петровичъ на свободу, скоро, скоро. Оставьте насъ однихъ, бобылей.

— А что Мартыновъ, вамъ-то скоро ли? отвѣчаю я.

— Мнѣ-то! ну да ужъ что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотреть разсѣянно, точно заглядывая въ будущее... Да, многіе искренно и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ-будто стали со мной обращаться привѣтливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К-чивскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человекъ, тоже какъ и я любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и на-верстать весь вредъ душныхъ казарменныхъ ночей. «Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, встрѣтись однажды со мной на прогулкѣ: — вы выйдете и ужъ я буду знать тогда, что мнѣ ровно годъ остается до выхода.»

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки, свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, то-есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офи-

царскій деньщикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободаго человѣка, сравнительно съ арестантами, оттого что онъ ходилъ небритый, безъ кандаловъ и безъ кофвоа.

Наканунѣ самаго послѣдняго дня, въ сумерки, я обошелъ въ пролѣднѣй разѣ около палъ весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошелъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь за казармами считался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается. Господи, какъ давно это было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ палѣу нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжать, и какбы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почеркѣлыми бревенчатými срубамн казармъ. Какъ непривѣтливо поразили они меня тогда, въ первое время. Должно-быть и они теперь постарѣли противъ тогдашняго; но мнѣ это было непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это можетъ быть и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще началось свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иные жали ихъ совсѣмъ позоварищески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ ровный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ, и изъ

всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандалники и нѣсколько денегъ. «Мнѣ не это, не это! говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы: — мнѣ васъ-то какво потерять, Александръ Петровичъ? на кого безъ васъ-то я здѣсь останусь!» Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимъ Акимычемъ:

— Вотъ и вамъ скоро! сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею и мы поцѣловались.

Минутъ десять спустя послѣ выхода арестантовъ, вышелъ и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться, — я и мой товарищъ, съ которымъ я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Расковывали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ покамѣстъ раскуютъ товарища, а потомъ подошелъ и самъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

— Закленку-то, заклепку-то повороти перво-наперво!.. командовалъ старшій: — установь ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднималъ ихъ... Мнѣ хотѣлось поддержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что они сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну съ-богомъ! съ-богомъ! говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ-будто чѣмъ-то довольными голосами.

Да, съ-богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресенье изъ мертвыхъ... Экая славная минута!

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

К О Н Е Ц Ъ

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ ВРЕМЕНИ ПО ПОВОДУ ЦВѢТНОЙ ВЫСТАВКИ

Давно уже существуетъ въ Петербургѣ одно прелестное общество почитателей цвѣтовъ, общество прекрасное, граціозно-благоуханное, милое, очаровательно-наивное, общество поклонниковъ искусства для искусства, — руссiйское общество садоводства. Главный, едвали не единственный предметъ его заботъ — цвѣты, «сіи дщери утра, очарованіе весны, источникъ ароматовъ, украшеніе дѣвъ, любовь поэтовъ : какбы самою натурою цвѣты назначены для орошенія жизни человѣческой невиннѣйшими удовольствіями, сладостями и пріятностями.» Эту сентиментальную фразу Шатобріана общество садоводства могло бы взять эпиграфомъ своего каталога выставки.

Но если не Шатобріана, то уже Делиля съ его скучнѣйшею дидактическою поэмой живо напоминаетъ намъ общество садоводства. Оно устроено тоже съ дидактическою цѣлью : развивать въ нашей публикѣ вкусъ и наклонности къ садоводству и поощрять тѣхъ, кто занимается садоводствомъ и цвѣтоводствомъ. Цѣль прекрасная, нечего и говорить ; но «умыселъ другой тутъ былъ», какъ увидимъ далѣе. И вотъ каждый годъ устраивается выставка цвѣтовъ. Въ нынѣшнемъ году уже пятая выставка со времени основанія общества.

Огромный манежъ разукрашенъ прекрасно. Зритель прогуливается въ великолѣпномъ саду, который со всѣхъ сторонъ окруженъ густымъ еловымъ лѣсомъ. Всѣ промежутки между окнами плотно уставлены елками и соснами довольно большихъ размѣровъ, большею частію деревьями лѣтъ пятнадцати или двадцати. Противоположная входу стѣна закрыта цѣлымъ лѣсомъ. Для этого было вырублено въ лѣсу нѣсколько сотъ здоровыхъ деревьевъ. Первый прекрасный подвигъ садоводства : истребленіе порядочнаго лѣса, чтобы устроить фонъ выставки. И безъ того уже лѣсу у насъ мало, и безъ того Петербургъ мало-помалу замерзаетъ, такъ что гро-

зять скоро превратится въ ледяную сосульку. А тутъ общество, основанное спеціально для поощренія разведенія растений, валить лѣсъ безъ милосердія. Но эта странность объясняется довольно просто, какъ увидимъ далѣе.

Надергано еще изъ болота большое количество моху, который совершенно удовлетворительно играетъ роль травы, разостланный довольно правильно. Устроены маленькій водопадъ между скалами. Въ него вода доставляется особымъ насосомъ, который скрытъ отъ почтеннѣйшей публики, такъ что гуляющіе не видятъ, какъ для ихъ удовольствія поленщики работаютъ, качаютъ воду въ потъ лица своего и такимъ образомъ представляютъ водопадъ. Вода скоплевается въ жестяномъ бассейнѣ, дно котораго усыпано пескомъ. Далѣе изъ бассейна, другимъ крошечнымъ водопадикомъ, вода переходитъ наже, въ другой, бѣльшій бассейнъ, украшенный парюю поливальнхъ лсебей. Въ разныхъ мѣстахъ манежа устроены деревянныя возвышенія, горы, наставлено бесѣдокъ, и все это вмѣстѣ составляетъ фонъ, на которомъ разставлены группами и въ одиночку разные тепличныя растенія.

Какъ размножаются у насъ тепличныя растенія, всякому извѣстно. Первоначальные экземпляры получаютъ всѣ изъ-заграницы, отъ голандскихъ торговцевъ, которые имѣютъ дѣятельную корреспонденцію съ своими конторами во всѣхъ странахъ и поясахъ свѣта. Иногда получаютъ сѣмена, но большею частью привозятъ къ намъ уже растущіе экземпляры. Содержатся они разумѣется въ теплицѣ, причеиъ обогрѣваются печами, въ которыхъ сгораетъ за зиму огромное количество дровъ, цѣлыя лѣса. Такимъ образомъ наше общество садоводства дѣлаетъ прямой и сильный подрывъ лѣсоводству. Чтобы слѣдить за новостями по части тепличныхъ растеній, главные садовники читаютъ спеціальныя журналы и прейскуранты. Привозится наприиѣръ въ Голандію какой-нибудь новый видъ, хоть филодендронъ акантостахидумъ. Тогда главный садовникъ одной или нѣсколькихъ здѣшнихъ теплицъ посылаетъ куда слѣдуетъ хозяйскія деньги, съ первымъ пароходомъ получаетъ новое растеніе, ставитъ его въ хозяйскую оранжерею, на хозяйскія дрова, а на слѣдующую весну отъ общества садоводства получаетъ за это среднюю золотую медаль.

Но за чтоже? За операцію выписки растенія? Но за это онъ получаетъ жалованье. За то, что топилъ печи, когда на дворѣ было тридцать градусовъ морозу? Или можетъ-быть не за то ли, что въ мѣру поливалъ новое растеніе? Но развѣ это садоводство? Развѣ это нуждается въ поощренія? Слѣдуетъ ли хлопотать о развитіи въ

публикѣ вкуса къ тепличнымъ растеніямъ? — Само собою разувается, что нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ.

Тепличные растенія — предметъ утонченной роскоши. Они идутъ на украшеніе будуаровъ, гостиныхъ, лѣстницъ и т. п. въ домахъ богатей и сильныхъ міра сего. Эти господа совершенно достаточно поощряютъ своихъ поставщиковъ; но какъ-видно поставщики недовольны этимъ поощреніемъ и придумали другой, добавочный способъ поощряться, именно собирая деньги съ публики и дѣля ихъ потомъ между собою въ видѣ золотыхъ и серебряныхъ медалей.

Чтобы вы не подумали, будто это съ моей стороны простая, малоосновательная догадка, приведу нѣсколько цифръ. Изъ каталога выставки оказывается, что всѣхъ экспонентовъ семьдесятъ семь. Изъ нихъ двадцать два съ русскими фамиліями и пятьдесятъ пять съ иностранными, большею частью нѣмецкими. Изъ числа экспонентовъ награждено медалями шестьдесятъ семь, стало-быть только однанадцать человѣкъ не получили медалей. Для оцѣнки предметовъ выставки назначено было шестеро экспертовъ; изъ нихъ пятеро съ нѣмецкими фамиліями и одинъ русскій. Всѣ эти эксперты, какъ значится въ ихъ протоколѣ, *единогласно* присудили въ награду экспонентамъ сто пятнадцать медалей, причемъ нѣкоторые экспоненты получили по пяти медалей, а одинъ изъ нихъ даже восемь. Но при сравненіи фамилій оказывается, что пятеро изъ экспертовъ были въ тоже время и экспонентами. Они *единогласно* присудили себѣ въпятеромъ шестнадцать медалей: шесть среднихъ золотыхъ, двѣ малыя золотыя, шесть большихъ серебряныхъ и двѣ малыя серебряныя. Такимъ образомъ на каждого эксперта пришлось по три-пятихъ медали, а на каждого изъ остальныхъ экспонентовъ досталось немногимъ болѣе, чѣмъ по полторы медали. Это, надо признаться, очень трогательно, мило, наивно, хотя и напоминаетъ, что «эта часть моя по уговору» и т. д. Злые языки могутъ пожалуй сказать, что въ другихъ обществахъ это не принято, что въ цѣломъ образованномъ мірѣ эксперты не могутъ быть въ тоже время совскателями наградъ, что экспертъ уважающій себя не можетъ назначить самому себѣ награды, хотя бы онъ въ самомъ дѣлѣ занималъ между совскателями первое мѣсто. Но вельзя же всегда слушать злыхъ языковъ. Здѣсь такой уже вышелъ случай, что экспертами назначены были весьма естественно лучшіе знатоки дѣла; а виноваты-ли они, что выставленные ими предметы всѣхъ лучше? Ну, и пришлось себѣ взять относительно большую часть медалей. Чтоже тутъ такого предосудительнаго?

Чтобы понять мысль и намѣренія благоухающаго общества, надо выкинуть, за что розданы всѣ сто пятнадцать медалей? Восемь мѣ-

далей получалъ г. Дарцевъ, торгующій садовникъ. Малу золотую медаль онъ получилъ за группу розъ; большую серебряную медаль за двуглаваго орла, искусно составленнаго изъ цвѣтовъ, и еще серебряныя медали за букетъ, за овощи, за группы цинерарій и родо-дендровъ и за герденіи въ цвѣту. Но этотъ господинъ, въ качествѣ торгующаго садовника выписываетъ изъ-заграницы или разводитъ въ своихъ теплицахъ только такія растенія, которыя хорошо идутъ въ продажу. Для другой дѣли въроатно и нѣтъ у него растеній, и поступаетъ онъ совершенно благоразумно. Онъ знаетъ очень хорошо потребности публики, онъ хлопочетъ о сбытѣ своихъ продуктовъ, знаетъ что кому нравится, и устраиваетъ свои дѣла... изъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ восемь медалей, которыми онъ осыпанъ, составляютъ уже совершенную роскошь: онъ награждаетъ за то, что старательно заботится о своихъ барышахъ. Очень благоразумно и совершенно логично присужденная награда.

Среднихъ золотыхъ медалей роздано четырнадцать; изъ нихъ шесть досталось пятерымъ экспертамъ; стало-быть о нихъ, по уваженію къ громадности ихъ заслугъ и къ ихъ безпристрастію, мы говорить не будемъ. Остальныя восемь розданы за выписку изъ-заграницы на казенный счетъ группъ тепличныхъ растеній, главнымъ придворнымъ садовникамъ въ Петергофѣ, въ Знаменскомъ, въ Таврическомъ саду, въ Стрѣльнѣ, въ Павловскѣ и т. п. Г. Рейхенбахъ, главный садовникъ при дачѣ министровъ внутреннихъ дѣлъ на Антекарскомъ островѣ, получилъ большую серебряную медаль за то, что на счетъ суммъ министерства выписалъ изъ-заграницы собраніе бегоній; г. Букъ — тоже медаль, зато что выписалъ изъ Англій на продажу въ своемъ магазинѣ желѣзныя лопаты; медаль г-ну Штанге за лампы и т. д.

Но что же се есть, о россияне? Что видимъ? Что дѣлаемъ? Садоводство-ли все это? Ничуть не бывало.

Теплица относится къ саду точно такъ же, какъ искусственный цвѣтокъ изъ тафты, коленкору или воску относится къ цвѣтку натуральному, и нынѣшняя выставка есть выставка искусственныхъ цвѣтовъ. Всѣ эти глоксиніи, бегоніи, азалеи, драцены и т. ж. не выростутъ у насъ въ саду даже при помощи большихъ, только среднихъ золотыхъ медалей. Многія изъ этихъ растеній перенесли черезъ Неву въ то время, какъ по ней шолъ ледъ, почему часть ихъ и замерзла. Какое же тутъ садоводство — на зло уму, наперекоръ стихіямъ? Вся выставка показываетъ только, что посредствомъ большого количества дровъ, сожженныхъ въ печкѣ, можно заставить растеніе расцвѣсти почти такъ, какъ оно можетъ цвѣ-

сти у себя на рождѣ, то-есть что дрова даютъ тепло. Общество, разрабатывающее такую практическую истину, какъ видите, очень полезно. Опять-таки и здѣсь злые языки могутъ сказать, что эта рождка оскорбительна, разорительна, непроеводительна, тогда какъ настоящае садоводство было бы дѣломъ весьма полезнымъ. Не впрочемъ слушать злыхъ языковъ. Дѣло напротивъ представляется въ наилучшемъ свѣтѣ, если взглянуть на него съ нѣсколько болѣе элегантною точки зрѣнія. Нынче уже вѣкъ такой, что счастливые и богатые міра сего заботятся о меньшей братіи своей и дѣлаютъ своими удовольствіями съ младшими братьями. Точно такъ и теперь большинство призвано къ участию въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыя получаютъ счастливыми отъ обладанія визитическими растеніями. Иной бѣднякъ по своимъ средствамъ не имѣетъ даже права мечтать о томъ, чтобы имѣть при своей квартирѣ зимній садъ, а теперь, благодаря великодушію общества, всякій можетъ, заплатя цѣлковый или полтинникъ, любоваться сколько душѣ угодно великолѣпнѣйшими растеніями, какія только произрастаютъ подъ тропиками. Великое, плодотворное дѣло выставки состоитъ въ томъ, что бѣдный любитъ и наслаждается тѣмъ, что имѣетъ богатый, безъ какого-нибудь гадкаго, недостойнаго чувства зависти или негодованія на бесплодную трату, а съ мягкою, кроткою, цѣвущою благодарностью. Бѣдный, заплатя за полученное нѣтъ удовольствіе деньги, можетъ выгнѣть между прочимъ какую толстую спаржу кушаютъ богатые и какая крупная, сочная, ароматная земляника и клубника подается у нихъ на столъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Бѣдный можетъ даже нюхать эту землянику, все за ту же цѣну, которую заплатилъ за входъ. Пусть же не говорятъ ничего худого про выставку злые языки. Она имѣетъ благотворное, расширяющее, хотя нѣсколько и растлѣвающее вліяніе. Тутъ на выставкѣ — музыка, цвѣты, журчащая вода, ароматы, женщины съ сверхъестественно-длинными шейфами, красивымъ бесѣдкамъ въ такую цѣну, за которую можно выстроить двѣ крестьянскія избы, тропическія растенія, молодой картофель въ то время, какъ по рѣкѣ еще плетъ ледъ, земляника-громадище, что ждетъ дурака, который заплатитъ за нее сто рублей, — все это необыкновенно мило, усладительно раздражаетъ нервы и вноситъ благотворный миръ въ душу пролетарія; у котораго найдется цѣлковый на плату за входъ, или даже полтинникъ, если онъ согласенъ заплатить подешевле, съ условіемъ — видѣть поблеклые и отцвѣтающіе, хотя все-таки искусственные цвѣты.

Исторія садовъ — старая исторія, такъ что о ней нечего говорить подробно. Стоитъ только вспомнить гесперидовъ съ золотыми

яблоками, разукрашенный остров Калипсо, которая не могла утѣшиться по Улиссѣ, вавилонскіе-висячіе сады; Лагестіумъ: описанный Плиніемъ—владшимъ, и непростительное коверканіе и насмѣваніе природы, противъ котораго такъ энергически писалъ (въ 1629 году) Бэконъ-веруламскій. Но и въ XVII вѣкѣ трезвый и прямой голосъ философа былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Извращенный вкусъ тогдашней публики не понималъ вѣчной красоты природы и украшалъ ее всевозможными хитростями. Французскіе сады дошли до крайняго безобразія вычурности: деревья сажались правильными рядами и подстригались въ самыя странныя формы; архитектурныя украшенія вставлялись на каждомъ шагу; цвѣточнымъ клубамъ давалась такая форма и цвѣты въ нихъ расаживались такъ, что все вмѣстѣ вовсе не казалось цвѣтучою куртиной, а скорѣе вытканными орнаментами, вродѣ тѣхъ, какіе ткуются на турецкихъ шалакахъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія вся Европа подражала этому искаженію природы. Голландцы дѣлательно заботились о разведеніи такихъ тюльпановъ, которые какъ можно меньше походили бы на естественныя цвѣты, а казались бы сдѣланными изъ воску. Тюльпанолюбцы съ сладострастнымъ увлеченіемъ предавались заботамъ о подобномъ улучшеніи цвѣтовъ, и любитель, показывая гостямъ свою коллекцію, непременно вооружался палочкой, и называя тюльпанъ, непременно дѣлалъ видъ, будто онъ этой палочкой старается и никакъ не можетъ наклонить стебель цвѣтка. Отъ желанія вырастить цвѣтокъ похожій на восковой, на стеблѣ чуть не жалѣли, до любви къ искусственнымъ цвѣтамъ — уже недалеко. Развратъ внуша дошелъ до того, что въ Голандіи устраивались цѣлыя сады изъ жолтыхъ и зеленоватыхъ моздреватыхъ камней и раковинъ, игравшихъ роль травы, а между ними располагались красно-расписанные горшки съ фарфоровыми цвѣтами и деревьями. Это было въ ту странную пору, когда можно было спокойно, безъ негодованія видѣть на сценѣ Сидя или Андромаху въ нанурденскъ перикахъ и въ башмакахъ съ золотыми вряжками.

Такой садъ, сдѣланный цѣликомъ изъ камня, можетъ показаться безвкусницей и уродливостью вышѣшнимъ посѣтителамъ выставки нашего руссійскаго общества садоводства. «Камень! скажутъ они: — цвѣты, листья, стволы — все каменное! Да это варварство, это китайское искаженіе! Хуже китайскаго! Тамъ дѣлаютъ гѣше сады, съ живыми растеніями, только въ маломъ видѣ, всѣ растенія — карлики. Это еще сколько-нибудь понятно. Но камень, голый, безжизненный камень — развѣ садъ? Это несчастное, безжизненное подражаніе саду можетъ возбудить только смѣхъ и сожалѣніе объ истраченныхъ на это безобразіе деньгахъ. Намъ нужна жизнь, нужна

ароматъ, нужна природа, пожалуй и украшенная искусствомъ, но настолько, чтобы она все-таки не переставала быть природой.»

Но наслаждающіеся выставкой могутъ быть совершенно спокойны. Они ходятъ любоваться тѣмъ же каменнымъ садомъ, только не въ Гарменѣ, а въ манежѣ на дворцовой площади. У насъ выставлены тѣже фарфоровыя цвѣты; ихъ обжиганіе стоило не меньшаго количества дровъ, ихъ окраска подлѣ натуральной цвѣтъ точно также стоила большихъ трудовъ и точно также несомнѣнъ похожа на природу.

А между тѣмъ общество садоводства могло бы быть въ самомъ дѣлѣ полезно, еслибы дѣятельность его была направлена сколько-нибудь разумнымъ образомъ. Изъ всей цѣлѣйшей выставки можно указать на одно только растеніе, которое показываетъ, куда слѣдуетъ идти обществу садоводства, это *lilium tenuifolium*, или проще сказать сарана полевая или манджурская. Это ничто иное какъ сибирскій лукъ, только гораздо вкуснѣе нашего лука, безъ свернаго его запаха, и сверхъ того съ прелестнымъ краснымъ цвѣткомъ. Въ южныхъ частяхъ Сибири это растеніе водится въ дикомъ состояніи и охотно употребляется въ пищу. Туземцы выкапываютъ его въ поляхъ, осенью и дѣлаютъ себѣ на зиму порядочные запасы этого лакомаго блюда. Если сарана растетъ въ Сибири, то немного хуже заботы, чтобы акклиматизировать или акклиматовать ее у насъ въ Петербургѣ. Не въ теплицахъ императорскаго ботаническаго сада слѣдовало ее разводить, а на открытомъ воздухѣ, слѣдуетъ это прекрасное и въ тоже время полезное растеніе обыкновеннымъ, чтобы его луковица продавалась на рынкѣ четвериками, — вотъ него должно любоваться русскаго общество садоводства. Цевелика бѣда, что цвѣтокъ его чрезвычайно красивъ; это еще не составляетъ слишкомъ важнаго недостатка: тутъ очень могутъ помириться прекрасное съ полезнымъ. Конечно если сарана слѣдается оченъ обыкновенною луковицей, то цѣнность ея, какъ растенія украшающаго, падаетъ; но общество садоводства должно въ этомъ случаѣ бросить свой акронизмъ. Пусть оно вспомнитъ, что и картофельныя цвѣты когда-то были украшеніемъ великолѣпнѣйшихъ букетовъ, а теперь картофель слѣдился украшеніемъ убогаго котелка рабочаго. Нечего и говорить, которая роль честнѣе.

Общество садоводства должно хлопотать объ акклиматизаціи чужихъ растеній на открытомъ воздухѣ, и въ этомъ направлеиіи оно можетъ принести большую пользу. Полезныя растенія мало-помалу могутъ быть переведены далѣе къ сѣверу; для исполненія задачи такого рода неостанетъ ни усилій, ни жизни одного человѣка; но общество, которое безсмертно, само можетъ предпринимать работы

такого рода безъ боязни не успѣть. Потому оно должно заботиться объ улучшеніи тѣхъ видовъ, которые растутъ у насъ кругомъ въ дикомъ состояніи. Въ нашихъ лѣсахъ, вокругъ Петербурга, попадается дикая яблоня: стало-быть яблоки у насъ могутъ расти. Есть конечно возможность улучшить наши яблоки. Зачѣмъ же общество этого не дѣлаетъ? Облагороженное яблоко, вродѣ напримѣръ кальвилля или опорто, растетъ на такомъ же точно дичкѣ, какіе дико растутъ и у насъ. Но во Франціи яблоки были предметомъ просвѣщенныхъ и разумныхъ заботъ. Вотъ такихъ-то заботъ публика и имѣетъ право требовать и ожидать отъ общества садоводства. Хорошее французское яблоко такъ отличается отъ своего дикаго, нецивилизованнаго предка, что нѣтъ ничего схожаго между ними. Кромѣ того у насъ кругомъ множество дикихъ растений, которые ждутъ разумаго садовода или общества, чтобы переродиться точно такъ же. Почему общество садоводства не обратитъ вниманія на землянику, бруснику, чернику, костянику, голубику? Кто знаетъ, что выйдетъ изъ этихъ ягодъ, когда онѣ цивилизуются разумнымъ воспитаніемъ и уходомъ втеченіи нѣсколькихъ поколѣній? Несомнѣнно только, что достоинство ихъ возвысится во сто разъ. Это будетъ прекрасное приобрѣтеніе, когда и теперь эти ягоды вовсе не дурны. Въ новгородской губерніи есть ягода, являющаяся въ дикомъ состояніи великолѣпнѣйшій ароматъ ананаса и вкусъ малины, именно поляника. При разумномъ уходѣ она будетъ великолѣпнѣйшимъ украшеніемъ нашихъ садовъ и обѣдовъ. Да мало ли еще можно указать истинно-полезнаго дѣла обществу садоводства!..

Но бѣда въ томъ, что на все это нужны заботы, время, труды; все это несравненно труднѣе, нежели просто послать за границу деньги и получить оттуда коллекціи какихъ-нибудь новѣйшихъ рододендровъ, бегоній и таксоліумовъ, вогнать ихъ въ цвѣтъ какими-нибудь даровыми дровами и присудить себѣ за это золотую медаль. Ктому же дѣло это гораздо менѣе видно, дѣло тривьяльное, плебейское — возиться съ какою-нибудь черникой. Тутъ нечего будетъ выставить въ манежѣ, съ музыкой и ливючими лебедями. Ктому же знаетъ какую-нибудь приземистую полянику? Еслибы она извѣстна была за границей, то это дѣло другое, можно бы ее выписать, и дѣло съ концомъ. Мы слышали напримѣръ объ извѣстной ягодѣ обляпихѣ: это, какъ видите по названію, чисто-русская ягода. Но если вы захотите посадить такое растеніе къ себѣ въ садъ, то обратитесь въ Гарлемъ или въ Парижъ: здѣсь этого кустарника не достать ни-что. Вышлите деньги, и получите русскую обляпиху изъ Франціи. За такой подвигъ можетъ-быть получите медаль, если не золотую, то хоть бронзовую, такъ какъ растеніе русское, не аристократиче-

ская бегонія comtesse Alice de Limigny, не вѣчно-цвѣтущая роза muscosa bifera impératrice Eugénie или поздно-цвѣтущая камелія reine de Tours.

Такимъ образомъ прелестное общество садоводства выставило искусственные продукты энергическаго истребленія дровъ въ тепличныхъ печахъ, и при высокомъ аристократизмѣ своемъ показало совершенное пренебреженіе къ практическому, истинно полезному, хотя нѣсколько и плебейскому направленію, которое однакоже одно и оправдывало бы существованіе подобнаго общества. Былъ одинъ въ самомъ дѣлѣ полезный предметъ: садовыя и дренажныя лопаты, приготовляемыя на заводѣ г-жи Вороновой, въ олонецкой губерніи, что въ Россіи. Но общество упрятало эти предметы куда-то въ подвалъ, и выставило на первый планъ пальмы, камелии и цинпераріи, отъ отсутствія которыхъ общество выиграло бы весьма много.

НЕУДАВШИЙСЯ АНТАГОНИЗМЪ

Литературная собственность. Современникъ, 1862,

№ 3

Съ удовольствіемъ взяли мы за чтеніе статьи «Литературная собственность». Ну вотъ, подумали мы: наконецъ-то и «Современникъ» хочетъ преподать намъ наставленіе, какъ обращаться съ вещами, которыя называются литературною собственностью. Оно конечно, толки о литературѣ собственно, особенно русской, теперь вообще въ модѣ. Октябрь, ноябрь и декабрь прошлаго года были временемъ преимущественнаго процвѣтанія ихъ. Тогда «Русскій Вѣстникъ» громилъ весь литературный лагерь своими московскими громами, тогда же и «День» затѣвалъ крестовый походъ противъ современной литературной лжи. Подъ вліаніемъ такихъ авторитетовъ всѣ принялись разсуждать о литературномъ злѣ, о литературной пошлости и т. п. На рекогносцировку литературныхъ болѣзней потрачено было много силъ и энергій. Неизвѣстно, что добраго выиграла литература въ ту достопамятную эпоху. Нѣкоторые изъ литературныхъ громобоевъ откровенно признавались послѣ, что разбивая въ пухъ и прахъ литературу, научая публику съ презрѣніемъ относиться къ ней и нескрывая собственнаго къ ней презрѣнія, они имѣли въ виду не разгромленіе литературы собственно, а тѣ условія, при которыхъ возникаетъ ненормальность и пошлость нѣкоторыхъ ея явленій. Разумѣется въ нѣкоторой части нашего общества сейчасъ-же родилось удивленіе къ такой тонкости и дальновидности ума человѣческаго, потому что намеки эти дотогу искусно проведены были и такъ глубоко скрывались подъ внѣшней оболочкой, что о нихъ непремѣнно нужно было напомнить тутъ-же читателямъ; иначе могло-бъ показаться, что походъ на литературу и ея дѣателей имѣеть въ виду именно разбитіе этой литературы и основывается просто на миломъ доктринѣрствѣ.

Мы должны сказать, почему мы съ удовольствіемъ вѣдали о чтеніи въ Современникѣ «Литературной собственности». Признаться, что намъ до крайности надоѣло безконечное пересыланье фразъ о литературномъ изачествіи, о литературномъ невѣжествіи и вообще о всѣхъ тѣхъ милыхъ вещахъ, на которыя и устно и печатно указывалось съ легкой руки московскаго Зевеса — Русскаго Вѣстника. Намъ казалось иногда, что подъ этими фразами кроется беззубая старость, непонимающая ничего изъ узника своихъ кружковъ и теорій, или же то нестерпимое доктринерство, которое во всѣхъ другихъ, несогласныхъ съ нимъ взглядахъ желаетъ видѣть только малодушіе, глупую завосчность и невѣжество. Поэтому не разъ казалось намъ, что въ этихъ крикахъ противъ литературы, посланному столь степеннымъ и серьезнымъ, больше малодушіемъ и непониманья, чѣмъ въ тѣхъ джентльменахъ, противъ которыхъ оружались крестовые походы. Не такихъ вещей конечно мы всегда ожидаемъ отъ «Современника». Взгляды его всегда бываютъ шире и радикальнѣе, чѣмъ напримѣръ у «Русскаго Вѣстника». Правда, и «Русскій Вѣстникъ» и «Современникъ» имѣютъ чрезвычайно много общаго въ своихъ взглядахъ на литературу. Оба они смотрятъ на нее чрезвычайно высоко. Высокость воззрѣнія «Русскаго Вѣстника» ясно доказывается его осенними статьями. Онъ не только не признавалъ ее литературой какой-либо силы и значенія, а находилъ ее чрезвычайно пошлою, неглубокою и недалекою въ своихъ взглядахъ, обвинялъ ее въ тенденціяхъ къ свистопляскѣ и т. д. «Современникъ» конечно о свистопляскѣ много не толкуетъ, но катитъ чепуху, превратить и вернуть словечко о мизерности нашей литературы въ крайнюю молодость. Но затѣмъ оба они уже совершенно расходятся во взглядахъ на нее. «Современникъ» толкуетъ о мизерности литературы болѣе потому, что онъ вообще литературѣ придаетъ неслабенькое-то большое значеніе, — не одной только русской, а какой угодно; даже и англійской. Если онъ говоритъ иногда о русской литературѣ, то это имѣется болѣе изъ снисхожденія къ ней, какъ слабую существу, чѣмъ изъ уваженія. Совсѣмъ не то «Русскій Вѣстникъ» импримиритъ. Оотно соглашаясь съ «Современникомъ» въ мизерности нашей литературы, хотя и обвиняя эту мизерность по-своему, онъ никакъ не можетъ согласиться, чтобъ пресса вообще и особенно англійская напр. имѣла въ жизни мизерное значеніе... Далеко нѣтъ! Но его міросозерцанію, пресса (замѣйте — пресса, а не литература) есть сила въ странѣ, и стоить изобрѣсть нѣкоторыя искусства политическаго комбинанія, чтобъ она могла имѣть вѣсь и значеніе въ быту страны. Она согласится поострить надъ нашей литературой — милой, задаренной, востановившейся подъ вліяніемъ реакцій и

поэтому: *демонстр* быть нормально въ своемъ ростѣ, и окошко познать часть, если вы имѣете въ себѣ подобнаго рода похвальный тенденціи; но лишь загнувшись вы обѣ англійской прессы, — дружба прости. Ну, а «Современникъ» не стѣсняется и англійской прессой и убѣждаетъ, что отъ слава, называемого вартомъ, даже англійскаго, никакими особенно важными вещами для жизни никогда не бывають».

«Полному лени только въ какомъ бы то нибыло отношеніи къ сестрѣ «Современникъ» литературы, всегда ожидаешь отъ него чего-нибудь такого грандіознаго, въ нѣкоторомъ родѣ величественнаго. Шарага его взглядовъ извѣстна. Слѣдовательно, ужь если онъ рѣшится заговорить о литературѣ, то подниметь что-называется самую сушь вопроса и найдешное зло поразить въ самомъ корнѣ. Его громъ далеко не то, что грома «Русскаго Вѣстника» напримѣръ. Этотъ шумитъ въ разнаго рода комбинаціяхъ, безъ которыхъ онъ никогда шагу не дѣлаетъ, а «Современникъ» о комбинаціяхъ никогда и рѣчь не заводитъ, какъ-будто ему до нихъ нѣтъ никакого дѣла. Поэтому, отираваясь въ рѣшенію вопросовъ безъ лишняго груза, надеясь, онъ всегда съ большою легкостью, скоростью и безомысленностью рѣшаетъ ихъ. Въ доказательство сказаннаго нами мы укажемъ факты. Осенью «Русскій Вѣстникъ» говорилъ, что литераторы *плотъ*; *абсурдо* пишутъ, говорятъ дичь, немнѣя никакихъ въ галотѣ здоровыхъ самостоятельныхъ комбинацій, что пресса такъ вести себя негодится, нехорошо, и выражалъ при этомъ надежду, что *современникъ*, при лучшихъ комбинаціяхъ, она исправитъ свое зло-вредное поведеніе. «Современникъ» на дѣло посмотрѣлъ иначе: онъ не сказалъ, что наши литераторы *плотъ* пишутъ и что имъ лучше нужно писать, а прямо, устами Т. Э., задалъ вопросъ: зачѣмъ теперь писать вся эта масса литераторовъ? въдъ ужь давно сказано и исполнено все, о чемъ ни распространяются устно и печатно всѣ наши литераторы. Вопросъ такимъ образомъ касался самой сущности дѣла и лириѣ обвинялъ его, чѣмъ въ подобнаго рода вопросы «Русскаго Вѣстника». Этотъ касался только современныхъ явленій литературы и, непрочъ былъ дать ей мѣсто въ своихъ комбинаціяхъ. «Современникъ» откровенно и прямо спросилъ, зачѣмъ присылаются дѣлаваются тысячи тоннъ бумаги (не злобный-ли намекъ это на Англійскую литературу?) въдъ при этомъ перепечатывается нѣсколько разъ только старое, давно ужь написанное? Лучше ужь взяли-бы да перепечатывали старыя книжки... Такимъ образомъ стремленіе Т. Э. оказалось несравненно болѣе широкимъ, чѣмъ у «Русскаго Вѣстника». Онъ открывалъ престовольный походъ не противъ литературныхъ дѣателей, а противъ литературы и не срывалъ

при этомъ число омеровскихъ знаменитыхъ библіоманскихъ списковъ.

Согласитесь, что въ широтѣ взгляда и политической безцеремонности его рѣшенія всегда есть что-то привлекательное, что-то грандіозное, вѣдательное для ума и сердца. Конечно въ этомъ случаѣ иногда приходится удивляться только широтѣ взгляда и шпеню балке; но одно это обстоятельство еще несовсѣмъ обезкураживаетъ любознательный умъ. Въ широтѣ какъ-то живется лучше, оттого и ищешь ея, хотя-бы новски въ этомъ случаѣ означались однимъ только результатомъ: благоговѣйнымъ наумленіемъ провъ широкостью человѣческихъ взглядовъ на вещи.

Взглядъ «Современника» на литературную собственность дѣйствительно очень широкъ. Статья эта такая же рѣшительная, какою была въ свое время «Литературный пролетаріатъ» Т. З. Самъ авторъ повидимому сомнѣвался въ ея реальномъ значеніи, потому что назвалъ ее между прочимъ фантазіей. Правда конечно, что самому барону вольно имѣть свою фантазію и что на фантазіи разныхъ господъ не стоитъ слишкомъ много обращать вниманія. Но дѣло литературная фантазія вродѣ упоминаемой вами — дѣло другое. Она слишкомъ фантазія для того, чтобъ на нее не обратили никакого вниманія. Авторъ съ жаромъ, достойнымъ лучшаго употребленія, возстаетъ противъ того, что мы называемъ «литературной собственностью»; онъ краснорѣчиво рассказываетъ намъ о томъ дѣлѣ, какое производить въ литературѣ меркантильное направленіе, и дѣлаетъ попытку представить образецъ лучшаго, сравнительно съ теперешнимъ, устройства литературнаго міра.

Подобнаго рода попытки ввести порядокъ и благоустройство въ литературный міръ — очень не новы. Въ этомъ отношеніи русская литература очень счастлива. Она никуда не выходила изъ полоненаго боленнаго пациента, за которымъ ухаживаютъ много разныхъ докторовъ. И литераторы, и особенно нелицитаторы окружаютъ ее чрезвычайною заботливостью и по силамъ, по мѣрѣ разумнаго своего, предлагали разные, иногда дѣйствительно сильныя средства противъ искорененія литературнаго зла... Давно, назадъ тому, годовъ ужъ пожалуй сорокъ-будетъ, почтенный ординарный профессоръ и впоследствии академикъ Шевыревъ выступалъ какъ-то въ «Московскомъ Наблюдателѣ» противъ литературнаго зла: статьей «Словесность и торговля». Будущій академикъ крѣпко вооружался тоже противъ меркантильнаго направленія литературы и бранилъ литераторовъ за то, что они берутъ отъ редакторовъ деньги за свои статьи. Оно повѣстно, почему г. Шевыревъ обнаружилъ тогда подобнаго рода рыцарское недовольство. Впервые то время было во-

при сильном господстве романтизма; тогда не говорили: «деньги», а уж непременно «презрѣнный металлъ»; не говорили просто «любовь», а «божественное чувство, невидимыми узамъ соединяющее одно существо съ другимъ»; не говорили «женщина», а непременно «вечная подруга жизни» или что-то въ этомъ родѣ. При такихъ тенденціяхъ эпохи дѣйствительно какъ-то неловко казалось брать деньги отъ редакторовъ за тѣ статьи, въ которыхъ толковалось именно о «презрѣнномъ металлѣ», о неведимыхъ чувствахъ и т. п. Кому же и г. Шевыревъ былъ въ то время очень молодъ и сѣдовѣательно непрочъ переломить копье въ борьбѣ съ тѣмъ, что ему представлялось крайнимъ зломъ. Невняемъ держался ли онъ впоследствии, особенно когда былъ редакторомъ «Москвитянина», на практикѣ своихъ молодыхъ убѣжденій; или и онъ, когда ему стали не новы «впечатлѣнья бытія», пошелъ по дорогѣ всѣхъ другихъ своихъ литературныхъ собратій? Но и при всей кажущейся естественности и исторической законности появленія статьи г. Шевырева, она повлилась нѣсколько нехотѣ, не попадая, какъ говорить. Даже тогдашніе романтики заговорили, что нехорошо отрицать у литературнаго труда право вознагражденія въ то время, когда онъ началъ только-что занимать почетное мѣсто въ категоріи труда. Г. Шевыревъ смолкъ и затѣмъ занялся открытіемъ совершенно новыхъ, литературы въ древнѣйшія эпохи существованія Руси. Съ тѣхъ поръ во все послѣдующее время кажется не было попытокъ къ изобрѣтенію спеціальныхъ средствъ для исцѣленія литературныхъ золъ. Но прогрессъ какъ-вѣдно шолъ тайными путями и выработывалъ новые результаты, сообщенные міру прежде всего Т. З., а потомъ уже авторомъ «Литературной собственности». Вотъ тутъ мы нѣсколько и повѣримъ мнѣнію г. Т. З. о неовности всякихъ литературныхъ явленій. Вѣдь вотъ — подумали мы — авторъ «Литературной собственности» въ сущности говоритъ почти тоже самое, что во время оно говорилъ ординарный профессоръ и академикъ. Разница тутъ невелика. Г. Шевыревъ отрицалъ у литературнаго труда право вознагражденія потому что трудъ-де ужъ очень идеальный не долженъ входить въ какія-либо матеріальныя сдѣлки. Авторъ «Литературной собственности» отрицаетъ у литературнаго труда право собственности потому, что все производимое имъ собственно не принадлежитъ ему. Вопросъ здѣсь конечно ставится гораздо шире, чѣмъ у г. Шевырева. Но такой прогрессъ и долженъ быть, потому что оба эти литературныя явленія, выражаясь риторически, подають другъ другу руку на разстояніи цѣлыхъ сорока лѣтъ.

Знакъ у автора очень широкій; для него какъ-будто несуществуетъ никакихъ затрудненій и онъ вездѣ побѣдоносно торже-

отвуетъ надъ всякаго рода препятствіями. Говоритъ напрямикъ, что «основная мысль законодательства о литературной собственности заключается въ томъ, что перепечатка есть посягательство на чужую собственность и должно быть преслѣдуемо». Но у автора оказывается, что напрасно люди считаютъ собственностью своею то, что ни въ какомъ случаѣ не принадлежитъ имъ. «Если всмотрѣться въ дѣло ближе, то легко придти къ убѣжденію, что у мысли нѣтъ отдѣльнаго хозяина, какъ нѣтъ хозяина у воздуха, и что рѣшительно несправедливо говорить, что такая-то мысль принадлежитъ такому-то, а такая-то такому.» Процессъ мышленія ужъ такая органическая потребность ума человѣка, что онъ не можетъ не мыслить, какъ зрѣчій не можетъ не видѣть. Да и впечатлѣнія, изъ которыхъ вырабатывается его внутренній міръ, онъ не самъ собою создаетъ для себя, а получаетъ отъ нѣ. Ктому-жъ онъ получаетъ готовое умственное наслѣдство отъ предшествующихъ поколѣній. Какъ же, спрашивается, тутъ указать, кто хозяинъ той или другой мысли? Вѣдь вотъ говоритъ авторъ: «кому первому принадлежить мысль, хотя бы того правильнаго пониманія общественныхъ вопросовъ и отношеній, какое служить основой новой теоріи общественной науки? Перваго тутъ нѣтъ, потому что всѣ, кто былъ заинтересованъ вопросомъ, разрѣшали его вмѣстѣ. Кому было неловко, тѣ и работали; все это были отдѣльныя желанія и чувствованія; они жили, высказывались, обобщались. Явился грамотный человѣкъ между этими людьми, послушалъ, собралъ, понялъ, слилъ въ одно, напечаталъ и говоритъ, что эта мысль его и просить за нее денегъ.»

Такимъ образомъ никакой литературной собственности нѣтъ и не можетъ быть. Какъ же это не догадались всѣ прежде насъ жившія умныя головы, особенно толковавшія о законахъ противъ литературной кражи? Но вотъ что затрудняетъ насъ въ этомъ случаѣ. Положимъ даже, что трудъ извѣстнаго автора состоитъ только въ томъ, что онъ собираетъ въ своемъ произведеніи труды предшествовавшихъ ему поколѣній и то, что невольна, безъ всякаго участія его личной свободы возбуждается въ немъ окружающимъ его обществомъ и вообще внѣшнимъ міромъ. Но вѣдь, спрашивается, отчего же другой не займется этимъ собираніемъ умственнаго матеріала, которымъ владѣетъ общество въ данное время? Представьте себѣ, что въ извѣстномъ мѣстѣ много кирпичной глины. Появляется какой-нибудь промышленникъ и начинаетъ дѣлать изъ этой глины кирпичи. Замѣьте, что на эту глину никто не предъявлялъ прежде никакого права, да пожалуй никто и не догадывался прежде о существованіи ея. Имѣеть ли право упомянутый джентльменъ не только

дѣлать кирпичи, но и продавать ихъ? По взгляду нашего автора, онъ кажется не долженъ имѣть этого права. Вѣдь глина не кирпичъ, не сдѣлава самимъ промышленникомъ, а добыта изъ земли готовая, да и форма кирпича не придумана кирпичникомъ, она давно известна всѣмъ. А между тѣмъ вѣроятно никто никогда не откажетъ ему въ правѣ получать деньги не за глину, а за трудъ, за потраченный капиталъ при добываніи изъ глины кирпича. Вотъ еслибы нашъ авторъ обратилъ вниманіе хоть бы на то, что вѣдь и на литературное произведеніе употребленъ своего рода трудъ, положимъ даже чисто-механическій, — онъ нашолъ бы, что если авторъ не можетъ имѣть никакого права на матерьялы въ своемъ произведеніи, то онъ можетъ предъявить свое право на вознагражденіе за трудъ, потраченный на самое собраніе ихъ, и въ этомъ случаѣ можетъ требовать у общества защиты отъ эксплуатаціи его труда другими, ветрудившимися джентльменами. Даже такой трудъ, какъ напримѣръ библиографическіе сборники, гдѣ ужъ авторъ рѣшительно ничего отъ себя не привноситъ, а только указываетъ на известныя книги и содержаніе ихъ, — и тотъ долженъ быть тоже защищенъ отъ спекуляціи. И если подобнаго рода авторъ пойдетъ защищать въ этомъ случаѣ свой трудъ, какъ собственность, то вѣдь онъ будетъ доказывать не то, что такой-то журналъ, указанный имъ въ сборникѣ, составляетъ изобрѣтеніе его собственной фантазіи, а будетъ защищать свое право пользоваться платой за трудъ, въ настоящее время оплачиваемый въ известной формѣ. Перепечатавшій его произведеніе подвергается судебному штрафу не за то, что онъ перепечаталъ матерьялъ, несоставляющій ничьей личной собственности, а за то, что воспользовался чужимъ трудомъ и вмѣсто платы за него человѣку дѣйствительно трудившемуся самъ присвоилъ себѣ эту плату, т. е. просто значить, что отнял у другого и употребилъ въ свою пользу чужой трудъ, чужой кусокъ хлѣба.

Но главное дѣло въ томъ, что нельзя всякое литературное произведеніе считать только собраніемъ мыслей, усвоенныхъ авторомъ извнѣ, какъ полагаетъ «Современникъ». Конечно, могутъ быть такія компиляціи, въ которыхъ не много принималъ участія личный трудъ автора. Но и здѣсь мы должны замѣтить, что искусно составленная компиляція стоить, а иногда и требуетъ большаго труда, чѣмъ посредственное оригинальное произведеніе. Чтоже сказать напримѣръ объ ученыхъ произведеніяхъ, особенно о тѣхъ, въ которыхъ сообщаются публикѣ новые выводы изъ старыхъ открытій и новыя открытія? Въ обществѣ — не въ одномъ нашемъ русскомъ, а въ какомъ угодно западно-европейскомъ — наука распро-

странена очень мало. Наука поэтому до сихъ поръ двигалась впередъ не цѣлымъ обществомъ, а ее развивалъ преимущественно личный трудъ частныхъ дѣятелей. Слѣдовательно объ ученomъ, написавшемъ извѣстное руководство или статью по какой-либо наукѣ, въ которыхъ сообщаются нѣкоторыя новыя данныя или новыя выводы изъ старыхъ данныхъ, — ни въ какомъ случаѣ нельзя сказать, что онъ послушалъ-послушалъ что говорятъ въ обществѣ объ извѣстной наукѣ, собралъ все это въ одно, да и напечаталъ. Конечно и всѣ частныя открытія подготовлены трудами, предшествовавшихъ поколѣній, такъ что въ этомъ отношеніи есть преемство открытій. Объ электрическомъ телеграфѣ никто и не думалъ, пока не знали гальванизма; о локомотивѣ — пока неизвѣстно было давленіе паровъ и т. под. Но вѣдь давнымъ-давно знали давленіе паровъ, знали и объ рычагахъ и умѣли дѣлать разныя комбинаціи изъ нихъ, — а до Уатта и Фультона никому не пришло въ голову воспользоваться этимъ знаніемъ для устройства разнаго рода паровыхъ машинъ. Нужно же было явиться замѣчательному, догадливому уму, чтобъ умѣть извлечь изъ нихъ практическую пользу. Мы далеко не приверженцы историческаго фатализма, исторической необходимости и не думаемъ, что не будь Уатта, открытіе непременно было бы сдѣлано кѣмъ-нибудь другимъ. Конечно, нѣтъ причинъ полагать, что впоследствии, когда-нибудь не было бы оно сдѣлано; но также нѣтъ большихъ основаній думать, что оно сдѣлано было бы современниками Уатта. Значить личная заслуга въ открытіяхъ непременно есть и ее отрицать ни въ какомъ случаѣ нельзя; а заключая отсюда далѣе, мы находимъ, что еслибы подобный ученый захотѣлъ написать свою статью о подобномъ открытіи, она принадлежала бы именно ему, и никому другому, и составляла бы его личную ответственность. Тоже должно быть сказано и о тѣхъ ученыхъ статьяхъ, которыя сообщаютъ новыя научныя выводы изъ старыхъ данныхъ. До нихъ ученый доходилъ усиленнымъ трудомъ, на открытіе ихъ онъ потратилъ можетъ-быть много силъ и здоровья; они добыты его потомъ, его умомъ, тогда какъ о нихъ не приходило въ голову никакому другому ученому: значитъ опять-таки подобнаго рода статья составляла бы плодъ личнаго труда автора и слѣдовательно его литературную собственность. Правда, другіе ученые сообщали ему факты, уже добытые наукой; но заслуга свѣтлаго пониманья ихъ, трудъ комбинаціи ихъ сообразно съ извѣстнымъ взглядомъ, трудъ указанія новой точки зрѣнія на нихъ, трудъ развитія выводовъ изъ нихъ, — это принадлежитъ уже самой личности автора. То, что авторъ говоритъ о наукѣ новыхъ общественныхъ отношеній, вовсе нейдетъ къ другимъ наукамъ. Можетъ-быть, что дѣлое

общество выработываетъ эту науку, потому что сама наука-то непосредственнымъ образомъ занимается бытомъ общества, и оттого въ этомъ случаѣ можно какой-нибудь личности собрать кое-какія данныя и нѣкоторые выводы изъ устъ именно общества. Но отъ этой одной науки ни въ какомъ случаѣ нельзя заключать ко всѣмъ другимъ, оттого что для другихъ наукъ существуютъ особыя условія развитія.

Правда ли и то, что художественныя произведенія пластики, музыки, и такъ называемой беллетристики не составляютъ плода именно личнаго авторскаго труда? Много было и есть на свѣтѣ разнаго рода ваятелей, но олимпійскаго Зевса никто изъ нихъ не изваялъ такъ, какъ Фидіасъ, да что-то не повторяются изваянія, подобныя изваяніямъ Кановы. Знаючи такъ умѣють различать личныя художественныя манеры разныхъ живописцевъ, что сейчасъ же при взглядѣ на извѣстную картину безошибочно могутъ рѣшить, кому принадлежитъ она или по крайней мѣрѣ кому не можетъ она принадлежать. Тоже самое и въ музыкѣ, и въ беллетристикѣ. Для того чтобъ создать бетховенское или моцартовское бессмертное произведеніе, нужно быть именно самому Бетховеномъ или Моцартомъ. Чтобы написать сонату вродѣ бетховенской, — мало послушать, какъ играютъ разные музыканты въ обществѣ, собрать разные мотивы и потомъ сѣсть за фортепьяно, да и сыграть сонату. При подобныхъ усиліяхъ создается не гениальная вещь, а что-то вродѣ музыкальной ерунды. Въдъ никакое же общество не сообщаетъ вамъ силы пониманья музыкальной мысли, не заставитъ васъ проникнуться ею и съ силою выразить ее въ гармоническихъ звукахъ, если въ васъ самихъ нѣтъ того чисто-личнаго достоинства, которое обыкновенно называется музыкальнымъ талантомъ. Сила мысли, форма ея выраженія — несомнѣнно принадлежатъ уже *вамъ* самимъ, что доказывается уже тѣмъ, что при отсутствіи истиннаго таланта можно сыграть любую сонату Бетховена совершенно вѣрно, но вяло, безжизненно, и превратить ее въ орудіе пытки для музыкальнаго уха. Конечно, явленіе въ музыкальномъ мірѣ Бетховена обусловлено было развитіемъ до него существовавшей музыки. Но изъ этого не слѣдуетъ какого-либо убійственнаго для нашей мысли результата. Васъ довели извѣстной дорогой до лѣсу и тутъ оставили. Вы принялись далѣе прокладывать дорогу, пользуясь до васъ еще изобрѣтеннымъ топоромъ... Слѣдуетъ ли отнимать у васъ личную заслугу прокладыванія дороги впередъ на томъ одномъ основаніи, что вы пользовались готовымъ топоромъ и васъ *подвели* къ лѣсу, а не сами вы пришли? Или вотъ напр. въ беллетристикѣ. Нѣтъ ни одного искусства, которое находилось бы въ болѣе близкихъ отно-

шеніяхъ къ обществу, какъ изящная словесность. Художники выводить въ ней типы, данные обществомъ, и чѣмъ болѣе художественное произведеніе находится въ согласіи съ дѣйствительностью, которая разумѣется уже ни въ какомъ случаѣ не создается самимъ художникомъ, тѣмъ оно считается художественнѣй. Тутъ-то казись и должно бы оправдаться мнѣніе автора о способѣ составленія литературныхъ произведеній: дескать послушаетъ художникъ, что говорить въ обществѣ, да потомъ и напишетъ произведеніе. А вѣдь вотъ выходитъ и тутъ съ художникомъ довольно странная и несовѣтъ согласная съ воззрѣніями «Современника» исторія. Общество-то у насъ одно для всѣхъ художниковъ, и берутся они часто за воспроизведеніе однихъ и тѣхъ же вещей, а у разныхъ джентльменовъ оказываются въ результатѣ совершенно разныя вещи. Обь одвоиъ художникъ говорятъ, что онъ любитъ поэтически изображать такіа-то стороны «бытія», другой другія; у одного и типы выходятъ полнѣе, всестороннѣе, и образы ярче, чѣмъ у другого. Художническое чутье значитъ не у всѣхъ художниковъ бываетъ одинаково; оттого и произведенія ихъ цѣнятся различнымъ образомъ. Толковать ли еще о томъ, что въ произведеніе свое истинный художникъ непремѣнно вноситъ свои чувства, свои художническія манеры, что уже составляетъ чисто его личную собственность?

Но вѣдь говорить подобныя вещи значитъ толковать азы, — скажете вы, читатель. Пожалуй и мы съ вами согласимся. Но чтоже станете дѣлать, если есть джентльмены и журналы, которые не понимаютъ такихъ простыхъ вещей и рѣшаются публично основывать на подобнаго рода положеніяхъ особенно важныя выводы? Нашему автору какъ-видно незнакомъ простой механизмъ литературнаго труда. Ему кажется, что всякій литературный дѣятель только собираетъ готовые матерьялы, и какъ болѣе грамотный, предастъ тисненію чужія мысли, и какъ болѣе хитрый, говоритъ, что это тисненье его собственность и проситъ за то денегъ. Авторъ не понимаетъ, что одинъ сборъ матерьяла, подслушивание ни къ чему не ведетъ, что нужно всѣмъ этимъ матерьяламъ придать форму, а иначе выйдетъ одинъ только сумбуръ, беспорядочная смѣсь; нужно одушевить эти матерьялы какою-либо мыслью, указать справедливый уголъ зрѣнія на нихъ, чтобъ эти матерьялы могли войти въ настоящее литературное произведеніе. Для Вольтера конечно была подготовлена почва всѣмъ предшествовавшимъ ему развитіемъ общества... Но то, что онъ высказалъ съ особенной силой и энергіей, взгляды и убѣжденія общества, и притомъ далъ своимъ мыслямъ изящную форму — составляетъ чисто личный трудъ и слѣдовательно его

личную собственность. Многое въ обществѣ таится безсознательно, невидимо для него самого, доколѣ не появится среди его человѣкъ со властью и не раскроетъ передъ нимъ его же тайныхъ думъ. Въ томъ, что личность прочувствовала, сознала и затѣмъ съ силой выразила безсознательно хранимое обществомъ, нельзя не видѣть личной заслуги. Намъ возразятъ пожалуй, что вѣдь здѣсь итъ еще особенной заслуги, если извѣстная личность болѣе чѣмъ другая способна усвоить себѣ матерьялъ, даваемый современнымъ обществомъ, потому что не ставимъ же мы въ заслугу слону его способность везти большую тяжесть, чѣмъ лошадь. Человѣкъ такъ устроенъ, — говоритъ нашъ авторъ — что не можетъ не мыслить, когда есть предметы и лица, вызывающіе на размышленіе, не можетъ и даровитая натура не высказываться, именно потому, что она даровита. Самое это удовлетвореніе потребности высказаться въ извѣстной формѣ уже и есть награда для нея, и больше ей нечего требовать отъ общества. Но положимъ, что человѣкъ дѣйствительно такъ устроенъ, что не можетъ не мыслить... Тѣмъ неменѣе люди какъ-то вообще цѣнятъ хорошее мышленіе. Не говорятъ же они: NN не стоитъ хвалить за то, что онъ хорошо мыслить; у него дескать хорошая голова, а хорошая голова не можетъ мыслить нелогично. Слонъ дѣйствительно везетъ гораздо больше лошади, потому что силы у него больше; но вѣдь никто же и не смѣшиваетъ его съ лошадью и не говоритъ, что для перевозки нѣкоторыхъ громоздкихъ тяжестей лошадь пригоднѣе, чѣмъ слонъ. Если онъ работаетъ больше лошади, то за нимъ и уходу больше, и больше о немъ заботится всякій расчетливый хозяинъ. Береза невиновата въ томъ, что она не пальма; но никто вѣдь не станетъ ставить выше пальмы простую березу. Намъ кажется, что какое-то тонкое безчеловѣчіе проглядываетъ въ подобныхъ разсужденіяхъ. Положимъ, трудится извѣстный человѣкъ: неужели его трудъ не стоитъ вознагражденія, потому что онъ, какъ человѣкъ трудолюбивый, не можетъ не трудиться?.. Вѣдь такъ говорить значить утверждать ни болѣе ни менѣе, что трудъ не заслуживаетъ никакого вознагражденія. Но о нелѣпости такихъ аксіомъ можно справиться даже и въ новой наукѣ общественныхъ отношеній...

Такъ вотъ и думается намъ, что во всякомъ истинно-литературномъ произведеніи непременно есть что-то такое, что принадлежитъ собственно авторской личности и что слѣдовательно можетъ составлять литературную собственность ея. Говоря такимъ образомъ, мы вовсе не думаемъ, чтобъ все составляющее матерьялъ литературнаго произведенія было предметомъ авторской собственности. Мы соглашаемся, что большая часть умственного достоянія въ из-

вѣстной личности передана ей отъ предшествовавшихъ поколѣній, что образованіемъ многихъ мыслей она обязана предметамъ и лицамъ, ея окружающимъ, что слѣдовательно во всякомъ литературномъ произведеніи участвуетъ трудъ многихъ другихъ лицъ, выразителемъ которыхъ дѣлается авторъ въ своемъ трудѣ. Понятно, что только безконечною глупостью и тупостью можно бы было объяснить притязаніе человѣка, пишущаго исторію вавилонскаго государства, на исключительное право заниматься этимъ предметомъ. Вавилонская исторія не составляетъ ничьей собственности. Матерьялы для нея всегда будутъ открыты для всѣхъ желающихъ заниматься ею. Вотъ еслибы кто сталъ обращать ихъ въ свою собственность и во имя этого права сталъ бы отнимать у всякаго другого изслѣдователя возможность разрабатывать ихъ, то стоило бы вооружаться противъ него и говорить, что дескать въ матерьялахъ этихъ нѣтъ ничего составляющаго его *собственность*. Такимъ образомъ рабочее поле для всѣхъ открыто и каждый можетъ идти на него работать; но каждый при этомъ вырабатываетъ результаты, соотвѣтственные степени своихъ силъ и трудолюбія. Комбинація этихъ выводовъ составляетъ во всякомъ случаѣ уже плодъ личнаго труда автора.

Если авторъ не можетъ называть своей собственностью тѣ матерьялы, какими онъ воспользовался для своего литературнаго труда, зато безъ сомнѣнія онъ имѣетъ неотъемлемыя права на форму, въ какой они излагаются и на комбинацію ихъ, сдѣланную съ тѣмъ или другимъ достоинствомъ. Публицистъ положимъ изображаетъ то или другое состояніе общества въ извѣстную эпоху. Онъ пожалуй выражаетъ въ своихъ статьяхъ убѣжденія своего кружка и т. под. Но выразить ихъ въ той или другой формѣ, съ той или другой силой,—это зависитъ отъ самой личности публициста, и дѣльная публицистическая статья при всей легкости матерьяловъ требуетъ для себя значительнаго *личнаго* труда. Предъявлять права на матерьялы, вошедшіе въ статью, публицистъ въ этомъ случаѣ не можетъ, а на комбинацію ихъ, на вѣшнюю форму можетъ.

Поэтому и могутъ быть въ литературномъ мѣрѣ кража и поддѣлки, чего никакъ не признаетъ нашъ авторъ.

Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія права собственности на мысль, защитники должны были придти къ тому, что нарушение авторскаго права должно принадлежать къ одному изъ видовъ кражи. Хотѣли видѣть поэтому «поддѣлку», но поддѣлка предполагаетъ замѣну одного другимъ, скрытіе истины. Какое же скрытіе истины въ томъ, что является перепечатка? Тутъ никто не обмануть: и имя, и мысли, и способъ ихъ изложенія совершенно одинаковы въ обоихъ па-

даніяхъ. Другое дѣло, если будетъ сохранена фирма издателя, входившаго въ сношеніе съ авторомъ, т. е. на перепечатанномъ сочиненіи будетъ показанъ первый издатель и даже его типографія. Но и тутъ нѣтъ еще никакой поддѣлки, потому что сочиненіе перепечатано вполне вѣрно, а указано невѣрно только имя издателя, до котораго въ сущности читателю нѣтъ никакого дѣла. Значитъ тутъ не поддѣлка, а только невѣрное показаніе имени лица, играющаго въ дѣлѣ наименѣе видимую роль.

• Другіе хотѣли видѣть въ этомъ дѣлѣ обманъ, потому что перепечатчикъ записывается тихонько, скрывается отъ автора и его издателя; а нѣкоторые говорили, что перепечатки — кража. Но и это невѣрно. Кражей называется пользованіе чужой вещью, а книга, съ которой дѣлалась перепечатка, не была украдена. Она могла быть добыта честнымъ путемъ и затѣмъ уже перепечатана. *Чтожъ тутъ украдено?* Еслижъ думать, что украдена мысль, то это еще менѣе вѣрно. Мысль не имѣетъ матерьяльной формы; *украденъ же можетъ быть только предметъ матерьяльный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки* (замѣчательный афоризмъ). Видѣть въ этомъ посягательство на духовную собственность менѣе всего вѣрно. Что значить духовная собственность? Какъ можно вторгнуться въ предѣлы чужого міросозерцанія? Чѣмъ опредѣляются границы сферы умственной дѣятельности каждаго человека? Границъ этихъ нѣтъ и невозможно опредѣлить ихъ никакими инструкціями...

Читая эти строки, чувствуешь какъ лавируетъ авторъ, чтобъ доказать невозможность поддѣлки и кражи въ литературномъ мірѣ. Для этого онъ намѣренно не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей, какъ напримѣръ того, что украденъ можетъ быть не одинъ только предметъ матерьяльный, вещь, которая можетъ быть взята въ руки. Онъ хочетъ смотрѣть на предметъ съ одной только точки зрѣнія, именпо со стороны читателей, которымъ конечно нѣтъ никакого дѣла до автора книги, до ея издателя, и которымъ одно только нужно: дешовая и хорошая книга. Толкуя о невозможности поддѣлки и кражи въ литературномъ мірѣ, онъ забываетъ совершенно объ экономическихъ условіяхъ изданія въ свѣтъ всякой книги, хотя и говорить, что ему знакома новая наука общественныхъ отношеній, а эти экономическія условія повели бы его къ нѣсколько инымъ результатамъ. Литературный трудъ въ экономическомъ отношеніи подлежитъ тѣмъ же почти условіямъ, какъ и всякій другой производительный трудъ. Всякое литературное произведеніе требуетъ попервыхъ нѣкоторое количество времени на собраніе для него матерьяловъ, умственную переработку ихъ и потомъ на изложеніе добытыхъ результатовъ. А «время—деньги», по англійской пословицѣ. Въмѣсто писанья статьи литераторъ могъ бы это время употребить

на какое-либо другое выгодное производство. Да при этомъ же онъ затрачиваетъ извѣстный капиталъ (помимо затраты его въ изданіи), потому что онъ платитъ, пока пишетъ статью, за матеріальный комфортъ. Кромѣ того литературный трудъ болѣе всякаго другого требуетъ траты здоровья и силъ. Если авторъ самъ издаетъ свое сочиненіе, то онъ еще затрачиваетъ съ рискомъ (потому что въ случаѣ неудачи капиталъ не воротится къ нему) извѣстный капиталъ, или эту затрату принимаетъ на себя издатель. Такимъ образомъ на литературное произведеніе тратится очень много труда и капитала. Успѣхъ книги въ публикѣ и служитъ автору вознагражденіемъ за трудъ и даетъ средства или капиталъ для новаго умственного производства; успѣхъ даетъ автору возможность окружать себя большими матеріальными удобствами, даетъ средства къ наслажденію. Станетъ ли нашъ авторъ отрицать у литературнаго труда право на наслажденіе? Если фабричный рабочій по двѣнадцати часовъ въ сутки работаетъ для того, чтобы доставить себѣ какой-нибудь комфортъ въ жизни, можетъ ли литературный трудъ предъявлять право на наслажденіе? Но этого онъ никакъ не можетъ сказать, потому что и новая наука общественныхъ отношеній призываетъ литературный трудъ *трудомъ*, и притомъ трудомъ въ высшей степени *производительнымъ*. Нельзя же ему сказать, что за литературный трудъ не стоитъ платить. Это было бы ужъ слишкомъ.

И бѣда-то наша въ томъ, что экономическія условія литературнаго труда останутся всегда неизбѣжными въ литературѣ, при всѣхъ формахъ общественныхъ отношеній. Положимъ, литераторъ или ученый будетъ поставленъ въ такое положеніе, что не будетъ зависеть отъ успѣха или неуспѣха своихъ сочиненій. Представимъ себѣ, что вся издательская дѣятельность перейдетъ современемъ въ руки общества, какъ и мечтаетъ о томъ нашъ авторъ, и литераторъ будетъ получать готовые средства къ жизни не въ видѣ платы за его книгу, теперь доставляемой случайными покупателями сея, а непосредственно отъ общества, въ мѣрѣ, сообразной съ дѣйствительнымъ достоинствомъ его труда. Опять-таки дѣло тутъ нисколько не измѣнится въ самой сущности. Капиталъ все-таки будетъ растрачиваться: вопервыхъ на изданіе книгъ (разница здѣсь только въ томъ, что затрачивать будетъ не одно лицо, самъ авторъ, или другое постороннее лицо, издатель, а нѣсколько лицъ, общество); во вторыхъ на плату жалованья автору, потому что и тогда трудъ долженъ будетъ все-таки оплачиваться и никто не рѣшится безъ надежды на матеріальныя удобства тратить свои силы и время на литературный трудъ. Слѣдовательно какое угодно общество непременно должно будетъ назначать цѣны за книги, опредѣляемыя коли-

чествомъ затраченнаго капитала, или по истощеніи безвозвратно затрачиваемаго капитала оно должно будетъ современнѣе прекратить свою издательскую дѣятельность. Какъ-видно условія и при всякомъ другомъ веденіи литературнаго дѣла остаются тѣже, какія и теперь существуютъ при частномъ издаваніи книгъ. Вѣдь и теперь при всякихъ частныхъ издательскихъ предпріятіяхъ стоимость въ продажѣ извѣстной книги опредѣляется количествомъ капитала, употребленнаго на самое изданіе ея, на плату автору, количествомъ риска и современною стоимостью самаго капитала. А авторъ всегда опредѣляетъ степень вознагражденія за трудъ впервыхъ количествомъ потраченнаго капитала на производство его, а вторыхъ количествомъ новой траты во время отдыха для возстановленія потраченныхъ на трудъ здоровья и силъ и для приготовленія себя къ новому произведенію.

Поэтому «перепечатка» всегда будетъ имѣть характеръ кражи, похищенія чужой собственности. Не о похищеніи мысли тутъ идетъ рѣчь, какъ полагаетъ нашъ авторъ. Мысль справедливо называется космополиткой; она не привязывается исключительно къ одной какой-либо странѣ и ни одна страна не рѣшится какую-либо мысль называть своею собственностью. Тѣмъ менѣе шансовъ полагать, чтобъ она могла привязаться исключительно къ одной какой-либо головѣ и стать ея исключительной собственностью. Но положимъ Пушкинъ издалъ напримѣръ Евгенія Овѣгина. Какой-нибудь спекулянтъ вздумалъ бы съ одного купленнаго экземпляра перепечатать цѣликомъ Овѣгина, какъ онъ есть, и пустить въ продажу. Чтò собственно безразлично въ этомъ поступкѣ? Вѣдь конечно не то, что спекулянтъ напечаталъ въ своемъ новомъ изданіи мысли о воспитаніи, объ обществѣ, о занятіяхъ его и т. п. Все это извѣстно было въ тогдашнее время конечно не одному Пушкину и слѣдовательно за это нельзя было бы преслѣдовать афериста. Но несомнѣнно, что онъ при перепечатываніи похитилъ, обратилъ въ свою пользу пушкинскія выраженія извѣстныхъ мыслей, чтò уже во всякомъ случаѣ составляетъ собственность одного только Пушкина. Не говоримъ уже о томъ, что еслибы онъ вздумалъ утаить имя автора и приписать твореніе себѣ, то это было бы дѣломъ уже положительно безнравственнымъ. Въ такомъ случаѣ его слѣдовало бы преслѣдовать какъ публичнаго лжеца, который дѣйствіа одного лица *намышленно* выѣняетъ другому. Такая указанная нами перепечатка пушкинскаго Овѣгина цѣликомъ, слово въ слово спекулянтомъ была бы похищеніемъ чужого труда. Собраніе матерьяловъ, обдумыванье ихъ, сообщеніе имъ выѣвней формы потребовало отъ Пушкина много труда и времени. На сочиненіе и изданіе его Пушкинъ потра-

тыгь извѣстный умственный и матерьяльный капиталъ. Расходъ издѣлія долженъ былъ вопервыхъ воротить ему потраченный капиталъ, вторыхъ дать за трудъ средства къ улучшенію жизненнаго комфорта и къ новому умственному производству. Но спекулянтъ является тутъ съ нимъ конкурентомъ, и что особенно нужно замѣтить — совсѣмъ при другихъ условіяхъ. Пустить въ продажу книгу по той же цѣнѣ, какую назначилъ авторъ, онъ не можетъ, потому что въ этомъ случаѣ онъ ужь *положительно* уличается въ кражѣ. Когда Пушкинъ назначалъ цѣну своему труду, то при этомъ онъ имѣлъ въ виду затраченный капиталъ на самое производство, тогда какъ перепечатчикъ почти ничего не тратилъ на трудъ сочиненія Ойѣгина, а только купилъ одинъ или два экземпляра его. Слѣдовательно, пустивъ его въ продажу по авторской же цѣнѣ, онъ просто опускалъ бы въ свой карманъ то, что слѣдуетъ собственно автору-производителю. Значить опредѣлителемъ цѣны книги у перепечатчика остается только количество капитала, употребленнаго на самое высшее изданіе его. Но въ этомъ случаѣ конкуренція съ нимъ самого автора становится невозможной, потому что перепечатчикъ можетъ вдвое понизить цѣну книги и авторъ-издатель уже не можетъ рассчитывать на то, что его трудъ окупится. Слѣдовательно подобная конкуренція отнимаетъ, похищаетъ у автора право на возвратъ затраченнаго капитала и возможность пользоваться выгодами отъ своего труда. Допускать подобную конкуренцію значитъ ни болѣе ни менѣе какъ отрицать у всякаго труда возможность поддерживать себя собственными средствами, быть самостоятельнымъ. Выгоды отъ него тогда стали бы обращаться въ пользу не того, кто былъ производителемъ, а кто сумѣлъ ловко вырвать его изъ рукъ самого виновника труда и употребить въ свою пользу. Такимъ образомъ перепечатчикъ получаетъ характеръ литературнаго вора, безправственнаго человѣка, пользующагося даровымъ трудомъ, похищающаго у труженика выгоды его труда.

Вопросъ поэтому, нужны ли какіе-нибудь законы, которые обезпечивали бы автору его литературную собственность, — будетъ вопросомъ о гарантіи труду плодовъ, результатовъ его. Полагаемъ, что при всевозможномъ измѣненіи условій общественной жизни, покуда общество на трудъ будетъ основывать свое благосостояніе, всегда будетъ необходимость обезпечить человѣку вознагражденіе за его трудъ. Съ точки зрѣнія нашего автора, этого кажется не должно быть. По его принципу литературный трудъ оканчивается такимъ производствомъ, которое не можетъ ни въ какомъ случаѣ принадлежать самому автору; все въ немъ прямо или непрямо заимствовано авторомъ отъ общества, среди котораго онъ живетъ. На чело-

вѣка въ этомъ случаѣ онъ смотритъ какъ на какое-то слѣпое орудіе дѣйствующихъ на него силъ. Въ локомотивѣ дѣйствуетъ паръ на разныя комбинаціи рычаговъ и приводитъ въ движеніе его колеса, съ ними движется цѣлый поѣздъ. Но никто не думаетъ же хвалить и ставить въ личную заслугу локомотиву то обстоятельство, что онъ движется и тащитъ за собой вагоны; движется онъ потому, что и не можетъ недвигаться, когда давленіе пара вертитъ его колеса. Подобный взглядъ нашъ авторъ перенесъ и на человѣка. Литераторъ пишетъ статью, но материалы для нея онъ беретъ изъ-въшъ; то, о чемъ онъ говоритъ въ ней, возбуждено въ немъ окружающими его предметами, и пишетъ—то онъ потому, что не можетъ не писать, коль скоро родилась въ немъ потребность высказаться, подѣлиться *даровыми* впечатлѣніями. Отсюда выходитъ, что литераторъ своего-то ничего не производитъ, собственности значить у него нѣтъ, и платитъ ergo ему незачто. Мы жалѣемъ, что авторъ не справился въ новой, какъ-видно извѣстной ему наукѣ общественныхъ отношеній и не посмотрѣлъ, къ какой категоріи труда относится литературный трудъ и за что собственно литераторъ имѣетъ право на вознагражденіе, какъ и всякой другой труженникъ. Тогда онъ не сталъ бы отрицать у труда право на вознагражденіе и не сталъ бы сводить трудъ на одну доску съ искусствомъ для искусства.

Что современное законодательство о литературной собственности неудовлетворительно, объ этомъ и говорить нечего. Но неудовлетворительность его въ этомъ отношеніи, по нашему мнѣнію, вовсе не даетъ повода къ тѣмъ радикальнымъ заключеніямъ, какія выводитъ авторъ разбираемой статьи. Онъ не разграничиваетъ самыхъ простыхъ понятій, не хочетъ понять, что неудовлетворительность законовъ *de facto* не даетъ права отвергать его *de jure*, въ самомъ его принципѣ. Приведемъ въ примѣръ законъ объ оскорбленіи личной чести. За оскорбленіе въ крупныхъ случаяхъ онъ назначаетъ штрафы въ пользу оскорбленнаго лица. Но вѣдь закону невозможно формулировать безчисленные случаи, когда личная честь подвергается оскорбленію. И смѣшно было бы ожидать, чтобы онъ взялъ на себя такой громадный трудъ. Съ него довольно, если онъ станетъ защищать самый принципъ чести и выразится относительно его совершенно ясно и опредѣлительно, стараясь *возможно* дать постановленія въ самыхъ крупныхъ и важныхъ случаяхъ оскорбленія. Пра этомъ можетъ случиться, что законодательство будетъ крайне неудовлетворительно, будетъ не въ силахъ всегда и вездѣ защищать лицо отъ безнаказанныхъ оскорбленій, будетъ сбавчиво и т. п. Но можно ли отсюда заключать, что невѣрнѣ

самый принципъ защиты одного безсильнаго лица отъ оскорбленія со стороны сильнаго? Вѣроятно нѣтъ. Законъ можетъ быть сбивчивъ отъ недостаточной разработки юридическихъ понятій, отъ фальшиваго пониманья нѣкоторыхъ сторонъ ихъ, но неясность, неудовлетворительность его ни въ какомъ случаѣ не даетъ повода къ отрицанію нужды и состоятельности самаго закона. Если законъ плохъ, неудовлетворителенъ, плохо защищаетъ то что хочетъ защищать, — нужно пересмотрѣть, разсмотрѣть фальшь, какая въ немъ есть; но чѣмъ же виноватъ самый принципъ, если онъ плохо проводится въ законѣ?

Мы соглашаемся, что законы о литературной собственности вездѣ неудовлетворительны; но отсюда еще не слѣдуетъ, что намъ не нужно никакихъ законовъ о предупрежденіи кражи литературнаго труда. Совершенно правду говоритъ авторъ, что «границы сферы умственной дѣятельности каждаго человѣка невозможно опредѣлить никакими инструкціями и законодательствами». Законы о литературной собственности оттого и вышли неудовлетворительны, что они хотѣли опредѣлить эти границы, что при извѣстныхъ понятіяхъ о собственности вообще, они старались сохранить право автору на самую мысль, тогда какъ этого ни въ какомъ случаѣ не должно быть. Правда, что на «мысли нельзя смотрѣть какъ на разнородныя хлѣбныя зерна, насыпанныя въ одинъ общій мѣшокъ; такъ что безъ всякаго труда можно рассортировать или отдѣлить овесъ отъ ячменя и пшеницу отъ ржи». Но во имя подобныхъ, конечно справедливыхъ положеній можно доказывать только то, что всякій, который дѣлаетъ мысль собственностью какихъ-нибудь личностей и пытается въ этомъ смыслѣ опредѣлять границы умственной дѣятельности одного человѣка отъ умственной дѣятельности другого, совершенно несостоятеленъ. Если теперь современный законъ имѣетъ подобныя тенденціи, то онъ долженъ быть измѣненъ, и только. Больше заключать на основаніи указаннаго положенія было бы нелогично и несправедливо. А нашъ авторъ именно это дѣлаетъ. Изъ того, что нынѣшніе законы о литературной собственности имѣютъ въ виду оградить право личности на самую мысль, онъ заключаетъ, что не нужно никакихъ законовъ для защиты литературнаго труда. Это ужъ называется скачкомъ въ доказательствѣ.

Вмѣсто того чтобы защищать право собственности на мысль, чего дѣйствительно никогда не защитить, законъ долженъ былъ бы по нашему мнѣнію защищать собственно литературный трудъ. Какъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить, что въ извѣстномъ планѣ составляетъ личную мысль архитектора и что заимствовано имъ отъ

других? Гдѣ провести границу между художественнымъ произведеніемъ скульптора и ремесленнымъ скульптурнымъ издѣліемъ? Какъ сказать, чѣмъ извѣстный поэтъ-художникъ заимствовался отъ другихъ и что можетъ быть приписано собственно ему? Конечно, эстетическое чувство развитого, знающаго человѣка пожалуй сумѣетъ отличить искусство отъ ремесла. Но закону писать руководящія опредѣленія для такихъ случаевъ чрезвычайно трудно, почти невозможно. Отказавшись отъ невозможныхъ для себя задачъ, законъ удобнѣй могъ бы защитить литературный трудъ. Мы говорили уже о томъ, что во всякомъ литературномъ произведеніи его высшая форма составляетъ плодъ чисто-личнаго труда. Мысль можетъ быть заимствована отвнѣ, можетъ быть возбуждена въ авторѣ высшими предметами, но то или другое ея выраженіе, та или другая комбинація мыслей, трудъ комбинирования и изложенія ихъ долженъ быть приписанъ самой уже личности. Отвергать подобнаго рода авторскія права значить прямо отрицать возможность *личныхъ* заслугъ, лишать правъ на славу и благодарность потомства всѣхъ литературныхъ знаменитостей. Или точнѣе говоря, подобное отрицаніе будетъ отрицаніемъ литературнаго труда, какъ труда; на это вѣроятно несогласится и самъ авторъ литературной собственности. Поэтому перепечатка цѣликомъ на примѣръ литературнаго произведенія помимо воли автора или вообще того человѣка, къ которому оплачивается его литературный трудъ, будетъ ли то посторонній издатель или цѣлое общество, должна быть отнесена просто къ одному изъ видовъ кражи, особенно при нынѣшнихъ условіяхъ литературнаго труда. Конкуренція тутъ перепечатчика съ авторомъ, котораго трудъ и капиталъ, убитый на литературное произведеніе, еще неоплаченъ, имѣетъ характеръ конкуренціи для болѣе успѣшной кражи чужого труда. При перепечаткѣ главнымъ образомъ страдаютъ экономическія условія литературнаго труда. Вотъ и нужно похлопотать, чтобъ трудъ не похищался всецѣло спекуляціей, чтобъ онъ не убивался ею.

Исполненіе подобной задачи очень возможно и удобно для законодательства. Оно всегда можетъ опредѣлить извѣстное число изданій, которыя должны окупать ученый и литературный трудъ, или извѣстное число лѣтъ, продолженіе которыхъ авторъ имѣетъ право пользоваться матеріальными выгодами отъ своихъ литературныхъ трудовъ. Въ этомъ случаѣ вѣтъ нужды опредѣлять число экземпляровъ каждаго изданія и цѣну ихъ. Все это можетъ быть предоставлено самому автору. Если онъ употребилъ много труда на свое произведеніе и если онъ считаетъ свой трудъ довольно цѣннымъ, то пусть и печатаетъ его въ большомъ количествѣ экзем-

плярствъ и назначаетъ ему дорогую цѣну. Если первое изловіе разошлось скоро и оказался большой запросъ на его книгу, — ничто не мѣшаетъ ему произвольно увеличить количество экземпляровъ второго изданія. Но при этомъ законъ долженъ отказаться отъ преслѣдованія компиляцій, потому что это дѣйствительно отзывается признаніемъ за авторомъ права собственности въ области мысли. И въ компиляціи, какъ мы уже сказали, нельзя не признать большую долю личнаго труда автора. Иная компиляція можетъ быть гораздо лучше самого оригинала, и на компилятора въ этомъ случаѣ можно смотрѣть какъ на автора. Пусть конкурируютъ съ авторомъ компиляторы. Если они будутъ дѣлать компиляціи лучше чѣмъ оригиналы, тогда они становятся самими авторами, пользовавшимися однимъ источникомъ, тогда какъ оригиналъ составленъ при пособіяхъ нѣсколькихъ. Если они станутъ вредить успѣху оригинала, то это потому только, что они лучше его, и защиты отъ подобной конкуренціи авторъ не вправе требовать, все равно какъ недалекій человѣкъ не вправе требовать, чтобъ его недалекія мысли объ извѣстномъ предметѣ предпочитались лучшимъ и основательнѣйшимъ, чтобъ его безсвязное лепетанье порядочныхъ мыслей предпочиталось болѣе связному изложенію тѣхъ же мыслей. А если компиляціи будутъ хуже оригинала, то онѣ не повредятъ ему, потому что никто же не станетъ покупать худую вещь, когда есть возможность купить хорошую. Славы литературной никогда компиляціи не отнимутъ, потому что всякій знающій человѣкъ сейчасъ отличить, что составляетъ самостоятельный литературный трудъ. Подобнаго рода конкуренція имѣетъ вовсе уже не тотъ характеръ, какой имѣла бы конкуренція автора съ простымъ перепечатчикомъ. При компиляціи сохраняются почти тѣже условія, какія неизбѣжны и для самостоятельнаго литературнаго труда. Какъ ни легки повидимому компиляціи, но онѣ, особенно хорошія, все-таки требуютъ напряженія силъ, времени, труда, хотя и меньше чѣмъ трудъ самостоятельный. Перепечатка же дѣло совсѣмъ другое. Тутъ дѣло дѣлается очень просто: берется готовая книга, отдается въ типографію и затѣмъ продается. Автору перепечатчикъ вредитъ не тѣмъ, что дѣлаетъ дѣло въ какомъ бы то нибыло отношеніи лучше его, а тѣмъ, что захвативъ чужой трудъ, эксплуатируетъ его въ свою пользу, тѣмъ, что перепродаетъ чужой трудъ цѣликомъ. Сказанное вами могло бы быть приложено не къ однимъ литературнымъ произведеніямъ, а ко всѣмъ другимъ произведеніямъ искусства, еслбы воспроизведеніе ихъ было возможно совершенно при такихъ же условіяхъ, какъ воспроизведеніе книги простой перепечаткой. Но дѣло въ томъ, что копіи напримѣръ съ картинъ, даже при

вышшихъ фотографическихъ средствахъ, вовсе не имѣютъ характера перепечатки, потому что копія никогда не удается стать рядомъ съ оригиналомъ. Достоинство его и матерьяльная цѣнность не только не понижается, а напротивъ возвышается съ увеличеніемъ числа копій; они играютъ въ этомъ случаѣ роль газетныхъ объявленій о содержаніи и достоинствахъ оригинала. Такъ же трудно, почти невозможно воспроизвести какую-нибудь статую Кановы или Фидіаса; копія съ нея никогда не будетъ равною оригиналу. Цѣнность оригинала, а слѣдовательно и матерьяльныя выгоды его автора поэтому нисколько не страдаютъ отъ копировки. Но скажутъ: можетъ-быть самъ авторъ вздумаетъ сдѣлать копія съ своего произведенія, а у него станутъ отбивать хлѣбъ другіе конкуренты — копіисты. Но дѣло въ томъ, что авторъ здѣсь въ самомъ выгодномъ положеніи сравнительно съ другими конкурентами, потому что онъ самъ писалъ оригиналъ. Его копія разумѣется будутъ гораздо лучше, ближе подходить къ оригиналу, чѣмъ копія постороннихъ художниковъ. У автора копія можетъ выдти еще лучше оригинала, потому что въ ней онъ можетъ исправить недостатки, замѣченные уже по окончаніи труда надъ оригиналомъ. Вообще и въ пластическихъ искусствахъ для контрафакціи и копирования требуется много самодѣтельнаго труда. По условіямъ своимъ они близки къ авторскому труду; кромѣ того они не вредятъ матерьяльному интересу автора; а въ вѣкоторыхъ случаяхъ еще помогаютъ ему. На перепечатку жѣ архитектурныхъ плановъ, музыкальныхъ нотъ можно смотрѣть такъ же, какъ и на перепечатку литературныхъ произведеній, потому что при этомъ матерьяльныя выгоды авторовъ нотъ и плановъ страдаютъ такъ же, какъ и авторовъ книгъ; чисто-механическими способами тутъ похищается самодѣтельный трудъ.

Когда прошло извѣстное число лѣтъ или когда извѣстное число изданій оплатило авторскій трудъ, законодательству нѣтъ дѣла до автора. Авторъ послѣ этого становится издателемъ-конкурентомъ, и если можетъ потребовать помощи закона, то въ томъ только случаѣ, если умышленно какой-либо издатель станетъ отнимать у него авторство или искажать его трудъ. Право на подобную защиту онъ имѣетъ какъ человекъ, трудившійся надъ изложеніемъ мыслей, надъ ихъ вышней формой. Перепечатка здѣсь ему не вредитъ, потому что и трудъ и капиталъ уже оплаченъ. Законъ вступается только за отрицаніе работы надъ извѣстнымъ предметомъ, надъ собраніемъ и изложеніемъ извѣстныхъ мыслей, потому что авторство въ этомъ смыслѣ никогда не прекращается. Но тутъ могутъ возразить: почему же не можетъ авторъ навсегда удержать за собою право изданія въ свѣтъ своихъ сочиненій? По-

чему вы только на нѣкоторое время признаемъ за чуждъ это право изданія и пользованія отъ нихъ выгодами? Если живо сдѣлана статуя, то почему же по прошествіи нѣкотораго времени она будетъ считаться уже не моею собственностью? Почему дохода отъ нея я не могу передать дѣтямъ или родственникамъ и т. п.? Понятнѣе возраженіе дѣйствительно сильно и неопровержимо при высшихъ понятіяхъ о собственности вообще, когда не одинъ только личный трудъ даетъ право на пользованіе известными удобствами жизни. Конечно, будетъ и такое время, когда бездѣйствію и лѣности придется учиться не безумнымъ тратамъ и безумной роскоши, а просто голоду. Никто не отнимаетъ отъ васъ правъ на выгоды отъ вашего литературнаго труда: мы напротивъ полагаемъ совершенно необходимымъ, чтобъ въ экономическомъ отношеніи литературный трудъ также имѣлъ экономическія выгоды, или, какъ говорятъ политико-экономы, былъ для васъ производителемъ наравнѣ со всякимъ трудомъ. Но вотъ противъ чего мы идемъ: говоря, что нельзя отрицать въ авторѣ правъ на личную заслугу въ дѣлѣ мысли, мы тогда-же говорили, что нельзя и *се* въ авторскомъ дѣлѣ считать совершенной *собственностью* автора. Мы тогда же старались яснѣй опредѣлить что именно въ каждомъ литературномъ произведеніи принадлежитъ всегда авторамъ: это по нашему мнѣнію трудъ комбинированья мыслей, ихъ выраженія, — внѣшняя ихъ форма. На нее авторъ имѣетъ право, можетъ пользоваться выгодами отъ нея, какъ вообще человекъ имѣетъ право на наслажденіе за свой трудъ. Когда вопросъ идетъ только о личныхъ заслугахъ автора, никто *никогда* не можетъ отнимать ихъ у него, т. е. отрицать его авторство. Онѣгинъ Пушкина и черезъ тысячу лѣтъ останется Онѣгиннымъ Пушкина же. Смѣшно и безконечно глупо было бы сказать, что въ первый положимъ десять лѣтъ со дня появленія на свѣтѣ Онѣгинъ могъ быть приписываемъ Пушкину, а послѣ этого срока на Онѣгина всѣ могутъ предъявить свое авторское право и какой-нибудь NN можетъ безъ обвиняковъ выставить свое имя, какъ сочинителя, на заглавной виньеткѣ къ изданію Онѣгина. Объ этомъ конечно и толковать много нечего. Но дѣло въ томъ, что когда вы говорите, почему дескать невозможно навсегда удержать за собою право литературной собственности и передавать его въ наследство другимъ, — вы имѣете въ виду экономическія выгоды. Вопросъ значитъ переносится на экономическую почву. А въ экономическомъ отношеніи литературный трудъ подлежитъ общимъ условіямъ всякаго другого труда. Коль скоро я получаю плату — вознагражденіе за трудъ, дѣйствительное пропорціональное коли-

честу и качеству его, — я не имѣю никакого права предъявлять правъ своихъ на новыя вознагражденія. Вѣдь я не имѣю права десять разъ продавать одну и ту же вещь. Какъ скоро трудъ мой, в затраченный на него капиталъ окупился, не могу же я требовать новыхъ платъ, новыхъ вознагражденій. Иначе я буду требовать несправедливаго, большаго, чѣмъ я затратилъ, — и въ этомъ случаѣ долженъ быть отнесенъ къ разряду ростовщиковъ, готовыхъ съ ста брать не настоящіе, справедливые, опредѣляемые стоимостью капитала въ извѣстной странѣ, проценты, а въ три, четыре ж болѣе разъ большіе, — сколько удастся, сколько можно получить. Вотъ поэтому, какъ скоро окупился мой литературный трудъ при извѣстномъ числѣ его изданій, когда онъ поступилъ въ число *проданныхъ* трудовъ, всякія экономическія притязанія мои на него уже не должны быть дѣйствительны, всякія претензіи вѣчно продавать его не должны быть законны. Если мы признаемъ за авторомъ личную заслугу въ литературномъ произведеніи, т. е. приписываемъ ему нѣчто вродѣ духовной собственности, то ради послѣдовательности должны признать за нимъ и право такого же духовнаго свойства, т. е. право называть сочиненіе своимъ, справедливо пользоваться авторскою славой въ потомствѣ. Здѣсь мы должны соблюсти тотъ логическій, общепризнанный законъ составленія заключеній во всякомъ силлогизмѣ, по которому въ заключеніи не должно быть больше, чѣмъ въ основаніи. Но этотъ-то законъ мы и нарушаемъ, когда изъ указаннаго выше основанія выводимъ право — безконечное число разъ *продавать* плоды своего авторства. Не говоримъ уже о томъ, что и самая вѣрность основанія — вещь неовсѣмъ доказанная и требуетъ значительныхъ ограниченій. Если мы признаемъ за авторомъ личный трудъ надъ собраніемъ, усвоеніемъ себѣ извѣстныхъ мыслей, трудъ выраженія ихъ въ извѣстномъ произведеніи, то опять ради послѣдовательности должны признать право труда на наслажденіе, на извѣстныя выгоды, должны дать ему возможность окупиться. Изъ этого принципа *только* долженъ выходить законъ объ авторскихъ экономическихъ правахъ. Законъ и долженъ брать на себя эту именно задачу — охрану труда, гарантировку правъ его на заслуженныя, заработанныя выгоды, и опять ради послѣдовательности долженъ убраться со сцены, когда исполнить свою задачу, долженъ потерять свою силу для автора, когда исполнилъ все что могъ и долженъ былъ обѣщать. Авторъ послѣ этого остается только *асторомъ* извѣстнаго литературнаго произведенія, и если захочетъ, можетъ выступить на сцену въ качествѣ издателя-капиталиста, и въ этомъ только своемъ значеніи долженъ пользоваться покровительствомъ законовъ, какъ пользуется

онъ и вслѣдъ другой конкурирующей съ нимъ податель-издательность. Оттого и не должно быть ничего страннаго въ томъ мнѣнїи, что вслѣдъ нѣсколькихъ изданій авторъ теряетъ право защиты отъ конкуренціи при изданіи своихъ сочиненій.

Такимъ образомъ, по нашему принципу пониманія литературной собственности, всякой литературной трудъ, развѣ достойно оплаченный и вознагражденный, не долженъ требовать себѣ новыхъ платъ и вознагражденій. Вотъ почему и не должно быть приравниваемо подобнаго авторскаго права за правительственными постановленіями и законами. Всякое правительство дорого обходится странѣ; ему платятъ отъ нея жалованье и въ этомъ жалованьи оно получаетъ плату за свой трудъ. Такъ какъ странѣ нужно знать что дѣлаетъ правительство въ интересахъ общаго благосостоянія, чѣмъ оно вознаграждаетъ ее за пожертвованія, а наилучшимъ средствомъ для подобнаго публиканій служить печать, — то правительствомъ и печатаетъ свои постановленія и законы; такія публиканія входятъ въ кругъ его обязанностей, въ число условій контракта между нимъ и странею, за исполненіе котораго оно получаетъ вознагражденіе, жалованье. Если я плачу по 200 руб. въ мѣсяцъ извѣстному джентльмену, который обязался хлопотать о моемъ дѣлѣ въ некоемъ городѣ и о всякомъ важномъ своемъ дѣйствіи дастъ мнѣ отчетъ, то за чтожъ я стану ему платить, какъ автору отчетовъ? Я конечно скажу, что отчетъ этотъ писанъ имъ, написанъ хорошо, умно, основательно, отчетливо, что онъ дѣлаетъ честь его уму, все равно какъ умная, дѣльная редакція извѣстнаго правительственнаго постановленія и закона дѣлаетъ честь ихъ редакторамъ, — этого никто никогда и не рѣшится отрицать, — но и только. Въ этомъ смыслѣ авторское право ни у кого никогда не отрицается. Но еслибы мой агентъ сталъ требовать платы за отчетъ собственно, какъ авторъ его, я сказалъ бы ему, что вѣдь за него заплачено въ данномъ ему жалованьи и что два раза платить за одинъ трудъ я не намѣренъ, да такой платы онъ и не долженъ требовать. Еслибы какое-нибудь правительство запретило бесплатную перепечатку своихъ законовъ и инструкцій; оно поступило бы въ этомъ случаѣ какъ указанный корреспондентъ, т. е. потребовало бы платы уже за оплаченный трудъ. Точно также не можетъ требовать себѣ авторскихъ привилегій на извѣстное число изданій и ученый, который, получая совершенно достаточное жалованье отъ общества или правительства, публикуетъ отчеты о своихъ розысканіяхъ, открытіяхъ. Честь ихъ конечно никогда отъ него не отвѣнется, но онъ не долженъ обнаруживать притязаній извлекать матеріальныя выгоды отъ своего труда, потому что онъ уже получалъ ихъ въ данномъ

ему, жалеючи, я думаю, правоту можетъ, впрочемъ, не сомневаясь, что во власть, кто покушалъ его трудъ.

Но вотъ то, что худое, — говоритъ нашъ авторъ, — что литература у насъ установилась на коммерческомъ основаніи. «Существующая система защиты (литературной собственности) вноситъ разноречивыя литературныя права. Установивъ все дѣло на коммерческомъ основаніи, литературная промышленность преслѣдуетъ только единъ денежный выгоды, гонится за большими барышами. Торговля-то тогда покупаютъ и продаютъ только тотъ товаръ, на который существуетъ большой спросъ. А отъ этого за скандальное, сомнительное: прелюдія «Улики цыпкъхъ мужичиъ и женщинъ» едва востать дореже чѣмъ за сочиненіе дѣйствительно полезное, какого-нибудь ученаго содержанія, если на него не можетъ быть большаго спроса. При такомъ вероидѣ вещей, дѣйствительный ученый трудъ не найдетъ себѣ издателя, если только рассчитывать на коммерческии, смачный сбытъ. И такія вещи не выдаются промышленными издателями, для которыхъ тотъ товаръ и выше, который выгода. По этой легкій всё мысля Ньютона, открытія и розысканія Лаврентіа и вообще всё ученые труды современныхъ людей, разрабатывающія науку, какъ недоступныя и неинтересныя для большинства, не выдаютъ ничего предъ романомъ какого-нибудь Поля де-Кюа, если романъ этотъ дастъ больше выгоды.» Автора докучающе ужасно тревожитъ то обстоятельство, что литературное дѣло основано на коммерческомъ основаніи... Но можетъ ли оно быть, не основано на немъ? Конечно, коммерція и литература — дѣла весьма совершенно разныя и для непривычнаго уха слово «коммерція» выхотдитъ нѣсколько цыкантинымъ, когда толкъ идетъ о литературѣ... Коммерція отзывается чѣмъ-то материальнымъ, а литература должна быть чѣмъ-то духовнымъ, безъ всякихъ заднихъ выходовъ должна посвятить себя на служеніе обществу... Между тѣмъ оказывается, что литераторы пишутъ не безъ расчетовъ и требуютъ денегъ за свои статьи... Непривычно какъ-то. Конечно, подобныя тенденціи нашего автора вслуживаютъ полнаго нашего одобренія и сочувствія. Онѣ отзываются идеализмомъ самымъ возвышеннымъ и чистымъ. Но бѣда наша въ томъ, что оторвать литературу отъ всякой коммерціи, подлатать ее надъ всѣмъ такъ-сказать материальнымъ, мы не видимъ рѣшительно никакой возможности. Мы не знаемъ ни одного вида труда, который былъ бы поставленъ внѣ всякихъ экономическихъ условій. Всякій вообще производительный, дѣйствительный трудъ требуетъ напередъ инако вавѣстнаго капитала вещественнаго и невещественнаго. Онъ невозможенъ темъ, гдѣ не дастъ ни

всѣхъ выгодъ производителя. Трудъ для труда — немалая вещь. Литературныя занятія — самый тяжелый и серьезный трудъ, требующій большихъ вещественныхъ и повещественныхъ затратъ. Нельзя же образомъ возможно требовать, чтобы при сужденіи о немъ были отсужены изъ виду всѣ экономическія его условія? Можно толковать о томъ, какъ лучше устроить ихъ, какъ отградить литературныя занятія отъ ремесленного, спекуляторскаго характера. Но жаловаться на то, что они имѣютъ и коммерческія основанія, значить жаловаться на то, что нуженъ воздухъ для дышанія, вода для питья. Можно-быть и неудобно для насъ то обстоятельство, что дышать можно только воздухомъ, но вѣдь что же дѣлать? Чѣмъ требовать совершеннаго уничтоженія воздуха, не лучше ли потеряться о томъ, чтобы дышать чистымъ воздухомъ? Вы скажете, очень много зла отъ того, что литература получила коммерческій характеръ? Да, зла много въ современной литературной сферѣ. Мы ниже скажемъ свое мнѣніе, отчего происходитъ оно? причаи эта кажется вовсе не въ томъ, что литературный трудъ, какъ и великій другой, подчиненъ экономическимъ условіямъ. Теперь же положимъ даже, что литературное зло происходитъ единственно отъ этихъ коммерческихъ основаній. Что же слѣдуетъ изъ этого? Та очень печальная, хотя и очень знакомая вещь и каждаму известна, что злоупотребленія вездѣ возможны, даже въ самыхъ чистыхъ и чистыхъ дѣлахъ. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что большая часть издателей (но не всѣ же) имѣютъ въ виду единственно большой сбытъ литературнаго товара въ видахъ большихъ барышей, что они здѣсь руководятся принципомъ угожденія грубымъ и сильнымъ страстямъ публики, предпочитаютъ скандальныя сочиненія, отъ которыхъ всего скорѣй можно ожидать успеха, ученымъ, но скучнымъ для большинства. Соглашаемся и съ тѣмъ, что подобныя вещи расползаютъ литературный пролетаріатъ. Надежда на деньги привлекаетъ нѣкоторыхъ ея любителей въ литературный лагерь; есть изъ нихъ джентльмены, которые, вѣржась словомъ автора, готовы писать все, только бы имъ платили деньги. Все это пожалуй и такъ. Но вверху, есть честные издатели, которые понимаютъ все значеніе честной издательской дѣятельности и стараются согласить свои выгоды съ выгодами общества. Да есть и честные авторы, которые хотя и смотрятъ на литературу какъ на средство существованія, но отнюдь не готовы писать все что угодно, лишь бы платили за то деньги. Мы понимаемъ, сколько безправнаго заключается въ томъ, что люди пишутъ иногда вопреки своимъ убѣжденіямъ, по заказу, чисто изъ-за денежныяго интереса; въ этомъ отношеніи наши автори-

тѣ совершенно совпадаютъ съ антипатіями автора. Но вотъ, пока не можемъ взять себя въ толкъ: что безразличнаго и жалкаго въ томъ, что имѣю литераторы живутъ еланственно литературой? Разнѣ литературный трудъ не можетъ составлять особую категорию труда? Въ такомъ случаѣ отчего педагогическій трудъ признается особымъ видомъ труда? Вы чувствуете въ себѣ способность быть воспитателемъ юношества, имѣете достаточныя для этого свѣдѣнія, вы обрекаете себя на занятія педагогическія и живете именно рѣшимъ педагогическимъ трудомъ. При всѣхъ условіяхъ общественной жизни, эти педагоги останутся, потому что всегда будетъ настоятельная потребность — дѣло воспитанія предоставлять особымъ, хорошо къ тому подготовленнымъ лицамъ. По принципу автора «Литературной собственности» слѣдовало бы удивляться, какимъ образомъ люди такое важное и святое дѣло, каково дѣло образованія и воспитанія дѣтелей общества, обращаютъ въ средство существованія, въ ремесло.... Между тѣмъ такому порядку вещей никто же вѣдь не удивляется; на него свысока смотритъ авторъ и самъ авторъ. Много-ль у насъ теперь педагоговъ по призванію? Не правда ли, что большая часть ихъ смотритъ на свое дѣло какъ на ремесло, какъ на средство къ полученію жалованья? Но ремесленный характеръ вынѣшнихъ педагоговъ даетъ ли намъ право просить на самые принципы исключительнаго занятія въ жизни педагогіей? Можно ли на томъ основаніи, что вѣкоторые джентльмены внесли въ воспитательную дѣятельность духъ спекуляціи, отрицать, что педагогическимъ трудомъ, какъ и всякимъ другимъ честнымъ трудомъ, человѣкъ можетъ получать средства къ жизни? Такъ почему же не допустить, чтобъ ученый человѣкъ не жилъ наданіемъ своихъ ученыхъ трудовъ, художникъ не получалъ средствъ къ жизни отъ своихъ художественныхъ произведеній, публицистъ — отъ своихъ публицистическихъ этюдовъ? Ничего тутъ безразличнаго нѣтъ, если всѣ они честно пишутъ только о томъ, что знаютъ, о чемъ дѣйствительно «понаслушались, что выразить составляетъ для нихъ настоятельную потребность. Неужели авторъ полагаетъ, что такого рода честный трудъ не можетъ дать средствъ къ жизни и не долженъ давать? Онъ говоритъ, что люди, обратившіе литературу въ средство къ существованію, пишутъ о всемъ что угодно, лишь бы получать за то деньги. Но отъ него зависитъ такая готовность въ вѣкоторыхъ людяхъ? Если отъ того, что при спеціальному занятіи вѣкоторыми литературными предметами имъ мѣчѣмъ стало бы жить, слишкомъ мало бы мадсади, то значить они плохо подготовлены къ нимъ, тогда самымъ мало было бы предметовъ для ихъ литературныхъ занятій.

Но въ такомъ случаѣ вѣдѣнъ же отнимать у всѣхъ литераторовъ, которые могутъ спеціально заниматься какими-нибудь одними литературными занятіями, которые потому не смогутъ писать о всемъ что угодно, а станутъ писать только о томъ, что составляетъ ихъ спеціальнѣйшій предметъ? А тѣхъ агентъменовъ, которые неспаче могутъ жить литературными занятіями, какъ только при готовности писать обо всемъ, нужно просто послать поучиться прежде, узнать хорошо что-нибудь и потомъ выступить на литературную арену.

Возмущая такимъ образомъ противъ нашего автора, мы хотимъ сказать, что въ томъ злѣ, причину котораго онъ сваливаетъ на существующее право литературной собственности, это право вовсе не виновато, что ее нужно искать совершенно въ другомъ. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобъ это право, въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ сдѣлалось по нашему убѣжденію, не производило вреднаго вліянія на литераторовъ. Какъ и всякая ложь, незаконная привилегія, оно отзывается въ литературной сферѣ. Взглядъ на цѣлое литературное произведеніе, на всѣ мысли, заключающіяся въ немъ, какъ именно на личную собственность автора, заставляетъ законъ дать авторамъ право обратять свои произведенія въ настоящія, долговременныя статьи дохода. Возможность продать нѣсколько разъ свои произведенія, особенно при успѣхѣ ихъ, развивается въ нѣкоторыхъ литераторахъ лѣнь и склонность къ бездѣйствію. Разъ написавши хорошее произведеніе, авторъ, при долговременномъ правѣ литературной собственности, можетъ спокойно почить отъ трудовъ своихъ. Если есть запросъ на его произведеніе, публикѣ иреется оно и хорошо раскупается, то автору всю литературную дѣятельность можно переменить просто на корректурную. Въмсто того чтобъ писать и трудиться вновь, онъ можетъ ограничиваться чтеніемъ корректуръ своихъ произведеній при каждомъ новомъ ихъ изданіи. Такъ дѣйствительно и дѣлаютъ нѣкоторые литераторы. Такой господинъ дѣлается своего рода богатымъ помѣщикомъ, у котораго есть богатое имѣніе. Жить онъ можетъ безъ всякаго труда, потому что трудись онъ и не трудись, во всякомъ случаѣ сытъ будетъ. Разница между тѣмъ и другимъ только та, что одинъ когда-то хорошо и успѣшно трудился, а другой сдѣлалъ только ту заслугу, что родился богатымъ наследникомъ. Возможность жить безъ труда сильно парализуетъ всякія, даже въ высшей степени энергичныя силы. Известно какъ тупѣютъ и жирѣютъ умные и нѣкогда энергичные люди, засидѣвшись долго на тепломъ местечкѣ. Въ томъ самомъ, что къ литературнымъ занятіямъ подстрекають иногда матеріальныя нужды, нельзя не видѣть и свѣтлой стороны. Онѣ заставляютъ человѣка работать, и работать успѣшно, производительво, тогда

какъ онъ быть-можетъ не работалъ бы при соизвѣстнѣйшей обязанности своей и возможности для себя жить безъ всякаго труда. Въ этомъ случаѣ нужды служить очень полезнымъ стимуломъ къ дѣятельности. Тѣмъ и худо право безграничной литературной собственности, что оно не требуетъ отъ автора, чтобы онъ свои средства къ жизни, свое наслажденіе поставалъ въ зависимость отъ востановленнаго труда, а единственно отъ успѣха, послѣ котораго онъ можетъ спокойно печувать отъ ослажки занятій, да наблюдать, чтобы не похищены были кѣмъ-нибудь самыя мысли его произведеній.

Если есть теперь какое зло въ литературѣ, то причину его скорѣй всего нужно искать въ самомъ обществѣ, котораго она служитъ выраженіемъ. Если литература дурна, то зачѣмъ же общество терпитъ такую литературу? Вы говорите, что издатели больше всего заботятся изданіемъ «Уликъ пыльныхъ жещицъ и мужичицъ», а не ученыхъ, дѣйствительно полезныхъ сочиненій. Но отчего издательская дѣятельность направлена преимущественно на такіе сочиненія? Оттого что на ученыхъ сочиненія нѣтъ запроса: общество мало образованно, вкусъ у него ложный... Издай ученую книгу, она не пойдетъ въ продажу. Ктожъ виноватъ, что издатели не хотятъ раскопать своими капиталами на безполезныя изданія? У общества молочные зубы, а вы хотите, чтобы было оно одиѣ только корки черстваго хлѣба. Положимъ, всѣ бы существующіе теперь издатели согласились издавать только ученые и серьезныя книги. Стало ли бы ихъ читать общество, въ которомъ преимущественно расходятся «Улики пыльныхъ жещицъ и мужичицъ»? Вѣдь насильно не всуешишь физику г. Писаревскаго портному, котораго литературный вкусъ не пошелъ далѣе «Бовы-королевича» и «Гуака». И наоборотъ. Человѣкъ, привыкшій къ серьезнымъ занятіямъ, не станетъ выпримѣръ на «Улики», хотя бы всѣ издатели въ мірѣ стали издавать единственно подобныя вещи. Если издаются дурныя книги, значитъ есть возможность издавать ихъ, и за эту возможность главнымъ образомъ отвѣчаютъ тѣ, кто покупаетъ ихъ, кто читаетъ; вѣдь не покупай они, ктожъ бы тогда рѣшился губить свой капиталъ на изданіе, которое принесетъ ту только пользу, что вѣчно будетъ лежать и занимать мѣсто въ кладовой? Авторъ нападаетъ на газеты и журналы, что въ нихъ пишется много вздора, что невозможно всю книжку или номеръ газеты наполнить исключительно умными вещами и талантливыми литературными произведеніями. Положимъ и такъ. Но на комъ главнымъ образомъ лежитъ отвѣтственность за подобный вздоръ? Очевидно на публикѣ; она не похируется вздоромъ, читаетъ его, покупаетъ, поддерживаетъ своимъ словомъ. Стань публика взыскательнѣй, требовательнѣе въ

своихъ литературной вѣсѣ, вздоръ сдѣлался бы невозможенъ въ журналахъ, потому что онъ сталъ бы невыгоденъ для ихъ редакторовъ. Помнить вздоръ въ журналѣ значило бы тогда окончательно убить ея репутацию въ глазахъ публики, потерять подписчиковъ. Если на литературную арену выступаютъ люди, которые составляютъ литературный пролетаріатъ, пишутъ обо всемъ что угодно, и разумѣется плохо, то значить есть же возможность для нихъ писать такъ и получать за то еще деньги; а въ подобнаго рода возможности виновато опять—таки главнымъ образомъ общество. За вздоръ потому и платятъ деньги теперь, что и вздоръ можетъ легко сойти съ рукъ и даже поправиться невзыскательной публикѣ. Надежда зарабатывать деньги несерьезнымъ литературнымъ трудомъ въ неразвитомъ обществѣ и плодить литературный пролетаріатъ. На хорошую фабрику, гдѣ нужно и знаніе и ловкость, не пойдетъ работать ничего невнимой и неушьющій человѣкъ; онъ побѣдитъ и носъ покажетъ туда, потому что тамъ не дадутъ ему денегъ за плохую работу, а еще посмѣются надъ его безстыдствомъ. Если бы общество не терпѣло ничего вздорнаго, а для всякихъ предлагаемыхъ ему для чтенія статей требовало бы ума и знаній отъ автора, пролетаріатъ не плодился бы, потому что въ одинъ издатель за написанный вздоръ не заплатилъ бы ни копейки. Литературная ерунда должна бы была искать себя издаваніи вродѣ «Петербургскаго Вѣстника» г. Льва Камбека и платитъ еще деньги за то, что онъ позволяетъ ей напечататься. Да и вообще если коммерческой характеръ одолѣлъ всѣми литературными, то вѣдь онъ изъ общества же перешолъ въ литературу. Въ странѣ, гдѣ развита страсть къ спекуляціямъ, жадность къ быстрымъ наживкамъ, неизбежно подобныя пороки отразятся на литературѣ. Вѣдь литераторы не цыклопы, тѣже люди, воспитавшіеся въ обществѣ подъ его вліяніемъ; въ нихъ тѣже страсти, какъ и во всѣхъ другихъ его современникахъ—соотечественникахъ. Вотъ и слѣдовало бы автору «Литературной собственности» главнымъ образомъ обратить вниманіе на общество при изслѣдованіи литературныхъ золъ: дурной корень у дерева, дурны и плоды.

Наконецъ, спрашивается, нужно вымыслить пружины, чтобъ поправить литературное дѣло? Авторъ указываетъ тотъ порядокъ, при которомъ литература уже не будетъ такою дурною, какова она теперь: Все зло — говоритъ онъ — происходитъ отъ того, что литераторы извлекаютъ матеріальныя выгоды отъ своихъ литературныхъ трудовъ; слѣдовательно нужно похлопотать объ одномъ: чтобъ литература не служила кускомъ насущнаго хлѣба. И въ теоріи и въ практикѣ вопросъ этотъ вовсе не такъ труденъ для разрѣ-

щенія. Мы надѣялись, что вотъ наконецъ легкой дорожкой совершено удовлетворительно разрешится висетелемъ, и жестоко ошиблись. Для публицистовъ и ученыхъ онъ дозволяе еще кое-какія мѣста, но для художниковъ мѣста не оказалось; такъ и остались они предоставленные самимъ себѣ.

Публицисты, по мнѣнію автора, принадлежатъ къ числу людей, ищущихъ общественной дѣятельности. Они поэтому бросаются въ журнальную дѣятельность, что для нихъ нѣтъ въ общественной жизни такого рода занятій, какія чужды имъ согласно съ ихъ способностями. Поэтому при общественной жизни, развитой изъ началъ самоуправленія, великій публицистъ превратится въ общественнаго оратора, который говоритъ разные спичи, которому, видя свои рѣчи безцѣльнъ и провалить векому. «Положеніе политическое научить его быть и краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ, научить развить свой талантъ и дать ему и послѣдовательность мыслей, которая при извѣстныхъ условіяхъ литературнаго развитія замѣчается очень у немногихъ.» Вотъ первая дружина, вымышленная авторомъ для улучшения современной публицистики. Авторъ полагаетъ, что при общественной жизни, развитой изъ началъ самоуправленія, всѣ эти публицисты какъ-разъ войдутъ въ общественныя ораторы. Такимъ образомъ публицистическимъ отдѣломъ въ журналахъ и вообще въ литературѣ онъ покончилъ дѣло. Мы охотно повѣрили бы въ дѣйствительность этой дружины, еслибы насъ не омущало здѣсь одно обстоятельство. Въ Англіи наиримѣръ развито начало самоуправленія; конечно не всѣ имѣющіе стремленіе къ общественной дѣятельности попадаютъ въ число ораторовъ нижней палаты, но можно сказать, что всѣмъ чувствующимъ потребность высказаться, предоставляется полная возможность говорить что угодно на разныхъ митингахъ. Тоже можно сказать, въ большей еще степени, объ общественной жизни Соединенныхъ-Штатовъ. Но какъ на зло, публицистика есть и въ этихъ обѣихъ странахъ и на грѣхъ развита тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше развито въ нихъ начало самоуправленія. Что жъ это въ самомъ дѣлѣ? И стенографы есть, которые записываютъ разные рѣчи общественныхъ ораторовъ, и можно говорить спичи кому угодно и сколько угодно. А публицистика все-таки составляетъ самый видный отдѣлъ въ журналистикѣ и литературѣ. Что-то есть значитъ фальшивое «въ теоріи» автора. Значитъ публицистика возникла не отъ одного только условія — невозможности для публицистовъ общественной дѣятельности. Тутъ дѣйствительно есть другія дружины и на нихъ-то авторъ не потрулился обратить вниманія. Вопервыхъ по нашему мнѣнію нельзя сказать, что всѣ, тре-

ривіе публицисты при жизни, развитой-взъ началъ самоупра-вляеія, какъ-разъ подадутъ въ общественные спикеры. Для того чтобы говорить предъ собраніемъ, нужно имѣть особый талантъ помимо публицистическаго. Возьмите любого прекраснѣйшаго публициста и заставьте его говорить въ обществѣ: онъ можетъ спутаться, на-говорить то, чего ни въ какомъ случаѣ ужъ не написалъ бы; вла-дѣть даромъ и владѣть даромъ слова не одно и тоже. Конечно отъ того, кто хорошо пишетъ, скорѣй можно ожидать дѣльнаго слова, чѣмъ отъ того, кто пишетъ худо. Но не всегда — и это положи-тельно можно заявлять, — пишущій хорошо такъ же хорошо и гово-рять. Да вотъ наиримѣръ хотя бы знаменитый историкъ-публицистъ Николай. Рѣчи его въ парламентѣ далеко непохожи были на бле-сташія страницы его исторій и Essays. Тогда какъ въ публицистикѣ онъ былъ какъ у себя дома, на парламентскомъ поприщѣ онъ чув-ствовалъ себя чуждо; роль оратора для него была не по плечу. Онъ потому и оставилъ парламентское поприще. Вотъ значитъ и не всякій публицистъ можетъ попасть туда, куда хочетъ поста-вить ихъ нашъ авторъ. Напрасно также полагаетъ авторъ, что лордъ Пальмерстонъ или король прусскій, еслибы не имѣли воз-можности произносить рѣчей, то ужъ непременно превратились бы въ литераторовъ-публицистовъ. Останутся слѣдовательно такіе джентльмены, которымъ, чтобы высказаться, нужно публицистиче-ское журнальное поприще. Куда же ихъ? Запретить имъ что-ли писать? Но вотъ еще другое обстоятельство, заставляющее насъ сомнѣваться въ осуществимости проекта «Современника». Есть та-кіе вопросы въ общественной жизни, всестороннее обсужденіе ко-торыхъ невозможно въ рѣчи, произносимой предъ собраніемъ. По-добные вопросы требуютъ многихъ объясненій, большихъ изслѣ-дованій, что невозможно въ тѣхъ короткихъ рѣчахъ, на произно-шеніе которыхъ обрекаетъ авторъ всѣхъ публицистовъ. Даже по-ложимъ, что и возможно превращеніе публицистовъ въ ораторы; неправится ли при этомъ самая сущность дѣла? Теперь пишутъ плохія публицистическія статьи, тогда станутъ говорить плохіи рѣчи, потому что не прибудетъ же у публицистовъ ума отътого только, что они перестанутъ писать, а станутъ говорить. Теперь платятъ за плохія статьи; тогда станутъ платить за плохіи рѣчи, — только въ видѣ жалованья оратору, какъ общественному дѣятелю. Теперь надежда сбыта плохихъ статей привлекаетъ въ журнальный публицистическій лагерь разныхъ пролетаріевъ; тогда надежда сбыта плохихъ рѣчей привлечетъ на общественную арену проле-таріевъ-ораторовъ. Скажутъ: тогда не станутъ слушать плохихъ рѣчей; да, да, же теперь заставляетъ читать плохіи статьи?

Съ изящной литературой авторъ какъ будтобы въсколко по-снисходительнѣе; чѣмъ съ публицистикою. Онъ полагаетъ, что для устранения всего безталаннаго въ литературѣ стоитъ только пере-стать журналистикѣ противъ повѣстей для пополненія своихъ бѣль-тристическихъ отдѣловъ и предоставить имъ печататься отдѣль-ными книгами. Такимъ образомъ къ изящной литературѣ авторъ прилагаетъ принципъ полнѣйшей самостоятельности: оставьте до-скать ее, пусть она живетъ сама собою и не пригибается къ журна-ламъ; журналы испортили ее, заставляя авторовъ писать разную бѣльстрическую дрянь; тогда она будетъ дѣйствительно хороша и безталаннаго ничего въ ней не будетъ. Но вотъ въ чемъ дѣло. Га-рантируется ли этимъ однимъ невозможность изданія безталанныхъ сочиненій? Какъ теперь редакторы иногда помѣщаютъ слабыя про-изведенія, такъ и тогда издатели станутъ издавать разную литера-турную дребедень; если читается она въ журналахъ, то почему же не станетъ расходиться она въ публикѣ и отдѣльными изданіями? И тогда откроется возможность жить разными безталанными произве-деніями своєю литературой. Вѣдь вотъ примѣръ у насъ былъ очень недавно: Александръ Анфиновичъ Орловъ не помѣщалъ своихъ произведеній ни въ какомъ журналѣ. Но вѣдь какая же громадная у него была литературная дѣятельность. Его произведенія являлись почти безпрѣмѣжнато, а на что безталаннѣе его произвеній! Тотъ фактъ, что ни одинъ журналъ не принималъ его твореній, не помѣщалъ же дѣятельности его таланта. Въ-место того чтобъ печа-таться въ журналѣ, онъ открылъ свою фабрику своєю литературой.

Чтоже касается до ученыхъ сочиненій, то это дѣло школь, уче-ныхъ обществъ, академій, университетовъ. Кто оказался способнымъ къ дѣлу воспитанія или къ разработкѣ науки, тотъ найдетъ себѣ мѣ-сто между учеными, посвятившими себя общественной службѣ. Ака-деміи и ученые общества, находясь подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, разумѣется стануть заботиться своимъ дѣломъ и не получаютъ даромъ общественныхъ денегъ. *За вся оне сочиненія, написанныя на общественный счетъ, можетъ быть даже и общественная награда.*

Разумѣется при этомъ *conditio sine qua non* — даровая раздача книгъ. Но въ такомъ случаѣ достаточно ли будетъ на печатанье ихъ всѣхъ общественныхъ суммъ? Или тогда будетъ раздача по досто-инству и заслугамъ требующихъ? Въ такомъ случаѣ повторятся тѣ шиллы исторіи, которыя ежегодно дѣлаются на разныхъ публич-ныхъ и непубличныхъ экзаменахъ. Будемъ дожидаться Е.

Но зачѣмъ же авторъ говорить объ общественной наградѣ ав-торамъ? За чтоже ихъ награждать? Вѣдь онъ отвергаетъ всякую личную заслугу въ дѣлѣ мысли? По его взгляду, авторы только под-

слушивается что говорить въ обществѣ, а что собственно въ книгѣ возбуждается, все это не имъ собственно принадлежитъ. Зачѣмъ же даромъ тратятъ общественныя суммы? Если авторы отъ себя ничего не приносятъ въ свое литературное произведеніе, такъ пусть и работаютъ безъ всякихъ награды. Но всему видно, что авторъ не дотлапилъ своей кавителы и пошелъ на уступки. Видъ сдѣлалъ же онъ уступку, когда романамъ и повѣстямъ предоставилъ право печататься отдѣльными изданіями, помимо журналовъ. Ктожъ ихъ будетъ печатать? Авторы не должны наживаться отъ своихъ сочиненій, потому что права собственности на нихъ ни въ какомъ случаѣ у нихъ нѣтъ. А къ издателямъ авторъ уже положительно нечувствуетъ никакого расположенія. Ужъ подъ этимъ снисхожденіемъ не кроется ли просто невнимательность автора къ издательской литературѣ? объ ней-де не стоитъ и говорить, пускай себѣ какъ хочетъ. Не хочетъ ли авторъ подобной хитростью своего проекта уморить совсѣмъ беллетристику?

И во всей этой попыткѣ автора провести новый взглядъ на литературную собственность, искоренить существующее зло въ литературѣ, видно совершенное отсутствіе серьезной вдуванности въ предметъ, виднѣтъ самый крайній теоретизмъ. Оттого его критика современныхъ понятій о литературной собственности похожа на холостые выстрѣлы въ воздухъ. Онъ, какъ намъ кажется, не знаетъ мѣры въ своемъ отрицаніи. Есть джентльмены, готовые утверждать, что всякая мысль въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ принадлежитъ собственно и исключительно имъ самимъ, и что требуя себѣ защиты закона отъ литературной кражи, они при этомъ представляютъ свои права на мысли именно какъ на собственность? Ограничься авторъ филиппикой противъ нихъ, никто бы не поднялъ и голоса противъ него. Но ему показалось мало этого. Онъ сталъ доказывать, что во всякомъ литературномъ произведеніи нѣтъ ничего собственно авторскаго, что авторъ какое-то слѣпое орудіе дѣйствующихъ на него впечатлѣній, *tabula rasa*, на которой отпечатлѣвается только то, что находится внѣ ея. Задача конечно оказалась невозможной. И посмотрите, въ какой теоретизмъ пускается авторъ! Ему нѣтъ дѣла до того, что литературу нельзя разсматривать отвѣчно отъ общества, среди котораго она держится, что въ неразвитомъ, нравственно некрѣпкомъ обществѣ и литература можетъ быть богата разными злоупотребленіями, можетъ принимать ненормальный ростъ и т. д. До всего этого автору нѣтъ никакого дѣла, да оно не подходило бы близко къ его цѣли. Ему нужно было во-что-бы то нистало въ практикѣ показать все зло, какое производитъ право литературной собственности. Онъ и усиливается дока-

зывать, что *мелко ома мю* происходит литературная беда. Ома не затрудняется дѣлать по этому случаю самыя рискованныя вѣдомы, и фальшь его заключеній выступаетъ еще рельефнѣе.

Подобнаго рода попытки чрезвычайно много вредятъ дѣлу. Ничего дурнаго нѣтъ въ радикализмѣ тамъ, гдѣ дѣйствительно оказывается все несостоятельнымъ и требуетъ замѣны чѣмъ-нибудь новымъ. Но тамъ, гдѣ радикализмъ дѣлается ради радикализма, ома становится жалкимъ, какъ своего рода искусство для искусства. Мало показывать одни только *ria desideria*: нужно, чтобы ома имѣли за себя логику и основательность; иначе заподозривается а самая состоятельность благочестивыхъ желаній. Вѣдь нельзя безцеремонно обращаться съ дѣйствительностью, превратно толковать факты, не видѣть въ дѣйствительности ничего, что противорѣчитъ извѣстнымъ тенденціямъ. Объ этомъ стоитъ подумать тѣмъ джентльменамъ, которые недовольны дѣйствительностью и хотятъ лучшаго *наряда*.

Въ нашей критикѣ мы большею частію относились къ автору «Литературной собственности». Чувствуемъ, что было бы гораздо справедливѣе относиться къ «Современнику», напечатавшему эту статью, потому что подобнаго рода статьи всегда выражаютъ направленіе журнала, его мысли, его мнѣнія. Такъ-какъ такія статьи годятся не для всѣхъ журналовъ, а для одного развѣ, который раздѣляетъ тѣже мысли и взгляды, то авторы такихъ статей отодвигаются на второй планъ и статья становится принадлежностью редакціи журнала, напечатавшаго ее. Авторы большею частію и не подписываются подъ подобными статьями.

КРИТИЧЕСКІЯ ВАРИАЦІИ НА РАЗНЫЯ ТЕМЫ.

Что это за вариации на разные темы? вѣрно что-нибудь подомилское? съ неудовольствіемъ скажетъ иной чрезвычайно солдатный читатель: — и безъ того полемика у насъ ужъ очень раздалась, такъ что хоть затыкай отъ нея уши. Дайте намъ чего-нибудь серьезнаго, капитальнаго, въ нѣкоторомъ родѣ величественнаго, наприимѣръ хотя бы вродѣ статьи: «Къ какой мы принадлежимъ партіи». Мы съ удовольствіемъ исполнили бы особенно послѣднее желаніе, читателя, еслибы намъ не мѣшали здѣсь кое-какія обстоятельства, совершенно зависящія отъ редакціи. Вопервыхъ намъ никогда не возвыситься до такого безматейнаго, спокойнаго созерцанія, какимъ проникнута указанная въ примѣръ намъ статья: следовательно мы и не можемъ обѣщать такихъ величественныхъ, но спокойныхъ литературныхъ нотъ. Натура у «Времени» нѣсколько иная, чѣмъ наприимѣръ у «Русскаго Вѣстника». Этотъ всегда старается выбрать себѣ такой уголокъ, такую точку, съ которой онъ могъ бы въ качествѣ безпристрастнаго, спокойнаго зрителя читать правоченія всѣмъ этимъ misérables, которые о чемъ-то хлопчутъ, чего-то ищутъ, нерѣдко попадаются какъ куры во щи, горячатся, пожалуй скандалѣзничаютъ и т. д. «Время» сознаетъ, что хорошо бы побольше зацѣпиться олимпійскимъ величіемъ, придать себѣ характеръ грандіозности и удивлять весь литературный міръ важностью своихъ внушительныхъ рѣчей. Но вѣдь чтожь станете дѣлать, коли его натура принадлежитъ къ числу неудавшихся натуръ? Завязалось дѣло гдѣ-нибудь, откинулъ кто-нибудь эдакую штуку, ему ужъ нетерпится, чтобы не ввязаться со стороны. Еще когда «Время» объявляло о своемъ рожденіи въ свѣтъ, оно ужъ предчувствовало, что не утерпѣтъ ему будетъ отъ полемики, — натура неизрѣменно вяжетъ его въ разные споры, и потому тогда же сказало, что оно «не будетъ уклоняться отъ полемики». За полтора года своей литературной жизни оно успѣло уже уяснить въ собственномъ сознаніи нѣкоторымъ образомъ «прирожденныя свойства своей природы» и съ ужасомъ

должно было признаться самому себѣ, что «полемизмъ» въ нѣкоторомъ родѣ есть неисправное, прирожденное ему зло. Что тутъ станете дѣлать, особенно въ виду нѣкоторыхъ раздражающихъ возгласовъ? «Время» и порѣшило: «коли натура у него склонна къ полемикѣ, такъ ужъ нечего дѣлать препятствій своему нраву». Такъ теперь оно и будетъ постоянно уклоняться въ полемику.

А доказательство беспокойности нашего нрава и нашей задорности (по стилю «Русскаго Вѣстника» — заботливости) мы сами же и представимъ читателямъ. Вѣдь вотъ теперь напримѣръ мы хотимъ говорить о разныхъ замѣткахъ, преимущественно г. Лонгинова, разсѣянныхъ по «Современной Лѣтописи» и по «Нашему Времени». Мы сами представляли себѣ всѣ резоны, долженствовавшие удерживать насъ отъ полемикъ съ возрѣвѣвшимъ г. Лонгиновомъ. Впервыя, стоить ли дѣлать желкія произведенія «литературнаго досужества» (выраженіе самого же г. Лонгинова) предметовъ особой статьи, являющей тенденцію, въ высшему оторченію всѣхъ серьезныхъ россійскихъ критиковъ, инакъ (вообразите!) въ критическое обозрѣніе. Вторыхъ, обратить ли на нее вниманіе г. Лонгинова, которыхъ, какъ увидать ниже читатели, сдѣлала уже давноожидаемое и кабы предчувствуемое уже многими, открытіе, что вообще люди его начала стремятся «освободиться отъ оцѣнки журналовъ, притворенной ими себѣ благодаря разнымъ благоприятнымъ для нихъ обстоятельствамъ»; мы не смѣемъ уже говорить о вниманіи къ нимъ «Русскаго Вѣстника». Третьихъ, мы напоминали себѣ, что вѣдь читатели и вообще серьезные люди могутъ въ самомъ же дѣлѣ возмѣнить заглавія о мелочности и придирчивости «Времени». Но всѣ резоны наши пропали совершенно даромъ; натура сновалась въ томъ, что начала возбуждать въ головѣ мысли, нѣсколько ослабляющія силу внушеніи приведенныхъ резоновъ. Намъ пришло въ голову, что полемизмъ вовсе не считается такимъ страшнымъ, какъ его иные жалуютъ. Ну вотъ напримѣръ, угѣшали мы себя, «Отечественный Звѣзникъ», журналъ куда какой ученый и серьезный: и какъ сильно разговаривалъ очень недавно о вредѣ для прогресса полемики и его выраженія — «Свистокъ». А вѣдь завелъ же онъ теперь у себя «Свистокъ», да еще удѣлялъ ему чуть не цѣлыхъ два отдѣла въ своемъ ученомъ и серьезномъ журналѣ. Мало того, выпустили цѣлкомъ все критическое обозрѣніе и перенесли его въ свистковья отдѣленія, такъ что судьба критическаго обозрѣнія въ будущемъ остается подъ знакомъ невѣдѣнности. Правда, нѣкоторые находятъ, что свистокъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» слишкомъ тяжело на ногу, худо оборачивается, и всего сильнѣе корчить какія-то гримасы... Но вѣдь это говорить зныя языки, неопытные сущи дѣла. Что тутъ тол-

каждъ охладить исполненію? Въ милостыя государства: обратитъ ли вниманіе на дѣди, на намѣренія, на свѣтъ, и тѣмъ образомъ *rid. desideria*. — Вотъ что должно прежде всего мѣняться въ виду. Но главное закъ въ томъ, что подобный фактъ, случившійся въ обзоръ нашъ самыхъ станныхъ журналовъ, совершенно разоблачилъ наши соображенія, противодѣйствовавшія природнымъ склонностямъ нашей натуры. Чтожъ, думали мы, если ученый журналъ дѣлаетъ у себя Свистокъ, то отчего же и намъ *никогда* не задохся рывкомъ курьезными мелочами русскою литературою: а въ подобныя же своимъ дѣйствіями мы будемъ претендовать на не *намеренія* у себя «Свистка», а просто на критическій анализъ, аристократическій и не *идеализмъ* (количественно, но не всегда великимъ въ томъ время *начатство*). произведеніями «литературнаго досужества». Въ какіе быдноты иные изъ нихъ перлы! Объ насъ говоритъ же «Отечественныя Занески», что «Время» журналъ молодой, юный, а юному вообще нетрудно уловиться примѣромъ старинныхъ.

.. Съ г. Лонгиновымъ мы хотимъ немножко объясниться по слѣдующему случаю.

.. Назадъ въ 17 № «Современной Лѣтописи» онъ напечаталъ статью подъ заглавіемъ: «Новый прогрессистъ въ русской литературѣ». Читатели наши ошибутся, если предположить въ насъ намѣреніе защищать «новаго прогрессиста». Конечно, есть примѣры, которые могли бы насъ уловить и въ подобнаго рода записки. Въ Русскомъ же Вѣстникѣ г. Греть въ началѣ произнесъ намъ глубоко сожалѣлъ, что слово «ученый» началу принимать пошлый смыслъ и такого рода фактъ отнести къ числу печальныхъ явленій русской литературы. Примѣръ права уловилъ, но не вслѣдствіи, замѣтилъ. Поэтому и теперь вѣдлись мы на слово вовсе не *изъ* того, чтобъ по примѣру ученаго академика защищать отъ г. Лонгинова «новаго прогрессиста». Намъ показался весьма интереснымъ способъ защиты г. Лонгинова отъ нападенія на *дворянство* «новаго прогрессиста». На него-то и еще на кое-что сѣрикономическое этому дѣлу мы хотимъ обратить теперь свое вниманіе.

.. Во 4 № «Современника» были напечатаны сцены г. Зиновьева подъ заглавіемъ «Дворянскіе выборы». Намъ самимъ не очень нравится произведеніе г. Зиновьева, но полагаемъ, что если можно отказывать ему въ талантѣ, то ужъ вовсе не на тѣхъ основаніяхъ, какія приводитъ г. Лонгиновъ. Мы бы ознакомились съ ними, еслибы вы стали говорить, что г. Зиновьевъ вѣдлъ въ своемъ предметѣ одинъ только извѣстный стороны и ихъ отбавилъ сюжетомъ своихъ сценъ, что во всемъ его произведеніи господствуетъ однообразный мотивъ, нѣтъ богатства и разнообразія

въ его приѣмѣ, что оно чрезвычайно длинно и скучно. Довольствуясь, что у него не вышло ни одного лица, что сцены написаны на заданную тему, фальшивы и т. д., представляете при этомъ дѣланы основанія и мы совершенно охотно согласимся съ вами. Но если посмотрите чѣмъ хочетъ доказать *нехудожественность* «Дворянскихъ выборов» г. Лонгиновъ. Онъ говоритъ: «У автора нѣтъ никакихъ оправданій. Онъ вывелъ до сотни дворянъ одной губерніи въ эпоху 1858 года и всѣ они, за исключеніемъ трехъ, играютъ самую незначительную роль, такіе погоды, какихъ только можетъ ширшевать или слѣбно озлобленіе, или жалкая зависть, или ребяческое увлеченіе людей; существующее въ извѣстнаго рода общественной и quasi-литературной сферѣ. Когда упрекали Гоголя въ клевету, упреки эти были смѣшны и малы. Рецензоръ въ — произведеніе художественное, идѣею всякая черта должна способствовать верной и общему впечатлѣнію цѣлю. Поэтому собраніе это поодѣлаетъ нѣсколько не удаляется своимъ существованіемъ, но является необходимостью. Притомъ еще знаютъ, что на сценѣ есть и такой городничій, и такой судья, и такой почтмейстеръ и т. под. Гениальный писатель имѣлъ полное право свести ихъ въ одинъ городъ и завязать между ними и провинциальную драму, ставъ вѣстерски или развѣтую. Г. Зиновьевъ кажется неимѣть нѣсколько притязаній на талантъ, равный гоголевскому, но и на то, чтобы сцены его были названы даже попыткой на художественное произведеніе.» Г. Лонгиновъ похируетъ то обстоятельство, что авторъ вывелъ на сцену персонажей, какихъ только можетъ ширшевать или слѣбно озлобленіе, или жалкая зависть, или ребяческое увлеченіе людей, существующее въ извѣстнаго рода общественной и quasi-литературной сферѣ. А почему же нельзя было автору уяснить, что сцены выводить на арену персонажей? Потому дескать, что у него не такой талантъ, какой былъ наприимѣръ у Гоголя. «Вотъ поприимѣръ Гоголь; — разсуждаетъ г. Лонгиновъ — такъ вотъ ужъ была талантъ, г. Зиновьевъ, — не чета вамъ. Ему можно было написать «Рецензора», потому что онъ опять-таки былъ талантъ. Притомъ же въ-знаютъ, что есть такіе почтмейстеры и судьи, и городничіе...» Чѣмъ это въ самомъ дѣлѣ? Неужели это непониманіе словъ въ эстетической критикѣ? Но если такъ, то зачѣмъ же братья уличать авторовъ на художественномъ поприимѣ? Гоголь могъ выводить персонажей, потому что онъ былъ талантъ, гений, а никто другой не можетъ этого дѣлать, если только онъ не гений, не талантъ! Но этому приципу всякій неталантъ вѣроятно не долженъ цѣль притязывать на сцену и положительную тины. Не тогда какъ же, спрашивается, талантъ можетъ оаявить себя талантомъ? Но вѣдому

принципу выхолить, что прежде нежели писать, нужно доказать, что дескать есть въ желающемъ писать талантъ и талантъ врождъ Гоголя. На какомъ же основаніи г. Щедринъ выступилъ съ своими туберевскими очерками въ «Русскомъ Вѣстникѣ»? Вѣдь у него нѣтъ ни одного положительнаго типа, а все заѣденные средой типы, все мерзавцы. Никто до выхода его и не зналъ о немъ, какъ о талантѣ. Почему же это не отказали ему въ художественности его произведенія и въ законности его приемовъ и созданныхъ имъ лицъ? Намъ никуда не идетъ всякое художественное произведеніе должно прежде всего отвѣчать само за себя... Прежде нежели справляться, извѣстенъ ли авторъ какъ талантъ, есть ли у него талантъ и т. под., нужно посмотреть, что за лица, выводимыя авторомъ, насколько въ нихъ жизненности, художественной правды, не составляютъ ли они просто идею автора, плохо скрытыхъ и замалеванныхъ. Если въ нихъ не оказывается художественности, нѣтъ жизненности, такъ съ талантъ произведеніемъ и возиться долго нечего. Попытка на художественность и останется только попыткой, попытка вывести на сцену лица и останется только одной попыткой. «Ревизоръ» не потому законное художественное произведеніе, что его написалъ Гоголь, а потому, что въ эти Хлестаковы, Добчинскіе, городничій — лица мастерски очерчены, взяты изъ нашей жизни. Поэтому при разсужденіи о «Дворянскихъ выборахъ» дѣло не въ томъ, есть ли талантъ у г. Зиновьева и потому имѣеть ли онъ право создавать еще нынѣшній «Ревизоръ», а въ томъ, — лица ли онъ вывелъ на сцену. Мы все конечно знаемъ, что есть на свѣтѣ такой городничій, Хлестаковъ и т. д., какіе выведены въ «Ревизорѣ». Но зачѣмъ же г. Лоптиновъ не сказалъ: мы не знаемъ тѣхъ лицъ, какія выведены на сцену г. Зиновьевымъ? Тогда онъ сразу бы уничтожилъ его, потому что жизнь циклоповъ не можетъ быть предметомъ художественнаго произведенія.

Но г. Лоптиновъ не любитъ самыхъ общепринятыхъ критическихъ приемовъ. Онъ продолжаетъ самымъ оригинальнымъ образомъ доказывать несостоятельность такого взгляда на дворянство, каковой видѣтъ въ «Дворянскихъ выборахъ». Пасквили, по его мнѣнію, легко писать на все и на всѣхъ: ну вотъ на примѣръ етъ ли кто-нибудь издумалъ изобразить бытъ простолюдиновъ въ еще болѣе отвратительномъ видѣ, чѣмъ дворяне въ «Дворянскихъ выборахъ». Онъ полагаетъ, что это было бы еще удобнѣе, потому что главные пороки простолюдиновъ ничто иное, какъ пороки дворянъ, только еще въ грубѣйшей формѣ и въ обширѣйшихъ размѣрахъ. Или на примѣръ кто-нибудь издумаетъ воспользоваться также правомъ выбрать печальныя, но «тоже истинныя» событія изъ такихъ

сферъ общества, которыя *пошли себя призванными по праву «ргімі оссипантіс» перестроить Россію по планамъ своей фантазіи*: что если онъ обобщать эти черты и произнесетъ *страшный* приговоръ той или другой изъ этихъ сферъ, обвиняя ее огуломъ во всѣхъ порокахъ и преступленіяхъ.» Мысль у г. Лонгинова какъ—видно такая: вы дескать хотите представить въ прошломъ видѣ дворянское сословіе; пріятно ли будетъ вамъ самимъ, если кто-нибудь возмется да въ прошломъ видѣ представить народъ, любовью къ которому вы гордитесь, или еще хуже—пріятно ли будетъ, если одну галость вывести на сцену изъ сферъ, которыя по праву ргімі оссипантіа хотятъ перестроить Россію по планамъ своей фантазіи, т. е. просто изъ литературной сферы? Но чтожь тутъ *страшно*? Пусть попробуетъ сдѣлать это хотя бы самъ г. Лонгиновъ, если только въ немъ художественнаго таланта больше, чѣмъ критическаго. Спрашивать, пріятно ли это будетъ, кажется намъ совершенно лишнимъ. Мало ли вѣдь что можетъ показаться непріятнымъ. Никакой художникъ не обязанъ писать только *пріятное* разнымъ общественнымъ сферамъ. Если гадостей много и въ сферѣ, подлежащей правомъ «ргімі оссипантіс», сдѣлайте одолженіе, преслѣдуйте ихъ. Если есть дурное въ народѣ,—пишите, изображайте его своей художественной кистью. Объ успѣхахъ предпріятія будутъ судить не потому, насколько это будетъ пріятно или непріятно кому бы то нибыло, а обратятъ прежде всего вниманіе на то, есть ли правда въ вашей художественной картинѣ, совладали ли вы съ матеріаломъ, находившимся у васъ подъ рукой, повяли вы хорошо жизнь, которую взялись изображать, глубоки ли ваши наблюденія и т. д. въ этомъ родѣ. Вѣдь вотъ напримѣръ г. Успенскій постоянно рисуетъ простолудиновъ въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Но если находятъ его не слишкомъ далекимъ художникомъ и вдовольны его непривлекательными эскизами изъ быта народа, то вѣдь вовсе не потому, что онъ какъ—то непріятенъ для людей, любящихъ народъ. Подобнаго рода доказательствамъ никто не рѣшался уличать г. Успенскаго. А если говорили противъ него, то говорили, что въ его рассказахъ много клеветы на народъ, что ему неудалось заглянуть въ него поглубже и подсмотреть дѣйствительную жизнь, что онъ ограничился фотографическими снимками, въ которыхъ много несовсѣмъ осмысленнаго. О пріятности или непріятности результатовъ, выводовъ изъ его наблюденій, тутъ и рѣчи нѣтъ. Такимъ образомъ, еслибы кому и вздумалось заняться составленіемъ художественныхъ сценъ изъ литературной сферы, еслибы кто-нибудь вывелъ на чистую воду литературное зло, то онъ бы сталъ бы судить автора вовсе не на тѣхъ основаніяхъ, что подобныя сцены

унижаютъ литературную сферу и поэтому неприятны литераторамъ. Если зло, выведенное такимъ авторомъ, повсемѣстно, то конечно авторскій приговоръ былъ бы страшенъ; но вѣдь для кого собственно страшенъ? для тѣхъ литераторовъ, которые знаютъ за собой грѣшки, и еслибы они убрались со сцены, то литература отъ того нѣтъ-льکو не проиграла бы, а напротивъ бесконечно выиграла бы. А если авторъ взялъ предметомъ зло случайное, существующее какъ исключеніе изъ общаго хода жизни, то его приговоръ вовсе не былъ бы страшенъ: ему сказали бы, что онъ ошибается, не знаетъ сферы, которую взялся изображать и вывелъ потому ложные результаты. Чтожъ тутъ страшнаго вышло бы въ приговорѣ недалековиднаго и нелогичнаго quasi-художника? Вотъ точно такъ слѣдовало бы г. Лонгинову поступить и съ г. Зиновьевымъ. Ему бы просто слѣдовало доказать, что предметомъ для своихъ цѣлей взялъ онъ зло случайное, слѣдовалъ поспѣшный выводъ. А онъ началъ толковать о несправедливости подобнаго литературнаго явленія для дворянъ и въ удобствахъ подобнымъ же образомъ очернить простолюдиновъ и литераторовъ. На подобныхъ доказательствахъ конечно нельзя далеко уходить. Равно какъ нельзя считать людей озадаченными — вопросомъ вродѣ слѣдующаго: «почему дескать клевета на высшій классъ народа не клевета на Россію, а оскорбительны для нея только клеветы на низшій?» или такого рода: «чтожъ Россія по вашему, вся въ простонародья чтоли?» Впрочемъ о дѣйствительности клеветы — то на дворянство и слѣдовало бы заняться г. Лонгинову. А то онъ вовсе и не задалъ такого вопроса. Онъ употребляетъ способъ защиты, наущеній скорѣй къ челобѣту, который сидитъ еще на школьной скамьѣ. Вѣдь эта система взаимныхъ попрековъ водятся только между мальчуганами-школьниками.

И удивительное дѣло: въ томъ же самомъ 17 № «Современной Лѣтописи», гдѣ помѣщена филиппика г. Лонгинова противъ нѣсколькихъ отзывовъ о дворянствѣ, рядомъ же съ нею, выше нѣсколько, помѣщена статья г. В. Скарятина подъ громкимъ названіемъ: «О тягунныхъ и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ русскаго человѣка». «Русскій Вѣстникъ» въ лицѣ г. Лонгинова обидѣлся на общіе отзывы г. Зиновьева о дворянствѣ. Отчего же это ему не пришла въ голову обидная выходка г. Скарятина противъ *русскаго вообще* человѣка? Вѣдь тутъ дѣло — то кажись поважнѣе... Г. Скарятинъ беретъ два случая: одинъ изъ жизни низшаго сословія — исторію одного дворянина, который до крови избилъ мастерового, при одобрительныхъ возгласахъ толпы. Доколѣ побѣда была на сторонѣ дворянина, толпа одобряла его; а какъ скоро одинъ знакомый г. Скарятину проформалъ дворянина, то толпа приняла сторону избит-

того. Другой — исторія цѣлѣ жизни высшаго сословія, которая выводитъ на сцену отвратительнаго циника, обыгрывавшаго, обманывавшаго всѣхъ, и всѣми же по наружности уважаемаго, докогда публичная пощечина не сгубила этого циника во мнѣніи большинства. Г. Скарятинъ вывелъ заключеніе, что русскій человекъ вообще одаренъ табуными свойствами, нѣтъ въ немъ самостоятельности, самоопредѣляемости въ дѣйствіяхъ; онъ нестойковъ, его же поражаетъ цинизмъ, ложь, обманъ и онъ вездѣ и во всѣхъ цѣнитъ только одинъ успѣхъ, побѣду. Замѣтьте, что исторія съ дворянскимъ передана г. Скарятину однимъ знакомымъ, а при логической оцѣнкѣ степени достовѣрности свидѣтельства это обстоятельство важное. Такъ вотъ, говоримъ, не поцеремонился же г. Скарятинъ на основаніи одной исторіи, которой онъ не былъ очевидцемъ, однимъ разомъ осудить цѣлую массу нашего народонаселенія; не поцеремонился онъ на основаніи тоже одной исторіи, случившейся въ какомъ-то кружку, *заразъ* произнести свой сулъ о другой части русскаго общества. Какія оправданія за себя имѣетъ этотъ *страшный* приговоръ г. Скарятина? А чтобъ не показалось читателямъ, что мы приписываемъ г. Скарятину такое обобщеніе выводовъ, какого нѣтъ въ его статьѣ, мы приведемъ слѣдующую выдержку. Расказавъ двѣ исторіи, онъ рассуждаетъ такимъ образомъ: «Что за табуныя свойства! Почему общество ждетъ какого-то огорошенія, чтобъ отвернуться отъ Ивана Степановича (старика, успѣшно обманывавшаго до полуяенія публичной пощечины), чтобъ перестать считать Базарова за провозвѣстника истины? Неужели всѣ понятія нашего общества такъ шатки, что оно разбѣгаетъ ротъ передъ всякой выходкой? Неужели общество такъ нестойательно, что у него не хватаетъ силы устоять на ногахъ, когда предъ нимъ являються люди, у которыхъ дѣстаетъ дерзости сказать: я не ворую потому только, что боюсь Сибири? *Откуда это совершенное отсутствіе самостоятельности? Почему крестьянинъ не подымаетъ уставную грамоту и не идетъ на оброкъ? Почему онъ вѣрится прохожему богомолку, который уверяетъ, что у помещиковъ земля возмутъ даромъ? Почему наконецъ, когда пройдетъ срокъ полюбовной сдѣлки, придутъ чиновники, напишутъ грамоты, введутъ ихъ и тотъ же крестьянинъ подчинится тому, чего прежде самъ же не хотѣлъ устроитъ? Не печально ли это?»*

Печально, печально, г. Скарятинъ, и даже очень печально, — скажемъ мы вамъ — только не то, о чемъ вы говорите. Очень грустно непониманіе самыхъ простыхъ фактовъ, совершающихся въ тѣлѣ нашей жизни. Мы совершенно сомнѣваемся, чтобъ исполненіе крестьянами уставныхъ грамотъ, нежеланіе идти на

оброкъ, довѣрчивость къ слухамъ, что у помѣщиковъ возьмутъ землю даромъ; отреченіе отъ полюбовныхъ сдѣлокъ и согласіе на нихъ когда придутъ чиновники, напишутъ грамоты, введутъ ихъ, — сомнѣваемся, говоримъ, чтобъ подобные факты происходили отъ табуннаго свойства русскаго человѣка, узкаго пониманья вещей, отъ жадья оgorашиванья со стороны. Мы чрезвычайно сожалѣемъ, что неудобно для насъ объяснить здѣсь, почему все это бываетъ на свѣтѣ и почему иныя оgorашиванья дѣйствительно заставляютъ вступать въ добровольныя сдѣлки... Такъ вотъ не мѣшало бы г. Лонгинову въ своей газетѣ посмотреть какъ дѣлаются иныя обобщенія, и еще какія широкія и радикальныя! Онъ бы тогда понялъ, сколько такта и добросовѣстности заключается въ томъ, что рядомъ помѣщаются двѣ статьи, изъ которыхъ въ одной, на основаніи двухъ неизвѣстно еще достовѣрныхъ ли исторій, выводятся результаты вообще о табунныхъ и другихъ свойствахъ русскаго человѣка съ нѣкоторыми практическими приложеніями, а въ другой является протестъ противъ обобщеній касательно одного сословія. На примѣрѣ же г. Скарятина можетъ быть видно, какъ страшны бываютъ вообще самыя широкіе приговоры, основанные на сомнительныхъ фактахъ, на произвольномъ ихъ толкованіи. Вѣроятно ни одинъ читавшій статейку г. Скарятина не согласился съ нимъ въ дѣйствительности табунныхъ свойствъ въ русскомъ человѣкѣ, да вѣроятно и не оскорбился его выводами, потому что оно не стоить капли жолчи, потому что не стоить тратить чувство на всякую безтолковую выходку. И если мы упоминали о ней здѣсь, такъ это потому, что на это вызвалъ насъ случай.

Но всего страннѣе окончательный выводъ, какой сдѣлалъ г. Лонгиновъ по поводу найденнаго имъ «новаго прогресиста въ русской литературѣ». «Если такіе у насъ дворяне, какими они описываются въ «Дворянскихъ выборахъ», то зачѣмъ дескать толковать о соединеніи, слияніи сословій?.. кто захочетъ соединяться съ нимъ или сливаться, если оно дѣйствительно такъ гнусно?» Намъ очень жаль, что г. Лонгиновъ не понимаетъ смысла журнальныхъ толковъ о слияніи сословій и о сословныхъ недостаткахъ дворянства, какіе только возможны для публичнаго обсужденія. Не г. Зиновьевъ вывется тутъ въ виду: дѣло идетъ здѣсь вообще о смыслѣ журнальныхъ толковъ о недостаткахъ дворянства. Когда говорится о нуждѣ слиянія сословій, то простой смыслъ долженъ предположить, что въздъ здѣсь толкъ идетъ о слияніи лучшихъ ихъ элементовъ въ одно, что и тутъ вывется въ виду взаимное оживотвореніе и усиленіе всѣхъ въ необходимомъ взаимномъ соединеніи. А неужели, когда я говорю, что сословія должны слиться, подать другъ другу руку, можно

предположить, что я здѣсь разумѣю о сліяніи въ одно рутинны, образовавшейся въ каждомъ сословіи отъ разныхъ историческихъ обстоятельствъ? Богъ съ ней, съ этой рутинной; она и разрознена, несцентральзованная, порядочно даетъ чувствовать себя. Поэтому, если говорить, что дворянство должно подать руку народу, то разумѣютъ здѣсь не тѣхъ дворянъ, о которыхъ толкуется въ «Дворянскихъ выборахъ», въ «Очеркахъ» Щедрина и всей отрицательной литературѣ: съ такими дворянами покончить дѣло сырая земля матушка. Она если и соединится съ земствомъ, то останется въ душѣ и въ дѣйствіяхъ такими же дворянами, какими и прежде были. Новаго въ общественную жизнь они не привнесутъ ничего. Конечно, есть и изъ застарѣлыхъ повидимому личностей люди способные къ перерожденію, когда ихъ выведутъ изъ затхлой атмосферы, когда охватитъ ихъ чистый воздухъ и повеетъ на нихъ народная жизнь; эти люди способны къ жизни. Если заговорили о сліяніи дворянства съ прочими сословіями, то здѣсь имѣется въ виду здоровые его элементы, существованіе которыхъ доказано уже фактами. Но факты же доказали и то, что эти личности не имѣютъ ничего общаго съ дворянами вродѣ щедринскихъ, что они не стоятъ за свои привилегіи, прерогативы. Не о нихъ потому идетъ рѣчь во всѣхъ тѣхъ журнальныхъ толкахъ, гдѣ говорится о разной сословной гнусности и гадости; на это мы особенно настаиваемъ. Если бы даже огуломъ произносились иногда разные приговоры, благородныя личности изъ дворянскаго сословія все-таки имѣютъ всѣ права — себя по крайней мѣрѣ исключать изъ подобныхъ приговоровъ. Но такихъ окончательныхъ и рѣшительныхъ приговоровъ въ литературѣ мы пока еще не встрѣчали. Говорятъ на примѣръ о злоупотребленіяхъ разныхъ чиновниковъ, о чиновническомъ злѣ и т. под., но никто не рѣшался устранять всякія при этомъ исключенія, никто не сомнѣвался, что у насъ есть дѣльные, честные, просвѣщенные чиновники. Толкуютъ о семинарской схоластикѣ, о семинарской системѣ неуваженія человѣческой личности и ся право, но никто не рѣшался отрицать того, что и изъ семинаристовъ выходятъ люди не съ однимъ только схоластическимъ закаломъ и люди несовѣстныя — то гнилые. Говорятъ теперь, что въ дворянскомъ сословіи много пошлой рутинны, много необразованныхъ, глупыхъ, помѣщичьихъ натуръ, но никто до сихъ поръ не отрицалъ того, что въ немъ есть и много прекраснѣйшихъ личностей. И когда говорятъ: посмотрите какія уродливыя, пошлыя личности производятъ такое-то сословіе, то здѣсь имѣютъ въ виду тѣ условія сословнаго быта, при которыхъ возможно развитіе подобныхъ натуръ. Подобными картинками сословной пошлости задается вопросъ

не о томъ, на всѣхъ ли членовъ извѣстнаго сословія можно распространять подобнаго рода приговоры, а о томъ, состоятеленъ ли этотъ быть, при которомъ большое число людей доходитъ до такой степени деморализаціи. Подобныя вещи не только не должны ослаблять *человѣческія* усилія лучшихъ личностей въ извѣстномъ сословіи, а помогать имъ добивать старое зло, разоблачать его до послѣдней степени; выводить его на свѣжую воду, оправдывать шаги лучшихъ людей *изъ стороны*. Подобныя сужденія о сословномъ злѣ производятся вѣдь во имя *человѣческихъ* интересовъ, во имя правды и добра... Зачѣмъ же смущаться лучшимъ дѣятелямъ? Тѣмъ-то болѣе имъ хвазы и чести, что изъ *членовъ сословія* они сдѣлались людьми, среди господства узкихъ интересовъ сохранили *человѣческіе* интересы. Намъ кажется, что осмысленные толки о сословной рутинѣ и пошлости должны имѣть именно такое значеніе и такъ именно приниматься публикой. А на бессмысленные возгласы, которые впрочемъ очень и рѣдки, никогда не стоитъ обращать вниманія.

Ужъ если дѣло пошло на объясненія, такъ мы вотъ что доложимъ г. Лонгинову, а вмѣстѣ и «Русскому Вѣстнику». Они говорятъ, что нѣвые толки бываютъ иногда не кстати, что когда толкуютъ о слияніи сословія, незачѣмъ распространяться о пошлости извѣстнаго сословія. Хорошо-съ. Но вопервыхъ, какой смыслъ имѣютъ упомянутыя разсужденія г. Скарятина о табунныхъ и другихъ свойствахъ русскаго челоѣвка? Когда дѣло идетъ о расширеніи правъ народа, о призваніи къ политической жизни лучшихъ элементовъ страны, — появляется статья, въ которой толкуется, что одна часть народонаселенія позволяетъ въ глазахъ своихъ избить кого угодно до крови, если только не огорошить бьющаго кто-нибудь со стороны: тогда она закричитъ на того, кто билъ; другая же половина позволить вамъ мошенничать, съ совершеннѣйшимъ цинизмомъ говорить себѣ въ глаза: «я не ворую потому, что боюсь Сибири». Общій выводъ на концѣ: что нѣтъ-де въ русскомъ челоѣкѣ ни капли самостоятельности, нужно его со стороны огорошивать, — тогда развѣ выйдеть изъ него толкъ. Повторяю, мы желали бы знать, какое значеніе придать замѣткамъ г. Лонгинова «по помѣщичьему дѣлу», которымъ далъ мѣсто тотъ же «Русскій Вѣстникъ». Но объ этомъ нужно поговорить поподробнѣе, потому что это тоже одинъ изъ фактовъ, заслуживающихъ вниманія.

Въ журналахъ и газетахъ теперь, какъ извѣстно читателямъ ихъ; постоянно помѣщаются извѣстія о ходѣ крестьянскаго дѣла. По особымъ обстоятельствамъ, общій тонъ ихъ таковъ, что «въ такой-то губерніи крестьяне хотя и обнаружили нѣкоторое безпокойство по одному случаю, но...» Что *такого* рода свѣдѣнія сли-

шжомъ недостаточны, что ихъ слѣдовало бы расширить, это давно ужъ признавалось людьми, интересующимися вообще ходомъ всякаго рода російскихъ дѣлъ. Г. Лонгиновъ и обратилъ вниманіе на эту недостаточность, только требовалъ подробностей себѣ въ другомъ родѣ: почему дескать пишутъ все по крестьянскому дѣлу, а не упоминаютъ ничего по помѣщичьему дѣлу? Мы совершенно соглашались съ г. Лонгиновымъ, что нужно бы намъ побольше свѣдѣній, чѣмъ какія теперь у насъ подъ руками, и по помѣщичьему дѣлу. Намъ бы не мѣшало напримѣръ знать, сколько гуманности обнаружено помѣщиками при введеніи новаго устава, какія истинныя причины частыхъ безпокойствъ крестьянъ и насколько въ нихъ *менноваты* сами же помѣщики. Тогда уяснилось бы можетъ-быть, какіми воззрѣніями на вещи и убѣжденіями руководится народъ, затѣвая споры съ помѣщиками и обнаруживая непочтительное и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣщикъ совершенно честно исполнилъ все что требовалось отъ него по закону. Тогда можетъ-быть открылось бы и то, почему это даже у самыхъ хорошихъ помѣщиковъ крестьяне не исполняютъ работъ в оставляютъ въ полѣ гнить хлѣбъ. Такъ, говоримъ, желательно было бы болѣе обстоятельное объясненіе помѣщичьяго дѣла. Но г. Лонгинову хочется извѣстій совѣтъ съ другимъ направленіемъ. Онъ печѣтаетъ, какбы въ образецъ для другихъ, меморіаль своихъ утеръ въ помѣстьѣ, причиной которыхъ было, по собственнымъ его словамъ, *нерадѣіе крестьянъ, которые не слушали никакихъ объясненій, работали чрезвычайно дурно и скопили хлѣбъ въ полѣ, слѣдствіемъ чего было для помѣщика такое положеніе, въ которомъ онъ не бывалъ даже въ голодные годы.* Мы вполне сочувствуемъ экономическимъ потерямъ г. Лонгинова, можетъ-быть незаслуженнымъ, но не думаемъ, чтобъ-человѣкъ, извѣданный въ свое имѣніе (и это видно изъ его отвѣта г. А., помѣщеннаго въ 95 № «Нашего Времени») могъ категорически объяснить причину своихъ потерь *нерадѣіемъ* ничего неслушавшихся крестьянъ. Даже предположимъ, что именно *нерадѣіе* крестьянъ было причиною потерь г. Лонгинова, мы все-таки имѣемъ право требовать отъ людей подобныхъ ему, чтобъ они въ объясненіяхъ своихъ утеръ не устанавливались на этой одной причинѣ. Вѣроятно самъ г. Лонгиновъ не удовлетворился бы, еслибы на его вопросъ о причинахъ безуспѣшности извѣстнаго воспитанника педагогъ отвѣчалъ, что дескать ученикъ этотъ *нерадѣіе* къ занятіямъ. Ясно кажется, что человѣкъ не учится потому, что не хочетъ учиться; но здѣсь еще нѣтъ объясненія истинныхъ причинъ его безуспѣшности. И *нерадѣіе* возникаетъ отъ особыхъ причинъ. За ними иногда нѣтъ нужды и ходить далеко. Или напримѣръ у васъ нанять работника на

онъ и работаетъ онъ худо. Вы говорите, что онъ по нерадѣнію не исполняетъ своихъ обязанностей? Хорошо-съ, по варужности конечно такъ. Но вѣдь могутъ здѣсь быть особыя причины его нерадѣнія. Напримеръ хотя бы то, что обстоятельства, сверхъ его желанія и ожиданія, закабалили его въ работу къ вамъ: оттого онъ и нерадиво и работаетъ на хозяина. Это говоримъ къ примѣру, во все непредполагая возможныхъ обстоятельствъ въ теперешнихъ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ. Такъ вотъ и слѣдовало бы людямъ вродѣ г. Лонгинова, понимающимъ кое-что побольше чѣмъ обыкновенные помѣщики, не останавливаться на одномъ нерадѣніи крестьянъ и не хотѣть ихъ слушаться, когда рѣшается вопросъ о причинахъ нынѣшнихъ утеръ помѣщиковъ. Но тутъ можно возразить, что дальнѣйшее разсмотрѣніе причинъ ихъ невозможно, неудобно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Согласны. Зачѣмъ же послѣ этого и задавать вопросъ и *главное* — давать при этомъ *каруемое* только, ни къ чему доброму неведущее, его рѣшеніе? Обратимся опять къ одному, упомянутому выше примѣру. Умный отецъ безуспѣшнаго ученика не удовлетверится объясненіемъ, что причины его безуспѣшности заключаются просто въ его нерадѣніи къ дѣлу: онъ станетъ доискиваться болѣе глубокихъ причинъ и позаботится объ ихъ устраненіи. А для другого отца и это объясненіе будетъ удовлетворительно: онъ пожалуй придетъ къ мысли, что лѣнь, нерадивость можно прогнать розгой и станетъ безъ церемоній сѣчь его. Хорошій педагогъ долженъ предвидѣть это обстоятельство и долженъ прямо разъяснить истинныя причины худого положенія дѣла и постоянно требовать отъ отца удаленія ихъ; а если это невозможно, то самому постараться удалить ихъ; а если и это невозможно, такъ не говорить по крайней мѣрѣ, что нерадѣніе воспитанника — главная причина его безуспѣшности и не поводить его такимъ образомъ подъ отеческія розги.

Вотъ и выставляемъ на видъ самому же г. Лонгинову, какъ *некстати* онъ самъ заявляетъ факты съ извѣстнаго рода объясненіями въ той же самой газетѣ, въ которой недѣлю спустя говорить противъ такого же рода объясненій, только въ приложеніи къ людямъ другой сферы. Напрасно онъ пытался въ своемъ отвѣтѣ г-ну А. ослабить значеніе своей замѣтки «по помѣщичьему дѣлу». — «За что такой гнѣвъ на мою коротенькую замѣтку? пишетъ онъ въ 95. №. «Нашего Времени»: — вѣдь еслибы кто-нибудь напечаталъ вѣсколькострочекъ о томъ, что напримеръ ситцевая фабрика принесла ему четверть прежняго дохода воиѣдствіе безденежья, дороговизны рабочихъ, жизненныхъ припасовъ, матерьяловъ и проч., присовокупя къ тому, что такое явленіе болѣе или менѣе повторилось на многихъ

другихъ фабрикахъ, вы не подняли бы шума.» Конечно не подняли бы, *еслибы только подобными объясненіями ограничился авторъ*, даже и не прочитали бы, потому что намъ нѣтъ нужды знать, сколько каждому фабриканту принесла доходу фабрика, особенно если отсюда нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, не касающихся лично самаго фабриканта. Но еслибы этотъ фабрикантъ сталъ говорить, что дескать я потерялъ уменьшеніе дохода на три четверти собственно изъ-за нерадѣнія рабочихъ къ своимъ обязанностямъ, изъ-за того, что они не хотѣли ничего слушаться, тогда мы подняли бы шумъ, особенно когда мы знаемъ, что какъ-нибудь да отзовутся на ихъ участіе подобнаго рода объявленія. «Погодите, г. фабрикантъ, сказали бы мы, сваливать причины вашихъ утеръ просто на нерадѣніе рабочихъ. Подумайте, поищите, нѣтъ ли другихъ причинъ, которыя заставляютъ рабочихъ быть нерадѣвшими въ работѣ на васъ.» И мы никакъ не успокоились бы, еслибы фабрикантъ не далъ такого рода объясненія: «я написалъ о своихъ утеряхъ потому, что дескать любопытно было бы знать, сколько вообще потерь понесено у всѣхъ фабрикантовъ, что свѣдѣнія вродѣ объявленныхъ мной обогатятъ статистику» и т. п. И вамъ, г. Лонгиновъ, нечего оправдываться любопытствомъ свѣдѣній тамъ, гдѣ дѣло ни въ какомъ случаѣ не можетъ кончиться *однимъ только* любопытствомъ. Нечего ввязывать объясненія, которыя нисколько не объясняютъ дѣла, а могутъ незаслуженно впутать въ исприятности вашу меньшую братію.

Г. Лонгиновъ еще разъ, что ему «представался случай, позволившій прервать молчаніе, бывшее слѣдствіемъ робости, произведенной журнальными возгласами и модой». Но если онъ увѣряетъ, что собственно статистическіе интересы заставили его напечатать замѣтку «по помѣщичьему дѣлу», то какое-же онъ «прервалъ этимъ молчаніе, бывшее слѣдствіемъ робости, произведенной журнальными возгласами и модой»? Кажется ни люди, ни журнальные возгласы никогда не возставали противъ статистики? Онъ совершенно можетъ быть увѣренъ, что его чисто-статистическія занятія въ кабинетѣ не прерветъ ни одинъ журнальный возгласъ; ужь развѣ окажется много невѣрности въ цифрахъ и на нихъ г. Лонгиновъ попытается построить какое-нибудь блестящее объясненіе, тогда противъ него пожалуй поднимутся журнальные возгласы. Въ томъ-то и дѣло, что г. Лонгиновъ представилъ опытъ «немногаго» объясненія, и *этому* именно радуется. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же прятаться за статистическіе интересы? Ужь говорилъ бы г. Лонгиновъ прямо, что у него есть на душѣ...

Но пора кончить вамъ съ г. Лонгиновыми. Хотѣли мы было

закончить свои варіаціи нѣкотораго рода разсужденіями, да вѣдь человекъ—то онъ особенный, не въ урядъ другимъ. Вопервыхъ онъ теперь чрезвычайно занятъ благодарными письмами за свою попытку «прервать молчаніе, бывшее слѣдствіемъ робости, произведенной журнальными возгласами и модой», о чемъ самъ же онъ заявилъ въ своемъ отвѣтѣ. Вотторыхъ онъ, какъ видно изъ этого же документа, освободился «отъ опеки журналовъ, присвоившихъ себѣ, благодаря разнымъ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, право выдавать свой голосъ за выраженіе общественнаго мнѣнія». Съ такимъ господиномъ ничего нельзя подѣлать: что ни говори ему, для него все тринь—трава, потому дескать, что голосъ журналовъ вовсе еще не отголосокъ общаго мнѣнія, и наши разсужденія отзывались бы для него опекой, присвоенной себѣ журналами, благодаря и проч. и проч. Наконецъ, мало того, что самъ г. Лонгиновъ освободился отъ опеки, присвоенной и т. д.—онъ подѣлалъ даже и въ обществѣ такое же благодѣтельное стремленіе освободиться отъ опеки. Вѣроятно онъ занятъ теперь разработкой этого открытія и носится слухъ, что онъ приметъ дѣятельное участіе въ эманципаціи всей Москвы отъ подобнаго злоуреднаго журнальнаго вышнана. Одно только насъ затрудняетъ: какъ онъ обойдется съ «Русскимъ Вѣстникомъ»? Вѣдь и онъ журналъ тоже. Или нѣтъ?.. Впрочемъ — свои люди, сочтутся.

Читатель видитъ, что только особенныя обстоятельства г. Лонгинова помѣшали намъ должнымъ образомъ закончить свои варіаціи на разныя темы и потому вѣроятно онъ не обвинить насъ.

ОТВѢТЪ Г. А. АЛЕКСАНДРОВУ (25 № «ДНЯ»)

ПО ПОВОДУ ЕГО НАБѢГА НА ТАЛМУДЪ (1)

Я усталъ отъ вашихъ фразъ бездушныхъ,
Отъ дрожащихъ ненавистью словъ!
Мнѣ противно агать и лицемерить...

А. АПУХТИНЪ.

Читающей публикѣ вѣдомо, какимъ негодованіемъ журналъ «День» разразился противъзакона 27 ноября 1861 г., предоставившаго гражданскія права евреямъ, имѣющимъ дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата. Эта неблагонамѣренность, какъ и слѣдовало ожидать, нашла себѣ сильное опроверженіе со

(1) Мы получили эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

Милостивый государь,

Во имя истины, справедливости и прогреса прибѣгаю къ вамъ въ первый разъ съ покорнѣйшею моею просьбою о напечатаніи подлежащей статьи моей на страницахъ издаваемого вами журнала. Слово истины, высказанное въ еврейской книгѣ «Времени» по поводу № 19 «Дня» о евреяхъ, побуждаетъ меня обратиться съ этой моею просьбой именно къ вамъ, милостивый государь. Въ статьѣ «19 № Дня» — «Время» съ рѣдкимъ безпристрастіемъ оправдало вопросъ о гражданственности евреевъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, за что я и всѣ прочіе мои товарищи-евреи по университету приносимъ вамъ свою нелицемѣрную благодарность. «Жалкіе друзья, которые вредятъ христіанству болѣе, чѣмъ его враги! Нѣтъ ничего особеннаго въ поношеніи враговъ; но поношеніе друзей, но позоръ, навлекаемый дѣлу его защитниками и приверженцами, — вотъ зло нестерпимое и обидное въ высочайшей степени.» Эти слова такъ глубоко вѣзались въ мою душу. Но вотъ появился 25 № «Дня» съ данными изъ талмуда, который будто служитъ сильнымъ доводомъ противъ гражданственности евреевъ... Но эти доводы, почерпнутые изъ талмуда, до того искажены и перетолкованы сообразно съ цѣлью г. Александровымъ, что возмутать всякаго, кто когда-либо учился талмуду.

Милостивый государь, я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ, что я принялся за опроверженіе нареканій г. Александрова nicht auf's Gerathewohl: бывши

стороны русской журналистики, краснорѣчиво заявившей свою всю невротерпимость и свое безпристрастіе. (1)

Въ 25 номерѣ «Дня» нѣкто г. Александровъ, враждебно цѣлуютъ противъ евреевъ и талмуда. Къ этому славному подвигу побуждали его, какъ онъ объявляетъ, «единодушно поднявшіеся со всѣхъ сторонъ, печатно и устно, возраженія на статью 19 номера «Дня» объ евреяхъ.» Съ каинимъ восхищеніемъ редакція «Дня» встрѣтила статью г. Александрова, видно изъ того, что она *испещрила* (въ выноскѣ къ статьѣ) искренно поблагодарить его, «исключительнаго ей автора, изъ г. Бузульмы, за доставленіе такой, «с высокой степени любопытной и замѣчательной статьи.» Вслѣдствіе такого лестнаго для г. Александра отзыва редакція «Дня», мы беремъ на себя легкій, но выѣстъ и скучный трудъ — рассмотреть насколько именно эта статья *любопытна и замѣчательна*... Мы рѣшились на это, подстрекаемые единственно любовью къ нему.

Г. Александровъ начинаетъ свою «въ высшей степени любопытную» статью такими словами: «Единоголосно поднявшіеся со всѣхъ сторонъ, печатно и устно, возраженія на статью «Дня» объ евреяхъ заставляютъ обратить на нее особенное вниманіе. Это единодушное

питомцемъ раввинскаго училища, а потомъ нѣсколько лѣтъ среди учителей еврейскаго закона въ одномъ изъ казенныхъ еврейскихъ училищъ. я вспомнѣ могу сказать, что мнѣ не чужда вся суть талмуда. Это самое и заставило меня не остаться равнодушнымъ къ обвиненіямъ, взведеннымъ г. Александровымъ на евреевъ. Кто изъ насъ правъ, кто неправъ — это я представляю судить вамъ, милостивый государь.

Правда, что я, подобно всѣмъ благомыслящимъ единоверцамъ моимъ, радъ видѣть преуспѣяніе евреевъ на пути просвѣщенія и гражданственности: но не скрою, что ношу выѣстъ съ тѣмъ въ душѣ то теплое убѣжденіе, что мои единоверцы еще далеко не совершенны: эти мои убѣжденія я неоднократно выразилъ и печатно. Но требовать отъ евреевъ полнаго, безусловнаго совершенства, котораго будто желаетъ г. Александровъ, мнѣ кажется болѣе чѣмъ предосудительно: наступленію полнаго дневнаго свѣта вѣдь предшествуетъ утренній зарю, а этой послѣдней евреи наши ждали долго, долго... Поэтому наши взгляды на евреевъ должны быть отчетливы, чужды предубѣжденій, въ особенности задней мысли. Въ статьѣ же г. Александра перваго изъ этихъ условій вовсе не видать, а послѣдніа два отражаются на каждомъ шагу, въ каждой строкѣ его; во этихъ онъ ничуть не поправляетъ дѣла (еслибъ даже была у него такая цѣль); напротивъ онъ затемняетъ и портитъ его. Кроме того, наши взгляды на евреевъ должны быть искренни, по возможности человеколюбивы и обдуманы, — это кажется несомнѣнно и противъ этого едва ли человекъ честный станетъ и спорять.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Петръ Лякубъ.

(1) См. № 19, и отвѣтъ на него въ критическомъ обзорѣ журналу «Время» (кн. 2).

любоманіи слишкомъ зачѣтательно... Еврейскій вопросъ, очевидно можно судить, не остался вопросомъ поднимать и свѣтывать, какъ интересъ мимолетный... Нѣтъ! онъ прирастаетъ къ нашей почвѣ — снотъ закона (навое отчаяніе!), онъ облекается въ положительную логичную форму и вмѣстѣ съ этимъ получаетъ естественное право дальнѣйшаго развитія.» Вотъ это послѣднее, вотъ что беспокоитъ незабываемаго и намъ автора! Но мы уже поневоли знакомимся съ нимъ по образу в подобію его мыслей и разсужденій. Приятное знакомство!.. Итакъ г. Александрову пришлось воевать не по-серьезу «единодушное возстаніе», выразившееся, по его собственному признанію, «устно и печатно» противъ привычливой выкладки «Дни», направленной ко вреду и уничтоженію обширной семьи русскихъ евреевъ. Какъ выразилось это возстаніе печатно и устно — это вопросъ, при которомъ авторъ, какъ увидите, путается, тараторитъ и не знаетъ что отъчитать. А ларчикъ просто открывается: *качально* — въ лучшемъ и наиболѣе распространенныхъ органахъ нашей литературы; усно — какъ неопровержимый фактъ общественнаго мнѣнія! Кажется ясно. Но автору до этого дѣла нѣтъ, и нѣтъ потому, что онъ вѣроятно полагаетъ къ простотѣ душевной, что еще въ модѣ разить евреевъ, дѣлая на нихъ нападенія съ той или другой стороны, — и вотъ онъ обращается къ талмуду и глоссамъ его, думая, что это вѣрнѣйшій способъ поразить *юдействующиыхъ* на смерть... Согласитесь сами, вѣдь въ немъ, въ талмудѣ-то, лежитъ сильный доводъ противъ гражданскихъ правъ евреевъ, въ немъ вѣдь содержится столько страшныхъ вещей!.. Такъ послѣдуемъ же и мы за г. Александровымъ.

Да, въ талмудѣ много, много страшнаго... Поэтому самому мы не видимъ ничего предосудительнаго во влеченіи нашего автора къ талмуду; напротивъ, желая поразить на-голову все страшное талмуда, онъ этимъ доказываетъ геройство, отвагу и даже презрѣніе величайшею опасностью въ пользу общаго блага... Намъ только показывается предосудительнымъ то, что вставши въ одно прекрасное утро, онъ вдругъ, какбы по мановенію волшебнаго жезла, вздумалъ сдѣлаться реформаторомъ еврейской націи, Лютеромъ нашихъ времёнъ: долой талмудъ — и дѣло съ концомъ! Но спросимъ нашего ревностнаго реформатора объ одномъ: неужели достаточно одного минутнаго настроенія фантазій, одной забавной запальчивости, одной неразборчивости въ выраженіяхъ, для того чтобы пересоздать какое бы то нибыло ученіе, а тѣмъ болѣе такое, которое утвердилось и упрочилось вѣками и страданіями? Наврядъ ли... Впрочемъ г. Александровъ приступилъ къ дѣлу какъ герой: онъ началъ шарить въ талмудѣ и рыться въ немъ, и наконецъ какъ

видно рѣшился даже выполнить свою высокую миссію при посредствѣ московскаго изданія «Дня» (замѣтьте пра-этомъ, что этотъ журналъ вовсе не распространенъ между евреями, которые авторъ реформируетъ), помѣстивъ въ немъ статью о задуманной имъ реформѣ на шести столбцахъ съ половиной... Посмотримъ же, какими путями авторъ стремится къ достиженію своей космической цѣли; прямая же цѣль его намъ болѣе чѣмъ понятна...

Но прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію положеній г. Александрова, мы считаемъ за нужное бросить бѣглый взглядъ на сущность и значеніе талмуда.

«Талмудъ есть сочиненіе не одного человѣка, даже, не одного столѣтія : это умственная жизнь сотни поколѣній, это зажитъ предковъ потомству.

«Вотъ какъ объясняется его происхожденіе, согласно съ преданіями евреевъ. Моисей получилъ на горѣ Синаѣ только десять заповѣдей. Пятикнижіе есть продолженіе для дальнѣйшаго разработка десяти заповѣдей. Пророки суть продолженіе пятикнижія. Но въ библии же говорится, что Богъ имѣлъ еще тайныя совѣщанія съ Моисеемъ въ скинии завѣта (эгель-меель), гдѣ онъ изъясняетъ ему полный смыслъ закона и примѣненія его ко всѣмъ частнымъ случаямъ. Эти устные изъясненія писанія Моисей передалъ Іисусу Навину, этотъ — старѣйшинамъ, эти — пророкамъ, а эти послѣдніе передали ихъ членамъ великой синагоги (Кенесет Нagedола), которые въ свою очередь передали эти устные толкованія знаменитѣйшимъ раввинамъ, — что продолжалось до любимца римскаго императора Марка Аврелія, знаменитаго раби Іегуды — святого, который, видя, что толкованія эти не могутъ болѣе устно сохраняться во всей чистотѣ и непогрѣшительности, собралъ главнѣйшія изъ нихъ въ одинъ сводъ — «Мишну», въ концѣ II столѣтія по р. х. Дальнѣйшее разработываніе Мишны, на основаніи устнаго же преданія и смысла писанія, составляетъ «талмудъ» (ученіе), который первоначально преподавался въ синагогахъ и академіяхъ (какъ въ Тампін, Бетъ-Шеоримъ, Тиверіадъ, Сифорисъ, Цезарѣй, Нагардѣй, Пумпелатъ, Суръ и пр.) устно, а потомъ въ концѣ V столѣтія послѣ христіанской эры составленъ былъ письменно знаменитымъ равви Аше и Раввина. Дальнѣйшее разъясненіе темныхъ мѣстъ талмуда составляетъ труды послѣдующихъ раввиновъ.

«Вотъ краткій очеркъ происхожденія и сущности талмуда, который въ настоящее время составляетъ до 40 большихъ фолиантовъ и раздѣляется на 60 трактатовъ. Чтоже касается содержанія, достоинства и духа талмуда, то послушаемъ лучше мнѣніе объ этомъ самихъ христіанъ.

Переводчикъ Мишны, Bienenstein, выдавши свой трудъ въ Амстердамъ въ 1698—1703 г., говоритъ объ этомъ твореніи съ величайшими похвалами, нисколько не сомнѣваясь, что оно основано на первенныхъ преданіяхъ, какъ вѣруютъ евреи.

Чтоже касается до талмуда, то вотъ что говоритъ о немъ знаменитый ориенталистъ Joh. Buxtorf (1): «Талмудъ есть ученое твореніе или великое зданіе учености, составленное разными ученѣйшими раввинами. Онъ заключаетъ многостороннюю ученость по разнымъ наукамъ и учитъ подробнѣйшему и совершеннѣйшему гражданскому и каноническому праву евреевъ, такъ что синагоги и народъ еврейскіе, слѣдуя оному, могли бы жить счастливо и какъ нельзя желать лучше. Къ нему примѣшаны разныя сказанія, которыя, заключаая въ себѣ большею частію глубокія мистическія и аллегорическія понятія, только немногимъ бываютъ понятны, и поэтому слывятся даже безсмысленными баснями» (2). Далѣе авторъ это подтверждаетъ сказанное нами выше о содержаніи, происхожденіи и авторитетѣ талмуда.

Мы могли бы привести еще немалое число цитатъ другихъ христіанскихъ писателей, громко говорящихъ за раввиновъ и талмудъ, какъ напримѣръ Оригена, Климента, Евсевія, Иеронима (творца Вульгаты) и др.; но считаемъ изложенное нами пока достаточно для оправданія талмуда въ глазахъ иновѣрцевъ и защитенія его отъ нападокъ и смѣшного лезнанія и т. д.

Итакъ вотъ г. Александровъ взялся разрушить это талмудическое зданіе, надъ которымъ работали гении и вѣка, и онъ разрушаетъ его — чѣмъ бы вы думали? — однимъ почеркомъ, однимъ взмахомъ пера: долой его да и только! Въ этомъ памятникѣ древности, состоящемъ изъ сорока огромнѣйшихъ «олиантовъ» или шестидесяти большихъ трактатовъ и сверхъ того изъ нѣсколькихъ десятковъ тоже довольно объемистыхъ твореній, объясняющихъ и дополняющихъ его; въ этомъ громадномъ памятникѣ учености евреевъ онъ нашолъ, или лучше сказать вырылъ нѣсколько такихъ мѣстъ, которыя съ легкой руки могъ пересоздать сообразно съ своею цѣлью и стремленіями, — и этимъ-то жалкимъ лезнаніемъ талмуда обличаетъ онъ евреевъ въ ненависти къ христіанамъ!.. До чего дошло это лезнаніе и умышленно-превратное тол-

(1) De abrey. hebr. Онъ жилъ отъ 1564 до 1629 года.

(2) Многія изъ этихъ мистическихъ и аллегорическихъ понятій, во множествѣ разсѣянныхъ здѣсь и тамъ по цѣлому талмуду, мастерски объяснены П. Б. Шершевскимъ и изданы въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: «Курь Лазагавъ», т. е. объясненіе разныхъ талмудическихъ легендъ. Вильно, 1858 года.

пованіе его, въ соединеніи съ постыдной ненавистью и враждой противъ евреевъ — это нынѣ сейчасъ докажемъ.

Г. Александровъ приводитъ въ своей статьѣ слѣдующіе слова р. Эліэзера: «Богъ, поравнявшій египтянъ однимъ пальцемъ своимъ, востребитъ сыновъ невольныхъ (тутъ онъ поспѣшилъ оставить въ скобкахъ, вѣроятно для защиты эвектности, слово «христіанъ») и сыновъ изъамовыхъ (мусульманъ) всюо длавою своею, ибо первые — враги народа его, а вторые — его собственные враги». Не почему же авторъ, заявляя себя такимъ знатокомъ талмуда и всего относящагося къ нему, забылъ про то, что въ «Misian Hamitzwot» Маймониды, отпечатаннаго въ 1852 г. въ С. Петербургѣ съ ивещичнымъ переводомъ подъ заглавіемъ: «Die Anzahl der Gebote», во второй отдѣлѣ (Lo taase — Verbote), параграфы 54 и 55 совершенно уничтожаютъ всю силу возведеннаго имъ на евреевъ обвиненія? Вотъ что гласитъ § 54: «потомковъ Исавы ты можешь исключить изъ среды своей не далѣе какъ до третьяго поколѣнія, ибо сказано: не убивай адемита (христіанина)». Тоже самое говорится въ слѣдующемъ параграфѣ (55) относительно египтянъ. Будь авторъ, напротивъ, человѣкъ благонамѣренный, онъ могъ бы напомнить евреямъ объ этихъ религіозныхъ постановленіяхъ синагоги, если ему удалось усмотрѣть, что они, эти евреи, не выполняютъ догматовъ своей религіи со всюо точностью; онъ могъ бы этимъ доказать евреямъ, что они въ настоящее время обязаны, на основаніи своего ученія, уважать и любить христіанъ какъ самихъ себя; но это находится внѣ его программы. Если угодно познакомиться съ совершенно новымъ, никому еще невѣдомымъ комептаріемъ г. Александрова на талмудъ, такъ вотъ читайте: «Человѣку праведному (тутъ авторъ счелъ нужнымъ приплестъ въ скобкахъ «іудею»: это не въ похвальбу; нѣтъ! это слѣзано имъ по необходимости, съ цѣлью...) дозволяется... обманывать» (!?!). И чтожь? чѣмъ подкрѣпилъ онъ это свое положеніе? — Вотъ чѣмъ: «съ невиннымъ будь невиненъ, съ нечестивымъ (тутъ ужъ ему необходимо было поставить тоже въ скобкахъ «христіаниномъ», контраста ради...) будь нечестивъ». Но такъ какъ первая фраза: «человѣку праведному и т. д.» составляетъ чистый вымыселъ автора, плодъ пылкаго его воображенія, то объ этомъ не стоитъ и говорить: само дѣло уже говорить за себя; во второй же фразѣ: «съ невиннымъ и т. д.», выкинувъ совершенно произвольно приплетенное имъ слово «христіаниномъ», вы получите весьма простое, нелшонное смысла, талмудическое изреченіе (см. Talm. Baba Batra, f. 123, a). Чего добраго, быть-можетъ г. Александровъ скажетъ, что и такое изреченіе несовсѣмъ-то еще гуманно. Не споримъ, что гораздо выше стоитъ изреченіе наивнѣрѣ

Сомнѣна: «Не говори: хочу отплатить злою» (Прит. 20, 22); и насъ насъ, какъ хотите, довольно было бы одно точное замѣчаніе и талмудическаго права: ибо намъ какъ-то плохо вѣрится въ существованіе въ наше время идеала совершеннаго праведника, котораго и видѣть невидать, и слыхѣть неслыхать. Кто согласится теперь подставить и другую свою щеку, получивши ударъ въ одну? Возможное ли дѣло, чтобы человѣкъ, будь онъ хотя бы и еврей, могъ благодѣлать иредъ своимъ преслѣдователемъ? Поэтому самому нашимъ составителямъ талмуда, нещитающимъ не одну передругу, знавшимъ, что законъ въ самыхъ суровыхъ словахъ объявляетъ всѣхъ евреевъ безъ изъятія недостоинными вѣчности ⁽¹⁾, а гражданское состояніе ихъ такъ же отверженнымъ, какъ отвержена была душа ихъ ⁽²⁾, и въ тоже время чувствовавшимъ гнѣвъ этого же самого закона по отношенію къ налогамъ, кажется бымы съ своей стороны имрѣтъ сказать, что и «иудеи воскреснутъ и насладятся блаженствомъ жизни вѣчной...» Страшное дѣло: отчего тогдашнимъ евреямъ было «своего сужденія не имѣть» и не претендовать на жизнь лучшую, вѣчаю? И г. Александровъ, мы думаемъ, неспрося отъ нея? Что это за дѣтскость бояться, чтобы одинъ иудей (у страха глаза велики) не завладѣлъ ею?.. Что за предусмотрительность!..

Но посмотрите какъ неперемѣнно онъ продолжаетъ «аллежить» евреевъ. Нисколько необынуясь, онъ прямо выдумалъ вотъ какую фразу: «обманъ всякаго не-еврея дозволенъ.» Но здѣсь авторъ поступилъ уже нѣсколько благоразумнѣе: онъ по крайней-мѣрѣ не подтвердилъ этого своего вымысла какимъ нибудь талмудическимъ изреченіемъ, котораго конечно не нашолъ и которое онъ могъ бы попрежнему пересоздать по-своему, сообразно съ своимъ цѣлью. Такимъ образомъ, повторяемъ, г. Александровъ не подкрѣпилъ своего нареканія ничѣмъ. Мы съ своей стороны могли бы сказать просто, что это ложь; но нежелая, чтобы намъ не вѣрили на-слово, мы сейчасъ приведемъ доказательства тому, что обманъ не-еврея, по ученію нашему, на зло нашимъ противникамъ, строго запрещенъ. Смотри объ этомъ Min. Hamitz. отъ § 250 по 256: въ § 250 говорится такъ: «въ куплѣ и продажѣ да не будетъ обмана»; въ § 253 наказывается не обманывать чужеземца, ибо сказано: «и ты не долженъ притѣснять его»; § 251 гласитъ: «нельзя обманывать ближняго више словами», а что — вопреки нареканіямъ г. Александрова — подъ «ближнимъ» разумѣется не только *иудей*, но и

(1) Abrah. ben Zacuth, Sepher Juchasin. — De Boissi, Dissertation sur Aben-Huzrah.

(2) Ibid. — Manuel Aboob, Nomolog. — D. Ganz. Tschémach David.

интерпретъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ нельзя лучше §§ 252 и 253.

Пойдемъ далѣе. Г. Александровъ, негодуя на евреевъ и талмудъ, говоритъ (боятъ отъ своего имени, т. е. оныя выдумываетъ небывальщину), что «всѣ прочіе народы (въроитно кромѣ еврейскаго) останутся на вѣки (!?) въ гробахъ (своихъ) или въ аду, что луна ихъ неспособна воскреснуть.» И вотъ читайте, только безъ шутокъ, подтвержденіе этой могучей мысли, почерпнутой г. Александровымъ уже не изъ талмуда, а изъ псалмовъ Давида: «возвратятся въ адъ нечестивые, всѣ народы, забывающіе Бога». (Пс. IX, ст. 18.) Удачное подтвержденіе, неправда ли?.. Но г. Александрову уже вѣдомо, что мы углубляемся въ его статью любознательности ради, желая именно знать насколько она дѣйствительно любопытна и замѣчательна, какъ о томъ свидѣлствуетъ «День». Любознательство просто одолеваетъ насъ: мы въпрямь очень любознательствуемъ знать какъ читаетъ псалтырь г. Александровъ. Неужели онъ дотого благочестивъ, что дохода въ своемъ чтеніи до слова «нечестивые», вовсе не промешоситъ его? Неправда ли, онъ говоритъ, что іудеи или іудействующіе (пускай уже будетъ по нимъ) подъ словомъ «нечестивые» разумѣютъ — что само собой весьма забавно — христіанъ; но не выразилъ ли и мы съ своей стороны предположить, что онъ разумѣетъ подъ нимъ — еврея?.. Внимаемъ ли г. Александровъ изъ-за чего мы тутъ тратимъ время, которое намъ, признаться сказать, очень дорого?.. Но чтожь прикажете дѣлать? Любознательство!.. Такъ пойдѣмъ же далѣе, и прибавимъ къ приведенному авторомъ изъ IX псалма 18-му стиху слѣдующій стихъ, 19-й, служащій ему какбы продолженіемъ и дополненіемъ, отдѣляясь отъ него лишь точкою съ заявкою (зри «Книгу хвалений или псалтырь на руссійскомъ языкѣ». С. Петербургъ. 1823 г.): «ибо не навсегда забыть будетъ бѣднѣйшій, и надежда угнетенныхъ не погибнетъ на вѣкъ». Теперь, прочтя оба стиха (18 и 19) IX псалма вѣдѣтъ, легко открыть мысль, уже ничѣмъ не заслоненную. Не такъ ли? А вотъ не знаешь какъ г. Александрову, а намъ такъ нравится другой стихъ, а именно 14-ый XXXIII псалма: «удерживай языкъ твой отъ зла, и уста твои отъ коварныхъ словъ». Хорошій стихъ, неправда ли?

Не оставимъ псалтырь, и обратимся къ молитвамъ іудействующихъ, на которыя обратилъ свое вниманіе нашъ ученый авторъ. Быть-можетъ и здѣсь найдемъ мы что-нибудь для утоленія нашего любознательства...

Г. Александровъ говоритъ слѣдующее: «въ молитвахъ своихъ іудеи говорятъ: «благословенъ господь-богъ нашъ, царь міра всего,

не сотворившии мена днумемъ, и не сотворившии мена рабомъ (слагой).» Что правда, то правда: евреи повторяютъ это въ молитвахъ своихъ каждый божій день. Но г. автору угодно было и это мѣсто истолковать по-своему: «кумъ, говорить оиъ, значить мей, а гой значить драгоцѣнникъ. Это совѣтъ невѣрно. А вотъ, позвольте, г. Александровъ, объяснить вамъ, откуда происходитъ слово «кумъ». Оно составляетъ сокращеніе и состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ словъ и союза «и»: «а» значить *ооодина* («слушеніе» по-еврейски), «к» — *некооимъ* («звѣзда»), «у» — и, «мъ» — *мазолетъ* («звѣзды»). Такимъ образомъ подъ словомъ «кумъ» разумѣются тѣ, кои называются звѣздами и планетами, или кругу небесному. Это, какъ учить исторія, первая степень языческой религіи или *собоимъ*; следовательно «кумъ» значить *язычникомъ*, а не христианиномъ. Понимаете?.. О, какъ мы были бы любовитны знать, каково было бы мнѣніе или сужденіе г. Александра насчетъ слѣдующихъ мапримъ-ръ благословеній, ежедневно творимыхъ евреями! Вотъ они: «благословенъ господь-богъ нашъ, царь міра всего, омовсывающій насъ смалою», или «благословенъ господь-богъ нашъ, царь міра всего, овичающій Израиля доблестью». Судя по его статкѣ, мы не можемъ дойти того убѣжденія, что оиъ, махнувъ рукою, оиъ души радодохотася бы надъ такими молитвами *юдействующими*, саркастически приговаривая: хороша сила! хороша доблесть!.. Поэтому самому мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь, въ видѣ отступленія, соображенія объ этихъ благословеніяхъ учениковъ одинадцати или двѣнадцатилѣтняго возраста, сообщенныя какъ фактъ въ «Юдейскомъ народномъ листкѣ» (№№ 51 и 52 за 1860 г.). Очевидецъ тутъ раскываетъ слѣдующее: «Дословно перевода съ еврейскаго на нѣмецкій языкъ первое изъ означенныхъ благословеній, наставникъ обратился въ классѣ къ ученикамъ своимъ съ вопросомъ: не находятъ ли они въ высказываемыхъ ими словахъ чего-нибудь страннаго или непонятнаго? На это одинъ изъ учениковъ отвѣтилъ такими словами: мнѣ при этомъ приходитъ въ голову, что евреи олавославятъ Бога за ту силу, посредствомъ которой чудесно сохранился этотъ слабый, угнетенный и преслѣдуемый народъ, который въ настоящее время лучшимъ своимъ положеніемъ въ нѣкоторыхъ государствахъ обязанъ не своей силѣ, а справедливости и человеколюбію господствующихъ народовъ. Точно также продолжалъ ученикъ — кажется мнѣ, что мы благодаримъ Бога за ту доблесть, съ которою оиъ вынуждаетъ насъ въ то время, когда мы со-себѣ, сторонъ подвергаемся презрѣнію, осмѣянію и отверженію со стороны суевѣрной толпы...»

Дитмаршину. Вспомните: мы не имеемъ новостей о какой-либо вещи, то какъ же вамъ удалось въ ее сущности?

Ученикъ. Посредствомъ дѣйствій этой вещи, которые и убиваютъ часть въ ее сущности.

М. А судьбы взрослыхъ могутъ ли служить этому доказательствомъ?

У. Конечно могутъ.

Н. Въ мѣрѣ ли и основательнѣе провозвѣстать народъ преследуемаго писательства?

У. Конечно нѣтъ. Напротивъ: исторія учитъ насъ, что никакой народъ въ мѣрѣ не долженъ былъ столько бороться за свое существованіе, какъ именно народъ еврейскій, которому сдѣлающая угрожалъ преслѣдованіа, уничтоженіе и даже истребленіе.

Н. Вспомните кто-либо бываетъ побѣжденъ, что это доказываетъ?

У. То, что онъ слабѣе своего побѣдителя.

Н. А что доказываетъ тотъ, который выдерживаетъ борьбу, такъ что не бываетъ побѣжденъ?

У. То, что онъ сильнѣе своего противника.

Н. Вспомните же евреи выдержали всю эту многотрудную борьбу съ нами, и намъ сегодня лучше чѣмъ прежде, то чѣмъ же они обладаютъ?

У. Силою и могуществомъ.

Н. Итакъ вы видите, что это наше благословеніе имѣетъ глубокій внутренній смыслъ. Только надобно вамъ знать, что сила бываетъ разнаго рода: одна въ рукахъ ирриформальныхъ и восточныхъ оруженъ въ рукахъ; другая сосредоточена въ себѣ самой и силь оборонительная! она неутомимо защищаетъ то, чѣмъ она обладаетъ, не щадя для этой цѣли ни добра, ни крови и не отступая отъ своего поста ни на шагъ. Если извѣрить могущество и силу надлокальныхъ мѣшкочемъ, то не трудно убѣдиться, что сила наступательная или нападающая всегда уступаетъ въ своихъ результатахъ силѣ оборонительной, защищающей, такъ-сказать пассивной. Эта-то пассивная сила и составляетъ силу нашего еврейскаго народа. Такимъ образомъ мы должны благодарить Бога за то, что мы, одолженные этой силой, такъ незамысленно сохранили свое бытіе. Наше благословеніе имѣнно и указываетъ на могущество этой силы; оно гласитъ: «поповъ-вѣствующій Израилемъ силою». Сила же наступательная, нападающая, должна съмышлять, и если подразумевалась бы такая сила въ благословеніи нашемъ, то оно гласило бы иначе, а именно: «укрѣпляющій слово» и «Израилемъ»; «словами же силой» и «предполагаетъ могущество въ оборонѣ».

«Показать какой-либо потянутой-глубокій смыслъ сокрытъ и во второмъ въ вышеозначенныхъ благословеній — мы почитаемъ важнымъ;

для насъ некуда достаточне и объясненію первого, чтобы убѣдить читателя въ томъ, что легче объяснить вещи такъ, какъ диктуетъ здравый разумъ, и что напротивъ, легче такимъ людямъ злѣе перевернуть вверхъ дномъ истинный смыслъ въ вещахъ самыхъ разумныхъ и глубокомысленныхъ, для того чтобы усмотрѣть въ нихъ ничтожество, вздоръ... Къ этому послѣднему способу воззрѣнія на вещи прибѣгаетъ именно нашъ г. Александровъ. Чтобы еще нагляднѣе показать всю истину нашихъ словъ, мы заглянемъ опять въ его статью.

«Всѣмъ подкупъ, — говоритъ авторъ (это снова собственное предположеніе его), — несправедная мзда и лицемеріе дозволяютъ иудеямъ относиться христіанъ». Немногоди въ талмудѣ ничего такого, чѣмъ бы можно было подкрѣпить этотъ свой вымыселъ, нашъ антагонистъ прибѣгаетъ уже въ этомъ случаѣ не къ посланіямъ, а къ св. писанію... Не усмотрите какимъ могучимъ стихомъ онъ подтвердилъ эти свои гаманскіе помыслы... Вотъ онъ, этотъ стихъ: «дары бо осмьлялюхъ оми еидеицкимъ и юублаиамъ оловоа приседна» (Исх. XXIII, 8). И это онъ считаетъ удачнымъ и справедливымъ доказательствомъ! Грустно подумать... Однекоже мы не страшимся того, что эта выходка, если не любимына, то покрайней-мѣрѣ сомнительна, и «въ высшей степени замѣчательна» по своей неподражаемой оригинальности... Изъ этого достаточно уже явствуетъ, что «Девъ» имѣлъ полное, неотъемлемое право — свидѣтельствовать о статьѣ г. Александрова какъ о замѣчательномъ явленіи въ нашей литературѣ... Но впередъ, впередъ! «Также сказано, — продолжаетъ авторъ, — *«ниже да помилуеши ихъ»* (Второз. VII, 2), что значитъ — это его объясненіе — *«не давай не-иудеямъ что-либо даромъ»*. Кто только на своемъ вѣку когда-нибудь читалъ библію, тотъ вѣроятно припомнитъ, что «не помилуеши ихъ» относится не къ христіанамъ, которыхъ (это долженъ бы знать и г. Александровъ) во времена Моисея и на свѣтъ не было, а прямо къ язычникамъ, которыхъ законодатель преслѣдуетъ единственно изъ опасенія, чтобы его народъ не впадалъ въ язычество. Чтоже до объясненія автора «не дай ни-иудеямъ что-либо даромъ», то мы только спросимъ его: а есть ли онъ что-либо даромъ намъ, иудеизмуемцамъ?.. Впрочемъ нашъ талмудъ гласитъ вотъ какъ: *«колы изомеахъ ладъ — помилуеши лю»,* т. е.: «слѣдуетъ подарить каждому протѣивающему руну»; а г. Александровъ къ талмуду не обращается, который ишотелъ ему чѣмъ-то страшнымъ, преодоленнымъ, враждебнымъ и пр.

Мы безъ труда могли бы доказать, что все прочее въ статьѣ г. Александрова похоже на то, что уже нами рассмотрѣно, но мы, признаться, отказываемся отъ этого удовольствія потому, что слыше и

другимъ долго останавливаться на подобномъ явленіи въ русской журналистикѣ. Такое явленіе могло показаться «въ высшей степени любезнымъ и замѣчательнымъ» одной димы можетъ быть редакція «Дня», которая до того увлекалась «ученою добросовѣстностью» г. Александрова, что помогла не вымолчать: «усты-(на) пр. еврейскіе ученые не пробуютъ сами опровергнуть справедливость его ссылокъ и увзавій. Мы полагаемъ, что читателямъ (нашимъ) будетъ довольно интересно познакомиться съ нѣкоторыми нравственными (точнѣе насмѣшливыми ред....) наставленіями талмуда. Съ этой точки зрѣнія гланимъ мы сами на эту статью». И безъ этого послѣдшаго простодушнаго признанія мы бы не сомнѣвались въ объективности и дѣйствіи «Дня», но пословица русской: «душа душой лезтъ въ нѣтъ». Словомъ сказать, еврей — это такой предметъ для «Дня», гдѣ редакція его можетъ быть развернута широко... Этотъ насмѣшливый тонъ «Дня» какъ нельзя краснорѣчивѣе напоминаетъ намъ одинъ весьма забавный анекдотъ, рассказанный въ «Jüdisches Volksblatt» (1860 г. № 43) о редакторѣ «Прусскаго народнаго листа» въ Берлинѣ, Кейпъ. Однажды потребовался япичный корректоръ для газеты «Отчество», навававшейся тѣмъ же Кейпомъ. Намедленно нашолся человекъ, который имѣлъ всѣ необходимыя достоинства для занятія этого мѣста. Кейпъ заключилъ съ нимъ условіе, и дѣло казалось было окончено. Но не тутъ-то было: предусмотрительному Кейпу пришло на память спросить будущаго своего корректора — какого онъ вѣроповѣданія?

— Я еврей, твердо отвѣчалъ вопрошанный.

Услышавъ такой ужасный отвѣтъ, Кейпъ чуть не отскочилъ въ сторону.

— Такъ нѣтъ, м. г., хотя вы и способный человекъ, однако этого мѣста вы у меня занять не можете, произнесъ Кейпъ.

— А относительно вашего позволено ли будетъ мнѣ остаться у васъ? спросилъ еврей.

— Я считаю уже нашъ разговоръ прерваннымъ, отвѣчалъ остроумный Кейпъ, поспѣшно удаляясь въ сосѣдную комнату.

Учавши на то, какъ удачно и благодушно г. Александровъ сгруппировалъ свои факты, смѣлѣе участвующие, по словамъ «Дня», о нѣкоторыхъ нравственныхъ наставленіяхъ талмуда, мы обратились къ его замѣчаніямъ, которыя само собой уже должны быть столь же удачны и благодушны: удачное и благодушное начало ведетъ результаты къ самымъ удачнымъ и благодушнымъ заключеніямъ. Намъ любо видѣть, съ какою торжественностью, съ какою злой дѣйствительностью нашъ авторъ воспеиваетъ (думая вѣроятно этимъ уже окончательно поразить талмудъ и евреевъ): «Вотъ въ концѣ развитія тѣхъ десяти

заслужившей, которая единственно может въ основаніи ученію: христіанъ и іудеевъ, и которыя, какъ говорятъ явнѣю, одинаково имъ понятныя! Будутъ ли послѣ этого повторять: да въ чемъ же притязаніе іуданствъ христіанству? да въ чемъ же притязаніе христіанства? Въ дальнѣйшія выписки (если только можно назвать выписками то, что вышло изъ-подъ редакціи г. Александра въ совершенномъ превратномъ видѣ) и подробности я не знаю, потому что думаю — достаточно того, что уже высказано (мною), чтобъ дать понятіе о духѣ и направленіи всего остального. Видите ли, мы съ своей стороны тоже даемъ понятіе о духѣ и направленіи самого г. Александра... Его заключеніе мы могли бы считать возможнымъ лишь тогда, когда онъ не присочинилъ бы и не вистроилъ бы ничего *вообще*, по своей волѣ и прихотямъ, сообразно съ своей цѣлью. Но такъ какъ воззрѣнія его на талмудъ диаметрально противоположны истинѣ и составляютъ недоноски его воображенія, то мы и принуждены считать всю его компіляцію — ему лично принадлежащую *сочиненіемъ*, которое онъ, какъ авторъ, и имѣлъ полное право пустить въ публику за своею подписью и печатью. Но цѣль... оправдывается ли она средствами?..

«Если нѣкоторые будутъ говорить, — продолжаетъ авторъ — что талмудъ есть только испорченное ученіе (онъ вѣрно думалъ сказать: толкованіе?) моисеева закона (вогъ оно куда пошло!), не обязательное для іудеевъ, то это значитъ давать іуданству опредѣленіе произвольное и т. д.» Какъ не удивляться намъ именно той профѣрности, съ какою г. Александровъ во всей своей статьѣ все дѣлаетъ своеобразныя предположенія и своеобразно же отвѣчаетъ на нихъ; какъ ни въ чемъ не бывало, такъ что онъ ни въ чемъ и не затрудняется, и не задумывается, и не боится никакихъ заключеній?.. Это изумительная способность! Но благодушному его заключенію такъ и думаешь уже, что евреи будто дикая орда какая, что талмудъ будто только и содержитъ въ себѣ такія *красоточныя сентенціи*, какія, какъ мы уже замѣтили, получали жизнь подъ шолодецкимъ перомъ его, способнымъ на все... Но мы объяснимъ г. Александрову, что такой взглядъ его на *сумму* талмуда стоитъ ниже всякой критики. Талмудъ (см. выше слова Іоанна Буксторфа) есть кодексъ, въ которомъ говорится о законахъ уголовныхъ и полицейскихъ, о правилахъ общенія, о молитвахъ и благословеніяхъ, о праздникахъ и о субботѣ, о пасхѣ, о жертвоприношеніяхъ, о рѣзаніи скота съ анатомическими изслѣдованіями, о запрещеніи употреблѣть мясо животнаго, нѣющаго недостатка въ организаціи (тереотъ), о запрещеніи употребленія въ пищу крови, о соленинъ мяса

(попытка), — «примѣстать права закона и вообще естественнаго права, а разводитъ протѣ: и протѣ» (1). Дать это означеніе протѣ и талмуда. И мы болѣе чѣмъ удивлены въ томъ, что мнѣной протѣ и талмудъ (въ первомъ смыслѣ этого слова) не означаютъ, означать это слѣдуетъ ученикъ мессіава закона, какъ это, какъ и авторъ съ видѣмъ предположенія, чтобы ему, должно было бы востановить заключеніе: «те это значить дѣлать иудану опредѣленіе производящее». Это опредѣленіе дѣйствительно производящее устатъ г. Александра и законнасть собою искусственнымъ рассужденіемъ (авторъ можетъ быть знать риторикку Коменскаго), встрѣчающіеся къ ораторовъ, писано-писателей и писателей. Да, это искусственное рассужденіе. Но кромѣ искусствъ, въ статьѣ не означены заключаются еще и другой элементъ... Это — семантическая.

Далѣе г. авторъ становится уже ученикъ изобрѣдательствъ и оторванность міру новизна, дѣлать новѣеямыя истины. «Суден — говоритъ онъ — дѣлаетъ между собою на каримовъ и раввинтовъ, дѣлать различіе (между ними) состоитъ именно въ томъ, что первые держатся одного только писанаго закона мессіава, а вторые признаютъ такія же авторитетомъ и законъ устный, изобрѣдательствъ производящее въ талмудѣ. Но какъ же, мы думаемъ, и шумимъ онъ, если бы ему откроешь, и откроешь не за тайну, что каримы тоже, какъ и евреи, не обходятся безъ талмудной, изобрѣдательствъ, что все равно — дѣло не въ названіи — и вѣдутъ свой талмудъ? А это естественная правда.

Отвѣду за всѣмъ словозвучіемъ г. Александра, въ статьѣ тоже и вѣсть начала до конца хорошо переищуемо и переищуемо, мы уже должны теперь столкнуть... съ статистикой и даже географіей. Вотъ онъ вѣсть. «Первые же (т. е. каримы) — говорятъ онъ (для доказательства чего это здѣсь говорится — мы не можемъ забыть) — по численности своей относятся къ послѣднимъ (т. е. евреямъ) какъ $\frac{1}{16}$ къ 1 (сдвали!), а у насъ (посмотрите какой дивный переход!) они (что это — они? первые или послѣдніе: евреи или каримы? но мы сами догадываемся, что это должно быть каримы) инауть въ одномъ только (только?) Чуфутъ-Калаѣ. Не правда ли, что тутъ все хорошо: и мысль, и логика, и вѣрность? Не давай еще лучше: что шагъ, то вразъ, несвязывающаяся въ статьѣ г. Александра ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ, а какъ

(1) Подробнѣе объ этомъ см. «Die Anzahl der Gebote nach Maimonides.» St. Petersburg, 1852, а также переводъ маймонидова юридическаго сборника, изданный съ 1880—83 г. въ С.-Петербургѣ, въ особенности 4 и 5 тома.

будно вышедши от воздуха... Такъ за «слова» Чжуэуъ-Калеа читаемъ слѣдующее: «Развѣнать!» утверждать, что когда-де земля поносилъ дань нѣтъ отъ Бога, но что Богъ далъ нѣтъ и талмудъ ты нѣтъ, каковы отъ тѣхъ? Чѣмъ признаете не все отбѣнать-г. Александрову? Насъ уже удивляетъ одно обстоятельство, что они не могутъ этому двинуться... Мы же не можемъ болѣе не согласиться фотому, что уже много привели и свой взглядъ, и взглядъ нѣкоторыхъ иривѣнскихъ иисотелей на существо и значеніе талмуда. Не обратимъ къ предыдущей «развѣнать», которая хотя иисотельно не важна, однако тѣмъ иривѣнскимъ доказываетъ, что авторъ признаетъ полную истинность дане отъисотельно тѣхъ вещей, которая всѣмъ болѣе или болѣе известны. «Наравны — какъ сказано авторомъ — живуща въ одномъ только Чжуэуъ-Калеа. Мы сами проишли нѣсколько лѣтъ въ Крыму, потому очень хорошо знаемъ, что они живутъ въ значительномъ числѣ во всѣхъ иривѣнскихъ городкахъ, въ особенно-сти же въ Еваториѣ, гдѣ они составляютъ почти исключительное население города. А Троики (вил. губ.), а Луцкѣ (вольн. губ.) и проч.? Мы обратились на этихъ повидному иисотельно иисотельно потому, что по нимъ легко можно уже судить, какова должна быть у г. Александрова намѣтъ по отношенію къ воспанъ большой важности... Это значитъ, что они признаются за все на слово. Но дѣло въ томъ, что некая гдѣ именно живутъ караимы в гевора, что они живутъ въ одномъ только Чжуэуъ-Нале, отъ этимъ никому не нанеситъ вреда, ибо отъ этого никому ни тепло, ни холодно; но касавшись съ заднею мыслью основныхъ началъ юдаизма и сдѣлавъ изъ нихъ маленькую-то маленькую комедію, они этимъ посягаютъ на совѣты и свободу цѣлой націи, которой не могли устроить въ нихъ страдающаго-ской долѣ нареканія еще не только господь, какъ г. Александровъ...

Послушаемъ теперь какъ г. Александровъ рѣшаетъ новый вопросъ: «... если еврей — говоритъ онъ — не держится талмуда (ибо нѣкоторые журналы говорятъ, что образованные евреи считаютъ талмудъ за историческое сочиненіе, а не за аккоранъ святой) и не выказываетъ себя караимомъ, то вопросъ именно въ томъ, чему же онъ свѣритъ⁽¹⁾, что же онъ особенно такое? Пусть онъ твердо торжественно отрочется отъ талмуда или глаголю изложитъ свое воззрѣніе⁽²⁾ исповѣданіе. Клянусь вамъ истиннымъ богомъ, г. Александровъ; что вы торжачитесь полустому: мы готовы сейчасъ же вамъ доказать, что мы, избави-богъ, вовсе не нуждаемся въ построеніи какого-либо новаго исповѣданія; вы это знаете — мы

(1) Курсивъ въ подлинникѣ.

дебристы (?!?!), то они и могут развить себя это добро; что впрочем ослабь они господствовали въ государствѣ (въ богатое воображеніе какое у нашего автора!), то оставили бы напередъ условіе этому добру, т. е. обращеніе въ своемъ вѣру». Ну мастеръ г. Александровъ, несправда ли? Однакоже это перелитанье изъ пустого въ порожнее приковывается къ себѣ такое вниманіе тѣмъ, что авторъ подтвердилъ это «Ядъ Гахазей» Маймонидъ. Скажете, что все это выдумка и ложь, недостаточно: мы лучше приведемъ доказательство тому, что авторъ безъ зазрѣнія совѣсти поручить этого нашего великаго философа, астронома, юриста и врача султана Саладина. Вотъ что говоритъ объ этомъ сочиненіи Маймонидъ знаменитый Деппингъ, который оставилъ по себѣ весьма замѣчательный трудъ — «Исторію евреевъ»: въ «Ядъ Гахазей» Маймонидъ уважаетъ преданія талмудистовъ, проповѣдуетъ уваженіе по отношенію къ другимъ народамъ и религіямъ и такимъ образомъ выношить евреевъ съ надлежащимъ духомъ юдаизма. Въ 14-ти книгахъ онъ говоритъ о вѣдѣніи, любви къ Богу, о праздникахъ, объ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ, о первенцахъ, о посвященіи, о жертвахъ, о возмездіи, о приобрѣтеніи, о судѣ, — однимъ словомъ представляеть евреевъ кодексъ религіозный, гражданскій и уголовный, и руководстве къ нимъ. (См. Ист. Евр. Деппинга, вѣх. II, гл. I — отъ X до XIII в.). Но авторъ идетъ дальше, становясь еще болѣе остроумнымъ. «Случается, — говоритъ онъ, — что тѣ изъ евреевъ, которые позиряе, увѣряють, что уважають въ христіанскъ народъ, который поклоняется одному съ нами Богу». Г. Александровъ поединному изволяетъ такія узраженія евреевъ, вѣдъ на его взглядъ это чистѣйшіе язычники... Поэтому самому онъ ужъ не могъ говорить болѣе спокойно и нечѣе обидно, вѣдъ разувѣтосъ въ виду «пользу обиду». Здѣсь онъ удивляется еще и тому, что *такія слова даже написаны на перекрѣхъ стрѣницахъ новаго изданія талмуда вавилонскаго и въ молитвенныхъ книгахъ*. Это обстоятельство сильно раздосадовало его: какъ же это евреи и христіане поклоняются одному и тому же Богу? вадумалъ авторъ — и давай бранить ненавистныхъ ему евреевъ на чужъ себѣ стоять за такую неслыханную дерзость...

Его. «Изъ всего сказаннаго — утверждать почтеннѣйшій г. Александровъ — вовсе не слѣдуетъ, что я возлагаю брань и гоненіе на самихъ евреевъ; я (это «я» наизощенно такъ изреченіе знаменитата французскаго трагика: «Moi, moi dis-je, et c'est moi») возстаю только на современное понятіе и убѣжденіе наше о способности евреевъ въ настоящее время быть равноправными гражданами въ любомъ христіанскімъ государствѣ». Такъ вотъ ужъ

г. Александровъ не признаетъ и способностей у евреевъ... Надѣясь же мы сейчасъ приведемъ собственныя слова его, для убѣжденія всѣхъ въ каждомъ въ томъ, какими онъ считаетъ умники и евреевъ. Но едвали кто раздѣлитъ съ нимъ такое голословное мнѣніе объ отсутствіи способностей у евреевъ *въ настоящее время*, какъ онъ выразился. Изъ, постоянное внутреннее развитіе еврейскаго народа въ нравственномъ и научномъ отношеніяхъ, развитіе, приходящее ему не со вчерашняго дня, доказываетъ въ-очью, что-бы ни говорили враги его, что онъ одаренъ великими умственными способностями; не только въ настоящее время, но и въ прошедшемъ, во время тяжкой своей жизни, онъ не чуждался быстрого и вѣрнаго возрожденія: кто знаетъ внутреннюю исторію этого народа, тотъ и не усомнится въ этомъ истинномъ фактѣ. Г. Александровъ, возражая противъ «еврейскихъ» понятій о способности евреевъ *въ настоящее время* быть равноправными гражданами въ *любомъ конституціонномъ государствѣ*, отдѣлался относительно такого важнаго вопроса одною лишь шипящею фразой. Это просто смѣху подобно... Затѣмъ онъ проводитъ еще одну чрезвычайную любительную мысль, говоря, что «такими (т. е. полноправными гражданами) они признаются евреевъ, когда ихъ образованность и просвѣщеніе станутъ общими достояніемъ, что проникнуть во всѣ низшіе слои народа (еврейскаго), во всю его массу...» Изъ этого замѣчаешь, что г. Александровъ будто беспокоится о томъ, чтобы какіе-нибудь Мошки и Юськи съ пилою или лопатой въ рукахъ не сдѣлались бы *сразу* государственными людьми... И странное дѣло: у всѣхъ народовъ міра сего есть и образованный, просвѣтленный классъ общества, есть и чернь, а у евреевъ (русекихъ) этой послѣдней и не должно существовать... Незнаемъ право, отчего это евреи должны непремѣнно быть образованнѣе другихъ народовъ? Хотя и неоспоримо, что всякій Мошка и Юська, умѣя читать и писать ⁽¹⁾, въ отношеніи первоначальнаго развитія стоитъ выше всякаго безграмотнаго; но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что эти Мошки и Юськи непремѣнно должны быть людьми вполне просвѣщенными, для того чтобы евреи, имѣющіе дипломы на ученныя степени доктора, магистра или кандидата, могли пользоваться правами, дарованными намъ закономъ 27 ноября? При этомъ замѣтимъ, что скорѣе цивилизованному меньшинству надлежитъ сближаться съ массою, чѣмъ ожидать, чтобы эта послѣдняя пришла къ нему; въ противномъ случаѣ чѣмъ же цивилизованное меньшинство будетъ лучше темной массы?..

(1) Это не простая фраза: она доказывается фактомъ.

Нездѣльнѣ почему авторъ затѣвъ говорить, что «кофъ еврей, а не мавръ де седика, знаютъ весь талмудъ и всю бабайю манускрипта». Ну можно ли въ своемъ ему поверить? А между тѣмъ все это выказываетъ намъ такъ plainly...

Еще одно, заслуженное сужденіе.

«Ясно намъ кажется теперь, — говоритъ г. Александръ, — въ какомъ свѣтѣ является этотъ вопросъ, какъ свѣтъ общественнаго мнѣнія, единодушно, безоглядно заявившаго себя въ пользу егѣ! Много у насъ (только не у нашего автора разумѣется) хорошихъ современнѣй, много сознаниа того, чему бы слѣдовало быть, во свѣтѣ у насъ того адмѣна дѣла (2), безъ котораго мы настоящимъ буденъ увлекаться, либеральничать, кидаться опреченъ за идеализмакъ и т. д. Тутъ, какъ видите, и ерархическое, и туманность мысли и стремленій, и хвастливость, и циническое выхономіріе, и патристичность».

Вотъ слово любви и примиренія, съ которымъ г. Александръ обращается къ еврейскѣ съ цѣлю «обратить ихъ на иудейскѣ изъ чуждому. *мохаману* / *Pro omni scilicet, profani!*

(2) Мурома въ подлинникѣ.

М. ЛЕВИЧЪ:

ЧУТО ОБЪ «ОНАЛЬНОМЪ ЖУРНАЛЪ»

(письмо къ редактору).

«Въ ерундѣ, говоритъ г. Антоновичъ, можетъ заключаться весь порокъ человѣческой обидчивой.» Никогда, милостивый государь, я не держался этой мысли и всегда считалъ ее весьма опасною и вредною мыслию. Кто признаываетъ ерундѣ такую силу и такое значеніе въ дѣлахъ человѣчества, тотъ есть извѣстномъ образомъ худшаго свойства. Но почему итѣю какъ неъ ничего ничего не можетъ, такъ и неъ ерунды ничего не можетъ произвести, кромѣ ерунды. Вотъ почему обличеніе ерунды, составляющее предметъ моихъ писемъ, я не считалъ дѣломъ важнымъ, а потому позволяла себѣ не писать къ вамъ уже четыре гвѣнца и охотно бы отозвался на сать теперь. Дѣло въ томъ, что у меня нѣсколько слабѣтъ та особенная охота къ наблюденіямъ надъ русскою словесностью, которая возбуждала меня въ первыхъ моихъ письмахъ, писанныхъ уже болѣе года назадъ. Скажу нехвалась, что только человекъ пристрастный не отдастъ справедливости своимъ трудомъ. Пусть размеры ихъ не велики (въ семь писемъ, включая и настоящее, составляютъ меньше семи печатныхъ листовъ), пусть результаты ихъ весьма малы, общее значеніе незначительно; тѣмъ неменѣе ихъ строгость, отчетливость, ясность — стоили мнѣ немалыхъ усилій и, какъ я думаю, заслуживаютъ полной похвалы. Что удивительнаго, что я утомился? Ужели вы думаете легко обрабатывать предметы, которые я избралъ? Какой трудъ — вникать въ безцвѣтныя, безсвязныя, вялыя статьи! Какая трудность — отыскать ихъ смыслъ и связь, очистить малое ядро отъ многократной скорлупы! Мало-помалу мое любопытство охладѣло; мнѣ стало скучно вглядываться въ эти пустынные умозаключенія, невесело пробираться по этимъ болотистымъ и кочковатымъ соображеніямъ, и противно вознѣлся съ этими неоприятными мыслями. Въ критикѣ на романъ Тургенева у васъ сказано: «Мы поговорили бы объ статьѣ г. Антоновича гораздо больше, еслибы могли сколько-нибудь понять отношеніе ея подробностей, еслибы намъ удалось извлечь изъ нея хоть что-нибудь цѣльное и отчетливое и какъ-нибудь нанести на нить, связующую идею автора.» Очевидно это преувеличено. «Извлечь нить» и

«понять отношеніе подробностей» всегда возможно ; нужно только потрудиться — и вашъ критикъ уклонился , утраченный тяжестью этого труда. Мнѣ же приходится теперь взять такой трудъ на себя.

Но что же дѣлать ! Нельзя не писать. «Современникъ» шумитъ и радуется ; «Современникъ» все свое критическое обозрѣніе въ апрѣльской книжкѣ посвятилъ вашему журналу , и въ немъ преимущественно мнѣ. Нельзя же покладать наблюдательный постъ въ такую повидному опасную минуту ; нельзя принимать въ соображеніе только одного себя : нужно идти въ виду и другихъ.

Итакъ начинаемъ же. Долго ли считая утѣдомить васъ , милостивый государь , что въ нашемъ литературномъ мірѣ , по моему замѣчанію , случается нѣкоторая важная перемена. Винами въ этой перемены есть много людей какъ г. Антоновичъ , который по злобному зависти нѣкоторыхъ людей вѣроятно уже стоитъ во главѣ нашей литературы. Следовательно дѣло не малозначное. Г. Антоновичъ , какъ мнѣ кажется , уже успѣлъ внести въ нашу критику новое направленіе ; крайней-мѣрѣ характеръ двухъ его послѣднихъ статей — «Асмодей нашего времени» и «О духѣ «Времени», статей впечатлительныхъ по объему и содержанию , обозначился весьма рѣзко. Методъ или лучше сказать метода этой новой критики отличается необходимостью простоты и определенности. Она состоитъ въ томъ , что предметы критики осуждаются что называется огуломъ , гуртомъ , въ цѣломъ и въ частяхъ , безъ малѣйшей пощадки или такъ называемого исключенія. Сія критика , милостивый государь , въ настоящее время поражаетъ повсюду собственно только по своей древности. Ибо происхожденіе ея можно отнести не только къ гомерическимъ , но даже къ допотопнымъ временамъ. Въ то же время образчики ея , какъ вообще образчики всего элементарнаго , постоянно можно встрѣчать и нынѣ , а именно всякій разъ какъ нобранятся двѣ пьяницы или даже трезвыя бабы. Напримеръ : «и отецъ твой пьяница , и мать твоя потаскуха , и если дѣти будутъ , то будутъ воры и мошенники!» Или въ другой формѣ , именно въ той , въ которой употребила эту методу известная слесарша : «побей Богъ его и на томъ и на этомъ свѣтѣ ! Чтобы ему , если и тетка есть , то и теткѣ всякая пакость , и отецъ если живъ у него , то чтобы и онъ , каналья , околѣлъ или поперхнулся на вѣки , мошенникъ такой !»

Совершенно ту же методу употребилъ г. Антоновичъ въ отношеніи къ г. Тургеневу и къ вашему журналу. Въ «Отцахъ и дѣтахъ» рѣчь осуждаетъ все безъ исключенія : всѣ лица невыдержаны , всѣ разговоры невѣрны и нѣтъ ни психическаго анализа , ни хорошихъ изображеній природы. Но этого мало. По методѣ слесарши г. Антоновичъ не упустилъ и прежнихъ произведеній поэта ; не только со-

вершено дурень послѣдній рассказъ Тургенева, не малымъ чѣмъ лучше и въ предыдущіе. А если ихъ хвалили, то это потому, что критика ослабалась въ ихъ объясненіи».

Точно также въ вашемъ журналѣ г. Антоновичъ не пощадилъ ничего, за исключеніемъ «Униженныхъ и оскорбленныхъ» и «Записокъ изъ мертваго дома». Это исключеніе заявлено тщательно, потому что иначе читатель легко бы подумалъ, что всеобщій потокъ осужденія: простирается и на эти произведенія. Загѣмъ — у васъ ничего нѣтъ: ни духа, ни направленія, ни серьезной мысли; ваши объявленія — парады; ваши статьи отучаютъ мыслить, а критическій отдѣлъ — самый слабый изъ всѣхъ отдѣловъ. Для того чтобы твердо держаться своей методы, г. Антоновичъ, какъ видно, употребилъ чрезвычайные труды; онъ прочелъ все «Время» и даже статьи г. Страхова «Жители впадетъ», на которую и налегаетъ съ особеннымъ усердіемъ. Въ такой критикѣ все будетъ кстатю.

Прибавьте къ этому самыя безцеремонныя искаженія въ выпискѣ, приписываніе автору того, чего онъ не говорилъ, и вы получите полное понятіе объ этой новой критической методѣ. (1)

Сія критика, милостивый государь, имѣетъ много невыгодъ; не имѣетъ также и своихъ удобствъ. Невыгоды ея состоятъ въ нѣкоторомъ недовѣрїи, которое она возбуждаетъ и которое весьма значительно въ наше скептическое время. Положимъ вы скажете, что Тургеневъ не повиннаетъ матерьялизма; легко можетъ быть, что найдутся люди, которые вамъ повѣрятъ, особенно если вы подтвердите ваши рѣчи разительнымъ доказательствомъ, что Тургеневъ вмѣсто «Kraft und Stoff» (заглавіе книжки Бюхнера) написалъ «Stoff und Kraft». Но пусть вы прибавите, что въ его романѣ нѣтъ ни одного живого лица; — на читателей нападеть уже нѣкоторое сомнѣніе. Если вы по усердію еще присовокупите, что и описанія природы нигде не годятся, сомнѣніе читателей увеличится; если наконецъ вы станете увѣрять, что по своему направленію Тургеневъ всего ближе къ Аскоченскому, то вамъ уже рѣшительно никто не повѣритъ.

Но у этой критики есть также свои выгоды. Она можетъ имѣть

(1) Замѣтимъ здѣсь только одно искаженіе изъ многихъ. Г. Антоновичъ нѣсколько разъ упоминаетъ объ «обстоятельныхъ и основательныхъ статьяхъ о народности», на которыя я будто бы ссылался; онъ утверждаетъ, что не нашолъ ихъ. Но я ссылался не на статьи о народности, а на статью, *касающуюся вопроса о народности*. Не все равно народность и вопросъ о народности. Не все равно вопросъ о народности и исторія этого вопроса. Статьи, которыя касаются этой исторїи и на которыя я ссылался, принадлежатъ г. Григорьеву: «Народность и литература», «Западничество въ русской литературѣ», «Ближній и странный взглядъ въ литературѣ», «Опозиція застою».

большой вѣсъ у такихъ людей, которые сами не думаютъ, а вѣрятъ другимъ на-слово. А такихъ людей еще довольно на свѣтѣ. Если при этомъ они считаютъ своимъ священнымъ долгомъ читать «Современникъ» и не читаютъ другихъ книгъ, если для нихъ г. Антоновичъ авторитетъ (вѣдь в это возможно), то такая критика можетъ надѣяться у нихъ на большой успѣхъ.

Во всякомъ случаѣ метода, о которой мы говоримъ, всегда свидетельствуетъ о нѣкоторомъ увлеченіи, о нѣкоторой потерѣ хладнокровія. И дѣйствительно не трудно видѣть, что есть тѣсная связь между новою методою г. Антоновича и тѣми предметами, о которыхъ идетъ рѣчь въ его статьяхъ. Въ первой статьѣ дѣло шло о романѣ Тургенева, во второй о журналѣ «Время». Романъ Тургенева, если его разсматривать съ извѣстной стороны, представляетъ какъ многимъ было замѣчено, художественное изображеніе «Современника». Журналъ же «Время» во многихъ и различныхъ своихъ статьяхъ старался представить читателямъ критическое изображеніе «Современника». Такимъ образомъ этотъ романъ и этотъ журналъ составляютъ какбы два зеркала, въ которыхъ можетъ поглядѣться «Современникъ», если желаетъ полюбоваться собою. Двѣ же статьи г. Антоновича означаютъ, что «Современникъ» поглядѣлся, но остался очень недоволенъ: плохи дескать зеркала! Вотъ отчего и приемы критики потребовались первобытные, допотопные. Забылъ онъ пословицу: «нечего на зеркало пѣвать, коли режа крива!»

Можетъ-быть вы предполагаете, милостивый государь, что у «Современника» гораздо больше догадливости, что онъ смекаетъ въ чемъ дѣло? Нимало, увѣраю васъ. «Современникъ», какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ нисколько не понимаетъ, за что на него нападаютъ. Я сейчасъ докажу это изъ статьи г. Антоновича.

Г. Антоновичъ упрекаетъ меня въ трусости. Онъ основываетъ свой упрекъ на томъ, что я будтобы прячусь подъ маскою, что мое настоящее имя не Косица; чтобы ясно показать мнѣ мою трусость, онъ противопоставляетъ ей свою храбрость. «Я, говоритъ онъ — я Антоновичъ, а вы кто такой?»

Вы недоумѣваете, въ чемъ тутъ смѣлость и великодушіе? Вы не догадываетесь, какая важность можетъ быть въ томъ, что Антоновичъ есть дѣйствительное имя г. Антоновича? Между тѣмъ важность великая. По всему видно, что г. Антоновичъ только теперь начинаетъ подозрѣвать, что ставя свое имя подъ своими статьями, онъ поступаетъ очень отважно. Прежде онъ не предполагалъ, что дѣло это вовсе не безопасное и что для него нуженъ нѣкоторый героизмъ. Очевидно многократное упоминаніе его имени не только не кажется ему фиміямомъ славы, но даже составляетъ для него

нѣчто непріятное и досадное. Вотъ почему, когда онъ хвалится своєю скромностію, онъ доказываетъ ее тѣмъ, что *не называлъ* тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ; когда же упрекаетъ меня въ томъ, что я будтобы позволяю себѣ въ отношеніи къ нему личности, или, какъ онъ оригинально выражается, что я «придираюсь къ его фizioноміи», то онъ ставитъ на первое мѣсто то, что *имя его постоянно у меня на языкѣ*.

Какая же причина такого страннаго настроенія мыслей? Причина, милостивый государь, кроется въ тѣхъ «оскорбленіяхъ и поруганіяхъ», которымъ подвергся г. Антоновичъ, которыя онъ подробно исчисляетъ и на которыя горько жалуется. Какъ-видно г. Антоновичъ совершенно недоумѣваетъ, отчего такъ жестоко нападаютъ на «Современникъ» вообще и на него въ частности.

•Отчего вы — спрашиваетъ онъ, обращаясь ко мнѣ — исключительно напали на меня и на «Современникъ» вообще? Ужели мои статьи такъ зловредны, что онѣ требуютъ немедленнаго и сильнаго обличенія, составляютъ настоящій ядъ, которому вы думаете служить противоядіемъ? Пересмотрите альбомы «С.петербургскихъ Вѣдомостей» и другихъ газетъ, переберите другіе журналы: развѣ тамъ ничего не найдется, что заслуживало бы болѣе сильнаго опроверженія и болѣе безпощаднаго обличенія, чѣмъ мысли высказываемыя мною? А если ужъ нигдѣ нѣтъ статей хуже моихъ, то во всякомъ случаѣ есть такіа худыя какъ мои; отчего же вы ихъ оставляли безъ вниманія, а съ яростію и съ лачинъ-то озлобленіемъ бросаетесь именно на мои статьи?» (1)

Съ такимъ же недоумѣніемъ онъ смотритъ вообще на нападенія другіхъ журналовъ. Исчисливъ всѣ ихъ жестокости, онъ наконецъ говоритъ :

•Изъ такого поведенія журналовъ я вывожу слѣдующее заключеніе: «Современникъ» находится въ исключительномъ положеніи, онъ журналъ ошальный, лишенный тѣхъ правъ, которыми пользуются другіе журналы. Если кто-нибудь назоветъ «Современникъ» пустоголовымъ и пустоозвоннымъ протрестомъ, онъ долженъ принимать это названіе какъ лестный комплиментъ, съ величайшею благодарностію; если же онъ назоветъ узкоголовымъ, то это названіе должно считаться величайшимъ оскорбленіемъ человѣческой личности. Если «Современникъ» назоветъ дуракомъ неизвѣстно кого, неопредѣленную величину X, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ дурака, тогда всѣ должны вознегодовать на «Современникъ» за его нестерпимую дерзость и нахальство; если же другіе прямо и лично назовутъ пишущихъ въ «Современникѣ» сумашедшими, бессмысленными, лживыми, то они должны счесть это почетомъ для своихъ личностей и лобзать руку, карающую ихъ. Если каждая книжка всякаго журнала возстаётъ и бравурствуетъ противъ «Современ-

(1) Долгомъ считаю отвѣтить, что г. Антоновичъ напрасно притворяется скромнымъ. Два раза, и только два я писалъ о немъ: въ письмѣ «Объ индюшкахъ и о Гегель» и въ письмѣ «Примѣръ апатіи»; оба раза я писалъ по поводу *нападенія*. Теперь онъ нападаетъ въ третій разъ; но обвинять ли онъ меня опять въ ярости?

вика», то это принимается за доказательство широчины журналовъ и ихъ отвращенія отъ полемики. Если же «Современникъ» соберется отвѣтить на нападки, то это значитъ только, что онъ бранчивъ и дерзокъ и безъ полемики жить не можетъ, что онъ безъ ругательства тоже что рыба безъ воды в образованное общество безъ почвы.»

Горькія чувства проглядываютъ, милостивый государь, въ этихъ словахъ; немало въ нихъ досады и внутренняго уязвленія. Въ тоже время нельзя не чувствовать, что въ нихъ много глубокой и искренней правды. Всякій съ любовью слѣдящій за нашею литературой согласится, что главная черта въ отношеніяхъ нашихъ журналовъ къ «Современнику» есть непомерное *высокомѣріе*, а главная черта въ отношеніяхъ «Современника» къ другимъ журналамъ есть непомерная *наглость*. Одно вызываетъ другое и одно другимъ поддерживается.

Вопросъ очевидно интересный и важный. Почему въ самомъ дѣлѣ позволяютъ себѣ *бравурствовать* противъ «Современника»? почему его сотрудниковъ такъ легко признаютъ *сумасшедшими и дикими*? Не сомнѣваюсь что этотъ вопросъ немало любознатель не только для пишущихъ въ «Современникѣ», но и вообще для всего нашего литературнаго міра.

Какъ же его рѣшаетъ самъ «Современникъ»? Понимаетъ ли онъ свое положеніе среди того хаотическаго міра, который вмещается российской словесностью? Едвали! Покрайней-мѣрѣ г. Антоновичъ даетъ на вопросъ очень темныя отвѣты. По его мнѣнію все происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ злобы и ярости. «Иной — говоритъ онъ — понесетъ такую ахинею, что ее и опровергать не стоить, разбранить онъ васъ, но его брань и на вороту у васъ не виснетъ. А другой (подразумѣвается «Современникъ») скажетъ объ васъ только нѣсколько словъ, и эти слова зашевелятъ всѣ ваши мозги и уколятъ васъ въ самое сердце. Вотъ почему вы и поставили для себя псециальной задачей ратовать противъ «Современника» проч. — Вотъ самая главная, самая существенная причина, которую «Современникъ» выставляетъ, чтобы объяснить, почему его сотрудники признаются сумасшедшими и дикими.

Но посмотримъ, хорошо ли осмотрѣлся г. Антоновичъ; принагъ ли онъ во вниманіе все что слѣдуетъ? Нельзя не отдать ему справедливости, что онъ отлично помнитъ все, что въ чужихъ словахъ показалось ему неприятнымъ. Неразъ уже онъ жаловался на обиды и теперь перечисляетъ ихъ подробности прежняго. Онъ упоминаетъ о томъ, что «Русскій Вѣстникъ» поставилъ его на одну доску съ Ивановомъ Яковлевичемъ. Помнитъ онъ и то, что «Отечественныя Записки» назвали его прямо сумасшедшимъ, нуждающимся въ медицинскою помощи. Вообще въ отношеніи къ порицанію г. Антоновичъ оказывается необыкновенно чуткимъ. Въ одномъ изъ моихъ писемъ

я убоищуль, что по мнѣнію «Русскаго Вѣстника» г. Антоновича понятія ценнѣе о томъ, что значить мыслить. Г. Антоновичъ положительно говоритъ, что я раздѣляю это мнѣніе. Въ другой разъ я высказалъ въ видѣ осторожнаго предположенія, что можетъ-быть г. Антоновичъ еще негодится для того, чтобы писать о Гегелѣ; г. Антоновичъ говоритъ такъ, какъ-будто я считаю это предположеніе несомнѣннымъ. Наконецъ однажды я заимствовалъ изъ одной нѣмецкой книги мысль, что «недолжно писать о томъ, чего незнаешь» и украсилъ этою мыслью свое письмо къ вамъ, не относя ее ни къ кому особенно. Г. Антоновичъ и ее принялъ на свой счетъ. Это вы мнѣ, говорятъ, правоученія читаете.

Все это безъ сомнѣнія прекрасно. Очень хорошо дѣлаетъ г. Антоновичъ, что онъ помнитъ рѣчи, о немъ сказанныя; очень похвально, что онъ примѣняетъ къ себѣ правоученія, которыя находитъ въ книгахъ.

Но въѣд этого еще очень недостаточно, слишкомъ мало для того, чтобы понимать свое положеніе. Для такого пониманія нужно помнить не только то, что сказано, но и то, за что сказано. И въ этомъ отношеніи, какъ оказывается, г. Антоновичъ совсѣмъ не такъ памятливъ, какъ нужно бы желать.

Объ одной изъ статей «Современника» я сказалъ, что судить о ней легко, что она есть *совершенная дичь*. Г. Антоновичъ это помнить и жалуется на такой отзывъ. Дурно онъ дѣлаетъ только то, что забываетъ статью, о которой шло дѣло. Это была статья г. Чернышевскаго о паденіи Рима, статья, въ которой утверждалось, что Римъ палъ только отъ варваровъ, что никакихъ внутреннихъ причинъ для его паденія не было. «Современникъ» раза три пытался опровергать нѣкоторыя мысли, высказанныя мною по этому поводу; а теперь уже молчитъ, и о знаменитой статьѣ нѣтъ и помину.

Помнить г. Антоновичъ, что я предполагалъ его неспособнымъ писать о Гегелѣ. Онъ обижается отзывомъ, и чтобы устранить его, начинаетъ разсуждать о категоріяхъ. Гм! категорія! Какой важный и, осмѣлюсь сказать, трудный предметъ! Г. Антоновичъ прежде утверждалъ, что существуетъ два рода категорій; теперь онъ онъ даетъ дѣлу такой видъ, будто бы онъ хотѣлъ только сказать, что Кантъ и Гегель различно смотрѣли на категоріи. Еслибы такъ, кто бы съ нимъ не согласился? Но въ заключеніе Гегель все-таки выходитъ у г. Антоновича какимъ-то *полупомѣшаннымъ* (по выраженію г. Антоновича). «По Гегелю — говоритъ онъ — категоріи принадлежатъ не человѣку, не человѣческому мышленію. Онѣ существуютъ не въ головѣ человѣка» и проч. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ остроумно толкуетъ Гегеля г. Антоновичъ, возьмемъ простой дриштеръ. Положимъ: человѣкъ видать дошъ. Представьте, что

Гегель по этому случаю сдѣлалъ бы слѣдующее простое замѣчаніе: домъ однакоже не находится въ человѣкѣ. А г. Антоновичъ кричить: смотрите, смотрите! Гегель утверждаетъ, что не *человѣкъ* видитъ домъ, что видѣніе совершается *внѣ* *человѣка*!

Еслибы дѣйствительно было два рода категорій, какъ сперва полагалъ г. Антоновичъ; еслибы напримѣръ въ головѣ человѣка были одиѣ категоріи, а дѣйствительности другія, тогда конечно Гегель былъ бы полупомѣшаннымъ. Но въ томъ все и дѣло, что существуютъ только одного рода категоріи, что то самое, что видитъ человѣкъ, существуетъ однакоже внѣ человѣка. И этому не противорѣчить то обстоятельство, что иногда человѣку мерещатся вещи несуществующія.

Да впрочемъ — что категоріи! Зачѣмъ г. Антоновичъ даетъ себѣ важный видъ, будтобы онъ спорить о категоріяхъ? Вѣдь въ прежнемъ моемъ письмѣ я сдѣлалъ о нихъ замѣчаніе мимоходомъ; вѣдь заключеніе о томъ, что г. Антоновичъ можетъ-быть негодится еще для того, чтобы писать о Гегелѣ, было строго выведено мною *ранше тѣхъ десяти строкъ*, которыя столь усердно выписываетъ и разбираетъ г. Антоновичъ. Отчего же онъ помнитъ заключеніе, а не помнитъ посылку, изъ которыхъ оно прямо вытекаетъ?

Г. Антоновичъ сердится, что его называютъ юнымъ; въ этомъ случаѣ онъ повидимому справедливо жалуется на личность. Но собственно говоря, каждый разъ, когда дѣло идетъ объ его юности, онъ долженъ бы былъ вспоминать, что объ этой юности возвѣстилъ читающему міру г. Чернышевскій. Вотъ грѣхъ, на который намекаютъ эти шутки.

Г. Антоновичъ примѣнялъ къ себѣ правоученіе: недолжно писать о томъ, чего незнаешь. Но онъ какъ-видно забылъ почему это правоученіе такъ удобно къ нему примѣняется: примѣняется потому, что онъ вздумалъ утверждать, будтобы нѣмцы стали опровергать дѣлыя науки и будтобы Гаймъ отрицаетъ философію.

Г. Антоновичъ припоминаетъ, какъ объ обилномъ отзывѣ, о томъ, что сказано въ нашей критикѣ: что Тургеневъ показалъ «Современнику», что онъ пошмаметъ «Современникъ» лучше самого «Современника». Но г. Антоновичъ совершенно забываетъ, что у васъ это не только сказано, но и доказано. Ни одинъ журналъ столько не возился съ «Современникомъ», какъ вашъ, но ни одинъ же не отлаивалъ ему такой справедливости и такъ вѣрно не цѣпилъ его.

Еслибы г. Антоновичъ все это и многое другое подобное помнилъ и сообразилъ, то можетъ-быть онъ иначе бы понялъ и оцѣнилъ жестокіе отзывы о «Современникѣ» вообще и о немъ въ частности. Безъ причины ничего небываетъ. Теперь же г. Антоновичъ только дивится и жалуется. «Это все одна злоба», говоритъ онъ. «И

зависть», прибавляетъ почтенный, но веселый хроникеръ въ той же книжкѣ «Современника». Такіе отзывы всего лучше показываютъ, какъ мало сотрудники «Современника» понимаютъ, почему они попали въ *опальное* положеніе.

Всѣмъ извѣстно, съ какимъ уваженіемъ «Время» смотритъ на литературу; оно считаетъ ее самымъ правильнымъ, наиболѣе органическимъ явленіемъ нашей современной жизни. «Время» усердно занимается литературой, постоянно слѣдитъ за ней. Понятно, что оно должно было придти въ антагонизмъ съ «Современникомъ», какъ съ журналомъ, который также занимается критикою и который не даетъ литературѣ ея настоящаго значенія и называетъ ее «праздною болтовнею». Понятно, что этотъ антагонизмъ долженъ былъ выражаться не только въ каждой книжкѣ, но почти въ каждой критической статьѣ. А г. Антоновичъ говоритъ: «все это — одна злоба!» «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

«Время» указывало на народность, заявляло желаніе искать народнаго духа во всѣхъ проявленіяхъ нашей жизни, искать сближенія съ нимъ. Для «Современника» все это были пустыя фразы и онъ ждалъ спасенія отъ «хорошихъ книжекъ» г. Червышевскаго. Антагонизмъ былъ неизбеженъ. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Въ выборѣ своихъ бельетристическихъ статей «Время» останавливалось особенно на такихъ, въ которыхъ просвѣчиваютъ положительныя стороны нашей народной жизни. «Современникъ» до сихъ поръ держится въ своей бельетристичкѣ обличительнаго направленія. «Время» высоко чтитъ Пушкина, какъ единственную звѣзду первой величины въ нашей литературѣ; для «Современника» Пушкинъ есть поэтъ эротическій и военный. «Современникъ» сравнилъ Тургенева съ Аскоченскимъ; «Время» вооружилось за романиста. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Что касается до меня, то я указалъ на то, что «Современникъ», поддерживая свои идеи, доходитъ до отрицанія *общихъ авторитетовъ*, напримѣръ поэзіи, исторіи, философіи, литературы. Три раза «Современникъ» пробовалъ отстранить этотъ упрекъ, а теперь онъ о немъ и не помнитъ. «Все одна злоба», говоритъ г. Антоновичъ. «И зависть», прибавляетъ хроникеръ.

Зависть и злоба! Не странно ли, что дѣло принимаетъ такой исключительно личный характеръ въ глазахъ сотрудниковъ «Современника»? Послушать ихъ, такъ «Время» только изъ-за того и бьется, чтобы доказать, что г. Антоновичъ не умѣетъ мыслить; какъ-будто кому-нибудь это нужно!

Чтоже удивительнаго, что на «опальный журналъ» сыплются

упреки въ сумашествіи и дикости, когда онъ, въ самомъ дѣлѣ не всегда отличается здравомысліемъ и образованностію? Пишущіе въ этомъ журналѣ какъ кажется не могутъ себѣ представить, чтобы можно было стоять за что-нибудь, кромѣ какъ за себя, чтобы у чело-вѣка могли быть какіе-нибудь высшіе интересы, кромѣ самона-бія, чтобы можно было безъ всякаго своекорыстія ревностно слу-жить наукѣ, литературѣ, поэзіи. Между тѣмъ такое служеніе есть дѣйстви-тельно человѣческое дѣло и должно быть особенно понятно имен-но писателямъ. Только это служеніе даетъ писателю сознаніе соб-ственнаго достоинства и право на то уваженіе, съ которымъ обык-новенно смотрятъ на него простые читатели. Если мы и враждуемъ между собою, если оспариваемъ и осмѣиваемъ другъ друга, то ува-женіе къ намъ не утрачивается только потому, что въ этихъ бояхъ-цѣлать не одну борьбу своекорыстія, не одна эгоистическіе инте-ресы, но чувствуютъ въ нихъ также присутствіе безконечно высокаго и драгоценнаго интереса — истины.

И слѣдовательно люди, которые даютъ всему дѣлу личный ха-рактеръ, которые въ полемикѣ противъ нихъ видятъ одно *нападеніе, преслѣдованіе, одну зависть и злобу*, которые пришли къ мысли, что изобличеніе ихъ даже на поприщѣ истины не есть услуга для об-щаго блага, а только враждебное дѣйствіе противъ нихъ, — однимъ словомъ люди, которые бывають склонны ставить личности выше истины, обнаруживаютъ этимъ глубокой цинизмъ своихъ понятій. Они не вѣрятъ, что можно выше всего дорожить истиною; а кто это-му не вѣрятъ, тотъ вмѣстѣ показываетъ, что и самъ онъ мало доро-жатъ ею.

По этому случаю придется здѣсь жестокое слово, которое было произнесено по поводу вашей статьи о Добролюбовѣ и о которомъ кстати упомянуть здѣсь. Въ одномъ журнальцѣ было сказано, а въ другомъ повторено, что эта статья представляетъ нѣкотораго рода «преслѣдованіе чело-вѣка за гробомъ». Преслѣдованіе за гробомъ! Какое упрекъ? Какое чудовищное предположеніе, высказываемое однакоже съ величайшею легкостью! Какъ не узнать въ этомъ уже не поклоненія авторитету, а даже прямо фанатизма, то-есть слѣпонаго поклоненія, при которомъ предметъ поклоненія стоитъ выше всякой критики? Даже самая формула напоминаетъ нѣчто священное: — за гробомъ! Очевидно все похожее на *изслѣдованіе* должно имъ по-казаться *преслѣдованіемъ*. Они хорошо чувствуютъ, что кто началъ мыслить о предметѣ, тотъ уже пересталъ благоговѣть передъ нимъ, и потому статья, которая дѣйствительно говоритъ о Добролюбовѣ, имъ непременно кажется статьею *противъ* Добролюбова.

Сотрудники «опального» журнала не даромъ чувствуютъ, что ихъ трактуютъ высокомерно, что каждый разъ, когда о нихъ су-

дать, сужденіе получаетъ непріятную для нихъ вѣскость. Но откуда же это высокоуміе? Отчего люди въ сущности скромные, заговарывая о «Современникѣ», кажутся высокоумѣнными? Что придаетъ тяжесть сужденіямъ? Легко убѣдиться, что эти рѣчи становятся гордыми и тяжкими не отъ того, кто ихъ произноситъ, а отъ того, во имя чего онѣ произносятся. Немудрено, что судъ, произносимый во имя логики, науки, искусства, литературы, является высокоумѣннымъ, безошаднымъ; въ самомъ дѣлѣ на него вѣтъ апелліаціи.

Итакъ я опять говорю объ общихъ авторитетахъ, объ истинѣ, наукѣ, литературѣ и проч. Пусть не ошибается г. Антоновичъ въ смыслѣ моего письма; я не сталъ бы писать, еслибы дѣло состояло только въ защитѣ отъ его нападеній. И это не высокоуміе, не надутое презрѣніе: это настоящее, правильное отношеніе къ дѣлу.

Правильная точка зрѣнія всего менѣе понятна для людей, для которыхъ личности заслоняютъ предметъ рѣчи. Что-бы ни говорилось и какъ бы ни говорилось, они во всемъ этомъ хотятъ видѣть только одно: говорится ли за нихъ, или противъ нихъ. Поэтому самыя простыя и ясныя рѣчи получаютъ въ ихъ глазахъ превратный смыслъ. Они доходятъ до того, что рѣчей безпристрастныхъ вовсе не понимаютъ. Если хотите видѣть доказательство этому, прочтите то что говорится въ «Искрѣ» противъ вашей статьи о Добролюбивѣ. То что у васъ сказано явно въ похвалу Добролюбову, тамъ принимается за порицаніе, и «Искра», опровергая васъ, пытается объяснить читателямъ то самое, что у васъ же объяснено гораздо отчетливѣе.

Одинъ изъ самыхъ забавныхъ случаевъ непониманія представляется между прочимъ тотъ же № 4 «Современника», гдѣ красуется статья г. Антоновича противъ васъ. Въ «внутреннемъ обозрѣніи» неразъ упоминается о томъ, что «Время» будтобы *злостно подериваетъ* слово *бесъдовать*. Очень живо помню, гдѣ и о комъ сказано во «Времени» это слово. Оно имѣетъ тамъ свой естественный, законный смыслъ и не содержитъ ни малѣйшаго злобнаго намека. Очень странно, что такимъ образомъ простѣйшія въ мірѣ слова подвергаются особенному толкованію и подозрѣваются въ нѣкоторомъ злоумышленіи. Это непониманіе, это уклоненіе отъ прямого смысла рѣчи, происходитъ вслѣдствіе того, что непремѣнно желаютъ отыскать похвалу или порицаніе, и потому утрачиваютъ способность понимать простое сужденіе, способность мыслить внѣ заколдованнаго круга личностей.

Въ этомъ отношеніи какъ много выше пишущихъ въ «Современникѣ», г. Писаревъ, писатель, котораго важное значеніе я первый

открылъ и которымъ я всегда пользуюсь, когда мнѣ въ видѣ укоризны нужно привести примѣръ чистосердечія и прямоты.

Одинъ только разъ возражалъ мнѣ г. Писаревъ и вотъ что онъ сказалъ :

«Возвратія не могутъ быть ни истинны, ни ложны: есть мое, ваше возвратіе, третье, четвертое и т. д. Которое истинно? Для каждаго свое, и потому я совершенно согласенъ съ словами г. Н. Ко., который онъ хотѣлъ сказать мнѣ *ex nihilo*: «Давайте всѣ мыслить самостоятельно, и чуръ одинъ другому не мѣшать!» Нашолъ въ чемъ упрекнуть! Въ самостоятельности мысли. Давай-богъ побольше такихъ обличителей, которые, желая обругать, говорятъ комплименты.» (Р. Слово. 1861 г. № IX.)

Какъ видите, г. Писаревъ совершенно согласенъ съ моимъ замѣчаніемъ, хотя считаетъ его съ моей стороны упрекомъ; можно ли же его сравнить съ тѣми, которые не соглашаются даже съ похвалами только потому, что никакъ не разберутъ въ чемъ дѣло и подозрѣваютъ въ нихъ *желаніе обругать*? (1)

Н. КОСИЦА.

(1) Мы находимъ это письмо весьма недостаточнымъ и удивляемся легкомыслию и односторонности своего сотрудника. Считаемъ нужнымъ прибавить по крайней-мѣрѣ слѣдующія замѣчанія:

1) Г. Антоновичъ нашолъ у насъ множество противорѣчій и требуетъ ихъ разъясненія. Эхъ вы! Чудачина! (Мы пародируемъ здѣсь манеру г. Антоновича и допускаемъ такое обращеніе только въ этомъ смыслѣ.) Да мало ли противорѣчій мы вамъ указывали у васъ, а вѣдь вы ни одного изъ нихъ и не подумали разъяснить. Что же вы къ намъ-то пристали?

2) Г. Антоновичъ опять предлагаетъ «Времени» множество вопросовъ. Онъ проситъ, чтобы «Время» его научило и основываетъ свою просьбу на томъ, что онъ подписчикъ «Времени» и заплатилъ за журналъ 16 рублей. Редакция сямъ уведомляетъ его, что она никакъ не брала, а равно не можетъ взять на себя и впредь трудную обязанность научить его, а потому готова по первому востребованію возратить ему деньги, съ вычетомъ однакоже за полученныя имъ книжки.

3) Г. Антоновичъ требуетъ отъ г. Косицы, чтобы тотъ объяснилъ ему, о какомъ идеализмѣ идетъ рѣчь въ письмѣ: «Примѣръ апатіи». Немнѣя немало въ виду «придираться къ физиономіи» г. Антоновича (извините за его собственное выраженіе), мы замѣтимъ вообще, что всякій человекъ, дѣлающій такой вопросъ, очевидно съ трудомъ еще понимаетъ связь предложеній, стоящихъ одно возлѣ другого. Иначе онъ не могъ бы упустить изъ виду, что въ разбираемой имъ статьѣ тутъ же стоитъ прямое опредѣленіе идеализма, съ его вредной стороны. «Не все ли зло — сказано нами — происходитъ оттого, что мы слиткомъ уважаемъ то, что не слѣдуетъ уважать, считаемъ важнымъ то, что не имѣетъ никакой важности? Что мы такъ охотно признаемъ право тамъ, гдѣ нѣтъ права, что мы такъ легко жертвуемъ собою, такъ легко вслѣдъ творимъ себѣ идоловъ и кумиры?»

А потомъ вотъ еще: съ какой стати г. Антоновичъ клеветлетъ на насъ, будто мы «Современникъ» сравнивали съ Базаровымъ? Это было бы ужъ непростительно дерзко съ нашей стороны. Мы разъ какъ-то осмѣлились уподобить его Ситникову, да и это сдѣлали съ разными оговорками. Нужно же вѣдь и врагамъ отдавать справедливость. *Ред.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Великодушіе Миреса. — Заботы правительства о спокойствіи нѣкоторыхъ дамъ. — Полицейскія преобразованія. — Собачья выставка. — Финансовыя дѣла. — Пріѣздъ египетскаго вице-короля.

Германскія дѣла. — Гессенскій вопросъ. — Пруско-австрійское либеральничанье. — Покорность гессенскаго курфюрста. — Открытіе прусскаго парламента.

Итальянскія дѣла. — Римскій вопросъ. — Гойонъ-лавалеттовское перемѣщеніе. — Король въ Неаполь. — Арестъ волонтеровъ.

Мексиканскія дѣла. — Распаденіе англо-испано-французскаго союза. — Дѣйствія и оправданія французскихъ войскъ.

Американскія дѣла. — Взятіе Нового-Орлеана. — Изобрѣтательность въ свободныхъ штатахъ. — Сущность войны.

Последнія извѣстія.

Французскія дѣла

Нынѣшній мѣсяцъ необыкновенно благопріятенъ по части полетки во Франціи. Извѣстія все такія пріятныя, успокоивающія, такъ усладительно дѣйствующія на благомыслящаго и благонамѣреннаго читателя, что имъ овладѣваетъ умиленіе. Прогрессъ дошелъ до того, что высшимъ двигателемъ человѣчества повиданному сдѣлалось чувство пріямчія, чувство внѣшняго благообразія поступковъ. Отъ этого политическія дѣла имѣютъ теперь пріятно-улыбающійся видъ, а человѣчество въ своемъ благополучномъ спокойствіи похоже на отдыхающаго капиталиста. Добродушіе проникаетъ во всѣ человѣческія отношенія, такъ что даже знаменитый Миресъ одѣлся добродѣтельнѣйшимъ изъ смертныхъ: онъ теперь заботится о вознагражденіи своихъ бывшихъ довѣрителей и акціонеровъ за всѣ повеселенныя ими убытки. О себѣ самомъ ниогда онъ не заботился и не хлопоталъ, потому что вся его дѣятельность обращена была на выгоды людей, вѣрившихъ ему свои капиталы; если же у него

оказалось немалое количество мильоновъ, а довѣрители разорились, то это такъ только случилось, можетъ-быть потому, что судьба вознаграждала его за прекрасныя намѣренія, а злонамѣренныя люди, изъ зависти, посредствомъ процесса не дали этимъ намѣреніямъ исполниться. Тутъ онъ уже невиноватъ, если у него остались мильоны, а довѣрителямъ досталось разоренье.

Но вотъ онъ вторичнымъ судомъ оправданъ, и совѣстно ему своихъ мильоновъ. Онъ непремѣнно хочетъ доставить и имъ мильоны, только конечно не свои. И вотъ онъ предпринялъ новую продѣлку, которая однакоже ему не удалась, все по злонамѣренности защитниковъ. Онъ объявилъ новый государственный заемъ, величиною въ какую-нибудь сотню мильоновъ франковъ, необозначая, какое это государство занимаетъ. Человѣчество такъ добродушно, что нашлись простяки, которые довѣряли ему, приносили ему деньги въ его знаменитую кассу желѣзныхъ дорогъ. Вотъ что онъ потомъ самъ напечаталъ въ газетахъ:

«Въ своемъ пламенномъ желаніи вознаградить акціонеровъ кассы желѣзныхъ дорогъ за потери, понесенныя ими вслѣдствіе всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ, я стараюсь приискать операцію, которая была бы и выгодна, и въ тоже время не лежала бы на моей личной отвѣтственности. Мнѣ показалось, что государственные займы заключаютъ въ себѣ это двойное свойство, и чтобы лучше достигнуть своей цѣли, я придумалъ замѣнить обыкновеніе банкировъ, которые договариваются съ государствами, еще немѣла въ рукахъ капиталовъ, — другою системою: собрать прежде капиталы. Такимъ образомъ будущій заемный контрактъ долженъ былъ составляться не въ пользу занимающаго государства и банкира, а въ пользу настоящихъ заемодавцевъ, то-есть подданныхъ займа, которые одни и даютъ капиталы всѣхъ займовъ. Эта операція должна была въ тоже время доказать и довѣріе ко мнѣ, и уже являлись, подобно какъ въ турецкомъ займѣ 1860 года, счастливые симптомы успѣха; стало-быть я пользовался общою симпатіей. Мнѣ нивразу не пришло въ голову, чтобы эта операція, назначавшаяся для вознагражденія столькихъ потерь, могла возбудить накія-нибудь затрудненія. Но вчера поутру политическія и финансовыя газеты получили слѣдующее сообщеніе (тогда какъ мнѣ ничего не было вообще известно): «Дирекція печати приглашаетъ газеты воздерживаться впредь до новаго распоряженія, говорить съ публикой посредствомъ объявленій или иначе, о проектѣ займа Миреса.» Я тотчасъ отправился въ министерство внутреннихъ дѣлъ, но не могъ встрѣтить е. пр. г. министра, и долженъ былъ освѣдомиться о поводахъ этого неожиданнаго распоряженія у г. директора печати. Онъ не могъ

сообщить мнѣ никакихъ объясненій, и я ожидалъ, что отъ меня вѣроятно будутъ требовать объясненій, такъ какъ самая форма вышеприведеннаго извѣщенія показываетъ, что вопросъ не окончательно рѣшонъ. Но слѣдующее письмо, полученное мною вчера вечеромъ, показало мое положеніе въ другомъ свѣтѣ. Секретарь французскаго банка письменно объявилъ мнѣ, что данная мнѣ банкомъ возможность помѣщать туда капиталы на текущіе счета у меня отнята. Ясно, что рѣшеніе постановлено окончательно и мнѣ не позволяютъ исполнить предположенной операціи. А сегодня утромъ въ «Монитерѣ» напечатано вотъ что: «Нѣкоторыя газеты вчера вечеромъ и сегодня утромъ напечатали программу займа; содержаніе программы принудило правительство пригласить газеты не перепечатывать ее.» Какъ бы то нибыло, хоть я и не виноватъ въ потеряхъ, понесенныхъ акціонерами кассы желѣзныхъ дорогъ, но тѣмъ неменѣе я настаиваю на предположенной дѣли: беречь ихъ выгоды. И я надѣюсь еще, что своими объясненіями докажу, въ какомъ охранительномъ духѣ была задумана объявленная мною финансовая операція. Но покаместъ до новаго объявленія поддискъ отлагается.»

Ну гдѣ же встарину можно было найти подобнаго банкира? Однѣ и спать и видѣть, какъ бы доставить барыши своимъ довѣрителямъ, а правительство связываетъ ему руки, а банкъ даромъ не беретъ отъ него денегъ. И гдѣ же, съ другой стороны, бывали встарину такія попечительныя правительства, которыя такъ внимательно охраняли гражданъ и ихъ карманы отъ вождѣвнй добродѣтельныхъ господъ Миресовъ? Да встарину не было и правительствъ, которыя такъ усердно заботились бы о чистотѣ нравовъ гражданъ!

Напримѣръ въ будонскомъ мѣсту происходили на дняхъ событія, возбудившія дѣятельность правительства въ высшей степени. На тамошнихъ гуляньяхъ бываетъ всякій, отъ рабочаго съ женою до банкира съ супругой; бываютъ и дамы, имѣющія отъ двухъ до пятнадцати и болѣе мужей. Эти дамы являются на гулянье въ великолѣпнѣйшихъ экипажахъ, въ роскошнѣйшихъ костюмахъ, въ граціозныхъ полулежачихъ положеніяхъ, съ своими спокойными, маслянистыми а порою и нахальными взглядами. Цоватно, что нѣкоторыя группы гуляющихъ, честныхъ, хотя и не очень надежныхъ людей оскорбляются присутствіемъ подобныхъ особъ; вокругъ ихъ вкндажей образовались даже враждебныя скопища рабочихъ, такъ что эти дамы сочли для себя болѣе удобнымъ удалиться во всю прыть своихъ рысаковъ. Потомъ на гуляньяхъ публика вообще стала дурно встрѣчать этихъ дамъ. Одна изъ нихъ, похрабрѣе и поспокойнѣе другихъ, не уѣжала и держала себя такъ, какъ-

будто презирала свистки публики; за это конечно публика пустила въ нее нѣсколько камней и комковъ грязи. Праскорбныя сцены эти повторялись даже въ театрахъ, такъ что правительство поручило полицейской префектурѣ подвергнуть вопросъ объ этихъ дамахъ тщательному изученію. Какъ же въ этомъ случаѣ распорядиться? Задача трудная. Попечительно-заботливое правительство Франціи этихъ не довольствуется: оно хочетъ, чтобы всѣмъ на свѣтѣ было хорошо и удобно, и потому обдумываетъ, какъ распорядиться съ этими дамами. Преслѣдовать ихъ роскошь и запрещать ее? Но тогда гдѣ же уваженіе къ личной свободѣ? Или не приставить ли къ каждой публичной женщинѣ по полицейскому сержанту, въ видѣ охранительной стражи и въ видахъ арестованія любителей кидать грязью? Но эти дамы сами не захотятъ такого почета: это совершенно подорветъ ихъ професію, которая выгодна только въ такомъ случаѣ, когда онѣ съ владу ничѣмъ не отличаются отъ порядочныхъ женщинъ. Говорятъ, что полиція намѣрена выгнать этихъ дамъ изъ Парижа. Но тутъ возникаетъ весьма щекотливый вопросъ: какъ доказать, что подобная дама разрабатываетъ карманы нѣсколькихъ дураковъ? Многія изъ нихъ, самыя отъявленныя, обрабатываютъ не вдругъ по нѣскольку простаковъ, а сначала одного, потомъ другого, потомъ третьяго, и такъ далѣе, до безконечности или до слишкомъ рѣзкихъ морщинъ. Какъ бы тутъ на первыхъ порахъ не надѣлать промаховъ? Развѣ принять за правило — выгонять, только извѣстнѣйшихъ вродѣ Ригольбоши? Но тутъ возникаютъ важныя затрудненія. Вопервыхъ это бесполезно, потому что подниметъ цѣну остающихся, которыя въ скоромъ времени тоже сдѣлаются извѣстными, а во вторыхъ это вредно, потому что эти дамы будутъ проживать доходы своихъ дорогихъ любителей въ другомъ мѣстѣ, не въ столицѣ роскоши и моды, стало-быть произойдутъ очевидныя убытки для промышленности и торговли. Какъ же тутъ быть? Вѣдь скандалѣзныя исторіи могутъ повторяться на гуляньяхъ и въ театрахъ. Ужасно мудреная задача! Но въ полицейской префектурѣ засѣдаютъ умныя головы; онѣ вѣрно придумають рѣшеніе къ вящей славѣ Франціи и въ тоже время къ торжеству спокойствія, порядка и промышленности.

А что полиція найдетъ рѣшеніе, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія: она, несмотря на высокую степень своего совершенства, все стремится еще къ совершенствованію. Самъ его пр. генералъ-прокуроръ уѣхалъ въ Англію для изученія на мѣстѣ тамошнихъ полицейскихъ порядковъ. Ему не давалъ до сихъ поръ спать одинъ случай, бывший много лѣтъ тому назадъ съ однимъ принцемъ, изгнаннымъ и жившимъ въ Лондонѣ, именно съ Луи Бона-

партомъ. Возвратясь какъ-то вечеромъ домой, этотъ принцъ замѣтилъ, что у него украденъ кошелекъ. На другой день, только-что онъ собирался вставать, является полицменъ съ его кошелькомъ и говоритъ: «Человѣкъ, который васъ обокралъ, былъ остановленъ почти на мѣстѣ. Сведенный въ полицію, а потомъ въ судъ, онъ приговоренъ къ тюремному заключенію на нѣсколько мѣсяцевъ, и наказаніе его началось сегодня.» Пораженный такою судебною быстротою, принцъ далъ себѣ слово, что если когда-нибудь судьба вручитъ ему власть, то онъ постарается ввести въ своей странѣ эти быстрые и хорошіе судебные порядки.

Понятно, что генераль-прокуроръ не спалъ ночей; понятно, что онъ поѣхалъ въ Англію учиться. А тамъ есть-таки чему поучиться по судебной части. На дняхъ тамъ прозвнесенъ блистательный приговоръ надъ осьмилѣтнимъ дитятей, приговоръ, который заставляетъ бы призадуматься самого царя Соломона и всю мудрость его. Осьмилѣтнее дитя забавлялось разставляяемъ силковъ у кроличьихъ норъ. Но эти норы и эти кролики принадлежать не ребенку; въ этомъ весь вопросъ; а то почему не позабавиться устройствомъ силковъ? На-бѣду попался въ одну изъ петель кроликъ. Вообразите же восторгъ дитяти! Кроликъ! живой, настоящій кроликъ! Побѣда неоцѣненная! Бѣжитъ дитя домой въ припрыжку, неслыша подъ собою ногъ, и попадаетъ съ добычей своей въ тюрьму и въ судъ. По надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла и по соображеніи подлежащихъ обстоятельствъ, судъ приговорилъ его или къ четырехлѣтнему тюремному заключенію, или къ уплатѣ шести фунтовъ стерлинговъ штрафа, то-есть около сорока рублей серебромъ. По этому случаю бѣдная мать имѣла полнѣйшее право заложить себя или продать, чтобъ избавить свое дитя отъ тюрьмы.

Дѣло въ томъ, что стоитъ ли ѣздить за море учиться такой нечеловѣческой юстиціи? Гораздо проще — оставаться дома и заниматься домашними дѣлами, напримѣръ собачьей выставкой.

Эта собачья выставка — вовсе не шутка. Во Франціи дѣла такъ прочно установились, приняли такое однообразно-правильное теченіе, что внутри страны не происходитъ ровно ничего необыкновеннаго, страннаго, замѣчательнаго, выходящаго изъ колен. Блаженна страна, гдѣ уже замѣчательное событіе составляетъ проектъ выставки собакъ!

11 мая въ ботаническомъ саду въ Парижѣ собралось нѣсколько ученыхъ знаменитостей на важное совѣщаніе. Они рѣшили единогласно: устроить въ Парижѣ всемірную выставку собачьихъ породъ, разсѣянныхъ по земному шару. Выставка будетъ въ маѣ мѣсяцѣ будущаго года, чтобы экземпляры успѣли прибыть изъ са-

мыхъ отдаленныхъ странъ свѣта, для устройства зрѣлища столь же новаго, сколь и поучительнаго. Экземпляры европейскихъ породъ должны быть какъ можно чище, то-есть соединять въ себѣ всѣ наиболее рѣзкіе отличительные признаки своихъ свойствъ. Политика конечно непреминетъ схѣлать надлежащія распоряженія о поддержаніи надлежащаго порядка какъ между субъектами, такъ и между объектами.

Больше нѣтъ никакихъ политическихъ извѣстій изъ Франціи. Встарину, при королѣ Луя-Филипѣ была говорливая трибуна и въ значительной степени свободная печать. Къ голосу той и другой прислушивалась Европа. Теперь же нѣтъ ни изустной, ни печатной болтовни, зато дѣла и идутъ какъ по маслу. Никакихъ нѣтъ преградъ на пути гармоническаго развитія внутреннихъ и вѣншихъ силъ государства, процвѣтанія, благополучія и т. д. Какой-нибудь недочетъ въ нѣсколько сотъ миліоновъ — ничемъ: потомство будетъ за него платить проценты. Вросить корпусъ войска за океанъ — ничемъ: потомство заплатитъ проценты на военные издержки, а сѣна останется въ чистомъ барышѣ. Перестроить городъ — ничего не значить: за все отвѣтитъ потомство. И теперь городъ Парижъ дѣлаетъ новый заемъ во 125 миліоновъ франковъ на новыя работы для общественной пользы. Между этими общепольными работами первое мѣсто занимаетъ постройка громадной триумфальной арки въ память побѣдъ французскихъ войскъ во вторую имперію въ Крымъ, въ Италію, въ Китаѣ, въ Кохинхинѣ, въ Мексикѣ. На этотъ монументъ пойдетъ 30 миліоновъ, а остальное — опять на перестройки города.

Но не рано ли немножко строить арку въ память побѣдъ второй имперіи? Вѣдь она еще не кончилась, не сошла со сцены, и такъ какъ война составляетъ повидимому необходимое условіе ея существованія, то побѣды еще впереди. Или можетъ-быть и послѣдующія побѣды всѣ войдутъ въ эту арку? Надо бы предложить полицейскій префектурѣ подвергнуть изученію и этотъ вопросъ, такъ какъ триумфальная арка имѣетъ послѣдующее дѣйствіе, а не слышано еще, чтобы она дѣйствовала на побѣды такъ-сказать предупредительно.

Но для колоссальныхъ перестроекъ Парижа, для триумфальныхъ арокъ и оперныхъ театровъ далеко неостанетъ на 1863 годъ займовъ въ 125 миліоновъ. На эти «общепольныя» вещи сверхъ того положено въ бюджетѣ 139 миліоновъ. Въ концѣ гола окажется еще, сколько будетъ передержано сверхъ этихъ 264 миліоновъ. Но что же значить теперь эти миліоны, когда проценты на нихъ будетъ платить потомство, благодаря системѣ займовъ!

Франція дѣйствительно чрезвычайно богата. Государственный доходъ ея, или правильнѣе сказать, общественная складчина увеличивается каждый годъ среднимъ счетомъ на 50 миліоновъ франковъ, а въ одиннадцать лѣтъ на 550 миліоновъ. Въ 1853 году складчина была 1450 миліоновъ, а на 1863 годъ исчислено 2000 миліоновъ. Съ тѣхъ поръ каждый годъ были передержки, и расходъ на будущій годъ опредѣленъ въ 2100 миліоновъ, что составляетъ недостачу въ 160 миліоновъ, не считая того, что будетъ еще передержано. Вотъ смета расхода:

Уплата процентовъ по государственнымъ займамъ и пенсіи	667,000,000	фр.
Расходъ по сбору доходовъ и уплатамъ	255,000,000	—
Расходъ по провинціямъ	223,000,000	—
Гражданскіе чины	272,000,000	—
Военные чины	536,000,000	—
Экстраординарныя работы	139,000,000	—
	<hr/>	
	2,092,000,000	—

Если уже невозможно убавить расходы на столько, чтобы убавить сборы, то по крайней мѣрѣ весьма легко израсходовать не-большое того, что будетъ получено. Нетрудно указать, въ которыхъ статьяхъ должно бы сдѣлать сокращенія. Собрать вмѣсто 100,000 рекрутъ только 80,000, которыхъ съ излишкомъ будетъ довольно: вотъ уже экономія въ 64 миліона. Отнять отъ построекъ 39 миліоновъ: и то останется почтенная цифра. Убавить по нѣкоторымъ секретнымъ расходамъ на полицію миліоновъ на двадцать, такъ какъ въ этомъ отношеніи французское правительство дошло уже до изумительной роскоши въ количественномъ отношеніи. Такимъ образомъ будетъ остатокъ въ 31 миліонъ, который могъ бы пойти на погашеніе долга.

Но никакъ нѣтъ надобности и указывать это. Понятно само собою, что налоги дѣлаются сообразно съ предполагаемымъ расходомъ, взносъ ихъ не долженъ быть тягостенъ, чтобы платежи были по возможности все довольны; поэтому расходъ долженъ быть какъ можно меньше, и передерживать нельзя, неестественно, и опасно.

Но все это не важно. Главное дѣло въ томъ, что во Франціи царствуетъ оповѣстіе, что французамъ наконецъ сдѣлалось бы лучше, если бы отъ времени до времени не развѣскались эти случаи объ успѣхахъ своего оружія въ Мексикѣ, въ Китаѣ и въ Кохинчинѣ, да пріѣздами разныхъ вѣнчаныхъ особъ.

Теперь Францію сильно занимаетъ пріѣздъ египетскаго вице-

короля Сауда-пашы. Навстрѣчу ему въ Марсель было послано нѣсколько важныхъ лицъ. Французовъ очень занимаетъ его наружность, его умъ и чистота говорить по-французски, а любители слухомъ разносятъ по городу различныя болѣе или менѣе удачныя его отвѣты. Напримѣръ его спросили: благополучно ли онъ совершилъ переездъ по Средиземному морю? — «Несовсѣмъ», отвѣчалъ Сауда-паша, — потому что мы запасались углемъ въ Неаполѣ и въ Чивитавеккии; эти два горючіе матеріала, итальянскій и римскій, никакъ не соглашались горѣть вмѣстѣ, и потому мы запоздали».

— Какія у него счастливыя возраженія! говорятъ расказчики.

— У него чисто французскій умъ, замѣчаютъ слушатели.

— Воспитателемъ его былъ французъ, говорятъ болѣе серьезные люди, любящіе во всемъ отыскивать причины и начала.

Путешествіе вице-короля до Парижа было весьма торжественно: народъ вездѣ собирался на его пути и привѣтствовалъ гостя Франціи, какъ у насъ по станціямъ желѣзныкъ дорогъ обѣдлались смотрѣть Шамаля или друга его Александра Дюма. 17 мая его королевское высочество благополучно прибылъ въ Парижъ въ 5 часовъ вечера. Батальонъ 78 вѣхотнаго полка съ музыкой и знаменемъ стоялъ по обѣ стороны его пути по направленію къ дворцу. Затѣмъ произошло событіе, разрѣшившее много недоумѣній, сомнѣній и споровъ.

Многіе любители, принимая дѣятельное участіе въ придворныхъ слухахъ, спорили о томъ, какъ императоръ встрѣтитъ Сауда-пашу: въ дверяхъ пріемной, наверху лѣстницы, среди лѣстницы или внизу лѣстницы. Вышло, что наверху, и спорщики успокоились. Остался вершиннымъ одинъ вопросъ: кто встрѣтилъ его высочество внизу лѣстницы, первый камерлакей или первый камергеръ? Но послѣ встрѣчи императоръ ввелъ своего гостя въ залъ, гдѣ находилась императрица съ своимъ дворомъ.

Вотъ и всѣ политическія новости Франціи за послѣдній мѣсяць. Важнѣе этихъ событій ничего не было. Даже нѣтъ возможности занести въ нашу лѣтопись какихъ-нибудь желаній, намѣреній, надеждъ. Ничего этого нѣтъ, а если и есть, то все молчитъ и не выступаетъ наружу, благодаря заведенному порядку. Кое-что происходитъ во внѣшней политикѣ, но корень, источникъ, центръ политики замочается въ головѣ императора; онъ конечно не даетъ никому отчета въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ, и потому французы не знаютъ, будетъ ли у нихъ завтра война, или перемиріе, или все останется такъ, какъ сегодня.

ГЕРМАНСКІЯ ДѢЛА

Роль совѣтъ перемѣнилась. Въ противоположность французскому спокойствію теперь Германія находится въ большомъ волненіи. Гессенскій вопросъ поставилъ на ноги всю германскую дипломатію, и миролюбивые, спокойные нѣмцы волнуются точно французы — встарину. Въ первый разъ со времени основанія германскаго союза военная сила собралась для защиты народа противъ вѣроломнаго правительства. Чтобы понять эту бурю, надо нѣсколько оглянуться назадъ: исторія очень интересная.

Нѣтъ никакой надобности вспоминать далекую старину и подвиги владѣтельныхъ особъ Гессенъ-Касселя. Начнемъ съ герцога Фридриха II, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, когда идеи человеколюбія и справедливости проникали уже всюду. Фридрихъ II имѣлъ блестящій дворъ, содержалъ огромное относительно объема своихъ владѣній войско и съ 1776 года до 1784 постоянно имѣлъ 22,000 солдатъ въ распоряженіи Англій, которая употребила это войско въ Америкѣ, для покоренія возставшей колоніи своей, образовавшей потомъ Соединенные-Штаты. По мнѣнію своего герцога нѣмецкіе люди отправлялись въ американскіе лѣса умирать за англійское дѣло. Теперь это уже не дѣлается, это уже невозможно; но въ прошломъ столѣтіи это дѣлалось зачастую. За свои послуги герцогъ получилъ отъ англійскаго правительства около 80 миліоновъ франковъ. Народъ конечно помнитъ это очень хорошо. Его преемникъ Вильгельмъ IX принималъ участіе въ первыхъ войнахъ противъ французской революціи и въ 1803 году былъ возведенъ въ званіе курфюрста и тогда перемѣнилъ свою цюру: сталъ называться Вильгельмомъ I. Послѣ сраженія при Іенѣ Наполеонъ, недовольный двусмысленною ролью, которую разыгрывалъ курфюрстъ, приказалъ занять его столицу Кассель французскимъ отрядомъ, а тильзитскимъ миромъ курфюрстъ гессенъ-кассельскій вычеркнуть изъ списка государей: его владѣнія присоединены къ вестфальскому королевству.

Черезъ семь лѣтъ, въ концѣ 1813 года, курфюрстъ Вильгельмъ I возвратился въ свое государство. Ему непременно хотѣлось вовсе выкинуть эти семь лѣтъ изъ исторіи, изъ природы, изъ дѣйствительности, и потому онъ рѣшалъ — не признавать никакой законности въ законодательныхъ, политическихъ и административныхъ актахъ за все то время, когда Гессенъ-Кассель принадлежалъ къ вестфальскому королевству. Отъ этого въ частныхъ отношеніяхъ гражданъ возникло множество тяжбъ, процессовъ, особенно не позво-

ду совершенныхъ въ теченіе семи лѣтъ продажъ и покупокъ земель. Многіе изъ процессовъ не кончены и до сихъ поръ : дѣйствительность не соглашается быть вычеркнутою.

Въ своемъ крѣпкомъ пристрастіи къ старымъ формамъ курфирсть даже возвратилъ своему войску мундиры того покроя, каіе были до войны революціи : на три угла загнутую шляпу, косу и пудру на волосахъ. Возстановлены были и палки при обученіи солдатъ *пріемамъ*. Восходя снова на тронъ своихъ *иредковъ*, курфирсть горжественнымъ манерствомъ общалъ своимъ подданнымъ *возвратитъ* ииъ собранія государственныхъ чиновъ, какъ было до 1806 года, но съ уничтоженіемъ всѣхъ вольностей и привилегій, которыя устанавлились при старинномъ порядкѣ вещей. Дѣйствительно, въ 1815 и 1816 годахъ собирались государственныя чины. Тогда было повѣтріе на дарованіе конституцій; курфирсть хотѣлъ также дать свою, и назначалъ комиссію важныхъ чиновниковъ, для сочиненія уставной грамоты. Сочиненіе это было уже совершенно готово и утверждено, какъ вдругъ курфирсть замѣтилъ, что государственныя чины выказываютъ поползновеніе къ независимости по поводу вопроса о финансахъ, и потому объявилъ, что конституціи ииъ никакой не будетъ. Вмѣсто нея въ 1817 году онъ издалъ нѣчто вродѣ органическаго статута, отрывки изъ выработанной конституціи, но государственныхъ чиновъ не созывалъ, собиралъ подати и выдавалъ законы безъ нихъ. Смерть его въ 1821 году не измѣнила положенія дѣлъ. Его сынъ и преемникъ Вильгельмъ II увеличилъ число чиновниковъ, увеличилъ расходы и сдѣлалъ себѣ множество задулней. Общественное мнѣніе было возмущено между прочимъ и связью курфирста съ графинею фонъ-Рейхенбахъ, и въ сентябрѣ 1830 года, когда курфирсть съ графиней возвращались въ Кассель, свою столицу, вспыхнуло маленькое возстаніе. Потомъ возстаніе приняло такіе размѣры, что власти вынуждены были предоставить гражданамъ устроить изъ среды себя гражданскую стражу, чтобы возстановить порядокъ на улицахъ и спокойствіе въ домахъ. Подобныя беспорядки были и въ другихъ городахъ, такъ что произошло маленькое подобіе революціи. Курфирсть понималъ, что одно спасеніе — въ конституціи. Составленная и подписанная имъ тогда грамота была въ высшей степени монархическая, однако чѣмъ не менше онъ былъ сердитъ на своихъ подданныхъ, и чтобы наказать ихъ всѣхъ, онъ рѣшился впредь не жить *съ своимъ добромъ* городѣ Кассель, котораго населеніе все-таки было непріязненно къ его тронинѣ фонъ-Рейхенбахъ. Жители Касселя не очень печались о *степутѣннѣ* своего курфирста; но холъ дѣлъ значительно *заменялся* отъ того, что государь не жаль въ томъ городѣ, гдѣ

пожились всѣ центральныя и высшія власти. Поэтому курфюрстъ былъ приглашонъ вернуться въ свою столицу. Но безъ графини онъ не хотѣлъ жить, а графиня сдѣлалась предметомъ общей ненависти и общаго презрѣнія, такъ что кратковременное пребываніе ея въ загородномъ дворцѣ близъ Касселя вызвало самыя оскорбительныя уличныя демонстраціи, вродѣ тѣхъ, которыя изучаются теперь въ парижской полицейской префектурѣ. Вслѣдствіе этого курфюрстъ рѣшился объявить своего сына соправителемъ и раздѣлить съ нимъ верховную власть до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ жить въ столицѣ. Манифестъ объ этихъ распоряженіяхъ и о нѣсколько большихъ правахъ гражданъ обнародованъ былъ 30 сентября 1831 года, а черезъ недѣлю принцъ-соправитель торжественно вѣхалъ въ Кассель. Само собою разумѣется, что вечеромъ городъ былъ блистательно иллюминированъ. Можно было думать, что полъ вліаніемъ новыхъ учреждений правительственныхъ дѣла пойдутъ легко и правильно. Ничуть не бывало. Власть, дѣлая уступки, соглашалась опредѣлить границы своихъ правъ, соглашалась отдавать странѣ отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ, никогда не поступала добросовѣстно. Конституція въ ея глазахъ была клочкомъ ничега незначащей бумаги, которой смыслъ и значеніе можно было толковать какъ угодно. Страна, напротивъ, серьезно смотрѣла на конституцію, какъ она ни была неудовлетворительна. Отъ этого тотчасъ же начались столкновенія между правительствомъ и парламентомъ. На-бѣду еще принцъ-соправитель женился морганатически на женѣ прусскаго поручика Лемана, купивъ согласіе мужа на разводъ. Парламентъ очень огорчился этимъ, и его отношенія къ правительству сдѣлались хуже: образовалась дѣятельная оппозиція. Борьба завязалась по поводу годовой смѣты, общественныхъ расходовъ, какъ это всегда бываетъ въ государствахъ конституціонныхъ. Министръ Гессенфолгъ въ 1833 году былъ подвергнутъ формальному обвиненію за то, что опоздалъ созвать третій сеймъ. Въ отвѣтъ на эту рѣшительную мѣру парламента собраніе было распущено правительствомъ. Слѣдующее собраніе опять обвинило министра, но верховный судъ оправдалъ его. Съ 1834 года до 1847 въ исторіи Гессенъ-Касселя однообразно повторяется одно и то же. Съ одной стороны власть дѣлаетъ что хочетъ, не стѣсняясь въ случаѣ нужды поступить вопреки конституціи, упрямо держитъ министровъ, явно невидимыхъ, и тратитъ денегъ какъ можно больше; съ другой стороны парламентъ борется противъ беззаконій власти, противъ злоупотребленій и безумныхъ тратъ: народъ все это видитъ, платитъ огромныя подати — и поневолѣ молчать, раздавленный нуждою.

Въ концѣ 1847 года курфирстъ Вильгельмъ II умеръ, и мѣсто его вступилъ соправитель, 'подъ именемъ Фридриха-Вильгельма I.

Министры никакъ не могли согласиться съ парламентомъ по денежнымъ дѣламъ. Такъ въ началѣ 1848 года они требовали на придворные расходы громадную сумму, чуть не треть всего государственнаго сбора. Палата не согласилась платить столько. Тогда прикавомъ 22 февраля 1848 года палата была распущена подъ тѣмъ предлогомъ, что она бунтуетъ. Но черезъ два дни послѣ того произошла въ Парижѣ февральская революція, и вся Германія вспыхнула. Всѣ маленькіе германскіе владѣтели подписали акты разныхъ уступокъ. Фридрихъ-Вильгельмъ I уничтожилъ цензуру газетъ и журналовъ, а черезъ пять дней принялъ либеральное министерство. Парламентъ, распущенный 22 февраля, снова началъ свои засѣданія 13 марта. Составъ его пополнился депутатами, которые сначала не были допускаемы правительствомъ. Это собраніе тотчасъ постановило рядъ органическихъ законовъ, соотвѣтственно тогдашнимъ обстоятельствамъ. Министерство принуждено было бороться уже не съ парламентомъ, а съ курфирстомъ, который послѣ перваго движенія уже сталъ жалѣть о одѣланныхъ уступкахъ. Однакоже 1848 годъ и слѣдующій прошли настолько мирно, сколько это было возможно среди общаго раздраженія нѣмецкихъ умовъ по случаю успѣховъ германской революціи и стремленія къ единству. Но въ 1850 году повсюду началась реакція, поворотъ на старый ладъ, вслѣдствіе ошибокъ и преувеличеній людей, ставшихъ во главѣ прогресса и свободы. 22 февраля курфирстъ безъ церемоніи прогналъ свое либеральное министерство и составилъ новое, подъ предсѣдательствомъ того же Гассенфелуга, отца всякой реакціи.

Этотъ Гассенфелугъ сначала хотѣлъ обмануть парламентъ довольно умѣренной программой; но собраніе не далось въ обманъ и отвѣчало единогласнымъ выраженіемъ недовѣрія, послѣ чего палата была распущена. Вновь созванная, она тотчасъ опять была распущена, опять созвана, опять разогнана, и 12 сентября 1850 года вся страна объявлена въ *осадномъ положеніи*, за то только, что народные представители не соглашались платить громадныхъ придворныхъ смѣтъ. Генералу Бауэру, главнокомандующему гессенскими войсками, дана была неограниченная власть распоразжаться усмиреніемъ бунта. Очевиднымъ образомъ Гассенфелугъ дѣйствовалъ незаконно противъ народа; но народъ, несмотря на вызовы, оставался спокоенъ. Но довольно было малѣйшей искры, чтобы произвести взрывъ и пожаръ; такъ общее положеніе было натянуто. Въ такихъ обстоятельствахъ пе-

стоянный комитетъ парламента обвинилъ министровъ, за нарушение конституціи, въ измѣнѣ отечеству. 13 сентября городъ Кассель съ великимъ удивленіемъ узналъ, что ночью курфирстъ и совѣтникъ его Гассенполугъ убѣжали въ Ганноверъ. Изъ своего прекраснаго замка курфирстъ и любимый его министръ хотѣли продолжать управленіе, для чего и опредѣлили на мѣсто отставленнаго генерала Бауэра — другого, генерала Гайнау, брата знаменитаго венгерскаго диктатора Гайнау, окончившаго свое достославное поприще въ лондонской пивоварнѣ Берклея и Черкинса. Но гессенскій братъ не былъ въ состояніи оправдать славу своей фамиліи. Напрасно уговаривалъ онъ своихъ офицеровъ оказать надлежащее усердіе и стрѣлять въ небооруженныхъ мирныхъ гражданъ, спокойно занимающихся своими дѣлами, зато что они злокозненнымъ образомъ не даютъ денегъ на ненужные расходы. Его воля разбилась о пассивное и законное сопротивленіе народа, и правительственное возстаніе противъ гражданъ обошлось безъ кровопролитія.

Оставалось только обратиться къ германскому сейму, который тогда только-что опять преобразовался на старыхъ основаніяхъ, какъ постановлено было на вѣнскомъ конгресѣ. Голосъ Гассенполуга былъ услышанъ. 1 ноября 1850 австрійско-баварскій корпусъ перешолъ гессенскую границу и занялъ городъ Ганау, а съ сѣвера вступилъ прусскій корпусъ и занялъ Кассель и Фульду. Тогда гессенское войско было обезоружено и распущено, свобода печати уничтожена и положено силою собирать налоги, на которые представители не соглашались. Когда обезоружена была и гражданская стража, а присутственныя мѣста были очищены отъ чиновниковъ, которые считали себя связанными присягою конституціи, курфирстъ торжественно вступилъ въ Кассель 27 декабря.

Несмотря на все это, народъ продолжалъ себя держать съ благороднымъ спокойствіемъ. Газеты цѣлой Европы, особливо англійскія, выражали чрезвычайное негодованіе. А правительство принимало свирѣпыя мѣры. Обыкновенные суды были замѣнены произволомъ иностранныхъ офицеровъ, и хотя конституція должна была считаться окончательно отмѣненною фактомъ насилія, однако законное сопротивленіе продолжалось; и когда правительство пропустило назначенный закономъ срокъ для созванія новаго парламента, постоянный парламентскій комитетъ опять объявилъ министра Гассенполуга измѣнникомъ и потребовалъ его къ суду. Затѣмъ комитетъ былъ арестованъ. Жители продолжали существовать внѣ законовъ. Къ реакціи политической присоединилась и религіозная нетерпимость: піетисты получили полнѣйшее вліяніе на всѣ дѣла религіи и народнаго просвѣщенія. Вслѣдствіе этого ничего нѣтъ удиви-

теднѣе, что изъ всей Германіи нигдѣ не было столько переселеній, сколько изъ курфиршества, гдѣ развилась страшная бѣдность вслѣдствіе расхоловъ на содержаніе австрійско-баварско-прусскихъ войскъ. Явилось множество политическихъ процессовъ, и самый вопіющій изъ нихъ былъ противъ четверыхъ членовъ постояннаго парламентскаго комитета; пятый успѣлъ выгнать. Всѣ четверо приговорены были къ тюремному заключенію на многіе годы. Наконецъ, чтобы привести дѣла нѣсколько въ порядокъ, франкфуртскій сеймъ постановленіемъ 27 марта 1852 года отмѣнилъ совершенно конституцію 1831 года со всеми дополненіями и измѣненіями 1848 и 1849 годовъ, и пригласилъ курфирста даровать новый *государственный законъ*. Онъ былъ данъ 13 апрѣля 1852 года.

По конституціи 1831 года была одна законодательная палата. Въ 1852 году положено, чтобы было ихъ двѣ: въ первой засѣдаютъ принцы владѣтельнаго дома, крупные собственники и старинное дворянство; вторая палата состоитъ изъ 16 крупныхъ собственниковъ, 16 городскихъ депутатовъ и 16 депутатовъ изъ крестьянъ. Чиновники (стало-быть и министры) отвѣтственны только въ такомъ случаѣ, когда дѣйствуютъ сами, безъ приказанія свыше. Обвиненіе чиновника въ нарушеніи конституціи можетъ быть произведено только съ согласія обѣихъ палатъ. Но на дѣлѣ верхняя палата всегда противорѣчитъ нижней, придерживаясь, по самому существу своему, стороны министерства.

Надо однакоже замѣтить, что вся эта исторія происходитъ на небольшомъ пространствѣ, на 166 квадратныхъ миляхъ, съ 726,000 жителей. Стало-быть это равняется нашему ямбургскому уѣзду съ половиною нарвскаго и съ населеніемъ нѣсколько болѣе псковской губерніи и значительно менѣе витебской. Страна эта богатая, плодородная, прекрасная, но сильно страдающая отъ постоянной распри власти съ народомъ. Въ послѣднее время происходитъ розгрышъ этой печальной исторіи.

До сихъ поръ, сколько разъ ни собирается была нижняя палата, всякій разъ оказывалось, что всѣ 48 членовъ или наибольшая ихъ часть несогласна разрушать конституцію и дѣлать отъ нея отступленія. Очень точно рассчитывая, сколько страна можетъ издерживать на свои правительственныя нужды, палата не соглашалась на чрезмѣрные расходы. За это правительство палату распускало, но въ постановленный конституціею срокъ почти всегда созывало ее снова, чтобы вытребовать согласіе на выборы. По поводу несогласія палата снова распускалась, и такъ продолжалось постоянно, а деньги собирались насильно, причемъ не обращалось вниманія на то, что народъ вовсе несогласенъ со всѣмъ существующимъ парла-

комъ. Нынѣше предстояли опять выборы во вторую палату. Чтобы избиратели опять не прислали такихъ непокорныхъ депутатовъ, курфирстъ выдалъ декретъ 26 апрѣля, которымъ повелѣвается, чтобы всякій избиратель и каждый избранный заранее отказался отъ всякихъ притязаній и заранее призналъ законность законовъ, издаваемыхъ для ограниченія и искаженія конституціи. Такимъ образомъ самые выборы сдѣлались невозможны, потому что избиратели постоянно имѣли въ виду законность, и никакъ не хотѣли разстаться съ своимъ правомъ протестовать противъ самовласти министровъ и требовать законности. Но перель тѣмъ еще, именно 8 марта, австрійское и прусское правительства предлагали курфирсту обратить его милостивое вниманіе на пламенные и законныя желанія его подданныхъ. Декретъ 26 апрѣля былъ со стороны курфирста презрительнымъ отвѣтомъ на желанія великихъ германскихъ державъ. Затѣмъ избиратели послали франкфуртскому сейму адресъ, въ которомъ съ твердостью и почтительно объявили, что они не могутъ и ни въ какомъ случаѣ не согласны сообразоваться съ декретомъ, окончательно отрицающимъ у конституціи всякій смыслъ, а будутъ придерживаться основныхъ правъ своихъ, основанныхъ на конституціи 5 января 1831 года.

Властью этого Пруссія вступила въ переговоры съ Австріей и другими германскими державами, чтобы вызвать на франкфуртскомъ сеймѣ рѣшительный приговоръ противъ самовласти гессенскаго министерства. А между тѣмъ на представленія сейма о необходимости обратиться съ подданными нѣсколько снисходительнѣе и впредь до дальнѣйшихъ распоряженій приостановить выборы, гессенское правительство отвѣчало насмѣшкой, ссылаясь на законность, которую попирало много лѣтъ сряду. Оно писало, что очень радо принять въ соображеніе общее предложеніе Австріи и Пруссіи, но теперь пока не можетъ еще помять бушности предложеній обонхъ кабинетовъ.

Собственно говоря, намѣренія кабинетовъ понять было мудрено. Немногимъ болѣе одиннадцати лѣтъ передъ тѣмъ австрійско-баварско-пруссія войска поспѣшили на помощь вѣгъхавшему изъ Гессена курфирсту, притиснули мирныя населенія, разорили ихъ постоянныя, ввели порядокъ, разыграли чисто-полицейскую роль. А теперь, когда обстоятельства нѣсколько не перемѣнились, когда точно такъ же народъ несогласенъ на мѣры, предпринимаемыя правительствомъ, мѣры совершенно въ духѣ 1850 года, кабинеты идутъ на помощь не курфирсту, а народу. Это вовсе неповѣтно. Почему же такая перемѣна, когда самъ курфирстъ не перемѣнился нѣсколько и даже не замѣтилъ, что самое время перемѣнилось, что прошлое

прошло невозвратно и наступило другое, совсемъ новое время! Самъ прусскій король сдѣлалъ уступки общественному мнѣнію, само австрійское правительство даровало конституцію. Какова эта конституція — это другой вопросъ; но она дана, существуетъ.

Для предупрежденія такого безпорядка, который вдобавокъ еще имѣетъ непріятное свойство быть заразительнымъ, Пруссія и Австрія приняли рѣшительныя мѣры, чтобы гессенское правительство непремѣнно прекратило выборы. Пруссія придвинула къ Гессену два корпуса своихъ войскъ. Курфюрстъ отиѣнилъ свой декретъ 26 апрѣля. Но этого мало, и этимъ дѣло не кончилось. Въ этой исторіи задѣто еще самолюбіе, и потому — будетъ продолженіе.

Прусское правительство послало генерала Виллизена съ письмомъ прусскаго короля къ курфюрсту. Сначала курфюрстъ рѣшительно отказался принять генерала, и только вечеромъ, по совѣщаніи съ министрами, принялъ его, взялъ изъ рукъ его письмо, и нераспечатывая отложилъ его въ сторону. Такое неуваженіе къ посланному заставило генерала Виллизена требовать удовлетворенія: немедленно онъ требовалъ втеченіе 24 часовъ новой аудіенціи, росписки въ полученіи королевскаго письма и отставки министровъ. Генералъ не получивъ этихъ удовлетвореній, и потому гессенскій посланникъ вызванъ изъ Берлина, а прусскій въ Кассель получилъ приказаніе воротиться въ Берлинъ.

Ясно, что продолженіе будетъ.

Это происшествіе, повидимому весьма незначительное, будетъ имѣть однако весьма важныя послѣдствія. Пруссія и Австрія дѣйствовали вмѣстѣ въ либеральномъ направленіи, вступились за народъ, приняли мѣры противъ притѣснителей. Дѣйствуя такъ благородно по отношенію къ чужому народу, эти правительства конечно будутъ точно такъ же благородно поступать и въ отношеніи къ своимъ подданнымъ. Исторія гессенскаго курфюршества отразится на всѣхъ слѣдующія дѣла въ Германіи.

19 мая открытъ прусскій парламентъ рѣчью президента совѣта. Эта до вѣкоторой степени тронная рѣчь поясняетъ уступки, сдѣланныя правительствомъ на всѣ тѣ требованія, какія заявлены были прогрессистскою партіею расширенной палаты. Только невзвѣстно зачѣмъ въ концѣ рѣчи говорится, что правительство не дастъ себѣ одолѣть перемѣчивымъ партіямъ и совѣстливо будетъ поддерживать права короны. Правда, что эти бесполезныя фразы смягчены потому еще тѣмъ, что правительство точно такъ же добросовѣстно будетъ поддерживать и конституціонныя права народного представительства. Дѣло состоитъ въ томъ, что ни въ одномъ конститу-

ціонномъ государствѣ представители не имѣютъ новодовѣ желать уменьшенія правъ короны, которая оберегается какъ прекраснѣйшее олицетвореніе всего государства, какъ фокусъ, въ которомъ скопляются всѣ лучи государственнаго блеска.

По окончаніи рѣчи собраніе три раза прокричало: «да здравствуетъ король!»

ИТАЛЬЯНСКІЯ ДѢЛА

Нѣкоторыя газеты рассказывали, будто король Викторъ-Эммануилъ, проѣздомъ въ Неаполь черезъ Геную, сказалъ, что «прежде истеченія половины 1862 года вѣчный городъ будетъ возвращенъ итальянцамъ». Другія газеты утверждаютъ, будто король сказалъ только, что «можно надѣяться на хорошее направленіе римскаго вопроса».

Первая фраза оживила надеждою всѣ итальянскія сердца; второй варьянтъ простужаетъ эту надежду, показывая, что дѣла попрежнему таянутся и близкаго разрѣшенія невидать. Французскія газеты отъ этого въ восторгѣ и тяжеловѣсно подшучиваютъ. «Имѣется какъ-видно — говорятъ онѣ — довольно значительная разница между этими двумя варьянтами.» Такъ умирающій отъ жажды въ степи путникъ, увидѣвъ въ миражѣ воду, оживляется надеждою, принимаетъ миражъ за дѣйствительность и уже падъется, что невыносимыя муки его кончились; но потомъ съ величайшею, раздирающею тоскою узнаетъ, что это онъ ошибся, что разгоряченное воображеніе нарисовало ему небывалую картину. Тутъ встрѣчается ему другой путникъ, сѣтый и напившійся, и ухмыляясь говорить: «Что, любезнѣйшій? померещилось? Какъ-видно есть значительная разница между тѣмъ, что есть и тѣмъ, что мерещится.»

Затѣмъ французскія газеты стараются подробно растолковать положеніе Франціи въ отношеніи къ Риму и Италіи, растолковать политику Луи-Наполеона. Великія ихъ усилія чрезвычайно забавны: имъ кажется, будто можно объяснить и какимъ-нибудь образомъ истолковать проявленіе силы иначе, какъ сущностью самой этой силы. «Франція — говорятъ газеты — не отиѣчаетъ за политику Пьемонта; она не одобряла ее ниразу со времени вила-Франкскаго мира; но Франція совѣтовала итальянской революціи требовать себѣ Рима, какъ столицы (будто можно совѣтовать или не совѣтовать кому-нибудь считать свою голову своею головою), и никогда не обѣщала этой столицы. Впродолженіе четырнадцати лѣтъ французское знамя покровительствуетъ въ Римѣ свѣтскую власть папы, и цѣль этого покровительства — примиреніе папы съ

королемъ Викторомъ-Эммануиломъ. Но еслибы французскія войска вышли изъ Рима, то это значить, что она отдали бы Виктору-Эммануилу то, что отняли бы насильно у папы. Развѣ это было бы примиреніе? Согласится ли Франція разбить то, что оберегала четырнадцать лѣтъ, разбить вѣковую власть, окруженную благочестивымъ ея уваженіемъ, чтобы увеличить владѣнія и силу державы, о которой императоръ сказалъ въ знаменитомъ письмѣ своемъ, что она дурно устроена, что ранѣе провозглашенія единства Италіи слѣдовало совершить соединеніе итальянцевъ? Правдоподобно ли, чтобы Франція согласилась опрокинуть римское правительство, какъ бы оно несовершенно ни было, чтобы поставить на его мѣсто другое правительство, признанное, но порицаемое точно такъ же? Приверженцы итальянскаго единства увѣряютъ, будто Римъ долженъ быть столицею Италіи для того, чтобы итальянское правительство могло укрѣпиться на твердыхъ основаніяхъ и имѣть дѣйствительное вліяніе на всю страну. Только въ Римѣ — говорятъ они — можетъ быть крѣпко связанъ узелъ единства. На это католичество отвѣчаетъ и Франція отвѣчала до сихъ поръ, что если Римъ необходимъ для прочнаго устройства королевства итальянскаго, то свѣтская власть папы необходима для римско-католической религіи, которой папа есть и долженъ оставаться верховнымъ и независимымъ главою; что интересы католичества выше интересовъ одной страны; что ежели наконецъ чувство единства такъ глубоко врѣзалось въ сердца всѣхъ итальянцевъ, то они могутъ избрать себѣ столицей другой городъ, не Римъ, потому что выбрали же они себѣ государя въ Туринѣ.»

Итальянскія газеты отвѣчаютъ на эти доводы на тысячу ладовъ. То является карикатура, въ которой изображенъ семейный совѣтъ: прекрасная дѣвушка, миссъ Италія, робко увѣряетъ, что она уже совершеннолѣтняя и желаетъ вступить во владѣніе своимъ свадебнымъ вѣнцомъ. Почтенный старикъ-опекунъ съ лицомъ Піа IX говоритъ, что онъ уже такъ давно носитъ этотъ драгоценный вѣнецъ, что привыкъ считать его своимъ, а на старости лѣтъ такъ трудно отставать отъ старыхъ привычекъ! Другой опекунъ, съ лицомъ императора Луи-Наполеона, говоритъ, что онъ никогда не совѣтовалъ миссъ Италія считать принадлежащей ей вѣнецъ своимъ. Третій, претендентъ, съ лицомъ Виктора-Эммануила, замѣчаетъ, что хотя опека и невыносима, но онъ готовъ подождать, хотя даже до тѣхъ поръ, пока миссъ Италія сама прогонитъ своихъ опекуновъ.

Но главнѣйшее возраженіе состоитъ въ томъ, что религіозныя убѣжденія всего католичества ни въ какомъ случаѣ не находятся въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что гдѣ-нибудь въ маленькомъ

городѣ близъ Рима, въ какой-нибудь Шалестринѣ или Чивитавеккии герольдичій не свѣтскій человекъ, а монахъ. Чтоже касается до независимости папы, то объ этомъ смѣшно теперь говорить, когда его поминутно оберегаютъ иноземные штыки, и безъ нихъ онъ ни минуты не усидитъ на мѣстѣ.

Что бы однакоже ни говорили ревностно-преданныя газеты, духъ времени неотразимо требуетъ своей дани. Главнокомандующій французскихъ войскъ въ Римѣ генералъ Гойонъ отозванъ въ Парижъ, а маркизъ де-Лавалеттъ уѣхалъ въ Римъ. Маркизъ, какъ извѣстно, пріѣхалъ въ Римъ съ какимъ-то невѣдомымъ для обыкновенныхъ смертныхъ порученіемъ императора Луи-Наполеона, а генералъ, совершенно покоренный клерикальнымъ вліяніемъ, противодѣйствовалъ переговорамъ, начатымъ маркизомъ. Изъ этого можно догадываться, что маркизу поручено было что-нибудь не особенно пріятное для клерикаловъ, стало-быть весьма пріятное для Италіи. Такимъ образомъ клерикальная партія получила жестокой толчокъ, и горько призадумавшись надъ своимъ пораженіемъ, въ тоже время не упала духомъ, а всячески старается противодѣйствовать новымъ стремленіямъ. Въ этомъ впрочемъ всегда заключалась главная задача ея жизни. Но что выйдетъ изъ этого перемѣщенія, велико ли окажется на дѣлѣ значеніе вызова изъ Рима генерала преланнаго папскому престолу для итальянскаго дѣла, это вовсе неизвѣстно, какъ неизвѣстны никому изъ смертныхъ намѣренія и планы, гнѣздящіяся въ головѣ Луи-Наполеона. Впрочемъ вѣстовщики увѣряютъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ не можетъ произойти въ Европѣ ничего особенно важнаго, потому что весна прошла, время года позднее, когда его величество обыкновенно отдыхаетъ отъ государственныхъ трудовъ и заботъ, живетъ въ Біарицѣ или въ Вици; помышляетъ только объ укрѣпленіи своего, впрочемъ не слабого; здоровья. Стало-быть Италія тоже можетъ успокоиться, отложить свои надежды и не ждать никакихъ перемѣнъ покрайней-мѣрѣ до осени.

Изъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ въ послѣднее время въ Италіи, первое мѣсто занимаетъ присоединеніе прежнихъ волонтеровъ къ регулярному войску и контрактъ на постройку желѣзныхъ дорогъ. Остальныя событія принадлежатъ болѣе къ разряду торжественныхъ представленій, которыя однакоже занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто въ администраціи всякаго народа, а тѣмъ болѣе народа южнаго, впечатлительнаго и восторженнаго, каковы итальянцы.

Король Викторъ-Эммануилъ предпринялъ поѣздки въ южныя провинціи королевства итальянскаго. Влекли его туда не дѣла, а це-

обходимость только показать, вызвать своимъ присутвіемъ нѣсколько патріотическихкихъ возгласовъ и такимъ образомъ подновить чувства вѣрнопопданничества и стремленіе къ единству Італіи.

Короля ожидали въ Неаполь къ тремъ часамъ, 28 апрѣля, но уже съ утра народъ толпился по набережнымъ и прилежно смотрѣлъ на ясно-синее море. Вода близъ берега сплошь покрыта была лодками. Въ четыре часа пушка возвѣстила прибытіе королевскаго парохода, и въ тоже время на берегу раздался восторженный возгласъ, состоявшій изъ трехсотъ тысячъ криковъ. Король вышелъ на берегъ въ сопровожденіи г. Ратацци, генерала Ламармора, адмирала Персано и свиты. Синдикъ Неаполя сказалъ привѣтственную рѣчь, король отвѣтилъ на нее нѣсколькими словами, на которыя отвѣчали безчисленные восторженные клики. По всей дорогѣ короля ко дворцу народъ стоялъ на улицѣ, въ окнахъ, на балконахъ, на крышахъ, и провожалъ криками торжественный поѣздъ. Цвѣты сыпались изъ оконъ, дамы махали платками, и слышалось только: «да здравствуетъ король! да здравствуетъ Викторъ-Эммануилъ!» Другихъ кликовъ не было.

И весьма достойно замѣчанія, что полумиллионное населеніе Неаполя, обожающее своего народнаго героя, спасителя и избавителя, выразу не крикнуло: «да здравствуетъ Гарибальди!» Народъ понялъ, что въ присутствіи короля возглашать другое имя было бы почти невѣжливо, или можетъ-быть этимъ воздержаніемъ онъ выражалъ покорность волѣ своего бывшаго диктатора.

Во дворцѣ король вышелъ на балконъ, и передъ нимъ торжественнымъ маршемъ прошла гражданская стража, превосходнымъ образомъ вооруженная, числомъ до пятнадцати тысячъ. Затѣмъ прошелъ неаполитанскій гарнизонъ съ военною школою впереди, а потомъ шли сардинскіе берсальеры, особенно отличившіеся истребленіемъ разбойничьихъ шаяекъ. Замѣчательно, что этотъ отрядъ, который отличается весьма воинственнымъ видомъ, былъ встречаемъ и провожаемъ рукоплесканіями и криками: браво! Пусть говорятъ что хотятъ противники итальянскаго единства, а жители Венеціи никогда еще не аплодировали австрійскимъ солдатамъ, хотя это тоже прекрасное войско. Выходить, что клерикалы сильно ошибаются, увѣрая, будто сардинское войско въ Неаполѣ играетъ ту же самую роль, что австрійцы въ Венеціи. Какъ-видно есть нѣкоторая разнища.

Вѣсть съ королемъ прибыла въ портъ французская эскадра, состоящая изъ девяти кораблей. Видъ этой морской силы произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на бурбонскую партію, которая съ

великою наивностью воображала, будто императоръ Луи-Наполеонъ къ ней благоволяетъ.

Все время пребыванія короля въ Неаполѣ было рядомъ праздниковъ, баловъ, иллюминацій. Къ дополненію торжествъ, съ королемъ былъ въ Неаполѣ весь дипломатическій корпусъ, посланники державъ, признающихъ итальянское королевство, именно представители Франціи, Англіи, Швеціи, Греціи, Португаліи, Бразиліи, Голландіи и Турціи. Французская эскадра особенно много заставила о себѣ говорить. Кромѣ того, что ея присутствіе доказывало сочувствіе императора французовъ къ итальянскому единству, она еще дала великолѣпное представленіе: образчикъ большого морского сраженія. Корабли двигались, пушки гремѣли, и менѣе нежели въ четверть часа было выпалено до пяти тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ и до десяти тысячъ ружейныхъ. Дѣло было вечеромъ, и въ концѣ маневровъ, когда уже смеркалось, французы, по обычной своей любезности, устроили маленькій сюрпризъ для зрителей, плотно наполнявшихъ набережную: вся эскадра въ одно мгновеніе освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями. На палубахъ, на марсахъ и на реяхъ разставлено было человѣкъ восемьдесятъ матросовъ, съ площадками, въ которыхъ горѣлъ бенгальскій огонь. Всѣ эти огни тысячу разъ отразились въ волнахъ спокойно волновавшагося моря, и все это вмѣстѣ составило зрѣлище такое великолѣпное, что десятки тысячъ зрителей принялись аплодировать, и эхо Позилипова грота еще разъ повторило эти рукоплесканія. Этотъ маленькій праздникъ обошелся Франціи покрайней-мѣрѣ въ 60,000 франковъ. Да еще наканунѣ король Викторъ Эммануилъ ѣздилъ съ визитомъ на французскій адмиральскій корабль. Тогда его прибытіе привѣтствовано было салютомъ въ 4800 пушечныхъ выстрѣловъ, которыя обошлись Франціи въ 48,000 франковъ, считая каждый выстрѣлъ по 10 франковъ. Вся канонада стоила болѣе ста тысячъ франковъ, стало-быть на нее пошло съ каждаго совершеннолѣтняго французскаго работника неболѣе полутора сантима, или по $\frac{1}{8}$ фунта хлѣба, а считая всѣ издержки этой эскадры — около $\frac{1}{4}$ фунта хлѣба. Надо признаться, что не слишкомъ дорого покупаютъ французы удовольствіе слышать, что на такомъ-то морѣ ихъ пушки гремѣли для удовольствія такого-то короля и его подданныхъ.

Суя по тому пріему, какой вездѣ дѣлался королю, можно заключить, — какъ доносить французскій посланникъ своему правительству, — что единство Италіи достигнуто и можетъ считаться совершившимся фактомъ. Что королю аплодировали бѣлыя перчатки и махали кружевные платки, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: всякій, кто знаетъ и понимаетъ дѣло, стоитъ за Виктор-Эммануила.

нула. Но можно было сомнѣваться въ народѣ. Можно было ожидать, что онъ выкажетъ оппозицію крикомъ очень легкимъ, привычнымъ, вовсе не возмутительнымъ, а такъ-сказать непокорнымъ: «да здравствуетъ Гарibaldi!» Правда, что вездѣ еще поютъ и играютъ обычный гимнъ Гарibaldi, но не въ видѣ оппозиціи, а просто потому, что онъ вошелъ уже въ привычки, въ натуру неаполитанцевъ. Король точно такъ же популяренъ. Онъ очень часто выѣзжаетъ въ коляскѣ, и всякій разъ его встрѣчаютъ и провожаютъ толпа народу. Своими руками онъ принимаетъ прошенія. Однажды разъ онъ даже всталъ въ коляскѣ и протянулъ руку за прошеніемъ, которое подавалось ему изъ-за четвертаго ряда людей, окружающихъ экипажъ. Это движеніе возбудило такой восторгъ, что толпа едва не задушила лошадей, запряженныхъ въ королевскую коляску. Теперь Викторъ-Эммануилъ смѣло можетъ сказать, что Италия слѣлана. Весь вопросъ только въ томъ, чтобы вывести изъ Рима враждебный Италіи гарнизонъ.

А папа кажется не думаетъ разрѣшать этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, хотя несомнѣннѣмъ веселъ и повидимому готовится къ чему-то неприятному. Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ папа уѣзжалъ въ Порто-Анціо и передъ отъѣздомъ принималъ множество разныхъ лицъ, домогавшихся чести быть ему представленными. Такъ какъ онъ очень торопился, то не могъ принимать надеждаго изъ посѣтителей отдѣльно, а принималъ группами, по шести или по семи человекъ. Послѣдняя изъ этихъ аудіенцій замѣчательна по одному обстоятельству, которое, по словамъ вѣстоисковъ, бросаетъ яркій свѣтъ на римскій вопросъ. Говоря съ нѣсколькими французами, которые очень извѣстны своею преданностью папѣ, онъ въ припадкѣ откровенности взялъ двоихъ изъ нихъ за руки и печально возвѣстивъ имъ, что «грядетъ часъ», намекая на переворотъ, который скоро долженъ совершиться. «Господь нашъ — сказалъ онъ еще — не провелъ ни одного дня своей жизни безъ страданій... И потому будемъ готовы всякую минуту, ибо не знаемъ ни дня, ни часа, въ онъже сынъ человѣческой придетъ.»—Эти слова и печальный видъ и вздохи, съ какими они были сказаны, до вѣкоторой степени подтверждаютъ слухи о скоромъ окончательномъ выѣздѣ папы изъ Рима. Замѣчено было еще, что въ эту поѣзду наизъ взялъ съ собою очень много вещей для личнаго своего ежедневнаго употребленія и множество драгоценностей. Кардиналъ Автонази обдумалъ уже все на случай прибытія въ Римъ Виктора-Эммануила: онъ немедленно отправится въ Венецію. Назначены уже и три кардинала, которымъ вѣрено будетъ управленіе въ отсутствіе папы. Это монсеньоръ Раушеръ, архіепископъ вѣвскій, монсеньоръ Визе-

манъ и еще одинъ монсеньоръ вѣмецкаго происхожденія. Но окружающіе папу не согласились еще между собою въ томъ, какимъ образомъ произойдетъ это бѣгство изъ Мекки въ Медину. Одни хотѣть, чтобы папа уѣхалъ тайкомъ, а другіе напротивъ требуютъ при этомъ большой пышности, торжественности и громаднаго престола.

А между тѣмъ, пока еще все это совершится, дѣла идутъ ономъ чередомъ, и въ день пасхи происходило обычное торжество благословенія съ балкона церкви св. Петра, послѣ обѣдни.

На огромной площади передъ церковью собрались всѣ крестыи изъ окрестностей Рима, всѣ жители вѣчнаго города и построенныя въ каре французскія и папскія войска, съ генералами и съ музыкой. Ровно въ полдень, когда назначено благословеніе, всѣ взоры обратились къ балкону. Сначала вынесли папскій шестиконечный крестъ, потомъ вынесли тиары, митры и прочія папскія регалии и расположили ихъ на балконѣ, потомъ вышли кардиналы, но два въ рядъ, мимоходомъ посмотрѣли на громадную массу народа и скрылись въ другую дверь. Наконецъ является папа. Въ это мгновеніе колокола замолкаютъ, пушки въ крѣпости перестаютъ гремятъ, вся толпа преклоняетъ колѣна и въ торжественномъ молчаніи принимаетъ папское благословеніе. Затѣмъ тотчасъ же въ замкѣ Сант-Анджело начинаютъ гремятъ пушки, колокола звонятъ во весь размахъ, военная музыка играетъ, а народъ, большой любитель всего театральнаго, кричитъ: «да здравствуетъ Пій IX!»

Послѣ того, 24 числа папа обозрѣвалъ лагерь своихъ зуавовъ. Его святѣйшество заходилъ въ палатки, а потомъ дѣлалъ смотръ. Церемониальнымъ маршемъ и другими маневрами и построениями зуавовъ командовалъ кардиналъ Меродъ: все было исполнено съ величайшею исправностью подъ начальствомъ генерала Канслера.

Если подумаешь, что папа есть, въ понятіяхъ католиковъ, представитель Христа на землѣ, глава религіи любви, прощенія, братства, а что зуавы отличаются свирѣпою храбростью и неумолимою жестокостью, то этотъ папскій смотръ по командѣ кардинала покажется какимъ-то дикимъ, нелѣпымъ, безтолковымъ сномъ, а вѣмецкій генералъ — домовымъ, который мучительно давить и душишь и не даетъ проснуться.

Франція разумѣется не можетъ дать погибнуть такимъ пріятнымъ воинственнымъ зачаткамъ, и вотъ 24 мая доставлена была въ Римъ нота французскаго министра иностранныхъ дѣлъ Тувенеля, въ которой сказано, что «Франція ничего не перемѣнитъ въ нынѣшнемъ положеніи римскаго вопроса и приглашаетъ папу имѣть болѣе довѣрія къ правительству императора Наполеона III.»

Казалось все шло хорошо. Италия была въ медовомъ мѣсяцѣ; король блаженствовалъ въ Неаполѣ, вкушая всю прелесть народныхъ восторговъ; министры, пріѣхавшіе тоже въ Неаполь, упражнялись въ сочиненіи разныхъ пріятныхъ проектовъ. Вдругъ надъ отдыхающимъ правительствомъ неожиданно разразился громъ.

Сдѣлалось извѣстнымъ, что готовится на сѣверѣ Італіи экспедиція волонтеровъ, собравшаяся за границу. Довосили также, что происходитъ тайный какой-то наборъ, что собирается оружіе. Въслѣдствіе подобныхъ слуховъ приняты были мѣры, чтобы предотвратить возможную бѣду. Въ Палаццоло 14 мая одинъ капитанъ королевскихъ карабинеровъ арестовалъ гг. Нулло и Амбшверн, бывшихъ офицеровъ южнаго волонтернаго войска, по подозрѣнію въ томъ, что они — начальники готовящейся экспедиціи. Въ слѣдующую ночь арестовано было еще пятьдесятъ четыре человѣка по тому же дѣлу въ Сарнико, на слѣдующій день еще тридцать человѣкъ въ Альцано Маджіоре. Всѣ арестованные составляли будтобы часть будущей колонны волонтеровъ. Полковникъ Нулло съ товарищами на время заперты были въ тюрьму въ Брешии и были поводомъ къ народной демонстраціи. Народъ хотѣлъ ворваться въ тюрьму и освободить заключенныхъ, а стража защищала входъ и наконецъ сдѣлала залпъ по толпѣ своихъ земляковъ. Трое было ранено, одинъ убитъ на мѣстѣ. Затѣмъ арестованныхъ свезли въ крѣпость Алессандрію, и началось судебное слѣдствіе. Пятнадцатаго же числа напечатанъ циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ къ префектамъ:

«Правительство узнало, что во многихъ частяхъ королевства многія лица дурно направленные дѣлаютъ военныя приготовленія и тайно набираютъ волонтеровъ для экспедиціи, которая по ихъ словамъ предпринимается съ согласія будтобы правительства. Для оправданія такого предпріятія выставляется впередъ имя, дорогое странѣ и высокоуважаемое правительствомъ, чтобы народъ считалъ, будтобы эта безумная попытка поднята и направлена имъ. Правительство имѣетъ полное право объявить, что знаменитый генералъ не принимаетъ никакого участія въ подобныхъ предпріятіяхъ, которыя поведутъ только къ тому, чтобы разстроить все что Италия до сихъ поръ приобрѣла своею мудростью.» Далѣе говорится, что префекты должны совѣтами, а въ случаѣ нужды и силою предотвращать подобныя попытки и внимательно слѣдить, чтобы онѣ не вторгались.

Только-что Гарибальди узналъ объ этихъ арестахъ, какъ пріѣхалъ въ Бергамо и потребовалъ, чтобы арестованные были освобождены. Но ему было наотрѣзъ отказано. Тогда онъ напечаталъ въ газетахъ за своею подписью такое письмо:

«Полковникъ Каттабени, храбрый офицеръ, покрытый благородными ранами, безупречнаго поведенія, арестованъ въ прошлую ночь безъ формальностей, требуемыхъ закономъ, и отвезенъ въ Миланъ какъ разбойникъ. Взываю къ странѣ! Если правительство обязано требовать уваженія къ справедливости, то оно также обязано уважать достоинство гражданъ, и, особенно тѣхъ, кто оказалъ услуги отечеству.»

Австрійскій императоръ, только-что пріѣхавшій въ Венецію на нѣсколько дней, поспѣшно выѣхалъ въ Вѣну.

Между тѣмъ аресты продолжались и семнадцатаго числа оставлено было до 180 человекъ. Гарибальди написалъ имъ слѣдующее письмо :

«Дорогіе друзья мои, совѣтую вамъ вести себя спокойно и уполномочиваю васъ сказать, что вы мною созваны были въ Бергамо. Я не сомнѣваюсь, что нація будетъ благодарна за вашъ патріотическій порывъ и ваше самоотверженіе. Кланяюсь вамъ всѣмъ. Весь вашъ на всю жизнь Осипъ Гарибальди.»

Затѣмъ Гарибальди возвратился въ Трескорре.

Національныя общества стрѣльбы въ цѣль закрыты. Въ Генуѣ былъ обыскъ въ помѣщеніи общества освобожденія и бумаги его забраны. Во Флоренціи забрано сорокъ четыре ящика ружей и произведено множество арестовъ. Король поспѣшно возвратился въ Туринъ, чтобы быть ближе къ мѣсту опасности. Министры вернулись тоже, и затѣмъ все обстоитъ благополучно.

Чѣмъ же это кончится? Знающіе характеръ Гарибальди знаютъ очень хорошо, что этотъ человекъ, по любви своей къ Италіи, уступитъ, не разгорячится, поживетъ еще на островѣ Капрерѣ и выждавъ удобную минуту, не остановится ни передъ чѣмъ, когда затѣетъ новый походъ на выручку Венеціи. Нынѣшняя неудавшаяся экспедиція очевидно затѣяна не имъ. Онъ знаетъ очень хорошо, что войско волонтеровъ должно освобождать Венецію не черезъ Тироль, а черезъ Герцеговину, Триепольное королевство и Венгрію. Тамъ успѣхъ его не подлежитъ никакому сомнѣнію.

МЕКСИКАНСКІЯ ДѢЛА

Тройной союзъ англо-испанско-французскій болѣе не существуетъ. Войско императора Наполеона III осталось въ Мексикѣ устроить престолъ для эрцгерцога Максимилиана, а войска англійское и испанское отправились восвояси. Это сдѣлано совершенно наперекоръ лондонской конвенціи; французы остались дѣйствовать только отъ себя, и предлогомъ своего нарушенія конвенціи взяли

необходимость будтобы оказать покровительство разнымъ мексиканскимъ выходцамъ вродѣ генерала Альмонте и подобныхъ ему людей, которые высадились въ Вера-Круцѣ съ явно провозглашаемымъ намѣреніемъ: уничтожить республику и устроить монархическій престолъ въ пользу эрцгерцога Максимилиана. 10 апрѣля французскіе уполномоченные объявили, что они впредь не будутъ вступать ни въ какіе переговоры съ правительствомъ президента Хуареца.

Испанскій главнокомандующій генералъ Примъ потребовалъ кораблей изъ Гаваны, чтобы везти назадъ свое войско. Но губернаторъ Гаваны отказалъ; тогда генералъ Примъ нанялъ купеческіе корабли. Англійскія войска уплыли на собственныхъ корабляхъ, и теперь французскіе орлы будутъ одни пожинать лавры: съ высоты мексиканскихъ снѣговыхъ горъ, какъ въ высоты пирамидъ, «сотни вѣковъ будутъ взирать на подвиги французовъ»; они тамъ покроются «чистѣйшею слзвой, проливая чистѣйшую свою кровь» и т. д., сообразно смыслу или безсмыслицѣ давно принятыхъ и освященныхъ частымъ употребленіемъ фразъ.

Затѣвна была мексиканская экспедиція подѣ прелогомъ покровительства англичанъ, испанцевъ и французовъ, торговавшихъ въ Мексикѣ. Предполагалось силою оружія вытребовать у мексиканскаго правительства вознагражденія за разныя потери, понесенныя подданными державъ, вступившихъ въ договоръ. А этимъ договоромъ обезпечивалось правильное употребленіе союзныхъ силъ, предѣтврещалось ихъ употребленіе въ смыслѣ честолюбія чьего бы то нибыло, или одной изъ державъ, или одной изъ политическихъ партій, существующихъ въ мексиканской республикѣ. Именно сказано было, что право получить вознагражденіе за разныя убытки отнюдь не можетъ быть предлогомъ для вмѣшательства въ устройство или въ администрацію Мексики. Англійское правительство очень твердо держится принципа невмѣшательства, особенно когда въ отступленіи отъ этого принципа пѣтъ прямыхъ, непосредственныхъ торговыхъ выгодъ. Такъ Англія не вмѣшалась въ итальянское дѣло; такъ она требовала вывода французскихъ войскъ изъ Сири; такъ въ сѣвероамериканской междоусобной войнѣ она не приняла никакого участія; такъ она поступила нынче и въ Мексикѣ. Въ Соледадѣ заключенъ былъ договоръ, которымъ правительство Хуареца обязалось въ непродолжительномъ времени исполнить требованіе союзниковъ. Затѣмъ оставалось только дожидаться исполненія, пожалуй невыходя изъ Мексики. Испанія и Англія не входили во внутреннія дѣла Мексики и выполняли такимъ образомъ лондонскую конвенцію съ точностью.

Но Франція поступила иначе: ея правительство не одобрило соледскаго договора, и взяло подъ свое покровительство, если только не спеціально для этой цѣли пригласило, генерала Альмонте съ роялистскими стремленіями. Мексиканское правительство отказалось вести переговоры съ уполномоченными союзныхъ державъ, прежде нежели генераль Альмонте и другіе эмигранты не будутъ высланы изъ страны, какъ явные и заклятые враги существующаго въ нихъ отечествѣ порядка. Англійскій и испанскій уполномоченные сочли это требованіе совершенно законнымъ, а французскіе отвергли его, такъ что изъ самаго отвѣта ихъ сдѣлалось ясно, что генераль Альмонте былъ ими приглашонъ. Въ такихъ обстоятельствахъ генераль Прииъ, испанскій уполномоченный, и г. Уайкъ, уполномоченный со стороны Англии, объявили французамъ, что они не могутъ принимать дальнѣйшаго участія въ общей экспедиціи. Французы остаются воевать одни. Они уже успѣли дать блестящее кавалерійское сраженіе и вступили въ Оризабу. Между тѣмъ въ Мексику уже вспыхнуло междоусобіе: монархическая партія признала генерала Альмонте своимъ главою; пять туземныхъ генераловъ объявили свою готовность ему повиноваться и уже напечатали манифестъ, которымъ они свергаютъ президента Хуареза; только-что французскія войска вступаютъ въ столицу, генераль Альмонте будетъ провозглашонъ временнымъ главою правительства, а потомъ, посредствомъ поголовной подачи голосовъ, будутъ окончательно определены желанія мексиканскаго народа. По всему видно, что планъ этотъ былъ въ Парижѣ задуманъ давно, и вѣтъ надобности сказывать, кто его авторъ.

Въ Монитерѣ напечатано письмо, которымъ пытаются оправдать принятыя мѣры, и покровительство генерала Альмонте объявляютъ тѣмъ, что *честь французскаго знамени* требуетъ, чтобы всѣ находящіеся подъ его защитою были оберегаемы какъ свои и отнять у него это покровительство нельзя безъ оскорбленія французскихъ орловъ. Но въ дѣйствительности честь Франціи вовсе не замѣшана въ этомъ вопросѣ, а если и замѣшана, то совершенно въ другомъ смыслѣ. При исполненіи ясно и точно обозначенныхъ условій конвенціи, честь великой державы требуетъ того, чтобы съ величайшею точностью держаться духа и буквы этой конвенціи. Положимъ, что Англія и Франція вступили бы въ союзъ съ точно опредѣленною цѣлью — получить напрямъ отъ Австріи удовлетвореніе за какіе-нибудь убытки, посредствомъ занятія Триеста союзнымъ корпусомъ. Съ какимъ чувствомъ во Франціи получено было бы извѣстіе, что англійское правительство пригласило Комута и Клаппу принять участіе въ экспедиціи, причемъ Англія стара-

лась бы о возведеніи на будущій венгерскій престолъ какого-нибудь изъ многихъ германскихъ принцевъ? Развѣ австрійское правительство не имѣло бы полнѣйшаго права отказаться отъ переговоровъ съ союзными уполномоченными до тѣхъ поръ, пока Кошутъ и Кланка не будутъ отосланы назадъ въ Англію? Въ случаѣ еслибы Англія отказалась исполнить такое благоразумное требованіе, развѣ представители Лув-Наполеона не имѣли бы права, не были бы обязаны бросить экспедицію, которая уже несоотвѣтствуетъ первоначальнымъ своимъ цѣлямъ? — Нѣчто совершенно подобное этому произошло нынѣ по отношенію къ Мексикѣ.

Когда французскіе уполномоченные говорятъ о существующемъ въ Мексикѣ правительствѣ какъ объ угнетающемъ меньшинствѣ; когда они указываютъ на насилія, къ которымъ тамъ прибѣгаютъ, чтобы задуть истинныя желанія страны и направленіе общественнаго мнѣнія; когда они объявляютъ сверхъ того, что воздерживаясь отъ враждебныхъ дѣйствій, они были бы участниками того угнетенія, подъ которымъ страдаетъ большинство мексиканскаго народа, — то все это отзывается схоластическими уловками, взъ-за которыхъ ясно видно намѣреніе бросить мечъ Франціи на политическіе вѣсы Мексики.

Всѣ европейскія газеты, кромѣ официальныхъ французскихъ и вѣнскихъ, возстаютъ противъ этого отступленія отъ лондонской конвенціи. Между прочимъ «Times» печатаетъ рядъ превосходныхъ статей о мексиканскихъ дѣлахъ. Вотъ одинъ отрывокъ.

«Франція вѣроятно думаетъ и о себѣ точно такъ же, какъ о Мексикѣ. Хотя она *ведетъ войну за идею*, однако вѣдь должно же быть, что если Франція жертвуетъ для Мексики французскими войсками и французскими деньгами, то она можетъ по справедливости рассчитывать на свои выгоды неменѣе того, какъ на славу предпріятія. Мы не оспориваемъ у нея этого права; напротивъ, желаемъ ей всевозможныхъ успѣховъ. Если французы 1862 года настолько отличаются отъ нынѣшнихъ же англичанъ, что смотрятъ на заграничныя побѣды и завоеванія съ удовольствіемъ и съ надеждой, то пусть наслаждаются. Занятіе Мексики французскими войсками будетъ конечно стоить денегъ Франціи, но зато оно можетъ-быть будетъ пріятно французскому народу, а всему остальному міру оно навѣрное будетъ выгодно.

«Въ Мексикѣ Франція можетъ сдѣлать чрезвычайно много добра, весьма мало рискуя сдѣлать вредъ, развѣ самой себѣ. Тамъ можетъ-быть придется уничтожить національность, прилупить свободу и перекричать народный голосъ; да это не бѣда: дѣлается же это теперь въ Италіи. Но мексиканцы показали чрезвычайную неспо-

способность управляться самимъ собою. Если имъ суждено когда-нибудь организовать въ государство, то ясно, что кто-нибудь долженъ это сдѣлать за нихъ, а сами они до этого никогда не добьются. Можно сказать, что такой конецъ всѣми считался неизбѣжнымъ, хотя соображенія выражались въ весьма различныхъ формахъ. Американцы знали очень хорошо, что Мексика никогда противъ нихъ не удержится; они рассчитывали, что ей выгодно будетъ присоединиться къ могущественной республикѣ. Испанцы тоже очень хорошо знали, что ихъ древняя колонія удобно можетъ быть взята, и горестъ, которая проглядываетъ въ словахъ генерала Прима происходитъ скорѣе отъ того, что Испанія была тутъ замѣщена, чѣмъ отъ его антипатіи къ предложенному разрѣшенію вопроса. Всѣ знали вѣроятно съ самаго начала, что если вся экспедиція была не пустая шутка, то она должна была кончиться вмѣшательствомъ какой-нибудь силы, для измѣненія желѣзною рукою всего положенія Мексики. Такъ какъ Франція была къ этому особенно расположена, то дѣло и досталось на ея долю, а такъ какъ Испаніи такимъ образомъ не оставалось ни мѣста, ни надежды, то испанцы и удалились.

«Ни къ чему не повели бы догадки относительно того, какъ пойдутъ дѣла далѣе, при новыхъ условіяхъ, и въ какой формѣ Франція получитъ вознагражденіе за свои жертвы и труды. Вопросъ о томъ, можетъ ли восшествіе австрійскаго принца на мексиканскій престолъ входить въ какія-нибудь европейскія политическія соображенія, или скорѣе французское вліяніе будетъ играть важнѣйшую роль въ будущемъ королевствѣ,—это задачи, которыя намъ разсматривать не любопытно. Мы готовы думать, что Франція рассчитываетъ на какое-нибудь равномѣрное вознагражденіе за свои издержки и усилія, не отрицаемъ справедливости подобныхъ расчетовъ и безъ опасеній смотримъ на результаты этого предпріятія. Если границы французской имперіи слишкомъ тѣсны для народной энергіи, то Мексика представляетъ прекрасное поле для ея употребленія. Торговля и цивилизація могутъ тамъ развиваться въ одно и тоже время, и всякій изучавшій Мексику за послѣднія тридцать лѣтъ согласится, что она тутъ не можетъ не выиграть. Мы сами такого труда не предпринемъ; но если нашимъ сосѣдямъ это удобно, то мы отъ души желаемъ имъ успѣха. Французское войско найдетъ несравненно лучшее и полезнѣйшее дѣло въ Мексикѣ, чѣмъ въ Римѣ.»

Газетъ «Times» и другимъ англійскимъ газетамъ очень легко подшучивать такимъ образомъ, но Франціи отъ этого не легче. Какъ-видно французамъ до нѣкоторой степени пріѣлась слава, за которую надо платить кровныя, трудовыя деньги, и уже очень многія газеты, именно не получающія денежнаго пособія отъ прави-

тельства, находятъ, что Франція очень удобно могла бы обойтись безъ мексиканскаго похода, который только-что начинается, а конца вездѣ ни ему, ни сопряженнымъ съ нимъ издержкамъ. Поговариваютъ даже, что министръ финансовъ Фульдъ выходитъ въ отставку, нежелая нести на себѣ нравственной отвѣтственности за полное разстройство сочиненной имъ смѣты расходовъ. А что смѣта разстроится, въ этомъ не сомнѣвается никто. Но французское правительство знаетъ очень хорошо, что весьма легко одолѣть растущее неудовольствіе посредствомъ пологрѣванья воинственнаго жара. Для этой цѣли помѣщаются въ газетахъ «преданныхъ» самыя цвѣтистыя описанія французскихъ подвиговъ. Напримѣръ первое сраженіе при Оризабѣ покрыло французское оружіе новымъ свѣтомъ славы, такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, какой и не снился ни Леониду при Термопилахъ, ни Эпаминонду при Мантинеѣ, ни Гарибальди при Капуѣ, ни одному изъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ полководцевъ. Французская кавалерія состояла изъ отряда африканскихъ егерей и небольшого отряда жандармовъ, всего около 300 человекъ. Передъ ними находилось болѣе 2000 хорошо вооруженныхъ всадниковъ, составляющихъ первую дивизію генерала Зарагоза. Непріятель занималъ равнину, закрывая собою входъ въ ущелье, ведущее къ городу Оризаба. Онъ имѣлъ — говорятъ французскія газеты — забавную претензію остановить наше мѣрное и твердое шествіе. Но наша кавалерія, которой нѣтъ равной въ мірѣ, бросилась съ быстротою и съ силою молніи въ атаку, и послѣ краткаго сраженія смяла непріятеля и проглотила его въ одинъ глотокъ, запивъ потомъ глоткомъ бургонскаго вина, которое съ такою любезностію предлагается нашими красавицами-маркитанками въ живописнѣйшихъ полувоенныхъ, полуженскихъ костюмахъ. Мы вступили въ городъ и были приняты жителями съ восторгомъ. Непозже 15 мая мы будемъ въ Мехико, въ столицѣ. Знамя наше, развѣвавшееся въ центральной Америкѣ, еще разъ покажетъ изумленному міру, что вездѣ, гдѣ только есть справедливое дѣло, тамъ за него стоитъ французское знамя; гдѣ только есть угнетенные, тамъ всегда имъ готова помощь французскихъ штыковъ; гдѣ только царитъ некая несправедливость — слышите! — карающій громъ! Это громъ французскихъ пушекъ.

Генералъ Альмонте дѣйствуетъ съ своей стороны. Онъ уже образовалъ кавалерійскій корпусъ почти въ шесть тысячъ человекъ. Подъ его начальство вступаютъ члены самыхъ богатыхъ, аристократическихкихъ и землевладѣльческихъ фамилій, всегда такъ преданныхъ монархическому началу. Надо надѣяться, что при помощи такихъ союзниковъ дѣло Франціи, дѣло порядка, дѣло законности, состоя-

ще къ разрушенію существующей власти и возстановленію другой, монархической, восторжествуетъ весьма скоро.

Но остава шутки, положеніе несчастной Мексики становится невыносимымъ; безпорядки со дня на день увеличиваются — отъ *кринолиновъ*. Это преувеличивающее, упругое и топорщащееся украшеніе женскаго костюма послужило поводомъ къ названію цѣлой политической партіи достаточныхъ людей, которыхъ средства позволяютъ жонамъ носить кринолины. Недавно въ провинціи Тамаулипасъ были выборы губернатора. Большинство голосовъ было въ пользу г. Серна, кандидата партіи рабочихъ, *рохо*. Выборъ былъ утвержденъ конгрессомъ и верховнымъ судилищемъ въ Мехико. Но партія *кринолиновъ* въ городѣ Матаморосъ стала утверждать, будто выборы были произведены неправильно, и не признала новаго губернатора. Съ обѣихъ сторонъ схватились за оружіе. Генералъ партіи *рохо*, Карвааль, явился съ двухтысячнымъ отрядомъ осаждать Матаморосъ. Съ обѣихъ сторонъ служились умиловительныя обѣды, съ просьбами оказать покровительство правдѣ и покаратъ вѣчестіе. Полялась кровь, и дѣло могло бы очень худо кончиться для *кринолиновъ*, еслибы одинъ изъ нихъ не догадался откопать старинную испанскую пушку, врытую гдѣ-то на площади вмѣсто столба. Тайно устроили нѣчто вродѣ лафета, положили пороху, нацпили пушку по горло картечью и стали ожидать нападенія. Дѣйствіе этой машины было самое рѣшительное: огромное количество мертвыхъ и раненыхъ осталось на мѣстѣ; нападающіе, никакъ не ожидавшіе пушечнаго выстрѣла, разбѣжались и не показывались болѣе. Криволины одержали побѣду, губернатора не признали; но партія *рохо*, говорятъ, намѣрена тоже гдѣ-то добыть себѣ пушку и выместить свое пораженіе.

Вотъ въ какомъ положеніи находятся Матаморосъ, и точно также вся Мексика. Трудно будетъ эрцгерцогу Максимилиану завести тамъ какіе-нибудь, хоть австрійскіе порядки.

СЪВВРО-АМЕРИКАНСКІЯ ДѢЛА

Рабовладѣльцы вездѣ разбиты. Свободные одолеваятъ и все подвигаются впередъ. Понятно, составляетъ ли это поводъ къ радости для цѣлаго человѣчества. Рабовладѣльцы разумѣется считаютъ свое дѣло правымъ, точно также какъ и свободные, и считаютъ себя вправѣ выражать благородное негодованіе на завоевательныя движенія свободныхъ. И дѣйствительно, съ рабовладѣльческой точки зрѣнія, негодованіе ихъ благородно. Вотъ наиримѣръ что пишетъ меръ города Новаго-Орлеана, когда рабвладѣ-

дѣльческія войска должны были удалиться и главнокомандующій свободныхъ потребовалъ сдачи города:

«Въ силу принятой нами рѣшимости для сохраненія жизни женщинъ и дѣтей, остающихся въ нашей столицѣ, генералъ Ловель вышелъ отсюда съ своими войсками, поручивъ мнѣ управление и охрану его чести. (?) Выѣстъ съ городскими старшинами я рассмотрѣлъ ваше требованіе сдать вамъ городъ безусловно и поднять на общественныхъ зданіяхъ флагъ Соединенныхъ—Штатовъ, опустивъ флагъ, теперь еще развѣвающійся на городской ратушѣ. Я обязалъ васъ отвѣчать сообразно съ чувствами моихъ довѣрителей и съ тѣмъ, что подсказываетъ мнѣ мое сердце въ нынѣшнихъ прискорныхъ и торжественныхъ обстоятельствахъ. Городъ не имѣетъ средствъ къ защитѣ; онъ вовсе не имѣетъ ни войскъ, ни оружія, при помощи которыхъ онъ могъ бы сопротивляться огромнымъ стоящимъ передъ нимъ силамъ. Я не солдатъ. У меня одна только власть — исполнять законы Новаго-Орлеана. Съ моей стороны было бы огромною опрометчивостью — вести въ бой войско, еслибъ у меня войско было. Еще менѣе того сумѣю я сдать городъ беззащитный, оставленный на произволъ вашихъ пушекъ и мортиръ. Въ такихъ обстоятельствахъ сдача города была бы ничего незначащею, бесполезною церемоніей. Городъ вашъ, вслѣдствіе силы вашей, а не по согласію его жителей. Вы и скажете, какая судьба насъ ожидаетъ. Чтоже касается до подвѣтія непринятаго нами флага, то позвольте вамъ сказать, что между нами не найдется ни одного человѣка, у котораго не отнялся бы и рука и сердце при мысли о подобномъ поступкѣ. Между здѣшнимъ населеніемъ, даже между самыми испорченными его членами, нѣтъ ни одного отступника, который рѣшился бы осквернить своею рукою священный символъ нашихъ желаній. (Надо замѣтить, что такая пышная фраза говорится—о чемъ же? О флагѣ невольничества, о символѣ презрѣнія къ половинѣ человѣческаго рода! Послѣ этого обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ благоговѣніемъ, съ извѣстной точки зрѣнія.) Вы выразили чувства, которыя могли бы принадлежать человѣку, сражающемуся за лучшее дѣло. Я увѣренъ, что источникъ этихъ чувствъ — природа, хотя заблуждающаяся, но благородная, и умѣю ихъ цѣнить. Занимая нашъ городъ, вы будете управлять народомъ храбрымъ, чувствительнымъ ко всему, что можетъ сколько-нибудь обкорбить его самоуваженіе. Прошу васъ осторожно обращаться съ его щекотливостью. То, въ чемъ я буду ручаться отъ имени народа, будетъ свято исполняемо. Вы можете положиться на честь этого народа, хотя не можете рассчитывать, чтобы онъ покорился незаслуживнымъ оскорбленіямъ. Короче сказать, прошу васъ понять хоро-

дичае, что послѣдствіе. Но если Орлеанъ хотѣлъ бы не полагаться на ваши силы, однако, онъ не дастъ себя въ объѣтъ людямъ извѣстную молчаливо, образомъ покладу на ваши, дамы въ милую гражданскую инаму опасности; онъ не будетъ также выносить людей, которые насильно будутъ напоминать ему, что онъ воевода, а вы — воевладельцы. Миръ можетъ быть сохраненъ, не прибѣгая къ мѣрамъ, которые отстранятъ а не буду въ состыканіи. Ваше величіе королю не переноситъ нашей приваги избранному нами правительству; но когда, обдумавши отринувъ нами правительству. Распространяете толки на нововозненіе, которое можетъ быть вытребовано, доблестными и доблестными.»

Подражая словамъ упрямаго мера; можно было бы сказать, что выраженные имъ чувства должны бы принадлежать человѣку, стоящему не за такое скверное дѣло, какъ рабоблажьничество. Подробности военныхъ дѣйствій для насъ весьма мало любопытны; во всѣхъ войнахъ, и въ этой, повторяется одно и то же: Люди стрѣляютъ въ людей, рѣжутъ людей, колютъ; ядра разбиваютъ головы, пули пробиваютъ грудь, ломаютъ кости. Смерть крови разносится въ жаркомъ воздухѣ, слышны стоны, топотъ лошадей заглушается артиллерійскою канонадой; народъ умираетъ, страдаетъ; тамъ лежатъ живой человѣкъ съ оторванной рукой и истекаетъ кровью; тамъ христіанинъ, спрятавшись за кустъ, старательно цѣлится изъ паразитнаго ружья, заряженного пулей. Во всемъ этомъ всего удивительнѣе то обстоятельство, что въ случаяхъ бѣгства съ поля сраженія, бѣгутъ не объ стороны, чтобы только не видѣть этихъ отвратительныхъ картинъ, чтобы только не быть въ нихъ дѣйствующими лицами.

Какъ было сказано, результаты таковы, что рабоблажьничество съ ея войскою сторонъ; множество городовъ ихъ восте, множество фортовъ, заводовъ; во многихъ мѣстахъ были кровопролитія, даже цѣлыя сраженія, въ которыхъ съ обѣихъ сторонъ было убито тысячами, десятинами тысячъ; потреблено множество людей, канонерскихъ лодокъ, мѣртвыхъ батарей. Устье Миссисипи, одна рѣка, находится въ свободныхъ рукахъ; рабоблажьники, сплотившись въ Шарлоттѣ, потребовали всѣ свои корабли и даже авиацию свои преславный Меримахъ, парадный корабль, налетѣли и сверху всѣхъ ихъ морскихъ силъ, которыхъ теперь уже и рѣчь. Со стороны отъсѣлены рабоблажьники съ своими канонерками. Но до сихъ поръ не думаютъ, по крайней мѣрѣ еще не думаютъ о сдѣлать. Вездѣ они искребаютъ, когда приходится отступать. Девять девять хлопка и сахарнаго тростника; хлопка они жгутъ, сахарный

несколько прослужить въ службу. Окутывающаго такого рода объявленія въ Вашингтонѣ, въ Нью-Йоркѣ-Орлеанѣ, въ Пересампѣ.

«... Для насъ единственно лучшее въ томъ отношеніи, какъ они ихъ возмощиваютъ. Рабочий классъ протестуетъ предложенію своему конгрессу сдѣлать военную службу обязательною для всѣхъ безъ исключенія свободныхъ гражданъ отъ 18 до 50 лѣтъ, способныхъ носить оружіе. Это повлечетъ за собою большую надобность въ солдатахъ. Свободные вопиютъ объ этомъ, что они больше не принимаютъ военной службы, потому что въ войска ихъ уже недостаетъ для войны, и война кончена».

Свободные продолжаютъ строить новые панцирные корабли, коммандуя придумывая новыя системы, новыя формы, выдѣлывая для дѣйствительной защиты своихъ и истребленія непріятеля. Теперь, въ Нью-Йоркѣ достраивается батарея Стененса, отъ которой ждутъ чудеса. Это корабль, одѣтый желѣзомъ, съ желѣзною съ стальнымъ наконечникомъ подводной шпорою, сплывшій въ водѣ до самой верхней палубы, такъ что на поверхности помѣщаются только дупки. Пушекъ отвѣтъ восемь, громаднѣйшаго калибра; одѣ сдѣланы изъ дубовыхъ желѣзными стѣнами. Но главная сила этого корабля заключается въ огромной силѣ его двигательной паровой машины, отъ которой получается скорость исключительная. Такого образомъ ударъ подводной шпорою въ подводную часть непріятельскаго корабля будетъ ужасенъ, причемъ сама батарея не пострадаетъ нисколько, благодаря прочному своему устройству и перегородкамъ, которыми она снабжена внутри. Двигатель состоитъ изъ пары цилиндровъ, помѣщенныхъ по бокамъ корабля, въ задней части его части. Паровая машина, приводящая въ движеніе этотъ корабль и составляющая тутъ не только двигательную, но и боевую силу, употребляетъ до 3.000 силъ. Это самая сильная паровая машина, какая только помѣщается на кораблѣ, и больше ея — одна только, принадлежавшая къ американскому изобрѣтателю Ловеллю или Грети-Хистеру.

Но несмотря на огромныя средства свободнаго выбора, несмотря на исключительную изобрѣтательность его, на неукротимую деятельность, невидящую ждавъ лишняго скорого окончанія войны. Свободный выборъ не жалится денегъ, жертвуетъ различными формами, не колеблется пропускать громадные капиталы, на которые очень исправно уплачиваются проценты, но до сихъ поръ еще не избавился отъ предрассудковъ, который не столько вредитъ войнѣ, сколько на многіе годы или нестройнейшій, если война кончится скоро, то затрудненія и непріятности будущаго продолжительна. Этотъ глупый предрассудокъ светитъ въ томъ, что Вашингтонскій конгрессъ до сихъ поръ еще уважаетъ права рабо-

для пользы пространства земли, которое там находится, а следовательно и для населения, и что не имело бы из себя столько неудобств, чтобы можно было образовывать там не сколько новых городов, на восточной стороне этой обширной шхры, прилагая к ним, удержавъ будто это рѣшительный, великий шагъ, разгнати дѣла будущихъ затруднений и т. д. Конечно изъ помощи какой-нибудь хорошаго, не это только полушхра или лучше сказать шхра, которая должна бы съ самаго начала войны быть распространена на всю Сибирь; на территории, которая такъ обширна и плодотворна.

ПОСЛАВАНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Въ Португаліи совершилось счастливое для страны событие: удачно кончилъ бракъ инфантъ палатъ, что былъ венгерскій принцъ, съ великой принцессой доми Маріа де-Гарсія, унаследовавшей отъ своего короля доми Фердинанда, герцога саксонскаго-кобургскаго. Инфантъ герцога принадлежалъ брату великаго герцога доми Педро Португалскаго великому герцогу сардинскому и великому герцогу Корды. Луисъ Фердинандъ 31 октября 1855 года сталъ быть ему тещей двадцать четыре года.

Будущимъ королевемъ португалскимъ — доми Виктория королева Бразиліа — и покойной королевы Антоніи португалскаго востришской, умершей въ 1855 году. Принцесса Марія-Гіа родилась 30 октября 1847 года, стала быстрой королевою двадцать летъ. Она последняя дитя принцессы Клотильды, супруги принца Франсиска. Такая образованная становится королевою, которую португалскаго и императорско-французскаго двора, у которыхъ одиночество безъ того не ходитъ уже въ родствѣ принцессы донны Антоніи, сестры короля доми Луиса I, и которая въ супружествѣ владѣла императорско-гогенцоллернско-саварингентинскою; который приходился братомъ (своимъ дѣтскимъ) императору Луиз-Филиппову.

Въ Испаніи для страны совершилось радостное событие: избранъ депутатомъ вообще отъ правительства кортеза, что императорско-королева повелѣла выступить въ дѣловый и послѣдній въ общественой обязанности и предлагаетъ находиться въ каждомъ изъ городовъ.

Въ Греціи случилось событие, которое можно бы считать ужаснымъ несчастіемъ, но къ счастью для страны, все кончилось благополучно. 28 апреля, въ 5 часовъ вечера, королева вышла изъ дворцоваго дворца одной придворной дамы, герцогини, которая въ легкой пачалышкѣ кончилась (обедъ — шашлыковой утѣры). Въ время этой

прогулки королева упала съ лошади и ушибла себя голову нелыше виска. Не потерявъ сознанія, ея величество встала и была отведена въ находившійся тутъ домъ сенатора Паксморди, гдѣ и была подана помощь, состоявшая изъ холодной воды. Причина паденія заключается въ томъ, что когда королева ѣхала крупною рысью, черезъ улицу переходило дитя. Въ высокомъ человѣколюбіи своемъ, королева, нежелая задавить ребенка, вдругъ остановила свою лошадь, но сама не удержалась изъ сѣдла и упала головой впередъ, на неправильную мостовую.

Одинъ англійскій журналъ *спорта*, о скачкахъ и охоты, пересказывая этотъ случай по другимъ газетамъ, увѣряетъ, что участь такинъ образомъ нѣтъ возможности, что когда приходится остановитъ лошадь, всадникъ садится напередъ лошади, этимъ уже инстинктивно направляется впередъ, что и заставляетъ лошадь остановиться, такъ что участь впередъ нѣтъ возможности, если только лошадь не остановится сама собою.

Что происходитъ въ Герцогствѣ — никакой нѣтъ возможности знать. По однимъ извѣстіямъ возстаніе христіанъ противъ мусульманъ совершенно подавлено; христіане, разбитые при Дугѣ и въ другихъ мѣстахъ, потеряли нѣсколько тысячъ убитыхъ и раненыхъ. Но другія извѣстія христіане вслѣдъ торжествуютъ, и турки, разбитые тоже при Дугѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ, потеряли несчитанное множество народа убитыхъ и раненыхъ, бѣгуна съ взоромъ. Въ то же время получается извѣстіе, что султаны слышать не хотятъ о самостоятельности Червогорца и даже Омеру-пашѣ строгое повелѣніе некоритъ червогорцевъ. Неправдоподобно, какинъ образомъ Омеру-паша возьмется за исполненіе повелѣнія.

Ослепленной вактанши извѣстія не очень блестящія. Говорятъ, что она далеко не такъ выгодна какъ персая, что предположъ она оставило гораздо больше, зато, величественной бываетъ следствие шее и веро больше. Французы надеются, что нѣтъ обещана имъ будетъ совершенно удачно.

впечатлѣнія — все такъ же имъ, какъ отрицательныя на Бодинахъ. Не-
доброе намъ назадъ тому жить, добить или уничтожить жить, или жить
ничего? Надо ожидать, что много? отъбожая подъ влияніемъ впечатлѣ-
ніемъ, они должны и погордиться также подъ влияніемъ! Не чуждыми
этого предположенія, желая имъ благополучнаго пути и благо-
пріятнаго возвращенія, мы будемъ съ историческимъ ожиданіемъ этого
возвращенія, въ надеждѣ услышать что-нибудь новое и непре-
клонное.

«Другое дѣяніе было у васъ... исключительно словесное, ли-
тературное. Это — шумный говоръ объ отрицателяхъ. Огнь домашній
былъ близокъ къ тропику по органической связи его съ домашнимъ
домашнимъ дѣломъ. Поводомъ къ нему, какъ боже сохранилъ языкъ
русскому, былъ романъ г. Тургенева, въ которомъ очень славно
описаны отрицатели. По значительности, по важности нововѣда, го-
воръ былъ конечно неизбѣженъ; но мы замѣтили одну странность:
и некоторые люди, видимо обрадовавшись нововѣду, нахмурились на от-
рицателей съ такимъ жаромъ, который только и свойственъ помы-
сливой радости. И вотъ какія внушительныя рѣчи между прочимъ
случилось намъ услышать среди излившей этой радости:

«Потребовалось одному хозяину каменнаго дома сдѣлать пере-
стройку. Вотъ онъ созвалъ своихъ соседей да пріятелей, и пообѣ-
щавъ имъ хорошее угощеніе, просилъ помочь сначала сломать ста-
рое зданіе, а потомъ выстроить на его мѣстѣ новое.

«Пріятели собрались и принялись за дѣло. Работа закончилась же-
ло. Только лопатъ, ивотъ замѣтили хозяину, что неслѣдуетъ разру-
шать домъ окончательно, что фундаментъ и въ некоторыхъ капитальныхъ
стѣнахъ очень крѣпки, могутъ войти въ составъ новаго дома; а пото-
му и неслѣдуетъ ихъ ломать. Хозяинъ посмотрѣлъ, увидѣвъ, что
пріятели правы, и поблагодарилъ ихъ за добрый совѣтъ.

«Окончивъ лопку всего, что можно было ломать, работники при-
нялись за постройку новаго дома и уже начали выводить стѣны...
какъ провѣдывалъ еще одна изъ приглашенныхъ пріятелей и зналъ,
что по всей стѣнѣ доломаны, началъ разбивать ломать первую, по-
торопившись ему.

«— Да! крикнулъ хозяинъ: — что ты, братецъ, такъ дѣлаешь?
Зачѣмъ ломаешь стѣну?

«— Да вѣдь ты же просилъ меня помочь разломать старую
домъ?

«— Просить-то просилъ, кто говоритъ что вѣтъ, такъ про-
силъ-то я раньше; а теперь, братецъ, ужъ нечего ломать — лучше
строить. Если не увидѣшь нашихъ вѣсть, такъ лучше уходи сюда; а
добраго вѣща наградѣ не порти.»

« Это видят ли признаком чуждым — как упрямство стариков при
 рей выйдутъ провозвѣстие... »

« Вы знаете великое широкое спучиваніе: иногда спучиваютъ, иногда
 другъ поводитъ поудобному доруку, по которой шила прядется
 сворачивается на другую... Народъ чувствуетъ необходимость
 чести и новую жизнь... Чтобы шила въ спучиваніи чуждого
 старому... »

« Являются люди, которые берутъ это на себя и начинаютъ ру-
 бить все что кажется имъ помѣхою на новомъ пути. Они начинаютъ
 бороться противъ старины противъ застарѣлыхъ привычекъ, но въ, убъ-
 жденіи; обычаевъ... они начинаютъ, т. е. отвергать многое старое,
 новое и все старое, и ничего не хотятъ признавать. Они про ушатомъ
 жить, сбрасываютъ; собираютъ, не оставивъ ничего живого и здо-
 ровья. Это — отрицатели или... катилиты. Это своего рода черъ
 порабочіе, которые бывають способны только на донку чего-нибудь
 стараго, но предъ созданіемъ новаго — они отступаютъ, благора-
 зушно оставая мѣсто дѣятельности другимъ. »

« Когда нигилисты воступаютъ такимъ образомъ, то они честные
 и умные люди... Но не всѣ нигилисты таковы. Между нигилистами
 бывають люди, которые не умѣютъ понять предѣла своей дѣятель-
 ности, или не хотятъ отступить отъ нея, потому что самолюбивѣ-
 шастъ. Ничая отрицать, они продолжаютъ отрицать безъ конца. »
 Эти упорные нигилисты, бывши въ свое время передовыми людьми,
 поху конецъ дѣлаютъ: оптимизми, потому что продолжаятъ свое
 отрицаніе въ то время какъ общество, отрянувъ что нужно было,
 начинаетъ уже постройку новаго... »

« Мы въ свое время бывашъ нигилистами, какъ видите
 еще все образованное Россіи выразило свое отрицательное са-
 прищеніе во многихъ сферахъ общественной жизни. Была отри-
 нута крѣпостное право; соловьямъ различіа и многое множество
 другихъ застарѣлыхъ болѣзней; а многое изъ втора было отрянуто
 изволеніе на дѣлахъ, но и на дѣль. Эти первыя и капитальныя фе-
 ридантны повенія за собой другія, которыя потянули за собою, такъ
 дѣла: Но дѣло въ томъ, что общество, удовлетворивъ главныя свои
 ошнны отрицательныя потребности, сейчасъ же обратилось
 въ продолженіе болѣе сложную жизнь всего стараго, и рѣшилось
 не-ше и отбавить, что наше крѣпостное и здоровыя въ народѣ. »
 Не забывайтесь еще совершенно отчужденность, которая можетъ
 быть вредною дѣлами, что однако нечувствительна необходимость
 рѣшить, отбавить, сбавить все... Нигилисты этого не замѣ-
 тили... »

« Странно, нравственно и научно дѣлать. Темъ значительнѣе, что »

не может быть различия в способностях у мужчин и женщин? Не было ли приращение их гениальности — И помню, и помню! ... Милостивый государь! отвечает автор: на эти вопросы никак не надо думать ни о том, что женщины не получают у нас никакого специального образования? Въ чемъ состоитъ до сих пор ихъ образование? — *bonnes-voies droit, parties français, les faites par de bruit, aller jouer au piano, faites bien la révérence.* ... Могу ли пойти на курсы университетское образование? .. Сколько леток у нас женщины, для которыхъ нужно и возможно университетское образование? ..

... Милостивый государь! позвольте мне себе ответить автору: никак! — да где вы слышали, кто вамъ сказалъ, что ходить женщинамъ невозможно университетское образование, ходить заниматься или слушать университетскія лекціи? Въ действительности только того, чтобы общественное мнѣніе не возмущалось чуждымъ мнѣніемъ, что женщина, почувствовавшая потребность высшего образования, придетъ въ университетъ и сядетъ на студенческую скамью; чтобы не смотрѣли на нее какъ на диковишку, не старались бы отъ нея какъ отъ проклятой. Не можете ли одной университетской женщины? Ну, на итъ и судя итъ; и выйдете какъ чуждая, дадите, — не выйдите на нихъ головой, не смотрите на нихъ подозрительно. Неужели жъ этого нельзя? О чемъ же вы жалуетесь? ..

Но въ мнѣніи автора записка и этого нельзя, потому что давай оу говорить о «собственной атмосферѣ», объ «особенной атмосфере» женщины и объ опасности, вследствие этого, для молодого человека «сидѣть подлѣ широкой криволины, задѣвая ее локтями». Ну, на этотъ пунктъ мы уже не дерзнемъ возражать, потому что о немъ можно спорить съ раннего вечера до пѣтуховъ, очень весело провести время, а спора все-таки не кончить; въ этомъ вопросе семь тысячъ лѣтъ отроду, и мы знаемъ еще только одно; столь же неразрѣшимый и столь же занимательный вопросъ: это о томъ, что прочее — любовь или дружба?

Въ приращеніи г. Главнаго редактора не говорится ни слова ни объ *атмосферѣ*; ни о широкой криволиней, но зато обращается особенное вниманіе на различіе между женскою и мужскою фигурой, между *женскіебностью* и *мужественностью*, какъ двумя элементами челоучества; и изъ этого различія, посредствомъ множества критическихъ положеній, выводится заключеніе, что «мужчина принадлежитъ въѣсть и духъ и техника науки; а женщина принадлежитъ преимущественно духу ея»; и что следовательно женщина должна не университету; гдѣ она расточила бы свое время. Въ

новой школы и во время существования сподвижниковъ и
 инициалъ бы дружны (должно быть широкою криволиною), а нубица-
 шая курсы особенныя, устроенныя, если угодно, съ нѣкимъ уни-
 верситетомъ; но въ первые часы и при соблюдении нѣкихъ условий.
 Непосредственно за этимъ выведомъ слѣдуетъ интереснѣйшее со-
 дѣаніе, именно: что «комиссія изъ профессоровъ, занятыхъ въ
 прошедшемъ году, по порученію правительства, изобрѣденію по-
 чина устава университетовъ, имѣла это въ виду и долагала услове-
 чить именно въ этомъ цѣлью особые курсы при университетахъ.»

Все это очень интересно, и женщины безъ сомнѣнія будутъ бла-
 гоприятны комиссіи за ея вниманіе къ нимъ. Если предложенныя ко-
 миссіей осуществятся, то конечно программы этихъ особенныхъ кур-
 совъ будутъ притворены въ условіямъ женственности, такъ что
 бы въ нихъ вошли только дуть науки, а именно: ея техника,
 эстетика, какъ мы сейчасъ видѣли, существованія обязанности
 женщины. Признаемся, мы очарованы этой мыслью: женщины те-
 лами образомъ будутъ одѣяны духомъ науки, который послужитъ
 имъ только утѣшеніемъ; преданъ же техника науки, какъ старая
 груба, нѣтъ, *umilovarska*, до нихъ не коснется, и останется ра-
 ботой *мужественности*... Конечно мы нехотимъ допускать
 мысль о ея редактора, нѣтъ подготавливать и еще одно нѣско-
 лько его примѣнанію, гдѣ онъ вопрошаетъ:

«Да ктожъ сомнѣвается въ правѣ женщины на высшее образо-
 ваніе? Но въ духѣ ли сознанія этого права у насъ устроены ея
 общественыя заведенія, гдѣ уму женщины предоставляются
 способы развиваться, совершенствоваться, удовлетворять стремле-
 ніямъ своимъ къ знанію?»

Если въ предлагаемыхъ особенныхъ курсахъ будутъ пред-
 ставлены такіе же способы развиваться, то и конечно! Всѣ должны
 быть довольны и счастливы. Г. главный редакторъ, дѣлая свое
 примѣчаніе, предоставляетъ себѣ разсмотрѣть въ послѣдствіи два от-
 носившіяся къ женскимъ вопросамъ, которые, по его выраженію, «го-
 раздо нужнѣе пустыхъ умствованій и разглагольствій объ эманци-
 пации или о допущеніи ея (женщины) въ число студентовъ и къ
 акмемамъ на званіе кандидатовъ, магистровъ и докторовъ всѣхъ
 наукъ». Эти вопросы суть: 1) «вопросъ о приращеніи системы вос-
 питанія женщины въ тѣснѣйшее соотвѣтствіе ея *магическимъ и*
будущимъ» (для этого конечно нужно прежде опредѣлить назна-
 ченію и будущность женщины, предметъ, о которомъ слѣдуетъ
 члѣвѣкъ можетъ говорить до безконечности); 2) «вопросъ объ
 открытіи для безсемейныхъ и цѣлующихъ женщинъ *источниковъ*
 груда, въ конѣ бы онъ могъ дочернать средства безблудаго су-

сулы, имѣють право *заступать мѣсто наследниковъ* отсутствующихъ, неспособныхъ или несовершеннолѣтнихъ, не дредѣляя особенныхъ на то документовъ. Для каждаго ясенъ смыслъ этого параграфа: консулы въ этихъ случаяхъ суть назначенные своимъ правительствомъ повѣренные наследниковъ, дѣйствующіе *отъ имени наследниковъ, заступающіе мѣсто наследниковъ*. Слѣдственно въ этомъ случаѣ консулы обязаны и вправѣ дозволить себѣ только то, что въ отношеніи къ имуществу Давелуи вправѣ были бы сдѣлать законные наследники его, еслибы таковые были налицо, никакъ не прикрываясь официализмомъ вѣземельности.

«По международному праву, иностранцы, пребывающіе временно на территоріи другого государства, подчиняются власти и законамъ сего послѣдняго. Законы же, дѣйствующіе въ Россіи, предоставляютъ наследникамъ, по обзорѣннн наследства, принять оное, или отказаться отъ него по несоразмѣрному обремененію его долгами; а затѣмъ въ первомъ случаѣ платить сполна всѣ долги умершаго, а во второмъ предоставить самое наследство на удовлетвореніе кредиторомъ. Поэтому консульство, избравъ для своихъ дѣйствій первый способъ, должно подчиниться и послѣдствіямъ такого образа дѣйствій, т. е. удовлетворить сполна долги Давелуи.

«Другого исхода этому дѣлу быть не должно, потомучто нельзя же согласиться съ требованіемъ консульства, дабы кредиторы Давелуи подчинились суду консульства; мы, русскіе, имѣемъ свои судебныя учрежденія, которыми вправѣ пользоваться, неприбѣгая у себя дома къ импровизированному судилищу иноземному, не спеціальному въ обсужденіи законности актовъ, правильности формы ихъ и содержанія; *locus regit actum*.

«Объяснивъ образъ воззрѣнн французскаго консула на свои обязанности и на право государственное и международное, а также указавъ на равнодушіе, съ какимъ первый департаментъ управы благочинія отнесся къ этому дѣлу, оставивъ мою просьбу безъ всякаго вниманія, мнѣ пріятно заявить, что надворный гражданскій сулъ не удовлетворился изъясненнымъ мною отвѣтомъ консула и вошелъ въ с. петербургское губернское правленіе въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1860 года съ представленіемъ о сношеніи съ кѣмъ слѣдуетъ, для возстановленія правильныхъ отношеній консульства къ дѣламъ подобнаго рода. Къ сожалѣнію губернское правленіе, сдѣлавъ на представленіи суда помѣту «къ дѣлу», оставило его втеченіе года безъ всякаго движенія. Почитаю своимъ долгомъ не умалчивать о семъ, потомучто отъ подобнаго бездѣйствія присутственныхъ мѣстъ (чиновники конхъ дають присягу — охранять государственные интересы), дѣлается ущербъ самой чести государства въ его между-

народныхъ сношеніяхъ , а иностранные консулы , не встрѣчая въ подобныхъ дѣйствіяхъ своихъ законнаго противодѣйствія , могутъ принять ихъ за обычай , который возволятъ затѣмъ въ оскорбительный для чести государства и вредный законъ.»

Очень желательно было бы услышать по этому дѣлу голосъ безпристрастныхъ юристовъ , къ которымъ обращается г. Сіальскій , а затѣмъ — узнать чѣмъ кончилось самое дѣло.

ществованія... Въ обществѣ — продолжаетъ авторъ — есть роды дѣятельности, которые по закоренѣлымъ обычаямъ принадлежать мужчинамъ, между тѣмъ какъ ихъ легко и съ честью могла бы исполнять женщина. Эти роды дѣятельности удобно могутъ быть выдѣлены изъ общей массы общественнаго труда и общественныхъ обязанностей и ввѣрены честности, уму и способностямъ женщины.»

Что эти вопросы гораздо нужнѣе пустыхъ разглагольствій; въ томъ никто не можетъ усомниться, и г. главный редакторъ, объщающій произнестъ о нихъ «подробныя сужденія», безъ сомнѣнія возьмется самъ выдѣлить изъ общей массы общественнаго труда извѣстные роды дѣятельности и ввѣрить ихъ честности, уму и способностямъ женщины. Ужъ конечно онъ въ состояніи будетъ немедленно привести въ исполненіе эту административную мѣру, благія послѣдствія которой будутъ неисчислимы. Ну, разумѣется тутъ не обойдется безъ нѣкоторой ломки, — да чтожъ дѣлать? въ виду благой цѣли позволительно дѣйствовать энергически. А мы, легкомысленные, думали-было, что таже благая цѣль достигнется гораздо естественнѣе, если общественное мнѣніе позволитъ женщинамъ, по желанію, расширить кругъ ихъ знаній и даже прикоснуться слегка и къ самой техникѣ науки; что тогда онѣ сами, безъ подробныхъ сужденій со стороны элемента *мужественности*, выдѣлили бы себѣ постепенно извѣстные роды дѣятельности, свойственные ихъ уму и способностямъ. Думая такъ, мы тоже конечно разумѣли безсмысленныхъ и нешумящихъ, да развѣ еще причисляли къ нимъ тѣхъ немногихъ избранныхъ, которыхъ внутренній голосъ увлечетъ на пьприще умственной дѣятельности. Теперь ясно, что мы все-таки заблуждались, упуская изъ вида, что техника науки вредитъ элементу *женственности*.

О существованіи новаго проекта общаго устава русскихъ университетовъ мы знаемъ изъ напечатанныхъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» замѣчаній Н. И. Пирогова на этотъ проектъ. Самый проектъ намъ неизвѣстенъ; замѣчанія же обнародованы по желанію автора ихъ, признающаго «для самаго дѣла полезнымъ узнать, путемъ гласности, всѣ возраженія, которыя будутъ на нихъ сдѣланы». Мы уже гдѣ-то и встрѣтили подобныя возраженія, но они таковы, что самыхъ замѣчаній въ сущности не опровергають, а только требуютъ большаго развитія и обработки нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ противъ существенныхъ мыслей в общаго духа замѣчаній г. Пирогова возражать мудрено. Важнѣе всего представляется намъ въ этихъ замѣчаніяхъ мысль о необходимости усилить и возвысить значеніе университетскаго совѣта. По поволу § 51 проекта устава, въ которомъ сказано: «*Исполнитель употребляетъ всѣ средства къ*

приведенію университета въ цвѣтущее состояніе», г. Пироговъ говоритъ :

«Вмѣсто того чтобы возлагать на попечителя обязанность, едва ли для него исполнимую, «привести университетъ въ цвѣтущее состояніе», мнѣ кажется слѣдовало бы опредѣлить дѣйствіе и полномочія его главное назначеніе, сказать въ уставѣ, что попечитель есть ближайшій и непосредственный контролеръ университета и всего учебнаго округа со стороны министерства народнаго просвѣщенія, имѣющій обязанностью наблюдать за точнымъ исполненіемъ всѣхъ постановленій вѣренными его контролю учебными учрежденіями. Болѣе этого попечитель не можетъ и не долженъ ничего дѣлать. Обязывать его къ употребленію средствъ для приведенія университета въ цвѣтущее состояніе значить давать ему право вмѣшательства въ научныя дѣла университета, въ которыхъ онъ не можетъ быть компетентнымъ судьей. Поэтому и другое право попечителя — «предсѣдательствовать по своему усмотрѣнію въ совѣтѣ», даруемое ему § 54 проекта, не представляетъ никакой очевидной пользы для университета; въ этомъ случаѣ попечитель привалъ бы на себя временныя обязанности ректора и пользовался бы еще болѣшимъ правомъ вмѣшательства въ дѣла коллегіи, что не можетъ остаться безъ вреднаго вліянія на автономію совѣта. Между тѣмъ, чтобы поднять упавшее у насъ значеніе совѣта въ глазахъ учащихся и цѣлаго образованнаго общества, необходимо усилить его автономію. Отъ ослабленія власти и правъ совѣта, отъ его малой самостоятельности происходятъ у насъ и безпорядки между студентами, потерявшими довѣріе и уваженіе къ совѣту. Безъ этой автономіи невозможно и процвѣтаніе университета, который процвѣтаетъ тамъ, гдѣ сами правительства заботятся усилить его самостоятельность, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его научно-правственное вліяніе на цѣлое общество.»

По поводу §§ 81 и 83 проекта, по которымъ профессоръ, по выслугѣ срока на полную пенсію (двѣдцати-пяти лѣтъ), остается на службѣ вѣнчае какъ по избранію и неслѣдѣ какъ на пять лѣтъ, послѣ которыхъ подвергается новому избранію на такой же періодъ, — г. Пироговъ указываетъ на настоятельную потребность вывести изъ нашихъ университетовъ застои и отсталость въ наукѣ, и для этого предлагаетъ на половинѣ двѣдцати-пятилѣтнаго поприща профессора, т. е. чрезъ 12—13 лѣтъ по вступленіи на кафедру, дѣлать переоцѣнку его научныхъ заслугъ, требуя «фактическихъ доказательствъ» его научно-учебной дѣятельности, посредствомъ открытія конкурса.

Плата за ученые (по § 101) — по пятидесяти руб. въ столич-

ныхъ университетехъ и по сорока руб. въ провинціальныхъ университетахъ въ годъ, по мнѣнію г. Пирогова, слишкомъ высока. Онъ предлагаетъ значительно понизить ее, съ тѣмъ чтобы уже никого отъ нея не освобождать. Общій сборъ чрезъ это не уменьшится, потому что теперь университетъ принужденъ многихъ освобождать отъ платы, а тогда гораздо меньше будетъ студентовъ, немогущихъ внести малую сумму, да и за этихъ немощныхъ внесутъ богатые товарищи.

Въ § 125, слова: «наблюденіе за студентами лежитъ на обязанности университета только въ зданіяхъ и учрежденіяхъ онаго» — г. Пироговъ полагаетъ замѣнить словами: «университетское начальство судить студентовъ только за проступки, совершенные ими въ зданіяхъ университета, и за несоблюденіе университетскихъ постановленій». Это измѣненіе онъ предлагаетъ для того, «чтобы избѣжать *наблюденія за студентами*, на дѣлѣ невозможнаго».

Наконецъ еще одно мѣсто въ замѣчаніяхъ г. Пирогова кажется намъ столь важнымъ, по новости высказанной въ немъ мысли, что мы не можемъ не привести его. На § 17, гдѣ сказано: «Для догматическаго и нравственнаго богословія и церковной исторіи опредѣляется особая, непринадлежащая ни къ какому факультету кафедра для всѣхъ вообще студентовъ православнаго исповѣданія», — г. Пироговъ замѣчаетъ:

«Суди по тому, что просктъ опредѣляетъ «особую кафедру для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія», нужно заключить, что *посвященіе лекцій богословія будетъ обязательно для студентовъ всѣхъ факультетовъ*. Это заставляетъ меня выразить мое мнѣніе о мнимой пользѣ и объ истинномъ вредѣ, который происходитъ отъ *обязательнаго* посвѣщенія богословія студентами факультетовъ, что заслуживаетъ серьезнаго вниманія со стороны учебнаго начальства. Въ дѣлѣ *такой важности*, каково *религіозное образованіе юношества*, соблюденіе одного только десогит можетъ отозваться самыми худыми послѣдствіями въ будущемъ. Страшно ошибаются тѣ, которые думаютъ *обязательнымъ* преподаваніемъ богословія сдѣлать учащихъ нравственнѣе и предохранить ихъ отъ *матерьялизма и безвѣрія*. Богословіе, какъ наука, преподаваемая всѣмъ, безъ связи съ предыдущимъ и будущимъ, не можетъ этого сдѣлать и даже не послужитъ къ распространенію благочестія между учащимися; это дѣло *задушевныхъ и теплыхъ религіозныхъ убѣжденій*, внушенныхъ съ колыбели или вызванныхъ изъ души превратностями жизни, а не дѣло науки. И еще можно было бы допустить вліяніе богословія на нравственность, еслибы къ изученію богословской науки въ университетѣ приступали люди, достаточно-приготовленные къ тому въ

дѣствіѣ, по *внутреннему призванію*, или сдѣлавшіе себя серьезное изученіе этого предмета *цѣлью жизни*. Такимъ конечно неопасны сомнѣнія и недоумѣнія — неизбежныя слѣдствія всякаго научнаго анализа. Но если опытъ научаетъ, что и у такихъ посвященныхъ научныя занятія богословскими предметами развиваютъ иногда скептицизмъ и направленіе духа совершенно-противоположное *чисто-религіозному*, то чего должно ожидать отъ поверхностнаго изученія богословія студентами различныхъ факультетовъ? И вотъ мы видимъ, что именно молодые, развитые люди, посвятившіе себя изученію исторіи, математики, медицины, естественныхъ наукъ, *обязанные* формально посѣщать лекціи богословія, вносятъ въ изученіе этого предмета то-же критическое направленіе и тотъ же скептицизмъ, которые необходимы при занятіи науками историческими, математическими и естественными. Прямое же слѣдствіе анализа и скептицизма, внесеннаго въ *поверхностное* занятіе богословіемъ, есть *безвѣріе*. Я это говорю изъ опыта: я зналъ многихъ молодыхъ людей университетскаго образованія, которыми овладѣвало безвѣріе по мѣрѣ того какъ они принимались за *обязательное* изученіе богословія. Пусть богословіе преподается въ нашихъ университетахъ, немѣющихъ богословскаго факультета, какъ вспомогательная наука, или еще лучше — пусть вмѣсто богословія излагается: въ историко-филологическомъ факультетѣ исторія церкви, а въ юридическомъ каноническое право; пусть семинаріи и духовныя академіи замѣняютъ для насъ недостатокъ богословскихъ факультетовъ; пусть богословіе излагается въ нихъ для посвященныхъ въ полномъ его объемѣ: *sancta sanctis!* Но *обязательный*, неполный курсъ этой науки въ университетѣ, назначенный подъ видомъ отдѣльной и самостоятельной кафедры для *всѣхъ* учащихся, принесетъ, повторю, не пользу, а вредъ благочестію молодыхъ людей, образующихся въ университетахъ.»

Есть ли бываютъ иногда въ университетахъ кафедры, почему-то непользующіяся никакимъ кредитомъ. Онѣ существуютъ номинально, значатся въ росписаніи, и только: предметы ихъ считаются студентами ничто. Въ такомъ положеніи была когда-то въ математическомъ факультетѣ одного изъ нашихъ университетовъ кафедра архитектуры. Студенты рѣшительно не занимались этимъ предметомъ и пошучивали надъ записками старика-профессора, составленными имъ когда-то въ молодости и ходившими съ тѣхъ поръ по рукамъ въ пожелтѣвшихъ и залоснившихся тетрадкахъ. Подобное ли процвѣтанье преподаванія архитектуры, или что другое навело членовъ факультета кіевскаго университета на мысль, которая недавно обсуждалась въ засѣданіи университетскаго совѣта

и которая, если осуществится, должна поднять кафедру архитектуры въ уровень съ другими. Это — мысль о введеніи въ университетъ преподаванія строительнаго искусства и практической механики. Факультетъ соображалъ, что «строительная механика, какъ теорія строительнаго искусства, въ настоящее время достигла до той степени развитія, что сдѣлалась самостоятельною наукою, входящею въ рядъ наукъ прикладной математики, и представляетъ собою непосредственное приложеніе теоретической механики. Теорія сопротивленія матерьяловъ, теорія арокъ, теорія цѣпныхъ мостовъ и проч. суть непосредственныя приложенія статки и имѣютъ важное значеніе какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ.» Поэтому факультетъ призвалъ полезнымъ «кафедру архитектуры преобразовать въ кафедру строительнаго искусства и архитектуры». При этомъ факультетъ просилъ, чтобы университету дозволено было, въ случаѣ надобности, замѣщать означенную кафедру офицерами, кончившими курсъ въ инженерной академіи или въ институтѣ корпуса путей сообщенія съ чиномъ инженеръ-поручика, и которые сверхъ того заявили свою ученую дѣятельность печатными сочиненіями, или уже состояли преподавателями строительнаго искусства въ одномъ изъ сказанныхъ заведеній... Если существованіе медико-хирургической академіи не мѣшаетъ процвѣтать медицинскимъ факультетамъ въ нашихъ университетахъ, то почему-жь бы кажется не быть въ нихъ и строительному отдѣленію математическаго факультета? Увеличилось бы число развитыхъ и просвѣщенныхъ строителей, въ которыхъ у насъ излишка быть не можетъ: запросъ на строителей (принимая ихъ на этотъ разъ въ буквальный, а не въ переносномъ смыслѣ) долженъ у насъ усиливаться съ каждымъ днемъ, ибо земля наша велика и обильна... всѣмъ, только не сооружениями, знаменующими полное страны процвѣтанье...

Говоря объ университетахъ, не можемъ не указать на появившуюся намъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 34) статью г. И. Сокальского, по вопросу: въ какихъ городахъ лучше быть университетамъ — большихъ или небольшихъ? Авторъ рѣшительно становится на сторону большихъ городовъ и примѣняетъ эту мысль къ Одесѣ, которая по его мнѣнію соединяетъ въ себѣ всѣ условія для процвѣтанія университета. Читателямъ извѣстно, что давно уже были толки о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ; потому эти толки зацѣли и послышалась вѣсть о предположеніи правительства основать для новороссійскаго края университетъ въ Николаевѣ. Исполнится ли это послѣднее предположеніе, или возстановится мысль объ образованіи университета изъ одесскаго лицея — мы не

знаемъ и предрѣшать этого дѣла, такъ сильно интересующаго жителей нашего юга, не можемъ; но доводы г. Сокальскаго о преимуществахъ, представляемыхъ для жизни университетовъ большими и наиболѣе цивилизованными городами вообще, — неговоря объ Одессѣ или Николаевѣ, Харьковѣ или Ахтыркѣ, Москвѣ или Клинѣ, — доводы эти кажутся намъ такъ основательны, что противъ нихъ трудно придумать что-либо въ пользу посадки такого большого растенія какъ университетъ, въ такую мелкую и тощую почву, какъ нравственно-общественная почва небольшого провинціального городка. Невдаваясь въ подробности вопроса, довольно только сказать, что многіе изъ нашихъ городовъ, едва прозябая, могутъ служить живымъ указаніемъ, что значать произвольно взятая мѣстность, насильственная посадка и искусственная поддержка жизни въ какомъ бы то нибыло организмѣ...

Въ газетахъ описанъ высочайше утвержденный проектъ памятника Пушкину, составленный *Л. Бахманомъ*. Описаніе скульптурнаго произведенія, еще только проектированнаго, никогда не можетъ дать вѣрнаго понятія о томъ, что это будетъ въ окончательномъ исполненіи, поэтому мы не повторимъ теперь всего описанія, а только упомянемъ. Въ описаніи говорится, что памятникъ будетъ состоять изъ группы, помѣщенной на самородной глыбѣ гранита. Пушкинъ, занимающій главное мѣсто въ группѣ, правую рукою передаетъ перо отроку, въ лицѣ котораго представляется слѣдующее поколѣніе русскихъ писателей, а лѣвою утѣшаетъ колѣноприклоненную музу. Позади фигуры Пушкина помѣщается юноша, прижимающій къ сердцу полученную отъ поэта книгу его твореній. Въ этой-то фигурѣ юноши олицетворенъ... русскій народъ.

Это, въ строгомъ смыслѣ, пророческое олицетвореніе; это будущій народъ, еще имѣющій прижать къ сердцу книгу твореній Пушкина, — какъ и на гранитной глыбѣ, служащей недоставомъ памятнику, будутъ начертаны пророческіе же стихи:

• Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный,
Къ нему не заростетъ народная тропа. •

Русскій народъ еще долженъ пробить эту тропу и потожъ уже не дать зарости ей.

Русскому народу все сулятъ будущность, отсюду сулятъ; говорятъ даже, что въ Англіи какой-то профессоръ, предлагая учить англичанъ русскому языку, выразился такъ, что «Россія со дня на день приобретаетъ все большее значеніе». Какъ это лестно въ самомъ дѣлѣ! А узнали мы объ этомъ отъ корреспондента «Сѣверной Пчелы», по поводу сообщаемаго имъ, съ большимъ одушевленіемъ,

извѣстія о проектѣ Рейтера учредить телеграфное сообщеніе между Европой и Китаемъ чрезъ Россію. Онъ хочетъ открыть свое телеграфическое отдѣленіе въ Омскѣ, гдѣ поселится корреспондентъ лондонскаго телеграфическаго агентства, и оттуда начнется правильная посылка курьеровъ чрезъ Красный-Яръ, Иркутскъ, Кяхту и Ургу въ Пекинь, гдѣ будетъ жить главный агентъ Рейтера. Рассказывая довольно подробно объ этомъ проектѣ, корреспондентъ между прочимъ прибавляетъ :

«Какъ ни велико всемірное значеніе этого предпріятія, но оно имѣетъ свое особенное, несравненно болѣе важное значеніе для Россіи. Посредствомъ его Англія, отъ лица всего міра, признаетъ Россію посредницею между двумя частями земного шара, бывшими такъ мало знакомыми другъ другу и такъ много ждущими отъ болѣе короткаго взаимнаго знакомства. Я не вдаюсь въ преувеличеніе, называя Англію вмѣсто Рейтера : проектъ Рейтера одобренъ Англією, ея торговымъ міремъ и ея правительствомъ. Все лондонское купечество безъ исключенія на сторонѣ проекта, а дома Берингъ и К^о, Матасонъ и К^о, Девиъ, Пальмеръ и К^о и многіе другіе лавы биржи не только изъявили полную симпатію, но и предложили съ своей стороны полную поддержку для приведенія проекта въ исполненіе. Недавно у Рейтера собирався митингъ по этому дѣлу — очень небольшая компанія, всего человекъ двѣнадцать съ небольшимъ; но эта кучка людей представляла собою, по слухамъ, капиталъ въ 140,000,000 руб. наличными деньгами... Рѣшеніе митинга было вполне за проектъ. Итакъ, полагаю, я правъ, сказавъ что Англія признала за Россією право посредничества между Европою и Китаемъ.»

Все это возбуждаетъ въ насъ патріотическія чувства и сильное желаніе — не позволить никому наступать намъ на ногу ; а между тѣмъ мы сейчасъ же слышимъ, что кто-то наступаетъ... Этого мы, при настоящемъ своемъ настроеніи, стерпѣть не можемъ, и потому исполняемъ желаніе г. Н. Сіяльскаго, который проситъ всѣ наши періодическія изданія перепечатать его протестъ на французское консульство. Вотъ что пишетъ г. Сіяльскій (въ 102 № «Сѣв. Пч.»):

«Въ 1860 году умеръ проживавшій въ С. Петербургѣ французскій подданный Эдмондъ Луи Давелун, оставшииъ должнымъ 6,000 руб. сер. по заемнымъ письмамъ, переданнымъ мнѣ для взысканія. Узнавъ объ этомъ чрезъ нѣсколько дней, я представилъ эти заемныя письма въ первый департаментъ управы благочинія съ просьбою, дабы приняты были мѣры къ охраненію оставшагося послѣ должника имущества отъ растраты, объ описи и продажѣ этого

имущества, для удовлетворенія меня по сказаннымъ заемнымъ письмамъ.

«По этой просьбѣ первый департаментъ управы благочинія далъ мѣстной полиціи предписаніе описать оставшееся по смерти должника имущество, пригласивъ и меня къ описи, и затѣмъ опись эту представить въ тотъ департаментъ для разсмотрѣнія и дальнѣйшихъ распоряженій.

«Секретарь французскаго консула, недопуская полиціи къ описи и устраняя мое присутствіе при описи, самъ описалъ имущество Давелуи и распорядился продажей имущества съ аукціона, выручавъ чрезъ продажу всего 1,637 руб.

«Хотя я еще до продажи вещей, по личному объясненію съ предсѣвателемъ перваго департамента управы благочинія, заявлялъ департаменту особымъ прошеніемъ о дѣйствіяхъ консульства и просилъ войти, чрезъ кого слѣдуетъ, съ представленіемъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, о разъясненіи консулу его обязанностей и правъ, но первый департаментъ управы благочинія, потребовавъ отъ полиціи по моей просьбѣ объясненія, хотя и убѣдился въ описанныхъ мною дѣйствіяхъ консульства, но тѣмъ неменѣе не вошелъ ни съ какимъ по моей просьбѣ представленіемъ, и не слѣдовалъ по ней никакого заключенія, передалъ дѣло въ надворный гражданскій судъ.

«Надворный судъ, распорядившись произвести публикацію въ вѣдомостяхъ о вызовѣ наследниковъ, кредиторовъ и должниковъ Давелуи, отнесся въ консульство, прося прислать въ судъ: сумму, вырученную отъ продажи имущества Давелуи, деньги издержанныя на публикацію, и переписку по означенному дѣлу.

«На это французскій консуль Лявіо, въ письмѣ на имя судьи, выразилъ удивленіе свое о такомъ притязаніи суда и поставилъ на видъ, что вѣроятно г. судья не читалъ постановленной между Россією и Францією въ 1857 году деклараціи, по § 20-му коей права, присвоиваемыя судомъ, принадлежать консульству, и что я долженъ предъявить искъ мой консульству, куда уже и обратились какіе-то кредиторы умершаго Давелуи.

«§ 20 деклараціи, на который французскій консуль ссылается, предоставляет консуламъ право: принимать всѣ надлежащія мѣры для сохраненія наследства послѣ умершихъ французскихъ подданныхъ, совокупно съ мѣстнымъ начальствомъ; а также, предупредить мѣстное начальство, принять отъ имени наследниковъ въ свое завѣдываніе движимое и недвижимое имущество, составляющее наследство, произвести оному ликвидацію и управлять онымъ лично или посредствомъ своихъ повѣренныхъ, такъ какъ они, т. е. кон-

СОДЕРЖАНІЕ

МАЙ. № 3

Голая правда. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ Н. Полютава	3	✓
Людовикъ-Филиппъ и три дня февральской революціи	88	
<i>Подъ своєю тучей горюетъ мой...</i> Стих. О. Блага	158	
Законы о печати во Франціи (историческій очеркъ). Статья первая.	159	
Зимній вечеръ въ бурѣ. Фзіологическій очеркъ. Н. Шенниковскаго	183	1
Врачи и народъ (по поводу статьи г. Лѣскова). П. Довычина	225	
Семейство Монсовъ. (Очеркъ изъ русской исторіи) Статья четвертая. Глава V. Екатерина Алексѣевна. — Глава VI. Коронація и камергерство. — Глава VII. Довось. Михаила Смирнскаго	258	✓
Записки изъ Мертваго Дома. Часть вторая. Глава VII. Претензія. — Глава VIII. — Глава IX. Побѣгъ. — Глава X и послѣдняя. Выходъ изъ каторги. О. М. Достоевскаго	313	

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Письмо въ редакцію по поводу пѣвѣточной выставки	1	
Неудавшійся антагонизмъ. Литературная собственность. Современникъ, 1862, № 3	10	
Критическія варіаціи на разные темы	45	
Отвѣтъ г. А. Александрову (25 № «Дня»). По поводу его набѣга на талмудъ. П. Лякува	60	✓
Нѣчто объ «опальномъ журналѣ» (письмо въ редакцію). Н. Кошницы	79	

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Французскія дѣла. — Великодушіе Миреса. — Заботы правительства о спокойствіи нѣкоторыхъ дамъ. — Полицейскія преобразованія. — Собачья выставка. — Финансовыя дѣла. — Пріѣздъ египетскаго вице-короля	1
Германскія дѣла. — Гессенскій вопросъ. — Пруско-австрійское вмѣшательство. — Покорность гессенскаго курюрста. — Открытіе прусскаго парламента	9
Итальянскія дѣла. — Римскій вопросъ. — Гойонъ-лавалеттовское перемѣщеніе. — Король въ Неаполь. — Арестъ волонтеровъ.	17
Мексиканскія дѣла. — Распаденіе англо-испано-французскаго союза. — Дѣйствія и оправданія французскихъ войскъ	23
✓ Американскія дѣла. — Взятіе Нового-Орлеана. — Изобрѣтательность въ свободныхъ штатахъ. — Сущность войны	31
Последнія извѣстія.	36

НАШЕ ДОМАШНЕЕ ДѢЛО

СОБЪЕДИНЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Весна и ея значеніе. — Весеннее движеніе. — Притча объ отрицательнѣхъ съ правоученіемъ. — Анекдотъ о должникѣ, также съ правоученіемъ. — Нѣчто объ <i>амтракци</i> , <i>криволиннѣ</i> , <i>женственности</i> и <i>мужественности</i> . — Замѣчанія г. Пирогова на проектъ университетскаго устава. — Предположеніе о кафедрѣ строительнаго искусства. — Въ какихъ городахъ лучше быть университетамъ. — Неожиданное появленіе русскаго народа на пьедесталѣ. — Слухъ о сибирскомъ проектѣ Рейтера. — Протестъ г. Сіальскаго.	38
---	----

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ XI

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА
1862

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Н. ДОСТОВСКАГО

ТОМЪ XI

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ОДУАРДА ПРАЦА

1862

25
CANCELLED
1860-1

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 8 іюня 1862 года.

Ценсоръ *Ө. Веселато*

ПРАЗДНЫЕ ЛЮДИ

(эпизодъ)

..... Любви-то и заставила меня приняться за эти записки, чтобы хотя ими разсѣять тоску. Любовь!.. Я любила. Я любила мужа. Когда я шла за него, мнѣ было восемнадцать лѣтъ, ему тридцать-пять; у меня было до десяти тысячъ годового дохода, у него всего состоянія едвали было на десять тысячъ. Онъ былъ влюбленъ въ меня... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я узнала, что у него есть любовница. Мы объявлялись. Я уступила ему половину имѣнія и объявила, что впредь считаю себя вправѣ совершенно располагать собою. Я воспользовалась этимъ правомъ: у меня есть (какое пошлое слово!) любовникъ; я очень люблю его и... я не могу менять этой гадости: вчера этотъ господинъ въ припадкѣ откровенности расказалъ мнѣ одну главу изъ своихъ похожденій. Напротивъ его оконъ живетъ какая-то гувернантка безъ мѣста, молоденькая и хорошенькая по его словамъ. Онъ принялся ухаживать за ней и нѣсколько дней тому назадъ исканія его увѣчались полнымъ успѣхомъ. На другой день онъ ее бросилъ. Еслибы онъ былъ немногo краснорѣчивѣе, онъ вѣроятно сказалъ бы, что принесъ эту жертву на алтарь любви нашей.

— Для чего же вы ухаживали за ней? спросила я.

— Право самъ не знаю, отвѣчалъ Александръ съ улыбкой.

— Нравилась она вамъ?

— Да, она недурна. Разумѣется я не могъ любить ее, потому, прибавилъ онъ, — что люблю васъ... И онъ хотѣлъ поцѣловать мою руку; мнѣ удалось ее вырвать.

— Очень вамъ благодарна. Нечего спрашивать, отчего вы ее бросили: понятно, изъ любви ко мнѣ; но для чего рассказали мнѣ эту исторію?

— Для чего рассказалъ? Послушайте, Вѣра: это было минутное заблужденіе, шалость. Мнѣ казалось, что лучшее средство загладить вину — признаться въ ней.

— Вообще въ васъ бездна великодушія. Но мнѣ кажется, что ваша добродѣтель нисколько бы не потеряла цѣны, еслибы вмѣсто позднихъ раскаяній и призваній вы просто обдумали дѣло прежде и не пускались въ волокитство.

— Вы женщина, вы не можете понять того страннаго, непреодолимаго чувства, которое заставляетъ мужчину добиваться побѣды надъ женщиной.

— Нѣтъ, теперъ я все очень хорошо понимаю. Я понимаю, что могущество вашего духа, выразившееся этой побѣдой, было бы даже несовершенство полно, еслибы вы ею не похвастали.

— Согласитесь, что еслибы мнѣ пришла охота хвастать, я могъ бы похвастать побѣдами болѣе трудными.

И слова и тонъ, которыми говорилъ Александръ, были грубы до пошлости. Непонимаю, какъ я могла любить такого человека. Я позвонила, велѣла запереть карету и дать мнѣ одѣться.

— Вы уѣзжаете? до свиданья! сказалъ Александръ, взявшись за шляпу.

— Прощайте.

Я разумеется никуда не поѣхала и весь вечеръ проплакала, — не изъ ревности: мнѣ не было досадно или стыдно за Александра (что мнѣ за дѣло до него!); мнѣ было стыдно за себя, мнѣ было гадко всей этой исторіи.

30 декабря.

Три дня я просидѣла совершенно одна. Я сказалась больною и не выходила даже къ мужу обѣдать. Онъ безпрестанно присылалъ узнать о моемъ здоровьѣ, предлагалъ доктора. Его заботливость еще болѣе выводила меня изъ терпѣнія. Я не знала куда дѣваться отъ тоски. Я послала къ мужу за газетами и разомъ прочла ихъ за двѣ недѣли. И такъ тоже.

3 января.

Вчера пріѣхалъ Александръ. Я въ это время лежала съ кни-

гоу въ рукахъ, которой однако не читала! Мнѣ не хотѣлось его видѣть. Я сказала, что одѣваюсь, и просила подождать въ соседней комнатѣ. Онъ сталъ играть на фортепьяно влегую Эрнста. Онъ играетъ превосходно: задумчивые звуки прямо лились мнѣ въ душу. Мнѣ стало грустно, грустно. Я почти помирилась съ Александромъ и кликнула его. Онъ вошелъ, какъ и всегда, безпечный и веселый, и сталъ рассказывать о городскихъ новостяхъ, объ оперѣ. О послѣднемъ нашемъ свиданіи ни слова. Мнѣ опять стало досадно. Я ждала объясненій; мнѣ хотѣлось не извиненій — ничто онъ! — мнѣ хотѣлось, чтобы Александръ поднялся въ мои глаза; мнѣ хотѣлось хотя нѣсколькихъ искреннихъ, задушевныхъ словъ, какихъ — не знаю: не мнѣ же было придумывать ихъ за Александра. Наконецъ, покончивъ свои рассказы, Александръ задумалъ быть любезенъ и подселъ ко мнѣ:

— Сядьте пожалуйста подальше.

— А что?

— Ничего.

— Вы все еще сердитесь за исторію, которую я рассказалъ вамъ? Какъ ни злѣтна для меня ваша ревность, но радѣ истинны я долженъ замѣтить, что она не имѣетъ никакого основанія. Право вы были бы черезчуръ простодушны, еслибы стали обращать вниманіе на такіе пустяки. Повѣрьте, что чувства мои къ вамъ...

— Я буду еще болѣе простодушна и попрошу васъ не бывать у меня.

Александръ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Я тоже глядѣла на него, стараясь казаться покойною. Онъ замѣтно поблѣднѣлъ и тотчасъ же всталъ. Впрочемъ, раскланиваясь, онъ сталъ долгомъ изобразить на лицѣ своемъ насмѣшливую улыбку, — къ чести его нужно прибавить — несовсѣмъ удачно.

Когда онъ ушелъ, я впала въ какое-то странное состояніе. Я ни о чемъ не думала, ничего не чувствовала. У меня кружилась голова; мнѣ казалось, что всѣ предметы становятся отъ меня дальше и дальше, что вокругъ образуется пустыня безъ предѣловъ, пустыня съ невозмутимую тишиною. Наконецъ я впала въ забытіе. Очнувшись, я велѣла подать свѣчи и принялась за оставленную книгу. Я читала «Хижину дяди Тома», именно то мѣсто, гдѣ описываются послѣдніе дни и смерть Евы, дочери Сепъ-Илера. Несмотря на явную идеализацію характера

и понятій этого ребенка, чтеніе произвело на меня потрясающее дѣйствіе. Я рыдала, рыдала болѣзненно; мнѣ было невыносимо грустно, но уже не казалось, что вокругъ меня пусто; душа была полна какихъ-то стремленій; мнѣ хотѣлось дѣлать что-нибудь, хотѣлось приносить пользу, хотѣлось заниматься, учиться. Я вспомнила, что въ вѣдомостяхъ объявлялось о публичныхъ лекціяхъ исторіи, политической экономіи и еще чего-то, послала просить ко мнѣ мужа и принялась перерывать вѣдомости. Мужъ тотчасъ прищолъ. Онъ былъ во фракѣ и собирался куда-то ѣхать. Онъ сталъ заботливо спрашивать меня о здоровьѣ:

— Ты очень переѣвилась. У тебя глаза красны; ты плакала. О чемъ? Что съ тобою?

— Ничего, ребячество. Я хотѣла просить васъ, не можете ли вы достать билеты на публичныя лекціи?

Онъ взялъ указанные номера вѣдомостей и обѣщавъ на другой же день доставить билеты.

8 января.

Сегодня я получила записку отъ Александра. Во мнѣ промелькнула была мысль возвратить ее нечитая, но сейчасъ же самою стала совѣстно. Вотъ она:

«Послушайте, Вѣра: перестаньте-ка капризничать. Довольно. Не видѣть васъ мнѣ право очень скучно, тѣмъ болѣе что, сказать вамъ на ушко, я васъ очень люблю. Полноте. Отпустите мнѣ всѣ мои прегрѣшенія вольныя и невольныя, какъ я отпускаю вамъ песовсѣмъ лестный для меня способъ, которымъ вы меня выпроводили. Ну же, мой миленькій ангелъ (подчасъ-таки съ душкомъ), вапу ручку. Хорошо?»

Не тратьте словъ, даво лишь напишите, —
И буду я у вашихъ ногъ лежать.

«Не подумайте, что это мой стихъ: изъ какого-то воеводы. Игакъ

Объять тревогой и волневьемъ,

Отвѣта: жду я съ крайнимъ нетерпѣньемъ.

Это ужъ мои собственные. На какіе, подумаешь, подвиги способенъ человекъ изъ любви!

«Весь вашъ (буде угодно) Александръ.»

Александръ точно далъ слово постоянно увеличивать мою досаду. Я тотчасъ принялась за отвѣтъ.

«На вашу шутивную записку — писала я ему — я отвѣчу нѣсколько серьезнѣе. Любите ли вы меня, или я служила для васъ игрушкой, какъ и бѣдная гувернантка, какъ служили и будутъ служить вѣроятно сотни другихъ, — незнаю; знаю только то, что вы рѣшительно не понимаете меня. Вы, какъ кажется, продолжаете подозрѣвать во мнѣ ревность, минутную досаду. Увѣряю васъ, что я совершенно покойна и нисколько не сержусь на васъ. Разрывъ нашъ не такъ случаенъ, какъ вы думаете. Меня постоянно возмущала легкость, съ которою вы смотрите на наши отношенія. Съ страннымъ ослѣпленіемъ я все ждала въ васъ переменны. Наконецъ чапа переполнилась. Дѣло не въ этой исторіи, дѣло даже не во мнѣ. Меня возмущаетъ дѣтская беззаботность, наивность, — извините за выраженіе — бессмысленность вашей жизни. Въ два года, которые я васъ знаю, я не замѣтила въ васъ ни слѣда думы, ни слѣда сознанія. Вы во всемъ поступали ошупью, наобумъ. Я не видѣла въ васъ никакого чувства, а только чувствованьица да безотчетныя ощущенія. Вы повидимому не можете повѣрить, что я рѣшилась прервать мои прежнія отношенія къ вамъ: мнѣ напротивъ и непонятно, и досадно, какъ я не сдѣлала этого раньше, давно, черезъ недѣлю послѣ того, какъ узнала васъ. Увѣряю васъ, какъ бы мнѣ нибыло больно, я безъ всякаго раздумья стану рвать самыя дорогія для меня связи, но никогда не соглашусь опозлать ихъ.

«Прощайте, Александръ. Извините меня, если письмо мое затронетъ нѣсколько ваше самолюбіе, но мнѣ нужно же было наконецъ ясно выразить вамъ причину нашихъ взаимныхъ недоразумѣній; притомъ вамъ навѣрное нетрудно будетъ найти случай успокоить его новыми побѣдами. Прощайте же. Впрочемъ не думайте, что я рѣшительно нехочу видѣться съ вами; если вамъ угодно будетъ изрѣдка бывать у меня, это можетъ даже доставить мнѣ иногда удовольствіе, особенно если вы захотите ничѣмъ не напоминать прошедшаго.»

Письмо мое не застало Александра дома. Вечеромъ однако я получила отвѣтъ.

«Письмо ваше, — писалъ Александръ — въ которомъ вы такъ открыто объявили мнѣ мою отставку, я имѣлъ честь полу-

чить. Отставка не сопровождалась въ немъ даже тѣми снисглагоущими и въ тоже время нисколько не мѣшающими дѣлу фразами, которыя вообще употребительны при невольныхъ отставкахъ. Даже безъ благодарности за усердіе! Богъ вамъ судья. Я могу утѣшать себя только сознаниемъ (ваше любимое слово), что вы нисколько не польстили ни моему уму, ни характеру. Говорятъ, что горькія пилюли бывають иногда полезны. Я проглотилъ эту довольно благополучно, тѣмъ болѣе что вслѣдъ за ней вы позаботились предложить мнѣ и кусочикъ сахару, хотя тоже немощко посоленный. Я говорю о лестномъ приглашеніи, съ несовсѣмъ лестными оговорками, изрѣдка навѣщать васъ. Постараюсь какъ-нибудь имъ воспользоваться. Во всякомъ случаѣ можете быть покойны: несмотря на хвастливость, открытую вами во мнѣ, смѣю увѣрить, что мнѣ никогда не придетъ желанія хвастать благосклонностью, которой вы меня удостоивали. Отъ возвышенныхъ чувствъ вашихъ и отъ объявленія, что вы станете рвать всѣ связи, лишь бы не опозлить ихъ, я могу приходить только въ благоговѣйный восторгъ. Впрочемъ я позволю себѣ маленькій совѣтъ въ придачу. Я не медикъ, но обратитесь къ нимъ: предосторожность никогда не мѣшаетъ. У медиковъ, какъ вамъ извѣстно, есть и холодная вода, и другія неменѣе душеспасительныя средства.

«Затѣмъ, пожелавъ вамъ всевозможныхъ благъ, особенно спокойствія (оно, судя по тону вашего письма, не такъ полно, какъ бы было желательно), честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтениемъ и совершенною преданностью
Ал. Навроцкій.»

Мнѣ было больно. Эти господа всегда готовы на дерзость, если увѣрены, что она пройдетъ безнаказанно.

Я задумалась. *Finita la comedia!* говорила я, и въ памяти быстро промелькнули два послѣдніе года. Я вспомнила какъ сошлась съ Александромъ. Это было въ Сокольникахъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ объясненія съ мужемъ. Я жила на дачѣ одна. Мужъ разъ или два въ недѣлю пріѣзжалъ ко мнѣ обѣдать — какъ онъ говорилъ, для соблюденія приличій. Въ рошѣ я нѣсколько разъ встрѣтила Александра; онъ сталъ со мною раскланиваться; какъ-то въ дождикъ предложилъ мнѣ зонтикъ и знакомство завязалось. Мы сходились каждый день, гуляли, бѣгали. Какъ-то Александръ упомянулъ о «Бѣдныхъ людяхъ»

Достоевскаго. Миѣ давно хотѣлось прочесть этотъ романъ; я сказала объ этомъ, и Александръ обѣщалъ достать его на другой же день. Утромъ мы по условію сошлись въ роцѣ и усѣлись подъ деревомъ, читая попеременно вслухъ. Когда Александръ читалъ, какъ у несчастнаго Дѣвущкина, призваннаго за какую-то оплошность на расправу къ начальнику, оторвалась пуговица отъ поношенаго сертука и запрыгала по комнатѣ, какъ Дѣвущкинъ бросился ловить ее и потомъ съ дѣтски-безсмысленной улыбкой сталъ прилаживать ее къ мѣсту, точно надѣясь, что она прилипнетъ, — я не выдержала. Болѣзненное чувство, давно подступавшее къ сердцу, вдругъ охватило меня всю, и истерически зарыдала. Александръ бросился ко миѣ. Онъ поддерживалъ мою голову, цѣловалъ руки... Это насъ окончательно сблизило. Я не хотѣла пригласить его къ себѣ, но мы почти не разставались и весь день проводили въ роцѣ. Онъ болталъ, напѣвалъ аріи и водевильные куплеты, декламировалъ пародіи, которыхъ зналъ множество. Какъ-то заговорили о музыкѣ. Александръ предложилъ миѣ подойти къ его дачѣ и прослушать нѣсколько пьесъ на фортепьяно. Я согласилась. Онъ усадилъ меня на скамью противъ своихъ оконъ и сыгралъ какую-то мазурку Шопена, потомъ сталъ навгрывать варьяціи на русскія пѣсни. Онъ игралъ долго. Вечеръ былъ чудный. Легкій вѣтерокъ шевелилъ деревьями, луна то выбѣгала изъ-за тучъ, то снова пряталась. Я слушала, слушала еще и тогда, когда онъ пересталъ играть и вышелъ ко миѣ. Мы молча пошли по роцѣ. Я не могла говорить, но миѣ было чудно хорошо. Я чувствовала, какъ Александръ обвилъ мой станъ, рука моя горѣла въ его рукѣ, голова кружилась, какой-то сладкій трепетъ пробѣгалъ по всему тѣлу. «Ты любишь меня, Вѣра? шепталъ Александръ, наклоняясь ко миѣ: — любишь, да?» — «Люблю, люблю!» отвѣчала я и обвила его шею руками. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, какихъ въ жизни выпадаетъ не много.

Съ этого времени я стала гулять рѣже. Цѣлый день я проводила дома, сидя у окна съ работой или книгой. Александръ по нѣскольку разъ проходилъ мимо; мы обмѣнивались улыбкой и были счастливы, по крайней-мѣрѣ я. Иногда, озираясь по сторонамъ, онъ бросалъ мнѣ въ окно букетъ или записку. Всѣ записки были одного и того же содержанія, но это не мѣшало имъ доставлять миѣ удовольствіе. Когда наконецъ темнѣло, когда въ

домъ и въ рощѣ все успокоивалось, — накинувъ большой платокъ, я украдкой выходила за ворота; Александръ ждалъ за угломъ и мы уходили далеко въ рощу, заходили къ нему... Часы летѣли и только занимавшая зря заставляла насъ расходиться.

Какъ-то утромъ мнѣ соскучилось. Я вышла въ рощу и прошла мимо дома, гдѣ жилъ Александръ. Онъ увидѣлъ и пошелъ со мною. При поворотѣ въ одной аллеѣ я вдругъ увидѣла мужа, который шелъ намъ навстрѣчу. Я едва устояла на ногахъ. Но дѣлать было нечего: мужъ подошелъ и я представила ему Александра.

— Да, жена говорила мнѣ о вашемъ знакомствѣ, сказалъ онъ (я никогда ни слова не говорила ему объ этомъ). — Очень рада, что ей нескучно въ Сокольникахъ. Я этого очень боялся. Ей нуженъ свѣжій воздухъ, а меня служба да дѣла почти постоянно удерживаютъ въ Москвѣ. Однако пойдемъ обѣдать. Пора. Вы вѣдь съ нами обѣдаете?

Александръ молча поклонился и мы пошли. Весь обѣдъ я не сказала ни слова, не смѣла поднять глазъ. Александръ кажется тоже былъ несовсѣмъ по себѣ. Одинъ мужъ ѣлъ за двоихъ и толковалъ о политикѣ, о Людовикѣ-Наполеонѣ, объ индѣйскомъ восстаніи. Я украдкой взглянула на Александра: онъ строилъ пресмѣшныя гримасы, стараясь показать, что вполне понимаетъ и одобряетъ плачь реформъ, которыя по мнѣнію мужа нужно бы произвести въ управленіи Индіей.

Вскорѣ послѣ обѣда Александръ ушелъ. Мужъ, будто не-сколько незамѣчая моего смущенія, рассказалъ мнѣ городскія новости, передалъ нѣсколько поклоновъ отъ знакомыхъ и затѣмъ, спросивъ, не дамъ ли я ему въ городѣ какихъ-либо порученій, уѣхалъ. Но я не могла скоро успокоиться; мнѣ было очень неловко. Весь вечеръ я просидѣла дома, несмотря на то, что Александръ нѣсколько разъ принимался слегка стучать въ закрытыя ставнями окна моей спальни. Я не спала почти всю ночь; въ комнатѣ было душно; непрошенные мысли лѣзли въ голову.

На другой день мужъ снова пріѣхалъ. Онъ спросилъ, не знаю ли я гдѣ живетъ Александръ, отправился его отыскивать и снова пригласилъ обѣдать. На этотъ разъ Александръ былъ веселъ и развязенъ, говорилъ неменьше мужа и нѣсколько разъ заговаривалъ со мной, но я ему почти не отвѣчала.

— Что, она всегда такъ любезна съ вами? Въ такомъ случаѣ я не могу поздравить васъ съ очень пріятнымъ обществомъ, говорилъ мужъ.

— Онъ очень милый молодой человекъ, говорилъ онъ мнѣ по уходѣ Александра. — Если тебѣ не будетъ неприятно, то надо бы не прерывать съ нимъ знакомства. Я пригласилъ его и въ Москвѣ почаще бывать у насъ.

Все это было черезчуръ любезно. Выходила сдѣлка, отвратительная, грязная сдѣлка. Я не обвиняла мужа: онъ былъ только послѣдователенъ. Его поведение было прямымъ слѣдствіемъ нашихъ отношеній и той важности, которую онъ придавалъ облюбованію чисто внѣшнихъ приличій. Ему хотѣлось, чтобы близость Александра со мной оправдывалась въ глазахъ постороннихъ, еслибы кто узналъ о ней, короткимъ знакомствомъ съ нимъ самимъ. Я тоже не была виновата. Когда я говорила мужу, что впредь считаю себя вправѣ совершенно располагать собою, то дѣлала это просто изъ самолюбія, а не съ намѣреніемъ воспользоваться такимъ правомъ. Полюбивъ Александра и отдаваясь ему, я рѣшительно не думала ни о мужѣ, ни о моихъ правахъ. Полюбивъ кого-нибудь, я поступила бы вѣроятно точно также, еслибы и находилась совершенно въ другомъ положеніи.

По отъѣздѣ мужа на меня напала страшная тоска. Я передумала тысячу плановъ вырваться изъ положенія, которое мнѣ казалось столь позорнымъ. Самое лучшее, какъ я думала, было бросить все и уѣхать съ Александромъ куда-нибудь подальше, за границу.

Вечеромъ я сидѣла у раствореннаго окна. Часовъ въ десять подошелъ Александръ.

— Вы одинъ?

— Одна.

— Можно войти?

— Войдите.

— Что вы сидите дома и еще безъ огня? говорилъ онъ, помѣщаясь на скамейкѣ у ногъ моихъ. — Да что съ вами? Вы печальны, вы плакали? Не догадался ли мужъ вашъ, не сдѣлалъ ли онъ вамъ какой исторіи?

— Я говорила вамъ, что онъ мнѣ мужъ только по имени.

— Въ чемъ же дѣло?

— Развѣ вы не видите той унизительной свисходительности, того подворства, съ которымъ онъ смотритъ на нашу связь?

— Вотъ тебѣ на! Ну такъ тѣмъ лучше. Что вы за дѣтя право. Одѣвайтесь—да лучше, да пойдемъ гулять. Смотрите что за славный вечеръ.

Разумѣется послѣ такихъ словъ я непыталась сообщать Александру ни плановъ, ни чувствъ своихъ. Его «тѣмъ лучше» ясно показало мнѣ, что я должна или разстаться съ нимъ навсегда, или подчиниться такому порядку вещей, о которомъ не могла думать некраснѣя. Рѣшиться на первое не стало силы, по необходимости пришло второе. Мало-помалу привыкла.

Привычка свыше намъ дана:
Замѣна счастью она.

Хороша замѣна!.. Дальше рассказывать нечего. Каждый день приносилъ мнѣ новыя доказательства легкомыслія Александра, каждый день болѣе и болѣе заставлялъ меня видѣть въ немъ ничто иное какъ любовника въ самомъ нехитромъ значеніи слова... Все это прошло. Любила ли я его, люблю ли еще, жаль ли мнѣ разрыва съ нимъ, — право незнаю. Да и что до этого? Между нами все кончено. Глупо жалѣть о невозвратномъ. Я свободна, свободна какъ въ старь... Впередъ же!

«Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», сказалъ Пушкинъ. Могутъ же люди говорить такую бессмыслицу! Понятно, что коли живемъ, нужно стараться мыслить. Пожалуй, для того чтобы жить и мыслить, можно рѣшиться страдать; но жить для того только, чтобы мыслить, да еще вдобавокъ страдать!..

17 января.

Вчера я была на публичной лекціи исторіи. Она произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Толки въ журналахъ о талантѣ профессора, громкія рукоплесканія, которыми встрѣчала и провожала его публика, могли бы заставить меня поколебаться въ моемъ мнѣніи, но все-таки лекція кажется мнѣ черезчуръ многословною, фразы черезчуръ изысканными. Мужъ замѣтилъ мнѣ, что я склонна къ одностороннимъ выводамъ, основаннымъ на мелочахъ. Но во всякомъ случаѣ красивая фраза безъ всякаго внутренняго смысла въ устахъ талантливаго профессора вовсе не мелочь. Онъ говорилъ напрямѣръ о смерти Маколея: «Здѣсь

ведая воскликнуть: *le roi est mort, vive le roi*. Въ гениальныхъ людяхъ нѣтъ преемственности престола. Природа скудна на гениальныхъ людей, быть можетъ для того, чтобы тѣмъ еще болѣе возвысить ихъ надъ уровнемъ толпы.» Все это весьма звонко, но что хотѣлъ сказать этимъ профессоръ? Вѣдь не думаетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ, что природа хлопочетъ о возвыщеніи гениальныхъ людей надъ какимъ бы то нибыло уровнемъ. Видно на долю всякаго смысла отпущена извѣстная доза бессмыслицы.

20 января.

Отчего подъ ношей крестной
 Весь въ крови влачится правый?
 Отчего вездѣ безчестный
 Встрѣченъ почестью и славой?
 Отчего?.. Иль силѣ правды
 На землѣ не все доступно,
 Иль она играетъ нами?
 Это гадко и преступно.
 Такъ мы спрашиваемъ жадно
 Весь свой вѣкъ, пока безмолвно
 Не забьютъ намъ ротъ землею ..
 Да отвѣтъ ли это, полно?

25 января.

Вчера я пришла въ было очень ревностно за газеты, но съ мнѣ скоро надоѣла. Все одно и то же. Императоръ австрійскій толкуетъ о своихъ отеческихъ чувствахъ къ подданнымъ, особенно итальянцамъ, и въ доказательство посылаетъ къ нимъ войска. Дѣло въ томъ, что нѣсколько зловредныхъ бунтовщиковъ мѣшаютъ народу наслаждаться всеми благами австрійской администраціи; вотъ императоръ и принимаетъ мѣры, чтобы ничто не возмущало блаженства ломбардцевъ и венеціанъ. Императоръ Наполеонъ увѣряетъ въ своемъ безкорыстнн и отнѣнномъ миролюбіи, а англійское правительство проповѣдуетъ, что въ мирѣ нѣтъ ничего священнѣе и благодѣтельнѣе свободы и что слѣдовательно австрійцамъ должно предоставить полную свободу угнетать итальянцевъ. Я бросила газеты. Все это даже не смѣшно.

Миръ вздумалось ѣхать въ маскарадъ въ дворянское собраніе, гдѣ я была нѣсколько разъ въ прошедшемъ году съ Александромъ. Я наскоро одѣлась, взяла съ собой Машу и поѣхала. Былъ двѣнадцатый часъ. Въ передней комнатѣ, гдѣ продаются билеты, сидѣло и ходило много масокъ, которыя какбы молча

ждали кого-то. Одна изъ нихъ при мнѣ обратилась къ щегольски одѣтому мужчинѣ съ просьбой ввести ее въ залъ.

— Членскаго билета я не имѣю, отвѣчалъ тотъ, приставивъ къ глазамъ лорнетъ: — но если вы захотите снять на мигу маску...

Она не дослушала и отошла. Я купила лишній билетъ и подала ей.

— Merci, сказала она. — Мнѣ необходимо быть сегодня въ маскарадѣ.

— Очень рада, что могла услужить вамъ.

Только пожалуста скажите, какимъ образомъ возвратить вамъ эти деньги?

— Знаете ли что? Мнѣ пришла прекрасная мысль: въ слѣдующій разъ, когда будете въ маскарадѣ, купите билетъ и передайте кому-нибудь на такомъ же условіи. Быть-можетъ и мнѣ придется имъ воспользоваться.

— Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были увѣрены въ томъ, что я это сдѣлаю.

Въ залахъ было тѣсно. Въ главной — на сѣбну музыкѣ завывали цыгане и ревѣли какіе-то заѣзжіе нето кроаты, нето тирольцы, одѣты шутами. Только-что я вошла, ко мнѣ подлетѣлъ какой-то блондинъ юноша съ золотымъ *rinse-pez* на носу.

— *Je te reconnais, beau masque*, говорилъ онъ, пріятно улыбаясь.

— Ты ничего не нашолъ сказать умнѣ? спросила я довольно рѣзко.

Юноша оторопѣлъ, осмотрѣлся и исчезъ еще быстрѣе, нежели подошолъ. Зная, что Александръ не пропускаетъ почти ни одного маскарада, я была увѣрена, что найду его здѣсь и дѣйствительно скоро встрѣтила. Онъ шолъ подъ руку съ маской и въ ней, къ удивленію, я узнала ту, которой предложила билетъ. Когда они проходили мимо насъ, Александръ пристально осмотрѣлъ меня и Машу. Видно было, что онъ узналъ насъ. Спутница въ это время что-то съ жаромъ говорила ему. До меня долетѣло нѣсколько французскихъ словъ: «это дурно съ вашей стороны, я не могла ожидать...» Александръ тотчасъ усадилъ ее и подошолъ ко мнѣ.

— Вы видите, я пользуюсь вашимъ позволеніемъ, подхожу къ вамъ. Хотите дать мнѣ руку? Пожалуста не бойтесь, продол-

жалъ онъ, замѣтивъ, что я колебалась: — я никакъ не думаю напоминать вамъ прошлаго; если хотите, я даже готовъ помочь вамъ скорѣе забыть его.

— Какимъ образомъ?

— Я покажу вамъ господина подобно вамъ недовольнаго жизнью и ея бессмысленностью. Я встрѣтилъ его здѣсь и вы тотчасъ же пришли мнѣ въ голову. Очень хороший господинъ. Мы съ нимъ вмѣстѣ были въ университетъ. Нѣсколько скучный на мой взглядъ, но зато весь исполненный смысла. Хотите?

— Сдѣлайте одолженіе: человекъ со смысломъ для меня большая новость, отвѣчала я, подлаживаясь подъ тонъ Александра.

— Да, вы познакомьтесь. Сначала быть-можетъ вы его не совсемъ поймете, но это ничего, не теряйте терпѣнія. Вы знаете, сумашедшіе, — и тѣ не вдругъ же начинаютъ понимать одинъ другого.

— Небрежно познакомлюсь. Кстати, что же вы бросили даму, съ которой ходили?

— Не бросилъ ее, а просто оставилъ; хотѣлъ съ вами поговорить; да правду сказать, она уже мнѣ надоѣла.

— Что такъ скоро?

— Какъ скоро?

— Да она только-что вошла. Хотите, я скажу кто она?

— Кто же?

— Гувернантка.

— Вы откуда узнали?

— Я нанимаю шпионовъ слѣдить за вами. Прощайте, идите-ка къ ней. Вмѣсто того чтобы снова возбуждать ея ревность, ступайте да объясните, зачѣмъ вы ее обманули и пріѣхали въ маскарадъ.

Александръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Вы ее видѣли и спросили?

И разсѣялась. — Успокойтесь: и не спрашивала, и шпионовъ не наняла; просто болтала что взбрело на умъ. Очень рада, что угадала. Прощайте. Да, а господинъ со смысломъ?

— Вонъ онъ стоитъ у двери.

— Какъ его зовутъ?

— Андрей Васильевичъ Воцциниковъ.

Мы съ Маншей направились въ ту сторону. Наружность Во-

щинникова говорила въ его пользу. Это былъ высокій черно-досый, нѣсколько смуглый молодой человекъ съ серьезными и правильными чертами лица. Я остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ у колонны. Онъ разсѣянно смотрѣлъ вдоль залы и казался размышлялъ о чемъ-то. Въ это время къ нему подошли двѣ маски и заговорили съ нимъ; онъ отвѣчалъ имъ нѣсколько словъ, тѣ повернулись и пошли. «L'imbécile!» проговорила одна изъ нихъ довольно громко. Вошинниковъ улыбнулся. Я подошла къ нему.

— О чемъ ты говорилъ съ этими масками?

Онъ спрашивалъ о чемъ я задумался.

Что же ты отвѣчалъ?

— Что думаю о томъ, какъ бы люди вообще, а женщины въ особенности, сперва бы подумали о чемъ хотѣть спросить, а потомъ бы спрашивали.

— Надѣюсь, въ твоихъ словахъ нѣтъ намековъ?

— Нѣтъ. Я буквально передаю тебѣ машъ разговоръ.

— Что же сказали маски?

— Ты вѣроятно слышала: что я глупъ.

— И ты согласился?

— Отчасти.

— Ты въ самомъ дѣлѣ былъ неправъ. Я долго глядѣла на тебя: ты задумался такъ глубокомысленно, что каждый былъ вправѣ ожидать отъ тебя какого-нибудь важнаго открытія по крайней-мѣрѣ относительно маскарардовъ. Я чуть не подошла къ тебѣ съ такимъ же вопросомъ, да спасибо этимъ маскамъ: избавили на первый разъ отъ бѣды.

— Тебѣ вѣроятно я отвѣчалъ бы иначе: *c'est le ton qui fait la musique.*

— Ты кажется дѣлаешься любезнѣе. Позволь въ такомъ случаѣ другой вопросъ: зачѣмъ ты пріѣхалъ въ маскарардъ? Вѣдь не для того же, чтобы погружаться въ задумчивость?

— Я пріѣхалъ сюда рѣшительно безъ всякой цѣли, въ качествѣ невиннаго и степеннаго провожателя двухъ избалованныхъ кузинъ; задумался же оттого, что не нашолъ ничего лучшаго. Впрочемъ задумчивость моя была несовсѣмъ некстати: безъ нея ты бы пожалуй и не подошла.

— Положимъ и такъ. Но знаешь ли для чего я подошла къ тебѣ? Мнѣ пришло въ голову: не занимаетъ ли тебя нѣ эту ми-

нуту тотъ же вопросъ, о которомъ я думаю вотъ уже двѣ недѣли?

— Какой вопросъ?

— Для чего созданы люди.

— Вотъ тебѣ на! Ужъ не пишывавашъ ли ты статейку хоть въ московскія вѣдомости?

— Нѣтъ; а что?

— Сначала нотацию прочитала, теперь пустилась въ философію. Послушай, маска: ну-ка откровенно, который тебѣ годъ?

— Двадцать второй.

— Ты хороша собой?

— Не хороша и не дурна. Впрочемъ больше хороша, нежели дурна.

— Не считй моего вопроса очень неделикатнымъ: не забудь, что половину твоего лица я вижу. Ты наконецъ замужешь?

— Замужешь. К чему эти вопросы?

— Я боюсь попасть на перерѣзную дѣву: тѣ резонерствуютъ чисто изъ любви къ искусству. Какимъ же образомъ принялъ тебѣ въ голову этотъ отчаянный вопросъ?

— Было бы удивительнѣе, еслибы онъ не пришолъ: для того чтобы жить, нужна какая-нибудь цѣль въ жизни. Иначе жить скучно. А мнѣ кажется, только тогда и можно опредѣлить цѣль собственной жизни, когда будетъ опредѣлено общее назначеніе людей. Не такъ ли?

— Во все не такъ. Назначеніе людей и цѣль, къ которой они должны стремиться, могутъ вовсе не совпадать. Твой вопросъ распадается на два. Рѣшить, какое назначеніе имѣетъ вообще человѣческая жизнь — нелегко, да правду сказать и некому. Гораздо полезнѣе, хотя и не легче, другой вопросъ: что люди должны положить цѣлью своей жизни. Этотъ вопросъ рѣшается различно, смотря по вкусамъ: одни говорятъ, что цѣлью жизни должно быть счастье, другіе — нравственное развитіе, третьи — исполненіе тѣхъ нравственныхъ обязанностей, которыя лежатъ въ самой идее человѣка.

— Мнѣ кажется второе и третье одно и то же.

— Несовсѣтъ. Последнее значить насиловать свои инстинкты во имя отвлеченной, надуманной идеи долга; стремиться же къ развитію значить такъ воспитывать свои инстинкты, чтобы все благородное и хорошее доставляло удовольствіе, все низкое

и дурное внушало отращеніе. Въ такомъ случаѣ человекъ избавляется отъ необходимости вѣчно стоять на-сторожѣ; онъ можетъ ввѣриться своимъ склонностямъ. Воспитайте въ себѣ эстетическое чувство — и тогда наприѣтъ вы не станете поддичать и дгать, потому что это нравственно некрасиво, и не потому что это вредитъ достоинству человека. Съ хорошо направленными инстинктами съ пути не собьешься; развѣ приманка будетъ черезчуръ сильна: они постоянно будутъ напоминать о себѣ. А съ отвлеченной идеей не то: какъ-разъ цѣлью станемъ оправдывать средства, а такъ какъ достиженіе цѣли не въ нашей волѣ, то и выйдетъ, что съ гадкими средствами придешь къ отвратительному результату.

— Но воспитать въ себѣ инстинкты, какъ ты ихъ называешь, можно: конечно, какъ именно подъ вліяніемъ общей идеи — о обязанности и достоинствахъ человека.

— Разумѣется такъ, но воспитанье это совершается по мелочамъ, въ споможныя минуты; иногда впрочемъ оно есть чисто для случая. Соединить одно съ другимъ весьма хорошо; но если выбирать, то разумѣется хорошо направленнымъ инстинктамъ должно отдать преимущество предъ самой великоблгоной идеей о назначеніи человека.

— Все это быть-можетъ такъ. Я подумалъ объ этомъ. Но я спрашивала не о томъ, какимъ образомъ человекъ можетъ до совершенствоваться: я спрашивала, какая цѣль жизни.

— «Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать», сказалъ Пушкинъ.

— Это я ужъ слышала. К чему же мыслить, изъ-за него страдать?

— Ну, такъ наслаждаться, если это больше тебѣ нравится, и пожалуй вовсе не мыслить. Послѣнее даже необходимо для достиженія перваго.

— Это бы еще хорошо; но къ несчастію, наслажденій въ жизни гораздо меньше, нежели страданій. Ничто же жить?

— Вотъ видишь ли: всѣмъ, даже школьникамъ, — имъ пожалуй еще лучше, нежели кому-нибудь другому, известно — что есть радъ вещей, которыя сами для себя служатъ цѣлью; и никакимъ другимъ цѣлямъ не служатъ; именно: истина и знаніе, красота, благо. Къ разряду ихъ относится и любовь. Сюда же принадлежала средневѣковая любовь; въ расчеты которой во-

сладкая вѣра не входило. Рыцарь влюблялся только для того, чтобы чувствовать въ сердцѣ присутствіе благородной страсти.

— Съ тобой видно не добиться мнѣ рѣшенія моего вопроса.

— Добирайся одна: скорѣй достигнешь результата, т. е. это скорѣй мадамъ съ тобой. Было время, и для меня цѣль жизни

Была таинственной загадкой.

Надъ ней я голову ломалъ

И чудеса подозрѣвалъ.

И вотъ я пришелъ было къ великолѣпному презенту взорвать порохомъ земной шаръ. Я даже хотѣлъ съ этою цѣлью составить акционерное общество, но не зналъ удастся ли мнѣ добиться разрѣшенія. Потомъ я одумался: какъ жить ни скучно, а все умирать бы не хотѣлось. Видно жизнь сама по себѣ составляетъ какъ какое-нибудь благо, если насъ такъ тянетъ къ ней. Будемъ же жить и постараемся жить какъ можно дольше. Оставимъ доискиваться цѣли жизни и постараемся не упустить изъ-подъ носу другихъ мелкихъ, но тѣмъ не менѣе интересныхъ цѣлей.

— Намъ не хочется умирать, хочется жить! Да это лѣнь, привычка, рутина, отъ которой именно я и незнаю куда дѣться.

— Изъ тебя могъ бы выйти отличный реформаторъ.

— А ты кажется прикидываешься философомъ.

— Я не прикидываюсь, а въ самомъ дѣлѣ философъ, и глубокий, а прочесть совершенно безвредный... Вся тайна твоей философіи заключается въ невозможномъ спокойствіи.

— Да если оно не дается?

— Добиться его трудно: стоитъ только положить себѣ за правило не вмешиваться въ дѣла людей, не тревожиться ими, уповать, уповать какъ можно больше, уповать на всѣхъ и вся, и главное — самому ничего не дѣлать. Это необходимо: во-первыхъ полный досугъ философствовать, т. е. соображать, какъ часто вещи одинаковыя по названію обладаютъ весьма различными свойствами, какъ напримѣръ хлѣбъ, который мы беремъ у дѣтца-будочника, и хлѣбъ, который пекутъ наши мужики изъ смѣси отрубей съ водою, или что-нибудь подобное. Во вторыхъ: ничего не дѣлая, менѣе рискуешь слѣпать глупость. Наконецъ таже философія доказываетъ мнѣ, что я по-настоящему, должны ничего не дѣлать; что если я ничего не

дѣлаю, те перестать ничего не дѣлать было бы съ моей стороны преступленіемъ — и не говорю въ отношеніи общественной жизни, это само собою разумѣется, но даже въ отношеніи разума, потому что то, что есть, разумно, а что разумно, те необходимо. Эта истина была особенно въ ходу лѣтъ тридцать назадъ у историко-философской школы; теперь къ социальнымъ ея нѣсколько забыли, но я крѣпко держусь ея. На основаніи ея я вывелъ другую неменѣе осязательную истину: что необходимо (по разумнѣю историковъ—философовъ — разумно), то должно быть; а что должно быть, то есть даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ его и не было.

— Въ твоихъ словахъ даже не карикатура, а просто должно быть клевета на философію. Ты или знаешь что-нибудь, тогда скажи что, или не знаешь, тогда просто признайся въ этомъ.

— Но тебѣ должно быть извѣстно, что величайшая мудрость и заключается именно въ сознаніи собственнаго незнанія, по словамъ какого-то древняго философа. Наши новые философы называютъ это на дѣлѣ, но только обратнымъ образомъ: они увѣряютъ, что знаютъ все.

— Переставь выясничать и пожалуста отвѣчай.

— На что и что стану отвѣчать я? Начто созданы люди? Положимъ я могъ бы отвѣтить тебѣ, но отвѣтъ мой повлечетъ новый вопросъ. Древніе индусы говорили, что назначеніе земной жизни человѣка — заслужить ему блаженство въ будущей. Ты спросишь: къ чему же поведетъ это блаженство? Отъ вопроса къ вопросу придется добратся до конца концовъ, или что тоже, до начала началъ. А ты знаешь, что ни того, ни другого быть не можетъ: до начала одного былъ конецъ чего-нибудь другого; за концомъ стараго необходимо начало чего-нибудь новаго. Опять нищи начала и конца, и опять таже исторія.

— Чтоже наконецъ такое эта непрерывная снѣна одного другого?

— Жизнь.

— Чтожъ такое жизнь?

— Придется повторить: непрерывная снѣна однихъ явленій другими.

— Отишь ты ничего не рѣшилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ты наконецъ догадалась. Удивительно! А я, какъ кажется, цѣлый часъ хлопоталъ убѣдить тебя въ

тош, что ничего рѣшить не могу. Хорошо было бы жить на свѣтѣ, еслибы стоило только поѣхать въ маскарадъ да потолковать съ добрымъ человѣкомъ, такъ бы и открылась предъ тобой тайна жизни. Эта загадка не одного съ ума свела.

Воцѣпниковъ произнесъ эти слова съ видимымъ раздраженіемъ. Въ это время къ нему подошла какая-то дама въ домино и что-то шепнула.

— Извини, меня ждуть. Пойдемъ отыщемъ твою спутницу. Кстати : часто ты пріѣзжаешь въ маскарадъ для рѣшенія мировыхъ вопросовъ ?

— Не очень, а что ?

— Хотѣлось бы узнать о результатахъ. Серьезно, пріѣдешь въ слѣдующій четвергъ ?

— Зачѣмъ ?

— Опять зачѣмъ. Вотъ рационалистка ! Что зачѣмъ ? Зачѣмъ ты пріѣдешь сюда ? — я почему знаю. Или зачѣмъ я прошу тебя пріѣхать ? Зачѣмъ что мнѣ пріятно будетъ увидѣться съ тобою.

— Хорошо, я буду. Прощай.

Мы отыскали Машу и я уѣхала.

Я до сихъ поръ не могу отдать себѣ хорошенько отчета въ томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на меня Воцѣпниковъ ; во всякомъ случаѣ кажется болѣе дурное, нежели хорошее. То вѣра въ какую-то благодатную натуру человѣка, то глумленье надъ нею. Забавляется ли онъ, или это маска, подъ которой кроется горькое чувство ? Въ такомъ случаѣ кчему она ?

Истина для истины, жизнь для жизни — это нелѣпость. Да ужь не нелѣпость ли сама жизнь, не потому ли въ ней встрѣчается сплошь да рядомъ такъ много нелѣпостей ?

26 января.

Я вооружаюсь самымъ невозмутимымъ хладнокровіемъ и спрашиваю, что мнѣ дѣлать ? Отвѣтъ нетрудный : заниматься. Чѣмъ ? хозяйствомъ ? Не завести ли утятъ и по утрамъ кормить ихъ ? Когда мнѣ было семь лѣтъ, это очень занимало меня. Музыкой и разыгрывать чувствительныя аріи, которыя возбуждаютъ во мнѣ одно чувство — скуку ? Политикой и соображать, удастся ли Австріи и Турціи протурить двойного господара или Муцѣ накленъ носъ той и другой и тѣмъ поддержать славу румынской націи ? Вспомнимъ, что мы румыне ! кричатъ они.

Вспомнить, что мы ослы! кричали бы ослы, годываясь на какой-нибудь великій подвижъ, еслибы только обладали даромъ самоотверженности, такъ какъ и ихъ нельзя заподозрить въ недостатокѣ національнаго чувства. — Чѣмъ же наконецъ? Интригами? Не попробывать ли снова плѣнить Александра, отбить его у гувернантки, которая какъ кажется сильно сидитъ у него на шее? Побѣда была бы очень лестная. Или попытаться влюбить въ себя Вошницникова? Но чтоже дѣлаютъ другіе? «Живутъ», отащаль бы Вошницниковъ. Живутъ!.. Да и живутъ ли?

2 февраля.

Третьяго-дня я снова поѣхала въ маскарадъ и скоро отыскала Вошницникова. Онъ сидѣлъ въ боковой залѣ, посматривалъ на двери и оглядывая проходящихъ. Оставивъ Машу, я пошла къ нему. Онъ всталъ мнѣ навстрѣчу.

— Вы узнали меня, или подошли къ первой одинокой маскѣ? спросила я.

— Узналъ.

— Почему?

— По стану, по походкѣ, наконецъ по камерцствѣ, которую ты усадила. Но дѣло не въ томъ: скажи лучше, какой важный вопросъ будемъ мы рѣшать сегодня?

— Вѣроятно никакого.

— Зачѣмъ же ты пріѣхала?

— Впервыхъ затѣмъ, что дома было скучно, а повторныхъ потому что общала тебѣ пріѣхать.

— Хотя меня ты и спрягала на второй этажъ, но я непременно поблагодаримъ бы тебя, еслибы умѣлъ дѣлать комплименты.

— Мнѣ кажется можно бы поблагодарить и безъ комплиментовъ.

— За что?

— Зато что согласилась на твою просьбу и пріѣхала.

— Да вѣдь ты согласилась бы не на всякую просьбу пріѣхать.

— Разумѣется нѣтъ.

— Слѣдовательно на мою ты согласилась только потому, что тебѣ самой было не непріятно меня видѣть. Въ такомъ случаѣ благодарность должна быть взаимная, или, что проще, ни одному, ни другому благодарить незачто.

— Это пожалуй и правда, только ты кажется несколько оригинальничаетъ.

— Вотъ, да! Сама же толкуетъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, а попробуй размышлять — упрекаетъ въ оригинальничаньи. Да, кстати: чтоже вопросъ о жизни? Порѣшила?

— Объяснись пожалуйста: считаешь ты этотъ вопросъ несуществующимъ вниманія?

— Нѣтъ, я считаю его неразрѣшимымъ.

— Почему?

— Потому что не рѣшается. Все что можно было сказать о немъ, давно сказано. Вѣрить или не вѣрить — въ твоей волѣ, но нового ничего не выдумаешь, а напрасно волноваться не стигишь: смыслъ можно употребить на что-нибудь болѣе благодарное.

— На что направимъ?

— На мысль, о чемъ-нибудь болѣе доступномъ, на чувство.

— По какому? Да на какую мысль, на какое чувство? Не на любовь ли?

— Да хоть и на любовь. Что ты отзываешься о ней съ такой прощай? Уже не насолила ли она тебѣ? не оттого ли ты и пустилась въ глубокомыслие?

— Скажи же мнѣ, что такое любовь?

— Ты вѣчно съ опредѣленіями. Опредѣлить мы ничего не можемъ: опредѣленіе должно касаться сущности предметовъ, а никакая сущность для насъ недоступна; мы можемъ имѣть дѣло только съ явлениями и формами. Я попрошу тебя, напримѣръ, опредѣлить что такое дерево; ты пожалуй ответишь, что это есть соединеніе азота, кислорода, углерода и пр.: опредѣлить животное, — опять соединеніе азота, кислорода и пр. Вотъ и опредѣленіе, да и то благодаря тому, что не опредѣлили, что такое азотъ или углеродъ, а то пришлось бы добратъся до такого, что по своей безцвѣтности, безвидности весьма близко граничитъ съ ничѣмъ и слѣдовательно никакого опредѣленія имѣть не можетъ. Потому-то обыкновенно и говорится, что анализъ мертвить, т. е. приводить къ нулю.

— Мнѣ случилось однако слышать, что анализъ весьма полезенъ.

— Чему? въ чемъ?

— Онъ принесъ напримѣръ большую пользу наукамъ.

— Какую? Ты напримѣръ, что видишь живого донатія о де-

разъ далъ отвлеченное представленіе о соединеніи газовъ, необъяснивъ почему (а не чѣмъ) одинъ газъ разнится отъ другого, почему одни и тѣже газы въ одномъ случаѣ образуютъ одну форму, въ другомъ другую, что наконецъ заставляетъ ихъ соединяться, — и такимъ образомъ одно неизвѣстное замѣнилъ десятью? «Наше знаніе состоитъ въ томъ, чтобы черпать неизвѣстныя изъ самыхъ глубокихъ источниковъ», сказалъ кажется Ройе-Колларъ. Анализъ и полезенъ развѣ на то, чтобы яснѣе доказать, что мы ничего знать не можемъ. Невелика заслуга! Въ нравственномъ отношеніи еще хуже. Какую-нибудь мысль, какое-нибудь побужденіе ты готовъ считать великими; станешь разбирать — и откроется такая бездна мелкихъ гаденькихъ побужденій и зачатковъ противорѣчащихъ мыслей, что изъ нихъ никакому искуснику не составитъ повидному ничего хотя сколько-нибудь похожаго на мысль или побужденіе. Въ радости найдешь источникъ безконечнаго горя; въ горѣ много такого, что заставитъ до слезъ хохотать и надъ горемъ, и надъ собою въ придачу — и станетъ гадко...

Бросимъ шутствования. Слушай лучше увертюру «Севильскаго цырульника». Ты пожалуй опять пустишься разбирать, что такое звукъ, что такое нервы, сообщающіе впечатлѣніе мозгу, что такое наконецъ мозгъ и ничего не добьешься; а между тѣмъ этотъ чудный назойливый мотивъ, который щемитъ за сердце и въ тоже время заставляетъ его биться страстнымъ и сладостнымъ трепетомъ, будетъ потерянъ. Въ жизни разлито много поэзіи; нужно только умѣть уловить ее, неостанавливаясь на одной поверхности явленій, но въ тоже время неслишкомъ углубляясь въ нихъ: иначе поднимешь всю тину со дна. Мѣра — вещь важная. Поймите это — и тогда вы найдете не только много возвышеннаго и благороднаго, но и много жизненной правды въ стихахъ Пушкина, о которыхъ отзывались на дняхъ съ такимъ презрѣніемъ:

Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья:
Порой опять гармоніей уныю,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И можетъ-быть на мой закатъ печальный
Мелькнетъ любовь улыбкою прощальной.

Долго ходили мы молча по отдаленнымъ полуостровамъ

заломъ. «Назойливый» мотивъ еще раздавался и становился все быстрее и назойливѣе, и хваталъ за сердце. Опять вспоминались мнѣ и Сокольника, и тихія ночи, и страстные поцѣлуи. «Много радостей въ жизни!» раздавалось въ ушахъ. «Да всѣ онѣ прошли безвозвратно для меня», думалось мнѣ.

Голосъ Вошинникова вывелъ меня изъ раздумья.

— У меня есть къ тебѣ убѣдительная просьба, за исполненіе которой я въ самомъ дѣлѣ буду очень благодаренъ.

— Какая?

— Сними на минуту маску : мнѣ хочется знать, насколько ты была права, говоря о своей наружности.

— Ужь не собираешься ли ты ухаживать за мной?

— Пока нѣтъ ; но, говоря серьезно, не видѣть лица значить не знать человѣка, а мнѣ хочется узнать тебя ; восторыхъ всякая таинственность раздражаетъ мои нервы, что весьма вредно дѣйствуетъ на мозговую систему. Такимъ образомъ ты рискуешь услышать покрайней-мѣрѣ одной глупостью больше.

— Аргументъ очень убѣдительный, особенно послѣ того, что ты наговорилъ мнѣ недавно. Хорошо, смотри.—И я на нѣсколько секундъ отдѣлила маску отъ лица. Я видѣла какъ что-то похожее на удивленіе пробѣжало по лицу Вошинникова.

— Чтожъ, хороша? спросила я.

— Во всякомъ случаѣ медура.

— Кстати значить : ты вѣдь любитель мѣры и золотой середины.

— Потомучто крайности ведутъ къ уродливости.

Мы долго еще болтали. Я открыла въ Вошинниковѣ черту, которой никакъ не подозрѣвала : искренность и чрезвычайную простоту, почти наивность. Это сильно расположило меня къ нему. Нѣсколько разъ собиралась я ухъать, Вошинниковъ востоянно урашивалъ меня побыть еще немного. Наконецъ окончательно нужно было собираться домой.

— Гдѣ и когда мы увидимся? спрашивалъ онъ меня.

-- Незнаю, можетъ-быть опять какъ-нибудь въ маскарадѣ.

— Впервыхъ не какъ-нибудь, восторыхъ пожалуста не въ маскерадѣ : что за пріятность вмѣсто васъ видѣть безобразную маску!

— Будто ужъ маска такъ безобразна?

— Во всякомъ случаѣ не вы. Нельзя ли, гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— Гдѣ же?

— Вы никогда не гуляете?

— Очень рѣдко.

— Выйдите какъ-нибудь; но прежде скажите: куда вы пойдете и когда?

— Это очень трудно. Если вы свободны, то прѣзжайте хоть во вторникъ въ большой театр. Я васъ увижу въ фойе.

— Отчего же во вторникъ, а не раньше?

— Оттого что во вторникъ. Вы тоже становитесь рационалистомъ.

6 февраля.

Вчера я попала на лекцію политической экономіи. Огромная, прекрасно освѣщенная зала была набита биткомъ, потому что профессоръ, какъ-видно большой ревнитель просвѣщенія, читалъ свои лекціи даромъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали начала. Наконецъ, скромно пробравшись сквозь толпу, профессоръ появился на кафедрѣ и заговорилъ тихимъ голосомъ. Онъ говорилъ о значеніи политической экономіи, говорилъ плавно, толково, вразумительно. Я слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и казалось все очень хорошо понимала, но черезъ десять минутъ самая плавность, однообразіе этой рѣчи утомило меня. Подъ обыкновенными, очень простыми словами открывались понятія совершенно незвонкія; я не успѣвала ихъ схватывать и почти ничего не понимала. На этотъ разъ я не могла обвинять профессора. Его можно развѣ упрекнуть только въ томъ, что онъ кажется упустилъ изъ виду совершенную неприготовленность слушателей, на что необходимо долженъ былъ рассчитывать по самому характеру своей публики, и потому, вмѣсто заботы о стройности и полнотѣ изложенія, долженъ былъ стараться о томъ, чтобы тщательнѣе выдѣлать и опредѣлить каждое понятіе. По окончаніи лекціи я вышла изъ залы въ огромной досадѣ на себя самою и съ желаніемъ непремѣнно ознакомиться съ политической экономіей. Сродну Вошинникова, не знаетъ ли онъ ад.

7 февраля.

Сегодня я добѣжала въ театр. Шла какой-то балетъ. Въ антрактѣ я вышла съ Машей въ фойе. Вошинниковъ прошолъ мимо меня; я позвала его по имени.

— Откуда вы знаете мое имя?

— А разве это тайна?

— Не тайна, но я вам не говорилъ его.

— Видно говорили, если я знаю. А вы не узнали меня?

— Узналъ.

— Отчего же вы не подошли?

— Я боялся подойти невпопадъ.

— Вы знаете, что излишняя предосторожность бываетъ иногда неумѣстива неосторожности.

— Въ какомъ случаѣ я прошу васъ назвать меня, сказавъ онъ съ маленькой досадой.

Я разсѣялась,

— И вы кажется не всякія истины принимаете досказавъ хладнокровно?

— Покрайней-мѣрѣ за всякій урокъ я очень благодарю.

— Перестаньте же. Мы пока еще такъ мало знакомы, что намъ странно начать уже ссориться. Для меня это тѣмъ болѣе невыгодно, что я имѣю къ вамъ просьбу.

— Какую?

— Вы знаете политическую экономію?

— Немножко.

— Учите меня ей.

— Хорошо. Гдѣ прикажете: въ маскаралахъ или въ театрѣ?

— Нѣтъ, не въ театрѣ и не въ маскаралахъ... Въ самомъ дѣлѣ негдѣ; я не подумала. Хотя я могу принимать кого хочу, но все-таки было бы странно...

— Если только дѣлю въ мѣстѣ, прибѣжайте ко мнѣ. Что вы такъ посмотрѣли? Не сочли ли вы какъ-нибудь предложеніе мое оскорбительнымъ?

— Нѣтъ, оно для меня очень неожиданно.

— Видите вы въ немъ что-нибудь дурное или неудобноисполнимое?

— Особенно дурного ничего, очень неудобноисполнимаго тоже нѣтъ; но... оставимъ это пока.

— Останьтесь. На всякій случай, я живу недалеко отсюда.

— Она назвала домъ.

— Проходите, продолжалъ Воццшиковъ: — меня безпокоитъ только, что въ одинъ прекрасный или прескверный день я могу совершенно потерять васъ изъ виду. Вы легко забудете о на-

нихъ многолетнихъ встрѣчахъ, а для меня это будетъ очень больно, потому что я имѣю несчастную привычку очень скоро ко всему привязываться. Скажите покрайней-мѣрѣ, какими образомъ я могъ бы писать вамъ, хоть не на ваше имя, но такъ, чтобы мои письма непременно доходили? Скажите хоть адресъ вашей посылки, наконецъ назначьте какой-нибудь магазинъ, магазинъ музыкальный...

Я почти расхохоталась.

— Что у васъ за странныя предложенія! Вы вѣрно начинались плохихъ романовъ. Если найдете писать мнѣ о чемъ-нибудь, пишите просто на мое имя.

Я сказала ему свой адресъ. Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— Пожалуста простите меня, Вѣра Николавна; не думайте обо мнѣ такъ дурно, какъ я заслужилъ своей неловкостью.

Я хотѣла было пригласить Вошинникова въ свою ложу, какъ вдругъ совершенно неожиданно подошелъ Александръ, котораго я не замѣтила до сихъ поръ въ театрѣ. Онъ подалъ руку мнѣ, потомъ Вошинникову.

— Здравствуйте, Вѣра Николавна; какъ ваше здоровье, Андрей Васильичъ? Вы также какъ и мы грѣшныя охотникъ до балетовъ? Я никакъ не предполагалъ этого. Да! я не спросилъ васъ, Вѣра Николавна: довольны ли вы мной? Вѣрно довольны и ради послѣдняго простили прежнее. Всему на свѣтѣ свой чередъ... Вы, Маша, не заснули еще? Какъ вамъ нравится балетъ? Вѣрно не очень. Вы вѣдь нето-что мы съ Андреемъ Васильевичемъ: мы еще въ университетѣ слушали теоріи разныхъ искусствъ и крѣпко наострились въ фокусахъ и штукахъ разнаго рода.

— Но искусству разыгрывать комедіи васъ вѣроятно не учили?

— Комедіи? Нѣтъ. Но что дѣлать, не у всякаго трагическій талантъ: не сумѣешь разыгрывать трагедій—придется красоваться въ комедіяхъ, да и то не на первомъ планѣ. Тутъ только и утѣшаешь себя нѣсколько избитой истиной, что *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*. Самые записные трагики, несмотря со стороны, ломаютъ презабавную комедію, хотя и несомнѣно умышленно. Но я пускаюсь въ философію; это не по моей части. Неправда ли, Андрей Васильичъ?

— Смотри по философіи, Вашу вы развиваете съ замѣчательнымъ талантомъ.

— Но въ философіи дѣло не столько въ талантѣ, сколько въ направленіи. Направленіе главное, какъ говоритъ Григорій Ивановичъ. Кстати, какъ его здоровье? Я съ нимъ давно не видѣлся. Его нѣтъ здѣсь? Счастливецъ: не вѣдаетъ ни балетовъ, ни комедій. Впрочемъ у него вкусъ дурной: трагедія рядомъ съ философіей ему пожалуй тоже не очень понравится. Однако пора, сейчасъ начнутъ. До свиданья, Вѣра Николавна. Что мы такъ рѣдко видимся, Андрей Васильичъ? Я на дняхъ побываю у васъ.

Я простилась тоже съ Воцнинниковымъ. — До слѣдующаго антракта, говорилъ онъ мнѣ, но я тотчасъ уѣхала домой.

10 апреля.

Вчера за обѣдомъ мужъ сказалъ, что Александръ, съ которымъ онъ видѣлся утромъ, просилъ позволенія представить ему Воцнинникова.

— Александръ говорилъ, что это по твоему желанью, прибавилъ мужъ. — Что это за человѣкъ?

— Этого я сама хорошо незнаю, и не думала просить Александра представлять его вамъ.

— Какъ хочешь. Это ужъ сама устрой съ нимъ.

Послѣ обѣда я послала просить къ себѣ Александра. Онъ тотчасъ пришолъ.

— Послушайте, Александръ Алексѣичъ: для чего вы меня преслѣдуете? чего вы хотите?

— Я незнаю, о чемъ вы говорите?

— Очень хорошо знаете: о вашихъ, быть-можетъ и весьма остроумныхъ, но несовсѣмъ умѣстныхъ намекъ въ театрѣ, о предложеніи мужу познакомить его съ Воцнинниковымъ. Просилъ васъ объ этомъ Воцнинниковъ?

— Нѣтъ, но я хотѣлъ доставить вамъ удовольствіе.

— Вы мнѣ доставите самое большое удовольствіе, если совершенно оставите меня въ покоѣ. Я не жду отъ васъ... да и не прошу молчать о томъ, что я была вашей любовницей; говорите и показывайте это кому и сколько хотите, но по крайней мѣрѣ мнѣ самой не колите безпрестанно глазъ моимъ неудачнымъ выборомъ.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что второй выборъ будетъ удачнѣе?

— Это ужъ мое дѣло и никакъ не ваше.

— Вы слишкомъ раздражены, Вѣра. Выслушайте меня минуту спокойно. Не знаю, настолько ли я виноватъ, какъ вы высказали, но пусть и такъ. Неужели же нѣтъ возможности возвратиться прошедшаго? Неужели вы не видите, что я все-таки...

— Не знаю который это актъ придуманной вами комедіи, но знаю, что самый неудачный. Вы не думаете о чемъ говорите: вы предлагаете возвратиться къ прошедшему, а я вѣрно-то и не хочу этого.

— Въ такомъ случаѣ прощайте, Вѣра.

Александръ наклонился и поцѣловалъ мою руку; голосъ его показался мнѣ печальнымъ. Мнѣ стало жаль его.

— Александръ, на одну минуту. Мнѣ нехотѣлось бы такъ разстаться съ вами. Согласимся, что и вы и я, мы оба правы каждый передъ собой, забудемъ наши неудовольствія и... разстанемся друзьями.

— Э, полноте, Вѣра Николаевна, что за церемонія... между друзьями! Для васъ все равно, какъ бы мы ни разстались, да и для меня, правду сказать, почти тоже. Прощайте.

14 февраля.

Вчера я получила записку отъ Вошняникова. Онъ просилъ дать ему знать, гдѣ и когда онъ можетъ видѣть меня.

Я просила Машу зайти къ нему и сказать; чтобы онъ ждалъ меня около пяти часовъ, что мы вмѣстѣ побѣдемъ кататься. Въ пять часовъ я заѣхала за нимъ. Мы проѣхали къ Петровскому парку и назадъ. Вечеръ былъ лунный и не очень холодный; Вошняниковъ необыкновенно одушевленъ. Я спросила, что онъ дѣлалъ; онъ отвѣчалъ, что читалъ недавно вышедшую русскую грамматику Б. По этому случаю онъ сталъ толковать мнѣ въ родствѣ языковъ и народовъ; приводилъ греческія и санскритскія формы, говорилъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ, о прогрессѣ. Дѣло въ томъ, что я никакъ не могла уяснить себѣ что такое прогрессъ. Нѣсколькими прамѣрами Вошняниковъ довольно ясно показалъ мнѣ, какимъ образомъ склонности, даже слабости и недостатки человека; оставаясь постоянно тѣми же тѣми, съ теченіемъ времени проявляются въ лучшихъ, болѣе мягкихъ и ту

машинных формахъ. Разговоръ коснулся какъ-то преступленій и наказаній.

— Но наказанія — необходимость, сказала я.

— Необходимость, но только историческая.

— Что это значить?

— То, что они необходимы въ извѣстное время, напримѣръ теперь, но въ послѣдствіи могутъ перестать быть необходимыми.

— Но пока будутъ преступленія, до тѣхъ поръ и наказанія будутъ необходимы.

— Да что вы называете преступленіемъ?

— Такой поступокъ, который наноситъ кому-нибудь вредъ.

— Добавьте: поступокъ сознательный и добровольный. Не иначе.

— Разумѣется.

— Кто же добровольно дѣлаетъ зло?

— Всѣ дурные люди.

— Да отчего же они дурны?

— Отчего? Я не могу сказать отчего. Они могутъ быть дурны отъ разныхъ причинъ.

— Мнѣ кажется, только отъ двухъ: Положимъ вы хороши, а я дурень. Одно изъ двухъ: или я ужь такъ и родился дурнымъ, а вы хорошей, или мы сдѣлались такими послѣ, вслѣдствіе воспитанія и вообще вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ выборъ зависѣлъ не отъ насъ, слѣдовательно какъ ваше добро, такъ и мое зло недобровольны.

— Но различіе между нами могло произойти еще отъ того, что я старалась быть хорошей, а вы нѣтъ.

— Вы только переносите вопросъ. Чтоже заставило васъ стараться, а меня не заставило? Опять таки вліяніе обстоятельствъ.

— Хорошо; но положимъ что и вы старались, но у васъ не достало воли.

— Почему же у васъ достало, а у меня нѣтъ, если мы родились одинаковы, слѣдовательно и съ одинаковой волей?

— Но въ такомъ случаѣ наказанія — несправедливость. На чемъ же они основаны?

— Именно на томъ, что они играютъ довольно важную роль въ ряду внѣшнихъ обстоятельствъ, помогающихъ волѣ воздерживаться отъ преступленій.

— Значитъ наказываемый преступникъ — искупательная жертва за вины самого общества?

— Къ сожале́нью пока такъ.

— Но что же будетъ потомъ? будетъ ли когда-нибудь?

— Нужно надѣяться, что да, когда найдутся другія средства удерживать отъ преступлений, съ развитіемъ образованія, съ совершенствованіемъ самой общественной организаціи. Если бы на примѣръ нашли средство ловить всѣхъ воровъ до одного — ихъ не нужно бы и наказывать, а просто отбирать украденное, и воровать бы перестали. Можетъ бы и нашолся одинъ какой-нибудь любитель искусства ради самого искусства, но это былъ бы поврежденный. Его нужно бы не наказывать, а лечить.

— Но когда же это будетъ?

— Что будетъ?

— Когда перестанутъ наказывать?

— Вѣроятно около того времени, когда рѣки потекутъ млеко́мъ и медомъ и на липахъ Петровскаго парка будутъ зрѣть ананасы.

— Боже-мой! вы и здѣсь только шутите!

— Во всякомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе шутить, нежели убиваться надъ тѣмъ, чего не передѣлаешь.

— Значитъ ваши толки о прогрессѣ, ваша вѣра въ него — все это тоже шутки и шутки?

— Объ этомъ поговоримъ какъ-нибудь въ другой разъ. Сегодня нехочется.

Мы молчали нѣсколько минутъ.

— Вѣра Николаевна, заговорилъ Воицниковъ: — заѣжайте ко мнѣ пить чай.

Я колебалась.

— Если вы не согласитесь, это будетъ нѣсколько похоже на чодорность.

Съ этимъ я была вполне согласна и потому рѣшилась заѣхать.

Воицниковъ занималъ двѣ небольшія очень чистенькія комнаты. Въ первой, меньшей, ничего не было кромѣ дивана, двухъ столовъ и нѣсколькихъ стульевъ. Онъ приказалъ готовить чай и пригласилъ меня пройти въ другую комнату, если я не хочу, чтобы лакей видѣлъ меня. Вторая комната нѣсколько больше и составляла вмѣстѣ и спальную, и кабинетъ. Въ углу стояла

этажерка съ книгами, у окна столъ, на которомъ лежало нѣсколько книгъ и куча тетрадей.

— Андрей Васильичъ, съ моей стороны не будетъ нескромностию просмотрѣть ваши книги и тетради?

— Смотрите, только едвали найдете что-нибудь интересное.

Книги представляли удивительную смѣсь. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, было томъ Пушкина, съ загнutoй страницей; на которой помѣщено стихотвореніе «Коварность»:

Когда твой другъ на глазъ твоихъ рѣчей
Отвѣтствуетъ язвительнымъ иочаивемъ и проч.

Потомъ здѣсь же лежала грамматика Б., стихотворенія Лермонтова, евангеліе на французскомъ языкѣ, мифологія Шеллинга, раскрытая на половинѣ и наконецъ томикъ стихотвореній Гейне. Я обратилась къ бумагамъ. На двухъ листахъ, мелко исписанныхъ, трактовалось о мифологіи; далѣе тетрадь съ выписками изъ какой-то римской исторіи, наконецъ нѣсколько тетрадей стихотвореній. Здѣсь были и мелкія стихотворенія, и цѣлыя поэмы. Въ большей части, насколько я успѣла разсмѣтрѣть, видны были, та раздвоенность, то сомнѣніе, которыя такъ поражали меня въ Вошинниковѣ.

— Вѣра Николавна, идите чай пить, звалъ меня Вошинниковъ изъ другой комнаты.

— Вы стихи пишете?

— Вы и до нихъ добрались! Писалъ когда-то, но давно бросилъ.

— Зачѣмъ же бросили?

— О чемъ писать? Востокъ и югъ и проч.? Да притомъ вы видите, что выходитъ весьма дурно.

— Что же вы дѣлаете?

— Ничего.

— Какъ ничего? Нужно же что-нибудь дѣлать.

— Я хотѣлъ сказать — ничего хорошаго, а то мало ли что я дѣлаю: ѣмъ, сплю, даю уроки, перевожу — следовательно добываю деньги, читаю что попадется подъ руку, ѣзжу въ маскарады, наконецъ толкую съ вами о возвышенныхъ предметахъ.

— Последнее тоже относится къ числу нехорошаго?

— Это по крайней мѣрѣ лучшее. Я не помнилъ начала фразы.

— Вы не занимаетесь какой-нибудь наукой?

— Нѣтъ. Да и какой? Всего не узнаешь, а изъ крохотокъ хлопотать не стоитъ.

— Васъ не поймешь: то вы взводите на науки небиллицы и изъявляете къ нимъ какое-то презрѣнiе, то съ жаромъ говорите о нихъ.

— Это все еще слѣды старой привычки.

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, она лучше новой.

— Дѣло не въ томъ, что лучше, а что вѣрнѣе. Сами же вы упрекали Пушкина за слова:

•Тѣмы низкихъ истинъ мнѣ (т. е. ему) дороже
Насъ возвышающій обманъ.»

Впрочемъ почти тоже самое еще прежде Пушкина сказалъ когда-то Цицеронъ. Быть-можетъ они и правы.

— Этого ужъ никакъ быть не можетъ, но только и вы не правы.

Вошинниковъ задумался. Разговоръ не клеился. Маша украдкой зѣвала. Я стала собираться.

— Вы хотите ѣхать? Извините мой постоянный припѣвъ: когда мы увидимся. Да! когда же примемся за политическую экономiю? Пріѣдете?

— Какъ-нибудь пріѣду.

— Опять какъ-нибудь. Это не великодушно. Скажите, когда именно?

— Черезъ недѣлю.

— Сегодня вторникъ, слѣдовательно въ понедѣльникъ. Въ которомъ часу?

— Часовъ въ семь.

— Нравится тебѣ Вошинниковъ? спросила я дорогою Машу.

— Ничего, только Александръ Алексѣичъ лучше.

— Чѣмъ же? спросила я и въ тоже время чувствовала какъ краска бросилась мнѣ въ лицо вслѣдствiе такого сближенiя Александра съ Вошинниковымъ.

Маша отвѣтила какую-то глупость.

20 февраля.

Сегодня я поѣхала по обѣщанiю къ Вошинникову, просидѣла довольно долго, такъ что Маша едва не заснула, однако за политическую экономiю мы слова не принимались. Вошинниковъ,

Вощинниковъ! Онъ для меня до сихъ поръ такая же загадка, какъ былъ въ первый разъ. Сегодня впрочемъ я видѣла его съ лучшей стороны. Онъ говорилъ мнѣ о своемъ воспитаніи, о своей, какъ онъ выражался, минувшей молодости. То рассказывалъ разные случаи изъ своей жизни, то пускался разбирать свой характеръ. Но всѣ эти рассказы дышали невыразимою искренностью. Говоря о себѣ, онъ все-таки на первый планъ ставилъ не свою личность, а мысль или истину. Я не ошиблась: простота, какъ я сказала, наивность, да еще чрезвычайная впечатлительность—отличительныя черты его характера. Но это не бессознательная простота ребенка. Онъ понимаетъ много, онъ понимаетъ все. Для него ясна и каждая мысль, и каждое чувство, и ихъ источникъ. Говоря на дняхъ о прогрессѣ, онъ толковалъ, что окончательный результатъ человѣческаго развитія—прийти къ первобытной младенческой чистотѣ побужденій, но очищенной и окрѣпленной сознаниемъ. Въ немъ именно и проявляется эта просвѣтленная простота... Но почему же повременамъ проявляется и другое?..

22 февраля.

Опять неожиданность, нѣчто вродѣ театральнаго фарса. Въ виду, какъ кажется, имѣлся тотъ эффектъ, который произвелъ онъ на меня.

— Знаешь ли, сказалъ мнѣ сегодня мужъ:—Навроцкій женится на какой-то экс-гувернанткѣ, о которой, какъ онъ сказалъ мнѣ, ты отъ него слышала. Онъ просилъ позволенія для своей невѣсты пріѣхать къ тебѣ познакомиться.

Я промолчала.

— Мнѣ кажется, началъ мужъ, — соблюденіе приличій требуетъ...

— Ради-бога, наблюдайте съ Навроцкимъ какія хотите приличія, но попросите, чтобы меня онъ оставилъ въ покоѣ.

Я вышла изъ комнаты. Мое раздраженіе мужъ приписалъ вѣроятно... Да пусть думаетъ что хочетъ.

27 февраля.

Маша простудилась и не могла ѣхать со мной къ Вощинникову. Я долго колебалась ѣхать одна, наконецъ рѣшилась остаться дома и потомъ, сама незнаю какъ, поѣхала.

Когда я вошла въ комнату Вондровичева, онъ что-то писалъ и казался озабоченъ.

— Я пересталъ уже было надѣяться, что вы придете, говорилъ онъ вставая.

— Я всего опоздала полчаса.

— Это время показалось мнѣ вѣчностью. Снимайте шляпку и садитесь.

— Что вы писали?

— Досадно рассказывать. Выходить рукописный сборникъ, въ которомъ весь университетъ вообще, а затѣмъ всѣ профессора поголовно обвиняются въ обскурантизмѣ. Я прочелъ бы вамъ эту статейку, но она написана ужь черезчуръ грубо и грязно. Есть же вкусы! Понятно, что писавшій ее на лекціяхъ не бывалъ: иначе не написалъ бы подобной галиматии. Я не думаю приходить отъ профессоровъ въ безусловный восторгъ. Особенно замѣчательныхъ личностей между ними не много, самоотверженія ради науки или истины тоже, какъ кажется, искать нечего, но едвали хоть одинъ изъ нихъ способенъ сознательно вводить кого-нибудь въ заблужденіе. Будь эта статейка напечатана, она не принесла бы никакого вреда; нашлись бы люди, которые доказали бы ея нелѣпость. А теперь она станеть разгубивать по рукамъ да чернить тебя въ глазахъ добрыхъ людей, а ты изволь ее игнорировать, по выраженію одного журнала, трунившего надъ московскимъ профессоромъ.

— Но вамъ никто не помѣшаетъ и теперь напечатать возраженіе.

— Положимъ такъ, но такому печатному возраженію противъ неапечатанныхъ обвиненій не повѣритъ никто изъ тѣхъ господъ, которые незнакомы съ дѣломъ, а объ нихъ-то и рѣчь. На подобныя статьи пуще всего бросятся только что поступившіе въ университетъ студенты, и половина потеряетъ довѣріе и къ профессорамъ, и къ самой наукѣ.

— Вы кажется опять начинаете защищать науку.

— Что вы все ловите меня? Ну да бросимъ это. Богъ съ нами и съ профессорами, и съ наукой, и съ нелѣпыми статейками.

Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было... такъ скучно, скучно!..

Онъ съ минуту молча ходилъ по комнатѣ, потомъ вдругъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ вы хороши! Я все не могу насмотрѣться на васъ.

— Вотъ неожиданный комплиментъ, проговорила я, но Вошнинниковъ думалъ совершенно о другомъ.

— Помните, гдѣ-то было напечатано стихотвореніе, каждая строчка котораго начиналась словомъ «еслибы». Еслибы! Еслибы напримѣръ я былъ бы англійскимъ министромъ, я не былъ бы русскимъ праздношатающимъ дворяниномъ; еслибы люди были умны, они не были бы глупы. Все это неопровержимыя истины. Касательно послѣдней нужно замѣтить впрочемъ, что изъ нея не слѣдуетъ, чтобы и глупости уменьшились; напротивъ: *les folies les plus folles sont celles que font les sages.*

— Итакъ умъ доказывался бы глупостями?

— Нѣтъ, онъ доказывался бы тѣмъ, что въ самыхъ глупостяхъ не было бы вопервыхъ пошлости, вовторыхъ благоразумія. Замѣтите, что умные люди почти никогда небывають благоразумны и наоборотъ. Благоразуміе—это убѣжище тупости и безжизненности. Тѣмъ-то и нравитесь вы мнѣ, что въ васъ его мало.

Я расхохоталась. — Я могу отплатить вамъ тѣмъ же комплиментомъ, сказала я.

Вошнинниковъ тоже смѣялся.

— То-есть я вамъ нравлюсь потому, что во мнѣ мало благоразумія?

— Несовсѣмъ такъ. Я говорила только о второй половинѣ фразы.

— Жаль, что не о первой.

— Почему жаль?

— Потомучто въ такомъ случаѣ и вамъ и мнѣ было бы веселѣе.

— Веселье еще небольшое благо.

— Какихъ же благъ вы хотите? пламенныхъ чувствъ, страстей, словомъ трагедіи, какъ говорилъ Навроцкій?

Говоря это онъ подошелъ ко мнѣ, одною рукою взявъ мою руку, другою коснулся талии. Я быстро отодвинулась.

— Всего менѣе хочу я служить для васъ забавой.

Вошнинниковъ пристально посмотрѣлъ на меня и всталъ.

— Объ этомъ никто и не думалъ, проговорилъ онъ.—Напротивъ, я готовъ потѣшать васъ чѣмъ вамъ только будетъ угодно;

тогдашнѣ философія вѣсенской, вѣдѣйской, вѣсенской. — какой хотите. Не посвятить ли намъ сегодняшній вечеръ этнографіи? На дняхъ мнѣ попалась книжка «L'autre monde», какой-то Marie de Fontenay, вѣчто вродѣ мемуаровъ — ея собственныхъ и нѣкоторыхъ изъ ея друзей о Сѣверо-американскихъ штатахъ. Вы вѣрно не читали? Отличная книга. То-есть, собственно говоря, книга отвратительная: это апофеоза рабства съ приличными проклятіями Бичеръ-Стоу и ея роману, но въ ней описываются нѣкоторые любопытныя черты сѣверо-американскихъ нравовъ. Объ одной изъ нихъ я и хочу рассказать. Молодой французъ пріѣхалъ, помнится, въ Нью-Орлеанъ и ухаживалъ за дѣвушками, которыя въ сѣверной Америкѣ пользуются неслыханною у насъ свободою и самостоятельностью. Ему особенно приглянулась одна, которой и онъ повидимому не былъ противенъ. Они видѣлись каждый день, французъ гулялъ съ нею, танцевалъ на балахъ, жалъ ей руки, иногда касался губами ея пышныхъ волосъ. Между тѣмъ онъ слышалъ, что между мужчиною и дѣвушкою допускаются обычаемъ отношенія болѣе короткія, носившія названіе флиртованія (flirtation). — «Это флиртованіе?» спрашивалъ онъ безпрестанно дѣвушку, когда та склонялась въ забытіи на его плечо или отдавала свою руку его жаркимъ поцѣлуи. — «Нѣтъ еще», отвѣчала она, и сладкія, несовсѣмъ чистыя надежды волновали сердце француза. Когда же наконецъ дѣло дошло до флиртованія, то несмотря на пылкія ласки и страстные поцѣлуи, французъ не былъ доволенъ. — «И только?» спрашивалъ онъ. — «Только», отвѣчала дѣвушка, и желая яснѣе показать, что далѣе дѣйствительно надѣяться нечего, она символомъ пояснила ея смыслъ флиртованія: подошла къ розовому кусту, выбрала пышную розу, вертѣла ее во всѣ стороны, вдыхала въ себя ея аромат, прикладывала къ волосамъ и груди, и въ заключеніе обратила вниманіе француза на то, что она не сорвала ее, не повредила на ней ни одного лепестка. Незнаю насколько былъ доволенъ такою осторожностью французъ, но обычай этотъ весьма не нравился одной моею знакомой (замужней), и она тоже собиралась какется флиртовать, хотя я и объяснялъ ей, что мы не сѣверная Америка, что у насъ розъ мало, зато много кануцты и рѣпы, и что такое галантерейное обращеніе съ этими, во всякомъ случаѣ весьма почтенными произведеніями природы было бы отчасти черзчуръ тонко.

— Ваша знакомая впрямую была вамъ очень благодарна за откровенность? Вполнѣ откровенные люди такъ рѣдки, что нужно считать особенною милостью судьбы, если встрѣтишь хотя одного.

Я стала надѣвать шляпку.

— Вы ужь собираетесь ѣхать? А политическая экономія?

— Какъ-нибудь въ другой разъ.

— Отчего же не сегодня?

— На сегодня съ меня достаточно одного урока этнографическаго. Съ моей стороны было бы непрослительно — дурно-мнѣ воспользоваться.

— Вѣра Николаевна, объяснитесь пожалуйста.

— Объяснять нечего. Или вы во мнѣ ошибаетесь, или и ошиблась въ васъ. Въ томъ и другомъ случаѣ виновата я. Прощайте.

— Прощайте.

Я уѣхала. Я едва выдержала. Цѣлую дорогу я проплакала. Урокъ былъ жестокъ. Ужели я его заслужила? Чѣмъ же? Тѣмъ что согласилась поѣхать къ нему? Или и этотъ господинъ не лучше другихъ? также какъ и другіе, онъ готовъ пустить комкомъ грязи или даже и совсѣмъ затоптать въ грязь, если представителю случай и хватить силы? Нѣтъ, онъ слишкомъ развитъ... Или и такъ низко поставила себя въ его мнѣніи?.. Но чтоже мнѣ дѣлать? Именно то, что я намѣрена: перестать видѣться съ нимъ. И снова скука, снова тоска!.. Да и зачѣмъ я поѣхала къ нему! Развѣ нельзя было предвидѣть, чѣмъ все это кончится?

«Вѣра Николаевна! Вы ждали разумѣется моего письма, потому что я долженъ былъ написать вамъ, долженъ былъ просить у васъ прощенья, хотя вина моя несовсѣмъ уловима для меня самого. Вы знаете, бываютъ минуты, когда человѣкъ впадаетъ въ какое-то странное состояніе, похожее нѣсколько на усыпленіе, когда онъ не владѣетъ собою, говорить и дѣлаетъ вовсе не то, что хочетъ, когда слова и поступки получаютъ смыслъ, совершенно чуждый его намѣреніямъ. Именно это случилось со мною вчера. То, что я говорилъ вамъ, было дурно, потому что было нехотато, во мнѣ кажется лишнее прибавлять, что если не въ

слованъ, по крайней мѣрѣ въ шатвернѣхъ можетъ же было и тѣмъ болѣе, что могло бы быть для васъ непріятно. Не требуйте отъ меня болѣе опредѣленныхъ объясненій; но простите мнѣ и эту глупость, какъ имѣли уже случай простить нѣсколько другихъ. Умоляю васъ, не сердитесь на меня и напишите хотя одно слово.

«Преданный вамъ А. Вошениковъ.»

«Андрей Васильевичъ! Я не сердилась на васъ, но мнѣ было очень грустно и очень, очень больно. Слова Александра Алексиича въ театрѣ не пропали даромъ, но главною причиною недоразумѣнія — моя собственная неосторожность и я рѣшаюсь поправить се поступкомъ, о которомъ быть-можетъ краснѣя буду вспоминать впослѣдствіи. Но я до того измучена, до того устала, что рѣшительно не могу размышлять и соображать послѣдствій. Я посылаю вамъ свой дневникъ, который вела сначала отъ скуки, потомъ по привычкѣ. Боюсь заглянуть въ него теперь: нѣто я кажется не рѣшилась бы послать его вамъ, а между тѣмъ мнѣ хочется, чтобы вы хотя сколько-нибудь узнали мою жизнь, чтобы вы увидѣли, что при всѣхъ моихъ ошибкахъ, при всей неосторожности, я не заслуживаю той небрежности, которую вы допустили въ обращеніи со мною, которая наконецъ прогладываетъ въ вашемъ сегодняшнемъ, несомнѣннѣмъ и искреннемъ, сдержанномъ письмѣ. Если и этотъ поступокъ мой подастъ поводъ къ такимъ же заключеніямъ, къ какимъ вы пришли послѣ моего неосторожнаго визита, то я прошу васъ вспомнить, что я одна, одна въ цѣломъ мірѣ, что скука и тоска плохіе совѣтники.

«Вѣра.»

«Вѣра Николаевна! Цѣлые два дня я не могу собраться отвѣтить вамъ. Я начиналъ двадцать писемъ и двадцать разъ рвалъ ихъ подъ вліяніемъ различныхъ чувствъ, быстро смѣнявшихся одно другимъ: я удивлялся вамъ, чуть не проклиналъ себя за свою близорукость, готовъ былъ у ногъ вашихъ вымолить себѣ прощеніе, вымолить любовь вашу, и потомъ самъ смѣлся надъ неопытностью словъ и фразъ, которыя мелкажи у меня въ головѣ. Наконецъ я остановился на одномъ чувствѣ: на досадѣ на васъ

за то, что при всем желании уиѣ вы меня не поняли, что мнѣ чего-то сказать вамъ. Я долженъ быть откровененъ. Вы рѣшились прислать мнѣ свой дневникъ, для того чтобы охранять мое уважение?.. Мнѣ совѣстно подумать, о какихъ пустякахъ вы хлопотали. Я дѣйствительно не понималъ васъ, но какого бы мнѣнія я о васъ ни былъ, вамъ рѣшительно все-равно :

Мертвый въ гробѣ тихо спи,
Жизнью пользуйся живущій.

Живите же и оставьте меня умирать. Я ничего не могу дать вамъ: ни мыслей, потому что во мнѣ шѣтъ ихъ. — всѣ онѣ, какъ изображение предмета въ кругломъ зеркалѣ, обратились въ безформанный хаосъ: ни чувствъ, потому что я до того привыкъ вглядываться въ каждое чувство, разлагать его на составныя части и словно мячикомъ перебрасывать изъ одного въ другое, что потерялъ всякую способность чувствовать. Я способенъ увлекаться; прежде всего я готовъ былъ увлечься и вашей свѣтлой личностью, и смѣлостью вашихъ чувствъ и вашимъ энергическимъ умомъ, но бѣда въ томъ, что рядомъ съ каждымъ увлеченьемъ во мнѣ неизбѣжно возникаетъ вопросъ о томъ: что будетъ дальше, — а возможный отвѣтъ на это способенъ охладить самое пылкое увлеченье. Вы писали какъ-то, что скорѣе готовы рвать самыя дорогія для васъ связи, нежели допустить, чтобы они опошлись; я предлагаю мѣру радикальнѣе: воздерживаться отъ всякихъ связей, потому что онѣ неминуемо опошлятся. Измѣнимость и искаженіе — основной законъ природы. «Развивайся или падай», говорятъ этотъ законъ. Но развиваться можетъ только то, что еще не развилось, развившемуся остается одно — падать. И все лучшее падаетъ, все искажается: постоянство переходитъ въ коснѣніе, свобода въ распущенность, религія въ суевѣріе, простота въ цинизмъ, свобода нравовъ въ развратъ. Тщетно мечетесь вы среди разнообразныхъ, противорѣчащихъ другъ другу понятій, стараясь отыскать хотя одно, которое бы во всѣхъ своихъ степеняхъ оставалось вѣрнымъ самому себѣ. «Все условно, все относительно въ мірѣ», говорятъ вамъ. «Мѣра, мѣра есть законъ вселенной», хоромъ твердятъ разные философы, даже и не китайскіе. Пусть такъ, но гдѣ же норма для этой мѣры?

«Одно изъ двухъ: или погрузитесь въ жизнь со всѣми ея мелочами и задупшите въ себѣ желаніе постигнуть общій смыслъ ея,

или, если последнее для васъ невозможно, откажитесь отъ жизни для того, чтобы не потеряться въ этомъ хаосѣ, чтобы случайную подробность не принять за окончательную цѣль, — но въ то же время знайте напередъ, что смысла жизни вы все-таки не поймете, потому что въ мелочей и подробностей нѣтъ ни жизни, ни смысла ея. Изъ этихъ двухъ путей, какъ видите, трудно выбрать лучшей: «оба хуже». По натурѣ ли, случайно-ль — я пошолъ по второму; вернуться поздно, да и некуда. Что выберете вы — не знаю. Совѣтовать мнѣ вамъ нечего, но какимъ бы путемъ ни пошли вы, между нами ничего не можетъ быть общаго, потому что, повторяю, во мнѣ нѣтъ ничего, нѣтъ даже надеждъ, нѣтъ ихъ ни для себя, ни для другихъ. Разставаясь съ вами, я не могу даже повторить, что «счастье было такъ возможно, такъ близко»: счастье было невозможно, оттого-то я и рѣшился не просить васъ видѣться со мной; дотога невозможно, что даже вамъ я не могу пожелать его.

«Знаете ли, до чего я дохожу иногда? Мнѣ самому страшно выговорить: до желанія скорой смерти всему, что я люблю, что кажется мнѣ прекраснымъ. Вы сочтете это признакомъ помѣшательства? Вѣроятно такъ, но во всякомъ случаѣ изъ этого вы можете видѣть, что сближеніе со мной можетъ слѣдаться роковымъ. Прощайте же, ради васъ самихъ, я чуть не сказалъ «ради-бога», прощайте. Вѣрьте, что разставаясь съ вами, я приношу большую жертву, гораздо большую, нежели вы можете думать, приношу ее изъ опасенія увлечь и васъ собою въ ту бездну, въ которую я самъ неуклонно падаю, — въ бездну пустоты, мрака, отчаянія, желаній безъ цѣли и бесплоднаго томленія. Вы мелькнули для меня послѣдней звѣздочкой среди этого хаоса... Не тускнѣйте же, звѣздочка, горите! а когда не станетъ силъ горѣть, вспыхните ярче прежняго, прокатитесь по темному небу, озаряя окрестность, и потушите разомъ...»

«Воцѣнниковъ.»

О. СТУДАН

ВОСПОМИНАНІЯ И РАЗМЫШЛЕНІЯ

Въ послѣднее время въ обществѣ нашемъ идетъ такая, до сихъ поръ небывалая разногласица и путаница мнѣній, понятій и сужденій, что приходится поневолѣ, говоря метафорически, взглянуть попристальнѣе на этотъ мотокъ спутавшагося шолку и попытаться — не распутать (эта работа конечно никому не подъ силу), а только разглядѣть, какъ завязались узлы и отчего ихъ такое множество. Отъ узловъ этихъ самый мотокъ шолку потерялъ первоначальную форму свою и представляетъ изъ себя безобразный, мохватый, цѣпляющій клокъ спутанныхъ нитей. Въ настоящую минуту всякій честный человѣкъ тянетъ въ одиночку, въ свою сторону, всякій общественный дѣятель рвется къ краю; но края бываютъ разные, чисто противоположные одинъ другому. А посерединѣ будто и стоять нельзя. Въ серединѣ давка, схватка, костры общественной инквизиціи и костры разложонные небольшими кружками одномыслящихъ, на которые попасться избави-богъ всякаго. И посреди этой суматохи, неурядицы, смятенія и волненія находятся люди, взывающіе къ общественному мнѣнію. Упорно, трудолюбиво и — увы! — бесплодно отыскиваютъ они его, какъ иголку на днѣ взволнованнаго океана. Всякій рѣзко высказывающій свое мнѣніе (хотя такихъ неслишкомъ много, да и тѣхъ преслѣдуетъ большинство, будто они совершили преступленіе, высказавшись) бываетъ зачастую принятъ многими за провозвѣстника этого общественнаго мнѣнія, особливо если онъ пользуется хотя и небольшимъ авторитетомъ. Такимъ образомъ личное мнѣніе нерѣдко принимается за отголосокъ общаго мнѣнія. Но отголосокъ можетъ быть когда есть *голосъ*, а у насъ его нѣтъ, а вмѣсто него поднялся, да и то недавно, какой-то безсвязный лепетъ. А отчего нѣтъ этого обще-

ственного голоса, который заявляет себя вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, кромѣ развѣ Турціи и Китая — мы поговорить и желаемъ. Для этого взглянемъ сперва на то, что дѣлается въ нашемъ обществѣ, а потомъ въ семьѣ, и быть-можетъ мы найдемъ настоящую причину того отсутствія общественнаго мнѣнія, которое оплакивають у насъ такъ многіе, о чемъ и мы, признаемся откровенно, не можемъ говорить безъ горечи и боли.

Общественное мнѣніе... легко сказать! А если вникнуть въ понятіе, заключенное въ этомъ словѣ, то тотчасъ сознаемся, что это сила, и сила великая, управляющая цѣлыми государствами. Только сила эта господствуетъ въ обществахъ зрѣлыхъ, цивилизованныхъ, выработавшихъ себѣ права, сознающихъ обязанности каждаго порознь и силу всѣхъ вмѣстѣ. Эта сила не можетъ ни сложиться вполнѣ, ни дѣйствовать на благо общее безъ другой великой силы, съ которой она идетъ вмѣстѣ по одному направленію, завися одна отъ другой, какъ два колеса одной машины. Эта другая сила — гласность. Общественное мнѣніе — это превосходно спѣвшійся хоръ, исполняющій согласно данный въ ту минуту мотивъ. Голоса хора — это голоса частныхъ людей, всѣхъ, безъ различія званія, пола и даже возраста, ибо и дѣти повторяютъ то что говоритъ общество, и общество съзмала развиваетъ и устанавливаетъ ихъ понятія. А у насъ? Возьмите двухъ лицъ одного и того же круга: повидимому оба равно образованы, одинаково почтенны, въ частной своей жизни безупречны — и чтоже? Они расходятся въ самыхъ основныхъ понятіяхъ, которыя во всякомъ другомъ обществѣ давно получили патентъ на неоспоримую истину. Определенныхъ, установившихся на незыблемыхъ основахъ понятій у насъ еще мало, а въ большинствѣ лицъ, принадлежащихъ къ менѣе образованному слою, нѣтъ даже азбучныхъ понятій. Давно ли мы слышали такія рѣчи: одинъ говорить съ важностью, будто сдѣлалъ открытіе: «Кража — большой порокъ!» а другой возражаетъ: «Поми-луйте! кража кражѣ розь. Иная кража добродѣтель, ужъ крайней-мѣрѣ практическое свойство, крайне полезное въ жизни.» Третій, слыша такія *крайнія* сужденія, благоразумно держитъ середину и объявляетъ съ самоувѣреннымъ самодовольствомъ, что кражу надо понимать различно, что кражу конечно и добродѣтелью назвать несовсѣмъ справедливо. Разумѣется въ глазахъ людей экзальтированныхъ, которые не разбираютъ по-

бужденій, обстоятельствъ, житейской необходимости, часто нужды, кража *всегда* порокъ. Но кто же говоритъ о такихъ людяхъ? Вѣдь они всегда не на землѣ ходятъ, а на облацѣхъ воздушныхъ витаютъ! Говоря просто, разумно, кража — необходимое зло, неотъемлемая принадлежность... «Россіи?» перебивали вы съ ужасомъ. — «О нѣтъ, зачѣмъ же Россіи! а просто всей Европы, всего образованнаго и необразованнаго шіра», отвѣтять вамъ бывало какой-нибудь крутогорскій конфуцій, привыкшій слыть въ своемъ затѣшнѣ оракуломъ и придерживающійся середины вездѣ и во всемъ, даже и тамъ, гдѣ середины отыскать невозможно. Напрасно стали бы вы возражать, доказывать, просить почитать книги, журналы и газеты запада. Вамъ возразилъ бы тотъ же конфуцій, что всѣ книги, газеты и журналы запада — ложь, ложь и ложь, что про свои язвы никто писать не станетъ, и выразилъ бы мысль, что только тотъ, кто не любитъ своего отечества, можетъ говорить о злоупотребленіяхъ, неурядицахъ и нестройствѣ, совершающихся внутри его. При этомъ большинство слушающихъ очевидно сочувствовало бы конфуцію и онъ, одушевленный въ свою очередь этимъ сочувствіемъ, развивалъ бы вамъ многія истины, давно всѣми его сосѣдями признанныя. Тутъ вы узнали бы, что въ Англіи берутъ взятки, что она умретъ съ голоду, лишь только русскіе откажутся снабжать ее хлѣбомъ, что русскій кулакъ сильнѣе всякой силы, а русскій самоучка умнѣ всѣхъ ученыхъ; что въ Англіи и во Франціи великія открытія сдѣлались отъ голода, что въ Европѣ всѣ умираютъ голодною смертью, что люди валяются и спятъ на улицахъ отъ тѣсноты и духоты, и что Россія — самая богатая изъ всѣхъ земель земного шара и проч. и проч.

Каждый изъ насъ не слыхалъ ли всего этого не болѣе шести лѣтъ тому назадъ, и кто поручится, что и теперь не услышитъ чего-нибудь подобнаго? Являлся тутъ и лиризмъ, и поэзія, и комизмъ неподдѣльный. Все являлось: и смѣлая метафора, и яркія гиперболы. Одинъ такой конфуцій дошелъ до того, что смѣясь рассказывалъ, что коровы пасутся на западѣ на крышахъ! — Какъ на крышахъ? — «Да такъ-съ: травы-то нѣтъ, такъ на крышахъ мохъ щиплютъ.» Это ужъ было *bon mot*, смѣлая гипербола! И все покрывалось смѣхомъ одобренія.

Другой, съ пафосомъ поднимая надъ головою дѣйствительно огромный и здоровенный кулакъ, восклицалъ съ ярой запальчи-

востью: — «У нихъ что? (у французовъ.) У насъ все здѣсь!» и потрясалъ кулакъ свой. Слушатели приходили въ восторгъ и удивленіе. Это было при началѣ восточной войны. Были конечно люди менѣе самоувѣренныя или смѣлые, иныхъ вещей сказать не рѣшались: какъ-то совѣстно; но слово гибко, надо знать какъ имъ орудовать. Гдѣ смѣхъ и шутка, а гдѣ гладкій періодъ, чувствительность, неожиданный оборотъ, такъ что самая явная ложь была обернута въ обольстительную форму правдоподобности, которую выдавали за истину. А человекъ, мнѣнія котораго не установились (а вѣдь ихъ легіонъ), подавался, да и теперь подается на эти доводы, пойдетъ на эту удочку. А *табунное свойство*, наиболѣе намъ присущее свойство, поманить, и глядишь — съ краснобаемъ соглашались многіе и очень многіе. Отчего это? Очень просто. Никто не имѣлъ ни малѣйшаго уваженія къ истинѣ, да никто не любилъ ее; иногда говорили о ней и никогда серьезно о ней не заботились. Одному надо сказать красное словцо, другому для своихъ цѣлей исказить истину, третьему покичиться своими діалектическими и софистическими способностями, а послѣднимъ наконецъ (и какъ много было ихъ!) пощеголять какимъ-то тупымъ и невѣжественнымъ пристрастіемъ ко всему родному, хотя бы то были взятки или насилие. Этотъ особаго рода псевдо-патріотизмъ, которымъ заражены были многіе, отличался невыносимою кичливостью и нестерпимымъ самохвальствомъ. Напрасно стали бы имъ толковать, что это не патріотизмъ, а дикое невѣжество, что первообразъ такого патріотизма найдется только въ Китаѣ или Японіи.

Страшное смѣшеніе понятій, какъ смѣшеніе языковъ въ столпотвореніи вавилонскомъ, одолеваетъ насъ еще и теперь. Но тогда у большинства небыло даже общей мѣрки, что вотъ это — хорошо, а вотъ это дурно. То что одинъ считалъ верхомъ возмутительнаго насилія, то другой величалъ громкимъ именемъ *права* и даже *дога*, и непременно *священнаго*. То что для одного составляло безчестіе, другимъ считалось честию и ужъ по крайней-мѣрѣ житейской-мудростью. Доказательствомъ такого смѣшенія понятій служитъ то, что иной съ непостижимою наивностію рассказывалъ самъ про себя, что онъ сдѣлалъ то или это. Если вы, пораженные рассказомъ, удивлялись, рассказчикъ удивлялся вашему удивленію и восклицалъ: «Чтожь тутъ такого?» Если вы молчали, онъ и не подозрѣвалъ чувства, вами овладѣв-

шаго; если-жъ вы высказывались горячо и стремительно, разказчикъ не смущался, а слушалъ васъ какъ помѣшаннаго и дивился, долго дивился, что есть же такіе глупцы на свѣтѣ, которые изъ-за самой обыкновенной, обыденной вещи выходятъ изъ себя. Не привести ли нѣсколько примѣровъ и истинно поучительныхъ разговоровъ?

— Теперь-то я небогаты, но буду богатъ, говорилъ въ гостинной молодой человекъ, имѣвшій повидимому намѣреніе жениться на дочери хозяйки дома и очевидно желавшій выставить себя съ самой выгодной стороны. — Я любимый сынъ; отецъ отдастъ мнѣ лучшую часть имѣнія.

— Но вѣдь у васъ есть сестры? замѣтилъ кто-то.

— Сестры при братѣ не наследницы, возразилъ молодой человекъ, хвастая знаніемъ законовъ. — Маменька правда тянетъ руку сестеръ, да вѣдь это пустяки, слава одна; у ней у самой ничего нѣтъ.

— Какъ такъ? возразилъ одинъ изъ слушателей: — вѣдь все состояніе ея? Она была одна изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ нашего города.

— Была, да сплыла! говорилъ молодой человекъ смѣясь. — Дѣло было вотъ какъ. Батюшка надѣлалъ долговъ и открылся маменькѣ: такъ и такъ, надо заплатить долги. Она его безъ памяти любитъ. Заплати, говорятъ. Онъ продалъ самое лучшее изъ ея имѣній, взялъ большія деньги, да на оставшуюся у него сумму купилъ себѣ великолѣпное имѣніе, все заливные луга на Окѣ. Теперь состояніе его, а у ней осталось владимірское имѣніе, очень плохое. Лѣса-то онъ тамъ тоже повыврубилъ и продалъ. Векселя у него тоже есть отъ маменьки.

— Да какъ же это такъ? робко сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Дѣло житейское! Ихъ дѣло, не наше! Отецъ мой очень умный человекъ!

— Умиѣйшій! воскликнули всѣ хоромъ...

А вотъ и другой разговоръ.

— Я у себя хозяинъ, говорилъ широкоплечій, краснощекій здоровякъ-помѣщикъ: — у меня всѣ ходи по ниточкѣ. Спуску никому не дамъ! Я все знаю. Порядокъ у меня необыкновенный, знаю что дѣлается на ригѣ, на конномъ дворѣ, въ дворѣ и на селѣ, въ дѣвичей, у дочери въ спальнѣ, у жены въ кабинетѣ.

Все знаю. Это все у меня улажено и прилажено. А отчего? У меня своя полиція. Встаю я, является Фелотъ: что по его части, то и доносить; потомъ врѣходитъ дворецкій, а тамъ Аксютка, жена горничная — я и распоряджусь. Безъ этого можетъ ли быть въ домѣ порядокъ? А ужь какіе молодцы у меня ребята, изъ конюховъ: выдерутъ кого угодно, мигни только глазомъ. Прошлаго года, вѣрите ли, купца отодрали. Я ужь давно до него добирался.

— Онъ могъ въ судъ жаловаться!.. Процессъ — разоренье.

— Нѣтъ, батюшка, все подведено было очень искусно. При томъ я не въ отвѣтъ, знать незнаю, вѣдать невѣдаю, и знаковъ побоевъ нѣтъ.

Затѣмъ слѣдовали отвратительныя подробности самаго дикаго насилія, соединенныя съ чисто-азиатскимъ коварствомъ.

И всѣ слушали, многіе смѣялись, родные называли такого господина молодцомъ и хватомъ, а знакомые быть-можетъ и осуждали тихонько, но продолжали и знакомство и пріязнь.

А вотъ исторія о процессѣ по векселю.

— Въ карты-обыграли меня, доложу я вамъ, да подъ пьяную-то руку и взяли вексель по сто тысячъ, — рассказывалъ однажды тридцатилѣтній господинъ. — Былъ я молодъ и неопытенъ. Хватъ-хватъ — платить надо. Туда-сюда, вотъ и говоритъ мнѣ одинъ старичекъ, еще покойнику-отцу моему пріятель; человекъ солидный, почтенный: «сѣзди, говоритъ, къ Амаліи Петровнѣ, да подарь ей.» А Амалія-то Петровна пріятельница очень важному лицу. Поѣхалъ, подарилъ; общала она; только, говоритъ, сѣздите къ Семену Иванычу. А Семень Иванычъ — камердинеръ этого важнаго лица, и самъ лицо важное. Поѣхалъ я, два раза чай пилъ, ласы съ дочерью точилъ. А дочь-то въ пансіонѣ воспитывалась, барышня какъ есть. Можетъ я ей и приглянулся — и дѣло обдѣлалъ!

— Какже?

— Да такъ! Важное-то лицо призвало моего заимодавца, да и говоритъ: «въ карты выигралъ, а?» И вексель-то мой показываетъ. Тотъ на попятный дворъ, да нѣтъ, не на такого попалъ. Кричитъ: «Знаю я! я все знаю! Жги вексель на свѣчкѣ, либо худо будетъ! Туда сошлю, куда воронъ костей не заносилъ!» Ну и сжогъ, да еще радъ былъ, благодарилъ.

— Васъ-то?

— И, нѣтъ! не меня: меня ругалъ за чемъ свѣтъ стоитъ, и до сихъ поръ ругаетъ. А благодарилъ того... важное-то лицо.

— Мастерски дѣло обдѣлать изволили! сказалъ старичекъ, сидѣвшій въ углу.

Рассказчикъ потеръ руки съ самодовольствіемъ.

Но, скажетъ читатель, все это очень грязно, — это исключенія. Нѣтъ, въ то очень недавнее время это были дѣла весьма обыкновенныя, и такихъ рассказовъ нашлось бы еще множество; но перейдемъ къ менѣе грязнымъ и болѣе простымъ, мелкимъ, если хотите, но всякая мелочь дорисовываетъ общество и мѣтко помогаетъ его характеристикѣ.

Общество большое. Гостиная щегольская, и гости всѣ полета большого, такъ называемаго высшаго, что предполагаетъ покрайней-мѣрѣ извѣстную степень образованія. Разговоръ зашолъ о женскихъ хитростяхъ и двуличности.

— *Les femmes du monde sont bien perfides*, говорила одна тридцатилѣтняя дама, весьма собою красивая, знатная и великолѣпно одѣтая. — Однажды я ѣхала въ дальній городъ и мнѣ надо было рекомендательное письмо къ женѣ очень важнаго тамъ лица. Это была кузина моей пріятельницы. Я попросила у ней его. Она осыпала меня любезностями и на другой же день прислала письмо. Я уѣхала, но на дорогѣ получила извѣстіе отъ мужа: онъ просилъ меня не ѣздить въ N**, а пріѣхать къ нему. Я разумѣется отправилась. Долго это рекомендательное письмо лежало позабытымъ на днѣ моей шкатулки. Однажды, перебирая вещи, оно попало мнѣ на глаза и я полюбопытствовала узнать что писала обо мнѣ моя пріятельница. Я распечатала письмо — и чтожъ вы думаете? нашла свою характеристику, да какую! вообразить себѣ не можете!

— Что, васъ бранили?

— Да еще какъ! И кокетка-то я, и злой языкъ, и готова всякаго посорить съ женой и влюбить въ себя. Но я не сердилась: она прибавляла, что я умна какъ бѣсъ, любезна и увлекательна какъ сирена. Спасибо и за это.

— Хороша пріятельница! воскликнулъ кто-то.

— Онѣ всѣ таковы! возразила рассказчица.

— Да какъ же вы рѣшились прочесть письмо? сказала дѣвушка лѣтъ двадцати-трехъ, сидѣвшая около красавицы-рассказчицы.

— Ну да прочла! чтожь такое?

— Да чужія письма не читають! возразила довольно твердо дѣвушка.

— Не читають! воскликнула смѣясь красавица: — такъ я и повѣрю, что у васъ подъ руками чужое письмо и вы его не прочтете!

— Ужь конечно не прочту.

— Полноте пожалуста. Вы говорите все это для этихъ господъ, сказала красавица, указывая на молодыхъ людей, тутъ стоявшихъ. — Знаете какая разница между мной и вами? Я откровенна, а вы хитры и тонки. Все это возвышенныя чувства, выставка сентиментальности, а жизнь — дѣло совѣсьмъ другое.

— Ктому же, вмѣшался въ разговоръ господинъ пожилыхъ лѣтъ почтенной наружности, — письмо письму розъ (какъ и кража кражѣ розъ, вспомнимъ мы отъ себя читателю). Одно письмо интимное, довѣренное такъ-сказать; а другое рекомендательное, испрошенное. Оно такъ-сказать принадлежало вамъ по праву.

— Именно, именно, *c'est bien trouvé*. Это было *мое право*, и я имъ воспользовалась.

— Конечно это было ваше право, сказала молодая женщина, милостивая, блѣдная и съ виду очень кроткая. — Бываютъ такіе случаи, когда нельзя не воспользоваться своимъ правомъ, чтобы защитить себя. Со мною случилась тоже небольшая исторія, и мнѣ кажется я была въ своемъ правѣ. Незнаю какъ вы посудите. У меня была пріятельница; жила она у злой, ядовитой тетки и любила одного молодого человѣка, за котораго должна была выйти замужъ. Чтобы избавиться отъ распросовъ, попрековъ и сплетенъ, она просила меня передавать ей письма ея возлюбленнаго. Я имѣла глупость и неосторожность согласиться. Въ благодарность она разсорилась со мной, поссорила меня съ сестрой и ея мужемъ, надѣлала мнѣ тысячу неприятностей и объявила, что съ сихъ поръ она черезъ другія руки будетъ получать свои письма. Между тѣмъ женихъ ея былъ далеко, и какъ она не успѣла дать знать ему, письма продолжали приходить на мое имя. Что мнѣ было съ ними дѣлать? Я взяла ихъ, запечатала въ конвертъ и послала къ теткѣ, съ просьбой передать ихъ племянницѣ. Ну ужь, я вамъ скажу, какая тамъ вышла исторія!

А я что? Мое дѣло сторона. Я не прочла ихъ; сознаюсь, что въ этомъ случаѣ это было бы нехорошо. Я возвратила ихъ кому слѣдуетъ для передачи. Я была въ своемъ правѣ. Послѣ я узнала, что тетка-то всѣ письма прочтала! И подѣломъ! Я была очень рада.

Вотъ это *простое право*; неудобно ли вамъ, читатель, обратить ваше вниманіе не на простое, но на *священное право*?

Жена распечатываетъ письмо мужа, мать взламываетъ шкапулку или бюро взрослого сына или совершеннолѣтней дочери, отыскиваетъ письма, бумаги, дневники, и потомъ говорить съ напыщенною важностью, достодожнымъ къ себѣ самой благоговѣніемъ: «это мой долгъ, мое *священное право!*»

Надо замѣтить, что мужъ можетъ оградить себя отъ жены, и жена, хотя въ меньшей степени, но еще можетъ оградить себя отъ мужа, она еще можетъ бороться за свою самостоятельность; но дѣти, особенно (взрослая, совершеннолѣтняя) дочери, — куда пойдутъ онѣ? Онѣ въ зависимости отъ родителей, идти имъ некуда, да и нельзя. Онѣ должны по необходимости покориться и молчать. Но чего это стоятъ? Это стоятъ счастья всей жизни, возможности дышать свободно и часто; лучшее время, золотая молодость проходить въ душной атмосферѣ семейнаго деспотизма. Отсюда бракъ вочто бы то нистало, замужство съ кѣмъ ни попало и гибельныя послѣдствія такого вынужденнаго обстоятельствами брака. Намъ возразятъ быть-можетъ, что нельзя же позволять дочери получать предосудительныя письма. Мы отвѣтимъ, что это вина дурнаго воспитанія и что *совершеннолѣтнюю* дочь такимъ способомъ остановить невозможно. Захватъ одного или многихъ писемъ не ведетъ за собою прекращенія переписки, венравящейся родителямъ, а только тщательное ея продолженіе, но уже тайнѣ. Если дочь ваша по вашей милости такъ дурно воспитана, что получаетъ предосудительныя письма и вы случайно перехватили одно такое, — лучше сожгите его, но не ломайте печати. Цѣль не оправдываетъ средства. Притомъ по какому праву насильственно хотите вы вторгнуться въ чужую душу, прочтете вы искреннія изліянія и войдете самовольно въ ея отношенія съ тѣмъ или другимъ лицомъ? Развѣ *совершеннолѣтняя* дочь не человекъ, или она виновата тѣмъ, что она не замужемъ? Или вы хотите заставить ее сожалѣть, что она еще не вышла замужъ? Если дочь любить отца и мать, привыкла дѣ-

литься съ ними мыслями, чувствами, всей жизнью, она не будетъ имѣть тайнъ; если-жъ вѣтъ, то оставьте ее, какъ человѣка взросло-слабо, самостоятельнаго и свободнаго, дѣлиться мыслью, чувствами съ кѣмъ ей угодно. Мы на своемъ вѣку знали многихъ дѣвушекъ, которыя, желая избѣгнуть тяжкаго контроля, писали самыя невинныя письма къ подругамъ или друзьямъ дѣтства, черезъ посредство горничныхъ и нянекъ, и съ восемнадцати лѣтъ привыкали обманывать; ложь входила въ цѣлый строй ихъ жизни и губельно дѣйствовала на ихъ понятія, на только-что развивавшійся характеръ. Но мы невольно отбѣились отъ нашего очерка и спѣшимъ къ нему возвратиться.

Слыхали вы или нѣтъ повѣствованія, цѣлыя эпопеи о самыхъ возмутительныхъ, душу терзающихъ поступкахъ, которые рассказывались съ комической точки зрѣнія и притомъ съ неподдѣльнымъ комическимъ талантомъ? Еслибъ не было такъ гадко, то дѣйствительно было бы очень смѣшно. Рассказчикъ наслаждается: онъ плаваетъ какъ рыба въ волѣ, ликуеть и заливается какъ жаворонокъ въ весеннемъ небѣ; слушатели хохочутъ до упаду, и когда одинокій, робкій голосъ протестуетъ, то отвѣтъ бываетъ постоянно двоякій.

— Помилуйте! чего жалѣть! Подѣломъ ему (или ей)! Я его (или ее) терпѣть не могу!

— А еслибы это случилось съ вами?

Рассказчикъ не унывалъ, и возражалъ самоувѣренно:

— Со мной этого случиться не можетъ!

— Какъ не можетъ? Вѣдь это жертва самага грубаго насилія — матерьяльной силы!

Въ отвѣтъ всѣ хохотали, приговаривая: — Толкуйте тамъ!

И приходило тогда на мысль согрѣшить грѣхомъ тяжкимъ и великимъ и просить судьбу распорядиться съ рассказчикомъ и покарать его, если не такъ, то иначе.

Другой отвѣтъ проще. Его и теперь доводится слышать частенько; онъ безъ апелляціи, неотразимъ какъ судьба, простъ какъ сама истина. На всѣ ваши возраженія вамъ отвѣчаютъ смѣясь:

— Полноте! это все фразы!..

Мѣрка и теперь еще не установилась: это видно вездѣ и во всемъ.

И теперь, по выраженію Грибоѣдова, какъ прежде: «вездѣ

ругаютъ и всюду принимаютъ!» Мы уже не будемъ говорить о такихъ лицахъ, на которыхъ наше неразвитое, хаотическое общество глядѣть двояко: одни защищаютъ, другіе клеймятъ. Напротивъ обратимъ наше вниманіе на такія лица, которыхъ все общество (а это случается у насъ весьма рѣдко) осуждаетъ единодушно, единогласно. Нѣтъ гостиниой, нѣтъ семьи, гдѣ бы не говорили о иномъ господинѣ. Будто мало позорной истинны, — является на помощь клевета. Многіе рассказываютъ съ ожесточеніемъ, что такой-то — извергъ и едвали малыхъ дѣтей не рѣжетъ. Всякому слушающему кажется не должно подлежать сомнѣнію, что если такое лицо появится, то раздраженное общество, у котораго недостаетъ словъ, чтобы достойно клеймить его, встанетъ и съ позоромъ выброситъ его изъ своей среды, какъ внушающаго омерзѣніе. Но ничего такого на дѣлѣ не выходитъ: это только *разговоръ*, толченіе воды, работа праздному языку, жадно ящущему пищи, любовь ко всякаго рода скандалу, любовь (увы!) къ грязи и сору. Цѣлые дни, цѣлые вечера, впродолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ гостинныя пробавляются рассказами о такомъ-то или такой-то. Онъ и воръ, и развратникъ, и шпионъ; но осужденный является — и чтоже? совершается перемѣна декораций, чародѣйство, бѣлая магія! Лицо хозяйки сіяетъ; она граціозно улыбаясь привѣтствуетъ гостя; хозяинъ благодушно схватываетъ его руку и сильно трясетъ и жметъ ее. Герой гость разваливается въ креслѣ и начинаетъ ораторствовать; его слушаютъ и ему удивляются. «Все же, какъ хотите, а въ этомъ человѣкѣ есть что-то особенное, — замѣчаетъ тонкій психологъ, пріѣхавшій на вечеръ: — вѣдь ему нелегко было войти сюда: онъ знаетъ какъ на него глядѣть, что объ немъ рассказываютъ, а вотъ онъ вошелъ очень смѣло, говоритъ какъ ораторъ! И всѣ слушаютъ! Нѣтъ, какъ хотите, обыкновенный человѣкъ не совладѣлъ бы съ такимъ положеніемъ!» И многіе, выслушавъ такія фразы, переходятъ отъ порицанія къ удивленію. А чему удивляются? Мѣдному лбу, безстыдству, подвигающему человѣка нагло презирать честныхъ людей... и отъ чего? отъ увѣренности, что ни одинъ честный человѣкъ не рѣшается сказать у насъ негодяю, что онъ негодяй, не рѣшается, даже неговора ему этой истинны, перервать съ ними знакомство и сношенія. Понятно становится почему у насъ при такомъ строеніи общества такъ много неожиданныхъ сюрпризовъ и удивительныхъ превращеній.

При такомъ положеніи дѣль еще очень недавно было нестранно и неудивительно увидѣть заискиваніе благосклоннаго взгляда, ловлю ласковаго слова, гоньбу взапуски для оказанія услуги важному лицу. Страстная преданность, восточная лесть, подобострастное поклоненіе окружали тѣхъ, кто власть имѣлъ, и за этой властью какъ часто не видали и не хотѣли видѣть и судить человѣка! Тогда горе было тому несчастному, дерзкому, который осмѣливался утверждать, что силенъ-то онъ силенъ, но человѣкъ нехорошій и несмотря на богатство, воруетъ не мало. Общество яростно кидалось на обличителя (особенно въ губерніяхъ нашихъ) и на немъ оставалась навсегда несмываемая репутація человѣка опаснаго, вздорнаго, человѣка *злославаго*, однимъ словомъ *краснаго*. Голосъ этого *краснаго* былъ хуже голоса въ пустынь: тамъ покрайней-мѣрѣ нѣтъ отвѣта, а тутъ вмѣсто отвѣта кидались камни, камни и камни! Впрочемъ не будемъ очень сожалѣть и умиляться. Такихъ донъ-кихотовъ отыскивалось у насъ не много. Несчастіе часто встрѣчать ихъ не угрожало намъ.

Общество — это нѣчто похожее на огромное семейство; семейство — это маленькое общество, это первообразъ общества. Они солидарны. То что дѣлалось въ обществѣ, повторялось въ семействахъ, и наоборотъ. Опѣнки не было, правилъ никакихъ слѣдовательно поведенія тоже небыло. Возьмите жену и мужа, брата и сестру, отца и мать. Правда, уваженіе, которымъ обязаны отцу и матери дѣти, должно сковывать языкъ. Дѣти не могутъ судить родителей и потому мы оставимъ въ сторонѣ такія несчастныя отношенія. Они неприкосновенны. Но мужъ и жена — равны; равны братъ и сестра. Не случилось ли вамъ замѣтить, что при домашнихъ столкновеніяхъ и семейныхъ побоищахъ, гдѣ никогда нѣтъ ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей, раздавались, да быть-можетъ и раздаются такія слова, такія обвиненія, что побоище должно бы быть послѣднимъ и единственнымъ, ибо послѣ него невозможно ни примиреніе, ни сдѣлка? Одинъ обвиненъ, осужденъ, и объ немъ не можетъ быть и рѣчи. Казалось бы, что послѣ всего этого долженъ обнаружиться конечный, рѣшительный разрывъ. Ничего не бывало. На другой же день эти сходятся, цѣлуются, какъ-будто ничего не бывало и повидимому миръ заключенъ на вѣки. Но этотъ миръ продолжается день, два, недѣлю; опять готовятся

силы съ той и другой стороны, накопляются факты — и опять дается генеральное сраженіе, общая схватка, гдѣ никто не щадить другъ друга. Удары сыплются, и опять нѣтъ ни побѣжденнаго, ни побѣдителя. И всему этому свидѣтели: вся семья, друзья дома, и что всего страшнѣе и ужаснѣе, малыя дѣти! И повтореніе такихъ сценъ продолжается непрерывно даже до глубокой старости! Гдѣ тутъ чувство собственнаго достоинства, гдѣ чувство нравственной? О нихъ нѣтъ и помина. Замѣчательно еще то, что у насъ на Руси такія страшныя столкновенія часто совершаются безъ боли, безъ истиннаго страданія, безъ ломки всего существа, а просто сошлись, поругались, наговорили одинъ другому страшныя слова, обозвали одинъ другого: воромъ, негодяемъ, развратникомъ, а тамъ глядишь — сидятъ за однимъ столомъ в чай распиваютъ! Откуда являются въ междудѣйствіи и подарки, и вниманіе, и поцѣлуи, будто въ Богомъ благословенной семьѣ. — и все это до первой стычки, быстро превращающейся въ дикій разгулъ страшной схватки. Зрѣлище ужасное, возмущающее душу, истомляющее сердце, притупляющее всѣ лучшія стороны человѣческой природы.

Нѣтъ, въ большинствѣ нашихъ семей не выработались еще нравственныя понятія и нравственное чувство. Ужъ неговоря о тѣхъ семействахъ, гдѣ дѣти видятъ только-что поименованныя грязныя сцены, много ли семействъ, въ которыхъ воспитываютъ въ нихъ нравственныя понятія, да и кто (мы всегда говоримъ о большинствѣ) будетъ это дѣлать? Конечно у насъ есть много честныхъ людей, но они честны по инстинкту, по чутью, если можно такъ выразиться, честны безсознательно. У нихъ есть какое-то темное, смутное понятіе о правилѣ и правдѣ, постоянно забываемое текущей жизнью. Такіе люди сами незнаютъ во что вѣрить, во что не вѣрить. Въ книгахъ учили ихъ одному, жизнь учила ихъ другому. Мать въ дѣтствѣ говорила имъ одно, а сама на глазахъ ихъ постоянно дѣлала другое. И вотъ вышли они изъ родительскаго дома въ школу и службу; товарищи, сослуживцы, знакомые, всѣ выше и ниже ихъ стоящіе люди, дѣлали совершенно спокойно то, что осуждали въ однихъ книгахъ да сухихъ сеятецкыхъ матеріи. Въ душѣ ихъ, если они обладали душою, и сложился сбивчивый компромиссъ, въ которомъ всего понемногу: и бѣлаго и чернаго, и свѣта и грязи, и добра и зла. Развѣ это люди? отцы семейства? воспитатели? А мы беремъ еще

лучшихъ изъ большинства нашего общества. Развѣ у всякаго была порядочно воспитанная мать? Развѣ у всякаго были книги? Вѣдь это привилегированныя лица нашего общества. А сколько людей, которые выросли какъ трава въ полѣ и жили такъ же безсознательно, какъ трава прозябаетъ! Чтоже касается до нашихъ женщинъ, то большинство ихъ до сихъ поръ не имѣетъ зловыхъ, опредѣленныхъ, установившихся понятій. Этими мы не хотимъ сказать, чтобы большинство было безнравственно. Сохрани боже! Такому молодому обществу, какъ наше, равно быть безнравственнымъ. Если оно кажется такимъ, то именно потому, что масса его не доросла до сознанія, не выработала себѣ принциповъ.

Женщины въ то недалекое отъ насъ время отличались особеннымъ индифферентизмомъ ко всему, что не вносило въ семейство матерьяльныхъ благъ. Богатыя думали исключительно о тряпкахъ, обожателяхъ и видной роли въ обществѣ. Тщеславіе, спѣсъ, любовь къ роскоши безраздѣльно овладѣвали ими и достиженіе послѣдней стало главною цѣлью ихъ существованія. Кто безпощадно толкалъ мужей дѣлать карьеру вочто бы то ни стало? Жена и мать! Кто сознательно и безсознательно заставлялъ мужей брать взятки? Жена и даже мать! Кто подличалъ выше-стоящимъ и важничалъ передъ нисшими до забвенія всякихъ приличій? Жоны и матери. Кто училъ гнуть спину и подставлять ее? Всегда учили этому матери и доучивали жены! Женщины бѣдныя въ своемъ кругу были менѣе виновны въ этихъ преступленіяхъ, но зато онѣ крѣпко держались за мѣста, занимаемая мужемъ, и постоянно подавляли въ мужьяхъ малѣйшія попытки на самостоятельность. «Что тебѣ за дѣло — говаривали онѣ — путаться въ чужія дѣла? знай свое мѣсто. Чтѣ ты, на улицу чтоли хочешь насъ высунуть? Посмотри, дѣтей-то не мало. Ихъ надо кормить и поить.» Тѣже самыя жоны и матери, жалуясь на бѣдность, ноя съ утра до вечера и съ вечера до утра, жалуясь на домашнія недостатки, заставляли наконецъ мужей прибѣгать къ побочнымъ доходамъ, а потомъ добиваться со страстію *доходныхъ* должностей. Это дотога вошло во нравы, что рассказывалось просто и прямо, какіе именно есть доходы въ такой-то должности, съ кого, какъ и сколько берется взятокъ. Могли ли такія женщины воспитывать дѣтей? Случалось слышать удивительно курьозные и назидательные разговоры. Яви-

дѣтъ особенная мораль, которую проповѣдывала мать сыну. Часто думалось: прости ей Господи, не вѣдаетъ бо что творить.

Мальчикъ приходилъ изъ школы домой; у него, цѣлуя и обнимая, шѣжная мать спрашивала, что онъ дѣлалъ, съ кѣмъ знакомъ, и затѣмъ слѣдовала мораль:

— Ты бы познакомился съ сыномъ того генерала, что съ нами учится.

— Да онъ такой гордый, мама; да и дерется больно — все шировить какъ бы ущипнуть да побить.

— Ну стерпи, послужи ему. Онъ тебѣ послѣ пригодится: его отецъ человекъ знатный; если будешь вхожъ къ нему въ домъ, онъ тебя, Богъ дастъ, полюбитъ, мѣсто достанетъ впоследствии.

Или:

— Былъ ты у начальника? поздравлялъ его съ чиномъ.

— Да меня мама дразнить. Говорятъ я все переносу, ябедникъ, ему подслушиваюсъ.

— А тебѣ что глядѣть на нихъ? Ты ихъ не слушай; слушай мать. Мать дурного не посовѣтуетъ. Кто это тебя дразнить? Голь-то эта, твои товарищи? чай мѣщанишки какіе-нибудь? Очень они тебѣ нужны! Ты будь послушенъ, да покоренъ, да угодливъ. Учителя уважай, надзирателя уважай, начальнику зайви себя, что ты вотъ смиренный, да почтительный.

— Да я, мама, незнаю какъ.

— Стало-быть ты глупъ! Какъ незнаешь? Книжку подыми, платокъ подай; кланяйся пониже, когда встрѣтишь. Почаще пбпадайся на глаза, заискивай. Замѣтить. А это-то главное.

Мальчикъ возвращается домой съ подбитымъ глазомъ.

— Что это? восклицаетъ мать, сплеснувъ руками. — Какъ это ты?

— Да Ваню привялись двое товарищей тормошить. Я, мама, Ваню люблю. Онъ такой тихій и смиренный, и мы съ нимъ всегда виѣстѣ и на одной лавкѣ сидимъ. Мнѣ было жаль дать его въ обиду.

— Скажите пожалуста, заступникъ какой! Тебѣ что за дѣло? Тебя не трогаютъ, чтожъ ты лѣзешь? Твое дѣло сторона. А вотъ ты у шепя попробуй въ другой разъ вступиться за кого-нибудь — и тамъ побьютъ, да и дома я съ тобой раздѣлаюсъ. Скажите, выдумалъ вступаться!

Мальчикъ не является домой въ назначенное время и приходитъ уже вечеромъ.

— Гдѣ ты пропадалъ? спрашиваетъ мать.

— Меня наказали, говорить понурия голову бѣдный мальчуганъ.

— Какъ? за что?

— Да въ классѣ выпустили воробьевъ изъ пюпитровъ; надзиратель разсердился. спрашиваетъ: кто? Классъ молчитъ. Ну насъ всѣхъ на колѣни и поставили.

— Да ктоже у васъ воробьевъ выпустилъ? неужели ты не видалъ?

— Какъ не видать! Федоровъ, Безменкинъ, Апенской принесли ихъ въ корзиночкѣ, да и выпустили.

— Зачѣмъ же ты не сказалъ?

— Да никто не говорилъ, всѣ молчали.

— А тебѣ что до другихъ за дѣло? Ты знай себя; спрашиваютъ — говори.

Затѣмъ слѣдуетъ строгое внушеніе. Бѣдный ребенокъ совершенно сбить съ толку: товарищи требуютъ одного, мать другого.

— Мои дѣти, особенно два меньшіе мальчика, удивительно бережливы, говаривала бывало нѣжная маменька, глядя по головкѣ худенькаго, блѣднаго и угрюмаго мальчика. — Отецъ въ именины даетъ имъ денегъ. Вѣрите ли, никогда они ихъ не растрачатъ, а берегутъ; завернуть въ бумажку и дожидаются, когда еще перепадетъ что-нибудь. Случается, я дамъ пятакъ или кто подаритъ — сейчасъ туда же. Да, да! они будутъ у меня скопиломокъ.

— А мой еще домовитѣе, отвѣчаетъ другая: — онъ накупить лакомствъ, да сестрамъ и продать, конечно съ барышомъ, да еще съ какимъ! — И добрая мать заливалась добродушнымъ хохотомъ.

Многіе мальчики изъ семейства переносили эту страсть къ барышамъ въ пансіоны и школы, и поощряемые родительницами, въ десять лѣтъ уже были отъявленными и искусными ростовщиками въ средѣ своихъ товарищей.

Намъ случилось слышать и не такія разсужденія, а болѣе поразительныя по своей конечной безнравственности мнѣнія. Возмущаться ими было невозможно, а только большая жалость

подымалась на днѣ души ; такъ бессознательно, такъ явно высказывалось сдержанное незнакомство съ первыми, самыми главными правилами честности.

— Мой сынъ, необыкновенно благоразумный и умъ вовсе не увлекается. Да, надо отдать ему честь : тамъ едѣ другой погибъ бы, мой только очень позволительно жуируетъ. Да вотъ недавно ; приглянулась ему актриса. И оцѣ ей очень понравился. Я, принадлеюсь, испугалась. Человѣкъ оцѣ молодой ; судите сами, всего-то ему двадцать-два года. Я однажды прихожу къ нему вечеркомъ и говорю : « Ты, Коля, молодъ ; не увлекись. Эти актрисы бѣдovsky. Какъ-равъ возьметъ она съ тебя вексель, либо разоритъ на подарки. » А оцѣ смѣется. « Да что ты смѣешься ? ты послушай : я тебѣ добра желаю, я тебѣ мать ; отъ него тебѣ и слышать доброе слово, какъ не отъ меня ! » А оцѣ говорить : будьте покойны ! — пошомъ къ столу, выдвинулъ ящикъ да и вытаскиваетъ мнѣ футляръ. Открыла я его и ахнула. Печать, да президентная, изъ цѣльнаго коралла и съ его гербомъ. « Что ? говоритъ оцѣ мнѣ : — нѣтъ, мама ! не я ей, она мнѣ даритъ и на меня разоряется. » Я успокоилась, расцѣловала его и теперь ужъ не тужу ни о немъ, ни о этой актрисѣ. Il faut que jeunesse se passe. Въдѣ цельна жѣ ему въ его лѣта жить отшельникомъ. Пусть повеселится, лишь бы это не повредило его нравственности и карьерѣ. Да, Бога благодарить могу. Такой благоразумный, расчетливый и не увлекается ! Не увлекается !

Общество наше не выработало еще себѣ и формъ. Это очень замѣтно, хотя всѣ мы заботимся и даже много толкуемъ о формахъ. Вгляните на всакре у насъ собраніе, какое бы оно нибыло : что это такое ? Шумъ, гамъ, крики ; ни то ничего не слышать, никто ничего не можетъ понять. Аплодируютъ на вѣру, незная чему, потому, только, что софѣтъ, applaudir. Точно те-же отсутствіе формъ и въ семейной и частной жизни. Вспомните на этого щеголя въ лайковыхъ перчаткахъ, безуниформенной одеждѣ, съ искусно расчесанными волосами : еврейсецъ да и только ! А посмотрите на этого еврейсеца дома. Вотъ оцѣ возвратился домой не въ духѣ — оцѣ былъ въ гостяхъ и любезничалъ съ дамами, говорилъ о прогресѣ и удивлялъ всѣхъ либеральными образами мыслей : оцѣ сыпалъ цѣфты краснорѣчія и блестяща остроумія, а теперь даетъ волю дморецанскимъ привычкамъ. Оцѣ, еще недавно оцѣ бы оттащала за волосы лакея Федю ;

но теперь у нас! должны ограничиться только криками; они вызывают не шум таким толкотней, что перепугает старую мать, не-нашутку обезпоят жену или сестеръ. Да и шутки эти не подвергнутся теперь жеманности: они не задумаются прикрикнуть на мать, обзывать сестру душой, оскорбить тугернянку, при собственных дѣтяхъ разбранить ихъ мать, жену свою, сродныхъ — этотъ европеецъ дома превращается въ татарина. И такие люди до сихъ поръ не исключенія, хотя и они замкнуты въ кругу и бои сдерживаютъ себя. Да, сдерживаютъ. А какъ еще недавно! (да еще въ провинціяхъ нашихъ такіа лица не вывелись) дѣлалось все это безъ всякаго заурнія совѣсти, съ какою-то законничью молодечествомъ: «Я-де у себя хозяинъ, у себя не очень!» Или: «Я-де характера крутого, шутить не люблю, сдерживаюсь по намъ!» Все это повергало тогда въ отчаяніе: когда — воскаивало образованное меньшинство — общество наше придетъ въ сознанію? Когда будетъ всему этому конецъ? Или только внука наши доживутъ до того, что будутъ сами людьми въ полномъ смыслѣ слова, и вокругъ нихъ будутъ люди съ опредѣленными понятіями, невыбитами правилами и несокрушимой силой убѣжденія!

Понясно, что при такомъ положеніи общества и семейства, въ нихъ не могло быть настоящаго уваженія ни къ чему. Когда человекъ не умѣетъ уважать самъ себя, кого же онъ можетъ уважать? Онъ можетъ только бояться и разумѣется боится много и много. Отсюда люди-тряпки, люди-трусы, люди-болтуны и говоруны. Тереть на словахъ, до жалости робокъ въ дѣлѣ. А храбрится всѣ. Неужели не случалось вамъ слышать, какъ разговаривали? Герои да и только. И какъ остроумны! Насмѣшливость ихъ — ничего не щадила и границъ не знала. Еще недавно добродѣтели и состраданіе назывались сантиментальностью; вселеніе подвиги эквалтаціей, дѣла милосердія филантропіей (въ это слово еще очень недавно употреблялось у насъ въ провинціальномъ смыслѣ). Насмѣиваются еще и теперь, но прежде, и очень недавно, смѣялись рѣшительно надо всѣмъ. Смѣялись надъ матерью, которая кормитъ дѣтей: она интересничаетъ; надъ тѣмъ, которая цѣль воспитываетъ: она мудритъ и умничаетъ; смѣялись надъ женщиной, которая устроиваетъ школы, заводитъ больницы; свота вышочка! думаетъ удивить! насъ не удивляетъ! восмѣялась даровские гудрежъ. Дѣйствительно, тѣмъ удивитъ

нами, когда юныя не думали на: самихъ себя, но думали о своемъ посѣщеніи, о чувствѣннѣ всѣхъ человѣческихъ чувствъ! Боже мой! Да, малѣ чѣмъ, еще такъ колыхало, но глумилось болѣзненнымъ чѣмъ-нибудь общества! Женщины-писательницы подвергались осужденію: «Писака! писака святая!» слышали мы въскольже дѣла тому назадъ въ театрѣ, причѣмъ указывали на дѣву, въ которой сидѣла дѣлѣ женщины-писательницы. Сидѣлись и мать писательницы, которые выражали мысли, пришедшіяся не по вкусу болѣзненнымъ помѣшанкамъ. «Это гора! восхваляли они: — пера теле бумаги, бѣдники безъ сапогъ! ии, легко, ииъ отлазать нечего!» Глумились и малѣ сестрами милосердія. Хорошо поминишь ны эту трудную задачу, задачу страшную, пережить, которую было тяжело, и не всѣмъ дозволено пережить ее! Тогда люди малолѣтне, сомѣстившіе моральнымъ меньшинство, любившіе отечество, страдали также. Разнесся слухъ, что для хожденія за ранеными выѣзжали женщины земли русекой — и онѣ наплыли. Однѣ оставили монастырскія кольца, другія родвой провъ и мирной семейный уголь; многія безпріютныя, взрвенныя битвой жизни, стремительно ринулись въ новую битву, и заглушая личные страданія посвятили себя трудному подвигу милосердія. Такъ въ Севастополѣ, подлѣ картечью и пулями, въ грязи и провъ, среди всѣхъ ужасовъ смерти, безъ она, часто безъ пищи, открытыя нечистотами, день и ночь, ночь и день онѣ ухаживали за ранеными, принимали послѣдній вздохъ умирающихъ, передавали роднымъ и друзьямъ послѣднія слова погибшихъ. Мать, жена, сестра, швейца обязаны были такъ, что слышали послѣднія слова и желанія ныи нилыхъ. Офицеры, но въ особенноти солдаты, дѣлались отъ ныи послѣднимъ, окружали ихъ уваженіемъ и попеченіями. Спросите у ныхъ и теперь о сестрахъ милосердія, — отзываясь единодушнымъ: о ныхъ говорятъ какъ о святыхъ, воиоминають нычъ подвиги съ благоговѣніемъ. Чтоже высказала масса нашего общества? Когда пронесся слухъ, что эти женщины отпраились въ Крымъ, кто ныи насъ не слышалъ прорзительныхъ отзывовъ, пошлыкъ насмѣшекъ и дальновидныхъ соображеній? Многіе рассказывали, что на первой же станціи сестры перессорились и даже перадрались между собою и разбѣжались; другіе утверждали, что онѣ длуго ходили не за ранеными, а искать приключеній. Первые письма одной изъ сестеръ, простодушныя, трагическія, были встрѣчены одной частью шубайки недоверчиво,

другого разведущего и проницательнейшего: Правда, съ тѣхъ поръ многое измѣнилось, но не настолько, чтобы исчезнуть совершенно. Надъ сестрами перестали сибиряки, но до сихъ поръ имъ не оказываютъ того уваженія, которое онѣ заслуживаютъ. Доказательствомъ тому служить, что всякое слово сочувствія и уваженія чрезмѣрно трогаетъ сестеръ, и въ благодарныхъ словахъ ихъ можно отгадать, что онѣ къ нимъ все привыкли. Общество не избаловало ихъ! Многія изъ нихъ умерли въ Сибире, въ изнуренныя трудомъ и болѣзнями. Кто знаетъ ихъ могилы? Гдѣ памятники? Гдѣ надгробное слово? Гдѣ имена? Погибли — и пончемо; никто публично не помянулъ ихъ добрымъ словомъ, не передалъ имени ихъ потомству. А имя Нейтингаля повѣстна всѣмъ намъ. Чужихъ уважаютъ, своихъ поминаютъ!

Но это не все. Кто изъ русскихъ слышалъ о Ливовѣ и докторѣ Газѣ? Оба были замѣчательные люди. Великъ они жили въ другой странѣ, о нихъ явилось бы уже нѣсколько биографій и статей. Оба раздали свое состояніе бѣднымъ, оба посвящали себя служенію человечества, оба обращали на путь истинный преступниковъ, помогали несчастнымъ, проповѣдывали христіанскія добродѣтели и сами были ихъ живымъ воплощеніемъ. Я видала доктора Газа. Это было замѣчательное лицо и замѣчательная наружность. Благородство, безкомечная кротость и доброта дышали въ каждой чертѣ прекраснаго, правльнаго лица. Намъ случалось слышать отзывы о немъ. Раздать все состояніе, онъ ужъ не ходилъ въ каретѣ, а взявъ самато бѣднаго изъ всѣхъ москвичей вѣнскъ, совершалъ перѣздъ свой въ тюремный замокъ; гдѣ сосредоточивалась его истинно-христіанская дѣятельность. На него показывали пальцами изъ оконъ барскихъ палатъ: «Посмотрите, говорили практическіе люди: — вотъ вѣдетъ безумный Газъ. Раздалъ всѣ свои деньги, прожилъ имѣніе; теперь самъ нищій и все хлопочетъ о каторжанкахъ. Они же надъ нимъ пошаруютъ со смѣху, и пока онъ говоритъ имъ поученія, крадутъ у него изъ кармана послѣдніе шлатки. Сумашедшій!» Кажется Газу пришлось борьба не по силамъ; посреди возмущающихъ душу злоупотребленій всякаго рода, посреди развѣдушіа общества и враждебныхъ распоряженій, въ борьбѣ съ неправдою и ложью, силы его истощались. Что онъ долженъ былъ вынести, что испытать, пережить, перестрадать!.. Когда онъ умеръ, его небыло даже похоронить. Онъ ждетъ еще біографа до сихъ поръ, а пока о

вошь может сказать только, что быль былъ въ полномъ смыслѣ своемъ человекъ божій!

Такъ погибали тогда лучшие люди! У того общества (а вѣдь эти времена еще несовершенство уплыли отъ насъ) не было ни энтузіазма, ни вѣры, ни жара; оно было невозмутимо какъ восточный ага, неподвижно какъ китаецъ, окостенѣлое какъ мамонтъ и равнодушное какъ опившійся опиумомъ турокъ. Оно умѣло только глумиться, и глумиться безразлично. Правда, оно глумилось часто колко, але и шутко, было пацко на прозвища; но кого же прельстить это свойство? Должно клеймить безчестное, можно насмѣхаться надъ пошлымъ и мелкимъ, но смѣяться безразлично — ардакъ мертвенности, отсутствія всякихъ высшихъ интересовъ, симптомъ растлѣнія, нравственной порчи. Мы не признаемъ впрочемъ совершенную порчу нашего общества, а указываемъ на порчу тогдашняго поколѣнія, которое слава-богу мало-помалу сходитъ со сцены и замѣняется болѣе сѣбкимъ, сильнымъ, здоровымъ, молодымъ элементомъ. Хаотическое состояніе большинства нашего общества оттого теперь такъ и ощущаемо, что молодое поколѣніе несовершенство еще отбѣсило на задній планъ старое. Но в молодое поколѣніе наше, дурно воспитанное, видѣвшее въ дѣтствѣ повсемѣстные злоупотребленія и самоуправство, выработало въ себѣ только ненависть къ такому общественному строю. Оно не могло и не успѣло зацѣпиться принципами, ясными понятіями и опредѣленнымъ образомъ мыслей. Въ немъ преобладаетъ чувство, а не разумное сознаніе; не пониманіе причинъ и слѣдствій, а одно негодованіе. При такомъ положеніи откуда же вѣзаться крѣпкому, стройному, сильному общественному миѣнію? Подънимается его зачатокъ въ формѣ пеллага, слабого лепета. Но мы вѣримъ, что изъ этого состоянія общество наше можетъ выдти очень скоро, при помощи новыхъ силъ и соковъ, которыхъ всякій не можетъ не видѣть; отъ гнили и порчи, еслибъ онѣ были повсемѣстныя, было бы трудно освободиться, и притомъ инакче какъ страшными потрясеніями, болѣзнями. За приѣбраше ходить недалеко. Три революціи приводили французское общество каждый разъ къ новому порядку, который однако не могъ устоять, и оно возвращалось къ прежнему. И теперь оно страдаетъ глубокими язвами... Гдѣ имъ лекарство? Предвидится ли исцѣленіе? Мы славу-богу кажется не въ такомъ положеніи. Съ нѣкотораго времени большинство нашего

общества во многом изживается, и подается значительное чуждое меньшинство, которое, сильно сознавъ свое существование, сильно вопиет против него и находитъ сочувствіе даже и въ отсталомъ большинствѣ. Притомъ знакъ отчаяній! Опасно только въ этомъ, зародившіяся провалы: цѣйся жизни самоубождство, самообожаніе, заносчивость и провозвѣщенное о себѣ самихъ мифовъ. Прошло (и кажется безвременно) то время, когда мы сами себя хвалили и сами пѣли о себѣ гимны: когда мы не только не стыдился своихъ лѣтъ, но еще кичились ими; ато было гнѣвіе въ болотѣ, и передъ нами не морщилъ еще лучъ сознанія, не было надежды на спасеніе. Теперь всѣ мы сознали многіе пороки наши и всю неурядицу нашего общественнаго строя. Кто можетъ подумать, что не поздно начать кампанію въ родную среду! Каждый, кто падаетъ въ шовъ шовъ, падаетъ въ самого себя, ибо каждый есть часть того огромнаго числа людей своей страны, которое называется обществомъ. Великій человѣкъ, достойный имени человѣка, любитъ общество; нельзя не любить матеря, нельзя не любить родины. Велика — мать даша, прежде родной матери. Но любовь — чувство самое сильное и притомъ самое разнообразное. Оно принимаетъ всѣ формы и виды. Любовь часто еще сильнѣе, когда она является въ видѣ ненависти. Это любовь больная, любовь пошедшая внутрь, томящая и мукающая. Страдать ею нелегко. Нельзя обвинять тѣхъ, кто съ горечью и болью обвиняетъ своихъ соотечественниковъ и слѣдственно въ извѣстной степени и себя въ слабостяхъ, недостаткахъ и порокахъ. Но что сказать о людяхъ, ставящихъ себя выше той среды, гдѣ они живутъ и дѣйствуютъ, обвиняющихъ съ презрѣніемъ общество въ его порокахъ и недостаткахъ, поворачивающихъ о немъ съ пренебреженіемъ и холодно съ высоты своего величія клеймящихъ его, даже нежелющихъ видѣть сколько громадныхъ шаговъ къ самосознанію и слѣдственно къ исправленію совершено оно въ послѣднее время? Что дѣлалось въ ней и безъ разрѣнія совѣсти, дѣлалось тайно и притомъ гораздо рѣже; что говорилось прямо и просто, о томъ не рѣшаются и намекнуть. Многого вовсе не было. Но тѣ, которые провозглашаютъ сполошно и высокомерно, что наше общество ни къ чему неспособно и ни на что не годно, которые смѣютъ его спасеніе видѣть не въ немъ самомъ, не хотятъ и знать объ этомъ. Они напустили на себя безусловное къ обществу презрѣ-

не, хотаять передѣлать и воспитать его посредствомъ той же допотопной розги, и по близорукой теоріи не видятъ, что ничто не можетъ спасти общества, если оно само на себя не хочетъ оглянуться, если оно не хочетъ или не можетъ работать надъ своимъ нравственнымъ развитіемъ. Общественное мнѣніе, еслибъ оно сложилось и существовало у насъ, оцѣнило бы по достоинству такого рода выходки. Еслибъ оно существовало, многое не было бы возможно; оно бы дало отпоръ и посбвило бы спѣси и заносчивости со многихъ, и многимъ бы указало ихъ настоящее мѣсто. При существованіи общественнаго мнѣнія многое, что теперь повергаетъ насъ въ негодование или уныніе, не могло бы быть. Множество фразъ, выдуманныхъ въ досужныхъ минуты и выдаваемыхъ за несомнѣнныя истины, пущенныхъ въ ходъ съ непостижимою смѣлостью, несмущади бы слабыхъ, неустановившихся во мнѣніяхъ, людей, не затемняли бы пробуждающагося чувства правды и справедливости. Общественное мнѣніе указало бы должное мѣсто тѣмъ, которые, гениализируя, учатъ давно извѣстнымъ теоріямъ, которыя выдаютъ намъ за верхъ всякой премудрости, изучать которую мы должны съ подобающимъ трепетомъ и должнымъ къ великому Колумбу сей новой Америки удивленіемъ и благоговѣніемъ. Еслибы у насъ было общественное мнѣніе, то нѣтъ сомнѣнія, что его голосъ вовремя остановилъ бы тѣхъ, которые безсознательно быть-можетъ обижаютъ оскорбленныхъ, ноносятъ нѣмыхъ, кидаютъ камни въ лежащихъ, язвятъ безсловесныхъ, встаютъ противъ безправныхъ. Общественное мнѣніе напомнило бы многимъ, считающимъ себя непогрѣшимыми, что *есть предѣлъ, егѣже не преидоши*; что предѣлъ этотъ имѣетъ магическую силу. За его роковую черту доселѣ полезное дѣлается вреднымъ, талантъ становится бездарностью, сила безсиліемъ... Да и мало ли что утрачивается! Такова уже страшная сила великаго рубикона! Общественное мнѣніе можетъ означить, гдѣ именно рубиконъ. Оно можетъ сдерживать, указывать мѣсто, значеніе, путь, вести и останавливать; оно можетъ говорить, за что хвала и честь, за что порицаніе и негодование!

ЕВГЕНІА ТУРЪ

* * *

Спасибо, добрая моя,
За то, что внявъ больному крику,
Ты, въ сердцѣ жалость затая,
Не отогнала горемыку ;
За то, что поняла безъ словъ
Какъ полюбилъ тебя тепло я,
И навѣвала много снова
Любимъ и дѣтскаго покоя ;
За то, что молча угомонила
Во мнѣ ты кроткими словами,
Порой глядя на меня
Своими добрыми глазами —
И плала мнѣ, какъ въ чудномъ снѣ,
Вся звукамъ скорби отдаваясь ;
За то, что каждый разъ, прощаясь,
Ты жала крѣпко руку мнѣ ;
За то, что въ груль мою съ тобою
Влилася свѣжая струя ;
За то, что ты передо мною
Осталась чистою душою —
Спасибо, добрая моя !

ВСЕВОЛОДЪ КРИКОВСКИЙ

ЛЮДИНЪ ИЗЪ СРЕДНЕЙ ИСТОРИИ Т. Н. ГРАПОВСКАГО

IV

АВГУСТЪ, ТИВЕРИЙ, КАЛИГУЛА, КЛАВДИЙ, НЕРОНЪ.

Мы видимъ наипаче образомъ совершился переходъ отъ римской республики къ римской имперіи; причиною этого перехода было не честолюбіе Цезаря, а внутреннія причины, таившіяся въ самомъ организмѣ римскаго государства. Долготерпѣніе провинцій было истощено; притѣвленіямъ, злоупотребленіямъ провинцiальной власти не было мѣры и границы. Во имя страданія угнетенныхъ провинцій, во имя требованій высшихъ классовъ Рима и Италіи Цезарь подымаетъ оружіе противъ сената, хранителя республиканскихъ формъ: формы эти оказались несостоятельными при новыхъ требованіяхъ. Фарсальская побѣда и послѣдовавшее за нею пораженіе республиканской партіи по смерти Цезаря кончилась торжествомъ триумфровъ, изъ которыхъ одному суждено было получить наследіе Цезаря въ лучшемъ видѣ. Замѣчательно до какой степени сами заговорщики не были убѣждены въ сочувствіи народа къ своему дѣлу: убивъ Цезаря, они спрятались въ Капитолій, созвали своихъ вооруженныхъ рабовъ и ждали что скажетъ народъ; народъ въ свою очередь, пораженный страшною вѣстью, долго безмолвствовалъ, долго не трогался; наконецъ чрезъ нѣсколько дней послѣдовала постыдная мирная сдѣлка между приверженцами Цезаря и ихъ противниками. Забота о будущей формѣ была оставлена въ сторонѣ; рѣшено было подѣлить провинціи, рѣшено, что во главѣ государства останется сенатъ; консулы и другія прежнія власти были восстановлены, но продолжительнаго мира не могло быть. Извѣстная исторія второго триумvirата. Вооруженный однимъ именемъ Цезаря, двадцатилѣтній Октавій, его племянникъ, иривлекъ на

свою сторону его легионы, одолевъ республиканскую партію, одолевъ потомъ своихъ товарищей Лепида и Антонія. При Августѣ дѣло Цезаря окончательно утвердилось. При Цезарѣ еще были люди, упорно таившіе, глубоко хранившіе и надежды и сожалѣнія о прошедшемъ; Августъ овладѣлъ римскимъ міромъ, когда всѣ народы изнемогали отъ утомленія, когда общимъ желаніемъ былъ покой, и этой потребности покоя удовлетворилъ Августъ. Странное, можно-сказать душлиное явленіе! Въ молодости Октавій являлся триумвиромъ хитрымъ, кровожаднымъ, не скрывавшимъ наглого честолюбія; — послѣ битвы при Акціумѣ, когда не оставалось ни соперниковъ, ни открытыхъ враговъ, видимъ императора Августа умѣреннаго, заботливаго правителя, подъ управленіемъ котораго залечены были язвы римскихъ провинцій отъ долгихъ междоусобій. Августъ не намѣнилъ вѣншнихъ формъ, не принялъ новаго титула, заботливо скрывалъ отъ согражданъ свое величіе, свою власть; онъ старался не выходить изъ толпы. Въ формахъ жизни былъ онъ чрезвычайно простъ, какбы боясь оскорбить народъ вѣншими баскошн. Послѣ страшныхъ прескрипцій, которыми проложилъ ему дорогу, онъ снизошелъ до степени простого гражданина. Когда дѣло шло объ избраніи сенаторниковъ, онъ старался выбирать людей, ему преданныхъ, но не употреблялъ насилій: вообще онъ не любилъ крутыхъ мѣръ; онъ ходилъ въ собранія отъ одного къ другому, прося подати голоса въ пользу его кандидата. Ни въ образѣ жизни, ни въ жилищѣ, ни въ одеждѣ нельзя было узнать властителя Рима и подвластныхъ ему областей; а между тѣмъ перемѣна совершилась: въ рукахъ его сосредоточена была вся власть; къ которой шло Цезарь, власть безъ названія; новыхъ титуловъ не было, но всѣ должности римской республики — и диктаторство, и консульство, и трибунство, и цензорство, и санъ великаго первосвященника; и вѣчная проконсульская власть надъ провинціями — соединены были въ одною лицѣ. Нельзя сказать, что Августъ дурно употребилъ свою власть. Провинціи, ужаснувшіяся торжества республиканской партіи, вздохнули свободнѣе при Августѣ: онъ произвелъ значительную, замѣченную современниками, но неоцѣненную, перемѣну въ способѣ управленія провинціями, раздѣливъ ихъ на два разряда: такіа провинціи, гдѣ власть утверждена была на прочномъ основаніи, гдѣ вечаго было опасаться ни возстанія, ни нападенія, были предоставлены сенату; другія провинціи, ограниченныя или несовершенно уснокованныя, взялъ онъ себѣ подъ именемъ цезарскихъ, куда императоръ назначалъ своихъ намѣстниковъ. Въ сенатскія сенаты набиралъ попрежнему изъ бывшихъ консуланъ въ правители, но сенатскіа кандидатуры подвергались предварительному разсмотрѣнію

его полархъ вострился въ египетской, ваврунжской таверни, при
 возмущенномъ въ Римъ; египтяне узнавъ, что на востриженной шк-
 галарѣ дожидался самъ Цезарь, просили поведенія поклонивша-
 сямъ: давались имъ бѣлыхъ одежды, съ ошнимою, и привели
 поклоненіе какъ боюстау; Августъ велѣлъ за то надѣть на егип-
 тискія тоги. Въ этомъ символѣ выражалось слѣдствіе народовъ въ
 одну великую семью. Но настоящимъ основателемъ воиныхъ госу-
 дарственныхъ формъ, начала которыхъ, заложеныя Цезаремъ ре-
 диты были Августомъ, можно сказать былъ Тиверій. Известно въ
 какомъ видѣ дошла до насъ память о Тиверіи, какъ объ олимпъ-
 нѣй самъкъ, жестокакъ государей; онъ помогъ заслуженную мору,
 ибо историкомъ его былъ Тацитъ. Подъ безсмертнымъ вероимъ ле-
 дякаго престола имя Тиверія предано вѣчному позору; но отдавая
 полную справедливость его благородному негодославию, должно при-
 знаться, что взглядъ Тацита односторонень: Тацитъ смотрѣлъ на
 Тиверія глазами римлянина и республиканца. Не такъ должно смот-
 рѣть на него, чтобы оцѣнить его дѣятельность. Положенію Тиверія
 при вступленіи на престолъ было самое затруднительное; пребыла-
 да въ великая отвага, великая осторожность. Августу было легко
 править: ему значительно помогла общая усталость; но когда воз-
 росло новое помятніе, лавы залечились — партія поднялась снова
 съ своимъ надеждою и требованіями. Республиканская партія сно-
 тѣла на Августа какъ на старика, который смертию своею от-
 кроетъ свободное поприще для ихъ дѣятельности, и ждала его смер-
 ти. Ктоже былъ представителемъ этой партіи? Сенатъ, аристокра-
 тія. Конечно, аристократія римская значительно измѣнилась въ
 своемъ составѣ, начиная съ Цезаря до Августа: въ видѣли, что Це-
 зарь ввелъ въ сенатъ множество иностранцевъ; Августъ, какъ
 радислегъ шогунъ, очистилъ сенатъ отъ этой унизительной для его
 достоинства чужеземной примѣси; онъ поднялъ сенатъ въ общенъ
 мѣднѣ массы, давъ сенаторамъ средства жить сообразно съ своимъ
 положеніемъ. Но Августъ не исключалъ и иностранцевъ: великія
 заслуги сообщали имъ право римскаго гражданства; слѣдствъ то,
 что талантливому иностранцу можно было возвыситься до высшихъ
 почестей. При Августѣ Римъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на триумфъ
 Корнелія Бальбы, родомъ испанца. Современный историкъ съ удив-
 леніемъ говоритъ, что иностранецъ съ триумфомъ шествуетъ въ Ка-
 питолий. Этому еще не видалъ Римъ, но этотъ иностранецъ оказалъ
 великія услуги и сдѣлъ между отцами римскаго государства. Многие
 другіе молчали такую же честь отъ Августа. Но надо уиисать въ
 виду современныхъ извѣстій; при Августѣ въ Италіи издороджал
 землѣ. Провинціальная аристократія начинаетъ вселениться въ

Римъ, куда привезли ее Августъ обѣщавши, и въ старости доверъ въ сенатъ. Все аристокраціи покупаетъ власть и соединяются также въ единую, къ утвержденію единства между народами; Римъ съ провинціями. При такомъ составѣ, можно подумать, сенатъ долженъ былъ быть извѣстенъ въ попятіяхъ, въ направленіяхъ; но этого не было. Новые пришельцы скоро приобщались къ мелочамъ и социальнымъ о древнихъ республиканскихъ формахъ; для тѣхъ не было другого исхода, какъ республика, такая форма, гдѣ всѣмъ правятъ они. Одни жалѣли о прошедшемъ по своекорыстнымъ расчетамъ, другіе дѣйствительно были убѣждены. Сенатъ сдѣлался сердцемъ оппозиціи, вышедшей въ ряды своихъ самыхъ богатыхъ, самыхъ образованныхъ и даровитыхъ людей. Дѣти сенаторовъ получали то же образованіе, какъ во время республики; въ этой формѣ хранились преданія о прошедшемъ, это сословіе было представителемъ прошедшаго противъ новаго порядка вещей, который водворили императоры, стоя въ главѣ арміи. Республика при Августѣ спонтантельно должна была отречься отъ своихъ надеждъ; утвердилось не монархія въ нынѣшнемъ смыслѣ, а единодержавіе — суровое, подслепотамное, при Августѣ еще мягкое, но жестокое при его преемникахъ, когда партія успѣла отдохнуть и могли думать о возможности возврата къ прошедшему.

Последніе годы августовой жизни были потрясены семейными раздорами. Вторая жена его Ливія была женщиною честолюбивою и безпечной. Она преслѣдовала со всею ненавистью дочь зго Юлію и ее сына, Цѣль была та, чтобы доставить престолъ своему сыну. Юлія умерла въ изгнаніи, дѣти ея отъ Агриппы погибли. Единственнымъ членомъ августова семейства оставался Тиверій. Тиверій происходилъ изъ дома Клавдіевъ, который чрезъ всю римскую исторію носитъ жестокий характеръ, и Тиверій не исключилъ этому характеру. Августъ не любилъ Тиверія, но уступая желанію супруги, она осыпала его почестями. Впоследствии отношенія между Августомъ и Тиверіемъ до того были тѣсными, что Тиверій уѣхалъ на островъ Родосъ, откуда возвратился въ Римъ незадолго до смерти Августа, и когда Августъ умеръ въ Наизъ въ 14 г. до р. х., Тиверій остался наследникомъ престола. Но на чемъ основывались права Тиверія?

Трудно сказать, на чемъ основывались и права Августа. На завѣщаніи Юлія Цезаря? Но Юлій Цезарь не могъ оставить завѣщанія насчетъ престолонаслѣдія; такого завѣщанія не сдѣлалъ даже Тиверій. Понятіе о престолонаслѣдіи было чуждо римскому міру, закона не было никакого, и Тиверій былъ только фактическій наслѣдникъ. Тиверій, когда заступилъ Августа, былъ немощенъ: ему

была за шестидесять лѣтъ; онъ былъ многообразенъ, обширенъ римской и греческой литературы, знаменитый полководецъ, составившій себѣ репутацію походами противъ племенъ германскихъ, потомъ начальствовавшій войсками на Рейнѣ. Онъ былъ мелочливъ, лютчиномъ; у него вообще не было друзей; онъ былъ чуждымъ умный, даровитый, но жестокий, подозрительный и крутого характера. Онъ помышлялъ, что въ сенатѣ для него нѣтъ омыра, что сенатъ, который терпѣлъ Цезаря ради его генія, Августа ради обстоятельствъ, смотрѣлъ на него какъ на челоуѣка, беззаконно захватившаго власть. Въ то время, повторяю, не могли еще развиться новатія и престолонаслѣдіи. Многіе сенаторы сами почитали себя нѣмѣншимъ полнее на престолъ право; многіе ненавидѣли Тиверія изъ личнаго небуздливія. Первые годы его правленія были счастливы для народа. По словамъ Тацита, онъ отказался отъ громкихъ титуловъ, которые водятся ему народъ и рабочій сенатъ; вычеркнувъ величавыя имена, которыя писали къ нему въ бумагахъ, онъ говорилъ, что для рабовъ онъ господинъ, для войска императоръ, а въ сенатѣ подписывался только «принсеръ». Онъ заботился о народѣ, кормилъ его, но не баловалъ играми. Въ войскѣ начались безпорядки: войско понимало, что только имъ поддерживается власть императора. По провинціямъ вспыхнули мятежи въ легионахъ, требовавшихъ прибавки жалованья и сокращенія срока службы. Тиверій, строгій блюститель дисциплины, сирѣчь сердце, долженъ былъ сдѣлать уступки. Народъ римскій, правый, развратный, не внушалъ ни довѣрія, ни сочувствія. Вниманіе Тиверія было обращено на провинціи; для провинцій не было лучшаго правителя, и самъ Тацитъ признаетъ это, хотя всегда не понималъ относительно провинцій. «Тиверій — говоритъ онъ — обвинялся, не заботился о правильной службѣ правителей провинцій.» Между тѣмъ это выходило изъ очень правильнаго размышленія, ибо каждая служба вела за собой большія неудобства. Относительно злоупотребленій онъ былъ безощадно строгъ; жалобы провинціаловъ всегда находили его готовымъ выслушивать ихъ; производилъ сдѣлствія строго и безпристрастно. Сверхъ того былъ чрезвычайно бережливъ; эта бережливость была въ пользу провинцій; рестоичительность вела впоследствии къ жестокости, къ насильственному присвоенію частной собственности, конфискаціямъ и казнямъ, что употребляется нынѣ только на востокъ. Относительно Рима Тиверій велъ себя иначе. Первоначально онъ поднималъ сенатъ, отнявъ у комицій право избранія сановниковъ. Можете судить о степени равнодушія въ римскихъ массахъ: эта мѣра не вызвала ни возстанія, ни сильнаго ропота. Народъ повиновенному не ропталъ на отнятіе права, которое перестало доставлять

выгоды; онъ оставался равнодушнымъ вслѣдствіе своего разврата и, удавка патріотическихъ чувствъ. Народъ какбы добровольно отказался отъ своего права: выборъ не приносилъ столько доходовъ, искатели должностей менѣе тратили денегъ. Само правительство снабжало хлѣбомъ народъ, давало игры. Народъ покорился волѣ императора. Тиверій, отнявъ у народнаго собранія право избирать сановниковъ, перенесъ это право сенату. Ослабивши съ этой стороны народъ, повидимому Тиверій усиливъ сословіе, наиболѣе для него опасное, именно сенатъ: отнынѣ въ сенатѣ избирались сановники; сенатъ же наполнялся представителями древнихъ римскихъ учреждений, древняго римскаго духа; здѣсь только сохранились преданія и сожалѣніе о прошедшемъ и надежды на возвратъ этаго прошедшаго. Но Тиверій очень хорошо понялъ значеніе своего дѣла: сенатъ былъ у него подъ рукою, онъ могъ дѣйствовать надъ него легче и удобнѣе, нежели на массы; ему были извѣстны имена подающихъ голоса, были извѣстны партіи; онъ обращался лично къ каждому сенатору съ просьбой, которая равнялась приказанію подать голосъ въ пользу его кандидатовъ. Сосредоточивъ большую часть законодательной и нѣкоторую часть исполнительной власти въ рукахъ сената, Тиверій тѣмъ болѣе подозрительно смотрѣлъ на это сословіе, опасался его. Съ этихъ поръ начинается борьба между сенатомъ и римскими императорами, кровавые слѣды которой находимъ въ римской исторіи.

Тиверій имѣлъ двойкій характеръ. Римскіе историки, и величайшій между ними Тацитъ, представляютъ его чудовищнымъ тираномъ; между тѣмъ у нихъ же вырываются признанія другого рода. Видно, что провинціи любили Тиверія; видно, что онъ радѣлъ объ ихъ благосостояніи; жестокость Тиверія была обращена преимущественно на Римъ, на сенатскія фамиліи, иногда и на людей низшаго сословія въ Римѣ, возбуждавшихъ его подозрѣніе. Провинціи можно сказать благоденствовали. Причины дружескихъ отношеній понять нетрудно. Вы видѣли какъ страшно тяготѣла республика надъ провинціями, какъ развились интересы республики отъ интересовъ провинцій. Конечно, съ воспоминаніемъ о римской республикѣ соединялось много прекраснаго, великаго и славнаго; но это великое, прекрасное и славное не принадлежало провинціямъ. Отъ этого порядка вещей для нихъ оставался гнетъ постоянный и неслыханный въ исторіи. Въ Римѣ Тиверію приходилось бороться съ явными и тайными оппозиціями; явныя оппозиціи явно и нерѣшительно высказывались въ сенатскихъ засѣданіяхъ; тайныя, адоумышленія были несравненно чаще. Нетолько между сенатскими потомками древнихъ аристократическихъ фамилій нахо-

димъ защитниковъ прежняго порядка вещей, но въ самомъ семействѣ Цезаря находимъ мы ихъ отголосокъ. Старшій братъ его Друзъ, умершій еще при Августѣ, не скрывалъ своего сочувствія къ республиканскимъ формамъ; республиканская партія смотрѣла на него какъ на возстановителя республики по смерти Августа. Еще съ большею любовью смотрѣли они на сына Друза; наследовавшаго отцовскую славу и убѣжденіе, на Германика. Юный полководецъ рано приобрѣлъ громкую славу въ Германіи, оттого и прозванъ Германикомъ; онъ жилъ душой прошедшимъ, онъ принадлежалъ къ числу благородныхъ, но терпящихся въ бесполезныхъ усиліяхъ нечестителей, которые думали воскресить прошедшее. Тиверій преимущественно былъ администраторъ, государственный человѣкъ. Не изъ любви къ человѣчеству Тиверій покровительствовалъ провинціямъ, не изъ благородныхъ побужденій, но изъ любви къ порядку, которая свойственна справедливости строгой, холодной, отчасти изъ ненависти къ аристократіи, которой не давалъ онъ поживиться насчетъ провинціаловъ. Но душа ожесточалась постоянными подозрѣніями. Тиверій былъ отъ природы смѣлъ, но ежеминутная опасность сдѣлала его подъ старость инительнымъ и трусливымъ. Онъ покинулъ Римъ, боясь жить въ Римѣ; удалился на островъ Капрю и окружилъ себя всевозможными предосторожностями. Тамъ, окруженный грамматиками, риторамъ и астрологамъ, по словамъ Светонія, проводилъ онъ, дряхлый старикъ, старческіе годы въ самомъ отвратительномъ развратѣ, о которомъ новыя времена конечно не имѣютъ понятія; но руки его не ослабли, мысль сохранила прежнюю энергію; отсюда правилъ онъ судьбами Рима, и его неясныя, двусмысленныя приказанія приводили въ смущеніе сенатъ. Тацитъ сохранилъ намъ нѣсколько этихъ посланій его. Въ нихъ видно и желаніе Тиверія быть непоняту, и видно угрызеніе совѣсти. Невкогда въ подробности жизни Тиверія, удажу на главные факты. Германикъ, внушившій опасеніе Тиверію, умеръ на тридцать четвертомъ году въ Сиріи. Общественное мнѣніе подозрѣвало Тиверія въ отравленіи племянника; орудіемъ Тиверія былъ Пизонъ, правитель Сиріи. По общему убѣжденію въ Римѣ, Тиверій долженъ былъ удовлетворить требованію раздраженнаго народа: Пизонъ былъ преданъ суду. Изъ восходнаго расказа Тацита очевидно, что у Пизона была какая-то тяжолая тайна на душѣ; быть-можетъ онъ не хотѣлъ выдать Тиверія, разоблачить данныя ему инструкціи; онъ не дождался приговора и предалъ себя смерти. Еще съ большей ненавистью вооружилось общественное мнѣніе противъ жены Тиверія; но она нашла защитницу въ своей матери Юліи, имѣвшей большое вліяніе при Августѣ и сохранившей его при сынѣ. У Тиверія оставался наслед-

ники, сынъ Друза; но Друзъ внушилъ подозрѣніе отцу. Отчасти виновникомъ дурныхъ отношеній между Тиверіемъ и Друзомъ былъ претектъ преторіанцевъ Селъ; онъ-то раздражалъ императора безпрестанными доносами. Друзъ умеръ отравленный; въ этомъ преступленіи не былъ виноватъ Тиверій, но виновата его супруга, которая находилась въ связи съ Селомъ и которой Селъ обещалъ жениться на ней по смерти Тиверія. У Селна была честолюбивая зависть: чтобы занять мѣсто Цезаря, онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти Тиверія, который ему неограниченно вѣрилъ. Ближайшими родственниками оставались сыновья Германика; двое изъ нихъ погибли; супруга его Агрипина подверглась той же участи; оставалась меньшей сыномъ, который сопровождалъ Тиверія на островъ Капрю, впоследствии столь знаменитый Калигула, котораго судьба сохранила на горе римскому народу. Въ то время какъ Тиверій жилъ на островѣ Капрѣ, исполнителемъ его приказаній, главнымъ распорядителемъ въ Римѣ оставался Селъ; власть его была огромная: онъ былъ начальникомъ преторіанской стражи. Нужно сказать о значеніи этого войска, которое имѣло впоследствии такое огромное вліяніе на судьбу римской имперіи. Вамъ извѣстно, что ставка римскаго военачальника называлась «praetorium», и преторіанцы составляли первоначально стражу полководца изъ избраннаго войска, востоянную, необходимую для охраненія особы полководца. Когда римская республика пала, когда Августъ началъ утверждать другія формы правленія, то онъ придвинулъ къ самому Риму преторіанскую стражу, которая находилась при немъ въ качествѣ оберегательницы его особы, какъ императора, т. е. начальника войска; но вооруженные воины не могли вступать въ Римъ; они жили за городомъ, въ казармахъ; число ихъ сначала было незначительно, но потомъ при каждомъ императорѣ оно увеличивалось. Они рѣдко ходили на войну, большею частью жили подлѣ Рима и служили лучшею порукою за безопасность императоровъ. Мѣсто начальника преторіанцевъ давалось людямъ, къ которымъ императоръ имѣлъ полное довѣріе. Такою-то властью былъ облеченъ Селъ, оставшійся главнымъ исполнителемъ воли Тиверія. Но замыслы Селна были открыты; онъ погибъ. Надобно прочесть эпизодъ у Тацита; здѣсь превосходно выраженъ характеръ тиверіева правленія (Annalium lib. V. cap. 4—9). Тиверій нерѣшительно дѣйствовалъ противъ Селна: онъ былъ неувѣренъ въ успѣхъ, онъ боялся Селна; онъ видѣлъ, что далъ слишкомъ много власти, но уже было поздно; онъ обращается къ сенату съ двусмысленными грамотами, какбы пробуетъ сенатъ, не рѣшится ли онъ дѣйствовать противъ Селна, хоть и зная, что его сенатъ ненавидѣлъ. Общее мнѣніе было про-

тивъ этого временщика. Участь его была ужасна; даже его малолѣтніе дѣти были преданы самой позорной смерти, особенно малолѣтняя дочь, предварительно обезчещенная палачемъ. Всѣ друзья его, которые выразили какое-либо участіе къ судьбѣ его, подверглись гоненію и большому частію казни. Немногіе друзья Селна спаслись. Замѣчательнъ отвѣтъ одного сенатора, котораго обвиняли въ сношеніяхъ съ Селаномъ: «Я былъ близокъ къ Селану, потому что раздѣлялъ заблужденіе императора.» Тиверій пощадилъ его. Вскорѣ послѣ Селна погибла Агриппина, вдова Германика. Трудно найти судьбу болѣе трагическую. Время было ужасное. Для того чтобы безпрепятственнѣе преслѣдовать личныхъ враговъ своихъ, Тиверій воскресилъ старинный законъ объ оскорбленіи народнаго величества (*lex de laesa majestate populi*), существовавшій во времена республики. Дѣйствительно этому закону подвергался всякій оскорбитель народа римскаго, однако онъ рѣдко прилагался, а въ послѣднее время республики совсѣмъ не примѣнялся. Тиверій воскресилъ его, но въ свою пользу: оскорбитель его личности былъ оскорбителемъ и римскаго народа, потому что онъ былъ представителемъ римскаго народа, верховнымъ сановникомъ. Этотъ законъ получилъ неопредѣленное значеніе: ему подвергались и настоящіе заговорщики, и тѣ, которые позволяли себѣ неприличное выраженіе предъ изображеніемъ императора. Непристойное слово, сказанное передъ статуей императора, неприличное выраженіе, употребленное человѣкомъ, у котораго на рукѣ былъ перстень съ изображеніемъ императора, составляли уже достаточную причину для обвиненія. Достаточно было показаніе недовольнаго раба, чтобы подвергнуть знатнаго римлянина слѣдствію, которое кончалось казнью или конфискаціею. Но доноски были не между одними рабами. Образовался цѣлый классъ людей — *delatores*; объ этомъ страшномъ классѣ римскаго общества римскіе писатели оставили много замѣчательныхъ, потрясающихъ подробностей. Эти *delatores* болѣею частью принадлежали къ высшей римской аристократіи; ихъ можно причислить къ тому же разряду людей, которые въ послѣднее время республики жаждали переворотовъ государства для своей личной пользы, къ числу которыхъ принадлежалъ Катилина, какому его изображаютъ Салюстій и Цицеронъ. Болѣею частью эти *delatores* были люди даровитые, честолюбивые, но безвѣрные, разоренные, прибѣгавшіе ко всѣмъ средствамъ для поправленія своихъ обстоятельствъ. Многіе отличались ораторскимъ талантомъ, в такой талантъ былъ нуженъ: они говорили предъ сенатомъ; возражать имъ было опасно; защитникъ чловѣка, обвиненаго въ нарушеніи закона *de majestate*, часто подвергался уча-

сти обвиненнаго, или оставался на замѣчаніи. Выѣстъ съ этими аристократическими обвинителями дѣйствовала зводно и жесовидѣтели. Обвинители принадлежали къ высшему классу общества, жесовидѣтели выбирались изъ самыхъ высшихъ рядовъ его; ихъ поощряли обѣщаніемъ награды; за всякій приговоромъ за оскорбленіе величества императора или народа слѣдовала конфискація имѣнія; часть этихъ имѣній поступала въ казну, другая отдѣлялась въ награду обвинителей и жесовидѣтелей. Потому самое нелѣпое обвиненіе находило готовыхъ свидѣтелей. Съ нашей точки зрѣнія несовсѣмъ понятно такое беззавѣстное явленіе. Оно объясняется многими обстоятельствами римской жизни, вопервыхъ самымъ воспитаніемъ молодежи. Молодые римляне знатнаго сословія при императорахъ такъ же продолжали воспитываться, какъ ихъ отцы и дѣды; ихъ учили преимущественно красоворчію. Во время республики это искусство было необходимо; при императорахъ оно утратило свое практическое значеніе, но воспитаніе оставалось одно и то же. Во времена республики юный гражданинъ, желая начать свое политическое поприще, выступалъ обвинителемъ какого-нибудь государственнаго сановника, преступившаго власть свою; въ этомъ не было ничего постыднаго: это обличало въ гражданина любовь къ закону, ненависть къ неправдѣ. Теперь такое явленіе сдѣлалось почти невозможнымъ, такая дѣятельность пресѣклась; но обвинители и теперь говорили во имя старыхъ преданій; многіе изъ нихъ были люди съ великими ораторскими дарованіями. Тацитъ говоритъ объ нихъ съ глубокимъ, вполнѣ заслужившимъ негодованіемъ, но отдаетъ справедливость имъ въ отношеніи ихъ дарованій, которыми къ несчастію многіе изъ нихъ были одарены на гибель гражданъ. Такое же указаніе можно найти въ письмахъ Плинія-младшаго: тамъ въ нѣсколькихъ письмахъ есть подробное извѣстіе о Регулѣ-delatore, во II столѣтіи дѣйствовавшимъ при Домиціанѣ; онъ былъ человекъ чрезвычайно образованный, литераторъ съ большимъ вкусомъ, но жолчный, самолюбивый, мстившій какъ за самую страшную обиду, такъ и за невинную насмѣшку, завистливый, готовый обвинять всѣхъ и каждаго. Замѣчательно то впечатлѣніе, которое Регулъ производилъ въ римскомъ обществѣ: при появленіи его говорить боялись, молчать также было опасно; молчаніе могло быть объяснено въ другую сторону. Этотъ-то порядокъ вещей завелъ Тиверій въ Римѣ. По справедливому выраженію римскаго историка, продолжались междоусобія въ сенатѣ, гибли лучшіе граждане за то, что ихъ считали враждебными системѣ Тиверія, обвиняли въ нарушеніи народнаго величества. Послѣдніе годы своего правленія Тиверій провелъ на

юстровѣ Капреѣ. Тацитъ и Светоній упоминаютъ, что Тиверій, въродомъшій одиннадцати лѣтъ не возвращался изъ Капреи въ Римъ, что онъ будто нѣсколько разъ подѣзжалъ къ сѣнамъ города, но никогда не осмѣливался вѣхнать въ него. Сверхъ того на островѣ онъ велъ жизнь распутную и былъ обезображенъ позорною болѣзнію; поэтому самому онъ стыдился показаться римскому народу и боялся за жизнь свою. Послѣ Тиверія остались его записки, различныя коментаріи — памятникъ очень важный, но къ несчастію утраченный. Эти коментаріи изучалъ Кай Цезарь, который оставался при Тиверіѣ на островѣ Капреѣ и котораго рано разгадалъ Тиверій. Однажды Тиверій заболѣлъ, ему сдѣлалось дурно и онъ оставался нѣсколько часовъ безъ движенія. Преемникъ Септима Макромъ провозгласилъ императоромъ Кая Цезаря. Но Тиверій очнулся. Макромъ понялъ, что ему грозила опасность, и задушилъ слабого старика подушками. Такимъ образомъ кончилось это правленіе, нанесшее самыя страшныя удары не только республиканскимъ учрежденіямъ, но и сенату. Но у Тиверія покрайней-мѣрѣ въ государственномъ правленіи лежитъ идея: онъ дѣйствовалъ въ пользу провинцій, ослабляя римскую аристократію, при которой невозможно было благоденствовать провинціямъ. Когда же Тиверій умеръ и мѣсто его заступилъ воспитанникъ его, сынъ благороднаго Германика, Калигула, тогда началась эпоха унижительная, какихъ мало встрѣтишь въ исторіи человѣчества.

Но смерти Тиверія мѣсто его заступилъ Кай Цезарь, прозванный еще въ дѣтствѣ своемъ воинами римскихъ легионовъ Калигулой; ему было 25 лѣтъ отъ роду, когда онъ наследовалъ Тиверію. Народъ римскій привѣтствовалъ его радостно; причины этой радости были слѣдующія: во первыхъ ненависть, которую всѣ сословія римскаго народонаселенія питали къ Тиверію; во вторыхъ память о Германикѣ, отцѣ Калигулы, молодомъ, блестящемъ полководцѣ, который оставилъ столько сожалѣнія по себѣ въ Римѣ; наконецъ дѣла, обѣщавія Калигулы въ первые дни правленія. Все это соединилось не только къ обольщенію народа, но и сената. Тиверій съ его глубокимъ умомъ рано понялъ Калигулу: онъ пророчилъ въ немъ страшнаго бича римскому народу; предсказаніе его оправдалось. Первые дни были прекрасны: Калигула явился въ Римъ изъ Капреи, гдѣ онъ находился до самой кончины Тиверія; онъ началъ тѣмъ, что отменилъ законъ о пресупрашеніи противъ величества, возвратилъ всѣхъ изгнанныхъ, сжегъ много документовъ, на основаніи которыхъ могли быть по его мнѣнію преданы суду многіе знатнѣйшіе граждане Рима, и праздновалъ вступленіе на престолъ великолѣпными играми; онъ первый ввелъ въ обычай

давать подарки преторіанцамъ и войску, такъ называемые *donativa*. Нѣтъ сомнѣній, что Калигула въ эти счастливые дни своей жизни дѣйствовалъ частосердечно; для притворства не было причины. Но въ самомъ началѣ его правленія нельзя было не замѣтить разстройства умственныхъ способностей, признаковъ помѣшательства, которое обнаружилось очень рано. Бюсты и изображенія его, дошедшіе до насъ, обличаютъ въ немъ болѣзненное тѣлосложеніе: онъ былъ высокъ ростомъ, худощавъ, поврежденъ только тѣло лужло; лицо постоянно блѣдное, глаза сверкающіе; этому лицу онъ придавалъ странное выраженіе постоянными гримасами. Онъ былъ не лишонъ дарованій, образованія: вообще всѣ знатные римляне были хорошо воспитаны; но онъ и между образованными могъ называться весьма образованнымъ; у него былъ ораторскій талантъ, онъ любилъ говорить рѣчи, отличался восторженнымъ, нѣсколько напыщеннымъ, но страстнымъ краснорѣчіемъ, любилъ показываться передъ народомъ, любилъ искусство, и особенно драматическое; бралъ уроки декламация у знаменитаго въ то время актера; на играхъ; которыми онъ тѣшилъ римлянъ и на которыя Августъ и Тиверій были скупы, онъ не считалъ унижительнымъ самому являться. Къ литературѣ его отношенія были другія: при Тиверіѣ начались строго преслѣдоваться сочиненія, въ которыхъ новый порядокъ подвергался осужденію; смѣлыя выходки нерѣдко навлекали смерть на сочинителя. Калигула разрѣшилъ не только чтеніе, но даже продажу сочиненій, исполненныхъ республиканскаго духа, негодованія противъ новыхъ формъ. Но это отношеніе къ сенату и народу продолжалось недолго. Калигула нетрудно было быть великодушнымъ и щедрымъ вначалѣ, вслѣдствіе огромныхъ сокровищъ, которыя были оставлены бережливымъ Тиверіемъ: онъ оставилъ 130 миліоновъ серебромъ — если принять въ соображеніе цѣнность нашихъ денегъ, то это выйдетъ 800 мил. сереб. Калигула щедро расточилъ этотъ запасъ, незаботясь о будущемъ; черезъ годъ сокровищъ не стало. Но расточительность обратилась въ привычку; а любовь народная основывалась на этой расточительности. Надобно было прибѣгнуть къ новымъ способамъ добывать деньги. Древній міръ относительно экономическихъ вопросовъ былъ крайне неопытенъ; источники государственныхъ доходовъ отнюдь не были такъ разнообразны, какъ теперь. Только крайней бережливостію Тиверій могъ скопить тотъ запасъ, который онъ завѣщалъ Калигулѣ. У Калигулы не было ни бережливости, ни умѣнья, но онъ нашолъ самый легкій способъ пополнять казну чрезъ конфискацію частной собственности. Законъ *de læsa majestate* не былъ возстановленъ, но Калигула дѣлалъ хуже: безъ предварительнаго суда,

безъ соблюденія нѣкоторыхъ формъ, которыми ограждалась личность подсудимаго, однимъ своимъ повелѣнiемъ онъ обрекалъ на смерть гражданъ, ему ненавистныхъ и подозрительныхъ по своему богатству, и подвергалъ ихъ опалѣ; разумѣется эти жертвы принадлежали къ сенаторскимъ фамилiямъ. Поводовъ къ казнямъ было много. У Калигулы умерла сестра Друзиллина, къ которой онъ былъ очень близокъ; онъ предался отчаянной скорби, приказалъ причислить ее къ богамъ и такимъ образомъ задалъ римскому народу кровавую загадку. Тотъ кто надѣвалъ трауръ по ней, подвергался опасности: онъ слѣдовательно не признавалъ ее богиней, ибо по богинямъ траура не носили; кто не надѣвалъ траура, тотъ слѣдовательно не принималъ участiя въ потерѣ императора. Многие граждане заплатили жизнью за подобную выдумку Калигулы. Когда онъ былъ боленъ, одиръ римлянинъ, вѣроятно желая обратить на себя милостивое вниманiе императора, далъ обѣтъ, въ случаѣ выздоровленiя Калигулы, принести себя въ жертву богамъ, и Калигула по выздоровленiи велѣлъ ему исполнить свой обѣтъ, а имѣнiе его взять въ казну. Вступивши однажды на эту дорогу, Калигула не могъ остановиться. Самое обыкновенное объясненiе такого поведенiя заключается въ томъ, что онъ былъ сумашедшiй, притомъ злой и безп्राветный, испорченный дурнымъ воспитанiемъ и примѣрами при дворѣ Тиверiя и наконецъ тѣмъ положенiемъ, въ которомъ онъ находился. Быть-можетъ въ цѣлой исторiи древней и новой Европы мы не найдемъ примѣра такого шаткаго положенiя, какъ положенiе первыхъ римскихъ императоровъ. Власть римскихъ императоровъ была чисто фактическая, права не было; каждый изъ императоровъ носилъ сознанiе, что смерть его будетъ принята съ восторгомъ, что большая часть римлянъ смотритъ на нихъ какъ на похитителей, и каждый считалъ себя вправѣ захватить эту власть. Надо было опираться на легiоны, подкупая ихъ деньгами. Тиверiй умѣлъ держаться необыкновенной строгостью; онъ поддерживалъ дисциплину, для провинцiй онъ былъ отличный правитель; но несмотря на то, онъ не избѣгъ насильственной смерти, и убiицы его не были казнены. Можно представить, какъ это подѣйствовало на Калигулу! Страхъ потерять власть, подозрительность, начатки помѣшательства, все это соединилось для того, чтобы представить психологическую загадку характера Калигулы. У него буквально, можно сказать, кружилась голова. Расгнѣвъ награбленное въ Римѣ, онъ отправился обирать провинцiи. Галлiя, цвѣтущая, богатая область, была первымъ поприщемъ его дѣятельности. Калигула принималъ полусумашедшiя мѣры. Такимъ образомъ онъ продавалъ съ аукциона вещи дома Цезарей; всякая мелочь ихъ дворца продавалась

весьма дорогою цѣною, на томъ основаніи, что она наноминчала подданнымъ объ ихъ повелителяхъ; при продажѣ присутствовалъ самъ Калигула, самъ набавлялъ цѣну и заставлялъ подымать ее, самъ назначалъ покупателей, а отказываться несовѣстно было запрещено. Съ этими соединялъ онъ забавы, облачившиа его сумашествіе. Тамъ въ Лионѣ (Lugdunum) онъ назначилъ состязаться всѣмъ галльскимъ побтамъ, писавшимъ полатыни; назначены были призы, награды за лучшія стихотворенія; плохихъ поэтовъ заставлялъ слизывать языкомъ все написанное и бросалъ въ Рову. Но ему сверхъ того хотѣлось поравняться и въ военной славѣ съ своими предшественниками. Онъ двинулся противъ Британіи, съ легионами подошелъ къ берегу моря и раздувалъ; велѣлъ воинамъ набрать раковинъ и объявилъ себя побѣдителемъ океана, потому что все добычу, отнятую у него. Потомъ отправился противъ германцевъ; перешолъ черезъ Рейнъ и возвратился назадъ, не видавъ ни одного германца; онъ велѣлъ изъ легионовъ отобрать всѣхъ русскихъ и рижскихъ воиновъ и съ триумфомъ вести ихъ въ Римъ, какъ пленныхъ германцевъ. Между Италіей и Сициліей онъ хотѣлъ построить мостъ. Безумные, дикіе замыслы его оскорбляли всѣхъ благородныхъ римлянъ; наводили страхъ на безмысленныя массы. Кромѣ Светонія и Тацита у насъ есть весьма любопытный памятникъ — описаніе посольства александрійскаго еврея Филона, ходатайствовавшего по дѣлу своихъ единовѣрцевъ; онъ былъ представителемъ Калигулѣ, видѣлъ императора, бесѣдовалъ съ нимъ и оставилъ любопытное описаніе. Съ каждымъ днемъ можно-сказать увеличивалась раздражительность и сумашествіе; под конецъ Калигула требовалъ себѣ божескаго поклоненія. Не съ него начался обычай причислять къ богамъ императоровъ, но только не при жизни, а по смерти. Калигула поставилъ овою статую въ храмѣ Юпитера капитолійскаго; многимъ статуямъ велѣлъ отбить головы и сдѣлать свое изображеніе; но скоро почелъ унизительнымъ для себя стоять рядомъ съ Юпитеромъ и выстроилъ себѣ особый храмъ, гдѣ по нѣскольку часовъ стоялъ на пьедесталѣ и принималъ поклоненіе. Онъ продавалъ мѣста жрецамъ за большія деньги, и такимъ образомъ приобрѣлъ новый источникъ для поправленія денежныхъ средствъ. Онъ сталъ являться къ народу въ одеждахъ и атрибутахъ различныхъ божествъ, даже женскихъ: Юноны, Венеры и Діаны; рассказывалъ о своихъ сношеніяхъ съ прочими богами, о побѣдахъ надъ Юпитеромъ. Четыре года терпѣли римляне это унизительное владычество; наконецъ между самими преторіанцами, которыхъ онъ осмѣлялъ и деньгами и оскорбленіями, составилъ заговоръ, въ главѣ котораго стоялъ одинъ изъ старыхъ центуріоновъ Херя. За-

говорящихъ убилъ Калигулу во дворцѣ. Тогда Римъ представлялъ странное и печальное зрѣлище. Сенатъ собрался немедленно для совѣщанія о новомъ правительствѣ. Мнѣніе большинства было возстановить республику; воицѣйскіе солдаты (*cohortes urbanae*) были на сторонѣ сената; между преторіанцами, особенно охидрами, нѣсколько голосовъ раздѣляли такое же мнѣніе; но внѣ сената и кромѣ небольшого числа воиновъ, согласныхъ съ его мнѣніемъ, не было сочувствія къ республикѣ. Сенатъ провелъ цѣлую ночь въ совѣщаніяхъ и вдругъ узналъ, что новый императоръ уже провозглашёнъ. Во время тревоги преторіанцы бросились грабить дворецъ; въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ одинъ преторіанецъ нашелъ спрятавшагося человека, вытащилъ его и узналъ въ немъ дядю Калигулы, Клавдія. Преторіанцы провозгласили его немедленно императоромъ и взяли съ собою въ лагерь; на другой день безсильный сенатъ преклонился предъ ихъ выборомъ. Изъ всѣхъ членовъ августовой фамиліи на одинъ не обращалъ на себя такъ мало вниманія, какъ сынъ знаменитаго отца Друза, братъ Германика. Клавдій постоянно былъ предметомъ насмѣшекъ и презрѣнія въ собственномъ семействѣ; онъ былъ разсѣянъ до крайности; когда онъ родился, мать получила къ нему отвращеніе, она не любила его; онъ былъ безобразенъ, отличался опрометчивостью, безпамятствомъ, просто сказать глупостью, имѣлъ такое же вниманіе, говорилъ не то что хотѣлъ, языкъ какбы ему не повиновался, былъ совершенно неловокъ. Августъ стыдился его, Тиберій презиралъ, Калигула пошадилъ, потому что онъ не внушалъ никакого опасенія. Забытый, загнанный Клавдій началъ заниматься наукой; онъ былъ не лишонъ нѣкотораго ума, но умъ скрывался подъ страшною, невыгодною наружностью. Наставникъ его былъ Титъ-Левій; онъ совѣтовалъ ему употребить досугъ, котораго у Клавдія было много, на изученіе римскихъ древностей; по отзывамъ нѣкоторыхъ, даже людей враждебныхъ Клавдію, онъ былъ глубокой знатокъ древности, но мало было у него такта; онъ составилъ подробное описаніе междоусобной войны Цезаря и триумвировъ, и здѣсь откровенно рассказываетъ о преступленіяхъ своихъ родственниковъ цезарскаго дома. На государственныя дѣла не имѣлъ никакого вліянія и не имѣлся въ нихъ. При Калигулѣ онъ назначенъ былъ консуломъ, но это былъ лишь пустой титулъ. Такимъ образомъ прошла жизнь Клавдія до провозглашенія императоромъ. Онъ былъ не готовъ для этого возвышенія, оно застало его врасплохъ. Но правилъ ли онъ? Можно было напередъ предвидѣть, что Клавдій будетъ править Римомъ не своимъ умомъ, а подъ вліяніемъ людей его окружавшихъ. За него правили его вольноотпущенники: Поли-

бій, Малласъ, Перцисъ, въ рукахъ которыхъ была и собственность, и жизнь гражданъ; они составляли себѣ огромныя богатства. Это одна изъ характеристическихъ сторонъ римской жизни. Мы уже видѣли положеніе образованныхъ рабовъ въ Римѣ, занимающихъ при господствѣ такія должности, которыя занимаютъ теперь люди свободные: секретари, чтецы были изъ рабовъ и вольноотпущенниковъ. Надо замѣтить, что у римскихъ гражданъ было особое понятіе о чести. Тѣ самые сенаторы, которые не стыдились рукоплескать самымъ жестокимъ поступкамъ, сочли бы за униженіе для себя личную службу въ домѣ цезаря. Римскіе цезари жили одиноко въ своихъ дворцахъ; обыкновенно ихъ общество состояло изъ этихъ вольноотпущенниковъ и рабовъ, составлявшихъ дворъ императора. Но еще большую властью пользовалась супруга его Мессалина, извѣстная во энергическимъ грязнымъ стилямъ Ювенала, и потомъ Агриппина. Между Мессалиной и вольноотпущенниками шла борьба: они не любили Мессалины, Мессалина ненавидѣла ихъ. Вы найдете превосходную характеристику того времени въ изслѣдованіи профессора Кудрявцева: «Римскія женщины по Тацитѣ». Несмотря на очень благія начинанія, Клавдій постоянно возбуждалъ смѣхъ въ народѣ своимъ появленіемъ, а онъ любилъ являться передъ народомъ, любилъ искренно справедливость, самъ засѣдалъ въ судахъ и отличался нѣкоторымъ здравомысліемъ. Какъ антикварій, онъ старался возстановить обычай страны, которые потеряли всякое значеніе. Къ числу замѣчательныхъ памятниковъ царствованія Клавдія принадлежитъ вновь устроенная гавань при устьяхъ Тибра, потомъ устройство канала, посредствомъ котораго Клавдій хотѣлъ спустить Фунтинское озеро (lacus Fucinus) въ Средиземное море. Описаніе Тацита даетъ намъ вѣрное поманіе о работахъ надъ этимъ каналомъ и празднествахъ, совершонныхъ при окончаніи его. Десять тысячъ человѣкъ работали надъ этимъ каналомъ; для него нужно было прорѣзать нѣсколько горъ. День спуска озера ознаменованъ былъ торжествами. Клавдій въ этотъ день хотѣлъ видѣть дѣйствительное сраженіе; для этого приготовлено было 19,000 преступниковъ-гладіаторовъ, которые должны были битися на-смерть. Всяма немногіе изъ нихъ спаслись, и лишь даровано было прощеніе. Озеро впрочемъ осталось на прежнемъ мѣстѣ, потому что каналъ былъ неудачно вырытъ. Несмотря на то, что отъ природы онъ не былъ жестокъ, въ Римѣ часто совершались казни и вольноотпущенниковъ. Клавдій ничего не зналъ, ничего не видѣлъ, онъ былъ весьма разсѣянъ. Ему случалось нѣмного кого-нибудь приговорить къ смерти, а завтра онъ велѣлъ пригласить его къ столу. Много совершалъ онъ подъ вліяніемъ

вина. Общее вниманіе было обращено на Мессалину, предвзвущую своимъ прихотливъ. Множество гражданъ были лишены жизни за то только, что у нихъ сады были лучше мессалинскихъ. Мессалина обманывала Клавдія на каждомъ шагѣ; дошедши до крайней степени разврата, она наконецъ при жизни Клавдія торжественно приняла свой бракъ съ молодымъ римляниномъ Силиемъ, который ей понравился, бракъ былъ совершенъ съ великолѣпными обрядами и торжествомъ въ виду всего народа. Вольноотпущенники донесли объ этомъ императору и тогда только она была обличена и казнена. Но Клавдію на другой же день забылъ объ этомъ и спрашивалъ: «гдѣ Мессалина? почему она неидетъ сюда?» Клавдію искалъ себѣ новой супруги, или лучше—сказать новой владычицы, и напослѣдъ эту супругу въ лицѣ Агриппины, дочери Германика. Агриппина была известна въ Римѣ преступными отношеніями къ брату своему Калпурію; но на нее палъ выборъ Клавдія, потому что она была хороша собой и умна. Она привнесла съ собою Клавдію роскоше приданое — знаменитаго Нерона. У Клавдія собственно отъ Мессалины оставался сынъ Британикъ, но когда онъ вступилъ во второй бракъ съ Агриппиною, то она умѣла овладѣть умомъ старика и заставила его назначить преемникомъ не сына Британика, а своего собственнаго сына отъ перваго брака съ Касемъ Домиціемъ Агенобарбомъ — Нерона. Агриппина была съ нимъ въ разводѣ, и какъ она известна была своими порочными склонностями, такъ и его репутация была не лучше, такъ что самъ Домицій Агенобарбъ говорилъ, что «отъ меня и отъ Агриппины можетъ произойти только чудовище». И въ самомъ дѣлѣ это чудовище родилось. Для скрѣпленія связей, Неронъ былъ обрученъ съ Октавіей, дочерью Клавдія. Есть причины думать, что Клавдію подъ конецъ жизни горько раскаивался въ устраненіи Британика отъ престола, опасаясь за участь сына, преданнаго такимъ образомъ распоряженію пасынка, и могъ бы изменить свое рѣшеніе. Между Агриппиною и отпущенниками шла также борьба, которая стоила жизни Мессалинѣ, но Агриппина была осторожна; она постаралась сбить съ рукъ Клавдія. Мы приведемъ по этому случаю характеристическую черту этого времени. Въ это время въ Римѣ была женщина Локуста, известная своимъ искусствомъ составлять яды; она имѣла цѣлый магазинъ ядовитыхъ травъ, вела ими торговлю и давала средства избавляться отъ ненавидимыхъ людей; она, по выраженію Тацита, была въ числѣ средствъ правительства (*diu inter instrumenta regni habita. Annalium lib. XII, cap. 66.*) Эта Локуста снабдила и Агриппину ядомъ, отъ котораго умеръ Клавдію. Партія непріятелей Агриппины увеличивалась и смертію Клавдія она ускорила свое паденіе. Цѣлая исторія не пред-

ставляетъ такого страшнаго, чудовищнаго разврата. Но несмотря на эти темныя стороны древней жизни, видно хотя медленное развитіе новыхъ началъ. Такъ Клавдіемъ издавно было постановлено, которое ограничивало власть господина. Онъ не могъ казнить раба и бросить его безъ приговора больнаго. Это было для того времени неслыханное нововведеніе; въ этомъ мы видимъ развитіе человечества, проникновеніе новыхъ началъ, которыя впоследствии были провозглашены христіанствомъ. Клавдій, я оказалъ, умеръ отравленнымъ на четырнадцатомъ году своего правленія. Философъ Сенека написалъ по этому поводу сатирическое сочиненіе: «*Luctus de morte Claudii Caesaris*», забавный панегирикъ, въ которомъ Клавдій былъ выставленъ въ самомъ смѣшномъ видѣ; здѣсь описывается и наружность его, и неловкость его. Замѣчательно то, что Сенека порицаетъ между прочимъ самую благородную намѣреніи императора, его любовь къ провинціаламъ, его желаніе уравнивать ихъ въ правахъ съ римлянами. Сенека вставляетъ въ уста его слова, что рано или поздно всѣ жители римскаго міра будутъ равны, но притомъ прибавляетъ: «въ счастью, парки прервали дни его, чтобы осталось хотя нѣсколько иностранцевъ для породы». Такимъ образомъ благородныя намѣренія императора встрѣтили порицаніе, не только со стороны черни, но со стороны просвѣщеннаго и величайшаго философа, который въ теоріи говорилъ совершенно другое.

Подобно Каллигулѣ Неронъ прекрасно началъ свое царствованіе. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ заступилъ мѣсто Клавдія. Разумѣется, сначала правилъ не онъ: онъ руководствовался преимущественно совѣтами Бурра, который былъ префектомъ, былъ старей заслуженный воинъ, сохранившій древній римскій патриотизмъ; и Сенеки, одного изъ даровитѣйшихъ и умныхъ людей того времени; о которомъ неразъ придется говорить при изслѣдованіи этого періода. О характерѣ Сенеки, до крайней мѣры въ первые годы его дѣятельности, нельзя отозваться съ особенною похвалою. При Клавдіи онъ жилъ въ изгнаніи и отомстилъ ему язвительною сатирой, но дѣлающей чести его сердцу, хотя въ ней виденъ талантъ и остроуміе. При Неронѣ онъ игралъ двойную роль: онъ даетъ Нерону добрыя совѣты, но отъ времени до времени увлекается личнымъ пристрастіемъ; эгоистическими возбужденіями; въ цѣломъ вліяніе его было благотворно. Шесть лѣтъ прошелъ счастливо, только Агрипина своимъ честолюбіемъ, своимъ кознями возмущала иногда спокойствіе этой эпохи, но безъ особенно дурныхъ послѣдствій на государство. Никто не предвидѣлъ въ Неронѣ чудовища, каковы онъ явился впоследствии. Юноша превосходно образованный, даже артистъ, онъ былъ хорошій музыкантъ, имѣлъ драматическій та-

лицу, но ясно въ этихъ притязаніяхъ на художества и обнаруживалась другая сторона его характера: зависть и ненависть къ людямъ, которые превосходили его своимъ талантомъ. Съ такою-же психологическою постепенностью раскрывается этотъ характеръ: сначала онъ дѣйствуетъ жестоко въ кругу близкихъ людей: Британикъ, сводный его братъ, умеръ отравленный за обѣдомъ; съ матерью, которая употребляла всѣ недостойныя средства, чтобы держать его въ повиновеніи, онъ приходилъ въ враждебное столкновеніе. Бурръ, который сдерживалъ его, умеръ. Когда не стало Бурра, онъ сталъ дѣйствовать свободнѣе, онъ пошелъ по слѣдамъ Камиллы; началъ игнорировать знатныхъ людей въ Римѣ за ихъ образъ мыслей; за ихъ богатство; и богатство, и благородный образъ мыслей были равно преступны въ глазахъ Нерона. Низшіе классы мало страдали; онъ тѣшилъ ихъ великолѣпными играми, до которыхъ самъ былъ болѣею жертвою; но въ мыслящихъ людяхъ, истинныхъ патриотахъ возбуждалъ ужасъ и презрѣніе. Отношеніе его къ матери кончилось интереснѣйшимъ. Отравленіе Британика поразило Агриппину, которая надѣялась въ немъ найти себѣ опору. Огрышонная отъ участія въ дѣлахъ, осиротѣвшая Агриппина, предвидѣвшая свою участь въ Римѣ, удалилась въ южную Италію. Но вдали отъ Рима опасность для нея была еще болѣе: тамъ можно было скорѣе сбыть ее съ рукъ. Въ числѣ ея враговъ былъ и Сенека. Прочтите у Тацита страшное описаніе ея смерти, о мѣрахъ; которыя были приняты сыномъ, дабы мать не избѣгла своей участи. Затрудненіе Нерона оставалось только въ выборѣ средствъ: лажъ и мечъ казались неприличными къ этому необыкновенному злодѣянію, возмущающему нравственное чувство человека. Вольноотпущенникъ Анницетъ, бывший прежде дядькою Нерона, взялся за это дѣло и искалъ новое средство умертвить мать Нерона. Онъ предложилъ построить такого рода корабль, который бы могъ разрушиться на водѣ; на этомъ кораблѣ пригласить къ себѣ ѣхать Агриппину, и такимъ образомъ утопить ее. Предложеніе Анницета было одобрено, корабль построенъ. Отъ Нерона немедленно было послано письмо къ Агриппинѣ, въ которомъ онъ дружески просилъ ее, чтобы она пришла на корабль въ Римъ и жила при дворѣ. Но роковой корабль, среди тихой звѣздной ночи ильвишій по морю, не оказалъ надлежащаго дѣйствія. Корабль хотя разрушился на водѣ, но Агриппина спаслась. Догадавшись въ намѣреніяхъ Нерона, она тотчасъ извѣстила его, что покровительствомъ боговъ и императора она спаслась отъ кораблекрушенія. Неронъ оцѣнивъ отъ ужаса и тотчасъ послалъ отрядъ воиновъ убить ее. Ночью этотъ отрядъ явился къ дому, гдѣ находилась Агриппина, и умертвилъ ее. Извѣстіе объ этомъ пера-

шло ужасомъ Римъ. О состояннн умомъ можно будити по слѣдующему. Сенатъ не зналъ что дѣлать: молчать? но зналъ, что отиць Неронъ оскорбится; привѣтствовать? — до какъ привѣтствовать? чловѣка, совершившаго самое ужасное изъ преступленнй? Самъ Неронъ явился въ сенатъ и произнесъ рѣчь, въ которой оправдывалъ и даже восхвалялъ свое дѣло; эта рѣчь, къ стыду Сенекки, была написана Сенеккой. Наконецъ сенатъ рѣшился благодарить Нерона за услугу, оказанную государству; только сенаторъ Ретис Травеса во время совѣщаннй вышесть молча изъ сенатскаго собрання, будучи затѣченъ Нерономъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ стоиковъ, которые одни поддерживали чловѣческое достоинство въ развратномъ Римѣ. Когда сенатъ льсталъ Нерону, Травеса молча удалился; ибо говорить не было возможности. Эта нѣмая оппозицн возбудила гнѣвъ Нерона. Доносчики получили приказанне обвинить Травеса въ уклоненн отъ лежащихъ на немъ обязанностей сенатора: почему онъ постоянно молчалъ? Если зналъ лучшее, то отчего не герорилъ? А если не зналъ, то почему не одобрялъ предложенное цезаремъ и гласно не заявлялъ истину? Нетолько на самого Травеса, но на его друзей и родственниковъ пало обвиненне. Травеса преданъ былъ свою участь. Когда происходило сенатское совѣщанне, въ Римѣ были предприняты предосторожности и сенатъ орудонъ стражонъ; Травеса хотѣлъ идти въ сенатъ, но друзья ему отговѣвали. Тацнть приводитъ причину. Они говорили: «если ты явишься, то никто не станетъ защищать тебя; напротивъ, стануть оскорблять и бранить, и всѣ примуть въ этомъ участне, чтобы показать свою привязанность къ Нерону». Травеса остался, и его домъ наполнился посѣтителами, приходившими изъ сената извѣщать его о комѣ дѣлѣ. Наконецъ приговоръ произнесенъ: Травесъ вѣчно умереть. Когда онъ былъ извѣщенъ объ этомъ, то обратился къ гостямъ, благодарилъ ихъ за участне и просилъ удалиться, чтобы не замечъ на себя гнѣвъ цезаря. Восѣдовала съ друзьями о бессмертн души, о дѣлѣ бытнн, благословилъ ихъ на предстоявшнй подвнть, просилъ жону остаться въ живыхъ и заботиться о дочери, потомъ удалился въ комнату и предалъ себя смерти. Тацнть прекрасно рассказываетъ также о смерти Сенекки, который ею вскупилъ всѣ свои пороки.

Можно было бы думать, что такъ умирали одни стоики, но вотъ судьба эпикурейца. Въ числѣ друзей Нерона былъ нѣкто Петроннй, нѣкоторое время служившнй государству, хотя безъ охоты. Когда кончался срокъ его консульства, онъ возвратился въ Римъ и началъ вести жизнь эпикурейца. Тацнть говоритъ, что его нельзя назвать расточителемъ или обжорою, ибо онъ былъ чловѣкъ съ извѣстнымъ вкусомъ и пользовался наслажденнми по законамъ моды.

и дука. Неронъ подружился съ Петроніемъ и его вліяніе возбудило зависть другихъ любимцевъ, особенно Тигеллина, который оклеветалъ Петронія. Императоръ хотѣлъ ѣхать въ южную Италію, Петроній отправался за нимъ; но на дорогѣ, получивъ приказаніе возвратиться, понялъ свою судьбу. Остановившись въ своей виллѣ, онъ принималъ друзей, обѣдалъ съ ними, кушался, занимался дѣлами, награждалъ однихъ рабовъ, а другихъ наказывалъ, приказалъ читать себѣ малкія стихотворенія, вѣрно вродѣ дошедшихъ до насъ эротическихъ, любимыхъ римскимъ обществомъ; потомъ открылъ себѣ жиды, написавъ передъ смертію къ Нерону письмо, въ которомъ высказалъ все свое презрѣніе къ нему. Такимъ образомъ онъ умеръ спокойно, весело, продолжая наслаждаться до конца. Такъ же умеръ и другой эпикуреецъ Оттонъ. Въ жизни человѣка бываютъ такіе минуты, когда онъ наскутитъ жизнью и умираетъ съ готовностію, какъ морозящеею. Жизнь въ Римѣ не была здоровой: она была одержима болѣзнію, отсутствіемъ вѣрованій и убѣжденій, началъ, безъ которыхъ человѣкъ слабъ. У римлянъ не было ни Бога, ни отечества, и потому они мало дорожили жизнью. Образованія было много, но оно не шло въ пользу и только усиливало восприимчивость. Образованіе полезно, если оно производитъ благопріятныя впечатлѣнія; но образованные римляне только живѣ чувствовали общественныя недуги и страданія и иначе понимали жизнь. Но страсти Нерона разыгрались. Смерть матери была началомъ новаго влеченія Нерона. Въ немъ были замѣтны слѣды того помѣшательства, которое мы видѣли въ Калигулѣ. Укажемъ на нѣкоторыя характеристическія черты. Вамъ извѣстно гоненіе, поднятое на христіанъ еще вѣноніаныхъ, еще новыхъ въ римскомъ мірѣ. Въ то время когда исчезала древняя цивилизація и развивался стоицизмъ, въ мірѣ уже существовала болѣе сильная этика, непомятая, отверженная, — этика христіанская, находившаяся прибѣжище между бѣдными иностранцами, рабами и государственными сабонниками. Тѣмъ немѣнѣе христіане, рѣзко отличавшіеся своимъ духомъ, были предметомъ глубочайшей ненависти. Тацитъ называетъ христіанскую религію ненавистною роду человѣческому, «odium generis humani». Въ первый разъ христіане обратили на себя большое вниманіе, когда Неронъ воздвигъ на нихъ гоненіе. Поводомъ къ гоненію былъ пожаръ въ Римѣ. Страшный пожаръ постигъ вѣчный городъ и истребилъ большую часть зданій; этотъ пожаръ лишилъ насъ многихъ драгоценныхъ памятниковъ древняго искусства, древней литературы. Римъ, вновь выстроенный, отличался широкими улицами, красивыми зданіями, въ особенности принадлежавшими частнымъ лицамъ, парками, звѣринцами; отъ прежняго Рима осталось мало

и догара со стороны искусства и литературы невоинагредима. Рассказываютъ, что во время пожара Неронъ читалъ стихи и игралъ на лирѣ: онъ сланилъ пожаръ Иліона. По этому поводу возникла молва, будтобы самъ Неронъ закогъ Римъ, чтобы имѣть помятію о пожарѣ Иліона. Этой молвѣ не вѣрять даже Тацитъ; но она показывается общее мнѣніе о Неронѣ. Такъ какъ молва была нужна въ ходъ, то надобно было приписать кому-нибудь вину, и обвиненіе пало на христіанъ; на нихъ было воздвигнуто страшное гоненіе. Мѣры наказаній, какія постигли христіанъ, были достойны жестокаго характера императора. Неронъ далъ народу праздникъ. Ночью сады были освѣщены страшнымъ образомъ: христіане, прикованные къ столбамъ, были обернуты горючими веществами и зажжены по приказанію Нерона. Такимъ образомъ горѣли они какъ живые факелы на могилахъ древняго міра. Это возбудило ненависть даже въ самихъ римлянахъ, привыкшихъ къ кровавымъ зрѣлищамъ. Жестокости Нерона вызвали нѣсколько заговоровъ. Между погибшими лицами былъ поэтъ Луканъ, юноша, погибшій безъ вины, за славу своей поэмы и идей, въ ней высказанныхъ, и Сенека не избѣгнулъ такой же участи. Онъ не могъ потворствовать всѣмъ порокамъ Нерона, навлекъ на себя его гнѣвъ и получилъ приказаніе выбрать себѣ родъ смерти. Онъ умеръ съ спокойствіемъ и мужествомъ достойнымъ стоицизма. Печаленъ этотъ примѣръ необычайно гениальнаго человѣка, который понималъ благороднымъ образомъ и жизнь, и достоинства человѣка, а между тѣмъ самъ не умѣлъ сохранить этого достоинства. Это лицо представляетъ сочетаніе слабого характера съ великимъ умомъ, разногласіе теоріи съ жизнью.

Мы не будемъ говорить подробно о жестокостяхъ Нерона. Главною заботой его были искусства; онъ являлся передъ народомъ пѣвцомъ, музыкантомъ, живописцемъ; онъ занимался всѣми родами искусства, участвовалъ во всѣхъ состязаніяхъ, и горе тому, кто превосходилъ цезаря въ искусствѣ. Недовольствуясь рукоплесканіями въ Римѣ, наводнивъ кровью Италію, Неронъ отправился въ Грецію, отчизну искусствъ, и получилъ такія же рукоплесканія, вынужденныя страхомъ. Это былъ страшный артистъ, которому не аплодировать было опасно. Среди этихъ безумныхъ занятій онъ получилъ извѣстіе о движеніи съ запада легионовъ. Первый толчекъ далъ Юлій Виндексъ (Julius Vindex); этотъ благородный галлъ, оскорбленный поведеніемъ императора, призвалъ соотечественниковъ сбросить иго Нерона. Въ то же самое время начинается движеніе легионовъ на Рейнѣ и въ Испаніи. Виндексъ погибъ; но движеніе испанскихъ легионовъ приняло опасный характеръ; въ главѣ стоялъ старый полководецъ Гальба, прославившійся долгой, честной

службы; ему было за семьдесятъ лѣтъ; будучи избранъ лестономъ въ императоры, онъ пошелъ на Италию. Вѣсть о движеніи испанскихъ и германскихъ легионовъ распространилась и на Востоку; всюду готовились битвы. Въ Римѣ Неронъ былъ оставленъ всѣми; преторианцы, неприязненные къ войнѣ, боявшіеся столкновѣнн съ опытными ветеранами легионовъ; представляли ненадежную опору. Впродолженіи двухъ дней срывался Неронъ; на третій сенатъ объявилъ его врагомъ отечества и опредѣлялъ ему смерть, и Неронъ приказалъ своему отпущеннику убить себя. Последнія слова его были: «quidni artifex reus!» Такими образомъ онъ умеръ вѣрными жрецомъ искусства.

ТРИ СНЫ ИЗ ИВАНОВСКОЙ ЖИЗНИ

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА

МИХАЙЛО АЛЕКСѢИЧЪ ШИПАЧЕВЪ, кузнецъ, остриженъ въ кружокъ, съ бородой. Веселъ и добродушенъ; хозяинъ въ домѣ.

МАТРЕНА СТЕПАНОВНА ШИПАЧЕВА, его жена, лѣтъ подъ сорокъ; ~~мелкая~~ женщина; добра, но не изъ дальнихъ.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ИВАНОВА, дочь ихъ; терпѣливое и любящее существо. Замужемъ первый годъ.

ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ИВАНОВЪ, тридцати-пяти лѣтъ, ея мужъ; человекъ характерный; служить въ какой-то палатѣ.

ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА, старшая сестра Матрены Степановны.

АННУШКА, работница отъ постояльцевъ въ домѣ Иванова; грязная, замаранная баба, сплетница.

ГАВРИЛО (ГАНЬКА), шестнадцати лѣтъ, деревенскій парень, живетъ первый годъ въ мальчикахъ у Шипачева.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Небольшая комната въ домѣ Иванова; входная дверь посрединѣ задней стѣны, другая дверь по правой отъ зрителей стѣнѣ въ другую комнату; по правой же стѣнѣ сложенный ломберный столъ. По лѣвой стѣнѣ два окна; между ними въ простѣнкѣ столъ, на которомъ обѣдаютъ и пьютъ чай. По задней стѣнѣ, налѣво отъ входной двери, посудный шкафъ съ комодомъ.

ДВѢДЕНІЕ I

ЩИПАЧЕВЪ въ зеленомъ длиннополомъ сертукѣ, ЩИПАЧЕВА въ хорошемъ ситцевомъ платьѣ съ крупнымъ рисункомъ, ИВАНОВА по домашнему въ востренькомъ платьѣ. Пьютъ чай.

Иванова. А на будущій годъ Петръ Александрычъ хочетъ маку махроваго посѣять. Ему архирейскій садовникъ обѣщаль.

Щипачевъ. Ну, маку-то махроваго и я достану: скажу какому кучеру, такъ цѣлую шапку принесетъ.

Щипачева. Дожидайся! Скажешь на тотъ годъ объ эту пору. Только и знаетъ что собирается, копа эдакой! Нѣтъ-чтобы въ самомъ дѣлѣ сказать!

Щипачевъ (*улыбаясь*). Да ты не бранись, шельма!

Щипачева (*улыбаясь*). Какъ тебя не бранить-то!

Иванова. Скажи-ко, тятинька, какъ ты это ко мнѣ-то надумалъ зайти? Въ кузницу не ходилъ?

Щипачевъ. Да вотъ мать-то твоя потащила сегодня въ городъ: пойдемъ, говорить, научу грибы да картофель покупать.

Щипачева. Слушай ты его! Вретъ все. Желѣзо покупалъ да счеты понесъ барамъ.

Щипачевъ. Ты-то вотъ лучше скажи-ко, что рѣдко къ намъ ходишь? Работы много чтоли, али мужъ не пускаетъ?

Иванова. Ой нѣтъ, тятинька, пускаетъ... Да самъ знаешь: утромъ обряды, въ три часа Петръ Александрычъ обѣдать приходитъ, смотришь — день-то и весь.

Щипачевъ. Утромъ-то и прибѣжала когда; а то смотри-ко, мать-то дня не проживеть, какъ не увидить тебя — умереть!

Щипачева. Экой замола-мученикъ! Молеть!

Щипачевъ. Чего? Ничего не мелю — умрешь!

Иванова (*смѣется*). Все ты, тятинька, смѣешься надъ маменькой.

Щипачева. Дѣвать-то нечего, такъ и то дѣло.

Щипачевъ. Ну а что, Саша, скоро намъ съ матерью-то внучка принесешь, а? Къ великому-то посту будетъ? Что молчишь, дуручка? Ты говори, не стыдись — въ этомъ стыда нѣтъ.

Щипачева. Тебѣ-то что?

Иванова (*краснѣетъ и улыбается*). Незнаю, тятинька... божья воля...

Щипачевъ. Смѣйся, смѣйся! Смотри наследника приноси, дѣвокъ и опослѣ устивешь, а первый чтобы наследникъ былъ.

Щипачева. Полно ты, полно, долготызыкій! Нечего про это говорить, — какъ богъ-дасть.

Щипачевъ. Точто, то-то, я тоже и говорю... Ты моимъ имемъ и окрести: пусть ужъ онъ и мой наследникъ будетъ.

Щипачева. Да перестань, я говорю... Грѣхъ загадывать; чтó богъ-дасть

Щипачевъ. Ну тебя!.. А погоди, Саша, время-то подойдетъ, мужъ-то начнетъ вдругъ тебя ходить: ты только смотри команду! Что ни захощь — все сдѣлаетъ, какъ скажешь!

Иванова (*смѣясь*). Ну, тятинька, гдѣ ужъ мнѣ командовать.

Щипачевъ. А что? Это ужъ не мудрено! Поучись.

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ и АННУШКА: рукава у платья засучены по локоть, грязный посковный передникъ однимъ угломъ заткнутъ за поясъ.

Аннушка. Александра Михайловна здравствуйте, Матрена Степановна, Михайло Алексѣичъ. Все ли вы въ добромъ здоровьѣ?

Щипачева. Здравствуй, Аннушка.

Щипачевъ. А, Анна-свѣтъ Яковлевна!

Иванова. Садись-ко, Аннушка, выпей чашечку чайку.

Аннушка. Ой покорно благодарю. Былое дѣло, Александра Михайловна.

Иванова. Садись, садись. *(Подает чашку.)*

Аннушка. Давно я васъ не видала, Михайло Алексѣичъ.

Щипачевъ. Да и не зачѣмъ поди было.

Аннушка. Шутникъ! Какъ вы живете-то дождете?

Щипачевъ. Живемъ да хлѣбъ жуемъ. Ты какъ перебиваешься?

Аннушка. Слава-богу... А я — что! Марья пока мнѣ гровы не отъѣла.

Щипачевъ. А скоро отъѣсть? Вишь у тебя маковка-то цветится! *(Смѣется; Иванова также.)*

Щипачева *(улыбаясь)*. Полно ты, зубать!

Аннушка *(глядя себя во зеркалку)*. Это что плѣшь-то? Ничего! Вѣдь мнѣ, Михайло Алексѣичъ, пять десятковъ стукнуло; пора да таки на своемъ вѣку, будетъ съ меня!

Щипачевъ. Да ты не умирать ли собираешься?

Аннушка *(серьезно)*. Нѣтъ. *(Вся смѣется.)*

Щипачевъ. То-то. А то кто безъ тебя отъ Бабина сапоги будетъ сымать? Опъ пожалуй съ гора въ одежѣ и спать-то будетъ.

Аннушка. Просмѣешься, Михайло Алексѣичъ! Заставить мужа кадачи ѣсть. Вотъ кабы я замужъ вышла, такъ и заставляла бы мужа работать, не стала бы сапоги съ Бабина сымать!

Щипачевъ. То-то и оно, Аннушка, кабы не плѣшь, такъ и не голо!.. Ну, Александра, давай еще чашку, да я и въ походъ, пора. *(Закуриваетъ трубку съ коротенькимъ чубукомъ.)*

Иванова. Кушай, тятинька.

Щипачева. Намей-ко, да и мнѣ будетъ!

Иванова. Что ты, маменька! Тебѣ вѣдь идти некуда.

Щипачева. Сытешенька, вспотѣла нани вся. *(Снимаетъ съ шеи платокъ и растегиваетъ старинную пуговку у платья.)* А славный какой огородъ, Аннушка, у Петра-то Александрыча.

Аннушка. Да и хозяйинъ-то хороній: явтомъ-то цѣлый день въ огородѣ!

Щипачевъ. Гуляетъ все?

Аннушка. Какое гуляетъ! съ заступомъ да съ граблями все.

Щипачевъ *(улыбаясь и покрюкивая)*. Такъ, такъ!.. Охъ вы бабы, бабы! Правду пословица говорится: у бабы волость дождетъ да умъ коротокъ.

Аннушка *(съ недоумѣніемъ)*. А что, Михайло Алексѣичъ?

Щипачевъ. Видя грѣхъ да вступишь въ руки, да хди по огороду — вотъ и дозвнишь! А съ баби води крышка залито.

Иванова. Петръ Александровичъ ужъ долотника подрядилъ...

Щипачевъ. Я не къ тому говорю, а про ваши бабы разгово-ры: смотрите-то вы въ книгу, да видите фигу! Вотъ Матрена у меня на день десятокъ иголокъ сломаешь, да съ-эстолько потеряешь; другая дура подумаетъ: работничко у Фвдной!.. А бѣдная цѣлый мѣсяцъ одѣяло шьетъ,

Иванова. Неужто не кончила, маменька?

Щипачева. Какое кончить! Такъ начатое и лежитъ.

Щипачевъ. Пока мѣста не пролежить, либо я не выброшу за окошко.

Щипачева. Полно ладно-добро молоть-то!

Щипачевъ (улыбается). Нечего!.. Ну, прощай, Александра Спасибо за угощенье. Приходи же къ намъ.

Иванова. За посѣщенье, тятинька. Приду. (Прячется.)

Щипачевъ. Ты смотри, сударыня, скорѣе домой приходи; а то пожалуй лясы-то роспустишь. Прощай, Анна-святъ Яковлевна. (Уходитъ.)

Щипачева. Ступай, ладно.

Аннушка. Прощайте, Михайло Алексѣичъ.

ЯВЛЕНИЕ III

ЩИПАЧЕВА, ИВАНОВА и АННУШКА.

Щипачева. Ну, Саша, убирай самоваръ-то да принеси полотно-то изъ чулана; я тебѣ отрѣжу на рубахи. (Иванова убираетъ самоваръ и чашки.)

Аннушка (кланяется). Покорно благодарю.

Иванова. Не стоить благодарности. Да на что это, маменька! У меня вѣдъ много.

Щипачева. Ладно-добро... много!

Аннушка. Хи-хи... много! А что это полотно купила, Матрена Степановна?

Щипачева. Да.

Аннушка. А вотъ, Матрена Степановна, за-аиму-то я чулокъ дюжины двѣ навязала. — купи-ко! Миѣ хошь бы на платишко при-

годилося. Хозяинъ у меня не подумаетъ: «деньги платю, знать ничего не хочу!» говорить. Ему все равно, хоть нагая ходи...

Щипачева. Да какіе у тебя? тонкіе? Тонкихъ у меня много. *(Иванова уходитъ.)*

ДВАНІЕ IV

ЩИПАЧЕВА и АННУШКА.

Щипачева *(оживленно, тише)*. Ну что, Аннушка, каково они живутъ-то?

Аннушка. Охъ, Матрена Степановна, что ужъ и говорить! худо, худо! Ой какъ худо!

Щипачева. Что ты?!

Аннушка. Да съ того хоть начать: чаю-то не даетъ. Бабеночка молодая... каково ей безъ чаю-то жить! Слыхано ли — одинъ разъ въ день чай, и то вечеромъ!

Щипачева *(озабоченно)*. Да, да.

Аннушка. Да это что! Бьетъ, матушка, бьетъ, бивмя бьетъ...

Щипачева *(съ испугомъ)*. Ой! Неужто?

Аннушка. Каждый день. Да! Провѣдалъ какъ-то, что ты съ чаемъ по утрамъ ходишь, да бить... Билъ, билъ...

Щипачева *(съ сокрушеніемъ)*. Экой аспидъ! Оммѣнь! Мнѣ бы и сказалъ; ее то за что бить!

Аннушка. Видимо что незачто.

Щипачева *(на глазахъ у ней наворачиваются слезы)*. Что и говорить, помается бѣдная Саша съ экимъ вѣрогомъ, помается пока привыкнетъ.

Аннушка. Нѣтъ, Матрена Степановна, привыкаютъ-то къ хорошей жизни, а не къ эдакой. А вгонить онъ ее въ могилу, вотъ что!

Щипачева. Что это тамъ на полу-то валяется? *(Уходитъ въ другую комнату, утирая глаза.)*

Аннушка. Плачь, плачь въ кулакъ-то! Мѣщанка, а надо чтобы дочь за чиновникомъ была! Вотъ вамъ и чиновникъ-зять!

Щипачева *(возвращаясь)*. Саша-то мнѣ ничего не говоритъ. Который ужъ разъ спрашивала: каково моль живешь? Все — хорошо, да слава-богу.

Аннушка. Похвастаться-то нечѣмъ, матушка.

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ и ИВАНОВА (подаетъ истери полевца).

Щипачева. Сколько тебѣ надо? Дай-же аршинъ.

Иванова. Да мнѣ ничего не надо.

Щипачева. Дава-ай! (Иванова выходитъ)

Аннушка. Да, не угодилъ Богъ вамъ зяткомъ, Матрена Степановна (Иванова возвращается). Добро прощайте, Матрена Степановна. Прощайте, Александра Михайловна, за ущемье покерно благодарю. Бѣжать домой обряжаться. (Уходитъ.)

Щипачева. Прощай, Аннушка.

Иванова. Какое ужь ущемье!

ЯВЛЕНИЕ VI

ЩИПАЧЕВА и ИВАНОВА.

Щипачева (мързеть). Что ты мнѣ не поскажешь каково съ мужемъ-то живешь?

Иванова. Да что сказать-то? Хорошо слава-богу.

Щипачева. У тебя все хорошо. Да ты говори правду.

Иванова. Право хорошо, маменька.

Щипачева. Что онъ, больно дерется-то?

Иванова. Что ты, маменька! никогда не бывало.

Щипачева. Да что я дура мѣряю-то! И счетъ-отъ потеряла. Возьми все себѣ.

Иванова. Что ты, что ты, маменька, куда мнѣ!

Щипачева. Молчи ладно. Что онъ, ругается, что я по утрамъ-то хожу?

Иванова (потупившись). Да... онъ говорилъ... какъ-то...

Щипачева. Что?

Иванова. Зачѣмъ, говорить, она ходить... мѣшаетъ только...

Щипачева. Окаянный эдакой! Теперь-то мнѣ и походить, пока ты молода да дѣла-то не знаешь: я и поучу. Матери да дочь свою не провѣдать... Еретникъ право!

Иванова. Да отъ кого ты узнаешь все, маменька?

Щипачева. То-то вот! Ты думаешь мать не узнаетъ... А и тебѣ нечего передъ матерью таиться. Матери все надо говорить: не чужая!

Иванова. Я и не таюсь.

Щипачева. Нечего, не таюсь! Все знаю. Мучитель эдакой! Точно у него креста-то нѣтъ на вороту! И чаю не даетъ?

Иванова. Да и не чаю, — и ужь отвыкать стала.

Щипачева. Молчи ужь. Скарעדъ, право скарעדъ! (*Молчаніе.*)

Иванова. Не пора ли тебѣ, маменька? Вѣдь Петръ Александрычъ пожалуй скоро придетъ.

Щипачева. Ты смотри же говори мнѣ, какъ будешь съ нимъ жить. Не чужая вѣдь — кому какъ не мнѣ и говорить-то... (*Иванова выходитъ съ другою коммату и приноситъ шаль.*) Ничего отъ дѣвки-то не добьешься. Горе, горе право дочь-то замужъ отдать... истоскуешься вся по ней. (*Одъясаетъ.*) Я тамъ тебѣ рыжечковъ въ кухнѣ на тарелку отложила... Ну... я ужь не буду по утрамъ ходить, когда онъ не хочетъ... Что дѣлать! Живи, Богъ съ тобой. Я твоему счастью не помѣха. Ужо я съ мальчикомъ фунтъ чаю-то пошлю...

Иванова. Да зачѣмъ, маменька!..

Щипачева. Ну, прощай же. Дай я тебя перекрещу. (*Крестить.*) Токо драться будетъ, такъ бѣги къ намъ: найдемъ и на его управу. (*Смотритъ на нее съ участіемъ.*) Приходи же къ намъ-то скорѣе, а то мнѣ покою не будетъ, какъ я тебя не увижу да не узнаю какова живешь... Ну прощай, родная. (*Целуется; идетъ и останавливается у дверей.*) Смотри же, Саша, немучь ты меня, приходи скорѣй... все расскажи... слышишь? Ну прощай, Христосъ съ тобой. (*Уходитъ.*)

Иванова. Хорошо, маменька. Прощай.

ЯВЛЕНІЕ VII

ИВАНОВА, одна.

Иванова. Петръ Александрычъ поди скоро придетъ. (*Бродитъ на французскій манеръ въ кружесѣ.*) Хорошо что ушла; засталъ бы, такъ бѣда... Кто это наговариваетъ маменькѣ? Я кажется никому не говорила про свою жизнь, а она отъ кого-то все знаетъ. Пра-

во время да кого и подумать... Да и что я стану ей рассказывать? Рассказать все как я живу?.. Нѣтъ, сократи-богъ! Теперь она, какъ я-то не говорю, все же не все знаетъ; а какъ рассказывать ей все, такъ она тосковать да мучиться обо мнѣ еще больше станетъ... Лучше не говорить: теперь вѣдь ужъ не поправишь. Да она еще пожалуй кому-нибудь расскажетъ, дойдетъ до Петра Александрыча, онъ разсердится... Нѣтъ ужъ, Богъ съ ней... Какъ Богъ приведетъ, такъ и буду жить, а ей ничего не стану говорить. (*Монологъ.*) Зачто долько Петръ Александрычъ не любитъ маменьку?.. Какъ бы онъ опять не узналъ, что она сегодня-то была... (*Входитъ Аннушка.*)

ВСТУПЛЕНІЕ УЧЕНИ

ИВАНОВА и АННУШКА.

Аннушка. Маменька-то ужъ ушла, Александра Михайловна?

Иванова. Ушла. Садись-ко, посиди.

Аннушка. До сидѣнья ли! (*Садится.*) За дѣломъ вѣдь пришла.

Иванова. Дѣло-то и подождать, посиди. Гдѣ побывала сегодня?

Аннушка. Да гдѣ побывать? Одна дорога — въ мясные ряды. Барыня-то — лѣшій ее надавалъ! — сама въ городъ не можетъ ходить: ноги промочить!..

Иванова. Ну гдѣ же, Аннушка, Юльѣ Павловнѣ самой за го-вядиной ходить! Она вѣдь дворянка.

Аннушка. Была, матушка, дворянка, а теперь и вся приказничиха, такъ нечего бы куражиться-то. Спать до которой поры, прости-господи!.. Хозяйка! а что она дѣлаетъ? Палець объ палець не стунеть, цѣлый день манежится передъ зеркаломъ... Бога-то забыла, право! Съ жиру ѳсится. А заставить бые, дворянку, воду поносить да дровъ поколотъ... да! Будь другой на моемъ мѣстѣ, сколько бы нажила: по копѣйкѣ каждый день, и то бы денегъ! А я вотъ-который годъ въ одномъ шуганнѣ все хожу...

Иванова. Зачѣмъ же братъ, Аннушка? жалованье вѣдь они платятъ?

Аннушка. А мужъ — содралъ вчера съ какого-то мужичонка сегодня еще перти въ кулачки не бились — ужъ и надрался винища-то, дадается на кровати вверхъ воронкой... Дуракъ право у

нихъ председатель-то. Я бы на мѣсть его сняла бы съ него панталоны-то, да и присадила бы тамъ на недѣлю!.. Жалованье платять! Не даромъ вѣдь беру — прешъ день-то деньской, какъ каторжная!.. Вотъ сегодня послала бы я барыню-то за говядиной, послушала бы хоть тамъ, какъ Котовъ ругается. И близко не подходи — такъ заворачиваетъ...

Иванова. Опять видно запилъ бѣдный?

Аннушка. Во всю ивановскую катаетъ!.. (Молчаніе.) А что, Александра Михайловна, поди ужъ Петръ Александрычъ скоро придетъ?

Иванова. Скоро, я думаю.

Аннушка. Больно ужъ онъ неподаливъ у васъ; какъ вы и убождаете-то ему? Смотрить, такъ кажется съѣсть хотеть... Отдали васъ за какого.

Иванова. Что ты, Аннушка, въ умъ ли? Петра Александрыча хаешь?

Аннушка. Полно, полно! Будто я не вижу! Не двухъ вѣдь годковъ по третьему... Что это за пара! Который вамъ годъ-то? Давно ли еще семнадцать минуло? А ему когда-себѣ за тридцать перевалило... Хорошо что вы смиренница такая, другая бы давно сударика завела.

Иванова. Какіе ты пустяки говоришь, Аннушка, какъ тебѣ не стыдно. Петръ Александрычъ меня любить, я...

Аннушка. Любить, любить... а взѣбьется, такъ цѣлую недѣлю слова отъ него не добьешься!

Иванова. Такъ что-что иногда и разсердится? Сама виновата, хозяйничать еще не привыкла: то недосмотрю, другое не такъ сдѣлаю — какъ же не сердиться?

Аннушка. Полно вамъ, Александра Михайловна! Старого воробья на мѣшкѣ не проведешь, матушка! Жена молодая, работницы не хотеть нанять; часенъ одинъ разъ въ день поить, скавалдырникъ эдакой!

Иванова. Перестань, Аннушка. Нехорошо эдакъ женѣ про мужа говорить. Я на Петра Александрыча не могу пожаловаться. (Выходитъ въ другую комнату.)

Аннушка (одна). Смотри-ко ты!.. Фу-ты, ну-ты! Мразь эдакая... Туда же лѣзеть, и губы надула! Знаемъ!.. Прошу покорно — всякая гнида привередничаетъ!.. (Иванова возвращается.)

Да вы не разсердитесь на меня, Александра Михайловна: я вѣдь дура, къ слову болтнула...

Иванова. За что сердиться! Только я не люблю, когда эдакъ про моего мужа говорить. (*Работаетъ.*)

Аннушка (*съ стороны*). Экая фря! задѣла больно! (*Громко.*) Къ слову, къ слову болтнула... Ну добро и прощайте... Ой да, зачѣмъ же я приходила-то? За дѣломъ вѣдь. Экая память-то дурацкая... Ой да! Не одолжите ли, Александра Михайловна, большой сковороды? Караваяецъ завтра печи надо... Бабинь который годъ собирается купить, да такъ кажись и издохнетъ, не купить...

Иванова (*съ неприятностью отворачивается*). Сейчасъ принесу. (*Выходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

АННУШКА одна, потомъ ИВАНОВА.

Аннушка. Скорая какая! Это выжить старается. Фря! Не смѣй про мужа говорить! Экая важность. Точно барыня — не люблю!.. Не больно испугалась! Что я работница-то? Да и ты не далеко ушла: отецъ-то кузнецъ, копыта у лошадей обскребаеть да подъ хвостомъ смотритъ... Я вотъ Петру-то Александрычу скажу, что matka сегодня приходила, такъ онъ тебя отшлепаеть... Нечего сказать, не бобра убили, отдали дѣвку-то за него... Въ палату идетъ, такъ всѣ ящики, комоды перезапираеть. (*Намолосъ созерцается и отдаетъ ей сковороду.*) Ой, покорно благодарю, Александра Михайловна! Скольбе я вамъ безпокойства надѣлала...

Иванова. Что за безпокойство!

Аннушка. Какъ же не безпокойство? Ну, пора и домой. (*Встаетъ и останавливается.*) А что, больно сердился Петръ-отъ Александрычъ, какъ узналъ, что Матрена Степановна къ вамъ ходить?

Иванова (*сухо*). Зачто сердиться!

Аннушка. Нѣтъ, я такъ, къ слову... Ну и прощайте, Александра Михайловна, покорно благодарю на сковородкѣ. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ X

ИВАНОВА одна.

Иванова (*работает*). Экая судейша эта Аннушка! Разсердила меня только, право! И что ей за дѣло мѣшаться въ чужія дѣла? Такъ вѣрно языкъ хочется почесать; привыкла ужъ значить переговаривать-то. (*Молчаніе.*) Не надо ли мнѣ еще чего сдѣлать? Не забыла ли я чего?.. Печку скутала, посуду вымыла, прибрала... кажется все. Особаго Петръ Александрычъ ничего не приказывалъ. (*Задумывается опустивши руки.*) Вотъ и скучно одной-то стало. Все одна да одна... Спѣть хоть пѣсенку. (*Поетъ:*)

Стонеть свѣтъ голубчикъ,
Стонеть онъ и день и ночь;
Миленькой его дружочикъ
Отлетѣлъ далеко прочь.

Дай-то Богъ, чтобы Петръ Александрычъ псаломъ сегодня припоетъ!

Онъ ужъ больше не воркуеть
И пшенички не клюеть —
Все тоскуеть, все горюеть..

Ой, да вотъ и онъ! (*Суетливо закрываетъ подушку и замлыдываетъ на дверь.*) Невидно каковъ-то... (*Выдвигаетъ столъ и раскрываетъ его.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

ИВАНОВА и ИВАНОВЪ.

Ивановъ. Здравствуй, Саша. Сбирай-ко на столъ: я, братъ, въ палатѣ-то проголодался! (*Сжимаетъ фракъ, вѣситъ его и надпсываетъ халатъ.*)

Иванова (*крестится, тизолько*). Нѣ сердитый, слава-богу! (*Громко.*) Сейчасъ, сейчасъ, Петръ Александрычъ (*Накрываетъ на столъ скатерть и ставитъ два прибора.*)

Ивановъ. Что ты со скуки ужъ пѣсни запѣла?

Иванова (*улыбалась*). Нѣтъ, я такъ.

Ивановъ (*садится къ столу*). Ну что дѣлала? Былъ кто-нибудь у тебя?

Иванова. Аннушка заходила. (*Ръжестъ злобѣ.*)

Ивановъ. Ну что она?

Иванова. Жалуется все на Юлью Павловну.

Ивановъ. Экая тварь! Ей ли у Бабина не житье! Ахъ да, вотъ что, Саша: принеси-ко огурчиковъ изъ погреба, мнѣ что-то захотѣлось. Да не устала ли ты? Я и самъ пожалуй схожу.

Иванова. Нѣтъ, нѣтъ, не устала; сейчасъ принесу. (*Беретъ тарелку и уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XII

ИВАНОВЪ, потомъ АННУШКА. ИВАНОВЪ сидитъ у стола и поправляетъ наогнутую вилку.

Аннушка (*входитъ*). Петръ Александрычъ, съ добрымъ утромъ. Александра-то Михайловна дома?

Ивановъ. Въ погребъ ушла.

Аннушка. Я забѣжала спросить: не осталось ли у нея въ самоварѣ воды?

Ивановъ (*нахмурившись*). Ты вѣдь знаешь, что мы но утрамъ чаю не пьемъ.

Аннушка. Знаю, да сегодни у васъ Матрена Степановна и съ Михайломъ Алексѣичемъ были, чай пили. Развѣ вы не знали? Я думала, что Александра Михайловна вамъ сязала... Кажется со своимъ и часикъ-то приходила...

Ивановъ (*отрыгиваетъ*). Нѣтъ воды.

Аннушка. Такъ прощайте. (*Скрывается.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII

ИВАНОВЪ и ИВАНОВА. ИВАНОВЪ постукиваетъ вилкой по тарелкѣ, ИВАНОВА ставитъ передъ нимъ огурцы.

Иванова (*испуганно въ сторону*). Ужъ не разсердился ли за что? Господи!

Ивановъ (*встаетъ, подходитъ къ самовару, дотрогивается*).

до него, прѣдѣмъ идешь къ жандъ.) Ты пила безъ меня чай? (Иванова боится посмотреть на него, молчитъ.) Чтоже, пила? Говори!

Иванова (съ глазами полными слезъ.) Пила, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Кто у тебя былъ? Мать опять?

Иванова (глотающая слезы.) Да.

Ивановъ. Да еще съ этимъ кузнецомъ? (Рѣдко.) Въ который же разъ говорить мнѣ чтобы нога тещина не была здѣсь? Чтѣ ты, нищая чтоли? Что ты, жалобами да клеветами ихними хочешь вывести меня изъ терпѣнiя, чтобы я прогналъ тебя? (Ударяетъ кулакомъ въ подбородокъ, Иванова поднимаетъ голову.) Да смотри на меня, вѣдь я тебѣ говорю. (Иванова плачетъ.) Г-мъ... (Подноситъ ей кулакъ къ лицу.) Нюня!.. расплакалась... (Замашивается). Такъ бы... (Отходитъ къ столу, беретъ ломоть хлѣба и кладетъ ее на тарелку съ огурцами.) Пошла работай! Ты, я думаю, обидать не хочешь — напичкалась пряниками да кренделями... А вотъ если не сыта, такъ огурцы на закуску. Собери со стола да накрой въ кухню, я на тебя и смотрѣть-то не могу! (Иванова собираетъ со стола и уноситъ въ кухню.) Экая плакса! А все это мать. Попалась бы она мнѣ подъ эдакую руку. (Иванова возвращается и хочетъ отнестись огурцы.)

Ивановъ (строго). Куда? (Смотритъ на нее.) Ышь!

Иванова (тихо). Я не хочу, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Ну? разговаривать?... Садись и ѣшь! (Садитъ ее за плеча насильно; Иванова начинаетъ ѣсть.) Ну вотъ эдакъ-то закуси, да матушку за-хлѣбъ за-соль поблагодари! Недаромъ ты распѣлась давеча. (Выходитъ и возвращается съ деревянной тарелкой съ рыжиками.) Это что? Гостиничики отъ матушки? (Выбрасываетъ рыжики за окно.) Если это будетъ во второй разъ, такъ я съ вами раздѣлаюсь... Слышишь? (Смотритъ на нее и бьетъ тарелкой по головѣ.) Вѣдь и сирятать-то не умѣеть! (Уходитъ.)

ЯВЛЕНИЕ XIV

Иванова (кончивъ обѣдь, подходитъ къ подушкѣ, утирается рукавомъ, плачетъ; крестясь смотритъ на образъ, шопотомъ). Господи! Матерь божія, прости меня грѣшную! Царица Александра, прости за меня грѣшную! Успокой его Господи! Дай-господи, что-

бы: онъ не сердился! (Хочетъ работать, но не можетъ; закрываетъ лицо руками, опускаетъ голову на подушку и рыдаетъ.)

Голова Иванова. Что, ты не перестанешь рыдать-то? или унять придти?

СЦЕНА ВТОРАЯ

Комната въ домѣ Щипачева. Двѣ двери: направо въ углу по задней стѣнѣ входная дверь, по лѣвой стѣнѣ въ углу дверь въ другія комнаты; по той же стѣнѣ складной столъ накрытъ скатертью, на немъ графинъ водки съ закуской; направо два окна, подъ ними кожаная софа; въ простѣннѣй вериало. По задней стѣнѣ кровать, закрытая пологомъ, около нея часы въ старинномъ футлярѣ; подушки у стульевъ покрыты пестрой матеріей.

ЯВЛЕНИЕ I

ЩИПАЧЕВЪ въ ситцевой рубахѣ, плисовыхъ шароварахъ и калошахъ, на головѣ шапка; въ разговорѣ онъ передвигаетъ ее съ одной стороны на другую; одной рукой придерживаетъ трубку въ зубахъ, другой подперся въ бокъ. ЩИПАЧЕВА въ шерстяномъ платьѣ съ жолтыя рисунокъ по голубому полю; на головѣ черная косынка. ИВАНОВА въ шерстяномъ праздничномъ платьѣ, гладко причесана. Последнія двѣ шьютъ.

Щипачевъ. Эхъ!.. радуйся и веселися на всякъ день и часъ. Загуляла Катька съ Митькой!.. (Толкаетъ жену и смѣется.) Матреша, я сегодня пьянъ... Эй! Матрена!.. что лобъ-отъ сморщила, шельма? (Толкаетъ ее.) Эй, курносая...

Щипачева. Поди ты, отстань отъ меня; глаза-то налилъ!

Щипачевъ (смотритъ на нее и смѣется). Что ты, шельма, бутусишься, а? (Сдерживаетъ косынку.) Вишь какая черноголовая...

Щипачева (надвывая косынку). Отстань ты отъ меня, бѣсъ, прости-господи!

Щипачевъ. Ну-ну, тише... пошла прочь. (Махаетъ рукой.) Не ворчи...

Щипачева. Самъ-то тыше, росналимъ сердо-то! Петра Александрычъ спитъ.

Щипачевъ. А! графъ спитъ? Надо разбудить. *(Направляется къ кровати.)* Вмѣстѣ выпьемъ.

Иванова. Ой, тятинька, не буди его, пусть попросится.

Щипачевъ *(останавливаясь и смотря на дочь)*. Не будить?.. Ладно, Саша! Не будить, такъ не будить... *(Машнетъ рукой.)* Не будить, такъ не надо!.. не надо. Пусть спитъ, Христось съ нимъ! онъ вѣдь у насъ графъ. *(Подходитъ къ окну.)* Матрешенька, я пьявъ, голубушка... Что дѣлать! согрѣшила грѣшная, дала окаянному... Радуйся и веселися на всякъ день и часть... Матрена, что ты молчишь? Что молчишь, шельма? Александра, смотри-то на мать-то: вишь сидитъ... надулась, какъ мышь на крупу... *(Смѣется.)*

Щипачева. Хоть бы стѣнъ-то постыдился, води насъ не стыдно, пьяница эдакой!

Щипачевъ. Ну... не бранись, сударыня! Саша! Сашенька... ты не сердись на меня: у меня сегодня праздникъ.

Иванова. Ничего, тятинька.

Щипачева. Говори ужъ, что ничего!

Щипачевъ. Ты полно, Матрена, не ругайся... недорочно. Сегодня добрые люди не ругаются...

Щипачева. Добрые-то люди съ утра раняты и не нашиваются.

Щипачевъ. Перестань, дура!.. ворчунья.. Хошь, я тебѣ въ ножку поклонюсь? *(Опускается руками и коленями на полъ; трубка въ зубахъ.)*

Иванова *(смѣется и останавливается ея)*. Что ты, что ты, тятинька!

Щипачева *(ткнувъ его пальцемъ въ лобъ, смѣется)*. Полно ладно-добро дурачиться-то, лясникъ!

(Щипачевъ поднимается и оправляется.)

Иванова *(смѣется)*. Какой ты право, тятинька!

Щипачева *(исподлобья, съ улыбкой)*. Прокурать право! Тотчется цѣлый день. Вонъ Петръ Александрычъ — умница, спитъ.

Щипачевъ. А! графъ еще спитъ? Пойду будить. *(Идетъ.)* Графъ, вставай.

Иванова. Не буди, тятинька, рано.

Щипачева. Полно ты, шальной, дай ему послать-то! Тебѣ вѣдь это только не спится.

Щипачевъ (повторяя). Не спится... Пусть спитъ. Онъ вѣдь у насъ графъ... Пускай поживаетъ, я и одинъ выпью. (Идетъ къ столу.)

Щипачева. Напрасно мы для компаніи не выпили. Да будетъ тебѣ, оставь хоть...

Щипачевъ. Зачѣмъ оставить? Не надо оставлять... Еще купишь.

Щипачева. Купимъ! Было бы на что купить-то!

Щипачевъ. На деньги, вотъ на что, балалайка! Я сборъ получилъ... Вонъ возьми въ сундукъ. (Показываетъ подъ кровать.)

Щипачева. Жить вѣдь надо чѣмъ:

Щипачевъ. Надо и жить, и... будемъ жить! А, Саша? Будемъ жить!.. Эй, графъ, я выпью!

Щипачева. Закрой ладно пасть-то, лопай одинъ!

Щипачевъ. Не кричи, не важность... одинъ! (Наливаетъ и поетъ:) Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили-и-и!..

Щипачева (слышитъ). Возьмешь и оамъ.

Щипачевъ (подходитъ къ ней съ рюмкой и кланяется). Матрена Степановна! Красное мое солнышко, незакатаемой цес-терь!..

Щипачева. Ну-ну, пей, пей! (Увидѣвъ, что вино льется.) Чтой-то, мой метушки! Да ты налей, налей мнѣ на одъяло-то, такъ я тебѣ... (Грозитъ кулакомъ; Щипачевъ отодвигается отъ нея, пьетъ, ставитъ рюмку на столъ и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II

ЩИПАЧЕВА, ИВАНОВА и ИВАНОВЪ на кровати за пологомъ.

Щипачева. Экъ вѣдь налился право!

Иванова. Да что дѣлать-то, маменька?

Щипачева. Бить некому, а надо бы. Прибавить послѣ-то, такъ когда проспится!

Иванова. Да вѣдь ужъ это всегда на другой день праздника...

Ивановъ (кричитъ). Теща!

Щипачева. На-ко какъ! Что тебѣ?

Ивановъ (кричитъ). Теща!!

Щипачева. Да что тебѣ?

Ивановъ. Скоро ли обѣдать?

Иванова (смѣется, Щипачева тоже). Что ты, Петръ Александрыч! еще только одиннадцатой часъ. (Молчаніе.)

Ивановъ (кричитъ). Теща!

Щипачева. Что ты кричишь-то? вѣдь мы не глухіе. Что?

Ивановъ. Теща! Вино есть?

Щипачева (смѣется). Вишь чего захотѣлъ! Все вышло. (Молчаніе.)

ДВѢДЕНІЕ III

ТѢЖЕ и ЩИПАЧЕВЪ

Щипачевъ (поетъ:)

Здравствуй милая, хорошая моя,

Чернобровая, похожа на меня!

Вотъ лё-лѣли, лёли, лёли,

Чернобровая, похожа на меня.

Ужъ какъ некому голубушку мою

Безъ меня ли приголубить, приласкать.

Вотъ лё-лѣли, лёли, лёли,

Безъ меня ли приголубить, приласкать.

Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна,

Одѣялечко заиндевѣло! (Подплсываетъ разставя руки.)

Вотъ лё-лѣли, лёли, лёли,

Одѣялечко заиндевѣло.

Одѣялечко заиндевѣло,

Зголовнице потонуло-во слезахъ.

Вотъ лё-лѣли, лёли, лёли,

Зголовнице потонуло во слезахъ.

Эхъ!.. Загуляла Катька съ Митькой!

Щипачева (во время пльнїя). Ну-ну, смотри ты веселье какое!

Ивановъ (съ азартомъ). Тестъ! не кричи, скотина!

Щипачевъ. Ау, графъ! Проснулся баринъ.

Ивановъ (кричитъ). Тестъ!

Щипачевъ. Асѣ-тко?

Ивановъ. Подай табатерку.

Щипачевъ. Слушаю-су. Саша; дай-ко табатерку. (*Иванова подаетъ, онъ несетъ. Ивановъ отдергиваетъ пологъ*). На! нюхни, графъ. (*Ивановъ нюхаетъ и отдаетъ табатерку; онъ кладетъ въ карманъ*.) Что? зарядилъ? Ну теперь вставай, баринъ, пора.

Ивановъ (*упирается ногами въ кровать, кровать скрипитъ*).
Поди ты!

Щипачевъ. Ты не ломай кровать-то. (*Тащитъ за платье*.)

Ивановъ (*отворачивается къ стѣнѣ*). Поди ты!.. христаряди...

Щипачевъ (*держитъ его*). Эй, баринъ! безструнная балалайка! что отворачиваешься? Ваше благородіе безъ четверти! вставай, выпьемъ по рюмочкѣ.

Ивановъ (*почорачивается и садится на кровати*). Выпьемъ, выпьемъ.

(Онъ одѣтъ въ тешину цвѣтную кацавейку, подпоясанъ большимъ женскимъ платкомъ, отъ котораго висятъ концы; павтадошы одна за голенищемъ, другая поверхъ; нечесаный, лицо заспаное.)

Щипачевъ. Вишь выпить, балалайка, такъ и готовъ!

Ивановъ (*встаетъ*). Выпьемъ, выпьемъ. (*Стоитъ и смотритъ на вельзъ*.)

Щипачевъ (*держитъ его и смѣется*). Александра, Александра! смотри-ко какой хорошій...

Щипачева и Иванова (*смѣются*). Ну васъ тутъ!

Ивановъ (*защищается локтями*). Ну тебя къ чорту... Не смотри, Саша... Пойдемъ выпьемъ.

Иванова. Будеть, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Не будетъ, Саша. (*Идетъ къ столу, вытянувъ руку*.)

Щипачева. Да ты-то хоть полно!

Щипачевъ. Ладно молчи! Выпьемъ, графъ.

Ивановъ (*наливаетъ и кричитъ*). Пей, тесь! (*Всѣ смѣются*.)

Щипачевъ. Да ты тише командуй-то, балалайка! (*Беретъ рюмку и останавливаетъ Иванова*.) Чокнемся.

Ивановъ (*отворачивается и смѣется*). Ну тебя!.. поди ты... Чокнемся. (*Чокаются*.)

Щипачевъ (*останавливаетъ его*). погоди, баринъ, говори за мной: матушка фляга...

Ивановъ. Фляга...

Щипачевъ. Я по тебѣ лягу.

Ивановъ (*тянетъ руку*). Поди ты! не лягу... дай выпить.

Щипачевъ. Слушай: ты меня не оставь, я тебя не покину!

Ивановъ. Пошолъ прочь, дай выпить. (*Пьетъ и закусывается.*)

Щипачевъ (*ставитъ рюмку на столъ и приготовляетъ закуску*). Эхъ, братъ, учиться не умѣешь, а веистраторъ еще!.. Радуйся и веселися на всякъ день и часъ! Матушка фляга, я по тебѣ лягу, ты меня не оставь, я тебя не покину. (*Пьетъ.*) Какой ты благородный? Ты не благородный, ты — выше благородіе, бя!

Ивановъ (*махнетъ на него рукой*). Поди ты, ну тебя!.. Дай-ко табакъ.

Щипачева (*подаетъ*). Что часто? На-су.

(Ивановъ нюхаетъ съ шумомъ и вытирается съ усилиемъ рукавомъ.)

Щипачева. Ой матушки, кацавейку-то мою всю заводочить въ табакъ! (*Смѣется.*)

Иванова (*тоже*). Я вымою, маменька.

Щипачева. Шучу вѣдь я.

Ивановъ (*отворачивается въ другую сторону, протягиваетъ руку и кричитъ*). Тестъ! вольми табакъ! (*Всѣ смѣются.*)

Щипачевъ. Давай, зять. (*Кладетъ въ карманъ.*) Не выпить ли еще?

Ивановъ. Выьемъ.

Щипачева. Будетъ добро, погодить надо.

• Щипачевъ. Слышишь: погодить, говорить, надо.

Ивановъ. Погодить, говорить, надо.

Щипачевъ. Пойдемъ-ко, походимъ лучше.

Ивановъ. Походимъ. (*Идутъ.*)

Щипачева. Пора бы вамъ и честьъ знать.

Ивановъ (*кричитъ*). Пора, теща!

Щипачевъ. Полно ты шумѣть, баринъ.

Ивановъ. Я не шумлю, тестъ. (*Жоны смѣются.*)

Щипачевъ. Графъ! Настоящій ты у меня баринъ, щипачикъ!.. Погоди, я тебѣ усадьбу куплю. (*Смѣется.*) Целой-но, нестой! гдѣ ты платокъ-то укралъ? (*Танцуетъ его за платокъ-то дѣны смѣются.*)

Щипачева. Эхъ вѣдь они!..

Ивановъ (отбиселся). Поди ты! ни воревала... *(Сардито)* Пошю-огу! *(Бьетъ по рукамъ.)*

Щипачевъ. Ты не дерись, благородный!.. *(Помалчиваетъ.)* Зять, а зять! Подемъ въ огородъ мою собишу смотрѣть.

Ивановъ. Подемъ. *(Уходитъ въ дверь налево.)*

ЯВЛЕНИЕ IV

ЩИПАЧЕВА и ИВАНОВА.

Щипачева. Давно бы такъ, хоть провѣтрятъ. *(Складываетъ одѣяло.)* Выпить и мнѣ рюмочку передъ обѣдомъ-то?

Иванова. Не опьянѣй, маменька.

Щипачева. Небось! *(Смѣется.)* Не впервой вѣдь. *(Кладетъ одѣяло на кровать и поправляетъ пологъ.)*

Иванова. А вонъ и тетенька Дарья идетъ.

ЯВЛЕНИЕ V

ЩИПАЧЕВА, ИВАНОВА и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА, въ цвѣтномъ платьѣ съ мелкимъ рисункомъ, входятъ изъ двери направо.

Дарья Степановна. Здорово, сестра. Здравствуй, Саша. За угощенье жокорю благодарю. *(Цѣлуются.)*

Иванова. Здравствуй, тетенька.

Щипачева. Ну какое ужъ угощенье, сестра!

Дарья Степановна. Гдѣ у васъ мужевья-то? Просыпаются чтоли послѣ вчерашняго?

Иванова. Какое просыпаются! Гулять въ огородъ пошли.

Щипачева. Какъ бы тамъ въ борозду не упали?

Дарья Степановна. А что, развѣ ужъ есть въ головѣ-то?

Щипачева. Налопались ужъ!

Дарья Степановна. Ну, ничего! Не въ частомъ бываньѣ; вчера гостей подчивали, а сегодня сами себя. И мой опохмѣливатьсѣ ужъ ходилъ.

Иванова (смѣясь). Ой, тетенька! насмѣшилъ вчера дядинька-то: перенялъ у тятиньки, ходитъ да поетъ: «кто бы намъ поднесетъ, мы бы выпили-и-и!...»

Дарья Степановна. Меня добро не было! я бы хорошею! затрещину поднесла.

Щипачева. Надаешься имъ затрещинъ, сестра!

Дарья Степановна. Не поспорилъ ли онъ вчера съ кѣмъ?

Иванова. Съ тятинькой немного было начали, да тутъ же и помирились.

Дарья Степановна. Это ужь всегда! Ну, Сашенька, каково ты живешь-то? Привыкла къ мужу-то?

Иванова. Ничего, тетинька, хорошо; привыкла.

Дарья Степановна. Ничего, Петръ-отъ Александрычъ смиренъ?

Иванова. Ничего, тетинька, хорошо живемъ: и не бранится никогда, и къ маменькѣ пускаетъ.

Щипачева. Чего, matka: слышишь, вчера съ самаго утра отпустилъ, у насъ и обѣдала.

Иванова. Завтра, — третьёводнись говорить — Саша, у отца праздникъ: ступай къ обѣднѣ сходи, да тамъ и отобѣдаешь, и я изъ палаты туда же приду, говорить.

Щипачева. И чаемъ, matka, поить.

Дарья Степановна. Ладно, хорошо, когда такъ. Живи, живи, Сашенька, привыкай. Да что мы сидимъ-то? Ты и не догадывайся виномъ-то поподчивать, сестра.

Щипачева. И вправду, что я? Сама только хотѣла выпить! (Наливаетъ.)

Дарья Степановна. Сама тамъ какъ хошь, а мнѣ дай. (Смѣется.) Выпей-ко съ нами, Сашенька: обѣдать лучше будешь.

Иванова. Ой нѣтъ, тетенька, не хочу я.

Щипачева. Выпей, глупенькая, за компанію веселее будетъ.

Дарья Степановна. Не стыдись, мы никому не покажемъ. Чу!

Иванова. Подите вы! я его и въ ротъ-то не могу взять!

Дарья Степановна. Не хошь, какъ хошь: съ праздникомъ, сестра! (Пьютъ и закусываютъ.)

ЯВЛЕНИЕ VI

ТВЪЖЕ и ЩИПАЧЕВЪ.

Щипачевъ. Александра! а Александра! поищи-ко табатерку: графъ понюхать хочетъ.

Иванова. Сейчасъ, тятинька. *(Ищетъ.)*

Дарья Степановна. Здорово, братъ. Что вы, сегодняшняго святого съ праздникомъ поздравляете?

Щипачевъ. Сестрица Дарья! *(Кланяется и принимаетъ грустный видъ.)* Охъ, сестра! обидѣлъ меня вчера твой мужъ, вотъ какъ обидѣлъ!.. такъ обидѣлъ... *(Машетъ рукой.)* Богъ ему судья!.. *(Всѣ смѣются.)*

Дарья Степановна. Чѣмъ онъ расквилилъ тебя, мое дитятко?

Щипачевъ *(чуть не плача)*. Ты не смѣйся, сестра... въ самое сердце... вотъ какъ!

Дарья Степановна. Да чѣмъ, чѣмъ, мой голубчикъ?

Щипачева. Слушай ты его врая, вишь кобенится спьяна-то!

Щипачевъ *(строю)*. Ты молчи, Матрена, не съ тобой говорить; пошла, ищи табатерку.

Иванова. И въ самомъ дѣлѣ, что я не могу ее найти?

Щипачева. Не проспятся, растеряютъ все, а мы ищи! *(Ищетъ на кровати.)*

Щипачевъ. Сестра!

Дарья Степановна. Да.

Щипачевъ. Больно онъ меня обидилъ. *(Съ разстановкой.)* Свизь онъ, свинья...

Щипачева. Постыдись ладно ругаться-то!

Щипачевъ. Не твое дѣло. Смѣлъ онъ, свинья, сказать, что я ничего не дѣлаю, только барствую да хозяйничаю... Ему какое дѣло? Что ему за дѣло до меня?.. Я вѣдь къ нему христа-ради не приходилъ просить. Какое ему дѣло?.. Онъ бы, дуракъ, посмотрѣлъ сперва на себя!.. Ну, я вѣдь не въ это! У меня, сестра, добрая душа. Богъ ему судья!.. а я не сержусь на его, потому — не стоить!.. наплевать!

Дарья Степановна. Наплюй, наплюй, братецъ.

Щипачева. Проплюешься ладно. Да куды вы дѣли табатерку-то, что ее и найти-то нельзя?

Щипачевъ. Ищи, ищи, Матрена! грабъ дожидается.

Щипачева. Не замерзнетъ, не холодно.

Иванова. Да посмотри-ко, тятинька, нѣтъ ли ее у тебя въ карманъ? Ты ровно даве въ карманъ положила.

Щипачевъ (*шаритъ въ карманъ*). Въ карманъ? Нѣтъ... А! вотъ она, балалайка! нашолъ!

Ивановъ (*въ дверь*). Тестъ! давай, скоть, табакъ!

Щипачевъ. Поспѣешь ладно! (*Уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ VII

ТѢЖЕ безъ ЩИПАЧЕВА.

Дарья Степановна. Ну этотъ сердитой какой сегодня!

Щипачева. Пьютъ-пьютъ, да и память-то всю пропьютъ.

Дарья Степановна. Ну, невелика важность, что поискала. А зятюшка все эдакъ воюеть? Кислаго молока еще не просилъ?

Иванова. Нѣтъ еще.

Дарья Степановна. Къ опослѣму бережотъ значить.

ЯВЛЕНІЕ VIII

ТѢЖЕ и АННУШКА, одѣта довольно прилично: въ ситцевомъ платьѣ и шугаѣ (*).

Аннушка (*цѣлуется съ Щипачевой и кланяется Ивановой и Дарьей Степановнѣ; послѣдняя сухо откланивается*). Съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю, Матрена Степановна, Александра Михайловна.

Иванова. Здравствуй, Аннушка.

Щипачева. Ладно. Разбалакайся-ко. Къ разу пришла. Какими тебя вѣтрами завѣяло?

Аннушка. Вчера еще собиралась забѣжать, да некогда все было, Матрена Степановна, и сегодня-то насилу урвалась.

Щипачева. Пойдемъ-ко, съ дорожки-то рюмочку выпей. (*Паливаетъ*.)

(* Женское пальто, кацавейка тожь.

Аннушка. Да напрасно, Матрена Степановна.

Щипачева. Ну какое напрасно! Не оуди ужь, старожини. (Подаетъ.)

Аннушка. А себя-то чтоже? Налейте-ко да поканите' дорожку.

Щипачева. Пей, пей; я ужь пила.

Аннушка. Съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю. (Кланяется и пьетъ.)

Щипачева. Кушай на здоровье. А закусить-то?

Аннушка (махнувъ рукой). Никогда не закусываю.

Дарья Степановна. Что, Сашенька, постояльцы-то все живуть у васъ?

Иванова. Всѣ, тетинька; ни одной квартиры пустой нѣтъ.

Аннушка. У насъ развѣ ужь кого сами хозяева погонять, такъ тотъ съѣдетъ: лучше квартиру во всемъ городѣ нѣтъ, да жь хозяева-то — и Александра Михайловна, и Петръ Александрычъ — на рѣдкость хозяева!

Дарья Степановна. Значить хороши, коли въ глаза хвалишь.

Аннушка. Отчего же, матушка, правду въ глаза не сказать?

Дарья Степановна. А что, сестра, къ обѣду больше никого не ждешь?

Щипачева. Никого; да мужа-то твоего нѣтъ.

Дарья Степановна. Ну, онъ подойдетъ. Пойдемъ-ко, Саша, на столъ собирать.

Иванова. Пойдемте, тетенька. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНИЕ IX

ЩИПАЧЕВА и АННУШКА.

Щипачева. Ну что у васъ дома-то дѣлается? хорошо ли все безъ хозяевъ-то?

Аннушка. А чтоже? Ничего, все хорошо.

Щипачева. Ну что, хорошо ли мнѣ-то живуть? Пересталъ онъ драться-то съ тѣхъ поръ какъ я не хожу?

Аннушка. Пересталъ, пересталъ! какъ же, пересталъ, матушка.

Щипачева. Слава-богу, слава-богу! Ужь я рада-радашенька! Пусть, Христось съ ними, живуть. Дай богъ имъ совѣтъ да любовь.

Аннушка. Да, да.

Щипачева (*тайственно*). Ну а что, Аннушка, на сторонѣ-то какъ онъ живетъ? не слышно? Нѣтъ ли у него какой сударушки?

Аннушка. Не знаю, неслыхать... А что Зайчиха-то родила, Матрена Степановна?

Щипачева (*громко*). Вчера.

Аннушка. А въ крестные-то не Петра ли Александрыча зовутъ?

Щипачева. Его, его. И младенца-то Петромъ хотятъ окрестить.

Аннушка. Да, да. (*Тише.*) А знаешь ли, Матрена Степановна, что на сторонѣ-то, люди-то объ этомъ говорятъ?

Щипачева. Нѣтъ. А что?

Аннушка (*тайственно, съ значеніемъ*). А говорятъ, матушка, что онъ своего пойдетъ крестить.

Щипачева. Что ты!

Аннушка (*подтвердительно*). Да, матушка.

Щипачева (*недовѣряя*). Полно, Аннушка, ужь не вранье ли это? Она вѣдь ему кума.

Аннушка. Ничего, матушка, что кума. Мнѣ что? Какъ хошь, хошь вѣрь, хошь не вѣрь, я для тебя же говорю, Матрена Степановна. А всѣ говорятъ, что отъ его. Это ужь неспроста, даромъ не скажутъ, а всѣ говорятъ.

Щипачева. Неужто всѣ?

Аннушка. Всѣ, матушка, всѣ; такъ и кричатъ: отъ его, говорятъ, отъ его... Да больше и не отъ кого, какъ отъ его.

Щипачева. Ой батюшки, вотъ горе-то! Что теперь дѣлать-то?.. Экой каторжный! Зачѣмъ только эдакіе люди женятся! Чужой вѣкъ только заѣдаютъ!.. Сашѣ-то ненадо бѣдной сказывать.

Аннушка (*поучительно*). Ненадо, матушка, ненадо.

Щипачева. Эдакой мошенникъ! (*Качаетъ головой.*) Вотъ!.. а?.. Что теперь дѣлать-то? Безбожникъ эдакой! Смотри-ко ты!.. изъ молодой жены!.. Не сказать ли ужь это мужу?

Аннушка (*острепенувшись*). Нѣтъ, нѣтъ, что ты, Матрена Степановна! Не говори, матушка, пожалуста не говори. Я вѣдь это тебѣ такъ сказала... А узнаетъ Петръ Александрычъ, да онъ меня со свѣта сживетъ.

(Въ сосѣдней комнатѣ слышны шумъ, говоръ и смѣхъ).

ЯВЛЕНИЕ I

ЩИПАЧЕВА, АННУШКА, ЩИПАЧЕВЪ, ИВАНОВЪ, ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА и ИВАНОВА.

Щипачевъ (*тащитъ за руку Дарью Степановку*). Пойдемъ, пойдемъ, балалайка, выпьемъ! (*Останавливаетъ Иванова, который выскочилъ впередъ.*) Постой, графъ, не торопись.

Ивановъ. Пошолъ ты!.. давай рюмку.

Щипачева уходитъ.

Дарья Степановна. Отпусти ты, братъ: будетъ съ васъ и двоихъ, я ужъ пила.

Аннушка. Михайло Алексѣичъ здравствуйте, съ прошедшимъ праздникомъ поздравляю!

Щипачевъ (*оборачивается къ ней*). А, Анна Яковлевна! Здорово ночевала. Съ Бабина сапоги сымала?

Аннушка. Экой шутникъ, право!

Дарья Степановна. Развѣ она съ его сапоги сымаетъ?

Щипачевъ. А кто же больше?

Аннушка. Шутникъ, право шутникъ, чего не выдумаетъ!

Ивановъ (*поюхавши стучитъ по столу*). Ну, наливай!

Щипачевъ. Ладно, поспѣшь; не на водѣ — не унесетъ! (*Наливаетъ. Ивановъ пьетъ скоро первую рюмку и уходитъ*). Ау, графъ! кончилъ?

Аннушка. Петръ Александрычъ здравствуйте.

Ивановъ (*отмахивается*). Пошолъ ты!.. (*Садится посреди комнаты*).

Щипачевъ (*наливаетъ*). Ну, сестра, чокнемся! (*Чокается и кланяется*). Дай-богъ тебѣ здоровья... дожить до собачьей старости! (*Смѣется*).

Дарья Степановна (*тоже*). И тебѣ также. (*Пьетъ и закусываетъ*).

Ивановъ (*кричитъ*). Теща!

Щипачевъ. Запѣлъ, баринъ?

Голосъ Щипачевой. Что надо?

Ивановъ. Простакиша есть?

Дарья Степановна. Вспомнилъ небось! (*Уходитъ*).

Голосъ Щипачевой. Есть.

Щипачевъ подходитъ и толкаетъ Иванова.

Ивановъ (*отодвигаясь, сердито*). Пошолъ ты!.. (*Наклонивъ голову, грозитъ кулакомъ.*) Я тебя!.. (*Кричитъ.*) Теща!

Голосъ Щипачевой. Что еще?

Ивановъ. Дай мнѣ огурецъ.

Щипачевъ (*смѣется*). Дай алилуія съ масломъ. (*Иванова приноситъ огурецъ, Ивановъ начинаетъ ѣсть и сосать, Щипачевъ мѣшаетъ ему.*)

Аннушка. Безобразничаютъ хуже деревенскихъ мужиковъ!

Ивановъ (*старается попасть огурцомъ въ ротъ*). Пошолъ!.. ѣе мѣшай ѣсть!

Щипачевъ (*смотритъ на него и смѣется*). Экъ сосѣтъ!

Ивановъ (*бросивъ остатки*). Что ты смотришь на меня, точно лѣшій на попа?

Щипачевъ. Экое ты сокровище у меня! (*Кланяется и снимаетъ шапку.*) Графъ! ваше благородіе! (*Бьетъ его шапкой.*) Дуракъ, мое дитятко!

Ивановъ (*защищаясь*). Я тебѣ... (*Кричитъ*). Тестъ!

Щипачевъ. Не кричи, зять!

Ивановъ (*тихо*). Я не кричу, тестъ. Дай табаку.

Щипачевъ (*Беретъ со стола табакерку*). Поцѣлуй, такъ дамъ!

Ивановъ (*оскорбленный*). Что ты!.. пошолъ!..

Щипачевъ. Ну, такъ не дамъ.

Ивановъ (*кричитъ*). Тестъ, давай табаку.

Щипачевъ. Недамъ... поцѣлуй!

Ивановъ (*проситъ*). Да-ай!

Щипачевъ. Поцѣлуй!

Ивановъ (*сперва сердито отворачивается, потомъ вытираетъ губы*). На!

Щипачевъ. Да ты встань. (*Ивановъ встаетъ; цѣлуются.*)

Дарья Степановна (*входитъ*). Обѣдать. (*Хочетъ.*) Саца, Саша! иди скоряе, посмотри!

Иванова (*смѣется*). Что выдумали!..

Голосъ Щипачевой. Идите же, идите обѣдать. Щи про-
стынуть.

Дарья Степановна. Ой, чтобы васъ тутъ! (*Уходитъ.*)

Иванова. Петръ Александрычъ, тятинька, объдаты идите. Аннушка (*показывая на водку*), кушай да иди. (*Уходитъ.*)

Аннушка. Покорно благодарю.

Щипачевъ (*Подходитъ къ водкѣ.*) Кто бы намъ поднесъ, мы бы выпили-и-и! (*Пьетъ и уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI

ИВАНОВЪ, АННУШКА, ЩИПАЧЕВА и ЩИПАЧЕВЪ.

Ивановъ идетъ къ водкѣ.

Аннушка (*скоро подойдя къ нему*). Что Петръ Александрычъ, скоро на крестинь?

Ивановъ. Скоро.

Аннушка. Крестника-то Петромъ звать стануть?

Ивановъ. Стануть. (*Наливается.*)

Аннушка. Крестите, крестите!.. Что это Матрена-то Степановна какая вздорная женщина: говорить, что вы своего крестить-то идете, что и чужой-то все вѣкъ заѣдаете! Экая сплетница!.. а еще мать не-бѣзъ-чего!

Голосъ Щипачевой. Петръ Александрычъ, Аннушка! идите же, Матвѣй Митричъ пришолъ.

Аннушка. Иду, иду. (*Наскоро выпиваетъ рюмку и уходитъ.*)

Ивановъ (*пьетъ*). Ну тебя!.. Дамъ я ей! (*Грозитъ кулакомъ.*) Дура!.. Пойду я къ другой... отъ Саши!.. Гмъ! дамъ я ей!.. (*Кричитъ.*) Теща! дай простакиши.

Щипачева (*вбѣгая*). Что ты! Да иди со всѣми объдаты; и Матвѣй Дмитричъ пришолъ.

Ивановъ. Давай сюда! (*Стучитъ по столу.*) Не хочу тамъ!..

Щипачева. Да что ты, перепилъ чтоли?

Ивановъ (*съ азартомъ*). Ну?!

Щипачевъ (*входитъ и смѣется*). Тпру, ваше благородіе.

(Щипачева уходитъ).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Там же комната въ домѣ Щипачева; на столѣ самоварь, чашки; пологъ у кровати задернутъ; на полу около часовъ валяются подковы.
Дѣйствіе на второй день послѣ крестинъ у Зайцева.

ЯВЛЕНІЕ I

ЩИПАЧЕВА разливаетъ чай; ЩИПАЧЕВЪ.

Щипачева. Михайло Алексѣичъ! иди же чай—то пить, пора.

Щипачевъ (*входитъ въ рубахъ, брюки за сапоги*). Надо бы передъ чаемъ—то опохмѣлиться, Матрена, а то послѣ крестинъ—то голова болитъ.

(Щипачева беретъ съ окна графинчикъ, наливаетъ рюмку и подаетъ).

Щипачевъ. Ай да барыня, спасибо.

Щипачева (*улыбаясь*). Незачто: знала, что захочешь.

Щипачевъ. Ладно, ладно, спасибо. Ужо я тебѣ суслениковъ курую.

Щипачева. Купи. (*Пьютъ чай.*)

Щипачевъ. А что, больно я былъ грузенъ?

Щипачева. Насилу съ работникомъ притащила.

Щипачевъ. Ничего не напакостилъ тамъ?

Щипачева. Ты—то ничего; а вотъ братъ Матвѣй такъ подгадилъ.

Щипачевъ. А что?

Щипачева. Разодрался съ Зайцевымъ.

Щипачевъ. Врешь? За что?

Щипачева. Да какъ же: дуракъ, подошолъ къ родильницѣ да и говорить: а что, сваха, отъ кого ты ребенка—то родила? отъ мужа, али отъ сусѣда?

Щипачевъ (*смѣется*). Ай да плѣшивый! Съ чего онъ?

Щипачева. Не знаю ужъ. Зайцевъ усмехалъ да и въ бороду. Насилу розняли. Сестрѣ-то просто стыдобушка.

Щипачевъ. Я такъ ничего не помню.

ЯВЛЕНИЕ II

ТѢЖЕ и ГАВРИЛО (весь въ сажѣ, панталоны на колѣнѣхъ разорваны).

Гаврило. Дядьшка Михайло! угольщикъ уголье привезъ, куда съсчитать зоветъ.

Щипачева. Рожу-то мыль сегодня?

Гаврило. Мыль, тѣшка.

Щипачевъ (*смѣется*). Оно и видно! Да ты развѣ не можешь сосчитать?

Гаврило. Я считалъ, дядьшка, да... въ среднемъ возу сбивался все... угольщикъ меня и прогналъ.

Щипачева. Балбесъ эдакой выросъ, десяти кулей сосчитать не умѣетъ!

Щипачевъ. Сбрасывайте первые-то два воза, я послѣ сочитаю.

Щипачева. Да панталоны-то зашей, пентюхъ! слышишь?

Гаврило. Слышу, тѣшка.

Щипачева. То-то слышу! Который день съ этимъ окошкомъ-то ходишь? Покажись мнѣ еще, такъ я тебѣ дамъ... (*Грозитъ*).

Щипачевъ. Ну ступай, ступай. (*Гаврило уходитъ*).

Щипачева. Экая деревенщина!

Щипачевъ. Погоди, обуркается — будетъ человѣкъ.

ЯВЛЕНИЕ III

ТѢЖЕ и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Дарья Степановна. Здорово, братъ. Здравствуй, сестра.

Щипачевъ. Здравствуй, токо не врешь.

Щипачева. Здравствуй, сестрица, садись-ко; какъ-разъ къ чаю.

Дарья Степановна. Ну такъ наливай мнѣ чашку. Я только что изъ города.

Т. XI. — Отд. I.

Щипачева (*молча сядет и подаст*). Чѣмъ торговала? III
 Дарья Степановна. Рѣны три четверика кушила; сѣла-ли
 гѣла принести. III

Щипачевъ. Такъ одинъ мнѣ.

Дарья Степановна. А ты развѣ любишь?

Щипачева. До смерти, ~~чужомъ~~ не корми.

Щипачевъ (*смѣется*). Ну-тко, а каково вчера Зайцевъ по-
 мялъ брата Матвѣя?

Дарья Степановна (*улыбалась*). Не говори ужъ, брать!
 Стыдъ просто съ вами; пьяными-то!.. А свинья Зайцевъ вѣднть,
 мужикъ на ногахъ не стоитъ, — нѣтъ, давай драться!

Щипачевъ. И живеть-таки Матвѣю-то попалось?

Дарья Степановна. Кажись что хорошо. Сегодня сталъ
 бороду чесать: «что это, говорить, какъ больно?» — Пощупай-ка,
 я говорю, хорошенько — всѣ ли ключья-то цѣлы? А что; говорить,
 развѣ меня пьянаго остригли?» — Да, говорю; Зайцевъ вчера
 объѣмъ рукавъ подстригалъ. Онъ и глаза вытарацилъ: «что ты,
 говорить, врешь?» Ничего не помнить! Расказала ему, такъ и
 почаль ругаться: «да нѣтъ, говорить, вѣрно и я таки помялъ его!»

Щипачевъ (*смѣясь*). Какже, своими-то боканами.

Щипачева (*показывая на мужа*). Тоже ничего не помнить.

Щипачевъ. Ужъ не врите ли вы, шельмы?

Дарья Степановна. Деньги чтоли вы намъ дали за вранье-то?
 Тоже, голубчикъ, хорошъ былъ: еле-еле душа въ тѣлѣ; такіа мы-
 слете выписывалъ! (*Щипачевъ смѣется*.)

Щипачева. Выстегать васъ хорошенько, пьяныхъ-то!

Щипачевъ. Вицы не выросли.

Дарья Степановна. А право можно, какъ рокиспуть по
 вчерашнему.

Щипачева. Выстегаемъ, сестра?

Дарья Степановна. Выстегаемъ.

Щипачевъ. Ладно, ладно, шельмы, толкуйте! (*Встаетъ*.)

Щипачева. А вотъ погоди, соберемся когда-нибудь.

Щипачевъ. Послѣ дождика въ четвергъ... Ну, я пойду въ
 сарай кулье считать (*Уходитъ*.)

Щипачева. Поди.

ДѢЙСТВІЕ IV

ЩИПАЧЕВА и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Щипачева. Ой, сестра, не знаешь ты моего горя-то: что мнѣ съ Сашей-то дѣлать?

Дарья Степановна. Что опять?

Щипачева. За послѣднее время больно она хорошо съ мужемъ жила; а вчера онъ, какъ привелъ ее, такъ больше и не пошелъ. Да послѣ обѣда сейчасъ домой ушелъ... Зачѣмъ бы не остаться до ночи? что ему дома-то дѣлать?

Дарья Степановна. Мало у него дѣла-то! Знаешь, что у нашихъ мужиковъ питье поидеть, а ему вѣдь въ службу надо идти, вотъ и ушелъ.

Щипачева. Ой вѣтъ, сестра, не говори! Чуетъ мое сердце, что недаромъ... Что-нибудь да вышло у него съ Сашей... Слова вѣдь не сказалъ съ ней, да такой нехорошій все ходилъ, я съ него глазъ не спустила... Вѣдь не простился, не поздоровался и со мной-то. Что-нибудь да ужъ недаромъ. Сходить-то боюсь къ нимъ. Родильница-то не насудачила ли чего на меня али на Сашу?.. Ехидная! отъ нея станется!

Дарья Степановна. Полно, не наболтала ли чего сама? Ты вѣдь мастерица не послѣдняя! Ему пересказали, онъ и сердится.

Щипачева. Что ты, сестра, кому мнѣ говорить! Да и стану ли я! Знаю вѣдь его, оммѣна: на моей же дочери выместить. Что я, врагъ чтоли ей?

Дарья Степановна. Нечего! знаю, братъ, я тебя: всѣмъ встрѣчнымъ рада на зятя жаловаться. Хорошо другой тебѣ не повѣрить, а другой мало-что повѣрить, да поидеть еще рассказывать: вотъ и пошли суды да пересуды... А зять узнаетъ, да женѣ пинковъ да оплеухъ надаетъ! Говорила я тебѣ, что это до добра не доведетъ!

Щипачева (*уломчиво*). Ничего я никому не говорила.

Дарья Степановна. Ты не сердись, сестра, я правду говорю. Опять ты все съ этой Аннушкой перебиваешь. (*Передразниваетъ*) «Шутники, шутники!» А сама такъ бы и съѣла!

Щипачева. Аннушка хорошая дѣвка; а отъ нея только и узнаю, какъ Саша живетъ: намъ вѣдь ничего не говорить.

Дарья Степановна. И хорошо дѣлаетъ! Я бы эту хорошую дѣвку и въ подворотню—то къ себѣ не пустила... (*Грозитъ.*) Это ты съ ней и моего мужа подъ поби вчера подвела! Помнишь, на другой день праздника вечеромъ ты при насъ говорила, что Аннушка тебѣ говорила, что зять пойдетъ къ Зайчихѣ своего крестить? Вотъ онъ съ чего вчера ляпнулъ!

Щипачева. Не ври, сестра; онъ тогда еще спорилъ со мной... Не съ моихъ видно словъ ляпнулъ, а отъ кого другого слышалъ.

Дарья Степановна. Тѣбу ты, жаба какая! Мужу—то ты говорила?

Щипачева. Нѣтъ, ничего не говорила.

Дарья Степановна. Нѣтъ, ты скажи, такъ онъ тебѣ съ Петромъ Александрычемъ шею—то вытянетъ! Да и есть за что: не подводи дочь подъ поби!

Щипачева (*укоризненно*). Экая вѣдь ты, сестра!

Дарья Степановна. Нечего!

ЯВЛЕНИЕ V

ТѢЖЕ и ГАВРИЛО

Гаврило. Тѣтшка Дарья, тебѣ тамъ баба рѣпу привезла.

Дарья Степановна. Ладно. Пойдемъ—ка лучше посмотримъ. (*Идутъ.*)

Щипачева. Посмотри, сестра, колѣнко-то! Вотъ недѣлю эдакъ ходить! Убери, неутый, подковы—то подъ кровать да унеси самоваръ. (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI

ГАВРИЛО одинъ.

Гаврило (*слюпитъ два пальца и вытираетъ ихъ левой стороны рубахи*). Украсть кусочикъ сахару?... (*Подходитъ на цыпочкахъ къ столу и беретъ двумя вытертыми пальцами кусокъ сахару и начинаетъ грызть.*) Рожка, говорить, не мыта. Такъ что? Ненадо и мыть, не слѣдуетъ! Вотъ въ воскресенье съ мыломъ вымоюсь — бѣлая буду... Кабы я былъ хозяинъ али подмастерье, такъ каждый

бы день мыломъ мылся. Возьму еще кусочикъ. (*Беретъ и омытъ на-
чмласть грызть.*) Теперечи мыться не слѣдуетъ: и время идетъ!..
А панталоны-то? (*Показываетъ на дверь, куда ушелъ Щипачевъ.*) У
него вонъ плисовые да цѣлые, потому онъ хозяинъ! А я маль-
чишка, потому у меня нанковые съ заплатой... Какъ я буду хозяи-
номъ, такъ и у меня будутъ панталоны плисовые, цѣлые... (*Вытя-
гиваетъ руку ладонью вверхъ.*) Зашить велеть. . Надо иголку, а
иголки не даютъ: «сломишь, говорятъ: руки какъ крюки». Тѣшка
говорить: «купи, на праздникъ тебѣ деньги даются». Купи! Я луч-
ше канюетку куплю да съѣмъ!.. А иголка мнѣ нашто?.. Уколднсь
еще пожалуй. Купишь нитокъ — надо будетъ вдѣвать въ иголку:
а я вдѣвать неумѣю. Просить надо будетъ. Надаютъ тузовъ, а
не вдѣнуть. Потому я мальчишка! Меня вонъ и угольщикъ выру-
галъ даве да прогналъ. Хозяина не прогонитъ... а я хошь бы и мы-
ломъ вымылся, все бы прогналъ... потому я мальчишка, вотъ
что!.. Сосчитать подковы-то... (*Садится на полъ и начинаетъ счи-
тать.*) Разъ, два, три, четыре...

ЯВЛЕНИЕ VII

ГАВРИЛО, ЩИПАЧЕВЪ, ЩИПАЧЕВА и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Щипачевъ. Ганька, что ты дѣлаешь?

Гаврило. Тѣшка, дядьшка, велѣла подковы сосчитать.

Щипачева. Подъ кровать велѣла убрать, дуракъ, а не счи-
тать.

Щипачевъ. Сыми лучше самоваръ-то со стола, а подковы въ
сарай снеси. Нечего ихъ считать — онѣ давно сосчитаны.

(Гаврило беретъ самоваръ, потомъ возвращается и
ставитъ столъ на мѣсто.)

ЯВЛЕНИЕ VIII

ТѢЖЕ безъ ГАВРИЛА.

Щипачевъ (*закуривая трубку*). Славная рѣпа, сестра.

Дарья Степановна. Такъ ты что? Оставилъ угоди чендрикъ
себѣ?

Щипачевъ. Какже, какже, оставлю. (Словоритно съ огляд.) На-
ко! зять съ Сашой къ намъ идуть.

Дарья Степановна (съ удивленіемъ): Воно!

Щипачева (съ испуль). Ой батюшки! что это?..

ЯВЛЕНІЕ IX

ТѢЖЕ и ГАВРИЛО изъ лѣвой двери, а ИВАНОВЪ и ИВАНОВА изъ
правой двери. Гаврило перенладываетъ подковы подъ кровать; Ива-
новъ смотритъ сурово, Иванова перенуганно. Здороваются; Иванова
подходить къ всѣмъ и цѣлуется; Ивановъ сухо отвѣчаетъ всѣмъ и са-
дится съ лѣвой стороны. Щипачевъ курить трубку и съ удивленіемъ
смотреть на дочь и зятя; Дарья Степановна тоже.

Щипачевъ. А, Петръ Александрычъ, давно не видались!

Ивановъ. Здравствуй, братъ тесь.

Иванова (подходитъ къ Щипачевой къ послѣдней). Здрав-
ствуй, маменька! (Цѣлуется и останавливается въ недоумѣніи по-
срединь комнаты.)

Щипачева (тихо). Что?

Гаврило (кочилъ и всталъ, негромко). Тѣшка!

Щипачевъ. Каково живешь, Петръ Александрычъ?

Ивановъ. Хорошо, тесь. (Нюхаетъ табакъ.)

(Молчаніе. Щипачева въ безпокойствѣ; Дарья Сте-
пановна какъ-будто поправляетъ пологъ, потомъ воз-
вращается къ столу и смотритъ на всѣхъ; Иванова
смотреть въ землю.)

Гаврило (негромко). Тѣшка!

Щипачева (съ сердцемъ). Что тебѣ?

Гаврило. Я подковы спряталъ. Завтракать пора, мнѣ въ куз-
ницу надо идти.

Ивановъ. (Щипачева оборачивается къ нему и внимательно
слушаетъ.) Чтоже ты, Саша, не садишься? Сядь! Привыкай опять
сидѣть у отца да у матери! (Всѣ смотрятъ на него съ изумленіемъ;
Щипачева въ безпокойствѣ; Иванова беретъ стулъ и садится.)

Гаврило. Чтоже, тѣшка? Мнѣ въ кузницу пора!

Щипачевъ (Гаврилу). Пошолъ вошь! (Гаврило уходитъ.)
Что ты сказалъ, Петръ Александрычъ? я не слышалъ.

Ивановъ. А те, чтобы она привыкла у насъ опять жить. (Иванова начинает потихоньку плакать.)

Щипачевъ. Какъ такъ? Къ чему ты это говоришь?

Ивановъ (вслухъ). А вотъ къ яму: я привезу къ вамъ дочь и одну сестру къ рукамъ. Моей у меня ей нехорошо жить, такъ у насъ можетъ лучше будетъ. Я и одинъ проживу. Прощай, Саша!

Щипачева (съ возгласомъ). Что жонъ, разбойникъ!..

Дарья Степановна. И видно что разбойникъ — выдумалъ какую штуку! У добрыхъ людей эдакъ не дѣлаютъ: прожилъ съ женой годъ, да и ступай жена къ отцу!

Ивановъ. Ты, тетя Дарья, не суйся: иначе я и съ тобой раздѣлюсь!

Дарья Степановна. Испугалась больно! Благородный! Не преврати мнѣ на свое благоудово! Мы Сашу не на-смыкнъ тебя отдавали.

Щипачевъ. Да что же это, Петръ Александрычъ? Хорошіе люди развѣ такъ дѣлаютъ? Развѣ Александра досадила тебя чѣмъ?

Ивановъ. А вотъ что, тесть: прощай! Ты меня не знаешь, а тебя столько же. (Хочетъ идти.)

Щипачевъ. Ты стой! (Останавливаетъ его.) Я Александрю и не тебя въ обиду не дамъ! Когда есть что, такъ говори что. Когда страмить, такъ посмотримъ: ты ли меня острамишь, или я тебя!

Щипачева (плача около Ивановой). Что онъ дѣлаетъ-то?!

Дарья Степановна. Ты скажи изъ чего ты одну такую сумятицу-то дѣлаешь, Петръ Александрычъ?

Ивановъ. Мнѣ, братъ тесть, страму никакого не будетъ. А когда ты хочешь знать изъ-за чего я такъ дѣлаю, такъ слушай: После свадьбы жили мы съ Сашей хорошо и спокойно, кажется лучше не было — хоть ее спроси. Только видишь не повѣрили, что мы хорошо живемъ: надо было спрашивать да поразнюхать: верно ли? не обманываю ли я? не бью ли? кормлю хорошо ли? не безъ бани каковъ ли беру жену? одѣваю ли ее? Признаюсь тебѣ, тесть, и этого не терплю и дѣлаю всегда на зло. Какъ узналъ я эти разпросы, вотарныхъ побилъ Сашу, а вотарныхъ не сталъ ее по утрамъ чаемъ поить. Теща-то моя, твоя жена-то, Матрени Степановна (показываетъ на нее), давай славить обо мнѣ всему городу, что я свою жену и съ голоду-то жорю, и убить хотю, и чертъ знаетъ что! Да! каждое утро стала безъ меня бѣгать къ Сашѣ съ

часть да захаромъ смаетничать. Давать денегъ, а опять пашытъ Александру...

Щипачева. Душегубъ злокой!

Ивановъ. И сказалъ ей, чтобы безъ меня ноги твоея не была. Сама сказала ей. Какъ перестала она ходить, опять мы, дажили хорошо. Позвалъ меня Зайцевъ въ крестные отцы. Жени-то твоей, тещѣ-то моей, чертъ пособилъ выдумать, что я своего претить иду... Вчера на крестинахъ-то дядя Матвей при всѣхъ вдругъ спрашиваетъ Зайчиху: отъ кого она принесла ребенка? Она уми (показываетъ на Щипачеву) успѣла распутить, что ребенокъ мой. Ну, тогда такъ, когда женѣ у меня нечего ѣсть, когда я ее въ гробъ вколачиваю, когда изъ-за нея съ другими живу, расуди самъ: зачѣмъ намъ жить вмѣстѣ? Лучше разоитись... (Щипачевое слушаетъ внимательно, нахмурившись; Щипачев ей вслѣдствіи часто хочетъ что-то сказать.)

Щипачевъ. Матрена! Какъ же тебѣ, стерва, не стыдно свою дочь подъ побой да подъ такой стромъ подводить? А? Какъ возьму я тебя за гриву-то да начну рвать, (топчетъ ногой) только пыль пойдетъ, мерзавка!

Щипачева. Вретъ онъ, вретъ разбойникъ! Ничего я не говорила, ничего не спрашивала: и безъ меня всѣ говорили, всѣ знаютъ его аспида...

Ивановъ. Постой, теща, не горячись, у меня свидѣтели есть: обо всемъ ты спрашивала бабиноскую Аннушку; ей же ты и ругага меня на чемъ свѣтъ стоять, ей же ты сказала, что я съ Зайчихой шашни завелъ. (Щипачева въ безвыходномъ положеніи.)

Дарья Стенановна. Вотъ тебѣ и Аннушка хорошая дѣвка!

Щипачевъ. Ахъ ты шельма! Въ чью ты голову эдакъ врала?

Щипачева (плача). Я вѣдь, любя Сашу, разузнавала-то. Думала ли я, что Анька все вретъ! Она-то вѣдь меня ко всему и подбивала: нарочно прибить, чтобы забаламутить меня. Она это все выдумывала да рассказывала мнѣ, а теперь все на меня свалила. Если бы я не любила Сашу, стала бы я спрашивать, да людямъ говорить!

Ивановъ. Знаю я, что изъ любви ты это дѣлала, да любовь-то это дурацкая! Я не терплю этого. Клянусь тебѣ Богомъ, теотъ, я съ тѣмъ и вѣдъ Сашу, чтобы оставить у васъ: я не могу! Хуже бы было, еслибы я ее опять бить началъ.

Щипачевъ (Щипачевой). Ахъ ты, стерва поганая! Да ст-

дѣлать ты волосъ доживаешь, а уха у тебя нѣтъ. Дочь отдала, а суешься смотреть за ней! Вѣришь ты всякой посякушѣ! И нѣтъ-то жить не даешь, да и мнѣ чего, думаешь, стоять эдакіе вѣточки, какой Петръ отъ Александровичъ сегодня загнулъ? Вѣдь обмеръ я, какъ услыжала, что онъ Александру назадъ привелъ! Я думаю, что она богъ-звѣсть что сдѣлала. Ну да постой, выучу и тебя! Вотъ изъ сарая арапленникъ принесу.

Иванова (*сквозь слезы*). Полно, тятинька, не сердись: маменька вѣдь не виновата, это все Аннушка еѣ мутила.

Щипачевъ. Какое не сердись! Ее надо такъ отдутъ, чтобы она всю жизнь помнила, да не совалась куда не спрашиваютъ. Вишь она Аннушкѣ, тараторкѣ всесвѣтной, повѣрила! (*Щипачева плачетъ.*)

Дарья Степановна. Ну да будетъ, братъ! поругага — и будетъ. Грѣхъ да бѣда на кого не жила! Только ты, Петръ Александрычъ, напрасно эдакую сумятицу дѣлалъ: чѣмъ Саша-то виновата? А ей больше всѣхъ досталось: пришла даве — лица на ней нѣтъ.

Иванова (*улыбалась*). Я-то ничего, только на маменьку не сердитесь; она не виновата; и я-то ей ничего не говорила.

Дарья Степановна. Можно бы было тоже сестру Матрену наединѣ уговорить, али брату Михайлу одному сказать; а то эдакой содомъ дѣлать! Я по сихъ поръ не могу въ себя придти.

Щипачева (*плачетъ*). Охъ, это я все дура виновата! Саша, прости меня ради-господа! Ничего бы не было, кабы не эта шкура Анька!.. (*Кидается къ дочери; обь плачуть.*)

Щипачевъ (*со слезами на глазахъ*). Хотъ бы ты еѣ-то пожалѣлъ! Чѣмъ она-то виновата? Кажется ужъ она-то тебя не обидитъ!

Ивановъ. Что братъ дѣлать, тещъ! У меня ужъ такой характеръ, иначе не могу! Ну Саша, не плачь, конечно, будетъ! А тебѣ, теща, это урокъ, чтобы ты не ввязывалась не въ свои дѣла. Ну прощайте, мнѣ въ палату пора. Прощай, Саша; отобѣдай здѣсь, а къ вечеру приходи домой. Прощай. (*Плечетъ еѣ.*)

Иванова (*утирая глаза*). Хорошо, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Ну прощай, теща, заходи къ намъ, да только при мнѣ, пока не бросишь свои глупости.

Щипачева. Прощай, Петръ Александрычъ. Что дѣлать! Прости ужъ христа-ради.

Дарья Степановна. Вотъ вѣдь говорила я тебѣ, сестра.

Щипанова (*машитъ рукою*). Кабы знала да въдала!.. Пойти хоть руку-то вымыть. (*Уходитъ.*)

Ивановъ. Прощай, теща; заходи къ намъ, мы тебѣ всегда рады. (*Подаетъ руку.*)

Щипановъ (*удерживаетъ его*). Повторю благодарю. Только, Петръ Александрычъ, береги покаяста Сашу-то, не тронь ее, не труди ее больно-то: она вѣдь у насъ одна, промѣ ее не на кого и порадоваться! А?

Ивановъ. Ладно, не учи ужь, славно заживалъ съ ней. Приходи смотреть. Прощай.

Щипачевъ. Прощай, Петръ Александрычъ.

Ивановъ. Прощай, тетка Дарья. Тоже давеча пририглауда на меня. (*Уходитъ.*)

Дарья Степановна. Нельзя, братецъ, было — случай тѣмой! Прощай, Петръ Александрычъ.

ЯВЛЕНИЕ X

ЩИПАЧЕВЪ, ИВАНОВЪ и ДАРЬЯ СТЕПАНОВНА.

Щипачевъ (*набиваетъ трубку*). Надо будетъ Матрентъ вздувку задать, да хорошую!

Дарья Степановна. Ладно, покричалъ, такъ и будетъ! (*Выходитъ нальво.*)

Иванова (*подходитъ къ отцу*). Тятинька, не бей мамѣнку, голубчикъ! А, тятинька! Не будешь бить? Хоть для мепя; тятинька! Она больше не станеть!

Щипачевъ. Да тебѣ-то что, дурочка?

Ивановъ. Да мнѣ жалко будетъ мамѣнки. Я вѣдь се больно люблю, тятинька. Вѣдь она не нарочно это дѣлала. Не бой, тятинька, голубчикъ! Право она больше не станеть... не будешь?

Н. Г.

ПЬВЕЦЪ КУБРЫ

или

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ІВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

(ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ)

Въ свѣтскомъ петербургскомъ обществѣ при Александрѣ I три лица пользовались популярностью, хотя совершенно различнаго рода. Эти лица были: Нарышкинъ (Александръ Львовичъ), Башуцкій и Хвостовъ. Всѣ остроуты, блестящія сравненія, мастерскіе каламбуры — обыкновенно приписывались Нарышкину, часто даже такіе, какихъ онъ и недумалъ никогда говорить. Всѣ вопіющіе забавныя промахи падали на долю Башуцкаго, а онъ такъ былъ извѣстенъ въ этомъ отношеніи, что даже Аракчеевъ, вѣчно жолчный и впрочемъ нешутливый, при встрѣчѣ съ Башуцкимъ считалъ обязанностью подтрунить на его счетъ. Плохіе стихи и анекдоты о бездарныхъ, навязчивыхъ поэтахъ, отравляющихъ своими стихами жизнь другихъ, прямо относили къ Хвостову, а каждый оберегался, чтобъ онъ не навязалъ ему своихъ стиховъ.

Изъ этихъ трехъ личностей остановимъ вниманіе читателя на графѣ Дмитріѣ Ивановичѣ Хвостовѣ, личности правда маленькой, незначительной въ литературномъ отношеніи, но интересной и любопытной въ психологическомъ.

Старикъ одержимъ былъ страшною болѣзью, извѣстной подъ именемъ *стихоманіи*. Современникъ Фонвизина и свидѣтель почти перваго зарожденія русской литературы, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми прежними литературными королями, зналъ дни ангела ихъ юнъ, дѣтей, потомъ внуковъ, и до самой смерти (1)

(1) Хвостовъ умеръ въ концѣ 1835 года.

не покидалъ стиховъ, несмотря ни на какія насмѣшки. Пушкинъ находился уже въ полномъ развитіи своего чудеснаго таланта, а престарѣлый Хвостовъ, желая защититься отъ его эпиграмъ, высылалъ къ женѣ Пушкина различныя пѣсенки, положовыл на музыку, то приглашалъ его къ себѣ на завтракъ, то приносилъ различныя поздравленія. Пушкина старикъ смѣшилъ, но, по своей снисходительности, тотъ былъ ласковъ и къ нему. Самыя шутки Пушкина отзывались добротой, которая составляла коренную черту его характера. Одинъ разъ онъ отвѣтилъ Хвостову слѣдующимъ полушутливымъ письмомъ :

«Милостивый государь
графъ Дмитрій Ивановичъ,

«Жена моя искренно благодаритъ васъ за принесенный и неожиданный подарокъ. Позвольте и мнѣ принести вашему сіятельству сердечную мою благодарность. Я въ долгу передъ вами : два раза почтили вы меня лестнымъ ко мнѣ обращеніемъ и пѣснями лры заслуженной и вѣчно юной. На дняхъ буду имѣть честь явиться съ женою на поклоненіе къ нашему славному и любезному патріарху. Александръ Пушкинъ ⁽¹⁾.

Передъ нами лежатъ теперь обильныя и многотомныя матерьялы Дмитрія Ивановича Хвостова, имъ самимъ оставленныя для потомства. Всѣ они прекрасно переплетены, пронумерованы, съ щегольскими надписями на корешкахъ — по красному сафьяну золотыми буквами ⁽²⁾. Читая ихъ, видишь ясно, какъ старикъ огорчался и глубоко страдалъ, что его не признаютъ за великаго поэта. Онъ искренно и наивно былъ убѣжденъ, что стихотворенія его — лучшее достояніе и украшеніе русской повзні. Современники смѣялись надъ нимъ немилосердно, писали всевозможныя на него сатиры, кололи не въ бровь, а въ глазъ, но Хвостовъ не унимался, вѣруя тепло и безстрашно, что придетъ время и потомство откроетъ для него врата безсмертія.

Кому только и на какія темы не писалъ Хвостовъ ! Изъ отвѣтныхъ писемъ видно, что онъ никому не давалъ пощады, навязывая свои сочиненія всѣмъ и каждому : королю прусскому, Арачеву, Бекендорфу, Паскевичу, Закревскому, митрополитамъ, архіереямъ, институтамъ, университетамъ, семинаріямъ. Литераторы, какъ люди опытные, отдѣлывались какъ могли отъ его назойливыхъ многотомныхъ подарковъ. Но такъ или иначе, Хвостовъ умѣлъ достигнуть цѣли, чтобъ распространить свои сочиненія. Одинъ разъ, промѣ

(1) Годъ и числа подъ письмомъ неозначено.

(2) Матерьялы эти мы получили отъ М. И. Сомовскаго.

всѣхъ своихъ печатныхъ томовъ стихотвореній, онъ препроводилъ въ кронштадтскую флотскую бібліотеку собственный мраморный бюстъ. Къ этому онъ присоединилъ рукописное стихотвореніе «*Морякамъ*» и получалъ слѣдующій пріятный для его авторскаго самолюбія отвѣтъ:

«Присланный отъ вашего сіятельства для кронштадтской флотской бібліотеки изображающій особу вашу бюстъ мы съ признательностію имѣли честь получить, который вмѣстѣ съ вашими сочиненіями составляетъ лучшее украшеніе бібліотеки; пріятнымъ имѣною себѣ долгомъ — отъ имени всѣхъ членовъ засвидѣтельствовать вашему сіятельству начувствительнѣйшую нашу благодарность за столь лестный подарокъ, тѣмъ болѣе что сей случай доставилъ намъ сугубое удовольствіе читать новое изящное произведеніе пера вашего. Посланіе въ честь моряковъ, которое положено за собственноручнымъ вашимъ подписаніемъ, сохранится при бібліотекѣ въ память грядущаго потомства юныхъ мореплавателей.»

Вообще у храбрыхъ моряковъ Хвостову, какъ стихотворцу, необыкновенно везло: въ Ревелѣ былъ даже корабль, названный въ честь его «Графъ Хвостовъ». Контръ-адмиралъ Спафарьевъ имѣлъ неосторожность отнестись письменно къ Хвостову о разъясненіи ему; какимъ образомъ произошло подобное названіе? Поэтъ въ длинномъ посланіи отвѣчалъ, что произошло обстоятельство это отъ излишней ревности нарвскаго купца Больтона и тутъ же поспѣшилъ приписать:

«Я прилагаю у сего вамъ, вице-адмиралъ, въ подарокъ, новаго изданія первый томъ моихъ сочиненій и впредь по выходѣ оныхъ за честь себѣ поставлю препровождать къ вамъ тѣ, кои будутъ выходить изъ печати.»

Вѣроятно долго послѣ этого контръ-адмиралъ получалъ отъ него подобные подарки.

Сочиненія Хвостова въ продажѣ положительно не шли, а между тѣмъ бросается въ глаза невольно то обстоятельство, что семь томовъ его сочиненій выдержали три изданія и обѣщано было четвертое. На это есть впрочемъ весьма удовлетворительное объясненіе.

Бездарный стихотворецъ, оскорбляемый равнодушіемъ публики и невниманіемъ критики, обыкновенно самъ скушалъ свои стихотворенія, уничтожалъ ихъ втихомолку и затѣмъ выдавалъ новое изданіе. Руководствуясь однимъ безконечнымъ желаніемъ почаще видѣть свое имя въ печати онъ подобной нерасчетливостію поколебалъ свое огромное состояніе. Онъ считалъ себя меценатомъ и деньги его еще шли на поддержку и подписку журналовъ князя Шаликова, Воейкова, Бориса Федорова и другихъ имъ подобныхъ.

Съ нимъ поступали безцеремоннымъ образомъ. Когда патѣвалось какое-либо литературное изданіе, то обыкновенно присылали ему по пятидесяти, даже по сту билетовъ, прося его способствовать къ увеличенію числа подписчиковъ. Кончалось тѣмъ, что Хвостовъ, желая скрѣпить литературныя связи и раздавъ нѣсколько билетовъ знакомымъ, подписывался на всѣ остальные и просилъ объ одномъ только — чтобъ напечатали въ новомъ журналѣ какое-нибудь новое его стихотвореніе. Но и это ему не помогало. Деньги принимали съ благодарностью, а стиховъ его не печатали подъ разными предлогами.

Полевой наприимѣрь отдѣлывался отъ него не одинъ разъ такимъ образомъ:

«Я хочу — писалъ онъ Хвостову — просить васъ позволить мнѣ нѣкоторую вольность въ разсужденіи нашей стихотворной присылки. Она будетъ состоять въ слѣдующемъ: желая доставить и большую публику вашему посланію и употребить его съ большою пользою для ближнихъ, не позволите ли вы мнѣ напечатать не въ «Телеграфѣ», а особо? Я слѣлаю чудесное изданіе и всю выручку обратю въ пользу и пособіе претерпѣвшихъ отъ наводненія. Согласитесь; ваше сіятельство, и пришлите поскорѣе заглавный листъ съ довѣріемъ представить въ цензуру; быть полезнымъ страждущему человѣчеству не есть ли обязанность поэта? За работу же, корректуру и хлопоты мои неудобно ли вамъ взять нѣсколько экземпляровъ «Телеграфа», которые, по обширному вашему кругу знакомства, вамъ легко сбыть, а мнѣ пособіе...»

Полевой, какъ человѣкъ изобрѣтательный, выдумывалъ и другіе способы отдѣлываться отъ Хвостова: «Эпиграму вашу цензура не пропускаетъ, потомучто она ужасно зла.» Или: «Оды вашей, къ моему прискорбію, въ «Телеграфѣ» напечатать не могу: слишкомъ сладострастна...»

Несмотря на колкія насмѣшки, на бранныя критики, несмотря даже на растрату состоянія, Хвостовъ не могъ излечиться отъ ремолетства, — напротивъ, годъ отъ году въ немъ усиливалась несчастная страсть къ печатанію. Насмѣшки на него сыпались не только въ русскихъ, но даже иностранныхъ журналахъ. Когда онъ перевелъ пресловутую поэму Буало «L'art poétique», то въ тогдашнемъ «Revue Encyclopédique» (1826 г., въ статьѣ: «Россія», стр. 672) была напечатана слѣдующая на него эпиграма:

• Ami, vois-tu Boileau? — Quoi! ce masque, dis-tu?
C'est K..... • Eh! non pas! c'est Boileau, je te jure,
Mais il a pris du comte et l'air et la tournure
Pour ne pas être reconnu.

Хвостовъ чрезвычайно обидѣлся выходкою иноземнаго журнала. Между тѣмъ это былъ почти буквальный переводъ извѣстной эпиграмы Дмитріева на Хвостова, напечатанной сперва въ московскомъ журналцѣ «Аглая», а потомъ перепечатаной въ «Учебной книгѣ русской словесности» г. Греча, съ полной подписью имени сроднителя — Ив. Ив. Дмитріева :

«Ты-ль это, Буало?.. какой смѣшной нарядъ!
Тебя узнать нельзя: совсѣмъ перемѣнился!
— Молчи! нарочно я Графовымъ наряжился:
Сбираюсь въ шаскарадъ.»

По поводу французской эпиграмы Хвостовъ поднялъ цѣлую исторію. Онъ написалъ письмо къ Дмитріеву, и хотя не говоритъ прямо, что ему хорошо извѣстенъ первоначальный видоизмѣнъ печатной русской эпиграмы, но тонко намекаетъ, будто ея приписываютъ Крылову; затѣмъ прибавляетъ :

«Въ русской эпиграмѣ имя переводчика скрыто подъ именемъ *Графова*, которое есть имя вымышленное и такое, что я сама его употребляю въ моихъ и сочиненіяхъ и переводахъ, означая черезъ Графова худого стихотворца. Во французскомъ же журналѣ эпиграма на переводчика со всѣмъ не та: въ русской скрыты и титулъ, и настоящее имя. Галлы выставили и то и другое. Но я имѣю къ вамъ просьбу, чтобъ вы продолжали всегда ко мнѣ ту благосклонность и дружбу, которую начали въ 1783 году, у Семеновскаго моста, въ той квартирѣ, гдѣ жилъ покойный сосѣдъ мой Ф. И. Козлятевъ.»

Кромѣ письма къ Дмитріеву, очевидно начатаго подъ вліяніемъ сердитаго расположенія духа и кончившагося такимъ наивнымъ образомъ, написано было возраженіе на французскомъ языкѣ и послано въ «Revue Encyclopédique». Къ огорченію Хвостова возраженіе не было принято. Французъ русской службы, полковникъ Дестремъ, пріятель Хвостова, защищалъ его переводъ Буало въ большой статьѣ. Она послана была въ «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго, гдѣ также не была принята. Хвостовъ сердится и замѣчаетъ, что «знаменитый филологъ Михайло Трофимовичъ Каченовскій струсилъ напечатать благородныя сужденія г. Дестрема». Наконецъ защитительная статья Дестрема была напечатана на счетъ графа отдѣльною брошюрою на двухъ языкахъ — на французскомъ и русскомъ, потомъ извлеченіе изъ нея перепечатано въ «Атенѣ» Павлова.

Этого мало: по усиленному ходатайству Хвостова, Филиппика Дестрема противъ «Revue Encyclopédique» читана была въ русской

академіи. Еще до этого Хвостовъ писалъ въ секретарю академіи Соколову: «Я слышалъ объ эпиграмѣ сей вскорѣ по напечатаніи ея подъ именемъ сочлена нашего, знаменитаго пѣвца «Ермака». Я никогда не уважалъ сію эпиграму и доселѣ не озабочивался узнать, кто истинный сочинитель оной. Но признаюся, что очень удивился, когда увидѣлъ ее черезъ двадцать лѣтъ переведенную на иностраннѣйшій языкъ и напечатаную въ очень хорошемъ французскомъ журналѣ. Какъ она туда попала, — ведѣлая поклена на русскихъ журналистовъ, — незнаю; но если она сдѣлалась извѣстною Европѣ, то я должностію моею почитаю не утаить сего происшествія отъ моихъ соотечественниковъ и особливо отъ россійской академіи. Я прошу ваше превосходительство прочесть защиту Дестрема въ обыкновенномъ собраніи, хранить оное при академическихъ рукописяхъ на будущее время.»

Надобно полагать, что подъ академическими словами вышли особенно эффектные слѣдующія слова краснорѣчиваго защитника:

«Каждому извѣстно, что эпиграма ничего не опредѣляетъ. Нетрудно въ доказательство сего привести множество примѣровъ историческихъ, и выборъ весьма легокъ. Лармианъ, членъ французской академіи, осмѣлился же о Лебрюнѣ сказать:

Lebrun de gloire se nourrit:
Aussi voyez comme il maigrit.

«Но колкая сія эпиграма могла ли вредить и повредила ли славіи одного изъ величайшихъ лирическихъ поэтовъ?» (1)

«Многія выраженія французскаго критика — говорить защитникъ — показываютъ печать недоброжелательства къ графу Дмитрію Ивановичу, напримѣръ: *ревность переводчика къ словесности, усердіе къ просвѣщенію* — можетъ быть употреблено основательно о государственномъ человѣкѣ, который, посвящая нѣкоторые только досуги музамъ, особенно бы покровительствовалъ писателямъ. Но, говоря о поэтѣ, сіе не иное что, что выраженіе сатиры. Когда прежде всего выставляютъ ревность и любовь къ словесности, мнѣ кажется, будто похищаютъ нѣчто изъ достоинствъ поэта, отказывая ему въ геніи и даже дарованіи. Выписки ясно докажутъ, что моя похвала знаменитому нашему переводчику Буало не преувеличена. Въ четвертой пѣсни графа Хвостова находится много прелестныхъ сти-

(1) Эпиграму эту Хвостовъ перевелъ весьма забавнымъ образомъ, желая сохранить риму:

Питаюсь славою, поэтъ нашъ *пустошля*
Примѣтно каждому худѣетъ день отъ дня.

ховъ, а нѣкоторые изъ нихъ замѣчательны своєю силою: кажется, что въ нихъ сама добродѣтель гремитъ противъ порока:

За что превозносить опасныхъ миѣ пѣвцовъ,
Презрѣнныхъ мудрости и чести бѣглецовъ,
Которые перомъ святыню оскорбляютъ,
Пороки глухие любовными являютъ?

«Я думаю, довольно сего къ весчувствованію рѣдкаго достоинства графа Хвостова!»

Переводчикъ нашъ былъ въ восторгѣ отъ своего защитника и успѣшилъ извѣстить о такомъ *замечательномъ происшествіи* почти всѣхъ своихъ знакомыхъ.

«Я почитаю мой переводъ — писалъ онъ къ Каченовскому — можетъ-быть не безъ причины хорошимъ, но дѣло въ томъ, что французы не въ состояніи по словесности порицать нашихъ произведеній. Причина явная: парижане не умѣютъ говорить порусски. Съ чего же напечатали они поверхностные свои суды и плохую эпиграму? Эпиграма сія на русскомъ языкѣ не относится собственно до меня: вымышленное въ ней лицо — Графовъ. А судьи, предводители, законодатели французской словесности, включили меня! Французы сію эпиграму перевели и переименовали, т. е. въ оную включили мою фамилію и мой титулъ. Вотъ причина, о коей я васъ извѣщалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и по коей я долженъ былъ огласить не только невѣжество, но клевету тѣхъ, кои помѣстили на меня разборъ во французскомъ журналѣ. Правда, что миѣ слѣдовало бы искать на клеветниковъ суда гражданскимъ порядкомъ, но я этого не сдѣлалъ! Сохрани-боже чтобъ я, кромѣ сего случая, сталъ воевать на семьдесятъ четвертомъ году отъ роду противъ такихъ журналистовъ, каковъ на примѣръ вашъ Полевой. Онъ, объявляя въ прошедшемъ мѣсяцѣ о новомъ моемъ изданіи, дѣлаетъ три непростительныя ошибки и говорить: 1) что мой первый томъ напечатанъ въ академіи наукъ, а онъ напечатанъ въ російской академіи; 2) что издателя «Дамскаго журнала» зовутъ княземъ Петромъ Александровичемъ Шаликовымъ, тогда какъ онъ есть князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ, и 3) стихъ князя коверкаетъ: вмѣсто «почтенный графъ» пишетъ *«любезный графъ»*. Вотъ, батюшка, что дѣлается въ нашей словесности, а я молчу и повторю вамъ мой стихъ:

Пускай возиятся парнасскіе ерши!»

Къ сожалѣнію Хвостовъ не держался такого мудраго правила, имъ же самимъ сказаннаго, и стихопомѣшательство его принимало колоссальныя размѣры. Онъ оффиціально жаловался попечителю мот. XI. — Отд. I.

сковскаго университета Писареву на то, что русскіе журналы почти ничего не говорятъ объ его твореніяхъ, и хотя онъ надѣется, что потомство оцѣнитъ ихъ, однако ему, старѣйшему служителю Аполлона, было бы пріятно, чтобъ и современники, не отвращали слуха отъ его музы. Между тѣмъ Поддочой, въ своемъ «Телеграфѣ» какъ-то печально вспомнилъ о Хвостовѣ и слегка воспылалъ надъ нимъ: опять новая жалоба къ исполнителю университета, въ формѣ чуть не докладной записки, подъ заглавіемъ: «Его превосходительству А. А. Писареву отъ пѣвца Кубры графа Хвостова, съ жалобою на журналиста-насквилянта Полеваго.»

«Принимая всегда совѣты вашего превосходительства — пишу между прочимъ Хвостовъ — съ почтительнымъ удовольствіемъ, принужденнымъ нахожусь, исполняя обязанности, жаловаться вамъ самимъ, милостивый государь мой, не въ лицѣ пріятеля, благодѣтеля и покровителя слабыхъ дарованій моихъ, но жалуюсь вамъ какъ начальнику московскаго императорскаго университета, блюстителю порядка, принципіа и благонравія; жалуюсь вамъ не столько на московскую цензуру, сколько на издателя «Телеграфа»; первая, т. е. цензура, могла не проникнувъ затѣй злонамѣреннаго скомороха, пропустить его статью; второй, т. е. Полевой, кушая много разъ, обрадовался наконецъ случаю, какъ нахаль, мнѣ сдѣлать обиду. Вы увидите сами, имѣетъ ли причину семидесятилѣтній старецъ жаловаться на издателя «Телеграфа», оскорбляющаго безъ всякаго повода честь его.

«Московскій Телеграфъ», говоря, что «Journal de la littérature étrangère» (котораго я не читалъ), объявляя о «Наукѣ стихотворства», поэмѣ апдактической славнаго Дебрео-Боало, переведенной порусски графомъ Хвостовымъ, прибавляетъ отъ себя: «Объявлено — гдѣ бы выдумали? въ отдѣленіи романовъ!! Надобно быть журнальнымъ сыщикомъ, чтобы отыскать такую диковинку. Намѣстѣ переводчика (Хвостова), и отмстилъ бы французскому вѣтреннику, напечатавъ другое изданіе перевода подъ названіемъ: «Дебрео вывороченный наизнанку»: тогда пускай помѣстилъ бы онъ «L'art poétique» въ отдѣленіи poème burlesque!» Я, милостивый государь мой, не стану исчислять похвальныхъ отзывовъ, въ томъ числѣ и вашихъ, о моемъ переводѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ находятся въ иностранныхъ и многихъ нашихъ журналахъ. И не оскорбляюсь тѣми ругательствами, кои мнѣ угодно злобнымъ и немысленнымъ чадамъ Аполлона меня огорчать за трудъ, можетъ-быть достохвальный, или по крайней мѣрѣ полезный, какъ то говорить и г. Грець при объявленіи о моемъ переводѣ 1824 г., не помню въ какомъ мѣсяцѣ, журнала своего, называсяго «Сынъ Оте-

чества». Я знаю, что «Московский Телеграфъ» не въ состояніи судить не только о заведомателѣ французскаго парнаса, ниже обо мнѣ. Его заключенія основываются почти всегда на пристрастіи. Выдержки сего безтолковаго оракула, особливо относительно меня, непростительны; дерзость — не остроуміе, пасквиль — не критика, глупая эпиграма или насмѣшка — не доказательство. Вы сами, какъ начальникъ, ему этого не дозволите. И безъ сомнѣнія воспрепятствуете нахальному сыщику говорить съ тономъ прорчѣнія о поэмѣ дидактической, чья бы она нибыла. Посему покорно прошу наше превосходительство въ жетинное одолженіе мнѣ и самой литературѣ, въ себѣ призывавъ г. издателя «Телеграфа», воспретить ему отнынѣ впредь касаться глупыми насмѣшками до моего лица и до моихъ сочиненій. Но васъ прошу, какъ начальника, объяснить ему, сколько его поступки дерзостны и неозвонительны. Я долгое время терпѣливо сносилъ неслѣпыя его шутки и недавно еще улыбался только и сожалѣлъ объ отзывѣ его (Полевого) относительно моего «Пятиколоснаго колоска». Но теперь, желая поставить ковецъ неистовой дерзости издателя «Московского Телеграфа», прошу ему объявить отъ моего имени однажды навсегда: что онъ неправѣ подавать мнѣ совѣта и впредь бы не осмѣлился никогда мнѣ совѣтовать.»

Дальнѣйшихъ выписокъ изъ этого письма дѣлать не для чего. Привлеченныя строки ясно говорятъ сами за себя.

Подобно тому какъ ветарину любили для подкрѣпленія своей идеи приводить цитаты изъ знаменитыхъ писателей, Хвостовъ свои письма обыкновенно подкрѣплялъ своими же стихами. Жалобу свою къ попечителю московскаго университета онъ заключилъ такимъ образомъ :

«Извините, ваше превосходительство, если я, порицаемый поэтъ господами скоморохами, выдержками, журнальными сыщиками и подобными, заключу мое отступленіе собственнымъ стихомъ моимъ, напечатаннымъ во второмъ томѣ моихъ стихотвореній въ посланіи къ *Уединенному пльцу* :

• Мнѣ право жаль его (т. е. Полевого), а незачто сердиться:
Кто Бавія уишетъ — съ разсудкомъ не бранится! »

Глубоко убѣжденный, что современники не въ состояніи его оцѣнить и что только потомство воздастъ ему должное, несчастный стихотворецъ старался однако вразумить ихъ и насильно заставить читать свои творенія. Такъ однажды на актѣ педагогическаго института, инспекторъ классовъ г. Лодій велѣлъ приготовить для почетныхъ гостей завтракъ въ особомъ залѣ. Лодій былъ весьма изу-

млень, когда, войдя въ залъ, предназначенный для завтрака, увидѣлъ на каждомъ стулѣ по экземпляру небольшой брошюрки, напечатанной на роскошной бумагѣ со стихами Хвостова. Онъ съ неудовольствіемъ поспѣшилъ собрать всѣ экземпляры со стульевъ и отдалъ ихъ швейцару.

— Что вы дѣлаете? спросилъ взволнованный Хвостовъ, стоявшій въ углубленіи окна. — Вѣдь это я нарочно старался приготовить пѣнтячскій сюрпризъ.

— Помилуйте, графъ, сердито отвѣчалъ инспекторъ: — этихъ вы можете испортить весь завтракъ.

Ослѣпленіе безталаннаго поэта, въ остальномъ человѣка здравомыслящаго и довольно хорошо образованнаго, простиралось до того, что въ 1831 году онъ, какъ членъ бывшей россійской академіи, пришолъ на одно изъ ученыхъ засѣданій, вынулъ печатную бумажку и прочиталъ слѣдующее:

«Пѣвецъ Кубры, графъ Хвостовъ, за удовольствіе себѣ поставилъ сообщить гг. членамъ, что онъ получалъ отъ г. издателя «Дамскаго журнала», извѣстнаго прозаика и поэта князя Шаликова, приватное письмо отъ 21 декабря прошедшаго года, въ которомъ между прочимъ находится, что поэтъ-князь вспрыгнулъ со стула отъ радости, узнавъ о моемъ повышеніи въ домѣ званешной русской мельпомены — княгини Гагариной (1), которая долго (удивясь прыжку) разговаривала съ нимъ обо мнѣ и наконецъ просила отписать ей поклонъ ко мнѣ. Вотъ что я отвѣчалъ, гг. члены, относительно сего предмета, на прошедшей почтѣ:

КНЯЗЮ ШАЛИКОВУ

Я, чувствуя игру россійской мельпомены,
Дивился ей въ лицѣ Мелен, Поликсены;
Узнавъ черезъ тебя привѣтствіе, поклонъ,
Я, при закатѣ дней, спѣшу на Геликонъ
Сказать: цѣню пріязнь и князя и княгини,
Но чту высоко даръ, волшебный даръ богини.»

Затѣмъ онъ почтительно поклонился всему ученому ареопагу и скромно занялъ свое обычное кресло въ залѣ бывшей россійской академіи. Чтò объ немъ подумали тогда его ученые сотоварищи-члены — незнаю, но свидѣтельство объ этомъ подвигѣ сохранилось и даже самъ Хвостовъ съ удовольствіемъ занесъ его въ одну изъ безчисленныхъ тетрадей своихъ рукописныхъ замѣтокъ и дневниковъ.

(1) Бывшая превосходная актриса Семенова.

И этот же самый поэтъ, исполненный самодовольствія и увѣренности въ безукоризненности своего таланта, несмотря на постоянныя шпильки печатныя и изустныя, на смѣхъ, который онъ производилъ однимъ своимъ появленіемъ, — не только не замѣчалъ своей комической роли въ литературѣ и обществѣ, но зло еще постигивался надъ другими бездарными поэтами, весьма хорошо замѣчая ихъ назойливость и безталанность. Чѣмъ объяснить такое противорѣчивое сцѣпленіе яснаго взгляда на поступки другихъ и совершенное непониманіе собственной вѣлѣности? Твердою увѣренностью въ самого себя и извѣстнымъ поврежденіемъ ума, свивнувшася на одной любимой *idée-fixe*.

Прочтите для примѣра стихотвореніе Хвостова: «Разговоръ сатирика съ плохимъ поэтомъ». Оно написано было имъ за два года до его смерти, въ 1832 году, слѣдовательно одной старостью нельзя объяснить выходокъ его вродѣ той, которую онъ сдѣлалъ въ российской академіи. Посмотрите какъ онъ здраво разсуждаетъ о другихъ :

Писатель дюжинный, на самохвальство щедрый,
Рифмишь сатирику однажды говорилъ :
• Ты наглою острою себѣ бѣду купилъ ;
Затѣйливый рѣзецъ твой, слишкомъ грубый, твердый,
Явить безъ устали, какъ выточеный ножъ,
Пролаза, игрова, шита и вельможъ.

Шпильныя змѣй кого печалить? •

Сатирикъ отвѣчалъ :

— Меня бранять за то, что въ дѣль попалъ,
Порока черноту какъ въ зеркалѣ казалъ ;
Но ты, который вѣкъ кадилъ и не ругалъ
(Я знаю, что тебя злословіе не жалитъ),
Скажи пожалуй мнѣ: за что

И самого тебя нитю

Ня умный, ни глупецъ не хвалить?

Стало-быть Хвостовъ, несмотря ни на что, былъ убѣжденъ, что онъ *въ цѣль попалъ*, и надо полагать, этимъ обстоятельствомъ объяснял пренебреженіе къ себѣ своихъ враговъ-современниковъ.

Разстроивъ состояніе печатаніемъ своихъ твореній и литературнымъ меценатствомъ (онъ былъ вѣдь большой меценатъ), Хвостовъ выхлопоталъ, еще въ царствованіе Александра I, временное денежное пособіе. Александръ I, знавшій его лично и познакомившій его, какъ ближайшаго родственника Суворова, съ королемъ прусскимъ Вильгельмомъ III ⁽¹⁾, далъ ему нѣсколько десятковъ тысячъ, — по

(1) Собственно поэтому Хвостовъ и павязалъ Вильгельму III свои стихотворенія.

однимъ свидѣніемъ пятьдесятъ тысячъ, а по другимъ сто. Государь далъ ему эти деньги изъ жадости, чтобъ онъ выкупилъ свое заложное имѣніе. Чтоже сдѣлалъ Хвостовъ? Жена его графиня Аграфона Ивановна обрадовалась и пристала къ мужу, чтобъ онъ употребилъ деньги на дѣло.

— Погоди, матушка, отвѣчалъ ей поэтъ : — прежде всего надо тиснуть мои сочиненія новымъ изданіемъ.

и Говорять, что онъ такъ и сдѣлалъ, хотя положительныхъ фактовъ на это въ его бумагахъ не находится. Такой вопросъ былъ слишкомъ щекотливъ для поэта, и хотя онъ съ мелкою кропотливостью записывалъ для потомства каждое малѣйшее обстоятельство своей жизни, вродѣ того напримѣръ, какъ онъ печально упалъ на рѣшетницѣ Большого-театра, и какую сказалъ при этомъ остроуту, и какъ подымалъ его Каратыгинъ, — но осторожно обходилъ неприятный вопросъ : кто покупатели его сочиненій? и отмѣчалъ только въ своихъ дневникахъ : «въ типографію такую-то заплатить столько-то»; «къ архіерею такому-то отправлено 20 экземпляровъ перваго моего тома, вновь перепечатанаго» и т. д.

Въ очевидныхъ фактахъ, которые могли бы навести на мысль Хвостова о его бездарности, недостатка не было. Державинъ прямо смѣялся надъ нимъ и при каждой встрѣчѣ обходился съ нимъ далеко вецеремоннымъ образомъ. Вотъ письменное доказательство, письмо Державина къ Хвостову :

«Милостивый государь мой, графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Почтенное вашего сіятельства письмо и при немъ стихотворное ваше сочиненіе *въ честь сыновъ Европы*, три экземпляра, мнѣ въ удовольствіе получить и прочесть. Вы уже кажется начинаете думать о старости, что напоминаете о ней, а вслѣдствіе того локучаетесь и избѣгать рифмамъ. Хотя это красоты вашихъ мыслей не убавляетъ, но мы привыкли въ васъ чтить благозвучіе, то кажется и недостасть чего-то въ ухѣ. Но вы еще не такъ стары, поэтъ, и я увѣренъ, что юность ваша ободрится яко орля, и вы полетите въ страны превысренія, такъ что и глазомъ не достигнете!» (1).

Хвостовъ переплетаетъ это письмо, заноситъ его въ свою учебную перепіску и собственноручно приписываетъ такую замѣтку :

«Славный поэтъ Державинъ забылъ, что рифмы совсѣмъ посто- ронняя вещь отъ благозвучія : Гомеры, Виргилии, Тассы, Данты (послѣдніе большею частью) писали безъ рифмъ. Нынѣ трагедія и

(1) Письмо это писано изъ Званки, 1815 г. и Державинъ въ пику самодовольному Хвостову прибавляетъ : «я не могу ничего кропать, сажу въ нарочитой скукъ, читая только чужіе журналы».

поэмы отвергаютъ рифмы; обычай подражательной французской поэзіи ввелъ у насъ рифмы. Миѣ кажется, что Гаврило Романовичъ хлопочеть о пустомъ и ошибается въ своемъ подположеніи или гипотезѣ: царь Давидъ, Исаія пророкъ, Гомеръ и Виргилій писали безъ рифмъ.»

Записавъ въ памятную книжку, что Державинъ не поднимаетъ его и *хлопочеть о пустомъ*, Хвостовъ, любившій хвалить всѣхъ и cadaго, съ мыслью, чтобъ и они въ свою очередь его хвалили, написалъ Державину огромное, раболѣвное письмо. Онъ увѣдомилъ, что преосвященный Евгений проситъ великаго и славнаго Державина написать свою біографію. Державинъ отвѣчалъ:

«Милостивый государь мой, графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Сейчасъ получилъ письмо вашего сиятельства, отъ 15 текущаго мѣсяца; усерднѣе за оное благодарю. Изъ него я вижу, что преосвященный Евгений новгородскій требуетъ моей біографіи. Охотно желаю познакомиться съ симъ почтеннымъ архимастыремъ. Буду къ нему писать и попрошу его къ себѣ, чрезъ 30 вереть отъ Званки, можетъ-быть и удостоитъ посѣтить меня въ моей хижинѣ; тогда переговорю съ нимъ о сей матеріи лично: ибо не весьма ловко самому о себѣ класть на бумагу, а особливо въ некоторые анекдоты, въ жизни моей случившіеся. Касательно же литературы, то по случаю и мимоходомъ въ некоторые краткія черты сообщилъ я гг. Пушкиннѣмъ. Современемъ дополнить можно, а вамъ вотъ что скажу:

Кто велъ его за Гелікошъ

И управлялъ его щаги?

Не школъ витѣйственныхъ содомъ —

Природа, нужда и — враги.

Объясненіе четырехъ сихъ строкъ составляетъ исторію моего стихотворства, причины онаго и необходимость.»

Ничего не найдя въ такомъ отвѣтѣ для себя утѣшительнаго (а этого только и ждалъ Хвостовъ), щедро расточивъ похвалы Державину, онъ однако здѣсь въ реестръ полученныхъ писемъ такую записку: «получилъ письмо отъ знаменитаго Державина со стихами, что его за Гелікошъ повелъ природа, нужда и враги».

Подражать Державину было любимую мыслью Хвостова. Такимъ образомъ написалъ онъ много одъ, въ томъ числѣ и оду *Богъ, Вельможу* и друг., заимствуя даже самыя заглавія у Державина. Одинъ разъ, перепечатавъ свои оды на отдѣльныхъ листкахъ, онъ разослалъ каждому своему знакомому по одной одѣ, и въ числѣ другихъ Державину, Бекендорфу и Карамзину. Самолюбивый Державинъ не удостоилъ его никакимъ отвѣтомъ и только грозился жало-

ваться государю на дерзость и литературное ворство Хвостова, а Карамзинъ, какъ человекъ вѣжливый, нелюбившій никакого огорчать, наскоро отвѣчалъ:

«Искренно благодарю ваше сіятельство за обязательное письмо и за доставленіе мнѣ оды, достойнаго произведенія вашей музы... Съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчаю прекрасные стихи: три послѣдніе во второй строфѣ; два первые въ пятой; седьмой, осьмой и девятый въ шестой; шесть послѣднихъ въ седьмой; два послѣдніе въ восьмой, и средніе въ десятой. Вотъ какъ надобно писать нашимъ стихотворцамъ: учитесь ихъ.»

Хвостовъ ломаетъ голову: отчего Карамзину понравился десятый стихъ, а не девятый? почему онъ забылъ третій и чѣмъ же нехорошъ четвертый стихъ? Онъ не хочетъ понять, что Карамзинъ написалъ на удачу первый попавшійся ему цыфры, желая только успокоить назойливаго поэта, требовавшаго самой строгой критики на то, что ниже всякой критики.

Еще въ 1811 году Хвостовъ написалъ оду «*На построеніе Казанскаго собора*», по обыкновенію своему поднесъ ее государю, но скоро получилъ много писемъ безъ подписи такого содержанія:

Для храма новаго явилось ново чудо:
Хвостовъ скрываетъ стихи — я, говорять, нехудо.

Въ 1825 году архангельскій губернаторъ С. И. Миницкій, по ходатайству министра просвѣщенія Шишкова, испросилъ позволеніе у Александра I открыть подписку на сооруженіе памятника Ломоносову. Хвостовъ тотчасъ сочинилъ оду и напечаталъ въ томъ же году. Покупателей разумѣется не нашлось, но Хвостовъ, желая доказать, какъ успѣшно его ода расходуется, прислалъ три тысячи рублей сереб. на памятникъ, заявивъ официальнымъ письмомъ, что въ прибыль отъ распродажи его оды.

По поводу этой оды тотчасъ появилась новая сатира:

Великій Ломоносовъ вашъ обижень,
Но ликъ его Хвостова одой не принижень.

По поводу другой какой-то оды Хвостовъ получилъ въ собственныя руки, по почтѣ, слѣдующую эпиграму, написанную барономъ Дельвигомъ:

Въ стихахъ Хвостова пользы три:
Читай, зѣвай и... въ печкѣ жги.

Въ 1828 году онъ написалъ стихи «*На выступленіе полковъ събѣ-твардіи изъ С. Петербурга*» и послалъ ихъ генералъ-лейте-

ниту Бекендорфу, для поднесенія государю Николаю Павловичу. (Вручать свои стихи высочайшимъ особамъ было страстью Хвостова и въ продолженіе четырехъ царствованій — Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая — онъ не отступалъ отъ этого права.) Вышесказанные стихи были конечно приняты, но и тутъ стихотворцу досталось отъ рукописной критики (печатныхъ критикъ на него почти не писали), и въ обществѣ скоро распространилось слѣдующее шестистишіе :

Подзобокъ на груди и подоткнувъ колѣна (!),

Нашъ Бавій говорить: «и я теперь пѣять!»

Ему на то отвѣтила Камена :

— Ты пошлый Бавій, а не Свѣтъ,

И всѣхъ твоихъ стиховъ статьи

Пойдутъ въ примѣръ галиматъи.

По поводу седьмого тома стихотвореній Хвостова, вновь перепечатанаго и разосланаго ко всѣмъ сильнымъ и несильнымъ міра сего, досужіе зомы ухитрились сунуть прямо въ карманъ поэта ни-же слѣдующее двустишіе :

Пегась отъ тяжести лирическихъ стиховъ

Вадохнулъ, натужился — и выскочила Хвостовъ.

Въ числѣ гонителей для Хвостова самымъ неприятнымъ и страшнымъ былъ издатель «Благонамѣреннаго» Алек. Ефимов. Измайловъ. Нашъ Дмитрій Ивановичъ долго не могъ переварить его сатиры: «Пѣть и чортъ», и очень хорошо зналъ, что она написана на него. Когда Измайловъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Тверь на службу, Хвостовъ кадилъ ему письменно, а между тѣмъ съ очевиднымъ наслажденіемъ не записывалъ въ свой реестръ полученныхъ писемъ :

«Изъ Твери пишутъ, что отъ Измайлова («Благонамѣреннаго») бѣгаютъ какъ отъ чумы.»

Между тѣмъ это былъ совершенный вздоръ: Измайлова, бывшего вице-губернаторомъ въ Твери, всѣ любили, какъ даровитаго писателя, прямого, честнаго человѣка и весьма дѣльнаго провинціального администратора.

Хвостова постоянно тревожило и интересовало, не написалъ ли чего-нибудь новаго тверской вице-губернаторъ на его особу. Неугомонный корреспондентъ Хвостова, Петръ Лялинъ, сообщалъ ему аккуратно всѣ сплетни.

(¹) У Хвостова отъ старости сдѣлалось на подбородкѣ что-то вроде зоба, отчего фигура его представляла комическій видъ, съ опущеною головою на грудь и съ вѣчно согнутыми колѣнами.

«Ваше сіятельство требуетъ отъ меня стишковъ г. Благонамѣреннаго. Тѣ, которые до меня дошли, при семъ прилагаю, а другіе постараюсь достать. Смѣю быть увѣреннымъ, что они не повредятъ вамъ. Вашъ образованный вкусъ отвергнетъ презрительныя плоскости, кои иназлектризованы сатирическія сочиненія нашего г. Благонамѣреннаго. Сегодня, въ воскресенье, я видѣлся съ нимъ въ городскомъ саду, ваше сіятельство. Онъ прогуливался важно, окруженный своимъ семействомъ, и съ увѣренностью автора замѣчалъ, что будто въ тверскихъ жителяхъ, особливо въ благородныхъ, нѣтъ жизни! Г. Измайловъ править теперь должность гражданскаго губернатора и, къ удивленію, съ этимъ прекраснымъ девизомъ заставилъ себя бояться. Въ духовъ день едва онъ показался въ воксалъ и всѣ немедленно начали разъѣзжаться оттуда; причина этому, какъ сказываютъ, сатирическое его перо, которое чертитъ въ карикатурномъ видѣ портреты нашихъ оригиналовъ. Я просилъ его прочесть мнѣ послѣднія его произведенія и онъ мнѣ далъ слово.»

Измайловъ, а по другимъ указаніямъ Милоновъ, передернулъ Хвостова слѣдующими стихами :

Я видѣлъ какъ стихи, валяясь на прилавѣ,
У лавочниковъ шли оберткой на булавки,
И видѣлъ: съ семгою обнявшійся судакъ
Въ твоихъ твореніяхъ, сказалъ — что ты дуракъ.

Пушкинъ по поводу объявленія о третьемъ изданіи сочиненій Хвостова, не оставилъ безъ вниманія такого курьознаго явленія и написалъ :

Нашъ русскій Буало, Корнель и Флакъ,
И баснословъ, и драматургъ, и лирикъ !
На, вотъ тебѣ и панегирикъ :
Тѣ были умные, а ты дуракъ. (!)

Всѣ приведенныя нами эниграммы писались бытъ-можетъ ирра- другихъ обстоятельствахъ и другими лицами, но достаточно ясно, чтобъ придти къ заключенію, что для Хвостова существовала особенная, летучая критика, достигавшая до него скорѣе печатной. Едвали кто изъ русскихъ поэтовъ, не выключая и самого Тредьяковскаго, былъ такъ гонимъ общественнымъ мнѣніемъ, какъ онъ. Значитъ заблуждаться насчетъ своей гениальности ему не было никакой возможности. Между тѣмъ ничто не могло остановить пяти-

(!) Эниграмму эту и всѣ остальные, приведенныя выше, сообщилъ намъ Кон. Ив. М—въ, современникъ и короткій знакомый графа Хвостова.

чешкой его дѣятельности. Извѣстная эниграма Воейкова не въ всего достигла своей цѣли :

— «Ты, Хвостовъ!» къ нему дошедши
Вскрикнулъ я: «тебѣ-ль здѣсь быть?
Ты дуракъ — не сумасшедшій,
Тебѣ не съ чего сходить!»

На глазахъ сего Хвостова затѣлось, и потомъ издавалось, «Собраніе образцовыхъ сочиненій». Издатели были люди коротко знакомые ему, изданіе — громадное по размѣрамъ, въ восемнадцати томахъ, куда вошли, какъ бласть, стихи и проза всевозможныхъ бездарныхъ авторовъ; одного несчастнаго Хвостова не напечатали ни строчки. Такое явное, гласное пренебреженіе обидѣе всего было для старика. Онъ заболѣлъ и съ огорченіемъ писалъ къ П. И. Грему :

Ахъ, неисключая Цицерона,
Мила для всѣхъ лавровая корона!

По истинѣ, трагическое было положеніе несчастнаго стихотворца. Вездѣ и всюду ему ясно говорили, что онъ бездаренъ, что ему писать неслѣдуетъ. Онъ готовъ былъ кажется отлатъ всю жизнь, чтобъ хотя одна строка его стиховъ попала въ «Собраніе образцовыхъ сочиненій» — и тутъ отказъ. Онъ разстроилъ свое состраданіе на перепечатку сочиненій своихъ, на цокровительство русскимъ журналамъ — и тутъ одни оскорбленія и насмѣшки. Этого мало: Суворовъ, близкій родственникъ Хвостова, умершій на его рукахъ и въ его домѣ, Суворовъ, котораго онъ обожалъ до фанатизма, печатно сердясь, что Полевой и князь Вяземскій не называютъ его полубогомъ, — этотъ Суворовъ нанесъ смертельный ударъ несчастному поэту.

— Митя, сказалъ онъ ему передъ смертью: — ты доброй души человекъ, но не пиши, братецъ, стиховъ. Охота быть тебѣ посмѣшищемъ!

Чѣмъ же объяснить эту неукротимую страсть къ авторству? Вопросъ этотъ чисто-психологическій, достойный вниманія по своей рѣдкости.

Не надо думать, что на Хвостова не дѣйствовали никакія сатиры и софты. Это опровергаетъ уже одно то, какъ старательно злобствовали на Измайлова, Полевого, Воейкова, Пушкина. Титломъ поэта онъ болѣе гордился, чѣмъ своими званіями, а именно: званіемъ оберъ-прокурора въ синодѣ, потомъ чиномъ тайнаго совѣтника и сенатора, словомъ тѣми отличіями, благодаря которымъ онъ

принять былъ при дворѣ и имѣлъ значеніе въ петербургскомъ обществѣ. Съ одной стороны такое воззрѣніе на значеніе писателя дѣлаетъ ему честь, потому что оно доказываетъ, что Хвостовъ природный, внутренній достоинства человека ставилъ выше внѣшнихъ достоинствъ вообще. Какъ сенаторъ и сильный человекъ по своимъ аристократическимъ связямъ, Хвостовъ былъ образцомъ для другихъ господъ, находившихся въ его положеніи: онъ былъ скромнень, учтивъ, помогалъ всякому, давалъ мѣста по преимуществу образованнымъ людямъ и не любилъ чиновническаго низкокочловства. Это свидѣтельствуютъ единогласно тѣ оставшіеся въ живыхъ его современники, которые служили вмѣстѣ съ нимъ. Въ дѣлахъ судебныхъ онъ, какъ сенаторъ, отличался, кромѣ честности, здравымъ пониманіемъ самыхъ сложныхъ вопросовъ и большимъ радѣніемъ къ своимъ сенаторскимъ обязанностямъ. Онъ составлялъ даже проекты, нелишопные практическаго смысла и пониманія дѣйствительности, какъ напримѣръ объ искорененіи нищенства въ Россіи, о распространеніи элементарныхъ юридическихъ познаній русскихъ законовъ. Покойному своему сыну онъ написалъ на французскомъ языкѣ весьма умное наставленіе, какъ долженъ вести себя молодой человекъ за границею, не забываясь объ однихъ пустыхъ удовольствіяхъ, но стараясь по преимуществу образовывать себя науками и выработать чувство чести и человеческого достоинства.

Но тутъ-то психологическая загадка и усложняется: отчего же этотъ далеко неглупый человекъ, образованный и честный, забывалъ всякое человеческое достоинство, унижаясь передъ такими людьми, какъ напримѣръ Воейковъ, и даже въ обществѣ снисходительныхъ своихъ друзей Жуковского, Ал. Ив. Тургенева, заслужилъ репутацію наглеца и падшаго во всѣхъ отношеніяхъ человека, на котораго ни въ чемъ нельзя положиться?

Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, надо предложить сперва другой: вѣроятно же были причины, или люди, пользовавшіеся простою и слабостью Хвостова, кадившіе ему и увѣрившіе, что онъ великій поэтъ?

Читатель отвергнетъ подобное предположеніе, находя слишкомъ безправственнымъ увѣрять человека, одержимаго нелѣпою до очевидности слабостью, увѣрять его, что это не слабость, а напротивъ — его великое и неотъемлемое достоинство.

А между тѣмъ были такіе люди, говорившіе Хвостову, что онъ его безсмертно и не умретъ въ потомствѣ, что его не признаютъ изъ одной лишь зависти. Разумѣется это нисколько не оправдываетъ Хвостова; отъ этого онъ нисколько не дѣлается ни лучше, ни хуже. Здѣсь любопытно только то, какъ люди умѣютъ пользоваться ка-

ждою страстью и слабостью ближняго, даже тѣмъ, если онъ пишетъ глупые стихи.

Послушайте какія стихотворныя посланія получалъ Хвостовъ при письмахъ, гдѣ просить у него чина, ордена, или мѣста, съ умѣреніемъ, что нижеслѣдующіе стихи есть сущая и величавѣйшая правда :

КЪ ПОРТРЕТУ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВА ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ХВОСТОВА

Блаженъ, кто тайну разгадалъ
 Плънять сердца, тревожить чувство,
 Чей смѣлый геній сочеталъ
 Съ талантомъ рѣдкое искусство!
 О, какъ завидѣвъ твой удѣлъ,
 Пѣвецъ Кубры, пѣвецъ природы,
 Баяно-россъ! Ты звучно плъгъ
 И плъснь любви, и громки оды!
 Ты славилъ дружбу и царей,
 То плъженъ былъ какъ соловей,
 То вдругъ плъвницы мирной струны
 Превращались въ перуны.
 Поешь — и живо предъ собой
 Я вижу яркія картины:
 Сады роскошны надъ рѣкой,
 Чертоги фей, златыя нивы,
 И твой волшебный Петергофъ
 Чудесный памятникъ вѣковъ,
 Гдѣ солнце златомъ всюду блещеть,
 Самсонъ хрусталь прозрачный мечеть
 И грозная пучина волъ
 Грозитъ пожрать земли оплотъ;
 На землю съ воздуха катится
 Алмазь и жемчугъ дорогой,
 И снова кверху бьетъ рѣкой,
 И въ брызгахъ о помощь дробится;
 Гдѣ вдохновенія предметъ
 Тебѣ твердить, что ты поэтъ!
 Безвѣстенъ я! но нѣтъ забвеній,
 Чтобъ не плънить твоихъ твореній,
 Плънковъ завистливый предметъ
 Ихъ плънить вѣкъ, ихъ плънить свѣтъ!
 Объ нихъ съ отрадою услышнть
 Потомство будущихъ сыновъ, —

И слава имя твое напишетъ,
Въ скрижали завѣтную вѣковъ!

Вамъ странно, что Хвостову серьезно писалась такая посланія, какія не удостоивались получить при жизни ни Пушкинъ, ни Гоголь? Но эта пошлая лесть подѣйствуетъ на васъ еще неприятнѣе, если вы будете знать, что перомъ панегириста руководила задняя мысль — выслужиться у графа, завскасть его протекцію.

Обратимъ вниманіе на хвостовскихъ панегиристовъ. Во главѣ ихъ стоятъ: князь П. И. Шаликовъ, издатель «Дамскаго журнала»; Щедритскій, адъюнктъ московскаго университета; Рындовскій и Городчанинъ, профессора казанскаго университета; Духовской, Машковъ и Макаровъ.

Эти люди другъ передъ другомъ жужжали въ уши плохому рифмоплету-сенатору, что онъ краса русской литературы. Рифмоплеть-сенаторъ сначала чувствовалъ, что хвалители его заходятъ черезчуръ далеко — и въ тоже время глоталъ грубую ихъ лесть съ жадностью. Слыша непрерывныя увѣренія, что похвалы ихъ, — похвалы не велицеприятной дружбы, а голосъ самой истины, Хвостовъ сначала скромничаетъ, а потомъ принимаетъ все какъ должное. Рындовскій проситъ порадовать объ немъ у министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ некраснѣя прибавляетъ:

«Превосходныя творенія пера вашего означены печатью великаго гевія. Они были и останутся образцовыми произведеніями языка боговъ. Послѣднія стихотворенія вашего сіятельства, которыми вы удостоили подарить и меня, отличаются прелестью, выразительностью, силою; я съ душевнымъ удовольствіемъ перечитываю ихъ и осмѣливаюсь, со всѣми истинными цѣнителями русской словесности, противорѣчить скромному мнѣнію вашему о себѣ, что для гевія вашего парнасъ будто высокъ, утесистъ, скатокъ: нѣтъ, ваше сіятельство! для вашего окрыленнаго духа провасти, утесы и стремнины не могутъ положить преграды; вы имѣете дивную способность созидать, одушевлять, украшать.»

Трудно допустить, чтобъ это писалъ ученый профессоръ отъ души; тѣмъ болѣе допустить этого невозможно, что въ то время извѣстны уже были всѣмъ стихи Жуковскаго, Батюшкова и Пушкина. Между тѣмъ профессоръ говоритъ съ такимъ азартомъ — по поводу чего бы вы думали? По поводу хвостовскаго «Посланія Ломоносову о рудословіи». Достаточно привести начальные стихи изъ этого *рудословія*, чтобъ убѣдиться, что у профессора умыселъ другой туть былъ:

Народа славнаго пѣвецъ рожденный къ чести!
Тебѣ куреніе не прикоснется лести.

Доколь времени ты подъ державой жилъ,
 Явля съ юныхъ лѣтъ къ полезному несытость,
 Любя его, искалъ Россіи знаменитость.
 То мало: счастье враждебныхъ странъ устроилъ.
 Гонимыхъ защитилъ, страдающихъ покойлѣ,
 И, свыше опблченъ, пространство пролеталъ,
 А по елбдамъ нѣтъ душистые металъ, и т. д.

«Кого не восхититъ прекраснѣйшее посланіе ваше къ Ламондосову о рудословіи? пишетъ Хвостову Рындовскій: — оно богато, ясно, выразительностью и пѣвнательнымъ разнообразіемъ поэтической живописи; но есть нѣкоторыя отличительнѣйшія мѣста, ознаменованныя неизгладимою печатью сѣвернаго барда... ваше сіятельство сами лучше всякаго другого знаете сіи такъ-сказать чудесныя мѣста: ихъ нельзя читать безъ восторга, нельзя не восхищаться ими!»

Князь Шадиковъ, по бездарности превосходившій самого Хвостова, — что не мѣшало ему однако въ лести опережать всѣхъ покровительныхъ поклонниковъ Хвостова — по крайней-мѣрѣ не хитрала и приступалъ къ дѣлу проще профессора Рындовскаго. Онъ изъ Москвы прислалъ такъ:

«Почтеннѣйшій благодѣтель,
 милостивый государь
 графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Дозвольте, почтеннѣйшій благодѣтель, мнѣ снова прибѣгнуть къ вашему неисчерпаемому великодушію — вотъ вслѣдствіе какого случая:

«Разсматривая черты лица вашего новаго портрета, который, при новомъ литературномъ подаркѣ отъ васъ, часто бываетъ передъ нашими глазами, я воскликнулъ однажды: «какая милая, добродушная физиономія у графа! все показываетъ въ ней человека мыслящаго и чувствующаго благо!» Жена и дѣти, окружающія меня, въ сію минуту, раздѣлили со мною удовольствіе разсматривать черты лица нашего благодѣтеля. Наконецъ первая, т. е. жена, въ свою очередь воскликнула: «для чего ты не попросишь графа... о чинѣ? Щедритскій чрезъ ходатайство нашего постоянного милостивца получить же чинъ коллежскаго асессора: вѣрно и тебѣ не откажетъ въ новой милости». И я произнесъ: буду просить!

«Жребій брошенъ — и вотъ новая просьба къ моему единственному меценату, который не умѣетъ казаться таготаться просьбами. Но довольно для моего мецената и справедливаго судьи; стану ожидать благихъ дѣйствій его на министра.»

И точно, дѣйствія мецената-поэта оказались благими для журна...

листа и переводчика «Исторіи Генриха IV», князя Петра Ивановича Шаликова: онъ тотчасъ началъ хлопотать о желанномъ чинѣ.

Въ одномъ изъ безчисленныхъ писемъ своихъ къ Хвостову Шаликовъ говоритъ:

«Такъ, почтеннѣйшій благодѣтель мой и Щедритскаго, мы взглянемъ тѣмъ яны нашей, съ вашими пятьми томами въ рукахъ. Я замѣтилъ почти всѣ пьесы, вами замѣченныя, при извѣстіи о пятомъ томѣ. Я желалъ бы видѣть еще пятнадцать томовъ вашихъ, но скажу, что нельзя удачѣе дополнить свои сочиненія: этотъ томъ отличается какою-то особенною свѣжестью, несмотря на нѣкоторыя неновыя пьесы: онѣ всегда будутъ новы своимъ колоритомъ. Я утомялъ моего милостивца! Простите великодушно.»

Въ другомъ письмѣ Шаликовъ говоритъ:

«Какъ я радъ, почтеннѣйшій благодѣтель и меценатъ мой, что вамъ пріятенъ разборъ Щедритскаго о вашемъ пятомъ томѣ. Другого разбора не могло быть отъ сего умнаго, ученаго и, что всего важнѣе, прекраснаго молодого человѣка. Ободренный милостивыми вашими, посылаю восемь билетовъ на свой журналъ для будущаго уже года. Въ 22 номерѣ моего журнала мой единственный меценатъ увидитъ собственныхъ чадъ своихъ, присланныхъ имъ самими и полученныхъ мною отъ А. А. Волкова. Благодарность моя, вопреки обыкновенному ходу вещей, возрастаетъ болѣе и болѣе, и не перестанетъ возрастать доколѣ не скажетъ природа моему существу: «разрушьясь!»

Щедритскій съ своей стороны не отставалъ отъ Шаликова; у нихъ происходило даже соревнованіе, кто возьметъ перевѣсъ надъ сенаторомъ—повтомъ.

«Насавши разборъ на пятый томъ вашихъ сочиненій, — сообщаетъ Щедритскій — я угадалъ вашу мысль, какъ видѣлъ это изъ послѣдняго вашего письма ко мнѣ: я разсматривалъ васъ особенно какъ нравственнаго поэта, зная совершенно, что сердце ваше чисто. Разборъ мой вамъ понравится, ибо писанъ справедливо и безпристрастно. Доложу вамъ, что я нападалъ къ своему разборѣ на романиковъ, нынѣшнихъ модныхъ писателей, любимцевъ «Телеграфа», и противопоставалъ имъ, съ самой лучшей стороны, ваши сочиненія. По ходатайству вашему дѣло о мнѣ въ университетѣ кончилось успѣшно: я избранъ въ адъюнкты, но не лишите, ваше сіятельство, милостиваго участія: я желаю, чтобы я утвержденъ былъ бы министромъ съ полнымъ окладомъ и другими выгодами, принадлежащими университету. Слѣдовательно отъ власти высшаго начальства будетъ зависѣть предписать университету добавить мнѣ жалованье изъ экономической суммы. Пріятель мой Анд. Из.

Его письма убивательно просили меня доставить ласкъ, вадле сіятельства, въ своемъ мѣстѣ. Еще въ упомянутой индѣ имѣлъ честь писать къ вашему сіятельству о холатайствованіи персѣванды его въ общемъ собраніи пренительствующаго сената московскихъ департаментовъ: «Принимую глубочайшую благодарность вашему сіятельству, истинному благодѣтелю ближнихъ, за вкрайнее стараніе ваше и представительство обо мнѣ передъ номѣмъ начальствомъ; съ глубочайшимъ же уваженіемъ къ знаменитому пѣвцу Кубры (1) читалъ в пятый томъ стихотвореній вашихъ; черты лица вашего, такъ сходно и живо изображенныя, останутся драгоценнымъ памятникомъ.»

Порою Хвостовъ чувствовалъ, что въ передиску его хвалителей что-то несовсѣмъ ладно. Они величали его гениемъ, знаменитымъ пѣвцомъ Кубры и т. д., а настоящіе писатели и журналы, точно сговорились, ни слова не упоминали объ немъ. Самъ Хвостовъ жаловался Писареву, не въ официальной, а дружеской запискѣ, что онъ въ журналахъ не бранятъ даже серьезно, а если вспоминаютъ, то всегда вскользь и съ пренебреженіемъ къ его таланту.

Въ такіа тѣмолья минуты быть-можетъ ему бросалось въ глаза то обстоятельство, что единственные его критики-хвалители, послѣ рсточениыхъ похвалъ, обыкновенно обращались съ просьбами о чинахъ, о ходатайствѣ у министровъ, объ опредѣленіи ихъ дѣловъ въ заведеніи на извѣстный счетъ. Если же онъ не доходилъ до такихъ очевидныхъ соображеній, то положительно извѣстно, что нашъ бѣсталаннѣйшій пѣнта прямо и съ неподаблѣною горечью писалъ своимъ критикамъ-хвалителямъ о томъ, что другіе критики смѣются надъ ними и печатно намекаютъ на ихъ пристрастіе.

На это онъ обыкновенно получалъ такіе отвѣты: «Зависть злоловъ всегда презрительна. — писалъ къ нему Щедринскій отъ 9 ноября 1827 г. — по сему непристойныя выдержки «Телеграфа» не могутъ погрязить славы, приобретенной трудами и дарованіями. Препровожденныя вами ко мнѣ два письма по сему предмету я читалъ съ большимъ любопытствомъ; показывалъ оныя А. О. Мерзлякову, князю П. И. Шаликову и другимъ любителямъ словесности: основательность, благородство и сила; заключающіяся въ оныхъ письмахъ, единогласно признаны всѣми; я буду хранить ихъ какъ памятники литературныхъ происшествій нашего вѣка! (2) Посланіе

(1) Въ имѣніи графа Хвостова, подъ названіемъ Слободка, протекала рѣка Кубра. Эту-то Кубру воспѣлъ Хвостовъ; хвалители его пришли въ восторгъ и съ тѣхъ поръ начали величать его пѣвцомъ Кубры.

(2) Это онъ говоритъ до новоду смѣшной жалобы Хвостова, почетелю Писареву.

же къ вамъ, сіятельнѣйшій графъ, г. Жюковскій, совѣтъ вамъ къ нему — прекраснѣе. Кроме, какъ же вы, старѣйшій членъ нашего парламента, постепенно идущій вѣрнымъ путемъ древности, можете дать класическій совѣтъ шальной и недостойной боготы, музѣ, вступающей у береговъ састадіоникъ? Кому приличнѣе, какъ же вамъ, несчастному вѣдцу, вразумить сына вольнаго бедняка, поэта, удалца слѣдующими словами:

Пѣвецъ! постигни цѣль искусства:

Славь добродѣтели потокъ,

Страстямъ, пороку дай урокъ;

Тебѣ любви высокой чувства

Откроютъ истины предѣлы.

«Какой высокій и мудрый совѣтъ, достойный небесной дщери поэзіи и земного любимаца ея! Сіи стихи ваши должны быть ключемъ къ сочиненіямъ вашимъ и эпиграфомъ похвального вамъ слова: ибо съ сей точки возвышенной надобно разсматривать дѣла и труды ваши; достигая сей цѣли, писатель становится бессмертнымъ, гражданиномъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ! Любовь высокая, добродѣтель и истина! когда и гдѣ вы умирали? И вы не умрете, сіятельнѣйшій графъ, хотя часто упоминаете о смерти. Любовь, добродѣтель, слава и истина ограждать васъ будутъ своимъ.»

Кажется, что послѣ такихъ возвышенныхъ и пламенныхъ словъ ничего не остается сказать болѣе. Но Щедритскій, «прекрасный молодой человекъ», какъ называлъ его Шаликовъ, за одинъ разъ достигаетъ двухъ цѣлей: вслѣдъ за вышеприведенными до наглости льстивыми словами онъ присисываетъ:

«Сестра моя недавно писала просьбу къ министру просвѣщенія о искодѣйствованіи ей у государя-императора пенсіона покойнаго родителя нашего, но причинѣ совершенно безденежнаго состоянія ея. Ваше сіятельство, какъ другъ человечества, примите участіе въ семъ благомъ дѣлѣ и покажите средства къ осуществленію ея охотливости. Вамъ безъ сомнѣнія извѣстно состояніе наше. Разнымъ образомъ и мое дѣло все еще помнитца на столѣ въ Петербургѣ, а мы, петербургяне ждемъ прибытія его въ древнюю столицу.»

сережу. Послѣдній, какъ ушій человекъ, не дѣлалъ никакихъ выговоровъ. Левому, а отдался отъ Хвостова экспромтомъ:

Ни въ чемъ поэту нѣтъ препонъ:

Подчасъ онъ — Аполлонъ,

И новые міры творитъ его тутъ геній!

Подчасъ такой задасть трезвопъ —

И Марсомъ онъ средь всѣхъ кровавыхъ истребленій.

Третій притиць-хвалитель, Ладить, тоже пишетъ :

«Почтотайшій мой благодѣтель! Въ доказательство вашихъ постоянныхъ ко мнѣ милостей вы столь много снисходительны, что хвалите мой акростихъ и скудный талантъ, если только можно такъ назвать минутный порывъ воображенія молодости. Акростихъ мой очень слабъ, но ваша похвала одобряетъ меня. Нимало не сомнѣваюсь, что и Пушкипу, не только мнѣ, не удастся сказать того, что вами сказано къ прелестнымъ глазкамъ идеальной вашей Кубры, и прибавлю еще, что геній Пушкина не производилъ никогда такого прелестнаго мадригала, какъ вашъ на игру представленной на благородномъ театрѣ г. Титова комедіи «Вспыльчивая жена». Какъ любитель изящнаго, люблю пламенно вашъ геній, и потому ни одно изъ вашихъ произведеній не ускользаетъ моихъ рукъ, хотя бы вы, по свойственной вамъ скромности, ничего о томъ не говорили.»

Безпрерывно выслушивая, что онъ скромнѣе, не знаетъ цѣны самому себѣ, Хвостовъ, отъ природы робкій и осторожный, дѣлается самоувѣреннымъ. Самолюбіе его, и безъ того значительное, раздувается. Онъ наконецъ начинаетъ самъ величать себя пѣвцомъ Кубры, маститымъ поэтомъ, приводитъ свои собственные стихи какъ непреложный текстъ, пишетъ къ гр. Боргу и почти требуетъ, чтобъ сдѣлали внимательный разборъ его твореній на нѣмецкомъ языкѣ въ «Дерптскихъ Лѣтонисяхъ». «Въ Россіи — пишетъ онъ — нѣтъ критики; но я не могу жаловаться на похвалы иностранныхъ литераторовъ и нѣкоторыхъ честныхъ русскихъ знатоковъ и любителей.»

Небудучи отъ природы ни наглымъ, ни самоувѣреннымъ, Хвостовъ все еще роншаетъ и заискиваетъ расположенія у всѣхъ новыхъ литературныхъ знаменитостей. Отъ этого онъ кажется только смѣшнымъ старикомъ, но далеко не такимъ жалкимъ и слѣпымъ по своему комическому заблужденію, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Клянясь Пушкину и Баратынскому, онъ въ то же время невольно припоминалъ фразы своихъ хвалителей, вродѣ знаменитой фразы Щедритскаго : «вы безсмертный писатель, гражданинъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ», или же напечатанные къ нему стихи князя Шаликова : «*Пой, пой Гораций, Меценатъ!*» и краснорѣчивое письменное увѣреніе Е. Ладина, что Пушкинъ не знаетъ склоненій и падежей, и что ему, при всемъ его геніи, надо научиться красотѣ стиха у пѣвца Кубры.

При необузданной страсти къ стихотворству и гоньбѣ за литературную славою, дѣлается совершенно понятнымъ, что похвалы корыстныхъ критиковъ сдѣлали наконецъ ничего незначащими и

безсильнымъ въ глазахъ Хвостова всеобщее порицаніе другихъ. Тутъ и кроется главная причина того невѣроятнаго осмѣленія и непоколебимаго убѣжденія Хвостова въ своемъ собственномъ чести, которое было бы невозможно при другихъ, болѣе честныхъ литературныхъ отношеніяхъ.

Въ петербургскомъ литературномъ кружкѣ смотрѣли на Хвостова какъ на забавнаго старика, а на остальную его жизнь не обращали никакого вниманія. Но въ Москвѣ смотрѣли иначе: московскіе литераторы знали, что онъ добрый и честный сенаторъ; растратилъ все состояніе на печатныя глупости, живетъ бѣдно и грязно для своего положенія, и кромѣ того сдѣлался жертвою людей, столько же бездарныхъ, какъ и онъ, но далеко уступавшихъ ему въ нравственныхъ качествахъ. Въ Москвѣ прямо говорили, что Хвостовъ не беретъ взятокъ въ сенатѣ, но самъ даетъ взятки за литературныя похвалы и содержитъ на жалованьи нѣкоторыхъ господъ.

Москвичи издавна любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Они хотя скверно ведутъ свои собственныя, но любятъ открывать глаза другимъ. Это скорѣе ихъ достоинство, чѣмъ порокъ. По теоріи такого воззрѣнія надо было ожидать, что дѣло графа Хвостова рано или поздно разыграется большимъ скандаломъ.

Такъ и случилось.

Нѣкоторые изъ членовъ общества любителей россійской словесности начали поговаривать, что надо исключить изъ своего состава князя П. И. Шаликова, какъ человѣка, берущаго взятки за свои рецензій съ графа Хвостова. «Это — сказалъ Раичъ, переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима» — наносить безчестіе всей русской литературѣ; довольно и того, что въ Петербургѣ занимается этимъ, говорить, Булгаринъ.»

Никто не рѣшался однако публично поднять такой щекотливый вопросъ. Одно обстоятельство ускорило дѣло и буря, чуть не кулачная, разыгралась 1827 года въ залѣ московскаго университетскаго правленія. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ самъ Шаликовъ, просія уничтожить его письмомъ и сохранить все въ тайнѣ:

«Почтеннѣйшій благодѣтель

графъ Дмитрій Ивановичъ.

«Рѣшаюсь увѣдомить ваше сіятельство о приключеніи, въ которомъ я долженъ былъ явиться вашимъ рыцаремъ, — увѣдомить не для того, чтобы похвалиться исполненіемъ священной обязанности, но чтобы предупредить слухъ, могущій до моего высшаго начальства невѣрнымъ и повредить мнѣ.

Итакъ — въ первое засѣданіе общества россійской словесности,

быдше 7 сентября, подъ предсѣдательствомъ Ф. Ф. Кодошкина, сей послѣдній отирылъ собраніе, состоящее изъ однихъ только дѣйствительныхъ членовъ, чтеніемъ вашего литературнаго письма, въ которомъ вы упоминаете о письмѣ своемъ къ М. А. Дмитріеву, объ отвѣтѣ его и проч. По окончаніи чтенія предсѣдатель обращается къ Дмитріеву съ вопросомъ, на который Дмитріевъ сказалъ, что все содержаніе вашего письма состоитъ въ согласіи вашемъ на всѣ его мысли и мнѣнія, изложенныя въ сочиненіи, подавшемъ доводъ къ перепискѣ вашей, и поспѣшилъ прочитатъ свой отвѣтъ.

«— Все это надобно предать печати, сказалъ я, — ибо относится къ вашей словесности.

«— Покрайней-мѣрѣ я не напечаю моего письма, сказалъ Дмитріевъ.

«— Для чего же? спросилъ я.

«— Для того, отвѣчалъ онъ, — чтобъ не заставить думать, будто я, какъ многие, въ перепискѣ съ графомъ Хвостовымъ.

«Я. Къ чему такое презрѣніе?

«Онъ. Именно презрѣніе...

«Я. Графъ Хвостовъ не заслуживаетъ этого, какъ мужъ, достойный всякаго уваженія.

«Онъ. Да уже вы довольно хвалите его въ своемъ журналѣ!

«Я. И буду всегда хвалить, и буду всегда вступаться за графа.

«Онъ. Это не дѣлаетъ вамъ чести.

«Я. Напротивъ того; но безчестно поносить честнаго человѣка!..

«Онъ. Вы хвалите его за пятьсотъ рублей; того ли вамъ хотѣлось?

«Все это говорено было черезъ столъ, за которымъ сѣдѣли, въ первыхъ предсѣдатель, во вторыхъ члены: А. Ф. Мерзляковъ, Аксаковъ, Побѣдоносцевъ, Загоскинъ, Раичъ, Писаревъ (А. И.), Макаровъ, Волковъ; Каченовскій пріѣхалъ послѣ роковыхъ словъ Дмитріева.

«Я. умолкъ. Но когда дѣла ваши кончились и всѣ встали, я подошюкъ къ нему и спрашиваю: о какихъ пятистахъ говорилъ онъ?

«Онъ. Да отойдите отъ меня.

«Я. Нѣтъ, я подойду еще ближе.

«Онъ. Что вы пристааете, какъ лихорадка?

«Я. Я вгоню тебя въ горячку, подлый человѣкъ!..

«И сталъ ругать его нещадно; и нечего тайтъ, еслибы не стандалились между нами свидѣтели происшествія, то у него слетѣли бы съ носа очки. Мнѣ говорили о зеркалѣ, котораго я, какъ не очень была освѣщена комната, и не замѣтилъ; о томъ, что это зала уни-

верситетскаго правленія; но человекъ, разоблаченный сильнѣйшимъ образомъ, могъ ли слышать что-либо иное, кромѣ самого себя?

«— Если Шаликовъ остается въ общество, я прошу выпустить меня, сказалъ подлый человекъ.

«— Ты и недостойнъ быть въ общество, котораго поносишь членомъ, неподавшихъ къ тому ни малѣйшаго повода, сказалъ я: — графъ Хвостовъ не только почетный членъ нашего общества, но онъ почетный членъ и университета, и академш, а ты публично говоришь о своемъ презрѣнш къ нему! И по какому же случаю? По случаю учтивостей къ тебѣ со стороны графа!

«На другой день я послалъ къ предсѣдателю просьбу объ исключенш меня изъ общества.

«Вотъ, почтеннѣйшш мой благодѣтель (какимъ я называлъ и въ при рыцарствѣ моемъ), что случилось! Нѣтъ бумаги болѣе, но есть во мнѣ душа, съ преданностью которой пребуду навсегда вашимъ
кн. Шаликовъишъ.»

Вслѣдъ за письмомъ издатель «Данскаго журнала» послалъ другое къ Хвостову. Въ испугѣ онъ наговорилъ богъ-нѣсть чего: что попечитель, Писаревъ, «хочетъ писать объ этомъ происшествш къ министру и вѣроятно напишетъ, или можетъ-быть уже и написалъ, самыми неблагопрштными для меня и для предсѣдателя Кокошкина красками, потому что попечитель желалъ и надѣялся, что его, т. е. Писарева, изберутъ въ предсѣдатели общества, слѣдовательно...» заключаетъ Шаликовъ, и не доканчиваетъ своей фразы. Намекаетъ такимъ тонкимъ образомъ на пронырства попечителя, издатель «Данскаго журнала» заодно начинаетъ бранить его любимцевъ и отдѣлываетъ ихъ на славу, называя «сущими подлецами». Зная короткія отношенія Хвостова къ министру, адмиралу Шишкову, Шаликовъ не безъ гордости заключаетъ: «Могъ ли я снести гдѣ бы то нибыло, при комъ бы то нибыло — поношеніе чести, столь святыми титулами приобрѣтенной моимъ благодѣтелемъ?.. Я спокоенъ: вы будете въ свою череду моимъ щатомъ, который будетъ имѣть достоинство минервина щята, въ то время когда вы не имѣли конечно нужды въ моемъ. Но я имѣлъ нужду въ отраженш ядовитыхъ стрѣлъ, пронзавшихъ сердце мое, ибо были направляемы на чтиаго мною и всѣми достойными почтенія людьми, моего высокаго благодѣтеля.»

Между тѣмъ Шаликовъ о другихъ судилъ по себѣ. Мелкій и подозрительный, самъ способный къ интригамъ, онъ не могъ допустить мысли, что другіе могутъ дѣйствовать чистосердечно и безъ интриги.

Дѣло было просто: хотѣли только его, Шаликова, изгнать изъ

исключить общество, Кто-то предлагалъ, что слѣдуетъ также исклю-
чить и Хвостова, какъ поэта, предлагающаго взятки своему рецен-
зенту, но Писаревъ, отвѣчая, «господа, онъ честный сенаторъ,
какъ-пустъ его гонить перомъ. Аполлономъ, онъ остался чистъ въ
сенатѣ и запачкался въ московскомъ «Данскомъ журналь». Далѣе:
Писаревъ динское не думалъ воспользоваться происшедшимъ
окалаломъ, чтобы смикнуть Кокоскина съ председательскаго кре-
сла; напротивъ, онъ удалитъ все какъ нельзя лучше и поспѣшилъ
уведомить Хвостова, что Шаликовъ исключенъ, а его, Хвостова,
пропрямому оскандаютъ членомъ изъ общества». На претензію
Хвостова, что его и Шаликова оскорбляютъ нечестно, поединитель-
нутаго отвѣчалъ, что не любитъ на въ чемъ стѣснять литератур-
ной свободы, и что пѣяду ли Кубры бодятся критикъ? И заклю-
чить свое письмо прощескимъ четверостишемъ:

Кто противъ новаго Тиртея
Востать возногъ?
Онъ, впрямую влады,
У зависти книжалъ исторгъ!

На экспромтъ Писарева Хвостовъ, принявшій по обыкновенію лукавую насмѣшку за серьезную похвалу, отвѣчалъ экспром-
томъ же:

Мнѣ твой отвѣтъ въ стихахъ коротокъ, точенъ, асенъ —
Бранчивый Телеграфъ нимало не опасенъ.
Негѣпаго враля — пустой шумихи громъ
Не будетъ царствовать въ потомствѣ надъ умомъ;
Журнальныхъ сыщниковъ досадна ли обида,
Коль Писаревъ — моя вѣгда? (!)

Пристыжонный Шаликовъ, исключенный изъ общества, былъ
однако въ восторгѣ, что дѣло кончилось такъ мирно и самъ писалъ
къ своему меценату: «Вижу, что меня только пугали и узнаю о мно-
гомъ *вымышленномъ* отвосителя и меня: злые засѣ-
даютъ вездѣ! Но я прелаю совершенному забвенію засѣданіе 7 сен-
тября; тодько, не предамъ забвенію священнѣйшаго долга — всту-
паться за людей, которыхъ люблю и почитаю: нѣтъ! я ненави-
стикъ махавелизма...»

(!) При попыткѣ этихъ стиховъ Хвостовъ писалъ къ Писареву:

«Вы меня побѣдили, любезный и почтенный Александръ Александровичъ: ва-
ши экспромты прекрасны, особливо, если смѣю сказать, послѣдній, т. е. «Кто
противъ новаго Тиртея». Я имъ горжусь, и коли позволите, буду просить кня-
зи Петра Ивановича Шаликова, хотя невывставляя имени автора и даже лица,
къ кому писаны, напечатать оный.»

Послѣ этого складала Тавоты еще тѣснѣе, стодити съ своими панегристами и вилитъ въ нихъ подперу своей литературной славы и чести. Они кадятъ ему непрерывно другъ передъ другомъ и доносятъ малѣйшія литературныя слѣдствія. Но Шаликовы беретъ и тутъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими.

«Кто можетъ — пишетъ онъ — предупредить насъ въ обязанностяхъ? Вы первый мой благодѣтель и первый подписчикъ на журналъ мой: Примите вторичную благодарность моего сердца за восторжества, возобновляемыя, непрерывныя благодѣанія, которыми вы питаете душу мою, подобно какъ небесная роса цвѣты вѣдеште! Да сохранитъ же небесная благодѣательную жизнь моего единственнаго въ мірѣ благодѣтеля. Я чувствую, что слезы готовы заструиться въ глазахъ моихъ, устремленныхъ на изображение моего мецената, висящее передо мною — портретъ вашего сіятельства! Ахъ, ваше сіятельство! грустно быть сиротою иззаидѣ. Одно только коварство, только предательство окружаетъ сироту!.. Но я поднимаю голову выше, пристально смотрю на *всехъ* — и ободряюсь духомъ!

«Сію минуту поднеси мнѣ «Сѣверную Пчелу»; развертываю, нахожу прибавленіе къ ней, ищу къ чему оно относится и вижу: новую войну, вѣроятно для новаго года. Незнаю кто будетъ Паскевичемъ или Кодрингомъ, но знаю, что артилерія не щадится: «Пчелка» (давно ли такъ нѣжилъ ее любезный П. П. Свинычъ!), «Пчела», говорю, зажужжала кажется со всѣхъ батарей своихъ. Можно съ Гречемъ, Булгаринимъ, Свинычымъ подраться и помириться: они служатъ полъ знаменами чести; но съ Полевымъ надобно поступать такъ, какъ я сказалъ при немъ, въ лавкѣ Ширяева Снегиреву, котораго однажды нащолъ тамъ съ «Сыномъ Отечества» въ рукахъ:

«— Что вы читаете? спрашиваю.

«— Да вотъ, противъ г. Полевого, отвѣчалъ онъ.

«— Съ Полевымъ, сказалъ я — счетъ коротокъ: изломать пѣлку на него и заплатить безчестье (какъ купцу).

«Полевой (кобель — извините, ваше сіятельство, этотъ эпитетъ, столь имъ заслужонный и заслуживаемый!) молча перебиралъ какую-то книжку. Это нашъ преобразователь!!

«Я имѣлъ живѣйшее удовольствіе читать ваши письма къ попечителю о разбойникѣ *полевома*, не лѣсномъ, ибо онъ рѣжетъ и грабить открытымъ образомъ. Зато и *торговая казна* вашихъ писемъ и *русскій кнутъ* кладутъ на спину и на рожу этого созданія печать достойную. Незнаю что чувствовалъ попечитель, имѣя подъ вѣдѣніемъ своимъ столь неукротимую тварь, бывшую вразъ уже причиною подобныхъ жалобъ; но ваши жалобы... примѣрныя!»

«Костомъ и безъ уваженія своихъ друзей отличо звалъ и весть, по ея выраженію, помятательствахъ на литературную его славу; но критики-друзья еще болѣе подвигали его славолюбію, заставляя добродушнаго старика приближать къ крутымъ мѣбрамъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Дижнаго журнала» Михаилъ Макаровъ, авторъ «Провинціала въ Петербургѣ», прося Хиостова доставить ему мѣсто директора московской гимназій, пишетъ :

«Настательно же намека г. Погодина (въ его журналѣ) о вашемъ почтеньи чести, то я, будучи бы на вашемъ мѣстѣ, именно просилъ бы начальство, чтобы оно такихъ крошечныхъ намековъ, какъ для васъ, такъ и для другихъ, дѣлать не дозволяло. Кратка мнѣтъ своимъ законнымъ, положительнымъ правилами, границы, вѣсть и мѣру; а остроуміе намековъ относится только въ изящности и неслабѣ. Одно только уваженіе съ шлаломъ къ старшимъ, чему показывается критикъ въ Вреловой. Для вхъ системы вѣтъ уваженія иждь мѣбрамъ, ни къ заслуженъ писателя, со всеми говорятъ какъ съ равными со-бѣ школярами, а на нихъ глядя и нелитераторы также пошевеливаются. Неизвѣстие да и только! Г. Погодинъ мальчишка, недоученый студентъ, то нужно бы ему и другимъ литераторымъ, ему же подобнымъ (простите шесторемію, ваше сіятельство!) критикамъ и авторитетикамъ напоминать почаще, что у насъ въ русскомъ царствѣ уваженіе къ заслугамъ и лѣтамъ почитается издревле добродѣтельно, священною обязанностью, и что ихъ юная интригистика (по выраженію М. Т. Каченовскаго) должна бы звать и свое мѣсто, и свой ограниченный взглядъ. Увѣрьте, ваше сіятельство, что вы мою проеюту хорошо поняли?

«Въ заключеніе еще о самомъ себѣ: до попечителя дошли слухи, что во мнѣ, по письмамъ Варвары Ивановны (но это между нами), приняла большое участіе одна извѣстная вамъ особа въ Петербургѣ и вы, и другія, а потому, какъ мнѣ кажется, еслибъ теперь хотя кто-нибудь черинулъ обо мнѣ къ Писареву изъ Питера, тогда Писаревъ, всюю формою, именно бы представилъ меня въ директоры. Баронъ М-ъ (соперникъ мой) поѣхалъ уже въ Питеръ, прихвастнувъ притомъ, что его карманы полны всѣмъ нужнымъ и что онъ имѣетъ письмо отъ Мороза и отъ тестя его богача Рюмина. Вотъ каково положеніе неруссограмотнаго барона противъ меня грѣшнаго антикварія-писака! Сейчасъ открылъ новую тайну: Д*** (вышшній директоръ гимназій) не трогается съ мѣста, а видѣлъ его, да и не можетъ тронуться: онъ въ самомъ сильномъ вапѣ и нажется скорѣе умереть, нежели поидеть живымъ въ отставку. Это картина ужасная: Пьяношкинъ, отставной квартальный А. Б. Измайлова вередъ нимъ ничто! Хулы его летать на попечите-

да, на весь свѣтъ и кажется болѣе всего не-самого себя. Бѣдный и жалкій часовѣкъ! Что принадлежить до перуссограмматикаго барона, то едва ли не съ нимъ выѣсть, или за дѣвъ вселѣтъ, или по и передъ нимъ; пошло самое полное описание проказъ сога злодѣя-страго: это новость уже 11 числа, а на прежнихъ я вамъ писалъ только о 10-мъ. Министръ любитъ словари. Не поговаривалъ ли онъ чего-нибудь и о моемъ? Простите дерзости спреса. Князь Шаликовъ и Волковъ свидѣтельствуютъ вашему сіятельству свое почтеніе. Песлядній послалъ вамъ книгу, какъ другу человечества и мощнодействию посвѣщенія въ нашемъ славномъ отечествѣ.»

Приведемъ эти дѣшныя выписки собственно затѣмъ, что онѣ представляютъ довольно яркія черты литературныхъ и общественныхъ нравовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Враги всего свѣжаго и свободнаго, прикрывавсь громкими фразами, патриотизма, призывавсь единственными защитниками нравственныхъ истинъ, онѣ безъ устали интриговали, унижая себя и своихъ покровителей.

Писаревъ — недаромъ его недолюбливалъ шаликовскій кружокъ, укоряя за покровительство «Телеграфу», лучшему и независимому журналу того времени — не допустилъ Макарова до званія просвѣтителя юношества. Макаровъ, въ каждомъ висыѣ выдающій себя за простого и добраго христіанина, шипитъ далеко не похристіански:

«Извѣстный баронъ (нынѣ уже директоръ гимназій), самое характерное дѣйствующее лицо изъ отставныхъ драмъ покойнаго Коцебу, принявъ возложенную на него яму драматически, на первомъ шагу, бѣднши по учялишамъ, потерялъ и самую крайнію *правду* *россійской* *драматики* и... и... что-то будетъ? Соверникъ мой — мужчина взрачный, сильный, и хотя съ неправильнымъ языкомъ русскимъ, но съ важною, положительною причиною знать или вѣдать отъ всего вонемножку, равно какъ и съ удаюю смѣлостію говорить все что только взбрѣдетъ ему на умъ. Вашъ же слуга якорный и болаштъ, и тошъ, и озабоченъ трудами только въ пользу одного рошнаго, то-есть и по отношенію къ языку русскому, и по отношенію къ воспитанію пятерыхъ дѣтей стоихъ. Все, все можетъ обуться со мною пѣшеходомъ-горемыкою: дородный приляжетъ — и на зтотъ разъ тощій вашъ даже и недохнетъ.

«Цензоръ нашъ въ отставкѣ: вотъ бы и еще мѣсто по мѣ; но думаю, что оно уже занято, или такъ же трудно, какъ и многія другія. Припомните, что куму вашему служить охота смертная. Итакъ въ цензоры бы и поступилъ охотно, и даже какъ въ первый, такъ и во второй. Да будетъ во всемъ воля божія и поменъ моего блѣ-

готоворца. А долоть еще вопросъ : не могу ли быть хотя чиновникомъ особыхъ порученій по министерству? Живучи здѣсь и зная все и все какъ свой карманъ, я бы могъ служить съ большою пользою и доказать бы то на самомъ дѣлѣ. Рвусь быть полезнымъ — способовъ къ тому не вижу.

«Князь Шаликовъ очень много вамъ признателенъ за всѣ ваши присылки, но о статьѣ вашей *Дарья* что-то С. Н. Глинка не хлопоталъ и оттого эта статья все еще безъ дѣйствія. Г. Баратынскому, моему знакомцу и партизану Полевого съ товарищи, ваше письмо давно черезъ Шарьева доставлено. Дѣлать, дѣлать медному мальчишкѣ-цѣптѣ!.. Посылаю вамъ и мою шутку насчетъ, какъ вы догадаетесь, моего совѣтника барона :

КЪ ПОРТРЕТУ УЧЕНАГО ЯЗЫЧНИКА

Знатокъ словесности австрійской,
 На финскомъ языкѣ, давно ему родномъ :
 Онъ понимаетъ о россійской ;
 Порусски говорить французскимъ языкомъ .

Зная озлобленіе Хвостова противъ Полевого, рѣдко удостоившагого вспоминать объ его существованіи, хвалители сенаторазюста непрерывно разжигаютъ въ немъ ненависть къ нему, называя разбойникомъ, либераломъ, врагомъ отечества, дурнымъ христіаниномъ. Эти благочестивые христіане шпигуютъ изъ-за угла Полевого вслѣски и присылаютъ свои эпиграмы на него, доставляя тѣмъ удовольствіе своему милостивцу и меценату. Макаровъ пишетъ :

«А вотъ вамъ и другая сатира на другой предметъ, вамъ извѣстный :

САНСКРИТСКАЯ ЭПИГРАМА

Парлервздору грозилъ науку бить плеча,
 Но щелкнула его въ Бомбаѣ каланча (*) —
 И нашъ Парлервздору — обоими плечами
 Не сладилъ со щелчками!
 Языкъ хвастливаго возможно ли понять?
 Иной похвалится рукою солнце снять,
 Согнется, вспрыгнетъ онъ — и чтоже? обожотся!
 Богъ Вишну хвастушамъ смѣется.

«Вотъ мои бездѣлки, сіятельнѣйшій графъ. Худо или хорошо — невѣмъ, но онѣ дышатъ истинною — за это ручаюсь!»

(*) Санскритскій журналъ (т. е. «Дамскій», Шаликова).

..: Чтобъ до утомлѣннѣ читателя, будемъ кратче.

..: Подъ вліяніемъ старости и отъ безпрерывной лести Хвостовъ въ послѣдніе годы своей жизни представляетъ высоко-комическое и печальное явленіе, до чего можетъ дойти славолюбіе слабого чловѣка.

Называя себя бардомъ береговъ Кубры, онъ проситъ писать къ нему похвальные стихи, отдастъ ихъ спокойно печатать, хочетъ всѣхъ дѣтей своихъ друзей сдѣлать поэтами и говоритъ, чтобъ отцы заранѣе приучали ихъ къ нѣжной поэзіи и заставляли затверживать попреимуществу его стихи. Н. М. Шатрову, написавшему къ нему въ стихахъ похвальное слово: «барду береговъ Кубры», пѣвецъ Кубры выхлопоталъ черезъ посредство министра Щадкомъ золотую медаль отъ російской академіи. На присланные стихи отъ Шатрова пѣвецъ Кубры отвѣчалъ: «Благодарю васъ. Стихи ваши прекрасны и вы ихъ можете безъ сомнѣнія съ моего согласія, печатать въ «Дамскомъ журналѣ» (1) или гдѣ вамъ угодно; не только вы, но и каждый имѣетъ право судить о любимцахъ музъ какъ вздумается, слѣдственно и вамъ незапрещено меня хвалить. Я увѣренъ, что вы это дѣлаете безпристрастно, по совѣсти и убѣжденію.»

Хвостовъ до того теряетъ всякій смыслъ — исключительно только въ дѣлахъ, касающихся до его литературной славы, — что самъ посылаетъ въ провинціальныи журналъ «Заволжскій Муравей» стихи: «Къ безсмертному пѣвцу Кубры».

Чудачество его достигло отдаленныхъ предѣловъ Россіи, въ Тобольскъ. И тамъ нашлись панегиристы не хуже московскихъ, присылали оттуда ему цѣлыя массы стиховъ, а нѣкто г. Дмитрій Давыдовъ, авторъ романа «Наташа», прислалъ цѣлый романъ въ стихахъ: «Завѣтный бокалъ» и заключаетъ свое писъмо, исполненное невѣроятныхъ до дикости похвалъ, подобнымъ образомъ: «Я всенижайше прошу, если удостоите своимъ покровительствомъ «Завѣтный бокалъ», предать тисненію. Я смѣло объявляю вашему

(1) Шатровъ радуется, что въ «Телескопѣ» и «Телеграфѣ» напечатать ихъ отказались. Заключение этихъ стихковъ было таково:

Но Хвостовъ и подъ снѣгами
Благозвучными струнами
Заслужилъ себѣ вѣнецъ.
Какъ лирическій пѣвецъ,
Какъ любимецъ вдохновенья,
Въ гробовой туманъ забвенья
Вмѣстѣ съ славой не сойдеть:
Онъ свой гробъ переживетъ
Какъ любимецъ пѣснопѣній,
По уму и сердцу геній!

оды Хвостова вечеромъ. Вотъ какими строками отвѣчаетъ ему Хвостовъ :

«Стократно благодарю за лестный отзывъ вашъ о первомъ томѣ моего третьяго изданія, и какъ не благодарить : вы знаете, что читаете оды безсмертнаго Ломоносова поутру, а мои вечерами; тѣмъ для меня лучше, ибо я нахожу, что вечернее чтеніе выгоднѣе автору. Кто знаетъ, можетъ-быть вѣскольکو строкъ, прочтенныхъ въ вечернемъ утомленіи передъ тѣмъ какъ человѣкъ засыпаетъ, на другой день рождаютъ въ немъ и мысли отважныя, и рѣшительность неожиданную. Вотъ, милостивый государь мой, отчего я и горжусь искреннею похвалою вашею, ибо таково мнѣніе о вечернемъ чтеніи и героя эриванскаго. Онъ, по замыслѣнн съ персіанца, писалъ къ моему пріятелю Егору Борисовичу Фуксу, что его «Исторію» и «Анекдоты» Суворова всегда читаетъ къ вечеру, а сдѣлательно пріятно и лестно мнѣ, что оды мои вы изволите читать вечеромъ. Полевой же вѣроятно читалъ мои лирическія сочиненія *посль обѣда* тотчасъ, ибо я ничѣмъ не могу объяснить его безтолковаго сужденія обо мнѣ и о моихъ стихахъ.»

Забавнѣе всего то, что нѣкоторые господа въ провинціи считали Хвостова большимъ либераломъ, или якобинцемъ, какъ тогда говорили. Помѣшательство его на стихахъ и меценатствѣ объяснили какими-то тайными побужденіями, и провинціальныя тузы косо посматривали на него, какъ на распространителя всеобщаго равенства. Между тѣмъ самыя стихи, которые онъ мнѣ непрерывно присылалъ, могли казаться разубѣдить ихъ совершенно въ противномъ : «Майскій парадъ», «На холеру», «Розовый лужокъ», «На пріѣздъ герцогини Веймарской» и т. д. Вслѣдствіе ли полученія чина дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, въ провинціи взошелъ слухъ, что Хвостовъ будетъ сдѣлавъ министромъ народнаго просвѣщенія. Одинъ изъ именитыхъ провинціаловъ, сосѣдъ по имѣнію Хвостова, князь Голицынъ, тонко намекаетъ ему на опасность распространенія свободныхъ мыслей :

«Въ прошедшемъ столѣтіи — пишетъ онъ — и я вѣскольکو былъ свидѣтелемъ, что сколь были уважаемы въ столицахъ знаменитыхъ философовъ сочиненія : Волтера, Руссо, Рейналя, Даламберта, Дидерота и прочихъ ; благомыслящіе люди и тогда предсказывали, что отъ сихъ сочиненій непременно должно ждаться пагубныхъ послѣдствій. И *Монтиску* нечравъ : когда онъ своимъ собратіямъ привезъ изъ Англіи естественныя права, которыми всѣ злодѣянія и укоренились, сіи естественныя его права столь счастливо были приняты не только въ одной Франціи, многія и другія

государства почувствовала къ нимъ уваженіе; вато въ тѣхъ государствахъ и до сего времени матежи за матежами. И Костюшкинъ оживленіе мнѣ знакомо: когда его привезли въ Петербургъ, я служилъ въ гвардіи; отличныхъ даровъ въ себѣ никакихъ не обшпалъ и прочее, все въ такомъ же родѣ.

Но пѣвецъ Кубры мало помышлялъ о мѣстѣ министра, тѣмъ болѣе о распространеніи, посредствомъ литературы, свободныхъ идей въ Россіи. Онъ начиналъ уже думать о смерти, написалъ «Прощаніе поэта съ землею», реводилъ его сперва въ писанныхъ, а потомъ въ печатныхъ листочкахъ въ самые отдаленные уголки Россіи и съ заботливостью собиралъ матеріалы для своей біографіи. «Живите, живите! восклицалъ Шаликовъ: — жизнь добродѣтельнаго есть тоже для моральнаго міра, что солнце для физическаго: живите же, живите!» И желая втянуть «барда береговъ Кубры» въ тревоженіе литературнаго міра, прибавляетъ:

«Не помотываюте ли, ваше сіятельство, Воейкова опять, какъ подчивали прежде, нижеслѣдующимъ конфеткомъ на 70 № «Литературныхъ» или, какъ говаривалъ покойный Меркурій, макулатурныхъ прибавленій:

Какъ ни острися нашъ Корсарь,
Но все не будешь ты острѣе:
Твой «сумасшедшій домъ» ужъ старъ —
Займи же самъ его, ховяинъ, поскорѣ!

«Какъ бы я желалъ, чтобы вы гдѣ-нибудь напечатаны: здѣсь не пропущены.»

Но пѣвецъ нашъ имѣлъ теперь уже въ виду преимущественно потомство: исправлялъ и приводилъ въ порядокъ свои творенія, намѣревался тиснуть ихъ четвертымъ изданіемъ, припоминалъ каждую мелочь изъ своей жизни, дѣлалъ замѣтки: «Очень любопытное въ исторіи литературы», припомнилъ даже проповѣдь, сказанную ему въ 1789 году января 17, при вступленіи въ бракъ его съ племянницею Суворова. Этого мало: изъ боязни, чтобъ потомство не составило какого-нибудь превратнаго взгляда на него, пишетъ огромную «Замиску о самомъ себѣ или о провозвѣщеніяхъ моихъ въ литературѣ». Тутъ онъ говоритъ, что «семейная, гражданская и политическая жизнь моя основана на правилахъ христіанской любви къ челоѣчеству, на желаніи истиннаго просвѣщенія, на постоянной ревности къ прямому счастию» и похваставъ на окончательный упадокъ критики въ Россіи, въ заключеніи прибавляетъ:

«Повторю, что непристойно мнѣ говорить о самомъ себѣ, о моихъ слабыхъ дарованіяхъ и о послѣднихъ произведеніяхъ. Но въ

подтвержденіе предполагаемаго мною довода о томъ, что цѣль поэзіи и цѣль *нововодителей* совершенно различны, и что право сказать, что они сами дѣлаютъ предполагаемое мною раздѣленіе болѣе 30 лѣтъ выходясь членомъ российской академіи, издавъ семь томовъ стихотвореній въ опредѣленныхъ родахъ, кои они называютъ классическою поэзіею, никогда и ни въ какихъ журналахъ не было отгососка объ моихъ произведеніяхъ! Въ журналахъ въ обзорнѣихъ литературы при альманахахъ, инакое едва ли находится! Въ одной учебной книгѣ, гдѣ безъ всякой нужды словесность раздѣляется на три эпохи со времянь Петра-великаго, хотя упоминается обо мнѣ, но съ нѣкоторою насмѣшкою, именно: *нѣкоторые общаются ему (мнѣ) безсмертію*. Впрочемъ и здѣсь говорится только, и то мимоходомъ, о родѣ моихъ стихотвореній, а не опредѣляется намало о степени достоинства оныхъ и не упоминается вообще о недостаткахъ. Но тутъ же (1) подъ именемъ знаменитаго поэта (2) приложена эпиграма на переводѣ мой «*Науки стихотворной*» Буало, котораго я понынѣ выдалъ уже третье изданіе и который кажется не можетъ мнѣ приносить посрамленія. Чѣтъ нужды извлекать замчаніе изъ журналовъ или краткія и часто язвительныя уменщія о новыхъ хорошихъ сочиненіяхъ. Словомъ, я все сіе исчисляю для показанія, сколько *нововодители* удалены были отъ прямой цѣли словесности, а потому зачѣмъ напоминать объ эпиграмахъ, которыя съ торжествующимъ удовольствіемъ отступники порядка и въ самой словесности разсыпали?

«Вотъ мое заключеніе и вотъ что я, въ удовольствіе строгой истины и пріятелей моихъ, написалъ безъ всякаго намѣренія обнародовать сей бѣглою листокъ или кому-либо повредить. Желая убѣдить питомцевъ музъ, что несправедливы ополченія на Александра Семеновича Шипкова, знаменитаго благодѣтеля русской словесности, на меня и на другихъ почтенныхъ по авторству собратій, не шное что въ виду шѣли, какъ цѣль безначалія, провѣтствующую разсматривать и вѣдѣть достоинство въ тѣхъ людяхъ, кои не могли по талантамъ, по совѣсти, по разуму и опытамъ быть ихъ соучастниками.»

Несокрушимое убѣжденіе, что пойметъ его только потомство, что онъ настоящій благодѣтель и представитель русской литературы, до того глубоко усиллись въ пѣвицѣ Кубрь, что онъ въ послѣдніе годы своей жизни воображалъ, что Пушкинъ вуждается въ его защитѣ и сталъ защищать его своими стихами.

(1) Въ учебной книгѣ Греча.

(2) Дмитріева.

Въ 1834 году Хвостовъ былъ въ одномъ литературномъ обществѣ, гдѣ кто-то сказалъ, что не всѣ довольны стихами Пушкина «Къ клеветникамъ Россіи»; къ общему смѣху пѣвецъ Кубры сталъ защищать Пушкина, называя его своимъ преемникомъ. Это было 24 октября; на другой день, 25 числа, Пушкинъ получалъ отъ Хвостова такое письмо:

«Неповстрѣчая васъ лично по прїѣздѣ вашемъ изъ Царскаго-Села, я имѣю честь послать къ вамъ мои стихи, вскорѣ послѣ творенія вашего «Клеветникамъ Россіи» сочиненные. Примите ихъ отъ старика, близкаго къ могилѣ, въ знакъ отличнаго уваженія къ дарованіямъ вашимъ.

Противъ крамоль писалъ я много,
Изобличалъ безумцевъ строго...

Но убѣдась въ печальной истинѣ опытомъ, что развращенныя сердца завистливыхъ крамольниковъ ожесточены и слухи ихъ не внимаютъ прелестной гармоніи сыновъ Аполлона, я, поразивъ враговъ вашихъ, ограничиваюсь желаніемъ, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительнѣе впредь воспѣвала только богатырей русскихъ давняго и послѣдняго времени. Не бойтесь и вѣрьте, что творенія ваши и моя будутъ оцѣнены не сыщиками-современниками, а грядущимъ потомствомъ. Оно объ насъ изречетъ настоящую критику правду. Вѣрьте почтенію и преданности, съ коими емь и буду. Хвостовъ». (1)

Хотя пѣвецъ Кубры утѣшалъ себя мыслю, что его и Пушкина оцѣнитъ одно потомство, однако невольно прислушиваясь къ тому восторгу, который повсюду возбуждалъ Пушкинъ, онъ, несмотря на горькій опытъ, и въ послѣдніе годы своей жизни, презирая глубоко судъ современниковъ, дорожилъ малѣйшей ихъ похвалою.

Въ «Сѣверной Пчелѣ» кто-то въ шутку сравнилъ его съ Жанъ-Полемъ и иронически замѣтилъ, чтобъ изъ его сочиненій составили особую хрестоматію. Хвостовъ и этому обрадовался. Онъ написалъ длиннѣйшее письмо г. Гречу, маскируясь, будто пишетъ не онъ, а другое лицо, издатель сочиненій Хвостова:

«Милостивый государь Николай Ивановичъ.

«Позвольте мнѣ начать мое письмо принесеніемъ вамъ чувствительной благодарности за объявленіе ваше въ «Сѣверной Пчелѣ» о новомъ изданіи сочиненій графа Дмитрія Ивановича Хвостова. Удовольствіе мое при чтеніи онаго безъ сомнѣнія самъ раздѣлялъ ав-

(1) На черновомъ письмѣ сдѣлана помѣтка: «стихи въ защиту Пушкина помѣстять въ 7 моемъ томѣ».

торъ, увидя лестные ваши отзывы и выписки изъ его неподражаемаго (какъ вы говорите) «*Майскаго гулянья*». Каждый человекъ, даже хладнокровный, и авторъ нѣгдѣ сказалъ :

• Не исключая Циперона
 Мыла для всѣхъ лавровая корона, —

можетъ ли безъ особливаго чувства принимать отличныя и вмѣстѣ чистосердечныя похвалы? Я воображаю, что пѣвецъ Кубры, оцѣня по достоинству ваше вниманіе, пролилъ при вашемъ отзывѣ слезы умиленія и благодарности. Скажите по совѣсти, какой авторъ не восхитится, услыша отъ васъ, что «музы уготовили ему долготѣнее торжество»? Кому не пріятно знать, что соперникъ Державина, Богдановича, Фонъ-Визина и Княжнина сталъ корифеемъ молодыхъ писателей и нашего времени? Наконецъ вы увѣнчиваете достоинство приглашеніемъ къ составленію, по примѣру Жанъ-Поля, собственно изъ твореній его (Хвостова) христоматію, которая по мнѣнію вашему будетъ книгою мудраго. Усердіе ваше и похвальная заботливость о славѣ уважаемаго стихотворца пускай безпредѣльны, но средство къ тому избираемое (христоматія) чуть ли достаточно? Знаменитый поэтъ, хотя уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, еще живъ, слѣдовательно можетъ и впредь что-либо сочинить достойное вниманія публики и вашего. Во второмъ томѣ новое его твореніе, подъ названіемъ «*Совѣтъ юнымъ питомцамъ музъ*», едвали уступаетъ, по крайней-мѣрѣ по важности содержанія, столько похваляемому вами «*Майскому гулянью*». Притомъ отважится ли кто, полагая на свое знаніе и вкусъ, увѣрить современниковъ и потомство въ достоинствѣ картинъ, имъ однимъ избранныхъ, о чемъ и авторъ (Хвостовъ) нѣгдѣ сказалъ :

• Я есмь черта рубежна,
 За коей гибель неизбѣжна
 Для смѣлыхъ будущихъ умовъ.

«Христоматія, почерпнутая изъ одного автора, лишается той привлекательности, которою обилуютъ общія въ учебныхъ книгахъ христоматіи, представляющія избранныя мѣста изъ разныхъ сочиненій. Вы сами такъ-сказать исчерпали изъ «*Майскаго гулянья*» лучшія и превосходныя картины. Безспорно, что вашъ выборъ самый прекрасный, но для чего не полагать, что другой избиратель, пропустя вами означенныя мѣста, поставитъ въ образецъ совершенно новыя изъ «*Майскаго гулянья*», напримѣръ начало; третій немного ошибется, если начавъ со стиха

• Уже вечерняя заря •

дойдетъ безъ остановки до страницы 135. Всего этого мало для христоматіи. Я полагаю, что составленная изъ отрывковъ одного автора, книга, показывая только превосходныя мѣста, затмѣваетъ духъ, связь и достоинство дѣлаго творенія. Самъ авторъ (Хвостовъ) говоритъ :

• Движеніе страстей, объемъ творенья цѣлый,
Искуства мудрый плодъ и музъ плодъ созрѣлый. •

«Наставники юношества, озаренные эстетическимъ чувствомъ, могутъ легко извлечь изъ произведеній каждаго поэта красоты мыслей, выраженій, кои должны переходить изъ рода въ родъ. Таковая христоматія, остерегая вкусъ, представитъ грядущимъ поколѣніямъ стихи, достойные быть у каждаго на памяти. Основательный только разборъ искуснаго пера удобенъ открыть и ходъ сочиненія, и красоту сюжета. У насъ есть огромнѣйшее собраніе *образцовыхъ сочиненій* (18 томовъ) разныхъ авторовъ въ стихахъ и прозѣ. Я прочитывалъ оное отъ доски до доски, не нашелъ ни строчки графа Хвостова. Неужели малоизвѣстность автора причиною такового молчанія? Вы, достойный и безпристрастный превозноситель маститаго поэта, можете упрочить его славу разборомъ нѣкоторыхъ его цѣлыхъ твореній, взятыхъ изъ полнаго изданія, въ какомъ угодно родѣ. Нелестно скажу, что вы, Николай Ивановичъ, уже благодѣтельствовали разъ сочинителя выпискою многихъ картинъ изъ его *«Майскаго гулянья»*, употребляя средство похвальное для журналиста, полезное публикѣ, пріятное автору и самое удобное, особливо если выписки сопровождаются благонамѣреннымъ разборомъ. Второй томъ *«напримѣръ»*, кромѣ *«Гулянья»*, представляетъ запасъ нескучный, а именно: *Благоденствіе Европы, Посланіе къ Суворову, Русскіе мореходцы*, три посланія *О критикѣ* и четыре подъ названіемъ: *Совѣтъ юнымъ питомцамъ музъ*.

«Третій его томъ, хотя большею частью состоитъ изъ сочиненій, въ прежнихъ изданіяхъ помѣщенныхъ, но посланія: *О красотѣ російскаго слова, Н. Б. Князюкину, И. И. Дмитріеву* (страница 140) и другія — обилуютъ красотами, достойными подражанія.

«Въ четвертомъ томѣ басни его равномерно поладутъ случай и къ вниманію и къ похваламъ, какъ-то: *Дровосѣкъ и смерть, Ворона и сыръ, Разборчивая невѣста, Мышь-пустынница, Волкъ и ленокъ, Вдова, Старый левъ и врачи, Старикъ и три юноши* и многія другія.

«Пятый даже томъ, который хотя составленъ изъ нѣкоторыхъ произведеній автора въ его молодости и большею частью изъ тѣхъ,

кои также появились въ журналахъ послѣднихъ изданій 1818 и 1821 годовъ, богатъ статьями, могущими нравиться. Къ числу ихъ я отношу: въ родѣ лирическомъ : *Псаломъ 107*, *Разлитіе Кубры*, *На пріездѣ герцогини Веймарской*, *Суворовская площадь* и другія ; въ посланіяхъ, какъ-то : *Къ ней*, *Сленнику*, *Благонамъренному*, *Охлестыиной*, *Н. М. Языкову*, а также и въ мелочныхъ піесахъ, надписяхъ, мадригалахъ есть много бездѣлокъ, кои не будутъ отвержены наперсниками Аонидъ.

«Теперь остается мнѣ, милостивый государь, кончить письмо чѣмъ началъ оное, именно : особливою и чувствительною благодарностію за похвалы автору и за любовь вашу къ прекрасному отечественному языку, и примолвить сказанное пѣвцомъ Кубры :

Россія славная! Ревнуй, да твой языкъ
Останется въ числѣ блистательныхъ владыкъ.

«Я снова повторяю, что мысль ваша о выборѣ отличныхъ мѣстъ изъ сочиненій каждаго автора достойна всякой похвалы. Такъ, милостивый государь, мысль ваша очень счастливая, полюбилась многимъ, въ томъ числѣ и мнѣ, и я не оставляю, при первомъ досугѣ, воспользоваться ею и начну разборъ мой съ перваго тома. Говоря же объ одѣ «*Богъ*» и о прочихъ духовныхъ переложеніяхъ нашего автора, постараюсь оправдать отзывы «*Славякина*», который, при объявленіи о выходѣ лирическихъ твореній, осънаетъ похвалами сочинителя оныхъ. Признаюсь, я и самъ думаю, что въ нихъ много красоты, сближающихъ нашего поэта съ Ломоносовымъ и Державинымъ, знаменитыми отечественными лириками.»

Въ письмѣ этомъ высказался весь Хвостовъ, какимъ онъ былъ въ послѣдніе годы, со всей его наивностію и несказаннымъ самоослѣпленіемъ. Оно тщательно переписано у него въ двухъ книгахъ : подъ 1832 годомъ и подъ 1829, съ маленькой хитростію : «Письмо пѣвца Кубры къ Николаю Ивановичу Гречу, или лучше сказать отъ его издателя о лестной похвалѣ въ «*Сынѣ Отечества*» его сочиненій и о уподобленіи его съ Жанъ-Полемъ ; очень любопытное — въ записки о словесности; кто сочинитель сего письма? Незнаю.»

А на другомъ экземплярѣ письма онъ изобличаетъ самого себя во лжи собственноручной припискою : «Г. Гречу благодарность за сравненія меня съ Жанъ-Полемъ и за отзывы о моихъ стихахъ.»

Бѣднякъ хитрилъ самъ предъ собою и свои разборы на собственные стихотворенія хотѣлъ принимать за чужіе. Онъ старался, хотя бы воровскимъ манеромъ, подкупить своихъ современниковъ и обратиться въ потомство. Сближая себя по литературному генію такъ смѣло съ Ломоносовымъ и Державинымъ, а Пушкина считая своимъ

прямымъ наследникомъ въ русской поэзіи, онъ нечувствительно дошолъ до подобнаго нецѣпнаго заблужденія какъ всякій человѣкъ, одержимый сильною страстью, хотя его и разочаровывали на каждомъ шагѣ. Въ подобномъ положеніи человѣкъ уже неисправимъ, что не мѣшаетъ ему въ остальныхъ дѣлахъ оставаться здравомыслящимъ существомъ. Лучшее тому доказательство — что этотъ же самый пѣвецъ Кубры со смѣхомъ рассказываетъ объ одномъ псковскомъ честолюбцѣ, который за какія-то малыя дѣла письменно, безъ шутки, требовалъ себѣ и получалъ представленіе отъ своего общества о воздвиженіи ему статуи. Пѣвецъ Кубры недалеко ушолъ отъ этого псковского честолюбца, а между тѣмъ написалъ на чудака этого презлую сатиру и отправилъ ее въ рукописи къ преосвященному Евгенію Болховитинову. Евгеній отвѣчалъ ему: «Чувствительнѣйше благодарю за прекраснѣйшіе стихи весьма худому честолюбцу. Я ихъ роздалъ по Пскову. Тутъ они у мѣста, вмѣсто желаннаго памятника на площади. Не прибѣтъ ли ихъ тамъ кто-нибудь на столбѣ?»

Неизвѣстно, чувствовалъ ли Евгеній, что присланные ему стихи на честолюбца написалъ такой же уродливый честолюбецъ, заживо сооружавшій себѣ памятникъ — только не на псковской, а на петербургской площади?

Е. КОЛВАСИНЪ

ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ФИЛОСОФІИ

(по тѣмъ)

I

Анализировать значитъ переводить. Переводить значитъ по признакамъ открывать отдѣльные факты. Я беру наиримѣръ число 27. Я указываю тотъ же часъ, что $27 = 26 + 1$, что $26 = 25 + 1$ и т. д.; это значитъ, что я анализирую число 27. Точно также, произвося слова: «сила», «питаніе», «воля» и всякое другое, я долженъ указать, на какія слова разлагается оно и какимъ фактамъ эти слова соотвѣтствуютъ. Это значитъ, я анализирую ихъ.

Въ такомъ анализѣ я дѣлаю два шага. Первый — это точный переводъ, второй — это сложный переводъ. Первый былъ указавъ идеалами и сенсуалистами французской школы; второй дается при помощи прогреса наукъ опытныхъ. Пояснимъ примѣромъ.

Вы знаете, что фізіологи, описавъ, исчисливъ, расположивъ по порядку отправления и органы, приходили обыкновенно къ одному заключенію, т. е. призывали существованіе въ организмѣ *жизненной силы*. По ихъ мнѣнію, существуетъ сила, находящаяся въ зародышѣ, развивающая его, организующая, — сила, которая поддерживаетъ порядокъ въ частяхъ, дѣлаетъ желудокъ способнымъ переваривать, сердце сокращаться и прогонять кровь, печень выдѣлять жолчь, легкія приводятъ кровь въ соприкосновеніе съ воздухомъ, нервы двигать мускулы, мускулы сокращаться и тянуть сухожилія и кости. Они называли эту силу *жизненною*, потому что она поддерживаетъ операциіи, составляющія жизнь.

Одни представляютъ ее себѣ какъ невидимую и невѣсомую жидкость, разлитую по всему тѣлу; другіе — какъ существо нематерьяльное, непротяжимое, прилагающееся къ матерьяльнымъ и протяжимымъ частямъ; третьи наконецъ — какъ вещь необъяснимую, недо-

ступную для ума человѣческаго. Чтобы убѣдиться въ томъ, кто изъ нихъ правъ, и правъ ли изъ нихъ кто-нибудь, подвергнемъ самое слово анализу. Для этого расположимъ его, наблюдая частныя случаи, въ которыхъ оно употребляется.

Посмотрите на зубы, на слюнные желѣзы, на всѣ части рта и на ихъ отправленія. Если какой-нибудь части недостаетъ, животное не можетъ болѣе жевать. Поэтому для того, чтобы животное могло жевать, *необходимо*, чтобы части эти были въ такомъ видѣ и количествѣ, въ какомъ онѣ находятся въ организмѣ. Тоже самое вы замѣчаете, рассматривая процессъ глотанія и пищеваренія. Для того чтобы эти процессы могли совершаться, *необходимо*, чтобы органы были такъ, какъ они устроены. Если же недостаетъ жеванія, глотанія, пищеваренія, то животное не можетъ питаться. Поэтому для того, чтобы питаніе совершалось, *необходимо*, чтобы животное могло жевать, глотать и переваривать. Тоже замѣчаніе можно сдѣлать и обо всѣхъ отправленіяхъ организма. Соединивъ ихъ, вы находите, что если нѣтъ питанія, или дыханія, или кровообращенія, то движенія разрушенія и обновленія, составляющія жизнь, прекращаются. Поэтому для того, чтобы жизнь продолжалась, *необходимо*, чтобы всѣ эти подчиненныя операціи могли дѣйствовать.

Вы замѣтили уже, что слово *необходимо* является безпрестанно въ предыдущихъ фразахъ. *Нужно*, чтобы эти операціи дѣйствовали; есть *необходимость*, чтобы эти силы дѣйствовали; есть *сила*, чтобы эти операціи дѣйствовали: все это различные переводы одного и того же слова. Мы касаемся теперь искомаго смысла. Жизнь есть цѣль, отправленія — средства. Жизнь вынуждаетъ отправленія, точно такъ какъ всякое опредѣленіе вынуждаетъ слѣдствія. Это вынужденіе, *необходимость* или *сила* влечетъ за собой и производитъ отправленія, какъ опредѣленіе влечетъ за собой и производитъ слѣдствія. Что же она такое? *Отношеніе*. Отношеніе между жизнью и отправленіями, между опредѣленіемъ и слѣдствіемъ. Если вы хотите, то для удобства языка, преобразуйте это отношеніе въ качество: тогда вы скажете, что оно есть принадлежность живого тѣла. Также для удобства языка вы можете преобразовать его въ субстанцію, и тогда вы скажете, что въ органическомъ тѣлѣ существуетъ сила. Но во всякомъ случаѣ не забывайте объ анализѣ. Жизненная сила не есть ни качество, ни сила, а просто *отношеніе*.

Я не вижу здѣсь ни жидкости, ни монады, ни тайны, а только два порядка фактовъ: одинъ фактъ главный — движеніе разрушенія и обновленія, называемое жизнью, другой подчиненный — отправленія и устройство, дѣлающія это движеніе возможнымъ; наконецъ отношеніе, *необходимость*, связывающая подчиненныя факты съ

главнымъ. Факты, отношенія — больше ничего. Мы избавили свой умъ отъ одного метафизическаго предположенія, а это очень нелеткая вещь.

Будемъ продолжать анализъ; мы увидимъ, что можно привести къ фактамъ и отношеніямъ всѣ выраженія физическихъ наукъ. Воздухъ наприимѣръ есть сила: это значитъ, что если вы приложите воздухъ къ чашечкѣ барометра, то онъ заставитъ ртуть подняться; другими словами, если воздухъ коснется барометра, то ртуть *необходимо* подымется. Теплота имѣетъ силу расширять тѣла: это значитъ, что теплота заставитъ эту желѣзную полосу расширяться, другими словами, эта полоса, будучи подвержена теплотѣ, расширится *необходимо*. Желѣзо и кислородъ имѣютъ взаимную силу притяженія: это значитъ, что желѣзо на сыромъ воздухѣ *необходимо* соединится съ кислородомъ. *Необходимость*, *необходимо* — слово повторяется постоянно, и каждый разъ при этомъ есть два факта, и дѣло идетъ объ отношенія, связывающемъ ихъ: присутствіе воздуха и возвышеніе ртути; присутствіе теплоты и расширеніе желѣзной полосы; присутствіе желѣза, окруженнаго влажнымъ воздухомъ, и необходимость ржавчины. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если одинъ фактъ данъ, то другой дѣлается необходимымъ, и тогда говорятъ, что первый имѣетъ силу произвестъ второй. Сила есть неболѣе какъ связь или зависимость второго факта отъ первого или, если хотите, свойство первого повлечь за собой необходимо второй. Здѣсь вы также не видите ни жидкости, ни монады, ни тайны.

Переведите точно такнмъ же образомъ всѣ другія выраженія, болѣе сложныя и немного неопредѣленныя, приводя такія обстоятельства, при которыхъ они могли произойти. Вы найдете наприимѣръ, что *отправленіе* есть группа фактовъ, приспособленныхъ къ одному дѣйствию; что *природою* существа называется группа главныхъ и отличительныхъ фактовъ, составляющихъ его; что *законъ* есть постоянный и общій фактъ; что *индивидуумъ* есть отличительная система фактовъ, зависящихъ одни отъ другихъ; что *совершенство* или *несовершенство* существа состоятъ въ сложности или простотѣ фактовъ, составляющихъ его. И всегда и вездѣ, чтобы добиться до подобныхъ опредѣленій, нужно употребить анализъ. Чтобы узнать наприимѣръ, что такое *отправленіе*, вы возьмете пищевареніе, кровообращеніе, движеніе, и посмотрите, изъ какого обстоятельства вытекаетъ во всѣхъ этихъ случаяхъ слово «отправленіе». Чтобы узнать что такое *природа* существа, вы возьмете животное, растеніе, минералъ, опредѣлите ихъ свойства и увидите, что слово «природа» является въ то самое мгновеніе, когда вы сдѣлали сумму важѣйшихъ и отличительныхъ фактовъ. Словомъ, вездѣ заключеніе бу-

доть одно и тоже, и слово, подвергнутое анализу, станетъ означать либо часть, либо комбинацію, либо какое-нибудь отношеніе фактовъ.

Перенесите этотъ анализъ въ міръ нравственный; попробуйте понять себя, когда говорите о назначеніи народа, о геніѣ націи, о живыхъ силахъ общества, о вліяніи климата или вѣка, о свойствахъ расы, о могуществѣ древнихъ учреждений. Всѣ эти ученые слова означаютъ неопредѣленныя вещи, которыя кажется дѣйствуютъ на какомъ-то темномъ фонѣ, вѣѣ происшествій и явленій. Вызовите ихъ на ясный день и посмотрите, что станется съ ними послѣ перевода.

«Назначеніе Рима было покорить вселенную.» Эта фраза непонятна; нужно быть пророкомъ, чтобы открывать подобныя истины. Это было очень хорошо для Вергилія, поэта, и притомъ поэтa на жалованьи у правительства; что касается до насъ, то намъ нужна ясная мысль. Эта фраза значитъ, что народъ римскій покорилъ бассейны Средиземнаго моря съ нѣкоторыми сѣверо-западными странами и что это было необходимо. Необходимо же это было потому, что Римъ въ продолженіи семи вѣковъ имѣлъ отличныя арміи, хорошихъ генераловъ и политиковъ, и что его противники не были ни такъ храбры, ни такъ дисциплинованы, ни такъ ловки, какъ онъ.

Такой переводъ научаетъ насъ смотрѣть на судьбу народа какъ на совокупное дѣйствіе обстоятельствъ, способностей его и наклонностей.

«Геній англійскаго народа предназначилъ его къ политической свободѣ.» Опять пророчество и откровеніе. Посмотрѣвъ ближе, мы увидимъ, что политическая свобода Англійи есть слѣдствіе удачнаго смѣшенія двухъ расъ — англо-саксонской и норманской, физическаго положенія Англійи среди океана, что обуславливаетъ большую самостоятельность и свободу движеній въ мореплавателѣ, наконецъ самаго склада англійскаго ума, который одинаково упоренъ какъ въ консерватизмѣ, такъ и въ преслѣдованіи революціоннаго начала. Такимъ образомъ фаталистическая аксіома сводится на историческій фактъ, на группу естественныхъ и нравственныхъ привычекъ.

«Небо Италіи вдохновляетъ и рождаетъ артистовъ.» Это довольно сомнительно. Лапландецъ, перенесенный въ Римъ младенцемъ шести мѣсяцевъ и занятый разсматриваніемъ итальянскаго неба въ продолженіи двадцати часовъ ежедневно, врядъ ли сдѣлается великимъ артистомъ. Переводя эту фразу, мы найдемъ, что здѣсь дѣло идетъ о вопросѣ еще нерѣшеномъ. Извѣстно только, что климатъ, пища, наследственность типа, форма правленія и религіи, свойство почвы и видъ неба — всѣ эти причины производятъ людей съ силь-

нымъ воображеніемъ, имѣющихъ даръ изобрѣтать и воспроизводить поэтически прекрасныя системы формъ, звуковъ и цвѣтовъ. Какое же участіе имѣетъ при этомъ небо — никому неизвѣстно. Анализъ нашъ привелъ къ тому, что въ этой фразѣ кроется фактъ неопредѣленный и сомнительный. Если мы не можемъ разрѣшить его, то по крайней мѣрѣ научимся смотрѣть съ недоумѣніемъ на подобныя фразы: а это уже много.

Такимъ же образомъ мы найдемъ, что живыя силы общества суть неболѣе какъ степень мускулистой крѣпости каждаго гражданина, его способности находить полезныя идеи или повиноваться отвлеченнымъ формуламъ, что основныя свойства человѣка или расы сводятся къ классамъ идей наиболѣе пріятныхъ этому человѣку или этой расѣ и т. п. До анализа мы разсуждали на явось; послѣ анализа мы подвигаемся съ увѣренностью отъ уравнинія къ уравнинію.

Какимъ же образомъ дойти до подобныхъ переводовъ? Разсматривая жизнь человѣка, народа, животнаго, мы замѣчаемъ, что слово *назначеніе* является всегда послѣ того какъ мы схватимъ главные факты, составляющіе жизнь каждаго изъ нихъ, факты, которые мы считаемъ необходимыми. Разсматривая *геній* поэта, ученаго, политика, государственнаго человѣка, мы находимъ, что это слово является у насъ послѣ того какъ мы замѣтимъ главное дѣйствіе ихъ жизни, вмѣстѣ съ способностями и наклонностями, побудившими ихъ къ этому дѣйствію. Также точно мы поступаемъ и со всѣми другими идеями. При всякомъ случаѣ мы возсоздаемъ идею, приводя частное обстоятельство, порождающее ее; мы отдѣляемъ потомъ это обстоятельство, дѣлаемъ ощутительнымъ, и повторяя нѣсколько разъ, увеличиваемъ, т. е. обобщаемъ его.

Таковъ первый анализъ, составляющій всю философію такъ-называемыхъ идеалоговъ. Легко понять тотъ же часъ, что онъ слишкомъ узокъ для науки, что онъ есть скорѣе первый шагъ по пути изслѣдованія, чѣмъ самое изслѣдованіе.

Но зато этотъ шагъ очень важенъ: онъ учитъ насъ думать и разсуждать. До него мы имѣли дѣло съ пустыми словами, теперь же предъ нами вещи и факты; если число фактовъ не увеличилось, то по крайней мѣрѣ мы подвергли контролю самыя терминны; если знаніе наше не уменьшилось, то зато уменьшилось заблужденіе; мы передѣляли свои идеи, перелили такъ-сказать свой умъ. Для этого мы поступили очень просто: мы привели сложныя, общія имена къ частнымъ и простымъ случаямъ, при которыхъ они происходятъ; соединивъ нѣсколько примѣровъ, мы отдѣлили общее

обстоятельство, обозначаемое ими, и свели такимъ образомъ общее имя на выраженіе этого обстоятельства.

Этотъ первый шагъ влечетъ за собой другой: отъ анализа словъ мы переходимъ къ анализу самыхъ фактовъ; точный переводъ ведетъ къ полному переводу. Мы поступаемъ въ этомъ случаѣ подобно математикамъ: преобразовавъ данную задачу въ точное уравненіе, мы посредствомъ извѣстныхъ членовъ отыскиваемъ неизвѣстное число.

«Животное переваривается.» Нѣтъ ничего проще этой фразы; мы ее тотчасъ переведемъ фактомъ: я видѣлъ какъ оно проглотило хлѣбъ и мясо; черезъ часъ, вскрывъ его желудокъ, я нашолъ въ немъ пищевую кашницу, кисловатаго свойства; это измѣненіе и есть пищевареніе. Но замѣтьте, что оно окружено и ему предшествуетъ дѣльный рядъ неизвѣстныхъ намъ еще членовъ. По какимъ промежуточнымъ состояніямъ прошла пища? Какія положенія занимала она одновременно въ желудкѣ? Какія движенія причиняли и измѣняли это положеніе? Какое вещество видоизмѣняло ее? При помощи какихъ составныхъ частей? Какова пропорція этихъ частей? Откуда она происходитъ? Какимъ образомъ образовалась? Какъ она начала дѣйствовать на пищу и какія видоизмѣненія произвели въ ней? Вы видите, что переводъ нашъ небылъ полонъ: выраженіе наше указывало на фактъ, но не на части факта; оно означало измѣненіе состоянія, но оптомъ, неисчисляя того, изъ чего это измѣненіе состоитъ. Мы были похожи на путешественника на вершинѣ горы; издали онъ видитъ сѣроватое пятно и говоритъ: «это Парижъ!» Имя соотвѣтствуетъ факту, но фактъ переводитъ имя неполно. Вотъ здѣсь и наступаетъ второй анализъ; дѣло идетъ о томъ, чтобы замѣнить сѣроватое пятно правильнымъ планомъ города. Эта замѣна есть истинный прогрессъ положительныхъ наукъ; весь ихъ трудъ, весь ихъ успѣхъ въ продолженіи трехъ послѣднихъ вѣковъ состоитъ въ преобразованіи грубыхъ массъ предметовъ, видимыхъ повседневымъ опытомъ, въ послѣдовательный и подробный каталогъ фактовъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе разлагающихся и усложняющихся.

Сравните два перевода, полный и неполный, новый и старый, и вы увидите анализъ, его сущность, его орудія и слѣдствія.

«Желудокъ измѣняетъ пищу въ кашницу.» Вотъ старая наука; ее можно умѣстить на одной строчкѣ. Посмотрите же теперь: фактъ разовьется подобно распущенному вѣру.

При помощи ножа и скальпеля вы обнажаете желудокъ и замѣчаете, что когда въ него входитъ пища, то онъ мѣняетъ форму и направленіе. Большая кривизна его идетъ впередъ и вверхъ, онъ

округляется подлѣ надбрюшной части. Сокращеніе нижней части пищепріемнаго горла вмѣстѣ съ дѣйствіемъ окружной мышшицы (сфинктера) препятствуетъ пищу выходить изъ желудка. Мышечная ткань расширяется; складки слизистой оболочки исчезаютъ; объемъ желудка увеличивается.

При помощи же скальпеля вы дѣлаете въ желудкѣ отверстіе, фистулу. Вы видите черезъ нее, что сокращеніе мышечныхъ волоконъ гонитъ пищу къ входному отверстію, заставляетъ ее обойти малую кривизну, потомъ бросаетъ въ большую кривизну, приводитъ опять къ входному отверстію — и круговращеніе возобновляется. Глядя черезъ фистулу, вы видите, что на вращающуюся пищу обильно льется особаго рода жидкость. При помощи скальпеля и микроскопа вы убѣждаетесь, что эта жидкость происходитъ отъ различныхъ трубчатыхъ желѣзокъ, изъ которыхъ однѣ состоятъ изъ кругловатыхъ ячеекъ, другія изъ цилиндрическихъ.

Вы собираете сокъ этихъ желѣзокъ и изучаете его при помощи химическихъ реакенцій. Вы убѣждаетесь, что онъ кислаго свойства, узнаете его составъ, называете желудочнымъ сокомъ и заключаете, что онъ истекаетъ только въ присутствіи пищи въ желудкѣ.

Вы наливаете этотъ сокъ на различныя питательныя вещества при извѣстной температурѣ и видите, что вещества растворяются въ немъ мало-помалу и становятся жидкими. Поэтому пищевареніе производитъ желудочный сокъ.

Этотъ сокъ разлагаютъ химическими способами и находятъ въ немъ бродящее вещество (ферментъ) пепсинъ и кислоты. Можно убѣдиться, что сокъ, лишенный этого бродила или кислоты, перестаетъ дѣйствовать, что напротивъ бродила и кислота сами по себѣ дѣйствуютъ. Вы заключаете, что эти два вещества и производятъ пищевареніе.

При помощи химіи вы изслѣдуете измѣненія, которыя претерпѣла пища, обращенная въ жидкость. Вы замѣчаете, что она не только растворилась, но и преобразовалась, не получивъ впрочемъ никакихъ новыхъ веществъ. Вы говорите, что она перебродила.

Посредствомъ химіи же, вы изучаете свойства этой новой жидкости и находите, что всякая пища, состоящая изъ азотныхъ среднихъ веществъ, преобразуется въ одно опредѣленное вещество, называемое бѣлковиною, которая можетъ *ассимилироваться*, т. е. возобновлять потери организма.

Таковъ нашъ второй переводъ. Слово «пищевареніе» выражаетъ теперь не какой-нибудь болѣе отличительный фактъ, но только фактъ болѣе сложный. Оно сдѣлалось не болѣе яснымъ, но болѣе плодотворнымъ. Оно выражаетъ не болѣе точное обстоятельство,

но болѣе обстоятельствъ, и всѣ усилія физиологовъ должны быть направлены на увеличеніе количества ихъ.

Но вы въ тоже время видите, какимъ способомъ они его увеличиваютъ. Прямой опытъ даетъ имъ мало фактовъ. Еслибы они ограничивались имъ, то при всемъ вниманіи открыли бы не много. Они принуждены всякій разъ измѣнять наблюдаемый предметъ или замѣнять свои собственные чувства: они измѣняютъ предметъ посредствомъ разрѣзовъ, вымачиваній, инъекцій, химическихъ операцій; они замѣняютъ свои чувства микроскопомъ или указаніями реактивовъ. Вы видите, что анализъ состоитъ въ умноженіи фактовъ, а для умноженія фактовъ необходимо измѣнять наблюдательныя орудія или измѣнять наблюдаемые предметы. Вотъ почему всякое умноженіе фактовъ порождаетъ отдѣльную часть науки, а всякій способъ замѣнять наблюдательное орудіе или измѣнять наблюдаемые предметы увеличиваетъ количество фактовъ. Такъ микроскопъ создалъ эмбриологию, микроскопическую анатомію, анатомію и физиологию низшихъ животныхъ. Такъ химическія сложенія и разложенія создали органическую химию и часть повѣйшей физиологій. Такъ живосѣчивія создали почти всю физиологию нервной системы. Телескопъ есть творецъ астрономіи; вольтовъ столбъ — электрической физики; термометръ, барометръ, гигрометръ — метеорологій. Такимъ-то образомъ растутъ физическія науки, дѣло анализа, которому помогаютъ видоизмѣненія наблюдаемыхъ предметовъ и изобрѣтеніе новыхъ инструментовъ.

Тотъ же самый анализъ и тѣмъ же самымъ способомъ создаетъ нравственныя науки.

Гоголь написалъ «Мертвыя души». Всякій тотчасъ же переводитъ эту фразу болѣе яснымъ фактомъ. Всякому представляется книга въ нѣсколько сотъ страницъ, происшествія, рассказанныя въ ней, характеристики. Но этотъ внѣшній и кажущійся фактъ окружонъ дѣлымъ рядомъ еще неизвѣстныхъ фактовъ. Въ чемъ заключается то, что можно назвать философіей Гоголя? Какимъ образомъ онъ разсуждаетъ? Какое участіе и въ какой мѣрѣ принимаетъ у него воображеніе? Въ какомъ порядкѣ, въ какой пропорціи образы и идеи сцѣпливаются въ его мозгѣ? Въ чемъ заключается его юморъ? Какое участіе имѣютъ при этомъ серьезныя стороны его генія, философій, сатира, темпераментъ? Въ чемъ заключается сообразность его книги съ нравами окружавшей его среды? Почему въ его поэмѣ встрѣчается столько безцеремонныхъ выраженій, оскорбляющихъ чувства извѣстнаго класса цѣломудренной публики? Каковъ слогъ его? Отчего происходитъ эта смѣсь веселаго комизма съ горькимъ, раздражающимъ душу чувствомъ? Какія личныя способности и какія

внѣшнія условія породили этого самобытнаго гения съ такими странными на первый взглядъ приемами? Въ чемъ заключалось вліяніе Гоголя на современное ему общество? Вы видите, что здѣсь предстоитъ такой же анализъ, какой мы сдѣлали говоря о пищевареніи. Издали это единичный фактъ, вблизи это сложный фактъ. Съ перваго взгляда вы наблюдаете одно только видимое дѣйствіе: въ желудкѣ — преобразование пищи, въ книгѣ — нѣсколько тысячъ фразъ. Но собраніе этихъ нѣсколькихъ тысячъ фразъ, равно какъ преобразование пищи, сопровождается неопредѣленнымъ числомъ неизвѣстныхъ еще обстоятельствъ. Въ книгѣ Гоголя, какъ и въ исторіи пищеваренія, умноженіе фактовъ дополнили нашъ переводъ и образовали анализъ. Въ наукахъ нравственныхъ и въ наукахъ физическихъ прогрессъ заключается въ употребленіи анализа, а всѣ усилія анализа — въ умноженіи фактовъ, обозначаемыхъ какимъ-нибудь именемъ. Вотъ еще на примѣръ *Страсть*, картина Альбрехта Дюрера: каждое движеніе, каждая форма есть видимое слѣдствіе невидимыхъ чувствъ. Всякій можетъ видѣть это слѣдствіе, но анализъ объясняетъ его. Жестокость чертъ лица, сильное и всеобщее отвращеніе къ блаженству и красотѣ, глубина чувствъ, грустная мечтательность, фантастическое представленіе привидѣній и апокалипсическихъ чудищъ въ больномъ мозгѣ средневѣковаго челоука, вмѣстѣ съ этимъ опредѣленность чертъ, сила колорита, изобиліе подробностей и оконченности; добросовѣстный, меланхолическій, фантастическій и спиритуалистическій гений вѣнца эпохи возрожденія — вотъ цѣлая группа внутреннихъ, нравственныхъ фактовъ, которые сопровождаютъ видимый и внѣшній фактъ. Точно также всякій историческій фактъ влечетъ за собою цѣлый рядъ внутреннихъ: всякое учрежденіе указываетъ на національный характеръ и на состояніе общественнаго духа, установившаго его. Государство, литература, философія, религія, семейство, общество, правительство, всякое учрежденіе и внѣшнее происшествіе влекутъ за собой и раскрываютъ цѣлую совокупность внутреннихъ происшествій и привычекъ. Внѣшность выражаетъ внутренность, исторія проявляетъ психологію, лицо открываетъ душу. Анализъ прибавляетъ къ міру физическому міръ нравственный и дополняетъ происшествія чувствами.

Но вы видите, что и здѣсь, какъ въ физическихъ наукахъ, для того чтобы умножить число наблюдаемыхъ фактовъ, нужно было видоизмѣнить самыя орудія наблюденія. Историкъ создаетъ себѣ свой особый термометръ — свою душу. Наблюдая и изучая людей, описывая и дѣйствуя, онъ наконецъ открываетъ различнаго рода чувствованія, которыя соотвѣтствуютъ извѣстнымъ фразамъ, фор-

замъ и положеніямъ. Поэтому, если впередь ему встрѣчается подобная форма, ораза или положеніе, онъ испытываетъ и усматриваетъ соотвѣствующее имъ чувство, подобно тому какъ химикъ по различнымъ цвѣтамъ своей реактивной бумажки узнаетъ какое свойство данный растворъ. Пусть у васъ будутъ лучшіе глаза въ мірѣ, пусть вы будете ученѣйшимъ человѣкомъ, вы ничего не откроете въ картинѣ кромѣ ливій, въ картинѣ — письма, если ваше воображеніе не сдѣлалось чувствительнымъ и если внутри себя вы не находите реактива-указателя.

Вотъ почему въ настоящее время психологія такъ мало уважаема и обречена на безплодіе. Ученые говорятъ, что наука Жюзефуа, Дугласа-Стюарта, Рейда и пр. имѣетъ предметомъ обучить взрослыхъ дѣтей отечественному языку, и это мнѣніе не безъ основанія. Ограничиваясь непосредственнымъ наблюденіемъ, психологія не можетъ открывать ни важныхъ, ни новыхъ фактовъ. Самое упорное вниманіе не откроетъ ничего больше того, что указываетъ намъ повседневный опытъ. Жюзефуа самъ говоритъ, что онъ ничему новому не учитъ въ своей аудиторіи, что весь его трудъ состоитъ въ томъ, чтобы прояснить темныя идеи своихъ слушателей, что онъ принимаетъ ихъ за своихъ судей и что согласіе или несогласіе ихъ оправдываетъ или отвергаетъ его теоріи. Спросите физика, доказывается ли онъ проясненіемъ идеи своей аудиторіи и въ исторіи теплорода развиваетъ ли онъ одни повседневныя понятія о теплотѣ? Если психологія наука, то предметъ ея — открывать факты, недоступные непосредственному наблюденію, и если эту науку теперь презираютъ, то это потому, что она не открываетъ подобныхъ фактовъ. Но она можетъ и должна ихъ открывать. Вотъ уже одинъ новый и важнѣйшій психологическій фактъ: пусть она докажетъ, что внѣшнее воспріятіе есть истинная галлюцинація. Но чтобы открыть это, она должна подобно прочимъ наукамъ замѣнить свой наблюдательный инструментъ или видоизмѣнить наблюдаемый предметъ. Замѣнить свой наблюдательный инструментъ она можетъ тѣмъ, что вмѣсто непосредственнаго наблюденія, употребленнаго Рейдомъ, она начнетъ изучать признаки, предшествующіе воспріятію или слѣдующіе за нимъ; признаки эти будутъ для него реактивнымъ указателемъ. Она видоизмѣнитъ свой предметъ, хотя и косвеннымъ образомъ, наблюдая какимъ образомъ проявляются идеи и чувства у умалишенныхъ и одержимыхъ манією.

Здѣсь оначивается первая часть анализа, часть приготовительная. Вы помните въ чемъ она состояла: переводить слова фактамъ. — таково ея опредѣленіе; переводъ точный и переводъ пол-

ный — таковы ея два отдѣла. При точномъ переводѣ темныя, отвѣченныя слова приводятся къ фактамъ, къ частямъ фактовъ, къ отношеніямъ или комбинаціямъ фактовъ. Для этого слово переводятъ какимъ-нибудь частнымъ случаемъ и воспроизводятъ его; повторяя операцію нѣсколько разъ на отдѣльныхъ и подобныхъ примѣрахъ, можно отличить общее обстоятельство, которому слово это соотвѣтствуетъ. Таковъ первый шагъ. При точномъ переводѣ къ каждому опредѣленному уже факту прибавляютъ множество незвѣстныхъ, окружающихъ его. Для этого либо замѣщаютъ наблюдательное орудіе, либо видоизмѣняютъ наблюдаемый предметъ.

Такимъ образомъ вы прежде всего уничтожили метафизическія существа, потомъ увеличили число дѣйствительныхъ. Вы находились въ большой библіотекѣ, зная имя *Виргилія*. Въ первое мгновеніе имя это не обозначало для васъ никакой книги. Потомъ вы увидѣли это имя на переплетѣ тома. Наконецъ вы открыли самую книгу и представляете себѣ этимъ именемъ пятьдесятъ страницъ, прочитанныхъ вами. Потомки ваши прочтутъ еще пятьдесятъ страницъ и сдѣлаютъ переводъ болѣе точнымъ. Дѣти ихъ прочтутъ еще дальше, и такъ до безконечности. Книга никогда не окончится.

Представленный нами выше анализъ, составляющій всю философію идеалоговъ и сенсуалистовъ, при всей своей важности не есть еще наука, а скорѣе необходимое введеніе въ науку; онъ долженъ имѣть продолженіе, и главнѣйшая заслуга его состоитъ въ приготовленіи къ этому продолженію.

Были бы вы довольны, напримѣръ еслибы вамъ привезли цѣлую повозку анатомическихъ атласовъ и самый подробный каталогъ всѣхъ жизненныхъ отправленій? Считали бы вы, что вы познакомились вполнѣ съ организмомъ? Этотъ организмъ есть ли не болѣе какъ совокупность частей? Не чувствуете ли вы, что въ этомъ устроенномъ множествѣ, есть какая-нибудь устраивающая причина? Развѣ для образованія арміи довольно наполнить солдатами пустыя кадры и увеличить до безконечности число солдатъ? Не нужно ли дать имъ еще генерала? И нужно ли для этого, подобно многимъ философамъ, искать далеко ключа разгадки? Какой опытъ отвергаетъ, что причина фактовъ не есть сама фактъ?

Опытъ указываетъ на противное. Каждая группа фактовъ имѣетъ свою причину; эта причина есть фактъ. Вы увидите изъ примѣровъ, какимъ образомъ можно ее найти.

Вотъ животное: собака, человѣкъ, воронъ, карпъ; какова его сущность или причина? Всѣ шаги методы суть не болѣе какъ слѣдствіе этого вопроса.

Распредѣливъ по классамъ части и отправленія этого живого

организма и разсмотрѣвъ внимательно отношеніи и слѣдствіи ихъ, мы выдѣляемъ одинъ общій фактъ, т. е. свойственный всѣмъ частямъ животоу тѣла, во всѣ минуты жизни, именно питаніе или возобновленіе органовъ. Я предполагаю, что этотъ фактъ есть причина группы другихъ фактовъ и повѣрю эту гипотезу. Если повѣршіе отвергнетъ меня, я буду повторенъ брать всякій общій фактъ, встрѣчающійся мнѣ, до тѣхъ поръ пока не попаду на такой, который будетъ причиной.

Чтоже мы называемъ причиной? *Фактъ, изъ котораго можно вывести сущность, отношеніе и измѣненіе другихъ фактовъ.* Если питаніе есть фактъ, то можно вывести изъ него сущность и отношенія цѣлой группы отправленій и органовъ; можно также изъ нея вывести измѣненія, которыя эта группа претерпѣваетъ въ различныхъ видахъ животныхъ и въ самомъ индивидуумѣ. Такъ ли это? Опытъ отвѣтитъ намъ. Если онъ отвѣтитъ утвердительно, то питаніе, имѣя всѣ принадлежности причины, есть причина, и гипотеза наша обращается въ истину.

Первая повѣрка: разсмотрите отношенія и свойства отправленій и органовъ. Побужденія, инстинкты, мускулистая сила, орудія животнаго устроены и скомбинированы такимъ образомъ, чтобы оно жевало и могло питаться.

Операцин, посредствомъ которыхъ пища пережевывается, смачивается, глотается, переваривается, переходитъ черезъ артеріи и вены въ органы, разлагается для того, чтобы доставить каждому органу необходимое вещество, безчисленныя подробности всѣхъ этихъ измѣненій, игра химическихъ, физическихъ и механическихъ законовъ и другихъ быть-можетъ еще неизвѣстныхъ, строеніе органовъ, безконечно сложеное и совершенно приспособленное, всѣ части и всѣ движенія великой системы способствуютъ своими отношеніями и свойствами произведенію окончательнаго питанія. Слѣдовательно изъ питанія можно вывести отношенія и свойства группы фактовъ.

Вторая повѣрка: переходите отъ одного вида животнаго къ другому. Когда вы видите, что одно второстепенное отправленіе измѣняется, вы убѣждаетесь, что и всѣ остальные измѣняются въ тоже время именно такимъ образомъ, чтобы питаніе могло все-таки совершаться.

Если вы встрѣчаете кишку, способную переваривать сырое мясо, то у такого животнаго челюсти устроены для пожиранія добычи, когти — для того чтобы схватывать и разрывать ее, зубы — чтобы разрѣзывать и раздроблять, цѣлая система двигательныхъ органовъ — чтобы схватывать и настигать ее, чувства, способныя

примѣчать се жадала, истиннѣе прятаться и дѣлать засады; вкусъ къ крови и мясу. Изъ этого слѣдуетъ извѣстная форма соединительнаго бугорка (condyloma), для того чтобы челюсти могли дѣйствовать на подобіе ножницъ, увеличенный объемъ жевательнаго мускула, извѣстное расширеніе ямки, къ которой онъ прирѣпляется, и множество свойствъ, опредѣляемыхъ анатомомъ заравъ. Измѣните органъ: если нога окружена роговымъ веществомъ, кошлыгомъ, способнымъ поддерживать, но неспособнымъ схватывать, то животное имѣетъ вкусъ къ травѣ, зубы его коренные съ плоскимъ вѣнчикомъ, очень длинный нитательный каналъ, сложный и объемистый желудокъ и т. д. (См. Кювье.)

Изъ питанія выводятся всѣ эти связи и особенности, слѣдовательно изъ питанія можно вывести измѣненія, которыя отъ вида къ виду претерпѣваетъ цѣлая система фактовъ.

Третья повѣрка: рассмотрите метаморфозы живогнаго. Когда вы видите, что какое-нибудь подчиненное отравленіе измѣняется, вы убѣждаетесь, что и всѣ другія измѣняются такъ, чтобы могло совершаться питаніе.

Головастикъ, какъ травоядное, нуждается въ очень длинномъ пищевомъ каналѣ и кишка его въ десять разъ длиннѣе всего тѣла; измѣнившись же въ плотоядную лягушку, длина его уменьшается въ пять разъ въ длину. У прожорливой личинки жука есть пищапріемное горло, огромный мускулистый желудокъ, окруженный тремя рядами слѣпыхъ кишокъ, тонкая кишка, толстая кишка, въ три раза больше чѣмъ желудокъ и занимающая треть всей задней части тѣла. Слѣвавшись жукомъ и болѣе умѣреннымъ, у него остается только одинъ каналъ, довольно тощій, безъ всякихъ развѣтвленій. Когда измѣняются истиннѣе и потребности, измѣняется и желудокъ, и обратно. Есть сотни подобныхъ примѣровъ; ихъ даже есть тысячи, потому что внутри или внѣ матеря всякое животное претерпѣваетъ тысячи метаморфозъ. Слѣдовательно изъ питанія можно вывести измѣненія, претерпѣваемые въ одномъ и томъ же индивидуумѣ цѣлою системою фактовъ. Слѣдовательно питаніе есть причина группы фактовъ.

Вотъ мы уже избавились отъ одной группы. Она вся состоитъ теперь изъ однихъ слѣдствій. Мнѣ незачѣмъ теперь ее разсматривать, такъ какъ при нуждѣ я могу отыскать ее посредствомъ разсужденія. Пятьсотъ фактовъ мы свели къ одному. Въ послѣдующихъ послѣдованіяхъ мы будемъ имѣть дѣло только съ этимъ сокращеннымъ и обобщающимъ фактомъ.

Но для чего же это непрерывное питаніе? Потому что разрушеніе или разложеніе безирерывно; разложеніе или разрушеніе

есть также общій и постоянный фактъ и можетъ быть также причиною. Повѣривъ же эту новую гипотезу, какъ мы повѣрили первую, и посмотримъ къ какому заключенію мы придемъ.

Первая повѣрка: рассмотримъ сущность и отношенія отравленій и органовъ. Если разложеніе есть причина, то всегда будетъ группа отравленій и органовъ, расположенныхъ такимъ образомъ, чтобы живое тѣло могло разлагаться. Опытъ подтверждаетъ это. Живое тѣло образовано изъ веществъ очень сложныхъ, имѣющихъ основнымъ элементомъ *протеинъ*, вещество очень нестойкое и легко разлагающееся. Ткани организма легко проникаются жидкостями и газами, что позволяетъ разложившимся веществамъ извергаться. Вышній кислородъ, разлагающее вещество, смѣшивается съ кровью иъ легкихъ — органѣ, построенномъ съ необыкновеннымъ искусствомъ: онъ (т. е. кислородъ) проводится во все живое тѣло посредствомъ системы артерій и разлагаетъ ткани черезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ. Мертвые, т. е. негодныя вещества, происшедшія отъ этого разрушенія, выдѣляются легкими въ видѣ углекислоты, почками въ видѣ мочи, кишечнымъ каналомъ и кожею; разныя желѣзы, почки, печень устроены по разумному плану, чтобы способствовать этому очищенію. Итакъ есть множество органовъ и отравленій, которые по своей сущности и отношеніямъ способствуютъ окончательному разложенію. Следовательно изъ разложенія можно вывести сущность и отношенія цѣлаго ряда фактовъ.

Вторая повѣрка: если разрушеніе есть причина, то, если отъ вида къ виду условія мѣняются, и самыя операція должны мѣняться такъ, чтобы разрушеніе это могло совершаться. Опытъ подтверждаетъ это. Поставьте животное въ различныя среды: вы увидите, что дыхательный органъ видоизмѣняется такъ, чтобы дать возможность вводить въ организмъ разрушительный кислородъ. Млекопитающее на воздухѣ дышетъ легкими; жабры рыбы помѣщены въ головѣ, выдѣляютъ изъ воды заключенный въ ней кислородъ и снабжены отверстиями для выбрасыванія негодной воды; цыпленокъ, заключенный въ яйцѣ, дышетъ посредствомъ сосудовъ (*allantoides*) воздухомъ, проходящимъ сквозь поры скорлупы; зародышъ млекопитающаго получаетъ воздухъ посредствомъ сообщенія сосудовъ матери съ своими. Итакъ при измѣненіи среды необходимость разрушенія обуславливаетъ измѣненія въ органахъ и операціяхъ. Следовательно изъ разложенія можно вывести отъ вида къ виду измѣненія цѣлаго ряда фактовъ.

Третья повѣрка: если разрушеніе есть причина, то въ самомъ индивидуумѣ, при измѣненіи условий, отравленія должны измѣ-

ваться именно такъ, чтобы разложеніе могло совершаться. Опытъ подтверждаетъ и это. Лагушка въ состояніи головастика — водное животное и дышетъ жабрами; сдѣлавшись взрослою и земноводною, жабры у ней исчезаютъ, она дышетъ кожей и легкими.

Нѣкоторыя личинки двукрылыхъ насѣкомыхъ (diptera) дышатъ посредствомъ трубочекъ въ воздухъ, а нимфы ихъ, сдѣлавшись водяными, дышатъ воздухомъ изъ воды и снабжены сѣтчатыми жабрами, прикрѣпленными къ груди. Напротивъ, личинки другихъ насѣкомыхъ дышатъ мѣшотчатыми жабрами, а нимфы ихъ трубочками. Измѣненіе второстепенныхъ органовъ и отправленій влечетъ за собой измѣненіе въ другихъ. Есть тысячи подобныхъ фактовъ, или лучше сказать, такъ какъ всякое животное претерпѣваетъ безчисленное множество метаморфозъ, то такихъ фактовъ безчисленное множество. Итакъ, когда условія мѣняются, то необходимость разрушенія опредѣляетъ измѣненія въ органахъ и отправленіяхъ. Слѣдовательно изъ разрушенія можно вывести измѣненія въ одномъ и томъ же индивидуумѣ для цѣлаго ряда фактовъ.

Итакъ разрушеніе есть причина цѣлой группы фактовъ.

Вотъ мы уже избавились отъ другой группы; предметъ нашъ значительно упростился; изъ множества фактовъ у насъ осталось всего два: разрушеніе и возобновленіе. Притомъ же очевидно, что изъ этихъ двухъ фактовъ одинъ есть слѣдствіе другого: если природѣ животное безпрестанно разрушается, то чтобы существовать, оно должно и возобновляться. Итакъ ограничимъ еще и продолжимъ одну причину — разрушеніе.

Это самое открываетъ намъ новую причину. Кто разрушается и кто возобновляется? Животное, т. е. типъ, опредѣленная и ограниченная форма, продолжающаяся отъ поколѣнія къ поколѣнію. Этотъ типъ есть нѣчто существенное, потому что если онъ повреждается, то животное гибнетъ или вырождается; онъ есть нѣчто отличное, потому что неживое тѣло можетъ до безконечности мѣнять свою форму и величину, непогибая и невырождаясь. Мы сейчасъ доказали, что въ извѣстныхъ точкахъ и для нѣкоторыхъ измѣненій онъ зависитъ отъ отправленій и ихъ требованій. Остается узнать; есть ли онъ въ совокупности своей первоначальная причина и независимый фактъ? Какъ же узнать, есть ли онъ слѣдствіе или причина? Сдѣлавъ гипотезу, что онъ есть слѣдствіе, и потому повѣривъ или опровергнувъ ее опытомъ.

Если отправленіе опредѣляетъ типъ, то изъ отправленія можно будетъ вывести существованіе, разнообразіе и упорство типа. Если отправленія нѣтъ, то и типа не должно быть. Если первое остав-

онъ, то и второй долженъ оставаться. Въ противномъ случаѣ типъ независимъ отъ отправления.

Но мы часто видимъ, что отправления нѣтъ, между тѣмъ какъ типъ существуетъ. Страусъ не можетъ летать, а между тѣмъ у него есть крыло. У многихъ птицъ на концѣ крыла мы находимъ часто косточку, сваблонную у нѣкоторыхъ птенцовъ ногтемъ и служащую единственно для представленія пальца. У удава, ползущей амфибии, находятся слѣды конечностей. У мѣланицы (видъ змѣи) есть маленькое плечо, грудная часть, признаки таза и два выдающиеся бугорка въ молодомъ возрастѣ, замѣняющіе нижнія конечности. У мужчинъ есть соски и часто встрѣчаются даже молочныя желѣзы. Самецъ двуутробни имѣетъ въ юности мѣшокъ какъ самка. У одного вида тризуновъ — крота (*mus turpis*) глаза покрыты непрозрачною, покрытою волосами перепонкою, такъ что онъ ничего не видитъ. Итакъ мы видимъ, что отправление не опредѣляетъ существованія органа, такъ какъ органъ существуетъ независимо отъ отправления.

Съ другой стороны, оставьте одно и тоже отправление — типъ можетъ измѣняться. Птица летаетъ при помощи крыла, летучая рыба при помощи плавательнаго пера, летучая мышь при помощи руки, насекомое при помощи перепонки, несколько непохожей на крыло птицы. Рыба плаваетъ при помощи длиннаго костнаго или хрящеваго аппарата, называемаго плавательнымъ перомъ, китовыя животныя при помощи рукъ, пингвинъ (птица) при помощи крыльевъ, молоскъ при помощи особаго ростка. Змѣя ходитъ при помощи ребръ и позвонковъ, млекопитающее при помощи ногъ, червякъ при помощи покрововъ. Кровь у позвоночныхъ вращается по сосудамъ; у явныхъ сердце простое, у другихъ двойное, тройное. Дыханіе у млекопитающихъ совершается посредствомъ легкихъ, у лягушекъ посредствомъ кожи, у насекомыхъ посредствомъ трахей (особаго рода трубочекъ), у молосковъ и рыбъ посредствомъ жабръ всевозможныхъ формъ и положеній. Слѣдовательно отправление не опредѣляетъ разнообразія типовъ, такъ какъ типъ измѣняется независимо отъ отправления.

Итакъ типъ не есть нѣчто производное или зависящее, но онъ независимъ и первообразенъ. Но если отправление не есть причина его, то можетъ-быть оно есть причина отправления; и между отправлениями нужно посмотреть, нельзя ли будетъ произвести отъ него именно то, которое мы нашли такимъ же первообразнымъ какъ и онъ, именно разложеніе. Положимъ, что это возможно; для насъ не важно въ настоящую минуту, произведутъ ли это отправление отъ типа или нѣтъ, или можетъ-быть то и другое произведутъ отъ че-

го-нибудь другого. Мы забрасываемъ методу, а не устанавливаемъ теорію. Примемъ эту мысль не какъ фундаментъ, а только какъ ядро для будущаго фундамента.

Если напиримѣръ разрушеніе выводится изъ тѣла, то оно повлечетъ за собой всю группу разрушающихъ отравленій и кромя того питаніе и группу питательныхъ отравленій. Следовательно тѣло будетъ причиною всего остального. Изъ него можно будетъ вывести всѣ факты, составляющіе животное.

Каждая группа этихъ фактовъ выводится изъ одного господствующаго факта. У насъ останется одна только формула, общее опредѣленіе, изъ котораго выйдетъ, посредствомъ системы прогрессивныхъ выводовъ, множество подчиненныхъ фактовъ.

Тогда вы усмотрите дѣла науки и поймете что такое система. Посмотрите же отсюда, какимъ образомъ мы шли. Мы не выходили изъ области фактовъ; мы не призывали на помощь никакого метафизическаго существа; мы думали только о составленіи группы. Нашедши эти группы, мы замѣщали ихъ общимъ фактомъ. Мы выражали эти факты формулой. Потомъ мы соединили различныя формулы въ одну группу и отыскивали высшій фактъ, порождающій ихъ. Мы продолжали такъ далѣе, пока не пришли къ единичному факту, который и есть всеобщая причина. Называя его причиной, мы не хотимъ сказать только, что изъ формулы его можно вывести всѣ прочія и всѣ слѣдствія прочихъ. Мы преобразовали такимъ образомъ разбросанное множество фактовъ въ іерархію предложеній, изъ которыхъ первая порождаетъ группу подчиненныхъ предложеній; эти въ свою очередь производятъ каждая новую группу, и такъ далѣе, пока не явятся подробности и частныя факты, наблюдаемые органами чувствъ. И въ подобной лѣстницѣ всѣ ступени явственно обозначены. Образовавши группу, мы посредствомъ *отвлеченія* выбрали изъ нея одинъ общій фактъ и по *индукціи* предположили, что онъ есть причина другихъ. Зная свойства причины, мы *повѣряемъ*, содержитъ ли этотъ фактъ эти свойства; если не содержитъ, мы беремъ другой фактъ и снова *повѣряемъ*, его и такъ далѣе, пока не дойдемъ до причины. Соединивъ группу причинъ или общихъ фактовъ, мы тѣмъ же самымъ способомъ ищемъ, какой изъ нихъ порождаетъ всѣ другіе. Такъ мы поступали сейчасъ. Отвлеченіе, гипотеза, повѣрка — таковы три шага метода. Больше не нужно, но зато они нужны всѣ три.

Всакій разъ, когда вѣшь потребителю естественна группа способностей, вы можете употребить этотъ методъ и откроете цѣлый рядъ потребностей; то же самое бываетъ въ мирѣ этическомъ, какъ и въ мирѣ нравственномъ. Цивилизація, народъ, вѣкъ — суть опредѣленія развивающіяся. Человекъ есть ходячая формула. Напримѣръ римское общество, вы находите въ немъ очень общую способность дѣйствовать массою, вмѣстѣ съ развитіемъ личнаго интереса; способность эта установилась частью отъ его первоначальныя наклонностей (что особенно можно видѣть изъ первобытнаго языка и религіи), главнымъ же образомъ отъ того обстоятельства, что Римъ съ самаго происхожденія своего былъ убѣжищемъ, враждебнымъ своимъ сосѣдямъ, образовавшимся изъ разнородныхъ и враждебныхъ элементовъ, въ которомъ слѣловательно каждый былъ поглощенъ мыслью о своемъ интересѣ и въ то же время обреченъ былъ дѣйствовать массою. Вы отдѣляете эту эггистическую и политическую способность и выводите тотчасъ же характеръ римскаго общества и правительства: искусство сражаться, вести переговоры и управлять, велебѣдную любовь къ отечеству, калеккое и видекоемъ вѣрое мужество, духъ дисциплины, постоянную мысль о завоеваніи и эксплуатациіи всего міра, уваженіе къ закону, талантъ къ законнымъ нападеніямъ и защитѣ, умѣренность и упорство въ гражданской борьбѣ, вездѣ расчетъ и подчиненіе воли разсудку. Изъ этой группы нравственныхъ наклонностей можно вывести всѣ важнѣйшія подробности римской конституціи; а эта группа въ свою очередь выведется изъ эггистической и политической способности, которую вы прежде всего отдѣляли. Перенесите эту самую способность въ частную жизнь: вы увидите какъ явится духъ выгоды и законности, бережливость, скупость, жадность, всѣ расчетливыя привычки для приобрѣтенія и сохраненія, самыя тонкія формы при законныхъ передачахъ, страсть къ ябедѣ, словомъ всѣ наклонности, которыя могутъ служить гарантіей или законнымъ и ябличнымъ оружіемъ. Перенесите ее въ семейную жизнь: семейство, преобразованное въ политическое и деспотическое учрежденіе, основанное не на естественности чувствъ, но на повиновеніи и религіозныхъ обычаяхъ, становится небольшою какъ вещь или собственностью отца, родъ удѣла, даруемаго каждый разъ закономъ и назначеннаго для доставленія обществу солдатъ. Перенесите ее въ религію: религія, основанная положительнымъ и политическимъ духомъ, лишонная философіи и повѣіи, признаетъ за боговъ сухія абстракціи, бичи, обожаемые только ради страха; она признаетъ и иностранныхъ боговъ, но только ради выгоды; родина обоготворяется въ гордости; богослуженіе есть глухой и суевѣрный ужасъ,

религиозномъ церемоніи мелодны, прозанны и кровоподны; священнослужители составляютъ организованный корпусъ свѣтскихъ лицъ, простыхъ администраторовъ, назначенныхъ въ виду государственныхъ интересовъ и подчиненныхъ гражданскихъ властямъ. Перенесите ее въ искусство: искусство, презираемое, составленное изъ привозныхъ образцовъ и остатковъ, ограниченное одною коллеюю, производитъ само по себѣ только политическія и притическія творенія, документы администраціи, памфлеты, правоучительныя правила; въслѣдствіи при помощи иностранной культуры оно привело только къ краснорѣчію — оружію на форумѣ, къ сатиры — оружію нравственности, къ исторіи — ораторскому сборнику политическихъ воспоминаній; оно развивается только подражаніемъ, в те тогда только, когда римскій геній гибнетъ подъ вліяніемъ новаго духа. Перенесите ее наконецъ въ науку: наука, лишенная научнаго и философскаго духа, сведенная на подражанія, переводы, приложенія, становится популярною только при помощи морали; собранія практическихъ правилъ, изучается только съ практическою цѣлью; ея единственное оригинальное открытіе есть юриспруденція, компиляція законовъ, остающаяся простымъ руководствомъ для судей, до тѣхъ поръ пока греческая философія не организовала ее и не приблизила къ естественному праву.

Сухой и положительный умъ, слѣдствіе первоначальнаго устройства мозга, съ одной стороны, съ другой — могущественное обстоятельство, необходимость думать о своихъ выгодахъ и дѣйствовать массою, — все это произвело въ этомъ народѣ и довело до крайности эгонистическую и политическую свободу. Изъ этой способности выводятъ различныя группы нравственныхъ привычекъ. Изъ каждой группы въ свою очередь выводятъ порядокъ фактовъ, сложныхъ и развѣтвленныхъ на безчисленныя подробности, — жизнь частная, жизнь публичная, семейная, религія, наука, искусство. Эта іерархія причинъ есть система исторіи. Всякая исторія имѣетъ свою систему и вы видѣли какимъ образомъ можно достигнуть ея. И здѣсь, какъ въ наукахъ естественныхъ и физическихъ, метода одна и тажа; и здѣсь причина есть только фактъ. Эгонистическая и политическая способность есть въ римлянинахъ наследственная привычка, преобладающая надъ всѣми прочими; она устанавливаетъ порядокъ, видъ и строй его чувствъ и идей. Она находится въ немъ, когда онъ работаетъ, сражается, управляетъ, молится, разсуждаетъ, изобрѣтаетъ и ищетъ. Присутствуя при всѣхъ его дѣйствіяхъ, она управляетъ ими, нѣкоторыя увеличиваетъ, другія уменьшаетъ и подчиняетъ, производитъ то силу, то слабость, добродѣтели и пороки, могущество и разрушеніе, и объясняетъ все, потому что дѣлаетъ все.

Поэтому забудьте огромную кучу безчисленныхъ подробностей; обладаа формулою, вы знаете все остальное. Въ горсти руки у васъ тысячу лѣтъ и половина всего древняго міра.

Предположите, что трудъ этотъ совершенъ для всѣхъ народовъ, для всей исторіи, для психологівъ, для наукъ нравственныхъ, для зоологівъ, для физики, для химіи, для астрономіи. Въ ту же минуту видимая нами вселенная исчезаетъ. Факты уменьшились; ихъ за-мѣстили формулы; міръ упростился, наука готова.

Осталось всего пять или шесть общихъ предложеній или опредѣленій: опредѣленіе человѣка, животнаго, растенія, хамцискаго тѣла, физическихъ законовъ, астрономическихъ тѣлъ. Мы обращаемъ взоры свои на эти первовныя опредѣленія; мы разсматриваемъ эти создающія силы, единственно постоянныя въ безконечности времени, которое развиваетъ и разрушаетъ ихъ творенія, единственно недѣльныя въ безконечности пространства, которое расширяетъ и умножаетъ ихъ дѣйствія. Но мы идемъ еще далѣе: вида, что такихъ опредѣленій нѣсколько и что они факты подобно всѣмъ другимъ, мы открываемъ въ нихъ, посредствомъ такой же методы, одинъ первоначальный фактъ, изъ котораго они всѣ выводятся и который ихъ всѣхъ порождаетъ. Мы открываемъ единство вселенной и понимаемъ что производитъ его. Оно происходитъ не изъ нѣтъ: оно происходитъ отъ общаго факта, похожего на всѣ другіе факты, отъ обобщающаго закона, изъ котораго выводятся всѣ другіе, подобно тому какъ изъ закона притяженія выводятся всѣ явленія притяженія, подобно тому какъ изъ закона волнообразности выводятся всѣ явленія свѣта, подобно тому какъ изъ существованія типа выводятся всѣ отправления животнаго, подобно тому какъ изъ господствующей способности народа происходятъ всѣ части его учреждений и всѣ происшествія его исторіи. Конечный предметъ науки есть этотъ высшій законъ; и тотъ, кто однимъ скачкомъ могъ бы перенестись въ вѣдро его, увидѣлъ бы какъ изъ него течетъ вѣчный потокъ происшествій и безконечный океанъ вещей и явленій. По указанному нами пути и по догадкамъ можно перенестись туда; зная свойства закона, можно заключить о его природѣ. Метафизики слятся опредѣлить эту природу, непроходя путемъ опыта и вдругъ. Они слѣлали эту попытку въ Германіи съ героическою смѣлостью и высокою геніальностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ неосторожностью, еще большею чѣмъ смѣлость и геніальность. Они однимъ скачкомъ возвысились до перваго закона, и негляда на природу, пытались вывести при помощи геометрическаго построенія тотъ міръ, котораго они не знали. Безъ точныхъ познаній, безъ анализа, вознесшись

сразу на вершину пирамиды, по ступеням которой лишь понемногу восходить, духъ постигло великое надежје; но въ этихъ развалинахъ и въ глубинѣ этой пропасти остатки теоретика нѣтъ презирать все что было когда-либо построено человѣкомъ, и полуразрушаемый планъ нѣтъ указываетъ будущимъ философомъ на цѣль, къ которой они должны стремиться, но только по другому пути.

Въ эту-то минуту человѣкъ начинаетъ чувствовать, какъ рождается въ немъ познаніе природы. Посредствомъ такой іерархіи необходимости ширь образуетъ существо единичное, мелкое, члены котораго суть всѣ другія существа. На вершинѣ всѣхъ вещей является вѣчная аксіома и продолжительные отголоски этой создающей аксіомы составляютъ всю огромность вселенной. Всякая форма, всякое измѣненіе, всякое движеніе, всякая идея — есть одна изъ ея актовъ. Она присутствуетъ во всѣхъ вещахъ и не ограничивается ничѣмъ. Матерія и мысль, планета и человѣкъ, безчисленные солнца и бленіе насѣкомаго, жизнь и смерть, горе и радость — все это выражаетъ ее и все это выражается ею. Она наполняетъ время и пространство и находится выше нихъ. Всякая жизнь есть одна изъ его мгновеній, всякое существо — одна изъ ея формъ, и цѣлые порядки вещей исходятъ изъ нея согласно необходимости, связанная между собою божественными кольцами неразрывной и неразрушимой цепи.

В. Ф.—Ъ

СЕМЕЙСТВО МОНСОВЪ

1698—1724

(ОЦЕРКЪ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ)

VIII

ПРЕДЪ РОЗЫСКОМЪ

1724 г.

16 июня 1724 года, какъ мы видѣли, государь оставилъ Москву, а въ ней вдовую супругу. Девыщникъ Дрезникъ получилъ приказаніе выждать ея выздоровленія, и лишь только она подымется въ отъѣздъ, ѣхать впередъ и извѣстить о томъ императора. Но всему было видно, что государь ничего не зналъ о роковомъ доносі: Петръ попрежнему былъ внимателенъ, въ женѣ и заботливъ къ Екатеринѣ. «Катеринушка, другъ мой сердешничкой, здравствуй! — пріѣзжалъ отъ ея съ дороги въ Петербургъ. — Я вчера съприбылъ въ Боровичи слава-богу благополучно, здорово, гдѣ шло нашихъ потрошонковъ (т. е. дѣтей) и съ ними вчера поцѣлывъ на одномъ суднѣ;зѣло мучился отъ мелей, чего и тебѣ опасуюсь, развѣ съ лождей вода прибудетъ; а ежели не прибудетъ жъ спосно тебѣ будетъ, лучше-бъ до Бронницъ ѣхать (тебѣ) сухимъ путемъ; а тамъ ямы (т. е. станціи) частые, — не надобно волостныхъ (подводъ). Мы въ запасъ въ Бронницахъ судно вамъ изготавимъ... дай-боже васъ въ радости и скоро видѣть въ Питербурхѣ.» На любительной грамоткѣ, безъ сомнѣнія по желанію Петра, приписывали и «потрошонки» — Анна и Елизавета.

Въѣхавъ государь въ дорогой для него Петербургъ и веза-

длилъ въ цвѣдулкѣ подытаться чувствами съ «Катеринушкой». «... намолъ все — писалъ онъ между прочимъ — какъ дуть въ красотѣ растущее, и въ огородѣ (т. е. въ Лѣтнемъ саду) повеселился; только въ палаты какъ войдешь, такъ бѣжать хочется: все пусто безъ тебя... и ежелибъ не праздники зашли (т. е. годовщина полтавской битвы и день Петра и Павла), уѣхалъ бы въ Крошштатъ и Питергофъ. ... дай-богъ васъ въ радости здѣсь видѣть скорѣ! Кораблѣмъ тужестравнѣхъ вѣсь 100 въ приходѣ.»

Только-что отправился гонѣцъ съ цитованной нами грамоткой, какъ на другой день государь самъ получилъ письмецо отъ «Катеринушки»: та писала, что пришла въ «старое» здоровье, что она отправляется изъ Москвы, и шутила въ прежнемъ родѣ. Какъ обрадовался государь вѣсточкѣ, можно судить изъ того, что онъ въ тотъ же день послалъ ей навстрѣчу суда, а на нихъ обычные презенты: «венгерское, пиво, помаранцы, лимоны и соленые огурцы». Та немедля отвѣтами, писала съ пути, поздравляла съ празднествами 27—29 юня, заявляла «сердечное желаніе въ радости васъ скорѣ видѣть» (!).

Между тѣмъ какъ государыня, оправившись отъ неожиданнаго удара, спѣшила въ Петербургъ на радостную встрѣчу, втеченіи пута въ толпѣ ея многочисленной свиты шло шушуканье о вещахъ для нея опасныхъ.

— Монсова фамилія, — рассказывалъ придворному стряпчему Константинову знакомый уже намъ Суворовъ — Монсова фамилія вся приходила къ Монсу просить со слезами, чтобъ онъ Егора Столѣтова отъ себя отбросилъ, а то можетъ онъ, Монсъ, отъ Егора пропастъ. Монсъ отвѣчалъ, вѣсѣлицъ ле много. Егоръ, сидѣлъ про то, сказалъ: «онъ, Монсъ, прежде меня попадетъ на вѣзлищу». И достигалъ Егорка у него, Монсоа, изъ кабинета одного нисъма, однако не досталъ.

О силѣ того письма Суворовъ по незнанію или по осторожности промолчалъ.

Суворовъ спросилъ у Константинова: «А видѣшь ли ты Балакирева?»

— Не очень знаю.

— Этотъ Балакиревъ хотя и швалунномъ кажется, однако не арешать!

(!) На прогоны государыни отъ Москвы до Выднѣго-Волоцка, видимо, была изъ кабинета 1000 руб. Макаровъ, препроводя деньги въ распоряженіе Монса, просилъ давать ямщикамъ по 1 деньгѣ на версту за лошадей, а то императрица въ прежнія поѣздки платила по 1 алтыну на 10 верстъ: «и того было убрало мало, отъ чего бѣдные ездокъ случаются». Цисіме Макаровъ къ: Монсу 17 янв. 1764 г.

Разговоръ, какъ кажется, ничего не заключалъ въ себѣ интереснаго, а между тѣмъ кто-то имъ очень заинтересовался; кто, будь этотъ любопытный, изъ-за чего онъ чутко прислушивался къ подобнымъ толкамъ — невѣдомо. Зато известно, что въ тотъ же день составлена была «записка для памяти, что Иванъ Суворовъ рассказывалъ Андрею Константинову, будучи въ дорогѣ отъ Москвы до Петербурга». Записка свратана. Кто ее доставилъ, кому поддалъ, почему она исчезла до времени; все это остается загадкой.

Интрига какъ-видво обдуманная, осторожная, велась противъ Монса; надъ нимъ скоплялась гроза. Отношенія же между тѣмъ государя къ государынѣ, а слѣдовательно и значеніе нашего героя оставались прежнія.

Такъ, 8 іюля 1724 г. Екатерина была встрѣчена съ большимъ торжествомъ: цѣлая флотилія Суворовъ выплыла къ ней навстрѣчу за Александроневскую лавру, и немало пороку было разстрѣяно, немало вина было распито, прежде нежели окончились поздравленія императрицѣ съ благополучнымъ пріѣздомъ. Но глазъ наблюдателя легко могъ замѣтить, что эти поздравленія, тосты, пушечные залпы, не могли придать силу и бодрость государынѣ; замѣтно было, что необъяснимый для двора припадокъ 26 мая сильно потрясъ организмъ Екатерины; она была еще очень слаба и даже не садилась за столъ. Впрочемъ это продолжалось недолго. Скоро послѣдовали обыкновенныя пиры съ обыкновенными явленіями; пиры эти въ лѣто 1724 года ардавались при дворѣ какъ-то особенно часто, такъ какъ поводомъ къ нимъ было много: безпреставно спускали нововыстроенные корабли, фрегаты, мелкія морскія и рѣчныя суда. Рѣдкая изъ пирушекъ при этихъ случаяхъ, особенно размашистыхъ, обходилась безъ присутствія императрицы. Государь, оживленный явленіемъ «новорожденнаго» адмиралъ-баса Головина (1), оживленный участіемъ въ его радости «свѣтъ-Катеринушки», былъ обыкновенно въ очень хорошемъ расположеніи духа. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что «новорожденныхъ» окрещивали страшнѣйшими волкозлівціями. Вино оказывало свое дѣйствіе: возникали ссоры, дѣло не обходилось безъ затрещинъ; то птенцы клевали другъ друга... Если «новорожденное» судно было невелико, то государыня иногда не принимала участіе въ пиру, но объѣхавъ судно въ своей баркѣ, осушала бокалъ за здоровье «свѣтъ-батьюшки», и этого было довольно: «государь опять былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа». А запируется онъ и жена ѣдетъ къ нему съ «напаматованіемъ»:

(1) «Новорожденными» дѣтками Головина назывались новые корабли.

твора долой, батюшка.» Батюшка слушается и остается со товарищей.

Вызвали ли въ это время свадьбы придворныхъ чиновниковъ и служителей — и на нихъ, по обыкновенію, почти всегда можно было встрѣтить Петра и Екатерину: ихъ величества бывали почти веселы. На государя особенно часто въ это время находила шутливость и онъ шутилъ грубо, цинически, но по своему времени остроумно. Что Монсы и Балки (1) нисколько не терпели «кредита», видно изъ того, что государь съ государыней посѣщали ихъ семейные праздники: такъ 11 августа высочайшія особы были на крестинахъ дочери Балка *Екатерины*; нѣсколько дней спустя мать Балка фигурировала на свадьбѣ тайнаго кабинетъ-секретаря Макарова въ качествѣ «сестры жениха»; словомъ положеніе этого семейства при дворѣ, какъ относительно державныхъ супруговъ, такъ и въ кругу вельможъ и аристократокъ, нисколько не умалилось.

30 августа, въ воскресенье, все блестящее петербургское общество вслѣдъ за государемъ и государыней и во главѣ многочисленнаго скопища народа принимало участіе въ религіозно-политической процессіи. Въ этотъ день Петербургъ вышелъ во срѣтвіе мощей св. Александра-невскаго. Страстный охотникъ до катаній по волѣ, Петръ и эту церемонію устроилъ на рѣкѣ: многочисленная флотилія пушечными залпами встрѣтила мощи славнаго князя. «Звонъ колоколовъ неумолкалъ — повѣствуетъ Верхгольцъ: — необъятное множество зрителей крестились и кланялись. Большая часть изъ нихъ, проникнутая глубокимъ благоговѣніемъ, горько плакала: Императрица съ двумя дочерьми, затѣмъ обѣ герцогини Анна и Екатерина и всѣ дамы, въ великолѣпнѣйшихъ нарядахъ, находились на переднемъ монастырскомъ дворѣ (въ Александроневской лаврѣ), у архіерейскаго дома, и тамъ ждали приближенія мощей. Увидѣвъ ихъ, онѣ также начали креститься и кланяться, причемъ нѣкоторыя старыя дамы заливались слезами неменѣе простолудивовъ. Какъ скоро мощи пронесли мимо ея величества императрицы, она послѣдовала за ними въ часовню со всею своею свитою и впереди духовенства» и проч. За религіозными церемоніями слѣдовалъ пиръ; отшельники Невской лавры явились радушными хозяевами. Гостямъ подавалось мясо, провозглашались тосты, въ стѣнахъ мирной обители гремѣли пушки.

Словомъ всѣ церемоніи, празднества, спуски кораблей, свадьбы придворныя, рѣчныя катанія и прогулки въ «огородѣ» рѣдко обхо-

(1) Петръ Федоровичъ Балкъ одновременно съ Монсомъ пожалованъ былъ камергерствомъ.

дѣлалась и въ это время безъ присутствія государыни. Ее всегда можно было видѣть подлѣ ласкающаго ее супруга, всегда можно было видѣть и знаки вѣрноподданничества, расточаемые ей великомами: такъ на примѣръ при провозглашеніи тоста за ея здоровье на одной изъ пирушекъ, 25 октября 1724 года, всѣ старыя и eminentныя ея знакомыя пали къ ея ногамъ. Подобныя заавленія «рабской преданности» были нередки.

Въ виду чувствительныхъ сценъ, въ виду вѣжныхъ цидулокъ государя (1), словомъ при прежнемъ значеніи Екатерины: не уменьшалась власть и сила ея фаворита.

Послѣ удара надъ Екатериной и по отъѣздѣ Петра изъ Москвы, Монсъ скоро былъ обрадованъ грамоткой Василья Пospѣлова: «Государь мой братецъ вилимъ Ивановичъ, — писалъ Пospѣловъ — покорно прошу васъ, моего брата, отъят мой должній поклонъ моеи вѣлестивой государыне матушке, императрице Екатерине Алексѣевне; и слава богу, что слышны ея величество в лучшемъ состояніи; дай Боже и впередъ благополучно слышат. Остаюсь вашъ моего друга и брата слуга Петровъ Пospѣловъ.»

.. Кто былъ Пospѣловъ, мы уже видѣли; понятно, что ласковая цидулка отъ него не могла не быть вриатной Монсу; «на верху» значить все благополучно, могъ думать онъ, — если любимѣйшій левничекъ царя пишетъ столь любительно.

И Монсъ, безъ сомнѣнія встревоженный вичалѣ доносомъ, мало-помалу усвоился. Занятія по службѣ, хлопоты по дѣламъ челоубитчиковъ, милость государыни и ласкательство двора, быстро разсѣяли его опасенія. Служебныя занятія оставались прежнія: онъ вѣдался съ оставшиками какихъ-нибудь «главскихъ» волокъ для двора ея величества, подражалъ «швиовпсцевъ для вѣкотораго исправленія комодіа», рассчитывался съ разными дворцовыми волрадчиками, спонсировался съ управляющими по имѣніямъ государыни, выслушивалъ ихъ жалобы другъ на друга (2), отставлялъ отъ вѣста

(1) Последняя (напечатанная) цидулка Петра къ «Катеринушкѣ, другу сердешникому» была отъ 31 октября 1724 года.

(2) Жалобы эти были весьма не мягкаго свойства: на примѣръ нижегородскій приказчикъ государынинныхъ имѣній, Киселевской, доносилъ, и главноуправляющій Палибинъ подтверждалъ доносъ, что другіе приказчики тѣхъ же имѣній, Грузинцовы «чиняютъ крестьянамъ обиды и разореніе». Грузинцовы, задаривъ Монса, Стоянова, Балкву (последней дано было 100 руб.) и имѣя ходатаевъ въ лицѣ богатыхъ помѣщиковъ Горскихъ, писали къ Монсу въ качествѣ оскорбленной невинности: «со слезами просимъ васъ, своего государя, къ принятію доношенія отъ насъ нижайшихъ на вора и душегубицу Киселевскаго, и разбойника, и церковнаго ватежника, и многихъ показанныхъ дѣлъ при розыскѣ доказано свидѣтельными и т. д. въ томъ же родѣ, въ тѣхъ же крѣпкихъ словахъ, вѣдущихъ

однихъ, принималъ другихъ, и разумеется чинилъ все то не безъ малыхъ презентовъ. Въ получкѣ послѣднихъ, какъ уже извѣстно, принималъ участіе обреченный Моисею на висѣлицу, тѣмъ немевѣе все-таки довѣреннѣйшій его секретарь Столѣтовъ: «Васъ низжайше прошу, — писалъ напримѣръ Степанъ Допукинъ къ Егору Михайловичу: — послать человѣкъ отъ моего друга, князь Алексѣя Григорьевича Долгорукова къ дялюшкѣ, котораго прошу неоставить и дялюшкѣ въ дѣлѣ его (Долгорукова; о дѣлѣ см. выше) воспоминать... я представъ онаго (посланнаго) всегда дялѣ (Моисею) по всякой возможности, чтобъ онъ отъ него все выслушалъ съ покоемъ, за что я вамъ истинно самъ служить потнуся сердечво, и онъ (Долгоруковъ) вамъ будетъ благодарить.» Знатнѣйшіе аристократы, впрочемъ изъ опальныхъ семействъ, въ лицѣ напримѣръ князя Юрія Гагарина, заискивали у «канцеляриста корреспонденціи»: «съ надеждѣ вашей дружеской милости прошу васъ, ежели возможно, вамъ пожаловать облекнитца ко мнѣ сей день откушать; ежели же невозможно, вѣдаю, что вамъ многія суеты (т. е. заботы), то прому котя на одинъ часъ...» и проч. Свиданія этого жаждетъ князь для узнанія о судьбѣ своей и жеминной челобитной, вѣроятно по дѣлу о конфискованныхъ имѣніяхъ кого-нибудь изъ своихъ родственниковъ: «я трижды прїѣзжалъ ко общему нашему милостивому патрону Виллиму Ивановичу, только не получилъ видѣть, и иногда и на дворѣ не пуцають: но истиннѣ я вѣдаю, что нынѣ дѣло ему суетно» и пр. Какъ однако ни было суетно, но Виллиму Ивановичу все-таки имѣлъ время-принимать подарки; такъ втеченіе времени съ мая по октябрь въ 1724 году — новѣйшій одишъ прислалъ ему изъ Симбирска персидскую кобылу; въ тоже время московская кучаха инозетка просила его «воспріять во благо» два куска тончайшихъ пружковъ за 500 червонныхъ; крестьянинъ подмосковный, по своему дѣлу, поднесъ 400 рублей; другой челобитчикъ, «съ несумѣнной надеждѣ, послалъ къ Виллиму Ивановичу, отцу и государю, иноходна карева, съ просьбой, какое-то прошенье всенижайшее принять, равно какъ и убогое дарованіе, примесенное отъ усердія...» Купецъ

къ слезному моленю; «сотвори государь съ нами божескую милость, чтобъ отъ такого вора напрасно не разорится; со слезами и рабски просимъ» и проч. Въ той же надеждѣ «высокой его превосходительства къ себѣ милости, беретъ на себя смѣлость» (такъ говорить Моисею не простой приказчикъ, а князь Хованской) — «но незаслугамъ своимъ утрудять его превосходительство, милостиваго своего патрона Виллима Ивановича» по одному своему семейному дѣлу. Въ этихъ просьбахъ важно не содержаніе, но тонъ ихъ и безпрестанныя извиненья, «что такъ осмѣлился ваше превосходительство утрудить, ту смѣлость прамалъ» и проч.

иноземець билъ челомъ сотней бутылокъ контаку да нѣсколькими бутылками пива, бочкой базарака, ящикомъ бургонскаго, ящикомъ шампанскаго и проч. винъ; Александръ Нарышкинъ подарилъ ему на заводъ двѣ кобылы; Нарышкинъ дарилъ ради «новой пріязни»; другой нашъ знакомый, помѣщикъ Отяевъ, подарилъ по «старой дружбѣ» двухъ собакъ да *охотника*. Мошковъ еще въ маѣ презентовалъ для вновь строящагося дома Монса бесѣдку изъ дома царевича Алексѣя; царевна Прасковья, хлопоча о домовомъ съ сестрами раздѣлѣ, посылала ему постоянно съѣстные запасы. Словомъ Виллимъ Ивановичъ попрежнему не брезгаетъ ничѣмъ, и точно предчувствуя близкій расчетъ, беретъ все больше и больше, чаще и чаще. Семь бѣлъ — одинъ отвѣтъ!

«Особливому отцу въ нуждѣ» падаютъ въ ноги цѣлыя товарищества, депутаціи: такъ слезно молятъ его нѣсколько крестовыхъ дьяковъ «не отринуть ихнаго прошенья отъ *своего высочества* (1)»... о ходатайствѣ ихъ за долговременную службишку «жалованья»; такъ пишутъ къ нему и донское казачество въ лицѣ «старшинъ своихъ съ товарищи»: «вамъ, нашему премилостивому государю и патрону, — пишутъ козаки — зѣло благодарствуемъ, что вы насъ милостиво содержите, и впредь покорно просимъ, о чемъ посланной нашъ есаулъ будетъ вашего благородія просить, дабы его прошеніе оставлено не было, за что долженствуемъ вамъ, нашему премилостивому... патрону сослужить.»

Дѣло казаковъ, какъ кажется, касалось размежки земель ихъ съ владѣльцами сосѣднихъ жалованныхъ помѣстій. Виллимъ Ивановичъ незадумываясь хлопоталъ въ пользу казацкихъ старшинъ, и одновременно съ тѣмъ же *безкорыстіемъ* радѣлъ о удовлетвореніи просьбы лейбъ-кучера Возжинскаго. Последнему пожелалось получить чинъ и дворянство; чрезъ кого достать и то и другое? ну разумѣется чрезъ Монса. Государыня дала указъ, камергеръ отписалъ къ Остерману: «сочините-де патентъ»; тотъ сочинилъ, препроводилъ къ Монсу на разсмотрѣніе, и тутъ же явилъ обычную осторожность: «ежели оный (патентъ) — писалъ Остерманъ Монсу 7 августа 1724 г., — его величество изволить апробовать, то надобно его напечатать, ибо всѣ патенты имѣютъ быть печатные. Впрочемъ вашему благородію доношу, что поуже, по указамъ и регламентамъ его императорскаго величества, на дворянство патенты опредѣлено давать изъ сената, то не изволите-ль ваше благородіе о помянутомъ лейбъ-кучерѣ, что онъ во дворяне пожалованъ, сообщить прямо въ сенатъ, дабы намъ въ сочиненіи такихъ патентовъ не учинить какой противности указамъ и регламентамъ, въ чемъ я не безонасенъ.»

Но какъ трусливъ и осмотрителенъ былъ Андрей Ивановичъ, такъ напротивъ того самонадѣянтъ Виллиамъ Ивановичъ; пожелованіе лейбъ-кучера дворянствомъ принадлежало къ числу неважныхъ для него операцій; нѣтъ, опъ не затруднился вмѣшаться въ дѣло первой важности, въ «сочиненіе брачнаго союза единой изъ дочерей великаго государя». Молсъ былъ ревностнымъ ходатаемъ герцога голштинскаго.

Герцогъ голштинскій Карлъ-Фридрихъ прибылъ изъ Германіи въ Ригу въ началѣ 1721 года. Это былъ молодой человекъ двадцати одного года, слабаго сложенія, маленькаго роста и бѣдный; жертва сѣверной войны, лишонный своихъ владѣній королемъ датскимъ, герцогъ сохранилъ за собой только небольшую территорию съ главнымъ городомъ Килемъ. Между тѣмъ Петръ исходомъ сѣверной войны дѣлался сильнѣйшимъ государемъ Европы, и вотъ герцогъ, въ качествѣ бѣднаго претендента, претендента однако съ большими претензіями, является въ Россію искать денегъ, связей, войска. Претендентъ на отнятыя у него голштинскія владѣнія, претендентъ (въ качествѣ племянника Карла XII) на шведскій престолъ, Карлъ-Фридрихъ искалъ защиты и помощи въ Петрѣ; а чтобъ получить и то и другое, онъ сталъ добиваться руки одной изъ дочерей государя. Въ годъ его пріѣзда Аннѣ было тринадцать, Елисаветѣ одиннадцать лѣтъ. Гости приняли хорошо; государь ласкалъ его, приглашалъ на всѣ празднества, время отъ времени, особенно подъ веселую минуточку, являлъ знаки своего расположенія, но дѣла герцога все-таки не подвигался ни въ отношеніи предполагаемаго брака, ни въ отношеніи его династическихъ притязаній. Все оканчивалось полуобѣщаніями. Петръ смотрѣлъ на него какъ на орудіе, которое можетъ при случаѣ пригодиться, чтобъ угрожать кому-нибудь или запутать и затянуть какіе-нибудь дипломатическіе вопросы. Дневникъ Берхгольца, безъ сомнѣнія вопреки желанію самого автора, служитъ лучшимъ матерьяломъ для представленія себѣ личности голштинскаго претендента и для представленія себѣ той роли, какая выдалась ему съ 1721 по ноябрь мѣсяць 1724 года.

«Во все это время Петръ съ нимъ шутитъ, поитъ и спавнаетъ его, и большею частью во всемъ этомъ просвѣчиваетъ какое-то небрежное покровительство; а иногда онъ не только не церемонится съ гостемъ, но и не обращаетъ на него никакого вниманія... Всѣ (т. е. собственно приближенные герцога) считаютъ его женихомъ великой княжны, а дѣло ограничивается неловкими реверансами или этикетнымъ цѣлованьемъ ручки. Вотъ кажется блеснуть лучъ надежды и объявятъ ихъ обрученіе. Не тутъ-то было: внезапно великихъ

княжонъ увозятъ куда-нибудь, или герцога перестаютъ звать во дворець за отъездомъ Петра, или по другимъ причинамъ. Герцогъ едва имѣетъ средства къ существованію, не знаетъ какъ помочь цѣлнымъ шедедамъ, которыхъ задобриваетъ передъ отиравленіемъ ихъ въ Швецію. Но на дары Петра много расчитывать нечего. Они заключаются по большей части въ красномъ лицѣ, подаренномъ въ свѣтлое воскресенье, или въ присылкѣ какихъ-нибудь продуктовъ натурой къ обѣду, за что надо отблагодарить наприимѣрь серенадой въ именины Екатерины, для чего нужны деньги на музыкантовъ и проч. Нужда въ деньгахъ и безъ того настоятельная, а тутъ вдругъ сюрпризъ: царскій приказъ шить костюмы на всю свиту для предстоящаго маскарада, или строить подмостки для каминовъ-нибудь алюминаций, или готовиться къ немедленному отъезду въ Москву. Въ награду за все это герцогъ получаетъ улыбку, или шуточку, или нѣсколько стакановъ вина изъ рукъ Екатерины и ея дочерей: и какъ онъ и всѣ его придворные радуются, какому яредаются восторгу, если на него обращено хоть малѣйшее вниманіе! Чтобы вызвать его, герцогъ напрягаетъ силы на царскихъ пирушкахъ. Страсть къ пьянству является главнымъ пунктомъ его соприкосновенія съ русскими вельможами. Многочисленные свои досуги Карлъ наполняетъ или попойками, или препровожденіями времени, въ которыхъ проявляются нечѣстные вкусы тогдашнихъ карикатурныхъ и миниатюрныхъ германскихъ двориковъ, формальность и этикетъ, растворѣнныя казарменностью. Онъ учреждаетъ изъ своихъ придворныхъ то форшнейдере-колегію, то тостъ-колегію, уставъ которой опредѣляетъ мельчайшія подробности всякаго ужина, то какое-то обыкновенное свое общество, гдѣ участвуютъ только избранные. Вдругъ устанавливается имъ какой-нибудь орденъ «виноградной кисти», а черезъ нѣсколько времени — «тюльпана», или «дѣвственности», и онъ съ важностью жалуется шутовскіе ихъ знаки нѣкоторымъ приближеннымъ. Лѣтомъ на дачѣ герцогъ составляетъ изъ своей свиты войско, которое располагаетъ въ лагерь и мучитъ ученьями, а иногда играть имъ въ войну, и т. п. Таковы были преимущественно... упражненія молодого чловѣка, имѣвшаго желаніе и даже шансы не только властвовать въ Голштиніи, но царствовать въ Швеціи или управлять Россіей.» (1)

(1) Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствованіе Петра-великаго съ 1721 по 1725 годъ. Переведъ съ нѣмецкаго И. Аммонъ. 4 ч. 8 д. М. 1857—1860 г. Критическая статья по поводу этого изданія М. Н. Лонгинова, въ «Русск. Вѣстн.» 1860 г. кн. XII, с. 448—450.

Въ 1724 году надежды герцога особенно окрылились; онъ съ нетерпѣньемъ ждалъ коронаціи Екатерины, твердо вѣруя съ своими голштинцами, что одновременно съ нею объявятъ его обрученіе. Надежды эти поддерживалъ Монсъ. Голштинцы умѣли смислать пріязнь фаворита, что имъ, какъ вѣщимъ, было нетрудно; Монса и Балку принимали они съ почетомъ, герцогъ дарилъ какъ ихъ, такъ и Матрену Ивановну золотыми табакерками, лентами, собаками и т. п. игрушками, насколько то позволялъ его скудный достатокъ⁽¹⁾; ходатайству Монса надо приписывать то, что Екатерина также являла чувство любви и расположенія къ герцогу, посылала ему время отъ времени подарки и вообще смотрѣла на него несравненно милостивѣе и была къ нему внимательнѣе, нежели государь.

Лста себя надеждой, что время осуществленія его желанія близко, эксъ-женихъ съ января 1724 года рѣшился познакомиться съ русскимъ языкомъ. Учителемъ его былъ переводчикъ шведъ, но кажется на первыхъ урокахъ занятія остановились, покрайнеймѣрь акуратный Берхгольдъ не говоритъ далѣе о нихъ ни слова. Да и до ученія ли было человѣку, котораго, какъ самъ онъ рассказывалъ, съ малолѣтства еще отучили отъ всякаго ученія безсмысленнымъ заучиваніемъ кучи предметовъ; до ученія ли было тому, кто каждый день, незная чѣмъ убить время, волновалъ себя мечтами: состоится или не состоится соблазнительно выгодное для него сватовство? Но ктоже его невѣста? А ему все равно — Анна или Елисавета; послѣдняя даже больше ему нравится, но все равно онъ готовъ по первому указанью государя воспылать страстью къ любой изъ его дочерей, а пока онъ одинаково вѣжно цѣлуетъ имъ ручки и отвѣшиваетъ глубочайшіе поклоны.

3 февраля 1724 года, въ день ангела Анны Петровны на обѣдѣ и на балѣ государь былъ очень ласковъ съ ея величествомъ: этого было довольно, чтобъ дать надежду голштинцамъ, бывшимъ тутъ же съ герцогомъ, что-де въ этотъ день будетъ объявлено что-нибудь положительное о бракѣ Карла Фридриха; «но увы! ожиданія наши не сбылись, — такъ писалъ по возвращеніи домой Берхгольдъ: — и теперъ остается только надѣяться, что авось наконецъ въ корона-

(1) Любимцу царицы голштинцы постоянно расточали знаки особенной пріязни. Такъ еще въ 1721 году тайный совѣтникъ Бассевичъ давалъ обѣдъ иностраннымъ и министрамъ и камеръ-юнкерамъ царицы, Монсу и Балку; наконецъ самъ герцогъ нерѣдко бывалъ у «генеральши Балкы», гдѣ онъ по нѣсколькимъ часамъ проводилъ въ пріятной болтовнѣ съ хозяйкой, съ ея прелестной дочерью Натальей Лопухиной и съ другими членами этого семейства.

цію, съ божією помощью, все приведено будетъ къ желанному окончанію.»

За справками, обнадеживаніями, вообще для переговоровъ по этому и другимъ дѣламъ голштинцы обращались къ Монсу. Такъ между прочимъ 17 февраля оберъ-камергеръ герцога, графъ Бонде отправился къ Монсу, чтобъ узнать, когда его королевскому высочеству можно будетъ пріѣхать проститься съ государыней, по случаю ея отъѣзда въ Москву. Камеръ-юнкеръ самъ явился къ герцогу съ извиненіемъ отъ государыни, что проститься теперь она не можетъ, причѣмъ Екатерина посылала поклонъ и соболью шубу въ 1500 рублей. Герцогъ поспѣшилъ отдарить посланнаго золотой табакеркой.

Прошолъ февраль, кончался мартъ, — дворъ давно гостилъ въ Москвѣ, шли оживленныя приготовленія къ коронаціи, но объ обрученіи герцога со стороны государя не было и помину. Тщетно на пирушкахъ Карлъ-Фридрихъ провозглашалъ тосты съ попятными для всѣхъ намеками на его желанія; государь отвѣчалъ на нихъ весьма охотно и смѣялся надъ ними. Тосты эти были: за успѣхъ всего хорошаго, за желанія и надежды наши; весна приноситъ розы; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше и т. п. Тостъ *«чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше»* герцогъ провозгласилъ не иначе какъ предварительно посовѣтовавшись съ Ягужинскимъ. Послѣдній сказалъ о томъ на ухо императору, который отвѣчалъ на своемъ голандскомъ языкѣ: почему же нѣтъ? и тотчасъ же самъ потребовалъ стаканъ вина.

Наконецъ наступилъ день коронаціи; кончились торжества. Герцогъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи встрѣчалъ каждый день; вдругъ 21 мая узналъ онъ, и то совершенно случайно, что императорскія принцессы непремѣнно выѣдутъ изъ Москвы въ Петербургъ въ булуцій вторникъ. Это было ему очень непріятно, потому что какъ самъ онъ, такъ и почти вся Москва (безъ сомнѣнія только въ воображеніи голштинцевъ) считали за вѣрное, что въ день рожденія императора, т. е. 30 мая, будетъ сдѣлано что-нибудь въ пользу его высочества. «Теперь — восклицалъ Берхгольдъ — всѣ наши надежды разрушатся этимъ внезапнымъ отъѣздомъ!» На другой день голштинцы съ великимъ сожалѣніемъ увѣрились, что цесаревны дѣйствительно уѣдутъ изъ Москвы еще до рожденія императора. Опечаленный герцогъ сообщилъ о своемъ горѣ своему оберъ-камергеру графу Бонде. Тотъ поспѣшилъ къ общему ихъ пріятелю Монсу. Было 7 часовъ по полуночи. Бонде не засталъ Монса дома и оставилъ у него на нѣмецкомъ языкѣ записку. Представляемъ любопытный документъ въ современномъ переводѣ:

«Мой любезный братъ! Охъ горе! я теперь у васъ былъ, да не засталъ тебя. Государь мой (герцогъ) во всю ночь въ безпокойствѣ у меня былъ и не можно его утѣшить. Онъ вчерашняго числа слышалъ, что принцесы отъѣзжаютъ, и онъ еще ничего не имѣеть, и ничего не слышитъ, что къ его спасенію принадлежитъ. Сердечный братецъ! попроси ея величество императрицу, чтобъ она умилосердилась надъ бѣднымъ, опечаленнымъ и влюбившимся государемъ. Онъ по истинѣ исчезаетъ въ сей неподлинности; и остается истинно десперантъ, ежели до отъѣзду принцесъ одной не будетъ обнадеженъ. Ради Христа, братецъ дорогой, не покинь! И матушку нашу попроси, чтобъ помилowała она. Ей, ей, смерть хозяина моего, ежели милости вашей и божіей не будетъ. Я не могу его утѣшить. И ежели ему и нынѣ изъ Москвы ѣхать, и некоторой изъ принцесъ, которой за нимъ быть наречено не будетъ, и я заклинаю тебя предъ Богомъ и всѣми святыми, доложи о сей нуждѣ нашей всемилостивѣйшей матушкѣ. Генеральша (т. е. Матрена Балкъ) всевозможное здѣсь чинить, чтобъ меня съ утѣшеніемъ въ домъ къ государю моему отправить; только я ничего не могу принять, развѣ ты мнѣ дашь лучшее извѣстіе. Я пребываю, дражайшій мой братъ, весь вашъ Бонде. Въ 8-мъ часу.»

Монсъ и самъ не думалъ, что дѣло влюбленнаго герцога зайнется еще на неопредѣленное время; онъ еще недавно говорилъ Вѣлосельскому да секретарю своему Столѣтову: «вотъ государыня цесаревна (Анна Петровна) — какой человекъ хорошій, а отдаютъ за голштинскаго герцога; а онъ ей по человѣчеству не придетъ. То-то чины-то будутъ...» Говорилъ онъ эти рѣчи быть-можетъ и не безъ укоризны, такъ какъ видно, что герцогъ дѣйствительно по человѣчеству не стоитъ цесаревны, хотя самъ же и радѣлъ о его дѣлѣ; а еще вѣроятнѣе говорилъ онъ то не «къ поношенію, но къ одному нѣмецкому обхожденію». (1)

Какъ бы то нибыло, но всѣ толки и хлопоты не повели пока ни къ чему. «Весьма удивляюсь — писалъ не безъ горечи шведской канцеляршн совѣтникъ и сторовникъ герцога, баронъ Цедергіельмъ къ графу Велингу — весьма удивляюсь, что о совокупленіи брачномъ еще ничего неслышно, и два срока: яко коронація и день Петра и Павла въ семъ случаѣ напрасно прошли; сіе возбуждаетъ у нѣкоторыхъ мнѣніе, что все пересечетъ, а у нѣкоторыхъ сумнѣніе и недовѣрку. А какъ оноо потребно есть общему интересу, то оставлю мудрѣйшихъ зрѣлому разсужденію. И такимъ образомъ всякъ принужденъ колеблется, когда объявленія безъ дѣйства

(1) Дѣло Столѣтова 1736 г., показаніе Вѣлосельскаго.

остаются. Миѣ мнится, ежелибъ я сказать смѣлъ, что императора собственный кредитъ и интересъ въ томъ претерпѣваетъ.»

«Я имѣлъ честь прошлой почты вамъ объявить — писалъ тотъ же Цедергѣльмъ три дня спустя ⁽¹⁾ — въ какомъ я состояніи обрѣтаюсь и о неспокойствѣ, которое миѣ приключаютъ пункты, интересованные о маріажѣ и... Вѣдая такъ, какъ я извѣстенъ его императорскаго величества разумъ и твердость, менѣ бы насъ тревожило въ продолженіи помянутаго маріажу, ежелибъ не чинились нѣкоторыя интриги, чтобъ опровергнуть взятія мѣры и публику оболестить такимъ образомъ, дабы доброжелательные не знали, на что имъ надѣяться. А между тѣмъ противники надеждою себя флатируютъ, что по заключеніи (между Швеціей и Россіей) альянціи, императоръ объ интересѣ герцога болѣе попеченія имѣть не будетъ, отчего онъ можетъ придти въ посмѣваніе и на жертву отдавъ быть. И начиняютъ уже сомнѣваться, какое окончаніе дѣла его воспримутъ. Сіе отъезжаетъ куражъ и останавливаетъ горячесть, и подаетъ случай къ разнымъ разсужденіямъ, и кажется будто блекнетъ тѣмъ слава монарха, который ему протекцію свою обѣщалъ. Я признаваю, что сіе суть токмо проводы, обѣщанія и паролю императорскаго не держится. Но что сіе продолженіе? Подается токмо тѣмъ пріятелямъ омбразъ, а неспріятелямъ случай всѣмъ своимъ способы къ помѣшательству употреблять. И во истину, когда неспріятеля о томъ радуются, то другіе весьма печалятся и не утѣшительны. И тако, которой партіи вынѣ хотятъ угодить, и отъ которой надѣются сентиментовъ сходнѣйшихъ? Никогда-бъ повѣрять не можно, чтобъ коронація и Петровъ день напрасно минулись безъ деклараціи. Во истинно, общій интересъ въ томъ такъ претерпѣваетъ, что словами оное изобразить не можно и экспрессіи на то нѣтъ. Многими продолжающимися выкрутками можно того къ паденію привести, котораго обѣщано поднять...»

О томъ же писалъ и графъ Велингъ съ мѣстечко Поль къ Бассевичу или къ Бонде ⁽²⁾; словомъ, вся голштинская партія была огорчена и оскорблена тѣми долгими «выкрутками», изъ-за которыхъ не объявлялось до сихъ поръ обрученіе герцога. Письма Цедергѣльма и Велинга были доставлены Монсу къмѣ-то изъ близкихъ герцога, кѣрствоваго графомъ Бонде, и безъ сомнѣнія для доклада государынѣ. Монсъ, какъ можно думать, не переставалъ хлопотать по этому дѣлу, государыня подъ его вліяніемъ продолжала являть свое рас-

(1) Медв. Іюля 21 и іюля 24 дня 1724 г., современные переводы писемъ Цедергѣльма.

(2) Мѣстечко Поль за Нарвою принадлежало Бассевичу, главѣйшему совѣтнику герцога; въ іюнѣ 1724 г. здѣсь была свадьба графа Бонде.

положеніе къ герцогу, но государь попрежнему уклонялся отъ деклараціи. Явно, что она еще не входила въ его политическіе расчеты. Но вдругъ исканія герцога увѣчивались усилѣхомъ; причиною того былъ возникшій въ ноябрѣ розыскъ.

IX

РОЗЫСКЪ

(1724)

5-ое ноября 1724 г. было роковымъ днемъ для Вилліама Ивановича. Въ этотъ день объявился давнишній доносъ Ершова. Какъ это случилось, кто былъ передоносчикомъ, изъ-за чего вновь возникло дѣло—эти интересные вопросы рѣшительно остаются загадками. Съ недоумѣніемъ останавливаешься предъ Посиѣловымъ, Ягужинскимъ, Макаровымъ, Меншиковымъ, Толстымъ, Анной Крамеръ: но нѣтъ, никто изъ нихъ не могъ сдѣлаться доносчикомъ на Монса, а слѣдовательно и на Екатерину. Почему этого не могло случиться, мы уже объясняли; и что они дѣйствительно не были виновниками розыска, это видно изъ награды и милостей, которыми ихъ осыпала Екатерина по восшествіи своемъ на престолъ⁽¹⁾: Быть-можетъ Ушаковъ? Дѣйствительно онъ не былъ друженъ съ Монсомъ⁽²⁾; ему и поручилъ Петръ чинить допросы, производить слѣдствіе, но все-таки и Ушакова нельзя заподозрить въ доносѣ: въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы съ воцареніемъ Екатерины, чего, какъ извѣстно, не случилось. Словомъ, вѣрнѣе всего, что государь узналъ о извѣтѣ Ершова путемъ тайнаго, безыменнаго письма. Въ ноябрѣ принесено было одному изъ его лакеевъ Ширяеву будтобы съ по-

(1) Такъ *Поспѣловъ* сдѣланъ былъ въ мартѣ 1725 г. камеръ-юнкеромъ; *Ягужинскій* въ томъ же мѣсяцѣ до такой степени пользовался благоволеніемъ Екатерины, что однажды пьяный сильно забушевалъ въ ея комнатахъ и не подвергся за то немилости; *Макаровъ* изъ ея рукъ получилъ орденъ Андрея-первозваннаго, жена Ягужинскаго сдѣлана статсъ-дамой, о Меншиковѣ и нѣкоторыхъ другихъ лицахъ мы не говоримъ: извѣстно, что они были щедро награждены преемницей Петра. — Незабыта была и Анна Крамеръ одна изъ довѣреннѣйшихъ служанокъ государыни и другъ Монса (она вела черезъ него переписку съ разными лицами). Екатерина пожаловала Крамеръ деревней, что не могло бы имѣть мѣста, еслибъ справедливы были рассказы иностранцевъ о томъ, что Крамеръ была въ числѣ извѣтчицъ по дѣлу 1724 года.

(2) Такъ отъ Ушакова было только одно письмо къ Монсу, и то совершенно оффиціальное.

что письмо. Въ чемъ оно состояло, куда исчезло — неизвѣстно (1); но что оно было и относилось къ дѣлу Монсу, это видно изъ описи сего дѣла 1727 г. Въ ней рукою Черкасова между прочимъ помѣчено : «Пакетъ, а на немъ подписано : письмо подметное, принесенное въ пакетъ къ Ширяеву въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1724 г ; вмѣсто котораго указалъ его императорское величество положить въ тотъ пакетъ бѣлой бумаги столько же и сожжено на площади явно. А сіе письмо указано беречь ; а кресты на ономъ ставлены рукою его же императорскаго величества, блаженной и вѣчно достойной памяти.» Итакъ какъ ни свѣдалъ Петръ о доносѣ Ершова, но 5 ноября, по его повелѣнію, взятъ былъ въ тайную Иванъ Суворовъ.

Суворовъ, по выслушаніи доноса, показалъ, что Ершовъ дѣйствительно у него ночевалъ, говорилъ онъ съ нимъ про Егора Столѣтова, про то, что письма Монса сушили безъ опаски, что къ камергеру приходила его сестра съ сыномъ съ слезнымъ моленіемъ отбросить Егорку ; «говорилъ мнѣ о всемъ этомъ Балакиревъ, — рассказывалъ Суворовъ — тотъ самый Балакиревъ, что живетъ у Монса. А словъ, что написалъ Ершовъ : когда-де сушили письма Монса, тогда унесъ Столѣтовъ изъ тѣхъ писемъ одно сильневское, что и рта разинуть боялся, и что-то хорошенькое письмо отдалъ Егоръ Макарову, а Макаровъ Поспѣлову — и (ничего этого) я не говорилъ ; что же до того, говорилъ я Смирнову : Столѣтовъ-де Монса поддѣлывалъ или поддѣнетъ на арканъ, — того подлинно не упомяну, и въ чемъ, того незнаю, только (говоря) примѣнялся къ словамъ Балакирева, что Егора не любятъ.»

На очной ставкѣ струсившій Суворовъ в доносчикъ Ершовъ — каждый стояли на своемъ.

Кажется государь еще не предугадывалъ, какое развитіе получить это дѣло; едвали онъ не смотрѣлъ на него какъ на обыденное слѣдо-

(1) Ширяевъ былъ однимъ изъ весьма неважныхъ дворцовыхъ слугъ. Въ первыхъ числахъ ноября 1724 г. къ нему явился незнакомецъ и вручилъ будто бы съ почты письмо на его имя. Податель немедленно удалился. Распечатавъ пакетъ, Ширяевъ нашолъ въ немъ другой на имя государя. Онъ доставилъ его по адресу. Весь этотъ маневръ со стороны неизвѣстнаго извѣтника былъ употребленъ для того, что подметныя письма строго-настрого повелѣвалось жечь, нераспечатывая. Настоящій же способъ «подметыванія» правительствомъ не предвидѣлся и потому увѣнчался успѣхомъ : извѣтъ былъ принятъ къ свѣдѣнію и исполненію. Впрочемъ государь непреминулъ объявить указъ : «если къ кому впредь незнакомые люди стануть приносить письма, то бы у нихъ просто оныхъ не принимали, но впусти его въ покой, хозяинъ распечаталъ для того, чтобъ ежели такое явится, онаго взять и привезть бы въ полицмейстерскую канцелярію. Сіе накрѣпко заповѣдуются подъ жестокииъ наказаніемъ и ссылкой въ работу.»

ваніе о противныхъ словахъ. Такъ покрайней-мѣрѣ можно думать, глядя на препровожденіе имъ времени. Въ тотъ день на свадьбѣ одного нѣмецкаго булочника онъ пробылъ три часа, пируя въ обществѣ своихъ деньщиковъ съ нѣмцами-ремесленниками; и все это время онъ былъ «необыкновенно веселъ». Самъ Монсъ, ничто непредчувствуя, хлопоталъ о составленіи патентовъ на камергерство, пожалованное ему при коронаціи: патенты ему и Балку были написаны, но изъ не суждено было украситься подписями государя (1).

Розыскъ продолжался. На другой день Суворовъ на помощь допросъ передалъ А. И. Ушакову извѣстный уже намъ разговоръ свой съ Балакиревымъ. Ершовъ объявилъ, что онъ слышалъ только то отъ Суворова, что показано въ доносѣ.

День 7 ноября прошолъ безъ допросовъ. Не съ этотъ ли день донесено было государю о важности начатаго по его указу розыска, не этотъ ли день таинственное лицо, которое вело интригу противъ Монса, употребило на то, чтобы раскрыть глаза государю на странность власти и значенія камергера при ея величествѣ?

Къ сожалѣнію ни въ повседневномъ журналѣ того времени, ни въ извѣстномъ намъ рукописномъ календарѣ, гдѣ попадаются отмиѣтки о препровожденіи времени государей, ни изъ записокъ наконецъ Берхгольца невидно, гдѣ былъ государь и чѣмъ былъ онъ занятъ въ этотъ день. Зато положительно извѣстны его занятія 8 ноября.

День былъ воскресный; государь отстоялъ обѣданіе въ Троицкой церкви, что на Петербургской-сторонѣ, и оттуда прошолъ въ Петропавловскую крѣпость. Въ одномъ изъ ея застѣнковъ Петра ожидали Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Иванъ Черкасовъ, помощникъ кабинета-секретаря Макарова: Черкасовъ призванъ былъ для записыванія показаній; тутъ же трепетали отъ страху Суворовъ, Столѣтовъ и шутъ Балакиревъ. Дѣло было не до смѣху и шутокъ. Отъ него потребовали отвѣта на показанія Суворова.

«Я говорилъ только — отѣчалъ Балакиревъ, скрывая все что было опасно въ его болтовнѣ съ Суворовымъ — я говорилъ только, что живу я у Монса въ милости, но всегда на посылкахъ, безъ покою; награжденія-жь не имѣю. А про Столѣтова говорилъ только, что онъ ищетъ въ Монсѣ и чаеъ у него быть въ кредитъ, и нынѣ письма всѣ у него на рукахъ. Такія слова, что монсова фамилія, вся пришелъ къ нему Монсу, со слезами просила, чтобы онъ Егора отъ себя бросилъ и проч. (см. выше) в Суворову сказывалъ; говорилъ же ему и про отвѣтъ Столѣтова: что-де они мнѣ сдѣлаютъ?

(1) Такъ они сохранились до нашего времени. Они записаны слѣдующими словами: «Дать в сав. палатѣ въ Петербургѣ лѣта 1724, ноября въ день.»

Они-де сами (т. е. Монсъ и Балки) прежде меня пропадутъ; про висѣлицу упоминалъ ли или нѣтъ, того не помню.»

Затѣмъ Балакиревъ на всѣ показанія Суворова и записку неизвѣстнаго о разговорѣ съ Константиновымъ отвѣчалъ или отрицаніемъ, или увѣреніями, что не помнитъ, или наконецъ смягчалъ фразы: такъ по поводу разговора своего съ Константиновымъ, отчего Монсъ не женится, Балакиревъ такъ смягчилъ на допросѣ: «сказывалъ я просто: слышалъ я отъ Монса: начто-де мнѣ жениться, у меня-де ихъ много, лишь бы охота была.»

Дали очную ставку. Суворовъ стоялъ на своемъ; Балакиревъ запирался. Его величество велѣлъ вздернуть придворнаго шута на дыбу. Шутъ, повиснувши на вывороченныхъ рукахъ, повинился, «только силы шисьяма, привезеннаго имъ (въ апрѣлѣ 1724 г.) изъ села Преображенскаго въ Покровское къ Монсу, не сказалъ, а вѣсто того началъ было называть лица, съ кого его патронъ бралъ взятки. Назвалъ Якова Павлова, который за презентъ Монсу сдѣланъ былъ учителемъ царевны Натальи, жену Люпса; назвалъ купца Мейера, князей Меншикова и Алексѣя Долгорукова, подарившихъ Монсу лошадей, «а о прочихъ — объявлялъ допрашиваемый — надлежитъ подробно написать». (1)

Спросили Столѣтова. «Вѣдалъ я — сказалъ Егоръ, запершись во всемъ, что показалъ на него Балакиревъ — вѣдалъ я только, что фамилія монсова ко мнѣ недоброхотлива; а Монсу на меня наговаривали. И говорилъ я, вѣдая все это: что они мнѣ сдѣлаютъ? я ихъ не боюсь! А быть-можетъ я и говорилъ, вѣдая ихъ недоброхотство, что сами прежде меня пропадутъ, а *причины* къ тому не знаю.» Очная ставка съ Балакиревымъ не раскрыла *причины*.

Откровеннѣе былъ Суворовъ. Онъ сообщилъ и то, о чемъ его и не спрашивали. Такъ онъ пересказалъ разговоръ свой съ Мишкой, слугой Песпѣлова.

Всего этого было довольно. Петръ отправился за объясненіями къ Песпѣлову. Что тамъ было, неизвѣстно; нѣсколько времени спустя государь возвратился въ зимній дворецъ. Казалось онъ былъ довольно спокоенъ, позрайней-мѣрѣ въ немъ ничего не замѣтили придворные, весело балагурившіе у Екатерины. Государь сѣлъ съ нею ужинать; Монсъ былъ въ ударѣ и «долго имѣлъ честь разговаривать съ императоромъ, неподозрѣвая и тѣни какой-нибудь немилости». «Минуту спустя (послѣ ужина) — такъ рассказываетъ

(1) Весьма вѣроятно, что самъ государь останавливалъ дальнѣйшія показанія Балакирева до новаго допроса, такъ какъ въ настоящемъ случаѣ Петру хотѣлось знать не о взяткахъ Монса, а о предметѣ болѣе интересномъ.

саксонскій посолъ Лефортъ ⁽¹⁾ — государь велѣлъ Монсу посмотреть на часы. — «Десятый часъ», сказалъ камергеръ.

— «Ну, время разойтись!» и съ этимъ словомъ Петръ отправился въ свою комнату.

Придворные разѣхались; Монсъ, придя домой, раздѣлся и закурилъ трубку. Вдругъ въ комнату вошелъ Ушаковъ. Страшный инквизиторъ объявилъ фавориту, что съ этой минуты онъ арестантъ; взялъ у него шпагу, ключи, запечаталъ бумаги и отвезъ несчастнаго къ себѣ на квартиру. Здѣсь ждалъ ихъ самъ императоръ. «А! и ты тутъ!» сказалъ онъ, окидывая Монса презрительнымъ взглядомъ. Съ рѣдкимъ для себя самообладаніемъ государь удержалъ порывъ гнѣва, не сталъ и допрашивать. Онъ оставилъ Монса на всю ночь терзаться мученіями страха и угрызеній совѣсти, если та несовѣсть заглохла въ красавцѣ-камергерѣ. Въ ту же ночь арестованы были Столѣтовъ и Павловъ; обоихъ заперли въ дѣтнемъ дворцѣ. ⁽²⁾

Вѣсть объ арестѣ Монса какъ громомъ поразила сотни сановниковъ и сановицъ петербургскаго общества; Матрена Ивановна, до которой дѣло слишкомъ близко касалось, до такой степени испугалась, что слегла въ постель и была въ совершенномъ отчаяніи; ея семейство и всѣ пріатели, всѣ имѣвшіе известнаго рода дѣла съ Монсомъ, были въ смущеніи: всѣмъ памятливы были розыски Петра надъ царевичемъ Алексѣемъ и его сторонниками, слѣдствіе и судъ надъ Гагаринымъ, надъ нѣсколькими важнѣйшими изъ оберъ и провинціалъ-фискаловъ, надъ важнымъ Шафировымъ; всѣмъ были памятливы, что въ каждомъ изъ этихъ розысковъ многое осталось неподмѣченнымъ, и почти никто изъ лицъ маломальски прикосновенныхъ къ дѣлу не остался безъ строгой отвѣтственности. Такъ и теперь: никто еще не зналъ, какъ взглянуть Петръ на взятки Монса? не взмахнетъ ли онъ мечемъ правосудія и по тѣмъ головамъ, которыя, склоняясь предъ фаворитомъ, подкупали его на разныя несправедливости и проски?

Опасенія ихъ были напрасны: Петръ уже былъ не тотъ, что прежде. Эта желѣзная натура слѣдалась какъ-то мягче, такъ что открытіе главной вины Монса глубоко его поразило; ударъ былъ такъ силенъ, что государь на всѣ остальныя вины арестанта взгля-

⁽¹⁾ Geschichte des russischen Staats, von Dr. *Ernst Herrmann*. Hamburg, 1849 г. ч. IV. стр. 441—443. Рассказъ германскаго историка о казни Монса основывается на извѣстіяхъ графа Рабутина и камергера Лефорта; первый былъ вѣнскимъ посломъ, второй — саксонскимъ при дворѣ Петра I.

⁽²⁾ Зданіе у Дѣтняго сада, на набережной Фонтанки и Невы.

нуль какъ-то слегка, только какъ на официальный предлогъ къ его осужденію; преслѣдовать же дававшихъ взятки, входившихъ въ постыдныя сдѣлки съ фаворитомъ, это значило протягивать дѣло, откладывая казнь, словомъ — болѣе и болѣе растравлять свое сердце присутствіемъ ненавистнаго соперника.

Петръ рѣшился стереть его съ лица земли, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

Въ понедѣльникъ, 9 ноября, въ канцелярію кабинета внесли ворохи всевозможныхъ бумагъ Виллима Монса; пришолъ государь; ввели по его ордеру, арестанта. Камергеръ не вынесъ взора Петра: въ этомъ взорѣ было столько гнѣва, жажды мести и въ тоже время глубочайшаго презрѣнія, что Монсъ не выдержалъ, затрясся и упалъ въ обморокъ. Ему открыли кровь, государь велѣлъ его увезти назадъ подъ караулъ и дать ему время оправиться, а между тѣмъ съ жалостью принялся за пересмотръ его бумагъ. Надо думать, что при этомъ пересмотрѣ были и пособники, такъ что предъ государемъ скоро поднялась большая куча «противныхъ» документовъ, которые потомъ и перепелелись въ особую книгу; затѣмъ остальными бумаги остались въ двухъ громаднѣйшихъ связкахъ.

Книга и связки передъ нами; содержаніе первой особенно разнообразно; были ли подобраны сюда бумаги петровскими помощниками по суду, вплетены ли онѣ въ общій корешокъ гораздо позже такъ, случайно, — какъ бы то нибыло, но сюда вошли бумаги всевозможныхъ родовъ. Такъ здѣсь находятя челобитья о разныхъ дѣлахъ съ предложеніями презентовъ отъ Хатрово, Люпсовой жены, Льва Измайлова, кн. Алексѣя Долгорукова, документъ о передачѣ въ владѣніе Монса деревни царевны Прасковьи; письма и выписочки о дѣлахъ Отаева, Малевинскаго, архимандрита Писарева, Петра Салтыкова, Камынина, ростовскаго архіерея Дапикова и многія другія бумаги, касающіяся важнѣйшихъ взятокъ Монса. Тутъ же вилетена и нѣмецкая корреспонденція Монса съ матерью, съ сестрами, съ друзьями изъ нѣмецкой слободы, его стихи, письма «амурныя», гадальная книжка, памятные листки о перстняхъ, о травахъ: вообще содержаніе отобранныхъ «противнѣйшихъ» документовъ было, какъ я уже сказалъ, весьма разнообразно (1). Нѣко-

(1) Изъ бумагъ на нѣмецкомъ языкѣ здѣсь находится около 30 писемъ, записокъ, стиховъ и разныхъ «амурныхъ» цидулокъ Виллима Монса; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ извѣстно, писаны на русскомъ языкѣ, но нѣмецкими буквами. Тутъ же вилетены 26 писемъ Модесты Монсъ, 23 письма Матрены Балкъ, 10 пис. Петра Балма, 5 пис. Анны фонъ Кейзерлинга (урожд. Монсъ), гадательная книжка и листки изъ записной тетради Монса; затѣмъ есть по нѣскольку писемъ: Брейтмама, Бориціуса Ванденбурга, художника Ведекинда (1 п.), Витверра, Гер-

торые изъ документовъ — таковы всѣ *любимыя* записки Монса, письма той же матеріи къ нему отъ Петра Балка, Матрены Ивановны, или Функа и Бретингама, а также и письма голландцевъ, относящихся до исканій герцога, — всѣ эти бумаги были по волѣ Петра немедленно переведены на русскій языкъ. Государь, не имѣя яснаго разумѣнія нѣмецкой грамоты, боялся проглядѣть какого-нибудь слова, мало-мальски разъясняющаго дѣло. Была ли найдена нигдѣ *смѣльняцкое* «съ рецептомъ о составѣ пятия, ни про кого другою, что ни про хозяина» — неизвестно.

Невидно по дошедшимъ до насъ бумагамъ, имѣлъ ли Петръ объясненіе съ Екатериной; иностранцы разумѣется живописуютъ по этому поводу цѣлыя сцены, рассказываютъ какъ государь въ припадкѣ гнѣва раздробилъ громадное венеціанское зеркало, какъ грохнулъ оныя при этомъ супругѣ, что оныя такъ же въ дребезги разобьетъ и ея существованіе, какъ фельдмаршалъ Рѣпинъ своимъ заступничествомъ спасъ Екатерину и проч. и проч. Подобными романтическими подробностями намъ бы весьма легко было оживить нашъ рассказъ, но мы не хотимъ отступать отъ подлинныхъ документовъ, и тамъ гдѣ молчатъ они, смолчимъ и мы. Это будетъ лучше, нежели повторять рассказы иностранныхъ писателей, бравшихъ многіе факты изъ области собственной фантазіи (1).

Поведѣльничекъ, 9 ноября, проведенъ былъ знатно петербургскою крайне смутно. Громова вѣсть объ арестѣ Монса передавалась шопотомъ, но секрету; въ маленькихъ покояхъ зимняго дворца (на этомъ мѣстѣ нынче казармы лейбъ-гвардіи преображенскаго полка) какъ тѣни сновали испуганныя дѣвочки и перетрусившія фрейлины; императрица заперлась во внутреннихъ апартаментахъ, а въ канцеляріи «кабинета» въ ворохѣ захваченныхъ бумагъ нетерпѣливо рылся государь. Этотъ день казалось не могъ не потрясти его душа; въ разгарѣ настоящаго событія Петръ вспомнилъ, что оныя

Феля, Гольца, Дугласа Игаметта, фонъ Кейзерлинга (изъ Гарца, 1 п.). *Кохена, Дунса* съ женою, *Мекса, Клинга, Мормора, Фрика, Функа, Фитинюфа-Шеля, Шульца* и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Всѣ они либо родственники и пріятель Монса, либо купцы, ремесленники и вообще разныя лица, имѣвшія пужду въ Монсѣ. Наконецъ въ пнагу вплетены, кромѣ русскихъ и нѣмецкихъ писемъ, рецепты лекарствъ, счета, росписки, описки, приходорасходныя тетрадки и т. п. бумаги. Общее заглавіе книги: «Уголовная секретная: разныя черныя отпуски писемъ къ Толстому, Румянцову, Монсу и другіе 1724 г., листовъ 528.

(1) Въ настоящемъ эпизодѣ мы сдѣлали исключеніе только для Берхгольца и Лесфорта; и тотъ и другой, какъ современники, писали то что сами видѣли или слышали отъ очевидцевъ. Затѣмъ нѣкоторые изъ рассказовъ позднѣйшихъ писателей, во многомъ ошибочные, какъ напримѣръ Гельбига и другихъ, см. въ моей статьѣ «Наталья Лопуарна» («Русск. Вѣстн.» 1860 г. № 17).

еще не сдѣлать никакого распоряженія насчетъ дѣла престола, лучше сказать, что дѣти его еще «не пристроены», — и вотъ съ обычной ему энергіей, онъ въ нѣсколько часовъ рѣшается на то, что откладывалъ втеченіе четырехъ лѣтъ. Мы говоримъ о обрученіи его дочери Анны съ Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ голштинскимъ. Мы едвали ошибемся если скажемъ, что чтеніе переведенныхъ для него писемъ Цедергисельма, графа Везинга и графа Бонде ускорило его рѣшимость.

На другой день, во вторникъ, въ десять часовъ утра, къ герцогу, опечаленному арестомъ его стороппика Монса, неожиданно явился Остерманъ. Въ получасовой секретной аудиенціи съ его высочествомъ, Остерманъ именемъ императора объявилъ, что государь твердо рѣшился покончить дѣло герцога и что обрученіе должно совершиться въ катерининъ день. Назначенье для этой церемоніи дѣя ангела государыни — дѣло непонятное. Хотѣлъ ли государь сдѣлать удовольствіе супругѣ, давно уже желавшей этого брака, и въ такомъ случаѣ кажется нельзя сомнѣваться, что Екатерина имѣла съ мужемъ объясненіе и оно кончилось для нея какъ нельзя лучше; или же государь имѣлъ какіе-нибудь другіе виды? Вообще надо придти къ одному изъ слѣдующихъ заключеній: 1) Екатерина съ обычнымъ искусствомъ успѣла вновь возбудить любовь къ себѣ государя, сумѣла совершенно оправдаться; 2) Монсъ не показалъ ничего для нея опаснаго, прешолъ многое молчаніемъ, и жизнью запечатлѣлъ къ ней свою преданность, или же наконецъ 3) Петръ узналъ грустную тайну, до сихъ поръ известную всѣмъ кромѣ его самого, но рѣшился не чинить страшнаго розыска надъ той, которой обязанъ былъ счастливыми днями своей жизни. Последнее заключеніе, какъ оно ни противорѣчитъ мстительному, ничѣмъ не сдерживаемому характеру Петра, тѣмъ менѣе кажется вѣрнѣе другихъ.

Въ то же утро, какъ Остерманъ сообщалъ герцогу вожделѣнную вѣсть, Монсъ вновь приведенъ былъ къ государю. Допросъ произведенъ былъ среди величайшей тайны. На бумагу тайна не была передана; письменные допросы, отвѣты и отписки касались только взяточничества. Тѣ и другіе записки Черкасовымъ. Вопросы очень коротки, дѣлались какбы нехотя, невольнѣ, какбы единственно только для соблюденія формы слѣдствія; отвѣты Монса многословны, беспорядочны: ему видимо было не легко вспоминать о множествѣ лицъ, его подкупившихъ, и вспоминая ихъ одного за другимъ, важнаго за неважнымъ, онъ облакалъ получаемые имъ презенты въ форму дружескихъ подарковъ. Камергеръ не зналъ, что лукавство ни къ чему не поведетъ, что необходимость его казни для Петра до та-

кой степени обозначилась, что даже не стану дополнять и провѣрять его отвѣты показаніями лицъ, его дарившихъ.

«Скажи о челобитной Хитрово въ деревняхъ, — спрашивали Монса — о заемномъ письмѣ его тебѣ въ 500 рубляхъ, также о письмѣ Макарова къ графу Матвѣеву, съ требованіемъ прислать то дѣло въ кабинетъ?»

— «Подалъ ли самъ Хитрово свою челобитную ея величеству, — отвѣчалъ Монсъ, — или я у него принялъ, не помню; но Хитрово (дѣйствительно) просилъ у меня вспоможенія въ дѣлѣ съ Дашковымъ в общалъ за то 500 рублей... (1) Изъ нихъ привезъ 200 въ зачетъ даннаго имъ мнѣ заемнаго письма, а по окончаніи дѣла общалъ достальныя 300 р. дать. Только я у него тѣхъ денегъ не требовалъ, а привезъ онъ ихъ своею волею съ прошеніемъ, чтобъ принять, и письмо заемное такимъ же образомъ далъ: Что до письма Макарова (по дѣлу Хитрово), того не помню; о дѣлѣ же самомъ нигдѣ не прашивалъ; только государыня-императрица изволила приказывать князю Ромодановскому о рѣшеніи того дѣла по указамъ государевымъ. А какъ дѣло изъ юстицъ-колегіи перешло къ князю Ивану Федоровичу (Ромодановскому), того незнаю.

«О Любсовой жевѣ?»

— «Какъ Любсова жена была челомъ о своемъ отпускѣ (заграницу) тогда я какъ ее, такъ и ее челобитье, по указу государыни, ея величеству представлялъ. Тогда Любша мнѣ ничего не дарила, только въ прошломъ году на мои имянныя подарила: кусокъ кружевъ, потомъ еще два куска, да предъ отъѣздомъ своимъ 500 червонныхъ. Тогда-жъ къ имянинамъ прислалъ Мееръ вина (слѣдуетъ исчисленіе бутылокъ и бочекъ). Послалъ я къ нему въ нынѣшнемъ году роспись, и по той росписи прислалъ онъ мнѣ еще вина (слѣдуетъ исчисленіе). А больше того ни отъ Любши, ни отъ Мейера я ничего не бирывалъ.

«О письмахъ Льва Измайлова, что просилъ о указѣ въ вотчинную коллегію объ отдачѣ деревень в общалъ деньги?»

— «Тѣ деревни за государыней императрицей; а чьи были, того не помню; только слышалъ отъ Кошелева, что послѣ которой-то царевны ея величеству достались. И о тѣхъ деревняхъ Петръ Измайловъ билъ челомъ ея величеству на Воронежѣ, понеже (незнаю почему) имъ тѣ деревни надлежать. Ея величество изволила обѣщать отдать половину деревень, и о той половинѣ Левъ Измайловъ

(1) Мы приводимъ отвѣты Монса съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ сущность дѣла, по которымъ онъ бралъ взятки, изложена въ предыдущихъ главахъ.

за брата своего просилъ въ Москвѣ. Обѣщаль (мнѣ) 1000 рублей; но ничего не давалъ, а я не бралъ, и нынѣ тѣ деревни не отданы.

«О псковскихъ деревняхъ царевны Прасковьи Ивановны?»

— «Царевна отдавала мнѣ эти деревни, и я, польстясь на нихъ, взялъ у нея духовную, которою крѣпки были онѣ ей, царевнѣ, царицею Прасковьей Федоровной. Однако видя, что ихъ невозможно за собой укрѣпить, я говорилъ царевнѣ: «ими не жалуйте, понеже онѣ не могутъ быть мнѣ крѣпки, а подлогомъ крѣпить опасенъ.» Она на то сказала: «коли деревень не возьмешь, то я тебѣ оброкъ съ нихъ пришлю.» Я и отъ этого отрицался. А потомъ, по прошению царевны, государыня изволила приказать оныя деревни, хотя она и о всѣхъ просила, въ вотчинной коллегіи справить за ней царевной, ей же и отсылать съ нихъ оброкъ, что и учинено. 600 руб. оброку на прошлый годъ къ ней отослано, а она прислала ихъ ко мнѣ. Я принялъ. На сей годъ ничего не присылывала. Для отказа же тѣхъ деревень посылалъ надворнаго суда прокурора Тимофѣя Кутузова, для того, чтобъ о нихъ подлинную вѣдомость получить что они стоятъ: я намѣренъ былъ ихъ купить. Печатныя пошлины платилъ и отправлялъ для отказа изъ своихъ денегъ, и то чинилъ по указу Прасковьи Ивановны.»

«О деревняхъ Стельса, что перешли къ князю Алексѣю Долгорукову и противъ чего есть протестація Нестерова?»

— «Я въ этомъ дѣлѣ никакого старанія не употреблялъ; а просилъ меня онъ же князь Алексѣй Долгоруковъ о справкѣ за нимъ, по указу, деревень отцовскихъ, чтобъ ему въ томъ вспоможеніе учинить. И по тому прошению, говорилъ я Сухотану, президенту вотчинной коллегіи, чтобъ по указу рѣшеніе въ дѣлѣ Долгорукова учинилъ. А понеже — Долгоруковъ мнѣ издавна другъ, то по дружбѣ подарилъ онъ мнѣ девять кобылъ вороныхъ на заводъ; а я ему отдалъ собаку во сто червонныхъ, что подарилъ мнѣ герцогъ голштинскій.»

«О письмѣ Корчмина, что имѣеть дѣло съ сумскимъ полкомъ въ земляхъ?»

— «Письмо это далъ мнѣ Корчминъ для памяти того дѣла съ прошениемъ: доложить о немъ ея величеству. Но я ничего по немъ не дѣлывалъ, понеже изслѣдовать о томъ велѣно полковнику Чернышеву.»

На общій вопросъ: что и отъ кого онъ получалъ? Монсъ отвѣчалъ слѣдующимъ, значительно имъ укороченнымъ спискомъ:

— «Какъ свободили Василья Юшкова изъ-за караула, тогда государыня послала меня съ вѣдомостью о томъ къ царицѣ Прасковьѣ Федоровнѣ. Царица дала мнѣ 1000 рублей, Юшковъ другую 1000

да сорвишь серебряный — въ июль 1724 года, съ прошеніемъ: содержать его въ протекціи у государыни императрицы.

«Бывшій архимандритъ троицкой Писаревъ просилъ доложить императрицѣ объ отлачѣ ему сундука ⁽¹⁾; ея величество указала архіерею Феодосію отдать архимандриту сундукъ; архимандритъ далъ мнѣ (за это) 1000 рублей. Но потомъ, какъ эти деньги спросили въ синодѣ, то я ихъ пажамъ отдалъ. Кто же принесъ мнѣ грамотку отъ Писаревна съ обѣщаніемъ дать мнѣ 1500 рублей, если я возвращу ему на это время 1000, того не помню, и ницѣмъ никакого старанія о томъ не прилагалъ, и отдалъ тому Писареву первые 1000 рублей, больше ничего не бирывавъ. Интересовался ли въ этомъ дѣлѣ Макаровъ — незнаю, и отъ него о томъ дѣлѣ не слыкалъ.

Въ нынѣшнюю бытность мою въ Москвѣ крестьянинъ села Тошисаго — Солениковъ просилъ меня, чтобъ его по торгамъ и по богатству въ воеводѣ не записывать; понеже онъ заводилъ игольный заводъ, кушилъ къ нему деревню и въ магистратѣ подписался, что ничѣмъ не торговалъ. По указу государыни Солениковъ опредѣленъ въ стрѣнные конюхи и за то онъ подарилъ мнѣ 400 рублей.

«Яковъ Навловъ, какъ взять ко двору въ пажы, далъ мнѣ на выины часы. Я ихъ продалъ.

«Свѣтлѣйшій князь (Меншиковъ) прошлаго лѣта подарилъ лошадей съ уборомъ.

«Князь Василій Долгорукой далъ парчу на верхній кафтанъ.

«Александръ Нарышкинъ — двѣ кобылы на заводъ.

«Архимандритъ троицкой Гаврилъ меня ни о чемъ не прашивалъ и ничѣмъ не даривалъ.

«Маленинской просилъ меня по своему дѣлу, чтобъ дописки не править; но я по тому прошенію ничего не дѣлывалъ, ничего не бирывалъ, а что онъ обѣщалъ, того не помню.

«Отяевъ просилъ меня въ тяжбѣ его съ Волковымъ, говорилъ я о томъ Ягужинскому. По цидулкѣ своей, Отяевъ 100 червошныкъ не даывалъ, только по старой дружбѣ подарилъ онъ мнѣ двухъ собакъ, да съ ними охотника на время. А Павла Ивановича (Ягужинскаго) просилъ я о неоставленіи Отяева, рекомендуя его только добрымъ человѣкомъ.

«По меморіямъ о Брянчаниновѣ, Войновѣ, о Васильѣ Глѣбовѣ ⁽²⁾ ничего не дѣлывалъ и они мнѣ ничего не давали.

(1) Вѣроятно съ вещми, опечатанными при его арестѣ, по извѣстному дѣлу. См. выше.

(2) Монсу представили при допросахъ связку болѣе подозрительныхъ къ нему просьбъ и записокъ, съ тѣмъ чтобы онъ объяснилъ ихъ значеніе.

«Петръ Салтыковъ просилъ о деревняхъ, взятыхъ у него ко двору. Но я ничего для него не производилъ; онъ меня не дарилъ, я дарилъ ли кого изъ моей фамилиа, того незнаю.

«О выморочныхъ деревняхъ Мартынинова, по челобитной Камынина — ни гдѣ не продавалъ, холпакъ, да камзолъ тканый да 1000 рублей съ него не бралъ; взялъ только, хвала мастерство, кошелекъ работы ихъ домоваго ткача.

«За архіерея Дашкова никого не продавалъ; двухъ же чалыхъ лошадей подарилъ онъ мнѣ безъ всякаго дѣла (1).

«О Яковѣ Павловѣ просилъ я государыню, чтобъ отпустилъ его отъ двора сержантомъ, но за это я ни съ отца Павлова, ни съ него и съ брата ничего не бралъ.

«Левъ Челищевъ подарилъ вноходца, чтобъ исходатайствовать ему чинъ и заслуженное жалованье.

«Денегъ моихъ лежачихъ, ни въ торгу, ни у кого нѣтъ, кромѣ того, что обрѣтается въ моемъ домѣ. Подвисалъ: «De Monso.»

Спросили подтвержденія показаній только у одной царевны Прасковьи; потому ли, что взятка данная ею душами и крестьянскими животами была крупнѣе прочихъ, или по другимъ какимъ соображеніямъ, неизвѣстно. Смущенная царевна призвана была къ государю; въ его присутствіи она должна была вывести своимъ крайне дурнымъ почеркомъ слѣдующія слова:

«дала я Монцу деревну для того што все в немъ искали што-бы добръ...»

На послѣднемъ словѣ государь остановилъ Прасковью: достаточно было для суда и трехъ словъ, остальное царевна могла дополнить устно; притомъ же Петру, въ его нетерпѣливомъ желаніи завершить дѣло возможно скорѣе, было вовсе не до Прасковьи.

Привели между тѣмъ Балка. Его не мучили длинными вопросами; государь удовольствовался однимъ:

«Балакиревъ объявлялъ, что вы всею фамилією приходили къ Монсу и со слезами просили его, чтобы онъ Столѣтова отъ себя бросилъ; буде же не броситъ, то Столѣтовъ его укуситъ и Монсъ можетъ отъ него пропасть; а на тѣ слова Монсъ отвѣчалъ: вистѣлицъ—то де много! Вы всею фамилією къ нему приходили ли, такіа слова говорили, отвѣтъ отъ него былъ ли и для чего вы ему тѣ слова говорили?»

(1) Понятно, что вѣрить Монсу никакъ нельзя: еслибы онъ ни отъ кого ничего не бралъ, а главное не усердствовалъ по дѣламъ дарителей, то число ихъ не возрастало бы годъ отъ году. А мы видѣли, что это было такъ: Монса стали задривать съ 1719 года и это продолжалось въ прогресіи чуть не до дня его ареста.

— «Такия слова говорилъ я со всей фамиліей Монсу для того, что о Егорѣ сказывалъ адмиралъ, у котораго Егоръ прежде служилъ: «Егоръ—де бездѣльникъ, я имъ недоволенъ и хотѣлъ его сбить со двора». Такожъ Ягужинскій говорилъ Монсу: «брось Егора, онъ твоимъ именемъ много шалитъ, чего ты и не знаешь». А я съ фамиліей — продолжалъ Балкъ — за Столѣтовымъ никакой не видали шалости, а говорили такъ со словъ адмирала да Ягужинскаго; на что и отвѣтилъ намъ Монсъ: «ежели Егоръ какую пакость сдѣлаетъ, то висѣлицъ много!»

Монса увели; Балка отпустили. Государь, утомленный допросами, ушелъ; обѣдать, послѣ стола по обыкновенью отдохнулъ и вечеромъ отправился на ямьины къ капитану Гослеру. Пирушка длилась долго; государь — такъ свидѣтельствуеъ очевидецъ — «былъ очень веселъ».

А въ кружкахъ петербургскаго общества не смолкалъ говоръ о арестѣ и допросахъ Монса; старики говорили осторожно, молодые болтали смѣлѣе. Такъ 11 ноября сержантъ Апраксинъ рассказывалъ любопытному Берхгольцу:

— «Монсъ эти дни сидѣлъ подъ арестомъ въ своей комнатѣ, стерегутъ его часовые; теперь перевезли его въ зимній дворецъ, гдѣ засѣдаетъ верховный судъ⁽¹⁾; допросъ дѣлаютъ подъ большою тайной. Монсъ въ эти дни страшно измѣнился; съ нимъ отъ страху былъ ударъ; впрочемъ онъ стоитъ на томъ, что не знаетъ за собой никакой вины. Матрена Ивановна Балкъ отъ страху все еще очень больна и не встаетъ съ постели.»

Такъ рассказывали при дворѣ герцога голштинскаго; другія свѣдѣнія въ тотъ же день собралъ саксонскій посолъ Лефортъ: «Сегодня, во вторникъ — писалъ онъ къ своему двору — Монса опять приводилъ къ допросу. И онъ, какъ говорятъ, *тотчасъ во всемъ признался*, такъ что вѣнужно было употреблять пытку. Въ тотъ же день императрица просила у государя помилованія Монсу; ей отвѣчали просьбой разъ навсегда — не вмѣшиваться въ это дѣло. Впрочемъ та велѣла сказать генералшѣ Балкъ: «не заботьтесъ о своемъ братѣ, арестъ его не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій.»

Извѣстія Лефорта едвали не достовѣрныѣ: Монсъ вполнѣ повинился. Если показанія его на бумагахъ были несовѣтмъ чистосердечны, то мы вправѣ думать, что онъ былъ искреннѣе на словахъ. Иначе — рѣшительно непонятно, какъ онъ могъ избѣжать пытки? Если пытали по дѣламъ совершенно ничтожнымъ, то могли ли обой-

(1) Подъ этимъ названіемъ съ 1719 года была постоянная коммисія по разнымъ судебнымъ дѣламъ первой важности.

тисъ безъ встязаній въ дѣлѣ первой важности? Такимъ покрайней-мѣрѣ считали дѣло Монса. Но немудрено, что попытка на этотъ разъ оказалась дѣломъ лишнимъ: въ самомъ дѣлѣ, тотъ кто отъ единаго страху уналъ въ обморокъ, тотъ кто велъ жизнь среди роскоши и шѣги, могъ ли вывести мысль о томъ, чтобы перенести пытку? Понятно, что недождавшись ея, онъ принесъ полное сознаніе. Только имъ онъ могъ спасти какъ себя, такъ и придворныхъ служителей и служительницъ отъ кнута и жевія.

Между тѣмъ допросы продолжались. 11 ноября, въ среду, дошла очередь до Столѣтова; поданное имъ своеручное показаніе относилось до взятокъ Монса.

Такъ Столѣтовъ расказалъ нѣкоторыя подробности относительно крушой взятки царевны Прасковьи. «Когда царицы Прасковьи Федоровны не стало, тогда ея дочь Прасковья Ивановна отдала Монсу духовную мамы своей, боярыни Бутурлиной; а въ той духовной мама била челомъ царевнѣ вотчиною своей селомъ Оршо съ деревнями въ пусторжевскомъ уѣздѣ. Виллимъ Монсъ объявлялъ духовную мнѣ да секретарю вотчинной ея величества канцеляріи Арцыбушеву и требовалъ резону: какимъ образомъ по этой бумагѣ можно получить деревню? Я, разсмотря духовную, объявилъ: «надо моль справиться, закрѣплена ли та деревня за Прасковьей Ивановной, и если еще за ней не справлена, то она васъ жалуетъ чужимъ; а узнать о справкѣ надо въ вотчинной колегіи». По моему объявленію, Монсъ докладывалъ государышѣ, и ея величество позволить высокоблагозволила въ той колегіи справиться. Я справливался, и нашолъ, что вотчина нигдѣ и никакъ за царевной не справлена. Тогда это поручили сдѣлать Арцыбушеву, понеже весь того дѣла порядокъ чрезъ него обращался. А я посыланъ былъ, по тому-жъ дѣлу, въ вотчинную колегію, съ указомъ императрицы, чтобъ (ежели надлежитъ), то за ея величествомъ ту вотчину справить. И вотчинная колегія о справкѣ чинила немедленно исправленіе.»

Изъ этого расказа видно, какъ домогался Виллимъ Ивановичъ подарка царевны Прасковьи; никакихъ слѣдовательно отказовъ съ его стороны и особенной навязчивости со стороны дарительницы не было и въ поминѣ. Судя по этому, можно быть увѣреннымъ, что и остальные показанія Монса по поволу его взятокъ менѣе имъ смягчены и искажены.

Къ сожалѣнію о другихъ не много сказалъ его пособникъ Столѣтовъ. Назвавъ князей Алексѣя Григорьевича да Василія Лукича Долгорукихъ, секретарь объявилъ затѣмъ: «что принадлежитъ до взятокъ съ партикулярныхъ персонъ, ничего незнаю, понеже отъ всѣхъ дѣлъ таковыхъ, кромѣ партикулярныхъ ея величества, весьма

чуждъ отъ Моиса учиненъ, но зависти и обиденію ему на меня фамиліи его, которая такъ его преогорчила на меня, какъ извѣстно, что онъ и всѣмълицу общалъ.»

Уклонившись такимъ образомъ отъ разъясненія продолжѣлъ Моиса, секретарь пояснѣлъ, что онъ принужденъ былъ искать своего въ должности опредѣленія. «А опредѣленія сего — писалъ Столѣтовъ, — и донынѣ у него не сыскалъ. Взялъ меня Моисъ въ свою команду (1), общалъ всякое благополучіе, вмѣсто котораго и весьма неравнаго обрѣлъ себѣ такое заключеніе, отъ котораго принужденъ всякой въ моей жизни надежды лишиться, токмо итѣю на великодушное его величества милостивое разсмотрѣніе надежду; и для того, въ чемъ я собственно виноватъ, приношу мое чистѣйшее покаяніе.»

Въ порывѣ покаянія Столѣтовъ представилъ небольшой списокъ своихъ «виновностей», всего только три: 1) Принялъ я отъ служителей государыни, двухъ Грузинцовыхъ, двѣ лошади съ тѣмъ, «чтобы современемъ въ приключившихся нуждахъ ихъ, по возможности своей, помогать; что я и чинилъ по совѣсти, безъ утраты интересу ея величества.» 2) Князь Алексѣй Долгоруковъ благодарилъ меня за старанія по его дѣлу объ отцовскомъ наслѣдствѣ (по дѣлу и донынѣ за нимъ несправлено для иѣкоторой претензіи одного изъ его братьевъ); прислалъ онъ мнѣ на камзолъ парчи золотной, бахраму и сукно, да потомъ подарилъ жеребчика; а принялъ я все то невѣрная во взятки, но въ благодареніе и пріязнь, для того что услуги мои были ни по его прошенію, «но по указу ея величества.» Да 3) царевна Прасковья Ивановна за объявленное мое стараніе (въ дѣлѣ о передачѣ вотчины Моису) пожаловала мнѣ 320 рублей въ разное время, съ тѣмъ: «чтобы я приводилъ Моиса, а онъ бы государыню, чтобъ ее царевну, содержать въ милости своей изволила и домашнее бы имъ опредѣленіе учинила. Въ вышеписанномъ во всемъ — заключалъ иновѣдъ Столѣтовъ — прошу у его величества великодушнаго разсмотрѣнія и милостиваго помилванія.»

Помилванія небыло. 12-ое ноября проведено было судьями, какъ кажется, въ окончательной переборкѣ захваченныхъ бумагъ, быть-можетъ и въ допросахъ, но онѣ либо не дошли до насъ, либо вовсе небыли записаны. Моисъ продолжалъ содержаться подъ карауломъ, по однимъ извѣстіямъ въ домѣ Ушакова, по другимъ — переведенъ былъ въ свой собственный домъ; Столѣтовъ и Балакиревъ (послѣдній послѣ прогулки въ крѣпость) все еще заперты были въ пустомъ

(1) Предъ поступленіемъ къ Моису Столѣтовъ жилъ у царицы Марыи Житѣвны, урожденной Апраксиной.

лѣтнемъ дворцѣ (тамъ еще недавно можно было видѣть темную комору съ рѣшотчатымъ оконцемъ въ дверяхъ). Въ пятницу, 13 числа, рано по утру страшный вѣстивкъ несчастія Ушаковъ предсталъ прелѣ Матреной Ивановной, измученной страхомъ и надеждой. Генеральша волею-неволею должна была подняться съ постели; ее унесли въ домъ инжентора и — такъ говорили въ городѣ — заперли въ той самой комнатѣ, гдѣ сидѣлъ вѣскольно дней ея братъ. Множество чловѣкъ оцѣпляло зданіе, видъ котораго невольно внушалъ страхъ и трепеть въ жителяхъ Петербурга. Всѣмъ за Матреной Ивановной арестовали и ея сына, придворнаго шеголя и красавца Петра Федоровича Балка. Ему пока объявленъ былъ арестъ въ своемъ домѣ или въ домѣ матери. Вообще нельзя не подивиться той необычной деликатности, если можно такъ выразиться, которую явилъ государь въ шествіи случай. Арестации были невелики, дѣлали ихъ «безъ великаго поспѣшенія»; взятыхъ подъ арестъ не влекли въ крѣпостныя казематы; ноги взятыхъ персонъ, искусившіяся въ ассамблейныхъ танцахъ, не ставили въ ремень, нѣжныя ручки не ввертывали въ хомутъ, ниужъ не бороздили ихъ спины. Словомъ, государь или стыдился являть жестокость по дѣлу слишкомъ близкому его сердцу, или же Екатерина, по народному выраженію, «своимъ волшебнымъ перенемъ» продолжала и въ эти страшныя минуты «обводить», т. е. смягчать, улаживать государя.

Въ чемъ состоялъ устный допросъ Матренѣ Ивановнѣ со стороны государя, мы не знаемъ; то-же, что было зависано съ ея словъ, отличается необыкновеннымъ законизмомъ. По всему видно, въ такой «объявившейся за ея семействомъ матеріи», каковыя взятки, ей не позволили много распространяться. Черепуганная до-нельзя, Матрена Ивановна втеченіе двухъ дней 13 и 14 ноября всиоминала и диктовала Черкасову имена своихъ дарителей. Въ этомъ спискѣ были лица всѣхъ состояній, званій и обоего пола. Представляемъ имена ихъ въ нѣкоторой постепенности.

«Брала я взятку — винилась Матрена Ивановна — съ :

Служителей *Грузинцовыхъ* 100 рублей, съ тѣмъ чтобъ говорить Монсу о разсмотрѣніи ихъ дѣла.

Купецкой чловѣкъ *Красносельцовъ* далъ 400 рублей за заступленіе въ дѣлѣ князя Василя Долгорукова, назадъ тому лѣтъ десять (вѣрнѣе въ 1718 г.).

Купчиха *Юрикной*, бывшій съ посломъ въ Китаѣ, подарилъ два косяка камки и китайскій атласъ.

Купецъ ввозеонецъ *Мееръ* 300 червонныхъ.

Капитанъ *Альбрехтъ* долгу своего на мнѣ уступилъ 120 рублей.

Сынъ игумена, князь *Василій Ржевскій* замладилъ мои серги

въ 100 рублѣхъ отдалъ безденежно, въ то время, какъ шилъ дѣло съ княземъ Хованскимъ.

Посолъ въ Китаѣ *Левъ Измайловъ* но прїѣздѣ оттуда, подарилъ три косяка камки да 10 фунтовъ чая.

Петръ *Салтыковъ* — старый недорогой возокъ.

Астраханскій губернаторъ *Волыскій* — полпуда кофе.

Великій канцлеръ графъ *Головкинъ* — двадцать возовъ сѣна.

Князь Юрій *Гагаринъ* — четыре серебряныхъ флаши.

Князь Федоръ *Долгоруковъ* — полпуда кофе.

Князь Алексѣй *Долгоруковъ* далъ, по моему прошенію, старую коляску да шестерикъ недорогихъ лошадей.

Свѣтлѣйшій князь *Меншиковъ* на вымяны подарилъ мнѣ маленькій перстень алмазный, а потомъ 50 четвертей муки.

Его высочество герцогъ *Голштинскій* — два флеровыхъ платка, шитыхъ золотомъ и ленту.»

Неменьше обильна была жатва генеральши съ прекраснаго поля. Ей презентовали :

«Купчиха *Любсъ* — парчу на кафтанъ, штофу шолковаго на сармать.

Баронеса *Строганова* — балбереку 30 аршинъ.

Баронеса *Шафирова*, жена бывшаго вице-канцлера, — штофу шолковой.

Княгиня *Черкасская* — атласъ китайскій.

Княгиня *Долгорукова* (жена посла Василья Лукича) — опахало.

Княгиня Анна *Долгорукова* — запасу разнаго.

Княгиня Анна Ивановна *Голыцина* — тоже.

Княгиня *Меншикова* на вымяны ленту, шитую золотомъ.

Царевна *Прасковья Ивановна* — 400 или 500 рублей, того не помню, за убытки мои, что въ Мекленбургѣ получила (въ бытность при Екатеринѣ Ивановнѣ гофмейстериней); отъ нея-жъ кусокъ полотна варандорфскаго и запасы сѣстныхъ въ разное время; запасы тѣ за то, чтобъ просила о ея домовомъ раздѣлѣ съ сестрами.

Царевна Анна *Ивановна*, герцогиня курляндская, прислала старое свое платье.

Царица *Прасковья Федоровна* подарила 200 червонныхъ за убытки мои въ Мекленбургѣ.

Да вынѣ (1724 годъ), — каялась Балкша — въ Москвѣ, изъ многихъ господскихъ домовъ присылавали мнѣ овса, сѣна и протчаго всякаго запасу домоваго, а сколько и когда, не помню.»

Чтобъ помочь ослабѣвшей памяти сестры и брата, обратилась къ гласности!

Въ ту же пятницу, 13 ноября, по полудни кортежъ солдатъ, мнѣ

во главѣ нѣсколькихъ барабанщиновъ и одного чиновника, прошолъ по улицамъ и площадямъ столицы. На барабанный бой сбѣжалъ народъ; ему велегласно объявили, что такъ-какъ камергеръ Монсъ и сестра его Балкъ брали взятки и за то арестованы, то каждый кто что-нибудь знаетъ объ этомъ или кому доводилось давать имъ, то тотъ, подлѣ страхомъ тяжкаго наказанія, долженъ непремѣнно заявить о себѣ. Такія же извѣщенія прибыли на стѣнахъ.

«Послѣ танихъ публикацій, — въ тотъ же день заговорили въ публикѣ, — послѣ такого объявленія дѣло арестантовъ приметъ весьма опасный оборотъ. Говорятъ, что они во многомъ уличены изъ собственныхъ ихъ писемъ.»

Уликъ дѣйствительно оказалось такъ много, что арестантовъ безъ дальнѣйшаго слѣдованія предали «*вышнему суду*». Непремѣннымъ результатомъ его засѣданій (этого желалъ государь, того же требовали его указы) должна была быть.

X

КАЗНЬ КАМЕРГЕРА МОНСА

(1724)

Утромъ въ субботу, 14 ноября, члены суда съѣхались въ зимній дворецъ. Пома не привели еще подсудимыхъ, я назову вамъ имена грозныхъ судей; всѣхъ ихъ девять человекъ: Иванъ Ивановичъ Бутурливъ, Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, графъ Яковъ Брюсъ, Семенъ Блеклый, Иванъ Головинъ, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, и нашъ старый знакомый, Андрей Ивановичъ Ушаковъ.

Желаете вы познакомиться съ ними поближе? Заглянуть въ ихъ прошлое, узнать значеніе каждого изъ нихъ при Петрѣ, ихъ характеры, — всё это для того, чтобъ вѣрнѣе могли бы вы обсудить тѣ мѣнія, которыя услышите въ засѣданіи? Если таково ваше желаніе, то мы не возьмемъ его выполнять. Не потому, чтобы это было не по нашимъ силамъ, — нѣтъ, со всѣми этими лицами мы неразъ встрѣчались въ нашихъ очеркахъ петровскаго времени, мы ихъ знаемъ близко, но здѣсь рисовать ихъ портреты было бы совершенно напрасно.

Мнѣвій, толковъ, споровъ, разсужденій мы не услышимъ со стороны вышняго суда. Да не для нихъ онъ и созданъ. Дѣло вышняго суда было слѣпое выполненіе указовъ. Вотъ все что имъ требовалось.

Чтеніе и засѣданіе заключилось общими опредѣленіями: «выписать указы его императорскаго величества, по которымъ тѣ дѣла судить, и съѣхаться всѣмъ для того заатрешнаго, то есть 15 числа сего мѣсяца, въ 5 часу по полудни.»

Въ то время какъ въ одной изъ низкихъ, темныхъ палатъ тогдашняго зимняго дворца идетъ чтеніе «секретно-уголовнаго» дѣла, по улицамъ вновь гремитъ барабанный бой, вновь вызываются дежурники на взяточничество Мюса, Балкинъ и всей ихъ фамиліи. Отъиѣтъ никто не сомнѣвался, что дѣло кончится плохо. Въ «публичкѣ» говорили, что объявилось много лицъ, дававшихъ Мюсу подарки.

Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно кто именно явился? И явились ли тѣ бароны и баронесы, князья и княгини, которыхъ такъ безцеремонно опрестилъ указъ 13 ноября *плутами*?

Едвали кто-нибудь изъ нихъ дерзнулъ «не объявиться» такимъ плутомъ, послѣ двукратнаго, всенароднаго вызова. Каждый и каждая, сколь *плутваты* ни были, а не могли рассчитывать, что сумѣютъ вывернуться въ случаѣ заперательства отъ монаршаго гнѣва.

Ноябрьская ночь покрывала еще своимъ чернымъ пологомъ Петербургъ. Сквозь закрытыя ставни деревянныхъ домиковъ рѣдко-рѣдко гдѣ начиналъ брѣжить свѣтъ свѣчи или лампадки; подъ навѣсами гостивыхъ дворовъ да за запертыми воротами даяли нсы. Городъ только-что просыпался, а высшіе судьи спѣшили уже во дворецъ.

Расторопный Черкасовъ еще наканунѣ подыскалъ приличныя дѣла указы и составилъ по нимъ приговоръ. Подойдемъ поближе, и прочитавъ его велѣтъ за судьями, расскажемъ вкратцѣ содержаніе.

Судьи, какъ видно изъ этого документа, признали за Мюсомъ «слѣдующія преступленія въ его должности: 1) взымалъ онъ у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу съ деревнями; спрашивалъ ихъ сначала за царевной, а потомъ одну деревню перевелъ въ вѣдѣніе вотчинной ея величества канцеляріи; оброкъ съ той деревни бралъ себѣ. 2) Для отказа той деревни посылалъ онъ бывшаго прокурора воронежскаго надворнаго суда — Кутузова, безъ сенатскаго разрѣшенія. А по указу 5 февраля 1722 года, безъ повелѣнія совета дворяне ни къ какимъ гражданскимъ дѣламъ не должны быть опредѣляемы; а если къ какому дѣлу опредѣляется дворянинъ, то онъ на то дѣло долженъ имѣть письменный указъ. Кромѣ того Кутузовъ судился по нѣкоторому дѣлу въ московскомъ надворномъ судѣ и обязанъ былъ подпиской никуда ни выѣзжать; Мюсъ на то не ве-

смотрѣлъ и именемъ государыни императрицы восславъ въ Москву указъ: Кутузова по тому дѣлу не истязывать и отлучку его въ яви не ставить. 3) Взявъ онъ, Монсъ, четыреста рублей съ посадскаго челоука Соленикова, и сдѣлалъ его за то стреланнымъ наюкомъ ея величества; по указу же 13 апрѣля 1722 г. велѣно всѣмъ выходцамъ изъ посадскихъ высылать въ посады, въ которыхъ ихъ и записать.»

Вотъ три преступленія, которыя, по изслѣдованію вышннго суда, объявились за Монсомъ. Первое изъ нихъ подтверждено было собственноручнымъ показаніемъ царевны Прасковьи, второе признаніемъ Монса, третье — свидѣтельствомъ Столѣтова. Судьи не тратили время на розысканіе о множествѣ остальныхъ статей камергерскаго вѣточничества; первыхъ трехъ, было достаточно для законности приговора и онъ завершился небольшою выпиской изъ законовъ. Прочтемъ и ее:

«Вышеписанныя преступленія учинилъ Монсъ въ своей должности; понеже онъ надъ всѣми вотчинами ея величества и надъ всѣмъ управленіемъ командиромъ былъ. А въ указѣ е. и. в., 25 октября 1723 года, написано: кто въ какомъ ни есть дѣлѣ, ему повѣренному, и въ чьей его должность есть, а онъ то неправдою дѣлать будетъ, по какой страсти, вѣдѣніемъ и волею, такого, яко нарушителя государственныхъ правъ и своей должности, казнить смертію натуральною или политическою, по важности дѣла и всего имѣнія лишить.» На основаніи слѣдующей затѣи выписки изъ генеральнаго регламента (гл. 50): взяточникъ за великія посулы долженъ быть казненъ смертію или сосланъ вѣчно на галеры съ вырѣзкой ноздрей и отбитіемъ имѣнія.

«А такъ какъ Монсъ — заключалъ судъ — по дѣлу явился во многихъ взяткахъ и вступалъ за оныя въ дѣла, непривадающія ему, и за вышеписанныя его вины (мы) согласно приговорили: учинить ему, Виллиму Монсу, смертную казнь, а имѣнье его, движимое и недвижимое взять на его императорское величество. Однако нижеподписавшихся приговоръ предается въ милостивое разсужденіе его императорскаго величества. Подписали:

«Иванъ Бахметевъ, Александръ Бредихинъ, Семень Влеклой, Иванъ Дмитріевъ Мамоновъ, Андрей Ушаковъ, Иванъ Головинъ, графъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ, Иванъ Бутурлинъ, графъ Яковъ Брюсъ.»

Петръ на полѣ доклада начерталъ: *учинит по приговору.*

Достоинно замѣчанія, что подобныхъ конфирмацій немного у Петра; я хочу сказать, что многочисленныя обреченія на плаху либо висѣлицу въ его время обыкновенно объявлялись: по словес-

нему указу его величества кѣмъ-нибудь изъ птенцовъ : Ушаковымъ, Толстымъ и другими лицами. Но здѣсь дѣло было близко сердцу ; съ одной стороны являлось желаніе личнаго удовлетворенія за свое оскорбленіе, съ другой — хотѣлось прикрыть непохвальное чувство соблюденіемъ всѣхъ формальностей. Первое однако рѣшительно выбивалось изъ законной формы ; такъ напримѣръ боясь замедлить исполненіе приговора , государь не сталъ дожидаться ни опредѣленія, ни доклада суда о союзникахъ ненавистнаго ему камергера : онъ въ тоже воскресенье, 15 ноября, написалъ :

«*Матрену Балкшу* — бить кнутомъ и сослать въ Тобольскъ.

«*Стольтова* — бить кнутомъ и сослать въ Рогервикъ на десять лѣтъ.

«*Балакирева* бить батогами и въ Рогервикъ на три года.

«*Пажа Соловова* — въ судѣ высѣчь батогами и написать въ солдаты.

«*Павловыхъ* — въ солдаты безъ наказанья.

«Послать указъ въ военную коллегію : *Петра Балкова* — капитаномъ , а брата его (*пажа Балка*) урядникомъ въ гиланскіе новонаборные полки» (1).

Въ этомъ спискѣ мы находимъ четырехъ лицъ , которыхъ даже не допрашивали ; покрайней-мѣрѣ допросы ихъ не были записаны: это младшій Балкъ , Яковъ да Никита Павловы и пажъ Григорій Солововъ. Что первый невинный двѣнадцатилѣтній мальчикъ обреченъ былъ въ ссылку, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Въ то страшное время, если туча государевой опалы разражалась надъ семьей, то громъ и молнія разили, за немногимъ исключеніемъ, членовъ семействъ виновныхъ и невинныхъ ; что касается до Павловыхъ, то ихъ безъ сомнѣнія сослали за посулы Монсу, а главное за буйство и драки, о которыхъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ, а государь могъ узнать при пересмотрѣ бумагъ Виллима. Но за что высѣченъ мальчикъ , пажъ Соловова — неизвѣстно... (2) Но некогда теряться въ догадкахъ. Иванъ Антоновичъ Черкасовъ , проводивши вышнихъ

(1) Въ словарь Бантыша-Каменскаго имена Балковъ спутаны: старшій названъ Павломъ, младшій Петромъ. (Изд. 1836 г. т. I. с. 82.) Вообще эти братья смѣшаны и у Гельбига, и въ нашей статьѣ «Н. Ф. Лопухина», составленной по печатнымъ источникамъ.

(2) Солововъ Григорій стоялъ первымъ между пажами Екатерины. Такъ въ «реестрѣ падамъ», какъ кажется 1724 года, мы читаемъ : «Григорій Солововъ»; отиѣчено: «въ Москвѣ». Далѣе: Петръ Сумароковъ, Андрейя Шуваловъ, Григорій Самаринъ, Иванъ Кологривовъ, Иванъ Самаринъ, Левъ Кайсаровъ, Федоръ Ватковской, Иванъ Ватковской, Дмитрій Кочетовъ, Петръ Кошелевъ, Петръ Шуваловъ. Итого 12 человекъ.

судей, писать указъ въ полицмейстерскую канцелярію для «публикованія заблаговременнаго».

И вотъ, еслибы мы могли пройти въ тотъ день, мы бы прочитали на стѣнахъ домовъ слѣдующую публикацію :

«1724 года, ноября въ 15 день, по указу его величества императора и самодержца всероссійскаго объявляется во всенародное вѣдѣніе : завтра, то-есть 16 числа сего ноября, въ 10 часу предъ полуднемъ, будетъ на Троицкой площади экзекуція бывшему камергеру Виллиму Монсу, да сестрѣ его Балкшѣ, подъячему Егору Столѣтову, камеръ-лакею Ивану Балакиреву — за ихъ плутовство такое : что Монсъ, и сестра его, и Егоръ Столѣтовъ, будучи при дворѣ его величества, вступали въ дѣла противныя указамъ его величества не по своему чину, и укрывали *винныхъ плутовъ* отъ обличенія ввнѣ ихъ, и брали зато великія взятки ; и Балакиревъ *ѣ томъ* (?) Монсу и прочимъ служилъ. А подлинное описаніе винъ ихъ будетъ объявлено при экзекуціи.»

Балакиревъ вкѣмъ и не былъ обличенъ во взяткахъ ; онъ былъ виноватъ въ другомъ : въ переносѣ да въ болтовнѣ о сильненькомъ письмѣ ; предать это гласности нашли неудобнымъ, и вмѣсто того ему *присочинили* вину.

Одновременно съ извѣстіемъ о предстоящей экзекуціи, арестантовъ перевели въ крѣпость. Утромъ отведены были Балкша, Столѣтовъ и Балакиревъ ; послѣ обѣда отправили изъ кабинета Монса. Когда проводили его по дворцовому двору, онъ увидѣлъ у оконъ великихъ княжонъ. Камергеръ раскланялся съ ними и благодарилъ за оказанныя ему милости. Монса посадили въ одинъ изъ домовъ, бывшихъ внутри крѣпости, едвали не въ тотъ самый, въ которомъ скончался Алексѣй. Въ тотъ же день въ городѣ говорили, что самъ государь былъ у Монса. «Ich bedauere es sehr — сказалъ ему Петръ — dich zu verlieren, aber es kann nun einmal nicht anders sein» (мнѣ очень жаль тебя лишиться, но иначе быть не можетъ).

Было уже темно, когда въ комнату заключеннаго вошелъ тотъ, кто бесѣдою во имя милосердаго Христа долженъ былъ усладить послѣднія минуты несчастнаго : этотъ утѣшитель былъ пасторъ Нацціусъ.

Послѣ христіанскаго напутствія въ жизнь загробную (1) Монсъ остался одинъ. Кругомъ царствовала тишина ; лишь изрѣдка къ аре-

(1) Напутствіе изъ устъ Нацціуса едвали было хорошо понято Монсомъ : пасторъ имѣлъ чрезвычайно неприятный, дурной выговоръ ; онъ кому-жъ говорилъ тактихо, что даже трудно было слышать его и понять.

станту доставлять оканки часовыхъ да бой крепостныхъ курантовъ...

Многие Теперь, въ предсмертную ночь, среди тажкого раздумья о прошломъ, могло прийти ему въ голову. Между тѣмъ надежда на прошеніе весьма естественно не оставляла его. «Неужели премилосердая Екатерина — могъ думать Монсъ — покинетъ меня, нѣкогда ея фаворита?.. Но поддастся ли государь ее мольбамъ? Строгость и твердость его извѣстна. Нѣтъ, видно смерти не избѣтъ!..» И въ думкахъ о ней несчастный прощался съ жизнью, съ свѣтомъ :

.....

 Welt, ade! ich bin dein müde,
 Ich will nach dem Himmel zu.
 Da wird sein der rechte Friede
 Und die stolzste Seele Ruh.
 Welt! bei dir ist Krieg und Streit,
 Nichts denn lauter Eitelkeit;
 In dem Himmel alle Zeit
 Friede, Ruh und Seeligkeit!.. (1)

Оставимъ Монса одного съ его думами, стихами, его надеждами и отчаяніемъ.

Между тѣмъ по ту стороны Невы, близъ Лѣтняго сада, въ домѣ занимаемомъ герцогомъ голштинскимъ, царствуетъ довольство, веселье. Герцогъ, услаженный вѣстью о предстоящемъ обрученіи, весь исполненъ счастья; его ужъ поздравили сановники русскіе, до сихъ поръ задушевные его пріятели только на перепойкахъ; теперь и въ трезвыя минуты сдѣлались они привѣтливѣй, любезнѣй. Герцогъ занятъ расчетами о подаркахъ для невѣсты, увлеченъ мечтами о своемъ значеніи, о тѣхъ средствахъ и томъ могуществѣ, которое получить съ русской царевной. Одно только непріятно ему, мечта его двоится: онъ не знаетъ еще которую изъ великихъ княжонъ выдастъ за него Петръ — старшую или младшую? Въ грезахъ то о той, то о другой засыпаетъ герцогъ... Туманилась ли радость голштинскаго гостя мыслью о Монсѣ, главнѣйшемъ виновникѣ его счастья (2)? Сомнительно: дѣло вѣдь обычное, что тѣ, кому

(1) «Свѣтъ, прощай! Ты мнѣ наскучилъ. Я стремлюсь на небо, туда, гдѣ истинная отрада, гдѣ гордая душа моя успокоится. Свѣтъ! на тебѣ лишь вражда и ссора, пустая суета, а тамъ, тамъ — отрада, покой и блаженство!» (Стихи Монса: см. Прилож. III, № 4.)

(2) Мы хотимъ сказать, что дѣло Монса ускорило рѣшеніе государя выдать дочь за Карла-Фридриха.

уверенное счастье, забываютъ тѣхъ, отъ которыхъ отвернулась фортуна. Не печальнее даже и Берхгольцъ; счастливый счастьемъ своего господина, онъ только думалъ о безопасности катастрофы, разившей его бывшего пріятеля:

«...Извѣстіе о казни Монса — записалъ Берхгольцъ вечеромъ 15 ноября 1724 года — на всѣхъ насъ произвело сильное впечатлѣніе: мы никакъ не воображали, что раздѣла послѣдуетъ такъ быстро и будетъ столь опаснаго свойства. Молодой Апраксинъ говорилъ (еголова) за вѣрное, что Монсу на слѣдующій день отрубать голову, а госпожу Балкъ накажутъ кнутомъ и сошлютъ въ Сибирь.»

Въ понедѣльникъ 16 ноября, рано утромъ на Троицкой площади, предъ еданиемъ сената ⁽¹⁾ все было готово къ казни. Среди ебѣжавшагося народа подымался высокій эшафотъ; на немъ лежала плаха да ходилъ палачъ съ топоромъ въ рукахъ: мастеръ ждалъ своей жертвы. У помоста торчалъ высокій шестъ: онъ ждалъ шапки, т. е. головы красавца-камергера. Тутъ же можно было видѣть другого зашпечнаго мастера съ кнутомъ, да молодцовъ выхваченныхъ изъ сѣраго народа: они должны были замѣнить, по обычаю того времени, помставки; на ошины ихъ вскидывали осужденныхъ на кнутабойню ⁽²⁾.

Въ 10 часовъ утра конвой солдатъ показался изъ-подъ «Петровскихъ» воротъ крѣпости; за нимъ слѣдовалъ Монсъ, исхудалый, измученный, если не физическою болью, то нравственными страданіями. Камергеръ былъ въ нагольномъ тулупѣ, шолъ въ сопровожденіи пастора и повидному былъ довольно твердъ.

Если вѣрять вѣмцу Берхгольцу (а на этотъ разъ въ расказѣ о казни единственно онъ могъ пожалуй и подкрасить расказъ), то Монсъ при вынолѣ еще изъ тюрьмы явилъ замѣчательную твердость. Онъ совершенно спокойно простился со всѣми окружающими. При этомъ очень много, въ особенности же близкіе его знакомые и слуги, горько плакали, хотя и старались, сколько возможно, удерживаться отъ слезъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ На томъ же мѣстѣ, гдѣ вѣкогда повѣшенъ былъ Гагаринъ.

⁽²⁾ Объ этомъ обычаѣ свидѣтельствуеъ извѣстный путешественникъ Аббатъ Шаппъ, посѣдившій Россію въ концѣ тридцатыхъ годовъ XVIII вѣка. Можно догадываться, что этотъ обычай существовалъ и при Петрѣ, хотя есть также свидѣтельства, что преступниковъ для наказанія кнутомъ привязывали къ столбамъ.

⁽³⁾ Къ сожалѣнію, мы незнаемъ, были ли здѣсь тѣ изъ «задушевныхъ друзей

На эшафотъ прочтали тотъ длинный приговоръ, съ содержаниемъ котораго мы уже знакомы. Выслушавъ его, Монсъ поблагодарилъ читавшаго, простился съ пасторомъ, отдалъ ему на память золотые часы съ портретомъ Екатерины, самъ раздѣлся, попросилъ палача какъ можно поскорѣй приступить къ дѣлу и легъ на плаху. Палачъ исполнилъ просьбу... Нѣсколько минутъ спустя голова красавца мертвыми глазами смотрѣла съ места на народъ; кровь сочилась изъ-подъ нея и засыхала на шею.

У братняго трупа генеральша, бывшая гофмейстерина и статсъ-дама выслушала слѣдующее :

«Матрена Балкова! Понеже ты вступала въ дѣла, которыя дѣлала черезъ брата своего Виллима Монса при дворѣ его императорскаго величества, (дѣла) непристойныя ему, и зато брала великія взятки, и за оныя твои вины указалъ его императорское величество: бить тебя кнутомъ и сослать въ Тобольскъ на вѣчное житье.»

Проводамъ въ ссылку предшествовало пять ударовъ кнутомъ по обнаженной спинѣ.

«Егоръ! провозгласилъ подъячій тайной канцеляріи, обращаясь къ Столѣтову : — понеже черезъ дачу (т. е. взятку) добился (ты) къ Виллиму Монсу въ подъячіе съ намѣреніемъ дѣлать при дворѣ его императорскаго величества дѣла, противныя указамъ его императорскаго величества изъ взятковъ, что такъ и учинилъ, въ чемъ и обличенъ. И за оное твое плутовство указалъ его императорское величество бить тебя кнутомъ и сослать въ Рогервикъ въ работу на десять лѣтъ.»

Пятнадцать ударовъ.

«Иванъ Балакиревъ! продолжалъ чтець, обращаясь къ камеръ-лакею : — понеже ты, отбывая отъ службы и отъ инженернаго, по указу его величества, ученія, принялъ на себя шутовство и чрезъ то Виллимомъ Монсомъ добился ко двору его императорскаго величества; и въ ту бытность при дворѣ во взяткахъ служилъ Виллиму Монсу и Егору Столѣтову, чего было тебѣ, по должности твоей, чинить не надлежало. И за ту твою вину указалъ его величество высѣчь тебя батоги и послать въ Рогервикъ на три года.»

Дано шестьдесятъ палокъ.

Были ли наказаны тѣ, которые «дачею взятковъ» втягивали фамилію Монса и его слугъ въ дѣла «непристойныя»? На этотъ вопросъ можно отвѣтить утвердительно; накануне камергерской казни за архимандритомъ троицкимъ Писаревымъ посланъ былъ гвардей-

и сердечныхъ братцевъ», которые такъ еще недавно расточали Монсу льстивыя завѣренія въ вѣжныхъ къ нему чувствахъ?

свѣдѣніи; ершмаандржта требовали къ отвѣту въ снѣдѣ; точно также подвергнули допросу Кутузова; вѣтъмъ остальнымъ «дачникикамъ» взяткомъ государь устраивалъ казни, дѣлавшую честь и его уму, и его времени. Допросы, пытки, заточеніе и тѣлесное штрафозаніе относительно всѣхъ ихъ замѣнены были характеристическимъ расщараженіемъ:

На особыхъ столбахъ, близъ эшафота, въ тотъ же день прибавилъ «росписи взяткамъ». Безъ сомнѣнія, была прибита роспись ваяткамъ Менса, но до насъ дошли только Балши и Столѣтова. Объявленія эти были въ слѣдующей формѣ:

Роспись взяткамъ Матрены Балши:

1. Съ Еремѣя Меера — 300 червоцныхъ.

2. Съ Любсовой жены — парчу на кафтанъ, да штофъ шолковый на самаръ.

3. Съ Льва Измайлова — три косяка камки да 10 ф. чаю.

4. Съ царевны Прасковьи Ивановны — 500 рублей, да кусокъ полотна варадарскаго, да всякіе столовые запасы.

5. Съ князя Алексѣя Долгорукова — 6 лошадей, да коляску.

6. Съ Петра Самтыкова — возокъ.

7. Съ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) — перстень золотой, мукъ 50 четвертей, да съ княгини его ленту, шитую золотомъ и т. д.

Всѣхъ нумеровъ въ росписи двадцать-три. Здѣсь на публичный позоръ, иноплѣ заслужонный, были выставлены между прочими лицами имена князей и княгинь: Долгорукихъ, Голицыныхъ, Черкасскихъ, Гагарина, графа Головкина, баронесы Шафировой, Артемія Вольцскаго и другихъ лицъ менѣ важныхъ.

Этихъ менѣ важныхъ лицъ больше значилось въ «росписи взяткамъ Егора Столѣтова». Но и здѣсь, въ перечнѣ четырнадцати именъ подъячихъ, управляющихъ, приказчиковъ, кушцовъ, чиновниковъ, выставлены были на общій съ ними позоръ князя: Алексѣя Долгорукий и Щербатовъ-глухой, да царевна Прасковья Ивановна, столь щеудачно расщедрившаяся на всѣхъ, кто только имѣлъ значеніе при Монсѣ.

Что было сильнѣе противъ взятокъ: шель, кнутъ, топоръ да ка-торга, или преданіе гласности именъ взяточниковъ и ихъ дарителей? Въ глазахъ Петра необходимо было и то и другое средство; и въ настоящемъ случаѣ, если всѣ эти князья и княгини отдѣлялись одрой ослаской, то это случилось вовсе не потому, чтобы Петръ находилъ измѣннымъ приструнить ихъ допросами и истязаніями (въ случаяхъ заперательства): нѣтъ, а просто потому, что ему въ настоящее время былъ недосугъ, да и истомилась его лупа. Петръ видимо изнемогъ подъ бременемъ заботъ, сильной болѣзни и душе-

ниаго огорченія; ему было уже не по-силѣмъ захватить новый большой розсыпъ, притомъ на этотъ разъ не надъ сторонниками сына, а надъ своими собственными лукавыми и корыстолюбивыми чтецами.

Какъ-бы интересно было подслушать толки и пересуды, возникшіе 16 ноября въ тогдашней публичнѣ и въ престолахъ народа надъ теплымъ еще трупомъ Монса? Въ этихъ пересудахъ вѣроятно отражалось бы многое для характеристики того времени... Къ сожалѣнію, въ неизмѣненъ матеріаловъ, мы должны ограничиться тѣмъ, что думали и писали о Монсѣ и его дѣлѣ вѣмцы-современники и вѣмцы позднѣйшаго времени (1).

«Монсу прочитаны были — пишетъ Берхгольцъ — только некоторые пункты его вины... Вообще — продолжаетъ голштинскій камеръ-юнкеръ — многія лица знатнаго, средняго и низшаго классовъ сердечно сожалѣютъ о добромъ Монсѣ, хотъ далеко не всѣ осмѣливаются показывать это. Вотъ ужъ на комъ какъ нельзя болѣе оправдывается пословица, что кто высоко стоитъ, тотъ и ближе къ паденію! По характеру своему Монсъ хотъ и не былъ большаго человѣкомъ, однакожъ пользовался немалымъ почетомъ и много значилъ; имѣлъ конечно, подобно другимъ, и свои недостатки; можетъ-быть ужъ слишкомъ надѣялся на милость, которую ему оказывали; но со всѣмъ тѣмъ онъ многимъ дѣлалъ добро, и навѣрно никакъ не воображалъ, что покончить такъ скоро и такъ плачевно.»

Берхгольцъ, какъ пріятель, наконецъ единоземецъ Монса, не могъ иначе и отозваться о немъ. Отзывъ его пристрастенъ. Монсъ положительно не могъ вызвать *сердечныхъ сожалѣній* многихъ лицъ, а тѣмъ болѣе изъ *всѣхъ* сословій. Такъ наприимѣръ подлѣ низшихъ классовъ общества едвали можно разумѣть кого-нибудь кромя вѣсколькихъ дворцовыхъ лакеевъ, имѣвшихъ въ Монсѣ ходатаевъ по ихъ челобитьямъ; подлѣ среднихъ классовъ можно ли разумѣть кого-нибудь кромя подрядчиковъ, приказчиковъ, управляющихъ, обирававшихъ императрицу и Монсомъ закрывавшихся отъ преслѣдованія? Жалѣли наконецъ *птенцы*, но жалѣли разумѣется до тѣхъ поръ, пока не нашли другого «патрона», новаго «милостивца» къ ихъ сутяжничеству, воровству, честолюбивымъ и властолюбивымъ проискамъ.

Пристрастный, хотъ и осторожный отзывъ Берхгольца въ началѣ нынѣшняго столѣтія былъ раздутъ Гельбингомъ въ выспрен-

(1) Французскихъ баснословцевъ Левека, Деклерка, Вильбоа, Шантеро и даже Вольтера (онъ въ своей исторіи Петра могъ бы сказать правду, такъ какъ имѣлъ много матеріаловъ, но не сказалъ) мы оставляемъ въ сторонѣ.

нѣхъ похвалялы. Издатель «Russische Günstlinge» такъ же упоминался предъ благороднымъ характеромъ Монса, какъ восторгался нравственностью его сестры Анны Ивановны (1).

Спокойно и безстрастно рассказалъ дѣло Монса только одинъ нѣмецъ, вѣрнѣйшій историкъ Россіи — Германъ.

«Въ ноябрѣ 1724 года — говорить онъ въ рассказѣ о царствованіи Петра — государь этотъ испыталъ въ нѣдрахъ собственнаго семейства глубокое огорченіе; оно не могло остаться безнаказаннымъ. Довереннѣйшими и приближеннѣйшими особами его супруги были: первый ея камергеръ Монсъ и его сестра, *одава* генерала Балаа. Монсъ приобрѣлъ такое значеніе и такую благосклонность у Екатерины, что всякій, кто только обращался къ нему съ подарками, могъ быть увѣреннымъ въ исходатайствованіи ему милости у императрицы. Петръ свѣдалъ наконецъ о взяточничествѣ Монса. Монсъ и его фамилія были арестованы, преданы суду, обвинены въ лихоимствѣ. Впрочемъ — продолжаетъ Германъ — изъ донесенія австрійскаго посла, графа Рабутана, очевидно, что это обвиненіе служило лишь предлогомъ къ казни Монса и его сличкомъ услужливой сестры; преступленія ихъ были гораздо гнуснѣе и проч. (2)

И наказания внолнѣ заслуженныя постигли преступниковъ. Петръ былъ немолвимъ. Матрону Ивановну, по истеченіи шести дней, только-что оправившуюся отъ страха и боли, отправили въ Тобольскъ. Ее конвоировали сержантъ съ двумя солдатами. Оба сына ея высланы въ Гиллянъ — одинъ капитаномъ, другой унтер-офицеромъ; пажы Солоново и оба Пявловы, первый послѣ сѣченія розгами, послѣдніе безъ наказанія, опредѣлены рядовыми въ преображенскій полкъ. Долге другихъ задержали въ крѣпости Балакирева и Столѣтова. Послѣдній, четыре дня спустя послѣ казни своего патрона, представилъ (вѣроятно по требованію) новое доброе показаніе о взяткахъ Монса. Въ этомъ занозделомъ обвиненіи Столѣтовъ сообщилъ о яхонтѣ въ 15,000 рублей; подарилъ его Монсу Левъ Измайловъ съ такимъ договоромъ, чтобъ исходатайствовать ему за поларокъ чинъ и деревню».

Какъ ни интересны были подобные рассказы, но тайная канце-

(1) Отзывъ Гельбига, введшія и насъ въ заблужденіе до знакомства съ подлинными документами, приведены въ статьѣ: «Наталя Федоровна Лопухина», стр. 20—22. Тутъ же смотр. извѣстіе Гельбига о сохраненіи головы Монса въ спиртѣ до времени Екатерины II. Пока это курьозное извѣстіе не подтвердится свидѣтельствомъ современныхъ документовъ, до тѣхъ поръ оно едва ли заслуживаетъ вниманія.

(2) Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Herrmann, Hamburg, 1840 T. IV, стд. V, стр. 441.

ларія не стала требовать новыхъ подробностей, и въ декабрѣ того же года Столтѣвъ съ Балакиревымъ отправлены въ Рогервикъ въ каторгу (1).

Тѣло Моиса съ медяло лежало на вѣсѣхъ, а когда медь стали ломать, трупъ взволонли догнивать на особо устроенное кресло.

Между тѣмъ дворъ оживился официальными празднествами по случаю обрученія герцога съ цесаревной. 22 ноября подписанъ былъ свадебный контрактъ; только въ этотъ день женихъ достоверно узналъ, что изъ двухъ княжонъ ему *достанется* старшая. Полный восторга Карлъ на другой же день устроилъ серенату подъ окнами государыни и невесты. Екатерина милостиво пригласила его въ покои, пошла изъ собственныхъ ручекъ вино, а государь ласково звалъ къ домашнему столу обѣдать.

Въ катерининъ день совершенно было обрученіе (2). 7 декабря Петръ Андреевичъ Толстой въ собственномъ домѣ на Петербургской-сторонѣ, недалеко отъ крѣпости, давалъ торжественный обѣдъ. На немъ была императрица съ дочерьми, придворными дамами и кавалерами, былъ разумеется и герой праздника — герцогъ съ своей свитой. Не было только государя, потому что онъ еще наканунѣ обѣдалъ у Толстого. Промъ завривалъ Ягужинскій. «Но глазамъ императрицы — отиѣтилъ Берхгольцъ — видно было, съ какимъ удовольствіемъ она смотрѣла на дружбу и любовь обѣихъ высокихъ обрученныхъ.»

Удовольствіе не могло не омрачиться другимъ зрѣлищемъ: на обратномъ пути изъ дома Толстого, Екатерина, Анна, Елисавета, Карлъ, а за ними и вся свита, проѣзжали мимо колеса, съ котораго свисѣла груда, одѣтый свѣгомъ; съ шеста угрюмо смотрѣла на пышный поѣздъ голова Моиса. (3)

(1) Рогервикъ — гавань въ семи верстахъ отъ Ревеля. Въ послѣдніе годы царствованія Петра здѣсь шли большія фортификаціонныя работы.

(2) «...И былъ въ этотъ день фейервѣркъ: на планѣ изображена была Венера на колесницѣ, которую везли лебеди съ поднесеніемъ счастливаго согласія. И сидѣли въ палатѣ, въ залѣ, до двѣнадцатаго часу при ихъ величествахъ и ихъ высочествахъ всѣ господа, гдѣ была изрядна музыка, и танцовали.» Отиѣтилъ въ «Календарѣ» на 1724 годъ, хран. при киб. дѣл. Петра. ""

(3) Очень жаль, что неизвѣстно сохранился ли гдѣ-нибудь портретъ Моиса? Что онъ былъ, это видно изъ письма старухи-Моисъ: «любезное дитя, — писала она къ нему въ 1716 году: — ты меня чрезвычайно обрадовалъ присылкой твоего

Нѣтъ сомнѣнія, что дѣло Монса, какъ мы уже говорили, ускорило рѣшимость Петра выдать дочь за герцога. Но говоря словами Цедоррейца: кромѣ «возстановленія своего кредита», не имѣлъ ли при этомъ государь другой, болѣе важной цѣли? Неужели онъ обрекалъ любимую старшую дочь на незавидную судьбу быть герцогиней небольшого клочка Германіи? Не имѣлъ ли онъ въ виду завѣщать ей Россію? Не съ этой ли цѣлью началъ онъ было писать завѣщаніе, изъ котораго сохранилось нѣсколько строкъ? Строки эти какъ видно, прямо относились къ Аннѣ Петровнѣ:

«1) Вѣру і законъ, въ ней же радилася, сохрани до конца неостыжнно.

«2) Народъ свой не забуди, но въ любви і почтении імѣй паче прочихъ.

«3) Мужа люби и почитай, яко Главу, і слушай во всеи, кромѣ вышеписаннаго»... (1)

Намѣренью государя (если только оно было) завѣщать императорскую корону не женѣ, а старшей дочери, не суждено было осуществиться (2): этому воспрепятствовало событіе, которое и составитъ предметъ главы:

XI

СМЕРТЬ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА

(1725)

Государь сталъ недомогать задолго еще до смерти. Въ письмахъ его къ Екатеринѣ довольно часто встрѣчаются извѣстія о его болѣзняхъ. То онъ страдаетъ «чечюемъ», то завалами или разстройствомъ желудка, отсутствіемъ аппетита, то припадаетъ съ нимъ «рѣсь», вообще ему «мало можется». Въ январѣ 1716 года, убѣждад

портрета; я повѣсила его надъ своей кроватью и бесѣдую съ нимъ, проливая горькія слезы. Посылаю тебѣ въ обмѣнъ свой портретъ на память. Въ описи вещей старухи, заготовленной ею предъ смертью, значится: «портретъ сына моего.»

(1) Собств. зап. Петра. Каб. дѣл., кн. LXIV, л. I.

(2) Правда, во второй статьѣ трактата о супружествѣ герцога мы читаемъ: «царевна, равно какъ и герцогъ, отказываются за себя и за всѣхъ своихъ потомковъ отъ всѣхъ правъ, требованій, дѣлъ и притязаній на корону российской имперіи.» Но изъ этого пункта вовсе нельзя выводить заключенія, чтобы Петръ не имѣлъ намѣренія завѣщать Аннѣ корону: онъ только лишалъ ихъ права притязать, и за собой оставилъ произволъ завѣщать.

сына или «нелицемерно удостоить себя наслаиванкомъ», или быть монахомъ, государь прямо говорилъ: «безъ сего духъ мой не можетъ быть, а особливо что мнѣ мало здоровъ стало». По совету врачей Петръ прибѣгалъ къ пособію минеральныхъ водъ, пользовался ими и за границей, пилъ воды и у себя, въ Олонцѣ, да въ девяностъ верстахъ за Москвой «на заводахъ», но вообще мало берегся. Сытныя яства, или «Ивашка Хмѣльницкій» съ батареями хмѣльныхъ напитковъ сокрушали его твердость. Воздержаніе было не въ его характерѣ; да при его ивиучей дѣятельности, при его порывистой, страстной натурѣ, ищущей широкаго разгула, трудно было и совладать съ требованіями діеты и регулярной жизни. Въ 1722 году, во время персидскаго похода, у него открылись первые симптомы той болѣзни, которая низвела его въ могилу (1). Съ этого времени недуги государя участились, и въ 1724 году мы особенно часто находимъ его на лекарствахъ, одного, въ теплой комнатѣ, подъ запретомъ выходить на воздухъ. Трудно было Петру выносить несносный докторскій арестъ: его такъ и тянуло обойти свое хозяйство, полазить по веревкѣ, испробовать ходъ того или другого изъ вновь выстроенныхъ судовъ, либо махнуть куда-нибудь на свадьбу, отвести душу на асамблеѣ. И вотъ, лишь только чувствовалъ онъ себя легче, тотчасъ запреты забыты, съ крѣпостныхъ верковъ петербургской «бастиліи» раздавались выстрѣлы — сигналъ, что государю легче и онъ разрѣшилъ себѣ кататься по рѣкѣ. Слѣдствіемъ же преждевременныхъ прогулокъ и кутежей было возобновленіе недуга.

Возобновленія дѣлались чаще и чаще; лѣто и осень 1724 года государь очень страдалъ; волею-неволею онъ не разставался съ лекарствами, но помощь отъ нихъ была небольшая. Извѣстный случай съ нимъ осенью того же года на Лахтѣ имѣлъ слѣдствіемъ сильнѣйшую простуду. До декабря недугъ его то утихалъ, то снова увеличивался. Кажется не будетъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы скажемъ, что дѣло Монса, глубоко оскорбивъ государя, сильно потрясло его организмъ; а тутъ въ день крещенія новая сильнѣйшая простуда — и государь окончательно слегъ въ постель.

(1) Рихтеръ въ сочиненіи: «Исторія медицины въ Россіи», М. 1820, т. III, стр. 84—94, опровергаетъ разныя свидѣтельства о томъ, будтобы Петръ умеръ — во однимъ отъ яду, принятаго имъ въ молодости, по другимъ отъ каменной болѣзни, во третьимъ отъ сифилиса, отъ чирья въ мочевомъ пузырь и т. д. По мнѣнію Рихтера, основанному на свидѣтельствѣ извѣстнаго Штелина (авторитетъ далеко не надежный), государь умеръ отъ затрудненія мочи, которое обратилось въ воспалительное задержаніе и наконецъ въ мѣстное разстройство мочевого пузыря. Автоновъ огонь ускорила смерть.

Такимъ образомъ смерть сразила его не въ одинъ ударъ. Она подкрадывалась къ этому колоссу исподволь, въ видѣ разсыпавшейся болѣзни. Народъ это видѣлъ и въ лицѣ своихъ «сѣдуновъ» еще въ началѣ 1719 года предвѣщалъ скорую кончину.

Такъ однажды въ осенній день 1719 года, въ десяти верстахъ отъ Петербурга, вверхъ по Невѣ, на кланчичьихъ заводахъ, въ кабацкѣ угощалось нѣсколько человѣкъ: тутъ были служителя великой княжны Натальи и пѣвчіе князя Меньшикова. «Здравствуй государь-царь Петръ Алексѣевичъ!» вскрикнулъ цѣловальникъ, осушая стопу царицы.

— Здравствовалъ бы свѣтлѣйшій князь, раздался голосъ одного изъ присутствовавшихъ, — а государю недолго жить!..

Или вотъ зайдемте напримѣръ въ вольный домъ (т. е. въ трактиръ) на Выборгскую-сторону, въ приходѣ Самсонія-страннопріимца. 15 января 1723 года мы застаемъ здѣсь веселую «вечеринку» у хозяина заведенія, шведскаго полковника Вилькина. Множество гостей, угощаемые хозяиномъ, услаждались пѣніемъ и игрой на гуслихъ и скрипичахъ императрицыныхъ пѣвчихъ. Съ ними-то и велѣ «непотребную» бесѣду Вилькинъ:

— А сколько лѣтъ его императорскому величеству? спросилъ онъ ихъ между прочимъ.

— Пятьдесятъ четыре.

— Много, много ему лѣтъ! молвилъ въ отвѣтъ шведъ-вѣдунъ:— а вишь непрестанно онъ въ трудахъ пребываетъ; надобно ему нынѣ покой имѣть; а ежели и впредь — продолжалъ Вилькинъ — въ такихъ же трудѣхъ станетъ государь обращаться, и паки такою же болѣзнию занеможетъ, какъ четыре года тому назадъ былъ боленъ, то *больше трехъ лѣтъ не будетъ его жизни.*

— Врешь ты все, дуракъ! взругали вѣдунъ испуганные музыканты.

— Нѣтъ, слова мои не отъ дурости, а который человѣкъ родился на рождество христово или на пасху въ полночи, и тотъ, какъ вырастетъ, можетъ видѣть діавола и станетъ призывать сколько кому лѣтъ жить; самъ я напримѣръ проживу лѣтъ съ десять... — И пошелъ говорить отъ библіи...

— Нѣтъ, сказывали межъ тѣмъ въ колодничьихъ палатахъ Петропавловской крѣпости, — императорскому величеству *и нынѣшнему году не пережить.*

— Смотрите, одновременно шептались солдаты, — государя у насъ скоро изведутъ, а послѣ и царицу всеконечно изведутъ же. Великій князь (сынъ Алексея) малъ, стоять некому. И будетъ у

насть великое смитеніе, — пророчески замѣчали вѣщущи. — Посмотрите, скоро сіе сбудется!

Съ одной стороны подобныя предсказанья, съ другой — равныя видѣнья давали обильную пищу народному говору. Да и какъ было не говорить: на колокольнѣхъ троицкаго собора, что на Петербургской сторонѣ, объявлялось привидѣніе. То не была сказка, толковала чернь да духовенство нежной стати: — часовые-де сами слышали стукъ и бѣготню этого духа: то кто-то бѣгалъ по трапезѣ, то что-то стремглавъ падало. «Нодѣли вѣкъ за три до вѣселна дна (1723 г.) — рассказывалъ одинъ изъ часовыхъ — ночью, подлинно мнѣ довелось слышать превеликой стукъ въ трапезѣ; побѣжалъ я въ камору, разбудилъ псаломщика и солдатъ караульныхъ, и въ то время въ трапезѣ встучало опять такъ, якобы кто упалъ.»

Ночь на 9 декабря проходила спокойно; предъ часовымъ, смѣнившимся прежняго рассказчика, лежала пустая площадь; въ астеріяхъ и въ вольныхъ домахъ (тогдашнихъ трактирахъ и кабакахъ) потухали огни, умолкли брань и пѣсни бражниковъ, и на соборной колокольнѣ «ордишарные» часы глухо прогудѣли полночь.

Вдругъ слышались странные звуки. По деревянной лѣстницѣ въ колокольнѣ кто-то бѣгалъ; ступени дрожали подъ тяжелыми шагами; привидѣніе перебрасывало съ мѣста на мѣсто разныя вещи. «Великій стукъ съ жестокимъ страхомъ, подобіемъ бѣганья то умолкалъ, то снова начинался. Такъ продолжалось съ часъ.»

На утро оглядѣли колокольню; стремянка лѣстница, по которой обыкновенно лазили къ верхнимъ колоколамъ, оторвана и брошена наземь; «порозжій» канатъ перенесенъ съ одного мѣста на другое; наконецъ веревка, спущенная для благовѣста въ церковь съ нижняго конца на трапезѣ, на прикладѣ обернута вчетверо.

— Никто другой какъ кикимора! говорилъ въ тотъ же день за обѣдной соборный попъ, относясь къ своему дьякону.

— Не кикимора, возражалъ тотъ, — а возится въ той трапезѣ чортъ.

— Нѣтъ, пожалуй что кикимора, а не чортъ, замѣчаетъ отецъ протопопъ.

— Питербурху, Питербурху пустѣть будетъ! пророчествуетъ дьяконъ...

И вотъ молва о томъ, что объявилась-де на троицкой колокольнѣ кикимора, не къ добру-де она, электрическою искрою пробѣжала по площадямъ и задворкамъ столицы.

Пророчества вѣдуновъ, вѣщуней, знаменательныхъ въ глазахъ черни шалости кикиморы скоро осуществлялись.

28 января 1725 года «Питербурхъ оустѣль». Государь Петръ

Александръ послѣ мучительной тринадцатидневной агоніи кончилъ духъ.

За нѣсколько дней до рокового расчета его съ жизнью «во всемъ дому — такъ повѣствуетъ Феоданъ — не было что, токмо печаль обшую видѣть было и слышать. Сенаторы, архіереи, архимандриты, фельдмаршалы, генералы, штабъ и оберъ-офицеры, и отъ коллегій члены первѣйшіе, а иныя изъ дворянства знатныя присутствовали; словомъ-сказать множество народа, кромѣ дворцовыхъ служителей, палаты наполняло. И въ такомъ многолюдствѣ не было ни одного, кто видѣть печали на себѣ не имѣлъ бы: иныя тихо слезили, иныя съ стесаніемъ рыдали, иныя молча и опустись, аки-бы въ изумленіи бродили, или посиживали. Разный позоръ былъ печала — по разности, чаю, натурѣ, не аффектовъ; ибо не надѣюсь, чтобы и одинъ такой сыскался, котораго бы не уязвляла смерть настоящая толкаго государя, героя и отца отечества!

«Печаль же болѣзни — продолжаетъ недерзчивый Феоданъ — самой государыни изобразить словомъ невозможно! Всѣ виды страждущихъ и болѣзнующихъ въ ней единой смѣшаннымъ видѣть было: ово слезы безмѣрныя, ово нѣкакое смутное молчаніе, ово стесаніе и воздыханіе; временемъ слова печальныя проговаривала, но честныя и приличныя; иногда весьма изнемогала. Такъ бѣдно и разнообразно страждущи, день и ночь мужевн большому присѣдѣла и отходить не хотѣла.»

Государь межъ тѣмъ леденѣлъ все болѣе и болѣе, и въ четвертомъ часу по полуночи 28 января, подъ шопоть благочестивыхъ вапутствій и молитвъ тверского архіерея, испустилъ послѣдній вздохъ.

На одрѣ лежалъ посинѣлый трущъ, но присутствующіе все-еще думали, что въ этомъ тѣлѣ глѣбѣ еще жиаетъ. Наконецъ сомнѣніе исчезло.

«И тотчасъ вошь, которые ни были, поднялся; сама государыня отъ сердца глубоко воздохнула чуть жива, и когда-бъ не подержана была, упала бы; тогда же и всѣ комнаты плачевный голось издали, и весь домъ будто ревѣтъ казался, и никого не было, кто бы отъ плача могъ удержаться!..» (1)

«Вообще всѣ люди безъ исключенія предавались неопisanному плачу и рыданіямъ. Въ это утро не встрѣчалось почти ни одного человѣка, который бы не плакалъ или не имѣлъ глазъ, опухшихъ отъ слезъ. Говорятъ, что во всѣхъ трехъ полкахъ (двухъ гвардей-

(1) Кратк. пов. о смерти Петра-великаго, соч. Феоданомъ Прокоповичемъ. Сиб. изд. 1891 г.

онихъ и въ одномъ преддвереннѣ, составлявшихъ гарнизонъ столицы) не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ объ этой осмидесяти и горестной кончѣхъ какъ ребенка....» (1)

Среди «осиротѣлыхъ дѣтей» сложилась пѣсня :

Ахъ ты батюшка свѣтель мѣсяцъ!
 Что ты свѣтишь не постарому,
 Не постарому и не попрежнему?
 Что со вечера не до полуночи,
 Со полуночи не до бѣла свѣта;
 Все ты прячешься за облака,
 Удрываешься тучей темною?
 Что у насъ было на святой Руси,
 Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
 Во соборѣ петропавловскомъ,
 Что у праваго у клироса,
 У гробницы государевой,
 У гробницы Петра-перваго,
 Петра-перваго, великаго,
 Молодой сержантъ Богу молится:
 Самъ онъ плачетъ, навъ рѣка льется,
 Но кончанъ въсперѣ государевой,
 Государя Петра-перваго.
 Въ возрыданъя слово вымолвить:
 «Разступись ты мать сыра земля,
 Что на всѣ на четыре стороны!
 Ты раскройся, гробова доска,
 Развернися, золота парча!
 И ты встань-пробудись, государь,
 Пробудясь батюшка, православный царь!
 Погляди ты на свое войско милое,
 Что на милое и на храброе;
 Безъ тебя мы осиротѣли,
 Осиротѣвъ обезсмысли...»

Умолчимъ о другихъ проявленіяхъ печали всего служиваго сословія отъ сената до солдатства включительно (2). «Но да отыдетъ

(1) Берггольцъ IV, 118.

(2) См. «Петриду или описаніе стихотворное смерти Петра-великаго, написанное Контеллиромъ въ 1730 году.» (Лѣтоп. рус. литературы. М. 1859, I, 16—22). Краткая повѣсть о смерти Петра-великаго, соч. Ф. Прокоповичемъ. Изд. 1831 г. Берггольцъ IV, 118—119. Сахаровъ, изд. Спб. 1839, ч. IV, стр. 199. Порошинъ, стр. 128. Расскази иностранцевъ см. въ «Russische Günstlinge», стр. 38—40. Феодосій Прокоповичъ: слово на погребеніе Петра-великаго, 1 марта 1726 г., въ изд. соч. Феодосіа. Спб. 1761, ч. II, стр. 127—128 и проч. Въ «Пам. в. р. нар. Акад.» стр. 154 см. варьянтъ приведенной пѣсни на смерть

скорбь люта, скажемъ словами Феофана: — Петръ, въ своемъ величавомъ отшествіи, не оставилъ россіянъ сиротъ. Какъ бы весьма ослепотѣлихъ насъ нарочемъ, когда державное его послѣдіе видимъ, признаю по всемъ помощамъ въ жизни его и полюбившаго владѣтеля по смерти его въ тебѣ, милостивѣйшая и самодержавнѣйшая государыня наша, великая героиня и монархиня и мать всероссійская? Миръ весь свидѣтель есть, что жемская плоть не мѣшаетъ тебѣ быть подобной Петру-великому. Владѣтельское благородіе и матернее благоутробіе твое и природою тебѣ отъ Бога данное кому незнакомство?» (1)

Кому незнакомство и то, что вопреки широкохвѣстельнымъ и лживымъ глаголамъ Феофана, Екатерина не была наименована умирающимъ государемъ его преемницею? «Восшествіе ея на престолъ — по словамъ современника — довольно чуднымъ образомъ воспослѣдовало, ибо Петръ-великій не съ тѣмъ ее вѣчалъ царкинь вѣнцомъ, чтобъ ее наследницею своею учинить, шло когда того желалъ... А между тѣмъ, государь еще не охладѣлъ мертвымъ, а уже не воля его, но право наследственное и привязанность къ прони, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то-есть наследство его престола.» (2)

Такъ или иначе, но Екатерина сѣла на престолѣ, окруженная кн. Меньшиковымъ, гр. Толстымъ, Остерманомъ, Ушаковымъ, Феофаномъ и другими свѣтскими и духовными итевцами ее предшественника (3)...

Въ то время, когда бушуютъ страсти прирученныхъ поборниковъ старины и народности, когда изрыгаются слова ненависти уже бессильному властелину, что дѣлаетъ его преемница? Она пре-

Петра Алексѣевича: молодой солдатъ, въ слезахъ о его кончинѣ, приглашаетъ покойника встать, пробудиться да посмотрѣть на гвардію, да на «армеюшку, хорошо обращенную», въ нейже всѣ чины на своихъ мѣстахъ, вѣтъ только полковничка преображенскаго, капитана бомбардирскаго, то-есть Петра I и проч.

(1) Слово на погребеніе императора Петра, 1 марта 1725 г. Изд. 14 марта 1725, Спб.

(2) *Щербатовъ*. О поврежденіи нравовъ въ Россіи.

(3) Иноземные дворы спѣшили поздравить Екатерину I съ восшествіемъ на престолъ. Особенно интересно поздравлялъ персидскій шахъ: «Я надѣюсь, моя благоволюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напѣткамъ: я, который пишу къ тебѣ, имѣю глаза подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постели» и т. д. Зап. *Дашковой*, стр. 18—19.

доставляютъ первыи необходимыи рессорашениа во внутрѣннимъ и внѣшнимъ дѣламъ сенату, который и собирается съ ея поможѣхъ; ласкаетъ и обсыпаетъ подарками и почестями нареченнаго своего зятя, возвышаетъ друга молодости — князя Меншикова, сдѣлать запершись въ оныхъ апартаментахъ, куда, по ея указу, никого не допускаютъ безъ доклада; кромѣ Меншикова, Бутурлина, Ягужинскаго, Девіера, Макарова и Нарышкиныхъ; къ докладу не пускаютъ по регламенту только «по шестой классъ»; выходитъ изъ сама Екатерина только къ гробу суверига.

Первыи мѣсяцы ея царствованія, по исконному обычаю, ознаменовались наградами ея приближенныхъ, а также прощеніями преступниковъ и возвратомъ ссыльныхъ прежняго царствованія. Не только иноземцевъ, затѣмъ извѣстные пленцы Петра, бывшіе въ немилости — баронъ Шафировъ, Скорниковъ-Писаревъ, докторъ Лестокъ получили прежніи чины и отличія. Протопопы, монахи и дьяконы новороско-суздальско-дѣвичьегѣ монастыря, всего шесть человекъ, страдальцы за преданность царицѣ Авдотѣ, были возвращены изъ дальней ссылки и распределены по церквамъ изъ вѣста. Сторожницы той же царицы Авдотьи и ея сына; вдовы: Варвара Головина, княгиня Настасья Троекурова, княгиня Марья Лавова, разосланныя въ 1718 году во монастырямъ въ заточеніе; дѣвѣ получили право жить въ каикихъ угодно монастыряхъ, кѣмъ бы въ новосозданъ. Вологодскимъ шести духовнымъ особамъ равнаго чина, судившимся по важнымъ противнымъ словамъ «равдыкона вологодскаго собора Непейна», и нѣкоторымъ другимъ колодникамъ смягчены наказанія, либо и вовсе сказано прощеніе. Изъ Сибири, по свидѣтельству современника, въ мартѣ 1725 года провели человекъ двѣсти ссыльныхъ, возвращенныхъ на родину; это была масса, пострадавшія за непринесеніе присяги въ 1722 году усмиренному Петромъ порядку престолонаслѣдіа. Надо думать, что прощеніе было имъ объявлено еще по случаю коронаціи Екатерины, въ маѣ 1724 года.

Какъ бы то нибыло, но въ числѣ возвращающихся изъ разныхъ мѣстъ ссылокъ неужели не было нашихъ близкихъ знакомыхъ — Матрены Ивановны съ ея сыновьями, неужели забыли и другихъ пособниковъ камергера Монса? Нѣтъ, о нихъ вспомнили, и вспомнили довольно скоро. Еще тѣло императора стояло во дворцѣ, еще только-что возвышалось по улицамъ столицы о предстоящемъ церемоніалѣ его погребенія, а Екатерина изрекла милостивое прощеніе своей довѣреннѣйшей подругѣ. Прощеніе дано было въ формѣ указа ея величества изъ сената на имя генерал-майора и лейбъ-гвардіи майора Ушакова. Что это за добрый чело-

дѣла Андрей Ивановичъ! Давно ли на него, какъ на надежнѣйшаго сыщика и заступочнаго пакостителя, возлагалъ Пётръ шкотовское дѣло Монса — и вотъ по простовѣи четырехъ мѣсяцевъ тотъ же Андрей Ивановичъ не только не вырывается на юсбѣ мщенія Екатерины; — и вѣтъ, его любить, ему довѣрять, и ему же шаркають саботничья о возвратѣ лица, такъ недавно имъ арестованныхъ, допрашиваемыхъ и преданныхъ въ руки замочныхъ мастеровъ!

Прощеніе перекалось Екатериной подъ обычную форму: «ради повиновенія блаженныхъ и вѣчно достойныхъ памяти его императорскаго величества и для своего многолѣтняго здравія: Матрону Балку несылать въ Сибирь, какъ было опредѣлено по дѣламъ, вышлага суда, но вернуть съ дороги и быть ей въ Москвѣ. Дѣтей ея, Петра да Якова, вмѣсто ссылки въ гиланскій гарнизонъ опредѣлить въ армию тѣми же чинами, въ какихъ послали ихъ въ Гиланъ.» Не забыли Балакирева; вспомнили также о Столѣтовѣ. Тотъ и другой освобождены отъ каторжной работы и возвращены въ столицу. Иванъ Балакиревъ опредѣленъ въ лейбъ-гвардіи преобранскій полкъ въ солдаты, а Егоръ Столѣтовъ свободенъ на волю, а у дѣла ея величества нигдѣ не быть! (1)

Освободили героевъ и героиню трагедіи, но самую кривую, лѣтвонь событія, поспѣшнымъ запретомъ подъ замки и печати. Извѣстный уже намъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, выполняя безъ сомнѣнія высочайшую волю, запечаталъ своею печатью четыре пакета. На первомъ изъ нихъ написалъ онъ сверху: «дѣло Монсова»; на второмъ: «дѣла, подлежащія къ дѣлу Монсову»; наконецъ въ четвертый кувертъ спряталъ онъ письмо, подброшенное къ Ширяеву въ ноябрѣ 1724 года. Къ сожалѣнію столь важный документъ не сохранился. Быть-можетъ какая-нибудь «высокая персона» въ XVIII вѣкѣ перебирала для собственнаго любопытства секретнѣйшія дѣла своихъ предшественниковъ и предшественницъ и нашла нужнымъ уничтожить эту бумагу; или же самъ князь Александръ Даниловичъ повелѣтъ соизволилъ сжечь документъ (2).

Завратали бумаги; долго и долго довелось имъ лежать подъ спудомъ; но не зарыли Балки своихъ талановъ въ землю. Семей-

(1) Всѣ распоряженія екатерининскаго правительства, относившіяся до дѣствующихъ лицъ монсовой исторіи, шли въ слѣдующемъ порядкѣ: 1725 годъ: 13 февраля возвращены царевнѣ Прасковѣ ея явнѣи, нѣкогда подарокъ ея Монсу; 22 числа — освобожденъ Балакиревъ; 6 марта свободенъ Столѣтовъ; два дня спустя — указъ о возвращеніи двухъ Балковъ съ матерью; 26 марта — извѣстіе изъ Москвы, что за Матроной Балкѣ послано, и т. д.

(2) Запечатаніе документовъ дѣла монсова произведено было Черкасовымъ въ царствованіе Петра II, 20 іюня 1727 года.

ство это, какъ мы видѣли, воссала въ плоть и кровь угбные прощеканн, интриганн, зашкмаршнми достигать цѣлей своего тщославн и чюдальбн. Балки, достойные пшощцы своей пошнчки и алаи, не удали: нѣтъ, они прелоднала снелзнтн средн стнщелей и камней приадорной жнзнн. Искушонные омытонъ, они были чрезмечнойд осторонны. Извѣстно, что однтъ нзъ нхъ, и шенно нмнъ прнатеь. Петръ Федоровнчь, вмѣстѣ съ оберъ-штальмейстеромъ Куракннвымъ шутзавн свонне нмнъ слелобнотъ развсселать шеннтыхъ особъ, лстнтн Барону, и хотя нн къ нннннъ уже дѣлаиъ депускаемъ не былъ, но получалъ за свон способнотн чнши и скончался 4 октлбра 1743 года въ чннѣ генераль-лейтенанта и дѣйствиельнаго камергера (1). Дочери младшаго Балка (2) сдѣлали прстрсселья шартн: одна вышла за оберъ-егермейстера Нарышкнна, а другая вышла за извѣстнаго Сергня Салтыкова.

Что до сестры Балковъ, дочери Матрены Ивановны. — Наталья Федоровна Лопухиной, то трагическая судьба ея извѣстна (3): Матрона Ивановна не дожнла до катастрофы, постигшей Наталью Федоровну въ 1743 году. Дѣти Лопухиной видѣли возвращенне шстери нзъ Снбнри и при императрнцѣ Екаторннѣ II самн выданннулись на служебномъ пошрнщѣ: такъ второй сынъ Лопухнцой былъ генераль-поручнкомъ, третнй дѣйствиельнымъ камергеромъ и проч. Затѣмъ уномннемъ также и о томъ, что фамилн *Монса* встрѣчается още разъ въ первой половннѣ XVIII вѣка. Такъ въ царствованне Анны Ивановны на скамьяхъ «рыцарской академн» (нынѣшннй первый кадетскнй корпусъ), средн сыновей аристократнн и дѣтей разннхъ ннелземель нн встрѣчаемъ *Бернарда Монса*. Поступалъ онъ въ кор-

(1) Ошсанне Алек.-невск. лавры, соч. Павлова. Спб. 1842 г., стр. 91.

(2) Въ «Russische Günstlinge» и запискахъ Екаторнны называютъ егб Павломъ, но въ указѣ 8 марта 1725 года о возвращенн Балка младшаго нзъ ссылки онъ названъ Яковомъ.

(3) -Русск. Вѣстн. - 1860, кн. XVII. — -Русск. Рѣчь- 1881, статья «гр. А. П. Бестужевъ-Рюмннъ». Въ высшей степени интересна сллдующнй фактъ, относящнйся до Натальи Лопухиной (урожденной Балк): сосланная въ 1743 году въ Селенгннскъ, она въ нетерпѣливомъ ошнданнн возврата на родину нмѣннла лютеранской вѣрѣ и прннла православне. Подобное обращение, нѣтъ сомнѣннн, совершенно было въ надеждѣ прнвлечь къ себѣ милость государыни, но ово только прнвлекло вниманне читателей «Петербургскнхъ вѣдомостей», такъ какъ въ ннхъ ошовѣстнли объ этомъ событнн: «1758 годъ. № 24, вторннкъ 24 марта. Извѣстне нзъ синода о обратнншихся въ грекоросснйскую вѣру: таковыхъ нн 1751, 52, 55 и 57 года было: нзъ снбнрскнхъ ннородцевъ 2720 человекъ, да въ томъ же 1757 году, 21 юлн, обратнлась въ православне содерннщавшаяся въ Селенгннскѣ Стевана Лопухнна жена Наталья Федорова.» — Указаннемъ на это извѣстне мы обязаны князю Н. Туркнстанову.

вѣкъ въ 1735 году, выпущенъ въ 1741 г. въ армію премьерникомъ. Какъ доводился новый иранщикъ знаменитому камергеру: былъ ли онъ племянникомъ его или находился въ болѣе отдаленной связи родственной, намъ неизвѣстно (1); неизвѣстна также и судьба этого, однако не послѣднего изъ Монсовъ, имя котораго встрѣчается въ числѣ именъ разныхъ знатныхъ и старинныхъ дворянскихъ фамилій. Рыцарская академія, намъ извѣстно, съ самаго начала была членомъ *младетскимъ* заведѣніемъ.

Оставляя главнѣйшихъ членовъ фамилій Балакири и Монса и ихъ потомство, скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ двухъ невольныхъ виновниковъ монсовой и собственной гибели. Судьбы Балакирева и Столѣтова въ послѣдующія царствованія совершенно различны: на долю перваго выпала вѣчная сибѣхъ и путешествие во дворцѣ, на долю втораго — долгое скитанье по тюрьмамъ и позорная смерть на плахѣ.

Причины этого явленія лежали не только въ обществѣ, въ которомъ они жили, но и въ ихъ собственныхъ характерахъ: Балакиревъ былъ шутъ по профессіи, по страсти; если онъ «принялъ на себя путешествие» еще при Петрѣ и эту «спеціальность» успѣлъ проложить себѣ дорогу во дворецъ, то въ послѣдующее время, при Елизаветѣ, она тѣмъ скорѣй нашолъ возможнымъ обратиться къ прежней профессіи: она его кормила, одѣвала, вообще съ избыткомъ обезпечивала его содержаніе. Въ это время дѣйствительно шуты были равнымъ шутамъ, шуткамъ, дуракамъ и дуримъ, карманъ и карманамъ. Имъ подливались теменьскіе и низенькіе покомъ «зимняго

(1) Бернгардъ Монсъ получилъ при выпускѣ слѣдующій интересный аттестатъ: «геометрію и практику скончалъ, регулярную фортификацію началъ, рисуетъ тушью, пороссійски говоритъ хорошо и переводитъ съ нѣмецкаго на Россійскій языкъ, скопонируетъ легкаго французскаго автора, универсальную исторію до новѣйшихъ временъ обучалъ, всѣ генеральныя карты Гибнерова малаго атласа прошолъ; сочиняетъ нѣмецкія письма безъ диспозиціи хорошо, фехтуетъ въ контуръ, верховой ѣздѣ и танцоватъ обучался». См. *Имѣли. списки* всѣмъ бывшимъ и нынѣшнимъ въ Сух. шлях. кад. корп. штабъ-еберъ-офицерамъ и вадеганъ. Спб. 1761 г. стр. 130. Говоря о послѣднемъ изъ извѣстныхъ намъ Монсовъ, сдѣлаемъ кстати замѣтку, дополняющую скудныя наши свѣдѣнія о родителяхъ Виллима Монса и вообще о его семьѣ въ первыхъ годахъ XVIII вѣка: 9 ноября 1703 года, какъ значится изъ купчей помѣстнаго приказа, жильцы Петръ и Сидоръ Уголовы продали иноземцѣ, едомѣ Матрентѣ Ефимовнѣ, иноземца Ивановской жены монсова, да дѣтямъ ея, капитану Филимону, да брату его Виллиму Ивановичу, да дочери ея дѣвцѣ Аннѣ Ивановнѣ Монцовымъ, вотчины свои въ курскомъ уѣздѣ (слѣдуетъ перечень четырехъ деревень за 1550 руб. Изъ этой замѣтки видно 1) что отца молодыхъ Монсовъ и третьяго брата Виллима въ 1703 году небыло на свѣтѣ, 2) достатокъ вдовы такъ былъ великъ, что она покупала уже деревни. (Дѣла по имѣніямъ части. лнцъ, к. LXXXVI.)

дома». Скоморошническій орденъ шилъ своими членами представителей разныхъ старинныхъ дворянскихъ фамилій. Въ обществѣ столь знатныхъ и столь талантливыхъ особъ могло ли быть «досадительно» Балакиреву? Правда, частенько доводилось ему таскать за волосы сотоварищей, бить другъ друга по щекамъ, золотить другихъ палками и быть въ свою очередь битымъ по шкрамъ, кувыркаться, кататься по полу, драться до крови: но въ все это дѣлалось въ высокому присутствіи герцога Бирона и другихъ вельми знатныхъ персонъ для общей потѣхи; въ этой потѣхѣ наконецъ принимали дѣятельное участіе многіе аристократы. Впрочемъ в отказываться-то отъ участія въ потѣхѣ было несомнѣнно неудобно: современникъ свидѣтельствуетъ, что Балакиревъ однажды за подобный отказъ былъ «жестоко битъ батоги». Шутъ же онъ былъ добрый, остроумный, и шутки его никогда никого не извели, но еще многихъ часто рекомендовали (1).

Въ то время, когда Балакиревъ смѣхомъ заглушалъ слезы, шутками облегчалъ боль отъ княжескихъ пиньковъ и затрещивъ, кувырканьями и прыганьемъ разминалъ ноги, избитыя палками, въ это время пріятель его Егоръ Михайловичъ Столѣтовъ короталъ дни въ Нерчинскѣ.

По возвращеніи изъ Рогервика въ 1725 году Столѣтовъ проводилъ время на «свободѣ», потомъ служилъ при дворѣ цесаревны Елисаветы и постоянно вращался въ мирѣ сплетень, интригъ и разныхъ козней придворныхъ чиновъ мелкой стати. Съ этимъ миромъ онъ издавна обикся. Онъ не обращалъ вниманія на то, что аристократы «гордили» съ нимъ, вообще относились къ нему, къ каторжнику, весьма презрительно, впрочемъ не зато что онъ былъ въ каторгѣ (въ то время многимъ была ова знакома), но за его низкое происхожденіе. Столѣтовъ не обращалъ вниманія на ихъ презрѣніе, онъ все-таки продолжалъ соваться въ кружки князя Бѣлосельскаго, князя Куракина, князей Долгорукихъ и др.; находилъ себѣ милостивцевъ, старался быть имъ полезнымъ. Человѣкъ не безъ способностей (2), но тщеславный, самоувѣренный, болтливый, онъ скоро поплатился за то, что вновь отдался интригамъ и сплетнямъ дворцоваго міра. Въ 1731 году, по розыску, за вины Столѣтова сослали въ

(1) «Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Ивановны». — Общед. Вѣстн. 1857 г. № 16.

(2) Такъ Столѣтовъ интересовался современной литературой, попросту — любилъ книги, читалъ, списывалъ разные стихи и чуть ли самъ не кропалъ ихъ въ подражаніе своему покойному патрону, Монсу. Нѣкоторые, въ времена, недурны. См. въ Приложеніи XI, №№ 1 и 2, два стихотворенія, писаныя рукой Столѣтова.

Нерчинскъ. Вины его на этотъ разъ виолнѣ неизвѣстны; пострадалъ онъ вообще за связи и службу Долгорукину. Въ отдаленномъ Нерчинскѣ онъ пользовался свободой, былъ принятъ въ домъ начальника, могъ заниматься чѣмъ угодно, ходить куда угодно; но бездѣйствіе, а главное живая удаля отъ той сферы, среди которой онъ выросъ, скоро его разлюбила и вызвали на рядъ опрометчивыхъ поступковъ. Онъ сталъ рассказывать важныя тайны дворцоваго быта, хорошо ему извѣстныя. Говорилъ о царевичѣ Катеринѣ Ивановнѣ и князѣ Михаилѣ Бѣлосельскомъ, о Аннѣ Ивановнѣ и герцогѣ Виротѣ, высказывалъ сочувствіе къ цесаревичѣ Елисаветѣ, заявлялъ надежды на ея восшествіе на престолъ, и къ довершенію же собственнаго несчастія поспорилъ съ комендантомъ Нерчинска, своимъ непосредственнымъ начальникомъ. Результатомъ всего этого были: донось, судъ и пытки въ Екатеринбургѣ и страшный розломъ въ Петербургѣ; завязалось толстѣйшее дѣло (1), продолжавшееся болѣе года. Столѣтовъ, столь же малодушный въ бѣдѣ, сколь самонадѣянный и заносчивый въ счаствіи, оговорилъ знакомыхъ, пріятелей, прилепелъ къ дѣлу ровную сестру и зятя, являвшихъ къ нему во время ссылки чувства глубокой привязанности; клепалъ и на себя, то заираясь, то привосялъ повинныя не только въ противныхъ словахъ, когда-либо сказанныхъ, но даже въ мысляхъ, какія только зарождались въ его головѣ и служили «къ умаленію чести ея императорскаго величества».

Развязка, по своему времени, была обыкновенная: 12 іюля 1736 года колодникъ Егоръ Столѣтовъ казненъ смертію: отсѣчена голова на с.-петербургскомъ островѣ, на рынкѣ. Тѣло его варыто, по указу ея величества, тамъ же на Петербургской-сторонѣ, близъ церкви Спаса-преображенія господня, въ Колтовской (2).

Читателя наши, надѣюсь, не упрекнутъ насъ за то, что мы такъ долго удерживали ихъ вниманіе на такихъ личностяхъ, каковы камергеръ Монсъ, его сестра, племянники, секретарь, слуги и проч. Безъ сомнѣнія достаточно было ясно, что герой настоящаго очерка заинтересовалъ насъ не потому, что самъ по себѣ заслуживалъ бы вниманіе изслѣдователя старины: нѣтъ, а потому, что рассказъ о

(1) Дѣло о Столѣтовѣ на 367 листахъ; въ немъ довольно много подробностей, для знакомства съ дворомъ Анны Ивановны.

(2) При постройкѣ новой каменной церкви на этомъ мѣстѣ въ 1861 году найдено нѣсколько скелетовъ въ цѣпяхъ.

земь и его семействъ выдвигаетъ цѣ некоторыя новыя стороны въ жизни и характерѣ Петра и Екатерины, а главное — новыя черты для знакомства съ петербургскимъ обществомъ.

Такия личности, какъ Владимиръ Моисъ, ничтожныя въ нравственномъ отношеніи, но брошеныя случайно въ водоворотъ дворцовой жизни, подматывая счастьемъ и интригами приближенныя къ императорскому престолу — всегда интересны именно въ томъ отношеніи, что характеристики ихъ даютъ возможность ближе ознакомиться съ обществомъ того времени, заглянуть тингъ-склизъ за пышныя декорации и вообще перенестись въ ту среду, въ которой подвизались того времени полководцы, денщики, министры, во-савяники, важныя духовныя лица и т. под. дѣятель. Въ отношеніи къ своимъ къ фавориту всѣ они, стоящіе, по официальнымъ источникамъ, на какихъ-то кодулахъ, разоблачаются — и мы видимъ предъ собою не автоматовъ, начинаемыхъ громкими фразами напетри-ствова, — нѣтъ, а людей изъ плоти, костей и крови, живыхъ, то-есть съ человѣческими страстями и слабостями.

Наша родная историческая литература, вообще говоря, мало еще представляетъ очерковъ и рассказовъ, преслѣдующихъ одну цѣль: вскрывать завѣсу надъ частнымъ бытомъ нашего общества за ту или другую эпоку и лицомъ къ лицу ставить съ характеристическими его представителями и представительницами. Мы съ недоумѣніемъ и даже съ насмѣшкой смотримъ иногда на изслѣдованіе о какой-нибудь личности, имя которой не попадо въ тѣ учебники да обзоры, по которымъ мы узнали родную исторію.

Мы осуждаемъ подчасъ этихъ дерзкихъ, которые осмѣливаются «останавливать просвѣщенное вниманіе достопочтенныхъ читателей и читательницъ на какихъ-то фрейлинахъ, статсъ-дамахъ, мелкихъ сторонникахъ — какого-нибудь царевича или посвящать многія главы на знакомство съ безвѣстнымъ выродкомъ какой-нибудь нѣмецкой слободы.

Но мы забываемъ одно: что наша исторія рано или поздно должна же обхватить общественный и частный бытъ каждой эпохи со всѣми ея характеристическими мелочами, повидимому столь неважными, что при этомъ неминуемо должны же мы будемъ приблизиться къ личностямъ, хотя и не заявившимъ себя государственной дѣятельностью, но зато игравшимъ роль въ обществѣ своего времени; мы забываемъ, что очень часто какой-нибудь, теперь неизвѣстный, камергеръ или забытая фрейлина, или царица, неигравшая роли политической, въ лицѣ своемъ несравненно скорѣе дадутъ намъ возможность ознакомиться съ образованіемъ, съ нравственнымъ развитіемъ, съ тѣмъ кодексомъ правилъ и взглядовъ тогдашнихъ на об-

шественныя приличія, отношенія другъ къ другу, къ низшимъ и къ высшимъ себя и т. под., нежели всѣ «патентованныя» историческія лица. Словомъ, мы не хотимъ вѣрить, что первыя лица зачастую несравненно ярче знакомятъ насъ съ общимъ видомъ той среды, надъ которой подымались только нѣкоторыя исключительныя личности.

Итакъ, если что иногда и можетъ по этому поводу вызвать наше осужденіе, такъ это отнюдь не та задача, не тѣ лица, съ которыми держатъ знакомить насъ нѣкоторые изслѣдователи старины, но развѣ неумѣнье, неискуство ихъ въ составленіи историческихъ картинъ.

Къ этому предмету мы однако еще возвратимся, а теперь позвольте сказать послѣднее прости Виллиму Ивановичу Монсу. Трупъ его убранъ, снята и голова съ позорнаго шеста, и мы, невозмутимыи страшнымъ зрѣлищемъ, можемъ съ спокойнымъ духомъ сказать слѣдующее :

Монсъ есть одинъ изъ первыхъ по времени думеровъ въ той длинной фалангѣ фаворитовъ-временщиковъ, которые отъ времени до времени являются въ русской исторіи XVIII вѣка. Для нихъ (за немногими исключеніями) ничего не существовало вромѣ произвола, несправедливаго къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, предъ ними все кланялось, все ползало; для нихъ небыло законовъ, небыло правды, небыло отчизны...

Монсъ еще дѣйствовалъ сравнительно съ своими преемниками скромно, робко; онъ не могъ вполне развернуться, потому что въ глазахъ его постоянно гуляла по спинамъ именитыхъ птенцовъ дубина царская, либо брызгалъ кровью внутрь заплечнаго мастера, сверкала сѣкира палача, да болталось на висѣлицѣ гнѣющее тѣло какого-нибудь сановника. И все-таки, при этихъ *красотенныхъ одероскахъ*, фаворитъ Екаторины *восемь лѣтъ* неустанно нарушалъ указы, былъ приточникомъ и приближеннымъ всякой неправды, имѣвшей только возможность повергать къ его стопамъ богатые презентаы...

ПРИЛОЖЕНИЯ

I.

Письмо попа Александра 18 іюня 1698 года къ Петру I о стрѣльцкомъ возстаніи (1).

Милостивый Государь!

... достоинству вашему писалъ, государь, къ Москвѣ изъ полку своего князя Михаила Григорьевича, о непослушаніи и о зачатіи воровства четырехъ полковъ стрѣльцкихъ, о чемъ уже чрезъ прежнюю почту милости вашей отсюда не безвѣстно, вынѣ же государь та изъ окаянныхъ зачатая воровская злоба дона ими показана; писали государь тѣхъ четырехъ полковъ всѣ полковники, что они вышедъ изъ Торопца, пошли къ рѣкѣ Двинѣ, и стали быть всѣмъ полковникамъ во всемъ непослушны, и случася всѣ четыре полка въ одно мѣсто, забунтовали на указныя мѣста, гдѣ имъ велѣно стоять до указа не пошли, и полковниковъ отъ себя отбили, и выбрали ко всякому полку по четыре человекъ выборныхъ своихъ стрѣльцовъ, кому ихъ въ томъ воровствѣ управлять, и пошли всѣ къ Москвѣ, и здѣсь, государь, бояре приговорили, видя ихъ всеконечное воровство, послать противъ такихъ плевосѣальниковъ и враговъ креста Христова твои государевы рати, за нихъ бунтъ; и если непокарятся, то мечъ гнѣвомъ твоимъ да смиритъ ихъ; и Алексѣй Семеновичъ съ ратными людьми, которые прилучились при семъ зломъ случаѣ на Москвѣ, и которые поспѣшили по грамотамъ изъ ближнихъ городовъ; да съ ними жъ, государь, съ пѣхотными полки генералъ Петръ Ивановичъ, и пошли съ Москвы іюня 16. дня, а станъ былъ сего государь числа въ Тушинѣ, и сего жъ числа пошелъ съ того стана Алексѣй Семеновичъ къ Воскресенскому монастырю;

(1) Въ одинъ день съ этимъ письмомъ духовника государева отправлено донесеніе князя Федора Юрьевича Ромодановскаго. Посл. помѣщено въ III т. соч. Устрялова, стр. 474. Письмо попа Александра, приложение къ I главѣ нашего очерка, является впервые въ печати, также какъ и всѣ послѣдующіе документы, служащіе приложениями къ III, IV, V, VI, VII и XI главамъ.

а про нихъ бунтовщиковъ слухъ есть, что они сего числа будутъ на Волокъ ламскій отъ Москвы за девяносто верстъ; а воскресенскій, государь, монастырь на половинѣ, какъ отъ Москвы, такъ и отъ Волока, по 45 верстъ; а котораго, государь, случатся числа, и что въ томъ дѣлѣ учинится, и то время покажетъ; и отъ насъ милости вашей о томъ впредь небызвѣстно будетъ, и о всемъ пространѣе донесено тебѣ, премилюстивому моему государю, будетъ, чрезъ другія письма, и въ которыхъ прикажѣхъ то дѣло обрѣтается со всякою вѣдомостью хотѣли послать выписки до лица милости вашей. Пространно, государь, писать о возвращеніи къ намъ милости вашей, за склонною волею твоею не смѣю, понеже пришло время для избавленія христіанскаго народа, ко устройенію въ лучшую пользу, тебѣ моему премилюстивому государю, нынѣ быть при послахъ, для совершенія зачатого своего дѣла.

Однакоже государь отъ всего своего сердечнаго рвенія, тебѣ моему государю, по должности моей, доношу, что зѣло государь и здѣсь крайняя нужда зоветъ тебя премилюстиваго моего государя, не остави насъ сырыхъ своихъ до конца, дабы намъ не погрязнуть во глубинѣ снѣгъ нашедшія на насъ напасти, и чтобъ воровскіе бунты и всѣ ихъ замыслы разорвать безмедленно, недождавша къ нимъ предводителя, и чтобъ впредь долѣе то ихъ воровство множитися не попустилось.

О корабельномъ государь здѣшнемъ поведеніи о всемъ къ тебѣ, моему государю, писалъ прежь сего числа. Пожалуй премилюстивый государь прикажи о манжерахъ меня по милости своей увѣдомить. мастеровъ ли миѣ отъ милости вашей, кому ихъ лить, ожидать, или готовые ихъ за моремъ промышлять, и каковыми быти нашихъ бомбандирахъ и на галерахъ, а объ иномъ корабельномъ дѣлѣ пространѣе донесетъ тебѣ государю господинъ адмиралъ комисаръ.

За симъ желая здравія твоего премилюстиваго моего государя, поплъ Александръ Бога моля челомъ бьетъ.

Съ Москвы, іюня 17 дня (1698 г.)

II

Письмо Катерины къ Петру I, 7 декабря 1708 г.

Allerdurchleuchtigster und gnädigster Herr Obiemb,

Ich gratülire Ew. Majestet zu den erhaltenen Siegen und wünsche, dass ich bald alhier die Gnade haben möge Ew. Majestet aufzuwarten und zu versichern, dass ich mit einem tiefestem respect alle Zeit verharre,

Gnädigster Herr Obiemb,
Ew. Majestet

unterthänigste
Catharina.

Ismaelof, den 7 December 1708.

III

Стихи Виллима Монса на пьемцкомъ языкѣ; одинъ куплетъ, первый.

1

Wo ist Mein freier sinn
 Ach das ich nicht mehr Mein Eigen bin
 Balt gehe ich, balt steh ich
 Und weiss doch nicht wohin
 Was hat der Völker Macht
 Vor ein Verhängniss auf mich bedacht
 Hier sindt zur Stelle, all Unglücksfälle
 Die mich allein, erregen solchen Pain, и т. п. (¹)

Стихи Виллима Монса на слободскомъ языкѣ.

2

Ach sto gest swet i fswete, ach fso pratifnaje,
 ne magu schit ne umerty, sertza tasklywaja,
 Dolgo ty mutzilsa, net upokoy sertza,
 Kupido wor proklaty, welmy radagitsa.

Probil streloyu sertza, leschu bespamety,
 ne magu ja atznutza, i otzi my plakaty.
 taska welykaja, schnotze krawawaja,
 rudoju sapektosa, i fso prabitaja. (²)

IV

Письмо Алексея Петровича Бестужева-Рюмина къ Монсу 3 августа 1717 г. (³)

Благородный господинъ камеръ-юнкеръ государь мой Вилимъ Ивановичъ.

Увиженно вашему благородию благодарствую за комплиментъ вашъ,

(¹) Изъ записной тетради Монса; приводится какъ образчикъ его стихотворства; всѣ ошибки орфографіи подлинника сохранены.

(²) Изъ записной тетради Монса; приведено какъ образчикъ его стихотворства на русскомъ языкѣ; за незнаціемъ автора писать порусски написано нѣмецкими буквами.

(³) Всѣ приводимыя письма тщательно просмотрѣны нами съ подлинниками.

который отъ васъ господишъ Бестужевъ дмитрей Петровичъ име сирвасть; при семъ прилагаю писмо отъ одного господина Бестужева по которому приложше прошу его и меня одолжитъ не замѣтивъ отъ черномыхъ исходатайствовать и также деньги вручитъ сему листоподателю в россійскою имянно господину Авраму Фавшотену (H. Abraham von Nottem), ошамъ ваше бѣлгородіе во прежнему мена обамете за что напротивъ вамъ государю моему отслужитъ потщуся, и всегда неотменно со многими почтениемъ вребуду вашимъ государь мой всепокорно пошашнымъ слугою Алексѣй Р. Бестужевъ.

Гамбургъ августа -3- S. H. 1717.

P. S. (Помѣщенъ адресъ Алексѣя Бестужева).

На оборотѣ: «A monsieur Monsieur de Monss gentil homme de la Chambre de la Majesté Czarinne à Amsterdam».

V

Александры Салтыковой, урожденной кн. Долгоруковой, къ Матрени Ивановнѣ Балкѣ (17 окт. 1719).

1

Гасударыня мая матрена ивановна много летно здравствуй кучно са всеми вашими! писмо милости вашей получила, въ которомъ изволите отвѣтствовать на мое писмо, каторое я къ вамъ писала из кенезъ Берха; за что я вамъ, матушка мая, Благодарствую и въпреть васъ пращу неизволте оставить и чаще писать, что свеликою маєю радасію ожидать буду (1) пращу на меня и неизволте прогневатца, что шепкала за нещастіемъ моимъ, на оное ваше писмо отвѣтствовать; понежа у меня батюшка кашешно боленъ огреваю, четьри недели истенью въ бедахъ моихъ несносныхъ не магу вамъ служить мамми писмами; ежели дастъ Богъ Батюшку лехча, буду писать протърано на будущей почте. Сердешно сердешно сожелею о вашей балежье изволька мѣне отъ писать если вамъ лехча до сего времени изволте ка мѣне отписать если вамъ лехча до сего времени изволте ка мѣне отписать писмо мое отъ етана изволивъ получить такошъ надеюса, что онъ вамъ давесетъ обавсемъ прастърантно, каторая челабитыная послана къ царекому величеству такошъ и всемиластивою гасударыне царике екатерине алексеевне, изволте осведамитца и кашье отписать, какъ изволятъ принять; а я въ бедахъ сванихъ многа претъстасельства немнею кромя ея величества и ане мамно пишушь, что мушъ мой хочетъ на меня бить чаломъ, что бутъта я ево покърала и ушла; я етова не баюса извесна всемъ въ митаве и много на то

(1) Неравобрано слово.

свидетелей същу не толка ныне что будеть я неимела въ честь ба-
тющине доехать принуждена была себе делать до послѣдней рубашки
оие (?) онъ увезъ собою ту бабу, которая завъсемъ хадила; ова
снимъ уехала ссабою ли ане забрали или у людей оставили пустай
его людей: стой бабаю пытають мне была начаво негде брать я уже
была давню завъсемъ обрана и отъ нево развѣбата токмо имела при
себе несколько из маяхъ алмазавъ и то у меня послѣдняя аграбалъ,
какъ поехалъ въ Петербуржьхъ сказалъ мне: ежели не дашь хатель да
смерти убить, я ему с великаю радасію и то отдала толна обобравъ и
самъ билъ (?) на что есть свидетели. Въ протъчемъ астаюсь на миласъть
вашу благонадежна что по своему обещанію меня оставить неизвольте
слуга веръная до смерти.

Изваршавы октлбра 17, 1719 г.

2

Къ М. И. Балкъ, 14 ноября 1719 г.

Гасудараня мая матрена иванавъна многолетню здравствуі купцо
со въсеми вашими! о себе моя гасудараня донашу, еще въ бедахъ
своихъ зъживыми обретаюса; писмо ваша, чрезъ господина белашниц-
кова каторое послано, я здесь получила; за что вамъ, матушька мая,
благодарствую и прошу меня неоставить въпреть, чѣво срадасію мою
желаю; токмо выразумела из писма вашева, что вы еще въ болезне
сваей обретаитесь, о чѣмъ серцюмъ моимъ сажелею и желаю, светъ
мой, какъ манскорее притыти до савершенънаго здаревъя; а что вы
извольте писать, что писма ка мне будите посылать чрезъ Белашец-
кова, я чаю лутче чрезъ господина Бестужева, понежа я ево просила,
каторые писма вы изволили чрезъ нево посылать веръно камъне доха-
дици, а что вы мне изволите писать, что бы я остерегаласа дашъкова,
его дѣдце у насъ нетъ, отпушъченъ къ москве, желею, что я прежде не
ведала я бы дарошъво при немъ гаварила, что надлежитъ другивъ
ведать.

Пача въсево васъ прошу, изволте меня सदержать, по своему обе-
щанію, веръно такошъ где възможно уиоинать въ миласи ее ве-
личеству, гасударане циа (?), въчемъ на миласъть вашу безсумненъном
надежду имѣю, такошъ пращу матушька мая изволте камъне писать
пространъней, что изволите услышитъ въ деле моемъ какое будеть са-
мой миласердне и какую силу будеть опротивной стараны делать, а
я, надеюса что вы извесны отъ егавана нашева желанія и ежели имла-
стивое будеть рѣшеніе на нашу суплику, то надеюса васъ скоро видѣть
остаюсь вамъ веръная, до смерти александра.

Прошу от меня покланитъца ее миласи авъне шльнишъние.

3

Матрени Ивановнѣ Балкѣ, 25 октября 1720 г. (1)

Государыня моя матрена ивановна многолѣтно здравствуй купно со всеми своими!

Крайняя моя нужда принуждаетъ меня васъ, мою государыню, семѣи моимъ писаніемъ трудить и просить, дабы по своей ко мне склонности, се' приложенное мое просительное письмо еѣ величеству всемилоостивѣйшей государыне царице вручить изволили, чрезъ которое я еѣ величеству рабски доносила о приезде моемъ къ москвѣ. О семѣи вамъ, моей государыне, объявляю, что я то учинила неведая об отпуске тиранскаго моего мужа изъ санктъ-петербурха, ради великой нужды, а именно чтобъ мне сыскатъ верныхъ свидетелей, и очиститъ себя в сносныхъ животахъ, в чемъ на меня мужъ напрасно бьетъ челомъ, о которой моей нуждѣ прошу донести словесно всемилоостивѣйшей государыне царице понеже я об оной вышеупомянутой моей рабской суплике именно еѣ величеству необъявила; при семѣи васъ, мою государыню, прошу содержать меня в прежней любви вашей, и упоминатъ в милости всемилоостивѣйшей государыне царице. Также и неоставить меня безвестну въ делѣ моемъ; понеже я ныне кроме васъ приятелей въ санктъ-Петербургѣ неимѣю, а наипаче васъ, мою государыню, прошу уведоми меня, какъ еѣ величество, всемилоостивѣйшая государыня царица изволилъ принятъ отъ васъ мою нижайшую суплику, зачѣмъ вамъ, моей государыне, всегда благодарить и служить, по своей должности буду; впротчемъ остаюсь вамъ, моей государыне, служебно должна Александра.

Р. S. Сего моего посланнаго человѣка отдаю в волю вашу; прошу неизвольте оного ко мнѣ отпущать напрасно безъ всякой ведомости приездъ, токмо мне принесетъ пущую пѣчаль. Такжедѣ васъ, мою государыню, прошу извольте об отпуске оного человека согласитца съ аввой вѣдоровной юшковой, понеже я той стороны имѣю некоторую нужду.

Изъ Москвы - 25 - октября 1720 г.

VI

Виллиамъ Монсъ подѣ видомъ женской персоны къ Александрѣ Салтыковой 1719 или 1720 г. (2)

Sdrawstwoy matouska alessandra grigorgefna, bosc dai wam dobrago sborowje; sa fse Sameistwa wassei, selaju dabie piessange etage was

(1) Все письмо за исключеніемъ подписи — рукою секретаря.

(2) Собственной рукою Монса, на *слободскомъ* языкѣ.

magu goschudarinu stobrom strafge sastalla, sa katorrom at fsewo fsewo swogewo sertzja selaju, praschu wass maju gaschudarinu, dabie ja ne astaflena biela piesangem wasiem, kotoraja primaju sebe sa weliekaje stasge, kogda ja uwieschu at wass ksebe pieamo wascha, to bog moi swiedetel, sto ja sweliekoi radassju wosprimagu i trut fsoi stolka prilagaju getlu wasemu, sto bogu anowmu fsewam, i storajuscha stobie store akonssat srobrom, sastajange, kf. semu selanju, i nadejusa sio fakogo posle prasnika, tokmo was prasehu ne iswolde pezallitca, i schä bezwremena sakrusat ab onom dele, fso bogom budet ustraena, poneze gaga weliezewo welmi kwam milasliewa, i ni wies kak saslegiet ab was takkosde i ob radiedele wassem, pri schem astajus wam magoi gaschudareine wernaja wam nachufnesza.

VII

Петръ Михайловичъ Бестужевъ—Рюмиъ къ Монсу

1

2 ноября 1719 г.

Государь мой Вилимъ Ивановичъ!

Прошу васъ, государя моего, быть о мнѣ всенадежнымъ, и во всепочтѣннѣйшихъ писаніяхъ вашихъ неоставить меня, въ чемъ есть весьма благонадеженъ, изволте, государь мой, мнѣ поверить, что я zelo обяуюсь вернымъ ко услугамъ вашимъ быть, при вашей коропландеддїи изволте оныя писма ко мне при всеприятномъ вашемъ писанїи присылать; я оныя в надлежащее место верно и во всякой сохранныи отправлять буду; понеже мнѣ оное извесно и весьма секретно содержать буду, в чемъ изволте быть паки всенадежны и я в томъ вамъ весьма услужитъ потшусь и сестру вашу, государыню мою, утрудять онымъ неизволте (!). При семъ же полученное писмо прилагаю и со мною почтеніемъ пребываю вамъ государю моему слуга вѣрный Петръ Бестужевъ.

Из Митавы - 2 - Ноября, 1719 г.

2

6 февраля 1722 г.

Государь мой, Вилимъ Ивановичъ!

Понеже здесь каргопольского драгунскаго полку при дворѣ госуда-

(!) Дѣло идетъ о секретной корреспонденціи Монса съ А. Г. Салтыковой; какъ видно Матрена Ивановна писала къ ней отъ имени брата, доколѣ Бестужевъ не предложитъ безопаснѣйшаго способа къ передачѣ писемъ непосредственно отъ самого Вилима Ивановича.

рыни царевны (рота) (?) весьма плоха і еѣ высочества повелела мнѣ вас проситъ чтобъ вы ізволили доложитъ еѣ императорскаго величества государыне царіце Екатерине алексеевне і о томъ ваше стараніе приложитъ чтобъ его императорскаго величества доложитъ дабы повелено было на смену каргопольской роты із гнадерскихъ конныхъ полковъ роту с афицеры определитъ воособляющую службу ея высочества, которую-б могли называтъ здесь еѣ высочества гвардіею і чтобъ до генералитета такъ и до полку дела неимела, но толкобъ подъ еѣ высочества указомъ была, а провиантомъ і фуражемъ доволствоватъ оную роту ізволятъ отъ своихъ амтовъ, но толкобъ жалованье офицерамъ і редовымъ із военной коллегіи или отъ камисариата⁽¹⁾ присылаюс понеже (и мундировъ и стола) хотя своего прибавитца здесь полутчей делатъ; во истинну еѣ высочеству не безъ стыда, что оберраты употребляютъ за собою княжескую гвардію с изряднымъ уборомъ; за что еѣ высочество обещаетъ вамъ удовлетволатъ честно посему⁽²⁾ покорно прошу какъ скоряѣ уведомитъ і пребываю вамъ государя моего слуга верный петръ бестужевъ. Із митавы 6 еевраля 1722.

VIII

Артемій Петровичъ Вольтинскій къ Виллиму Монсу 1720—1724 г.

1

14 іюня 1720 г.

Государь мой і любѣзный другъ

Я за особливое несчастье себя причитаю, что неведаль вашего отъезду и zelo удивляюся что вы такъ тайно збѣжали, і что за причина не знаю! Прошу васъ, Государя моего, уведоитъ, когда ихъ величество сюда ізволятъ прібыть, чтобъ мнѣ о томъ вѣдать а я zelo жалѣю, что неідалъ васъ прі отезде, понеже и яб неотсталъ, также ізвольтъ с моей стороны попенять Петру Федоровичу, чтобъ ояъ забылъ мою провбу; сіиъ окончавъ остаюсѣ

вашъ Государя моего
вѣрно обязанный слуга
А: вольинскій.

Із С. Р. В. Іюня 14-го 1720 г.

Прі семъ кланяетца вамъ слѣвнѣ бандоржа и репортомъ ождаетъ, куда повѣлено будетъ репортовать, однакожъ за слѣвнѣтою одному ему невозможно ехать, но проситъ, чтобъ мнѣ проводить.

⁽¹⁾ Два слова неразобрадо.

⁽²⁾ Слово неразобрано.

30 декабря 1720 г.

Государь мой любезный друг и братъ влімъ івановичъ

Письмо ваше, государя моего, от 21 декабря, я получилъ, за которое zelo благодарствую, а о себѣ доношу, что я несчастливъ моимъ сюда приездом, понеже такъ немогу, что девятымъ днемъ, и надворъ не могу вытти, нетокмо куда ездить, от чего в превеликомъ страхе, чтоб не причлося мнѣ въ иное, однакожъ свидѣтельствуюся богомъ і всеми, кто меня видел, понеже жалеютъ, хто здес есть все посещаютъ істинно такова себѣ мученья нікогда не видалъ: завалила у меня мокротою горло і грудь, такъ что нетокмо свободно есть і спат немогу, и уже от сидѣна спиною тронутца немогу, а ежели лягу, то такъ заливаецъ мокрота, что и духъ захватитъ, і такъ в сутки мнѣ разве достанетца уснуть два часа, и то сія, оклався подушками, однакож хто у вас можетъ поверитъ, еще бъ ежели сія болезнь мнѣ приключилася в петербурхе, тобъ пред глазами влімо было; пожалуй мой батюшка донеси премилостивой матери, всемилостивейшей царіце Государовѣ, что сотворила со мною работъ своимъ милость, ежели случитца к слову, чтоб милостиво предстательствовала, кленуся богомъ, что неимѣю німалой причіны, за чем бы могъ до сего времени здес медлитъ; однакож какъ скоро нетокмо свобожусь, но хотя мало полегче будетъ, поеду, а теперъ сижу какъ уроль, облещенъ в пластыряхъ, і голова, в горло, в на грудяхъ и обвязанъ весь. Пожалуй, мой-батюшка, неоставитъ меня писмані своїми, ибо мнѣ нікто такъ неудевителенъ, что андрей, которой такъ меня забылъ, какъ недоброй человекъ, сколько пропустилъ оказей, хотябъ от него строку видел; между темъ же приехал к неровову человекъ, с которымъ онъ к нему писалъ, а ко мнѣ нічево. Извольте меня по совести разсудитъ с нимъ, такъ же и сестре извольте объявит, которой прошу отдать в благодареніемъ мой нижайшей поклонъ, прітоже и всей вашей любезной еамиліи, а на особливье письма чтоб непрогневаліся, истинно і к вамъ пішу черезъ силу, также пожалуй поклонись от меня дмитрею андреевичу (1), которой с вами водномъ списке здес записавъ в бѣглепахъ, а протчіе во временцікахъ, о чемъ извольте уведомитца от другихъ, а наче от князь андрей (2). Также разглашено здес про василья дмитревича, что онъ лишецъ весьма милости Государыни царіцы, і будто уже нікуда не годіца, что ему изволъ сказать, і от меня отдать поклонъ.

Что же, Государь мой, изволили писать об лошади, по которую и нарочно в деревню послалъ, толко какъ слышу, сказывал мнѣ мат-

(1) Шепелеву; -путевой маршалъ- двора Екатерины.

(2) Вяземскаго.

дѣй и люди мои, что очень хороша стала і чиста, і ежели такову уащю, то я человеку степана василевича (1) неотдамъ, ибо какъ бы нісмотрели, однакожъ такъ нельзя, какъ в глазах, того ради посмотрю, ежели можно, то пошлю к вам; будеже еще неискрпчала, то отдамъ князю андрею вазимскому, у котораго бережнѣе будетъ, а онъ прішлетъ к вам по лѣту, о калмыке князь Николаю я посылаю, а самъ ево невідалъ, повеже и онъ спостелѣ неврстаеъ, такъ боленъ, также і князю александру черкасскому посылаю, и сверхъ того князь грігорью александровичу говорію и своіимъ людямъ пріказалъ, чтобъ искалі. Инаго вамъ, моему государю, доноситъ неімею, токмо прошу непременно меня в вашей милости і любви содержать, почітая истиннымъ і вѣрнымъ вашимъ слугою, яко есмь і пребуду.

Вашъ, Государя моего, покорный і вѣрнообязанный слуга і братъ
А: волинской.

Изъ москвы. Декабря .30. дня. 1720 г.

На томъ же листкѣ записка къ Петру Балку:

Государь мой Петръ Федоровичъ

Сего часу прислалъ ко мнѣ князь Николай, что люди ево малышка твоево поімали, я ево велѣю, к себѣ привести, і буду держать скванова у себя в домѣ, а когда будетъ оказія велю и вамъ отослать.

Вілімъ Ивановичъ изволь покрічатъ на андреева полѣхче, ибо я теперъ получилъ от него письма, только чтобъ впредь такъ не вѣдалъ и оказей не пропуская.

3

2 февраля 1721 г. (2)

Государь мой и любезный другъ и братъ Вілімъ Ивановичъ!

Ваше, государя моего, благопріятнѣйшее писаніе, отъ .21. прошедшаго гевваря отиравленное, исправно принять получилъ, за которое вамъ, государю моему, вѣло благодарствую. Такожъ и за показанные ваши, заочныя мнѣ дружескія милости и благодѣянія; прошу и впредь меня неоставить, въ горестномъ моемъ отлученіи, въ чемъ я на васъ моего друга вѣрною надежду имѣю. О себѣ доношу, что я на мѣрѣнъ былъ конечно ѣхать отсюда тридсятаго или тридцать перваго числа, прошедшаго, какъ и къ нхъ величеству чрезъ мои всеподданнѣйшіе доносилъ, однакожъ еще удержала меня покупка лошадей и протчаго, что мнѣ здѣсь принять надлежитъ, для посылки въ Персію. О чемъ хотя ежедневно посылаю къ здѣшнимъ управителямъ, которые то отправить и отдать мнѣ повелѣно, однакожъ немогъ и по сіе

(1) Лопухина.

(2) Письмо писано рукой секретаря.

время сдѣлать, того ради принужденъ здѣсь затѣмъ остаться, но хотѣ отдалуть или вѣтъ, только даѣе седьмого числа себѣ нѣсѣща не буду иѣшкать, и броса все поѣду всеконечно, понеже слава вышнему отъ болѣзни моеѣ имѣю нѣкоторую свободу, а здѣсь живучи уже отъ страха сердце надеялось. Однакожъ прошу васъ, моего государя и друга, въ томъ меня охранить, что я послѣ того терпѣна здѣсь остался, въ чемъ вѣрно васъ обнадеживаю, что ниодного дня больша жить небуду, токмо сіе для прочихъ прошу умолчать; симъ обѣщаньемъ остаюсь вашъ, государя моего, вѣрный другъ и покорный слуга

Артемей вольвискій. (1)

Из москвы 2 февраля 1721.

При семъ прошу ѣе величеству доложитъ понеже я увидѣлъ, что в можайскихъ вотчинахъ бѣздельные жеребцы, того ради отдаю грузинцеву (2) двухъ жеребцовъ, которые нынѣ покупаютца, ибо обѣ лошади изрядные, а сторгованы за триста за тридцать рублей, вместо которыхъ бѣру у него такихъ кои тошъ негодны. Обѣ серые и грѣвы свалились а отдаю одиъ вороной а другой саврасой, от которыхъ чаю, обновитца тамошнѣ заводъ.

Прості (3) мой батюшка, друг мой виліимъ ивановичъ, прошу васъ ежели буду живъ, неоставитъ, а буде умру поминать.

Такожъ прошу отдадъ поклон мой сестре вашей милостивой Государыни моеѣ і всеи вашей любезной еамилі.

4

9 февраля 1721 г.

Государь мой и любезный другъ и братъ виліимъ ивановичъ

Увѣдавъ нашу истинную дружбу и любовь, просилъ меня иванъ петровичъ талетой, чтобъ я его вамъ, государю моему и другу, рекомендавалъ и просилъ васъ; того ради прошу, дабы вы, государь мой, возволили его въ свою дружбу и любовь пріять, і такъ содержать, за котораго я безсумненія обѣщаюсь порукою быть, что онъ вашу дружбу, какъ і сомною имѣеть чисто содержать будетъ и можетъ быть впротчемъ верный вамъ слугою, вчемъ и тыя твоѣ слепецъ общей нашъ камратъ вамъ порукою будетъ; ибо я здѣс между имі дружбу добрую сосводничалъ; а слышалъ я, что и с вами у него хотя прямой дружбы, однакожъ пріятелями были, того ради дай боже, чтобъ я впрямую дружбу васъ сосводничалъ, какъ и надѣюсь, что можетъ быть постоянна собѣ сторовы, сімъ прекрата остаюсь, вашъ, государя моего, вѣрно

(1) Отсюда собственноручно.

(2) Управляющему можайскихъ вотчинъ государыни.

(3) Отсюда на двухъ отдѣльныхъ лоскуткахъ, вложенныхъ въ письмо.

обидливый и чистосердечный другъ і братъ і покорный слуга А: во-
лжанинъ кланяется, в мѣсяцъ 9 севрала 1721.

домому дам только тайно

Получая я ведомость изъ Астрахані, что идутъ къ терку названые
послы, которыхъ, хотя неохотна, однакожь встречать надобно, ибо
остатки повѣдъ, чтобъ неоптчивать, хотя у меня и мало такихъ сѣ
нечирать, только конечно надобно ітѣтъ туда, ходя мнѣ і неблизруда
будетъ, понеже слышу, что ихъ немало, о чемъ донесено и воемной
кабинѣ, которой бы надлежало послать указъ и кропотову, чтобъ онъ
кабинѣ хотя два полка агаравы, также чтобъ і къ досенімъ казакамъ пе-
салаі указъ послухшой; а безъ того я могу и пропасть, ежели ітѣтъ только
своіни, понеже у меня болше 3000 нѣтъ, а ітѣ съ 30,000. однакожь
хода по нѣтъ прибавошь будетъ іи мет, однакожь мнѣ неітѣтъ невозмо-
жно и, неіду конечно, хотя пропаду; а то прічтутъ, что у меня ва-
тупинно серме, которое во мнѣ и с робаксинихъ лѣтъ вобывало.

5

23 Юня 1721 г.

Государь мой и любезный другъ вѣдѣль князьковичъ.

Хотя я отъ васъ чрезъ андреяна мѣся и не получилъ, однакожь нево-
змѣною времени в вашей, государя моего, любви і приязни, но імено
всегда на васъ верную надѣжду; о себѣ домошу, что востракавъ при-
было, которую нашолъ пусту і совсемъ разорену, а імено в крепостей
законныхъ стѣны во многихъ мѣстахъ развалились а худы все; также и
башни некоторые чаю изволятъ упасть скоро; гарнизонъ здешней
такъ справенъ, что в нѣтъ полкахъ выбралъ а с небольшимъ с 2000 год-
ныхъ оубей, и то на сію; драгунскихъ лошадей во табѣлю только од-
на, а мундѣры, кнѣз на драгунахъ, такъ и на салдатахъ ні на одномъ,
и адиянатчет лѣтъ недавано; отъ чего многие ходятъ в балахонахъ, а вы-
чтено у нѣтъ съ 34.000 которые денги в казані и селі; также прови-
анту по пріезде моемъ нашолъ только съ 300 четвертей, да прі мнѣ
вывезлі съ 5000: и тако, по істиннѣ, что нівѣжу, все надобно вновь
дѣлатъ і такаа прішла на меня заасть, что невако, за что принятца,
ктому ж особлівоі на меня божей гневъ, что аеіцеры здѣсь такіе, что
въ редкомъ путь, а протѣне и дуракі, и пьяницы, которымъ невозмо-
жно бытъ ні надъ бѣстією, нетокмо надъ людмі, і ктому теперъ прішло,
что ні послатъ, ні призаат нічого невозможно. Еще ж ведомости здѣс
вобрѣтано изъ терка подтверждаютъ, что неприятели такъ прішли
в сію, что уже и проездъ струдомъ; которыхъ (неприятелей) сначала
было неколко согъ но нынѣ умножилось и до 6000 которые какъ око-
ло терка, такъ и около гребѣнскихъ казаковъ все разорили и пограби-
ли, о чемъ мнѣ в сенатъ, такъ і в коллегію чаю не одну стопу бумаги
намарали, но революціі о томъ віоткуда нѣтъ; но знатъ што не нашу
тысечу рубятъ! однакожь я нехота оставить принужденъ зделатъ туда

транспорты забравъ отсюда всех солдат і драгунъ, і самъ о нѣмъ, а здесь покину только для караулу і то себюловыми ружьями; я вѣсь мой батюшка, прошу показат ко мнѣ милость і вышлит о томъ всемиловѣйшей царицѣ государынѣ, чтоб показала надомвою, работъ своимъ, милость, о чемъ я і чрезъ мое всеподданнѣйше просилъ, которое ври семъ посылаю и прошу вручит; ибо я вѣжу, что нарочне такъ делаютъ і оставилі, чтобъ я пропасть, чего и искат самъ еду; я вѣжу, что вдовы тѣ болше делаютъ добра, нежели господа наши, ибо хотя я не имела увазу, однакожъ видя сію напасть, принужденъ просить аюку хана, чтобъ онъ помогъ мнѣ, которой тотчасъ обѣщаль мнѣ отъ пяти и до шти тысячъ казмыкъ послать тудажъ къ терку, на что у меня и лучша надежда, а что тамъ сделаю, незнаю; поистиннѣ я теперь в такой дѣсперациѣ, что самъ себѣ не радъ, понеже здесь дѣтъ тма, а тамъ пропадетъ; однакожъ остави все, принужденъ туда ехат, чтобъ вамъ і всего не потерять; болше сего писать къ вамъ не имѣю, токмо прошу показат ко мнѣ какую нибудь милость нынѣ кропотовъ сконандою бѣзъ всякаго дѣла, хотябъ отъ него мнѣ уже далі олінь полкъ, понеже я ні с чемъ еду, то бѣ я с помощьюъ вышняго надѣялся, что нибудъ сделаю а теперь, хотя и еду, токмо напрасно, понеже у меня регулярныхъ и дву тысячъ не будетъ, которыми можетъ быт отъ терка отбитъ мочно, но чтожъ в томъ казны. Къ желі на нѣхъ не ітѣт і неучивѣт на такова разоренья в жилищахъ ихъ, какое чинат оні намъ; то чемъ я отъ терка отступлю, а оні пакы тожъ будутъ делать, того раді, по моему ширнѣю, ежели на нѣхъ не ходитъ, то бы мнѣ лучше и на терке бытъ уже неважеть, понеже когда я имъ прѣздомъ моимъ нічего неучивю, то видѣно будетъ знавъ, что мы ихъ бутто боимся, что увидя могутъ къ нимъ и друство многи пристат, которые теперь бутто еще держатца, бутто под страхомъ, и тако, Боже сохрани, можетъ оттого прѣмая война родитца, однакожъ у насъ того несмотрять что впередъ будетъ; сімъ окончавъ, остаюся вашъ, моего государя, верный другъ і покорный слуга Артемей вольинской. Изъ астрахані іюня .23. д. 1721 г.

6

25 сентября 1721 г. (1)

Государь мой вѣрный другъ и любезный братъ!

Вопервыхъ благодарствую вамъ, государю моему, за ваши учивенныя мнѣ заочныя дружескія благодѣянія, и потомъ доношу, понеже послалъ я къ ея величеству, всемиловѣйшей царицѣ государынѣ Араба съ Арабкою и съ двумя Арабченками, съ поручикомъ Кардовымъ, который посланъ съ нѣкоторымъ репортомъ въ военную коллегію, а притомъ и мои ему нужды поручилъ; того ради, васъ моего государя и друга, прошу, о чемъ оный васъ будетъ просить, въ томъ

(1) Рукой секретаря.

меня неоставить, також и его въ вашей милости содержать. А что здѣсь дѣлается, ссылаюсь на его вамъ изустное доношеніе, ибо оный на здѣшнее на все самовидецъ, а и на посторонніа дѣла отчасти извѣстенъ, между тѣмъ и о моемъ каторжаомъ житѣи онъ вамъ донесеть; симъ окончивъ, паки васъ, государя моего и друга, прошу меня въ прежней вашей милости и дружбѣ содержать, въ которую вручая ии и тако остаюсь вамъ государя моего и друга вѣрный и покорный слуга А. Волинской, изъ Астрахани, сентября 25-а д. 1721 г. (1)

P. S. При семъ которую я подарилъ вамъ кошелекъ, надѣюсь, что на весну можно вамъ на ней будетъ ездить, того радѣ посылаю вамъ, моему другу, турецкой мушкетъ серебряной и с наперстью и с решмою; прошу в память услугъ моихъ и верной любви пріят.

За темъ прошу васъ, государя моего, объявить мои должной поклонъ, хотя я и словесно приказывалъ государю моему Петру Федоровичу такожъ государю моему Стенану Васильевичу съ Натальею Федоровною (2).

7

5 декабря 1721 г.

Государь мой і любезный другъ і братъ!

Не роспространяя инаго, токмо прилагаю при семъ мое всеподданнѣйшее прошеніе ко всемилостивѣйшей матері царіцѣ государонѣ, къ котораго все мои нужды изволите увидеть, и притомъ васъ, моего государя и друга, прошу, оное же величеству на единѣ вручить; а прочель-бы алексѣй васильевичъ (3) того радѣ, изволте излучить, чтобъ онъ тутъ былъ; я самъ чрезъ Бога прошу показать свою дружескую ко мнѣ милость впреставствѣ къ еѣ величеству; а о делахъ здѣшнихъ пропастныхъ много васъ трудить нехочу, токмо ссылаюсь на посланные мои писма къ алексѣю васильевичу, общаго нашего друга, такожъ и князъ Григорья алексѣевича, которые изволите увидеть, чаю и узнатъ, каково мое бѣдное житѣе; за темъ немогу васъ много трудить, толко прошу, для милости божьей, сделайте со мною милость, чтобъ я вечно вотчавишъ непропалъ, симъ прекратя остаюсь вашъ, государя моего и друга, верный і покорный слуга А. волинской изъ гребѣнскаго казачья шадрина городка. 5 декабря 1721 г. При семъ прошу, отлаать поклонъ мой милостивой моей государонѣ, сестре вашей, і всей вашей оамиліи моимъ милостивымъ.

Намерень я былъ подъ вашимъ ковертомъ послать государонѣ царіцѣ мое писмо, но сказалъ мнѣ блеклой, что вы посланы къ городу, того радѣ оное послалъ подъ ковертомъ Алексѣя васильевича.

(1) Отсюда собственноручно.

(2) Долукныиъ.

(3) Маняръ.

28 декабря 1792 г.

Государь мой любезный братъ і верный другъ вѣлимъ извѣстить дружеское ваше, государя моего и брата, писаніе изъ Москвы здѣсь пріяте, я получилъ, понежемоу написать, чтобъ беспечалі было, тогда однакожь асегда вамъ, моему другу, благодарствую за ваше дружеское негнѣное неоставленіе, за что всевышній саміхъ васъ милостію неоставилъ. При семъ довожу, что я по окончаніи известныхъ вамъ герсвѣихъ дѣлъ, съ которыми довольно было труда, но, слава вышнему, ахъ дѣла что, надобно было, то все меудущею. Чего я я моетивнѣ не чкавалъ, ибо незнаніе дело было и вооженося (?) рядъ дѣлау. Очашкомъ подружнѣ и вѣдомѣ добралі емошно смегл и бродилі по бологамъ и по степямъ, какъ хотелі и такъ сщастливо сію начатую на востокѣ компанію окончал, а шпаги изъ ноженъ невынималъ (однакожь трудовъ моіхъ і вамъ изъ взятыхъ в пленъ малчіка изряднаго челомъ бью) потому, мнѣ прішло ктому, что ні тамъ зімовать стало (бес хлеба дурно), ні сюда итї с малыми людьми негда, і такъ уже прішла мнѣ бѣда не шутка, понеже оакцію детахъ моіхъ калмыковъ намеренъ былъ итї на меня бахта гирей бѣшеной салтанъ кубанской, вчемъ меня одінъ владелецъ престерегъ, что я уведавъ, прінужденъ політчно дать знатъ хану, что я оакцію ихъ знаю, и чтобъ онъ ведал, что если будетъ мнѣ отъ кубанцевъ, пакость то онъ в томъ отвѣтъ дастъ: і с темъ отважася, положился на волю божію и 22 декабря (с свѣрепымъ войскомъ убрався) пошелъ, что ні будетъ; и хотя по істиннѣ с такимъ трудомъ, какова еще сроду невідалъ, однакожь бѣзбѣдно, и сюда сего, генваря 8 числа, со всею, слава вышнему, прибылъ, токмо дни празнїка рождества до смертї мнѣ не забыть, а день новаго года прїлучїлося торжествоват на голой степї бѣзводы и бѣздровъ; но за все прошедшіе труды и бѣзпокойствы нынешняя почта прїнесла мнѣ великую радость, а то уже со всею было укоренїся здѣсь зімовать і для того прїпасать было сталь я местічко теплїнокое, понеже мої хоромы zelo бѣспокойны. Но слава всевышнему, что милостію всемілостївѣйшей Государоннї нашей милостиво свободїлъ; за что незнаю, какое благодареніе могу прїпїсать, понеже сіе выше моего ума дѣло; и тако неотменно отсел с первой недели поста поеду; естї дастъ богъ, поуправася, неотложилбы я ні до завтрая, токмо некоторые бѣзделїцы навязалїсь, которые неучредя, ехатъ нехочетца; дай всевышній прїбыть и чтобъ уже не токмо руцї, но слѣды ногъ ихъ императорскаго велїчества получить радуюся всеподданнѣйше целовать; болѣе сего распространять нехочу ні о чемъ нынѣ, понеже самъ буду к вамъ неписанная, но живая грамотка, тогда изволте читать о всею беспотцїемъ, а слышавъ естъ что, хотябъ кто былъ і на томъ свѣтѣ, столю ж сталь бы слышавъ, а я и терекъ держу недутче ада, около котораго живуть илї зверї илї чертї;

о чемъ доносилъ Вамъ пространно Господи́нъ Бѣло́й; симъ окончивъ, остаюсь вѣшь, государя моего і друга, верный братъ і покорный слуга Артемей Васильскій: Изъ Астрахани 28 дня генваря 1722.

9

8 февраля 1722 г. (1)

Государь мой благонадежный другъ и братъ!
 Имѣя много вамъ государя моему и другу доносить не имѣю, такъ какъ по всеимператорской императрицы государыни въ употребленіе оцела здѣшніе дичи; сколько сыскать могъ, пять драгъ, и 24 лошади, да кабанчикъ порослятъ шесть, которой заводъ у меня въ домѣ есть дичи кабановъ завелся. И ежели въ вѣлости сіе привезено будетъ, прошу васъ, государя моего престоимымъ образомъ съ императорскому величеству донести, и excuseвать меня, дабы непроницаемъ: что такую бездѣлку дерзнулъ послать, въ надеждѣ ихъ величества: кони рабу матерей милости, и отъ престола моего усердія, чтобы милостиво повелѣли принять и кушать, о чемъ я просилъ и Алексѣя Васильевича; симъ окончивъ, остаюсь вѣшь, государя моего супруга, верный и покорный слуга Артемей Васильскій. Изъ Астрахани. Февраля 8 дня 1722 г.

10

28 февраля 1722 г. (2)

Государь мой и истинный другъ и братъ Вильгельмъ Ивановичъ!
 Допому тамъ, что я сего февраля 21 дня, изъ Астрахани выѣхалъ и сюда въ Царицынъ вчера прибылъ, до котораго вереть за десять недѣльная допоздъ было конца такимъ образомъ, что и ночью сналъ, и такъ привезли меня къ польнью, подлѣ которой подъ мовни сани съ двумя коренными лошадьми ледъ проломился, и повнесло меня, какъ бы на плоту въ польнью прямо, но еще тѣмъ Богъ спасъ, что передніе лошади удержали на крѣпкомъ льду, и потомъ вытащили и сани; только такнхъ я добрыхъ товарищей имѣлъ, что не хотѣли отстать отъ меня, кон за мною ѣхали, один за другимъ пятеро сани нырнули въ воду и поплыли, и такъ блился нѣсколько минутъ, доколь приближали оставшіе съ оглоблями и съ возжами, и такъ слава-богу выгаскали людей и возы; рднаноже что было перепоротымъ такъ, что рѣдко что годится, а прочее все пропало; и такъ имѣ сдѣлаю убытка около 400 рублей; чего ради принужденъ переѣхать здѣсь два дни, а потомъ такнхъ же путемъ ѣхать до Саратова; но что дѣ-

(1) Рукой секретаря.

(2) Рукой секретаря.

дети, хотя съ убытковъ и бѣдани; однакожь дай только Боже здѣть
мнѣ императорское величество; и потому васъ, чему обрадуюся все
се забвенію предать; смилъ прекрати и остаюсь радъ, государя моего
и друга, вѣрный и покорный слуга А. волинской.

Изъ царыцына. Февраля 28, 1722 г. (1)

Р. С. Паче другога убытка zelo мнѣ жаль перуковъ, понеже что
было все, тутже и любимые ваши два, нивкуда негодятца. Тутже пе-
руки все великия толко остались черныя и те безъ глаза; а васъ, моего
друга и брата, прошу, потрудитца два перука, туге, и около погладе-
жныя чудновъ (естли у васъ черныхъ нѣтъ) сыскать, оданомъ а
слышу, что и васъ заставила неволя негодять и рубашки уже слышу,
что почали вы смажетами носить, что за великое удивленіе нечитаю и
вопросе небуду верить, нежели глазами моиѣ увижу.

Всели, государь мой братецъ, не сыщется для меня иного двора
в слободѣ, не мошноль вам поговоритъ господину бѣдлоу, чтоб он не
реѣхалъ на загородной своей двор, а мнѣ слоботчикомъ уступилъ, понеже,
какъ вамъ известно, что мнѣ конечно надобно быть к проображенскому
ближе; а кому ж, когда буду (въ) слободѣ, то надеюсь, что и въѣз со
мною жиѣи. однакожь, какъ і вы знаете, что доктор сумъ, те не-
возможноль, хотя с наймомъ, яб и тѣмъ былъ благодарень, тоемъ
чтоб быт к вамъ ближе.

11

28 іюля 1723 г.

Государь мой и благонадѣжный другъ і братъ великъ івановичъ!

Я за особливое несчастье себя причитаю, что неѣдинаго писма от
васъ, государя моего, не получилъ, хотя многократно к вамъ писалъ, од-
накожь вины моей никакой незнаю, что отдаю на ваше разсужденіе.
прі сем довошу анета моя ротіла мнѣ трепіцу, которой далі мнѣ
аниа, и дѣвка незрядная естли будетъ жива, чаю карліца будетъ, чему б
я и радъ былъ, понеже когда будетъ неглупа тоб уповал, что будетъ
вместо авдотьюшки (2) в милости и яб болше нежелал, чтоб она со
всемъ была такова, какъ она, чтобъ себя за особливое счастье причи-
тал, иже бы бѣзубытку. Предъ симъ я просилъ всеподданнѣйше всемо-
лостивѣйшую государыню нашу императрицу о милостівомъ позволеніи,
чтобъ государыня цесаревна аниа петровна соизволила оную под своимъ
высокою протекцію принятъ отъ кучели, о чемъ такожь и еѣ высоче-
ство всеподданнѣйше просилъ, однакожь до сего времени несполобилъ
того высокаго укаву молучит, что за особливое несчастье причитаю;

(1) Отсюда собственноручно.

(2) Любимая карліца Екатерины.

и мною великую печаль, непростивая ли чѣмъ? того ради, васъ, государя моего і другихъ, прошу уведомитъ меня о томъ, по милости вашей, нечѣмъ на меня гнева, отъ котораго, Боже сохрани, куда я годенъ буду; лучше хочу умереть, нежели чѣмъ протвѣватъ и пакъ васъ, государь мой прошу пожаловать ко мнѣ отписать и изъ сего сумненія меня вывести; вашъ, государя моего и друга верный і покорный слуга А. вольинской. Изъ Астрахани юля 28 дня 1723 г.

При семъ отдаю должной поклонъ мой милостивой государынѣ моей, Катеринѣ Ивановнѣ и всей вашей любѣзной фамиліи.

Надѣюсь я, что вы, государь мой, извѣстны о прошедшей здѣсь бѣдѣлицѣ? понеже какъ слышу, что уже ихъ величеству доносилось, того ради принужденъ я всеподданнѣйше трудить еѣ величеству, всемилостивѣйшую императрицу государюню и донести подробно, какъ было изъ чего; і вы изволяете увидетъ, естли моя хотя малая вина. Богъ свидѣтель, что я сіе за особенное несчастіе почитаю, наче же печалюся смертельно, можетъ быть, что ихъ императорскому величеству некакъ донесено, какъ было; того ради, боюся ихъ величества гнева.

12

28 мая 1724 г. (1)

Мой милостивой государь, Вилимъ Ивановичъ!

Который пакетъ я вамъ, государю моему, при отъѣздѣ моемъ, вручилъ, для самаго бога пожалуй, государь мой, покажи со мною милость, изволяете неумедля вручить всемилостивѣйшей государынѣ, и притомъ побить челомъ, чтобъ показала надо мною, работъ своихъ, божескую милость, изволила бы подать его императорскому величеству и притомъ милостиво объявить: что понеже я желалъ, чтобъ его величество, по первому моему меморіалу, изволилъ спросить меня, однакожь такъ сдѣлалось, что изволилъ подписать, въ такой силѣ, что ни правды, ни вины моей знать *неизволилъ, кромѣ лъсу и людей* (2).

И тако сіе склоняется къ тому, чтобъ я *показалъ, что моя правда, и что моя вина* (3). Того ради, какіе я посылалъ жестокіе указы о лѣсу въ Сибирскъ, и сколько разъ посылалъ, и зачѣмъ оный лѣсъ въ Астрахань не бывалъ, тому всему въ прошломъ еще году прислана отъ меня въ кабинетъ обстоятельная вѣдомость; чтобъ изволилъ приказать, кому изволилъ вѣрить, а собливо желалъ бы я, чтобъ высмотрѣлъ Павелъ Ивановичъ. (4)

Людей, что я оставилъ 1000 человекъ въ Астрахани: первое не для моей прихоти, а если то сыщется, приказалъ бы меня за то хотя

(1) Рукой секретаря.

(2) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

(3) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

(4) Ягушинскій.

четвертовать; второе: такая крайняя нужда была, что Михаилъ Леонасевичъ людей у меня побралъ съ 400 человекъ, и естество на оныхъ, тобъ ни провіантъ отправлять, ни судить таскать было нецѣль; третье: что я и оставилъ не добру, во по письму, Михаила Леонасевича, съ котораго копію тутъ приложилъ (1), а въ прочикъ дѣлалъ я такъ дѣлалъ, вамъ вѣрному рабу подлежалю; и для того и правду и вину мою написалъ тутъ, чтобъ показала государыня божескую милость, изволила бѣ его императорскаго величесва попросить, чтобъ самъ изволилъ прочесть, а потомъ какъ его воля, дбо изволитъ дѣя того усмотрѣть, добрый ли я человекъ или нѣтъ?

Также прошу и о другомъ меморіалѣ, который я, по приказу всеимлостивѣйшей государыни, вручилъ вамъ, о томъ припоминуть (2), а что в шурьями (3) зделается о томъ вамъ жева моя донесетъ і правъ васъ, государь мой милостивой, прошу показатъ надо мою милость вчемъ я благодѣженъ пребыдая и остаюсъ вашъ, государя. моего, покорный і верный слуга А. вольнскоі. Изъ села Петровскаго. Мая 28 дня. 1724.

13

Года и числа неизвѣстнаго.

Государь мой, любезный братъ и истинный другъ вилгельмъ явановичъ.

Прошу вас, государь мой, припоминть о подавнн меморіала, і по немъ о исходатаіствованнн мнѣ жалованья; понеже управляю я свое дѣло уже 16 мѣсяцовъ, а жалованья нікакова не получаю; того раді, чтобъ оное повелено было выдать; и впередъ учинитъ мнѣ окладъ денежной и хлѣбной, дабы могъ себя тамъ содержать, ибо какъ вамъ известно, что мнѣ бесъ того содержать себя невозможно; к тому жъ будутъ мнѣ непрестанные отлучки, которые требуютъ особливо излишнихъ расходовъ.

второе прошу, чтобъ опредѣлитъ ко мне таварыща, понеже какъ вижу нынѣ, что у меня больше дураковъ, нежели умныхъ. И тако съ трудомъ дѣла и прі мнѣ будутъ, а ежели мнѣ куда отлучитца, то, по истиннѣ, некому вручить будетъ. Того раді, везде возможною одвою головою все зделать, естлі не будетъ несколкихъ добрыхъ помощниковъ; а я-бы уже и одному радъ былъ. Також, мой батюшка, прошу васъ особливо припамятовать о томъ, что мнѣ прі отпускѣ обещано, понеже мнѣ нічто такъ непотребно, какъ сія милость.

А затѣмъ уже прошу і объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ, чтобъ о склонности дѣвушкіной доложитъ, і къ совѣршенію сіе прівестъ, такъ какъ вамъ съ той стороны говорено; а больше и я нынѣ не требую.. (4)

(1) То-есть приложилъ при меморіалѣ.

(2) Отсюда собственноручно.

(3) Слово это неразборчиво.

(4) Конецъ письма отрѣзанъ.

IX

Иванъ Максимовичъ Шуваловъ къ Виллиму Монсу. 13 апрѣля
1722 г. (1).

Милостивый государь мой, Виллиъ Ивановичъ!

Довошу вамъ, моему государю, въ лапстрандѣ съ господиномъ Ливонемъ обрѣтаемса всегда въ спорахъ о зачатіи границы. Надлежитъ начать отъ кирки Вироласкъ, повеже другаго мѣста такыиъ званіемъ итъ; и онъ толкуеть, называя отъ себя заливъ: виролоской. По приходу тое кирки такожь новыиши мѣлиаи продолжать границы нехочеть, а представляетъ старыя мѣли, которыя въ половину новыиъ, или мало больше. Прошу, милостивый государь, неоставить меня въ своей милости. Иного къ доношенію немѣю, токмо остаюсь въ вашей милости моего государя нижайшій слуга Иванъ Шуваловъ. Лапстрандъ. 13 апрѣля 1722 года (2).

X

Петръ Андреевичъ Толстой къ Виллиму Монсу

1

9 Декабря. 1723 г.

Государь мой виллиъ ивановичъ!

Прошу вас, государь мой, вначѣ (3) ея величеству всеимператорской наше государынѣ императрице при моемъ рабскомъ поклонѣ донести, что для каковыхъ дѣлъ я отправленъ въ москву, оныиъ началъ исправлять и с помощью божию уповаю быт исправнымъ. Токмо збыдъ вамъ печально, что се время вещи, которые выписаны изъ италіи въ москву, еще непривизны; однакожъ ожидаемъ ихъ вскоре; а прочіе здѣс начали дѣлат, и прошу вас, государь мой, неумедля прислат ко мнѣ рисунокъ кавалеріи ея величества, безмерно трудно здѣс сыскат мастерицъ, которыя шитъ умѣють, хотя и есть некоторыя, токмо плохи, однакожъ буду и о томъ старатса повозможности; еще мой государь, прошу донести, что, по указу ея величества, дворы, гдѣ стоятъ госу-

(1) Рукѡй секретаря, кромѣ подписи.

(2) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, отецъ знаменитаго фаворита Елисаветы Петровны — Ивана Ивановича, отправленъ былъ Петромъ въ Выборгъ въ 1718 г. для описанія и положенія на планъ морскихъ береговъ до устья рѣки Урпалы и чрезъ рѣку Воксу до Ладожскаго озера. Въ 1722 году онъ былъ оберъ-комендантомъ Выборга и размежовывалъ земли между Швеціей и Россіей согласно нейштадскому договору.

(3) Слово неразборчиво написано.

дарынямъ царевнамъ, по требованню василья салтыкова, очищены и ему оныя вручены, а нимаю на чистом пруде двор полковника петра иванова сына-лачинава, на которой жилых теплых 9 покоевъ; другой подле тогожъ, двоземцовъ захрамея да петра меллерова, на которой 8 покоевъ. Я опасаяся либо вещи изъ италиі умедлятся, сыскал здесъ в запас бархатовъ красныхъ одного цвѣту с шесть сот аршинъ также и другихъ цвѣтовъ немало и забавалъ их до указу продавать, грановитая полата, хотя и сделана была до моего сюда присаду, но нынѣ все велелъ переделатъ, и вскоре чаю поспееть, также и другие полаты, для ея величества будутъ готовы, и впрочемъ сколько богъ поможетъ уповаю направицца и пребываю вашего благородия покорной Петръ Талстой.

Изъ москвы, декабря . 9 . дня 1723 г.

2

18 декабря 1723 г.

Государь мой вилии ивановичъ! Свеликою моею горестию услышалъ я здѣсъ, что ихъ величество неизволятъ быт в москву, к празнику рождества христова, и по истиннѣ, государь мой от тяжкихъ разнышленей едва жизнь моя нескончечается. Того ради, свеликимъ прилежаннемъ вас, мой государь, прошу отписатъ ко мнѣ причину, для чаго ихъ величества походъ свой изволили отложить, притомъ же прошу донестъ ея величеству, всемилостивейшей нашей государынѣ императрице, что здесъ предуготовление чинится с великимъ поспешениемъ, и вещи изъ италиі привезены прензрядные, токмо не можемъ кронтъ платья на пакеі и на гайдуковъ безъ мѣры, такъже, прошу наумедля прислатъ ко мнѣ рисунокъ кавалернѣ ея величества, за темъ остановилосъ дѣло, о чемъ а к вамъ, государь мой, писалъ и напредъ сего; впрочемъ с почтениемъ пребываю покорной вашъ слуга Петръ Талстой. Изъ москвы, декабря . 18 . дня 1723 года.

3

Неизвестнаго года и числа.

Государь мой вилииъ Ивановичъ. Сего часа были у меня дербенды, которые присланы от тамошняго нанпа, и объявили мне, что нанпъ прислалъ свини къ ея величеству, всемилостивой нашей государынѣ императрице, одну девочку горского народа; того ради прошу вас, моего государя, доложить ея величеству, понѣже оныя дербенды желаютъ, чтобы им самимъ оную девочку ея величеству представить. А присланной от нанпа — племянникъ ево, которого и ея величество знать изволятъ. И что ея величество изволитъ повелетъ, прошу, государь мой, меня уведомить покорной слуга П. Талстой.

XI

Стихи, писанные рукой Егора Столпцова, найденные въ его бумагахъ.

1

Отъ свѣтъ мой горкій моея молодости,
Печально терпѣть, не имѣю радости,

Мои утѣхи въ плачь ся превратились,
Мои роскоши уже пременились,

Тяжкая туга меня сокрушаетъ,
Злая же печаль жизни мя лишаетъ,

Хоть пойду въ сады или въ винограды,
Не имѣю въ сердцѣ ни малой отрады,

Другъ мой сердечный прочь отъѣзжаетъ,
Меня бѣдную въ горѣ оставляетъ,

Иже обманъ союзомъ сердечнымъ,
Въ любви сопряженъ, въ вѣрности неистинной,

Который во всемъ хотѣлъ быти вѣрнымъ,
Мнѣ же до смерти никакъ неистиннымъ,

Нынѣ отъ очей моихъ онъ сокрылся,
Ахъ горе, горе, уже удалится.

Кого бѣдная сердечнѣ любила,
Того несчастьемъ своимъ утратила,

Возьму съ печали преострые мечи,
Промолвлю въ горѣ такія азъ рѣчи:

Безчастный той день, въ онъ же азъ рождена,
Почто на свѣтѣ тако сотворѣнна,

За вѣрность мою легко мнѣ умерети,
Вѣчный слухъ будетъ ахъ! объ моей смерти.

Пробью на мечи свои бѣдныя перси,
Отъ чего умру, ты самъ другъ мой вѣси.

2'

Отъ? мало несносны, гдѣ вѣзуть лѣта .
 Очи, которые заживають свѣта
 Зѣло убо тяжко оныхъ погубити
 О коль есть прискорбно; безъ вѣрнія жити.
 Не жаль ли то тяжко утраты зраки
 Да быся вернули во обитель шаки,
 Кто убо-бы не радъ снцевой годинѣ,
 Кто убо-бы зѣло не тѣшился нынѣ,
 Днесь-же азъ презѣльно оными страдаю,
 Сердцемъ, всѣми члены, въ полы умираю.
 Понеже вся радость отъ мене лишена
 Яко глава моя лють уязвлена,
 О злобное время не полно-ль ты было,
 Что и въ прежнія лѣта тѣмъ меня язвлю.
 Нынѣ наипаче горестъ мнѣ являетъ,
 Ясности пріятной отлучить жаляетъ.
 Убо-азъ надежду полагаю въ Боуѣ,
 Онъ мя да врачуетъ въ милости на мноуѣ,
 Аще и зла богузнь моя обложила,
 Главу, умъ, мысль, волю жестоко смиривъ,
 Аще и ничто мнѣ о семъ не поможетъ,
 Но Ты, о всещедрый и всекрѣпкій Боже,
 Ибо всю надежду на тя полагаю,
 И отъ тебя пріяти всяку благодѣть чаю.

Стихи Виллима Мюна

1

Welche Hoffnung, dass zu Kriegen,
 Was mich mit Flammen überatret,
 So gewillet dennoch Mein Vergnügen,
 Auch noch auss der Unmöglichkeit,
 Den darf ich gleich den platz nicht lassen,
 Will ich doch in gedanken Brennen,
 Biss an Mein Letzes Lebens Zeit.

2

Welt ade ich bin dein müde
 Ich will nach dem Himmel zu

Da wird sein der rechte friede,
Und die stoltze seele ruh ;
Welt bei dir ist Krig und streit
Nichts denn lauter eitelkeit.
In dem Himmel alle Zeit
Friede ruh und seligkeit.

.....

МЕХАНГЪ СЕМЕВСКІИ

К О Н Е Ц Ъ

7

ЗАКОНЫ О ПЕЧАТИ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Въ послѣднее время въ нашей литературѣ много было говорено о цензурномъ уставѣ, о законахъ, касающихся печати, о правилахъ, которыя должны быть вновь постановлены для ограниченія свободы слова и т. д. Одинъ еженедѣльный журналъ выступилъ даже съ цѣлымъ проектомъ закона драконовски-строгаго, съ пяти-тысячными штрафами, съ шестилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и т. д. Одна московская газета, чрезъ своего петербургскаго сотрудника, находила даже и этотъ проектъ слишкомъ либеральнымъ. Вообще многіе органы нашей литературы показали весьма похвальную готовность къ самоограниченію. Другіе напротивъ находили нѣкоторыя неудобства въ существующихъ цензурныхъ правилахъ, совершенно основательно полагая, что есть же неудобства, когда само правительство сочло необходимымъ пересмотрѣть цензурный уставъ.

Но въ чемъ же главнѣйшимъ образомъ заключаются неудобства нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ?

Каждая книга, каждая страница, всякая строчка, предназначенная для печати, поступаютъ предварительно на разсмотрѣніе чиновника, получающаго отъ правительства жалованье, надлежащія инструкціи и сверхъ того полномочіе вычеркивать все то, что въ данную минуту считается вреднымъ или противнымъ нравственности, религіи и правительству. Книги представляются на разсмотрѣніе въ рукописи, изданія періодическія — въ корректурныхъ листахъ. На разсмотрѣніе всего того, что теперь печатается, нужно очень много времени, и издатель, теряя время, теряетъ въ тоже время и деньги, такъ какъ время — тѣже деньги. Сверхъ того издатель весьма часто платитъ деньги за статьи, которыя потомъ запрещаются цензурой, стало-быть теряетъ заплаченные деньги безвозвратно. Кромѣ того, если онъ издаетъ журналъ, платитъ за наборъ этой статьи, стало-

быть опять терять. Всѣ эти потери издателя можно возмездить на тѣхъ статьяхъ и книгахъ, которые не будутъ признаны въ предстоящую минуту предными, стаде-быть за дозволенные книги и статьи брать цѣну выше той, какая сдѣлала бы по простому, несложившемуся предпріимію расчету. Отсюда стало-быть дороговизна книгъ, лѣтній, погодовой рискъ со стороны издателя, постоянныя потери и отсутствіе твердости, прочности въ рѣшеніяхъ. Еслибы даже издатель въ данную минуту извѣстнымъ были всѣ существующія инструкціи, даваемые цензорамъ (что впрочемъ никогда не бываетъ), то и въ такомъ случаѣ онъ не можетъ безопасно дѣйствовать въ своей сферѣ по двумъ весьма важнымъ и пробнымъ причинамъ. Въпервыхъ пока рукопись разсматривается въ цензурѣ, можетъ воспослѣдовать новая инструкция, которая парализуетъ впередъ дномъ всѣ его соображенія; а вовторыхъ, если этого не случится, то всегда существующія инструкціи такъ неточны, что соображаясь съ ними, всякая почти статья можетъ быть и запрещена, и дозволена. Неточность эта бываетъ конечно немѣренивая; причина неточности заключается въ самой сущности дѣла, въ томъ, что никто на свѣтѣ не можетъ съ точностью выразить то что требуется цензурными условіями, какъ никто на свѣтѣ не можетъ высказать наприимѣръ того, что требуется приличіями свѣтскими.

Страдаютъ писатели еще больше, чѣмъ издатели. Писатель, имѣя въ виду всевозможныя цензурныя инструкціи, добросовѣстнѣйшимъ образомъ работаетъ мѣсяца два, полгода, годъ, пишетъ статью, наводитъ справки, собираетъ матеріалы, свѣрляетъ, выработываетъ слогъ — и вотъ статья готова, статья, стоившая огромнѣйшихъ трудовъ. Уполномоченный отъ правительства чиновникъ прочтываетъ статью въ какіе-нибудь десять часовъ и однимъ померкомъ пера вычеркиваетъ ее всю, или, что еще страшнѣе, вычеркиваетъ лучшія изъ нея мѣста. Неговоря уже о томъ, сколько тутъ униженнаго для благороднаго труженника науки или искусства, это вычеркиванье есть смертный приговоръ человѣку, произнесенный не уголовнымъ судомъ и не за преступленіе. Это смертный приговоръ, потому что куда годится употребленный человѣкомъ годъ на обработку его сочиненія? Годъ этотъ пропалъ, вычеркнутъ изъ жизни человѣка; жизнь его сокращена на цѣлый годъ. Сверхъ того у человѣка отнимается его собственность, когда вычеркивается его статья. Правда, что статья попрежнему принадлежитъ человѣку, но съ ограниченіемъ такъ-сказать правъ состоянія. Рукопись возвращается автору, но съ тѣмъ, чтобы ее не печатать: а это совершенно неправильно тому, чтобы возратить человеку глаза съ тѣмъ, чтобы онъ никогда нигдѣ не смотрѣлъ, или возратить деньги съ тѣмъ, что-

бы ничего из этой же череды, но, обещав, не сдержал. Иначе, конечно, часто сажали четвертого, но и дозора опрощались все экономические расчеты автора, темъ что ему оставался один черт — а въ дилетантское оудѣленіе. И все это за что же? Будь еще въ мнѣ — забудь просроченіе — куда он шло: можно было бы еще съ этими «осквернителями». А то болшею частью равно какъ что, или въ дѣбросе изобретѣніе.

Чтобы эти мнѣшны или для чего не казалась: гонимый и притомъ, прирмилъ два-три прирѣра. «Тартюфъ» мольеровскій былъ долгое время запрещенъ. Тартюфъ — ханжа, интригъ пройдедъ, обфемъзавѣщій: вещь: окурмающій: чуть не святый рѣшени, а на дѣлѣ: человекъ чувственнѣй, своекорыстнѣй. Въ хлѣбѣ 1664 года: прирмилъ: блжгородное: негодосавіе, какъ только: засадили ф: прирмилъ, а духомъ: долгое время бывшее во: Фрэнціи: возмущающій, всесокни старалось воспринять: оудъ: представленію: своей: комедіи, которая считалась опасною для религіи, какъ будто есть что-нибудь общее между канжествомъ и религіей. Сдѣлаше было по: повелю: этой: комедіи: особое: постановленіе, который: поддержка: отлученію: отъ: церкви: нѣтъ: актеры, которые: оудъ: представлять: это: дѣлосовское: сочиненіе, но и всакій, кто: оудъ: очитать. Аббатъ: Ньеръ: Руале: объявилъ, что «Мольеръ, оудъ: дѣлосовъ: въ: человекскомъ: видѣ», долженъ: быть: подвергнутъ: поворнѣйшей: казни: для: искупленія: своего: адскаго: произвеленія. Между: тѣмъ: Мольеръ: хлопоталъ: о: разрѣшеніи, и наконецъ: однажды: покуръ: наполнился: зрителями, сбѣжавшими: ометрѣть: Тартюфа. Вдругъ: посланный: отъ: первого: президента: объявляетъ: Мольеру, что: прирмилъ: арроставовити: представленіе. Поматво, что: зрители: за: это: сентемъ: канжамъ: и не канжей, а въ: самомъ: дѣлѣ: благочестивѣе: мнѣ: дѣлѣ, и понятно: также, много: ли: при: этомъ: запрещеніи: дилетантъ: религіи, которая: считалась: въ: опасности: отъ: Тартюфа. Наконецъ: когда: Тартюфъ: былъ: сыгранъ: и повторенъ: смеденше: вточности: третъ: мѣсцевъ, оказалось, что: религія: осталась: прежнею, прирмилъ: несовершенна, а только: оубѣщаніи: люди: ладомъ: ррелигіозныи, много: которыхъ: впроче: сѣмъ: давно: всѣ, начиная: съ: Бенедиктѣ: Такъ: вопроцова: была: невиннѣйшая: комедія: изъ: того: и ни: для: чего, для: для: какой-то: воображаемой: дѣла.

А за что было запрещено «Горе от ума»? Потому, что: канжамъ: безъ: пропусковъ, штрафъ: на: оудѣ: — а: религія: не: оскорблена, нравственность: не: страдает. Да: свергъ: того: запрещеніе: комедія: вовсе: не: достигла: даже: той: цѣли, чтобы: очитать: не: читалъ: она: была: въ: безчисленнѣй: коніях: прочитана: всѣми: трагическими: людьми: въ: Россіи, точно: также: какъ: читается: въ: рукописях: канжамъ:

представленъ въ то же время интересное. Очень хорошо помню всякій, какъ долго ходила въ рукописи маленькая пьеса «Три смерти»; но потому, когда она была напечатана, не оказалась никому интереснаго предмета.

Всѣмъ извѣстна исторія «Донъ-Кихота Фигаро», которую такъ долго выжидали на сценѣ. Будутъ играть Фигаро; или не будутъ? Вопросъ этотъ свѣдѣлся едва не политическимъ: дворъ и народъ раздѣлялись на два лагера, за и противъ, и нейтральныхъ не было. Рукопись нѣсколько разъ пересылалась изъ полиціи въ театръ, изъ театра въ полицію. Наконецъ король и королева захотѣли увидѣть комедию, и вотъ какъ мадамъ Кастанъ рассказываетъ этотъ случай изъ своихъ записокъ: «Однажды я получаю отъ королевъ-записку приказано явиться въ три часа и не прѣзжать необдуманно, чего лучше оставлю долго. Вхожу во внутренній кабинетъ ея величества и нахожу королеву одну съ королемъ. Передъ ними приготовлены три стула и столъ, и на немъ большая рукопись въ исколѣнныхъ тетрадкахъ. Король сказалъ мнѣ: «Это комедія Вольтера; прочтите намъ ее. Будутъ трудныя мѣста, потому что многое вычеркнуто и есть ссылки. Я пробѣжала уже ее; но мнѣ хочется, чтобы королева послушала: Никому не говорите о томъ, что прочтете.» Я начала; король прерывалъ меня часто восклицаніями, всегда върными; то извѣдалъ, то порицалъ. Королева была почти невротическою Фигаро. При дворѣ составила партія, которая хотѣла хотѣла разсмѣять Фигаро на сценѣ. Реши были разучены, билеты маленькаго домашняго театра розданы самымъ высокимъ придворнымъ, и заставъ готовъ уже былъ подняться, какъ вдругъ королевскими повелѣніемъ спектакль отменяется. Поднялся ропотъ... «Для тогдашней цензуры считались прелосудительными малѣйшіе намеки на стѣснительность цензуры. Напримѣръ:

«Господь, что въ Мадридѣ установилась свобода продажи продуктовъ, даже продуктовъ печати, и ежели я не стану говорить въ своихъ сочиненіяхъ ни о власти, ни о религіи, ни о политикѣ, ни о нравственности, ни о людяхъ, занимающихъ важныя мѣста; ни о сочинителяхъ, пользующихся довѣріемъ, ни объ омерѣ, ни о другихъ спектакляхъ, ни о комъ, кто держится чего-нибудь, то я все могу свободно печатать подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензуровъ.»

— Какъ? смѣть такъ легкомысленно говорить о цензурѣ, объ этой правоугольномъ камнѣ? Да это ужасъ! разбой! святотатство! Вырвать эту языкъ! То-есть запретить комедию.

Для другой такой же ужасъ: ...

«Оказалъ бы я мнѣ, что печатныя глушости имѣютъ важность только тамъ; гдѣ стѣсняется ихъ обращеніе; что безъ свободы не

решенія вѣтъ и не можетъ быть жесткой критикой, и что только цѣлѣншіе люди боится маленькихъ сочиненій.

Какъ бы то нибыло, наконецъ комедія была драма, а теперь она совершенно безопасно читается чуть не малыми дѣтьми. Вспрашивается не боится больше этой страшной комедіи.

И если исторія цензуры показываетъ, что вѣща, сначала запрещенныя, потомъ были разрѣшаемы и сдѣлались такими обыкновенными, обыкновенными, что никто уже не обращаетъ на нихъ особеннаго вниманія, и только удивительно становится, какъ это встарину цензура была столь близорука, что не разрѣшила ихъ съ самаго начала и запрещеніемъ своимъ придала особенную цѣну, чрезвычайную важность, какой-то таинственный интересъ вещамъ самымъ простымъ, которыя и безъ того у всѣхъ были на языкѣ?

Можетъ-быть кто-нибудь подумаетъ, будто во время запрещенія извѣстнаго сочиненія общество не было еще довольно зрѣло для его чтенія, а потомъ, когда созрѣло, оказалось возможнымъ разрѣшить его. Но извѣстная пошлость «еще не созрѣли» давно уже отбита на заслугамъ. Общество, въ которомъ явилось извѣстное сочиненіе, конечно созрѣло настолько, чтобы произвестъ это сочиненіе, потому что, какъ доказано тысячу разъ, зародышъ каждаго сочиненія лежитъ въ обществѣ, которое стало-быть и есть прямой его производитель. Какъ же производителю не быть настолько зрѣлымъ, чтобы не цѣнить своего произведенія?

Но дайте. Страдаютъ вслѣдствіе нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ читатели. По случаю вышеизъясненныхъ плателецкихъ обстоятельствъ, читатели платятъ за книги дороже, нежели платили бы безъ этихъ обстоятельствъ. Потомъ они платятъ дороже еще за переписку вещей, запрещенныхъ цензурою. Всѣ знаютъ, и правительство знаетъ лучше всѣхъ, что запрещенныя статьи расходятся по рукамъ въ копіяхъ, какъ расходились напримѣръ «Горь отъ ума», «Демонъ» Лермонтова и многія другія, болѣе или менѣе вредныя. Если только запрещенныя вещи дѣйствительно вредны, то въ рукописи онѣ несравненно вреднѣе, чѣмъ печатныя безъ запрета. Свободно напечатанная вещь терлется въ массѣ печатной бумаги и не имѣетъ особеннаго значенія, кромѣ того, какое дѣйствительно въ ней заключается; тогда какъ статья, списанная вѣтхомолку и переданная съ глазу на глазъ изъ рукъ въ руки и болѣе какъ на одну долю, получаетъ особенное значеніе именно вслѣдствіе этой таинственности. Такимъ образомъ полученная рукопись читается съ особенною жадностью, наединѣ, съ запертыми на ключъ дверями, проматывается и усваивается усердно и тщательно, и въ ней усваивается еще прочтѣе именно то, что въ особенностяхъ запрещено. Все-

кій помнить, что изъ «Горь отъ ума» особенно твердо были извѣстны тѣ стихи, которые были пропущены въ первомъ изданіи этой комедіи. Стало-быть если въ запрещенной статьѣ заключался вредъ, то онъ особенно злоуредуетъ именно отъ запрещенности.

Страдаетъ отъ цензурныхъ правилъ все общество, потому что дѣйствующія правила а) уменьшаютъ количество книгъ, а вслѣдствіе этого в) меньше сбить бумаги и всего матерьяла книгопечатнаго; с) уменьшаютъ количество хорошихъ книгъ; d) убиваютъ или усыпляютъ таланты, e) замедляютъ слѣдовательно развитіе и самую грамотность общества.

Все это весьма нетрудно доказать.

а) Цензурныя правила уменьшаютъ количество книгъ. Значительное количество книгъ и статей пропадаетъ для литературы, по случаю запрещенія, за то, что въ данную минуту онѣ считаются вредными. Черезъ нѣкоторое, часто короткое время эти статьи и книги оказываются позволительными, но нѣрѣдко своевременность ихъ уже исчезла: не все же на свѣгѣ гениальныя произведенія, которыя переживаютъ вѣка. Но не только книгъ печатается, ихъ и пишется гораздо меньше, нежели можно было бы ожидать при данномъ развитіи общества. Всякій, у кого являлось желаніе высказаться печатнымъ образомъ, понимаетъ очень хорошо, почему это такъ. Иному и хотѣлось бы передать печати горячее убѣжденіе, свѣжую мысль, дѣльное изслѣдованіе; но его останавливаетъ мысль: пройдетъ ли это? А если не пройдетъ, вѣдь трудъ останется напраснымъ, трудъ будетъ отобранъ, отнять административнымъ порядкомъ, безъ всякаго вознагражденія. Попробуетъ человекъ можетъ-быть разъ-другой, и закается. А какъ еще статья или книга пройдетъ черезъ цензурныя каулинскія фуруклы и явится обратно къ автору лишонная всего того, что составляетъ ея силу, ея мощь, ея твердость и самостоятельность, статья обезцвѣченная и обезсиленная, блѣдная, чуть не форменная, — хоть у кого опустятся руки. И пробавляется литература дешовенькими переводцами, Поль-де-Коккомъ и Бальзакомъ, и безвинно несетъ обвиненіе въ безцвѣтности, бродяжничествѣ, нищенствѣ, безхарактерности, бѣдности.

б) А такъ какъ вообще книгъ печатается меньше, нежели можно было бы ожидать, то повятно само собою, что вся промышленность, связанная съ книгопечатнымъ дѣломъ, находится далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Даже хорошую типографскую краску выписываемъ мы изъ-за границы, тогда какъ она готовится вся изъ сырыхъ матерьяловъ, привозимыхъ отъ насъ. Типографскіе прессы, скоронечатныя машины, лучшую бумагу — все поку-

наемъ за границей. Да для чего же и свой умъ? Ужь не выписывать ли изъ-за границы кстата и умъ? Впрочемъ это не шутка: выписывается и умъ.

с) Уменьшаютъ количество хорошихъ книгъ. Само собою разумѣется, что никакая цензура на свѣтъ не обращаетъ своей заботливости преимущественно на то, чтобы запрещать лучшія книги или вычеркивать изъ книгъ лучшія мѣста. Такой цензуры нѣтъ и не можетъ быть. Но изъ приведенныхъ нами примѣровъ слѣдуетъ, что запрещались вещи очень хорошія, начиная съ «Тартюфа» и кончая маленькой поэмой «Три смерти». И отчего же это такъ выходитъ, что запрещаются и подвергаются гоненію преимущественно лучшія вещи? Галилея духовная цензура хотѣла сжечь за то, что онъ проповѣдывалъ вещи извѣстныя теперь всякому школьнику. Не въ томъ ли дѣло, что его мысль была нова? Не потому ли его преслѣдовали, что его ученіе о движеніи земли вокругъ неподвижнаго солнца было просто непривычно для слуха цензуры? Опять-таки мы не хотимъ сказать, чтобы цензура преслѣдовала все что отличается новизною, и вовсе не думаемъ, чтобы все новѣйшее было очень хорошо, умно и справедливо. Ничуть не бывало; но дѣло въ томъ, что всякая новая истина кажется заблужденіемъ тому, кто привыкъ думать въ одномъ извѣстномъ направленіи. Цензорамъ Галилея казалась заблужденіемъ его истина; а заблужденіе вредно; поэтому и преслѣдовали, и весьма добросовѣстно хотѣли сжечь живого человѣка. Никакіе цензора на свѣтъ не виноваты, что они люди не гениальные, такъ какъ новую гениальную мысль можетъ справедливо оцѣнить только человѣкъ гениальный. Поэтому они и вычеркиваютъ все новое, несогласное въ основаніяхъ съ древле-пріятыми истинами. Само собою разумѣется, еслибы они были увѣрены, что данная новость — истина, то ни у кого изъ нихъ не поднялась бы рука вычеркнуть гениальную истину.

d) Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что таланты, боясь цензуры, примадчиваютъ, и въ молчаніи засыпаютъ. Конечно, гений не будетъ убитъ цензурнымъ вліяніемъ. Онъ пойдетъ за свое ученіе, за свою мысль на костеръ, на крестъ, и его истина восторжествуетъ. Но гдѣже взять все гениевъ, гдѣ найти обыкновеннымъ смертнымъ силъ на вѣчную, неустанную борьбу? Понятно само собою, что обыкновенные смертные утомляются борьбою черезъ силу и бросаютъ перо. А говорятъ: талантовъ нѣтъ! литература бѣдна! головъ мало! гений русской націи бѣденъ и отличается только подражательностью. На это можно только сказать, что ни-

чего неважно, что гений русской нации — величина неизвестная и решительно никто не видалъ его, не знаетъ что онъ такое, каковъ онъ, вотъ гений. Чтобы это узнать, надо посмотреть каковъ онъ будетъ безъ цензуръ,

е) Такъ какъ мало книгъ, такъ какъ мало хорошихъ книгъ, такъ какъ книги дороги, то у насъ и читаютъ мало. Мы теперь не знаемъ, да и никто не знаетъ, чего хочетъ общество, въ чемъ заключаются его дѣла, его желанія и стремленія, какое его направленіе. Каждый думаетъ про себя, всѣ разговариваютъ вслухъ только о погодѣ да о несравненной предѣсти какого-нибудь Кальцолари, и поэтому толкуютъ о вещахъ задушевныхъ. О стремленіяхъ общества нельзя тоже судить по книгамъ, которыя расходятся или не расходятся. Мы знаемъ, что есть большой запросъ на пѣсни Беранже, на «Сынъ Отечества» и на запрещенныя вещи. Но чтоже изъ этого можно вывести? Ровно ничего, потому что общество не имѣетъ свободнаго выбора; можетъ-быть у насъ и вовсе еще нѣтъ книгъ, которыя стадо бы охотно читать наше общество или нашъ народъ? Можетъ-быть, благодаря отсутствію свободы выбора предметовъ, мы до сихъ поръ еще не дали народу ни одной книги подходящей, по вкусу? Не оттого ли онъ до сихъ поръ такъ медленно подвигается къ грамотности? Не оттого ли иной, прочитавъ «Прекрасную магометанку или Битву русскихъ съ кабардинцами», да еще похваляясь «о королѣ Георгѣ и Лордѣ», ограничивается этимъ, но неудовлетворяясь, находитъ еще только «Сынъ моей жены» Поль-де-Кока, любимую въ лакейскихъ книгу, да «Образецъ постоянной любви», драму въ трехъ дѣйствіяхъ, передѣланную изъ Скриба. Нельзя отрицать, чтобы не было и другихъ причинъ медленнаго развитія у насъ грамотности, но точно также нельзя доказать, чтобы приводимая нами причина вовсе не существовала.

Но болѣе всего отъ нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ правилъ терпитъ правительство, и мы говоримъ это о нашемъ правительствѣ точно также какъ и о всякомъ другомъ, которое думаетъ посредствомъ цензуры ограждать подданныхъ отъ различныхъ печатныхъ зловерностей. Народъ привыкаетъ на всемъ печатномъ видѣть правительственное разрѣшеніе, а нѣкоторая доля публики снываетъ это разрѣшеніе одобреніемъ, полнымъ согласіемъ, едва не распоряженіемъ. Отъ этого известная доля публики смотритъ на все печатное съ особеннымъ уваженіемъ, на-слово вѣрить всему печатному, и если съ чѣмъ иной разъ не соглашается, то уже не апеллируетъ къ здравому смыслу. Такимъ образомъ правительство, ограждаемое цензурой, нѣкоторымъ образомъ солидарно со всѣмъ

тѣмъ, что напечатано. Для серьезнаго правительства едвали это выгодно.

Потомъ допустимъ на время, что между печатными листами или страницами есть дѣйствительно такія, которыя вредны читателямъ, какъ злѣйшая, неизлечимая чума, что правительство заботливо охраняетъ подданныхъ отъ этой ужасной заразы и для этой цѣли устраиваетъ нравственный карантинъ, цензуру. Положимъ, что довольно долгое время карантинъ этотъ дѣйствуетъ весьма исправно, общество развивается въ извѣстныхъ нравственныхъ колодахъ, или вовсе не развивается, и все обстоитъ благополучно. Вдругъ какъ-нибудь печально, случайно врывается въ эту умѣренно-акуратную среду чумная, концентрированная зараза въ видѣ нецензурной страницы. Чума проникаетъ въ общество, и такъ какъ она передается очень легко, такъ какъ организмы, избѣженные тепличнымъ однообразнымъ содержаніемъ, чрезвычайно бываютъ воспримчивы къ свѣжимъ и порою суровымъ вліяніямъ, то зараза развивается съ ужающею, неудержимою быстротою. Тѣмъ страшнѣе эта зараза, что карантинному управленію уже никакой нѣтъ возможности услѣдить въ закрытомъ общественномъ организмѣ, какъ далеко проникла чума, много ли органовъ она охватила своимъ тлетворнымъ вліяніемъ, которыя мѣста болѣе, которыя менѣе благонадежны. Тутъ правительство оказывается слабымъ, недостаточно бдительнымъ. Опять-таки мы не хотимъ этакъ сказать, что бдительность должна быть увеличена: мы полагаемъ напротивъ, что бдительности ровно никакой не нужно, и постараемся далѣе доказать это. Но если уже принять принципъ чумной заразительности печатной страницы, то конечно слѣдуетъ оберегать публичку отъ этой гангрены пуще нежели отъ настоящей чумы. Въ чумѣ погибаетъ только тѣло, а здѣсь гибнетъ самая душа. Справедливость того, что мы говоримъ, доказывается между прочимъ намѣшками Гейне надъ австрійскими таможенными чиновниками, которые усердно перерывали его чемоданъ, отыскивая тамъ контрабанды. Чудаки и не догадались, что контрабанда-то у него въ головѣ. Но времена Галилея теперь прошли, и за головную контрабанду теперь не гнутъ живыхъ людей на кострахъ.

Наконецъ какое правительство на свѣтѣ не можетъ сказать, что такое-то напимѣръ сочиненіе, какъ «Свадьба Фигаро», запрещается навсегда. Приходитъ наконецъ время, когда запрещенная вещь — у всѣхъ на языкѣ, такъ что запрещенія какъ не бывало; но за запрещеніемъ нельзя не признать того достоинства, что оно, хотя на вѣкоторое время, хотя весьма ненадолго, задерживаетъ со-

глазѣ видѣ такъ-сказать стачку общественнаго мнѣнія. Однакоже какъ бы то нибыло, правительство постоянно должно имѣть видѣ твердости, стойкости принциповъ, и на многіе десятки лѣтъ впередъ, если не на цѣлыя столѣтія, обдуманное направленіе. Въ такомъ только случаѣ оно пользуется подобающимъ уваженіемъ.

Впрямую мнѣя въ виду всѣ эти невыгоды и неудобства, наше правительство сочло полезнымъ подвергнуть пересмотру наши законы о печати.

Но если намъ позволено высказать свое мнѣніе о томъ: какъ же тутъ быть?—то мы сначала попробовали бы разсмотрѣть, не слишкомъ ли много важности приписывается печати во всѣхъ тѣхъ заботахъ, которымъ она подвергается? Сначала требуется рѣшить, что чѣмъ руководится: общественное мнѣніе печатью, или печать мнѣніемъ общества? Другими словами, что идетъ впереди по направленію къ прогрессу: печать или мнѣніе общества? Послѣ того надобно изслѣдовать отношенія правительства къ общественному мнѣнію; потомъ немѣшало бы разсмотрѣть, есть ли какая-нибудь возможность принять какія-нибудь мѣры противъ общественнаго мнѣнія; рѣшить, можетъ ли устоять надолго какая-нибудь система или ученіе, несогласное съ мнѣніемъ общества, и потомъ посмотреть, какіе могутъ быть изъ разсмотрѣнія этихъ вопросовъ естественные, логическіе выводы.

И впервыхъ, что чѣмъ руководится: общественное мнѣніе печатью, или печать мнѣніемъ общества? Что идетъ впереди къ прогрессу: печать или мнѣніе общества? Или еще другими словами: общее движеніе атмосферы приводитъ въ движеніе облака, или облака своимъ самостоятельнымъ движеніемъ приводятъ въ движеніе атмосферу?

Всякій знаетъ, что облака неимѣютъ собственнаго, независимаго движенія, что для ихъ перемѣщенія нужно движеніе воздуха, и что движеніе верхнихъ слоевъ атмосферы для насъ незамѣтно, если нѣтъ облаковъ. Точно также движеніе мысли въ обществѣ бымо бы очень мало замѣтно безъ печати, да и никакая печать не была бы возможна безъ предварительнаго умственнаго движенія общества. Все пишущее стало-быть есть выводъ, результатъ общественной мысли, и все что написано, есть нѣкоторымъ образомъ продуктъ общества. Само собою понятно, что еслибы Кантъ родился бурятомъ или самоѣдомъ, то небыло бы на свѣтѣ «Критики чистаго разума», и бурятская литература не могла бы родиться изъ головы своего юпитера въ полномъ вооруженіи, не могла бы прямо начаться съ этой книги. Дѣло въ томъ, что мозговое вещество всѣхъ такъ-называе-

мыхъ передовыхъ людей или двигателей вырабатывается не одними: оно вырабатывается известнымъ образомъ изъ 'поголовнѣ въ покровнѣ, и для того чтобы русская литература украсилась «Варваромъ Годуновымъ» Пушкина, или его «Русалкой», необходимо нужно было арану Петра I учиться заграницей, необходимо было Ломоносову написать олу на взятіе Хотина, Державину посланіе Феліцъ, Карамзину свою исторію, даже необходимо было Подольскому 'человѣку написать надъ «Исторіей русскаго народа». Литературныя произведенія являются органически, какъ растенія изъ своей почвы, а не падаютъ метеорами, не являются случайными самородками. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда литературное произведеніе занесено изъ чуждой среды и въ почвѣ не встрѣтитъ ничего родственнаго, оно погибнетъ, какъ тропическое растеніе, пересаженное подъ полярный кругъ. Переведите на кальякское нарѣчіе «Горе отъ ума», со всѣми ивѣстными, которыя были вычеркнуты цензурою, какъ вредныя, и раздайте каждому изъ туземцевъ. Еслибы даже всѣ они сегодня выучились читать, еслибы переводъ былъ сдѣланъ такъ же хорошо, какъ переводилъ Жуковскій, — комедія небыла бы прочитана, и имѣла бы только значеніе съ чистой буагой или съ какими-нибудь китайскими романами, то-есть не имѣла бы ровно никакого значенія. Кальякская цензура, еслибы она существовала, могла бы совершенно спокойно разрѣшить обращеніе въ своей публикѣ этой книги; она не только не была бы вредна, но даже не была бы читана. Такимъ образомъ едвали даже можно считать какую-нибудь книгу вредною для общества, когда она сама есть продуктъ этого общества, произведеніе обществомъ органически, какъ волосы на человѣческой головѣ — продуктъ всего организма. Какимъ же образомъ волосы могутъ быть вредны человѣку? Продукты же чуждые, случайно прикоснувшись къ организму, не могутъ быть вредны потому, что они не усваиваются, не перевариваются, пропадаютъ безъ слѣда, не производя никакого дѣйствія, какъ «Горе отъ ума» на Кальякъ.

Въ старинныхъ руководствахъ всеобщей исторіи говорили между прочимъ, что Вольтеръ и энциклопедисты были главнымъ причиною первой французской революціи. Говоря это, старинные историки приписываютъ литературѣ слишкомъ много значенія; и новѣйшія историческія изслѣдованія давно опровергли этотъ вздоръ. Энциклопедисты писали въ то время, когда во Франціи существовала весьма сильная цензура, когда не выходило на одной книгѣ безъ «королевской привилегіи». Да дѣло въ томъ, что несмотря на накая строгости, то что сначала было сильно запрещено; наконецъ повторяется всѣмъ и каждымъ, у всякаго на языкѣ, такъ что

наконецъ самимъ цензорамъ прошлаго столѣтїя смѣшно стало запрещать то, что безъ ихъ разрѣшенїя всѣ думаютъ и говорятъ. Во всѣ времена было, что цензурныя инструкціи то смягчались, то становились строже, то опять смягчались. Отчего же это происходило? Само собою разумѣется, что энциклопедисты не выдумывали ничего новаго; они только талантливо излагали убѣжденїя большинства лучшихъ людей своего времени, они выражали собою общество, но правительству странно было слышать то что говорилось вслухъ во всѣхъ кружкахъ, странно было, что общество такъ далеко ушло впередъ, наконецъ досадно это было, — и являлся порывъ строгостей. Но естественно выходило, что умное правительство понимало невозможность погашенїя мысли въ обществѣ, замѣчало, что мысль растетъ и развивается несмотря на запретъ ея наружныхъ проявленїй, что запреты только бесполезно раздражаютъ публику, — и наступало время послабленїй. Въ одно изъ такихъ послабляющихъ временъ разрѣшено было представленїе «Свадьбы Фигаро».

Печать есть ничто иное какъ экспрессїя, выраженїе общественнаго лица. Положимъ, что у человѣка можно отнять и языкъ, и выраженїе лица; но послѣ этого извольте же имѣть съ нимъ дѣло! Не знаешь доволенъ онъ, или сердитъ, не знаешь чего онъ хочетъ, что замышляетъ.

Итакъ ежели печать есть результатъ общественной мысли, а не руководитель, то слѣдовательно стѣсненїе печати стѣсняетъ мнѣнїе, мысль общества. Это истина несомнѣнная. Но вопросъ въ томъ: стѣсненїе останавливаетъ ли совершенно, или только задерживаетъ, или наконецъ искажаетъ общественное мнѣнїе и дѣлаетъ его развитїе одностороннимъ? Ежели было бы возможно такое варварское правительство, которое хотѣло бы не только задержать, но и совершенно прекратить развитїе общественной мысли, то при напряженїи всѣхъ своихъ средствъ оно никакъ не могло бы этого сдѣлать въ короткое время. На это нужно нѣсколько десятковъ лѣтъ постоянныхъ, внимательныхъ и ничего и никого нежалѣющихъ усилїй. Но такого правительства дѣтъ и быть не можетъ иначе, какъ гдѣ-нибудь у деспотовъ внутренней Африки, въ какомъ-нибудь дагомейскомъ царствѣ. Ни одно правительство на свѣтѣ не хочетъ управлять безсловесными и безмысленными животными. Что же касается до стѣсненїя только, до ограниченїя общественнаго мнѣнїя, то многїя правительства, какъ на примѣръ наполеоновское, считаютъ это возможнымъ и удобнымъ. На вѣкоторое время это дѣйствительно не производитъ замѣтнаго искажающаго влїянїя, но потомъ мало-помалу показывается односторонность, какъ при всякомъ

стѣсненіи органическаго развитія. Организмъ страдаетъ, но развивается; колодки на ногахъ китаянокъ производить не маленькія, а уродливыя, копытообразныя ноги; обрѣзываемое сверху дерево растетъ въ ширину, принимаетъ уродливыя формы. Но чтобы сравненіе было вѣрнѣе, стоитъ только подумать, что будетъ съ человѣкомъ, который отродясь занимается только одною математикою и больше ничѣмъ, или еще лучше — одною только юриспруденціею? Это будетъ одностороннѣйшее и глупѣйшее существо. Впрочемъ мы въ натурѣ видимъ какое уродство выходитъ изъ нѣкоторыхъ барышень, которыя читаютъ одни только романы. Какъ бы то ни было, стѣсненная цензурою мысль, не проявляясь, не выказываясь, растетъ внутрь, но все-таки растетъ и развивается. При этомъ нѣтъ возможности ее контролировать, что для правительства иногда необходимо; да вдобавокъ еще стѣсненная мысль приобретаетъ привычку скрытности, общество теряетъ откровенность, характеры теряютъ честность, люди приобретаютъ привычку читать между строчками, читать не то что написано, и тутъ богъ-знаетъ какъ фантазируютъ на разныя нецензурныя темы. Такимъ образомъ стѣсненіе развитія общественнаго мнѣнія достигаетъ вовсе не той цѣли, какая предполагается, и какъ-будто на зло производитъ антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ.

Этотъ антагонизмъ — явленіе столько же вредное, сколько и ненормальное. Правительство есть верховный, лучшій и просвѣщеннѣйшій представитель общественнаго мнѣнія: таковъ покрайней мѣрѣ идеаль, къ которому не можетъ не стремиться всякое предусмотрительное правительство. Никакое правительство на свѣтѣ, кромѣ опять-таки дагомейскаго, не захочетъ управлять народомъ не въ согласіи съ лучшими, честнѣйшими, благонамѣреннѣйшими, образованнѣйшими гражданами. Всякое правительство хочетъ блага и добра народу, всякое, по мѣрѣ способностей своихъ и силъ, жаждетъ всевозможныхъ улучшеній, мира, согласія, процвѣтанія подданныхъ. Точно того же жаждетъ каждый честный человѣкъ въ государствѣ. Стало-быть правительство всегда согласно съ лучшими гражданами и антагонизмъ между ними есть бессмыслица, невозможность. Отъ этого-то мы и назвали правительство верховнымъ, лучшимъ и просвѣщеннѣйшимъ представителемъ общественнаго мнѣнія.

Тысячами опытовъ и наблюденій доказаво, что мысль, ученіе, система, противныя общественному мнѣнію, никакъ не могутъ долго устоять, и не только не повредятъ, но еще укрѣпятъ общественное мнѣніе, уяснивъ нѣкоторые спорные пункты. Пусть на-

примѣръ проповѣдуетъ кто хочетъ вслухъ, на площадяхъ, въ журналахъ и въ газетахъ извѣстное ученіе о томъ, что дѣти не должны быть воспитываемы родителями, а прямо отъ кормилицы поступать на попеченіе общины. Кому же можетъ повредить такая польза? И зачѣмъ бы запрещать человѣку удовольствіе проповѣдовать такія вещи, которыя почему-нибудь ему нравятся? Никто не будетъ этого слушать, и дѣла пойдутъ своимъ чередомъ, семейство останется семействомъ, а если нѣкоторые отцы невпрочь будутъ отказываться отъ своихъ дѣтей, «умѣть въ нихъ рука», то матера востанутъ поголовно, и проповѣдникъ ничего съ ними не сдѣлаетъ. Впрочемъ и безъ этой проповѣди отцы зачастую отказываются отъ своихъ дѣтей; а люди, которые проповѣдуютъ отрицаніе семейства и обезличиванье дѣтей гуртовымъ воспитаніемъ, не признають за женщиной никакихъ свойствъ, правъ и достоинствъ, кромѣ свойствъ самки. Но кому же они повредятъ своею проповѣдью? Конечно никому, а зато очень многихъ насмѣшать. Пусть бы кто-нибудь сталъ проповѣдывать, что носъ есть совершенно лишняя часть тѣла, что человѣчество очень благообразно поступить, ежели отрѣжетъ себѣ носы. И прекрасно, пусть проповѣдуетъ. Общественное мнѣніе такъ твердо стоитъ за носы, что не будетъ никакого никому вреда; но если кто-нибудь повѣрять новой пропагандѣ и вздумаетъ отрѣзать себѣ носъ, — пусть отрѣжетъ и ходитъ безъ носа: волю чуждому воля. Если взять примѣръ не такой рѣзкій и допустить пропаганду по предмету спорному, на которомъ общественное мнѣніе колеблется, то опять вреда нѣтъ никакого: поднимется споръ, пойдутъ возраженія, опроверженія, общественное мнѣніе окрѣветъ, уяснится, чего и слѣдуетъ всегда желать. Наконецъ въ случаѣ если пропаганда во всемъ согласна съ мнѣніемъ общества, то это даже не пропаганда, а одно изъ двухъ: или перемѣненіе нѣ пустого въ порожнее, или приведеніе къ одному знаменателю различныхъ отгѣнковъ одного и того же мнѣнія.

Такимъ образомъ выходитъ вотъ что:

Печать не руководитъ общественнымъ мнѣніемъ: она во всемъ своемъ итогѣ и при непремѣнномъ условіи политической свободы, есть только продуктъ общественного мнѣнія.

Правительство есть представитель общественного мнѣнія, а стало-быть и продуктъ его, въ печати, можетъ почерпать полезныя для великаго своего дѣла указанія.

Законъ, направленный противъ уклоненій отъ общественного мнѣнія, бесполезенъ, такъ какъ уклоненія долго удержаться не могутъ и падаютъ сами собою.

Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, законы, стѣсняющіе свободу печати, то-есть стѣсняющіе не общественное мнѣніе, передъ которымъ она безсильна, а стѣсняющіе выраженіе ея, то-есть законы, предвѣныя для общества образомъ служащія крѣпкозорь правительству, — по меньшей мѣрѣ бесполезны.

И слѣдовательно общество не чувствуетъ никакой потребности ни въ какихъ законахъ о печати, кромѣ развѣ одного, именно о свободѣ печати:

Искій можетъ писать, печатать и издавать свободно все что хочетъ, такъ какъ правительству, обращающемуся на добровѣ дарода и на общественное мнѣніе, имѣеть основаніе расчитывать въ тоже время на здравый смыслъ подавляющихъ, и потому не имѣеть повода опасаться ни за себя, ни за гражданъ, и сверхъ того имѣеть нужду въ свободномъ проявленіи общественнаго мнѣнія для соображенія мѣръ, постановленій и законовъ, необходимыхъ для блага общества.

Такии образомъ всякій долженъ имѣть право открывать типографію: или угодно и когда угодно. Одинъ еженедѣльный журналъ обогащаетъ открытіе типографіи драконовскими постановленіями, въ тоже время принося необходимую полную свободу печати. Но типографское дѣло есть дѣло переписыванья, только сокращенное и скорое: такъ ему же можетъ быть особенно интересно знать, что я пишу впередъ для быстрого переписыванья, что я нацѣлываюсь закономъ образомъ служить для заявленія и обобщенія общественнаго мнѣнія? При полной свободѣ печати, на типографію нельзя смотрѣть иначе какъ на всякое другое промышленное заведеніе, гдѣ машины исполняютъ значительную долю человѣческаго труда.

Всякая печатная страница зарождалась гораздо раньше, нежели выходить изъ типографіи. Смысла въ головѣ челоѣка является прежде. Известно она, какъ мы видѣли, болѣею частью изъ наблюденія надъ обществомъ, какъ результатъ общественной мысли. Само собою разумѣется, что общественное мнѣніе и мысль отаѣдѣнаго челоѣка, по самому существу своему, не подлежатъ никакои въ себѣ цензурѣ. А произносится она словесно, письмено, въ печати или въ дѣйствіи. При стѣненіяхъ возможно бываетъ высказывать слово, жаль двояиъ, трояиъ, десятерымъ, дружиамъ, каждый изъ нихъ совершенно безопасно сообщаетъ ее десятерымъ еще, и такъ далѣе. Если мысль согласна съ топомъ общественнаго мнѣнія и состояніемъ общества, она расходится съ быстротою молніи, освѣщаетя, укрѣпляется, и какоясь въ душѣ каждого, составляетъ уже неотъемлемую часть общиннаго капитала. Журналъ, прокладъ обще-

эту мысль не имѣть нужды въ особенно блестящемъ италіанскомъ выраженіи, чтобы окончательно приобрести право принадлежать! она является сама собою: если не у насъ, то у тысячъ людей, и обязываетъ общество несравненно скорѣе; нежели произошло бы это посредствомъ печати и выданныхъ окрестностями машинъ. Если кто сомнѣвается въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве, то пусть только вспомнитъ, съ какою одно и тѣмъ же бытостью распространяется какой-нибудь новый, неожиданный слухъ. Занимаясь торговлею и биржевыми дѣлами видите это очень хорошо. Когда не было еще электрическихъ телеграфовъ, слухи изъ дальнихъ мѣстъ распространялись въсколко раньше, нежели приходяща быстрая почта, и обыкновенно выказывала удивительную чуткость. Съ другой стороны сродная обществу мысль не имѣетъ нужды въ какой пропагандѣ. Примеръ этого мы видимъ по отношению къ крестьянскому вопросу: вездѣ, по цѣлой Россіи, такая смѣшанная повинность, которой итогъ превосходитъ 30 рублей въ годъ, встрѣтила единодушную и широкую справедливую оппозицію; впоследствии оправданную и закономъ. — Если бы только увидѣть признано было, что мысль, распространяющаяся такими образами, вредна, то у правительства въ рукахъ, чтобы ей противодействовать, даже мало средствъ узнать степень ея распространенности! она ускользаетъ отъ всякой цензуры. — Даже положимъ, что одинъ изъ членовъ общества написалъ то что мы говоримъ, издавши только общему голосу ясность, четкость и большую степень опредѣленности, нежели можетъ быть въ безотчетномъ обществѣ говорѣ. Такой человекъ кромѣ благодарности ничего болѣе не заслуживаетъ; а если еще онъ размножитъ свою рукопись посредствомъ типографіи, то тѣмъ болѣе будетъ заслуживать признательности. Несогласная съ общественнымъ мнѣніемъ и ставио-быть съ благосмысливающимъ правительствомъ мысль, выраженная изустно, или письменно или печатно, не привьется, отпадетъ сама собою, какъ мы уже видѣли выше. — Остается наконецъ проявленіе мысли въ дѣйствіи. Это не можетъ быть всякому предоставлено какъ безотчетное право, потому что мысли могутъ быть ошибочны и ихъ произведеніе въ дѣйствіи можетъ сдѣлаться непоправимымъ для общества зломъ. Всякая ошибочная мысль, пока она еще только мысль или слово, есть зло поправимое, котораго исцѣленіе заключается въ самомъ обществѣ. Но дѣйствіе часто бываетъ безвозвратно, и только само общество можетъ разрѣшить исполненіе: Иной можетъ считать свою мысль безошибочною, безусловною полезною для общества; его мысли могутъ раздѣлять десять, двадцать человекъ. Не имѣя словъ

можно даже более раскрываться прозаично, потому что беспроясненное общество они могут надѣлать вреда, еслибы они были даже былые первые въ обществѣ люди до ума, добросовѣстности, честности, благонамѣренности и т. д. — Итакъ проявленіе мыслей въ дѣйствіи должно накопиться подѣ предварительнымъ контролемъ общества, и этотъ контроль конечно возможенъ только при совершенной свободѣ печати. Безъ этого превосходнаго, всегда правдиво дѣйствующаго предохранительнаго клана нѣтъ возможности усвідѣть, что замышляютъ нѣкоторые господа, считающіе себя умѣе всѣхъ на свѣтѣ, полагающіе, будто только они одни и знаютъ потаенныя потребности народа. Безъ этого клана никто въ дѣлахъ не переувѣритъ, и общество не застраховано отъ какой-нибудь отчаянной съ нѣ стороны попытки. Съ другой стороны каждый гражданинъ безъ сомнѣнія имѣетъ право дѣйствовать совершенно независимо во всякомъ случаѣ, когда его дѣйствія не вредны ни отдѣльнымъ гражданамъ, ни цѣлому обществу, имѣетъ вятому.

Тамъ самая ежедневная газета, которая предумала драконовскіе законы для заведенія типографіи, полагаетъ, что каждая напечатанная книга, листокъ газеты, объявленіе и т. п. должны быть сообщены полиціи на другой же день по отпечатаніи или по выхождѣ въ свѣтъ. Для чего это, — рѣшительно непостижимо. Для того, говоритъ газета, чтобы полиція или правительство могло судить преслѣдовать вредныя изданія. Но отдѣлять такимъ образомъ правительство отъ общества намъ кажется въ высшей степени безправственнымъ, вреднымъ. Уже одно это отдѣленіе посаждаетъ между правительствомъ и обществомъ предосудительный, вредный antagonизмъ. Все что вы издается, печатается точно также для общества, какъ и для правительства, которое есть верховный представитель общества. Стало-быть будетъ принято изданіе обществомъ — точно также оно будетъ принято правительствомъ; будетъ оно отвергнуто обществомъ — правительству нѣтъ надобности начинать въ этихъ мелочахъ, чтобы какъ-нибудь, безъ пользы для общества и во вредъ себѣ, не запретить «Горе оку ума» или «Судьбу Фигаро». Въ Англіи дѣйствуетъ именно такой обычай. Издатель объявляетъ о вновь вышедшей книгѣ, но не правительству, а обществу, и до сихъ поръ незамѣтно было отъ этого особеннаго, вреда, а польза видна большая: Англія теперь образованнѣйшая и стало-быть сильнѣйшая въ свѣтѣ страна.

Въ нѣкоторыхъ земляхъ постановлено закономъ, что желающій издавать газету вноситъ въ казну залогъ, изъ котораго потомъ, въ случаѣ нужды, производится вычеты штрафовъ, налагаемыхъ за

разные проступки противъ законовъ о печати. Это одна изъ вреднѣйшихъ для общества, а стало-быть и для правительственнаго мѣра (такъ какъ мы не считаемъ ни нравственныхъ, ни полицейскихъ для государства отдѣлять правительство отъ общества). Вторыхъ залоговъ стѣснительны, такъ какъ сверхъ капитала, необходимого на издержки по изданію, нуженъ издателю еще значительный мертвый капиталъ, который непроизводительно лежитъ въ азартъ; а стѣсненіе общественнаго мнѣнія, какъ мы видѣли, бесполезно, если не вредно. — Въ третьихъ общество платитъ проценты на этотъ залоговый капиталъ, что составляетъ уже вовсе непроизводительную издержку. Это двойнѣ невыгодно: общество бесполезно отдаетъ подвижность у одного изъ своихъ капиталовъ, да еще платитъ за это. — Въ четвертыхъ политическія партіи, несогласныя съ большинствомъ, охотно вносятъ громадныя залогова и съ удовольствіемъ платятъ штрафы, только бы ихъ ученіе имѣло какой-нибудь голосъ. Не будь ни залоговъ, ни штрафовъ, каждая партія дѣйствуетъ на одинаковыхъ правахъ: та большая партія, которая согласна съ общественнымъ мнѣніемъ, и тѣ меньшія партіи, которыя несогласны. Но залогова и вычитаемыя изъ нихъ штрафы ставятъ меньшія, несогласныя партіи въ исключительно выгодное положеніе, съ которыми трудно соперничать партіи большинства. На всякомъ сраженіи или несправедливо платящемъ штрафъ лежитъ какой-то обвѣтъ страданія, мученичества; платящій становится интереснымъ, какъ тонинный. Зачто это его? Какъ? Повторите пожалуйста! Дайдыка прочитаетъ! — И читаетъ почтенная публика, и перечитываетъ, и повторяетъ преслѣдуемую фразу, а газета оштрафованная на другой день съ большимъ торжествомъ объявляетъ въ своемъ передовомъ столбцѣ, что она завлетила столько-то, и тутъ же начинаетъ сѣтовать, прикидываться сиротинкой и страдалицей за свои убѣжденія. Газеты, принадлежащія къ партіи большинства общественнаго мнѣнія, не имѣютъ возможности разыгрывать такой комедіи и заинтересовывать читателей своими страданіями. Какъ бы ни было, такое положеніе всегда можетъ ввести въ обманъ многихъ легковѣрныхъ. Чтоже касается до денежныхъ жертвъ, до залоговъ и вычетовъ изъ него штрафныхъ денегъ, то для политической партіи, властвующей газетой, это ровно ничего не значить.

Французскими законами полагается для каждой газеты отвѣтственный редакторъ, т. е. лицо, сажаемое въ тюрьму въ наказаніе за нѣкоторыя пошвенныя въ газетѣ статьи. При свободѣ печати такое лицо для полиціи вовсе не нужно; но безъ него дѣло все-таки не обойдется, потому что оно необходимо для публики, какъ рече-

телеграфъ за дуть, направленію и характеру подачи. При цензурѣ предупредительной редакторъ не отвѣчаетъ за целуемое достоинство статей своей газеты; при цензурѣ карающей онъ — каждаго въ черную, но за что же? За помѣщеніе статей, несогласныхъ съ дѣлами правительства, существующими въ данную минуту.

Печать во всѣхъ европейскихъ государствахъ учреждена цѣпеню, который устанавливается на періодическія изданія и за который назначается известная пошлина. У насъ такого штрафа пока еще вовсе долго не будетъ. Правительство наше лучше дѣла знаетъ, что у насъ просвѣщеніе стоитъ далеко не на той ступени, на которой оно должно стоять въ народѣ, составляющемъ державу первостепенную. Поэтому между прочимъ у насъ въ составу народныхъ просвѣщенія даны нѣкоторыя льготы, которыми не пользуются другія вѣдѣнія, какъ-то кратчайшій срокъ службы, освобожденіе отъ употребленія гербовой бумаги и т. д. Эти льготы показываютъ уже, какъ правительство озабочено просвѣщеніемъ народа; стало-быть и пеня, за который разумѣется платитъ читатель газеты и который составляетъ нѣчто вроде штрафа за чтеніе, у насъ, можно надѣяться, принять не будетъ еще весьма долго. Можетъ-быть онъ будетъ принятъ въ то время, когда періодическія изданія будутъ составлять уже чистую роскошь, а не потребность столь же необходимую, какъ хлѣбъ насущный, если только возможно когда-нибудь такое время. А теперь и книгъ и періодическихъ изданій у насъ такъ мало, что малѣйшій налогъ на нихъ былъ бы вреденъ, какъ налогъ на черный хлѣбъ.

Наконецъ все та же ежедневная газета полагаетъ удобнымъ для проступковъ и преступленій противъ законовъ о печати учредить особенный судъ, именно судъ присяжныхъ. При этомъ газета полагаетъ, что всякій будетъ печатать свободно все что хочеть, съ тѣмъ чтобы издатель и несъ всю отвѣтственность за свои изданія. Намъ кажется совершенно бесполезнымъ устройство для печати особеннаго, отдѣльнаго суда, не того, который существуетъ для всѣхъ другихъ дѣлъ. Не станемъ снова говорить о возможности печатныхъ преступленій. Преступленія печатныя и въ печатно-будущемъ, точно такъ какъ видъ бывають и во всѣхъ другихъ сферахъ человеческой дѣятельности. Самая строгая цензура не въ силахъ предупредить такихъ преступленій. Принять спору мы не можемъ у себя въ нашей полемической литературѣ. Но если теперь канакъ-нибудь прокламація вслѣдствіе своей истинности возбуждаетъ интересъ и съ жаждою читается всѣми, то при свободѣ слова подобная дилемма утратить даже и этотъ интересъ. Намъ

даже кажется, что эти явленія тогда вовсе не будутъ тревожить общества, какъ совершенно неумныя при свободѣ слова. Но полагая преступленія будутъ, и если дѣло пошло о преступленіяхъ, то нечего дѣлать различія между преступленіями. Если предлажено для насъ форма суда лучше, то она лучше и для другихъ преступленій, и само собою разумѣется, что законодательство должно, стараясь итти къ преобразованіямъ по воцѣмъ опасеніямъ государственной дѣятельности, дойти и до этой перемѣны. Но только не дѣлайте же никакого различія. Всѣ постановленія общественныя или правительственныя (мы не отдѣляемъ общества отъ правительства) должны исполняться одинаково свято. Если кто-нибудь нарушитъ принципъ свободы печати (когда этотъ принципъ будетъ принятъ и установленъ), то его слѣдуетъ судить обыкновеннымъ судомъ, а не какимъ-то особеннымъ, печатнымъ (1). Если кто-нибудь будетъ печатнымъ образомъ оклеветанъ и найдетъ приличнымъ преслѣдовать клеветника, то пусть требуетъ его къ обыкновенному суду, потому что клевета, пройдя черезъ типографскій станокъ, не приобретаетъ никакой особенной вѣдкости. Это теперь, при отсутствіи свободы печати, клевета печатная кажется чѣмъ-то особенно страшнымъ; а впоследствии, когда всякое стѣсненіе исчезнетъ, печатная клевета не будетъ имѣть больше вѣдкости, ни заключать въ себѣ болѣе подлости, какъ и обыкновенная клевета изустная. При свободѣ печати клевета чрезвычайно скоро пріѣтся, потеряетъ для публики всякую пріятность, и общество отъ этого неизмѣримо выиграетъ: люди меньше станутъ обращать вниманія на внѣшнія благоприличія и болѣе займутся сущностью дѣла. Наконецъ если кто-нибудь напечатаетъ карикатуру на одного или нѣсколькихъ ближнихъ своихъ, одного представитъ хоть въ видѣ верстового столба, а другого на примѣръ вѣдущимъ черезъ грязную улицу верхомъ на еврей — чтожъ изъ этого? На лорда Пальмерстона не проходитъ недѣля, чтобы не было напечатано новой карикатуры. Но это несколько не мешаетъ ему быть первымъ министромъ, пользоваться общимъ уваженіемъ, спокойно спать каждую ночь и съ аппетитомъ каждый день кушать. Однакоже еслибы ему вздумалось дерзкаго карикатуриста-оскорбителя потребовать къ суду, онъ безъ сомнѣнія выигралъ бы дѣло и судъ приговорилъ бы оскорбителя къ уплатѣ штрафа копѣекъ въ тридцать. Зато на другой же день явилось бы карикатуръ вдесятеро больше и во сто разъ злѣе.

(1) Особый, печатный судъ можетъ пожалуй быть учрежденъ, но только какъ мѣра временная, до преобразованія всего нашего судопроизводства.

Такое наше мнѣніе такъ точно законно о печати, и разумѣется мы всѣми силами желаемъ, чтобы оно было раздѣляемо обществомъ, то-есть правительствомъ. Но къ какому бы смыслѣ ни были произведены преобразованія, не подлежитъ сомнѣнію, что они будутъ служить во направленію къ прогрессу, къ свободѣ, ста-ло-бать къ просвѣщенію, безъ котораго государство не можетъ удерживать за собою значенія первоклассной державы.

ВЕСНА

1

Опять весна ! Опять какой-то гений
Мнѣ шепчетъ незнакомыя слова,
И сердце жаждетъ новыхъ прѣснопѣній,
И въ забытѣи кружится голова...
Опять кругомъ зазеленѣли нивы,
Черемуха цвѣтетъ, блеститъ роса —
И надъ землей, свѣтлы и горделивы,
Какъ куполь храма, ходятъ небага.

Но грустно мнѣ ! Отъ городского шума
Напрасно я спасаться бѣжалъ сюда ;
И здѣсь меня гнететъ все таже дума,
И здѣсь мнѣ злая чудится бѣда.
Засну ли я — въ тиши мнѣ снятся грозы,
Въ нѣмой тоскѣ томлюсь я на-яву...
И падаютъ изъ глазъ усталыхъ слезы
На осыхающую, немающую траву...

А кажется чего-бъ еще мнѣ надо ?
Здѣсь люди добры, день мой безъ трудовъ,
А вечеромъ изъ дремлющаго сада
Ко мнѣ доходитъ запахъ отъ цвѣтовъ ;
А ночью звѣзды съ высоты бездонной
Хранятъ безмолвно мирный сонъ полей,
И не боясь насмѣшки фельетонной,
Однѣмъ поеть до утра соловей...

2

Но этой жизни мнѣ теперь ужъ мало :
Мнѣ жизнь иная, шумная нужна...

Не такъ она являлась мнѣ бывало,
 Чудесная, роскошная весна!
 Сперва ребенка языку природы
 Она смѣясь учила въ тишинѣ,
 И для меня собирала хороводы
 И первый стихъ ~~являлась~~ ~~мнѣ~~.

Потомъ, когда съ тревогой непонятной
 Зажглася въ сердцѣ отрока любовь,
 Она прошла — и рѣчью благодатной
 Живила сны и волновала кровь;
 Свиданія влюбленнымъ назначала,
 Ждала, томилась съ вами вадно,
 Мелодіей по клавишамъ звучала,
 Врывалась въ раскрытое окно...

3

Теперь на жизнь гляжу я окомя мужа,
 И къ сердцу моему какъ въ дверь тюрьмы
 Ужъ начала прокрадываться стужа,
 Печальная предвѣстница зимы.
 Проходятъ дни безъ страсти и безъ дѣла,
 И чья-то тѣнь грозитъ изъ-за угла...
 Чтожъ, неужели юность улетѣла?
 Ужели жизнь прошла и отцвѣла?

Погибну-ль я въ борьбѣ святой и честной,
 Иль просто такъ умру въ объятяхъ сва?..
 Явися мнѣ въ моей могилѣ тѣсной,
 Красавица, волшебница весна!
 Покрой меня травой и свѣжимъ дерномъ,
 Какъ прежде разукрась свои черты,
 И надъ моимъ забытымъ трупомъ чернымъ
 Разсыпь свои любимые цвѣты!..

А. ДИКОТНИКЪ

ВОСПОМИНАНІЯ БЪГЛЕЦА

(ОЧЕРКИ АМЕРИКАНСКИХЪ ПРАВОВЪ)

СОЧ. ГИЛЬДРЕТА

I

Графство, гдѣ я родился, было тогда, а можетъ и до сихъ поръ осталось, однимъ изъ самыхъ богатыхъ и населенныхъ въ восточной Виргиніи. Отецъ мой, полковникъ Чарльсъ Муръ, былъ старшій сынъ одной изъ значительныхъ и наиболѣе вліятельныхъ фамилій этой страны; а какъ ни мало вѣса имѣетъ родство въ другихъ частяхъ Америки, но въ нижней Виргиніи въ мое время это обстоятельство было не послѣдней важности. Природа и воспитаніе сдѣлали все для того, чтобы полковникъ Муръ могъ достойно занимать мѣсто, назначенное ему рожденіемъ.

Онъ былъ аристократъ вполнѣ, и каждое его слово, каждый взглядъ и движеніе показывали аристократа. Въ немъ было видно сознаніе превосходства, которому немногіе могли противостоять; но оно смягчалось необыкновенной привѣтливостью, лестной для каждаго и неволью плѣнявшей всѣхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ кругу своихъ друзей и сосѣдей онъ слылъ образцомъ настоящаго виргинскаго джентльмена: выше этой похвалы они не могли и придумать. Когда вѣнхуема американская революція, полковникъ Муръ былъ очень молодъ. По рожденію и воспитанію онъ, какъ я уже сказалъ, принадлежалъ къ аристократической партіи, которая естественно была консервативной.

Но патріотизмъ и влеченіе молодости были слишкомъ сильны,

чтобы имъ можно было противиться : онъ съ жаромъ принялъ стору независимости и своимъ вліяніемъ и политическою дѣятельностью немало способствовалъ ея успѣху.

Въ самомъ дѣлѣ онъ всегда былъ горячимъ и энергическимъ поклонникомъ свободы.

Одно изъ первыхъ моихъ воспоминаній о немъ есть то, съ какимъ жаромъ среди своихъ друзей и знакомыхъ онъ защищалъ происходившую въ то время французскую революцію ! Онъ былъ краснорѣчивымъ адвокатомъ ея успѣховъ. Хотя я почти ничего не понималъ изъ его словъ, но увлекательное одушевленіе, съ какимъ онъ говорилъ, произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Права человека и права человеческой природы были тогда для меня словами лишонными смысла ; но я такъ часто слышалъ ихъ повтореніе, что они неизгладимо вѣзались въ моей памяти и чрезъ нѣсколько лѣтъ часто приходили мнѣ на мысль.

Полковникъ Муръ не только хорошо говорилъ, но говорили, что онъ и поступалъ сообразно своимъ правиламъ и вообще на него смотрѣли какъ на прямого, честнаго и добрѣйшей души человека. Многие изъ молодыхъ людей, подававшихъ надежды и занявшихъ важныя мѣста, были обязаны своимъ вступленіемъ на цоприще цокровительству и поддержкѣ полковника Мура. Онъ прекратилъ половину ссоръ, возникавшихъ въ графствѣ, и бывалъ особенно доволенъ, когда предупредивши процессъ или дуэль, препятствовалъ случайной, можетъ-быть вздорной ссорѣ обратиться въ глубокую, непримиримую вражду. Всякій могъ сказать о его нѣжномъ сердцѣ, о готовности дѣлать добро и о состраданіи къ несчастіямъ.

Еслибы мнѣ было предоставлено право выбирать, могъ ли я желать лучшаго отца ? Но по законамъ и обычаямъ Виргиніи; положенію матери, а не отца, опредѣляетъ подожаніе дѣтей, а мать моя была наложница и раба...

Но кто въ первый разъ видѣлъ ее, тотъ не подумалъ бы, или охотно забылъ бы, что она принадлежитъ къ неблагородному и угнетенному племени. Какъ ни низко было ея общественное положеніе, но она могла гордиться ослѣпительной красотой : сабды африканской крови, оквернявшей ея жилы, были явственно видны, но этотъ отгвнокъ придавалъ только особенную прелесть румянцу ея щекъ ; длинныя, черныя волосы, которые она умѣла располагать съ изящной простотой, и огонь тѣмныхъ глазъ, измѣнявшихъ свое выраже-

но при каждомъ душевномъ волненіи, доводила ея красоту и пред-
ставляла одно изъ тѣхъ лицъ, какія можетъ-быть встрѣчаются въ
Испаніи и Италіи, но напрасно стали бы искать подобнаго среди
блѣдныхъ, чахлыхъ красавицъ восточной Виргиніи.

Я описываю ее не какъ сынъ, а скорѣе какъ влюбленный. Да и
въ самомъ дѣлѣ необыкновенная красота моей матери поражала ме-
ня, еще ребенка: цѣлые часы, какъ очарованный, я не сводилъ съ
нея глазъ, когда она держала меня на колыбелькѣ, и къ улыбкѣ, то
слезы появлялись на ея лицѣ, которое, ежеминутно измѣняя свое
выраженіе, оставалось постоянно прекраснымъ. Она была самой
любимой матерью. Соединеніе любви, состраданія и удовольствія, съ
какимъ она смотрѣла на меня, придавало особенную вырази-
тельность ея красотѣ, и это-то вѣроятно такъ рано и такъ сильно про-
явило меня. Но не я одинъ любовался ею: ея красота славилась во
всей нашей сторонѣ, и нѣсколько разъ предлагали полковнику Муру
большія деньги, уговаривая продать ее. Но онъ всегда отвергалъ
подобныя предложенія, гордясь тѣмъ, что у него лучший конь, са-
мая завидная любовница и самая удачая стая гончихъ во всей Вир-
гиніи.

Нѣкоторымъ людямъ въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта можетъ по-
казаться страннымъ, что такой человекъ, какимъ я описалъ пол-
ковника Мура, держалъ любовницу и былъ отцомъ незаконныхъ дѣ-
тей. Такіе господа вовсе не имѣютъ понятія о томъ, какъ идутъ дѣ-
ла въ невольничьихъ штатахъ.

Полковникъ Муръ былъ женатъ на прелестной женщинѣ, кото-
рую, смѣю сказать, онъ любилъ и уважалъ. Она же сдѣлала его
отцомъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Это не помѣшало ему, какъ
и волкому плантатору Соединенныхъ Штатовъ, дать полную сво-
боду своей страстной натурѣ среди многочисленныхъ невольницъ
Спрингъ-Мидеу: такъ называлось его помѣстье. Почти все молодыя
женщины гордились, что были случайнымъ предметомъ его страсти,
хотя обыкновенно явлю признанныхъ фаворитокъ была одна или двѣ.
Мать моя нѣсколько лѣтъ пользовалась особеннымъ вниманіемъ пол-
ковника Мура, и онъ имѣлъ отъ нея неменѣе шести дѣтей, которыя
все, кромѣ меня, старшаго, имѣли счастье рано умереть. Отъ ма-
тери я получилъ въ наслѣдство непримѣтную часть африканской
крови и съ нею презрѣнное и проклятое положеніе раба. Но хотя
рабъ по рожденію, я получалъ отъ отца гордый умъ, впечатлитель-
ную душу и вспыльчивый характеръ. Что касается до природныхъ

способностей ума и тѣла, то смѣло могу сказать, что онъ имѣлъ больше права гордиться мною, чѣмъ каждымъ изъ своихъ признанныхъ и законныхъ сыновей.

II

Самое дѣйствительное воспитаніе есть то, которое начинается какъ можно ранѣе. Это правило отлично понималось на той части земного шара, гдѣ я имѣлъ несчастье родиться. Такъ какъ здѣсь часто случается, что одна половина дѣтей одного человѣка рождается господами, а другая рабами, то изъ этого вытекаетъ прямая необходимость рано начать курсъ воспитанія, которое приготовляетъ ихъ къ столь различному положенію. Такимъ образомъ, спустя около года послѣ моего рожденія, жена полковника Мура подарила его другимъ сыномъ, и когда оба мы еще безсознательно спали въ нашихъ колыбеляхъ, я былъ формально избранъ и назначенъ слугою моего младшаго брата. И первое сознательное воспоминаніе о моей личности представляетъ мнѣ ее мальчикомъ мастера Джемса. Можно легко предвидѣть обыкновенныя и естественныя послѣдствія безграничной власти, данной одному ребенку надъ другимъ. Властолюбіе есть быть-можетъ самая сильная изъ нашихъ страстей: удивительно, какъ быстро и до какого совершенства можетъ дойти ребенокъ въ наукѣ тиранствовать! Поразительнымъ доказательствомъ этого былъ старшій сынъ полковника Мура, мастеръ Вильямъ, какъ его звали въ Спрингъ-Мидоу. Онъ былъ ужасомъ не только своего собственного мальчика Джона, но и всѣхъ дѣтей въ окрестности. Инстинктивное и бессмысленное удовольствіе мучить, которому предаются иногда злыя дѣти, являлось у него страстью, и эта страсть, благодаря постоянному потворству, скоро обратилась въ привычку. Если собирались наказать провинившагося невольника, Вильямъ старался всѣми силами узнать объ этомъ и присутствовать при наказаніи, такъ что онъ скоро сдѣлался адептомъ ужаснаго и отвратительнаго искусства надзирателя. Онъ всегда ходилъ вооруженный кнутомъ вдвое большаго его самого, и при малѣйшемъ противорѣчій его фантазіямъ или капризамъ спѣшилъ показать, какъ ловко владѣеть этимъ орудіемъ. Все это онъ нѣсколько скрывалъ отъ отца, а тотъ съ своей стороны старался не видѣть, чего никакъ не могъ одобрить. Но удержатъ или

наказать сына было тяжело ему, какъ снисходительному отцу. Мастеръ Джемсъ, въ услугахъ котораго я преимущественно находился, былъ совершенно другое дитя: слабый и болѣзненный отъ рожденія, онъ былъ кроткаго характера и имѣлъ слабыя способности. У него было доброе сердце; онъ скоро полюбилъ меня, за что я отъ души платилъ ему тѣмъ же. Онъ защищалъ меня отъ нападокъ мастера Вильяма просьбами, слезами, и что всего болѣе имѣло вѣса въ глазахъ этого молодого человека — угрозами пожаловаться отцу и рассказать обо всѣхъ его дурныхъ и жестокихъ поступкахъ.

Я скоро пересталъ обращать вниманіе на брезгливость и дурное расположеніе, находившія повременамъ на моего молодого господина: они легко оправдывались его слабымъ здоровьемъ. Летью и наружною покорностью (эти искусства такъ же легко усваиваются дѣтьми, какъ и взрослыми) я успѣлъ приобрести большое вліяніе надъ нимъ. Онъ былъ господинъ, я — невольникъ. Но когда мы были дѣтьми, это искусственное различіе теряло свою силу, и я безъ труда удерживалъ первенство, на которое имѣлъ полное право моимъ душевнымъ и тѣлеснымъ силамъ. Когда мастеру Джемсу исполнилось пять лѣтъ, отецъ нашолъ нужнымъ начать учить его читать. Но и буквы заучивать было уже труднымъ предпріятіемъ для моего молодого господина; связать же ихъ въ слоги оказалось совершенно невозможнымъ. Онъ не былъ лишонъ самолюбія и очень желалъ учиться, но не доброй воли, а способностей не доставало ему. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ онъ обратился ко мнѣ, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ я былъ его главнымъ совѣтникомъ. Передумавши вдвоемъ, мы составили планъ: у меня память была превосходная, а у моего бѣдняжки-господина очень плохая; а потому мы и рѣшили, что учитель покажетъ азбуку сначала мнѣ, и легко ее выучу, а потомъ уже между игръ мало-помалу вложу ее въ голову мастера Джемса. Этотъ планъ мы нашли превосходнымъ. Ни учитель, ни полковникъ Муръ не сказали ничего противъ него, потому что полковникъ Муръ желалъ только, чтобы сынъ его выучился читать, а учитель былъ очень радъ взвалить на мои плечи самую тяжелую часть своей обязанности.

Невозможно выдумать ненавистнѣе и безчеловѣчнѣе американскаго закона, который вмѣняетъ въ преступленіе, наказываемое штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ — выучить невольника читать. Подобнаго закона нѣтъ ни въ одномъ кодексѣ, и вѣчный позоръ его лежитъ на Американскихъ Штатахъ. Мало того, что обычай и пре-

зрѣнная гордость безчеловѣчныхъ изверговъ стараются удержатъ раба въ безнадежномъ и безпомощномъ невѣжествѣ, еще нужно было закону открыто принять участіе въ проклятомъ заговорѣ!

Право я увѣренъ, что они выкололи бы намъ глаза, и даже въ силу законнаго постановленія, еслибы имѣли довольно смысла выдумать средство сдѣлать насъ способными служить лакеемъ и копать землю безъ глазъ. Я очень скоро выучился читать и скоро сдѣлалъ почти такимъ же хорошимъ чтецомъ мастера Джемса. Такъ какъ онъ былъ часто подверженъ болѣзнямъ, которыя удерживали его дома и не позволяли принимать участіе въ шумныхъ играхъ, больше всего привлекательныхъ для мальчика, то отецъ составилъ ему библіотеку, сообразно съ его возрастомъ, и мы съ величайшимъ удовольствіемъ перечитывали ее вмѣстѣ. Въ дальнѣйшихъ успѣхахъ просвѣщенія моего молодого господина я былъ постояннымъ участникомъ, потому что хотя нашъ планъ, по которому я долженъ былъ учиться самъ сперва, чтобы учить его, долго не продолжался, но мнѣ такъ хотѣлось учиться и я такъ быстро понималъ, что легко узнавалъ изъ разказовъ мастера Джемса содержаніе его ежедневныхъ уроковъ; я былъ при каждой трудности привыкъ обращаться за помощью ко мнѣ. Такимъ образомъ я получилъ элементарныя свѣдѣнія въ арифметикѣ, географіи и даже поверхностное понятіе въ латыни. Какъ я ни скрывалъ своихъ познаній, но даже тотъ фактъ, что я умѣю читать, увеличивши мое значеніе между другими невольниками, дѣлалъ меня смѣшнымъ, что мнѣ было очень непріятно. Во мнѣ не видѣли, какъ я полагаю видѣть теперь въ каждомъ невольникѣ, умѣющемъ читать и подающемъ какіе-нибудь признаки смысла, чудовище; дышащее войной и возмущеніемъ и замышляющее перерѣзать горла всѣмъ порядочнымъ людямъ въ Америкѣ; но на меня смотрѣли скорее какъ на какое-то чудо вродѣ курицы съ тремя лапами или барана съ четырьмя глазами. Я былъ диковинкой, годной для забавы гостей. Часто за обѣдомъ, когда уже мадера усердно находила въ кругъ стола, призывали меня почитать журналы, чтобы потѣшить пьяныхъ гостей моего господина. Тамъ меня дразнили; преслѣдовали, мучили разнаго рода бессмысленными, смѣшными и неистойными вопросами, на которые я долженъ былъ отвѣчать; въ противномъ же случаѣ мнѣ полетѣлъ бы въ лицо стаканъ вина, бутылка или тарелка. Въ особенности мастеръ Вильямъ вознаграждалъ себя за то, что не могъ бить меня столько, сколько ему хотѣлось, ударяя меня пѣлюю своего остроумія. Онъ гордился, что выдумалъ мнѣ

прованше сученаго легтра, и постоянно дразнилъ меня имъ, хотя Богу известно, лицо мое было немногимъ хуже его, а ужъ не моя вина, что душа моя была доблѣе его. Могутъ сказать, что это были ничтожныя страданія. Правда; а все-таки мнѣ стоило многихъ усильй приучиться переносить ихъ терпѣливо. За это меня вознаграждало отчасти удовольствіе слушать разговоръ собесѣдниковъ, такъ какъ я стоялъ за ступою моего господина. Подъ словомъ разговоръ я понимаю тотъ, который велся тогда не пили, потому что каждый обѣдъ обыкновенно оканчивался всеобщей оргіей. Полковникъ Муръ сидѣлъ открыто, и почти ежедневно у него обѣдало нѣсколько толпачъ друзей, родственниковъ или сосѣдей. Самъ онъ говорилъ краснорѣчиво и очень пріятно; голосъ его былъ тихъ и гармониченъ, а разговоръ отличался жаромъ и выразительностью. Большая часть гостей были люди образованные, и хотя политика была главной темой разговоровъ, но очень часто рассуждали о другихъ предметахъ. Муръ былъ, какъ я уже замѣтилъ, жаркій демократъ, или какъ тогда говорили „республиканецъ“, потому что слово демократъ, — какъ ни полюбилъ его американцы впоследствии, — тогда принималось за оскорбительный эпитетъ. Большая часть присутствующихъ полковника Мура раздѣляли его либеральныя мнѣнія о политическихъ дѣлахъ. Съ горечью и наслаженіемъ я слушалъ ихъ разговоръ, и когда они говорили о равенствѣ правъ и ораторствовали противъ насилія и угнетанія, сердце мое наполнялось смутной тоскою. Тогда я не признавалъ лично въ себѣ всего что слышалъ и чувствовалъ, а только научался любить отвлеченную красету равенства и свободы: я вполнѣ сочувствовалъ французскимъ республиканцамъ и ненавидѣлъ австрійскихъ и англійскихъ деспотовъ, Джона Адамса и всю его шайку, — я еще не научился думать о самомъ себѣ! То что я видѣлъ вокругъ себя, я привыкъ видѣть всегда, и оно мнѣ казалось неизмѣннымъ закономъ природы. Хотя я родился вельможомъ, но я почти не испытывалъ страданій, связанныхъ съ этимъ несчастнымъ состояніемъ: по особенному счастью, въ моемъ молодомъ господствѣ я нашолъ себѣ во многихъ отношеніяхъ скорте товарища, чѣмъ барина. Благодаря ему и моей матери, продолжавшей быть фавориткой полковника Мура, со мной обращались гораздо лучше, чѣмъ со всеми слугами. И точно: сравнивая положеніе плебейскихъ работниковъ съ своимъ, я могъ считать себя счастливымъ, и хотя я подвергался случайнымъ непріятностямъ, которыя могли дать мнѣ понятіе о той горькой чашѣ, какую суждено испить ка-

ждому невольнику, но молодость и мой живой характер пока под-держивали меня.

Въ это время я еще не зналъ, что полковникъ Муръ мой отецъ. Этотъ джентльменъ былъ обязанъ немалой долей своей высокой репутациі тому, что строго соблюдалъ тѣ условныя приличія, которыми такъ часто занимаютъ мѣсто нравственности. Нѣкоторые изъ этихъ приличій, соблюдаемыхъ въ Америкѣ, стоить замѣтить: напримеръ нисколько не предосудительно для господина быть отцомъ всѣхъ невольниковъ; родившихся на его плантаціи, но было бы величайшимъ нарушеніемъ правъ собственности, почти непрощительнымъ преступленіемъ для отца — не только признать, но чѣмъ-нибудь отличить кого-нибудь изъ своихъ несчастныхъ дѣтей. Всевластный обычай требуетъ, чтобы господинъ обращался съ ними такъ же точно, какъ съ другими невольниками. Если онъ выгонитъ ихъ въ поле на работу, продать съ молотка первому, который набавитъ цѣну — все будетъ хорошо; но если осмѣлится показать къ нимъ какиятъ бы то нибыло образомъ малѣйшій признакъ отцовскаго чувства, то ужь можетъ быть увѣренъ, что попадетъ на языкъ всѣмъ, что каждое слово его, малѣйшій проступокъ будетъ заботливо подмѣчать, все злобно перетолкуютъ и выставятъ другимъ. Ему придется, въ нравственномъ смыслѣ, пройти сквозь строй, а вышій кругъ будетъ смотрѣть на него какъ на низкаго, презрѣннаго челоука. Полковникъ Муръ былъ слишкомъ уменъ, чтобы подвергнуть себя чему-нибудь подобному. Онъ принадлежалъ къ лучшему обществу и хотя могъ быть демократомъ въ политикѣ, по чувствамъ же былъ исключительный аристократъ. Мысль нарушить хотя одно изъ постановленій общества, въ которомъ онъ жилъ, внушала ему такой же неописанный ужасъ, какой внушаетъ современной красавицѣ бумажное кружево, или современному денди мѣдвая виана. За все это, никто не будетъ удивляться почему, по крайней мѣрѣ нѣсколько это зависѣло отъ полковника Мура, я еще не зналъ кто была мой отецъ.

Но тайна для меня безъ сомнѣнія не была тайной для друзей и посѣтителей полковника Мура. Уже одно поразительное сходство выдавало наше родство, и хотя то-же уваженіе къ правамъ собственности, которое препятствовало полковнику Муру дать его замѣтить, свѣ зывало и языкъ гостей. Но когда я узналъ эту тайну, мнѣ тотчасъ пришло на мысль настоящій смыслъ кое-какихъ шутокъ и отдаленныхъ намековъ, которые иногда подъ конецъ обѣда выража-

лись у тѣхъ собесѣдниковъ, которые отъ частыхъ возліаній благовѣдалъ духъ остроумія и истины. Эти блестящкіе, тогда еще темныя для меня, дурно встрѣчались всегда полковникомъ Муромъ и болѣе трезвыяи гостями и часто сопровождали приказаніемъ мнѣ и другимъ невольникамъ выйти изъ комнаты. Почему? я никакъ не могъ понять, пока не получилъ ключа къ разгадкѣ.

Тайну, которую отецъ не хотѣлъ, а мать не смѣла открыть мнѣ, я бы могъ легко узнать отъ моихъ товарищей—слугъ; но тогда я, какъ большая часть бывающихъ невольниковъ, чувствовала какое-то презрѣніе къ моимъ братьямъ по несчастью, которыхъ кожа была потемнѣе моея. Я держалъ ихъ въ почтительномъ отдаленіи и стыжился знаться съ людьми чернѣе меня: такъ-то легко невольники перенимаютъ смѣшныя предрасудки своихъ притѣснителей и прибавляютъ новыя нозца къ цѣпи, лишаящей ихъ свободы!

Впрочемъ я долженъ отдать справедливость моему отцу; я не думаю, чтобы онъ вовсе былъ лишонъ отцовскихъ чувствъ; хотя онъ никогда не признавалъ моихъ правъ на его нѣжность, но я увѣренъ, что въ глубинѣ сердца онъ несовсѣмъ отвергалъ ихъ дѣйствительность. Когда онъ говорилъ со мной, въ его голосѣ слышались доброта и снисходительность, и хотя онъ былъ ласковъ со всѣми, но ко мнѣ какъ-то особенно. Такимъ образомъ онъ успѣлъ привязать меня къ себѣ и я искренно любилъ его, хотя и видѣлъ въ немъ только господина.

III

Мнѣ было около семнадцати лѣтъ, когда мать моя заболѣла лихорадкой, отъ которой и умерла. Она предчувствовала свою смерть, и прежде нежели болѣзнь усилилась, прислала сказать, что желаетъ меня видѣть. Я нашолъ ее въ постели. Она попросила смотрѣвшую за нею женщину оставить насъ однихъ и приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на постель. Сказавши, что она боится скоро умереть, прибавила, что оставляя міръ, хочетъ открыть мнѣ важную тайну.

Я просилъ ее говорить и нетерпѣливо ждалъ объясненія ея словъ. Она сначала рассказала мнѣ вкратцѣ свою жизнь. Ея мать была невольница, а отецъ какой-то полковникъ Рандольфъ, потомокъ одной изъ лучшихъ виргинскихъ фамилій; ее же сдѣлали горничной и продали полковнику Муру, который въ то время женился и подарилъ ее

своей жёнѣ. Тогда она была еще совершенно ребенкомъ. Выросши, стала красавицей и заслужила милость предъ очами своего господина. Ей дали хорошенькій домикъ съ уютными комнатами, что представляло такое же удобство для полковника Мура, какъ и для нея, и кѣтъ по временамъ отъ нея требовалось кой-какое рукодѣлье, но какъ никому не хотѣлось ссориться съ фавориткой господина, то съ тѣхъ поръ она вела праздную, безпечную и, какъ она мнѣ сказала, очень несчастную жизнь.

Въ послѣднемъ мать моя сама отчасти была виновата: высокомерное обращеніе ея съ другими слугами заставило тѣхъ возмездовать се и искать каждаго удобнаго случая оскорбить и унижить ее; а ни одна красавица не была такъ чувствительна ко всякому оскорбленію женскаго самолюбія!.. Впрочемъ, когда она тщеславилась своей красотой и господскою милостію, но сердце у нея было доброе, и глупая гордость, отъ которой она страдала, происходила у нея, какъ и у меня, отъ бессмысленнаго, но общаго вѣтъ, предрасудка. Въ самомъ дѣлѣ наше положеніе стояло такъ высоко въ сравненіи съ другими невольниками, что мы естественно воображали себя въ нѣкоторомъ родѣ высшимъ племенемъ. Вероятно, подлѣмяніемъ этого чувства мать моя, сказавши мнѣ мой отецъ, замѣтила съ самодовольной улыбкой, освѣтившей ея большое лицо, что и съ отцовской и съ материнской стороны въ моихъ жилахъ течеть лучшая кровь въ Виргиніи, кровь Муровъ и Рандольфовъ!

Увы! она какъ-будто забыла, что еслибы я могъ считать въ ряду своихъ предковъ всю знать Виргиніи, довольно было одной капли крови, занесенной изъ Африки, будь это кровь королей и полководцевъ, чтобы запятнать всю родословную и осудить меня на вѣчное рабство въ домъ родного отца!

Признаніе моей матери не произвело сильнаго впечатлѣнія на меня въ эту минуту: все мои заботы сосредоточились на ней; она была всегда для меня самой нѣжной и любящей матерью. Болѣзнь быстро развилась, и на третій день не стало моей матери... Я отъ всего сердца плакалъ надъ нею; тѣкое чувство горести скоро прошло, но прежнее расположеніе духа уже не возвращалось. Безпечная веселость, до сихъ поръ освѣщавшая какъ солнечный лучъ мою жизнь, казалась, совсѣмъ покинула меня; мысли мои стали чаще обращаться къ тайнѣ, сообщенной мнѣ матерью.

Незнаю какъ описать, какое дѣйствіе она имѣла на меня; такъ трудно сказать, она ли собственно подѣйствовала на меня, или дру-

гн, болѣе обыкновенныя причины. Быть-можетъ нравственный переворотъ, испытанный мною, нужно приписать переходу отъ дѣтства къ возмужалости? До сихъ поръ всѣ проишествія проходила передо мною будто воснѣ, воспроизводя ни сильнаго, ни продолжительнаго на меня впечатлѣнія. Бывалъ я прежде печаленъ и недоволенъ, бывали у меня и горе и досада, но это горе продолжалось не долго: какъ солнце послѣ лѣтняго дождя свѣтитъ ярче, такъ и моя веселость послѣ минутной грусти становилась живѣе, и едва забывалась только-что сдѣланная непріятность, — она всплывала снова, непомня прошедшаго, незаботясь о будущемъ. Но въ этой веселости едвали было сколько-нибудь дѣйствительной радости: она происходила скорѣе отъ равнодушной безпечности. Это былъ блестящій, но холодный лунный лучъ. Но какова бы она нибыла, все же она была утѣшительнѣе того душевнаго расположенія, которое наступило вслѣдъ за нею: меня стала мучить какая-то необъяснимая тоска, отъ которой я не могъ избавиться; точно тяжолый гнетъ давило мнѣ грудь неудовлетворенное желаніе чего-то. Я не могъ удовлетворить его, непонимая самъ чего хочу. Я часто задумывался, но мысль моя блуждала безъ цѣли, такъ что послѣ нѣсколькихъ часовъ повидимому глубочайшаго размышленія, я былъ бы въ затрудненіи сказать, о чемъ я думаю.

Иногда впрочемъ мои мысли принимали болѣе опредѣленную форму: я начиналъ видѣть что я былъ и чего я могъ ожидать. Я — сынъ свободнаго челоуѣка, и отъ рожденія — невольникъ!.. Природа надѣлила меня способностями, которыя уже теперь я находилъ нужнымъ скрывать. Невольникъ родного отца, ланей родного брата, связанное, скованное и запертое въ тюрьмѣ созданіе, которое не смѣетъ выйти изъ дома господина безъ письменнаго позволенія: Я осужденъ быть игрушкой прихотѣй богъ-знаетъ кою; мнѣ запрещено дѣлать что-бы то нибыло для себя, заботиться о своемъ счастьи.

Скоро эти размышленія сдѣлались такъ мучительны, что я отъ трудовъ одолаивалъ ихъ. Но не всегда это было въ мою пользу.

Противъ моей воли снова и снова подымались ненавистныя мысли и приводили меня въ отчаяніе.

Между тѣмъ мой молодой господинъ былъ попрежнему добръ ко мнѣ. Онъ все еще оставался мальчикомъ, тогда какъ я уже сталъ челоуѣкомъ. Казалось, что плохое здоровье, остановивши его ростъ, отдалило также и умственную его зрѣлость. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе подчинялся моему вліянію и съ каждымъ днемъ я сильнѣе

привязывался къ нему. Въ немъ одномъ была вся моя надежда : щодъ онъ былъ со мною, я могъ надѣяться не испытывать всей горечи рабства. Въ его глазахъ я не былъ просто слугой : онъ скорѣе смотрѣлъ на меня какъ на любимаго вѣрнаго товарища.

И дѣйствительно, хотя ему принадлежали права и преимущества господина, онъ скорѣе былъ въ моей зависимости, чѣмъ я въ его. Между нами было что-то похожее на братскую дружбу, цокрайней-мѣрѣ такая бываетъ между молочными братьями. Никто изъ насъ никогда не намекалъ на наше дѣйствительное средство, да онъ вѣроятно и совсѣмъ не зналъ о немъ.

Мастера Джемса я любилъ какъ и прежде, но чувства мои къ полковнику Муру совершенно и рѣзко измѣнились : пока я считалъ себя только его невольникомъ, его ласки вызывали мою привязанность, и небыло ничего, чего бы я не вытерпѣлъ или не сдѣлалъ для такого добраго и снисходительнаго господина. Но когда я узналъ, что я его сынъ, я почувствовалъ, что имѣю полное право требовать того, что считалъ милостью.

Я началъ находить даже, что имѣю право на большее, какъ равный своимъ братьямъ по рожденію. Мнѣ случилось прочесть библію, и теперь я вспомнилъ исторію невольницы Агари и сына ея Ишмаила; и когда я снова прочелъ, какъ ангелъ явился имъ на помощь, когда Авраамъ выгналъ ихъ въ пустыню, во мнѣ родилась страшная, безумная надежда, что въ случаѣ какого-нибудь несчастія я также найду помощь и опору. Въмѣстѣ съ этой безразсудной надеждой подымалось въ душѣ моей новое горькое чувство: я бессознательно сжималъ кулаки, стискивалъ зубы и воображалъ себя вторымъ Измаиломъ, скитающимъ по пустынѣ, встрѣчая въ каждомъ врага себя и будучи самъ врагъ всѣмъ...

Несправедливость роднаго отца болѣе и болѣе грызла меня и любовь моя къ нему обратилась въ ненависть : кровавыми буквами сверкала въ глазахъ моихъ, слишкомъ хорошо предвидѣвшихъ, безчеловѣчный законъ, дѣлавшій меня рабомъ, — рабомъ въ домѣ роднаго отца! Я былъ молодъ, меня еще не трогали; но — я трепеталъ за будущее и проклиналъ мѣсто и часъ моего рожденія!..

Я старался скрывать, сколько могъ, мучившія меня чувства; а какъ обманъ есть одно изъ орудій противъ насилія, и рабъ скоро научается имъ пользоваться, то это мнѣ удавалось. Иногда мой молодой господинъ заставлялъ меня въ слезахъ, и когда я задумывался, онъ жаловался на мою невнимательность; но я всегда придумывалъ

правдоподобныя обвиненія. Хотя онъ подозрѣвалъ, что я что-то скрываю отъ него, и часто говорилъ: «ну, Арчи! скажи, что тебя мучить?» я обращалъ вопросъ въ шутку и эмѣлся надъ его додѣлками.

Скоро пришлось мнѣ потерять моего добраго господина, котораго ибѣжная привязанность одна могла сдѣлать рабство для меня сношнымъ. Его постоянно плохое здоровье скоро стало еще хуже: сначала онъ пересталъ выходить изъ комнаты, а скоро уже и вставать съ постели. Во все время болѣзни я смотрѣлъ за нимъ съ любовью матери: никогда никто не служилъ такъ вѣрно своему господину... да вѣдь за нимъ и ухаживалъ другъ, а не лакей! Онъ тоже неравнодушно принималъ мою заботливость и кажется не любилъ, чтобы кто-нибудь другой былъ возлѣ него, и только изъ моихъ рукъ принималъ пищу и лекарство. Но не во власти медика или сидѣлки было спасти его; ему становилось все хуже и онъ слабѣлъ съ каждымъ часомъ. Скоро страшная минута настала: плачущіе друзья окружали его постель, но никто не плакалъ такъ горько, какъ я. При послѣднемъ дыханіи онъ просилъ отца быть добрымъ ко мнѣ; но видно, для человѣка, закрывшаго свое сердце для отцовской любви, не много имѣла вѣса просьба умирающаго сына!.. Мастеръ Джемсъ простился съ своими друзьями, пожалъ мнѣ руку и съ легкимъ вздохомъ скончался на моихъ рукахъ...

IV

Семейство полковника Мура знало, какъ искренно любилъ я моего молодого господина и какъ вѣрно служилъ я ему, а потому уважило мою глубокую горестъ: недѣли двѣ меня никто не беспокоилъ и я могъ плакать свободно. Теперь я уже не испытывалъ того мучительно-бѣднаго чувства, о которомъ я говорилъ выше. Состояніе нашей души постоянно измѣняется. Сверхъестественное напряженіе чувствъ, мною описанное, исчезло, когда все мое вниманіе было поглощено заботами объ умирающемъ; за нимъ наступило мрачное и тупое отчаяніе. Повидимому причинъ опасаться и тревожиться сдѣлалось больше: то, чего я опасался, исполнилось; господинъ мой, въ которомъ сосредоточивались всѣ мои надежды, не существовалъ болѣе, и я самъ не зналъ что будетъ со мною. Но время опасеній и мучительныхъ предчувствій прошло; теперь я ожидалъ своей

участи съ какимъ-то бессмысленнымъ и безпочвнымъ равнодушіемъ.

Хотя меня никто не заставлялъ, но я продолжалъ служить за столомъ и нѣсколько дней инстинктивно становился тамъ, гдѣ доржонокъ былъ стоять стулъ мастера Джемса, пока видъ пустого мѣста не заставлялъ меня со слезами отойти въ противоположный уголъ. Въ это время мнѣ никто ничего не приказывалъ, даже какъ-будто никто не замѣчалъ моего присутствія. Самъ мастеръ Вильямъ сдерживалъ свою обычную наглость.

Но долго это не могло продолжаться. Въ самомъ дѣлѣ это было такое потворство, какого могъ ожидать только любимый невольникъ; а вообще невольники не должны быть печальны: это дѣлаетъ ихъ неспособными къ работѣ.

Въ одно утро послѣ завтрака мастеръ Вильямъ, окончивши свое шарже и кофе, сталъ говорить отцу, что по его мнѣнію, съ невольниками въ Спрингъ-Мидоу обращаются слишкомъ снисходительно. Въ то время это былъ изящный, щеголеватый юноша. Почти годъ какъ онъ вышелъ изъ коллегіи, а теперь только-что возвратился изъ Чарльстоуна (въ южной Каролинѣ), гдѣ онъ провелъ послѣднюю зиму, чтобы, какъ говорилъ отецъ, стряхнуть школьную пыль. Въроятно тамъ онъ почерпнулъ тѣ гуманные принципы, которые теперь проповѣдывалъ. Онъ объявилъ, что нѣжное обращеніе съ прислугой дѣлаетъ ее дерзкою и недовольною, что напрасно терять слова съ неблагодарною сволочью. Потомъ, осматриваясь кругомъ, какбы отыскивая жертву, на которой бы можно было приложить теорію, столь согласную съ его душевнымъ расположеніемъ, онъ замѣтилъ меня.

— Вотъ хоть Арчи: я держу пари сто противъ одного, что я сдѣлаю изъ него лучшаго слугу въ мірѣ; онъ отъ природы блестящій малый, только снисходительность бѣднаго Джемса испортила его. Ну-ка, батюшка, будьте добры, отдайте его мнѣ. Мнѣ чортъ знаетъ какъ нуженъ другой лакей!

И неожиданная отвѣта, онъ вышелъ изъ комнаты, говоря, что ему нужно застать два бѣга, и что было важнѣе, пѣтушій бой на рынкѣ. За столомъ оставался одинъ полковникъ Муръ; онъ обратился ко мнѣ: сначала похвалилъ мою искреннюю привязанность къ его бѣдному Джемсу... При имени сына слезы навернулись на глазажъ его и нѣсколько минутъ онъ не могъ говорить, но скоро оправился и прибавилъ: «надѣюсь, что ты покажешь то же усердіе и привязан-

ность и къ мастеру Вильяму. » Эти слова въ одну минуту привели меня къ себѣ. Я зналъ, что у мастера Вильяма привычка советамъ завладала и ту небольшую долю человеколюбія, какую дала ему природа: это былъ тиранъ вполне. Судя по вырвавшимся у него словамъ, онъ усовершенствовалъ въ послѣднее время свою природную способность къ злѣвѣту и наконецъ возвелъ насиліе на степень систематической науки. Я зналъ и то, что онъ сдѣлалъ чувствовалъ ко мнѣ ненависть, и теперь опасался, что онъ замышляетъ отдать мнѣ съ лихвою всё побои и оскорбленія, отъ которыхъ до снѣгъ горъ спасало меня покровительство младшаго его брата.

Я ужаснулся, видя опасность попасть въ такія руки, и бросясь къ ногамъ моего господина, умоляя его со всемъ краснорѣчіемъ страха и отчаянія не отдавать меня мастеру Вильяму. Выраженія мои о его снѣгѣ, какъ я ни смягчалъ ихъ, и ужасъ мой при мысли сдѣлаться его слугою, какъ ни старался я щадить отцовское чувство, повидимому раздражили полковника Мура: улыбка оставила его губы, ротъ побагровѣлъ и наморщился. Я началъ сомнѣваться въ возможности избѣгнуть ужасной участи, меня ожидавшей, и отчаяніе вынудило мнѣ дерзкую, безумную выходку: одушевленный опасностью сдѣлаться слугою мастера Вильяма, я осмѣлился сдѣлать, правда темный и отдаленный, наметъ на открытіе, сдѣланное мнѣ матерью на смертномъ одрѣ. Я рискнулъ даже на что-то вродѣ воззванія къ отеческой нѣжности полковника Мура. Сначала онъ казалось не понималъ меня, но когда уразумѣлъ смыслъ моихъ словъ, лицо его сдѣлалось мрачно какъ громовая туча, поблѣднѣло, потомъ вдругъ пошрылось яркой красной, въ которой соединились бѣшенство и смущеніе. Я уже считалъ себя погибшимъ и ожидалъ страшнаго взрыва ярости. Но послѣ минутной борьбы, казалось хладнокровіе возвратилось къ полковнику Муру, даже обычная улыбка появилась на его губахъ: не обращая вниманія на мое воззваніе, непоказывая даже вида, что понималъ его, онъ только замѣтилъ, что не знаетъ какъ отказать просьбѣ мастера Вильяма, что не понимаетъ причины моего къ нему отвращенія, что это очень глупо, но онъ такъ снисходителенъ, что предоставляет на мой выборъ: служить мастеру Вильяму, или идти въ поде.

Это было связано тономъ, недопускаящимъ противорѣчія, и мнѣ оставалось только выбирать. Правду сказать, и то и другое было не очень пріятно; но даже тяжкій трудъ, плохая пища и дурное обращеніе, которому, я зналъ, подвергались невольники, работавшіе въ

полѣ, все мнѣ казалось сноснѣе, чѣмъ сдѣлаться предметомъ австрійскимъ потѣхъ мастера Вильяма. Ктому же меня оскорбилъ легкій тонъ, съ которымъ приняли мою просьбу, — и я не колебался. Поблагодаривши полковника Мура за его великую милость, я тотчасъ же выбралъ работать въ полѣ.

Онъ повидимому удивился и почти съ насмѣшливой улыбкой приказалъ мнѣ готовиться отправиться къ мистеру Стабу.

На управляющаго (надзирателя—overseer) въ тѣхъ невольничьихъ штатахъ, какіе мнѣ извѣстны, смотрять какъ на палача. Должность палача, какъ она ни полезна и необходима, никогда не могла сдѣлаться достойной уваженія; такъ и должность управителя навѣки останется презрѣнной и унижительной. Молодая дама, кушающая съ большимъ удовольствіемъ барашка, чувствуетъ сентиментальный ужасъ къ его убійцѣ—мяснику; владѣлецъ негровъ, роскошно живущій тяжкимъ трудомъ своихъ рабовъ, чувствуетъ тоже сентиментальное отвращеніе къ человѣку, который употребляетъ кнутъ и заставляетъ работать. Онъ походитъ на укрывателя краденыхъ вещей, который не можетъ допустить мысли красть самому, но нисколько не стѣсняется жить доходомъ съ краденаго; воръ только воръ, а надзиратель — только надзиратель. Владѣлецъ невольниковъ гордится почетнымъ наименованіемъ плантатора, а укрыватель краденыхъ вещей присвоиваетъ себѣ званіе почтеннаго купца. Этимъ—то презрѣннымъ шарлатанствомъ люди и обманываютъ не только самихъ себя, но и цѣлый свѣтъ.

Управитель Спрингъ-Мидоу былъ нѣкто Томасъ Стабсъ; имя, наружность и характеръ этой личности мнѣ были знакомы достаточно, хотя до сихъ поръ я былъ такъ счастливъ, что имѣлъ съ нимъ очень мало сношеній.

Это былъ грубый толстякъ лѣтъ пятидесяти, съ маленькой круглой головой, уходившей ему въ плечи и покрытой короткими снугтанными волосами. Лицо его было замѣчательно избороджено и покрыто пятнами отъ солнца, виски и лихорадки. Цвѣта коричневый, красный и блѣдный домогались одинъ предъ другимъ владѣть его лицомъ и никакъ не могли сойтись въ полюбовномъ раздѣлѣ. Его можно было всегда видѣть верхомъ на лошади, какъ онъ, нагнувшись впередъ, потряхивалъ длинную, толстою плетью, сплетенною изъ коровьей кожи, и хлесталъ ею по головѣ или плечамъ какого-нибудь несчастнаго невольника. Еслибы вы захотѣли послушать его разговоръ, или скорѣе — раздаваемые имъ выговоры и приказанія, то

услышали бы одинъ потокъ брани, въ которой трудно было добраться смысла: обыкновенно каждая сентенція его начиналась и заключалась какимъ-нибудь крѣпкимъ словцомъ. Но эту тонкую приправу мистеръ Стабсъ употреблялъ нежалѣя только тогда, когда оставался одинъ съ неграми; если же случалось полковнику Муру или другому джентльмену проѣзжать мимо поля, то мистеръ Стабсъ могъ тотчасъ принять впаднѣ ласково-снисходительный видъ, и что всего удивительнѣе, получалъ на то время способность выражаться, неупотребляя болѣе одного ругательства на фразу. При управленіи плантаціе мистеръ Стабсъ безъ сомнѣнія не ограничивался одной бранью: онъ такъ же часто употреблялъ въ дѣло плеть, какъ и языкъ. Полковникъ Муръ получилъ европейское образованіе, и какъ всѣ люди, воспитанные гдѣ бы то нибыло, только не въ невольничьихъ штатахъ, чувствовалъ величайшее отвращеніе къ бесполезной жестокости: обыкновенно разъ въ недѣлю его выводилъ изъ себя какой-нибудь безчеловѣчный поступокъ управителя. Но удовлетворивши свое оскорбленное чувство изъявленіемъ, что онъ очень огорченъ и что поступки мистера Стабса совершенно невыносимы, оканчивалъ тѣмъ, что оставлялъ все въ прежнемъ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что Стабсъ умѣлъ собирать жатву: а такой челоуѣкъ былъ слишкомъ драгоцененъ, чтобы имъ пожертвовать сентиментальной прихоти — спасти невольника отъ жестокихъ побоевъ.

Тяжела была перемѣна для меня. Привыкши къ изящному комфорту дома полковника Мура, къ ласковымъ приказаніямъ и легкой работѣ у мастера Джемса, я долженъ былъ перейти подъ деспотическое управленіе пошлаго, грубаго, безчеловѣчнаго негодая, тѣмъ болѣе, что я не привыкъ къ строгому и регулярному труду, и мнѣ было очень нелегко приняться сразу за тяжелую полевую работу. Но я рѣшился работать какъ можно лучше; я былъ силенъ, а привычка скоро могла сдѣлать мою обязанность сноснѣе. Я зналъ очень хорошо, что мистеръ Стабсъ былъ совершенно лишонъ всякаго челоуѣческаго чувства, но я не имѣлъ причины думать, чтобы онъ питалъ ко мнѣ такую же злобу, какъ и мастеръ Вильямъ. Изъ того, что я зналъ о немъ, я не считалъ его особенно злымъ челоуѣкомъ и предполагалъ даже, что онъ бранится и дерется не столько по злости и бѣшенству, сколько по обязанности службы. Онъ повидимому и не воображалъ, чтобы можно иначе управлять плантаціею. Но я надѣялся, что прилежаніе спасетъ меня отъ побоевъ, а на пошлую брань мистера Стабса, какъ она ни раздражала другихъ не-

вольниковъ, я могъ не обращать вниманія. Мистеръ Стабсъ очень милостиво выслушалъ мой расказъ, непереставая при этомъ жевать табакъ и косясь на меня своими сѣрыми глазами, маленькими и блестящими. Пожаловавши меня «глупой башкой», онъ велѣлъ мнѣ идти за нимъ на поле. Мнѣ дали въ руки большой, тяжелый заступъ, ладка котораго была шести футовъ длиною, и я долженъ былъ проработать цѣлый день. Когда стемнѣло, мнѣ позволили оставить работу, и управляющій указалъ мнѣ дрянную избенку, длиною около десяти футовъ и вполовину этого вышиною, съ дырявой крышей, безъ пола и безъ оконъ. Это былъ мой домъ, гдѣ я долженъ былъ жить вдвоемъ съ Билли, молодымъ невольникомъ почти моихъ лѣтъ.

Въ эту жалкую лачугу я перенесъ свой сундукъ съ платьемъ и немного вещей, какія позволяется имѣть невольнику. вмѣсто постели и одеяла я получилъ что-то вродѣ большого носового платка, а для недѣльнаго продовольствія мнѣ были выданы корзинка маиса и фунтъ или два испорченнаго сала. Такъ какъ у меня не было ни горшка, ни кастрюли, ни ножа, ни тарелки, словомъ никакой посуды (такія удобства невольники должны приобретать себѣ какъ сами знаютъ), то я боялся, что мнѣ придется поужинать сырымъ саломъ. Билли увидѣлъ мое горе и сжалился надо мною: помогъ мнѣ истолочь зерна и далъ свою кастрюлю, чтобы сварить ихъ, такъ что около полуночи я могъ разговѣться послѣ пятнадцати или двадцати-часового поста. Мой длинный и широкій сундукъ служилъ мнѣ постелью, стуломъ и столомъ; продавши часть своего платья, которое было слишкомъ хорошо для полевой работы, и купивши ножъ, ложку и кастрюлю, я устроилъ свое хозяйство довольно сносно. Помѣщеніе мое было такъ хорошо, какъ только могъ желать черноработчій; но мнѣ трудно было удовольствоваться этимъ, потому что я привыкъ къ кое-чему получше; мои руки покрылись волдырями отъ заступа, а возвращаясь домой, истощенный непривычнымъ трудомъ, я долженъ былъ стоя тодочъ до полночи маисъ, приготовляя себѣ пищу на завтра, и кромѣ того помнить, что съ разсвѣтомъ мнѣ предстоитъ идти опять на поле. Но какъ нибылъ тяжелъ этотъ трудъ, нѣкоторымъ образомъ я самъ избралъ его. Избирая, я избѣжалъ худшаго тиранства, болѣе тяжелаго рабства: я вырвался изъ рукъ мастера Вильяма.

Такъ какъ я не буду больше имѣть удовольствія говорить объ этомъ любезномъ молодомъ человѣкѣ, то теперь же окончу его исторію. Шесть или восемь мѣсяцевъ спустя послѣ смерти своего млад-

шаго брата, на одномъ пѣтушьемъ бою онъ вѣшался въ ссору пнявыхъ, вслѣдствіе чего была дуэль и мастеръ Вильямъ былъ убитъ первымъ выстрѣломъ. Смерть его была страшнымъ ударомъ для подковника Мура, и онъ долго казался неутѣшнымъ; я же не жалѣлъ ни о немъ, ни объ отцѣ его: я зналъ, что смерть эта избавляетъ меня отъ мстительнаго и жестокаго господина и чувствовалъ злобную и горькую радость, видя несчастнымъ того, кто самъ осмѣлился погрязнуть священное чувство природы!..

V

Мнѣ задавали столько же работы, какъ и тѣмъ, которые всю жизнь работали въ полѣ; но я былъ слишкомъ гордъ, чтобы жаловаться или отступить отъ своего выбора. Я такъ старался, что даже мистеръ Стабсъ не могъ не похвалить моей работы и неразъ говорилъ обо мнѣ: «право отличный работникъ!»

На избѣ, которую мы занимали съ Билли, была такая дырявая крыша, что въ дождливую погоду намъ приходилось очень плохо. Наконецъ мы рѣшились ее исправить, и чтобы выиграть время для этого, постарались пораньше окончить заданную намъ работу.

Намъ удалось отдѣлаться въ четыре часа послѣ обѣда и мы вмѣстѣ возвращались въ городъ, — такъ называли мы рядъ избъ, гдѣ помещались невольники, — какъ навстрѣчу намъ попался мистеръ Стабсъ. Спросивши, окончили ли мы заданную работу, и получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ пробормоталъ что-то вроде того, что намъ было дѣла наполовину, и приказалъ идти полоть его садъ. Билли молча повиновался: онъ долго былъ подъ властью Стабса, чтобы вздумать разбирать его приказанія; но я осмѣлился какъ могъ почти-тельно сказать, что такъ какъ мы окончили заданную работу, то жестоко давать намъ еще эту прибавочную. Это привело Стабса въ бѣшенство: онъ двадцать разъ поклялся, что я выполю его садъ и на прибавокъ еще буду высѣченъ. Съ этими словами онъ соскочилъ съ лошади, схватилъ меня за воротъ рубашки (единственное платье, бывшее на мнѣ) и началъ бить меня своимъ кнутомъ. Съ тѣхъ поръ какъ я пересталъ быть ребенкомъ, я въ первый разъ подвергался этой унижительной пыткѣ. Боль была довольно сильна, горька была мысль быть высѣчену; но все это было ничто въ сравненіи съ острымъ, жгучимъ ощущеніемъ сдѣланной мнѣ вопіющей

несправедливости ; величайшаго труда стоило мнѣ удержаться, чтобы не броситься на моего свирѣпаго палача и не опрокинуть его на землю. Но увы ! я былъ рабъ !.. Я сжалъ себѣ руки, крѣпко стиснулъ зубы и перенесъ оскорбленіе какъ могъ терпѣливо. Потомъ меня послалъ онъ въ садъ, и такъ какъ ночь была лунная, я долженъ былъ полоть до полуночи.

На другой день было воскресенье. Воскресный отдыхъ есть одна и единственная милость, за которую американскій невольникъ обязанъ религіи своего господина. Этотъ господинъ нисколько не задумываясь попираетъ всѣ другія заповѣди евангелія и думаетъ, что неприная только своихъ рабовъ работать въ воскресенье, онъ вполне заслуживаетъ названіе христіанина. Я рѣшился воспользоваться свободой воскресенья, чтобы пожаловаться моему господину на вчерашній жестокій поступокъ Стабса со мною. Полковникъ Муръ принялъ меня холодно и держалъ въ такомъ отъ себя отдаленіи, какъ никогда не дѣлалъ ; обыкновенно у него была улыбка для всякаго, въ особенности же для своихъ невольниковъ ; тѣмъ неменѣе онъ выслушалъ мой рассказъ и даже удостоилъ сказать, что ничто такъ не мучитъ его, какъ то, когда его слугъ наказываютъ несправедливо и безъ нужды, что никогда онъ не потерпитъ подобныхъ вещей на своей плантаціи. Онъ приказалъ мнѣ идти къ своему дѣлу, увѣривши напередъ, что онъ сегодня же увидится съ Стабсомъ и узнаетъ какъ было дѣло. Это было его послѣднее слово. Въ тотъ же вечеръ мистеръ Стабсъ позвалъ меня къ себѣ, и привязавши къ дереву противъ дверей своего дома, далъ мнѣ сорокъ ударовъ кнутомъ, приглашая идти снова жаловаться на него, если смѣю. «Это ужъ очень много, — сказалъ онъ — чтобы я давалъ отчетъ въ томъ, что отпоролъ какого-нибудь негра за проклятую дерзость!» Дерзость — всегда готовое оправданіе тирановъ !.. Отпоролъ несчастнаго, истерзали его совершенно невинно, — что же найти въ свое оправданіе? Всегда найдется вина : «дерзость негодяя» ! а это обвиненіе въ глазахъ негровладельца извиняетъ и оправдываетъ всякое звѣрство. Малѣйшее слово, взглядъ, движеніе, которое покажетъ у раба сознание сдѣланной ему несправедливости, называется дерзостью и наказывается съ беспощадной строгостью.

Второй разъ я уже испытывалъ наказаніе кнутомъ, и второй приемъ не показался мнѣ пріятнѣе перваго. У свободныхъ людей ударъ считается величайшимъ оскорбленіемъ, и какъ ни низко ставятъ невольниковъ ихъ притѣснители, но и у нихъ онъ считается оскорбле-

вѣемъ. Кромѣ того, какъ ни странно это можетъ показаться, сплетенный ремень въ здоровыхъ рукахъ производитъ довольно сильную боль, особенно когда за каждымъ ударомъ брызжетъ кровь!..

Предоставляю собственнымъ чувствамъ читателя вообразить то, чего никакое слово не можетъ передать, всю горечь несчастнаго положенія чловѣка, который каждый часъ опасается испытать такое оскорбленіе, такую пытку. Если онъ можетъ вообразить себѣ — и пусть благодаритъ Бога отъ глубины души, что въ его положеніи онъ можетъ только воображать! — приблизительно это несчастіе, тогда только онъ можетъ составить себѣ самое отдаленное понятіе о томъ, что значить быть рабомъ... Я узналъ теперь то, что скоро узнаётъ каждый невольникъ: что даже и права жаловаться я не имѣю, и единственное средство избѣжать повторенія несправедливости, это — переносить ее молча...

Я старался воспользоваться тяжелымъ урокомъ и принять видъ лицемѣрной покорности, необходимой чловѣку въ моемъ несчастномъ положеніи. Покорность, дѣйствительная или притворная (они объ этомъ мало заботятся), въ глазахъ господина есть высокая и достолавная добродѣтель раба. Наука въ самомъ дѣлѣ трудная, но американскій управляющій — строгій учитель; и если я медленно успѣвалъ въ ней, то не вина мистера Стабса!..

VI

Было бы утомительно для меня и скучно для читателя, входить въ мелкія подробности грустныхъ и однообразныхъ происшествій, наполнявшихъ мою жизнь въ это время; послѣдняя глава — образецъ, по которому можно судить о тѣхъ удовольствіяхъ, какими я наслаждался. Ихъ можно рассказать въ нѣсколькихъ словахъ, и эти слова, передавая часть моей исторіи, могутъ служить описаніемъ цѣлой жизни многихъ тысячъ американцевъ. Меня душили работой, мало кормили и жестоко били. Мистеръ Стабсъ, разъ начавши, не позволялъ уже мнѣ оправиться отъ наказанія, какъ повторялъ его вновь; на моей спинѣ есть память о немъ, которую я надѣюсь унести съ собой въ могилу. Все это онъ дѣлалъ для моей же пользы, и клялся, что не перестанетъ бить, пока не выбьетъ изъ меня проклятую записку. Настоящее становилось для меня невыносимымъ: а

у раба какая надежда на будущее?! Я желалъ смерти, и нѣзнаю на какой отчаянный поступокъ не рѣшился бы, еслибъ не измѣнилось вдругъ мое положеніе, какъ всегда можетъ измѣниться положеніе невольника независимо отъ его воли. Вслѣдствіе внезапной смерти одного родственника, полковникъ Муръ получилъ въ наслѣдство обширное помѣстье въ южной Каролинѣ; но умершій оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ были нѣкоторые спорные пункты, угрожавшіе процесомъ. Дѣло это требовало личнаго вниманія полковника Мура, и потому онъ отправился въ Чарльстоунъ, взявши съ собою нѣсколькихъ слугъ; а какъ одинъ или двое изъ нихъ недавно умерли, то мистрисъ Муръ вскорѣ послѣ отъѣзда мужа прислала за мною для замѣны недостающей прислуги въ домъ. Этотъ переворотъ въ судьбѣ былъ истиннымъ для меня счастьемъ.

Я зналъ мистрисъ Муръ какъ женщину, неспособную оскорбить или унижить слугу, будь онъ даже невольникъ, развѣ ужъ она была въ очень дурномъ расположеніи, что случалось неболѣе раза или двухъ въ недѣлю, исключая впрочемъ большихъ жаровъ, когда припадокъ продолжался иногда цѣлую недѣлю. Кромѣ того я надѣялся, что воспоминаніе о моей вѣрной, страстной привязанности къ ея младшему сыну, ея любимцу, сохранить мнѣ ея благоволеніе. Я не ошибся: теперешнее мое положеніе въ сравненіи съ тиранствомъ Стабса казалось почти блаженствомъ; ко мнѣ возвратилась дорогая, веселая юность; я былъ столько уменъ, или вѣрнѣе, этотъ возвратъ прежней веселости сдѣлалъ меня слишкомъ безпечнымъ, чтобы тревожиться о будущемъ. Довольный временнымъ облегченіемъ моей судьбы, я пересталъ думать о несчастіяхъ, связанныхъ съ нею. Въ это время миссъ Каролина, старшая дочь полковника Мура, возвратилась изъ Балтиморы, гдѣ она провела нѣсколько лѣтъ у тетки, наблюдавшей за ея воспитаніемъ. Это было очень обыкновенное созданіе, лишенное красоты и граціи, но зато ея горничную Касси природа надѣлила обоими дарами. Касси была подруга моего дѣтства; ова уѣхала ребенкомъ, а возвратилась женщиной. Я узналъ отъ одного изъ слугъ, что она была дочь полковника Мура и одной невольницы, раздѣлявшей годъ или два съ моей матерью милость господина; та давно умерла, оставивъ Касси ребенкомъ. Ея мать, говорили, была необыкновенно хороша и считалась опасной соперницей моей матери; Касси по красотѣ была достойной наслѣдницей отца и матери. Она была небольшого роста, но отличалась граціозной и изящной фигурой; гибкость и живость ея движеній могла бы служить unbe-

полезнымъ примѣромъ для лѣнивой госпожи ея , лежавшей по цѣлымъ днямъ на диванѣ.

Нѣжный свѣтло-смуглый цвѣтъ ея лица, розовыя щеки безъ сомнѣнія могли болѣе нравиться, чѣмъ безжизненная блѣдность, обыкновенная и даже всеобщая принадлежность патриціанскихъ красавицъ Нижней Виргиніи. При этомъ она еще могла гордиться блестящими, выразительными глазами : лучшихъ я не видалъ. Въ это время, какъ истинный виргинецъ, я еще гордился цвѣтомъ моего лица, хотя горькій опытъ уже убѣдилъ меня , что черный или бѣлый рабъ — все рабъ , а господинъ его , необращая вниманія на цвѣтъ лица своей собственности , поретъ ее безъ всякаго пристрастія. Я воображалъ, что принадлежу къ высшей кастѣ , и счелъ бы униженіемъ стать на одну доску съ тѣмъ, кто былъ чернѣе меня. Эта глупая гордость помѣшала мнѣ сблизиться съ другими слугами мужескаго и женскаго пола, потому что я былъ замѣтно бѣлѣе ихъ всѣхъ ; она же была причиной справедливой ихъ ко мнѣ ненависти , непріятныя послѣдствія которой я испыталъ неразъ, что впрочемъ не исправило меня. У Касси быть-можетъ было немного болѣе африканской крови, чѣмъ у меня, но это обстоятельство, сначала казавшееся мнѣ очень важнымъ, мало-помалу потеряло въ глазахъ моихъ всякое значеніе по мѣрѣ того какъ я узнавалъ Касси. Мы были часто вмѣстѣ : красота, одушевленіе и веселый характеръ Касси производили на меня съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе впечатлѣнія. Я незамѣтно полюбилъ ее и скоро убѣдился, что мнѣ платять взаимностью. Касси была дитя природы : у ней не было и признаковъ кокетства, вѣрнаго средства мучить влюбленныхъ неизвѣстностью, средства, большею частью столько же знакомаго горничнымъ, какъ и ихъ господамъ.

Мы любили другъ друга и скоро заговорили о свадьбѣ. Касси спросила свою госпожу и получила благопріятный отвѣтъ ; мистрисъ Муръ такъ же милостиво выслушала и меня.

Женщины никогда не бываютъ такъ счастливы , какъ когда имъ удается вмѣшаться въ сватовство ; даже низкое положеніе влюбленныхъ не лишаетъ этого занятія всей его прелести. Было рѣшено, что по случаю нашей свадьбы будетъ небольшой праздникъ для слугъ ; ее назначили въ слѣдующее воскресенье ; священникъ , методистъ, буждавшій по окрестности, съ радостью взялся обвѣнчать насъ ; онъ безъ сомнѣнія исполнилъ бы обрядъ для всякаго, но

здѣсь онъ тѣмъ охотнѣе предложилъ свои услуги, что Касси присо-
единилась къ обществу методистовъ, когда была въ Балтиморѣ.

Меня все это очень радовало, потому что все это какъ-будто при-
давало нашему соединенію ту необходимую торжественность, кото-
рая и должна быть при немъ. Обыкновенно на бракъ невольниковъ
въ Америкѣ смотрятъ какъ на минутное дѣло: это есть только времен-
ное сближеніе, на которое господа почти вовсе не обращаютъ вни-
манія, а слѣдовательно и самые сочетающіеся не придаютъ ему по
большей части большого значенія. Мысль, что мужъ можетъ быть
проданъ въ Лузіану, а жена въ Георгію, не много можетъ способство-
вать къ скрѣпленію брачныхъ узъ; а чтобы охладить самую страст-
ную любовь, довольно одной увѣренности, что плоды супружества,
дѣти ихъ любви, родятся рабами и вырастутъ только для всѣхъ ли-
шеній и несчастій безнадежнаго рабства. Невольники уступаютъ
побужденію природы и размножаютъ породу рабовъ; но, съ рѣдкими
исключеніями, рабство такъ же губительно для супружеской любви,
какъ и для всѣхъ другихъ добродѣтелей. Безъ сомнѣнія, нѣсколько
избранныхъ натуръ стануть выше своего положенія, и лишонныя вся-
кой другой опоры, найдутъ въ собственномъ сердцѣ силу противиться
убійственно-развращающему вліянію невольничества, точно такъ
какъ губельная зараза или желтая лихорадка (правду сказать, ера-
внительно невинная и безсильная), свирѣпствуя въ зараженномъ
городѣ и увлекая тысячи и десятки тысячъ въ могилу, встрѣчаетъ
иногда желѣзныя натуры, которыя вызываютъ ее на бой и съ по-
мощью одной силы природы выходятъ побѣдителями.

Въ пятницу передъ воскресеньемъ, днемъ нашей свадьбы, пол-
ковникъ Муръ возвратился въ Спрингъ-Мидоу. Пріѣзда его не жда-
ли и я покрайней-мѣрѣ вовсе не желалъ его. Со всѣми слугами, кото-
рые посѣщили ему навстрѣчу, онъ говорилъ съ обычной лаской и
добротой; но когда я подошелъ вмѣстѣ съ другими, то его недоволь-
ный взглядъ былъ единственнымъ знакомъ, что онъ меня примѣтилъ.
Онъ казалось былъ несовсѣмъ пріятно удивленъ, увидѣвши меня
снова въ своемъ домѣ.

На слѣдующій день меня освободили отъ моей обязанности и
снова передали въ распоряженіе мистера Стабса. Это меня задѣло
за живое; но что было со мной на другой день, когда я пришолъ за
своей невѣстой!.. Мнѣ сказали, что она уѣхала въ экипажѣ съ пол-
ковникомъ Муромъ и его дочерью въ гости къ сосѣдямъ и мнѣ не
для чего беспокоиться приходить къ ней, потому что миссъ Каролинѣ

неудобно, чтобы ея горничная выходила замужъ за работника на полѣ. Я не могу описать порыва моей скорби и бѣшенства въ эту минуту. Люди съ моимъ характеромъ легко поймутъ мои чувства; для особъ же холоднаго темперамента никакое описаніе не можетъ дать о нихъ приблизительнаго понятія. Моя невѣста, жена моя — у меня отнята и я самъ отданъ на жертву ненавистному извергу-управляющему!.. И все это такъ скоро, съ явнымъ желаніемъ оскорбить и унижить меня!.. Теперь снова я испыталъ дурныя послѣдствія моей глупой гордости, отдававшей меня отъ другихъ слугъ, моихъ товарищей: вмѣсто того чтобы пожалѣть обо мнѣ, многіе открыто радовались моему несчастію, и такъ какъ я избѣгалъ сношеній съ ними, то у меня и небыло друга, у котораго бы могъ спросить совѣта или найти сочувствіе. Наконецъ я вспомнилъ о священникѣ-методистѣ, который долженъ былъ вѣнчать насъ въ этотъ вечеръ. Онъ повидимому принималъ участіе въ нашемъ дѣлѣ; я не затѣмъ только хотѣлъ видѣть его, чтобы онъ, какъ могъ, утѣшилъ меня и помогъ своимъ совѣтомъ, но желалъ избавить добраго человѣка отъ бесполезной проходки, а можетъ-быть и оскорбленія, потому что полковникъ Муръ косо смотрѣлъ на всѣхъ проповѣдниковъ и въ особенности на методистовъ. Узнавши, что у этого священника будетъ митингъ въ четырехъ или пяти миляхъ отъ Спрингъ-Мидоу, я рѣшился, если получу позволеніе, пойти на этотъ митингъ, и обратился къ мистеру Стабсу, чтобы получить билетъ, письменное позволеніе, безъ котораго ни одинъ невольникъ не можетъ отлучиться изъ плантаціи, къ которой принадлежалъ, подъ опасеніемъ быть остановленнымъ первымъ встрѣчнымъ, избитымъ имъ какъ собака и приведеннымъ обратно домой.

Мистеръ Стабсъ съ бранью отвѣчалъ, что ему уже наскучило это бродяжничество и сказалъ, что въ эти двѣ недѣли онъ положилъ никому не давать билета.

Нѣкоторымъ сентиментальнымъ особамъ можетъ показаться это безчеловѣчнымъ: какъ! невольникъ шесть дней работаетъ на своего господина, и наконецъ дождется благословеннаго сельмова дня, но и тутъ ему нельзя сколько-нибудь переимѣнить свою обстановку, нельзя ни на минуту оставить ненавистныя поля, ежедневно видѣвшія его страданія! Но многіе расчетливые управители и хорошіе дисциплинаторы стоятъ, какъ и Стабсъ, противъ всякихъ прогулокъ и запираютъ своихъ невольниковъ, когда тѣ не работаютъ, точно такъ какъ и свои стада, чтобы, говорятъ они, предохранить ихъ отъ зла!..

Въ другую минуту эта новая черта мелочного тиранства мистера Стабса вывела бы меня изъ себя, но теперь я едва замѣтивъ ее, потому что сердце мое было наполнено тяжолымъ страданьемъ... Я медленно возвращался въ избамъ невольниковъ, когда ко мнѣ подбѣжала запыхавшись маленькая дѣвочка, одна изъ служанокъ дома. Я зналъ, что это была одна изъ любимицъ Касси, и схватилъ ее на руки. Дѣвочка сказала мнѣ, какъ только могла перевести духъ, что она меня искала все утро и что у нея есть порученіе отъ Касси, именно: Касси велѣла мнѣ сказать, что она принуждена была противъ воли уѣхать съ Каролиной, но мнѣ нечего беспокоиться и печалиться, потому что она меня любить попрежнему. Я расплывалъ маленькую посланницу за ея вѣсти и поспѣшилъ домой.

Я жилъ теперь въ небольшой удобной избѣ, которую мистрисъ Муръ велѣла выстроить для меня и Касси, и ждалъ, что вотъ-вотъ отнимутъ ее.

Полученное мною извѣстіе подняло новую тревогу въ моемъ сердцѣ: я не могъ оставаться на одномъ мѣстѣ и то садился, то вставалъ поминутно; сердце мое страшно билось и кровь волновалась какъ въ лихорадкѣ. Я вышелъ изъ дому и сталъ бродить вдоль тюрьмы — плантація была моей тюрьмой — чтобы физической усталостью преодолѣть мучительное ощущеніе страха и надежды, которое для меня было тягостнѣе самой увѣренности въ несчастіи.

При наступленіи вечера я ожидалъ возвращенія экипажа, и наконецъ слышался отдаленный шумъ. Я бросился къ дому, надеясь увидѣть Касси и быть-можетъ поговорить съ нею. Когда экипажъ остановился у дверей, я былъ почти возлѣ; но мысль, что лучше не встрѣчаться съ полковникомъ Муромъ, остановила меня. Теперь я былъ убѣжденъ, что причиной жестокаго откъва въ это утро была ненависть ко мнѣ полковника — и я возвратился домой, необмѣнявшись ни словомъ, ни даже взглядомъ съ Касси.

Я бросился въ постель, ворочался съ боку на бокъ и не могъ успокоиться; часы тянулись одинъ за другимъ, но я не могъ заснуть... Было болѣе полуночи, когда слышался легкій стукъ въ дверь и шопотъ, пробѣжавшій по всемъ моимъ нервамъ; я вскочилъ, открылъ дверь и схватилъ въ объятія... Касси, мою невесту! Отъ нея я узналъ, что все измѣнилось съ пріѣздомъ полковника Мура. Миссъ Каролина сказала Касси, что полковникъ очень дурного обо мнѣ мнѣнія и остался очень недоволенъ, что въ его отсуствіе меня снова приняли въ домъ. Она прибавила, что узнавъ о

предполагаемой свадьбѣ, полковникъ объявилъ, что Касся слишкомъ хороша для такого негодяя какъ я и что онъ самъ позаботится приискать ей мужа получше. Поэтому ея госпожа запретила ей думать болѣе обо мнѣ, приказывая въ тоже время не плакать, потому что она будетъ мучить отца до тѣхъ поръ, пока тотъ не исполнитъ своего обѣщанія, «а тогда — прибавила барышня — будетъ мужъ: а каждой изъ насъ вѣдь только этого и нужно».

Такъ думала госпожа; но я имѣю право предполагать, что у горничной было болѣе чистое понятіе о супружеской связи.

Я не зналъ навѣрное, чему приписать поступокъ полковника Мура. Болѣе всего я былъ расположенъ думать, что это — новое проявленіе той же вражды и ненависти, какую онъ постоянно показывалъ ко мнѣ со времени моего бесполезнаго и безумнаго воззванія къ отеческимъ его чувствамъ. Но мнѣ пришло на мысль, что это сопротивление нашему браку могло происходить и отъ другихъ причинъ. Впрочемъ всѣ свои предположенія я оставилъ при себѣ. Объ одномъ изъ нихъ я самъ не могъ вспомнить равнодушно, тѣмъ менѣе я бы позволилъ себѣ оскорбить и привести въ отчаяніе Касси, сказавши ей объ немъ. Другая причина, которая по моему мнѣнію могла имѣть вліяніе на полковника Мура, была менѣе унижательна для него и болѣе лестна для меня и для Касси. Но объ ней я не могъ говорить, потому что это повело бы къ открытію, котораго я вовсе не желалъ.

Касси знала, что она дочь полковника Мура, но еще при началѣ нашего знакомства я убѣдился, что она вовсе не подозреваетъ, кто мой отецъ.

Я имѣю причины думать, что мистрисъ Муръ были очень хорошо извѣстны оба эти обстоятельства, потому что подобныя вещи не ускользаютъ никогда или очень рѣдко отъ пламенной любознательности женщины, а тѣмъ болѣе супруги. Она не считала того, что узнала, препятствіемъ къ моей женитьбѣ на Касси. Не считалъ этого и я; да и какимъ образомъ то самое уваженіе къ законности (этой фразой оправдываютъ всевозможныя притѣсненія), которое не признаетъ нашего происхожденія и этимъ самымъ уничтожаетъ всякое родство между нами, можетъ препятствовать нашему соединенію на основаніи этого же родства!.. Но я зналъ, что Касси болѣе чувствовала, чѣмъ рассуждала, и хотя родилась и воспитывалась въ рабствѣ, но была очень разборчива въ своихъ чувствахъ и кромѣ того, какъ методистка, она хотя была самой живой и веселой дѣвушкой,

какую я только зналъ, строго исполняла всѣ постановленія своей религіи. Я боялся рисковать нашимъ взаимнымъ счастіемъ и не хотѣлъ подвергать Касси мученіямъ излишней, по моему мнѣнію, разборчивости; а нерасказавши ей прежде о нашемъ родствѣ, я съ каждымъ днемъ чувствовала менѣе расположенія толковать о немъ. Поэтому я просто отвѣчалъ ей, что какъ ни ненавидитъ меня полковникъ Муръ, все же самъ я ничѣмъ не заслужилъ его нерасположенія. Послѣ минутнаго молчанія я взялъ Касси за руку и дрожащимъ голосомъ спросилъ, что она думаетъ дѣлать? «Я жена твоя, сказала она — и никогда не буду принадлежать никому другому...» Я прижалъ милую дѣвушку къ груди своей; мы стали на колѣни, и поднявъ руки къ небу, молили Бога благословить и засвидѣтельствовать союзъ нашъ: не въ нашей власти было освятить его иначе...

VII

Моя жена могла видѣть меня только украдкой. Она ночью спала на ковръ въ комнатѣ своей госпожи, потомучто въ Америкѣ полъ считается слишкомъ достаточной постелью для невольницы, хотя бы и любимицы своей госпожи. Она была обязана вставать при каждой прихоти своей госпожи, настоящаго избалованаго ребенка, и навѣщая меня, подвергалась большой опасности, потомучто если бы ея таинственныя посѣщенія открылись, — даже вся чудная прелесть Касси, что-бы ни говорили поэты о могуществѣ красоты, не спасла бы ее отъ плети.

Какъ ни коротки были ея посѣщенія, но ихъ было достаточно, чтобы возбуждать и поддерживать во мнѣ какое-то особенное состояніе чувства. Жена была рѣдко со мной, но образъ ея всегда представлялся мнѣ и казалось дѣлалъ меня нечувствительнымъ ко всему другому... Все проходило предо мною какъ въ счастливомъ снѣ: тяжелый трудъ въ полѣ былъ мнѣ ничемъ; я почти не чувствовалъ боли отъ плети управляющаго... Наша взаимная любовь и ожиданіе непрерывныхъ свиданій наполняли мою душу такою радостью, что въ ней казалось не оставалось мѣста для непріятныхъ волненій; какъ ни сильна была моя страсть, въ ней не было ничего безпокойнаго или неудовлетвореннаго: когда я прижималъ милую дѣвушку къ своей груди, мнѣ казалось, что я достигъ высочайшаго наслажденія для человѣка!.. Я былъ счастливъ; большаго счастья и

не могъ вообразить, да и не желалъ другого: упоеніе страсти одинаково у раба, какъ и у господина!.. Это самое высокое чувство, и пока оно длится, оно удовлетворяется само собой... Я испыталъ это. Хотя почти все соединилось, чтобы сдѣлать меня несчастнымъ, я все-таки былъ счастливъ, потомучто пламенная страсть дѣлала меня нечувствительнымъ ко всему кромѣ любви. Но такое восторженное состояніе не по силамъ человѣку: скоро оно проходитъ и можетъ-быть слишкомъ дорого покупается, потомучто часто за нимъ сдѣдуютъ мученія обманутой надежды и вся горечь отчаянія. Но все-таки я съ удовольствіемъ вспоминаю это время. Въ моей жизни это одно изъ свѣтлыхъ пятенъ, кой-гдѣ разбросанныхъ и едва замѣтныхъ, которыя жадная память съ трудомъ отыскиваетъ въ далекомъ прошломъ, — рѣдкіе веселые островки, окруженные со всѣхъ сторонъ мрачнымъ и бурнымъ океаномъ!..

Прошло почти двѣ недѣли послѣ нашей свадьбы. Разъ, около полуночи, я сидѣлъ возлѣ дверей, ожидая моей жены. Луна свѣтила ярко, небо было безоблачно. Я все еще находился въ восторженномъ состояніи: слѣдя за теченіемъ мѣсяца и любясь его блескомъ, я благодарилъ Бога, что низкія наклонности рабства еще несовсѣмъ заглушили во мнѣ всѣ лучшія, высшія движенія человеческого сердца. Скоро я замѣтилъ подходившую ко мнѣ человѣческую фигуру; не знаю, на какомъ бы разстояніи я не узналъ ее! Я бросился впередъ и схватилъ жену въ свои объятія. Прижимая ее къ сердцу, я почувствовалъ, что она страшно дрожить; а когда поцѣловалъ ее, слеза упала мнѣ на лицо. Встревожившись этимъ, я внесъ ее въ домъ и торопливо сталъ спрашивать, что значитъ ея волненіе? Мой вопросъ повидимому только еще болѣе взволновалъ ее; она опустила голову ко мнѣ на грудь, и судорожно рыдая, не могла выговорить ни одного слова. Я не зналъ что думать, что дѣлать: старался успокоить ее, удержать своими поцалуями слезы, которыя лились по ея щекамъ, положилъ ей руку на сердце, какъ-будто могъ этимъ остановить его біеніе... Наконецъ она стала спокойнѣе; но только нескоро и мало-помалу изъ прерывистыхъ фразъ я узналъ, что ее такъ напугало. Полковникъ Муръ со времени своего возвращенія видимо оказывалъ ей особенную благосклонность: часто дѣлалъ ей небольшіе подарки, искалъ случая поперить съ ней и постоянно, полушутя, говорилъ комплименты насчетъ ея красоты. У него даже вырывались намеки, которые Касси не могла не понимать, но считала лучшимъ не замѣчать ихъ. Но

его нельзя было оттолкнуть этимъ; отъ словъ онъ перешолъ къ дѣлу; тутъ ужъ нельзя было притвориться непонимающей. Оскорбленная въ своей естественной скромности, въ своей любви ко мнѣ, въ своихъ религиозныхъ чувствахъ, бѣдная дѣвушка приходила въ ужасъ отъ ожидавшей ее участи, но до сихъ поръ скрывала отъ меня свои опасенія. Ей не хотѣлось мучить меня, рассказывая объ оскорбленіяхъ, которыхъ остановить я не могъ, хотя они и разрывали мое сердце.

Въ этотъ день мистрисъ Муръ съ дочерью отправилась съ визитомъ къ сосѣдямъ, а Касси оставили дома. Она работала въ комнатѣ своей госпожи, когда вошелъ полковникъ Муръ. Касси быстро встала и хотѣла уйти, но онъ приказалъ ей остаться и выслушать чтó онъ ей скажетъ. Онъ какъ-будто не замѣчалъ ея смущенія и совершенно спокойно сказалъ ей, что обѣщалъ своей дочери найти вмѣсто этого негодая Арчи другого для нея мужа, но какъ ни искалъ, не могъ найти никого достойнаго Касси, а потому рѣшился взять ее себѣ. Все это было сказано тѣмъ нѣжнымъ тономъ, противъ котораго, какъ ему казалось, трудно было устоять. Для многихъ женщинъ въ положеніи Касси это и было бы такъ; онъ сочли бы за величайшую честь для себя быть замѣченными своимъ господиномъ, и многимъ бы немало польстила деликатность, съ какою было сдѣлано это предложеніе. Но бѣдное дитя чувствовало только стыдъ и ужасъ и готова была, говорила мнѣ, провалиться сквозь землю отъ страха и отчаянія. Рассказывая объ этомъ, она краснѣла, заикалась, дрожала; дыханіе ея сдѣлалось скоро и прерывисто; она прижалась ко мнѣ, будто какіе-то ужасные призраки представлялись ей... Наклонясь къ самому уху, она едва слышнымъ дрожащимъ голосомъ прошептала: «Арчи! онъ мой отецъ!»

Касси была увѣрена, что полковникъ Муръ не могъ не понять, какое впечатлѣніе произвело его предложеніе. Но онъ не обратилъ на это вниманія, а началъ исчислять всѣ выгоды, какія она получитъ отъ этой связи, стараясь соблазнить ее обѣщаніями нарядовъ и праздної жизни. Она же стояла предъ нимъ опустивъ глаза и отвѣчая только вздохами и слезами, которыя напрасно старалась заглушить. На это полковникъ Муръ недовольнымъ и обиженнымъ тономъ замѣтилъ, чтобы она не дурачилась, и схвативши одною рукою ея руку, другою обнявъ за талію, убѣждая при этомъ не раздражать своего господина бесполезнымъ сопротивленіемъ.

Касси вскрикнула отъ ужаса и повалилась къ его ногамъ...

Въ ту же минуту стукъ экипажа раздался въ ея ушахъ «какъ небесная музыка», сказала она. Ея господинъ также его услышалъ ; онъ выпустилъ ее изъ рукъ и пробормотавши что-то, что въ другой разъ... быстро вышелъ изъ комнаты.

Она осталась на полу безъ чувствъ, и только звукъ шаговъ миссъ Каролины привелъ ее въ себя.

Остальную часть дня и вечеръ она сама не понимала какъ провела. Голова ея кружилась, говорила она ; туманъ стоялъ передъ глазами и въ душѣ было одно мучительное чувство гнета и тоски. Днемъ она не смѣла оставить комнаты своей госпожи и ожидала съ негероическимъ урочнаго часа, когда ей можно будетъ броситься въ объятія мужа, своего естественнаго защитника... Естественнаго защитника! Къ чему служить мужу естественное право защищать свою жену отъ преслѣдованій чужака, когда оба они принадлежать этому самому чужаку?..

Таковъ былъ рассказъ Касси. Какъ ни странно это можетъ показаться, я выслушалъ его совершенно равнодушно.

Когда я держалъ въ своихъ объятіяхъ трепещущую, заплаканную рассказчицу, я менѣе волновался слушая ее, чѣмъ теперь, передавая ея рассказъ Даво въ томъ, что я былъ приготовленъ къ нему : я предвидѣлъ и ожидалъ этого.

Я зналъ, что красота Касси была слишкомъ привлекательна, чтобы не возбудить желаній сластолюбца, у котораго долгое потворство своимъ страстямъ заглушило все лучшія чувства и сдѣлало неспособнымъ воздерживаться ; а боясь наказанія или общественнаго презрѣнія, которое бы могло замѣнить ему совѣсть, ему было нечего. Да и чего можно ожидать отъ чужака, который хорошо знаетъ, что какое бы насиліе онъ себѣ ни позволилъ, не только законъ оправдаетъ его, но даже и общій голосъ назоветъ непрониемымъ ходатаемъ чужихъ дѣлъ всякаго, кто вздумалъ бы заставить его дать отчетъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія?

Какъ ни мало отцовской нѣжности постоянно показывалъ мнѣ полковникъ Муръ, покрайней-мѣрѣ съ той минуты какъ онъ узналъ, что мнѣ извѣстно наше родство, но все-таки я слишкомъ уважаю своего отца, чтобы выставять его въ дурномъ свѣтѣ. Страстный и вспыльчивый отъ природы, онъ былъ добръ, а въ честности его, какъ я уже говорилъ, нельзя было сомнѣваться. Но честность бываетъ разнаго рода. Полковникъ Муръ строго соблюдалъ тотъ кодексъ, въ которомъ былъ воспитанъ : посягнуть

на честь жены или дочери сосѣда онъ счелъ бы — какъ почитается это въ виргинскомъ уставѣ о чести — смертельнымъ оскорбленіемъ; онъ зналъ очень хорошо, что такое оскорбленіе можетъ быть заглажено только смертью оскорбителя. Въ другихъ же случаяхъ онъ не зналъ никакихъ границъ и препятствій. Сильный вѣрною безнаказанностью, придававшю ему смѣлость, если только дѣло шло о невольницѣ, онъ смотрѣлъ на самое ужасное оскорбленіе, какое можетъ быть сдѣлано женщинѣ, какъ на шутку, надъ которой можно посмѣяться за четвертой бутылкой, и ни въ какомъ случаѣ не нашолъ бы ее достойною строгаго и серьезнаго порицанія. Всего этого я ожидалъ; я предвидѣлъ съ самаго начала, что Касси будетъ обречена своимъ господиномъ на ту же судьбу, которая была удѣломъ моей и ея матери. Этому намѣренію я съ самаго начала приписывалъ его сопротивленіе нашему браку; предположивши впоследствии другую причину, я сдѣлалъ ему честь, на которую, какъ я вижу, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Я каждый день ждалъ услышать то что теперь услышалъ, я ждалъ этого. Но такъ сильна была восторженная моя любовь, что и это ужасное ожиданіе не могло ни смутить, ни огорчить меня; даже когда опасенія замѣнились дѣйствительностью, я оставался спокоенъ. Экзальтація страсти поддерживала меня, и прижимая несчастную, трепещущую жену къ груди своей, я чувствовалъ себя выше несчастій, меня давившихъ, я былъ счастливъ!.. Это можетъ показаться невѣроятнымъ. Но любите какъ я любилъ, или если вашъ темпераментъ болѣе расположенъ къ ненависти, ненавидьте такъ же сильно, какъ я любилъ; пусть страсть поглотитъ васъ вполнѣ, и пока она будетъ продолжаться, вы будете одарены поразительной, почти нечеловѣческой энергіей!..

Я ужъ рѣшилъ что мнѣ дѣлать. У несчастнаго невольника есть одно средство избавиться отъ угрожающаго зла, жалкое и грустное средство, прибѣгая къ которому онъ непременно рискуетъ увеличить свои страданія: это средство — бѣгство.

Мы скоро собрались въ путь. Жена пошла домой, собрала въ узелокъ немного платья; въ тоже время я сколько могъ захватилъ провизіи; два одѣяла, топоръ, котелокъ и нѣсколько мелкихъ вещей заключили наши сборы. Когда жена возвратилась, я былъ готовъ пуститься въ путь. Мы отправились съ единственнымъ спутникомъ, вѣрною собакой; я не хотѣлъ брать ее, боясь, чтобы она какъ-нибудь не выдала насъ, но она не хотѣла идти назадъ, а привязать ее

я боялся, потому что лай ея могъ поднять тревогу, за которой немедленно бы послѣдовала погоня за нами.

Въ Нижней Виргиніи уже показалась та растительная болѣзнь, которая впоследствии такъ тяжело легла на нее. Впрочемъ она заслужила такую казнь!.. Уже поля начинали пустѣть и плантаціи заростать почти непроходимыми кустарниками; а эта почва могла бы еще производить богатые жатвы, еслибы ее обрабатывали свободныя руки!

Въ десяти миляхъ отъ Спрингъ-Мидоу была одна пустая плантація. Еще прежде я посѣщалъ ее нѣсколько разъ съ мастеромъ Джемсомъ; онъ, пока могъ вѣдять верхомъ, имѣлъ странную охоту блуждать по безлюднымъ мѣстамъ. Сюда-то я рѣшился отправиться въ эту критическую минуту.

Дорога, которая вела прежде къ этой плантаціи, и прилегающія къ ней съ обѣихъ сторонъ поля поросли маленькими, чахлыми соснами. Онѣ такъ близко стояли одна возлѣ другой, такъ сплелись, что стали почти непроходимымъ лѣсомъ. Мнѣ впрочемъ удалось не потерять настоящаго направленія. Дорога была такъ затруднительна, что уже разсвѣло, когда мы дошли до построекъ плантаціи. Онѣ еще стояли, но въ самомъ жалкомъ положеніи: главный домъ былъ построенъ въ огромныхъ размѣрахъ и съ большими претензіями, но окна уже исчезли, двери попадали съ петель и крыша мѣстами провалилась. Дворъ заросъ молодыми деревьями; но стѣнамъ дома вился дикій виноградъ, все было молчаливо, пусто и мрачно. Конюшни и помѣщенія невольниковъ представляли только кучи развалинъ, поросшихъ мхомъ и травой.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома находился спускъ, составлявшій одну сторону глубокаго рва, на днѣ котораго билъ изъподъ горы прекрасный источникъ; теперь онъ былъ вполнину зарытъ листьями и пескомъ, но вода осталась чиста и свѣжа какъ и прежде. Возлѣ источника было небольшое, низенькое кирпичное зданіе, вѣроятно построенное для молочни или для чего-нибудь въ этомъ родѣ. Дверь отъ него исчезла, половина крыши обрушилась, а другая держалась еще на мѣстѣ; пустое пространство, гдѣ упала крыша, пропускало довольно свѣта и воздуха и замѣняло окна, которыхъ по первоначальному плану не было. Это небольшое, развалившееся зданіе было такъ закрыто тѣнью старыхъ деревьевъ и такъ заросло новыми, что его нельзя было замѣтить на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ. Мы случайно наткнулись на него, отыскивая

источникъ, въ котораго я и прежде шёлъ: воду, что навстрѣчу помнилъ его положенія. Намъ тотчасъ же пришло на мысль, что это можетъ быть нашимъ временнымъ убежищемъ; и мы рѣшились сейчасъ же вычистить наполнявшій его щель и поселить съ нимъ.

VIII

Я знаю, что въ то мѣсто, гдѣ мы поселились, рѣдко кто заходилъ; о пустомъ домѣ ходили слухи, что тамъ водятся черти; притомъ дальнее разстояніе отъ дороги и почти непроходимый лѣсъ защищали насъ отъ незваныхъ гостей. Вокругъ было нѣсколько плантацій, такъ какъ мы занимали холмъ между двумя рѣками, берега которыхъ еще обрабатывались. Но ближайшая изъ этихъ плантацій находилась въ четырехъ или пяти миляхъ, и ни одного дома ближе Спрингъ-Мидоу, до котораго, какъ я уже сказалъ, было десять или двѣнадцать миль. Я разсудилъ, что чѣмъ предпринимать дальнѣйшее бѣгство, безопаснѣе остаться въ этомъ убежищѣ и обождать, пока прекратятся поиски. Между тѣмъ мы старались устроиться какъ можно удобнѣе.

Какъ это было въ половинѣ лѣта, то недостатокъ крыши не очень насъ беспокоилъ. Нѣсколько сосновыхъ вѣтокъ въ одномъ углу разваливъ составляли нашу постель, — я на пуховикѣ мы же спали бы покойнѣе; изъ обломковъ панелей пустого дома я сдѣлалъ два грубыхъ табурета и нѣчто похожее на столъ; источникъ снабжалъ насъ водою, нужно было позаботиться только о пищѣ. Въ лѣсу было нѣсколько дикихъ плодовыхъ деревьевъ, а возлѣ дома росли персики, хотя заглушіе и истощенные тунядной растительностью, но еще давашіе плоды; я былъ мастеръ лопать кроликовъ и мелкую дичь, которой въ лѣсу было много; изъ ключа, снабжавшаго насъ водою, вытекалъ небольшой ручей, впадавшій недалеко отъ дома въ рѣку, гдѣ было много рыбы. Но главный ресурсъ нашъ составляли соседнія поля хлѣба, гдѣ уже были спѣлые колосья: я безъ зазрѣнія пользовался ими. Однимъ словомъ, хотя мы вовсе не были приучены къ такой дикой жизни, но проводили время очень приятно. Люди, постоянно праздные, не могутъ понять истинной роскоши праздности, того упоительнаго наслажденія, съ какимъ человекъ, работающій поневолю, даетъ отдыхъ своимъ утомлен-

внѣ muscularъ и предаются удовольствію ничто не дѣлать. Я проводилъ цѣлые часы лежа въ тѣни, лѣниво мечтая и наслаждаясь приятнымъ сознаніемъ, что я самъ себе господинъ, что мнѣ не нужно бѣгать назадъ и впередъ по приказанію другого; я могу работать или не работать, какъ мнѣ угодно!..

Почему удивляться, что освобожденные невольники склонны къ лѣности: это новое для нихъ удовольствіе. Въ ихъ умѣ трудъ нераздѣльно связанъ съ рабствомъ и кнутомъ; они привыкли видѣть, что не работать есть главный отличительный признакъ свободнаго состоянія.

Настоящее—то было довольно хорошо; но нужно было подумать о будущемъ. Мы всегда смотрѣли на наше убѣжище какъ на временный пріютъ; теперь пришла пора оставить его. Правда, я считалъ бы величайшимъ счастьемъ провести цѣлую жизнь вдвоемъ съ Касси, вдали отъ всѣхъ: если здѣсь мы были лишены удовольствій общественной жизни, зато и всѣхъ золь ея. Но это было невозможно: климатъ Америки не благоприятствуетъ пустынной жизни.

Наше настоящее убѣжище для лѣта еще годилось, но зимой оно бы сдѣлалось невыносимымъ, а зима приближалась. Мы надѣялись убѣжать въ свободные штаты, потому что я зналъ, что въ сѣверной Виргиніи нѣтъ невольниковъ. Лишь бы намъ удалось выбраться изъ сосѣдства Спрингъ—Мидоу, гдѣ меня хорошо знали, а тамъ ужъ было гораздо легче продолжать наше бѣгство: цвѣтъ лица не выдастъ бы нашего рабскаго происхожденія, и намъ было нетрудно, какъ мы думали, выдать себя за свободныхъ гражданъ Виргиніи. Но нужно было поступать очень осторожно, потому что полковникъ Муръ вѣроятно разослалъ уже по всей окрестности объявленія съ подробнымъ описаніемъ особенныхъ примѣтъ каждаго изъ насъ.

Мнѣ казалось вопервыхъ, что Касси необходимо переодѣться; но вопросъ состоялъ въ томъ, какимъ образомъ и гдѣ достать во что переодѣться? Мы рѣшились говорить всѣмъ, что идемъ на сѣверъ по своимъ дѣламъ, и положили, что Касси переодѣнется въ мужское платье и будетъ провожать меня въ качествѣ младшаго брата. Въ ту ночь, когда мы оставили Спрингъ—Мидоу, я взялъ съ собою свое лучшее платье, послѣдній подарокъ бѣднаго мастера Джамса, что давало мнѣ возможность разыграть роль вирджинскаго путешественника; но для Касси у меня не было ни шляпы, ни

баншаковъ, никакого костюма, въ который бы она могла переодѣться.

По счастью я берѣгу на случай необходимости немного денегъ, скопленныхъ отъ мастера Джемса: Я позаботился взять ихъ съ собою; теперь они составляютъ всю нашу надежду. Нужно было, чтобы ихъ стало не только на приготовленія въ дорогу, но и на путевыя издержки.

Но какъ употребить эти деньги, нерискуя быть открытымъ?

Въ пяти или шести миляхъ отъ Спрингъ-Мадоу и почти въ такомъ же разстояніи отъ насъ, жилъ нѣкто Джемсъ Гордонъ, содержавшій маленькую лавочку; главными покупателями его были невольники сосѣднихъ плантацій.

Мистеръ Джемсъ Гордонъ или Джеми Гордонъ, какъ его фамильярно называли, былъ одинъ изъ бѣдныхъ бѣлыхъ, которыхъ въ Нижней Виргиніи много, покрайней-мѣрѣ было прежде; о нихъ даже невольники говорятъ съ презрѣніемъ.

У Джеми не было ни земли, ни слугъ; отецъ былъ такой же бѣднякъ. Работать его не пріучили, потому что свободный работникъ и не найдетъ работы тамъ, гдѣ каждый землевладелецъ имѣетъ достаточное число невольниковъ для обработки своей плантаціи.

Единственнымъ средствомъ для человѣка въ положеніи Гордона оставалось сдѣлаться управляющимъ у кого-нибудь изъ своихъ богатыхъ сосѣдей. Но въ Виргиніи болѣе желающихъ получить мѣсто управляющаго, чѣмъ самыхъ мѣстъ; кому же Гордонъ былъ однимъ изъ тѣхъ безпечныхъ, добренькихъ, уступчивыхъ и лѣнивыхъ людей, которыхъ обыкновенно называютъ ни къ чему негодными. Онъ никогда не могъ пріучить себя къ внимательному и непрестанному надзору, который необходимъ среди невольниковъ, у которыхъ принято за правило работать какъ можно менѣе и красть какъ можно болѣе. Онъ сумѣлъ бы бѣсноваться, браниться и хлестать направо и налево по чемъ попало, но не былъ способенъ къ правильной строгости, къ систематической жестокости: а только этимъ и приобретается репутація хорошаго управителя. Кроме того въ одной плантаціи, гдѣ управлялъ Гордонъ, оказался значительный недочетъ въ хлѣбѣ: ужъ я незнаю насколько виновата была его небрежность или его нечестность, — вотъ кажется осталось навсегда нерѣшимымъ. Мнѣ только извѣстно, что Гордона отставили отъ должности, а какъ найти другое было очень затруднительно, то онъ съ отчаянія рѣшился заняться торговлей.

По недостатку средствъ, торговля его была весьма незначительна : главный предметъ продажи составляла виски ; но кромѣ этого онъ продавалъ башмаки и другое платье, какое обыкновенно покупаютъ невольники, чтобы дополнить ту жалкую одежду, которую даютъ имъ господа. Плату онъ принималъ деньгами, также зерномъ и другими продуктами, неспрашивая какимъ путемъ достались они покупателямъ.

Противъ людей этого класса виргинскіе законодатели истощили всю свою изобрѣтательность въ составленіи уголовныхъ законовъ и судили ихъ такъ строго, какъ только могли судить людей, которые все-таки могутъ предъявлять права и называться именемъ свободныхъ гражданъ. Но эти уголовные законы не достигали своей цѣли; хотя торговля съ невольниками очень опасна и унизительна, слѣдовательно ею занимаются самые отчаянные и безпорядочные люди, однако число ихъ довольно велико, чтобы доставить плантаторамъ неистощимую тему для разглагольствованій и жалобъ, а невольникамъ тѣ немногія удобства и маленькую роскошь, которыхъ бы они напрасно ожидали отъ снисхожденія или чловѣколюбія своихъ господъ.

Эти торгаши безъ сомнѣнія принимаютъ и краденныя вещи, даже большая часть ихъ товара покупается за такую плату. Напрасно насиліе ограждаетъ себя страшными законами, напрасно рабовладѣлецъ льститъ себѣ надеждой, что ему одному будутъ принадлежать всѣ плоды усиленныхъ трудовъ его ближнихъ ! Рабъ не можетъ противиться могуществу, данному закономъ рукъ его господина ; кнутъ есть знакъ власти, орудіе пытки, противъ которыхъ не устоитъ самое мужественное сердце, самая упорная воля. Но обманъ есть естественный спутникъ насилія, а хитрость — всегдашняя защита слабого противъ притѣсненій сильнаго.

Одинъ разъ я спасъ жизнь мистеру Гордону, за что онъ всегда выражалъ мнѣ свою признательность. Вотъ какъ это случилось : нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разъ Гордонъ удилъ рыбу въ рѣкѣ, недалеко отъ Спрингъ-Мидоу ; вдругъ порывъ вѣтра опрокинулъ его лодку ; берегъ былъ недалеко, но Гордонъ, неумѣя плавать, подвергся большой опасности. Въ это время я съ мастеромъ Джемсомъ гулялъ по берегу ; увидѣвши, что кто-то барактается въ водѣ, я бросился туда и вытащилъ Гордона, когда тотъ уже въ третій разъ опустился на дно. Въ знакъ своей признательности за эту

услугу онъ дѣлалъ мнѣ по временамъ небольшіе подарки, и я надѣялся, что и въ этомъ случаѣ онъ не откажется помочь мнѣ.

Я хотѣлъ купить у него шаллу и башмаки для себя и мужское платье для Касси, и спросить, насколько онъ знаетъ, о дорогѣ, по какой намъ идти. Много, много затрудненій обшачалъ нашъ путь; но я рѣшился не мучить обѣя заранѣе, а предоставить будущему заботиться о будущемъ.

Прежде всего нужно было видѣться съ Гордономъ и узнать, насколько онъ расположенъ помогать мнѣ. Домъ его и лавка въ томъ же домѣ находились въ пустынной части страны (недалеко отъ перекрестка двухъ дорогъ), вдали отъ всякаго жилья. Я считалъ небезопаснымъ отправиться на большую дорогу ранѣе полуночи. Было уже далеко за полночь, когда я подошелъ къ дому Гордона; но увидѣвши домъ, я началъ колебаться и нѣсколько разъ останавливался: нехотѣлось мнѣ доверить свою свободу и всѣ надежды на счастье измѣнчивой благодарности челоуѣка, а тѣмъ болѣе такого, какъ Гордонъ. Рискъ показался мнѣ слишкомъ великъ и сердце мое мучительно сжалось, когда я вспомнилъ какъ слаба опора, отъ которой зависитъ если не жизнь, то все что заставляло желать жизни. Я уже хотѣлъ вернуться назадъ, но вспомнилъ, что это единственное средство; если Гордонъ намъ не поможетъ, у насъ не оставалось никакой надежды на успѣшное бѣгство. Эта мысль толкнула меня впередъ; я собрался съ духомъ и подошелъ къ дверямъ. Три или четыре собаки, стерегшія домъ, залились лаемъ, но онъ только лаяли, а не бросались; я торопливо постучалъ. Мистеръ Гордонъ высунулъ голову изъ окна, заставилъ собакъ замолчать и спросилъ: кто я и что мнѣ нужно? Я попросилъ открыть дверь и впустить меня, говоря, что у меня есть къ нему дѣло.

Надѣясь быть-можетъ сдѣлать выгодный торгъ съ запоздалымъ покупателемъ, онъ успѣшилъ исполнить мою просьбу и открылъ дверь. Когда я входилъ, на меня упалъ свѣтъ луны и Гордонъ тотчасъ узналъ меня.

— Какъ, Арчи! это ты? воскричалъ онъ съ удивленіемъ. — Откуда чортъ принесъ тебя въ такое время? Я думалъ, что ты уже съ мѣсяцъ оставилъ нашу сторону.

Съ этими словами онъ ввелъ меня въ домъ и заперъ дверь.

Я сказалъ, что скрываюсь по сосѣдству и пришолъ къ нему затѣмъ, чтобы онъ помогъ убѣжать мнѣ.

— Все что будетъ возможно, Арчи, отвѣчаетъ онъ: — но если

увидеть, что я помогалъ тебѣ въ бѣгствѣ; я пропалъ на вѣки. Вашъ господинъ полковникъ Муръ, майоръ Принглъ и капитанъ Найтъ и еще съ подложники ихъ только вчера были здѣсь и поглядились, что если я не перестану торговать съ невольниками, они сроятъ мой домъ, а меня совсѣмъ выгонять отсюда. И теперь, если узнають, что я помогалъ тебѣ, Арчи, это будетъ хорошее свидѣтельство за меня. Нѣтъ, я не такъ глупъ!..

Я употребилъ слезы, лесть, просьбы, напомнилъ Гордону, что онъ часто выражалъ желаніе оказать мнѣ услугу, и сказалъ, что теперь отъ него мнѣ нужно только немного платя, да просилъ показать дорогу.

— Правда, Арчи, правда! Ты спасъ мнѣ жизнь, дитя мое, — я отъ этого не отпираюсь, а за добро платятъ добромъ; но дѣла-то твои ужъ крѣпко плохи. Какого чорта вздумалось тебѣ и этой дѣвчонкѣ бѣжать? Въ жизни своей я еще не встрѣчалъ несчастнаго случая, причиной котораго не была бы женщина. Эта долгоязычная трещотка, вдова Гинкли привела сюда вчера полковника Мура и всѣхъ ихъ, — будь она проклята, завистливая старая вѣдьма! Ей хочется выжить меня отсюда и завладѣть моими покупателями.

Я зналъ, что мистеръ Гордонъ нисколько не былъ склоненъ къ чувствительности и говорить ему о чувствѣ было тоже что бросать бисеръ свиньямъ. Поэтому я сказалъ только, что слишкомъ поздно толковать почему мы бѣжимъ, а теперь дѣло въ томъ, чтобы не быть пойманными.

— Ну да, малый, я тебя понимаю. Это дьявольски глупое дѣло; ты ужъ самъ каешься. Теперь для тебя лучше всего — собраться съ духомъ и вернуться домой; потерпѣть ужъ наказаніе, да и дѣлу конецъ. Вѣдь полковникъ Муръ больше всего сокрушается о пропажѣ дѣвчонки, и я бы тебѣ вотъ что посоветовалъ: пойди скажи, гдѣ ее можно найти. Самъ выпутаешься изъ бѣды и взвалишь всю вину на ея плечи.

Я скрылъ негодованіе, возбужденное этимъ предложеніемъ. Подобныя низости верѣдки между невольниками не могъ же я надѣяться найти въ Гордонѣ нравственность выше обычнаго уровня. А потому я сказалъ только, что скорѣе рѣшусь вытерпѣть что бы то нибыло, чѣмъ возвратиться въ Спрингъ-Мидоу; если же онъ не хочетъ помочь мнѣ, то я сейчасъ же уйду, полагаясь на его честность, что онъ никому не скажетъ о моемъ посвѣщеніи. Наконецъ я употребилъ не-

сладнее средство далъ ему понять , что заплачу ему за все ветер-
гуюсь.

Незнаю навѣрное , вследствие ли этого , или по влеченію велико-
душія , или того и другого вмѣстѣ , Гордонъ сталъ оказывать мнѣ го-
раздо болѣе расположенія.

— О деньгахъ , Арчи , между такими друзьями какъ мы съ тобой
и говорить нечего. Послѣ всего что было между нами , нехорошо
съ моей стороны не доставить тебѣ необходимаго , если ужъ ты хо-
чешь идти своей дорогой. Но не уйти тебѣ , иначе не уйти. По-
думай только : полковникъ Муръ поклялся , что издержитъ пять ты-
сячъ долларовъ , а поймаетъ тебя. Онъ вездѣ разослалъ печатнымъ
объявленія , въ которомъ сверху стоитъ «пятьсотъ долларовъ награ-
ды». Войди-ка въ лавку , я тебѣ покажу. Пятьсотъ долларовъ ! кто-
нибудь да положить эти денежки въ свой карманъ , я полагаю !..

Мнѣ не понравился тонъ , которымъ говорилъ Гордонъ , и еще
болѣе потревожило особенное удареніе при словѣ «пятьсотъ долла-
ровъ». Очевидно было , что мысль объ этой наградѣ сильно занимала
его воображеніе. Домъ Гордона состоялъ изъ двухъ комнатъ : одна
была гостиной , спальней и кухней , а другая лавкой. Все это вре-
мя мы были въ спальнѣ при одномъ свѣтѣ луны , теперь же вошли
въ лавку.

Онъ выскѣкъ огня , зажегъ смоляной факелъ и поднесъ его къ
большой афишкѣ , прибитой противъ дверей. Я тамъ прочелъ , сколь-
ко помню , слѣдующее :

ПЯТЬСОТЪ ДОЛЛАРОВЪ НАГРАДЫ

Бѣжали отъ нижеподписавшагося въ субботу вечеромъ изъ Спрингъ
Мидоу двое невольниковъ , Арчи и Касси , за поимку которыхъ за-
платятъ вышесказанное награжденіе. Оба немного смуглы ; неволь-
ница Касси нѣсколько темнѣе. Арчи двадцать одинъ годъ , росту
пять футовъ и одиннадцать дюймовъ ; онъ строенъ и хорошо сло-
женъ , ходитъ твердо , прямо и очень красивъ собой ; волосы темно-
русые , вьющіеся , глаза голубые , лобъ высокій. Вышесказанный не-
вольникъ воспитывался въ моемъ семействѣ , гдѣ съ нимъ всегда хо-
рошо обращались. Въ чемъ онъ былъ одѣтъ , когда бѣжалъ — неиз-
вѣстно. Касси около восемнадцати лѣтъ , росту около пяти футовъ
и трехъ дюймовъ , стройна , очень красива , волосы длинные , темные ,
глаза черные , блестящіе. Когда она смѣется , на лѣвой щекѣ обра-
зуются двѣ ямочки. У нея прекрасный голосъ и она поетъ много нѣ-

сент. Особым привѣты: черная родинка на правой груди. Она была горничной и унесла съ собой много хорошихъ платьевъ. Предполагается, что вышеперечисленные невольники бѣжали вѣзотѣ. Кто мнѣ приведетъ ихъ или посадить въ тюрьму, чтобы я могъ обратно получить ихъ, тотъ получитъ обѣщанное вознагражденіе, или половину, если приведетъ одного изъ нихъ. Чарльсъ Муръ.»

«Прим. Я подозреваю, что они отправились по дорогѣ къ Балтиморѣ, такъ какъ Касси прежде жила въ этомъ городѣ; безъ сомнѣнія они будутъ стараться выдать себя за бѣлыхъ.»

Между тѣмъ какъ я читалъ это объявленіе, мистеръ Гордонъ смотрѣлъ чрезъ мое плечо и сообщалъ на каждую фразу свои комментарии. Ни объявленіе, ни комментарии не могли произвести на меня выгоднаго впечатлѣнія. Гордонъ вѣрно замѣтилъ это, потому что подалъ мнѣ стаканъ виски, убѣждая не падать духомъ, и при этомъ самъ осушилъ залпомъ столько же, желая мнѣ счастливо убѣжать. Это немного меня успокоило, а то признаюсь, я слишкомъ испугался очевиднаго желанія Гордона приобрести пятьсотъ долларовъ. Но виски (онъ не довольствовался однимъ стаканомъ) будто снова пробудила его признательность: онъ поклялся, что на все готовъ, лишь бы услужить мнѣ, и прибавилъ, чтобы я выбралъ вещи, какія мнѣ нужно. Я взялъ шляпу и пару башмаковъ для себя и тоже для Касси, но ей необходимо было мужское платье, а Гордонъ не торговалъ готовымъ; но у него было сукно по моему карману, и онъ взялся заказать платье. Я наугадъ далъ мѣрку и сказалъ, что придутъ черезъ три дня; онъ обѣщалъ, что къ этому времени платье будетъ готово. Мнѣ очень хотѣлось окончить дѣло разомъ и сейчасъ же отправиться въ путь, но это было невозможно: Касси было необходимо переодѣться, а безъ этого пытаться убѣжать было бы безумствомъ. Я просилъ Гордона, чтобы въ назначенный день платье было готово непременно, потому что я не хотѣлъ надолго подвергать его такому искушенію получить пятьсотъ долларовъ, заслужить дружбу полковника Мура и при его пособіи составить себѣ карьеру. Я спросилъ, сколько я долженъ за всѣ покупки? Гордонъ взялъ доску и началъ писать. Нѣсколько минутъ онъ усердно считалъ, потомъ вдругъ остановился и долго смотрѣлъ то на выбранные товары, то на доску; потомъ на минуту задумался, взглянулъ на меня и сказалъ:

— Арчи! ты спасъ мнѣ жизнь: бери всѣ эти вещи даромъ!
Я сумѣлъ достойно оцѣнить это доказательство великодушія:

Гордонъ промывалъ или припирывалъ все что получалъ, следовательно его мучила не одна бѣдность, но еще вѣчное желаніе добыть средства для удовлетворенія своимъ страстямъ. Деньги были для него тоже что виски для пьяницъ.

Подобнымъ людямъ тяжело быть великодушными, и я пересталъ недовѣрять человѣку, который ненавалъ такое существенное доказательство своего желанія помочь мнѣ.

Пожелавъ ему спокойной ночи, я пошелъ домой съ облегченнымъ сердцемъ. Мистеръ Гордонъ предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о мѣстѣ моего убѣжища, но я не считалъ нужнымъ давать на нихъ положительные отвѣты: хотя я не сомнѣвался въ Гордонѣ, но не видѣлъ большой пользы въ излишней довѣрчивости, и выходя отъ него, я пошелъ вовсе не по той дорогѣ, по какой нужно было. Разъ или два мнѣ показалось, что кто-то шолъ за мной; неполный мѣсяцъ бросалъ слабый и неопредѣленный свѣтъ; тропинка, по которой я шолъ, проходила посреди мелкихъ деревьевъ и кустарниковъ: слѣдившій за мною могъ бы легко укрыться. Но когда я оставался и прислушивался, все было тихо, и скоро мои мечтательныя опасенія разсѣялись.

Сдѣлавши большой кругъ, я пошелъ наконецъ по настоящей дорогѣ къ пустой плантаціи и пришелъ туда на разсвѣтѣ.

Касси вышла мнѣ навстрѣчу. Со времени нашего бѣгства изъ Спрингъ-Мидоу, мы въ первый разъ разставались такъ надолго. Увидѣвши ее, я такъ обрадовался, будто мы цѣлый годъ не видѣлись, и не одинъ я радовался: Касси бросилась въ мои объятія и съ восторженной любовью прижимала меня къ груди своей.

Мы провели три дня, приготовляясь къ путешествію, предполагая и уничтожая препятствія, и повременамъ наслаждаясь ожиданіемъ будущаго счастья...

Въ назначенное время я отправился къ мистеру Гордону. Теперь ужъ я не дрожалъ и не колебался, какъ прежде, но шолъ спокойно, какъ человекъ, поспѣшающій къ вѣрному другу. Я постучалъ. Въ ту же минуту Гордонъ отворилъ дверь, и схвативъ меня за руку, втащилъ въ домъ, но вдругъ въ полуоткрытую дверь я замѣтилъ, что тамъ есть еще другіе, кромѣ его.

Я вырвалъ свою руку, и отпрыгнувши назадъ, сказалъ шопотомъ :

— Боже!.. Мистеръ Гордонъ! что у васъ?

Онъ не отвѣчалъ, но въ то же время какъ я говорилъ, послышался грубый голосъ Стабса : «схватите его, схватите его!»

Я понялъ, что меня продали, и пустился бѣжать, но кто-то схватилъ меня за плечо. По счастью въ моей рукѣ была крѣпкая, толстая палка; одравъ полуоборотъ; я однимъ ударомъ повалилъ на землю моего преслѣдователя, злодѣя Гордона. Мнѣ пришло острое желаніе остано­виться, чтобы шевелить ударъ, но въ эту минуту нудя присвистала надъ моей головой. Обернувшись я увидѣлъ Стабса и еще другого человѣка съ направленными противъ меня писто­летами. Нечего было терять времени. Я прыгнулъ впередъ и шоб­жалъ, спасая свою жизнь.

Раздалось два или три выстрѣла одинъ за другимъ, но ни одинъ не попалъ въ меня; я успѣлъ войти въ чащу, гдѣ было менѣе опас­ности. Скоро оказалось, что я былъ гораздо проворнѣе своихъ преслѣдователей, потому что ихъ стало невидно и неслышно.

Я бѣжалъ еще съ полчаса; наконецъ, совершенно выбившись изъ силъ, упалъ на землю и старался собраться съ силами, придти въ себя. Въ эту ночь луны не было; легкій туманъ закрывалъ звѣзды; я не зналъ навѣрное гдѣ я, такъ что я наудачу выбралъ дорогу къ пустой плантаціи и снова пошелъ. Во время бѣгства я вывихнулъ себѣ ногу, но тогда едва замѣтилъ это; теперь же боль сдѣлалась такъ ощутительна, что я съ трудомъ двигался. Но я все-таки шелъ, утѣшая себя надеждой возвратиться домой до разсвѣта. Пройдя огромное пространство по неизвѣстнымъ полямъ и чащамъ, я наконецъ достигъ знакомаго ручья, и напившись изъ него, пустился въ путь съ большей бодростью. Мнѣ оставалось пройти еще пять или шесть миль до пустой плантаціи и притомъ окольнымъ путемъ. Я крѣпился какъ могъ, но солнце давно взошло, когда я дошелъ до источника. Касои съ тоской ожидала меня. Уже моя медленность напугала ее, а теперь она еще болѣе встревожилась, увидѣвши без­порядокъ моей одежды и мое истомленное, взволнованное лицо.

Я поспѣшилъ къ источнику и наклонился, чтобы напиться; вдругъ Касои громко вскрикнула. Я взглянулъ и увидѣлъ, что два или три человѣка бросились въ ровъ. Я вскочилъ, но въ ту же минуту почув­ствовалъ, что меня схватили сзади; непредвидя всей опасности, я готовился бороться съ тѣми, которыхъ увидѣлъ прежде, когда двое другихъ обошли по рву на другую сторону—и я очутился въ рукахъ моихъ враговъ...

IX

Я умалъ послѣ , что мистеръ Стабсъ и его товарищи , ожидавшіе у мистера Гордона , недовѣвъ въ меня изъ пистолета и видя , что я бѣгаю слишкомъ скоро для нихъ , прекратили охоту , возвратившеся въ лавку и тотчасъ послали за военной командой . Скоро къ нимъ присоединились еще два человека , и главное—собака Джулеръ , которая славилась во всемъ графствѣ своимъ чутьемъ отыскивать бѣглецовъ . Ея тотчасъ же обвязали вокругъ шеи веревку , другой конецъ которой держалъ одинъ изъ сыщиковъ , и потомъ пустили ее по своимъ слѣдамъ . Собака пошла медленно , обнюхивая землю ; за нею слѣдовалъ Стабсъ съ своей шаймой . Последнюю часть своего пути я шолъ медленно , такъ что Джулеръ съ командой скоро догнали меня и достигли источника почти въ одно время со мной . Открывши мое убежище , они рѣшились дѣйствовать навѣрное , и раздѣлившись на два отряда , заняли обѣ стороны рва и овладѣли мной , какъ я уже сказавъ .

Въ тоже время схватили бѣдную Касси , и мы неуопытно одумались , какъ намъ связали руки и сковали тяжелой цѣпью , концы которой сжимали шею намъ обоимъ .

Для Касси это было слишкомъ жестоко : бѣдная женщина , почувствовавъ прикосновеніе желѣза , горько заплакала . . . Не думаю , чтобы цѣпь была стянута сильнѣе чѣмъ нужно , но увидѣвши слезы бѣдной жены моей , мнѣ показалось , что ошейникъ думитъ мое горло . . . Грубые шутки нашихъ палачей еще болѣе увеличивали мое горе и бѣшенство .

Хорошо что мои руки были связаны . Будь онѣ свободны , право я бы нашолъ средство отправить на тотъ свѣтъ хотя одного изъ этихъ негодяевъ ! . .

И Гордонъ былъ тутъ съ головой , повязанной окровавленнымъ платкомъ . Но вмѣсто того чтобы шутить съ другими , онъ уговаривалъ ихъ не мучить и не оскорблять насъ :

— Я тебѣ вотъ что скажу , Стабсъ : ты , чортово отродье , оставь Касси въ покоѣ . Видѣ я ихъ поймалъ , я долженъ получить награду . Оставь ихъ , говорю тебѣ ! Я сказавъ уже , что они находятся подъ моимъ покровительствомъ .

— И вправду , хорошаго покровителя они нашли въ тебѣ !

отвѣчалъ Стебъ съ громкимъ смѣхомъ, которому вторили и все товарищи. — Точно, они тебѣ много обязаны, чертъ бы подобралъ твою глупости и тебѣ вмѣстѣ съ ними!.. А я буду говорить этой дѣвкѣ что хочешь, да и сдѣлаю ей что захочу!.. Я здѣсь управляющій, какъ нѣтъ? — И при этомъ сказалъ новую дерзость бѣдной Касси.

Только обещаніемъ утѣшить компанію квартирой вблизи Гордонъ могъ добиться, чтобы они оставили насъ въ покоѣ. Слово «ински» подѣйствовало какъ талисманъ, силой котораго Гордонъ успѣлъ убѣдить другихъ отстать отъ насъ и доставить ему случай, какъ онъ выразился, побесѣдовать со мной.

— Мало нужды, прибавилъ онъ, — если услышать то что онъ будетъ говорить, лишь бы только не перебывалъ.

Это меня удивило до крайности. Гордонъ меня продалъ; неустыжени такъ низко, погубивши меня, что значило это новое проявленіе его благосклонности? Я уже сказалъ, что Гордонъ отъ природы былъ добръ. Она немогъ устоять противъ искушенія получить пятьсотъ долларовъ и всѣ тѣ выгоды, какія онъ могъ ожидать, немѣнная мѣнь, но все-таки онъ не забылъ, что я спасъ ему жизнь.

Подошедши ко мнѣ, онъ, зашнылся и занкался, старался завязать разговоръ.

— Да чертовски жъ жестоко ты меня хватаешь, Арчи! началъ онъ.

— Жалко, что не ударилъ по шее, сказалъ я.

— Ну-ну, полно чортомъ смотрѣть! Я просто подумалъ, мамый, что лучше заработать пятьсотъ долларовъ, чѣмъ низачто упустить ихъ. Я зналъ очень хорошо, что васъ поймутъ непременно, и какъ ты ни дуйся на меня, а я сдѣлалъ для тебя такъ, какъ никто бы не сдѣлалъ. Ну же, подойди сюда, мой милый, я тебѣ раскаму какъ было все дѣло. Видишь: въ ту ночь, какъ ты убѣждалъ отъ меня, я не сомкнулъ глазъ, — все думалъ. Я говорилъ себѣ: чертъ знаетъ что задумалъ Арчи! Навѣрное его поймутъ, помогу я, или нѣтъ. Только будетъ бѣда и ему, и мнѣ: его отдеруть, а замлачу штрафъ, посижу въ тюрьмѣ, да еще на прибавокъ, какъ проясился мнѣ полковникъ и другіе, меня совсѣмъ выпонять отсюда. Итакъ свверное дѣло станеть еще хуже, а другой получить награду. Арчи спасъ мнѣ жизнь, я отъ этого не отпираться; еслиже я спасу его отъ мнута и въ тоже время положу въ карманъ пятьсотъ долларовъ, это будетъ отличное дѣло для обоихъ насъ.

«На другой день я всталъ рано и пошелъ къ полковнику Муру.

Я изостагн его ужасно боюсь, айбу! оттого что онъ не знаетъ никакого вѣстова о васъ.

«— Полковникъ! сказалъ я: — я слышалъ, что вы предлагали пятьсотъ долларовъ тому, кто поймаетъ вашихъ бѣглыхъ новобранцевъ?»

«— Да, сказалъ полковникъ, — деньги съезна.

«— И онъ взглянулъ мнѣ въ глаза, какъ-будто думая, что я знаю где васъ найти.

«— Вѣрно, полковникъ, сказалъ я. — Мнѣ кажется было удалось найти ихъ, если вы прежде пообщаете военна.

«— Что пообщать? спросилъ полковникъ: — развѣ я не общалъ уже пятьсотъ долларовъ? Говори яснѣе!

«— Полковникъ! Но о вознагражденіи я думаю: вознагражденіе быть сомнѣніи: прекрасно, осмысленное... Дайте мнѣ лучше чашароста: пятьдесятъ долларовъ и пообщайте не бить Арчи; и когда онъ вернется, я не буду требовать остальныхъ пятидесяти.

«— Вотъ глупости! отвѣчала полковникъ. — Скажите пожалуйста, мистеръ Гордонъ, что вамъ де того, сколько ударовъ вы получите этого погони, если бы вы получили деньги?»

«— Полковникъ, сказалъ я: — Гордонъ не забываетъ сдѣланнаго ему добра: Арчи спасъ мнѣ жизнь вѣздъ тому вотъ будетъ три года въ этомъ мѣсяцѣ. Если вы пообщаете мнѣ честнымъ словомъ не бить его за то, что онъ убѣждалъ, я беруся его найти; еслиже нѣтъ — нѣтъ.

«Долго спорилъ и торговался полковникъ, но видя, что я не уступлю, согласился. Тогда я рассказавъ, что ты приходилъ ко мнѣ и еще разъ приходишь; онъ и послалъ Стабса и другихъ, чтобы могли схватить тебя. Вотъ и вся исторія. Не печалься-жь, Арчи, и ободрись! Ты видишь, что я думалъ сдѣлать какъ должно лучше для насъ обоихъ.»

«Желаю вамъ, сказалъ я Гордону, — много радости отъ этой сдѣлки. Дай вамъ Богъ спустить эти пятьсотъ долларовъ какъ только возьмете карты въ руки, что случится недалеже какъ сегодня.

«— Ты овердешол, Арчи, а те бы ты не такъ это принялъ. Сказать правду, я и не удивляюсь, но современемъ ты рассудишь обо всемъ и иначе примешь это. А я думалъ, что ты удовольствуешься тѣмъ, что проломилъ мнѣ голову. Айбу бу больше; какъ же треснетъ!..

Этими словами Гордонъ окончилъ разговоръ и продолжился къ

товарищамъ: Не много у меня причинъ говорить хорошо о мистерѣ Гордонѣ, не смѣю сказать, что въ будущемъ мѣрѣ немного найдется людей лучше Джона Гордона: пятьсотъ долларовъ были великимъ искушениемъ для него; время того ютъ надѣялся заслужить шлюсь все расположеніе подковника Мура и съ его помощью приобрести почетное мѣсто въ обществѣ, покрайней мѣрѣ несколько было это возможно для бѣднаго чловека въ нашей землѣ. Дритонъ же онъ не только успокоилъ свою совѣсть размышленіемъ, что не онъ, такъ дружокъ продастъ меня, но еще заторопился спешить впередъ подковника Муромъ и подковникъ кажется убѣдилъ себя, что навѣрныи мѣя, онъ мѣя же оказываетъ услугу. Въ американскихъ новелльчешихъ штатахъ не одинъ джентльменъ (хотя онъ противрѣчить это республиканскому духу, но есть ни одной страны въ мѣрѣ, гдѣ бы было такое рѣзкое различіе между джентльменами и простымъ народомъ) не одинъ джентльменъ, который способенъ оскорбленъ сравненіемъ съ Джономъ Гордономъ, поступаетъ все свои жизни по тѣмъ же правиламъ, следуя которымъ этотъ чловекъ сдѣлался злодѣемъ. Въ невольничьихъ штатахъ многіе джентльмены понимаютъ очень хорошо и въ глубинѣ души своей ясно сознаютъ, что держать своихъ ближнихъ въ рабствѣ есть явное вопиющее нарушеніе основныхъ законовъ чловеколюбія и справедливости. Они сами признаютъ, что рабство защищать невозможно ни въ какомъ отношеніи, но къ несчастію, невольники составляютъ ихъ состояніе, безъ нихъ они не могли бы жить джентльменами. Впрочемъ они хорошо обращаются съ своими невольниками, такъ хорошо, что даже незадумываясь утверждаютъ, что рабы, оставаясь рабами, гораздо счастливѣе, чѣмъ могла бы ихъ сдѣлать свобода подъ какой бы то нибыло фермой...

« Если люди съ умомъ и образованіемъ могутъ удовлетворяться такими жалкими соображеніями, то тѣмъ болѣе мы должны быть смѣлѣе ходятельны къ Джону Гордону!..

X

Было уже за полдень, когда мы пришли въ Спрингъ-Мидоу. Подковникъ съ ветерганіемъ ожидалъ насъ, но какъ въ этотъ день у него былъ званый обѣдъ, то обязанность принимать гостей помѣшалла ему точноаъ заняться нами. Впрочемъ какъ только фму, ска-

зани о нашем приходе, онъ сейчасъ выслалъ мистеру Гердону пятьсотъ долларовъ : это былъ большой свертокъ банковыхъ билетовъ. У негодня загорѣлись глаза, онъ съ жадностью схватилъ деньги. Я пристально посмотрѣлъ на него и наши глаза встрѣтились. Его лицо вдругъ намѣнилось: онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ; стыдъ, угрызение совѣсти и презрѣніе къ самому себѣ выразились на немъ: онъ быстро спряталъ деньги въ карманъ и ушелъ неговоря ни слова.

Меня и Кассю отвели въ сарай и заперли въ небольшой темный и узкій чуланъ, служившій поперекъ амбаромъ для зерна и тирмой для провинившихся невольниковъ. Мы стѣли на полъ, потому что болыно не на чемъ было, и бѣдная Касси упала въ мои объятія. Отчаяніе и ужасъ овладѣли ею съ новой силой: она горько заплакала. Отирая ладонями слезы жены моей, я старался ее утѣшить. Но она не хотѣла утѣшиться; да и какое утѣшеніе могъ я предложить ей? Чѣмъ болѣе говорилъ я, тѣмъ болѣе она плакала, ближе и ближе прижималась ко мнѣ, и наконецъ судорожно обняла меня...

— Онъ убьетъ насъ, онъ разлучитъ насъ на вѣки! тихо, чуть слышно шептала она, и это былъ единственный отвѣтъ на все что я могъ сказать...

Въ самомъ дѣлѣ наше положеніе было ужасно. Еслибы мы попались въ руки обыкновеннаго пирата или разбойника, у насъ могла бы остаться какая-нибудь надежда: сознаніе собственнаго преступленія могло бы испугать его, страхъ карающаго правосудія могъ бы удержать его руку, наконецъ онъ могъ нанести смерть, скорую, легкую смерть вотъ и все. Но мы, несчастные, не могли утѣшиться даже и этой надеждой!.. Мы были бѣглые невольники, снова попавшіеся въ руки господина, расширившаго отъ одной мысли, что мы, его собственность, имѣемъ дерзость убѣжать отъ него, владѣльца, знающаго очень хорошо, что какими бы пыткамъ онъ насъ ни подвергнулъ, если только сразу не убьетъ насъ, законъ и общественное мнѣніе оправдаютъ его!.. Правда, мы убѣжали отъ величайшаго оскорбленія, какое можетъ быть нанесено мужу и женѣ, но это не могло ни оправдать, ни облегчить нашей вины: рабъ не смѣетъ бѣжать ни отчего; его обязанность (люди смѣютъ такъ осквернять это слово!) — переносить безропотно все оскорбленія, жестокости и притѣвленія!..

Я прижалъ жену къ груди своей съ той же мучительной тоской,

съ какой она обнимала меня. Я чувствовать также какъ и она, что это было въ послѣдній разъ. Эта мысль разрывала мое сердце. Еще тяжеле становилось мнѣ отъ воспоминанія недавняго счастья... Я почти душилъ Касси своими страстными поцѣлуями; не румянецъ радости, а жаръ лихорадки горѣлъ на ея щекахъ, и никто бы не принялъ за трепетъ наслажденія ея тяжелыхъ вздоховъ... Скорая разлука, грозившая намъ, была не только ужасна въ будущемъ, — она будто уничтожала въ насъ всякую способность наслаждаться настоящимъ. Еслибы не это, съ Касси въ моихъ объятіяхъ — что для меня цѣли и тюрьмы!.. Но я ждалъ разлуки навѣки — и уста Касси потеряли всю прелесть, и грудь ея сдѣлалась тяжкимъ ложемъ, хотя я и не могъ оторваться отъ нея; каждый поцѣлуй казался увеличивавъ наше страданіе...

Такъ прошло нѣсколько часовъ. Мы ничего не ѣли, и никто не принесъ намъ даже воды; жаръ и удушливая атмосфера этого мѣста, куда не проникалъ воздухъ, увеличивали лихорадочное состояніе нашей крови и жажда сдѣлалась невыносимой. Какъ мучительно стремилась душа моя къ прохладному источнику, ароматному воздуху, къ потерянной для насъ свободѣ!..

Около вечера мы услышали, что кто-то подходитъ, и скоро я отличилъ голоса полковника Мура и его управляющаго; они открыли дверь и приказали намъ выйти. Сначала свѣтъ такъ ослѣпилъ мои глаза, что я не могъ различить предметовъ, но скоро я увидѣлъ, что нашихъ посѣтителей сопровождалъ Питеръ, высокій малый съ подозрительной улыбкой, доносчикъ и шпіонъ дома, предметъ ненависти всѣхъ невольниковъ, но любимецъ Стабса и его помощниковъ во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Лицо полковника Мура было красно; я подумалъ, что онъ пьянъ. Это съ нимъ случалось очень рѣдко; хотя всякій обѣдъ въ его домѣ оканчивался тѣмъ, что большая часть гостей лежала на полу, но хозяинъ дома обыкновенно не прикасался къ бутылкѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что докторъ запретилъ ему употреблять вино, и одинъ вставалъ изъ-за стола трезвымъ. Но на этотъ разъ онъ видно измѣнилъ своему обычаю.

Несказавши мнѣ ни слова, невзглянувши даже на меня, онъ обратился къ управляющему и сказалъ вполголоса съ очень недовольнымъ видомъ:

— Чортъ-знаетъ что за глупость была запретить ихъ вмѣстѣ! Я думалъ, мистеръ Стабсъ, что вы лучше поняли мои приказанія.

Управляющий пробормоталъ какое-то невнятное извиненіе, на которое полковникъ не обратилъ никакого вниманія, и безъ дальнѣйшаго предисловія или объясненія приказалъ Стабеу освободить меня отъ оковъ: отперли замокъ, смыкавшій цѣпь на моей шеѣ, и раздѣли меня почти донага. Мистеръ Стабсъ взялъ веревку, однимъ концомъ связалъ мнѣ руки, а другой, съ помощью Питера, прикрѣпилъ къ перекладинѣ, лежавшей надъ моей головой; потому что они такъ притянули веревку, что почти приподняли меня отъ земли.

Тогда полковникъ Муръ велѣлъ освободить отъ цѣпей Касси, и давши ей въ руки тяжелый кнутъ, онъ, указывая на меня, сказалъ: «Ну-ка, дѣвочка, постарайся употребить его въ дѣло!»

Бѣдная Касси смотрѣла въ какомъ-то ослѣпленіи: она не понимала его; ей никогда не приходила въ голову мысль о такой утонченной жестокости, о такомъ звѣрскомъ мщеніи...

Онъ повторилъ свое приказаніе; голосъ и взглядъ его были ужасны.

— Если хочешь спасти собственную кожу, постарайся, чтобы кровь прыскала за каждымъ ударомъ!.. Я васъ научу обоихъ какъ шутить со мной!

Наконецъ Касси поняла его звѣрское намѣреніе: въ глазахъ ея выразилось ужасъ и отчаяніе, и она упала безъ чувствъ... Послали Питера за водой: онъ прыснулъ Касси въ лицо, она очнулась. Ее поставили на ноги. Полковникъ Муръ снова вложилъ ей кнутъ въ руки и повторилъ свое приказаніе.

Она отбросила кнутъ, какъ-будто это прикосновеніе обожгло ея руки, и смотря полковнику Муру прямо въ лицо, заливаясь слезами, сказала умоляющимъ, но твердымъ голосомъ:

— Господинъ! онъ мой мужъ!

Слово мужъ привело полковника Мура въ бѣшенство. Онъ видимо потерялъ всякую власть надъ собою: ударомъ кулака поваливши Касси на землю, онъ началъ топтать ее ногами; потомъ схватилъ кнутъ, брошенный Касси, и началъ бить меня съ такой силой, что узлы кнута разрывали тѣло за каждымъ ударомъ; кровь лилась по моему тѣлу и стояла небольшой лужей подъ моими ногами... пытка была выше человѣческаго терпѣнія: я кричалъ какъ въ предсмертныхъ мукахъ...

— Тѣфу ты чортъ! сказалъ мой палачъ: — его крикъ переполошитъ весь домъ!

И вынулши изъ кармана платокъ; онъ положилъ его мнѣ въ ротъ и рукояткой янута воткнулъ его въ горло!

Замочавши такимъ образомъ мой ротъ, онъ снова началъ бить меня. Сколько времени продолжалось это — не знаю! въ главнѣ у меня потемнѣло; голова закружилась и скоро благодѣтельнымъ образомъ избавилъ меня отъ страданій.

XI

Очнувшись, я лежалъ на дрянной постели; въ углу небольшой полуразвалившейся избы, и такъ ослабѣлъ, что едва могъ повернуться. Послѣ я узналъ, что былъ боленъ горячкою. Единственнымъ моимъ собесѣдникомъ была глухая женщина, слишкомъ старая, чтобъ годиться на что-нибудь кромѣ должности сидѣлки. Узнавши старуху, я забросалъ ее тысячью вопросовъ, забывая, что она не можетъ слышать. Я желалъ, хотя и боялся, узнать судьбу Каспи; и большая часть моихъ вопросовъ касалась ея; но старуха ничего не отвѣчала. Наконецъ она сказала, что я могу оглохнуть отъ своего крика, а она не услышитъ ни слова; при этомъ прибавила, что я еще слишкомъ слабъ, чтобы говорить. Но это не заставило меня замолчать: я только громко кричалъ и прибавилъ къ словамъ знаки и жесты, чтобы заставить себя понять. Однако было ясно, что тетка Джеси не намѣрена удовлетворить моему любопытству, потому что увидѣвши, что не можетъ успокоить меня, она вышла изъ избы и заперла за собою дверь, предоставляя меня собственнымъ размышлениямъ. Они были несовсѣмъ пріятны, да и голова моя такъ кружилась, что едвали я могъ о чемъ-нибудь думать.

Послѣ узналъ я, что пролежалъ болѣе недѣли въ безпамятствѣ отъ горячки, грозившей скоро окончить мою несчастную жизнь. Но призвѣсъ миновался: молодость и здоровое сложеніе осыпали болѣзнь и сохранили меня для новыхъ страданій.

Я скоро выздоровѣлъ и началъ ходить; но изъ опасенія, чтобы, пользуясь возвратившимися силами, я не покусился на новое бѣгство, мнѣ тотчасъ же сковали руки и ноги. Разъ въ день оковы на часъ снимались и мнѣ позволяли подъ надзоромъ Питера пользоваться свѣжимъ воздухомъ, прогуляться по плантаціи. Напрасно старался я вывѣдать что-нибудь у Питера о своей женѣ: онъ не могъ или не хотѣлъ ничего сказать.

Я подумалъ, что можетъ-быть у него можно купить то, чего онъ не хотѣлъ сказать даромъ, и пообѣщавъ подарить ему какое-нибудь платье, если онъ позволитъ мнѣ навѣстить прежній домъ. Мы пошли туда вмѣстѣ. Въ ожиданіи своей свадьбы, благодаря добротѣ мистрисъ Муръ и ея дочери, я очень мило убралъ этотъ домикъ. Въ немъ осталось много вещей, которыя рѣдко можно видѣть въ домѣ невольника. Теперь же я нашолъ его разграбленнымъ и опустошеннымъ: всѣ вещи исчезли; сундукъ былъ вломанъ и всѣ платья раскрадены. Безъ сомнѣнія этимъ я былъ обязанъ своимъ братьямъ-невольникамъ. Самое сильное стремленіе человѣческаго сердца, или почти самое сильное, есть страсть къ приобретенію; эту страсть рабъ можетъ удовлетворить только воровствомъ. Кроме того, самое пагубное слѣдствіе рабства то, что оно уничтожаетъ даже вароуды добродѣтели. Если угнетеніе дѣлаетъ умнаго человѣка сумашедшимъ, то оно также способно сдѣлать изъ честнаго человѣка негодая: притѣсненіе ослабляетъ умъ и ожесточаетъ сердце; у кого отъ рожденія отнимаютъ свободу и трудъ, его единственное наслѣдіе, тотъ становится своекорыстнымъ, безпечнымъ и не заботится ни о чемъ, кромѣ наслажденія настоящей минутой. Его яшили всего; онъ готовъ въ свою очередь грабить даже своихъ братьевъ...

Увидѣвши опустошеніе моего домика, я вспомнилъ о деньгахъ и осмотрѣлъ свои карманы, но денегъ не было. Тогда только я припомнилъ, что когда меня схватилъ Гордонъ съ своими сообщниками, мистеръ Стабсъ обыскалъ мои карманы и переложилъ все что тамъ нашолъ, въ свои; безъ сомнѣнія мнѣ ужъ теперь нечего было надѣяться получить ихъ обратно: сообразно съ виргинскимъ нравственнымъ кодексомъ Стабсъ былъ честный человѣкъ и поступилъ совершенно естественно. Конечно опасно оставлять въ рукахъ мошенника-бѣглеца такую сумму денегъ! Но по тому же кодексу невольники, обокравшіе меня, были отъявленные негодяи, которыхъ по всѣмъ правамъ стоило отодрать. Такъ рѣшилъ и Стабсъ, котораго мы встрѣтили на возвратномъ пути. Когда я пожаловался, что меня ограбили, этотъ честнѣйшій джентльменъ совершенно вымелъ изъ себя и поклялся, что если только удастся ему поймать воровъ, то ужъ они будутъ его помнить!.. Несмотря на этотъ взрывъ благороднаго негодованія, мистеръ Стабсъ не сказалъ ни слова касательно возвращенія моихъ денегъ, а я считалъ безопаснѣе не заводить самому о нихъ рѣчи.

Черезъ двѣ или три недѣли силы мои почти возвратились: рубцы, которыми была изборождена моя спина, совершенно зажили. Я приходилъ уже въ недоумѣніе: что полковникъ Муръ намѣренъ дѣлать со мною? Но однажды вечеромъ я получилъ приказаніе отъ Стабса встать на другой день съ разсвѣтомъ и приготовиться къ путешествію. Куда и зачѣмъ мы отправлялись, онъ не удостоилъ сообщить мнѣ; да я и не очень любопытствовалъ узнать. Теперь я имѣлъ одно большое утѣшеніе: что бы ни дѣлали со мною, я уже не могъ быть несчастнѣе!.. Эта мысль меня поддерживала и давала возможность смотрѣть на будущее съ какимъ-то беззаботнымъ и бессмысленнымъ равнодушіемъ, которому я самъ удивляюсь, когда теперь вспоминаю.

Утромъ за мною пріѣхалъ Стабсъ по своему обыкновенію съ кнутомъ въ рукѣ. Онъ снялъ оковы съ моихъ ногъ, но руки оставилъ скованными; обвязалъ шею веревкой, а другой конецъ ея завязалъ вокругъ своего пояса. Предупредивши такимъ образомъ покушеніе на побѣгъ, онъ сѣлъ на лошадь и приказалъ мнѣ идти возлѣ себя. Я былъ еще слабъ и поврежденъ шагами становился медленнѣе, но ударъ кнутомъ скоро возбуждалъ во мнѣ новую бодрость. Я спросилъ: куда мы идемъ?

— Узнаешь когда дойдешь! былъ отвѣтъ.

На ночь мы остановились въ какомъ-то шинкѣ; и Стабсъ, и я занимали одну комнату: онъ спалъ на постелѣ, я на полу.

Снявши веревку съ моей шеи, онъ связалъ ею мнѣ ноги такъ крѣпко, что отъ боли невозможно было заснуть. Нѣсколько разъ я жаловался Стабсу, но онъ приказалъ мнѣ спать и не беспокоить его глупыми жалобами.

На слѣдующее утро Стабсъ, развязывая меня, увидѣлъ, что ноги мои сильно опухли; онъ кажется пожалѣлъ, что не обратилъ вниманія на мои жалобы, но оправдывалъ себя тѣмъ, что невольники — такое дьявольское отродье обманщиковъ, что имъ невозможно вѣрить, а беспокоиться и вставать даромъ ему вовсе не хотѣлось. На другой день мы продолжали нашъ путь, но меня такъ измучили утомительное путешествіе и бессонная ночь, что только частые удары кнутомъ мистера Стабса могли заставить меня передвигать ноги.

Въ то же время какъ слабѣли мои физическія силы, измѣнила мнѣ и твердая, упрямая воля, поддерживавшая меня до сихъ поръ; я зарыдалъ какъ ребенокъ.

Наконецъ мы достигли конца нашего пути : поздно вечеромъ мы вошли въ городъ Ричмондъ. Описать его я не могу, потому что меня тотчасъ же заперли въ тюрьму. Теперь только я узналъ, зачѣмъ мы пришли сюда: полковникъ Муръ, по словамъ мистера Стабса, заболѣлъ отъ такого безпокойнаго негодя какъ я, и потому рѣшился продать меня. Съ того дня какъ я упалъ безъ чувствъ подъ ударами отеческой руки полковника Мура, я ужъ никогда болѣе не видѣлъ его... Трогательное разставанье отца съ сыномъ!

XII

Меня должны были продавать на слѣдующій день; назначена была публичная продажа. Кромѣ меня привели еще много невольниковъ; меня привели на рынокъ скованнаго по рукамъ и ногамъ; остальной товаръ былъ уже собранъ, но торгъ еще не начинался. Я употребилъ этотъ промежутокъ на разсматриваніе окружающихъ. Нѣкоторыя группы особенно обратили мое вниманіе. Первая изъ нихъ состояла изъ старика съ совершенно сѣдыми волосами и хорошенькой дѣвочки лѣтъ десяти или двѣнадцати, его внучка, какъ онъ мнѣ сказалъ; у старика и у дѣвочки были на шеѣ желѣзные ошейники, соединенные вмѣстѣ тяжелой цѣпью. Можно бы подумать, что старость одного и молодость другой дѣлали эту звѣрскую предосторожность совершенно безполезной! Но я узналъ послѣ, что господинъ рѣшился продать ихъ въ припадкѣ гдѣва, и цѣпи надѣты были болѣе въ наказаніе, нежели въ вѣдахъ безопасности.

Возлѣ старика съ внучкой стояли мужъ и жена съ ребенкомъ на рукахъ. И мужъ и жена были очень молоды и повидимому страстно любили другъ друга, по крайней-мѣрѣ приходили въ отчаяніе, что попадутъ въ руки различныхъ покупателей. И если кто-нибудь изъ публики выражалъ желаніе купить, жена тотчасъ же обращалась къ нему, убѣждая купить ее съ мужемъ, и начинала быстро исчислять достоинства обоихъ; мужъ же мрачно смотрѣлъ въ землю и упорно молчалъ.

Здѣсь была еще группа изъ восьми или десяти человекъ мужчинъ и женщинъ, повидимому такъ равнодушно смотрѣвшихъ на торгъ, какъ-будто они были только зрителями: они смѣялись, рассказывали и шутили другъ съ другомъ такъ же весело, какъ и другіе посѣтители. Какой-нибудь защитникъ насидѣлъ безъ сомнѣнія пора-

довался, видя это зрѣлище, и осмѣлился бы утверждать, что разсматривая строго, еще не такъ ужасно быть проданнымъ съ публичнаго торга, какъ слабонервные люди готовы вообразить себя! Но это доказательство будетъ такъ же справедливо, какъ всѣ доказательства рабовладѣльцевъ; а по своей наивности и логикѣ какъ-разъ подходитъ къ умозаключенію того философа, который увидѣвши сквозь рѣшотку тюрьмы, что нѣкоторые изъ осужденныхъ на смерть смѣются и шутятъ между собою, заключилъ, что ожиданіе быть повѣшеннымъ имѣетъ въ себѣ нѣчто возбуждающее веселость! Дѣло въ томъ, что душа человѣка, хотя очень часто напрасно, но все-таки всѣми силами жадно стремится къ счастью и даже въ минуту отчаянія, въ объятіяхъ смерти, все силится создать себѣ какую-нибудь причину радоваться! Оттого-то невольникъ можетъ пѣть за своимъ тяжкимъ трудомъ и даже смѣется, когда его продаютъ какъ быка на рынкѣ. Рабовладѣлецъ видитъ, что всѣ его несправедливости и притѣсненія не въ состояніи заглушить въ душѣ его жертвы способности радоваться, и указывая вамъ на эти порывы несовсѣмъ еще порабощенной природы, смѣетъ хвастаться счастьемъ, которое онъ доставляетъ!..

Но не всегда весело быть проданнымъ!..

Первый товаръ, представленный аукціонеромъ публикѣ, былъ человѣкъ лѣтъ около тридцати, съ открытымъ привлекательнымъ лицомъ. До той минуты, пока его поставили на столъ, онъ не вѣрилъ, что его продадутъ, потому что его владѣтель, живя недалеко отъ города, подъ выдуманномъ предлогомъ затащилъ его сюда: ему сказали, что хотятъ нанять его въ городъ. Когда несчастный узналъ, что его дѣйствительно продадутъ, онъ началъ такъ дрожать, что едва держался на ногахъ: всѣ члены трепетали, а лицо выражало величайшій ужасъ и отчаянье. Два главные покупателя, вступившіе между собою въ жаркій споръ, были: джентльменъ, жившій по сосѣдству и повидимому знавшій этого несчастнаго невольника, и другой молодой человѣкъ, заносчивый и дерзкій, который, какъ говорили, былъ продавцомъ невольниковъ и явился на торгъ, чтобы записать товаромъ. Впродолженіи торга любопытно и въ тоже время грустно было наблюдать тоскливое безпокойство несчастнаго невольника. Когда торговался негроторговецъ, губы его сжимались, глаза длго сверкали, онъ весь представлялъ совершенное олицетвореніе отчаянія; но когда виргинеецъ набивалъ цѣну, лицо невольника освѣщалось лучемъ радости, слезы катились по щекамъ, и онъ го-

ворилъ съ такимъ выраженіемъ: «да благословить васъ Богъ!» что могъ тронуть самое черствое сердце.

Онъ прерывалъ торгъ своими восклицаніями и слезами, и даже кнуть не могъ заставить его замолчать. Называя своего любимаго покупателя по имени, онъ убѣждалъ его всеми возможными доводами продолжать торгъ, обѣщая вѣрно служить до послѣдней минуты своей жизни, работать ему до самой смерти, если только онъ купитъ его и спасетъ отъ совершенной разлуки съ женой и дѣтьми, не завезетъ его богъ-знаетъ куда, далеко отъ мѣста, гдѣ онъ родился и выросъ. Онъ говорилъ, что всегда велъ себя хорошо и приобрѣлъ хорошую репутацію. Нето-чтобы онъ имѣлъ что-нибудь и противъ другого джентльмена, — бѣдняга начиналъ видѣть, что опасно оскорбить и другого, кто очень легко могъ сдѣлаться его господиномъ, — безъ сомнѣнія и тотъ прекрасный джентльменъ; но онъ иностранецъ, онъ «завезетъ меня далеко отсюда, отъ жены и дѣтей»...

При словахъ «жены и дѣтей» голосъ его порвался и сдержанныя рыданія заглушили слова.

Покупатели заспорили еще съ большимъ жаромъ. Невольникъ очевидно былъ товаръ перваго сорта, и кромѣ того, виргинца кажется растрогали просьбы несчастнаго; у него вырвалось нѣсколько намековъ на негроторговцевъ. Эти намеки привели его противника въ ужасное бѣшенство, и между ними вѣроятно произошла бы ссора, еслибы вмѣшательство присутствовавшихъ не удержало соперниковъ.

Но негроторговецъ, самолюбіе котораго было задѣто, поклялся, что приобрѣтетъ «малаго», чего бы онъ ни стоилъ, хотя бы только для того, чтобы поучить вѣжливости. Одинъ или два изъ зрителей выразили негодованіе и убѣждали негроторговца уступить и позволить бѣдному невольнику остаться въ этой странѣ. Онъ засмѣялся и съ бранью отвѣчалъ, что онъ не такъ глупъ, чтобы позволить смѣяться надъ собой изъ-за такой глупости, и тотчасъ же набавилъ пятьдесятъ долларовъ на послѣднюю сумму.

Это было гораздо болѣе того, сколько виргинецъ могъ жертвовать для добраго дѣла; раздосадованный и огорченный онъ оставилъ споръ. Аукціонеръ ударилъ молоткомъ, и несчастнаго невольника полумертваго отдали слугамъ негроторговца, которые получили приказаніе дать ему сейчасъ же двадцать ударовъ кнутомъ «за его проклятую виргинскую дерзость».

Смѣшная напыщенность, съ какою были сказаны эти слова, произвела непріятное впечатлѣніе на присутствующихъ; но такъ какъ негроторговецъ взялся за рукоятку кинжала, и изъ его кармановъ выглядывали два пистолета, то никто не рѣшился потребовать отчета въ этомъ возмутительномъ употребленіи «священнаго права собственности», и аукціонъ продолжался попрежнему. Наконецъ наступила моя очередь. Меня раздѣли до половины, чтобы лучше показать члены и мускулы, и поставили на столъ или платформу, на которой выставлялся товаръ для осмотра покупателей. Меня поворачивали на всѣ стороны, ощупывали члены, толковали о моихъ опоспособностяхъ также точно какъ разсуждаютъ барышники при покупкѣ лошади. Весьма равнообразны были замѣчанія присутствующихъ о моей особѣ: одинъ говорилъ, что у меня «дикій, упрямый видъ»; другой клялся, что у меня «чертовски-злые глаза»; третій утверждалъ, что «эти свѣтлолицые всѣ негодяи»: на это аукціонеръ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ еще ниодного сколько-нибудь смышленнаго невольника, который бы не былъ мошенникомъ.

Мнѣ предлагали множество вопросовъ, какъ-то: гдѣ я воспитывался, за что продаютъ меня, къ чему я способенъ? На все это я отвѣчалъ какъ можно короче и неопредѣленно: я вовсе не былъ расположенъ удовлетворять простому любопытству и не имѣлъ общаго всѣмъ невольникамъ честолюбиваго желанія набить высокую цѣну за себя.

Въ этой грубой и униженной формѣ высказывается то же стремленіе стать выше другихъ, которое имѣетъ такое сильное вліяніе на чувства и поступки людей...

Мистеръ Стабсъ стоялъ поодаль неговоря ни слова: я думаю, что онъ имѣлъ причины молчать; аукціонеръ перевозносилъ меня. По его словамъ, во всѣхъ штатахъ нельзя найти невольника сильнѣе, трудолюбивѣе, смиреннѣе и послушнѣе меня. Но несмотря на всѣ эти похвалы, кажется въ публикѣ распространилось подозрѣніе, что мой господинъ имѣлъ причину продать меня, которую не хочетъ объявить. Одинъ говорилъ, что я чахоточный, другой — что я вѣрно подверженъ припадкамъ, между тѣмъ какъ третій выражалъ мнѣніе, что я буйнаго характера и со мною трудно справиться. Рубцы на моей спинѣ подтверждали эту догадку и меня наконецъ продали за самую низкую цѣну высокому улыбающемуся старику, котораго звали майоръ Торнтонъ.

Какъ только простучалъ молотокъ аукціонера, мой новый госпо-

динъ ласково заговорилъ со мною и приказалъ снять съ меня оковы. На это мистеръ Стабсъ и аукціонеръ очень серьезно замѣтили покупателю, что освобождать меня — большой рискъ съ его стороны. «Знаю, — отвѣчалъ мой новый господинъ — это рискъ, но я не хочу имѣть невольника, который бы хотѣлъ бѣжать отъ меня.»

XIII

Мой новый господинъ, узнавши, что я недавно выздоровѣлъ отъ горячки и что силы мои еще несовсѣмъ возвратились, далъ мнѣ лошадей и мы отправились на плантацію. Онъ жилъ довольно далеко на западъ отъ Ричмонда, въ той части республики, которая известна подъ названіемъ Средней Виргиніи.

Дорогой онъ вступилъ со мною въ разговоръ и я нашолъ въ немъ человека совершенно непохожаго на тѣхъ, какихъ я встрѣчалъ прежде. Онъ сказалъ мнѣ, что я могу считать себя счастливымъ, попадая въ его руки, потомучто онъ поставилъ себѣ обязанностью обращаться съ овыми слугами лучше всѣхъ сосѣдей. «Если же невольники недовольны, не слушаются, покушаются убѣжать — прибавилъ онъ — я сейчасъ же продаю ихъ, и такимъ образомъ зарѣзъ избавляюсь; мнѣ ненужно такихъ людей. Но какъ всѣ мои невольники знаютъ очень хорошо, что едвали они выиграютъ, перемѣня господина, то они очень остерегаются сердить меня. Будь послушенъ, мой милый, дѣлай свое дѣло! Я буду вдоволь кормить тебя, хорошо одѣвать, и вѣроятно ты найдешь меня снисходительнѣе всякаго другого господина.»

Таково было содержаніе рѣчи мистера Торнтона, на которую онъ впрочемъ употребилъ пять или шесть часовъ.

Поздно вечеромъ мы прибыли въ Окландъ: такъ называлось помѣстье мистера Торнтона. Домъ былъ каменный, съ деревянными крыльцомъ, небольшой, но чистенькій, очень красивый, и кажется представлялъ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ большая часть домовъ въ Виргиніи.

Вокругъ очень мило были расположены цвѣты и вустарники, что было большою рѣдкостью, покрайней-мѣрѣ прежде я очень рѣдко встрѣчалъ это. Въ нѣкоторомъ разстояніи на красивой возвышенности находились домики невольниковъ, построенные изъ кирпича, хорошенкые и прочные, расположенные не на прямой линіи, но

разбросанные очень живописно. Ихъ отгнѣвали прекрасные большіе дубы, но вокругъ не допускали роста ни кустарникамъ, ни бурьяну, и всё доминки смотрѣли чисто и удобно, что пріятно поразило меня, какъ совершенно необыкновенная вещь: во всѣхъ плантаціяхъ, какія прежде я видѣлъ, избы невольниковъ представляли рядъ бѣдныхъ, разрушающихся лачугъ, грязныхъ, неудобныхъ и почти всѣмъ заросшихъ бурьяномъ, съ дырявыми крышами и глиняными полами.

Дѣти, игравшія возле избы, еще болѣе удивили меня: я привыкъ видѣть дѣтей на плантаціяхъ бѣгающихъ голыми, или одѣтыми — если были одѣты — въ рубашки изъ грязнаго холста, висѣвшія лохмотьями вокругъ ногъ. Разъ надѣвши, ихъ ужъ никогда не мыли. Но въ Оклацѣ дѣти были чисто и мило одѣты и не представляли вовсе того грязнаго, жалкаго, неряшливаго, полумертваго отъ голода вида, къ которому привыкла моя глза. Ихъ веселыя лица и шумныя игры не допускали мысли, что у нихъ есть горе. Я замѣтилъ также, что и работники, которые какъ-разъ въ то время возвращались съ работы, были всё хорошо одѣты: я не видѣлъ ни на одномъ изъ заплясанныхъ, истасканныхъ, оборванныхъ и загаженныхъ лохмотьевъ, которыя обыкновенно покрываютъ невольниковъ на другихъ плантаціяхъ.

Майоръ Торнтонъ не былъ плантаторомъ, — не разводилъ табаку, и самъ называлъ себя фермеромъ. Главный доходъ его составляла пшеница; кромѣ того онъ былъ горячимъ приверженцемъ люцерны, которую и самъ разводилъ. У него было тридцать или сорокъ работниковъ, а всѣхъ невольниковъ, считая дѣтей и стариковъ — около восьмидесяти. Онъ не держалъ управляющаго и хозяйничалъ самъ: онъ принялъ за правило, что довольно одного управителя, чтобы разорить человека. Онъ былъ отъ природы дѣятеленъ и трудолюбивъ, а земледѣліе стало его конькомъ, на которомъ онъ удачно впрочемъ выѣзжалъ. Въ этомъ и въ другихъ отношеніяхъ онъ представлялъ еовершенный контрастъ съ своими сосѣдями, а поэтому его не очень-то любили. Онъ старательно избѣгалъ конскихъ скачекъ, пѣтушійхъ боевъ, политическихъ митинговъ, азартныхъ игръ и всякаго рода веселостей, говоря, что деньги слишкомъ дорого стоятъ ему, чтобъ бросать ихъ на пари, а къ веселостямъ онъ неохотникъ, да и времени нѣтъ у него для такихъ глупостей.

Сосѣди мстили ему за презрѣніе къ любимымъ удовольствіямъ

тѣмъ, что называли его гордецомъ и скрягой. Они пускались дальше — выставляли Торнтонна дурнымъ гражданскомъ и опаснымъ соседомъ, горько жалуясь, что его снисходительность къ слугамъ дѣлаетъ всѣхъ сосѣднихъ невольниковъ безпокойными и недовольными; нѣкоторые же изъ нихъ дошли до того, что поговаривали, какъ бы предложить ему выѣхать изъ графства.

Но мистеръ Торнтонъ былъ человекъ неробкій; онъ понималъ свои права, хорошо зналъ людей, среди которыхъ онъ жилъ, и понималъ какой аргументъ сильнѣе всего подѣйствуетъ на нихъ. Онъ придрался къ самому безобидному замѣчанію, которое сдѣлалъ на его счетъ одинъ изъ сосѣдей, особенно нерасположенныхъ къ нему, и вызвалъ его на дуэль. Вызовъ былъ принять, и мистеръ Торнтонъ первымъ выстрѣломъ поразилъ своего противника прямо въ сердце. Съ этихъ поръ, хотя сосѣди полюбили его не больше прежняго, но говорили о немъ весьма осторожно, не вѣшивались болѣе въ его дѣла, предоставляя ему поступать какъ самъ знаетъ.

Мистеръ Торнтонъ собственно не готовился быть плантаторомъ; поэтому можетъ-быть онъ такъ и отсталъ отъ обыкновенной рутинны и управлялъ плантаціей совершенно иначе, чѣмъ его сосѣди.

Онъ происходилъ изъ «хорошей фамиліи», какъ говорятъ въ Виргиніи, но отецъ Торнтонна умеръ, когда онъ былъ еще ребенкомъ, и оставилъ очень скудное состояніе. Торнтонъ занялся торговлей въ очень небольшихъ размѣрахъ; но умѣнье, бережливость и вниманіе къ своему дѣлу дали ему возможность въ нѣсколько лѣтъ собрать значительную сумму. Въ Виргиніи далеко не съ уваженіемъ смотрятъ на торговлю, — покрайней-мѣрѣ такъ было въ то время, о которомъ я говорю; тогда каждый стремился стать землевладѣльцемъ.

Когда майоръ Торнтонъ нажилъ довольно, чтобы подумать о перемѣнѣ своей лавки на плантацію, владѣтслю Окланда, промотавшему уже два прекрасныхъ помѣстья на собакъ, лошадей и безумный развратъ, очень понадобились деньги, до такой степени, что онъ принужденъ былъ и послѣднее имѣніе сбыть съ молотка, которое и досталось майору Торнтону.

Но купленное имъ помѣстье было совершенно непохоже на тотъ Окландъ, который я увидѣлъ: строенія были стары и безобразны; исправить ихъ не было возможности, — всѣ разваливались окончательно; почва была почти совершенно истощена жалкой, безпорядочной обработкой, повсемѣстной въ невольничьихъ штатахъ.

Прошло немного лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ имѣніе перешло въ

руки майора Торнтона — и все измѣнилось : старыя зданія были сломаны и построены новыя ; вокругъ дома земля была огорожена и воздѣлана, а искусное хозяйство возвратило почвѣ почти прежнее ея плодородіе. Всѣ тѣ, которые родились и воспитывались плантаторами и чьи владѣнія были въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ Окландъ, прежде чѣмъ попался въ руки майора Торнтона, смотрѣли съ завистью на его настоящее положеніе и удивлялись, какъ это могло случиться? Но хотя майоръ Торнтонъ всегда готовъ былъ объяснить имъ все, потому что любилъ поговорить, въ особенности же о себѣ и о своей системѣ хозяйства, и по крайней-мѣрѣ разъ десять толковалъ каждому изъ сосѣдей, но не могъ никого обратить на свой путь. У него было три любимыхъ темы для проповѣдей, но онъ былъ одинаково несчастливъ во всѣхъ трехъ. Онъ никогда не могъ убѣдить никого изъ своихъ сосѣдей : что люцерна была истиннымъ лакомствомъ для истощенныхъ полей; что единственнымъ средствомъ имѣть хорошо устроенную плантацію — управлять самому; что лучший способъ предупредить, чтобы невольники не обкрадывали полей и не танили овецъ — порядочно кормить ихъ.

Хотя майоръ Торнтонъ не могъ найти себѣ подражателей, но все-таки продолжалъ хозяйничать по своей методѣ. Больше всего онъ былъ нововводителемъ въ способѣ управленія невольниками. Онъ обыкновенно говорилъ, что сострадательный человѣкъ сострадательнъ и къ скоту, и какъ онъ не родился плантаторомъ, то и не можетъ представить себѣ, чтобы съ невольниками можно было обращаться хуже чѣмъ съ лошадьми. Разъ онъ говорилъ одному изъ своихъ сосѣдей : « Для васъ, полковникъ, можетъ-быть и очень легко привязать человѣка и дать ему собственноручно сорокъ ударовъ кнутомъ. Но, вамъ странно покажется, а мнѣ легче быть самому высѣченымъ, чѣмъ высѣчь кого-нибудь изъ своихъ слугъ; и если ужь меня принудятъ къ этой мѣрѣ, то я стараюсь какъ можно уменьшить макаваніе. Вотъ главная причина, почему я не держу управляющаго. Эти господа только и знаютъ, что ременный кнутъ да желѣзныя колодки. Они не захотятъ, да еслибы захотѣли, не придумаютъ какъ обойти безъ этого, — чтобъ дьяволъ побралъ всю ихъ породу! Вы знаете, всякій человѣкъ имѣетъ свои странности : что касается до меня, я терпѣть не могу слышать на своей плантаціи хлопавье бича; хотя бы то былъ даже кучерской кнутъ. »

Эти необычайныя дарованія повели мистера Торнтона къ открытію, которое тогда было еще совершенно ново для его сосѣдей, но

которое, надѣюсь, теперь сдѣлалось вѣдѣмъ извѣстно, именно: что безъ пищи люди не могутъ работать, и чтобы невольники были способны работать, такъ же необходимо заботиться о пищѣ, кровѣ и другихъ удобствахъ для нихъ, какъ и давать кормъ и стойла лошада-дамъ. «Вѣшь и работай!» былъ девизъ Торнтонъ, по которому онъ поступалъ. И только въ Америкѣ этотъ девизъ могъ подвергнуть чело-вѣка обвиненію въ безразсудномъ и излишнемъ чело-вѣколюбіи! Но кнута майоръ Торнтонъ, по его собственному выраженію, не могъ выносить. Возмущало ли его совѣсть это наглое, открытое насиліе? Это мнѣ кажется несомнѣннѣмъ вѣроятнѣмъ, потому что я слышала какъ одинъ разъ онъ говорилъ священнику-методисту, который коснулся въ разговорѣ этого деликатнаго предмета, что онъ имѣетъ та-кое же право пороть своихъ невольниковъ, какъ ѣсть своей объѣдъ. Или это было явленіе того инстинктивнаго чело-вѣколюбія, котораго нѣтъ только у совершенно огрубѣлыхъ характеровъ? — а пока дурныя при-вычки не уничтожатъ этого чувства, оно не позволитъ намъ мучить другихъ безъ того, чтобы въ тоже время мы не мучились сами по сочувствію. Какъ бы то нибыло, а майоръ Торнтонъ, если только онъ небылъ въ припадкѣ гнѣва, которому онъ впрочемъ рѣдко под-вергался, положительно имѣлъ величайшее отвращеніе отъ употреб-ленія кнута.

Но это еще не все. И другіе точно также ненавидятъ кнутъ, а номинируютъ годъ или два на плантаціи — и кажущаяся невозможность обойтись безъ кнута научить ихъ скоро избавиться отъ этой неудоб-ной деликатности. Въ самомъ дѣлѣ, мало людей (а изъ всѣхъ людей въ мірѣ очень мало плантаторовъ), у которыхъ бы достало настоль-ко здраваго смысла и знанія чело-вѣческой природы, чтобы они мо-гли иначе управлять своими невольниками. Но мистеръ Торнтонъ сумѣлъ превосходно обходиться безъ него, и во все время, то-есть около двухъ лѣтъ, пока я жилъ у него, случилось не болѣе шести наказаній кнутомъ. Если какой-нибудь изъ его слугъ былъ виноватъ въ чемъ-нибудь такомъ, что у невольника считается особенно важ-нымъ преступленіемъ, какъ-то: побѣгъ, повторенное воровство, лѣ-ность, грубость и непослушаніе, мистеръ Торнтонъ посылалъ про-дать такого. По странной, но обыкновенной непослѣдовательности, тотъ же чело-вѣкъ съ такимъ чувствительнымъ сердцемъ, который не могъ не только самъ бить невольниковъ и видѣть какъ бьютъ ихъ, но даже не могъ допустить, чтобы это дѣлалось на его плантаціи, нисколько не затруднился вырвать невольника изъ объятій его жезла

и дѣтей и продать съ публичнаго торга, чрезъ что онъ могъ попасть въ руки какого-нибудь изверга!..

Страхъ быть проданнымъ былъ у насъ всегда передъ глазами и такъ же дѣйствительно, какъ и кнутъ на другихъ плантаціяхъ, заставлялъ насъ работать и повиноваться: мы знали очень хорошо, что было мало такихъ владѣльцевъ какъ майоръ Торнтонъ, — и мысль промѣнять наши красивые, опрятные домини, достаточную пищу и хорошее платье, всѣ удобства и снисхожденіе, какимъ мы пользовались въ Окландѣ, на ту пищу и обращеніе, какія можно было ожидать отъ большей части владѣльцевъ, — эта мысль была ужаснѣ всякаго кнута. Мистеръ Торнтонъ очень хорошо понималъ это и старался держать насъ въ страхѣ, совершая подобное наказаніе разъ или два въ годъ надъ какимъ-нибудь преступникомъ. Кромѣ того онъ умѣлъ возбуждать наше соревнованіе небольшими наградами и подарками, никогда не позволялъ себѣ требовать ничего сверхъ назначеннаго урока и поддерживалъ наше веселое расположеніе, позволяя намъ въ свободное время дѣлать что угодно и ходить куда угодно. Но мы остерегались посѣщать сосѣднія плантаціи, потому что нѣкоторые изъ сосѣдей, по благородству, достойному рабовладѣльцевъ, имѣли привычку вымещать на невольникахъ мистера Торнтона свою злобу на него и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы ихъ обидѣть. Я раскажу одно происшествіе, которое случилось со мною: оно можетъ служить любопытнымъ образчикомъ виргинскихъ нравовъ: Капитанъ Робинзонъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сосѣдей мистера Торнтона, съ которымъ онъ имѣлъ частыя ссоры. Въ одно воскресенье проходя по большой дорогѣ, недалеко отъ Окланда, я встрѣтилъ капитана Робинзона верхомъ; за нимъ ѣхалъ слуга. Онъ приказалъ мнѣ остановиться и спросилъ, чрезъ меня ли вчера посылалъ этотъ проклятый мошенникъ Торнтонъ свое дерзкое письмо къ нему о загородкѣ полей? Я отвѣчалъ, что я вчера приносилъ къ нему письмо объ изгородахъ, которое и отдалъ его управляющему.

— Премилое письмо, очень милое! Я вотъ что скажу тебѣ, малый: еслибы управляющій зналъ свое дѣло, онъ бы тутъ же раздѣлъ тебя и далъ бы тебѣ сорокъ ударовъ.

Я сказалъ ему, что я только передалъ письмо, съ которымъ посылаю мой господинъ, и кажется что неважно бранить меня за это.

— Замолишь ли ты? замолишь ли ты, чортова отродье?.. Я на-

учувася обоихъ, и тебя, и твоего господина, какъ оспаривать джентльмена! Подержи-ка его, Томъ, пока я выволочу немного пыли изъ его новой жокетки!

Томъ соскочилъ съ лошади и схватилъ меня; но какъ я сопротивлялся и былъ сильнѣе, то скоро бы вырвался, еслибы его господинъ, сошедши съ лошади, не подоспѣлъ на помощь своему слугѣ. Вдвоемъ они были гораздо сильнѣе, и поваливши меня, сняли съ меня платье и связали мнѣ руки. Потомъ капитанъ Робинзонъ сѣлъ на лошадь и билъ меня до тѣхъ поръ, пока кнутъ его совсѣмъ избился.

Удовлетворивши такимъ образомъ свое бѣшенство, онъ ускакалъ; за нимъ послѣдовалъ и Томъ, не побезпокоившись даже развязать мои руки. Освободившись отъ нихъ, я началъ искать свою шляпу и платье; ни того, ни другого не было: я ужъ незнаю кто, капитанъ или слуга овладѣлъ ими, но мнѣ помнится, что послѣ этого я видѣлъ Тома, какъ въ одно воскресенье горделиво шолъ онъ на митингъ методистовъ въ голубомъ платьѣ: я готовъ поклясться, что это была моя жокетка.

Когда я пришолъ домой и рассказалъ моему господину о томъ что случилось, онъ страшно взбѣсился: сначала хотѣлъ ѣхать къ капитану Робинзону, но потомъ вспомнилъ, что завтра будетъ засѣданіе суда графства, куда онъ долженъ былъ явиться по своимъ дѣламъ. Тамъ могъ представиться ему случай посоветоваться съ своимъ повѣреннымъ. Немного подумавши онъ рѣшилъ, что лучше ничего не предпринимать по этому дѣлу, неполучивши совѣта отъ юриста.

На другой день мы пошли къ ходатаю по дѣламъ. Я рассказалъ ему что случилось со мной, и майоръ Торнтонъ спросилъ, какое удовлетвореніе можетъ онъ получить по закону? Закономъ отвѣчалъ, что въ такихъ случаяхъ законъ очень ясенъ и опредѣляемое взысканіе весьма удовлетворительно. «Люди, ничего непонимающіе въ дѣлахъ — прибавилъ онъ — утверждаютъ, что въ невольничьихъ штатахъ законы не защищаютъ личности невольника отъ насилія свободнаго человѣка и что бѣлый можетъ быть невольникомъ сколько ему угодно. Это или глубочайшее заблужденіе, или преднамѣренная клевета. Законъ не дозволяетъ подобныхъ злоупотребленій: онъ одинаково цокровительствуетъ свободному и рабу и въ этомъ отношеніи не допускаетъ никакого различія. Если свободный обиженъ, онъ подаетъ искъ о взысканіи съ обидчика; если невольникъ обиженъ, господинъ этого невольника, его законный защитникъ и по-

ПЛОДЫ УЧЕНАГО ПЕДАГГИЗМА

Иванъ Бывасть и какъ быть могло-бъ. Педагогическія мысли Эдвора Кестнера. Спб. 1862.

Въ послѣднее время толки о литературномъ и общественномъ невѣжествѣ приняли громадныя размѣры. Общество наше, совершать, полуучено, полубразовано, не цѣнитъ науки. Наша литературная критика тоже не умѣетъ цѣнить серьезнаго ученаго труда... Самое слово «ученый» приняло теперь двусмысленный, нето хорошій, нето дурной смыслъ. Подобныя толки особенно поднимаются изъ лагеря тѣхъ ученыхъ, которые привыкли спокойно, подъ тихій хвalebный говоръ общества приводить главнымъ образомъ цитаты изъ чужихъ сочиненій... А намъ кажется, такъ незачто, собственно-то говоря, обижаться гг. ученымъ на литературу и общество. Давно-ль, года два тому назадъ, подымался споръ о чисто ужъ ученоемъ вопросе, — о промахожденіи веряго-руссовъ? Что кажется ученый этого вопроса? — какая безконечно малая польза отъ того или другого рѣшенія его; а между тѣмъ посмотрите какимъ вниманіемъ окружило общество г. Костомарова и г. Погодина, состязавшихся объ этомъ вопросѣ. Мы не цѣрили слышать говорамъ, распускавшимся молъ рукой разными скептиками, что дескать никогда общество такъ не доказывало своего легкомыслія въ дѣлѣ науки, какъ именно въ тотъ прославленный вечеръ. Мы знаемъ только, что оба гг. ученые — и Костомаровъ, и Погодинъ — въ заключеніе того знаменитаго состязанія были вынесены на рукахъ.

Впрочемъ это въ сторону. Подозрительное за послѣднее время отношеніе общества къ учености и ученымъ въ основаніи своемъ имѣло очень законное оправданіе и бѣда только въ томъ, что въ нѣкоторой части публики справедливыя требованія съ теченіемъ времени доросли въ крайность и стали опять вызывать своего рода ре-

акцію. На это стоило бы обратить вниманіе, потомучто все это чрезвычайно характеризуетъ жизнь нашего общества за послѣднія пять лѣтъ. Въ то время, когда литературѣ нельзя было разрабатывать общественные вопросы, заниматься интересами дня, она по необходимости обратила вниманіе на предметы сопредѣльные «сухимъ туманамъ». Библиографическія статьи прививались тогда быть-можетъ съ большимъ восторгомъ, чѣмъ теперь иная хорошая публицистическая статья. Джентльментъ, отколовшій въ пыли какое-нибудь рѣдкое изданіе или отыскавшій годъ изданія какого-нибудь любопытнаго сочиненія, глядѣлъ ученымъ. Неудивительно, что умѣншіе члены общества обратились на разработку вопросовъ вродѣ вопроса о призваніи князей. Интересы жизни и интересы литературы совсѣмъ расходились; немнѣя возможности заниматься жизненными вопросами, литература очевидно должна была создать себѣ сферу искусственныхъ вопросовъ и интересовъ. Оттого быть-можетъ она и выглядывала тогда такой ученой. Въ журнальной толгашней книжкѣ нечего было писать отвѣта на что-нибудь живое, современное: въ ней были все таяія отвлеченія, сухія разсужденія со множествомъ цитатъ и разныхъ подкрѣпленій. Недаромъ погону и слово «литераторъ» тогда значило одно и тоже, что слово «ученый»; очевидно, писать литературную статью значило писать ученую статью. А такъ какъ и наука тогда неслашкомъ много разговаривала, то она опять-таки, какъ и литература, ушла такъ-сказать въ самую себя; ношнѣя возможности учить жизнь, стать съ нею въ живыя и непосредственныя отношенія, наука тоже, еще болѣе чѣмъ литература, занялась безопасными вопросами и отвлеклась отъ жизни; въ глазахъ общества она приняла характеръ чего-то отвлеченнаго, существующаго въ себѣ и для себя. Говоря такимъ образомъ, мы особенно имѣемъ въ виду годы, протекавшіе со времени Бѣлинскаго до окончанія восточной войны.

Но, какъ извѣстно, обстоятельства перемѣнились. Общество, analyzing смотрѣвшее на все что ни дѣлалось кругомъ его, проснулось и заговорило. Литература, благодаря новому духу времени, получила возможность расширить свои интересы. Статьи о «сухихъ туманахъ» сдѣлались уже невозможными для журналовъ. Несясь до того, отвлеченнаго отъ жизни направленія литературы, въ ней явилась реакція; читающая публика стала интересоваться только тѣмъ, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ вопросамъ дня, а на все остальное стала смотрѣть какъ на что-то схоластическое, мертвое. Тѣ науки, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ действительности, отодвинулись на задній планъ и предоставляются бытъ-подобствити въ безграничное пользованіе специалистовъ. А какъ науки,

люди, могутъ имѣть живой современный интересъ, общество преступило съ требованіемъ, поддержка своихъ стремленій. Недалеко себя труда пройти предварительный трудный путь розысканій, оно требовало отъ науки готовыхъ результатовъ, по степени доброты качества ихъ, понимаемой имъ по-своему, оцѣнивало дѣятельность тѣхъ ученыхъ, которые популяризировали эти результаты. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо замѣчаніе г. Юрковича, что въ настоящее время не спрашивается, на какихъ основаніяхъ построиваете вы свою мысль, какимъ путемъ идете вы къ извѣстнымъ результатамъ, а что у васъ выходитъ въ крайнемъ выводѣ и къ какой современной партіи примыкаете вы съ такимъ выводомъ. Разумѣется отъ подобнаго способа оцѣнки наука насколько не выигрываетъ, а напротивъ теряетъ много, потому что въ этомъ случаѣ дѣятельность деспотически обязываетъ ее къ извѣстнымъ выводамъ, на которые можетъ-быть, по количеству данныхъ, находящихся подъ ея рукою, она и не имѣетъ права. Но опять таки понятна и здѣсь вся естественность подобнаго требованія общества. Противъ матеріальной силы оно выставило нравственную силу, и очень естественно желало бы имѣть на своей сторонѣ науку, какъ самую сильную нравственную силу въ обществѣ. Оно совершенно естественно подступало къ наукѣ съ требованіемъ принять участіе въ перестройкѣ общественнаго быта и своимъ нравственнымъ авторитетомъ поддержать состоятельность общественныхъ требованій. Въ нѣкоторой части общества реакція зашла очень далеко, такъ что всему неподходящему къ современнымъ потребностямъ общества, всему, что не имѣетъ прямого къ нимъ отношенія, отказывалось даже въ правѣ существованія. Бѣда была еще и въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ самыя потребности общества обижались слишкомъ односторонне и узко, и критеріемъ оцѣнки пользы той или другой науки становилась тогда небольшая сумма обменныхъ нуждъ.

Такое неправильное отношеніе науки къ обществу продолжается и до настоящаго времени и продолжится до тѣхъ поръ, пока общество не выйдетъ изъ ненормальнаго, напряженнаго положенія, не закончитъ періода своихъ стремленій. До того времени оно поневолѣ будетъ строго слѣдить за наукой, строго контролировать ея выводы, будетъ зорко слѣдить, чтобы наука вся была на сторонѣ общества. И пока не удовлетворятся его общественныя стремленія, которыя по степени своей силы и напряженности, поддерживаемой обстоятельствами, получили перевѣсъ предъ всякими другими стремленіями, наука все не будетъ самостоятельна, крайнейшей-мѣрѣ фактически ей нельзя будетъ быть самостоятельной. Поэтому глав-

ныя средства, которые могли бы поднять науку въ нашемъ обществѣ, заключаются не въ томъ, чтобы распространяться вездѣ и всегда о неприкосновенности правъ науки, объ ея самостоятельности и т. под., а въ томъ, чтобы уничтожить условия, которые препятствуютъ нормальной, спокойной жизни общества. Наука не существу своему требуетъ для своего прогресса спокойствія; а какъ тутъ пускаться въ ученые изслѣдованія, когда каждый шагъ ученаго цѣнится по степени пригодности и полезности его розысканий для современныхъ потребностей, когда общество никакъ напередъ указываетъ тѣ результаты, до которыхъ долженъ онъ дойти?

Но если откинуть все что есть крайняго, вызваннаго ненормальнымъ положеніемъ вещей, останется все-таки много справедливаго въ современномъ отношеніи общества къ наукѣ и ученымъ. Мысль, что наука должна помогать обществу въ устройствѣ жизни и что общество вправѣ обращаться къ наукѣ за рѣшеніемъ многихъ вопросовъ, совершенно справедлива. Еслибъ наука не приносила никакой прямой, непосредственной пользы обществу, то нельзя предположить и правъ, по которымъ наука стала бы держаться и разрабатываться людьми. О наукѣ мало сказать и то, что она только развиваетъ и приготовляетъ для общества дѣятелей: нѣтъ, она путемъ изслѣдованій даетъ положительные отвѣты на многіе вращающіеся въ обществѣ вопросы; она много помогаетъ ему выходить изъ трудныхъ обстоятельствъ, иногда случающихся при движеніи къ прогрессу. Съ другой стороны трудно не замѣтить, что вѣдь наука для науки едвали мыслима, и общественная жизнь должна оказывать какое-либо влияніе на направленіе и ходъ науки. Разумѣется мы не имѣемъ въ виду здѣсь тѣхъ наукъ, которыя имѣютъ для жизни значеніе только отдаленное, посредственное — болѣе потому, что онѣ важны для наукъ, которыя уже несомнѣнно имѣютъ близкое отношеніе къ современной жизни. Еслибы наука не прислушивалась къ голосу современныхъ требованій, она сама потеряла бы всякое значеніе и интересъ для общества, слѣдовательно ослабила бы тѣмъ свои успѣхи, потому что стала бы менѣе привлекать къ себѣ умственныхъ силъ страны; съ другой стороны, тогда стала бы она понапрасну иногда теряться въ мелочахъ и пустыхъ формальностяхъ, чѣмъ опять ослабилась бы ея значеніе и замедлился бы ея прогрессъ, потому что занятіе мелочами стало бы производиться въ ущербъ болѣе важнымъ дѣламъ. Успѣхъ естественныхъ наукъ въ настоящемъ столѣтіи между прочимъ обязанъ именно живому взаимодѣйствию жизни на науку. Многія открытія сдѣланы были случайно, а многія именно потому, что ихъ требовала отъ науки жизнь, потому, что они были задачами, разрѣшеніе которыхъ наукой

каждою требовали современныя потребности промышленности. Въ особенности живое пониманіе потребностей современныхъ, живое искусство къ лучшимъ сторонамъ дѣйствительности, вниманіе къ нимъ требуется отъ такъ называемыхъ наукъ общественныхъ. Сомнѣніе широта научнаго пониманія весьма часто зависитъ отъ тѣхъ или другихъ условій общественной жизни. Историческое пониманіе Макоея могло явиться только въ Англіи, а доктринерство Гизо во Франціи, Фукиадовская красота изложенія, спокойствіе и ясность пониманія движенія событій въ пелопонезскую войну — въ Греціи. Взаимодѣйствіе тутъ должно быть, и нѣтъ сомнѣнія, что отъ него можетъ выиграть какъ наука, такъ и жизнь. Но тутъ непрѣмное условіе — самостоятельность той и другой; ни наука не должна посягать на жизнь и стѣснять ее своимъ доктринерствомъ, особенно если ей удастся отрѣшиться (что впрочемъ и невозможно въ абсолютной степени) отъ жизни, ни жизнь не должна посягать на науку и заранѣе требовать отъ нея извѣстныхъ выводовъ.

Но даже и такихъ справедливыхъ сторонъ въ требованіяхъ общества отъ ученыхъ не хотятъ понимать тѣ доктринеры ученые, которые слишкомъ привыкли академическимъ взглядомъ смотрѣть на вселенную, которые слишкомъ привыкли къ своему ученому олимпу. Имъ скажутъ, что ваши схоластическія пренія вовсе не по вкусу современному обществу, что собственно научный интересъ не въ томъ, что вы выдаете за научное, что схоластическими приѣмами нельзя распространять въ обществѣ вкусъ и любовь къ наукѣ, что есть другія вещи въ наукѣ, на которыя стоило бы обратить вниманіе, за разработку которыхъ общество было бы въ высшей степени благодарно и т. п. А имъ даже и такія требованія кажутся неуваженіемъ къ наукѣ, неумѣнъ цѣнить истинный серьезный трудъ.

Между тѣмъ отъ подобнаго направленія и взглядовъ на науку ученыхъ въ академическомъ смыслѣ, пропадаетъ для общества даромъ и ихъ ученость, ихъ познанія, и ихъ способность къ труду. На г. Кестнерѣ, педагогическія мысли котораго мы сдѣлали предметомъ настоящей статьи, мы видимъ тому самый разительный примѣръ. Г. Кестнеръ — чедовѣкъ нельзя сказать чтобъ неученый. Онъ много читалъ разныхъ педагогическихъ и непедагогическихъ сочиненій. Его голова, какъ видно, любитъ логическій анализъ. Но вотъ посмотрите, какъ все это пошло даромъ. Отъ его книги вѣроятно будетъ малая, безконечно малая польза для общества. Читанность и старанье разъяснять свои мысли не спасли его отъ крайней схоластичности, отсталости взглядовъ. Пустившійся въ отвлеченныя пренія возмѣтъ за любимыми своими нѣмецкими педагогами, онъ долго отълежалъ отъ себя, что почти совсѣмъ забылъ дѣйствитель-

цестъ; въ иныхъ случаяхъ его образъ воззрѣнія даже домыслил смѣшонъ.

Логическій анализъ хороша, но у мѣста: плаче оъ перодъ дѣтъ въ схоластику, ни къ чему неведущую. Чтобы доказать логану мысли своей, для этого мало надѣлать разныхъ дѣлений да подраздѣлений съ разными русскими, латинскими и греческими буквами. Хорошо, если авторъ раздѣльно выражаетъ свои мысли, такъ что весь порядокъ ихъ дѣлается совершенно яснымъ читателю. Но дѣленія для дѣлений, безчисленные подраздѣленія только затемняютъ дѣло для читателя и сбиваютъ его съ толку. Достаточно взглянуть на оглавленіе книжки, предложенное авторомъ къ концу, чтобы видѣть до какой схоластической тонкости дошелъ онъ. Для примѣра мы представимъ нашимъ читателямъ слѣдующее оглавленіе трактата г. Кестнера о любви родительской:

О любви родительской.

A. Любовь родительская нравственно-разумная.

а) Составные элементы любви родительской нравственно-разумной:

1) любовь инстинктивная;

2) любовь сознательная:

α) понятіе о любви сознательной:

β) о родительскомъ долгѣ;

γ) предѣлы родительскаго долга:

αα) мінімумъ родительскаго долга;

ββ) максимумъ родительскаго долга;

γγ) заключеніе о любви родительской сознательной;

δ) заключеніе о любви родительской сознательной:

3) любовь родительская симпатетическая:

α) понятіе о любви родительской симпатетической;

β) условія развитія любви симпатетической по отношенію къ любви сознательной;

γ) условія развитія любви симпатетической по отношенію къ любви инстинктивной.

б) Заключеніе о любви родительской нравственно-разумной.

B. О другихъ родахъ любви родительской.

1) Виды своекорыстной любви родительской по побужденіямъ менѣе виновнымъ.

2) Виды своекорыстной любви родительской по побужденіямъ болѣе виновнымъ.

Вотъ такимъ-то образомъ г. Кестнеръ испестрялъ свою книжку. Мы не видимъ причины, почему бы ему еще не умножить дѣленія да подраздѣленія въ своемъ трудѣ. Если онъ изобладаетъ возможностями

догматически дѣлать гранаты со другихъ родитъ любви родительской; на два еще своеобразной любви родительской по побужденіямъ меще и болѣе виновныхъ, те подобнымъ мещеромъ онъ могъ бы еще втрое болѣе наставить цѣль и буквъ разныхъ алфавитовъ, чѣмъ у него теперь поставлено. Онъ дѣлать эти виды на основаніи побужденій болѣе виновныхъ и меще виновныхъ; но онъ могъ бы еще дѣлать виды родительской любви по побужденіямъ абсолютно виновныхъ, и виновныхъ относительно. Да вѣроятно г. Кестнеръ различаетъ побужденія отъ цѣли, стало-быть могъ бы дѣлать ихъ и по цѣлямъ; тутъ онъ могъ бы найти нещечерпанный источникъ для всякихъ а, б, в. и д; затѣмъ могъ бы рассмотреть виды своеобразной родительской любви не по ея слѣдствіямъ относительно самихъ родителей, дѣтей, общества — и опять новыя дѣленія. Г. Кестнеръ можетъ-быть найдеть въ насъ недостатокъ вкуса къ подобному ученому анализу. Согласны: такимъ вкусомъ, дѣйствительно, мы не похвастаемся, да правду сказать, мы и не жалѣемъ, что природа обидѣла насъ въ этомъ отношеніи. Г. Кестнеръ, какъ видно, увлекся приуѣромъ германскихъ педагоговъ. Германскіе педагоги дѣйствительно любятъ дѣленія до подраздѣленія и плодятъ для иногда добра, что нѣтъ возможности называть ихъ ученымъ трудомъ. Но зато продолжаніе знанія иногда вознаграждается и значительными результатами. Между многими подраздѣленіями да дѣленіями, между многими (напр. у Дистервега) словами найдешь и много дѣльнаго, за что пожалуй можно и простить нѣмецкаго педанта. У г. Кестнера — не скажемъ, чтобъ ужь все было нехорошо; но между многими словами, обозначенными и раздѣленными разными русскими, латинскими и греческими буквами, найдешь очень немного дѣльнаго, практическаго, что могло бы годиться въ педагогической практикѣ. Читая его книгу; иногда приходишь къ мысли, что занимаясь подобными предисловіемъ, она влечется не столько о томъ, чтобы какъ можно болѣе раскрыть существо дѣла; сколько о томъ, чтобы правильнѣе раскѣлить свои мысли о немъ на нѣсколько группъ. Хорошо было писать съ такимъ приѣмомъ назадъ тому годовъ четыреста или пятьсотъ; когда за отсутствіе строго обозначеннаго извѣстной буквой опредѣленія (definitio) и заключенія (conclusio) чуть не требовали къ суду и не обвиняли за страсть къ новизнѣ, въ поползновеніи къ ереси. Наше время, болѣе спокойное, требуетъ не столько дѣленій да подраздѣленій, сколько дѣла.

Такъ, говоримъ, съ схоластикой г. Кестнера еще можно было пошариться, какъ миримся иногда съ нѣмецкимъ педантомъ за содержательность его твореній, за глубину мысли, живыми

ность предлагасмъ тѣмъ вопросамъ и за всѣмъ ихъ постановку. Была въ томъ, что отремленіе г. Кестнера къ своему основательному изслѣдованію вопросовъ путемъ строгого анализа не спасло его отъ неосновательности въ построеніи цѣлаго своѣго труда и обивчивости въ его изложеніи.

Начинаетъ г. Кестнеръ откровенныя признанія, что былъ педагогъ не въ урядъ другимъ: другіе дѣлать педагога занимающа прѣимънеіемъ педагогическихъ идеаловъ по всему народу; заботится о воспитаніи его и такимъ образомъ *ситуационно* (выраженіе самого автора) свой педагогическій идеалъ, а я заботился только о воспитаніи высшихъ классовъ и богатыхъ людей изъ средняго класса.

Чѣмъ выше будетъ объята идея воспитанія, — говоритъ г. Кестнеръ, — тѣмъ ограниченнѣе станетъ и кругъ прѣимънеимости ея.

Ограниченность возможнаго прѣимънеія моего воспитательнаго идеала какбы противопоставляетъ его идеаламъ педагоговъ, дающихъ общую прѣимънеимость своимъ идеаламъ.

Они имѣютъ въ виду массу народа и прѣимънясь къ своему субъекту, въ необходимости измѣнить, упростить и ограничить свою идею такъ, что наконецъ искажаютъ ее до одного только пробужденія въ своихъ воспитанникахъ (ученикахъ народныхъ школъ) хотя какого-нибудь сознанія человѣческаго достоинства и дѣловыи, если какъ-нибудь удастся одѣлать ихъ на сколько-нибудь полезными членами общества. Я напротивъ того имѣю въ виду воспитанниковъ, которые по природе своей способны, а по своему положенію поставлены въ возможность достигнуть конечныя цѣли жизни, и только къ нимъ прѣимъняю свой идеалъ воспитанія — въ томъ значеніи его, въ какомъ онъ вытекаетъ изъ идеи о высокомъ человѣческомъ назначеніи — во всемъ пространствѣ, во всякъ частяхъ и въ полномъ объемѣ.

Вотъ какія мысли владѣютъ еще въ 1862 году, послѣ «Вопросовъ жизни» Пирогова, послѣ столькихъ нашихъ споровъ и разсужденій о воспитаніи. Г. Кестнера, какъ видно, не захватило движеніе нашей общественной жизни послѣ 1856 года; пусть бы подобныя воззрѣнія на дѣло воспитанія явились назадъ тому лѣтъ десятокъ, когда пожалуй можно бы было доказывать, что одна часть общества не самой такъ-сказать природѣ своей назначена въ поутѣ лица зарабатывать деньги, а другая прожывать чужой трудъ и деньги въ россійскихъ столицахъ и заграничныхъ городахъ. Вотъ тутъ и толкуйте о принципѣ народности въ воспитаніи, о возвышеніи посредствомъ воспитанія и образованія нравственнаго и материальнаго быта нашего простаго народа! Г. Кестнеру, какъ видно по нѣмцу, до всего этого нѣтъ дѣла.

«Она претерпела бы честь, утратить связь, что если принять принимать воспитательные идеалы въ возможно-большому кругу людей, то придется изменить, упростить и ограничить свою идею такъ, что наконецъ окажется она до одного только пробужденія въ своихъ воспитанникахъ хотя какою-нибудь человецескою доброты, — и придется быть довольнымъ, если какъ-нибудь удастся сдѣлать ихъ насколько-нибудь полезными членами общества. «Идеалъ педагогическій и народъ! (такъ разсуждаетъ нашъ ученый). Если позаботиться о воспитаніи народа и заговорить объ этомъ предметѣ, то придется поступиться своимъ идеаломъ; поступлю же я наоборотъ.» И жертвоприношеніе сдѣлано имъ: въ пользу идеала отказано народу въ примѣненіи къ нему педагогическихъ идеаловъ. Читатели вѣроятно позволятъ намъ еще сдѣлать выписку изъ сочиненія г. Кестнера: иначе они пожалуй не повѣрятъ, что въ настоящее время, когда... и проч.; встрѣчались въ литературѣ педагоги подобныя г. Кестнеру.

«Еслибы я, по примѣру Руссо, избралъ себѣ идеальнаго воспитанника, ядалъ которымъ бы я хотѣлъ осуществить свой идеалъ воспитанія, то я, по примѣру же Руссо, не избралъ бы своего Эмиля изъ сословія, гдѣ высшія потребности духа уничтожаются подъ гнетомъ настоятельныхъ потребностей тѣла, гдѣ жизненные цѣли скрываются изъ виду и жаднымъ взорамъ представляется одна только цѣль — имѣть не терять нужды, не страдать отъ холода и голода, — а избралъ бы его изъ того класса, гдѣ хотя бы и не представлялась воспитаннику на будущее время возможность, независимо отъ случайныхъ, вѣнскихъ обстоятельствъ, осуществить свой нравственно-разумный идеалъ, то представляется по крайней-мѣрѣ возможность довершить надъ нимъ идеалъ воспитанія.

•Примѣняю слѣдовательно мысли свои къ воспитанникамъ высшаго и средняго класса общества.»

«Ограниченность круга примѣненія моихъ идей не препятствуетъ имъ впрочемъ получить такое же значеніе, какое педагогическіе идеалы своего класса воспитанія.

«Народное воспитаніе имѣетъ главный образокъ въ виду народное благосостояніе. Но если народное благосостояніе зависитъ отъ народнаго дисциплинаціи, то оно напередъ того зависитъ и отъ нравственной и умственной высоты, занимаемой высшимъ сословіемъ государства, а слѣдовательно отъ степеней, въ какой въ этомъ классѣ общества осуществлена идея воспитанія.

•Полная идея воспитанія, нашедшая своихъ представителей въ немногихъ сотняхъ, приноситъ въ этомъ отношеніи болѣе пользы, нежели крохи образованія, брошенныя многими сотнями тысячъ народа; а осуществленіе ея въ немногихъ тысячахъ можетъ пролить блгоденствіе на цѣлое государство.

«... ..»
 «... ..»

Тогда читатели могут быть уверены, что вышеозначенные педагогическіе приемы действительно принадлежат г. Кестнеру. Стоит ли что-нибудь сказать въ одобрение ихъ? Такихъ педагогическихъ воззрѣній на дѣло воспитанія мы давно не встрѣчали въ нашей литературѣ. Впрочемъ удивительнаго нѣтъ, для того въ томъ, что г. Кестнеръ, при своемъ знакомствѣ съ извѣстными и въ междѣми педагогами, очутился защитникомъ исключающаго пріема богатой буржуазіи на педагогическіе идеалы. Дѣло въ томъ, что какъ самъ откровенно признается, онъ старался доставить сначала на видъ дѣлу, а потомъ уже думать воспитателю, въ какомъ возмозно-бы было приѣхать. Намъ доводится хоть иногда читать въ газетахъ, что буржуазному приходу въ дѣло педагоги. По всей вѣроятности ему съ трудомъ достался педагогическій идеалъ, какой онъ составилъ себѣ, и поэтому онъ вообразилъ, что его идеалъ и богъ-вѣсть какъ высокъ; какъ илюль его собственнаго ума и фантазіи, — покрайней-мѣрѣ такъ онъ считалъ его. — Онъ сталъ особенно дорогъ и милъ для его сердца. Мало зная народъ вонервыхъ потому, что самъ нѣмецъ, на что уже указываетъ и его фамилія, а повторныхъ, принадлежа бытъ-можетъ самъ къ высшему или среднему классу, къ огромной важности которыхъ въ жизни страны онъ поэтому самому уже не можетъ не питать символическихъ чувствъ, — онъ принималъ къ мысли, что куда-ль этому простому, бѣдному мужику претендовать на порошекъ воспитаніе, куда ему до дорогого воспитанія? Сила-то не въ немъ, какъ то доказываетъ (такъ покрайней-мѣрѣ показалось г. Кестнеру), политическая жизнь Англіи.

... ..
 Однако чтожь это собственно за педагогическій идеалъ, до такой высоты совершенно недоступный для нашего простого народа? Желъ разсужденій г. Кестнера таковъ: прежде всего двоятъ нужно определить, что составляетъ цѣль жизни; когда опредѣлительная, тогда уже можно рѣшить, что нужно воспитывать въ дитяти; какъ представляется вопросъ, гдѣ его воспитывать, и наконецъ — какъ воспитывать. Опредѣляя цѣль жизни, г. Кестнеръ находитъ, что она состоитъ въ добродѣтели, а добродѣтель состоитъ въ направленіи воли согласно съ требованіемъ законовъ духовной природы чело-вѣка къ удовлетворенію потребностямъ духа (добраго, истиннаго и прекраснаго), составляющимъ высочайшее благо жизни и съ тѣмъ вмѣстѣ высочайшую жизненную цѣль. — Ладно-съ. Такое опредѣленіе цѣли жизни выведено г. Кестнеромъ, какъ самъ онъ гово-

искусство развить въ людей, отъ которыхъ къ добротѣ, доброту и прекрасному!

Разумѣется, въ чѣмъхъ институтъ долженъ воспитывать лишь простой народъ. Они слишкомъ дороги для насъ, чтобы воспитать двадцать пять человѣкъ, нужно содержать человѣкъ тридцать пять или на двѣратель, да учителей, да чѣловѣкъ пятьдесятъ преподавателей, чтобы сообщать институту самую приемливую и окрѣпительную. Если считать все силы и средства страны только воспитывать, какъ предлагаетъ г. Кестнеръ, такъ пожалуй изъ 50 миллионовъ народа можно будетъ воспитывать такимъ образомъ не болѣе трехъ соти тысячъ. Разумѣется это было бы возможно назадъ тому тысячъ три или въ, когда существовали касты и одна каста поглощала все труды другихъ бѣдныхъ кастъ. Теперь слава-богу время ужъ не то.

А главное вы боитесь, чтобы съ принятіемъ педагогическаго идеала г. Кестнера не остался безъ воспитанія даже высшій классъ общества, особенно если воспитатели такъ же станутъ заниматься фразами, какъ и г. Кестнеръ. Воспитывать въ чѣловѣкѣ стремленіе къ истинному, добру и прекрасному — дѣло разумѣется доброе; обратнѣе и нуждѣ подобнаго воспитанія — тоже хорошо; но отъ словъ до дѣла, къ сожалѣнію, далеко. Можно написать цѣлые томы фразъ, какъ и писалось въ средніе вѣка, но дѣло не подвинется впередъ. Дѣло въ томъ, что понятія истиннаго, добраго и прекраснаго — понятія слишкомъ отвлеченныя, какъ тоже въвлеченное понятіе — добродѣтели; все будетъ зависеть отъ того, какое содержаніе будетъ въ этихъ понятіяхъ. Если согласитесь, что у много подлѣ понятіемъ къ истинному укладывается иногда въ головѣ стремленіе къ снѣтнимъ, къ познанію разныхъ неотносящихся до него вещей; а подлѣ понятіемъ добра другой разумѣетъ хорошее жалованье, прибыль, да порядочное геномтѣе въ обществѣ; а какъ выдвѣзывается въ разныхъ головахъ содержаніе понятія прекраснаго, объ этомъ и говорить нечего. Ну что, если воспитатели, по-своему понимая истину, добро и красоту, станутъ свои-то понятія прививать къ дѣтямъ; и тѣмъ съ большимъ удобствомъ, что на дѣтей г. Кестнера расположились смотрѣть чисто какъ на сырой матеріалъ, способный принять какую угодно форму подлѣ опытной рукой? Или не этого именно хотѣлъ г. Кестнеръ? Въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы спуститься изъ сферы фразъ и постараться говорить о дѣлѣ, развивая только то, что дѣйствительно можетъ имѣть реальное значеніе въ педагогіи.

Дѣи толки о домашнихъ воспитательныхъ институтахъ тоже не новая пѣсня. На бумагахъ, въ теоріи можно создать идеалы воспита-

директора, директору, — это дело. Можно возразить, что я бы-
ти будут поступать туда как чистые куски мяса; не-которых
значитъ дела директора и директора събавитъ просроченна
вещи и то директора, бдѣтъ, дождется ли сейбъ думна старости
отда, съ думными сторонами, домашнее воспитание, что дождет
будутъ друзья и отцами своихъ воспитанниковъ и строго
будутъ наблюдать, чтобы не запало въ душу воспитанниковъ не
доставное, неблагое, непрекрасное. Можно жеждуй предоставитъ
что дадъ такой строгой и долгой строкъ, какой хочеть г. Бестнера
подвергнуть молодыхъ воспитанниковъ, воспитантовъ Эдвардъ Ру-
догъ — предметъ педагогической ичты, достоянстваваго нашего пе-
дагога. Все это такъ; мы слыкали ужъ, какъ Маншиловъ мечтаетъ
построитъ на рѣкѣ-возлѣ сирого дома масты, а во оторонахъ ма-
стовъ лавки, а въ лавкахъ чтобы купчики сидѣли да торговали.
Только кажется у Манилова дѣло не востоялось, хоте предать былъ
очень недуренъ, — такой гуманный и идеално хорошій. Въдъ есть
посмотрите, какъ по бумагамъ должны быть хороши наши гимна-
зии: и директора ихъ должны быть отцами и руководителями мо-
лодыхъ людей на пути къ истинному, доброму и прекрасному. И
симпатическая любовь должна быть между директоромъ и молодыми
пигонцами, да и надиратели и учителя должны быть такъ-сказать
друзьями молодыхъ людей, питать ихъ идекомъ учения, чтобы вос-
ростить будущихъ полезныхъ слугъ отечеству и сдѣлать ихъ нѣтъ
россійскихъ, благонамѣренныхъ патриотовъ. Если вѣрять въ бумагу
вообще, такъ гимназии должны быть такъ хороши, что не уступать
никакому другому домашнему воспитательному институту, и даже
лучше институту г. Бестнера, потому что сотнями заразы воспита-
ваютъ слугъ отечеству. Однако не на бумагахъ, а въ действительности
дѣло совсѣмъ другое. Благонамѣренные отцы иногда хуже об-
рочее, видѣтъ симпатической любви въ педагогическомъ раѣ оби-
таетъ казарменный страхъ и взаимное недоуваніе начальниковъ и
подчиненныхъ. Значитъ бумага-то бумагой и остается, а дѣло
дѣломъ. Какія гарантіи усифховъ домашне-воспитательныхъ инсти-
тутовъ г. Бестнера? Какія гарантіи того, что оторонный отъ род-
ной семьи мальчикъ девяти лѣтъ, подъ руководствомъ директоровъ
и надирателей воспитаетъ къ себѣ мущина, основу семейнаго
быта, и не зачерстаетъ, какъ это часто случается съ нашими ди-
ректорами закрытыхъ заведеній? Въ томъ, что директора будутъ за-
мѣнять имъ отцовъ? Но объ этихъ замѣнахъ можетъ мечтать толь-
ко Маншиловъ. Гдѣ гарантіи того, что подобные институты не обра-
тятся только въ средство пропитанія раннихъ прождохъ, рали, жа-
лованья употребляющихъ всѣ силы свои на воспитаніе россійскаго

проситона. Мыслимъ, въ мѣрѣ ихъ все посредствомъ дѣйствительныхъ, по крайней мѣрѣ, въ авторитетомъ, различае и вѣдѣнныя уменыя. Только одна желанія къ нимъ и рѣшима мечтание и оставсея мечтания, потому что при сочиненіи ихъ на судъ въ виду дѣйствительной жизни, не обращалась вниманія на дѣйствительность. Ризунъ тотъ, немалы для жизни, для практики отъ подобныя сочиненій нѣтъ ровню никакой. Мало того, подобный ученый, мечтавшій авторъ нудится доказывать, что и невѣдомыя примѣненія педагогическія идеалы къ идеямъ классамъ народа, потому досказъ, что они обречены на грутъ въ ноги лица, и воспитывать ихъ по-сволюбовски въ помощь смыслю — нѣтъ никакой возможности для нужды. Ирингаръ дескать Англіи доказываетъ, что нужно позаботиться о воспитаніи вышнихъ классовъ и тогда народное благосостояніе будетъ твердо и несомненно. Такимъ образомъ бываетъ, что иной ученый даже въ педагогич. вытаске вводитъ буржуазнаго начала. Это все дѣйствительно къ социализму бываетъ.

Не можетъ быть и иначе. Начитанный человекъ можетъ не искать себя Финаломъ въ высшихъ классахъ, а могъ бы постараться поискать ихъ въ средѣ народа, для блага его погрозить свои личностныя силы и позаботиться о образованіи его. Какъ человекъ, безграницей, онъ могъ бы заняться критическою оцѣнкой существующаго тамъ системъ народнаго образованія, и могъ бы вывести оттуда ширіе очень дѣльные и полезные выводы, наирингаръ о томъ, что въ какой мѣрѣ могло-бы изъ заграничнаго въ этомъ отношеніи пригедиться для образованія нашего народа. Изъ того, что за границей народное образованіе существуетъ въ болышихъ размѣрахъ и что оттого простой народъ бѣденъ развитіемъ, иной ученый могъ бы вывести заключеніе, что такъ бываетъ только иногда, и могло бы быть оно и широкимъ, еслибы существовали вотъ такіе-то и такіа условія, да и постарался бы помочеть немножко своею головою, такъ бы это могло бы быть у насъ. Дѣло-то только бы тогда лучше, чѣмъ безплодная трата времени на сочиненіе фразъ и проговоровъ, которые не улучшатъ въ сущности педагогическаго дѣла, и еслибы и улучшили, такъ возвысили бы благосостояніе только небольшой горсти людей. Еслибы иной авторъ искалъ населения для людей, а не людей подыскивалъ для своихъ идеаловъ, то онъ могъ бы познакомиться на дѣйствительность и при тѣхъ силахъ, какія видѣты, могъ бы увидеть что-нибудь иѣющее реальное значеніе въ дѣйствительности. Онъ могъ бы увидеть, что съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости народъ хочетъ выслучность по сцену, пробреть для себя образованія, хочетъ учиться, что первой заботой національнымъ педагогомъ должно быть удовлетвореніе именно, соотвѣтн

родной потребности, что вся наша будущность зависитъ отъ того, какъ скоро начнемъ понимать разныя на свѣтѣ существующія вещи. Онъ могъ бы найти себѣ и друзей по этому дѣлу — въ лицѣ напримѣръ графа Толстого. Или, если ужь онъ хотѣлъ поднять вообще въ обществѣ уровень педагогическихъ занятій, такъ поучился бы этому дѣлу отъ людей подобныхъ г. Широкову, у котораго каждое слово имѣетъ смыслъ, потому что идетъ отъ сердца, дѣйствительно негодующаго на существующее зло. У него же онъ могъ бы поучиться широтѣ пониманья задачъ, цѣлей воспитанія и образованія, и тому объему, въ какомъ они должны существовать въ нашей странѣ. Да, все это могло бы быть...

Но вѣдь мало ли что могло бы быть!..

О ЗНАЧЕНІИ БОКЛЯ (¹)

Исторія цивилизаціи въ Англіи. Выпускъ I.

Книга Бокля — «Исторія цивилизаціи въ Англіи» достаточно известна въ нашей литературѣ; о ней много говорили и говорятъ русскіе журналы и въ бѣглыхъ замѣткахъ и въ большихъ статьяхъ. «Отечественныя Записки» помѣщаютъ переводъ отдѣльныхъ главъ этой книги; недавно было обѣщано полное ея изданіе, если только не помѣшаютъ тому постороннія обстоятельства.

Она встрѣтила всюду сочувствіе, и ничего непреувеличивая, можно сказать: она получила у насъ въ глазахъ общества вѣкторое нравственное значеніе; она обнаруживаетъ въ себѣ одно изъ важнѣйшихъ направленій, господствующихъ въ настоящее время въ общественной сферѣ.

Противъ нея не было слышно слишкомъ сильныхъ возраженій; покрайней-мѣрѣ высказавшееся въ ней направленіе не вызывало нигдѣ попытокъ возстать противъ ея ученій и открыть въ ней недостатки. Явленіе весьма замѣчательное, хорошо рекомендуемое и самую книгу, и ея социальный характеръ. Еслибы книга носила въ себѣ какіе-нибудь существенныя недостатки въ литературномъ и ученномъ отношеніи, она открывала бы противникамъ ея направленія весьма удобный случай нанести ударъ проповѣдуемымъ ею идеямъ, и наоборотъ: еслибы направленіе было дурно и должно было бы приводить къ гибельнымъ результатамъ, тогда оно парализировало бы непремѣнно силы самого талантливаго автора, привело бы его къ рѣзкимъ ошибкамъ, и тогда противникамъ ея идей открылся

(¹) Знаменитый историкъ скоропостижно скончался 31 мая сего года въ Дамаскѣ, на сороковомъ году своей жизни. Родился онъ 24 ноября 1822 года неподалеку отъ Лондона, въ мѣстечкѣ Ли. Мы надѣемся познакомить читателей нашихъ съ біографіей этого знаменитаго историка.

бы еще болѣе удобный случай нанести ударъ враждебному ученію и враждебной партіи.

Но по поводу ея онъ молчалъ, хотя въ ней высказываются далеко не такого рода истины, которыя всѣми равно принимаются, и хотя при всемъ своемъ научномъ характерѣ она вовсе не отрѣзана отъ практики.

Сочиненіе Бокля не кончено. Оно выходило въ свѣтъ по мѣрѣ того какъ авторъ успѣвалъ приготовить къ издавію отдѣльные томы. Первый томъ явился въ подлинникѣ, на англійскомъ языкѣ въ 1857 г. и до настоящаго времени вышло только три тома. Принимая на себя трудъ постоянно слѣдить за его книгамъ и давать въ нихъ отчетъ читателямъ, мы считаемъ медленнымъ уяснить прежде общій характеръ его книги, опредѣлить ее направленіе, открыть ту точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть и на самую книгу, и на предметъ ея, на исторію... Намъ бы хотѣлось какъ можно полнѣе воспроизвести нравственную физиономію этого замѣчательнаго чловека; но по причинамъ, которыя изложены ниже, такое предпріятіе невозможно; мы принуждены ограничиться только общими и самыми крупными чертами въ уясненіи его характера.

I

Бокль выбралъ предметомъ спеціальнаго изученія и изложенія исторію Англій; но первые томы своего труда онъ посвятилъ общему обзору исторіи человѣчества, уясненію главнѣйшихъ законовъ, которые обнаруживаются въ жизни прошедшаго: они составляютъ введеніе въ «Исторію цивилизаціи въ Англій», введеніе, которое скорѣе философскаго, чѣмъ историческаго содержанія, которое относится скорѣе къ области философіи исторіи, чѣмъ къ области спеціальной исторіи.

Между этими двумя отраслями исторической науки лежитъ существенное различіе, которое не всегда имѣется въ виду и которое между тѣмъ весьма важно: задачи историка-спеціалиста и историка-философа не однѣ и тѣже; для рѣшенія онѣ требуютъ неодинакихъ способностей, неодинакихъ пріемовъ: то что мы по праву можемъ требовать отъ историка-спеціалиста, часто въ полномъ правѣ не дать намъ историкъ-философъ, и наоборотъ: что мы поставимъ въ заслугу философу-историку, то нерѣдко становится въ упрекъ историку-спеціалисту. Исторія и философія исторіи — двѣ науки, близкія, родственныя между собою; но каждая изъ нихъ имѣетъ свой особый предметъ, свои цѣли, задачи, предѣлы, — и

каждая изъ нихъ самостоятельна, можетъ имѣть своихъ самостоятельныхъ воздѣлывателей.

Черта раздѣла между ними полагается тѣми отношеніями, въ какія ставитъ себя историкъ къ историческому матеріалу.

Историкъ, приступая къ своимъ занятіямъ, прежде всего видитъ, что онъ имѣетъ дѣло съ міромъ прошлымъ, отжившимъ свое существованіе. Если сравнить этотъ міръ съ трупомъ, а дѣло историка съ дѣломъ анатома, который, подстукая къ трупу, старается изслѣдовать въ немъ условія и двигатели жизни, — наше сравненіе было бы вполнѣ невѣрно; историческій матеріалъ удачнѣе сравнивается съ организмомъ, уже сгнившимъ, рассыпавшимся, разложившимся въ элементы. Отъ него ничего не осталось кромѣ воспоминаній да того вліянія, которое производитъ каждое прошедшее изъ-за могилы на послѣдующую жизнь. Дѣло историка не можетъ вачаться съ ученаго изслѣдованія законовъ этаго міра, а съ его возстановленія, поскрешенія: онъ долженъ собрать всѣ элементы разложившагося организма, каждому изъ нихъ возвратитъ его прежнюю форму, собрать ихъ и сопоставитъ въ тѣ отношенія, въ какихъ они были прежде, однимъ словомъ — возстановитъ историческій матеріалъ: эта задача исторической критики; творчество ея подобно творчеству сказочной мертвой воды, которая заживляла раны на тѣлѣ богатыря, врачевала язвы и приготавливала его къ жизни, хотя самой жизни ему не давала: жизненную теплоту и бѣненіе сердца возвращала, по преданіямъ, живая вода. Этой живой водой въ дѣлѣ исторіи служитъ творчество художника: силою его онъ умѣетъ вдохнуть въ организмъ духъ жизни, пробудитъ уснувшія силы, воззвать его къ новому, высшему существованію въ области знанья.

Таковы задачи историка—спеціалиста; но ими не исчерпывается еще все дѣло исторіи. Возстановивъ историческій матеріалъ, историкъ можетъ подступить къ нему съ иною цѣлю, существенно отличной отъ прежней: ему предстоитъ тогда открыть законы, по которымъ совершалась прошлая жизнь; уединивъ отъ случайностей, изслѣдовать, при какихъ общихъ условіяхъ они обнаруживаются, показать коренной, главный смыслъ историческаго хода и такимъ образомъ свести частные законы въ стройную логическую систему: такова задача философа—историка. Очевидно, философія исторіи по предмету родственна съ исторіей спеціальною, но цѣли и средствамъ съ философіей; она стоитъ на границѣ между той и другой; близка равно той и другой, но тѣмъ неменѣе она самостоятельна, тѣмъ неменѣе можетъ рассчитывать на самобытное, независимое отъ другихъ существованіе.

Первые томы книги Бокля входятъ, какъ мы уже сказали, въ

область философіи исторіи. Намъ слѣдовало бы показать читателямъ, какое мѣсто занимаютъ они въ историческомъ развитіи этой области, въ какихъ отношеніяхъ они стоятъ къ предшествовавшимъ трудамъ по философіи исторіи, какимъ изъ нихъ они родственны по направленію и взгляду, и какимъ враждебны, что дѣйствительно новаго они внесли въ науку, — но при настоящемъ положеніи философско-историческаго знанія такое предпріятіе выше нашихъ силъ. Исторія бытописанія вообще почти не тронута: на это жаловался весьма справедливо Гервинусъ (1) двадцать лѣтъ тому назадъ, и теперь еще онъ имѣлъ бы полное право жаловаться на тотъ же недостатокъ: по философіи исторіи намъ неизвѣстно ни одного труда, который бы болѣе или менѣе удовлетворительно представилъ ея историческое развитіе; отдѣльныя ученія мыслителей разбирались иногда, по подобныя труды всегда обнаруживаютъ въ себѣ существенныя недостатки и всегда далеки отъ того, чтобы уяснить историческое значеніе того или другого явленія. Такъ напримѣръ ученіе итальянца Вико (въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка), основателя философско-историческаго знанія, въ первый разъ представлено въ нѣкоторой системѣ не ранѣе 1845 г. (См. «La science nouvelle.» Paris, 1845, статья: «Vico et ses oeuvres».) Эта отрасль литературы — вполне неразработанное поле и потребуеетъ еще много усилій и многихъ тружениковъ.

Поэтому оставявъ, къ сожалѣнію, въ сторонѣ всякую попытку опредѣлить значеніе Бокля въ связи съ общимъ развитіемъ философіи исторіи, ограничимся опредѣленіемъ того мѣста, какое занялъ онъ въ ряду дѣятелей настоящаго времени по исторической наукѣ; если невозможно опредѣлить его какъ фактъ научный, то постараемся по возможности опредѣлить его какъ фактъ литературный въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ такой фактъ, который возбуждалъ симпатію общества, отвѣтилъ тѣмъ или другимъ его стремленіямъ и раскрылся подъ одной изъ самыхъ живыхъ тенденцій въ общественной жизни.

По самой природѣ своей, ни одна наука не подвержена такъ сильно общественному вліянію, какъ исторія. Ея разработка въ различныя эпохи носитъ на себѣ отпечатокъ даннаго времени; произведенія ея чаще чѣмъ произведенія по другимъ отраслямъ знанія могутъ служить комментаріями и толкователями жизни общества, въ средѣ которыхъ они возникали; естествоиспытатель, погруженный въ изысканіе таинствъ природы, можетъ, принимаясь за микроскопъ или анатомическій ножъ, наиболѣе отрѣшиться отъ жизни

(1) Теор. очерк. ист. во «Времени» 1861, ноябрь.

другихъ людей : его увлекаетъ жизнь природы , всегда постоянная , всегда неизмѣнная , всегда свободная и чуждая текущимъ интересамъ людей ; его трудъ имѣетъ за собою болѣе возможности не терпѣть нарушеній со стороны личныхъ страстей и предразсудковъ , и еще болѣе со стороны общественныхъ предубѣжденій . Это можетъ быть и есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ быстрого совершенствованія естественныхъ наукъ ; это помогаетъ имъ даже болѣе , чѣмъ эмпирической , опытный путь , на которомъ всегда принужденъ стоять естественный испытатель . Не такова историческая наука . Гервинусъ , въ упомянутой выше статьѣ , доказываетъ , что историки , достойные этого имени , являются только въ извѣстныя эпохи , создаются извѣстнымъ порядкомъ вещей въ общественномъ мѣрѣ ; но можно съ болѣе основаніемъ утверждать , что каждый историкъ , будетъ ли онъ достоинъ или недостоинъ своего званія — вполнѣ произведеніе того времени , того общества , того кружка , въ который его поставили обстоятельства . Имѣя дѣло съ людьми , ихъ жизнью , съ фактами , такъ близкими къ практическимъ интересамъ , онъ будетъ судить о нихъ съ той точки зрѣнія , съ которой привыкло судить о людяхъ и событіяхъ восниавшее его общество , съ тѣми убѣжденіями , которыя составляютъ янть , связующую его съ той или другой партіей . Отъ историка требуютъ не одного мертвого знанія , но и живой мысли ; стараясь быть какъ можно объективнѣе , безпристрастнѣе , какъ можно тщательнѣе закрыть свою личность за описываемыми фактами , онъ принужденъ высказывать личные убѣжденія , личный взглядъ на вещи всякій разъ , когда дѣло доходить до постановленія и размѣщенія этихъ фактовъ , до уясненія тѣхъ отношеній , въ какихъ они стояли прежде въ дѣйствительности . А если историкъ , принимаясь за свой трудъ , умѣетъ вполнѣ оторваться отъ всего что служить для него нравственною связью съ извѣстнымъ обществомъ , тогда онъ отрывается и отъ живой мысли — и отъ произведенія его неизбежно повѣетъ мертвеннымъ холодомъ бесплоднаго знанія .

Разумѣется чѣмъ выше историческое произведеніе , тѣмъ болѣе значенія оно имѣетъ для исторіи своего времени , и чѣмъ богаче разрабатываемый въ немъ матерьялъ , тѣмъ чаще историкъ принужденъ высказывать свои личные взгляды на жизнь и свои социальныя убѣжденія ; чѣмъ замѣчательнѣе историкъ , тѣмъ сильнѣе онъ освящаетъ свой трудъ свѣтомъ , который онъ занимаетъ у современнаго ему общества . Потому понятно , что истинно-великіи произведенія исторіи всегда встрѣчаютъ сочувствіе современниковъ , хотя неменѣе справедливо , что такимъ сочувствіемъ нерѣдко пользуются сочиненія , вовсе невыдерживающія серьезной научной кри-

тики. Грекамъ нравилась простота Фукидида; его расказъ возбуждиль народный энтузіазмъ; но точно также римляне съ удовольствіемъ останавливались на однообразномъ и напыщенномъ трудѣ Ливія... Все зависитъ отъ эпохи, извѣстныхъ условій времени и историческихъ обстоятельствъ.

Съ другой стороны, идеи проникаютъ въ общество постепенно; онѣ никогда не являются въ немъ внезапно, безъ предварительной подготовки; прежде чѣмъ сложить все общество въ извѣстный строй, онѣ проходятъ рѣдко кому видимую подземную и трудную работу; онѣ прививаются къ отдѣльнымъ лицамъ, ищутъ себѣ послѣдователей и проповѣдниковъ, набираютъ бойцовъ и вступаютъ въ мучительную, часто кровавую борьбу съ прежними идеями, съ прежнимъ порядкомъ вещей.

Такой постепенный ходъ идей находятъ себѣ отраженіе въ развитіи исторіи. Прежде чѣмъ явится извѣстное произведеніе, въ которомъ онѣ выскажутся вполне сознательно и вооружаясь противъ началъ, принятыхъ прежде въ наукѣ, — онѣ обнаруживаются мелкою, вскользь, безсознательно, безъ системы, въ цѣломъ рядѣ историческихъ произведеній; если всѣ великіе реформаторы имѣютъ своихъ предшественниковъ, своихъ претечей, то каждый историческій трудъ, которому суждено совершить переворотъ въ наукѣ, имѣетъ также своихъ претечей и предшественниковъ.

Бокль принадлежитъ къ числу такихъ избранныхъ дѣятелей науки. Онъ сознательно стоитъ на сторонѣ тѣхъ идей, которыя неудержимо расходятся въ настоящее время во всѣхъ слояхъ общества и которыя готовятъ великій переворотъ въ исторіи. Будущій историкъ найдетъ въ его книгѣ ключъ къ уразумѣнію общаго характера современныхъ явленій; его книга отражаетъ эпоху; возвысившую въ мірѣ политическомъ и гражданскомъ принципъ народности, подкрѣпившую его наиболѣе повсемѣстнымъ и уравновѣшеннымъ распространеніемъ образованности и матерьяльнаго благосостоянія, низлагающую неправыя узурпаціи, опирающіяся на терпѣніе народа и на его незнаніе, эпоху, которая съ другой стороны, — въ мірѣ нравственномъ, въ дѣлѣ личнаго, индивидуальнаго развитія поставила задачею людямъ внести сознаніе и здравую критику во всѣ сферы, вопросы и случайности жизни. Онъ вышелъ сознательно на этотъ путь, который открывается теперь ходомъ исторіи; онъ сильно проникнутъ духомъ общаго движенія, онъ сочувствуетъ ему, онъ дорожитъ имъ, какъ только можетъ дорожить правдивый человѣкъ своими убѣжденіями; онъ осязательно чувствуетъ ту великую пользу, какую привнесло новое движеніе міру, хотя оно стоитъ еще на первыхъ шагахъ своей дороги, и ясно видитъ вредъ и нецѣльность

того, чему съ такимъ усердіемъ поклонялось старое время. Отсюда странный характеръ его книги, непохожій вовсе на тѣ произведенія философско-историческаго содержанія, которыми такъ богатъ былъ XVIII вѣкъ: тамъ искусственная система, опредѣленность общаго плана, ясность главныхъ частей, шепетильная отбѣлка частныхъ; здѣсь отсутствіе строгой системы, полемическій тонъ, планъ, замѣченный только въ крупныхъ чертахъ, и частыя повторенія, къ которымъ долженъ прибѣгать авторъ, чтобы дать своей книгѣ вѣнчикъ, формальное единство (внутренняго единства она никогда не теряетъ). Онъ дѣлалъ въ высшемъ в благородномъ смыслѣ этого слова, либералъ далекій отъ словъ и близкій къ дѣлу; онъ не увлечается теоріей, не отвращается отъ фактовъ, и какъ бы неблизки они ничтожны, печальны, возмутительны, онъ умѣетъ отнестись къ нимъ разумно, понять и объяснить ихъ.

Въ области науки онъ поднимаетъ знамя реформы. Онъ не удовлетворяется прежнимъ состояніемъ ея. Онъ видитъ несправду и безосновательность, которыя парализуютъ въ ней всѣ великія произведенія ума; тѣ принципы, на которыхъ держалось и держится еще теперь знаніе исторіи, по его мнѣнію не только не могутъ выдержать всей тяжести этого знанія, но сами должны пасть при первомъ ударѣ критики и практической жизни; онъ замѣчаетъ въ общепринятомъ методѣ историческихъ занятій, въ вложеніи исторіи, въ пониманіи ея — искусственность и наружныя прикрасы, которыя удачно закрываютъ важныя пробѣлы и самыя существенныя недостатки.

Въ силу этого онъ рѣшительно отрывается ото всего прошедшаго исторической науки: онъ не смотритъ на себя какъ на продолжателя давно начатаго дѣла, и на свою задачу какъ на уясненіе тѣхъ вопросовъ, которые были уже постановлены въ наукѣ и которые частью рѣшены или же требуютъ окончательнаго рѣшенія. Онъ смотритъ на себя какъ на начинателя новаго дѣла въ исторіи, и на свою задачу какъ на постановку и на разрѣшеніе вопросовъ, рѣдко либо вовсе нетронутыхъ наукой. Въ этомъ его сила и безславіе. Съ одной стороны, разрывая связи съ прошедшимъ исторіи, онъ освободился отъ тѣхъ предразсудковъ, предубѣжденій и ошибокъ, которые внесены были въ нее общественною жизнью въ различные моменты своего развитія и получили въ ней права гражданства; онъ могъ нестѣсняясь ничѣмъ трудиться надъ наукой съ тѣмъ характеромъ индивидуальности, который выработалъ нашей эпохой: ему стала открыта возможность внести въ нее полную свободу мысли, серьезную и подготовленную знаніемъ, и здравую критику каждаго безъ исключенія факта. Съ другой же стороны, разор-

вѣвъ связи съ прошедшимъ науки, онъ лишился важнаго преимущества — не работать напрасно надъ тѣмъ, что въ ней уже сдѣлано, не тратить силъ на рѣшеніе уже рѣшенныхъ вопросовъ, и главное — воспользоваться тѣми результатами, которые въ ней выработаны и важности которыхъ онъ не могъ понять, благодаря своему выдѣленному, изолированному положенію. Сдѣлавъ крутой переворотъ въ своихъ отношеніяхъ къ знанію, онъ выѣстъ съ его недостатками и ошибками отдалилъ отъ себя большую часть его заслугъ и достоинствъ.

Тѣмъ неменѣе переворотъ, совершенный имъ въ исторіи, въ высшей степени замѣчательнъ и общаесть важные результаты въ будущемъ. Бокль трудно упрекнуть въ томъ, что его «Исторія» обнаруживаетъ скорѣе притязательность на знаніе, чѣмъ самое знаніе, скорѣе заносчивую смѣлость, чѣмъ силу истинно реформаціоннаго духа. Онъ представляетъ замѣчательное соединеніе ума, таланта и знаній. Онъ обладалъ рѣдкою способностью твердо и послѣдовательно, вѣтераясь во множествѣ мелкихъ фактовъ, доходить до управляющаго ими закона. Изложеніе его блещетъ талантомъ простоты и ясности: самые запутанные вопросы онъ умѣетъ рѣшать въ общедоступной формѣ и между тѣмъ далеко отъ натянутой популяризаціи. Свѣдѣнія его по различнымъ вѣтвямъ знаній могутъ возбудить справедливое удивленіе многосторонностью и богатствомъ: исторія человечества доступна ему и въ обширныхъ художественныхъ произведеніяхъ, и въ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ, и въ сырыхъ матерьялахъ, лѣтописяхъ и мемуарахъ; географическія изслѣдованія, геологія, ботаника, анатомія, физиологія, политическія и юридическія науки, статистика и физиологія приняты имъ вспомогательными науками исторіи и даютъ ему богатый матерьялъ для уясненія историческихъ вопросовъ. Понятно, что нельзя быть специалистомъ во всѣхъ этихъ отрасляхъ званія, но при уясненіи даннаго факта Бокль превосходно пользовался ихъ результатами. Натуралисты видятъ у него далеко не поверхностное знакомство съ естественнѣдніемъ, и сколько-нибудь знакомый съ ходомъ исторіи отвелъ ему мѣсто въ ряду первыхъ философско-историковъ — Вико, Гердера, Гегеля. Говоримъ «философовъ-историковъ», ибо собственно историческаго таланта Бокль не имѣлъ, служа обнаруживать.

Вооруженный этой тройной силой знаній, ума и таланта, Бокль дѣйствительно сдѣлалъ переворотъ въ исторической наукѣ. Но между тѣмъ все, или большая часть высказаннаго имъ — далеко не новость за послѣднее тридцатилѣтіе. Какъ реформаторъ знанія, онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ; принципы, поставляемые имъ,

законы, которые онъ старается уяснить, уже высказывались: по крайней мѣрѣ на нихъ намекали, ихъ предчувствовали. Онъ доказываетъ на примѣрѣ несостоятельность прежнихъ философскихъ приѣмовъ въ изученіи исторіи, но уже за двадцать лѣтъ до него Гервинусъ называлъ несостоятельными въ томъ же смыслѣ приемы Канта и Гердера (1). Онъ постановляетъ, какъ неопровержимый фактъ, вліяніе природы на историческую жизнь, и старается уяснить тѣ законы, которые раскрылись въ исторіи подъ этимъ вліяніемъ; но и материалистическая школа, развившаяся въ послѣднее время, признаетъ это вліяніе во всей силѣ, хотя она изслѣдуетъ его не принимая въ основаніе историческаго метода. Явилось нѣсколько сочиненій, которыхъ цѣль — представить человѣка въ непосредственной связи съ природою, и мы можемъ указать на сочиненіе Мори какъ на прекрасный и серьезный опытъ въ этомъ родѣ (2). Бокль ставитъ себѣ смѣлую задачу открыть въ жизни прошлаго законы, неизмѣнно дѣйствовавшіе на судьбу человѣчества, и тѣмъ дать людямъ возможность безошибочно судить о настоящемъ и здраво предугадывать будущее; нѣчто подобное имѣетъ въ виду сравнительный методъ, вызванный недавно въ исторіи политическими событіями (3).

Еслибы было необходимо продолжать подобную параллель, она привела бы насъ къ тому заключенію, что книга Бокля совмѣстила въ себѣ возможно-цѣлостно то направленіе, которое обнаружилось до него разрозненными фактами по всему полю исторіи, что

(1) См. Теор. оч. ист.

(2) «La Terre et l'homme, ou Aperçu historique de géologie, de géographie et d'éthnologie générales», par Alfr. Maury. Paris, 1857. Книга составляетъ введене по всеобщую исторію, изданіе которой предпринято обществомъ профессоровъ и ученыхъ, подъ руководствомъ Дюрюи (Duguy). Изданы уже исторія Греціи, Рима, Франціи и др.

(3) Послѣ переворота 1848 года, уничтожившаго, какъ извѣстно, попытку ввести во Францію политическій строй, выработанный Англіею, въ исторической наукѣ былъ поднятъ вопросъ о причинахъ такой неудачи. Для рѣшенія его обратились къ исторіи, и Бидерманъ въ своей статьѣ (въ «Hist. Taschenbuch» Раумера) представилъ сравнительно-историческій ходъ цивилизаціи въ Англіи, Франціи и Германіи. Попытка продолжается. Затѣмъ вышла небольшая, но замѣчательная брошюра Макса Дунпера (Tendalität und Aristocr.), переведенная на русскій языкъ въ «Русск. Вѣст.» 1859 № 3). Въ нашей литературѣ общаны были г. Вышинскимъ сравнительные очерки западно-европейской исторіи, но къ сожалѣнію оны некончены (см. «Русск. Вѣст.» 1859, первые №№). По характеру своему этотъ сравнительный методъ существенно отличенъ отъ метода, введеннаго еще Вико и случайно являвшагося въ исторіи до настоящаго времени. Онъ болѣе основателенъ, болѣе узаконенъ, и обѣщаетъ богатые результаты въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

въ ней систематизировалось и формулировалось все что было во большой части высказано или должно было высказаться бѣглыми и случайными замѣтками у новѣйшихъ историковъ.

Таково значеніе Бокля въ исторіи. Его книга—фактъ колоссальный, вызванный потребностью времени и встрѣченный весьма вѣрующими въ близкую новую будущность съ сочувствіемъ: узаконяя новое направленіе въ наукѣ, она отвѣтила тѣмъ тенденціямъ, которыя получаютъ перевѣсъ въ практикѣ, и дала автору ея право на то значеніе въ нашей эпохѣ, какое имѣли, каждый свое, всѣ замѣчательные мыслители. Бокль—предвѣстникъ угѣшительныхъ явленій, которыя въ изобиліи готовятъ нашему вѣку будущность.

II

Во всемъ, что слѣдено до настоящаго времени въ историческомъ знаніи, Бокль видитъ ничто иное какъ матерьялъ для построенія дѣйствительной науки, стройной и строгой системы, опредѣленной, недопускающей въ себѣ ни произвола, ни пустыхъ мечтаній. Матерьялъ богатъ и разнообразенъ; его можно съ пользою употребить для созданія науки, но никто не хотѣлъ, или вѣрнѣе сказать, не успѣлъ воспользоваться имъ какъ слѣдуетъ, ибо всѣ прежніе изслѣдователи стояли на шаткой почвѣ. «Политическія и военныя лѣтописи — говоритъ Бокль — всѣхъ замѣчательныхъ европейскихъ и большей части неевропейскихъ земель заботливо собраны и приведены въ порядокъ; изслѣдована также ихъ достовѣрность. Большое вниманіе посвящали исторіи законодательства и религіи, и въ то же время менѣе, хотя также немало, труда потрачено на изслѣдованія прогресса въ развитіи наукъ, литературы, искусствъ, полезныхъ изобрѣтеній и наконецъ нравовъ и матерьяльной обстановки народа. Въ видахъ обогащенія нашихъ свѣдѣній въ дѣлѣ прошедшаго изучаются всякаго рода древности, раскапываются древніе города, добываются изъ земли монеты, списываются надписи, возстановляются алфавиты, уясняются іероглифы, тамъ и сямъ возобновляются давно забытые языки. Открыты законы въ измѣненіяхъ языковъ, и въ рукахъ филологовъ они служатъ съ пользою на уясненія темныхъ эпохъ раннихъ народныхъ переселеній. Политическая экономія возведена на степень науки и ею пролито много свѣта на причины неравномѣрнаго распредѣленія имуществъ, этого обильнаго источника гражданскихъ переворотовъ. Статистика разработана съ такою полнотою, что можно подробно знать не только матерьяльные интересы, но и нравственныя свойства людей, напримѣръ раз-

мѣръ различныхъ преступленій и взаимныя отношенія ихъ между собою, и то вліяніе, какое производитъ на нихъ возрастъ, воля, воспитаніе и т. п. Наряду съ такимъ великимъ развитіемъ знанія шло развитіе физической географіи: отмѣчены явленія климата, измѣрены горы, изслѣдованы рѣки до самыхъ источниковъ, заботливо изучены всѣ возможныя явленія природы и открыты ихъ сокровенныя свойства; въ тоже время химически изслѣдованы всѣ жизненныя средства, сочтены и взвѣшены ихъ составные элементы, и по большей части удовлетворительно объяснено вліяніе ихъ на человѣческой организмъ. И какбы для того, чтобы не опустить ничего, что можетъ расширить наши познанія о человѣкѣ и средѣ, въ которой совершается его жизнь, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ другихъ отрасляхъ знанія производятся самыя обстоятельныя изслѣдованія, которыя знакомятъ насъ въ жизни цивилизованнаго народа съ различными отношеніями смертности, браковъ, рожденій, съ природой его занятій и колебаньями какъ въ заработной платѣ, такъ и въ цѣнности всего необходимаго для его жизни и благосостоянія. Такіе и подобныя факты собраны, приведены въ порядокъ и ждутъ окончательной обработки... Принимая все это въ соображеніе, мы получимъ весьма слабое представленіе о неизмѣримомъ достоинствѣ той массы фактовъ, какою мы обладаемъ и съ помощью которой намъ предстоитъ изслѣдовать развитіе человѣчества.»

Таковы вспомогательныя силы историческаго знанія. Громадная заслуга Бокля состоитъ въ томъ, что онъ первый изъ принявшихъ за дѣло исторіи созналъ ихъ вполне и понялъ ту роль, какую должна играть каждая изъ нихъ въ изученіи науки. Это сознаніе открыло ему возможность стоять на такой твердой почвѣ, на какой ниразу еще не стояли философы-историки, и сполна достигнуть цѣли, какую поставилъ себѣ когда-то Герлеръ и которой онъ не могъ достигнуть, благодаря неполнотѣ своихъ свѣдѣній въ матерьялѣ для построенія исторіи. Германскій философъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гаману опредѣлительно сказалъ, что задача его въ запятіяхъ исторіей — внести опредѣленность въ науку, дать ей твердое, незыблемое основаніе и ту самостоятельность, какую она должна имѣть, если хочетъ имѣть право на названіе науки. Его «Идея о философіи исторіи» слѣдуетъ разсматривать какъ осуществленіе этой задачи, и осуществленіе весьма неудовлетворительное. Гердеръ былъ умъ послѣдовательный, систематическій, и вмѣстѣ съ тѣмъ полный энергіи и порыва; онъ могъ свободно входить во всѣ области знанія и брать въ нихъ все что было для него необходимо. Талантъ его занечатленъ глубокимъ совершенствомъ; онъ развивался медленно, съ усиленіемъ, почти можно сказать мучитель-

но. Первые труды Гердера отягчаются сухостью, сжатостью; они трудовое произведеніе холоднаго и систематическаго ума; между тѣмъ послѣдующія произведенія блещутъ спокойнымъ и свободнымъ стилемъ, поэтическимъ и вмѣстѣ глубоко-философскимъ. Онъ подступилъ къ «Идеямъ о философіи исторіи» въ пору наибольшаго своего развитія, и онъ могли бы получить огромное значеніе въ исторической литературѣ, еслибы нѣкоторые существенные недостатки, привитые къ нимъ самою эпохою, не поставили его на ложной дорогѣ и не привели бы его къ заблужденіямъ.

Гердеръ былъ воспитанъ XVIII вѣкомъ, эпохой романтизма и идеализма. Такое воспитаніе отразилось на его книгѣ. Идеализація предмета науки всегда вредитъ самой наукѣ. Въ глазахъ идеалиста предметъ поднимается на такую высоту, съ какой взгляду человѣка невозможно разсмотрѣть и уловить тѣ мелочныя условія, въ которыхъ онъ стоитъ въ дѣйствительности, и окрашивается тѣмъ свѣтомъ, въ которомъ онъ никогда не является въ глазахъ людей практическихъ: обстоятельство не только удивляющее науку отъ практической жизни, но и отрывающее отъ нея вполне и безвозвратно всякій живой интересъ. Оно вполне объясняетъ почему люди практики, люди часто весьма ограниченные въ понятіяхъ, но твердо стоящіе на житейской почвѣ, съ недоумѣніемъ относятся къ наукѣ: они считаютъ ее игрой воображенія и не могутъ замѣтить работы ума; и неслѣдуетъ возмущаться, если въ ихъ недоумѣніе вкрадывается пренебреженіе. Если воздѣлыватель науки идеализируетъ ее предметъ, онъ и для нея принесетъ слишкомъ мало пользы. Гердеръ — идеалистъ по воспитанію, хотя по приемамъ и можетъ быть, по природѣ своей его можно безъ большаго труда отнести къ физиологамъ. Его система представляетъ раскрытіе высшаго, производящаго и правящаго идеала въ мірѣ физическомъ и историческомъ, въ развитіи природы и человѣчества. Конечно, во взглядѣ на пути этого раскрытія онъ физиологъ: онъ видитъ всюду гармонию и соотвѣтствіе формы и заключенной въ ней силы, онъ возводитъ это соотвѣтствіе на степень закона; онъ видитъ во всей природѣ постепенный и совмѣстный прогрессъ формъ и силъ; но допустивъ разъ верховный идеалъ, какъ источникъ предмета науки, онъ принялъ на себя рѣшеніе такихъ вопросовъ, какіе не должна и не можетъ рѣшать наука. Онъ поставилъ себя въ необходимость возводить на степень научной доктрины то, что должно оставаться личнымъ вѣрованіемъ человѣка, и ученымъ путемъ объяснять такіе факты, которые никто не можетъ поставить предметомъ ни своихъ ученыхъ объясненій, ни опроверженій. Съ другой стороны Гердеръ принималъ на себя такую обязанность, которая не могла быть

удовлетворительно исполнена при состояніи знаній въ XVIII вѣкѣ. Его «Идеи о философіи исторіи» поставлены были въ необходимость отмѣтить, хотя въ главныхъ чертахъ, важнѣйшіе моменты въ раскрытіи принятаго имъ идеала: онѣ должны были обнять не только міръ историческій, но и міръ природы, говорить не только о людяхъ, ихъ обществахъ, ихъ судьбахъ, но и о предметахъ, которые подлежатъ вѣдѣнію астронома, зоолога, ботаника, геогноста... Онъ пользовался результатами молодыхъ и невидержавныхъ наукъ и на такомъ зыбкомъ основаніи строилъ свою мечтательную систему. Трудъ весьма неблагодарный; въ дѣлѣ науки онъ важенъ только какъ опытъ; онъ имѣетъ только историческое значеніе; имъ нельзя пользоваться при изученіи.

Бокль представляетъ рѣзкій контрастъ Гердеру: съ одной стороны онъ строго опредѣлялъ границы своихъ изслѣдованій, съ другой подступаетъ къ труду, какъ мы уже то видѣли, сознательно. Онъ не отдаляется такъ отъ историческаго матерьяла, какъ Гердеръ, и не ищетъ подобно ему уясненія общихъ міровыхъ законовъ, предоставляя его извѣстнымъ специальностямъ. Конечно, это помѣшало ему составить общую систематическую картину міроздавія, изъ которой можно было усмотрѣть и значеніе человѣка въ цѣпи твореній, и значеніе исторіи въ ряду другихъ наукъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ избавило его отъ необходимости принимать гипотезы, строить на нихъ цѣлыя ученія, подробно и научнымъ тономъ говорить о томъ, что вовсе не должно подлежать области науки; Бокль стоитъ на твердой почвѣ, знаетъ разиры области своихъ изслѣдованій, взвѣсилъ свои силы и тотъ трудъ, который предстоитъ ему, соразмѣрилъ ихъ и идетъ вѣрно и смѣло къ предположенной цѣли.

Ему хотѣлось бы достигнуть въ дѣлѣ исторіи такихъ результатовъ, которые достигнуты естествознаніемъ: точности и опредѣленности истиннаго знавія. Ему хотѣлось бы рѣшить задачу философа-историка, какъ мы отмѣтили ее выше, т. е. открыть и представить въ полной системѣ тѣ законы, которые обнаружилились въ исторической жизни и которые управляли всегда и управляютъ развитіемъ и примѣненіемъ личныхъ и общественныхъ силъ. Ему хотѣлось бы окончательно снять съ науки тотъ покровъ предрасудковъ, предубѣжденій, гипотезъ, которыя внесены въ нее въ различныя эпохи суевѣріемъ религиознымъ, политическимъ и др., и дать ей ту чистоту и серьезность, которыя могли бы оправдать названіе, сохраненное за ней цѣлыми вѣками, и безъ которыхъ она не можетъ никогда быть истинной учительницей жизни, *magistra vitae*.

Бокль первый выразилъ необходимость такого положенія науки, и немудрено, если предпріятіе его встрѣтило неодолимые препят-

ствія. Въ самомъ дѣлѣ въ исторіи къ такой работѣ ничего не подготовлено. Философъ-историкъ, по выраженію Бокля, долженъ быть вмѣстѣ и каменщикомъ, и архитекторомъ: онъ долженъ дѣлать планъ зданія и трудиться надъ обжиганіемъ кирпичей,—трудъ, на который недоставало бы всей жизни. Наука еще слишкомъ далека отъ общности понятій, вырабатывающихся въ ней: она безлична, безобразна, она разрабатывалась и разрабатывается еще съ самыхъ различныхъ и непримиримыхъ точекъ зрѣнія, съ самыми разнообразными взглядами, дѣялами, приемами. Нетолько не открыты самые существенные законы исторической жизни, но даже факты, изъ которыхъ можно бы было заключить объ этихъ законахъ, поставлены и воспроизведены по большей части въ ложномъ свѣтѣ: прежде надо имъ возвратить ихъ настоящее значеніе.

«Потому-то — говоритъ Бокль — я оставилъ свой первоначальный планъ и противъ воли рѣшился написать исторію не вообще цивилизаціи, но исторію какого-нибудь одного народа.» Этому мѣрю онъ много потерялъ. Конечно онъ приобрѣлъ возможность быть ближе къ истинѣ и сдѣлать меньше ошибокъ, впасть въ меньшія заблужденія, но съ другой стороны, ограничивая область изслѣдованій, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ограничилъ значеніе своихъ открытій: открывъ законы, дѣйствовавшіе въ одной части историческаго знанія, онъ не можетъ поручиться за то, что онъ открылъ законы, имѣвшіе мѣсто во всемъ теченіи жизни человѣчества, и не можетъ также опредѣлить дѣйствительную важность и значеніе общей системы историческаго знанія тѣхъ частныхъ законовъ, которые ему удалось найти.

III

Бокль остановился на исторіи Англій. Но далеко не патриотическіе интересы руководили его, англичанина, въ такомъ выборѣ. Онъ смотритъ на иной точкѣ зрѣнія. Онъ принимаетъ иное мѣрило для опредѣленія сравнительнаго достоинства историческихъ народовъ и большіхъ или меньшихъ правъ ихъ на вниманіе историка.

Уясненіе принятаго имъ мѣрила бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ тенденціи и стремленія англійскаго историка и рѣзко объясняетъ его нравственный характеръ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно объясняетъ тотъ смыслъ, какой имѣетъ производимая имъ въ наукѣ реформа.

Трудъ Бокля принадлежитъ къ такого рода фактамъ, которые патологично невозможны въ нашей литературѣ, но о которыхъ у насъ еще мало еще составилось опредѣленнаго, выяснивающагося понятія, хотя ихъ и предчувствуютъ, и къ нимъ стремятся.

Народность стала конечною цѣлью русской литературы, стремленіе къ ней — ея существеннымъ характеромъ. Мы не говоримъ уже о произведеніяхъ, которыя входятъ въ область поэзіи: тамъ воспроизведеніе народнаго духа уже со временъ Пушкина стало узаконенною, всѣмъ признанною задачею, и большая или меньшая удача въ рѣшеніи ея признается однимъ изъ главнѣйшихъ мѣрилъ достоинствъ произведеній лирическаго поэта, романиста, драматурга, и труды, чуждые народному характеру, какбы обрекаются на забвеніе. Но историческія произведенія и публицистическія, имѣющія дѣло съ міромъ дѣйствительнымъ, житейскимъ, очевидно клонятся точно также къ уясненію важнаго факта — русской народности, къ опредѣленію потребностей и интересовъ народа, къ изысканію средствъ удовлетворить этимъ потребностямъ и развить эти интересы въ томъ направленіи, въ ту сторону, въ которую имъ предназначено расширяться историческимъ ходомъ народной жизни. Народъ сталъ точкой исхода и конца для лучшихъ ученыхъ и литераторовъ, альфой и омегой ихъ трудовъ и занятій.

Но богатые и плодотворные результаты лежатъ предъ нами впереди, въ недостижимой дали; время, когда можно будетъ извлекать ихъ, еще не наступило: теперь народность представляетъ только обширный и почти нетронутый матерьялъ для разработки.

Въ самомъ дѣлѣ, при всемъ жаркомъ, можно-сказать порывистомъ стремленіи къ народности, много ли найдется въ нашей наукѣ и публицистикѣ произведеній, которыя заслуживали бы названіе народныхъ и рѣшали бы болѣе или менѣе вѣрно задачу народности? Самый снисходительный судья дастъ на это отвѣтъ далеко не въ пользу русской науки и литературы. Нашъ образованный классъ, которому предоставлена задача правдиваго уясненія народныхъ интересовъ и потребностей и изысканія средствъ удовлетворить имъ, не знаетъ интересовъ народа, не въ силахъ открыть средства удовлетворить имъ. Мы далеки отъ народа; мы отдѣлены отъ него своей исторіей, своимъ личнымъ развитіемъ, своимъ чисто теоретическимъ образованіемъ; мы связаны съ народомъ весьма слабыми нитями, но и эти нити такъ немногочисленны, такого недавняго происхожденія: небыло еще времени окрѣпнуть, войти въ кровь и плоть образованнаго класса; можетъ-быть даже въ природѣ большей части образованнаго класса сложились задатки полнаго и безвозвратнаго отчужденія отъ народа, невозможность слить свою жизнь съ народною жизнью.

При такомъ характерѣ нашей литературы, явленіе, подобное Боклю, повторяемъ, не только невозможно у насъ, но покажется въ нашихъ глазахъ страннымъ и оригинальнымъ явленіемъ.

Бокаль стоитъ на частно-научной, теоретической точкѣ зрѣнія; онъ трудится, исключительно въ видахъ развитія науки; его привлекаютъ только научные интересы; онъ ищетъ средствъ уничтожить только научныя заблужденія, онъ выводитъ науку отъ поспешности, чуждыя ей и потому вредныя элементы. Его книга доступна только тому, кто серьезно знакомъ съ историческимъ знаніемъ; для того чтобы она была понятна, требуется довольно основательная подготовка.

Бокаль какбы очертилъ вокругъ себя замкнутый кругъ, который недоступимъ для тревогъ и волненій практической жизни.

Между тѣмъ въ немъ никогда не слабѣетъ высокое гражданское чувство, всестороннее народничество. Для него народъ, какъ и для нашихъ литературныхъ дѣятелей, слушать вселомъ и слышно, а самою и оной заповѣдью; но различіе въ томъ, что у одного народность вошла въ природу, соединилась съ нимъ, такъ что онъ могъ бы безразлично и вѣстѣ съ тѣмъ научно держаться на народной точкѣ зрѣнія, у другихъ же она цѣль достиженія, къ которой стремятся, но рѣдко достигаютъ. Надъ какою-то фантомъ онъ проносится сумъ, принимая въ соображеніе, насколько онъ былъ вреденъ или полезенъ развитію народности; каждое событіе разсматривается имъ въ видѣ народныхъ интересовъ; народность — струя, которая обрѣкаетъ по всему ученому труду Бокаля; онъ никогда не имѣлъ ей.

Но въ тоже самое время сознательно онъ держится, какъ мы заметили, частно-научныхъ интересовъ. Ради ихъ онъ отвергаетъ, какъ на нечемъ основанную гипотезу, — врожденность національнаго характера, следовательно такой фактъ, который для большинства писателей, поднимавшихъ вѣны народности, служилъ единственной опорой, исключительнымъ основаниемъ.

Налая, соединивъ народность, по природѣ своей, по своему значенію, всегда и вездѣ одинаковы и неизмѣнны, только формы ея, проявленія и взаимныя отношенія вырабатываются въ каждомъ народѣ; образна она историческими условіями. Нѣтъ ни основы народа, въ которомъ не было бы, либо въ зародкахъ, либо на высшей ступени развитія, аристократическихъ элементовъ, демократическихъ, духовенства, свѣтской власти; каждый изъ этихъ элементовъ представляетъ, самобытный фантъ, выходящій прямо на самостоятельное существованіе и развитіе.

Но въ однихъ эпохахъ, въ одномъ обществѣ мы видимъ преобладаніе демократіи, въ другихъ аристократіи; тамъ господствуетъ духовенство, здѣсь безусловный перевѣсъ свѣтской власти. История открываетъ послѣднюю борбу, этихъ началъ, или браженія, здѣсь стремленіе

стать другъ къ другу въ истинныя, нормальныя отношенія ; но исторія оказывается также, какому изъ нихъ принадлежитъ роль главнаго и вѣдущаго фактора. Вспомогаясь въ прошедшей жизни, легко видѣть, что демократія всегда и вездѣ была существеннымъ ея производителемъ. Она часто закрывается отъ глазъ наблюдателя блестящею свѣтской властью, величьемъ политическихъ событий, дуловодство которыхъ принадлежитъ талантливымъ политическимъ дѣятелямъ, священнымъ характеромъ духовенства, материальнымъ могуществомъ и нравственнымъ превосходствомъ аристократіи ; въ нѣмъ эпохи она уходитъ такъ далеко въ глубь исторической сферы, что о ней не сообраяется никакихъ воспоминаній, или же только весьма смутныя воспоминанія ; въ другія эпохи она является протѣицею униженнаго и порабощеннаго, закованнаго въ цѣпи рабства, заплеваннаго оскорбленіемъ и пренебреженіемъ со стороны другихъ элементовъ. Между тѣмъ за ней всегда остается право, служить осевою народнаго развитія. Молодыя народности представляются при вступленіи въ историческую жизнь, почти исключительно демократич. Разумство и личная свобода принадлежатъ вѣдь и каждому ; никто не излѣтъ отъ пользования правами, которыя даются человеку его природою. Въ дальнѣйшемъ развитіи совершается перемѣна : на этой почвѣ, при содѣйствіи различныхъ обстоятельствъ, медленно рождается аристократія ; она приобретаетъ полу-форму право руководить жизнью народа, овладѣваетъ свѣтскою властью и духовною, изъ нея выдѣляются ирархическое и духовенство ; но первоначальная цѣль ихъ существованія всегда благосостояніе и прогрессъ элемента, который произвелъ ихъ. И аристократія, и духовенство, и свѣтская власть существуютъ не для себя : рабы, по чувству дѣтской любви и самопожертвованію, они торжественно принимаютъ на себя обязанность заботиться о порабощенной и воспитуемой ихъ демократіи. Законодательства такъ называемыхъ варварскихъ обществъ свидѣтельствуютъ о томъ ; историческія событія показываютъ, что именно такимъ нравственнымъ характеромъ облекаются всегда на первой ступени своего развитія аристократія, ирархическое и духовенство.

Вѣдь въступаетъ обыкновенно эпоха униженія демократіи. Высшіе элементы отдѣляются отъ демократіи. Не и тутъ демократія обнаруживаетъ свою силу, хотя здѣсь ея вліяніе скорее пассивное, чѣмъ активное ; ея униженіе отъявляется нравственнымъ разчужденіемъ ; ея болячки заражаютъ все, и смерть ея вѣдетъ за собой гибель и паденіе.

Такая пассивная сила демократіи уловается на волнѣ ея свѣтской ирархической примеси ирархической. Дѣйствительно, принципъ ея уловить такъ

полю уничтожить демократическіе элементы, какъ римская имперія. Съ помощью своей централизаціи она задавила ихъ во всѣхъ вѣдѣхъ подвластнаго ей міра; вмѣстѣ съ тѣмъ, нигдѣ не были побиты такъ и народности; справедливо можно сказать, что Римъ отнимъ у народовъ исторію; съ утратою демократическихъ началъ, они утратили всѣ свои нравственные силы. Они стали неспособны ни къ политической жизни, ни къ гражданскому возрожденію; катастрофа паденія совершалась неминуемо вторженіемъ варваровъ. Императорскій Римъ до того наболѣлъ, истощился, высохъ безъ поддержки со стороны демократіи, что на его развалинахъ могла возрасти новая цивилизація: своею властью онъ исключалъ изъ себя все живое, отрѣзалъ всѣ пути къ самостоятельной жизни.

Переведемся на сѣверъ, за предѣлы римской имперіи, по эту сторону Рейна и Дуная, мы видимъ совершенно иную картину. Открывается германскій міръ въ пустыняхъ, по выраженію Тацита, заросшихъ лѣсами и пропитанныхъ болотами. Здѣсь, въ этихъ грубыхъ общинахъ, господствуютъ начала, изгнанныя изъ Рима; они здѣсь въ полномъ цвѣтѣ, въ Германіи они были сильны настоящимъ и еще болѣе надеждами на будущее; аристократія едва была замѣтна; и только въ двухъ-трехъ штатахъ на далекомъ сѣверѣ успѣли сложиться королевская власть. Этихъ грубыхъ общинамъ пришлось дѣйствительно обновить міръ и спасти исторію. Они подошли къ Риму съ враждою; но не одно только варварство, грубость и дикость питали эту вражду: ее раздувалъ тотъ непримиримый контрастъ, который германцы чувствовали въ своемъ строѣ и въ строѣ римскомъ. Вражда выразилась даже гораздо ранѣе погрома Италіи, за два столѣтія до того времени, когда по свидѣтельству историковъ, плодородныя поля этой страны покрывались лѣсами, поросли дикими травами, стали убжищемъ волковъ и лисицъ; германцы-истари питали отвращеніе къ римскимъ городамъ, гдѣ человѣкъ терлеть свою доблесть, какъ звѣрь, заключенный въ клетку (Taciti Annales); они не хотѣли учиться римскимъ наукамъ, потому что борчу и ослабленіе духа мужества въ римлянахъ они приписывали этимъ занятіямъ: «Кто привыкъ дрочать — говоритъ онъ — прехъ розеой педагога, тотъ не дерзнетъ никогда взглянуть право на мечъ и копьё» (Prosopii Bell. Gothor. l. I.). У нихъ слово «римлянинъ» стало нарицательнымъ именемъ «всего неблагого, трусливаго, алчнаго, расточительнаго, лживаго, порочнаго» (Lutprandus in Logatio). Такова была безсознательная сила демократизма, участвовавшая въ сложеніи народнаго взгляда на великое историческое явленіе, совершавшееся на глазахъ у германцевъ. Демократизмъ сказался и въ дальнѣйшихъ судьбахъ западной Европы. Всѣ

событія, имѣвшія наиболѣе вліянія на развитіе общественной и личной жизни, были его дѣломъ или же совершались въ его интересахъ. Христіанство, его распространеніе, возникновеніе католичества, крестовые походы, завоеванія нормановъ, развитіе торговли, образованіе торговыхъ союзовъ, общины, реформація, революціи XVII и XVIII вѣковъ, и особенно перевороты текущаго столѣтія, потому такъ были сильны и такъ могущественно дѣйствовали на ходъ цивилизаціи, что они запечатлѣны демократическимъ характеромъ.

Такимъ образомъ демократія принадлежитъ первое мѣсто въ созданіи народнаго характера.

Всматриваясь въ характеръ побужденій, остановившихъ Бюка на исторіи Англіи, нельзя не сознаться, что эти побужденія чисто-демократическія и что не было ни одного историческаго труда, предпринятаго на такомъ широкимъ основаніи, въ которомъ демократическіе инстинкты обнаруживались бы такъ полно, какъ въ «Исторіи цивилизаціи Англіи».

Хотя всѣ народы имѣютъ право на вниманіе историка, но не всѣ они имѣютъ равныя права. Истина, которая методично думается, замѣчалась, но и забывалась: рѣдкій историкъ не сиравадилъ слѣдующаго имъ выбора — одинъ величіемъ и разнообразіемъ эпохи, просторомъ, какой она открывала: мысля и фантазіи, другой патріотизмомъ, третій огромнымъ значеніемъ, какой имѣла въ его глазахъ та или другая исторія, тотъ или другой историческій матеріалъ. Представителемъ перваго рода историковъ можетъ служить Раумеръ, представителемъ втораго рода въ имѣніи въ исторіи Карамзинъ; втораго рода, благодаря разнымъ обстоятельствамъ, такъ много, что трудно уловить отдѣльныя личности; возможность справиться въ выборѣ философич. значеніемъ избраннаго предмета слишкомъ собственна; въ исторіи только Гизо, который выдѣлъ въ «Исторіи цивилизаціи» по Франціи журналъ всей западно-европейской исторіи, и Ог. Тьерръ, въ его «Исторіи завоеванія Англіи норманами».

Бюкъ, холодный и безпристрастный аналогъ исторической жизни; не могъ подобно Раумеру предстать къ художественнаго богатствомъ матеріала, увлечься подобно Карамзину патріотизмомъ; или предать факту чересчуръ много значенія; опираясь на политическую и научную бы то ни было другую доктрину. Какъ уже было сказано; его побужденія — чисто-демократическія.

«Важность исторіи известной страны — говоритъ онъ — зависитъ не только отъ ея вѣшняго блеска, но отъ той степени, въ ка-

кой въ истинно-обязательныхъ причинахъ, вытекающихъ изъ насъ самой. Потому еслибы можно было найти дивинизованный народъ, который совершилъ бы сямъ выработку бы своей цивилизации и былъ бы иностранецъ, или всякаго ужаснаго владыка, который думалъ бы ни о процветаніи, ни о сохраненіи, въ развитіи со стороны правителя, то исторія такого народа была бы необыкновенной важности, ибо она представляла бы нормальное и самообытное развитие, уродства бы, даже законы прогресса, совершающагося въ изолированномъ состояніи, она была бы для насъ готовымъ экспериментомъ и являла бы замѣнители бы тѣ искусственныя приемы, которыми ятролько обязано естествознаніе. Найти такой народъ конечно невозможно; но мысленный историкъ возьметъ для спеціальнаго изученія своего страну, въ которой наиболее достигались такія условія. Нетолько мы, но и всѣ мыслящіе иностранцы, допустятъ, что въ Англіи эти условія достигались, по крайней мѣрѣ за послѣдніе три вѣка, гораздо, ростоинше и успѣшнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Я не говорю ни о многочисленности нашихъ открытій, ни о блестящей литературѣ, ни объ успѣхахъ нашего оружія. Все это приметы, больше или менѣе ненавистныя (*invidious torques*), и можетъ быть, другіе народы станутъ осцаривать наши заслуги, которыя мы, естественно склонны преувеличивать. Я утверждаю только то, что для всѣхъ европейскихъ странъ Англія представляетъ единственную страну, гдѣ вточнѣннѣе наибольшаго періода правительстве было самое спокойное, а народъ самый дѣятельный, гдѣ народная свобода, утворилась на наиболѣе широкомъ основаніи, гдѣ болѣе уиѣнъ въ другихъ земляхъ каждому предоставляется говорить что думаетъ и думать что хочетъ, гдѣ каждый можетъ сдѣлать молчаливо, своимъ личнымъ склонностямъ и распространять свои мнѣнія, гдѣ мотки невольничьи, религиозныя пресѣдованія, да и дрѣзненія и волненія человеческого духа обнаруживаются ясно, не держатся тѣми узамъ, которыми онъ иодчиняется въ другихъ странахъ, гдѣ послѣдованіе ереси, инаиже ереси и инаиже обличительныя волненія раскола, гдѣ докъ-отдокъ иродиваются драматическія дѣйствія, безпримѣтно возникаютъ и вчерываютъ вобрать со потребностями народа, безъ дѣссали со стороны церкви и безъ контроля государства; гдѣ всѣ интересы, всѣ классы, духовныя и свѣтскіе, наиболѣе предоставлены самимъ собѣ; гдѣ впервые было сдѣлано замечаніе на доктрину покровительства (*doctrine called protection*), охранительную систему; гдѣ однимъ словомъ обойденъ объ опасныя крайности, къ которымъ ведетъ это внимательство; деспотизмъ и возмущеніе одинаково рѣдки, дѣлѣница признана рычагомъ благоустройства, и прогрессъ народа

ниженствѣ нарушается силою привилегированныхъ классовъ; влѣченіемъ отдѣльныхъ сектъ и насиліемъ произвола.»

По такимъ-то причинамъ онъ остановился на исторіи Англіи и предпринять обработать ее такъ полно и подробно, насколько позволяютъ материалы. Но такъ какъ исторія отдѣльной страны никогда не броситъ свѣта на законы и развитіе всѣхъ обществъ, то онъ считалъ необходимымъ предпослать своему труду вступленіе, которому посвящены вышедшіе до этого времени томы, по отношенію къ главному предмету его труда — къ исторіи Англіи. Это вступленіе имѣетъ цѣлью, по словамъ самого Боля, устроить тѣ трудности, которыми окруженъ этотъ великій предметъ. Въ первыхъ главахъ онъ старается опредѣлить вообще границы историческаго знанія и установить возможно шире принципы, на которыхъ оно должно опираться. Здѣсь онъ открываетъ, что цивилизація распадается на двѣ большія части: на европейскій отдѣлъ, въ которомъ человекъ сильнѣе природы, и на внѣ-европейскій отдѣлъ, гдѣ природа сильнѣе человека; въ первомъ человекъ подвергается менѣе вліянію природы, во второмъ болѣе; въ первомъ она ослабляетъ силы природы, во второмъ сила природы постоянно держитъ его въ зависимости и рабствѣ. Это приводитъ его къ тому заключенію, что народный прогрессъ въ связи съ народной свободой могъ возникнуть только въ Европѣ, и такимъ образомъ только въ Европѣ можетъ быть научно раскрытіе истинной цивилизаціи и пріобрѣтенія, которая дѣлаетъ человѣчeskій духъ насчетъ силъ природы. Духовные законы преобладаютъ здѣсь въ развитіи народовъ надъ законами природы, и потому Боля старается опредѣлить ихъ свойства: они раздѣляются на умственные и нравственные, интеллектуальные и моральные. Онъ открываетъ затѣмъ, что роль двигателей прогресса принадлежитъ исключительно интеллектуальнымъ законамъ, что тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ наиболѣе полно и сильно, тамъ быстрѣе идетъ прогрессъ, а дѣйствуютъ они всего сильнѣе тамъ, гдѣ накопится наибольшая масса познаній; чѣмъ болѣе знаніе, тѣмъ болѣе простора имъ обнаруживаться. Эти общія положенія были въ его глазахъ необходимы для того, чтобы возвести исторію на степень науки. Чтобы сразу судить объ историческомъ прогрессѣ, надо открыть различныя условія при накопленіи знаній, при ихъ распространеніи. Исторія Англіи вовсе не можетъ представить всѣ эти разнообразныя условія. Потому слѣдуетъ открыть чистый образъ каждаго изъ нихъ въ исторіи той страны, гдѣ оно обнаружилось преимущественно. Въ этомъ смыслѣ Боля продолжаетъ свое вступленіе: онъ изслѣдуетъ исторіи различныхъ народовъ въ отношеніи интеллектуальныхъ особенностей, о которыхъ

не представляет ничего поучительнаго исторіи его отечества. Такъ въ Германіи наиримѣръ накопленіе націй произошло полнѣе и сильнѣе, чѣмъ въ Англіи; и на исторіи Германіи законы такого накопленія изучаются гораздо удобнѣе, чѣмъ на какой-либо другой исторіи; Бокль изслѣдуетъ ихъ затѣмъ, чтобы, открывъ ихъ, примѣнить къ англійской исторіи. Точно также американцы распро-
 страняютъ свои законы гораздо полнѣе, чѣмъ англійцы; Бокль предполагаетъ объяснить нѣкоторыя явленія англійской цивилизаціи законами распространенія дравидовъ, которыя представляются ему яснѣе всего въ американской цивилизаціи. Затѣмъ Франція открываетъ предъ нимъ картину цивилизованной страны, въ которой былъ всегда силенъ духъ покровительства. Бокль узнаетъ изъ нея условия и свойства накопленія и распространенія дравидовъ въ эпоху покровительства и т. д. Въ этомъ, послѣдовательномъ обзорѣ историческихъ народностей, состоитъ введеніе въ «Исторію англійской цивилизаціи».

Вотъ нѣсколько общихъ замѣтокъ о Боклѣ, или дунце — чего направления. Мы не дѣлимъ въ виду разбора его научныхъ началъ. Современемъ мы возвратимся къ этому любопытному предмету.

О СУДЕ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМЪ ПРОТИВЪ ЗАКОНОВЪ ПЕЧАТИ

(по поводу одной журнальной статьи)

Въ 32 № «Дня», въ передовой статьѣ изложены мысли по поводу проектируемыхъ законовъ о книгопечатаніи. Авторъ статьи коснулся между прочимъ, въ общихъ чертахъ, и части судебной эти этихъ законовъ.

Воспользуюсь этимъ случаемъ высказать объ этомъ предметѣ свои мысли и замѣчанія, powerless быть можетъ лишній въ настоящемъ дѣлѣ.

Авторъ только-что указанной статьи раздѣляетъ преступления противъ законовъ печати на: 1) преступления относительно верховной власти и правительства, 2) относительно общественной безопасности, 3) относительно общественной нравственности и върноповѣданія, 4) относительно семейной или личной чести частныхъ лицъ. Мнѣ кажется, что гораздо проще и удобнѣе раздѣлять всѣ вообще преступления противъ законовъ печати на частныя и общественныя, относя къ первымъ всѣ посягательства печатнаго слова противъ частныхъ лицъ, въ нихъ чисто личныхъ отношеніяхъ къ семейству, друзьямъ и т. д., въ ихъ отношеній служебныхъ, отношеній къ государству; ко вторымъ (т. е. преступлениямъ общественнымъ) можетъ быть отнесено: оскорбленіе печатнымъ словомъ верховной власти, общественной нравственности, посягательство на безопасность государства, нападки на государственныя, правительственныя учрежденія, обиды и оскорбленія противъ лицъ облеченныхъ верховною властью, государственныхъ, правительственныхъ, и вообще общественныхъ *чмловниковъ*, въ кругу ихъ служебной дѣятельности. Право иска въ первомъ случаѣ должно принадлежать обиженному частному лицу, а во второмъ, такъ какъ здѣсь дѣлается посягательство на самое уже государство, такъ какъ здѣсь оскорбляются лица и учрежденія, такъ или иначе представляющія собою государство, то по нашему мнѣнію необходимо было бы уредить должность государственнаго прокурора (или обществен-

ново (странично), которому бы и принадлежало право начинать искъ съ этого вслѣдствіи случая; не этотъ искъ можетъ быть начатъ только по просьбамъ лица или учрежденія, получившихъ обиду черезъ печатное слово. Въ случаѣ нежеланія обиженной стороны начинать искъ, прокуроръ не можетъ начать его; но какъ скоро онъ уже началъ, обиженная сторона не можетъ прекратить его. Первое возмущеніе можетъ показаться страннымъ. Многіе возражаютъ на меня такъ: если мы признаемъ, — скажутъ они, — что черезъ оскорбленіе какого-нибудь служебнаго лица или государственнаго, правительственнаго учрежденія оскорблено государство, то въ такомъ случаѣ на послѣднемъ лежитъ явная обязанность преслѣдовать виновнаго, хочешь ли этого или не хочешь обиженная сторона. Дѣйствительно, это разсужденіе справедливо, но только въ отношеніи уголовнаго преступленія, совершающаго «дѣломъ», а не «словомъ»; не потому что въ послѣднемъ случаѣ необходимо признаніе со стороны обиженнаго, что нанесенная обида принимается дѣйствительно какъ обида. Если же лицо какъ учрежденіе, но почему именно обиженное, нисколько не чувствуетъ себя обиженнымъ, то какое право имѣетъ государство преслѣдовать виновно-обидѣвшаго? Никакого. Государство имѣетъ это право только тогда, когда служебное лицо или учрежденіе действительно обижено; т. е. когда оно сознаетъ, что съ печатнымъ словомъ заключается обида, оскорбленіе и т. д. И какъ скоро эта обида сознава, какъ скоро обиженная сторона признала себя дѣйствительно обиженною и заявила это совѣщаніе прокурору, — государство, черезъ посредство этого чиновника, начинаетъ искъ. Если прокуроръ, разсмотрѣвъ просьбу и обстоятельства дѣла, увидать, что нанесенное оскорбленіе не относится къ преступленіямъ общестеннымъ, или что оно недостаточно сильно для того, чтобы дать поводъ къ началу процесса, или же наконецъ что печатное слово, принятое за оскорбленіе, въ сущности не заключаетъ его въ себя, то онъ можетъ или отказать ему въ искѣ государственномъ, или предоставить ему право иска частнаго. Въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ долженъ положить причины своего рѣшенія. Если же прокурору покажется дѣло сомнительнымъ, т. е. онъ не будетъ знать, какой смыслъ придать печатному слову, принять ли его за обиду или просто за кривизну, то онъ отластъ это дѣло на разсмотрѣніе палаты обвинительныхъ присяжныхъ.

Сейчасъ скажемъ объ этой палатѣ.

Во благодетростномъ государствѣ все должно подлежать обсужденію. Простей расчетъ говорить обществу, что ежели оно хочеть дѣйствовать рационально, согласно съ здравымъ разсудкомъ, то оно должно возможно больше расширить предѣлы свободной критики.

дѣла въ вообще по преступленіямъ общественнымъ. Могъ бы быть *государственный прокуроръ*, а въ дѣлахъ особенно важныхъ, *сомнительныхъ* — *палата обвинительныхъ присяжныхъ*. Уже самое названіе показываетъ составъ ея. Она должна состоять только изъ обвинительныхъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ вопросы о виновности обжалованнаго лица подъ предсѣдательствомъ президента, выбраннаго или самими изъ своей среды. Для засѣданія необходимо двѣнадцать присяжныхъ, но можетъ быть и менѣе, — до шести, такъ что максимумъ двѣнадцать, а минимумъ шесть. Право быть обвинительнымъ присяжнымъ предоставляется всякому жителю того города, гдѣ созывается палата (а созывается она будетъ тамъ, гдѣ собирается судъ по преступленіямъ противъ законоу печати. Г. Аксаковъ предлагаетъ уголовнымъ судамъ Москвы, Петербурга, Кіева, Харькова, Казани и уѣздному суду Одессы *сдѣлать судъ по дѣламъ печати*. Мы не имѣемъ ничего противъ этого предложенія), окончившіи курсъ наукъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, неопороченнымъ судомъ и нестарше шестидесяти лѣтъ. Всѣ лица, удовлетворяющія этимъ условіямъ, вносятся въ ежегодный списокъ обвинительныхъ присяжныхъ, который публикуется для всеобщаго свѣдѣнія — положимъ хоть втеченіи перваго мѣсяца каждаго года, т. е. января. Каждый гражданинъ имѣетъ право, втеченіи этого мѣсяца, предъявлять свои требованія объ исключеніи неправильно внесенныхъ и о включеніи неправильно исключенныхъ. Требованія эти, если подкрѣплены достаточными доказательствами, непременно должны быть уважены. Списокъ обвинительныхъ присяжныхъ долженъ храниться у прокурора. Когда представляется надобность (здѣсь мы считаемъ излишнимъ замѣтить, что надобность эта можетъ представиться, и не только тогда, когда прокуроръ находитъ, что дѣло сомнительно, но и тогда, когда само обжалованное лицо проситъ его о передачѣ дѣла на судъ обвинительныхъ присяжныхъ), прокуроръ, придерживаясь строго того порядка, въ которомъ лица занесены въ списокъ, приглашаетъ шестнадцать лицъ для принятія на себя, въ определенное время (день и часъ засѣданія) должности присяжнаго. Первые изъ приглашенныхъ двѣнадцать лицъ составляютъ собственно палату обвинительную, послѣдніе четыре приглашаются въ *запасные* присяжные: ими пополняется число обвинительныхъ присяжныхъ тогда, когда оно меньше *минимума*. Имена лицъ, приглашенныхъ быть присяжными, публикуются, и каждый имѣетъ право свѣрять съ годовымъ спискомъ, вѣрно или невѣрно выбраны прокуроромъ присяжные.

Въ назначенный день, въ залъ суда, при открытыхъ дверяхъ,

присяжные, выбирают себя президента, записывают, распределены ли мы места. Прокуроръ излагаетъ жалобу истца и слово свой адвоката; потомъ присяжные допрашиваютъ истца (если только понадобятся, это нужными) и свидетелей, которыхъ онъ съ собою привелъ, и дѣла тѣмъ удаляются въ другую комнату; тамъ рѣшаютъ виновность или виновности виновнаго *единогласно*, и возвращаются въ залу, засѣданіе, громогласно объявляютъ свой приговоръ, согласно съ которымъ истцу или отказывается въ вачатіи общественнаго иска, или прело ставляется право частнаго иска, или же наконецъ объявляется по судимости *обжалованнаго лица*; въ этомъ послѣдствіи, случаетъ тутъ же и назначается день суда. Рѣшеніе палаты публикуется.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ процессу самаго суда, мы хотѣли бы отаровиться на минуту на предлагаемомъ нами упрощеніи; Членъ палаты, знакомый съ англійскимъ уголовнымъ судопроизводствомъ, замѣтитъ съ перваго взгляда большое сходство нашей, общественной палаты съ англійскимъ *большимъ дозоромъ*. Сходство дѣй ствительное есть, но различіе большое. Англійское *большое дозорство* есть учрежденіе чисто аристократическое; тамъ это, какъ и всѣ вообще англійскія учрежденія, особенно судебныя, пропитаны идеями чистаго аристократизма. Известное число фунтовъ стерлинговъ, дающая право каждому англичанину, занять скамью присяжнаго, большаго джюри. Тогда какъ нашихъ присяжныхъ ужь если и можно урочить въ аристократамъ, то отнюдь не въ денежномъ, а разнѣ умственномъ. Кромѣ этого основнаго различія въ характерѣ двухъ учреждений, есть еще много и другихъ частныхъ, маирикуляръ въ личностѣ избранія присяжныхъ, назначеніи президента, въ числѣ думномъ для цолнаго состава засѣданія и т. д., а главное — въ отсутствіи всякихъ клятвъ и формальностей, которыми такъ изобилуетъ англійскій процессъ.

Отъ нашей палаты ничего бояться какихъ-нибудь проволочекъ. И избраніе, и самый судъ обвинительныхъ присяжныхъ такъ просты и незамутаны, что никакого промедленія быть не можетъ: все дѣло кончится въ нѣсколько часовъ. На это могутъ только одно возразить: если учредить палату обвинительныхъ присяжныхъ для государственныхъ преступленій, совершонныхъ, *скажемъ*, то отлаго же не учредить ея для всѣхъ дѣлъ уголовныхъ, совершонныхъ *дѣломъ*? Тамъ она еще нужнѣе, необходимѣе. — Правда, тамъ она еще нужнѣе, необходимѣе. Но что изъ этого? Важность ея въ дѣлѣ уголовныхъ преступленій вообще, нисколько не можетъ убавить ея важности въ дѣлѣ преступленій противъ законовъ печати.

Перейдемъ теперь къ самому суду. Но прежде чѣмъ изложить свои взгляды на этотъ предметъ, мы остановимся на предметѣ

г. Аксакова о процедурѣ суда, представленномъ ширѣ въ переводной статьѣ 29 № «Дѣла». Вотъ что онъ говоритъ :

«Ни приглашенію предсѣдателя, обвинитель лично или черезъ повѣреннаго подтверждаетъ свою жалобу. Обвиняемый также лично или черезъ повѣреннаго отвѣчаетъ ему. Затѣмъ предсѣдатель допрашиваетъ подсудимаго и свидѣтелей».

Остановившись на этомъ. Во всѣхъ западныхъ государствахъ допросы свидѣтелей предшествуютъ преніямъ, такъ что присяжные составляютъ мнѣніе о виновности подсудимаго почти всегда подъ вліяніемъ преній. Да такъ и должно быть. Допросы, представляя безсвязныя, чисто противорѣчивыя показанія многихъ свидѣтелей, врядъ ли могутъ произвести цѣлостное; живое впечатлѣніе на присяжныхъ. Р. Аксаковъ напротивъ не премѣнно хочетъ, чтобы это впечатлѣніе составлялось именно подъ вліяніемъ допросовъ, а не преній: иначе зачѣмъ бы преніе выдвигать впередъ допроса? Это только собьетъ присяжныхъ съ толку, лишитъ ихъ возможности составить правильное понятіе о сущности дѣла. Это первое замѣчаніе; а вотъ и другое: зачѣмъ г. Аксаковъ, являющійся въ началѣ статьи антагонистомъ французскаго суда; самъ теперь въостояннѣе подражаніе ему, допустивъ предсѣдателя въ проецированномъ актѣ судѣ играть ту же роль, какую играетъ предсѣдатель французскаго суда? Онъ руководитъ, направляетъ преніемъ, допрашиваетъ свидѣтелей; подсудимаго и т. д. Но это еще не все; сейчасъ мы увидимъ, что это подражаніе зашло и дальше.

По окончаніи допросовъ предсѣдатель съ членами удаляется въ особую залу для составленія вопросовъ присяжнымъ. Во французскомъ судѣ это дѣлается нѣсколько иначе, но въ сущности все это похоже на списокъ вопросовъ, читаемый присяжнымъ предсѣдателемъ французскаго суда. Потомъ, по возвращеніи нѣтъ опять въ залу засѣданія, присяжнымъ предлагаются составленные вопросы, на которые они должны отвѣчать простыми «да» или «нѣтъ».

Остановимся на присяжныхъ. Учрежденіе это приняло въ проектѣ г. Аксакова какой-то особый, своеобразный характеръ.

Присяжными въ судѣ по дѣламъ печати могутъ быть, по мнѣнію автора, только лица, получившія образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ да въ духовной академіи. И dalje онъ говоритъ; что для составленія помнаго засѣданія присяжныхъ выбираются: 4 человека изъ дворянъ, 4 изъ бѣлаго духовенства, 4 изъ купцовъ. Такимъ образомъ ни мѣщанство, ни крестьянство не допускаются до сканья присяжныхъ по дѣламъ печати. Они не удовлетворяютъ главному условію, необходимому для присяжнато: не получили высшаго образованія. Это такъ, но однако если

мы достигнуть необходимости этого условія для присяжныхъ, судящихъ преступленія, совершенныя «словомъ», то мы должны допустить его и для тѣхъ присяжныхъ, которые судятъ преступленія совершенныя «дѣломъ», иными словами—отстранить отъ участія въ отправленіи правосудія большинство гражданъ, исключать изъ суда элементъ народный въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Не думаемъ, чтобы этого именно хотѣлъ авторъ статьи; не думаемъ, чтобы онъ былъ действительно убѣжденъ въ томъ, что для присяжныхъ вообще необходимо высшее образованіе. Теперь кажется всё юристы—и наши, и западные—вполнѣ убѣждены, что для присяжныхъ ничего болѣе пошло, чѣмъ здраваго смысла, чести да совѣсти. Авторъ держится бытъ-можетъ противнаго мнѣнія. Но впрочемъ, такъ какъ редакторъ «Дня» говоритъ здѣсь только о присяжныхъ по дѣламъ печати, а по дѣламъ печати действительно необходимо, чтобы присяжные были люди образованные, знали бы толкъ въ томъ дѣлѣ, которое судятъ, т. е. въ литературѣ, то мы и не имѣемъ права дѣлать какія бы то ни было предположенія о его взглядахъ на присяжныхъ вообще. Взгляды эти намъ неизвѣстны. А желательно бы было, чтобы авторъ высказался опредѣлительнѣе на этотъ счетъ. Опредѣляя условія, необходимыя для присяжннго, г. Аксаковъ говоритъ о самомъ судѣ присяжныхъ слѣдующее:

«Присяжные рѣшаютъ, виноватъ ли невиненъ подсудимый, *единолично*. Для *слова* самымъ долгимъ срокомъ полагается двѣнадцать часовъ; если въ этотъ срокъ они не *говорятся*, то приглашаются запасные присяжные. Предсѣдатель объясняетъ имъ дѣло, и они помогаютъ прежнимъ присяжнымъ постановить приговоръ. Если же и съ ихъ помощью приговоръ не состоится въ опредѣленный срокъ, то подсудимый освобождается отъ суда, а обвинитель можетъ начать этотъ процессъ *сннова*.»

Слѣдовательно судъ кончается буквально ничемъ. Подсудимый не объявляется совершенно невиннымъ, потому что если кто разъ объявленъ виновнымъ, то обвинитель не имѣетъ права начать противъ него, за то же самое дѣло, *сннова* иска; въ противномъ случаѣ процессъ былъ бы безъ конца. Подсудимый не признается тоже и виновнымъ, потому что онъ освобождается отъ суда безъ всякаго наказанія, — если только не считать наказаніемъ мысль о возможности новаго процесса въ близкомъ будущемъ. Обвинитель тоже выходитъ изъ суда неудовлетворенный: можно ли считать удовлетвореніемъ позволеніе начать *сннова*, — если только есть охота и деньги, — этотъ же самый искъ? И удовлетворяетъ ли судъ въ этомъ случаѣ своему назначенію?

Назначеніе суда состоитъ въ томъ, чтобы рѣшать, виноватъ ли

нить подсудимый; виновать — подвергши его заслуженному наказанію; оправдать — оправдай, но оправдай совершенно, такъ чтобы не было ни малѣйшей возможности — разъ оправданнаго снова при-
тнать къ суду по тому же самому дѣлу; иными словами, онъ дол-
женъ удовлетворить, *вполнѣ* удовлетворять ту или другую изъ тяжу-
щихся сторонъ, но непремѣнно одну изъ нихъ. Поэтому и присяж-
ные должны на предложенный имъ вопросъ отвѣчать «да» или
«нѣтъ»; отвѣчать ни «да» ни «нѣтъ» не имѣетъ никакого смысла.
Поэтому намъ кажется, что срокъ сговора, заранее опредѣленный,
уничтожаетъ разумность суда, несогласенъ съ назначеніемъ его.
Да, кромѣ того, *прилично* ли такое опредѣленіе? пригласятъ ли оно
для чего-нибудь на практикѣ? На западѣ гдѣ срокъ для сговора
присяжныхъ не опредѣленъ; они почти никогда не совѣщаются дол-
же двѣнадцати часовъ, такъ что въ Англіи шестидѣять они постано-
вляютъ часто рѣшеніе невыходя изъ залы. Отчего же предполагать,
что въ Россіи имъ нужно будетъ для сговора болѣе двѣнадцати ча-
совъ?

Имѣя все это въ виду, мы смѣло утверждаемъ, что ограниченіе
какимъ бы то нибыло срокомъ сговора присяжныхъ, какъ мѣра
непрактическая, и неразумная, не можетъ быть терпима ни въ ка-
комъ судопроизводствѣ.

Наконецъ послѣднее замѣчаніе на проектъ г. Аксакова. Онъ гово-
ритъ, что рѣшенія судовъ по дѣламъ печати не подлежатъ апел-
ляціи. Почему это? Если допускается апелляція на рѣшенія общихъ
судовъ, то отчего же не допускать ея въ судахъ по дѣламъ книгопе-
чатанія? Вѣдь самъ же авторъ въ началѣ статьи говоритъ: «жела-
тельно бы было, чтобы судъ по дѣламъ книгопечатанія подлежалъ
общимъ судамъ». Есть ли же тутъ послѣдовательность? Гдѣ разум-
ныя основанія, недопускающія апелляціи на рѣшенія этихъ только
судовъ? Мы не находимъ. И потому думаемъ, что рѣшеніе ихъ, какъ
и общихъ судовъ, должно подлежать апелляціи.

Этимъ мы кончимъ съ проектомъ г. Аксакова. Постарайся теперь
найти тѣ главныя основанія суда по дѣламъ печати, введеніе ко-
торыхъ мы считаемъ необходимымъ, рациональнымъ для правиль-
ности судопроизводства. Но прежде мы должны сдѣлать оговорку.
Мы, какъ и авторъ разбираемой статьи, находимъ вполнѣ разумнымъ
подчиненіе судовъ по дѣламъ печати общимъ судамъ послѣ ихъ
переформироваанія; но до тѣхъ поръ предлагаемъ учредить по этимъ
дѣламъ особые, спеціальныя суды, отличныя отъ нашихъ тепереш-
нихъ общихъ судовъ. Итакъ, говоря о судахъ по дѣламъ печати, мы
говоримъ только о судахъ временныхъ, существующихъ самостоя-
тельно до тѣхъ только поръ, пока общіе суды останутся въ ихъ те-

перепремъ положенія, по печатѣ. Главнымъ, основнымъ элементомъ предлагаемаго суда будетъ элементъ присяжныхъ. Мѣтра, которою опредѣляется годность или негодность гражданъ занимать лавки присяжныхъ, должна быть одна и таже какъ для судовъ по дѣламъ печати, такъ и для общихъ судовъ. А такъ какъ эта мѣтра еще неизвѣстна, то мы съ своей стороны предлагаемъ постановить единственнымъ ограничительнымъ условіемъ для присяжныхъ по дѣламъ печати — *небытіе* подлѣ уголовнымъ судомъ и возрастъ отъ двадцати одного года до шестидесяти лѣтъ (1).

Другія условія, которыми обыкновенно ограничиваютъ возможность быть присяжнымъ, какъ-то: цензъ, умѣнье читать и писать, патенты и аттестаты отъ извѣстныхъ заведений и т. д. мы считаемъ теперь мѣрами несовременными, мѣрами вносящимися къ тому, чтобы сосредоточить право быть присяжными въ рукахъ одного привилегированнаго сословія, пользующагося извѣстнымъ материальнымъ достаткомъ, который и дастъ ему возможность приобрести требуемые патенты и аттестаты.

Списки присяжныхъ и вообще ихъ избраніе кажется намъ проще всего устроить такимъ образомъ:

Комиссія, составленная изъ *малыхъ* думы (изъ двѣнадцати членовъкъ, положимъ, выбранныхъ своими товарищами), составляетъ списки лицъ, имѣющихъ право быть присяжными. Число лицъ, входящихъ въ эти списки, должно быть пропорціонально числу жителей судебного округа. А такъ какъ судъ по дѣламъ печати будетъ собираться, по предложенію г. Аксакова, только въ шести городахъ, а по предложенію г. Скарятина, только въ двухъ (Москвѣ и Петербургѣ), то и придется выбирать присяжныхъ по дѣламъ печати *кампьст* только въ нѣсколькихъ городахъ (я говорю *кампьст*, т. е. до введенія присяжныхъ въ общіе суды) по числу, какъ я сказалъ, жителей этихъ городовъ, напримѣръ въ Петербургѣ, гдѣ народонаселеніе превышаетъ 500,000, выбирается ежегодно 500 присяжныхъ; гдѣ число жителей равно 400,000 или 300,000, тамъ число *юдодовь* присяжныхъ равно 400 или 300 членовъкъ; даѣе, гдѣ народо-

(1) Съ этимъ положеніемъ по нашему мнѣнію нельзя вполне согласиться. Въ судахъ по уголовнымъ и другимъ преступленіямъ отъ присяжныхъ требуется только здравый смыслъ и честная совѣсть. Въ сужденіяхъ же о дѣлахъ печати *необходимо* образование. Иначе самая легкая критика необразованными присяжными будетъ приниматься за обиду. Нужна нѣкоторая начитанность, нужно знаніе современнаго положенія литературы, чтобы судить о ея преступленіяхъ. Иначе обвиненію будетъ предоставлено обширное поле дѣйствовать на темныя умы присяжныхъ и защита едвали будетъ въ состояніи успѣшно бороться съ обвиненіемъ въ такой темной и невѣжественной средѣ.

населеніе равно 200,000, тамъ число присяжныхъ должно быть равно 250; оно гдѣ равно 100,000, тамъ списокъ присяжныхъ состоитъ изъ 150 лицъ и т. д. Составленные такимъ образомъ годовые списки отсылаются къ предсѣдателю суда. За три дня до суда предсѣдатель, придерживаясь того порядка, въ которомъ занесены присяжные въ списокъ, выбираетъ сорокъ-восемь человекъ. Списки этихъ лицъ отсылаются въ полицію, и черезъ нее выбранныя лица приглашаются явиться въ судъ въ назначенный день и часъ⁽¹⁾. Передъ началомъ засѣданія суда предсѣдатель дѣлаетъ переключку этимъ сорока-восемью лицамъ. Имена присутствующихъ кладутся въ урну, и потомъ выбирается изъ нея по жребію шестнадцать лицъ (двѣнадцать для исправленія должности дѣйствительныхъ присяжныхъ, четыре — запасныхъ). При этомъ отводъ допускается какъ со стороны обвинителя, такъ и обвиняемаго, одинаковое число разъ. Отводъ долженъ быть *голословнымъ*.

Приступимъ теперь къ изложенію самой процедуры суда.

Какъ только выбраны присяжные, тотчасъ же начинается и судъ. Секретарь суда прочитываетъ жалобу обвинителя и приговоръ обвинительной палаты, если онъ былъ. Затѣмъ идетъ допросъ свидѣтелей. Свидѣтели въ пользу подсудимаго допрашиваются его адвокатомъ, свидѣтели противной стороны допрашиваются адвокатомъ этой стороны. Но при допросѣ свидѣтелей въ пользу обвиняемаго можетъ предлагать имъ вопросы и повѣренное лицо обвинителя, а при допросѣ свидѣтелей въ пользу обвинителя — повѣренное лицо обвиняемаго (однимъ словомъ допросы будутъ производиться здѣсь какъ и въ англійскомъ судѣ). Предсѣдатель не принимаетъ въ допросахъ никакого участія. Оттого и судъ не будетъ имѣть того инквизиціоннаго характера, котораго мы замѣтили въ судѣ, предлагаемомъ авторомъ статьи въ 32 № «Дня».

За допросами начинаются пренія адвокатовъ. *Последнее слово* принадлежитъ адвокату подсудимаго.

По окончаніи преній предсѣдатель, для того чтобы процессъ суда произвелъ болѣе полное, цѣлостное впечатлѣніе на присяжныхъ, въ краткихъ, но точныхъ словахъ излагаетъ ходъ дѣла въ судѣ, ограничиваясь при этомъ только одними фактами (такъ что въ этомъ нѣтъ никакого сходства съ *résumé d'affaire* французскаго суда). Присяжные удаляются, чтобы рѣшить вопросъ:

(1) Если выбранный по законнымъ причинамъ не можетъ явиться въ назначенный срокъ въ судъ, то онъ немедленно долженъ извѣстить о томъ предсѣдателя, и предсѣдатель взамѣнъ его назначаетъ тотчасъ другое лицо изъ годового списка, для пополненія числа сорока-восьми.

высшей для неустой подсудимый. Рѣшеніе жъ должно быть *сжато*, *ясно*, *срокъ* для сговора не полагается. Сговорившись, они возвращаются въ залу засѣданія, гдѣ и объявляютъ свой приговоръ простымъ слогомъ: *виновенъ* или *невиненъ*. Въ первомъ случаѣ преступленіе подымается подлѣ законъ, и предсѣдатель тутъ же и объявляетъ подсудимому рѣшеніе суда; въ послѣднемъ подсудимый тутчасъ же *совершенно* освобождается отъ преслѣдованія суда. Въ опредѣленный срокъ на рѣшеніе суда можетъ быть продана *апелляція* тою или другою стороною. И при этомъ должно обращать болѣе вниманія на сущность рѣшенія суда, чѣмъ на его формальную сторону (т. е. на соблюденіе тѣхъ или другихъ формальностей при производствѣ суда).

Вотъ основанія, на которыхъ мы предлагаемъ устроить временное судопроизводство по дѣламъ печати. Еслибы предположенія эти могли быть хорошо проведены и примѣнены на практикѣ, то мы увѣрены, они привели бы къ удовлетворительнѣйшимъ результатамъ. Учрежденіе общественнаго стряпчаго (государственнаго прокурора) и палаты обвинительныхъ присяжныхъ въ значительной степени ограничило бы число процессовъ и избавило бы тѣмъ тяжущихся отъ потери времени и денегъ, съ которою сопряженъ всякій процессъ, а главное — гарантировало бы *свободу критики*.

Наконецъ процессъ самаго суда, съ введеніемъ въ него присяжныхъ на тѣхъ широкихъ основаніяхъ, которыя мы предлагаемъ, служилъ бы достаточнымъ обезпеченіемъ для тяжущихся, привелъ бы къ скорѣйшему, явнѣйшему дознанію истины. Предѣлы журнальной статьи не дозволяютъ намъ войти въ частности, въ мелочи проектируемаго судоустройства. Мы старались держаться общихъ взглядовъ, неслухаясь въ подробности. Мы мало доказывали, больше предлагали. Но если встрѣтятся возраженія на наши предложенія, то мы всегда будемъ готовы пополнить этотъ недостатокъ, войти въ болѣе полный, подробный анализъ сдѣланныхъ нами предложеній.

ТКАЧЕВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Франція. — Австрія.

Турецкія дѣла. — Финансовое положеніе Турціи. — Черногорская война. —
Бомбардированіе Бѣлграда. — Начало байрама.

Итальянскія дѣла. — Канонизація японскихъ мучениковъ. — Речь папы. —
Адресъ епископовъ. — Отвѣтъ на него итальянскаго парламента. — Пренія
объ арестѣ волонтеровъ. — Желѣзныя дороги.

Прусскія дѣла. — Пренія объ адресѣ и оправданіи министерства.

Дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ. — Успѣхи свободныхъ войскъ.

Мексиканскія дѣла. — Несогласія между Испанією, Англією и Францією
по мексиканскому вопросу. — Внутреннее положеніе Мексики. — Неудачи
французовъ.

Последнія извѣстія.

Общее положеніе

По случаю наступленія лѣтняго времени и жаровъ, политическія
событія отложены до болѣе благопріятнаго времени; поэтому въ
Европѣ все обстоитъ благополучно, и только безнокоимые люди въ
Амеріяѣ не унимаются и все чего-то хотятъ, о чемъ-то хлопочутъ.
Въ которую страну ни заглянешь за послѣдній мѣсяць, вездѣ тишь
да гладь — бошья благодать.

Во Франціи былъ съ вѣзитою египетскій вице-король Саидъ-па-
ша. Мы уже рассказывали какъ торжественно онъ былъ встрѣченъ.
Все время какъ онъ пробылъ во Франціи, императоръ оказывалъ
ему особенное вниманіе и въ тоже время вродное, безцеремонное
обращеніе. Однажды даже императоръ пришолъ къ нему пѣшкомъ,
на равстояніи покрайней-мѣрѣ двухсотъ сажень, въ навильонъ,
который былъ отведенъ ему для жительства. Тамъ императоръ дол-
го разговаривалъ съ вице-королемъ въ особой комнатѣ. Среди раз-
говора Саидъ-паша приотворилъ дверь въ сосѣдній залъ, гдѣ была
свѣта, и спросилъ ружье, которое онъ привезъ съ собою изъ Егип-
та.

та. Французскія газеты были въ восторгѣ отъ такой дружественной короткости и съ любовью рассказывали всѣ подробности.

Однажды даже Савдъ-паша имѣлъ счастье угощать обѣдомъ императора, императрицу, императорскаго принца и многихъ сановниковъ. Кушанье приготовлено было на египетскій ладъ; посуда, прислуга, все было египетское. На этотъ случай видекороль даже нарочно выписалъ изъ Каира свой придворный оркестръ, который игралъ непрестанно для египетскихъ ушей мелодично. — На огромномъ серебряномъ подносѣ великолѣпнаго чекана поставлено было четыре прибора массивнаго золота. Неподалеку былъ накрытъ обыкновеннымъ образомъ столъ на двадцать пять приборовъ, для дамъ и кавалеровъ свиты. Кушанье было египетское. Придворные египетскіе повара покупали провизию сами, убивали собственноручно ягнать и куръ и сами все готовили. Когда императоръ, императрица и принцы вошли въ залъ, черныя камергеры, стоя на коленяхъ, подали богатые умывальники съ водою и шпатыя полотенца. Чтобы исполнить египетскій обычай, ихъ величества позволили налить сѣбѣ на руки нѣсколько воды и изволили вытереть руки ароматными полотенцами. — Когда сѣли за столъ, то слуги подали кушанье, поставивъ блюдо прямо на столъ. Каждый бралъ себѣ самъ на тарелку. По данному знаку блюдо исчезало и являлось другое, и такъ далѣе, до самого десерта. Тогда слуги сняли серебряный подносъ и все что на немъ было, и замѣнили его другимъ, опять съ четырьмя приборами. Золотыя ложки, вилки, ножи, тарелки и блюда съ великолѣпнѣйшими плодами были укращены брилльянтами. Салфетки были вышиты жемчугомъ и брильянтами. — Послѣ обѣда всѣ перешли въ соседній залъ пить кофею, что происходило съ большими церемоніями. Кофею подавался въ вазельныхъ фарфоровыхъ чашкахъ, вставленныхъ въ серебряныя боналы; украшенные алмазами. Потому были поданы трубки, тоже съ украшеніями изъ драгоценныхъ камней. Императорскій принцъ принялъ тоже одну изъ трубокъ съ длиннѣйшимъ чубукомъ, и взявъ конецъ его въ ротъ, съ важностью усѣлся, какъ другіе курильщики, скрестивъ подъ собою ноги.

Въ законодательной палатѣ происходятъ, въ пренія, — въ этомъ словѣ самомъ есть что-то враждебное, несогласное, шумливое; — происходятъ пріятныя бесѣды о смѣтѣ на будущій годъ. Народные представители съ особеннымъ наслажденіемъ соглашаются нажить что съ нихъ требуютъ и особенно бывають счастливы благосклонною улыбною своего президента или одного изъ министровъ. Петеро говоруновъ лѣвой стороны — Фанръ, Пикаръ, Оливье, Деринговъ, Ревонъ представляли было кое-какія возраженія; но одно обращеніе

было на нихъ виновеню. Они вздумали наиримѣрь утверждать, будто во Франціи слишкомъ много чиновниковъ, будто министрамъ безъ разбору увеличиваютъ число должностей и безъ счету раздають мѣста. Поэтому они вздумали предложить новый параграфъ: «Въ слѣдующему созванію законодательной палаты учредить парламентское слѣдствіе по каждой отрасли управленія, изслѣдовать число чиновниковъ и мѣстъ, уменьшить ихъ централизацию и убавить слишкомъ высокое жалованье. А до окончанія слѣдствія не учреждать новыхъ мѣстъ, не опредѣлять на существующія мѣста въ случаѣ смерти, отставки или перехода чиновника.» По военному министерству эти господа предложили или больше или меньше какъ «убавить число личного войска на сто тысячъ человекъ». Они рассчитывали, что 447,000 человекъ подъ оружіемъ и 165,000 человекъ резерва слишкомъ много, что 612,000 человекъ незначитѣльнѣе содержать, когда нѣтъ войны, когда никто изъ сосѣдей не грозитъ взаимными вооруженіями. Еще вздумалось имъ предложить измѣненія касательно чрезвычайныхъ расходовъ по перестройкѣ города Парижа. Эти перестройки происходятъ безо всякаго разсмотрѣнія смѣтъ парламентскими или городскими представителями, такъ какъ тамъ гласная дума не избирается горожанамъ, а назначается отъ правительства. Они считали желаннымъ прибавить въ смѣтъ: «Бюджетъ города Парижа контролируется и обсуждается законодательною палатою наравнѣ съ государственною смѣтою.» Наконецъ они нашли, что во Франціи слишкомъ много лицъ, занимающихъ въ одно и тоже время нѣсколько мѣстъ и получающихъ по всѣмъ этимъ мѣстамъ жалованье. Она полагали, въ простотѣ душевной, что жалованье назначается по данному мѣсту за все время, принадлежащее человѣку, что получая жалованье, онъ долженъ все свое время отдавать этому мѣсту, и что ежели есть возможность занимать нѣсколько мѣстъ съ жалованьемъ, то это значитъ, что или жалованье по каждому изъ этихъ мѣстъ слишкомъ высоко, или что человекъ, занимающій нѣсколько мѣстъ, недостаточно работаетъ по каждой изъ своихъ должностей. На основаніи подобныхъ соображеній они предложили слѣдующій законъ: «Захватъ должностей запрещается. Никто не можетъ захватывать жалованье во нѣсколькихъ мѣстамъ, но какой-бы то ни было части, если сложное жалованье превышаетъ 30,000 франковъ.» Этими законами неосторожно лѣвые представители посягали на многія прекрасныя положенія, наиримѣрь на положенія маршаловъ-сенаторовъ, получающихъ два жалованья. Но предложенія г. Фавра съ товарищами сами собою разлетаются, ударяясь въ убѣжденія законодательной палаты.

Заглянемъ ли въ Австрію — тамъ царствуетъ величайшее слепое

ство и малѣйшій беспорядокъ тотчасъ замѣчается: все должно идти по порядку. Напримѣръ въ Венгріи: въ городѣ Дрезбургѣ военныя власти арестовали поэта Бартоломея Ормоша за стихотвореніе имъ написанное, но нигдѣ неанонсированной. Его приговорили къ четырехмѣсячному тюремному заключенію, въ дѣлѣ политическомъ дѣлѣ ежемѣсячно. Разумѣется, онъ впередъ будетъ гораздо осторожнѣе въ выборѣ друзей, которымъ будетъ читать свои стихотворенія.

Другой господинъ, не уже не венгерецъ, а чехъ, редактора журнала «Народные Листы», потребованъ къ суду за статью: «Должны ли мы имѣть довѣріе?» Для оправданія каждаго слова этой статьи онъ хотѣлъ, согласно съ закономъ, пригласить всѣхъ свидѣтелей, навѣе только прикосновенны къ его дѣлу, именно: 1) государственнаго министра фонъ-Шмерлинга, чтобы доказать, что во время представленія депутатомъ Клауди проекта закона о присяжныхъ по дѣламъ печати, г. фонъ-Шмерлингъ сказалъ ему въ присутствіи президента палаты фонъ-Гейна: «Развѣ такъ нуженъ этотъ законъ? Развѣ вы чего-нибудь боитесь за ваши богемскіе журналы? Никакого нѣтъ на это повода; ищите противъ меня что хотите, вамъ не сдѣлаютъ никакого вреда.» А потомъ, когда Клауди замѣтилъ ему, что богемскіе суды дѣйствуютъ иначе и судятъ по древнимъ законамъ, г. фонъ-Шмерлингъ сказалъ: «Это преувеличенный страхъ.» 2) Римскаго посланника барона Баха, помощника статс-секретаря барона Пельфорта и верховнаго полицейскаго комиссара Делера, для доказательства того, — какъ утверждалъ журналъ «Народные Листы», — что чешскій писатель Гавличекъ былъ сосланъ въ Тироль безъ суда. 3) Прагскаго гражданина Яроша, бургомистра этого города и вице-президента богемскаго сейма Ванка, которые покажутъ, что покойный Гавличекъ всегда былъ здоровъ, но заболѣлъ только въ Тироль и умеръ вскорѣ по возвращеніи оттуда. 4) Доктора Гаммерника, въ качествѣ эксперта, который покажетъ, что человекъ можетъ потерять жизнь вслѣдствіе внезапной перемены климата и огорченій. 5) Министровъ фонъ-Лассера и фонъ-Меззери, которые покажутъ, что до сихъ поръ во главѣ разныхъ управленій есть люди, занимавшіе эти мѣста при Бахѣ, и что кромѣ созванія государственнаго совѣта не было обнародовано никакого закона, никакой инструкціи для введенія новаго порядка; что въ Венгріи и въ Кроаціи сопротивленіе февральской конституціи продолжается до сихъ поръ и ничего еще неизвѣстно, когда и какъ это кончится; наконецъ, что этимъ сопротивленіемъ правительство вынуждено было представить смѣту неполному государственному совѣту. 6) Депутатовъ Шусельну, Палацкаго, Ратера

и Сивану, которые докажутъ, что конституція, особенно въ томъ видѣ какъ хочетъ ее г. фонъ-Шмерлингъ, весьма можетъ быть неосуществима. 7) Одинадцать гражданъ и мужиковъ, которые покажутъ, что читатели «Народныхъ Листовъ» не находятъ никакого возбужденія къ ненависти въ обвиняемой статьѣ.— Само собою разумеется, что обвиняемому отказано было въ приглашеніи такихъ свидѣтелей и судъ нашолъ его виноватымъ. Оправданія не были приняты:

Смѣта австрійскаго военнаго министерства на нынѣшній годъ утверждена въ 135 миліоновъ флоринновъ; при этомъ палата просила правительство принять во вниманіе крайнюю необходимость покончить итальянскій вопросъ дипломатическимъ путемъ, чтобы не было надобности держать такую массу войска въ Венеціанской области и въ близъ-лежащихъ провинціяхъ. Сверхъ того палата согласилась отпускать ежемѣсячно 70,000 флоринновъ на содержаніе молденскаго войска, съ тѣмъ чтобы этотъ отрядъ исполнялъ австрійскую службу; при этомъ изъявлено желаніе, чтобы такое ненормальное положеніе было приведено въ порядокъ къ концу года. Въ мирное время положено тратить на войско не болѣе 92 миліоновъ флоринновъ, а между тѣмъ всѣ расходы, превышающіе эту сумму, должны быть объясняемы палатѣ соответствующими документами: У офицеровъ, несостоящихъ на дѣйствительной службѣ, отбираются деньжки. Положеніе о пенсіяхъ въ скоромъ времени будетъ пересмотрѣно.

Наконецъ для всеобщаго успокоенія извѣстный генералъ Клапка писалъ Кошуту письмо съ полнымъ отреченіемъ отъ общественныхъ венгерскихъ дѣлъ. Вотъ это письмо:

«Любезный и многоуважаемый другъ. Четыре года тому назадъ ходъ событій наставилъ насъ серьезно приняться за дѣло освобожденія нашего несчастнаго отечества. Тогда мы образовали, съ благороднымъ другомъ нашимъ, графомъ Владиславомъ Телеки, полчъ нашимъ предсѣдательствомъ, національный венгерскій комитетъ. Мы слушили дѣлу такъ хорошо, какъ только позволяли намъ обстоятельства и ограниченныя средства наши. Арестъ Владислава Телеки и несчастная кончина его были намъ первымъ ударомъ. Изъ трехъ членовъ комитета одного не стало, вы были въ Лондонѣ, я въ Женевѣ, но своимъ частнымъ дѣламъ. Тогда я хотѣлъ предложить вамъ или преобразовать, или совершенно прекратить комитетъ. Уступая просьбамъ своихъ политическихъ друзей, я отложилъ это дѣло, а теперь неодолимыя обстоятельства вынуждаютъ меня къ совершенному отступленію. Въ послѣднее время здоровье мое сильно пострадало; частныя дѣла мои требуютъ особенной заботливости;

поэтому я не могу удовлетворительно заниматься какими-либо политическими интересами. Разумеется, искреннѣйшія желанія мои всегда будутъ съ тѣми, кто посвятитъ себя торжеству нашего дѣла; но отвѣчать за него я уже не могу, не смѣю болѣе связывать съ нимъ свое имя. Итакъ удаляюсь, отказываясь впредь отъ всякаго участія въ управленіи дѣлами венгерской эмиграціи. Въ дѣятельную политику вступлю я не иначе какъ по требованію страны. Целѣ четырнадцати лѣтъ непрерывнаго труда въ пользу несчастнаго отечества моего я удаляюсь въ частную жизнь, съ твердымъ убѣжденіемъ, что я совѣстливо исполнилъ свою обязанность. Я надѣюсь, что мое удаленіе ни въ чемъ не повредитъ нашему дѣлу, что я безъ меня скоро заблестятъ надъ нашею страной первые лучи вновь завоеванной свободы. Пусть до тѣхъ поръ согласіе крѣпко соединяетъ всѣ патріотическіе элементы заграничій: охранять честную и незапятнанную честь венгерскаго имени — первая изъ обязанностей, и я увѣренъ, что ни одинъ изъ нашихъ согражданъ отъ нея не отступитъ!»

Такимъ образомъ австрійское правительство облегчено весьма выгоднымъ отреченіемъ одного изъ своихъ непріятелей, и дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе прочно-мирное направленіе, съ устойчиво-твердымъ характеромъ.

Во цѣлой Европѣ порядокъ торжествуетъ, кромѣ Турціи, гдѣ безпорядки принимаютъ характеръ грозный.

ТУРЕЦКІЯ ДѢЛА

Дряхлый, безнадежный боленой, называемый Турціею, какъ человекъ, находящійся въ совершенномъ безпамятствѣ, самъ не знаетъ что дѣлаетъ. Окончательно дѣла его разстроиваются; онъ не знаетъ, что и какъ онъ будетъ вѣтъ завтра, зато сегодня онъ возводитъ себя безумнѣйшую роскошь. Фундъ-наша представляла умѣреннѣйшую образцовую смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ, и довѣріе не возвращается; капиталисты окончательно потеряли вѣру въ какую-нибудь возможность поправки турецкихъ финансовъ; а въ наше время въ жизни государства финансы составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ органовъ. Бумажныя деньги турецкія, медяніе, потеряли половину своей цѣны, такъ что за сто піастровъ монетной вѣды теперь отдать 200 и до 202 піастровъ бумажками. Есть партизаны Турціи (и во главѣ ихъ англичане), которые увѣряютъ, что подъ этимъ умалкомъ курса заключается какой-нибудь преступный биржевой маневръ, такъ какъ предстоящій заемъ необходимо долженъ породить довѣріе къ бумажкамъ. Но

составляющая изъ отъносительности, такъ, какъ будто она должна только незначительна, да; кто-нибудь спекуляторы константинопольские сдѣлались большими спекулятивами и сдѣлаютъ видѣть на биржѣ англійской золоты, не съ предсказанъ, а въ дѣйствительности. Вѣра — дѣло не простое, но нельзя не сознаться, что вѣра въ спасеніе Турціи при императорѣ — весьма обаянна, когда она основана на однихъ обещаніяхъ министра, будто государственныя приходы будутъ въ вышеразхода на 22 миліона піастровъ, все равно, девясати или бу-вельшима, или въ первомъ случаѣ это одинъ миліонъ, а во вто-ромъ — полмиліона рублия. Но допустить показывать, что каждое министерство: выставило въ свѣтъ настоящую, дѣйствительную цифру своихъ расходовъ (чего впрочемъ нѣтъ). Допустить, что приходы записаны не предположительно, а сообразный съ вѣстивыми приходами (чего тоже нѣтъ). Но пусть такъ. Что же выйдетъ изъ этой свѣтой? Войско, флотъ и паша, — и больше ничего. Общественныя работы въ Турціи не существуютъ; ни одного піастра не тратится на дороги, каналы, публичныя зданія. Руба растутъ и рѣки текутъ въ Турціи, и никто ни не занимается. Общественно платятъ сами за содержаніе школы, тамъ гдѣ онѣ есть, а иныя весьма немногія; сѣдня не полагаютъ ни гроша на народное просвѣщеніе. Всякій гражданинъ платитъ или не платитъ своему священнику, или епископу, а правительство никогда не одерживаетъ ни одного дякова. Все суды полицейскіе, коммерческіе и общаго управленія ничто не стоятъ, кромѣ верховнаго судилища или мекке, члены котораго получаютъ жалованье: стало-быть министерство юстиціи обходится недорого.

Султанъ знаетъ очень хорошо, что финансы Турціи находятся въ самомъ плачевномъ состояніи, и очень сожалѣетъ объ этомъ. Но ему кажется, что если странѣ возвратится ее прежняя воинская слава, то все будетъ снисхо. Волыскіе этого онъ любитъ людей военныхъ, воинов военныхъ, или военныхъ; отъ этого является множество проектовъ, которые показываютъ болѣе солдатскаго усердія, чѣмъ знанія, болѣе воинственныхъ инстинктовъ, чѣмъ здраваго смысла. Недавно пашахъ собралъ своихъ главныхъ министровъ и сообщилъ имъ твердую рѣшимость свою заново преобразовать войско. Линейныя батальоны будутъ состоять, какъ во Франціи, изъ двухъ отборныхъ ротъ, гренадеръ и вольтижеровъ. Какъ во Франціи, при каждомъ полку будетъ по одному запашному батальону. Опять какъ во Франціи, кавалерія будетъ состоять изъ яврасиръ, егерей, драгунъ, улановъ и гусаръ. Наконецъ для всѣхъ войсковъ будутъ однообразно приняты красивые панталоны. Опять такъ какъ во Франціи, въ сраженіи рѣчь идетъ о панцирныхъ и

раблять Абдуль-Азизъ заказалъ въ Лондонѣ парашютный орелъ и приказалъ построить пять другихъ на своихъ веряхъ. Кто плавалъ когда-нибудь на военныхъ турецкихъ судахъ, тотъ знаетъ очень хорошо, что у нихъ никогда не бываетъ ни хронометра, ни термометра сколько-нибудь въ порядкѣ. Извѣстiя изъ Черногорья и Герцеговины приходятъ въ Константинополь черезъ иностранную газету, а мѣстные журналы не смѣютъ говорить объ этихъ странахъ ни слова.

Железная дорога изъ Адрианополя въ Константинополь давно уступлена французскому торговому дому Даво. Французскiе инженеры сдѣлали съемку и пригласили огромное количество служащихъ разнаго рода. Служащiе получаютъ малоквартирный образчикъ жалованья; главный инженеръ, москѣ Леже, отозванъ по телеграфу въ Парижъ, и дѣла остановились въ самомъ безнадежномъ состоянiи.

Впрочемъ, начались и нѣкоторыя уплаты подрядчикамъ по старымъ счетамъ. Обыкновенно счета вшутся тамъ на мовету, а уплата получена бумажками, стало-быть по нынѣшнему курсу получено вмѣсто рубля только сорокъ девять копѣецъ. Но справедливость требуетъ замѣтить, что подрядчики и при этомъ не потерпѣли убытковъ. Зная очень хорошо тамошнiе пералки, они такъ ужъ и назначаютъ цѣны своихъ товаровъ, и кто при поставкѣ въ казну беретъ только въ два съ половиною раза дороже разумной цѣны, тотъ отдастъ товаръ чуть не даромъ. Недавно военное министерство покупало сукно за 60 піастровъ локоть, тогда какъ обыкновенная цѣна точно такого же сукна стоитъ 23 піастра. При такихъ поставкахъ два или три высокостоящiя лица находятъ свои выгоды. Такимъ-то образомъ составляются скандальные богатства нѣкоторыхъ людей, которые начали свою карьеру съ того, что были *чубуками* при нѣкоторыхъ пашахъ. И теперь чубуки Фуада-паша извѣстены тѣмъ, что имѣютъ до семи милiонъ піастровъ капитала. Можно съ достовѣрностью сказать, что онъ не скопилъ этого изъ жалованья. По богатству слуги можно судить о роскоши господина. Отъ продажи только японскихъ вазъ, украшающихъ дачу Фуада-паша, можно бы выручить сотни тысячъ рублей; а извѣстно, что у нынѣшняго великаго визиря нѣтъ богатствъ наследственныхъ, а все только благопрiобрѣтенное.

Англичане теперь въ большомъ почетѣ въ Константинополь и не пропускаютъ ничего, что можетъ подвить ихъ значенiе. Они даже распускаютъ слухи, что Францiя хочетъ паденiя Турцiи, что императоръ Наполеонъ раскаявается въ крымской экспедицiи. «Посмотрите — говорятъ они — что французы надѣлали въ Сирii,

что происходитъ по ихъ наущенію въ Черногорѣ, нѣкогда уже отъясъ, что французское правительство нарочно разрушило удававшійся планъ Мираса. Несмотря однакоже на великую дружбу съ г. Бульверомъ, англійскимъ посланникомъ, или можетъ-быть по случаю этой дружбы, съ нимъ не очень церемонятся: такъ напримѣръ англійскіе подданные никакъ не могутъ выхлопотать исключенія приговоровъ, произнесенныхъ турецкими судами. Одинъ англичанинъ получилъ даже отъ своего посланника письменное удостовѣреніе, что онъ ничего не можетъ сдѣлать. Пациентъ, человѣкъ рѣшительный и упорный, жаловался парламенту, и вотъ уже скоро два года, какъ дѣло его разсматривалось: весь вопросъ въ 4000 фунтовъ стерлинговъ, которые должны ему одинъ важный бой, вѣнчующій руку въ блистательной Портѣ.

Несмотря однакоже на большіе денежные недостатки по всѣмъ отраслямъ управленія, дѣлаются нѣкоторыя расходы, довольно трудныя объяснимыя. Напримѣръ на монетномъ дворѣ дѣлается теперь великолѣпное убранство съ алмазами изъ султанскихъ хранилищъ, въ подарокъ королевѣ Викторіи, по рисунку французскаго художника. Отдѣлка, говорятъ, будетъ великолѣпная, и вся игрушка цѣнится въ 1,300,000 франковъ. Кромѣ того на монетномъ дворѣ дѣлаются золотыя украшенія къ кровати одной изъ любимыхъ султаншъ.

А между тѣмъ война въ Герцеговинѣ и въ Черногорѣ стоитъ казнь много денегъ: неизвѣстно, сколько изъ этихъ денегъ идетъ въ дѣло, но изъ казначейства выходитъ много, не считая того, сколько это стоитъ людей. Но чтоже изъ всего этого выходитъ? Разъ въ недѣлю, обыкновенно по воскресеньямъ, приходить въ Вѣну и въ Петербургъ извѣстія, что Омеръ-паша только что одержалъ блистательную и кровопролитную побѣду надъ черногорцами, причемъ непріатели бѣжали, оставивъ въ рукахъ побѣдителей около тысячи тѣлъ и вдвое больше раненыхъ. Между прочимъ одинъ разъ объявлено было, что взята крѣпость Острогъ, послѣ ужаснаго приступа. Туркофилы торжествовали. Но черезъ нѣсколько дней оказалось, что Дервишъ-паша отступилъ отъ Острога навзадъ къ Бѣльцу; а Бѣлецъ давно уже былъ во власти турокъ. Выходитъ, что и приступъ, и пальба, и взятіе крѣпости, и бѣгство черногорцевъ, и тысячи убитыхъ — все вздоръ. Но любители турокъ увѣряютъ, что это ничего, что они свое возьмутъ, а теперь у нихъ наступили праздники байрама, такъ они собрались только насосудъ попраздновать. Кстати подтвердилось извѣстіе о сраженіи при Васовичахъ, гдѣ разбитъ былъ Гуссейнъ-паша. Потомъ Абду-паша возобновилъ свою попытку вторгнуться въ округи Бѣло-

павать и Шперу, но бѣшь отбѣтъ и отступилъ къ Спуду. Черногорцы такъ завалены: сдѣлами и безъ того непродолиную дорогу, что пройти съ большимъ отрядомъ въ сѣвномъ дѣлѣ невозможно, непрошведя настоящей расчистки. У черногорцевъ подлѣ рудникъ до 35,000 человекъ, и ничего вѣтъ мудреного, что съ такими трудностями пути не справится и тройное турецкое войско: по вѣстоу, какъ легко защищать даже небольшими силами такую дорогу съ препятствіями. Надо ожидать рѣшительныхъ извѣстій послѣ байрана.

Не что бы тогда ни случилось, дѣло въ томъ, что оттоманское правительство не имѣеть понятія о томъ, что оно дѣлаетъ, и не знаетъ истиннаго положенія вещей и по волевой или невольной ошибкѣ продолжаетъ въ Черногорѣ гибельную для себя и для турецкой борьбы. Волкѣ, кто слѣдилъ за оттоманскою политикой въ послѣднее время, именно съ начала возстанія герцеговинскихъ христіанъ, въ этомъ убѣдился безъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Вотъ уже три года, какъ Турція ведетъ дѣятельную войну, а между тѣмъ она не сдѣлала ни одного шагу въ рациональному разрѣшенію замѣшанныхъ тутъ политическихъ интересовъ и интересовъ человѣчества, оскорбительно презираемыхъ. Порта нраву еще не дала себѣ серьезнаго отчета въ томъ, каково ея положеніе относительно христіанскихъ населеній, каковы теперь для нихъ условія существованія, каковы эти условія для самой Порты? Она еще не догадалась, что ей предстоитъ теперь разрѣшеніе социальнаго вопроса, отъ котораго зависитъ ея будущность. Эта общественная сторона вопроса еще не обратила на себя вниманія турецкихъ министровъ, которые смѣняются, а дѣлають всё одно и то же. Въ качествѣ мусульманъ, они видятъ во всемъ происходящемъ только религіозный вопросъ, а ихъ подчиненные, чиновники, знаютъ тутъ вопросъ важный, грабежа, злоупотребленій, насилья, случай обогатиться чрезъ обдѣленіе управляемыхъ населеній, и именно тѣхъ, которыми живетъ государство. Государство, такъ какъ его теперь понимаютъ, какъ оно должно существовать по условіямъ нашего времени, не можетъ опираться на оттоманскій элементъ, отрицающій промышленность, торговлю, науки, искусства, все что составляетъ итогъ вышней цивилизаціи. Оно можетъ рассчитывать только на элементъ христіанскій, столь способный усвоивать себѣ выгоды цивилизаціи и современно развиваться. Чтотъ дѣлаетъ Порта, ослабляя христіанство, разоряя христіанъ? Сама себя губить, иссушаетъ источники своего собственнаго существованія, разоряетъ себя. Можетъ-быть она думаетъ, что въ наше время государство можетъ заботиться о своихъ финансахъ, шедущая

объ общему благосостоянію, объ успѣхахъ промышленности, земледѣлія и торговли, этихъ первыхъ основаній раціональнаго существованія народовъ. Кромѣ очень рѣдкихъ полушаръ, которыя одинаково не исполнялись по безнечности, невѣжеству и корыстолюбію новозинвеловъ, ничего не было сдѣлано въ этомъ смыслѣ по внутреннему управленію; ни одно изъ торжественныхъ обѣщаній не было исполнено въ пользу угнетеннаго народа. Конечно, существуютъ добрыя намѣренія у нѣкоторыхъ высокихъ тамошнихъ чиновниковъ и нередко проявляются въ большихъ перемѣнахъ лицъ провинціальнаго управленія; но измѣненіе лицъ равно ничего не значитъ, когда порядокъ вещей остается прежній, когда остаются и верою, и злоупотребленія. Не изъ всего этого еще не слѣдуетъ, что правительство во время не могутъ поправить такого жалкаго положенія дѣлъ. Напротивъ; но для этого правительство должно убѣждаться, что общественное благосостояніе есть необходимомое основаніе благосостоянія государственнаго и что между понятіями «управлять» и «владѣть» — дѣлая бездна. Эта-то бездна и отдѣляетъ оттоманскую имперію отъ цивилизованной Европы. Исчезнетъ ли когда-нибудь эта бездна — вотъ вопросъ?

Но стремленія къ этому еще невидны. Существуетъ непостижимое озлобленіе, ожесточеніе властей противъ населенія, какъ на-врядъ въ последнее время было въ Бѣлградѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, 15 іюня вечеромъ, въ Бѣлградѣ одинъ турокъ убилъ сербскаго жандарма. Народъ вступился, и сербская полиція подошла довольно скоро для водворенія порядка. Но въ первую минуту турки убили одного офицера изъ сербскихъ жандармовъ, полицейскаго чиновника в шесть рядовыхъ. Пронзнула обща свалка между турецкими жителями и солдатами съ одной стороны, и сербскими жителями и жандармами съ другой. Турки заперли всѣ четверо воротъ города и прервали сообщенія. Послѣ ожесточенной борьбы, сербы отбили трое воротъ, а турецкіе солдаты ушли въ крѣпость. Всю ночь была стрѣльба изъ ружей на передовыхъ укрѣпленіяхъ крѣпости; все населеніе схватилось за оружіе, и только сербскій гарнизонъ не принималъ участія въ дракѣ. Европейскіе консулы всю ночь сносились съ нами и съ министрами, а стрѣльба все продолжалась. Рѣшено было наконецъ, что турецкая полиція и отрядъ, охранявшій одинъ верота, ретируется въ крѣпость; это было исполнено 16 числа утромъ. Спокойствіе такимъ образомъ на время возстановилось. Вдругъ 17 числа утромъ въ девять часовъ турки начали бомбардировать городъ, а съ своей стороны министръ созывалъ на помощь городу сельское населеніе. Видя, что дѣла принимаютъ оборотъ довольно серьезный, австрійскій консулъ началъ хлопотать

прежде всего о перемещеніи, чтобы дать время австрійскимъ подданнымъ оставить городъ на пароходахъ, которые стояли уже съ готовностію. Для этого онъ около полудня отправился въ крѣпость и потребовалъ у пашы прекращенія бомбардировки. Между тѣмъ въ переговорахъ выступили и другіе консулы, и всѣ вмѣстѣ выдвинули обѣщаніе, что бомбардировка не возобновится, если сербы не пойдутъ на крѣпость. Затѣмъ консулы за общую подписью подали пашѣ протестъ противъ бомбардированія города, и вечеромъ получили отвѣтъ, въ которомъ сказано было, что сербы сами вызвали такіе съ его стороны рѣшительныя мѣры, но что впередъ онъ будетъ строго держаться въ оборонительномъ положеніи. Послѣ десяти часовъ раздалось еще нѣсколько пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, но это продолжалось лишь нѣсколько минутъ, и потомъ все затихло.

По точному смыслу положеній послѣдняго парижскаго конгресса, Бѣградъ есть чужой для Турціи городъ, на который не имѣетъ права нападѣть ни одна изъ договорившихся въ Парижѣ державъ, безъ согласія всѣхъ остальныхъ. Не только нападеніе, но и всякое оцѣпательство строго запрещено конгрессомъ. Неуживо быть особенное великимъ дипломатомъ, чтобы понять, что Турція нарушила парижскій трактатъ, произвела настоящее вмѣшательство, такъ какъ бомбардировка есть самое сильное вмѣшательство, какое только можно придумать. Такимъ образомъ турки потеряли совершенно всѣ выгоды, какія давались имъ парижскимъ конгрессомъ. Теперь дѣло великихъ державъ — рассмотреть и рѣшить сообразно съ послѣдними опытами, какое же должно положеніе занимать въ Европѣ турки. Сербское правительство не можетъ теперь удовлетворяться какими уступками вродѣ напимѣръ права суда надъ турками, живущими въ городѣ, или вродѣ запрещенія туркамъ жить въ Бѣградѣ. Полное рабство въ самомъ дѣлѣ лучше постоянной опасности жизни, а пока турки будутъ занимать крѣпость, до тѣхъ поръ весь городъ и дворецъ будутъ непрерывно подъ пушками полудумныхъ фанатиковъ, стало-быть не будетъ ни безопасности, ни спокойствія, и дипломатія съ своей вѣчной насильственной опекой будетъ таготѣть надъ христіанскими населеніями.

За нѣсколько дней до этого, 7 іюня, начался праздникъ курбанъ-байрамъ. Султанъ, какъ глава мусульманства, лично открывалъ это празднество обыкновенною торжественною церемоніей въ мечети султана Ахмеда. Незадолго до восхожденія солнца его величество въ парадной лодкѣ отправился въ свой дворецъ Топ-Капу, гдѣ назначено было собраться всей свитѣ; пока онъ ѣхалъ, пушки съ расцвѣченыхъ флагами кораблей и со всѣхъ босфорскихъ батарей произве-

дали грехотомъ своимъ постоянныя садыты. Потомъ его величество, предшествуемый высшими сановниками двухъ первыхъ классовъ, генералами и министрами, выѣхалъ изъ дворцовыхъ воротъ; высшихъ Баб-уль-Селамъ. Онъ одѣтъ былъ въ великолѣпнѣйшій золотомъ и алмазами казакитъ, съ лентою корсаго класса ордена Османіе. Войско, выстроенное на второмъ дворѣ, достоженными лицами привѣтствовало монарха-первосвященника. Затѣмъ въ мечети султана Ахмеда произошло обычное религіозное торжество. Потомъ его величество возвратился во дворецъ Топ-Капу, гдѣ министры и первые сановники шли честь принести ему поздравленіе. Церемонія эта происходила слѣдующимъ образомъ: его величество, стоя возлѣ трона, принималъ поздравленіе шехъ-уль-ислама, и потомъ сѣлъ на тронъ. Великій визирь и прочіе министры подходили по очереди и совершали обыкновенное поклоненіе. Исключительно великій камероніймейстеръ взялъ одну полу лежавшей на богатомъ табуретѣ султанской мантии, а сановники поочередно поклонялись ей, къ ней прикасались, и проходили мимо его величества. По окончаніи церемоніи султанъ уѣхалъ во дворецъ Долма-Бахче, причѣмъ шествіе сопровождала многочисленная и громкіе салюты съ военныхъ кораблей, стоящихъ на Босфорѣ. Великолѣпная погода благопріятствовала этой церемоніи, при которой присутствовали многіе члены дипломатическаго корпуса и многія другія лица, по особенному для каждаго приглашенію.

Затѣмъ все вошло въ обычный порядокъ и курбанъ-байрамъ начался. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

Итальянскія дѣла

Въ день святыхъ пятидесятницы въ Римѣ было великолѣпное утро, какъ нарочно для приготовлявшейся церемоніи катонизація двадцати-семи японскихъ учениковъ. Процессія должна была начаться въ половинѣ седьмого, а съ шести часовъ на площади церкви св. Петра было уже довольно много зрителей: разные иностранныя священники, монахи и благочестивые люди. Римлянъ мало было видно: они явились большею частью со стульями, скамейками и лимонадомъ, предлагая все это желающимъ. Въ назначенное время началась и процессія. Между двумя рядами французскихъ солдатъ прошло сначала множество монаховъ разныхъ орденовъ, пѣвшихъ нарочно составленныя на этотъ случай канты. Это были именно тѣ ордена, къ которымъ принадлежали мученики. Тутъ же несли три огромныя знамена, съ изображеніями различныхъ мученій. Одно изъ знаменъ оторвалось отъ дерева

и узнало на зрителей. Произошло нѣкоторое смятеніе, но особеннаго вреда не было. После длинной-предлинной вереницы шествовавшихъ монаховъ появились наконецъ епископы и архіепископы, наконецъ и Антонелли, а прямо за нимъ его святѣйшество, несомый дьяконами, на богатомъ тронѣ. Пій IX окруженъ блестящими дворами, имѣеть видъ нѣсколько утомленный, но довольный. Онъ благословляетъ народъ направо и налѣво, хотя площадь и ее половину не наполнена народомъ. Всѣ снимаютъ шляпки, но очесъ немногіе падаютъ на колѣна, какъ это водилось встарину. Никто не кричитъ ура, никто не рукоплещетъ какъ бывало; все происходитъ среди совершенной тишины и равнодушія. Первосвященникъ, стоя самый въ первомъ среди своего двора, ногъ съ нѣкоторою горечью припомнить народныя торжества, бывавшія при его встрѣчкѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Но теперь миліоны итальянцевъ не стануть кричать: да здравствуетъ Пій IX!. Когда папу поднесли къ престолу церкви св. Петра, нѣсколько папскихъ звуковъ, съ звѣрскими омаіоніями, одѣтые въ мусульманскіе костюмы, закричали было: «да здравствуетъ папа-король!» Но это оказалось уже неумѣстнымъ, потому что начиналась религиозная церемонія. Папская торжественная обѣдня отличалась только всѣмъ извѣстнымъ хоромъ пѣвчихъ. По окончаніи обѣдни громогласно прочитаны послѣдніи двадцати семи мучениковъ, и три раза сиропшено было у первосвященника: допускаетъ ли онъ канонизацію японскихъ мучениковъ? По третьему вопросу папа, хранитель ключей, отвѣчалъ утвердительно — и тотчасъ заиграли серебряныя трубы, и затрѣпали пушки съ форта Сант-Анджело, для извѣщенія міру, что знаменитые мученики канонизованы. Вечеромъ всѣ казенныя зданія были иллюминированы.

Полъ предлогомъ этой церемоніи, въ Римъ собрано было множество католическихъ духовныхъ лицъ изъ цѣлой Европы. Въ сущности, для признанія японскихъ мисіонеровъ святыми, никакой не было надобности въ постороннемъ духовенствѣ, такъ какъ вопросъ о канонизаціи разрѣшается окончательно однимъ папой, безъ всякой апеллаціи. Понятно само собою, что умыселъ другой тутъ былъ. Съѣздъ католическаго духовенства въ Римъ есть религиозно-политическая демонстрація въ пользу свѣтской власти папы. Въ какой мѣрѣ это было нужно, видно изъ того, что собравшееся духовенство предположило поднести папѣ адресъ, съ выраженіемъ своего взгляда на свѣтскую власть; такъ для составленія этого адреса, папа самъ выбралъ и назначилъ членовъ комиссіи. Для этого неужно было созывать такую массу духовенства. Нельзя также полагать, что въ этомъ сборѣ были такіе-нибудь корыстники

цѣль; вотъ съ прелатами вѣлялись къ намъ шестаче-десять съ приношеніями и жертвоприношеніями отъ своихъ частей, Его свѣтѣйшество снисходительно принималъ по дюжины прелатовъ съ ихъ свитами и по нѣскольку съ гюльенъ франковъ приносившіи: можно было и по ночтѣ молчать, если не столько же, сколько лично, а около того. Цѣль нужно было произнести торжественную рѣчь, передъ огромными являющъ подчасъ пожелать пожаловаться на тяжелые для католичества времена, излить свою душу, произнести шумный отголосокъ во всѣхъ углахъ земли, гдѣ только исповѣдуются римско-католическая вѣра, и противодѣйствовать единству Италіи. Цѣль достигнута. Вотъ что говорилъ папа:

«Достопочтенные братіе! Вчера мы были глубоко обрадованы тѣмъ, что могли, при помощи божіей, назначить честь и поклоненіе свѣтѣйшъ двадцати-семи безстрашнымъ героямъ вашей религіи, имѣя въ тоже время при себѣ васъ, одаренныхъ столь высокими благочестіемъ и столькими добродѣтелями», и т. д. Потомъ онъ говорилъ противъ ученія атеистовъ, материалистовъ, социалистовъ и коммунистовъ; но для насъ гораздо важнѣе то, что говорилъ о противникахъ свѣтской власти главы католическаго духовенства. «Братіе Бога и людей — говорилъ онъ — осмѣяютъ безчисленными и жестокими оскорбленіями и клеветами служители католической кѣдры въ нашъ апостольскій престолъ; но мы умалчиваемъ объ этомъ. Не станемъ также говорить о мерзостномъ лицемѣрїи, съ какими начальники и спутники этого бунта и безпорядка, особенно въ Италіи, толкуютъ, будто они желаютъ церкви полной свободы, тогда какъ съ святотатственной дерзостью они попираютъ ногами нравы и законы этой церкви, отнимаютъ ея богатства, преслѣдуютъ прелатовъ, исполняющихъ свои обязанности, сажаютъ ихъ въ тюрьмы, насильственно выгоняютъ питомцевъ монастырскихъ орденовъ и дѣтственницъ, посвятившихъ себя Богу... Не станемъ также вспоминать объ ужасающемъ заговорѣ, о грѣховныхъ проискахъ, посредствомъ которыхъ враги Бога и людей сплелся опрокинуть и разрушить свѣтскую власть сего свѣтѣйшаго престола. Лучше вспомнимъ объ удивительномъ единодушіи, съ какимъ вы сами и всѣ достопочтенные прелаты католическаго міра въ письмахъ къ намъ и въ посланіяхъ къ насъ всегда старались раскрыть и опровергнуть это предательство, зная въ тоже время, что свѣтская власть свѣтѣйшаго престола дана римскому первосвященнику въ особенныхъ видахъ провидѣнія, — чтобы римскій первосвященникъ, не будучи подданнымъ никакому государю, никакой свѣтской власти, имѣлъ во всей церкви полноувѣйшую, свободнѣйшую, верховнѣйшую силу и власть, врученную ему Исусомъ Христомъ» и т. д.

- Такимъ образомъ его величество король Виктор-Эммануэль, весь итальянскій парламентъ, Ризазоли и Ратацци и всѣ, кто полагаютъ, что свѣтская власть вовсе не необходима главѣ католическаго духовенства, названы «врагами Бога и людей», и названъ ихъ такимъ образомъ самъ папа, непогрѣшительность котораго составляетъ одинъ изъ догматовъ католическаго ученія. Стало-быть очевидно выходить ересь: всѣ тѣ, къ кому относится папское порицаніе, не вѣрятъ ему, стало быть не вѣрятъ его непогрѣшности.

- Затѣмъ епископы, собравшіеся въ Римѣ (однакоже не всѣ, а большая часть), подписали и поднесли папѣ весьма многословный отвѣтъ на эту рѣчь. Повторяя все то, что онъ говорилъ, оглашаясь своими его словами, они «порицаютъ все что онъ порицалъ», а касательно единства Италіи они выразились еще точнѣе самого папы: «Цреступными дѣйствіями похитителей власти, крадущихъ свободу только покровомъ своей власти», у насъ, свѣтѣйшій отецъ, отобраны провинціи, которыя наслаждались прекраснымъ управленіемъ, подъ покровомъ заботливости свѣтѣйшаго престола и всей церкви. Ваше свѣтѣйшество съ непобѣдимую храбростію противились этимъ наглýmъ насиліямъ, и мы приведемъ вамъ за это жавѣйшую благодарность отъ имени всѣхъ католиковъ. Мы признаемъ, что свѣтская власть свѣтѣйшаго престола есть необходимость, что она очевидно установлена ради особенныхъ предначертаній провидѣнія; мы колеблемся объявляемъ, что въ нынѣшнемъ положеніи человѣческихъ дѣлъ эта свѣтская власть совершенно необходима для блага церкви и для свободнаго управленія человѣческими душами. Кто посмѣетъ отрицать, что при столкновеніи италійскихъ и европейскихъ учреждений Европѣ необходимъ священный центръ, лежащій между тремя материками стараго свѣта, откуда раздавался бы для народовъ и для государей голосъ великій и могучій, голосъ справедливости и свободы?..»

Но довольно. Остальное все въ такомъ же родѣ, такъ что весь отвѣтъ епископовъ никакъ не могъ понравиться членамъ итальянской палаты депутатовъ. Они отвѣчали на этотъ отвѣтъ адресомъ королю, слѣдующаго содержания:

«Государы Епископы, большею частью не итальянцы, собравшіеся въ Римѣ для религіознаго торжества, покрыли наше отечество оскорбленіями тѣмъ болѣе тягостными, что они заключаютъ въ себѣ отрицаніе нашего національнаго права и носятъ на себѣ отпечатокъ иноземнаго насилія. На это слышанное ученіе, которое хочетъ сдѣлать Римъ невольникомъ всего католичества и объявляетъ цѣли религіи несогласными съ независимостью нашего полуострова, мы отвѣчаемъ, государь, стѣсналась воиругъ васъ и обя-

являя передъ лицомъ итальянцевъ и римлянъ, что мы рѣшились сохранить неприкосновеннымъ право націи и ея столицы, которая теперь силою держится подъ ненавистнымъ для нея управленіемъ. Мы будемъ вдохновляться, государь, неодолимымъ постоянствомъ, котораго великій примѣръ вы всегда подавали нашему отечеству и міру; врагамъ нашимъ, кто бы они ни были, мы противопоставимъ спокойное довѣріе итальянскаго народа къ справедливости его дѣла, вѣру въ дѣйствительность его либеральныхъ учреждений, въ храбрость его войска и всѣхъ жителей, готовыхъ принять съ вами участіе въ національныхъ битвахъ, и въ особенности, государь, въ наше мужество, въ вашу правдивость, въ уваженіе, какимъ всюду пользуется ваше имя. По этимъ причинамъ, въ виду положенія, принятаго итальянскимъ народомъ, общее мнѣніе цивилизованныхъ народовъ допускаетъ Италію въ число націй, распоряжающихся собою самостоятельно. Убѣжденные въ томъ, что съ нами всѣ принадлежащіе по праву или по стремленіямъ къ итальянской семьѣ, мы увѣрены, что недалеко то время, когда рушатся преграды, до сихъ поръ препятствующія Риму стать нашею столицей. Слова, произнесенныя на дняхъ въ Ватиканѣ показываютъ, что невозможны дипломатическія средства примиренія существенныхъ правъ Италіи и ватиканской короны съ свѣтскою властью, разоряющею Римъ. Но слова эти насъ не обескураживаютъ. А теперь, такъ какъ иностранные прелаты, мало заботящіеся о чисто-религіозномъ и духовномъ свойствѣ своего великаго призванія, такъ торжественно проповѣдуютъ политическую реакцію; такъ какъ изъ провинцій, управляемыхъ именемъ папы, злодѣи вносятъ разореніе въ южныя провинціи королевства, — Европа должна наконецъ убѣдиться, что только ваша власть, государь, и сила законовъ свободнаго народа могутъ дать мирный исходъ римскому вопросу и избавить Италію и Европу отъ этихъ безпорядковъ, отъ этого столкновенія властей, которое смущаетъ совѣсти и подвергаетъ опасности общій миръ.»

А папа съ своей стороны страшается тѣмъ, что собравши епископовъ какъ можно больше, онъ вмѣстѣ съ ними уйдетъ изъ Рима въ Чивита-Веккію. На корабль онъ намѣревался съѣхать съ двѣнадцатымъ кардиналами и переѣхать съ ними въ какое-нибудь приморское мѣстечко въ Испанія. По всѣмъ вѣроятностямъ проектъ этотъ никогда бы не исполнился, но покрайней-мѣрѣ слухъ о немъ былъ пущенъ подъ рукою.

Какъ бы то нибыло, слѣдуетъ заключить, что покамѣстъ нельзя ждать въ Римѣ никакихъ благопріятныхъ для итальянскаго дѣла перемѣнъ, несмотря даже на пріѣздъ туда новаго французскаго по-

сланника де-Лавалетта, котораго съ такимъ терпѣніемъ ждали друзья итальянскаго единства.

Въ Италіи только-что уговорилось (если только уговорилось) дѣло объ арестованіи волонтеровъ, собиравшихся пробраться въ Тироль и начать войну съ Австріей. Въ дѣлѣ этомъ, какъ читатели помнятъ, сильно замѣшано имя Гарибальди, который хотѣлъ все взять на себя и чуть не требовалъ, чтобы и его тоже арестовали, или выпустили бы всѣхъ арестованныхъ. Правительство конечно не сдѣлало этого, не послушалось Гарибальди, и реакціонеры очень этому обрадовались: они рассчитывали, что отъ этого обаяніе имени народнаго вождя упадетъ въ цѣнѣ, потеряетъ прежнее значеніе. Какъ же была ихъ радость, когда вдобавокъ въ дѣлѣ вербованія этихъ арестованныхъ волонтеровъ по слѣдствію стали открываться разныя грязныя вещи, безчестныя поступки, когда прошелъ даже слухъ, что съ этою вербовкою находится въ связи огромная кража, произведенная у одного генуэзскаго банкира. Конечно! урлопало волшебство имени Гарибальди, исчезло электризирующее его дѣйствіе! Но на дѣлѣ ничего этого небыло. Для народа значеніе Гарибальди ничѣмъ не можетъ быть уменьшено, никакое пятно къ нему не пристанетъ. Это потому, что Гарибальди почти-что не человекъ: это символъ. Онъ представляетъ свободу и единство Италіи, о чемъ люди мечтаютъ уже тридцать лѣтъ, о чемъ теперь только и рѣчи, что чуть не завтра исполнится. Но эта умственная истина еще не составляетъ дѣйствительности, и потому ей необходимо воплощеніе. Это-то воплощеніе и есть Гарибальди.

Поэтому, пока единство Италіи еще не совершилось, пока переноротъ не поконченъ, что бы Гарибальди ни говорилъ неблагоразумнаго въ смыслѣ оффиціальной политики, какъ бы онъ опростачно ни бралъ на себя поступки, которыхъ суцность ему вовсе неизвѣстна, еслибы даже онъ могъ совершить что-нибудь преступное — народъ ничего не увидитъ, ни услышитъ. Народъ ничего не знаетъ и звать ничего не хочетъ, кромѣ того, что единство Италіи должно быть сдѣлано, и сдѣлаетъ его Гарибальди. Не спрашивайте у народа, какими средствами, ловкостью или силой Гарибальде одолѣетъ недоброжелательство дипломатіи и сопротивленіе войскъ. Народъ до этого не доходитъ; онъ вѣритъ, и не имѣетъ надобности ни въ разсужденіи, ни въ разборѣ своихъ вѣрованій. И еслибы кто сомнѣвался, что эта вѣра осталась нетронутою, тотъ можетъ посмотрѣть, какъ народъ встрѣчаетъ своего героя. Тотъ же восторгъ, что и прежде, только можетъ-быть открытѣе и дружелюбнѣе прежняго. Гарибальди всходитъ на парохоль, чтобы ѣхать въ Локкарно — и вдоль береговъ озера, мимо которыхъ парохоль идетъ,

народъ сбѣгается и въ неопредѣленномъ восторгѣ кричитъ ура! Тамъ гдѣ пароходъ останавливается, чтобы взять письма или пассажировъ, всѣ до одной лодки отчаливаютъ отъ берега, нагруженные народомъ, чтобы только поближе быть къ герою; если пароходъ пристаетъ къ берегу, то палуба наполняется народомъ; если останавливается поодаль, в лодкѣ мало, то люди выдаютъ вплавь. Въ Докарно земля уже не итальянская, но духъ совершенно итальянскій. Приемъ тотъ же, тѣже восторги и обѣщанія слѣдовать за нимъ всюду, куда онъ ихъ поведетъ судьбы народовъ. Мужчины обнимаютъ его и плачутъ, женщины бросаютъ ему поцѣлуи и слезы. Конечно, все это почти смѣшно, однако это величественно, потому что внушено самымъ истиннымъ энтузіазмомъ. послѣ подобныхъ демонстрацій, итальянскому правительству приходится опять попрежнему принимать во вниманіе Гарибальди. А передъ тѣмъ только г. Ратацци говорилъ съ сожалѣніемъ, искреннимъ или притворнымъ, что Гарибальди изнашивается въ неблагоприятныхъ и безплодныхъ попыткахъ, что онъ попусту тратитъ свои двигательныя силы, столь необходимыя для итальянскаго дѣла. Но г. Ратацци можетъ вполне успокоиться: Гарибальди износиться не можетъ.

Послѣ извѣстнаго всѣмъ ареста волонтеровъ всѣ ожидали, что Гарибальди пріѣдетъ въ Туринъ объяснить по своему дѣлу въ парламентъ; но онъ не пріѣхалъ, а прислалъ письмо на имя президента.

«Достопочтенный президентъ! Въ то время какъ палата депутатовъ снова начинаетъ свои занятія, я считаю своею обязанностью дать своимъ товарищамъ нѣкоторыя объясненія касательно моего личнаго участія въ общественныя дѣла. Я оставилъ Капреру по призыву министра Риказоди, который какъ-будто серьезно хотѣлъ заняться народнымъ вооруженіемъ. Новое министерство, образовавшееся вкорѣ послѣ прибытія моего на материкъ, удержало за мною порученіе устроить упражненія въ прицѣльной стрѣльбѣ; сверхъ того оно дало мнѣ весьма большія надежды, что станеть энергически дѣйствовать для окончанія устройства Италіи единой и нераздѣльной, какою она провозглашена общемою подачею голосовъ. Данныя обѣщанія были на пути къ исполненію, посредствомъ учрежденія двухъ генуэзскихъ карабинерныхъ батальоновъ, которыхъ начальство было вѣрено офицеру, пользующемуся моимъ полнымъ довѣріемъ. Только что прополъ слухъ объ этомъ формированіи, какъ великодушные молодые люди съѣхались изъ всѣхъ провинцій Италіи записываться на службу въ

Генуѣ. Когда это было отмѣнено, то лица, имѣвшія достаточныя средства, воротились на родину. Осталось нѣсколько сотъ чело-вѣкъ, которымъ очень не хотѣлось возвращаться въ семейство, потому ли, что имъ трудно было рѣшиться опять ничего не дѣлать, или потому, что покинувъ свои промыслы, они потеряли средства къ существованію. Я посоветовалъ этимъ великодушнымъ молодымъ людямъ поселиться въ нѣсколькихъ мѣстахъ мирной Ломбардіи, гдѣ на содержаніе ихъ достаточны были приношенія добрыхъ гражданъ, а между тѣмъ они упражнялись бы въ дѣйствиіи оружіемъ, въ ожиданіи будущихъ событій. Правительство сдѣлало несчастную ошибку относительно цѣли этихъ сконищъ. Молодые люди взяты безъ оружія, не давая ни малѣйшаго повода къ подозрѣнію въ беспорядкахъ, и до сихъ поръ почти всѣ сидятъ въ тюрьмахъ и судятся, и виѣстѣ съ ними полковникъ Нулло, олимпъ изъ офицеровъ, наиболѣе отличившихся въ бывшей южной арміи. Газеты, обыкновенно представляющія правительственныя мысли, объясняли аресты предположенною будто-бы экспедиціею въ Тироль. Это совершенно ложно. Мысль объ этой экспедиціи — пустой сонъ. Молодые люди упражнялись въ стрѣльбѣ, и захваченное оружіе необходимо имъ было именно для этого упражненія. Товарищи мои поймутъ, какъ прискорбны мнѣ были печальные факты, послѣдовавшіе за этими несправедливыми подозрѣніями. Парламентъ долженъ исправить эту ужасную ошибку. Мы кричимъ на всѣ четыре стороны: «Италія и Викторъ-Эммануилъ!» и нынче вочтобы то вистало кричимъ тоже самое. Горе тому, кто посягнетъ на мысль освобожденія! Горе тому, кто захочетъ отдѣлать короля отъ народа, націю отъ войска!.. Но чтобы соединеніе короля и націи было истинно спасительное, чтобы соединить въ одно цѣлое и сдѣлать неодолимыми силы войска и народа, необходимо довершить столь давно желаемое вооруженіе. Швейцарія и Пруссія могутъ же въ военное время выставить подъ ружье болѣе 15% своего населенія. Дайте свободнымъ гражданамъ Италіи, тѣсно соединеннымъ вокругъ лоблестваго своего монарха, такое же устройство, какъ въ Швейцаріи и въ Пруссіи, и вы разомъ избавите корону и народъ отъ всякаго незаконнаго вліанія. И тогда можетъ-быть, непроливая снова крови, однимъ нравственнымъ вліаніемъ короля, опирающагося на всѣ живыя силы націи, исполнятся наши пламенныя желанія: Италія будетъ една, подъ конституціоннымъ скипетромъ Викторъ-Эммануила. Иначе Италія не можетъ успокоиться. Она стремится къ единенію, какъ всякое тѣло стремится къ центру земли. Лихорадочное, востоянно возрастающее волненіе, побуждаетъ нашу молодежь къ исполненію великаго

дѣла. Бездѣйствіе — не лекарьство противъ зла; оно источникъ всевозможныхъ безпорядковъ.

Завязалось преніе объ арестѣ волонтеровъ и о стрѣльбѣ въ народъ, хотѣвшій освободить арестантовъ. Многіе ораторы говорили весьма хорошо за и противъ министерства. Говорили, будто министерство само вызывало вооруженіе, само поощряло надежды на возможность волонтерской экспедиціи, и для эгой будто бы дѣла организовала генуэзскіе карабинерные батальоны, и потомъ само арестовало приготовившихся волонтеровъ. Дѣло приняло важность министерскаго вопроса. Особенно горячо говорилъ депутатъ Криспи, но поразительно хорошо своею душевною ясностью и прямою Биксіо, другъ и сподвижникъ Гарибальди, говорящій обыкновенно отрывисто, безъ явной связи, но всегда краснорѣчиво, потому что всегда отъ души. Онъ сказалъ, что особенно два факта говорятъ въ пользу правительства: именно что генуэзскіе карабинеры организовались собственно для дѣйствія противъ неаполитанскихъ разбойниковъ, и что правительство при немъ требовало чрезъ полковника Менотти отъ Гарибальди честнаго слова, которымъ онъ обязывался не принимать участія ни въ какой другой экспедиціи безъ его согласія. Онъ прибавилъ, что еслибъ онъ самъ былъ министромъ, чего конечно никогда не будетъ, то онъ точно также не хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь бралъ на себя его права и обязанности. Но аресты въ Сарнико были произведены незаконно. Это ложь, будто арестованные захвачены съ оружіемъ въ рукахъ. Затѣмъ все сказанное г. Криспи кажется мнѣ неправдоподобнымъ, и неправда даже, что онъ говорилъ очень искусно. Онъ хочетъ увѣрить насъ, будто генераль Гарибальди принадлежитъ къ той или другой партіи. Этого нѣтъ. Гарибальди не принадлежитъ ни къ какой партіи. (Браво!) Этого нѣтъ, это не должно быть, этого не будетъ; есть одна партія, которая считаетъ, будто Гарибальди съ нею; но придетъ время, Гарибальди оставитъ се съ аршиннымъ носомъ. (Общій смѣхъ.) Кромѣ того я долженъ прямо сказать, что министръ Депретисъ не получилъ никакихъ признаній касательно предполагавшейся экспедиціи. Я говорю это потому, что мой другъ Гверцони въ письмѣ болѣе великодушномъ, чѣмъ благоразумномъ, далъ нѣкоторымъ газетамъ поводъ полагать, что министръ Депретисъ зналъ объ этомъ проектѣ. Этого не было. Гверцони узналъ это черезъ меня; я сказалъ Гарибальди, что ни слова не скажу г. Депретису: его министерское положеніе мѣшало такой откровенности. Вотъ вамъ суцая правда. (Рукоплесканія.)

На другой день, 5 числа, не было сказано ничего замѣчательнаго. Ораторы держали пышныя, многословныя, безконечно-длиныя

рѣчи о единствѣ Италіи, о томъ, что Италія — нація свободная, что ей нужна нравственная поддержка Европы и т. д. Потомъ, 6 іюня, было засѣданіе очень шумное. Кристи все-таки продолжалъ утверждать, что правительство знало о предположенной экспедиціи и подъ рукою поощряло ее. «Но какъ-же, некая назначенія экспедиція, правительство разрѣшало ее? Не затѣмъ ли можетъ-быть, чтобы потомъ выселить волонтеровъ въ Африку или въ Америку, чтобы цивилизовать эти страны? (Шумъ.) Я утверждаю, что когда правительству предложена была экспедиція, оно въ сущности отъвѣчало: Дѣлайте; я не должно ничего знать. («Нѣтъ! нѣтъ!» Ропотъ и возраженія.) Я утверждаю и повторяю, что правительство очень хорошо знало объ экспедиціи. (Шумъ и возраженія.) Правда, что г. Биксио отклонилъ...

Г. Биксио, энергически. Я ничего не отклонялъ. (Продолжительный шумъ и возраженія.)

Г. Кристи. Пожалуста потише. Дайте мнѣ говорить. *Г. Биксио* самъ признается, что отклонилъ порученіе уведомить обо всемъ министра; но вышло другое лицо, которое согласилось...

Многіе голоса. Назовите, кто?

Г. Кристи. Назначьте парламентское слѣдствіе, и все узнаете. («О! о!» Продолжительный ропотъ.) Непробуйте слѣдствіе: въ немъ много хорошаго. Напримѣръ слѣдствіе по дѣлу нисемъ: оно открыло много...

Г. Министры произносятъ вѣсколько словъ, которыя нельзя разслышать.

Г. Кристи. Я никого не обвиняю; но навѣрно слѣдствіе было бы въ этомъ дѣлѣ полезно. Назначьте слѣдствіе. Если у министерства совѣтъ чѣта, то оно выйдетъ изъ слѣдствія сильнѣе вреднаго. *Г. Кьявесь* сказалъ, что я сдѣлался доносчикомъ на своего соучастника, потому что кабинетъ мой соучастникъ. А чтоже сказать о томъ, кто на другой день послѣ заговора надѣваетъ мундиръ, арестуетъ и обвиняетъ своихъ единомышленниковъ? Такъ поступило правительство въ дѣлѣ арестовъ въ Сарнико. (Шумъ.) Впрочемъ я утверждаю, что мнѣ не было довѣрено то, что я говорю теперь о министерствѣ; я узналъ это самъ. — Далѣе, говоря о правой сторонѣ, ораторъ сказалъ: — Вы сильны числомъ, но слабы убѣжденіями. (Шумъ.) Нѣтъ согласія между вами.

Многіе голоса. Неправда, неправда! Мы согласны!

Г. Кристи. Чего вамъ и желаю. Но во всякомъ случаѣ министерству не выбратся изъ нынѣшнихъ затрудненій иначе, какъ распустивъ палату.

Г. Биксио. (Когда онъ хочетъ говорить, замѣтно общее движеніе

виданія. Шумъ утихаетъ.) Я жалѣю тутъ двѣ вещи и крѣпко ихъ порицаю: преувеличенное самолюбіе г. Криспи, и повсденіе префектовъ Бергамо и Брешиа, равно какъ и поступки секретаря министра внутреннихъ дѣлъ. Правительство должно бы принять прошеніе объ отставкѣ, поданное префектомъ Брешиа. — Но такъ и быть, скажу еще, и скажу всю сущую, истинную правду; но ничего, будьте покойны, я не выйду изъ предѣловъ благоразумія. Я сказалъ, что министерству предложена была экспедиція, и именно президенту совѣта; а кто сдѣлалъ предложеніе, такъ это изволите-видѣть я. (Слушайте, слушайте!) Да, чортъ возьми! Вся Европа въ заговорѣ противъ насъ; отчего бы и намъ не дѣлать заговоровъ? (Смѣхъ, одобреніе.) Я имѣю полную и совершенную вѣру въ Гарибальди; а Гарибальди думалъ, что можно кое-что сдѣлать съ этой стороны; а же счелъ долгомъ быть посредникомъ между нимъ и президентомъ совѣта. Нечего сказывать, на который пунктъ направлялась экспедиція. (Смѣхъ.) Во всякомъ случаѣ я долженъ объявить, что послѣ продолжительнаго спора президентъ совѣта министровъ отказалъ наотрѣзъ. Надо даже сказать, что онъ началъ съ того, что отказалъ. (Смѣхъ.) Чтоже касается до министра Депретиса, то я скажу слово въ слово тоже, что говорилъ третьяго дня. Экспедиція могла быть удачна; а это думаю въ самомъ дѣлѣ, и я готовъ уже былъ подать въ отставку и ѣхать, а когда человекъ готовъ это сдѣлать и бросить семью, то значить, что у него есть вѣра. (Браво!) Я не хотѣлъ взять на себя ответственности назначить экспедицію, но готовъ былъ кинуться всюду, куда меня ни пошлютъ. Скажутъ, что я фаталистъ? Пусть скажутъ. Я ужъ такой: всегда готовъ исполнить приказанія Гарибальди. Говорю это въ отвѣтъ г. Криспи, который увѣрялъ, будто я хотѣлъ ретироваться...

Г. Криспи. Не то!

Г. Биксио. Хорошо. Если правительство отпустило вѣсколько денегъ, то оно знаетъ на какое дѣло. Впрочемъ, нельзя допустить, чтобы задумана была экспедиція въ Тироль: это было бы слишкомъ безумная попытка. Вотъ почему я порицаю аресты въ Сарнико: секретарь министра внутреннихъ дѣлъ ошибся. Было тамъ, говорятъ, оружіе. Да господи-боже мой! оружіе теперь вездѣ! Арестуютъ людей, а потомъ г. Чезаро — не знаю кто его пожаловалъ въ герцоги — (смѣхъ) догадывается послать арестантовъ именно въ Брешию, гдѣ Шулло пользуется большою любовью жителей, и запираетъ ихъ въ первую тюрьму, какая попалась. Не хочу говорить о печальномъ событіи, бывшемъ передъ тюрьмой. Кто тутъ виноватъ? Никто! Можетъ-быть случай, судьба. (Здѣсь ораторъ рассказываетъ, какъ въ Реджіо, въ Калабріи, отрядъ гарибальдійцевъ выстрѣлилъ неизвестно

для чего и чуть не убилъ своего преловителя.) Г. Криспи говоритъ, будто Гарибальди написалъ свое письмо въ потачку правительству. Онъ былъ раздражонъ и наговорилъ вещей, способныхъ повстать несогласіе. Надо умѣть молчать. Г. Криспи не зналъ ничего обстоятельно. Онъ и не видѣлъ въ послѣднее время Гарибальди. Но что же за причина могла толкнуть г. Криспи по этому пути? — Очень просто: преувеличенное самолюбіе. Я очень уважаю и люблю г. Криспи; но сицилійцы уже все такіе. Когда затронуто ихъ самолюбіе, то они готовы поджечь цѣлый свѣтъ со всехъ четырехъ угловъ. (Общій смѣхъ; г. Криспи тоже смѣется.) Поэтому я приглашаю г. Криспи взять назадъ все его обвиненія и не требовать слѣдствія, потому что мнѣ, Биксіо, все совершенно извѣстно. Еслибы надо было выдумывать факты для защиты правительства, то я готовъ выдумать; но наобности нѣтъ. Я не подамъ голоса въ пользу довѣрія правительству, потому что есть вещи, которыя могло бы оно сдѣлать гораздо лучше, нежели сдѣлало. Такъ на примѣръ этого герцога д'Эзаро (префектъ въ Брешии) я послалъ бы на примѣръ въ Каролинскій архипелагъ... (Общій смѣхъ...) Не слѣдуетъ такъ презирно боятся Австріи. Если у нея есть четырёхугольникъ, то у насъ шестиугольникъ, вотъ что! (Браво!) И если мы еще не довольно сильны, чтобы объявить войну, то на защиту себя силъ хватить. А я, такъ просто я вамъ объявляю, что ежели въ одной изъ провинцій, которыя теперь въ неволѣ, вспыхнетъ возстаніе, то я буду считать себя полцекомъ, если не приму въ немъ участія. (Браво!) Пусть же успокоятся Криспи и возьметъ назадъ свое предложеніе о назначеніи слѣдствія.»

Послѣ этого засѣданіе продолжалось не долго. Президентъ для нѣкоторыхъ объясненія, сказалъ, что генералу Гарибальди послано было сначала 5,000, а потомъ еще 6,000 франковъ на путевыя издержки и на устройство стрѣлковыхъ обществъ. Затѣмъ палата большинствомъ 189 голосовъ противъ 33 положила, что она одобряетъ все сдѣланное министерствомъ, и надѣется, что оно и впредь, опираясь на законы, будетъ поддерживать права правительства и парламента».

Въ послѣднее время итальянское правительство сдѣлало чрезвычайно важный и выгодный для себя шагъ: условилось о постройкѣ большого количества желѣзныхъ дорогъ съ обществомъ Ротшильда и Талабо. Большая линія будетъ отъ Анконы по берегу Адриатическаго моря до Отрашто. Другая линія — отъ Фоджии, черезъ Неаполь, въ Салерно; третья отъ Чепрано до Пескары, и четвертая отъ Брешии до Вогеры, черезъ Кремону и Павію. Постройка должна быть произведена очень быстро. Условія довольно обыкновенныя: прави-

тельство ручается за известную выручку съ каждой перстыль годъ, и въ случаѣ недобора доплачивается, и т. д. Но между условіями одно намъ показалось очень выгоднымъ и важнымъ. Общество обязалось основать въ Неаполѣ большое учрежденіе для постройки по крайней мѣрѣ половины всѣхъ локомотивовъ и всего подвижного состава. По окончаніи сѣти это учрежденіе должно быть увеличено въ такомъ объемѣ, чтобы быть вполне достаточнымъ для могущаго потребоваться увеличенія и возобновленія машинъ и вагоновъ.

Принерженцы такъ-называемой свободной торговли скажутъ, что это условіе совершенно лишнее, что ежели въ странѣ нѣтъ фабрикъ и мануфактуръ, то заботиться о заведеніи ихъ никакой нѣтъ надобности. Пусть, говорятъ они, страна мануфактурная дѣлаетъ машины, свободно привозить ихъ въ страну земледѣльческую, которая за это, неутруждая своей головы, будетъ платить сырыми продуктами, напримѣръ апельсинами или хлѣбомъ. Но въ такомъ случаѣ, точно также если въ странѣ нѣтъ школъ и высшихъ учебныхъ заведеній, то нѣтъ надобности заботиться о заведеніи ихъ; а пусть страна ученая доставляетъ въ земледѣльческую страну сколько потребуется ученыхъ, а земледѣльческая будетъ платить имъ хлѣбомъ. Для страны, развивающейся правильно, органически, точно такъ же необходимо просвѣщеніе, какъ и промышленность, какъ и земледѣліе и торговля, какъ неизбежныя функціи одного организма. Государству нѣтъ возможности существовать безъ просвѣщенія и безъ учебныхъ людей, какъ нѣтъ возможности вѣдѣльному существовать безъ одного изъ важныхъ органовъ, напримѣръ безъ мозга, и еслибы возможенъ былъ такой человѣкъ, то онъ былъ бы жалкимъ подобіемъ человѣка и вѣчнымъ чернорабочимъ, машинной. Точно также государство не можетъ существовать нормальнымъ образомъ и безъ остальныхъ органовъ, составляющихъ основаніе такъ-сказать жизни (1).

Прусскія дѣла

Читатели помнятъ очень хорошо, какъ и подъ какимъ предлогомъ распущена была прусская палата представителей. Тогда представителямъ небыло ни времени, ни повода объяснять свои убѣжденія, а теперь, собравшись снова, они прежде всего занялись этимъ. Вотъ ихъ адресъ королю:

(1) Но «Время» когда-нибудь въ другой разъ изложитъ свой взглядъ на свободу торговли и на другіе политико-экономическіе вопросы. Хотя этотъ предметъ и находится въ связи съ «Политическимъ обозрѣніемъ», но по обширности своей онъ требуетъ отдѣльной статьи или цѣлаго ряда статей.

«Государь! Въ началѣ нашихъ совѣщаній царица императрица, вѣрность престолу и сильное желаніе народа возлагають на насъ обязанность представить вашему величеству съ честною откровенностью и съ глубочайшимъ уваженіемъ наши убѣжденія касательно нынѣшняго положенія страны. Мы обязаны прежде всего объявить, что среди всего движенія послѣднихъ мѣсяцевъ уваженіе и преданность монархіи оставалась непоколебимою основою всѣхъ стремленій націй, и что въ чистотѣ и въ горячности этого чувства ни одна часть населенія, ни одна изъ провинцій, ни одна изъ политическихъ партій не отстаётъ отъ другихъ. Прусскій народъ составляетъ одно съ своимъ королемъ, и желаетъ навсегда такъ остаться. Послѣ торговымъ военнымъ предложенія и нѣкоторое колебаніе касательно будущей политики Пруссіи нѣкоторое время занимали умы, внезапное распущеніе палаты депутатовъ и преобразование министерства случились въ такихъ обстоятельствахъ, которыя оставили страну въ неувѣренности объ истинныхъ поводахъ переворота. Потомъ явился отъ новаго министерства и другихъ властей избирательные циркуляры, которыми участіе чиновниковъ въ избирательномъ движеніи не только было ограничено, и не только во многихъ мѣстахъ производилось незаконное давленіе на другихъ гражданъ государства, но къ борьбѣ партій прицѣплено было высокопочтенное имя вашего величества и между королевскою властью и парламентомъ постановленъ былъ противный конституціи антагонизмъ. Утвержденіе, будто большинство народныхъ представителей, а стало-быть и большинство прусскихъ избирателей можетъ быть противъ короля — не можетъ быть допущено. Это противорѣчитъ соединенію короны и страны, твердо укрѣпленному историческимъ развитіемъ націй. Это противно народному чувству правды и законности, а народъ знаетъ очень хорошо, что и онъ самъ, и его представители весьма далеки отъ такихъ опасныхъ мыслей. Говорить это — значитъ не знать глубоко врожденнаго народу монархическаго характера, въ который королевская власть пустила свои могучіе корни. Прусскій народъ не хочетъ быть подозрѣваемъ въ превратныхъ революціонныхъ стремленіяхъ, въ анархическихъ нападкахъ на то что существуетъ, особенно на конституціонную королевскую власть. Мы почтливѣе просимъ ваше королевское величество не находить противорѣчій между восторженною всегдашнею любовью страны къ вашему величеству и результатами выборовъ, которые безъ сомнѣнія направлены были противъ нѣкоторыхъ видовъ и мѣръ королевскаго правительства. Въ умахъ не существуетъ опаснаго раздраженія. Прусскій народъ не перемѣнился. Къ своей старинной преданности престолу онъ присоединилъ твердую и разумную привязанность къ

своимъ конституціоннымъ правамъ. Онъ пламенно желаетъ обновленія законовъ, необходимыхъ для довершенія вашей конституціи и болѣе возвышеннаго развитія народныхъ силъ; онъ желаетъ удаленія изъ государства и изъ школъ іерархическихъ и иезуитскихъ вліяній; онъ желаетъ, чтобы конституціоннымъ порядкомъ прекратилось сопротивленіе, которое до сихъ поръ оказывается требованіямъ такого рода одною изъ законодательныхъ властей. Далека отъ насъ мысль вмѣшиваться въ права короны. Мы не умѣемъ лучшую оказать этимъ правамъ опору, лучше ихъ обезпечить, какъ съ глубочайшимъ уваженіемъ выразивъ вашему величеству убѣжденіе, что никакое правительство, которое стало бы въ этихъ пунктахъ противиться нуждамъ страны, неспособно служить интересамъ короны и страны, именно въ Пруссіи, гдѣ вся сила опирается на нравственную энергію, на восторженную преданность народа. Въ твердой убѣжденіи, что только въ этомъ направленіи приложима истинно-охранительная и монархическая политика, мы обращаемъ къ отеческому сердцу вашего величества почтительнѣйшую просьбу посредствомъ великодушнаго снисхожденія къ народнымъ желаніямъ обезпечить внутренній миръ вашего вѣрнаго народа и приготовить чрезъ полное согласіе правительства съ народомъ новую славу и еще болѣе великую будущность августѣйшему дому вашего величества и отечеству.»

Король принялъ адресъ и депутацію, подносившую его, очень сухо. Онъ вошелъ въ залъ; депутація, съ выраженіемъ подлежащаго почтенія, поклонилась, и король слегка кивнулъ головою. Президентъ Грабовъ выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ и попросилъ позволенія прочесть адресъ. Король сдѣлалъ головою утвердительный знакъ, и г. Грабовъ прочелъ, голосомъ взволнованнымъ и выразительнымъ; при чтеніи главныхъ мѣстъ, голосъ его дрожалъ отъ волненія. Отъ такого чтенія адресъ еще выигралъ: слышно было, что воззваніе къ «отеческому сердцу» короля исходило отъ сердца. Но впечатлѣніе, произведенное на короля, было довольно неожиданно: когда читалось мѣсто объ ограниченіи свободы выборовъ и о незаконномъ давленіи на избирателей, его величество сомнительно и отрицательно покачалъ головою. Король потомъ быстро прочелъ свой отвѣтъ, слегка кивнулъ головою и ушелъ во внутренніе покои, прежде нежели Грабовъ успѣлъ поднести ему адресъ. Небыло и представленія депутаціи, какъ водится обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ. Этого впрочемъ надо было ожидать, такъ какъ король заранѣе потребовалъ списокъ депутатовъ. Г. Грабовъ передалъ адресъ гофмаршалу, а королевскій отвѣтъ, написанный цѣликомъ рукою короля, принялъ отъ

министра финансовъ. Депутація удалась въ траурномъ расположеніи духа.

Такимъ образомъ неблагонамѣренные люди посѣяли несогласіе между королемъ и представителями народа. Все дѣло произошло, какъ помнятъ читатели, изъ-за количества войска, какое угодно содержать военному министру. А теперь, имѣя дѣло съ возобновленною палатой, гдѣ очень ограниченное число преданныхъ министерству членовъ, министры ведутъ себя чрезвычайно уступчиво, все въ надеждѣ, что ихъ военный проектъ пройдетъ благополучно. Но едвали они не ошибаются. Оскорбленная палата съ своей стороны ведетъ себя тоже чрезвычайно выдержанно, и принимая всѣ теперешнія уступки, повидимому готовится поддержать прежнее свое мнѣніе относительно военной смѣты. Въ началѣ еще, перелѣ самыми преніями объ адресѣ, министръ фонъ-деръ-Гейдтъ уже началъ оправдываться, говорилъ, что министерство въ своихъ циркулярахъ никогда не изъявляло подозрѣнія въ томъ, будтобы избиратели враждебны коронѣ, а что отстаивая права короны, оно только исполняло священнѣйшую свою обязанность. Но достопочтенный министръ самъ не замѣчаетъ противорѣчія въ своихъ словахъ: есть ли надобность отстаивать что-нибудь такое, противъ чего никто не враждуетъ? Дѣло въ томъ, что министерство отстаивало свои, а не коронныя права, и въ своихъ циркулярахъ дѣйствительно выражало антагонизмъ между представителями народа и королемъ. Потомъ онъ говорилъ еще, что несправда, будто избирательныя права чиновниковъ были стѣснены, тогда какъ два мѣсяца тому назадъ мы помѣстили на этихъ страницахъ циркуляръ, въ которомъ чуть не прямо говорилось, что служащему правительству чиновнику неприлично и никакъ не подобаетъ вмѣшиваться въ избирательныя волненія.

И нельзя было министерству не говорить противъ адреса. Въ немъ съ большою ясностью, хотя и въ весьма почтительной формѣ, изложено, что палата, то-есть представители народа, законнымъ образомъ выбранные, то-есть сама страна не довѣряетъ министерству. Въ странахъ, гдѣ дѣйствуетъ нормальная конституція, гдѣ по закону министры отвѣтственны, какъ напр. въ Италіи, въ Испаніи, въ Бельгіи, въ Англии, этого было бы слишкомъ достаточно, чтобы министерство подало въ отставку. Иначе собственно-говоря и быть не можетъ; всякій иной порядокъ въ конституціонныхъ государствахъ представляетъ огромныя неудобства и тысячи неловкостей на каждомъ шагѣ. Министерство тутъ поставлено въ безвыходное положеніе. Палата объявляетъ публично, говоритъ королю, что она министерству недовѣряетъ — а между тѣмъ то-же мини-

стерство обязано представлять недоувѣряющей палатѣ свои проекты законовъ и денежныхъ смѣты, а недоувѣряющая палата подозрительно уже смотритъ на каждое ихъ слово, на каждую ихъ цифру: положеніе невыносимое при нормальномъ порядкѣ вещей. Надо надѣяться, что этотъ порядокъ вступить наконецъ въ свою логическую силу и въ Пруссіи.

Изъ ораторовъ, говорившихъ въ пользу адреса, особенно громкія рукоплесканія заслужилъ знаменитый врачъ и профессоръ Вирховъ. Онъ говорилъ, что хотя я не одобряю нѣкоторыхъ выразившій адреса, однакоже считаю весьма полезнымъ приданный ему *буклетъ*, который необходимъ: иначе не будетъ обращено на него никакого вниманія. Говоря о распусценіи палаты и перевѣнѣ министерства, Вирховъ удивлялся, что въ палатѣ нѣтъ бывшихъ министровъ, членовъ этой палаты, тогда какъ именно здѣсь удобнѣе всего было бы дать надлежащія объясненія. Оставшіеся на своихъ мѣстахъ министры точно также должны дать объясненіе въ противорѣчій между распусценіемъ палаты вслѣдствіе будтобы недоувѣрія народныхъ представителей къ министрамъ, и удержаніемъ нынѣшняго министерства, которое пользуется еще большимъ недоувѣріемъ и можетъ оставаться только принявъ убѣжденія, противоположныя нынѣшнимъ. Потомъ Вирховъ описалъ, какъ началась реакція и какъ произошла остановка въ либеральныхъ стремленіяхъ со времени вступленія военнаго министра въ прежнее министерство; онъ напомнилъ образованіе прогрессивной партіи, въ которой заключается много элементовъ прежнихъ либеральныхъ партій, которыя, принявъ предъ распусценіемъ своимъ предложеніе Гагена противъ военнаго министра, хотѣли только возстановить конституціонныя права народныхъ представителей, бывшія въ пренебреженіи лѣтъ десять. Наконецъ онъ разбираетъ, сообразно ли съ конституціею — иѣрять и взвѣшивать гдѣ находится перевѣсъ государственной власти. Перевѣсъ, по его мнѣнію, будетъ на сторонѣ палаты, при министерствѣ, которое противно мнѣнію страны и ея свободно-избранныхъ представителей, а въ другомъ случаѣ, когда правительство будетъ согласно съ страной, перевѣсъ конечно будетъ на сторонѣ короны.

Такимъ образомъ въ Пруссіи теперь прямо поставленъ вопросъ о томъ: будутъ ли конституціонныя учрежденія развиваться впередъ и далѣе, или произойдетъ реакція и остановка на долгое время? Въ случаѣ если палата не согласится утвердить расходовъ военнаго министерства, кабинетъ опять имѣетъ право распустить палату. Но тутъ является маленькое конституціонное затрудненіе: какъ считать нынѣшнее собраніе, — новымъ ли собраніемъ, или только продолженіемъ того, которое было распусчено 13 марта? По статьѣ 51

конституціи, король имѣеть неограниченное право распускать палату депутатовъ, хотя много разъ сряду. Съ другой стороны верхнюю палату распустить нельзя, съ тѣмъ, чтобы собрать новую, потому что члены ея не избираются. Въ собранія можно только отложить. Стало-быть когда нижняя палата распускается, собранія верхней только отлагаются. Опять по смыслу конституціи отложить палаты безъ ихъ согласія можно только одинъ разъ въ одно и то же собраніе. Слѣдовательно, если верхняя палата только продолжаетъ отложенное 11 марта собраніе, то король уже не можетъ отложить его безъ ея согласія; а неотложивъ собранія верхней палаты, невозможно распустить нижнюю. Такая неточность или двусмысленность въ констатуюціи вѣроятно будетъ исправлена.

ДѢЛА ВЪ СОЕДИНЕННЫХЪ-ШТАТАХЪ

Въ Соединенныхъ-Штатахъ происходитъ война, до сихъ поръ невиданная и неслыханная на свѣтѣ. Люди дерутся, умираютъ тысячами, дѣлаютъ въ годъ по полторы тысячи миліоновъ долгу, имѣя въ виду прежде всего ненависть къ рабовладѣльчеству. Другіе люди тоже умираютъ тысячами и тоже дѣлаютъ сотни миліоновъ долгу, чтобы отстоять свои рабовладѣльческія права. Въ чисто-военномъ отношеніи война эта тоже очень странное явленіе. До этой войны въ Соединенныхъ-Штатахъ войска не было, или почти не было, потому что нѣсколько солдатъ занимали только немногіе форты въ дальнихъ пограничныхъ территоріяхъ, чтобы держать въ страхѣ тамошнихъ хищныхъ индѣйцевъ. Является потребность въ войскѣ — и волонтеры сбѣгаются тысячами, сотнями тысячъ, такъ что президентъ вынужденъ наконецъ объявить, что больше не нужно, что войска имѣется до полумиліона, и этого числа совершенно довольно для приведенія къ повиновенію возставшихъ штатовъ. Волонтерное войско это стоитъ чрезвычайно дорого, тѣмъ болѣе что приходится собирать его и вооружать второпяхъ, на скорую руку. Но расчетъ былъ весьма вѣрный. Слишкомъ восемьдесятъ лѣтъ существуютъ Соединенные-Штаты, и еслибы все это время содержались военныя силы хотя даже въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ европейскыхъ государствахъ, еслибы расходъ этотъ доходилъ хотя до ста миліоновъ франковъ въ годъ, то въ восемьдесятъ лѣтъ это составило бы восемь тысячъ миліоновъ непродуманнаго расхода, не считая того, что изъ народа все это время были бы отняты лучшія рабочія силы. Если къ тому еще сосчитать проценты на эти восемь миллиардовъ, то сумма вышла бы въ нѣсколько десятковъ разъ превосходящая то, во что обойдется выигранная война. Ничего имѣть

и пролить даже; что богатствомъ своимъ и чрезвычайнымъ, несъ-
хатнымъ процвѣтаніемъ Соединенные-Штаты обязаны много отсут-
ствію войска. Кромѣ того общественное устройство страны такъ при-
вязало жителей къ отечеству, къ всѣмъ обстоятельствамъ и дѣламъ,
касающимся общины, что когда явилась нужда, жители встали какъ
одинъ человекъ и пошли умирать за свои порядки. Одинъ изъ сѣвер-
ныхъ штатовъ какъ-то въ досадѣ на необходимость все сваржать и
все отправлять воловтеровъ сказалъ наконецъ, что довольно, что
больше онъ не дастъ ни одного человека, что съ такою массою войскъ,
какая имѣется на-лицо, способное правительство можетъ очень лег-
ко управиться. Вдругъ на театрѣ войны происходитъ маленькое до-
вольно неожиданное явленіе: часть рабовладѣльческаго войска про-
рвалась сквозь независимое въ одномъ мѣстѣ, и двинулась версты
на четыре впередъ, къ столѣцѣ, Вашингтону, къ капитолію. *На
другой же день* по полученіи этого извѣстія черезъ телеграфъ, ве-
ловольный штатъ посадилъ на желѣзную дорогу три тысячи совер-
шенно вооруженныхъ волоптеровъ и далъ знать, что если нужно,
прислано будетъ войска еще сколько угодно.

Изъ всѣхъ президентовъ, управлявшихъ Соединенными-Шта-
тами, нынѣшній, г. Авраамъ Линкольнъ, или, какъ тамъ его зо-
вуть — old Ab, ольдъ эбъ, «старикъ Абрамъ», можетъ-быть лучше
всѣхъ понимаетъ и тщательно прилагаетъ къ дѣлу ту великую
истину, что правительство имѣетъ никогда и ничѣмъ неодолимую
силу, когда оно согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Имѣя это
постоянно въ виду, онъ удивительно счастливо и благополучно ве-
детъ дѣла своей страны, несмотря на постоянное и глухое противо-
дѣйствіе вѣчныхъ антагонистовъ Соединенныхъ-Штатовъ, англи-
чанъ. Несмотря на крайнее повидимому разстройство дѣлъ, не-
смотря на войну, на непрерывные займы, на ужасающее, ежечасное
возрастаніе долга, денежные дѣла идутъ прекрасно. Во всякой дру-
гой странѣ въ такихъ обстоятельствахъ курсы падаютъ. Во время
крымской войны такъ было во Франціи, въ Англіи, вездѣ. А въ
Соединенныхъ-Штатахъ, благодаря искусной политикѣ старика
Абрама, напротивъ. Въ началѣ, только-что сдѣланъ былъ громад-
ный заемъ, билеты казначейства значительно упали въ цѣнѣ; въ
прошломъ ноябрѣ биржевая цѣна ихъ была 89,50, то-есть за обли-
гацию во 100 долларовъ давали только 89 съ половиной. Въ концѣ
нынѣшняго апрѣля цѣна ихъ была уже 92 и 93; около 3 мая онѣ
продавались 100 за 100, а теперь уже даютъ 105. Ничего нѣтъ
краснорѣчивѣе этихъ цифръ. Передъ ними рабовладѣльцы должны
смириться. Ничего нѣтъ на свѣтѣ болѣе робкаго, болѣе осторо-
жнаго и менѣе патріотическаго, какъ капиталъ, какъ биржа. От-

дѣльное лицо можетъ пожертвовать большія деньги, можетъ отдать отечеству даже всѣ свои деньги; но затѣмъ торговля дѣла идутъ своимъ чередомъ: капиталъ, какъ жидкость, стремится вступить въ равновѣсіе и приливаетъ туда, гдѣ есть ему обезпеченіе, кредитъ. Торговля не щадитъ никого и ничего, и гдѣ есть кредитъ, тамъ и сила; гдѣ нѣтъ кредита, тамъ слабость и неизбѣжное при ней насиліе, какъ мы видимъ теперь въ южныхъ штатахъ. Тамъ теперь окончательно пропало всякое довѣріе къ усиѣху рабовладѣльческаго дѣла, стало-быть съ нимъ исчезло и довѣріе къ правительству. Власти тамъ принуждены прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, не только уже не расчитываютъ съ своей стороны на волонтеровъ, но вынуждены были сдѣлать обязательною военную службу для всякаго человѣка, способнаго носить оружіе, если только онъ не принадлежитъ къ числу невольниковъ.

Понятно само собою, что рабовладѣльцы не даютъ оружія въ руки цвѣтному населенію: оно употребляется у нихъ исключительно въ качествѣ прислуги, для перевозки тяжестей, для постройки укрѣпленій и т. д. И сколько же въ рабовладѣльческомъ лагерѣ бываетъ ежедневно казни, сколько разстрѣляныхъ и повѣшенныхъ негровъ зарывается каждую ночь въ землю! Рабовладѣльцы знаютъ очень хорошо, что невольники понимаютъ сущность войны и потому того только и смотрятъ, какъ бы перебѣжать къ свободной арміи, къ освободителямъ. Отъ этого рабовладѣльцы меньше прежняго довѣряютъ невольникамъ, и жестоко наказываютъ всякую попытку, даже шопотомъ высказанную мысль объ освобожденіи. Впрочемъ эти казни теперь не очень дорого и обходятся, потому что цѣна невольникоу очень упала. За здороваго работника-негра платили 1200 и 1500 долларовъ небольшаго года тому назадъ, а теперь легко купить такого за 400, много за 500 долларовъ. Недавно въ Мемфисѣ, за мѣсяцъ до занятія этого города свободными войсками, молодые негреники года въ четыре и въ три отдавались даромъ.

Мора, извѣстный ученый морякъ Соединенныхъ-Штатовъ, во убѣжденіямъ своимъ принадлежитъ къ рабовладѣльцамъ. Онъ пишетъ между прочимъ, что вышняя война застала южные штаты безъ войска, безъ флота, безъ правительственной системы, безъ всего, тогда какъ у сѣверныхъ все было готово. Надо было все создать вновь, начиная со взорваннаго теперь на воздухъ Меримака, который доказалъ, что время деревянныхъ кораблей и земляныхъ укрѣпленій окончательно прошло. Югъ, по мнѣнію г. Мора, нуждается теперь только во флотѣ, чтобы успѣшно бороться противъ сѣвера; а безъ флота югъ вынужденъ просить помощи у друже-

ственной морской державы, именно у Франціи. Что касается до Англіи, то югъ слишкомъ сердитъ на нее за нейтралитетъ, который для юга былъ почти такъ же тяжелъ, какъ объявленная война. Южная Каролина и Георгія думали сначала, что при могуществѣ короля-хлопка имъ не нужно было флота; а теперь онѣ признаются, что ошибались и готовы давать огромныя деньги, только бы настроить кораблей. Но у нихъ нѣтъ матеріаловъ, и потому онѣ всю душою стремятся къ Франціи. У нея есть флотъ, — говоритъ г. Мори, — а у насъ всѣ элементы обширной торговли. Намъ нужна помощь ея флота, а ей предстоятъ большія выгоды отъ увеличенія торговли. Отчего же бы намъ не согласиться дѣйствовать заодно?

Отчего же? Да оттого, что несмотря на всѣ предстоящія выгоды, Франція не рѣшится вѣстись въ Америку защитницею рабовладѣльчества: она еще въ прошедшемъ столѣтіи первая кинулась на помощь свободы Америки. Несмотря ни на какія выгоды, теперь уже народы и правительства не станутъ слишкомъ легкомысленно ввязываться въ такое дѣло, которое навсегда ляжетъ на нихъ нестерпимымъ пятномъ. Не будь въ южныхъ штатахъ невольничества — конечно Франція и Англія давно оказали бы имъ помощь въ нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ; но по правдѣ тоже сказать, еслибъ не было невольничества, не могло бы быть и самой войны.

Г. Мори вычисляетъ, какія выгоды Франція могла бы получить отъ юга. Официальная статистика 1859—60 годовъ показываетъ, что въ этотъ годъ изъ Америки вывезено всего на 373,189,274 доллара товаровъ, между которыми хлопокъ, табакъ и рисъ, южные продукты, оцѣнены въ 210,285,001 долларовъ. Изъ всѣхъ 373 миллионовъ Англія получила товаровъ на 228 миллионовъ, а Франція только на 59. Далѣе г. Мори предлагаетъ планъ подкупа Франціи посредствомъ особливо выгоднаго коммерческаго трактата.

«Положимъ, — говоритъ онъ, — что мы предложимъ Франціи участіе въ нашей каботажной торговлѣ и отъ 5 до 10 процентовъ выгоды на ея товары противъ чужихъ; что мы дадимъ ея кораблямъ монополію заграничнаго вывоза нашихъ товаровъ, постановивъ напримѣръ, что съ товаровъ, вывозимыхъ на французскихъ корабляхъ, платится на 1 процентъ менѣе пошлины, чѣмъ съ товаровъ другихъ націй. Тогда морская торговля Франціи расширится несмѣртно... Гавръ скоро займетъ въ Европѣ мѣсто Ливерпуля... Сѣверные штаты получили огромное коммерческое значеніе только потому, что всегда свободно торговали съ югомъ, и отъ монополіи, какую устроили они для своихъ мануфактурныхъ това-

ровъ на южномъ рынкѣ. Отнимите эту свободу, уничтожьте эту монополію (окончательное отдѣленіе конечно дронзведеть такое слѣдствіе) — и сѣверъ обанкротится.»

Но г. Морр можетъ успокоиться. Сѣверъ не обанкротится и сѣверъ одолѣетъ, потому что кромѣ силъ физическихъ, кромѣ многолюдства, кромѣ колоссальныхъ богатствъ и неистощимаго кредита, у него есть важное передъ югомъ преимущество, котораго одного достаточно было бы для одержанія побѣды: онъ несравненно образованнѣе юга. Въ этомъ случаѣ можно бы отвѣчать г. Морр тоже цифрами. По ревизіи 1850 года бѣлое населеніе невольничьихъ штатовъ было 6,184,477 душъ, а цвѣтное 9,612,979 душъ. Изъ всего числа жителей южныхъ штатовъ, учащихся было 581,861. Въ одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ, Нью-Йоркъ, 3,097,394 души, и между ними учащихся 675,221, или на 93,360 человекъ больше, нежели во всѣхъ невольничьихъ штатахъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ восемь хлопковыхъ штатовъ, отъ Южной Каролины до Арканзаса, съ народонаселеніемъ въ 3,970,337 душъ, имѣютъ только 141,032 учащихся; а штатъ Массачузетъ, съ общимъ населеніемъ въ 994,514 душъ, имѣетъ 176,475 учащихся, или на 35,443 ученика болѣе всѣхъ хлопковыхъ штатовъ вмѣстѣ. Газеты и періодическія изданія составляютъ прекрасный барометръ умственной жизни народа, и въ этомъ отношеніи сѣверъ имѣетъ громадное преимущество передъ югомъ. Но чтобы быть безпристрастнымъ, венадо брать въ сравненіе такой большой центръ, какъ городъ Нью-Йоркъ. Во всѣхъ невольничьихъ штатахъ въ 1850 году выпущено было въ свѣтъ 81,038,698 печ. листовъ, тогда какъ въ одномъ штатѣ Пенсильваніи, который не отличается еще особенно высокою степенью образованности, выпущено 84,898,672 печ. листа, или на 3,859,974 листа болѣе, нежели во всѣхъ невольничьихъ штатахъ. Въ восьми хлопковыхъ штатахъ выпущено только 30,041,991 листъ, а въ одномъ штатѣ Массачузетъ 64,820,564 листа, или на 34,778,573 болѣе, нежели во всѣхъ хлопковыхъ штатахъ вмѣстѣ взятыхъ.

Послѣ всѣхъ этихъ цифръ, да еще принимая въ соображеніе съ одной стороны свободу, а съ другой рабство, понятно само собою, которая сторона одерживаетъ верхъ. Мало-помалу свободное войско подвигается впередъ, рабовладѣльческое войско отступаетъ, уступая свободнымъ одну позицію за другою, одинъ городъ за другимъ. Но на бѣду, а можетъ-быть и къ счастью свободныхъ штатовъ, въ ихъ войскѣ не является ни одного не только военнаго гевія, но даже и таланта. Война ведется медленно, осторожно; сраженіе дается не иначе, какъ при расчитавной на счетахъ увѣренности въ побѣдѣ. Частыя бывають стычки, когда случайно столкнутся

люди одного войска съ людьми другого, и стычки кровопролитныя, Дикари-индейцы, служащіе волонтерами въ южномъ войскѣ, съ увеличеніемъ занимаются спекуляціями, убиваютъ или додубятыхъ вооруженныхъ, а иногда и своихъ, потому что ло волосамъ цескъ не разберешь, къ какому войску принадлежать падшія воюя. Но настоящаго сраженія, какъ мы являемъ къ нимъ Европѣ, яма; не бываетъ. Главныя силы по нѣскольку разъ и мѣсяцевъ стоятъ одна противъ другой, дожидаясь подкрѣпленій, и потому слабѣйшая, обыкновенно южная, сторона отступаетъ. Иной разъ кораблямъ некуда отступать, и тогда они взрываются и тонуть. Въ итогѣ теперь выходитъ, что рабовладельческія штаты стѣснены со всѣхъ сторонъ, мало-помалу все больше стѣсняются и сдѣлать торжествуютъ. Дѣло доходитъ уже до Ричмонда, столицы южной конфедераціи. Надо ждать довольно рѣшительныхъ новѣстей.

МЕКСИКАНСКІЯ ДѢЛА

26 іюня Жюль-Фавръ высказалъ въ парижской законодательной палатѣ много горькихъ истинъ. Передъ тѣмъ правительство потребовало у палаты пятнадцать миліоновъ на расходы по мексиканской войнѣ, и деньги эти немедленно, безъ малѣйшаго сопротивленія, были ассигнованы. Дѣло очевидно шло о томъ, чтобы пособить дрелю зашедшимъ землямъ, выручить ихъ изъ бѣды и поддержать честь знамени. Когда правительство требуетъ деньги для такого значенія, то оно можетъ быть утѣрено, что не встрѣтитъ оппозиціи ни одного члена, къ какой бы онъ ни принадлежалъ партіи. Но дѣло въ томъ, что война съ Мексикою начата была въ прошедшемъ ноябрѣ, именно около той поры, когда французское правительство торжественно заявило о неудовлетворительности своихъ финансовыхъ дѣлъ, стало-быть когда была самая настоящая пора взяться за строгую экономію. А между тѣмъ начата была дорргая и далекая война. Испанія и Англія присоединились къ Франціи, потому что имъ тоже было нужно кое-что выместить, кое-какія права обезпечить. Такой союзъ былъ весьма выгоденъ: тѣлости войны разлагались на три народа, успѣхъ казался вѣрнѣе и скорѣе. Трактатомъ, заключеннымъ 31 октября, ясно обозначено была цѣль экспедиціи. Статья первая гласитъ, что въ Мексикѣ посланы будутъ морскія и сухопутныя силы, достаточныя для занятія военныхъ позицій на берегу. Во второй статьѣ сказано, что три державы не будутъ домогаться для себя никакихъ поземельныхъ приобретеній, никакихъ особенныхъ выгодъ, что на внутреннія дѣла Мексики онѣ не будутъ имѣть никакого вліянія вродѣ послѣдствія на независимость

страны, на ея право свободно выбирать собѣ правительство. Обязательныя инструкціи, данныя уполномоченнымъ, нацѣлываютъ обязательно не вмешиваться во внутреннія дѣла страны. Но приближено было, что ежели здоровая часть населенія, утомленная безначаліемъ, будетъ стараться установить правительство сильное и устойчивое, то ненадо обескураживать этихъ попытокъ. Ничего нѣтъ опаснаго, какъ давать уполномоченному такія неясныя инструкціи. Онъ является въ чужую страну предводителемъ войска и долженъ стараться узнать, каково тамъ общественное мнѣніе. Самое положеніе его лишаетъ его возможности узнать что-нибудь обстоятельно: само собою разумѣется, что къ нему явятся всѣ противники существующаго порядка, довольно согласные въ своихъ воззрѣніяхъ. Естественно, что мнѣніе этихъ людей и покажется ему общественнымъ. И чтоже такое значитъ — здоровая часть населенія? На дѣлѣ непременно выйдетъ, что это та, которая съ распростертыми объятіями бросится къ вооруженнымъ иноземцамъ, вторгающимся въ страну. Можно навѣрное сказать, что это самая презрѣнная часть населенія.

Какъ бы то нибыло, экспедиція была рѣшена: Франція должна была послать отъ 2500 до 3000 человекъ. Но тотчасъ явились опасенія. Стали говорить, будто шокровительство французовъ только предлогъ, подъ которымъ вроятся другія цѣли, будто Франція хочетъ разрушать въ Мексикѣ существующій порядокъ и замѣнять его монархическимъ. Произносилось даже имя принца, весьма рискующаго, хотя и австрійскаго, который будтобы согласился быть кандидатомъ. Экспедиція отправилась въ ноябрѣ, а въ декабрѣ прибыла въ Мексикку. Тогда Вера-Крузъ былъ уже въ рукахъ испанцевъ, которую пришли на мѣсто раньше другихъ. Официально извѣстно, что войско не имѣло ни лошадей, ни обоза, ни телѣгъ, никакихъ придаточныхъ средствъ передвиженія, кромѣ солдатскихъ ногъ. А между тѣмъ время для экспедиціи выбрано было неудачное: приближался тотъ страшный мѣсяць, когда желтая лихорадка обыкновенно свирѣпствуетъ и стало-быть уже готова была на помощь мексиканцамъ на случай непріязненныхъ дѣйствій. Надо было торопиться. Но такъ какъ надо же было сказать хоть слово мексиканцамъ, чтобъ объяснить въ чемъ дѣло, то и пущена была прокламація, о которой мы уже говорили мѣсяца два тому назадъ. Говорилось въ этой прокламаціи мексиканцамъ: «Объятія Франціи вамъ открыты. Бросьте тѣхъ, чье иго таготитъ на васъ. Мы пришли, чтобы сбросить это иго.» Но никто въ объятія не явился, прокламація осталась безъ отзыва. Только министръ иностранныхъ дѣлъ далъ знать, что онъ будетъ отвѣчать на два дипломатическія со-

общенія. Онъ прибавилъ, что высадившееся союзное войско на берегу скоро будетъ истреблено желтою лихорадкою, во избѣжаніе чего онъ готовъ открыть имъ входъ въ ущелья здоровой мексиканской возвышенности на двухъ условіяхъ: 1) чтобы ихъ требованія оставили непркосновеннымъ существующее правительство; 2) если трактатъ, о заключеніи котораго началась рѣчь, не будетъ подписанъ, то чтобы войска отступили опять на берегъ, на свои прежніе мѣста. Это было въ февралѣ 1862 года. Уполномоченныя составили ноту, въ которой наложили свои требованія, и графу Рейсу (генералу Приму) поручено было пройти ущелья, отдѣляющія берегъ отъ высокихъ земель, чтобы окончателно условиться съ мексиканскимъ министромъ. Весьма скоро дошло дѣло до соглашенія, и не могло быть иначе. Мексика соглашалась вступить въ переговоры, а поручителями за свой долгъ представляла Соединенные-Штаты. Въ такихъ обстоятельствахъ и при такихъ условіяхъ уполномоченными подписанъ былъ договоръ въ Соледалѣ. Въ силу этого договора должны были начаться окончателно переговоры, а союзныя войска положено перевести на возвышенности, въ мѣста безопасныя отъ желтой лихорадки. Мексиканцы прислали почетную стражу въ 2000 человекъ, чтобы проводить французское войско на новыя мѣста расположенія, безъ чего пришлось бы или всѣмъ поголовно погибнуть отъ желтой лихорадки, или съѣсть на кораблѣ и плыть домой. Въ этомъ новомъ положеніи условлено было ждать до 15 апрѣля, когда ожидался изъ Европы окончателный отвѣтъ съ выраженіемъ согласія или несогласія на заключенный договоръ. Тутъ произошло несогласіе. Мадридскій и лондонскій кабинеты одобрили соледалскую конвенцію, а парижскій не одобрилъ. Стало-быть или агентамъ правительства даны были неточныя инструкціи, и такимъ образомъ они подверглись стыду не быть одобренными, или тутъ была другая, скрытая цѣль. Но какъ бы то нибыло, если конвенція не была одобрена, все-таки оставались формальныя обѣщанія, которыя слѣдовало выполнять: именно французскому главнокомандующему слѣдовало уйти за ущелья, въ низкую, лихорадочную страну, на берегъ. Но онъ не исполнилъ даннаго слова, что даже не оправдывается военными потребностями. Французское войско слѣдалось пристанищемъ разныхъ бѣглецовъ, заговорщиковъ, эмигрантовъ, изгнанныхъ и оружіемъ, и волею народа. Опять произошло нѣтолько несогласіе, но и разрывъ съ союзными державами. Когда прошелъ слухъ, что къ мексиканской экспедиціи присоединятся партизаны прежде свергнутаго въ Мексикѣ правительства съ генераломъ Мирамономъ, то представитель Англіи объявилъ, что онъ его арестуетъ и будетъ судить, зато что онъ укралъ деньги англійскаго

посольства. Миранонъ испугался и высадился въ Гавань. Что же слѣдали французы? Взяли подъ свое покровительство генерала Альмонте и отца Миранду, приверженцевъ военно-клерикальнаго правительства, которое было выгнано и на мѣсто котораго стало конституціонное правительство нынѣшняго президента Хуареза. Альмонте не смѣлъ ступить на мексиканскую землю, неподвергнувшись всей строгости законовъ, а между тѣмъ французское войско приютило его. Онъ прямо говорилъ, что явился поддерживать кандидатство эрцгерцога Максимилиана, какъ и сказано буквально въ одномъ изъ протоколовъ. Тамъ сказано: генераль Альмонте объявилъ, что онъ рассчитываетъ на союзныя державы для перенѣны существующаго правительства на монархію и возведенія одного эрцгерцога; онъ рассчитываетъ, что проектъ будетъ принятъ хорошо и можетъ быть выполненъ недалѣе какъ въ два мѣсяца. На это представители Англіи и Испаніи объявили, что присутствіе въ войскѣ генерала Альмонте прямо противорѣчитъ лондонской конвенціи, въ силу которой союзники обязаны воздерживаться отъ всякаго насилія мексиканскому правительству.

Тутъ же кстати нарушались права человѣчества, попиралась νόгами всякая нравственность. Война всегда есть печальная крайность. Къ ней прибѣгаютъ для отраженія силы, для отмщенія оскорбленія, для помощи союзнику. Но предпринимать войну, чтобы навязать націи правительство, котораго она не хочетъ, чтобы поддержать честолюбивыя замыслы гражданина, выгнаннаго изъ отечества — это уже чисто преступленіе. Что думать о томъ, кто накликаетъ на свое отечество ужасы иностраннаго вторженія? Альмонте объяснился откровенно: подъ защитою и при помощи французскихъ нитковъ онъ намѣренъ выбирать, которое правительство для Мексики лучше. Говорятъ, что недостойно Франціи поклянуть его на произволъ судьбы. Да, еслибъ онъ пришолъ просить убѣжища. Но онъ пришолъ устроить въ своемъ отечествѣ междоусобную войну. Понятно послѣ этого почему Хуарезъ объявилъ, что пока Альмонте будетъ во французскомъ лагерѣ, онъ несогласенъ вести никакихъ переговоровъ. Чѣмъ бы ни кончилась нынѣшняя война, Хуареза нельзя не уважать за такую рѣшимость.

Между представителями союзныхъ державъ опять была конференція. Объявлено было, что присутствіе Альмонте составляетъ для испанцевъ и англичанъ препятствіе къ продолженію ихъ помощи. Требовалось увести Альмонте. Адмиралъ де-Лагравьеръ отказался. Испанскій и англійскій представители не одобрили этого; на томъ и произошолъ разрывъ. Но была еще причина несогласія. Каждая держава предоставила себѣ право предъявлять свои особенныя тре-

бованія. Франція считала за Мексикою сумму небольшую. Превъимными трактатами постановлено было 750,000 долларовъ. Но къ этому надо прибавить до четырехъ миліоновъ долларовъ еще не доказанныхъ французскихъ претензіій. А на конференціяхъ во имя Франціи говорено было сначала о 12 миліонахъ, а потомъ о 75 миліонахъ франковъ (15 миліоновъ долларовъ). Эта громадная сумма относится къ займу, извѣстному подъ именемъ Жеккера. Предполагается, что новое, будущее правительство обязано будетъ признать этотъ безобразный заемъ. Стоитъ только вспомнить что говорилъ о немъ лордъ Россель: когда у Миромона дѣла были очень плохи, не было ни копѣйки денегъ, домъ Жеккеръ далъ ему займы 3,750,000 франковъ, а получилъ облигацій, по которымъ уплата должна была производиться въ разные сроки, на чудовищную сумму въ 75 миліоновъ франковъ. Отъ Хуареца потребовали, чтобы онъ заплатилъ эту сумму. Онъ разумѣется отказалъ, и на его сторонѣ были всѣ безпристрастные люди. Положено было, что онъ уплатитъ 3,750,000 франковъ, т. е. 750,000, а не 15 миліоновъ долларовъ. Вдобавокъ еще надо замѣтить, что Жеккеръ былъ швейцарскій торговый домъ, обанкротившійся вскорѣ послѣ того, какъ свергнутъ былъ съ мексиканскаго президентства Мираномъ. Облигаціи продавались чуть не даромъ, по полкопѣйкѣ за рубль. Одно общество честныхъ спекуляторовъ купило ихъ, и желаетъ теперь получить 75 миліоновъ франковъ. Вотъ исторія долга, который Франція теперь беретъ подъ свое покровительство. Ктому же еще газета «Times» увѣряетъ, будто эти облигаціи были куплены обществомъ, во главѣ котораго стоятъ важныя, вліятельныя и пользующіяся во Франціи уваженіемъ лица. Этотъ вумеръ газеты во Франціи былъ остановленъ и не раздавался. Вслѣдствіе этого, какъ бываетъ обыкновенно, пошли толки, причина запрещенія конечно сдѣлалась извѣстна, и составилось такого рода мнѣніе: Если номеръ газеты запрещенъ, то конечно потому, что знаетъ кошка чье мясо съѣла: испугались обличенія и хотятъ замаять дѣло. Но если это клевета, то почему же не разъяснить дѣло? Отчего правительство не объявить, что оно будетъ требовать только 3,750,000 франковъ, т. е. сумму, дѣйствительно данную займы, но что оно съ омерзѣніемъ отворачивается отъ этихъ заторныхъ спекуляцій безсовѣстныхъ ростовщиковъ?

Теперь для Франціи осталось одно средство честно кончить дѣло: заключить договоръ и уйти изъ Мексики. А война? Для чего война? За что война? Гдѣ непріатели? Если французы не суть партизаны Альмонте, то у нихъ нѣтъ непріателей въ Мексикѣ. Поэтому-то война въ высшей степени несправедлива. Впрочемъ можно и под-

вигаться впередъ, и у Франціи на это хватить и умѣнья, и людей, и денегъ. Но за побѣдою слѣдуетъ отиѣтственность. Можно установить другое правительство, но вѣдь придется его поддерживать, и для этого издерживать ежегодно миллионовъ 30 денегъ, да содержать въ столицѣ, въ Мехико, тысячи четыре войска, да тысячь двѣнадцать въ провинціяхъ.

Стало-быть для Франціи эта война во всякомъ случаѣ невыгодна; но зато она весьма пригодна для поддержанія во Французахъ довѣрія къ ихъ правительству, ихъ воинственнаго духа, и вообще для дѣла цивилизаціи. Положеніе дѣлъ тамошняго правительства весьма теперь печально; но и передъ самою войною едвали оно было многимъ лучше. Вотъ какъ описываетъ его г. Матью, англійскій посланникъ въ Мехико:

«Втеченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ положеніе не перемѣнилось. Сеноръ Мата заступилъ мѣсто вышедшаго министра финансовъ сенора Пьетро. Смерть сенора де-Фехада, искуснѣйшаго финансового человѣка въ республикѣ, составляетъ великую потерю, которая будетъ весьма тяжело чувствоваться въ нынѣшнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Сеноръ Фуанте, извѣстный здѣсь юристъ, уѣхалъ изъ Мексика на послѣднемъ пароходѣ, съ порученіемъ въ Парижъ и вѣроятно въ Испанію. Одно обстоятельство отдалило его отъѣздъ: трудность достать сумму, необходимую на поѣздку. Такая крайняя бѣдность и составляетъ очевидному причину продолжительнаго существованія и даже увеличенія отрядовъ гверильясовъ подѣ начальствомъ испанцевъ Кобоса и Викарію, и гнуснаго Маркеза, который продолжаетъ убивать и грабить. Слѣданы были двѣ подлыя попытки произвестъ въ столицѣ беспорядки; но къ счастью вовремя захватили. Кромѣ всего этого, общественное спокойствіе не нарушается, и какъ ни плохо, какъ ни слабо нынѣшнее правительство, кто видѣлъ убійства, разбои, грабежъ и всѣ ужасы, совершавшіеся въ управленіе президента Мирамона и его совѣтниковъ Діаза и Маркеза, тотъ можетъ поздравить Мексику съ большимъ прогрессомъ. Иностранцы, которые жестоко страдали отъ самовластія Мирамона, при которомъ нетерпимость къ иностранцамъ составляла одинъ изъ догматовъ клерикальной партіи, особенно хорошо цѣнятъ разницу между настоящимъ и прошедшимъ. Президентъ Хуарезъ не имѣетъ энергіи, какая требуется въ нынѣшнемъ кризисѣ; но это человѣкъ прямой и благонамѣренный, превосходный во всѣхъ частныхъ житейскихъ сношеніяхъ. Одно то обстоятельство, что онъ индѣецъ, дѣлаетъ его предметомъ вражды и насмѣшекъ со стороны испанскаго престонородья и со стороны креоловъ, вообще людей смѣшанной крови, ко-

торые забавнымъ образомъ воображаютъ, будто они благороднѣе его и *должны* занимать высшее общественное положеніе. Я уже доносилъ, какіе, по-моему, есть недостатки въ нынѣшней мексиканской конституціи и какъ трудно теперь сохраненіе мира, потому что продолжительные безпорядки и самовластное управленіе совершенно уничтожили всякій патриотизмъ въ высшихъ классахъ, произвели безнравственность и умственную спячку. Говорятъ, что желаніе перемѣны существуетъ во многихъ мѣстахъ, будто бродить уже мысль объ избраніи военнаго диктатора; но нечего говорить, что это не поможетъ нынѣшнимъ бѣдствіямъ и не предупредитъ будущія. Изъ всѣхъ этого свойства людей генераль Сантанна былъ способнѣйшая въ Мексикѣ личность, и нельзя отрицать, что энергія его характера была во многихъ случаяхъ полезна; но дѣло въ томъ, что самая могучая самовластная рука не можетъ создать ни чувства справедливости, ни сознанія и уваженія правъ, ни любви къ родинѣ, ни благосостоянія, основаннаго на продолжительномъ мирномъ положеніи. Вся надежда Мексики теперь на миръ. Степень гражданской и религіозной свободы здѣсь достаточны; недостаетъ только мира, чтобы стройно развилась общественная жизнь, правильно прилагалась конституція и чтобы народъ развивался умственно.»

А съ тѣхъ поръ какъ императоръ французовъ перемѣнилъ цѣль мексиканской экспедиціи и намѣренъ основать новую въ Америкѣ династію, нечего ждать мира. Слабыя французскія силы, отправленныя въ Мексику, оказываются недостаточными; онѣ потерпѣли уже неудачи, и требуется подкрѣпленіе тысячъ въ пятнадцать или въ двадцать. Надѣялись, что мексиканскій народъ встрѣтитъ французскихъ солдатъ какъ избавителей, или можетъ-быть надѣялись крошечнымъ отрядомъ разбить все войско Мексики. Но эти надежды не оправдались. Приходится сильно увеличивать войско, чтобы въ Америкѣ не составилось ложнаго понятія о французскомъ могуществѣ, такъ что мексиканскій вопросъ сдѣлался первостепеннымъ политическимъ вопросомъ. Пришлось бороться противъ войска въ странѣ весьма трудной, и до тѣхъ поръ, пока это войско не будетъ уничтожено, приверженцамъ монархіи довольно трудно будетъ заставить себя слушать, и Альмонте можетъ сколько угодно объявлять себя президентомъ республики. Человѣчеству собственно говоря все равно, чѣмъ будетъ Мексика, республикой или монархіей. Но говорятъ, что «когда Франція довольна, то міръ спокоенъ». Ну и прекрасно, особенно если она ищетъ удовольствія въ Европѣ.

Последнія извѣстія

Были извѣстія, что генералъ Гарибальди уѣхалъ на островъ Капреру, и сколько радости причиняло это извѣстіе въ людяхъ извѣстнаго рода убѣжденій! Но вдругъ получается достовѣрнѣйшее извѣстіе, что онъ въ Палермо, и тамъ, подъ предсѣдательствомъ наследнаго принца, старшаго сына короля Виктора-Эммануила, открываетъ стрѣлковое общество. Сей гражданинъ Италіи узналъ, что въ Сициліи начался весьма сильный ропотъ противъ увеличенія цѣны гербовой бумаги и большаго возвышенія крѣпостныхъ пошливъ, и поѣхалъ, чтобы своимъ присутствіемъ успокоить умы, несмотря на то, что проглотивъ оскорбленіе, больше всего хотѣлось бы ему отдохнуть въ своемъ дикомъ уединеніи.

Въ туринской палатѣ депутатовъ утверждена смѣта приходорасходная въ томъ самомъ видѣ, какъ она представлена была кабинетомъ. Это новая, значительная побѣда министерства.

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Впечатлѣнія, произведенныя на Петербургъ пожарами. — Погибшая сокровищница. — Мѣры противъ пожаровъ и другія правительственныя распоряженія. — Прекращеніе изданія двухъ журналовъ. — Способы противъ вторженія ложныхъ идей. — Новороссійскій университетъ. — Занимательность «донесенія» одной ревізійной комиссіи и одинъ крупный недочетъ. — Другой занимательный предметъ во пѣше-дорожной части. — Московское коощреніе отечественной промышленности. — Преобразованіе московскаго городскаго управленія. — Сличеніе прошедшаго съ настоящимъ и настоящаго съ будущимъ: отношенія издателей къ подписчикамъ и обратно; отношенія изобрѣтателей мыслей къ современникамъ и потомству и обратно.

Вамъ, читатель иногородный, мы повѣдаемъ, что въ концѣ прошедшаго мая и началѣ текущаго іюня обывателямъ С. Петербурга было очень тяжело. Безъ сомнѣнія вы уже слышали о здѣшнихъ пожарахъ... Большіе пожары конечно бывали у насъ и прежде: лѣтъ восемь назадъ горѣлъ Измайловскій полкъ, потомъ горѣли Пески, горѣла Ямская, но все это не то: нынѣшніе пожары заключали въ себѣ нѣчто особенное; поэтому и произведенное ими впечатлѣніе и вообще послѣдствія ихъ имѣютъ свою особенность. Послѣ страшнаго 28 мая, испепелившаго между прочимъ то многообразное, невообразимо-плотно населенное торжище, которымъ проявлялась въ своихъ мелкихъ житейскихъ потребностяхъ огромная масса ниснихъ и среднихъ слоевъ Петербурга, — послѣ этого страшнаго дня весь Петербургъ, за нѣкоторыми развѣ счастливыми исключеніями, вдругъ потерялъ сонъ. Ему рѣшительно не спалось: недремлющія очи глядѣли по всѣмъ улицамъ отъ вечера до утра, и всю ночь слышался тревожный говоръ; каждый шумъ проѣхавшаго экипажа, каждый свистокъ хожалаго — заставлялъ мирнаго обывателя вскакивать съ постели и торопливо подбѣгать къ окну; тѣмъ,

изъ чьихъ оконъ видна каланча ближайшей части, она не давала ничѣмъ спокойно заняться: они глаза проглядѣли на нее и совсѣмъ утомили зрѣніе; тѣмъ, которыхъ природа надѣлила болѣе твердымъ духомъ и невозмутимою покорностью судьбѣ, — если и удавалось засыпать, то всеиѣ видѣлись огненные рѣки и озера, совершенно наподобіе пылающихъ лѣсныхъ дворовъ и сплошныхъ клѣтушекъ Апраксина двора; а иными, болѣе экзальтированными, и на-аву мерещились огоньки: было ли то отраженіе заходящаго солнца въ оконныхъ стеклахъ, или внезапно повалившій черный дымъ изъ фабричной трубы или изъ затопленныхъ съ вечера общественныхъ бань, — все это бросало тревогу въ сердце и заставляло обращаться къ той же полицейской каланчѣ, какъ къ спасительному маяку, и долго всматриваться, не поднимаютъ ли шары. Была даже минута такого настроенія, что два встрѣтившіеся на улицѣ всзалобивые и никому зла нежелающіе пѣшехода взаимно мѣряли другъ друга внимательнымъ взоромъ и у обоихъ одновременно рождалась одна и таже мысль: «А кто его знаетъ? можетъ-быть и это поджигатель!..» Да! былъ періодъ такого народнаго настроенія, когда мирному, во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренному человѣку приходилось испытать на себѣ дѣйствіе зоркихъ, недоувѣрчивыхъ глазъ, встрѣчавшихъ и провожавшихъ его изъ-за каждаго угла. Ощущеніе, согласитесь, несовсѣмъ пріятное!..

А знаете ли что между прочимъ погубило 28 мая вмѣстѣ съ Апраксинымъ дворомъ? Объ этомъ надо послушать одного страстнаго библіофила. «Пришолъ я — говоритъ онъ — на другой день утромъ на пенелаше толкучаго рынка и встрѣтилъ тамъ толпу знакомыхъ мнѣ погорѣвшихъ книжниковъ. Что, спрашиваю, все пропало? — «Почти-что все». — Укажите же, гдѣ была лавка Матюшина. — «Вотъ гдѣ была она, лавка Матюшина!» отвѣтилъ одинъ и швырнулъ камушекъ въ грудь пепла и тлѣющихъ угольцовъ... А вѣдь въ лавкѣ Матюшина были вещи, которыхъ и не найти нигдѣ; у Матюшина въ лавкѣ, — не въ этой, что сгорѣла, а въ прежней (прежде онъ торговалъ въ лавкѣ по Садовой), — Карамзинъ занимался, Пушкинъ приходилъ къ нему за справками; московскіе знатоки и искатели древностей нарочно пріѣзжали порыться на чердачкѣ Матюшина; къ нему обращались иногда за отдѣльными томами къ рѣдчайшимъ разрозненнымъ издаваніямъ, даже за вѣсколыми недостающими страницами, и онъ подбиралъ эти томы и страницы, — вотъ что было дорого! Это была просто незамѣнимая сокровищница... Если не вѣрите, спросите у М. Н. Лонгинова, онъ хорошо знаетъ что такое былъ сгорѣвшій теперь чердачокъ старика-Матюшина!.. Книжники толковали на пожарницѣ, что вралъ

ли переживаетъ такую бѣду старикъ-сверстникъ А. Ф. Смирдина; у широ же въ послѣднее время, говорятъ, развилась какая-то остротная, родительская привязанность къ книгамъ, особенно къ рѣднымъ экземплярамъ. Но онъ уже открылъ продажу книгъ въ палаткѣ, на Семеновскомъ плацѣ; только незнаю что тамъ у него за книги: кажется, что души-то, самого-то суть — заѣтнаго червочка съ драгоценными для насъ, гробокотателей, курьезами — больше не существуетъ!..»

Такъ вотъ — зналъ ли вы, читатель иногородный, да и многіе ли изъ петербургскихъ жителей знали о существованіи такого чуднаго книгохранилища на толкучемъ рынкѣ?

Въ то время когда пишутся эти строки, прошло уже три недѣли со дня прекращенія пожаровъ. Петербургъ начинаетъ спать спокойнѣе; разговоры, кромѣ пожаровъ и поджигателей, попрежнему обращаются уже и на другіе предметы, хотя болѣе или менѣе подходящіе по характеру къ недавнему тревожно-мрачному расположенію общественнаго духа. Пространство, занимаемое Аляксинскимъ и Шуйскимъ дворами, временно опустошенное, начало оживляться; промышленная жизнь, прекращенная на минуту, снова стала пробиваться на пенелщѣ, какъ молодая зелень ранней весной. Если относить причину нашихъ пожаровъ къ злоумышленнымъ поджогамъ, то прекращеніе ихъ всего естественнѣе объяснить тѣми энергическими мѣрами, которыя приняты противъ подобныхъ покушеній. Вы конечно уже слышали и объ этихъ мѣрахъ: онѣ состоятъ въ учрежденіи особой слѣдственной комиссіи; въ повелѣніи — поджигателей и подстрекателей къ безпорядкамъ судить военнымъ судомъ по полевымъ законамъ, съ предоставленіемъ военному генералъ-губернатору права конфирмовать и приводить въ исполненіе приговоры суда; въ раздѣленіи Петербурга на три временныя военныя губернаторства, въ усиленіи городской стражи, въ распоряженіяхъ для возбужденія бдительности дворниковъ, наконецъ въ приглашеніи всѣхъ жителей къ содѣйствію наблюдателямъ полиціи и къ соблюденію всѣхъ возможныхъ предосторожностей. Все это, вмѣстѣ съ крайне-напряженною внимательностью самого народа конечно должно было устранить и даже сдѣлать невозможными и злоумышленныя попытки и неосторожное обращеніе съ огнемъ самихъ жителей.

Съ означенными мѣрами, принятыми противъ пожаровъ, совмѣло много другихъ правительственныхъ распоряженій, если не относящихся прямо къ пожарамъ, то имѣющихъ соотношеніе съ послѣдними событіями и съ общимъ направленіемъ мыслей. Вотъ эти распоряженія:

Закрытъ существовавшій въ Петербургѣ *Школьный клубъ*.

Закрыты — сначала двѣ воскресныя школы, въ которыхъ обнаружено распространеніе вредныхъ ученій и идей; потомъ закрыты воскресныя школы, учрежденныя при войскахъ, — за тѣмъ открыты, что злоумышленные люди могутъ и въ этихъ школахъ производить вредныя и ложныя ученія; наконецъ «Свѣтлая Почта» объявила, что «государь императоръ, по обсужденіи съ севѣмъ министерствъ представленныхъ его величеству свидѣній о вредномъ направленіи, обнаруженномъ въ нѣкоторыхъ воскресныхъ школахъ и народныхъ читальняхъ, высочайше повелѣтъ совершить: 1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ; 2) впредь до преобразованія воскресныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни.»

Упразднено только-что учрежденное при обществѣ для особаи нуждающихся литераторамъ и ученымъ «отдѣленіе для особаи учащимся молодымъ людямъ».

Изданы временныя правила о надзорѣ за типографіями, литографіями и другими подобными заведеніями (высочайше утвержденныя 14 мая). Для этого надзора, по правиламъ, установлены особые чиновники, снабженные отъ министерства внутреннѣхъ дѣлъ инструкціею. Въ инструкціи между прочимъ сказано, что «осмотры типографій и другихъ заведеній должны быть производимы какъ возможно чаще, причемъ чиновники удостовѣряются: имѣются ли въ нихъ шпуровыя книги и правильно ли онѣ ведутся, поѣзда ли записанное въ книгахъ съ дѣйствительно-произведенными и производимыми работами или торговлею; а въ заведеніяхъ, торгующихъ принадлежностями тисненія, обозрѣваютъ документы, на основаніи которыхъ товары отпущены». Далѣе, что «чиновники обязаны имѣть постоянно вѣрныя свѣдѣнія о наличномъ имуществѣ типографій, литографій и т. п., какъ-то: о количествѣ шретоу, числѣ станковъ, разнаго рода машинъ, камней, досокъ и проч., а въ случаѣ увеличенія въ заведеніи принадлежностей тисненія наблюдать за тѣмъ, чтобы вновь приобретаемыя принадлежности подробно записаны были въ книгу, такъ и за тѣмъ, какое изъ нихъ дѣлается употребленіе». Далѣе, «чиновники тщательно наблюдаютъ, чтобы въ типографіяхъ, литографіяхъ и т. п. заведеніяхъ не производились недозволенные закономъ работы, а на заводахъ, въ лавкахъ, магазинахъ и гдѣ-бы то ни было — незаконная продажа принадлежностей тисненія. При исполненіи этой обязанности необходимо короткое ознакомленіе со всѣми личностями, занимающимися въ означенныхъ заведеніяхъ. За употребленіемъ принадлежностей ти-

сненіи частными лицами чиновники наблюдаютъ или сами непосредственно, или чрезъ полицейскихъ агентовъ. По тѣсной связи типографскаго дѣла съ книжною торговлею, чиновники обязаны тщательно слѣдить за торговлею книгами въ лавкахъ и въ разносѣ.»

Изданы временныя правила по дѣламъ книгопечатанія, высочайше утвержденныя 12 мая, для руководства по цензурѣ, впродолженіе до пересмотра всѣхъ цензурныхъ постановленій. Изъ тринадцати пунктовъ этихъ правилъ мы приведемъ нѣкоторые, особенно тѣ, противъ которыхъ нашъ братъ пишущій можетъ иногда погрѣшить безъ умысла, лишь по невѣдѣнію.

«3) При разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволить къ печати только спеціальныя ученые разсужденія, написанныя товомъ праличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружались уже на опытѣ.

«4) Въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи не допускать печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учреждений.

«5) Разсужденія, указанные въ двухъ предыдущихъ пунктахъ, дозволить только въ книгахъ, заключающихъ неменѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, на которыя подписная цѣна съ пересылкою неменѣе семи рублей въ годъ.

«6) Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія предоставляется, по взаимному ихъ соглашенію, въ случаѣ вреднаго направленія какого-либо періодическаго изданія причислить оное къ разряду тѣхъ, коимъ не дозволяется печатать разсужденія, показанныя въ пунктахъ 3 и 4, и прекращать каждое періодическое изданіе, на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ.

«7) Не допускать къ печати статьи: а) въ которыхъ возбуждается непріязнь и ненависть одного сословія къ другому, и б) въ которыхъ заключаются оскорбительныя насмѣшки надъ цѣлыми сословіями или должностями государственной и общественной службы.

«8) Не дозволить распубликованія, по однимъ слухамъ, предполагаемыхъ будто бы правительственныхъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ.»

Одинъ изъ приведенныхъ пунктовъ, именно пунктъ шестой, уже получилъ практическое примѣненіе. Въ 132 № «Сѣверной Почты» 19 іюня, объявлено, что министръ внутреннихъ дѣлъ и управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія, по взаимному соглашенію, признали нужнымъ прекратить на восемь мѣсяцевъ изданіе журналовъ «Современникъ» и «Русское Слово».

Рядомъ съ этимъ читаемъ другое объявленіе о томъ, что вслѣд-

ствіе высочайшаго повелѣнія о лишеніи редактора газеты «Дель», отставнаго надворнаго совѣтника Аксакова права на издавіе газеты, московскій военный генералъ-губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о воспрещеніи г. Аксакову быть редакторомъ помянутаго изданія.

Приведенныя нами правительственныя мѣры и распоряженія приняты для обезпеченія общественнаго спокойствія и для огражденія общества отъ вторженія въ него ложныхъ и вредныхъ ученій и идей. Противъ послѣдняго зла есть и другое очень дѣйствительное средство, съ которымъ мы впрочемъ еще не вполне освоились; оно основано на томъ, что ложную и вредную идею ничто не можетъ такъ быстро и глубоко уронить и обезсилить, какъ всенародное обличеніе ея ложности и вредности. Зло ничего такъ не боится, какъ гласности и общезвѣстности. Доказательнымъ примѣромъ этому можетъ служить послѣдняя жалкая прокламация; эта самозванная «Молодая Россія», въ которой, какъ толкуютъ теперь всѣ газеты, провозглашались убійства во имя уничтоженія всѣхъ правительственныхъ основъ, которыми живетъ наше общество: только-что показала въ міръ эта неспособность, какъ тотчасъ же и была освящена всѣмъ міромъ, и оставаясь безобразно-ложною, совершенно перестала быть вредною, потому что никто ея не принялъ и не приметъ. Такая же участь должна постигнуть и всякую дѣйствительно-ложную и вредную мысль, если она будетъ выведена, какъ говорятъ, на свѣжую воду.

Обнародовано высочайшее повелѣніе объ учрежденіи новороссійскаго университета въ Одессѣ, съ тѣмъ чтобы для этого тамошній рижельскій лицей былъ преобразованъ въ университетъ. Такимъ образомъ вопросъ о выборѣ мѣстности для нашего южнаго университета рѣшился, безъ сомнѣнія къ общему и наибольшему удовольствію края.

Не такъ легко подвигается дѣло петербургскаго университета: объявлено, что въ нѣлѣшнемъ году, кромѣ восточнаго, будетъ открытъ еще одинъ факультетъ — физико-математическій; открытіе же прочихъ факультетовъ отлагается еще на годъ.

Читатель, удостоившій пробѣжать предыдущія страницы, безъ сомнѣнія уразумѣлъ, что послѣ разныхъ тревогъ и опасеній за нестерпимость собственной головы, которымъ по человеческой слабости трудно было на минуту не поддаться, мы уже успѣли возвратиться къ состоянію внутренняго спокойствія, къ надеждамъ и теплымъ ожиданіямъ лучшаго строя нашей жизни. Теперь позвольте

же намъ пооткровенничать, расказать, что первое развлекло насъ отъ тревогъ. Это — случайю попавшееся намъ въ руки «Донесеніе» ревизионной комиссіи, разсматривавшей счеты главнаго общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ за 1860 годъ. Если вы не читали «Донесенія», то можетъ-быть и не повѣрите намъ; но прочтите, и узнаете, что въ немъ есть статьи чрезвычайно занимательныя, занимательныя какъ романы Дюма, какъ сказки «Тысячи-одной ночи» — конечно въ своемъ, совершенно оригинальномъ родѣ. Всячески опасаясь, чтобъ не обременить вашего вниманія, мы покажемъ вамъ только образчикъ этого занимательнаго «Донесенія», не касаясь другихъ частей, требующихъ анализа и соображеній. К чему намъ это? Вѣдь мы съ вами не акціонеры главнаго общества!.. Или вы можетъ-быть акціонеръ? Въ такомъ случаѣ совѣтуемъ вамъ вышкнутъ самимъ во всѣ части «Донесенія». Такъ вотъ — собственно насчетъ занимательности. Есть напримѣръ тамъ статья подъ заглавіемъ: «Врачебная часть». Господа ревизовавшіе, разсмотрѣвъ эту часть, вывели между-прочимъ заключеніе, «что медицинскимъ пособіемъ пользовались преимущественно не рабочіе, а лица, составившія мѣстные начальства и семейства этихъ лицъ.» Но мы непонимаемъ, для чего было высказывать это заключеніе. Вѣдь извѣстно, что русскіе рабочіе люди лечатся медикаментами, большею частью невещественными: если напримѣръ кому изъ нихъ занеможется, то первымъ средствомъ рекомендуютъ — не думать объ этомъ. И иногда, говорятъ, помогаетъ: перестанетъ думать, и *подегчитъ*. Еслиже не полегчить, то пробуютъ пошептать: средство также невещественное; и только уже въ случаѣ неэффективности этихъ мѣръ прибѣгаютъ къ осязаемымъ и цѣннымъ лекарствамъ вродѣ чистаго дегтя, боляги, накидыванія горшковъ и пр. Примѣняясь къ организму русскаго рабочаго, подобнымъ же образомъ дѣйствуютъ и врачи въ нѣкоторыхъ больницахъ: они принимаютъ методъ выжидательный, ожидая дѣйствія природы. И натура случается и дѣлаетъ свое дѣло: въ одномъ случаѣ переломить болягу, въ другомъ благоразумно покорится ей. Такимъ образомъ все совершается по естественнымъ, самую природу предписаннымъ законамъ. Но совсѣмъ иное дѣло — организмъ просвѣщенной администраціи главнаго общества: чѣмъ она просвѣщеннѣе, тѣмъ организмъ ея деликатнѣе образованъ и тѣмъ болѣе требуетъ она за собой ухода и изысканнѣйшихъ врачебныхъ средствъ. Слѣловательно чѣмъ сложнѣе и дороже было леченіе, тѣмъ больше должны радоваться акціонеры, заключая по этому о высокихъ качествахъ организма лицъ, служащихъ имъ обществу. Вотъ напримѣръ занемогъ въ общему дожалтнію г. С. (оставшихъ буквъ, составляю-

щихъ его имя, вѣтъ въ печатномъ «Донесеніи»: можетъ-быть въ наборѣ выпали — это случается; а жаль: г. С. долженъ быть интереснѣйшій для науки субъектъ). Чтожъ вы думаете? Организмъ этого субъекта оказался такого свойства, что потребовалось вдругъ, въ одинъ и тотъ же день, подвергать его дѣйствию десяти и болѣе средствъ: такъ 22 юня 1860 года употреблены имъ: порошокъ на 46 к., микстура 30 к., соль (gulfidre) 3 руб., капли 85 к., синапизмъ 1 р. 26 к., припарки 54 к., мазь 68 к., еще капли 29 к., минеральная вода 1 р. 80 к., еще какое-то «наружное» средство 85 к.; еще капли 30 к., итого на 10 р. 33 коп. 1.. Но что десять рублей! не въ томъ дѣло, а въ томъ — какъ долженъ былъ страдать человекъ. Какото было испытать разомъ на себѣ и въ себѣ дѣйствіе столько цѣлительныхъ сладобевъ! Съ одной стороны мазь, синапизмъ и припарки, съ другой — порошокъ, капли и микстура. Ужасно! Надѣемся также утѣшить и обрадовать акціонеровъ главнаго общества; сказавъ, что въ составѣ администраціи общества былъ г. В., который лечился отпускаемымъ изъ аптеки «вѣномъ», и когда онъ употреблялъ его на 16 руб., то ему и полегчало; г. К. скушалъ пять бутылокъ «малиноваго сиропа» на 10 руб., — тоже полегчало; а когда лечился г. Поле (десятникъ въ Соколѣ) отъ контузіи на рукѣ, то при этомъ одной ваты было употреблено на 11 р. 60 к., а повязка на 5 р. 25 к.

Изъ такихъ-то избранныхъ и улучшеныхъ организмовъ состоитъ администрація главнаго общества; а ревизіонная коммиссія, непринимая этого во вниманіе, пристаётъ съ своими замѣчаніями и выводами. Она не хотѣла даже умолчать о слѣдующемъ; совершенно соответствующемъ свойствамъ означенныхъ организмовъ обстоятельствъ:

«Аптека Штейнера въ Варшавѣ — говоритъ коммиссія — заплачено по счетамъ съ 18 апрѣля по 12 юля и 17 октября по 30 декабря, по такъ-называемымъ бонамъ (bon) доктора Гендера, 299 р. 9 к., въ томъ числѣ за минеральныя воды и заграничныхъ препаратовъ и медикаменты 141 р. 3 к. Последняя сумма состоитъ болышею частью изъ крупныхъ цифръ (отъ 5 до 11 р.); но къ какому именно вѣдѣнью или заграничнымъ медикаментамъ эти крупныя цифры относятся, и для кого воды и медикаменты были протиснаны, — изъ счетовъ не видно, а между тѣмъ счеты эти утверждены.» Чтожъ такое, что утверждены? Не сомнѣваться же въ повеленіи употребленіи медикаментовъ и въ сугубой выгоду отъ того для акціонеровъ главнаго общества!

Такой грубый взглядъ на утонченныя потребности администраціи общества ревизіонная коммиссія выдержала въ своемъ до-

послѣдствіи съ; начало до конца. Даже на одной изъ видѣной страничкѣ у ней достало духу поднять вопросъ о *технической отчетности*, на которой, какъ вы сами можете догадаться, должны потивнуться уже не сотенныя цѣфры, а милліонныя. Такъ скажите, умѣете ли и деловитно ли было поднимать такую грешалу?

«Что касается до технической отчетности, — толкуетъ себѣ комиссія, — т. е. до удостовѣренія, что употребленныя обществомъ суммы на сооруженія соотвѣтствуютъ потребностямъ, то намъ остается лишь повторить мнѣнне предшествующихъ ревизіонныхъ комиссій, т. е. что тогда только годовой отчетъ по сооруженію дорогъ получитъ характеръ совершенной правильности, когда инженерными будутъ представляемы предварительно производств. работъ расчеты, а по окончаніи таковыхъ полная отчетность.

«Въ объясненіи на донесеніе 3-й ревизіонной комиссіи совѣтъ излагаетъ, что для такого порядка въ центральномъ управленіи потребовалось бы учредить обширнѣйшую контрольную часть, польза отъ которой едва ли бы окупила огромный расходъ; притомъ прибавлено, что совѣтомъ сдѣлано все что можно требовать, а именно: производители работъ *ведутъ рабочіе журналы*, которые повѣряются начальниками участковъ, и затѣмъ высшій контроль производится главными инженерами. *Ревизіонной комиссіи рабочихъ журналовъ представлено не было, да ихъ и нѣтъ въ главномъ счетоводствѣ.* На вопросы комиссіи о нѣкоторыхъ подробностяхъ по работамъ счетоводство объяснило, что *для составленія такихъ сельдѣй нужна огромная работа*: значить при представляемой отчетности подробностей нѣтъ.

«Совѣтъ молчаніемъ на отношенія комиссіи по сему предмету подтвердилъ это. Между тѣмъ главные инженеры оставляютъ общество и *получаютъ преміи...*»

.. На этомъ мѣстѣ мы остановились, потомучто намъ подъ ноги попался очень крупный камушекъ. Этотъ камушекъ — выносокъ отъ слова *премія*, слѣдующаго содержанія: «Общая сумма назначенныхъ въ выдѣлѣ премій составляетъ 645,000 руб., изъ которыхъ за настоящее время выдано 85,118 р. 75 к.»

А знаете ли, милостивые государи, какая хорошая вещь эти преміи? Онѣ изобрѣтены конечно въ видахъ особенныхъ выгодъ для акціонеровъ, — выголь, должествующихъ несомнѣнно наслаждаться чрезъ пріобрѣтеніе улучшенныхъ заграничныхъ организацийъ. Мы приведемъ изъ донесенія ревизіонной комиссіи одинъ замѣчательнѣйшій расказъ, заключающій въ себѣ исторію пріобрѣтенія одного изъ такихъ организацийъ. Этотъ расказъ *выстѣпъ съ*

тѣмъ, какъ данъ такое понятіе и о томъ, что такое премія. Вотъ онъ:

«Парижскій комитетъ заключилъ съ г. Энгельманомъ договоръ, одобренный совѣтомъ, управленія въ засѣданіи 29 сентября, 1860 года и состоящій въ слѣдующемъ:

«Г. Энгельманъ обязывается поступить на службу общества въ званіи главнаго инженера вещественнаго состава пути и движущей силы и продолжать службу десять лѣтъ, считая съ 1 октября 1860 г.

«Окладъ, постояннаго жалованья опредѣляется ему въ 6,000 рублей въ годъ,

«Сверхъ того ему будутъ выданы премія: по истеченіи *трехъ* лѣтъ 15,000 руб., по истеченіи *шести* лѣтъ 15,000 р., по истеченіи *десяти* лѣтъ 20,000 руб.

«Онъ будетъ получать квартирныя, суточные и разныя деньги въ размѣрѣ, присвоенномъ главнымъ инженерамъ общества.

«Если г. Энгельманъ, по болѣзни или другимъ независающимъ отъ него причинамъ (*cause de force majeure*) выбудетъ изъ службы общества до наступленія котораго-либо изъ сроковъ для полученія преміи, то ему или наслѣдникамъ его имѣетъ быть выдана изъ преміи по сему сроку часть соотвѣтственная времени выслуги его къ преміи.

«Въ случаѣ увольненія его отъ службы по волѣ общества, ему выдано будетъ вознагражденіе 12,500 руб. *независимо отъ вознагражденій вышепоказанныхъ.*

«Въ случаѣ добровольнаго оставленія службы общества г. Энгельманъ лишается права требовать какую-либо часть незаслуженнаго платежа.»

Послѣднее условіе не слишкомъ ли строго? Отчего же бы кажется не требовать и *незаслуженнаго*?

И теперь скажите: неужели акціонеры общества не забывали отъ радости, когда узнали, что такой человекъ согласился служить имъ обществу? Неужели они не пролили слезъ благодарности къ परिженному комитету и совѣту управленія за приобретение такого необыкновеннаго организма, существа, заключающаго такіа великолудныя условія? Не можетъ быть! Имъ вѣроятно доставило особенное удовольствіе и то, что г. Энгельманъ на ихъ же счетъ перѣбрался изъ Парижа въ Петербургъ и обзавелся здѣсь всѣми необходимыми удобствами, каковымъ благодѣтельная для нихъ операція ободлась имъ, независимо отъ вышепоказанныхъ годовыхъ платежей, всего только въ 2,000 руб. (См. доведеніе комиссіи, стр. 12 и 13.)

Итакъ теперь для васъ должно быть понятно, что такде преміи. Преміи суть крупныхъ размѣровъ суммы, которыя избранные заграничные дѣятели, независимо отъ получаемого ими жалованья, квартирныхъ, суточныхъ, разъѣздныхъ и иныхъ благъ, снисходительно и великодушно берутъ у акціонеровъ главнаго общества собственно за честь, которую они дѣлаютъ имъ своимъ пребываніемъ въ обществѣ. Вотъ эта-то честь и будетъ стоить обществу, какъ мы сейчасъ видѣли, всего только 645,000 руб! Вообще при чтеніи донесенія ревизіонной комиссіи ничто такъ сильно не бросается въ глаза, ничто такъ не ощутительно, какъ смѣлныя черты, характеризующія эти избранные и усовершенствованные организмы; съ ихъ многословными и утонченными потребностями, о которыхъ наши грубо-образованные организмы и не мечтаютъ! Вы видите изъ донесенія, что избранные организмы относятся къ карманамъ акціонеровъ самымъ дружескимъ; даже родственнымъ образомъ, удовлетворяя изъ нихъ самымъ интимнымъ своимъ нуждамъ: случится ли надобность купить чемоданъ, дорожный чемоданъ, постель или другую домашнюю утварь, сдѣлать визиты роднымъ и знакомымъ, дать прислугѣ на водку, перевезти изъ одного мѣста въ другое кого-нибудь изъ домохозяевъ, — на все это берутъ безъ всякой церемоніи сколько слѣдуетъ, не трогая своего, положеннаго за службу жалованья, и это дѣлается такъ миро, непринужденно, съ такой любезной развязностью; на которую способна только одна великая нація, такъ что акціонерамъ, повторяемъ, остается только благодарить за честь, и больше ничего...

Есть въ «Донесеніи» еще одна весьма занимательная статейка; но ея занимательность имѣетъ силу не для всѣхъ, а преимущественно для тѣхъ, до кого дѣло касается. Это — вопросъ о платѣ газетамъ за печатаніе статей. Сущность дѣла въ томъ, что акціонеры платили редакціямъ какихъ-то газетъ деньги за то, чтобы при случаѣ защищать администрацію общества отъ нихъ, акціонеровъ. Видите ли какое это щекотливое дѣло! «Сѣверная Пчела», узнавъ объ немъ, никакъ не можетъ успокоиться и все пристаетъ къ ревизорамъ, «чтобы они разъяснили кто именно получалъ помѣсячную плату за газетныя статьи безъ росписки, чрезъ посредство вполне достойнаго довѣрія лица». Она говоритъ: «Если ревизоры отвесили этотъ расходъ къ числу подлежащихъ утвержденію акціонеровъ, то они обязаны знать, кому именно платились эти деньги. Если же ревизоры знаютъ только, что расходы за напечатаніе статей были разрѣшены совѣтомъ; то этого недостаточно для ихъ утвержденія, и мы обращаемся съ тою же просьбою къ членамъ совѣта: пусть они сообщать печатно, кто получалъ жалованье за газетныя статьи,

на томъ основаніи, что этого требуетъ справедливость, чтобы уничтожить всякое несправедливое подозрѣніе и клевету;»

Любопытно знать, любятся ли «Сѣверная Пчела» жаланнаго разъясненія, выладутъ ли ревизоры или совѣтъ редакціи, подкупленную на акціонерскія деньги? Вы какъ думаете, читатель? Намъ кажется, что не выладутъ, отмолятся; потому что... деньги лаза-лись безъ росписки, чрезъ довѣренное лицо. Дѣло, повторяемъ, весьма щекотливое!. Ну а если выладутъ и докажутъ, — что тогда? какими глазами выданная редація будетъ смотрѣть на божій свѣтъ?

Кстати запишемъ на память: въ «обществѣ разработчи дѣсныхъ матеріаловъ» при ревизіи не досчитались 112,000 руб. Правленіе отказалось разъяснить дѣло, ссылаясь на ошибки въ счетахъ. Ревизоры подали жалобу... Чѣмъ-то кончится!

Всѣмъ за «Донесеніемъ» ревизіонной комиссіи явился другой неменѣ занимательный предметъ, который помогъ намъ окончательно освободиться изъ-подъ вліянія недавнихъ тревогъ и повосста-лѣть такъ, какъ веселѣтъ человекъ, наслаждаясь игрой даровитаго комика. Мы говоримъ о полученномъ заслуженною извѣстности *проектѣ общества по питейному сбору и товариществу для соору-женія желѣзныхъ дорогъ*. Хотя этотъ проектъ по высочайшему повелѣнію рѣшительно отвергнутъ, но такъ какъ въ то же время повелѣно было распубликовать его, и повелѣніе это уже исполнено, то онъ и не умретъ въ потомствѣ,

«Догодѣ роль славныя вселенна будетъ чить!»

онъ внесетъ на страницы исторіи нашей винной промышленности и питейныхъ сборовъ вмѣстѣ съ именами его творцовъ, и будущій потомокъ вѣрно оцѣнитъ ихъ таланты, ихъ любовь къ своему пред-мету, и разберетъ обстоятельства, развившія и укрупнившія въ ихъ сердцахъ эту любовь. Въ самомъ дѣлѣ, *проектъ* этотъ не казалъ-ни-буль бездарная чепуха, а художественное произведеніе людей даровитыхъ, каковыми нельзя же не признать нашихъ «главныхъ от-купщиковъ»; поэтому *проектъ* занимателенъ: читаю его чувствуешь, что имѣешь дѣло съ людьми умными, изучившими свой предметъ, знающими какъ взяться за дѣло и какимъ путемъ идти къ желан-ной цѣли, — людьми, владѣющими даромъ слова, даромъ убѣжде-нія и даже краснорѣчія. Эти несомнѣнныя качества «главныхъ от-купщиковъ» особенно ясно проявились въ прошеніи, при которомъ былъ представленъ проектъ, и въ «соображеніяхъ и объясненіяхъ» его сопровождавшихъ..

«Зачѣмъ же — спросить кто-нибудь — отвергнуть такой досто-инный проектъ?» — А зачѣмъ же было принимать его? Нельзя требо-

вать, чтобы дѣли откупщиковъ непременно совпадали съ дѣлами правительства, а ихъ сердечныя желанія — съ желаніями русскаго народа; на этотъ разъ они не совпади, — проектъ и отвергнутъ. Но онъ расдубликованъ: читайте его, наслаждайтесь краснорѣчіями, издавайте разданія — и довольно. Потомъ онъ сдѣляется достояніемъ потомства и ему также послужитъ въ наиданіе, даже можетъ быть поможетъ характеризовать нашу эпоху,.. Чего же больше? Это важная участь, какой достойно художественное произведеніе гдывныхъ откупщиковъ. Но дѣламъ и желаніямъ ихъ въ самомъ дѣлѣ мудро было совпасть съ дѣлами и желаніями правительства и народа: въ самомъ существѣ проекта есть нѣчто, мѣшающее этому совпадению, и кромѣ того тутъ есть помѣха нравственная, которую откупщикамъ нельзя было увидѣть ясно, такъ какъ никакому человеку нельзя ясно видѣть то мѣсто, на которомъ онъ стоитъ. Съ одной стороны однако откупщики достойны участія: они, видите ли, привидѣлись, что у нихъ есть деньги... небольшія, но все же такія, что съ ними можно кое-что сдѣлать: *шестьдесятъ миллионовъ рублей*; и деньги эти имъ некуда дѣвать. «Въ нынѣшнее время (говорятъ они), въ періодъ всеобщихъ преобразованій, мнимыхъ оудсеній и дѣйствительнаго упадка промышленности, найти такой массѣ денежныхъ средствъ вѣрное помѣщеніе — есть дѣло...» и проч. И отъ этой дѣли ихъ теперь оттолкнули! Бѣдныя!..

«Всѣ лица (изъясняютъ они въ другомъ мѣстѣ), занимающіяся внутреннею и вишнею торговлею, предвидятъ неизбежное разстройство во всѣхъ дѣлахъ, если Россія не ускоритъ сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Всѣ русскія произведенія, привозимыя теперь къ портовымъ городамъ, обходятся, по отдаленности и неудобству путей сообщенія, такъ дорого, что отнискъ ихъ за границу дѣлается невозможнымъ. Дороги нужны *что бы то ни стоило*; безъ нихъ русская отнискная торговля можетъ существовать только въ самые бурнопрошлые годы въ Европѣ, а при среднемъ урожаѣ она совершенно упадетъ, и это паденіе будетъ сопровождаться общими разореніемъ.»

Страшная картина! Ужасное положеніе! Но къ чему же идетъ рѣчь? спрашиваетъ нелогичный и въ высшей степени заинтересованный читатель. Слушайте дальше.

«Страшась такого тяжкаго бѣдствія (продолжаютъ откупщики), мы обратились къ изысканію средствъ для устройства желѣзныхъ дорогъ, и средства эти, съ употребленіемъ въ дѣло нашихъ собственныхъ капиталовъ, видимъ въ *возвышеніи питейнаго налога противъ установленнаго «Положеніемъ 4 іюля 1861».*

При этомъ извѣстiя у насъ руки опускаются и 'какая-то сла-
бость, — признакъ упадка силъ вслѣдствiе отчужденiя, — распро-
страняется по всѣмъ членамъ. Что за напасть! Желѣзные доро-
ги необходимы, «чего бы то ни стоило», — безъ нихъ грозитъ
«тяжкое бѣдствiе общаго разоренiя»; но построить ихъ нѣтъ ино-
го средства, кромѣ возвышенiя питейнаго налога! Страшная диле-
мма: или разорится государство вконецъ, или возвышай пи-
тейный налогъ, — другого выхода нѣтъ. Все наше благосостоянiе,
вся жизнь наша зависитъ отъ питейнаго налога!.. Питейный на-
логъ — единственное спасенiе, послѣдняя надежда Россiи! Да
гдѣ же мы наконецъ? въ какомъ заколдованомъ кругѣ? Куда мы
зашли? до чего дожили?.. Возвышенiе питейнаго налога, «возвы-
шенiе потребленiя вина свыше 45 милiоновъ ведеръ» — вотъ
прямой путь къ спасенiю, указываемый откупщиками! Ней, Русь
православная! больше ней, — и у тебя будутъ желѣзные дороги,
и все закипитъ промышленной жизнью, и ты спасена!.. Пей же,
жилая родина! пей какъ можно больше; а не будешь пить, — не
будетъ желѣзныхъ дорогъ, ничего не будетъ, и ты пропадешь.

Что мѣшаетъ людемъ, у которыхъ съ окончанiемъ откупныхъ
остаются свободными 60 милiоновъ рублей, — что мѣшаетъ имъ
обратить эти милiоны на сооруженiе желѣзныхъ дорогъ, подумать
и позаботиться о возвышенiи питейнаго налога и объ увеличенiи по-
требленiя вина, — этого мы не понимаемъ, можетъ-быть по незна-
нiю всѣхъ тайнъ питейнаго дѣла. Еслибы капиталисты желали
только найти помѣщенiе своимъ капиталамъ, съ вѣрною надеждою
на полученiе съ нихъ 5%, то кажется и думать бы додѣю нечего.
Построена же частнымъ лицомъ петергофская желѣзная дорога, и
вотъ недалеко какъ на дняхъ объявлено данное ей учредителю
разрѣшенiе продолжать ее на свой счетъ до Оранiенбаума и тамъ
устроить морскую пристань. Не можетъ быть, чтобъ эта дорога не
привосила учредителю слѣдующаго на затраченный капиталъ про-
цента, хотя онъ для своего предпрiятiя не полагалъ условiемъ «воз-
вышенiе потребленiя вина». Почему жъ бы капиталистамъ, желаю-
щимъ куда дѣвать свои свободные капиталы, не предпринять соору-
женiя, такими же частными средствами, другихъ линiй, избирая
наивыгоднѣйшiя для промышленности пункты и направленiя? Это-
го мы, — признаемся еще разъ, — не понимаемъ... Тутъ что-то не
такъ; что-нибудь не досказано...

Но зато совершенно понятво душѣ нашей, почему желанiя от-
купщиковъ не сбылись, почему проектъ ихъ, несмотря на общае-
ное имъ спасенiе отъ «тяжкаго бѣдствiя общаго разоренiя», рѣши-
тельно отвергнуто, при общемъ кликѣ какой-то безотчетной разо-

сти. Вотъ этотъ — то кликъ; если онъ дойдетъ до откупщиковъ, долженъ дать имъ уразумѣть ту нравственную помѣху, которую неизбежно долженъ былъ встрѣтить ихъ отличный сочиненный проектъ.

Никто положительно не отвергаетъ возможности будущихъ промышленности затрудненій, а можетъ-быть и разореній; но никто не хочетъ *агентства*, никто не хочетъ вѣрять въ него и въ предлагаемое имъ средство спасенія. «Пусть обѣдѣежь, пусть разорится, — говорятъ русскіе люди, — но не хотимъ вашихъ питейныхъ попеченій, вашихъ великодушныхъ стремленій къ «возвышенію потребленія вина». Пить будемъ мы и безъ васъ, будемъ пить сколько пьется; только вы — то не заботьтесь подталкивать насъ на это дѣло. Мы не вѣривъ въ васъ и въ ваши шѣры; вы сами заставили насъ потерять эту вѣру, — оставьте же насъ!..»

Разорится мы или нѣтъ безъ возвышенія питейнаго налога, а только нельзя не замѣтить развивающейся въ настоящее время замашки запугивать публику всякими ужасами. Ужь не въ первый разъ, какъ это знаютъ читатели, мечется намъ въ глаза эта замашка; откуда же она берется? Впрочемъ тутъ, у гг. откупщиковъ, она еще понятна: у нихъ она объясняется обширностью плана съ блестящими надеждами; а въ другихъ случаяхъ не придумаешь и побужденія къ запугиванію; кромѣ безкорыстной охоты, происходящей можетъ-быть отъ особенной юркости характера.

Московскіе купцы и фабриканты повидимому не разделяютъ безотраднaго взгляда откупщиковъ, и изыскивая иные пути къ устрaненію «тяжкаго обѣдствія», остановились кажется на давно-сознанной необходимости возвысить обработку нашихъ произведеній. Чтобы подвинуться къ этой цѣли, они рѣшились прибѣгнуть къ поощреніямъ посредствомъ премій, и установили преміи «въ ознаменованіе пятидесятилѣтія службы бывшаго министра финансовъ дѣйств. ст. сов. А. М. Княжевича». Составили они капиталъ, изъ процентовъ съ котораго будутъ выдавать преміи, и опубликовали задачи на соисканіе этихъ премій — двѣ на 1863 годъ и по одной на 1864, 1865, 1866 и 1867 г. Послушаемъ, въ чемъ состоятъ эти задачи.

На 1863 годъ: 1) По *торфяной промышленности* — за устройство въ Россіи заведенія для приготовленія улучшеннаго, плотнаго, крѣпкаго и сухого торфа, какъ топлива.

2) По *смологонному производству* и обработкѣ продуктовъ, получаемыхъ изъ дерева — за введеніе усовершенствованныхъ экономическихъ способовъ обугливанія дерева; за полученіе и обработку продуктовъ, особенно же свѣтлой канифоли и очищеннаго скипида-

ра, которыми сдвигается дынь сѣверная Америка в Швеція, вытѣсняются наши продукты сухой перегонки съ заграничныхъ рынковъ.

На 1864 годъ: за улучшения въ первоначальной обработкѣ дѣла, какъ матерьяла чредаильнаго,

На 1865 годъ; за улучшения и удешевленія русскаго пивовареннаго дѣла (за выдѣлку изъ русскаго хмѣля хорошаго пива менѣе 50,000 ведеръ, при оптовой цѣнѣ не больше 70 к. за ведро, безъ акциза).

На 1866 годъ: за разведеніе улучшенныхъ породъ хлопчатника по рѣкѣ Сыръ-Дарья и въ Кавказскомъ краѣ.

На 1867 годъ: за введеніе новѣйшихъ усовершенствованій въ дѣлѣ кожесеканнаго производства, — за примѣненіе выгоднаго ускореннаго способа дубленія, за примѣненіе дешовѣхъ суррогатовъ дубля и т. д.

Что еслибы всѣ названныя ядѣсь отрасли промышленности, по мощному зову московскихъ купцовъ и фабрикантовъ, быстро двинулись впередъ и скоро, на нашихъ глазахъ, достигли бы той степени соперничества, какаѣ только возможны при нынѣшнемъ состояніи науки? Случись такое дѣло — и мы были бы можетъ-быть инѣ всѣхъ областей, вопреки здвугивающимъ откупщикамъ. Но достаточно ли мощенъ зовъ московскихъ промышленниковъ? О, да!.. Объ этомъ уже замѣтили нѣкоторые журналы; замѣтимъ и мы, поднявъ сколько возможно голосъ: собрано капитала 15,870 рублей, съ которыхъ 5% составляютъ 793 р. 50 к. Сею послѣднею суммою предполагается поощрять и двинуть впередъ каждое изъ упомянутыхъ производствъ... Не говорите пока никому объ этомъ, читатель. Мы и сами расхаживаемъ, что выболтали вамъ такое можно сказать громовое дѣло, — да ужъ такъ тому и быть! нехочется очеркивать написаннаго.

Между тѣмъ Москва, какъ вы можетъ-быть слышали, въ нынѣшнемъ году съ новостью, имѣющею для ея общественныхъ дѣлъ огромную важность, вносящею въ эти дѣла новую жизнь, это... да въ крайше утвержденное 20 марта новое положеніе объ общественномъ управленіи Москвы. Оно составлено по образцу дѣйствующаго съ 1847 г. петербургскаго положенія, съ нѣкоторыми измѣненіями (въ тѣхъ частяхъ, которыя, по обыту въ Петербургѣ, требовали измѣненія). Сущность преобразования состоитъ въ томъ, что городское управленіе, состоявшее до сихъ поръ изъ однихъ податныхъ сословій (купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ), составляется по новому Положенію изъ лицъ, собираемыхъ по опредѣленному и равному ядслу изъ всѣхъ сословій, на основаніи ценза. Стало-быть значеніе преобразования, расширяющаго видѣствъ съ тѣмъ кругъ дѣйствій со-

родского управленія, состоитъ въ томъ, что управленію этому, прежде бесмысленному, неимѣющему достаточнаго авторитета въ глазахъ всѣхъ обывателей, придается теперь новая жизненная сила; при этомъ и выборное начало, прежде существовавшее почти только по имени, принимаетъ правильную форму и должно зрѣло существовать во всей своей силѣ на дѣлѣ. Вотъ главнѣйшія черты новаго управленія:

1) Всѣ совершеннолѣтніе обыватели, владѣющіе въ Москвѣ не менѣе двухъ лѣтъ недвижимою собственностью, приносящую годового дохода не менѣе 100 рублей, а торговые люди, имѣющіе денежные капиталы или товары, такой же доходъ приносящіе, пользуются правомъ голоса при избраніи *выборныхъ* городского общества (если они не лишены этого права по закону).

2) Выборные избираются на три года, по 100 человекъ отъ каждаго изъ слѣдующихъ пяти сословій или отдѣленій городского общества: къ первому сословію принадлежатъ потомственные дворяне; ко второму личныя дворяне, почетные граждане, въ гильдію незаписанные, духовенство, иностранцы и другіе званій лица, не принадлежащіе къ купеческому и податнымъ сословіямъ; къ третьему купцы; къ четвертому мѣщане; къ пятому ремесленники.

3) Выборные избираютъ городского голову и дѣла въ всѣхъ городских общественныхъ должностяхъ, безъ различія сословій. Избираемый въ головы долженъ имѣть недвижимую собственность въ 15,000 рублей, а въ сословные старшины и ихъ товарищи — въ 6,000 рублей.

4) Всѣ предметы общественнаго управленія и городского хозяйства подлежатъ наблюденію и свободному обсужденію *общей думы*, составленной изъ *членовъ* отъ каждаго изъ пяти сословій по 35 человекъ, а изъ старшины и ея товарища въ каждомъ сословіи, подлѣ предсѣдательствомъ городского головы. Общей думѣ, какъ главному городскому общественному учрежденію, принадлежатъ вся инициатива въ дѣлахъ городского хозяйства и постановленіе общественныхъ о нихъ приговоровъ.

5) Приговоры общей думы, исполняетъ или даетъ имъ дальнѣйшій ходъ *распорядительная дума*, въ которой, также подлѣ предсѣдательствомъ городского головы, присутствуютъ отъ каждаго изъ пяти сословій по два гласныхъ. Въ распорядительной думѣ можетъ присутствовать гражданскій губернаторъ и подписывать ея журналы. Жалобы на распорядительную думу приносятся первому департаменту правительствующаго сената. Мѣстамъ губернскимъ она не подчиняется.

Въ одной газетѣ, по поводу этихъ основныхъ чертъ новаго положенія; замѣчается важность права, данного каждому сословію; избирать въ предоставленные ему выборы должности лицъ всѣхъ сословій; такъ какъ съдѣствиемъ этой свободы избранія должно быть сближеніе сословій. «Въ послѣднее время (прибавлено тамъ же) много было говорено и писано съ одной стороны за замкнутость сословій, съ другой — за ихъ сліяніе; но намъ кажется, что золотая середина въ этомъ случаѣ есть именно сближеніе, которое должно рѣшить сословный вопросъ жизненнымъ путемъ.»

А какъ же иначе? Незнаю какія мысли и соображенія рождались въ умудренныхъ наукою умахъ, доказывавшихъ великую пользу замкнутости; но тѣ, которые стояли за «слияніе», конечно никакъ не рассчитывали перескочить черезъ «сближеніе» и совершить «слияніе» вдругъ, съ помощью военной команды или инымъ подобнымъ способомъ, помимо «жизненного пути».

Итакъ новое положеніе есть великое благо для Москвы: оно открываетъ всѣмъ ея обывателямъ широкое поле общественной дѣятельности; и имъ остается только пользоваться данными правами и учиться разумной общественной дѣятельности. Но вотъ что недавно узнали мы изъ «Сѣверной Почты». Въ Москвѣ назначены были отдѣльные выборы оцѣнщиковъ въ комиссію для переоцѣнки домовъ, отъ домовладѣльцевъ: 1) дворянъ и почетныхъ гражданъ, записанныхъ въ гильдію, и купцовъ всѣхъ трехъ гильдій. Въ выборахъ должны участвовать *все* домовладѣльцы. Въ назначенные дни явилось на выборы дворянъ и почетныхъ гражданъ 38, торгующихъ почетныхъ гражданъ и купцовъ 46... Какъ! во всей Москвѣ — 84 домовладѣльца! Эти цѣфоры (прибавляетъ «Сѣверная Почта») такъ краснорѣчиво говорятъ сами са себя, что мы не считаемъ нужнымъ прибавлять къ нимъ ни единого слова. По незначительности числа избирателей, явившихся въ первый назначенный срокъ, выборы отложены до другого срока, конечно для пользы самихъ домовладѣльцевъ; которые, въ случаѣ состоятельности выборовъ, безъ сомнѣнія непременно бы сѣтовали на оцѣночную комиссію, еслибъ она дурно исполнила свое дѣло.»

«Сѣверная Почта» не считаетъ нужнымъ прибавлять ни единого слова; но мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько словъ. Намъ просто не вѣрится, чтобы московскіе домовладѣльцы не хотѣли прийти выбирать людей, добросовѣстность и толковитость которыхъ для нихъ такъ нужна и важна, — людей, долженствующихъ цѣнить ихъ имущество. Въдѣ это была бы такая безпечность, такая повальная распушенность, что изъ рукъ вонъ... Да были ли они всѣ подлежащимъ образомъ и заблаговременно оповѣщены о днѣ выбо-

ровъ? Требуется, чтобы явились ~~идеи~~ безъ исключенія — конечно невозможно; но — восемьдесятъ-четыре человека со всей Москвы! Нѣтъ, мы рѣшительно не хотимъ полагаться на одно краснорѣчіе цифръ, а скорѣе предположимъ, что невзяка на выборы произошла отъ какой-нибудь случайной причины, наирѣзвѣе неясной публікаціи, сдѣланной за слишкомъ короткій срокъ передъ назначеннымъ днемъ. Но если мы ошибаемся въ нашемъ предположеніи, если не было другой причины, кромѣ мѣстной беззаботности, то остается повторить, что московскимъ обывателямъ нужно учиться разумной общественной дѣятельности.

Новое положеніе, о которомъ мы сейчасъ говорили, какъ важное для Москвы событіе, должно было произвести и безъ сомнѣнія произведо тамъ общее олушевленіе. Причемъ, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, не обошлось безъ исторійки, напоминающей о слабости человѣческой природы. Поднялся великій споръ о томъ, кому рекомендоваться потомству въ качествѣ творца первоначальной мысли о преобразованіи московскаго городского управленія. Г. Лонгиновъ совсѣмъ расположился было исполнить это отъ своего имени; такъ нѣтъ! нашлись завистники, подняли гвалтъ, выставили впереди столько старѣйшихъ кандидатовъ на то-же званіе творцовъ мысли, что оттерли г. Лонгинова далеко назадъ. Мы слушали-слушали згуть споръ, да и рукой махнули: не понимаемъ, кому могъ помѣшать г. Лонгиновъ своими приготовлениями рекомендоваться потомству? Кому могло повредить его невинное удовольствіе? Потомству? — Пожалуста не беспокойтесь: потомство совсѣмъ не такъ просто; оно вовсе не такъ довѣрчиво и легковѣрно, какъ современники. Оно доберется до правды; его не увлечешь никакими увѣреніями...

Потомство!.. Ужасно мудрено угадать мысли и взгляды потомства! Кто знаетъ какъ оно посмотритъ на г. Лонгинова, на его противниковъ, на весь этотъ великій споръ, да и на всѣхъ насъ, гордыхъ своимъ временемъ, своею жизнью, безпокойно-дѣятельной эпохой? Намъ кажется, что оно остановится на этой эпохѣ съ любовью и уваженіемъ; но вѣдь намъ и не можетъ казаться иначе. И г. Лонгинову вѣроятно кажется, что потомство изъавитъ ему свое совершенное почтеніе, а кто знаетъ? можетъ-быть у потомства обратится такой странный взглядъ, что оно найдетъ въ г. Лонгиновѣ, по поводу означенной исторійки, одно дѣтское желаніе покрасоваться передъ нимъ въ мундирѣ начинателя преобразованія, а только улыбнется. Все можетъ быть; недаромъ говорятъ, что времена перекладывы. Оглядитесь-ко на тѣ времена, когда жили люди, потомство которыхъ мы составляемъ; вслушайтесь въ тогдашнія дѣла,

Какъ они непохожи на выписки!.. Въ № 31 «Сиб. Вѣдомостей» за 1740 годъ, подъ рубрикой: «Для извѣстiя» было напечатано слѣдующее:

«Понеже московская вѣдомостная экспедиція за многія чужестранныя и сибирскія газеты вѣскольکو сотъ рублей вѣдомостныхъ денегъ за многіе годы съ должникоу посылъ не выбрала, которыя сей долгъ отъ одного году до другого платитъ хоти и обещали, только въ самомъ дѣлѣ весьма немногіе сіе учинили, и какъ упомянутая вѣдомостная экспедиція сего недобору далѣе ждать, а уже толь менѣе онаго долгу потерать не можетъ: того ради гг. братьямъ вѣдомостей съ дружескою просьбою чрезъ сіе напоминаетса, дабы они вѣдомостные свои долги безъ замедленія пожаловала заплатили, а въ принужденнымъ на свои жалобы причины не подавали.»

Что, скажите: вѣроятно такое объявленіе въ наше время? Сличить бы его съ нынѣшними объявленіями! Сличимъ!

«Предостереженіе. Прочитавъ въ журналѣ «Развлеченіе», 3 объявленіе объ изданіи въ 1862 году ноября 1861 года, дамского журнала «Заря», я отаравилъ 9 декабря *десять рублей серебромъ* въ контору редакціи этого журнала у Мясницкихъ воротъ въ домѣ г-ни Арсеневой, бывшей князя Дадіанъ. Деньги эти вѣроятно получены, потому что обратеніе мнѣ не высылалось; но журнала «Заря» я до сего времени не получаю. 24 февраля текущаго года я письменно напомнилъ редакціи «Заря» о высылкѣ мнѣ журнала, но она до сихъ поръ не расудила удовлетворить меня и даже не удостоила отвѣтомъ. Да послушать это предостереженіемъ для другихъ охотниковъ до дамскихъ журналовъ! И. Поэтниковъ.» («М. Вѣд.» № 99).

Или — къ редактору:

«Вотъ уже годъ, какъ я изъявилъ желаніе быть подписчикомъ на «Юридическій журналъ», издаваемый подъ вашею редакціею. Основываясь на объявленіи ваши условіи о подпискѣ, 13 марта прошлаго года я послалъ изъ Иркутска тринадцать руб. сер. въ редакцію нашего журнала. Но до сихъ поръ не только не получилъ ни одной книжки журнала, но даже и отвѣта на мое писмо. Но отослать денегъ, прождавъ семь мѣсяцевъ, я рѣшился посылить писемъ отъ 5 октября напомнить вамъ объ удовлетвореніи моей просьбы. Но вотъ и еще пять мѣсяцевъ, а все такъ же упрямъ дѣлется ваше молчаніе, и я по многимъ причинамъ начинаю думать, что ему и конца не будетъ.»

«Непозволяя себѣ входить въ разясненіе причинъ, побуждающихъ васъ отказать отъ того обязательства, которое вы приняли на себя передъ публикою, какъ редакторъ журнала, я не жалею

Однако, чтобъ деньги мои пропали безъ всякой уважительной причины, и потому покорнѣйше прошу васъ, и. г., передать эти тринадцать руб. сер. въ общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которому и доставлена живую росписка иркутской почтовой конторы объ отправкѣ къ вамъ этихъ денегъ, съ просьбою востребовать ихъ отъ васъ законнымъ путемъ. Если общество рѣшитъ подарить эти деньги вамъ, то мнѣ останется только увѣрить васъ въ совершенной готовности быть вамъ полезнымъ.» Подписалъ А. Усольцевъ. (Тамъ же, № 97.)

Сличили. Что оказалось? Совершенно одинаковая деликатность и вѣжливость тогда и теперь. Вы можетъ-быть прибавите, что теперь слогъ сталъ замѣтно лучше? Такъ; но мы кромѣ того находимъ, что съ тѣхъ поръ миръ перевернулся на другой бокъ: прежде издатели плакались на «братель вѣдомостей», теперь братели плачутся на издателей. Слѣдуетъ заключить, что прежде братели, по-нынѣшнему подписчики, были крѣпки своею неполатливостью и господствовали надъ издателями; теперь издатели покорили своему господству подписчиковъ и тиранствуютъ надъ ними; прежде издатели вѣрили подписчикамъ и высылали имъ «вѣдомости» въ долгъ за «многіе годы», такъ что потомъ вѣдомостная экспедиція и выбрать этихъ долговъ не могла; нынѣ подписчики вѣрятъ издателямъ и высылаютъ имъ впередъ деньги, а потомъ теряютъ надежду не только получать «вѣдомости», но и «выбрать» назадъ свои рубли. Такимъ образомъ втеченіе ста-двадцати лѣтъ все перевернулось наизнанку. Чтоже мѣшаетъ намъ заключить отъ прошедшаго къ будущему? Теперь изобрѣтатели новыхъ мыслей высоко цѣнятъ себя по достоинству и надѣются, что современники и потомство сочтутъ долгомъ преклонить предъ ними колѣни; а можетъ-быть настанутъ такіа времена, что изобрѣтатель будетъ стоять предъ современниками на колѣняхъ, прося прощенья за родившуюся у него въ головѣ мысль... Оно странно, читатель, даже дико; но почему мы знаемъ что именно нашему потомству будетъ казаться страннымъ и дикимъ? Можетъ-быть когда-нибудь новыя мысли сдѣлаются такъ обыкновенны, что и настоящіе ихъ изобрѣтатели весьма подешевѣютъ, а сколько-нибудь сомнительные претенденты на званіе изобрѣтателей — просто надоѣдаютъ, опошлятся и опротивяютъ.

Заключимъ же послѣднимъ правоченіемъ. Всѣ, имѣющіе у себя настоящія новыя мысли, съ ясными на новостъ и на принадлежность ихъ доказательствами, должны всячески снѣшить (невнимая на завистникамъ, ни охотникамъ запугивать ближнихъ) предъявлять свои мысли и права на нихъ міру, чтобы успѣть воспользоваться

уваженіемъ и любовью современниковъ и получить документъ на таковыя же уваженіе и любовь со стороны потомства. Тотъ же, кто замышляетъ предъявить претензію на изобрѣтеніе мысли, надлежащими доказательствами неподкрѣпленную, — удержиись и раздумай: стоитъ ли поднимать дѣдо въ виду могущаго современіемъ послѣдовать измѣненія взглядовъ, въ силу которыхъ подобныя претензіи будутъ всѣмъ честнымъ міромъ осмѣиваемы и — чего добраго — презираемы?

СОДЕРЖАНІЕ

І Ю Н Ъ . № 6

Праздныя люди. (Эпиграма.) Ф. Стулца	5
Воспоминанія и размышленія. Евгени Туръ	45
Спасибо, добрая моя!.. Стих. В. В. Киветовскаго	68
Лекція изъ средней исторіи Т. Н. Грановскаго. Глава IV. Алуецъ. Тверскій. Калигула. Кладій. Неронъ	75
Три сцены изъ мѣщанской жизни. Н. Г.	99
Пѣвецъ Кубры или графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ. (Психологическій очеркъ.) Е. Кодвасина	139
Естественно-историческій методъ въ философіи. (По Тэню.) Статья В. Фла	182
Семейство Монсовъ. (Очеркъ изъ русской исторіи) Статья послѣдняя. Глава VIII. Предъ розыскомъ. — Глава IX. Розыскъ. — Глава X. Казнь камергера Монса. — Глава XI. Смерть императора Петра. Михаила Семевскаго.	203
Законы о печати. Статья вторая.	284
Весна. Стих А. Апухтина.	305
Воспоминанія бѣглеца. (Очерки американскихъ нравовъ.) Соч. Гильдрета (Въ особомъ приложеніи.)	1

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Плоды ученаго педантизма. Какъ бываетъ и какъ быть могло-бъ. Педагогическія мысли Федора Кестнера.	1
О значеніи Бокля. «Исторія цивилизаціи въ Англіи».	18
О судѣ по преступленіямъ противъ законовъ печати. (По поводу одной журнальной статьи.) Теачева.	40

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Франція. — Австрія.	1
Турецкія дѣла. — Финансовое положеніе Турціи. — Черногорская война. — Бомбардированіе Бѣиграда. — Начало байрама.	6
Итальянскія дѣла. — Канонизація японскихъ мучениковъ. — Рѣчь папы. — Адресъ епископовъ. — Оtvѣтъ на него итальянскаго парламента. — Пренія объ арестѣ волонтеровъ. — Желѣзныя дороги.	15
Прусскія дѣла. — Пренія объ адресѣ и оправданіи министерства.	23
Дѣла въ Соединенныхъ-Штатахъ — Успѣхи свободныхъ войскъ.	30
Мексиканскія дѣла. — Несогласія между Испанією, Англією и Францією по мексиканскому вопросу. — Внутреннее положеніе Мексики. — Неудачи французовъ.	35
Последнія извѣстія.	42

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Впечатлѣнія, произведенныя на Петербургъ пожарами. — Погибшая соврѣшница. — Мѣры противъ пожаровъ и другія правительственныя распоряженія. — Прекращеніе изданія двухъ журналовъ. — Способы противъ вторженія ложныхъ идей. — Новороссійскій университетъ. — Занимательность донесенія одной ревизіонной комиссіи и одной крупной недочѣтъ. — Другой занимательный предметъ по питейно-дорожной части. — Московское поощреніе отечественной промышленности. — Преобразованіе московскаго городского управленія. — Сличеніе прошедшаго съ настоящимъ и настоящаго съ будущимъ: отношенія издателей къ подписчикамъ и обратно; отношенія изобрѣтателей мыслей къ современникамъ и потомству и обратно. 43

DEC 19 1939



